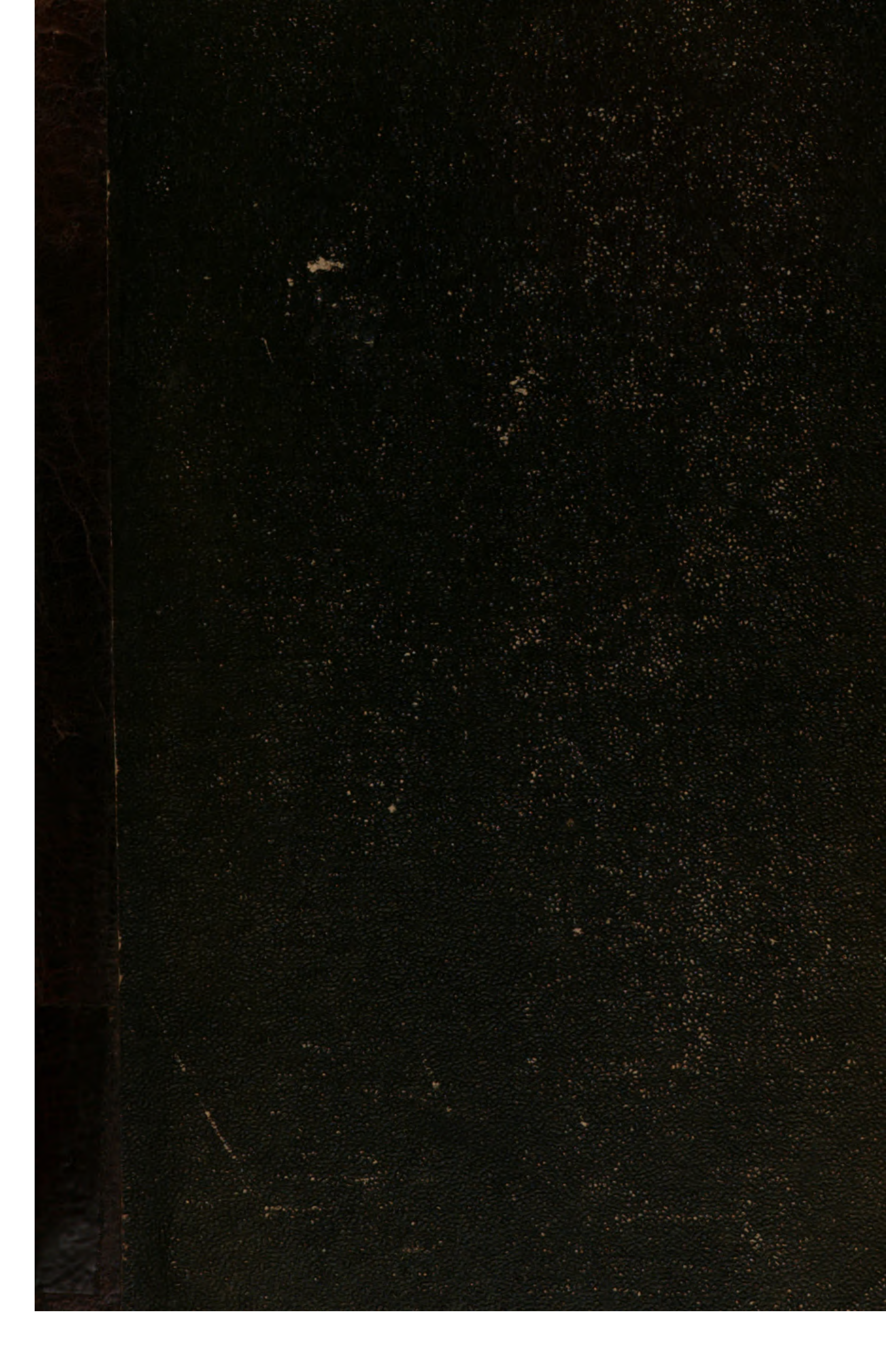

Годъ IX-й. № 6-й.

МIРЪ БОЖIЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНIЯ.

I Ю Н Ь

1900 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографiя И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1900.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

стр.

1. АНТРОПОЛОГИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ. Проф. А. Ө. Брандта. . . 1
2. СТИХОТВОРЕНІЕ. МЕЧТА. А. Колтоновскаго. 18
3. НА КАНИКУЛАХЪ. Очеркъ изъ жизни города Нижнепропадинска. Н. А. Тана. 19
4. ИБСЕНЪ И ЭПИЛОГЪ ЕГО ДРАМЪ. (По поводу послѣдней драмы «Wenn wir, Todten, erwachen»). Д-ра Макса Адлера. Переводъ съ нѣмецкаго С. Гольдштейна 61
5. БЕЗДОМНЫЕ. Повѣсть Стефана Жеромскаго. Переводъ съ польскаго М. Троповской. (Продолженіе). 77
6. СТИХОТВОРЕНІЕ. ***. П. Тулуба. 111
7. БОРЬБА СЪ БЕЗРАБОТИЦЕЙ ВЪ ШВЕЙЦАРІИ. Проф. Н. Райхесберга. (Окончаніе). 112
8. ВОСКРЕСШІЕ БОГИ. ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ. Романъ. Д. С. Мережковскаго. (Продолженіе) 131
9. СТИХОТВОРЕНІЕ. ВЪ ЗНОЙНЫЙ ПОЛДЕНЬ. В. Войнова. . 196
10. АЛЬПІЙСКІЕ ЛЕДНИКИ. Прив.-доц. Николая Иванцова. (Окончаніе). 197
11. МИЛОСЕРДІЕ. Романъ Уилльяма Д. Гоуэллса. Перев. съ англ. С. А. Гулишамбаровой. (Продолженіе). 215
12. СТИХОТВОРЕНІЕ. ЛѢСНАЯ СКАЗКА. А. Колтоновскаго. . . 242
13. СЕСИЛЬ РОДСЪ. (Біографическій очеркъ). Э. Пименовой. . 244
14. СТИХОТВОРЕНІЕ. УЛИЧНАЯ ТОРГОВКА. Изъ «Лондонскихъ идиллій». Томаса Эши. О. Чюминой. 264

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ

15. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ «Еврейскіе силуэты», разсказы русскихъ и польскихъ писателей.—Еврей въ русской и польской беллетристикѣ. — Различное отношеніе къ еврею въ обѣихъ литературахъ.— Сентиментализмъ польской и реализмъ русской литературы. — Лучшіе разсказы настоящаго сборника.—«Повѣсти и разсказы» г. Тимковскаго.—Его повѣсть изъ гимназической жизни «Сергѣй Шумовъ». — Сравненіе «Бурсы» Помяловскаго съ современной гимназіей.—«Полное собраніе сочиненій Бѣлинскаго», изданіе С. А. Венгерова, т. I.— Библіографическая полнота изданія. — «Дмитрій Калининъ», драма Бѣлинскаго.—«Литературныя мечтанія». А. Б. 1
16. ГУМАНИСТЪ-АКАДЕМИКЪ. Памяти Леонида Николаевича Майкова. Ө. Батюшкова. 13
17. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. На родинѣ. Къ вопросу о реорганизаціи земскаго представительства. — Изъ жизни нашихъ ученыхъ обществъ.—Россійское Общество защиты женщинъ.—Убійство

Годъ IX-й. № 6-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

ІЮНЬ

1900 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1900.

Дозволено цензурою 26-го мая 1900 года. С.-Петербургъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

стр.
1. АНТРОПОЛОГИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ. Проф. А. Ѳ. Брандта . . . 1
2. СТИХОТВОРЕНІЕ. МЕЧТА. А. Колтоновскаго. 18
3. НА КАНИКУЛАХЪ. Очеркъ изъ жизни города Нижнепропадинска. Н. А. Тана. 19
4. ИБСЕНЪ И ЭПИЛОГЪ ЕГО ДРАМЪ. (По поводу послѣдней драмы «Wenn wir, Todten, erwachen»). Д-ра Макса Адлера. Переводъ съ нѣмецкаго С. Гольдштейна 61
5. БЕЗДОМНЫЕ. Повѣсть Стефана Жеромскаго. Переводъ съ польскаго М. Троповской. (Продолженіе). 77
6. СТИХОТВОРЕНІЕ. * * *. П. Тулуба. 111
7. БОРЬБА СЪ БЕЗРАБОТИЦЕЙ ВЪ ШВЕЙЦАРІИ. Проф. Н. Райхесберга. (Окончаніе). 112
8. ВОСКРЕСШІЕ БОГИ. ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ. Романъ. Д. С. Мережковскаго. (Продолженіе) 131
9. СТИХОТВОРЕНІЕ. ВЪ ЗНОЙНЫЙ ПОЛДЕНЬ. В. Войнова. . 196
10. АЛЬПІЙСКІЕ ЛЕДНИКИ. Прив.-доц. Николая Иванцова. (Окончаніе). 197
11. МИЛОСЕРДІЕ. Романъ Уилльяма Д. Гоуэллса. Перев. съ англ. С. А. Гулишамбаровой. (Продолженіе). 215
12. СТИХОТВОРЕНІЕ. ЛѢСНАЯ СКАЗКА. А. Колтоновскаго. . . 242
13. СЕСИЛЬ РОДСЪ. (Біографическій очеркъ). Э. Пименовой. . 244
14. СТИХОТВОРЕНІЕ. УЛИЧНАЯ ТОРГОВКА. Изъ «Лондонскихъ идиллій». Томаса Эши. О. Чюминой. 264

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

15. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. «Еврейскіе силуэты», разсказы русскихъ и польскихъ писателей.—Евреи въ русской и польской беллетристикѣ. — Различное отношеніе къ еврею въ обѣихъ литературахъ.— Сентиментализмъ польской и реализмъ русской литературы. — Лучшіе разсказы настоящаго сборника.—«Повѣсти и разсказы» г. Тимковскаго.—Его повѣсть изъ гимназической жизни «Сергѣй Шумовъ». — Сравненіе «Бурсы» Помяловскаго съ современной гимназіей.—«Полное собраніе сочиненій Бѣлинскаго», изданіе С. А. Венгерова, т. I.— Библіографическая полнота изданія. — «Дмитрій Калининъ», драма Бѣлинскаго.—«Литературныя мечтанія». А. Б. 1
16. ГУМАНИСТЪ-АКАДЕМИКЪ. Памяти Леонида Николаевича Майкова. Ѳ. Батюшкова. 13
17. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. На родинѣ. Къ вопросу о реорганизаціи земскаго представительства. — Изъ жизни нашихъ ученыхъ обществъ.—Россійское Общество защиты женщинъ.—Убійство

стр.
корреспондента. — Рабочіе на нефтяныхъ заводахъ и промыслахъ. — Открытіе женскихъ сельскохозяйственныхъ курсовъ въ Москвѣ. — Окраинныя юридическія консультаціи въ Петербургѣ. 20
18. КАРТИНА КУСТАРНАГО ПРОИЗВОДСТВА ВЪ СЕЛѢ ЧЕРКИЗОВѢ, МОСКОВСКАГО УѢЗДА. (Личныя наблюденія). П. Бѣлова 30
19. Изъ русскихъ журналовъ. «Вѣстникъ Европы». — «Русская Мысль».—«Русское Богатство».—«Историческій Вѣстникъ». . 35
20. За границей. Законъ Гейнце, Гётевскій союзъ (Goethe Bund) и другія событія германской общественной жизни. — Театръ мистерій въ Обераммергау.—Общество помощи рыбакамъ.— Уступка требованіямъ времени въ Австріи. — Оомъ Поль.— Неудачный кандидатъ. 45
21. Изъ иностранныхъ журналовъ. «The Forum».—«Nineteenth Century».—«Nuova Antologia».—«Revue des Revues». 58
22. ПОТРЕБИТЕЛЬНЫЯ ОБЩЕСТВА ВЪ БЕЛЬГІИ. В. Тотоміанца. 63
23. НАЦІОНАЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ ВЪ ШВЕЙЦАРІИ. Г. Касперовичъ. 72
24. НАУЧНАЯ ХРОНИКА. Медицина. Новыя попытки лѣченія туберкулеза. — Зоологія. Пауки, живущіе въ сообществѣ. — Физіологія. Механизмъ старости и смерти нервныхъ клѣтокъ.— Ботаника. О вліяніи свѣта на растенія. Д. Н. — Географія и путешествія. 1) О гулѣ при землетрясеніяхъ. 2) Первое путешествіе черезъ всю Африку съ юга на сѣверъ. — Техника. 1) Экономическій способъ сжиженія воздуха. 2) «Центробѣжная» желѣзная дорога. Н. М. — Астрономическія извѣстія. К. Покровскаго. 76
25. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Критика и исторія литературы.—Публицистика. — Юридическія науки. — Соціологія. — Философія и психологія. — Естествознаніе. — Народныя изданія. — Новыя книги, поступившія въ редакцію. 91
26. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. 120

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

27. ЭЛЕОНОРА. Романъ миссисъ Гёмфри Уордъ. Перев. съ англ. 71
28. УМСТВЕННЫЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЯ ТЕЧЕНІЯ ДЕВЯТНАДЦАТАГО СТОЛѢТІЯ. Теобальда Циглера. Перев. съ нѣм. подъ редакціей П. Милюкова. 105
29. ТРАНСФОРМИЗМЪ И ДАРВИНИЗМЪ. Эрнста Геккеля. Переводъ съ девятаго нѣмецкаго изданія В. Вихерскаго 95

АНТРОПОЛОГИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ *).

Проф. А. Ѳ. Брандта.

Глава I.

Пропорціональность человѣческаго тѣла.

«Ничто не производитъ впечатлѣнія столь отраднаго и гармоническаго, какъ идеальный человѣческій образъ». Этими словами *Ранке* начинаетъ соотвѣтственную главу своего сочиненія о человѣкѣ. Идеальный человѣческій образъ воплощенъ еще въ твореніяхъ античнаго міра. *Винкельманъ*, признаваемый многими за основателя научной археологіи и исторіи древняго искусства, восторженно восклицаетъ: «изо всѣхъ уцѣлѣвшихъ твореній древности ватиканская статуя Аполлона является высшимъ идеаломъ художества. Она настолько же превосходитъ всѣ прочія его изображенія, насколько Аполлонъ Гомера превосходитъ живописуемыхъ остальными поэтами. Его ростъ высится надъ человѣческимъ, его осанка свидѣтельствуетъ о внутреннемъ величіи. Вѣчная весна блаженнаго Элизіума легла на мужественную прелесть зрѣлаго возраста и нѣжно играетъ на гордомъ зданіи его членовъ». Не станемъ придираться къ эстетику за нѣкоторую вычурность его восторговъ. Наравнѣ съ идеаломъ добра человѣку дано воодушевляться и идеаломъ красоты, а чѣмъ переполнена впечатлительная душа, то невольно выливается и въ прочувствованную рѣчь. Въ этомъ нѣтъ бѣды, лишь бы рядомъ съ изліяніемъ восторговъ шелъ и критическій анализъ, и онъ менѣе всего чуждъ тому же *Винкельману*. Наша задача—по мѣрѣ возможности уловить въ настоящемъ очеркѣ этотъ идеалъ человѣческой красоты, постараться его опредѣлить и научно обосновать.

Само по себѣ ясно, что идеальное сложеніе человѣческаго тѣла должно быть основано на извѣстнаго рода соразмѣрности или пропорціональности частей; но какой именно? Вотъ въ чемъ вопросъ.

Еще въ глубокой древности у всѣхъ народовъ, у которыхъ процвѣтали скульптура, живопись и существовали художники-спеціалисты,

*) Изъ публичнаго курса, читаннаго въ Харьковѣ, по преимуществу для женщинъ.

уже обращалось вниманіе на взаимное отношеніе размѣровъ частей человѣческаго тѣла. Это было тѣмъ необходимѣе, что при воспроизведеніи человѣческаго образа въ различную величину нельзя было руководствоваться размѣрами абсолютными. Вполнѣ естественно, что мѣрилами для опредѣленія относительной величины отдѣловъ человѣческаго тѣла бралась та или другая его часть. Такъ, мѣрилами служили: длина ступни, пальцевыхъ члениковъ, предплечія, а иногда и разстояніе между конечными точками горизонтально распростертыхъ рукъ. Пользуясь подобными единицами сравненія, уже древніе египтяне выработали особыя правила построенія человѣческой фигуры. Изъ Египта эти правила, извѣстныя впослѣдствіи, да и по сію пору, подъ названіемъ *канона*, перешли въ Грецію, гдѣ получили дальнѣйшую разработку. Еще древніе художники не могли не замѣтить и не могли пренебрегать столь рѣзко бросающимся въ глаза различіемъ въ тѣлосложеніи разныхъ возрастовъ и половъ. Поэтому и число частныхъ каноновъ всегда было множественное. Для ихъ установки брались за образецъ типичные, хорошо сложенные индивиды требуемаго пола и возраста.

Только нашему столѣтію, всюду доискивающемуся причинности, было предоставлено разгадать секретъ той идеальной пропорціональности человѣческаго тѣла, передъ которой преклонялись въ художественныхъ произведеніяхъ и въ живыхъ экземплярахъ какъ художники, такъ и профаны всѣхъ культурныхъ столѣтій и тысячелѣтій. Пришли къ такому на первый взглядъ неожиданному, а при болѣе трезвомъ обсужденіи, даже прямо необходимому, неизбѣжному выводу, что идеально сложенное человѣческое тѣло въ пропорціяхъ своихъ частей какъ разъ соотвѣтствуетъ тѣмъ *среднимъ числамъ*, которыя получаются при массовыхъ измѣреніяхъ субъектовъ даннаго возраста и пола. Эти среднія числа, получаемыя, конечно, помощію измѣреній и вычисленій пропорцій, сглаживая всякія крайности, всякія уклоненія отъ основного правила, воплощаютъ собою *анатомическую и физіологическую норму*. Красивое тѣло, такимъ образомъ, является синонимомъ *нормально* сложеннаго, здороваго въ смыслѣ наилучшей устойчивости и силы. Вмѣстѣ съ тѣмъ оказывается, что эстетическое чутье руководствуется, и во всѣ времена руководствовалось, стремленіемъ въ средней нормѣ съ отрицаніемъ всякаго вырожденія въ сторону какъ избытка, такъ и недохвата.

Не слѣдуетъ, однако, думать, чтобы строгое, такъ сказать, академически-правильное тѣлосложеніе статуй античнаго періода точь въ точь соотвѣтствовало средней нормѣ. Нѣтъ, у античныхъ образцовъ голова нѣсколько мала по отношенію къ общему росту тѣла или, если хотите, наоборотъ, туловище, и въ особенности нижнія конечности, слишкомъ длинны относительно размѣровъ головы. Въ этомъ усматривается лишь нѣкоторое заблужденіе чувства и вкуса скульпторовъ, отнюдь не руководившихся математически-строгой нормой, доступной только точному ученому методу. Такая установка нормъ, нѣсколько

ошибочныхъ и относительно остального сложенія человѣческаго тѣла, пропорціональности его частей, должна быть приписываема, какъ сказано, первоначальному заблужденію знаменитыхъ художниковъ, а затѣмъ рабскому довѣрію ихъ авторитету. Что условность и произволъ могли играть тутъ извѣстную роль, живымъ доказательствомъ тому служатъ какъ скульптурныя, такъ и живописныя изображенія среднихъ вѣковъ. Тогдашніе великіе мастера завѣдомо съ умысломъ уменьшали на этихъ изображеніяхъ размѣры ступни. Установленное ими въ этомъ отношеніи правило оказало своего рода воспитательное вліяніе на десятки поколѣній, т.-е. на рядъ столѣтій. Мы и по сію пору восторгаемся маленькой ножкой, хотя на дѣлѣ большая ступня, какъ болѣе гарантирующая устойчивость тѣла, а по своей силѣ. и по успѣшности его передвиженія, несомнѣнно, заслуживаетъ предпочтенія. Человѣческій вкусъ нѣчто подверженное дрессировкѣ, что уже доказывается сравненіемъ между собою эстетическихъ представленій людей разныхъ сословій, племенъ и рассъ. Доказательства этой почти азбучной истины будутъ повторяться и въ другихъ главахъ нашихъ очерковъ.

Итакъ, въ общемъ установлено, что идеалъ пропорціонально сложеннаго человѣческаго тѣла соотвѣтствуетъ средней его нормѣ. Параллельно съ изслѣдованіями, приведшими къ обоснованію этого положенія, шли многочисленныя попытки къ установкѣ раціональнаго мѣрила или мѣрилъ для опредѣленія и для выраженія пропорціональности частей тѣла. Болѣе подробный обзоръ такихъ разновременныхъ попытокъ завелъ бы насъ черезчуръ далеко. Ограничусь лишь указаніемъ немногихъ изъ нихъ, выбирая при этомъ тѣ, которыя претендуютъ на наибольшую научность, возбудили особенно много толкованій или же оказались наиболѣе простыми и удобопримѣнимыми.

Карлъ Густавъ Карусъ, одна изъ болѣе крупныхъ личностей въ сонмѣ натурфилософовъ первой половины нашего столѣтія, сознавалъ желательность установленія прочнаго, постояннаго анатомическаго мѣрила или, какъ онъ выражался, *модула* (modulus), въ коемъ могли бы быть выражаемы всѣ частные размѣры отдѣловъ человѣческаго тѣла. Ему пришла мысль признать за анатомическій, якобы указанный самой природой, modulus длину позвоночника новорожденнаго. Но при этомъ онъ бралъ его не весь, а лишь главный его отдѣлъ, который состоитъ изъ свободныхъ, между собою не сростающихся, позвонковъ, что соотвѣтствуетъ разстоянію отъ затылка до крестца. Этимъ мѣриломъ *Карусъ* измѣряетъ отдѣльныя части также и взрослаго человѣка, получая при этомъ для однѣхъ цѣлыя, для другихъ дробныя числа. Такъ, напр., позвоночникъ взрослаго равняется тремъ модуламъ.

Положимъ, индивидуальныя различія въ размѣрахъ новорожденныхъ мало отражаются на длинѣ ихъ позвоночника: эта длина подвержена сравнительно небольшимъ колебаніямъ. Тѣмъ не менѣе нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы самой природой, такъ сказать, было

предусмотрѣно данное мѣрило; оно настолько же произвольно, какъ и всевозможныя линейныя мѣры, введенныя въ обиходное и научное употребленіе. Многія изъ этихъ мѣрилъ точно также позаимствованы у человѣческаго тѣла: футъ, локоть, дюймъ, въ сущности, по научной своей цѣнѣ, не уступаютъ модулу *Каруса*. Впрочемъ, отъ единицы мѣры и вовсе не требуется ея совпаденія по величинѣ съ какимъ-либо опредѣленнымъ тѣломъ или его частью. Такъ, высоко цѣня метрическую систему, тѣмъ не менѣе нельзя придавать никакого ни практическаго, ни научнаго значенія тому, что метръ составляетъ-де одну десятимилліонную долю четверти земного меридіана. Если, благодаря новѣйшимъ измѣреніямъ земного меридіана это опредѣленіе метра оказалось неточнымъ, то, къ счастію, тутъ нѣтъ никакой бѣды или малѣйшаго повода къ исправленію метра. Съ совершенно такою же пользою для практическихъ и научныхъ цѣлей метръ могъ бы представлять и произвольную величину, а нашъ россійскій аршинъ, будучи раздѣленъ на десятичныя части, уступилъ бы метру развѣ только въ томъ, что тысячныя его доли для простого глаза были бы уже черезчуръ малы. Эти соображенія невольно напрашиваются при оцѣнкѣ системы измѣренія пропорціональности частей человѣческаго тѣла помощью Карусова модуля. Любое мѣрило, будетъ ли то футъ, аршинъ или метръ, ни чуть не уступаетъ по своей пригодности длинѣ позвоночника новорожденнаго, все равно, беремъ ли мы его во всю длину или—по указанію *Каруса*—лишь до крестцовой части.

Въ совершенно иномъ свѣтѣ представляется попытка *Цейзинга* свести гармоническое впечатлѣніе, производимое хорошо, т. е. нормально, сложеннымъ тѣломъ, къ возможности анализировать его геометрически, сообразно правилу *золотого сѣченія*, или дѣленія линіи въ крайнемъ и среднемъ отношеніи. Попытка *Цейзинга* относится къ пятидесятымъ годамъ и развита имъ въ цѣлую теорію, или, какъ онъ выражается, въ ученіе о пропорціональности. Съ точки зрѣнія своей теоріи онъ изслѣдовалъ, кромѣ человѣка, еще и многихъ животныхъ, даже растительные организмы и неоживленныя тѣла природы. Его ученіе въ свое время произвело крупную сенсацію; мало того, и въ настоящее время не только не забыто, но и находитъ еще приверженцевъ. Въ виду этого я не считалъ бы умѣстнымъ обойти ее тутъ молчаніемъ.

Припомнимъ прежде всего изъ геометріи опредѣленіе и построеніе золотого сѣченія. Такъ именуется дѣленіе прямой линіи на два неравныхъ отрѣзка, изъ коихъ большій составляетъ среднее пропорціональное между меньшимъ отрѣзкомъ и всею линіею. Дана, положимъ, линія АВ, которую требуется раздѣлить золотымъ сѣченіемъ. Заданіе это рѣшается слѣдующими простыми пріемами. На одномъ изъ концовъ данной линіи—изберемъ конецъ А—возстановляется перпендикуляръ АС, равный половинѣ линіи АВ. Вершина перпендикуляра соединяется съ другимъ концомъ линіи АВ прямою же линіею СВ—гипотенузою треугольника АВС. Если отъ этой гипотенузы отрѣзать кусокъ CD,

равный опять-таки половинѣ AB, то ея остатокъ и будетъ представлять собою величину, равную одному изъ искомыхъ отрѣзковъ линіи AB, а именно большему отрѣзку. Стоитъ только отложить линію, равную этому остатку на линіи AB, и мы достигли своей цѣли.

Не стану приводить теоремы, доказывающей, что при данномъ построеніи меньшій отрѣзокъ (minor) AE дѣйствительно относится къ большему (major) EB такъ, какъ послѣдній относится ко всей линіи AB.

Понятно, что отношеніе отрѣзковъ между собою и къ цѣлой линіи выражаются величинами постоянными, независимыми отъ абсолютной длины линіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ оказывается, что при раздѣленіи золотымъ сѣченіемъ линіи въ столько-то дюймовъ, сантиметровъ и т. д., длина обоихъ отрѣзковъ получается не въ цѣлыхъ единицахъ и даже не въ простыхъ дробяхъ, а въ дробяхъ безконечныхъ. Поэтому, въ каждомъ частномъ случаѣ длина major'а и minor'а можетъ быть выражена лишь съ бо́льшимъ или меньшимъ приближеніемъ. Положимъ, для примѣра, что подлежащая разсѣченію линія длиною въ 100 сантиметровъ. Въ такомъ случаѣ ея большій отрѣзокъ будетъ равняться *приблизительно* 62, а меньшій—38 сантиметрамъ; пропорція же 38 : 62 = 62 : 100 грѣшитъ противъ математической точности.

Основная мысль *Цейзинга* заключается въ томъ, что на наши органы зрѣнія производятъ пріятное, т. е. гармоническое или эстетическое впечатлѣніе такія тѣла, главныя части которыхъ составляютъ ихъ major и minor, причемъ эти части, въ свою очередь, могутъ состоять изъ второстепенныхъ и третьестепенныхъ миноровъ и мажоровъ. Раздѣляя высоту выпрямленнаго во весь ростъ взрослаго человѣка по правиламъ золотого сѣченія, *Цейзингъ* получаетъ границу между верхнимъ меньшимъ и нижнимъ бо́льшимъ отрѣзкомъ на перехватѣ таліи или же немного ниже, на пупкѣ. Раздѣляя ту же высоту въ обратномъ направленіи, т. е. такъ, чтобы малый отрѣзокъ приходился поверхъ большого, онъ отмѣчаетъ, какъ границу между ними, концы пальцевъ свободно свисающихъ верхнихъ конечностей. Полученные какъ при томъ, такъ и при другомъ способѣ дѣленія major и minor *Цейзингъ*, въ свою очередь, продолжаетъ повторно разлагать по правиламъ золотого сѣченія и сверху внизъ, и снизу вверхъ. При этомъ, напр., верхній minor общей высоты разграничивается на вторичный верхній minor и нижній major гортанью; нижній же major всего человѣческаго роста (т. е. разстояніе отъ концовъ свисающихъ рукъ до земли), при такомъ же вторичномъ раздѣленіи, пересѣкается соотвѣтственно колѣнной чашкѣ. Намъ нѣтъ никакой надобности прослѣдить въ дальнѣйшихъ деталяхъ цейзинговъ анализъ человѣческаго тѣла и его частей. На многихъ изъ его рисунковъ оно оказывается разграфленнымъ, какъ географическая карта. Вообще автору пришлось затратить массу кропотливаго труда на прямыя измѣренія и вычисленія миноровъ и мажоровъ при своемъ анализѣ пропорціональности частей не только чело-

вѣческаго тѣла, но и всевозможныхъ другихъ оживленныхъ и неоживленныхъ тѣлъ природы *).

Анализъ человѣческаго тѣла по методу *Цейзинга* вызываетъ нарядъ критическихъ замѣчаній. Такъ, не хочется вѣрить, чтобы пупокъ или хотя бы перехватъ таліи подраздѣлялъ человѣческое тѣло на два отдѣла, достаточно рѣзкихъ, чтобы они воспринимались зрѣніемъ, какъ нѣчто рѣшающее гармоническій складъ тѣла. Пупокъ—ничтожная бородавка; а талія нормальнаго человѣка едва-едва обозначена складкой; а чтобы искусственно съуженная корсетомъ женская талія служила за-

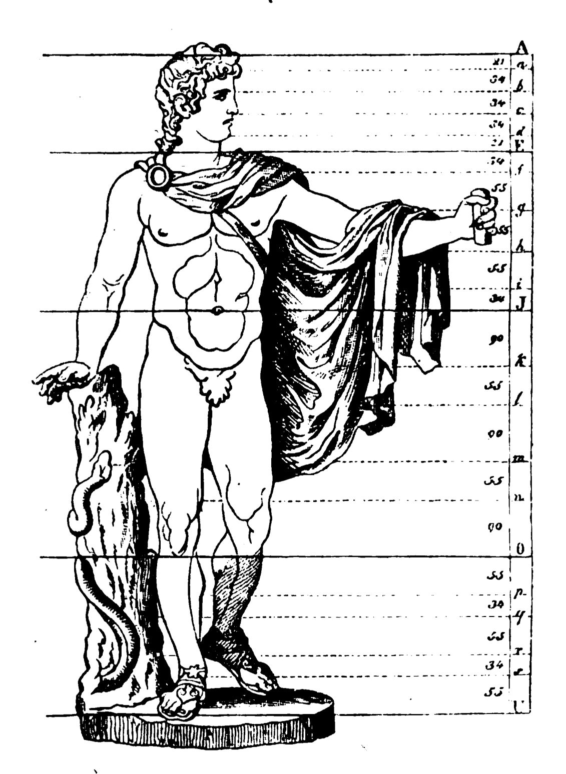

Рис. 1. Статуя Аполлона, по Цейзингу.

конной мѣркой гармоническаго расчлененія тѣла, этому и подавно трудно вѣрить. Подраздѣленіе туловища на грудь и брюхо мотивируется внутреннимъ анатомическимъ строеніемъ, а отнюдь не внѣшнимъ обликомъ, какъ доказываетъ взглядъ, брошенный хотя бы на статуи Аполлона

*) Свой трудъ при вычисленіи пропорцій онъ могъ бы свести до минимума, еслибъ догадался пользоваться резиновыми ленточками, разъ навсегда раздѣленными мѣткой на большій и меньшій отрѣзки. Такія ленточки, растягивающіяся достаточно равномѣрно, были мною въ свое время примѣняемы въ періодъ увлеченія теоріей *Цейзинга*. Однако. мысль о предполагавшейся мною работѣ въ данномъ направленіи вскорѣ была оставлена по причинѣ разочарованія и сомнѣній, которыя возбудила во мнѣ самая теорія.

и Венеры (рис. 1 и 2). Признаніе концовъ пальцевъ при опущенныхъ рукахъ границей между верхнимъ бо́льшимъ и нижнимъ меньшимъ отрѣзками тѣла отзывается даже нѣкоторою наивностью. На самомъ дѣлѣ, было бы смѣло утверждать, что всякое выведеніе рукъ изъ отвислаго положенія обусловливаетъ собою нѣкоторое нарушеніе природной гармоніи человѣческаго тѣла или, другими словами, что вытяжка во весь ростъ и руки по швамъ составляютъ идеальную позу. Болѣе или менѣе условны и остальныя границы второстепенныхъ,

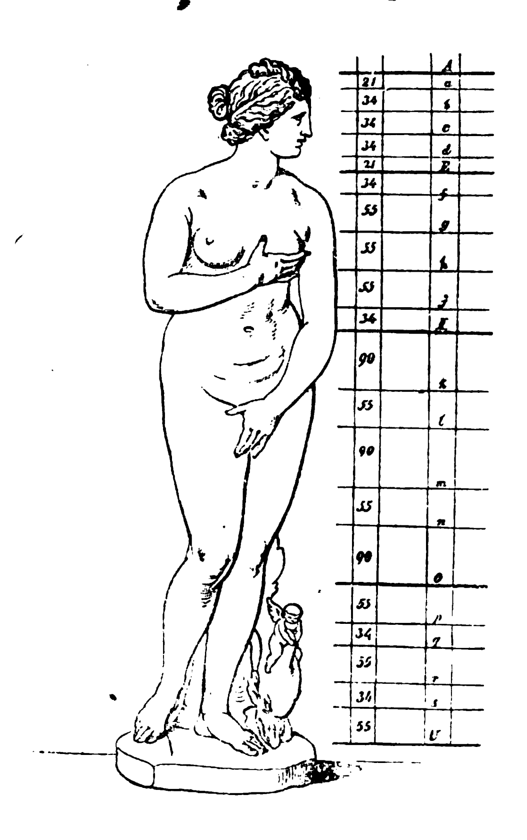

Рис. 2. Статуя Венеры по Цейзингу.

третьестепенныхъ и т. д. бо́льшихъ или меньшихъ отрѣзковъ. Къ тому же, самъ *Цейзингъ* допускаетъ и для эстетично сложеннаго тѣла значительныя колебанія въ расположеніи этихъ границъ. Если же мы обратимся къ изученію особей различныхъ половъ и, подавно, возрастовъ, то получаются уже существенно другія нормы; а между тѣмъ правильно сложенное тѣло ребенка завѣдомо не менѣе эстетично тѣла взрослаго.

Однако, тѣмъ не менѣе, нельзя не признать, что теорія *Цейзинга* не есть сплошное недоразумѣніе, сплошная фантазія. Нѣтъ, въ ней кроется, несомнѣнно, правильное ядро. Для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно присмотрѣться къ окружающимъ насъ обыден-

нымъ предметамъ прямоугольной формы, каковы: окна, столы, картины, книги. Въ большинствѣ случаевъ эти предметы по соотношенію своихъ сторонъ соотвѣтствуютъ правилу золотого сѣченія. т. е. короткая ихъ сторона равняется средней пропорціональной между длинной стороной и ея отрѣзкомъ, получаемымъ по вычетѣ изъ нея короткой стороны. Обильный матеріалъ для провѣрки этого положенія даютъ книги въ восьмую долю листа. Всякое значительное уклоненіе формата отъ указанной пропорціональности сторонъ распознается, чувствуется нами, какъ нѣчто ненормальное. Уже давно, должно быть, въ семидесятыхъ годахъ въ отчетахъ Рижскаго общества испытателей природы помѣщенъ рефератъ одного изъ членовъ, которому, съ легкой руки *Цейзинга*, пришла незатѣйливая, но тѣмъ не менѣе любопытная мысль собрать большую коллекцію обыкновенныхъ визитныхъ карточекъ и вычислить соотношеніе между ихъ длиною и шириною. При этомъ получился результатъ, что въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ норма золотого сѣченія была болѣе или менѣе точно соблюдена. Ясно. что какъ заказчиками, такъ и литографами руководилъ не математическій расчетъ, а эстетическое чутье. Вмѣсто визитныхъ карточекъ рижанинъ могъ бы произвести свой этюдъ надъ размѣрами книгъ, столовъ, дверей, оконъ, шкафовъ и контролировать ихъ удачныя или неудачныя пропорціи сужденіями людей, заранѣе непосвященныхъ въ научную цѣль разспросовъ. Въ новѣйшее время стали вводиться въ употребленіе съ успѣхомъ и необычные форматы, иногда для книгъ, чаще для фотографій—непомѣрно узкій и высокій форматъ Маккарта— и очень длинныя, узкія дамскія визитныя карточки. Нашъ глазъ начинаетъ къ нимъ привыкать; но въ началѣ эти форматы казались намъ вычурными, какъ бы противоестественными. Вѣдь, и по сію пору большинство спрошенныхъ въ одинъ голосъ заявитъ, что строго квадратный форматъ картинъ, книгъ, зеркалъ, дверей не красивъ. Признавая, такимъ образомъ, измѣнчивость вкуса, его зависимость въ значительной степени отъ привычки, отъ воспитанія, если угодно, дрессировки органовъ чувствъ, мы тѣмъ не менѣе считаемъ возможнымъ, что не спроста воцарилось и удерживается съ давнихъ поръ столѣтіями извѣстное геометрическое соотношеніе короткихъ и длинныхъ сторонъ прямоугольныхъ предметовъ. Вотъ почему, полагаю, нельзя относиться съ безусловнымъ, принципіальнымъ осужденіемъ къ теоріи *Цейзинга*. Но одно дѣло геометрическія фигуры, другое дѣло живые организмы. Послѣдніе только иногда подходятъ подъ очертанія прямоугольника, напр., лошадь, корова. Человѣкъ къ этого рода организмамъ едва ли относится. Самыя граціозныя, пластическія позы еще болѣе удаляютъ очертанія человѣческаго тѣла отъ предполагаемыхъ въ немъ размѣровъ, находящихся взаимно въ среднемъ и крайнемъ отношеніи.

Самый простой методъ для выясненія пропорцій тѣла, и притомъ методъ непритязательный, лишенный предвзятой идеи, это непосред-

ственное линейное измѣреніе частей на ту или другую мѣру—лучше всего десятичную—и выраженіе ихъ въ процентахъ одного изъ измѣреній тѣла, принятаго за основное (рис. 3). Въ наиболѣе обширныхъ размѣрахъ, съ чисто-научною цѣлью и съ особенно выдающимся успѣхомъ этотъ методъ былъ впервые примѣненъ *Кетле* (Quetelet). Подобно большинству своихъ предшественниковъ, онъ принялъ за основной размѣръ высоту тѣла, именуемую обыкновенно ростомъ. Всѣ остальные линейные размѣры, выражались въ тысячныхъ доляхъ роста.

Измѣрительныя работы *Кетле* весьма разнообразны и плодотворны;

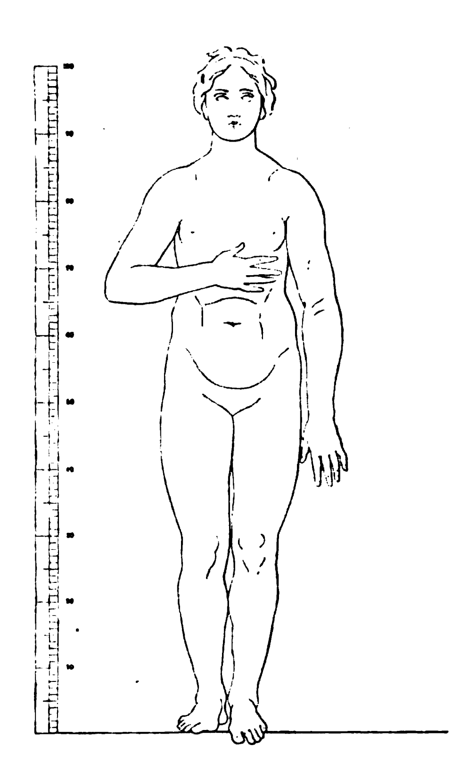

Рис. 3. Статуя Венеры, выпрямленная и подраздѣленная на 1.000 частей.

онѣ стяжали себѣ славу классическихъ. Въ настоящій моментъ насъ особенно интересуетъ лишь одинъ изъ его главнѣйшихъ общихъ результатовъ; а именно тотъ, что хорошо сложенный взрослый бельгіецъ въ среднемъ выводѣ, въ общемъ, представляетъ пропорціональность частей, весьма близкую къ пропорціональности античныхъ статуй. Если у греческихъ статуй голова немного меньше, тазъ немного уже, грудь немного шире, туловище немного короче по сравненію съ ногами нежели у хорошо сложенныхъ бельгійцевъ, то причина этому менѣе точные методы изслѣдованія древнихъ художниковъ. Послѣдніе, бродя, такъ сказать, кругомъ и около истины, воспринимали ее болѣе чутьемъ,

подчиняясь вмѣстѣ съ тѣмъ личному вкусу и условности. Впрочемъ, объ этомъ отчасти уже была рѣчь въ началѣ нашей бесѣды.

Въ работѣ *Кетле* и многочисленныхъ послѣдующихъ авторовъ, шедшихъ по тому же направленію, положено весьма много труда, и притомъ труда убійственно тяжелаго, по части ариѳметическихъ вычисленій. Повидимому, лишь рѣдко кто пользовался, вмѣсто вычисленій пропорцій, дѣлительными линейками и тому подобными пособіями. Къ числу такихъ пособій, и притомъ особенно простыхъ, относится процентометръ, резиновая лента, подраздѣленная соотвѣтственными черточками на 100 или 1.000 равныхъ частей. Такая лента, пришпиленная къ стѣнѣ или прицѣпленная къ рекрутской мѣрѣ, растягивается изслѣдователемъ до длины изучаемаго индивида. Такъ какъ наша резиновая лента завѣдомо растягивается въ своихъ частяхъ равномѣрно, то ею и раздѣляется данный человѣческій ростъ на сто или тысячу равныхъ частей. Откладываніемъ на ней циркулемъ длины ногъ, рукъ и т. д. сразу получаются ихъ размѣры въ процентахъ (или промилле) роста.

Обычный пріемъ опредѣленія пропорцій тѣла, основанный на сличеніи частей съ ростомъ или высотою, вызываетъ на критическое замѣчаніе. Въ наше время трудно отрицать желательность изученія человѣка не только самого по себѣ, но и сравнительно съ другими животными. При обычномъ же методѣ измѣренія человѣческаго тѣла въ присущей ему отвѣсной позѣ, исключается непосредственное сравнительное изученіе его пропорцій, ибо четвероногія животныя всегда разсматриваются стоящими на всѣхъ четырехъ конечностяхъ, при чемъ за основную длину ихъ тѣла принимается длина горизонтальная, въ образованіи которой конечности не принимаютъ ни малѣйшаго участія. Становясь на общую точку зрѣнія, мы должны придти къ отрицанію раціональности обычнаго пріема пріобщенія къ длинѣ человѣческаго тѣла длины одной изъ паръ конечностей. Истинную длину мы можемъ искать лишь въ осевой части тѣла, тамъ, гдѣ искалъ ее еще *Карусъ*, хотя и въ другомъ смыслѣ.

Однако, на дѣлѣ установленія общаго основного мѣрила для человѣка и животныхъ начинаніе отнюдь не легкое. Какъ ни кинь, все клинъ. Въ сочиненіяхъ авторовъ, писавшихъ о пропорціональности частей тѣла четвероногихъ, за основную длину тѣла принимается разстояніе отъ передней поверхности груди до основанія хвоста. Этотъ размѣръ соотвѣтствуетъ позвоночнику, за исключеніемъ шеи и хвоста. Длина послѣднихъ двухъ отдѣловъ сильно варіируетъ по роду животныхъ, крайними примѣрами чего могутъ служить жирафъ и дельфинъ. У перваго весьма длинная шея, у второго столь короткая, что голова какъ бы непосредственно насажена на туловище. Хвостъ въ большинствѣ случаевъ является придаткомъ, который не имѣетъ права вліять на длину тѣла, что доказывается сличеніемъ безхвостыхъ формъ, каковы человѣкъ и антропоморфныя обезьяны, съ хвостатыми,

каковы почти всѣ остальныя четверорукія. Зато исключить изъ общаго длинника дельфина или кита его хвостъ, этотъ единственный органъ движенія, слитый съ туловищемъ въ одно цѣлое, было бы почти противоестественно. Относительно пріобщенія или непріобщенія къ общей длинѣ тѣла головы, и въ особенности ея то короткой, то длинной лицевой части, точно также возникаютъ сомнѣнія. Вопросъ объ установленіи основного размѣра, однообразнаго для всѣхъ позвоночныхъ животныхъ со включеніемъ человѣка, во всякомъ случаѣ заслуживаетъ основательнаго обсужденія, хотя бы на одномъ изъ нынѣ такъ умножившихся международныхъ конгрессовъ.

Слѣдуетъ ли, ради установленія нормальныхъ пропорцій тѣла, измѣрять всѣхъ наличныхъ особей даннаго возраста подъ рядъ или же только особей болѣе или менѣе типичныхъ? Вопросъ этотъ не лишенъ принципіальнаго значенія и рѣшается одними авторами въ одномъ, другими—въ другомъ смыслѣ. За сокращенный пріемъ, то-есть, за ограниченіе измѣреній одними лишь болѣе или менѣе типическими индивидами, всегда стояли художники, но къ нимъ присоединились и нѣкоторые антропологи. На повѣрку оказывается, что оба пріема приводятъ къ приблизительно тождественнымъ цифрамъ. На самомъ дѣлѣ, число уклоненій отъ нормы должно быть одинаковое какъ въ положительную, такъ и въ отрицательную сторону, напр., число людей съ слишкомъ длинными и съ слишкомъ короткими ногами, а потому при подведеніи итоговъ и выведеніи среднихъ цифръ должно происходить взаимное уничтоженіе болѣе или менѣе рѣзкихъ уклоненій. Само собою разумѣется, что достовѣрность измѣреній всѣхъ одновозрастныхъ индивидовъ безъ разбора возрастаетъ съ числомъ послѣднихъ.

Средняя норма, пропорціональности тѣла, понятно, не разсчитана на удовлетвореніе нашимъ эстетическимъ требованіямъ, а приноровлена къ механическимъ и физіологическимъ потребностямъ, т. е. къ наилучшему отправленію, человѣческаго организма. Тѣло, удовлетворяющее въ своемъ сложеніи, въ пропорціональности частей условіямъ устойчивости, силы и ловкости, т. е. наиболѣе нормальное, является вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе желательнымъ, наиболѣе красивымъ. Механическія отправленія мѣняются сообразно возрасту, полу, роду занятій и племени, а вмѣстѣ съ тѣмъ и колеблется мѣрило эстетической оцѣнки тѣлосложенія. Ребенокъ съ тѣлосложеніемъ взрослаго и, наоборотъ, взрослый съ пропорціями ребенка должны намъ казаться уродами, производить антиэстетическое впечатлѣніе. Такія уродства, по своей нецѣлесообразности, противорѣчатъ правильному отправленію тѣла. При всемъ томъ нельзя утверждать, чтобы во всѣхъ частностяхъ эстетическое чутье руководствовалось физіологическимъ идеаломъ. Неправильнымъ воспитаніемъ эстетическая оцѣнка нерѣдко вводится въ заблужденіе. Такъ, мы можемъ находить красивыми слишкомъ маленькія ступни и кисти и слишкомъ узкія, даже искусственно изуродованныя таліи.

Мы только что заикнулись было объ измѣненіяхъ пропорцій тѣла по возрастамъ. Для нѣкоторой характеристики того, въ какой степени разительны эти измѣненія, выхватимъ нѣсколько возрастныхъ фазъ человѣческаго тѣла. Зародышъ (рис. 4) отличается сравнительно колоссальными размѣрами головы, которая въ извѣстную пору развитія, и по длинѣ, и объему не уступаетъ всему остальному туловищу. Это объясняется тѣмъ, что мозгъ далеко опереживаетъ своимъ ростомъ остальное тѣло. Въ противоположность головѣ, конечности зародыша

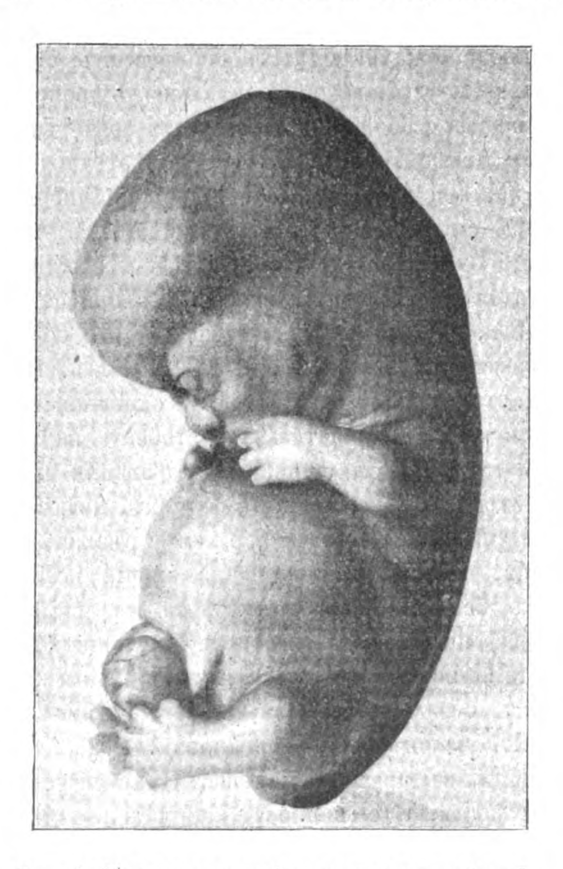

Рис. 4. Зародышъ человѣка на второмъ мѣсяцѣ.

крайне малы. Это зависитъ отъ ихъ сравнительно поздняго появленія какъ у зародыша, такъ и въ ряду позвоночныхъ животныхъ, изъ коихъ самыя низшія формы (ланцетникъ и минога) еще до сихъ поръ не успѣли пріобрѣсти парныхъ конечностей. Далѣе, особенно замѣчательно, что верхнія конечности нѣсколько длиннѣе нижнихъ. У новорожденнаго, вслѣдствіе усиленнаго роста туловища, голова относительно уже гораздо меньше, чѣмъ у болѣе ранняго зародыша; но тѣмъ не менѣе она еще очень велика. Ея периметръ гораздо больше периметра груди и таза: не даромъ головка младенца есть именно та часть тѣла,

которая труднѣе всего рождается на свѣтъ Божій. Туловище новорожденнаго кажется относительно укороченнымъ противъ зародышеваго. такъ какъ конечности успѣли разростись въ длину. Оно составляетъ приблизительно такую же часть всей длины, какъ у взрослаго. Позже собственно туловище подвержено ускоренному росту, что объясняется усиленной работой заключающихся въ немъ органовъ питанія, т.-е. органовъ пищеваренія, дыханія, выдѣленія и кровообращенія. На самомъ дѣлѣ, ребенокъ въ первые годы жизни по преимуществу прозябаетъ и мало проявляетъ активной жизни. Взглянемъ хотя бы на двухлѣтняго ребенка съ нормальнымъ для его возраста тѣлосложеніемъ. Его голова еще кажется большой по сравненію со взрослымъ индивидомъ, т. е. она составляетъ бо́льшую долю общей высоты. Это обусловливается исключительно короткостью ногъ и отнюдь не туловища, которое въ данный періодъ жизни относительно конечностей и всего роста длиннѣе, чѣмъ у новорожденнаго и взрослаго. Причина этого явленія уже указана. У того-же двухлѣтняго ребенка руки по отношенію всего роста длиннѣе, чѣмъ у взрослаго, и притомъ еще абсолютно длиннѣе ногъ, фактъ, который прошу хорошо запомнить, такъ какъ онъ намъ пригодится въ главѣ о происхожденіи человѣческаго рода.

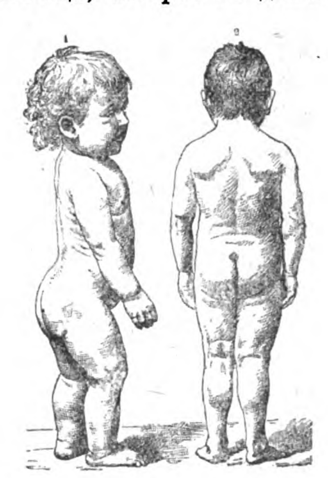

Рис. 5. Двухлѣтній (А) и четырехлѣтній (Б) ребята, приведенные къ одинаковой высотѣ.

Формы четырехлѣтняго ребенка, постепенно вырабатывающіяся изъ формъ только что разсмотрѣннаго нами двухлѣтняго, показываютъ уже относительно замѣтно меньшія размѣры головы. Вмѣстѣ съ нею замедлило свой ростъ въ теченіе третьяго года и туловище, это сосредоточіе прозябательныхъ отправленій организма. Зато ноги, органы передвиженія, энергично упражняясь, какъ бы притянули къ себѣ питательный матеріалъ и силу роста. Онѣ у четырехлѣтняго ребенка успѣли уже перерости руки. Да и впослѣдствіи это преобладаніе брюшныхъ конечностей все болѣе и болѣе выступаетъ, при чемъ на ихъ долю приходится относительно все большій и больщій отрѣзокъ общей высоты тѣла. Для характеристики относительнаго роста обѣихъ паръ конечностей, упомяну еще, что верхнія достигаютъ длины туловища между тремя и шестью годами, нижнія же между семью и десятью. Итакъ, столь рѣзко сказывающееся у взрослаго преобладаніе ногъ, этихъ единственныхъ подпирающихъ столбовъ и двигательныхъ маятниковъ нашего тѣла, явленіе относительно позднее. У типичнаго взрослаго именно ихъ длиною обусловливаются сравнительно малыя величины, которыя приходятся на долю головы и туловища, изъ

коихъ голова растетъ вообще довольно равномѣрно укоснительно, тогда какъ туловище съ его вегетативными органами въ самые первые годы пользуется временнымъ преобладаніемъ.

Будемъ довольны, если намъ удалось выяснить въ общихъ чертахъ возрастное измѣненіе относительныхъ размѣровъ однихъ главнѣйшихъ отдѣловъ нашего тѣла. Относительно измѣняющихся отношеній отдѣловъ головы, лица и черепа еще будетъ рѣчь въ свое время, при изложеніи основъ краніологіи. Что же касается конечностей, то тутъ можетъ быть развѣ еще указано на то, что и онѣ растутъ отнюдь не равномѣрно. А именно, въ дѣтствѣ сильнѣе растутъ верхніе ихъ отдѣлы; начиная съ отрочества, напротивъ того, нижніе какъ бы стараются наверстать упущенное, что, очевидно, удается имъ лишь въ очень ограниченной степени. Кисть и ступня представляются относительно наиболѣе короткими на второмъ году жизни; а затѣмъ ихъ удлиненіе идетъ постепенно и довольно равномѣрно.

Отъ измѣненій возрастныхъ въ пропорціональности тѣла перейдемъ къ измѣненіямъ половымъ. Въ природѣ вещей, что второго рода измѣненія менѣе рѣзки измѣненій перваго рода. Этимъ объясняется, между прочимъ, любопытная ошибка, допущенная знаменитѣйшими античными скульпторами. На ихъ женскихъ статуяхъ голова относительно меньше чѣмъ на мужскихъ. Примѣрами тому служатъ статуи медицейской Венеры и бельведерскаго Аполлона (рис. 2 и 3). На дѣлѣ женская голова составляетъ не меньшій, а нѣсколько большій процентъ высоты тѣла, противъ мужской, что находится въ зависимости отъ нѣсколько большаго относительнаго объема у женщины черепной коробки и мозга. Торжествующая улыбка нѣкоторыхъ изъ читательницъ преждевременна, ибо этотъ фактъ не свидѣтельствуетъ объ умственномъ превосходствѣ женщины. Онъ объясняется, какъ увидимъ впослѣдствіи, меньшимъ абсолютнымъ ростомъ женщины и сохраненіемъ ею въ извѣстной мѣрѣ отроческихъ чертъ организаціи. Этимъ же объясняется и тотъ фактъ, что туловище женщины относительно длиннѣе, а ея конечности короче. Послѣднее справедливо, въ особенности для ихъ нижнихъ отдѣловъ, т.-е. какъ разъ для отдѣловъ съ болѣе позднимъ развитіемъ. Въ этомъ заключается истинная оцѣнка предмета нашего восторга — маленькой женской ручки и ножки. По этому поводу надо, впрочемъ, замѣтить, что миніатюрность женской кисти и ступни весьма утрируется художниками. Въ то время, какъ старинныя женскія статуи, не исключая идеальнѣйшей по красотѣ медицейской Венеры, обладали непривычными для насъ большими кистями и ступнями, позднѣйшіе художники, съ легкой руки *Микель Анджело*, стали умышленно уменьшать размѣры женской кисти и ступни на произведеніяхъ живописи и ваянія. Этотъ пріемъ практикуется и по сію пору; а вмѣстѣ съ тѣмъ не остается безъ вліянія и на воспитаніе современнаго эстетическаго вкуса

Своеобразный отпечатокъ на тѣлосложеніе женщины налагаетъ ширина ея таза и обусловленная этимъ ширина бедеръ. Большая мягкость, округлость женскихъ формъ находится въ зависимости, отчасти отъ большей наклонности женскаго организма къ отложенію подкожной жировой ткани, отчасти отъ меньшей выработки на костяхъ гребешковъ и бугорковъ. Но остается еще разобрать обстоятельнѣе, насколько эти особенности лежатъ въ самой природѣ женскаго организма и насколько онѣ обусловлены недостаточнымъ физическимъ упражненіемъ. Послѣднее вліяетъ также и на пропорціональность частей женскаго организма, живыми примѣрами чего могутъ служить акробатки, а также женская дагомейская гвардія, представительницы которой нѣсколько лѣтъ тому назадъ показывались въ Европѣ.

На вліяніе упражненія сводятся также, и притомъ несомнѣнно, различія, найденныя въ тѣлосложеніи у людей разнородныхъ профессій. Особенно любопытны результаты соотвѣтственныхъ изслѣдованій американца *Гульда.* Имъ измѣрены: матросы, чернорабочіе (какъ сельскіе, такъ и ремесленники) и студенты. Его достаточно обильныя цифровыя данныя обнаружили у матросовъ особенно развитыя—тоже и въ длину—конечности, руки и ноги, фактъ, легко объяснимый усиленнымъ ихъ упражненіемъ при лазаніи по снастямъ. У чернорабочихъ, работающихъ, можно сказать, исключительно руками, только эти конечности оказались, въ общемъ, относительно болѣе развитыми, тогда какъ ноги придерживались среднихъ нормъ. Наконецъ, у студентовъ, какъ занимающихся умственнымъ, а не физическимъ трудомъ, конечности оказались въ среднемъ наиболѣе короткими, и притомъ не однѣ руки, но и ноги; послѣднія у нихъ не только короче, нежели у матросовъ, но и короче, нежели у чернорабочихъ. Понятно, что истинными выразителями указанныхъ профессіональныхъ различій въ относительной длинѣ конечностей являются лишь тѣ индивиды, которые еще въ періодъ роста волею судебъ или личнымъ желаніемъ были пріурочены къ данной профессіи: позже части тѣла не способны болѣе удлиняться, а лишь измѣняться въ толщинѣ и объемѣ подъ вліяніемъ упражненія мускуловъ и отложенія жира. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что точное повтореніе измѣреній по программѣ *Гульда*, должно давать въ различныхъ странахъ и различныя цифры, гдѣ болѣе, гдѣ менѣе рѣзкія. При этомъ достаточно вспомнить хотя бы то неодинаковое напряженіе, съ которымъ работаютъ обильно питающійся американскій и живущій впроголодь, заморенный русскій чернорабочій, а также принимать во вниманіе такого рода фактъ, что интеллигентные молодые люди Запада, особенно Америки, и до, и послѣ поступленія въ студенты, много занимаются гимнастикой, физическими играми, отчасти механическими работами (въ Америкѣ порою даже грубыми сельскими и ремесленными).

Исходя изъ той точки зрѣнія, что для человѣческаго тѣла дол-

женъ существовать опредѣленный идеалъ пропорціональности, соотвѣтствующій нормальному, вполнѣ физіологическому развитію частей, а также допуская для всякой человѣческой личности прирожденное право на обладаніе такою пропорціональностію частей, мы приходимъ къ тому выводу, что чѣмъ дальше, тѣмъ больше должны стушевываться тѣ причины, которыя ведутъ къ неодинаковому физическому развитію разнородныхъ по положенію членовъ общества. Этимъ, понятно, не исключается нѣкоторая спеціализація въ размѣрахъ членовъ, смотря по профессіи, лишь бы ею не наносилось ущерба нормальному физіологическому отправленію организаціи. Послѣднее, въ свою очередь, возможно лишь при условіи вполнѣ достаточнаго питанія всѣхъ безъ изъятія недѣлимыхъ въ періодъ роста.

Вліяніе питанія особенно рѣзко сказывается при сравнительномъ физическомъ изученіи разнородныхъ племенъ. Еще не такъ давно считалось непреложной истиной, что различныя племена и народы болѣе или менѣе рѣзко отъ самой природы разнятся между собою въ пропорціяхъ тѣла. Въ настоящую пору пріобрѣтаетъ все бо́льшія и бо́льшія права гражданства тотъ взглядъ, что повсюду условія питанія и образа жизни преобладаютъ надъ рассовыми или племенными различіями. Послѣднія—какъ учатъ новѣйшіе компетентные авторы,—въ сущности, лишь незначительны. Такъ, средняя пропорціональность частей весьма сходная, чтобы не сказать тождественная, у всѣхъ семей европейцевъ: и у славянъ, и у романцевъ, и у германцевъ, и у финно-венгерцевъ, и у евреевъ. Она та же самая и у японцевъ. Изъ года въ годъ множатся также измѣренія надъ такъ называемыми дикарями въ связи съ наблюденіями надъ ихъ образомъ жизни. Жители той благословенной полосы Африки, гдѣ произрастаетъ хлѣбное дерево, оказываются рослыми, а вмѣстѣ съ тѣмъ и хорошо сложенными. Жители Огненной земли, всю жизнь проводящіе въ челнокѣ за рыбной ловлей, какъ профессіональные опытные гребцы, имѣютъ предпочтительно развитыя верхнія конечности. Бушмены, миніатюрные человѣчки со среднимъ ростомъ, для мужчины всего въ 1,44 м., на нашу мѣру, въ 4 фута 7 дюймовъ *), имѣютъ большую, сравнительно, голову и такое же сравнительно большое туловище при короткихъ ногахъ, т.-е. черты, свойственныя, какъ мы уже знаемъ, недоросшему

Рис. 6. Бушменъ.

*) Странно, что бушменки не уступаютъ бушменамъ въ ростѣ и часто даже ихъ превосходятъ. Быть можетъ, это объясняется застряваніемъ этихъ человѣчковъ на той ступени развитія, на которой, по цѣлому ряду изслѣдованій, и европейская дѣвочка временно опережаетъ мальчика.

индивиду. Остальныя, бросающіяся въ глаза характерныя черты бушменовъ, каковы: худоба, угловатость, морщинистая, пергаментообразная кожа, обусловливаются тѣмъ же дурнымъ питаніемъ, которое вліяетъ и на малорослость, и недоразвитіе пропорцій. Въ своихъ негостепріимныхъ степяхъ этимъ по истинѣ печальнымъ пасынкамъ природы приходится довольствоваться большею частью корнями. Сплошь да рядомъ они бываютъ обречены на продолжительную голодовку. Если вслѣдъ за тѣмъ счастливый случай посылаетъ имъ дичину, то они объѣдаются ею наподобіе Boa constrictor, отчего происходитъ сильное раздутіе и растяженіе живота, а въ тощемъ состояніи дряблость и отвисаніе брюшныхъ стѣнокъ. Однако, бушменъ бушмену рознь. Изображенная только что картина подходитъ лишь подъ заморенпаго скитальца, влачащаго свое жалкое существованіе подъ вѣчнымъ страхомъ преслѣдованія; тогда какъ бушменъ при болѣе благопріятныхъ природныхъ условіяхъ, а также при уходѣ со стороны европейцевъ съ самаго дѣтства, значительно прибавляется въ ростѣ и принимаетъ формы, приближающіяся къ средней общечеловѣческой нормѣ.

Я нарочно выбралъ тутъ одинъ изъ наиболѣе рѣзкихъ примѣровъ недоразвитія или вырожденія человѣка. Тѣ же условія встрѣчаются и среди европейскихъ народовъ, и мы охотно примемъ на вѣру утвержденіе антропологовъ, что индивидуальныя колебанія въ пропорціяхъ тѣла европейцевъ объемлютъ собою и всѣ отличія внѣевропейскихъ народовъ. Такимъ образомъ, въ любомъ анатомическомъ музеѣ изъ мѣстнаго матеріала, можно бы собрать постепенно полную коллекцію скелетовъ, иллюстрирующихъ собою всѣ племена земного шара. Послѣ сказаннаго, понятно также, что было бы ошибочно основывать классификацію племенъ и народовъ на пропорціяхъ частей тѣла.

(Продолженіе слѣдуетъ).

МЕЧТА.

Когда, при волшебномъ дыханьи
Весны, просыпаются рѣки
И блещутъ лазурные своды,
И звуковъ природа полна,—
Мнѣ грезится въ смутномъ мечтаньи
Иная, для всѣхъ и навѣки,
Весна незакатной свободы,
Немеркнущей жизни весна...

Какъ шумныя волны людского.
Донынѣ безсильнаго моря
Подъ знойнымъ лучемъ возрожденья
Свой ледъ вѣковой разобьютъ;
И льдины-обломки былого
Насилья и рабства, и горя
Въ сѣдую пучину забвенья
Въ кипящихъ струяхъ уплывутъ...

И сгибнетъ позорно всевластье
Неправды и злобы коварной;
И правда изъ тьмы подземелья,
Изъ плѣна любовь приведетъ;
И новое, свѣтлое счастье
Надѣнетъ вѣнецъ лучезарный
И съ громкою пѣсней веселья
Цвѣтами ихъ путь уберетъ...

А. Колтоновскій.

НА КАНИКУЛАХЪ.

Очеркъ изъ жизни города Нижнепропадинска.

— Марья Николаевна! Неужели никто изъ насъ не имѣетъ права на личное счастье?

Разговоръ происходилъ въ лодкѣ, плывшей внизъ по теченію по срединѣ большой рѣки. Говорившій гребецъ, чтобы задать свой вопросъ, выпустилъ на минуту изъ рукъ короткія ручки неуклюжихъ веселъ, какъ будто ему необходимо было сосредоточить всю энергію въ своихъ словахъ. Онъ даже немного приподнялся на скамьѣ, возбужденно заглядывая въ лицо собесѣдницѣ.

На кормѣ въ узкомъ углу сходящихся набоевъ сидѣла молодая дѣвушка. Она сидѣла праздно, и кормовое весло лежало передъ нею поперекъ лодки. Она примостилась внизу, положивъ дощечку сидѣнья на внутренніе выступы днища и небрежно откинулась назадъ, опираясь спиной о деревянную иглу, продѣтую сквозь верхнія доски лодки. Глаза ея лѣниво и нѣсколько устало смотрѣли впередъ, обнимая въ одно время и гребца, сидѣвшаго на передней скамьѣ, и гладкую поверхность блестящей рѣки, широко разостлавшуюся по обѣ стороны, и узкую полоску лѣсистаго берега, чуть выступавшую, Богъ знаетъ на какомъ разстояніи, за носомъ лодки.

Услышавъ вопросъ, молодая дѣвушка на минутку остановила взглядъ на лицѣ своего спутника.

— Что такое счастье?—сказала она, безъ запинки задавая ему тотъ самый вопросъ, надъ разрѣшеніемъ котораго тщетно трудилось столько безпокойныхъ умовъ и взволнованныхъ сердецъ.

Но у человѣка, сидѣвшаго на веслахъ, отвѣтъ, повидимому, былъ приготовленъ заранѣе.

— Счастье?—пылко сказалъ онъ.—Высшее счастье на землѣ есть любовь!

Давъ этотъ короткій, но энерическій отвѣтъ, онъ опять схватился за ручки веселъ и сдѣлалъ нѣсколько долгихъ и сильныхъ взмаховъ, какъ будто желая подчеркнуть ими свои слова.

*

— О, любовь!—сказала съ сомнѣніемъ дѣвушка, откидывая назадъ голову. Странно было слышать изъ такихъ молодыхъ устъ этотъ пренебрежительный тонъ.

Человѣкъ на передней скамьѣ вдругъ выдернулъ обѣ лопасти изъ воды и съ шумомъ бросилъ весла на дно лодки. Онъ очевидно хотѣлъ сосредоточить всѣ свои силы для этого разговора и не могъ ограничиться минутной остановкой, какъ прежде.

— Я не виноватъ!—горячо заговорилъ онъ.—Такъ сдѣлалъ Богъ! Любовь это высшее, что на землѣ дано вкусить человѣку. Кто не зналъ любви, тотъ не имѣетъ права сказать, что онъ жилъ на свѣтѣ. Любовь это выше всего, она стоитъ впереди всего...

Онъ вдругъ спутался, не находя словъ для дальнѣйшаго выраженія своей мысли.

— А послѣ любви что стоитъ?—спросила молодая дѣвушка поддразнивая.

Но у гребца, очевидно, были приготовлены отвѣты на всѣ вопросы.

— Послѣ любви слава!—сказалъ онъ безъ малѣйшаго колебанія.

Дѣвушка посмотрѣла на него съ удивленіемъ. Она не ожидала такого отвѣта.

— Не говорите!—быстро сказалъ ея собесѣдникъ.—Я знаю, что вы хотите сказать. Конечно, десять лѣтъ тому назадъ я бы отвѣтилъ иначе. На первое мѣсто я бы поставилъ сознаніе долга къ ближнему, самоотверженіе и тому подобныя вещи.

— А теперь вы развѣ не цѣните этого, Рыбковскій?—сказала молодая дѣвушка почти строго. Голосъ ея теперь звучалъ упрекомъ.

— Я не говорилъ этого!—нѣсколько смѣшался ея собесѣдникъ. Но теперь мы находимся не въ томъ положеніи, мы живемъ сами по себѣ... Отъ того, что было когда то, мы отрѣзаны такой непреодолимой преградой, какъ будто его вовсе не было...

— Ну, такъ что же?—спросила дѣвушка.

— Марья Николаевна,—сказалъ человѣкъ на веслахъ,—слава —это слѣдъ, который человѣкъ оставляетъ за собою на землѣ. Знаете ли вы, какъ тяжело еще заживо погрузиться въ бездну, оторваться отъ всѣхъ человѣческихъ интересовъ и сознавать, что на широкомъ свѣтѣ имя твое забыто и слѣдъ твой исчезъ такъ всецѣло, какъ будто бы ты уже былъ призракомъ.

— Молчите, я не хочу васъ слушать!—сказала дѣвушка.— Вы сами забываете, а вамъ кажется, что васъ забываютъ другіе. Если кто сдѣлалъ хоть крупицу добраго или смѣлаго или полезнаго,—это никогда не исчезнетъ безслѣдно.

— Одна крупица плохое утѣшеніе, — съ горечью сказалъ Рыбковскій,—особенно, если человѣкъ еще не собрался умирать. И кто можетъ опредѣлить, стоила ли она дѣйствительно тѣхъ

эпитетовъ, которыми вы изволили ее наградить? Кто захочетъ успокоиться на томъ, что тамъ, по ту сторону межи, много лѣтъ тому назадъ и онъ ступалъ по извилистымъ дорогамъ лабиринта, которыя съ тѣхъ поръ успѣли отразить на себѣ тысячи тысячъ шаговъ? Если бы мертвецъ послѣ смерти могъ незримо летать надъ міромъ живущихъ, какъ вы думаете, захотѣлъ бы онъ утѣшиться тѣмъ, что нѣсколько человѣкъ, знавшихъ его при жизни, случайно поминаютъ его имя среди своихъ занятій и развлеченій?

Дѣвушка не отвѣчала. Взглядъ ея опять скользнулъ черезъ голову собесѣдника и потонулъ въ сіяющей дали на рубежѣ небесной и рѣчной глади.

Рыбковскій съ безпокойствомъ смотрѣлъ на ея лицо. Она была такъ молода, что на разстояніи ее можно было принять за ребенка, только всмотрѣвшись ближе, можно было различить двѣ небольшія морщинки около угловъ рта и двѣ другія на углахъ тонкихъ красиво очерченныхъ бровей, придававшія этому блѣдному личику болѣе взрослое выраженіе. Когда она думала о чемъ нибудь, между бровями возникала еще одна короткая вертикальная морщинка, которая становилась болѣе или менѣе явственной соотвѣтственно ходу ея мыслей. Спутникъ ея напротивъ не могъ похвалиться ни молодостью, ни свѣжестью. Безпорядочная копна темнорусыхъ волосъ, украшавшихъ его голову, была какъ будто присыпана мукой, порѣже на темени и погуще на вискахъ, лобъ былъ прорѣзанъ глубокими бурыми складками, и общее выраженіе лица въ достаточной степени кислое.

— Марія Николаевна,—началъ онъ снова,—знаете ли вы, что такое одиночество?.. Когда человѣку не съ кѣмъ перекинуться словомъ, онъ кончаетъ тѣмъ, что забываетъ слова, постепенно утрачиваетъ способность связывать мысли и впадаетъ въ такое душевное оскудѣніе, отъ котораго потомъ трудно уже оправиться...

— Вы развѣ одинъ?—сказала молодая дѣвушка.—У васъ всегда были товарищи.

— О, товарищи!—пренебрежительно протянулъ Рыбковскій.—Мы были какъ хлѣбы изъ одной печи, намъ и говорить то было не о чемъ, мы знали впередъ, что каждый изъ насъ долженъ подумать о любомъ предметѣ.

— Будто вы всѣ изъ одной печи?—возразила дѣвушка.

— А, вы говорите объ этихъ,—сказалъ Рыбковскій тѣмъ же тономъ,—которые пріѣхали потомъ! Да они тоже совсѣмъ прозрачны. Стоитъ только измѣнить одинъ изъ отправныхъ пунктовъ, а тамъ предугадать ихъ мнѣнія еще легче, чѣмъ наши.

— Зачѣмъ же вы съ ними такъ часто спорите?—сказала дѣвушка.

— Темпераментъ такой,—комически оправдывался Рыбков-

скій.—Что ни скажешь, а они наоборотъ. Ну и я наоборотъ, и пошла писать. А только и въ этомъ нѣтъ ничего интереснаго.

— На васъ трудно угодить!—сказала дѣвушка.—Если разбирать по вашему, то ни одинъ человѣкъ не покажется представляющимъ интересъ.

— Совсѣмъ нѣтъ!—живо возразилъ Рыбковскій.—Вы—свѣжій человѣкъ. Я именно хотѣлъ высказать, какъ я радъ, что впервые за столько лѣтъ опять увидѣлъ свѣжаго человѣка...

Молодая дѣвушка не отвѣчала. Наступило непродолжительное молчаніе. Рыбковскій все посматривалъ на свою собесѣдницу, хмурясь и мѣняя положеніе головы. Быть можетъ, это происходило оттого, что солнце было ему прямо въ глаза и ему было неловко смотрѣть передъ собою.

— Марья Николаевна,—опять заговорилъ онъ,—вы еще вновѣ. Вамъ трудно себѣ представить, какъ здѣсь приходится чувствовать. Но вы все-таки попробуйте. Живетъ человѣкъ годъ за годомъ одинъ, безъ общества, безъ цѣли, безъ занятій, не знаетъ, для чего онъ живетъ теперь, и теряетъ надежду, что когда-нибудь будетъ жить для чего-нибудь. Ему не къ чему приложить свои силы, не чѣмъ занять свой умъ, а грудь его переполнена чувствами, которыя еще ни разу не успѣли найти себѣ удовлетворенія на землѣ, которыя просятся излиться, ищутъ выхода и не находятъ его...

Голосъ Рыбковскаго вибрировалъ краснорѣчивѣе его словъ. Разговоръ положительно принималъ опасный оборотъ, но никто изъ собесѣдниковъ не думалъ объ этомъ. Впрочемъ, молодая дѣвушка, быть можетъ, немного думала.

— Не знаю!—сказала она послѣ короткой паузы.—Я съ вами не согласна. Когда человѣкъ оторванъ отъ людей, ему остается природа. Природа,—это откровеніе, новая жизнь. Посмотрите на этотъ свѣтъ!

Она широкимъ жестомъ указала на блестящую рѣку, разстилавшуюся вокругъ лодки и горѣвшую подъ яркими лучами іюльскаго солнца, какъ расплавленное золото.

— Этотъ блескъ имѣетъ языкъ. Онъ можетъ замѣнить то недостающее общество, о которомъ вы говорили. Боже мой! Какъ долго я была лишена всего этого. Посмотрите на эту прозрачную глубину, гдѣ такъ ясно отражаются наши тѣни! Мнѣ кажется, будь я одна, я въ состояніи была бы заговорить съ призракомъ, что глядитъ мнѣ въ глаза изъ сверкающей воды...

Рыбковскій хотѣлъ возразить, но молодая дѣвушка перебила его.

— Смотрите,—сказала она весело,—вонъ лодка плыветъ. Это наши кататься ѣдутъ.

Лицо ея освѣтилось чисто дѣтскимъ оживленіемъ. Глядя на нее теперь, трудно было бы подумать, что минуту тому назадъ она вела меланхолическій и отвлеченный разговоръ.

Отъ широкой сѣрой, песчаной полосы, протянувшейся надъ низкимъ и ровнымъ угорьемъ лугового берега и испещренной неводными вѣшалами и опрокинутыми карбасьями, отдѣлилась небольшая лодка, довольно быстро двигавшаяся поперекъ теченія. Рѣка была такъ широка, что нельзя было разглядѣть людей, сидѣвшихъ въ лодкѣ. Видно было только, что ихъ нѣсколько, четыре или пять человѣкъ. На передней скамьѣ гребли двое и можно было различить, какъ ихъ головы расходятся при каждомъ взмахѣ веселъ. На кормѣ сидѣлъ одинъ съ кормиломъ въ рукахъ. Посрединѣ лодки тоже были люди, одинъ или двое. Рыбковскій и его спутница, впрочемъ, хорошо знали, кто можетъ выѣхать кататься на рѣку изъ пустыннаго Нижнепропадинска въ это теплое лѣтнее время, когда коренные жители разбрелись по отдаленнымъ тонямъ и заводямъ и съ ожесточеніемъ занимались промысломъ, запасая себѣ на зиму рыбу.

Рыбковскій вдругъ схватилъ весла и, проворно надѣвъ дужки, уже собрался сдѣлать первый взмахъ, но спутница остановила его.

— Вы куда?—сказала она съ удивленіемъ.—Видите, они сюда ѣдутъ. Развѣ вы не хотите дождаться?

Она поднялась со скамеечки и приложила руки къ глазамъ въ видѣ щита, пристально присматриваясь къ лодкѣ, перегребавшей рѣку.

— Четверо!—объявила она, наконецъ.—А посрединѣ еще что-то чернѣетъ, но это не человѣкъ; не движется.

— Ау!—звонко и весело крикнула она, вдругъ отнимая руки отъ глазъ и прикладывая ихъ ко рту въ видѣ рупора.

— У-у!—донеслось съ берега. Это отвѣчали люди, ѣхавшіе въ лодкѣ.

Рыбковскій смотрѣлъ довольно сердито. Онъ, повидимому, не раздѣлялъ оживленія своей спутницы.

— Чего вы хмуритесь?—капризно сказала она, замѣтивъ его кислое лицо.—Я не люблю, когда на меня глядятъ такъ сердито...

Рыбковскій не отвѣчалъ.

— Семенъ Петровичъ,—заговорила она просительнымъ тономъ,—разгладьте ваши морщины. Ей-Богу, я не могу выносить, когда мои собесѣдники имѣютъ такое лицо, тѣмъ болѣе вы. Вы дѣлаете меня нервною. Ваши глаза хотятъ сглазить мой праздникъ. Улыбнитесь, пожалуйста, прошу васъ!

Рыбковскій вдругъ улыбнулся.

— Какой праздникъ?—спросилъ онъ, недоумѣвая,—кажется, именины ваши уже были.

— Праздникъ солнца,—сказала съ важностью дѣвушка,—я, вѣдь, вамъ сказала, что я солнцепоклонница. Такой чудный день лучше всякихъ именинъ.

Черезъ нѣсколько минутъ вторая лодка уже выходила на средину рѣки, придвигаясь ближе и ближе.

Гребцы выбивались изъ силъ, быть можетъ, стараясь показать свое рвеніе передъ лицомъ юной зрительницы.

Человѣкъ, сидѣвшій на лѣвомъ веслѣ, засучилъ рукава до локтей и при каждомъ взмахѣ закидывалъ весло какъ можно дальше назадъ, потомъ изо всей силы двигалъ его впередъ, приподнимаясь на ноги и крѣпко стискивая круглую деревянную ручку своими сухощавыми руками. Это былъ высокій молодой человѣкъ съ длинными бѣлокурыми волосами, закрывавшими уши, въ бѣлыхъ очкахъ съ золотой оправой, какъ будто подобранныхъ подъ цвѣтъ волосъ и приставшихъ къ тонкому и острому носу такъ крѣпко, какъ неотдѣлимая составная часть этого блѣднаго лица. По лбу гребца катились крупныя капли пота, стекавшія подъ очки, но онъ не имѣлъ времени утереться и только поматывалъ головой, стараясь придать стекавшей влагѣ иное направленіе. Нарядъ его состоялъ изъ парусиновой блузы, подпоясанной ременнымъ кушакомъ и высокихъ черныхъ *саръ* изъ конской кожи, покрывавшихъ всю ногу и скрывавшихся подъ вздутыми парусиными полами блузы.

Съ правой стороны гребъ маленькій коренастый человѣкъ съ короткимъ туловищемъ, облеченнымъ въ куртку сѣраго сукна и такими короткими ногами, что онѣ не достигали даже до перекладины, служившей точкой опоры. На головѣ его сверкала небольшая, но яркая лысина, еще болѣе лоснившаяся отъ пота и отъ яркаго солнца. Недочетъ въ волосахъ на головѣ, впрочемъ, съ изобиліемъ возмѣщался широкой рыжей бородой, разросшейся во всѣ стороны на подобіе чертополоха.

Онъ гребъ, откидываясь назадъ и отбрасывая голову вверхъ съ такой энергіей, какъ будто ему хотѣлось оторвать ее долой и бросить въ воду черезъ носъ лодки.

На кормѣ сидѣлъ человѣкъ могучаго тѣлосложенія съ совершенно сѣдыми волосами и длинной сѣдой бородой, спадавшей вѣеромъ до половины груди. Несмотря на жаркую погоду, онъ былъ въ курткѣ изъ копченой замши, подбитой пыжиковымъ, правда, довольно вытертымъ мѣхомъ. Черезъ плечо на самодѣльной ременной перевязи висѣло двуствольное ружье съ замками, заботливо перевязанными лоскутомъ весьма грязной тряпки, чтобы предохранить ихъ отъ водяныхъ брызгъ.

Посрединѣ лодки на двухъ тонкихъ доскахъ, брошенныхъ поперекъ *опруговъ* *) стоялъ человѣкъ съ обнаженной головой, совершенно лишенной волосъ и блестѣвшей на солнцѣ, какъ билліардный шаръ. Онъ былъ одѣтъ въ старое лѣтнее пальто свѣтлозеленаго цвѣта, повидимому, съ чужаго плеча, такъ какъ оно ему достигало до пятъ. Лодка была довольно неустойчива, а гребцы гребли сильно и неровно, и ему стоило большого труда сохранять равновѣсіе стоя. Но онъ ни за что не хотѣлъ подъѣхать къ передней лодкѣ въ непрезентабельной позѣ пассивнаго пассажира, скорчившагося на днѣ рядомъ съ кладью. Его безпокойныя руки то и дѣло порывались согнуться фертомъ для пущаго удальства. Къ сожалѣнію, его поминутно качало то вправо, то влѣво и онъ долженъ былъ хвататься за борта, чтобъ не свалиться въ воду. Черная кучка, лежавшая возлѣ него на срединѣ лодки, оказалась большимъ пестрымъ ковромъ, сложеннымъ въ четверо и брошеннымъ поверхъ какого-то ящика или корзины, стоявшей на доскахъ.

Наконецъ, лодки поровнялись. Гребцы вдругъ затабанили. Человѣкъ въ зеленомъ пальто, не ожидавшій этого, пошатнулся впередъ, споткнулся ногами о коверъ и упалъ прямо на ручки веселъ, поднимавшихся ему навстрѣчу.

— Марья Николаевна, здравствуйте! — сказалъ кормщикъ, прикладывая по военному два пальца къ круглой, до невозможности засаленной шапочкѣ, покрывавшей его голову.

— Смотрите, Кранцъ какъ низко вамъ кланяется!.. Падаетъ къ ногамъ!..

— Развѣ къ моимъ? — сказала смѣясь дѣвушка. — Онъ хочетъ поблагодарить Ратиновича и Бронскаго за то, что они его везли черезъ рѣку.

Человѣкъ въ зеленомъ пальто поднялся на ноги.

— А, чортъ! — выругался онъ со свирѣпымъ видомъ. — Вы это нарочно. Я знаю, я хорошо знаю, — нарочно.

— А вы не стойте среди лодки, какъ воронье пугало! — высокимъ и жидкимъ тенромъ возразилъ Ратиновичъ, человѣкъ въ бѣлыхъ очкахъ, сидѣвшій слѣва. — Стоитъ какъ волжскій атаманъ на разбойничьемъ кораблѣ...

— Здравствуйте, Марья Николаевна! — отсалютовалъ онъ въ свою очередь и, пользуясь тѣмъ, что его сидѣнье приходилось бортъ о бортъ съ первой лодкой, протащилъ свою лодку впередъ, перехватываясь руками по верхнимъ набоямъ и съ торжествующимъ видомъ перегнулся въ чужую лодку, протягивая руку молодой дѣвушкѣ. Кранцъ, гнѣвъ котораго еще не успѣлъ остыть,

*) Шпангоуты.

вдругъ качнулъ лодку такъ сильно, что Ратиновичъ чуть не вылетѣлъ въ воду и удержался только за бортъ лодки Рыбковскаго. Она въ свою очередь тоже качнулась, такъ что Марья Николаевна, вставшая на ноги, опять повалилась на свое сидѣнье, не успѣвъ вложить свою ручку въ руку Ратиновича.

Общій крикъ негодованія одновременно вырвался у всѣхъ.

— Вы, должно быть, съ ума сошли!—кричалъ коротенькій гребецъ хриплымъ голосомъ.—Смотрите, Марья Николаевна упала. Мы вотъ васъ оставимъ на томъ берегу.

Звукъ его голоса напоминалъ хриплые тоны разстроенной гармоники съ прорванными мѣхами и изломанными клапанами. Онъ совсѣмъ былъ лишенъ силы и какъ будто ежеминутно задѣвалъ за что-то.

Но Кранцъ былъ до того смущенъ неожиданнымъ результатомъ своей мести, что гнѣвъ товарищей не произвелъ на него особаго впечатлѣнія.

— Извините, ради Бога, Марья Николаевна,—прошепталъ онъ,—я и въ мысляхъ не имѣлъ толкнуть васъ.

— Пустое!—сказала дѣвушка весело.—Смотрите, господа,— прибавила она со смѣхомъ, указывая на кормчаго,—у Ястребова ружье такъ и виситъ на плечахъ!.. Дѣдушка,—обратилась она къ кормчему,—отчего вы не положите ружья въ лодку?

— Не хочу!—сказалъ кормчій себѣ въ бороду.

— Отчего?—приставала дѣвушка.

— Имъ и такъ тяжело грести,—сказалъ Ястребовъ, указывая на гребцовъ,—я не хочу прибавлять имъ груза.

Всѣ засмѣялись.

— Скорѣй, скорѣй!—возбужденно торопилъ Ратиновичъ.

— Поѣдемъ!

— Куда вы торопитесь?—лукаво спросила молодая дѣвушка. Куда вы собрались?

— Васъ чаемъ поить собрались!—важно сказалъ кормчій.

— Были у васъ; видимъ, что вы уѣхали, а чайники на шесткѣ. Ну, мы и рѣшили привезти вамъ подкрѣпленіе.

— Поѣдемъ взапуски!—волновался Ратиновичъ.—Сядемъ по двое на весла, поѣдемъ на стрѣлку. Тамъ хорошо чай пить!..

— А если я не поѣду?—сказала Марья Николаевна шутливо.

— Не поѣдете?—испуганнымъ тономъ повторилъ Ратиновичъ.

— А мы какъ?

— Ну, ну!—успокоительно сказалъ коротенькій гребецъ.— Пусть только она заглянетъ въ нашу корзину, не сможетъ не поѣхать!

— Марья Николаевна, глядите-ка сюда! — прибавилъ онъ, сдергивая коверъ и открывая большую корзину, грубо сплетен-

пую изъ ивовыхъ вѣтвей и до половины наполненную бумажными и холщевыми свертками.—Сахаръ, бѣлая юкола *), свѣжій хлѣбъ, все первый сортъ!—продолжалъ онъ.—Даже печенье есть! Подумайте только: пшеничное печенье... съ ягодами... на маслѣ...

— Гдѣ взяли?—съ интересомъ освѣдомилась дѣвушка.

— Кранцъ у дьячихи подъ натуру взялъ. Обѣщалъ отдать послѣ почты.

— Почему послѣ почты?—спросила дѣвушка.—Вы развѣ получите съ почтой крупчатку, Кранцикъ?

— Могу и получить!—уклончиво отвѣтилъ Кранцъ, принимая глубокомысленный видъ.

— Какъ же, держи карманъ шире!—прохрипѣлъ Бронскій.—Не вѣрьте, Марья Николаевна! Только дьячиху обманулъ, безбожникъ!

— А гдѣ Беккеръ?—спросила Марья Николаевна.—Бронскій, гдѣ вы оставили Беккера?

— На дежурствѣ у Шиховыхъ!—сказалъ Бронскій.—Возится на кухнѣ и собирается стирать бѣлье.

— А вы какъ же?

— Будетъ съ меня на сегодня! Я смѣнился.

Шиховы были супружеская чета, обремененная многочисленнымъ потомствомъ. Бронскій и Беккеръ по очереди помогали имъ управляться съ работами по домашнему хозяйству.

— Ну, что-жъ, поѣдемъ!—настаивалъ Ратиновичъ.—На перегонки, по двое. Кранцъ пусть помогаетъ Рыбковскому, а мы какъ прежде.

— Не надо, не надо!—заговорилъ Рыбковскій, отмахиваясь. Какой онъ помощникъ? Лучше я одинъ.

— Я хоть на корму сяду!—упрашивалъ Кранцъ.—У васъ, вѣдь, некому держать корму!

Ему очень хотѣлось пересѣсть въ одну лодку съ молодой дѣвушкой.

— Нельзя!—возразилъ Рыбковскій сурово.—Лишняя тяжесть, а шансы и такъ неравны. Не нужно кормщика!

— Ну, господа!—крикнулъ онъ, хватая весла, и, оттолкнувшись отъ сосѣдней лодки, сталъ грести впередъ, съ трескомъ вскидывая весла и въ тактъ хлопая дужками о деревянныя шкармы.

Гребцы второй лодки тоже заворочали веслами, стараясь отнять у него берегъ. Они по прежнему гребли мельницей и когда лѣвая лопасть высоко стояла надъ водой, правая только спускалась въ воду.

Ястребовъ смотрѣлъ на ихъ движенія, улыбаясь въ бороду.

---

*) Сушеная рыба.

Ему нужно было постоянно поворачивать кормило, то влѣво, то вправо, чтобы сохранить одно и тоже направленіе.

Рыбковскій успѣлъ выиграть довольно значительное разстояніе, и задняя лодка никакъ не могла сократить его сколько-нибудь ощутительно. Къ несчастью, молодая дѣвушка вздумала помогать ему.

— Я буду держать корму!—объявила она, снимая кормило съ бортовъ лодки и погружая его въ воду ребромъ.

Лодка немедленно повернулась вдоль по теченію. Рыбковскій съ ожесточеніемъ сталъ грести лѣвымъ весломъ, стараясь воротиться на прежній курсъ. Задніе гребли изо всѣхъ силъ, стараясь воспользоваться какъ можно лучше неудачей соперника. Они уже почти настигали переднюю лодку.

— Догоняютъ, догоняютъ!—воскликнула дѣвушка.—Не надо корму! Я тоже буду грести, Семенъ Петровичъ! Сядемъ грести вдвоемъ!..

И бросивъ кормило на дно лодки, она стала пробираться въ носовую часть, чтобы завладѣть однимъ изъ веселъ Рыбковскаго. Рыбковскій съ широкой улыбкой посторонился, давая ей мѣсто на скамьѣ.

— Правда, вдвоемъ лучше?—спрашивала Марья Николаевна, обхватывая ручку весла своими небольшими ручками, затянутыми въ старыя черныя перчатки, потертыя и заштопанныя на пальцахъ.

— Конечно, лучше!—энергично подтвердилъ Рыбковскій.— Какое можетъ быть сравненіе, двое или одинъ?

Но въ это время онъ сдѣлалъ такой сильный взмахъ весломъ, что лодка сдѣлала полуоборотъ и носъ ея направился въ сторону лугового берега.

Задніе уже проплывали, но Ястребовъ вдругъ сдѣлалъ сильное движеніе кормовымъ весломъ и тоже повернулъ свою лодку носомъ къ нижнепропадинскимъ неводнымъ вѣшаламъ.

— Зачѣмъ вы?—закричали гребцы.—Куда вы правите?

— А они куда ѣдутъ?—проворчалъ Ястребовъ.

Гонка по необходимости прекратилась. Рыбковскій гребъ, едва шевеля руками, чтобы не пересиливать спутницу, которая ни за что не хотѣла оставить весло. Общество медленно переѣзжало рѣку, обмѣниваясь веселыми замѣчаніями. Кранцъ успѣлъ-таки пересѣсть въ лодку Марьи Николаевны и, помѣстившись на кормѣ, добросовѣстно ворочалъ кормиломъ въ водѣ, стараясь направлять лодку, куда слѣдуетъ. Впрочемъ, умѣніе его не соотвѣтствовало усердію; каждый разъ онъ забывалъ, куда нужно поворачивать кормило и желая повернуть лодку вправо, поворачивалъ ее влѣво. Наконецъ, лодки стали огибать стрѣлку, вытянувшуюся вдоль устья другой большой рѣки, Камоя, впадавшей въ Пропаду какъ разъ противъ города.

Черезъ полчаса обѣ лодки вошли въ Камой и толкнулись носомъ о пологій песчаный берегъ.

— Марья Николаевна! Я васъ вынесу!—рѣшительнымъ тономъ объявилъ Ратиновичъ, быстро соскакивая въ воду въ своихъ непромокаемыхъ сарахъ и подходя къ первой лодкѣ.

Рыбковскій стоялъ въ водѣ съ другой стороны, тоже простирая руки и безмолвно предлагая свои услуги.

— Развѣ я ребенокъ?—возразила дѣвушка.—Я сама выйду! Вы лучше подтяните лодку на берегъ!

Рыбковскій и Ратиновичъ ухватились за носовую иглу и потащили лодку. Кранцъ тоже поспѣшно выскочилъ изъ лодки и подскочилъ къ Марьѣ Николаевнѣ съ ковромъ въ рукахъ. Въ ту самую минуту, когда она готовилась соскочить на песокъ со скамейки, онъ ловко раскинулъ коверъ на землѣ передъ ея ногами.

— Сюда, сюда ступайте!—съ торжествомъ говорилъ онъ.

Марья Николаевна со смѣхомъ соскочила на коверъ.

— Развѣ я королева,—шутливо сказала она,—что вы мнѣ подъ ноги постилаете ковры?

— Все равно королева!—сказалъ Ратиновичъ, вытаскивая на песокъ корзину съ припасами.

— Больше, чѣмъ королева!—сказалъ Кранцъ съ убѣжденіемъ.

— Ну, если я королева,—весело сказала дѣвушка,—не хочу ступать по голой землѣ. Давайте еще коверъ!

И она остановилась въ ожиданіи на краю ковра.

Кранцъ поспѣшно сорвалъ съ себя зеленое пальто и разостлалъ его на пескѣ въ видѣ импровизированнаго продолженія ковра.

— Марья Николаевна,—сказалъ Ястребовъ въ видѣ предостереженія,—не ступайте, запачкаете!

— Пускай,—сказалъ Кранцъ, безпечно махнувъ рукой.—Не жалко!

— Запачкаете ноги,—выразительно прибавилъ Ястребовъ.—Это такая грязная ветошка!

— Надѣньте скорѣе ваше пальто!—сказала Марья Николаевна, разглядѣвъ костюмъ Кранца.—Боже, какой ужасный человѣкъ! Посмотрите, на что вы похожи.

Костюмъ Кранца, скрывавшійся подъ пальто, состоялъ изъ коротенькой блузки безъ пояса, невообразимо засаленной и покрытой какими-то странными зеленоватыми и желтоватыми пятнами, наслоившимися другъ на друга.

Кранцъ занимался медицинской практикой, постоянно возился надъ составленіемъ лѣкарствъ и имѣлъ привычку обтирать руки объ полы послѣ манипуляцій латинской кухни.

— Онъ еще жалуется, что у него нѣтъ лѣкарствъ!—ворчалъ

Ястребовъ.—Да на этой блузѣ цѣлая аптека. Выварить ее, такъ можно пользовать больныхъ, по крайней мѣрѣ, годъ.

Кранцъ смущенно надѣлъ пальто. Его судьба была вѣчно попадать въ просакъ именно въ ту минуту, когда онъ намѣревался блеснуть ловкостью или другими талантами, дарованными ему природой.

— Хоть бы у него не было!—съ негодованіемъ сказалъ Ратиновичъ.—Этакой скаредъ! Въ сундукѣ двѣ новыхъ блузы, пиджакъ, сюртукъ...

— И куда вы бережете,—обратился онъ къ Кранцу,—на саванъ, что-ли?

— Я забылъ переодѣться!—жалобно оправдывался Кранцъ. Прибѣжалъ изъ больницы, заторопился и совсѣмъ забылъ.

— Отойдите отъ него, Марья Николаевна!—воскликнулъ Ратиновичъ трагическимъ голосомъ.—О, несчастный! Онъ прямо изъ больницы и не перемѣнилъ одежды! Въ порахъ его платья скрыта зараза!

Бронскій и Ястребовъ хлопотали у костра на верху песчанаго косогора. Дѣвушка, взойдя на косогоръ, опустилась на землю на тотъ же коверъ, снова услужливо разостланный Кранцемъ, успѣвшимъ подхватить его по дорогѣ. Она устала отъ недавней работы весломъ и рада была отдохнуть въ ожиданіи чая. Комары, которые въ этотъ жаркій день боялись вылетать на открытыя мѣста, здѣсь вблизи лѣса проявляли большое оживленіе. Надъ костромъ уже толокся цѣлый рой, стараясь пробраться сквозь густыя облака дыма, закрывавшія участниковъ пикника. Тѣ, въ свою очередь, размѣщались съ такимъ разсчетомъ, чтобы держать голову на окраинѣ густой и широкой струи дыма, валившей отъ костра и уносившейся съ теченіемъ воздуха. Впрочемъ, было совсѣмъ тихо и движеніе клубовъ дыма постоянно перемѣняло направленіе, отклоняясь въ сторону соотвѣтственно каждому порыву случайно пахнувшаго вѣтерка. Какъ только дымъ отклонялся въ сторону, комары налетали дружнымъ строемъ, заставляя все общество отмахиваться и чесаться. Ратиновичъ, какъ болѣе экспансивный, уже успѣлъ нѣсколько разъ выругаться. Впрочемъ, онъ тотчасъ же взапуски съ Рыбковскимъ занялся защитой Марьи Николаевны отъ надоѣдливости комаровъ. Въ двѣ минуты они разложили вокругъ нея на нѣкоторомъ разстояніи нѣсколько небольшихъ огоньковъ и набросали на угли нѣжныхъ побѣговъ гусиной травы.

Тонкія струйки дыма потянулись въ разныхъ направленіяхъ, перекрещиваясь и догоняя другъ друга и собираясь въ бѣлое облако надъ головой дѣвушки. Можно было подумать, что это фиміамъ, который ея спутники приносятъ ей въ жертву.

Кранцъ началъ выкладывать припасы и размѣщать ихъ на краю ковра.

— А это что?—спросилъ онъ, вынимая склянку, тщательно обернутую въ полотенце.—Наливка, смородиновка!.. А, какъ вамъ покажется?

— Ахъ чортъ!—выругался Ратиновичъ.—Вотъ ловко. А намъ вѣдь не сказалъ!..

— Марья Николаевна! Рюмочку!.. Передъ чаемъ!.. Для здоровья полезно!..—юлилъ Кранцъ, не обращая вниманія на другихъ.

Наливка представляла высшую степень роскоши, доступной для Нижнепропадинска и являлась тамъ совершенно необычайной драгоцѣнностью, своего рода lacrima Christi, столѣтнимъ рейнвейномъ или чѣмъ нибудь въ этомъ родѣ. Но Марья Николаевна отняла у него бутылку.

— Кутимъ, господа!—весело воскликнула она.—Дѣдъ, идите!—позвала она Ястребова, который возился у костра укрѣпляя чайникъ на длинномъ шестѣ, подпертомъ двумя рогатыми вѣтками. Ружье по прежнему висѣло у него за плечами.

— Бросьте вашъ чайникъ!—продолжала дѣвушка.—Посмотрите, тутъ питье покрѣпче!

Ястребовъ тотчасъ же подошелъ. Выпивка была слишкомъ рѣдкой вещью на Пропадѣ, чтобы можно было отъ нея отказываться. Ратиновичъ за неимѣніемъ рюмокъ разставилъ на коврѣ чашки и стаканы. Черезъ минуту бутылка была пуста. Марья Николаевна храбро выпила свою долю и щеки ея окрасились чуть замѣтнымъ румянцемъ. Ей стало еще веселѣе, чѣмъ прежде. Другіе тоже выражали свое довольство наливкой, кромѣ Ястребова, который обтеревъ усы лаконически опредѣлилъ: слаба! и тотчасъ же возратился къ своему костру.

— Дѣдушка, будетъ вамъ возиться, — обратилась къ нему снова дѣвушка,—присядьте, а молодые люди пусть похлопочутъ!

Ястребовъ что-то проворчалъ. Онъ не любилъ, когда ему намекали на его пожилой возрастъ. Можетъ быть поэтому, кличка дѣдъ такъ плотно пристала къ нему.

— Да снимите вы ваше ружье!—не унималась Марья Николаевна.—Вы кажется, хотите кого нибудь застрѣлить!.. Николай Иванычъ, снимите ружье!..

— Замки обвязаны,—упрямо возразилъ Ястребовъ, подкатывая къ огню огромную кокору, которую съ трудомъ притащилъ съ берега.

— А гдѣ ваша волчица?—спросила молодая дѣвушка вдругъ припомнивъ.—Вы ее зачѣмъ не взяли съ собой? А еще охотникъ!.. Гдѣ волчица?..

— Волчица дома,—насупившись отвѣтилъ Ястребовъ.

У него дѣйствительно была волчица, которую онъ выкормилъ съ великимъ трудомъ, удѣливъ ей уголъ въ своей избѣ и отка-

зывая себѣ для ея прокормленія въ послѣднемъ кускѣ. Онъ надѣялся выдрессировать ее, какъ охотничью собаку, и послѣ водить ее за собою во время своихъ экскурсій по сосѣднимъ лѣсамъ и болотамъ. На пропадинскихъ собакъ, бока которыхъ были протерты отъ упряжи, онъ смотрѣлъ слишкомъ презрительно, чтобы выбрать въ ихъ средѣ объектъ для дрессировки.

Волчица оказалась однако еще хуже пропадинскихъ собакъ. Она думала только объ ѣдѣ и пожирала все, что попадалось ей на глаза, а на преподавательскія попытки хозяина отвѣчала рычаніемъ. Единственной штукой, которой она научилась у Ястребова, было вставать и ходить на заднихъ лапахъ. Но и это произошло само собой, благодаря тому, что Ястребовъ всю зиму держалъ ее на короткой желѣзной цѣпи, прикрѣпленной къ кольцу, ввинченному въ стѣну. Пытаясь вырваться, волчица естественно должна была вставать на заднія лапы и привыкла проводить въ такомъ положеніи цѣлые часы, потягивая цѣпь изо всѣхъ силъ и плавая въ воздухѣ передними лапами. Къ веснѣ она научилась ходить на заднихъ лапахъ, какъ ученая собака. Въ концѣ концовъ, когда Ястребовъ рѣшился спустить свою питомицу съ цѣпи, эта ученая привычка волчицы оказалась роковою для его холостаго хозяйства. Волчица тотчасъ же научилась обшаривать столы и подоконники, поднималась во весь ростъ, какъ человѣкъ, и, вытягиваясь на цыпочкахъ, обыскивала полки, безжалостно уничтожала все съѣстное, роняла посуду, разбрасывала вещи. Она донельзя надоѣла Ястребову и онъ не зналъ, какъ отъ нея отвязаться, тѣмъ болѣе, что вопреки пословицѣ ужасное животное весьма привязалось къ спокойной жизни подъ крыломъ человѣка и ни за что не хотѣло уходить въ лѣсъ, простиравшійся у самаго порога избы, дававшей ей пріютъ. Волчица составляла теперь больное мѣсто жизни Ястребова и онъ тѣмъ болѣе не любилъ, чтобы ему напоминали объ ней другіе.

Кранцъ посмотрѣлъ на Ястребова торжествующимъ взглядомъ. Онъ чувствовалъ, что теперь наступила время для реванша за недавнія насмѣшки.

— На вашу волчицу весь городъ жалуется, — сказалъ онъ, — она изо всѣхъ силковъ куропатокъ вытаскиваетъ!..

Ястребовъ не отвѣчая продолжалъ возиться у костра. Куропатки въ буквальномъ смыслѣ слова ходили по улицамъ Нижнепропадинска и любимымъ занятіемъ мальчишекъ было ставить на нихъ силки. Волчица повадилась таскать этихъ куропатокъ и въ послѣднее время даже замѣтно стала жирѣть на легкой добычѣ.

— Отецъ Трифонъ жалуется, что на прошлой недѣли она бросилась на него,—продолжалъ Кранцъ.

— Вретъ онъ!—сердито возразилъ Ястребовъ, ловко поддѣвая

вскипѣвшій чайникъ на новую палку и устанавливая его съ подвѣтренной стороны костра, чтобы пламя не било на крышку.

Дѣйствительно, пресловутая волчица была труслива, какъ хорекъ, и убѣгала отъ послѣдней собаки, проходившей мимо нея, не говоря о людяхъ. Это не мѣшало пропадинскимъ жителямъ питать къ ней и ея хозяину суевѣрный страхъ. Они считали Ястребова шаманомъ и утверждали, что онъ приручилъ волчицу какими то таинственными чарами и теперь разъѣзжаетъ на ней каждую ночь по окрестнымъ болотамъ.

— Я слышалъ, что вашу волчицу хотятъ отравить!—приставалъ Кранцъ.

— Пусть попробуютъ!—буркнулъ Ястребовъ, принимаясь мыть сковороду при помощи пучка свѣжей травы, мало по мало окрасивъ всю сковороду въ красивую зеленую краску.

Лицо его насупилось сердитѣе прежняго. Несмотря на всѣ грѣхи волчицы, онъ не могъ выносить, чтобы посторонніе люди вмѣшивались въ его отношенія къ ней.

Онъ опять вернулся къ костру и уже собирался жарить мясо, но Кранцъ, взявшій на себя роль распорядителя предупредилъ его.

— Вы что же это, хотите приготовить мясо подъ зеленымъ соусомъ?—засмѣялся онъ.—Смотрите, господа! Онъ весь сокъ изъ травы оставилъ на сковородѣ. Такъ нельзя!

— Правда!—поддержала его Марья Николаевна.—Давайте лучше на рожнахъ!

Ястребовъ послушно принялся строгать длинныя и тонкія палочки и нанизывать на нихъ маленькіе кусочки мяса. Рыбковскій, ходившій по берегу, возвратился съ букетомъ, составленнымъ изъ красивыхъ бѣлыхъ и розовыхъ цвѣточковъ кипрея съ небольшими плотными темнозелеными листочками, перемѣшанныхъ съ мелкими блѣдноголубыми колокольчиками и маленькими бѣлыми звѣздочками буквицъ.

— Ахъ, какая прелесть!—воскликнула Марія Николаевна.

— Гдѣ это вы набрали?

— Тутъ много!—отвѣтилъ Рыбковскій отдавая букетъ.—Послѣ чаю пойдемъ собирать, я вамъ покажу. Я знаю мѣсто, гдѣ растутъ незабудки, настоящія незабудки, какъ у насъ на поляхъ.

Ястребовъ снялъ съ рожна послѣдніе куски зарумянившагося жаркого. Сложивъ все жаркое на большую желѣзную тарелку, онъ поставилъ ее на коврѣ передъ Марьей Николаевной, но вмѣсто того, чтобы усѣться рядомъ со всѣми, повернулся и неторопливо отправился по тропинкѣ, уходившей въ лѣсъ.

— Куда вы?—окликнула Марья Николаевна.

— На охоту!—отвѣчалъ Ястребовъ, не оборачиваясь и продолжая свой путь.

— Стойте, стойте!—кричала Марья Николаевна, видя, что его высокая фигура готова скрыться между кустами.—Вы развѣ не будете ѣсть съ нами?

— Что ѣда?—донеслось уже изъ кустовъ.— Сами ѣшьте!

Ястребовъ съ юности поставилъ себѣ правиломъ поступать не такъ, какъ другіе люди, и мáло-по-малу до такой степени привыкъ выбирать себѣ своеобразный способъ дѣйствій, что теперь ему трудно было подойти подъ общій уровень даже въ самыхъ ничтожныхъ пустякахъ. Онъ ѣлъ, одѣвался и спалъ иначе, чѣмъ люди, которые составляли его общество. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ онъ какъ будто задавалъ себѣ вопросъ: „какъ поступилъ бы на моемъ мѣстѣ обыкновенный средній человѣкъ?" и поступалъ какъ разъ наоборотъ. Логики въ его поступкахъ не было. Весною, когда чай дешевле, онъ вдругъ отказывался отъ чаю, а осенью, напротивъ, платилъ по рублю за четверть кирпича и выпивалъ его въ два пріема. Въ февральскіе сорокаградусные морозы онъ ходилъ на охоту безъ теплой шапки и рукавицъ, а лѣтомъ, напротивъ, надѣвалъ мѣховую шапку. Онъ никогда не читалъ книгъ и не держалъ свѣчей въ своей избушкѣ и долгія зимнія ночи просиживалъ одинъ въ четырехъ стѣнахъ, повидимому, не тяготясь одиночествомъ и не прибѣгая даже ко сну, чтобы скоротать время. Впрочемъ онъ не чуждался и общества товарищей, но имѣлъ обыкновеніе покидать его такъ же неожиданно, какъ онъ сдѣлалъ это теперь.

Впрочемъ, другіе мало обратили вниманія на его уходъ. Они усѣлись на травѣ вокругъ ковра и дружно уничтожали привезенные припасы.

— Хороши французы!—сказалъ Ратиновичъ, прожовывая кусокъ. Рыбковскій поднялъ голову, какъ боевой конь, почуявшій запахъ пороха.

Почта пришла съ недѣлю тому назадъ и принесла имъ ворохъ газетъ и журналовъ. Они успѣли уже по десяти разъ поспорить о каждомъ предметѣ, но не могли наспориться до сыта. Это были люди различныхъ міровоззрѣній, и словесныя препирательства между ними иногда разрѣшались довольно крупными стычками. Они такъ увлекались, что нерѣдко въ пылу желанія одолѣть противника, мѣнялись ролями и одинъ защищалъ, а другой опровергалъ совсѣмъ несоотвѣтственно своей „программѣ".

— Хороши французы!—повторилъ Ратиновичъ, беря еще кусокъ жаркого.—Мужчины колотятъ женщинъ палками и по ихъ тѣламъ пробираются къ выходу.

Онъ говорилъ объ извѣстной катастрофѣ въ улицѣ Жана Гужона.

— Это все буржуазія, — прохрипѣлъ Бронскій. — Правящіе классы.

— Я объ нихъ именно и говорю!—подтвердилъ Ратиновичъ,—однако, какое безпримѣрное паденіе Франціи...

— Не въ томъ дѣло,—сказалъ Рыбковскій, нахмурившись,—тутъ есть другая сторона, важнѣе...

— Какая?—задорно спросилъ Ратиновичъ.

— Какъ болѣзненно задѣваетъ за нервы эта катастрофа,—продолжалъ Рыбковскій,—изъ всѣхъ трагическихъ происшествій послѣдняго времени это самое трагичное...

Ратиновичъ хотѣлъ возразить, но Рыбковскій успѣлъ опередить его.

— Это пустое, что буржуазія!—торопливо говорилъ онъ.—Пустое даже, что французы. Не въ томъ дѣло! Это вѣдь люди, наконецъ, просто люди!

— Ну такъ что же?—успѣлъ вставить Ратиновичъ.

— Помните барыню, которой разбили руки молоткомъ,—продолжалъ Рыбковскій, не обращая вниманія на вопросъ,—или тѣхъ дамъ, которыя подрывались подъ стѣну?.. Пятнадцать минутъ! Ужасно, нестерпимо читать! Какъ крысы въ западнѣ!.. Подумать, что за четверть часа до того онѣ, можетъ быть, не находили для себя достаточно утонченными самые изысканные предметы роскоши. Какъ мало времени нужно, чтобы весь лоскъ культуры сошелъ и явилась трепещущая тварь, обезумѣвшая отъ желанія сохранить шкуру.

— Ну, не всѣ таковы,—упрямо возразилъ Бронскій,—рабочіе классы проникнуты инымъ духомъ!

— Какъ увѣрено вы говорите!—ѣдко сказалъ Рыбковскій.—Какъ будто не бывало паники въ простонародной толпѣ? Кажется, есть примѣры.

— Я говорилъ о Франціи!—съ угрюмымъ видомъ возразилъ Бронскій.—Рабочіе вели себя геройски! Только интеллигентные классы способны на такія штуки.

— Интеллигенція!—подхватилъ Ратиновичъ.—Интеллигентъ—это ширма, за которую прячутся утробные инстинкты. Только физическій трудъ закаляетъ человѣка.

Марья Николаевна молча слушала. Она не любила вмѣшиваться въ эти запутанные споры, гдѣ никакъ нельзя было разобрать, кто правъ, кто виноватъ.

Споръ перешелъ на значеніе интеллигенціи и возобновился съ удвоенной силой.

— Развѣ можетъ быть какое-либо движеніе безъ интеллигенціи?—кричалъ Рыбковскій.—Каждая общественная партія должна выдѣлить изъ себя интеллигенцію, иначе она превратится въ безпорядочное стадо.

— Въ томъ-то и дѣло, что интеллигенція сословна! Интеллигенція интеллигенціи розь!—кричалъ Ратиновичъ.

— Интеллигенція сама по себѣ сословіе,—возражалъ Рыбковскій,—у ней есть множество однородныхъ интересовъ, независимо отъ интересовъ желудка, на которыхъ вы такъ настаиваете!..

— На интересахъ желудка зиждется весь свѣтъ! — сказалъ Бронскій.

— Интеллигенція является носителемъ всего прогресса,—продолжалъ Рыбковскій,—это буферъ, ослабляющій общественныя столкновенія.

— А reptilien-литература что,—спросилъ Ратиновичъ,—развѣ не интеллигенція?..

— А вы-то сами что?—спросилъ обозлившись Рыбковскій.

— Какъ я-то самъ?—съ удивленіемъ переспросилъ Ратиновичъ.—Развѣ я reptilien-литература?

— Нѣтъ,—сказалъ Рыбковскій,—но такъ какъ вы отрицаете интеллигенцію, то я хотѣлъ спросить, къ какому классу вы причисляете себя самого?

— Что я,—просто сказалъ Ратиновичъ,—не обо мнѣ рѣчь! Меня на этомъ не собьете!..

Споръ затянулся. Ожесточеніе спорящихъ не ослабѣвало.

Пестрыя куропатки, нѣсколько разъ съ коканьемъ подлетавшія къ самому мѣсту пиршества, испуганно улетали прочь. Въ догонку имъ неслись рѣзкія фразы, отрывистыя, какъ хлопанье бича, и не связанныя между собою никакой внутренней связью. Спорящіе перешли на теоретическую почву. Отсюда было не далеко и до личностей, ибо, странно сказать, вопросъ о принципахъ міросозерцанія гораздо больше возбуждаетъ страсти, чѣмъ вопросъ объ ихъ примѣненіи къ дѣйствительности, и человѣкъ готовъ скорѣе простить противнику дурной поступокъ, чѣмъ теоретическое разногласіе по вопросу о факторахъ и процессахъ.

Но Марья Николаевна, посмотрѣвъ на рѣку, прервала споръ.

— Господа, — сказала она, — не пора ли домой? Смотрите, поднимается вѣтеръ. Пока мы тутъ споримъ, еще разыграется непогода, заставитъ сидѣть здѣсь.

— А Ястребовъ?—сказалъ Ратиновичъ.—Онъ какъ переѣдетъ.

— Надо его подождать! — сказалъ Кранцъ. Онъ былъ близкимъ пріятелемъ отсутствующаго Ястребова и какъ бы представлялъ здѣсь его интересы.

Рыбковскій пытливо посмотрѣлъ на воду. Въ качествѣ старожила, онъ лучше всѣхъ зналъ измѣнчивый нравъ рѣки и вѣтра.

— Это полуночникъ идетъ, — сказалъ онъ, — хочетъ разыграться, кажется. Если будемъ ждать, раньше ночи не пропуститъ на ту сторону.

— А онъ никому не говорилъ, когда вернется?—безнадежнымъ голосомъ спросила Марья Николаевна, разумѣя Ястребова.

— Какже, скажетъ онъ! — проворчалъ Бронскій. — Видите, сколько куропатокъ! Онъ теперь цѣлыя сутки прошляется!

У Ястребова, дѣйствительно, была привычка, уходя невзначай, пропадать по цѣлымъ суткамъ. Пища и отдыхъ, кажется, ему совсѣмъ не были нужны.

— Давайте кликать его!—предложила Марья Николаевна.— Можетъ быть онъ близко.—Ау! Николай Иванычъ — протянула она высокой грудной нотой, звонко отдавшейся гдѣ-то далеко въ глубинѣ кустовъ, скрывавшихъ за собою большое озеро, мѣстами совсѣмъ близко подходившее къ рѣкѣ.

— Ау! ау!—подхватили другіе. Бронскій издавалъ самые несообразные звуки. Можно было подумать, что это выпь стонетъ надъ озеромъ. Кранцъ надрывался въ тщетныхъ усиліяхъ перекричать его.

Но отвѣта не было.

— Видно, далеко ушелъ!—сказалъ Ратиновичъ, отирая потъ, выступившій на его лицѣ отъ натуги.—Нечего дѣлать, пусть кто-нибудь останется.

— Пусть Кранцъ останется!—рѣшительнымъ тономъ объявилъ Бронскій.

Кранцъ былъ всеобщимъ козломъ отпущенія. Самыя неприглядныя вещи выпадали всегда на его долю.

— Я тоже хочу переѣхать,—жалобно сказалъ Кранцъ.—Зачѣмъ я тутъ буду сидѣть одинъ и ожидать этого чорта?

— Ну, такъ идите его искать,—насмѣшливо возразилъ Ратиновичъ.

Но трудность положенія окрылила сообразительность Кранца.

— Постойте, господа,—радостно сказалъ онъ,—зачѣмъ же оставаться людямъ? Оставимъ ему просто одну лодку!

— А въ другой какъ переѣдемъ всѣ вмѣстѣ?—возразилъ Рыбковскій не безъ лукавства.—Смотрите, зыбь поднимается!

Кранцъ съ сомнѣніемъ взглянулъ на рѣку. Онъ боялся волны.

— Какъ-нибудь переѣдемъ!—сказалъ онъ, утѣшая себя.

Бронскій уже складывалъ посуду въ корзину, какъ вдругъ высокая фигура Ястребова неожиданно вынырнула изъ кустовъ.

— А чтобъ васъ!—накинулся на него Бронскій.—Отчего вы не отзывались? Мы кричали, чуть не охрипли.

— Охота вамъ кричать,—возразилъ Ястребовъ.

— Какъ охота!—горячился Бронскій,—видите, домой надо ѣхать!

— Такъ, вѣдь, я пришелъ,—сказалъ Ястребовъ.

Черезъ пять минутъ уже лодка двинулась. Рыбковскій держалъ корму. Ратиновичъ и Бронскій опять изображали мельницу изъ своихъ веселъ еще усерднѣе прежняго, и глаза Ратиновича были совсѣмъ ослѣплены отъ ѣдкаго пота, стекавшаго подъ очки. Марья Николаевна усѣлась на коврѣ, сложенномъ вчетверо, опираясь спиною въ корзину. Кранцъ сидѣлъ на корточкахъ въ самой срединѣ лодки. Сѣсть на дно было невозможно, такъ какъ доски были совершенно мокры. Утлая лодка при каждой набѣгавшей волнѣ поднималась вверхъ и потомъ грузно опускалась внизъ кормовою частью, какъ будто желая зачерпнуть воды черезъ заднюю втулку. При каждомъ такомъ прыжкѣ, Кранцъ вскрикивалъ и хватался руками за борта. Вдобавокъ гребцы немилосердно плескали веслами и вѣтеръ относилъ брызги какъ разъ на пунктъ, который досталось занимать Кранцу. Свѣтло-зеленое пальто пріобрѣло темно-бутылочный цвѣтъ отъ промочившей его влаги. Марья Николаевна только смѣялась. Она не боялась непогоды, а можетъ быть также вѣрила въ кормчаго, при пробѣгѣ волны каждый разъ искусно отворачивавшаго корму и потомъ немедленно придававшаго ей прежнее направленіе.

— Пойдемте къ Шиховымъ, посмотримъ, что у нихъ дѣлается,— сказала Марья Николаевна, когда пятиверстная ширина рѣки осталась, наконецъ, сзади, и маленькое общество стояло на берегу.

— Я только сбѣгаю, переодѣнусь,—сказалъ Кранцъ.—Я весь промокъ!

— Въ добрый часъ!—лукаво сказала дѣвушка.—Нѣтъ худа безъ добра.

Молодые люди болтая, и смѣясь, поднялись по косогору. Нижнепропадинскъ лежалъ передъ ними во всей неприглядности своего убогаго вида. Онъ отдѣлялся отъ рѣчного берега длинной и узкой *курьей*, которая посрединѣ была наполнена стоячей водой, а по краямъ мелѣла, загибаясь и охватывая городъ, какъ будто руками, двумя топкими и вонючими болотами. Для перехода черезъ курью были устроены узкіе и дрожащіе мостки безъ перилъ, которые не отличались безопасностью, особенно ночью.

Кучка жалкихъ избушекъ съ плоскими земляными крышами, вмѣсто кровель, вытянулась за курьей, въ одномъ углу смыкаясь и образуя зачатокъ улицы, а въ другомъ снова прихотливо разсыпаясь во всѣ стороны, какъ стадо испуганныхъ оленей. Большая часть избушекъ была заколочена, такъ какъ жители разъѣхались на лѣто по заимкамъ. Было нѣсколько домовъ побольше, но всѣ они зіяли пустыми оконными отверстіями и выбитыми дверями. Это были жилища торговцевъ, которые, за упадкомъ торговли, всѣ давно выселились изъ Нижнепропадинска, оставивъ свои постройки на произволъ судьбы.

Двѣ деревянныя церкви возвышались на пригоркѣ, совершенно подавляя своей величиной окружавшія избушки. Въ городѣ было три священника и соотвѣтственное количество дьячковъ и причетниковъ, и въ настоящую минуту, за отсутствіемъ другихъ обывателей, духовенство составляло главный элементъ наличнаго населенія.

Шиховы жили въ большой избѣ въ двѣ связи, которая первоначально назначалась для школы, но много лѣтъ стояла пустая, пока ее не заняли пріѣзжіе. Имъ стоило большого труда отопить это огромное помѣщеніе, но они поневолѣ должны были занимать его. У нихъ было четверо дѣтей, и жизнь въ тѣсной квартирѣ во время суровой зимы, когда ребятишки почти не выглядываютъ на улицу, для нихъ являлась немыслимой.

Въ просторной горницѣ, занимавшей большую часть связи, расположенной направо, было довольно темно, благодаря небольшимъ окнамъ съ толстыми рамами, на которыхъ вмѣсто стеколъ былъ наклеенъ грубый холстъ, совсѣмъ сѣрый отъ насѣвшей пыли. Горница была почти совершенно пуста. Только въ глубинѣ ея, въ лѣвомъ углу, сиротливо пріютился столъ и короткая скамья, плотно приставленная къ стѣнѣ, чтобы придать больше устойчивости ея кривымъ ножкамъ. У двери былъ большой кирпичный каминъ съ такимъ широкимъ жерломъ, что маленькій чугунный горшечекъ, стоявшій въ глубинѣ шестка, совершенно терялся въ окружавшей его кирпичной пустынѣ.

Влѣво отъ камина высокій и тощій человѣкъ съ пріятнымъ лицомъ, обрамленнымъ жиденькой русой бородкой, одѣтый въ длинный балахонъ изъ суроваго полотна, засучивъ рукава, мылъ бѣлье въ широкой корчагѣ, поставленной на деревянный табуретъ. По комнатѣ ходилъ другой человѣкъ, тоже тощій, но невысокій, съ костлявыми плечами и огромной черной гривой. Онъ былъ одѣтъ въ старую блузу сѣраго сукна съ прямымъ разрѣзомъ ворота, который внизу переходилъ въ длинную прорѣху, доходившую до самаго рубчика, окружавшаго подолъ. На ногахъ его красовались непарные сапоги, которые вдобавокъ оба были скривлены внутрь, такъ что владѣльцу ихъ приходилось держать ноги носками вмѣстѣ, какъ будто онъ собирался сдѣлать па какого-то мудренаго танца.

На правой рукѣ онъ держалъ грудного ребенка, завернутаго въ сѣрыя тряпки. Въ лѣвой рукѣ онъ сжималъ маленькую тощую книжонку, развернутую посрединѣ и отъ угла до угла мелко испещренную частыми линіями убористаго нѣмецкаго шрифта, очевидно одно изъ изданій Notional Bibliothek. Книжонка была захватана и исчитана почти до дыръ, а листки, на которыхъ она была развернута, въ разныхъ мѣстахъ носили слѣды жирныхъ

пальцевъ. Человѣкъ съ ребенкомъ то поднималъ ее къ лицу, внимательно вглядываясь въ мелкія строки, то опускалъ ее внизъ, сосредоточенно соображая. На столѣ въ углу комнаты лежала кипа журналовъ въ сѣрыхъ и красныхъ обложкахъ. Одинъ изъ нихъ былъ раскрытъ на первыхъ страницахъ и лежалъ на краю стола. Человѣкъ съ ребенкомъ, совершая свою прогулку по комнатѣ, каждый разъ подходилъ къ столу и читалъ развернутый журналъ. Руку съ нѣмецкой книжонкой онъ опускалъ внизъ, но дойдя до конца страницы, поднималъ книженку и ловко поддернувъ ею листокъ журнала, переворачивалъ и принимался читать снова. Дойдя до конца въ другой разъ, онъ поворачивался и возобновлялъ прогулку по направленію къ двери.

Ребенокъ плакалъ, но какъ-то негромко. Быть можетъ, онъ догадывался, что изъ его плача ничего не выйдетъ и не хотѣлъ надрываться понапрасну. По временамъ, когда ребенокъ возвышалъ голосъ, человѣкъ въ сѣрой блузѣ машинально прижималъ его къ груди, какъ будто стараясь надавить пружинку, которая могла бы захлопнуть эти безпокойные звуки. При этомъ онъ все время напѣвалъ довольно громко, но совершенно безсознательно, какой-то странный мотивъ, очевидно собственнаго сочиненія: бэум, бэум, бэум, бэм!—съ цѣлью убаюкать ребенка.

Свита Марьи Николаевны вся разомъ ворвалась въ комнату.

— Здравствуйте, Шиховъ,—сказалъ Ратиновичъ, подойдя къ человѣку съ ребенкомъ, и хотѣлъ было протянуть ему руку, но удержался, сообразивъ, что обѣ руки Шихова заняты.

— Ага,—отвѣтилъ Шиховъ,—здравствуйте!—Онъ подошелъ къ столу и положилъ на него нѣмецкую книжку, очевидно отказываясь отъ нея на время посѣщенія гостей.

— Это что, опять Спиноза,—насмѣшливо сказалъ Ратиновичъ,—доучиваете наизусть?

— Какъ же,—добродушно отвѣтилъ Шиховъ.—Спиноза въ рукахъ, а на столѣ что?—и онъ показалъ на развернутый журналъ.

— Мой, Беккеръ! Не стой!—сказалъ Рыбковскій, подходя къ человѣку, мывшему бѣлье.—Богъ труды любитъ!

Беккеръ былъ его пріятелемъ и сожителемъ по квартирѣ, но ему и въ голову не пришло предложить Беккеру свои услуги по части бѣлья.

— Если вы устали, Михаилъ Самойловичъ,—прохрипѣлъ Бронскій съ наивысшей вѣжливостью, на которую только былъ способенъ,—то я замѣню васъ.

— Нѣтъ, ничего!—возразилъ Беккеръ, поднимая надъ корчагой какое-то бѣлое одѣяніе, весьма смахивавшее на женскую

рубашку, и принимаясь его скручивать и выжимать изъ него воду.

Дѣти, игравшія съ сосѣдней комнатѣ, услышавъ приходъ гостей, выскочили изъ подъ ситцевой драпировки. Ихъ было трое. Впереди бѣжала дѣвочка лѣтъ четырехъ съ большой головой, смуглымъ личикомъ и большими черными глазами, въ одеждѣ, сшитой изъ темнаго ситца и состоявшей изъ коротенькой кофточки и такихъ же коротенькихъ панталончиковъ.

Увидѣвъ Рыбковскаго, она тотчасъ же обхватила его ногу обѣими ручками и стала карабкаться вверхъ.

— Дядька, дай гостинца, гостинца принесъ, дядька?—кричала она.

— Цицинца!—повторилъ маленькій толстенькій мальчуганъ въ красной рубашенкѣ и съ вязанной шапочкой на головѣ, ковыляя сзади на своихъ короткихъ ножкахъ. Въ одной рукѣ онъ держалъ щепку, а въ другой огромный остроконечный ножъ туземнаго издѣлія и даже на ходу продолжалъ скоблить его лезвіемъ кусочекъ дерева, тщетно стараясь срѣзать съ него стружку.

Дѣвочка лѣтъ шести съ бѣлокурыми волосами, разсыпавшимися по плечикамъ, одѣтая въ короткое бумазейное платье, изъ котораго она уже успѣла выросли, шла сзади всѣхъ, волоча за собой несоразмѣрно длинную и тонкую куклу или, лучше сказать обнаженный остовъ куклы, такъ какъ на ней не было ни малѣйшихъ признаковъ одежды. Дѣвочка держала куклу за ногу и фарфоровая голова ея со стукомъ поскакивала по неровнымъ доскамъ пола, вздрагивавшимъ, какъ фортепіанныя клавиши, когда кто-нибудь наступалъ на ихъ другой конецъ.

— Вотъ *гостинца*,—сказалъ Рыбковскій, нагибаясь къ младшей дѣвочкѣ. Въ рукахъ у него неизвѣстно откуда оказалось крошечное берестяное лукошко, наполненное мелкими красными ягодами. Онъ успѣлъ собрать смородины, когда ходилъ за цвѣтами для Марьи Николаевны.

Дѣвочка жадно схватила ягоды.

— И съ Мишей подѣлись,—сказалъ Рыбковскій.—Мишенька, хочешь ягодки?—спросилъ онъ, переходя отъ дѣвочки къ мальчику.

— Хочешь!—отвѣтилъ Мишенька, поднимая вверхъ свое невообразимо замазанное личико.

— Не дамъ,—сказала дѣвочка, прижимая къ груди лукошко,—я сама съѣмъ!

Нѣсколько ягодъ, перекатившись черезъ край лукошка, расплюснулись и окрасили розовымъ пятномъ ситцевую грудь кофточки.

— Не даетъ! Драннитъ (дразнитъ),—пожаловался мальчикъ, указывая на дѣвочку рукой.

Марья Николаевна, замѣшкавшаяся немного сзади, только въ эту минуту вошла въ горницу.

— Здравствуйте, Шиховъ!—сказала она громко и весело. Въ ея глазахъ какъ будто еще блистало отраженіе свѣжихъ зеленыхъ волнъ рѣки, на которыхъ недавно она колыхалась въ лодкѣ.

Шиховъ, успѣвшій снова углубиться въ журналъ, повернулся такъ быстро, что задѣлъ прорѣхой блузы за уголъ стола и окончательно перервалъ ее. Она получила теперь видъ камзола съ болтавшимися полами.

— Здравствуйте,—сказалъ онъ, протягивая гостьѣ свободную лѣвую руку.

Ребенокъ, котораго онъ, вѣроятно, неловко придавилъ, вдругъ возвысилъ голосъ на нѣсколько тоновъ.

— Дайте, дайте сюда ребенка,—сказала дѣвушка,—а гдѣ Сара Борисовна? Онъ, вѣроятно, ѣсть хочетъ.

— Сара тамъ возится съ коровой,—сказалъ Шиховъ, дѣлая неопредѣленный жестъ рукой куда-то въ сторону.—Хотите чаю? Я затоплю каминъ,—прибавилъ онъ, дѣлая слабую попытку выказать гостепріимство.

— Не надо; мы только что пили,—сказала дѣвушка,—лучше я маленькаго посмотрю.—И она принялась развертывать ребенка на одномъ углу того же большого стола, ибо въ комнатѣ не было никакой другой подходящей мебели.

Кранцъ, успѣвшій переодѣться тоже вошелъ въ комнату. Теперь онъ былъ облеченъ въ сѣрый суконный костюмъ, почти не ношенный, но видимо слежавшійся отъ долгаго пребыванія въ ящикѣ. Воротъ его рубашки былъ повязанъ разноцвѣтнымъ шелковымъ снурочкомъ съ кистями на концахъ. Другой черный снурокъ простирался по сѣрому жилету, оканчиваясь въ карманѣ и указывая на присутствіе часовъ. Кромѣ переодѣванія, Кранцъ, очевидно, помылся, ибо лысина его блестѣла, какъ заново вычищенная кастрюля.

— Какъ на балъ,—сказалъ Бронскій, окидывая его съ ногъ до головы испытующимъ взглядомъ.

Кранцъ, не отвѣчая на задиранія, подошелъ къ столу и сталъ помогать дѣвушкѣ возиться съ ребенкомъ. Беккеръ положилъ на скамейку, стоявшую возлѣ него, еще одинъ жгутъ выжатаго бѣлья.

— Что вы тамъ читаете, Шиховъ?—спросилъ онъ, останавливаясь, чтобы перевести дыханіе и вмѣстѣ съ тѣмъ свертывая сигаретку изъ обрывка бумаги, вверху котораго еще можно было прочесть заголовокъ: „Русская Мысль“.

— Глупости,—отвѣчалъ Шиховъ, не оборачиваясь.

Освободившись отъ ребенка и отъ нѣмецкой книжки, онъ, очевидно, считалъ, что можетъ безраздѣльно посвятить свое вниманіе журналу, и теперь перевертывалъ страницы, не отходя отъ стола.

— Какія глупости?—спросилъ Беккеръ, пуская клубъ дыма.— Что именно?

— Просто таки глупости,—повторилъ Шиховъ,—„pur sang“. Это заглавіе такое; повѣсть.

— Ахъ да, видѣлъ,—сказалъ Беккеръ.—Что тамъ есть?

— Да глупости, я вамъ говорю,—не удержался Шиховъ отъ остроты, напрашивавшейся на языкъ.—Молодой человѣкъ оставилъ свой идеалъ, чтобъ сдѣлаться директоромъ банка, и авторъ оплакиваетъ потерю его добродѣтели.

— Полно врать,—сказалъ Ратиновичъ,—тамъ и молодое поколѣніе есть.

— Ну да, есть—возразилъ Шиховъ,—на самомъ концѣ, а вся середина авторскія слезы.

— Какъ это надоѣло! Ноютъ, ноютъ, конца нѣтъ,—сказалъ Беккеръ, пуская новый клубъ дыма.

— Безвременіе, должно быть,—возразилъ Шиховъ примирительнымъ тономъ.

— Какое безвременіе,—съ досадой сказалъ Беккеръ, принимаясь опять за бѣлье.—Конечно, мы не знаемъ въ этой дырѣ... А все-таки можетъ ли быть, чтобы ни одного живого человѣка не было? Вотъ въ вашихъ „глупостяхъ“ хоть въ концѣ молодое поколѣніе есть, а вы попробуйте разобраться въ другихъ разсказахъ. Нумеръ первый. Человѣкъ соблазнилъ танцовщицу, потомъ хотѣлъ соблазнить другую дѣвушку, но она оказалась вовсе не дѣвушка, тогда онъ съ горя рѣшилъ добиваться вице-губернаторскаго мѣста. Нумеръ второй. Какой-то приватъ-доцентъ, просидѣвъ полвѣка надъ гвоздеобразными и самъ превратившійся въ такой же гвоздеобразный знакъ, вдругъ вздумалъ ухаживать за дѣвушкой, которая, однако, предпочла выйти замужъ за музыкальнаго лонлакея, а онъ съ отчаянія напился, какъ стелька. Это одинъ журналъ. Въ другомъ журналѣ чуть ли не на семистахъ страницахъ курсистка падаетъ въ объятія какого-то невозможнаго хлыща и все это съ этакимъ легонькимъ символическимъ гарниромъ, хотя вмѣсто символа дѣло очень скоро дошло до „*момо*“... Потомъ община самоусовершенствующихся забралась чуть не на Казбекъ, чтобы уединиться отъ жизни... Потомъ бѣлокурое безуміе въ оленней дохѣ ѣдетъ по рѣкѣ въ лодкѣ самъ-другъ и собирается отдыхать. И такъ вездѣ. Они какъ будто сговорились.

Слушатели смѣялись, но Беккеру было вовсе не до смѣха. Запустивъ свои длинныя руки въ корчагу, онъ принялся расти-

рать какую-то штуку бѣлья съ такимъ ожесточеніемъ, какъ будто бы это былъ одинъ изъ столь ненавистныхъ героевъ безвременія.

— Не вѣрю я,—повторилъ онъ сердито,—можетъ ли быть, чтобы нигдѣ живого человѣка не было. Развѣ русская жизнь до такой степени клиномъ сошлась? Напротивъ, кажется въ послѣднее время немного отмякла.

— Жизнь-то отмякла, да люди не успѣли отмякнуть—сказалъ Рыбковскій.

— Не знаю!—сказалъ Беккеръ съ сомнѣніемъ.—Но если это правда,—онъ вынулъ изъ корчаги руку, покрытую мыльной пѣной и трагическимъ жестомъ указалъ на столъ,—такъ это чортъ знаетъ на что похоже—докончилъ онъ.

— Я не удивляюсь, что эти,—мыльная рука сдѣлала поворотъ въ воздухѣ и уставилась въ лицо Ратиновича, стоявшаго напротивъ...—Я не удивляюсь, что эти такъ пялятъ глаза на Европу. Тамъ, по крайней мѣрѣ, жизнь, чортъ возми!

Ратиновичъ коротко засмѣялся.

— Не отвертитесь!—сказалъ онъ съ сознаніемъ спокойнаго торжества.—Чумазый слопаетъ всю славянскую подоплеку.

— Что вы такъ торжествуете?—сказалъ Рыбковскій, опять обозлившись.—Ну пусть слопаетъ или ужъ слопалъ. Зачѣмъ же такъ громко потрясать въ кинвалы. Развѣ чумазый такая привлекательная фигура?

— За чумазымъ идетъ другая сила, которой вы не видите, или не хотите видѣть,—сказалъ Ратиновичъ.

— Никакой нѣтъ силы,—возразилъ Рыбковскій.—Два съ половиной человѣка... Одна ласточка не дѣлаетъ весны.

— Есть, есть сила!—кричалъ Ратиновичъ.—Вы не знаете, у меня есть факты. Жизнь мѣняется. Современная Россія не похожа на вашу. Вы проморгали цѣлую новую полосу!..

Дѣти успѣли покончить съ ягодами. Подъ вліяніемъ Маріи Николаевны маленькая дѣвочка согласилась подѣлиться съ другими. Теперь берестяное лукошко обратилось въ повозочку, въ которой мальчуганъ возилъ деревянный чурбанчикъ, изображавшій собаку, съ четырьмя бугорками вмѣсто ногъ и цилиндрически вальковатой головой. Дѣвочка опять подбѣжала къ Рыбковскому.

— Дядька,—сказала она,—посади на шейку! Хочу на шейку! Рыбковскій нагнулся и, подхвативъ дѣвочку, посадилъ ее къ себѣ на плечи.

— Ходи, ходи!—кричала дѣвочка.

Рыбковскій сталъ бѣгать по комнатѣ, топаньемъ ногъ подражая коню. Дѣвочка визжала отъ восторга, но вмѣстѣ съ тѣмъ, опасаясь упасть, цѣпко хваталась за уши и волосы „дядьки“. Младенецъ успѣлъ уже перейти на руки Кранца. Такъ какъ въ

комнатѣ было тепло, то его оставили въ одной рубашенкѣ. Марья Николаевна ушла на поиски вещей, необходимыхъ для обновленія его туалета. Кранцъ ходилъ по комнатѣ съ ребенкомъ на рукахъ и напѣвалъ точно, также, какъ недавно Шиховъ: Бэум, бэум, бэум, бэм!

Дѣвочка съ куклой ходила сзади него, напѣвая тоненькимъ голоскомъ: „Кранцъ плѣшивый до ушей, хоть подушечки пришей!“

— Отстань, Люба!—отмахнулся Кранцъ.—Посмотрите-ка сюда. Наумъ Григорьевичъ!

Шиховъ неохотно оторвался отъ журнала.

— Что?—спросилъ онъ разсѣяннымъ тономъ.

— Посмотрите-ка, что это у ребенка во рту? Видите, бѣлый налетъ!

У Кранца была страсть отыскивать самыя невѣроятныя болѣзни у кого попало. Въ діагностикѣ ихъ онъ отличался большимъ краснорѣчіемъ и въ изобиліи разсыпалъ на право и налѣво латинскіе термины и имена болѣзней. Онъ былъ фармацевтъ и въ совершенствѣ помнилъ номенклатуру фармакопеи, вытвердивъ ее еще во время выучки. Терапію же онъ изучилъ потомъ на досугѣ. Его краснорѣчивая увѣренность въ опредѣленіи мнимыхъ болѣзней была чрезвычайно заразительна и передавалась паціенту и его друзьямъ съ первыхъ же словъ „доктора“. И на этотъ разъ Шиховъ тотчасъ же сталъ внимательнѣе присматриваться къ ребенку.

— У него желудочекъ засоренъ,—громко сказалъ Кранцъ,—навѣрное у него запоръ. Вотъ посмотрите, съ утра пеленки чисты.

Но ребенокъ, повидимому, не довѣрялъ діагностикѣ своего врача и вознамѣрился понятно доказать ея несостоятельность. Онъ сдѣлалъ то же, что ребенокъ на рукахъ у Чичикова и съ равнымъ успѣхомъ. Вслѣдъ за этимъ онъ залился оглушительнымъ плачемъ, очевидно считая, что ему кто-то нанесъ нестерпимую обиду.

— Ахъ чортъ, возмите этого пострѣленка,—кричалъ въ отчаяніи Кранцъ,—что я теперь буду дѣлать?

Марія Николаевна явилась съ ворохомъ бѣлья и снова приняла ребенка на свое попеченіе, но онъ не унимался.

Онъ кричалъ какъ будто его рѣжутъ, захлебываясь и закатываясь на такіе долгіе промежутки, что слушателямъ каждый разъ начинало казаться, что онъ совсѣмъ задохнулся.

— Гдѣ это Сара?—сказалъ нетерпѣливо Шиховъ,—чего она тамъ копается.

Высокая и худая женщина отворила дверь въ комнату. Передъ тѣмъ какъ войти, она нагнулась къ землѣ и подняла обѣими

руками широкій низкій подойникъ, наполненный молокомъ. Она не могла удержать его въ одной рукѣ и, чтобы отворить дверь, должна была предварительно поставить его на полъ. Теперь она несла передъ собой, вытянувъ руки и тихо колебля локти на каждомъ шагу на подобіе рессоръ экипажа, поддерживающихъ кузовъ.

На лицѣ ея была написана стремительность. Было очевидно, что если бы не подойникъ, она влетѣла бы въ комнату, какъ буря, и выхватила бы ребенка изъ неопытныхъ рукъ, не умѣвшихъ справляться съ нимъ. Но теперь она выступала мелкими и медленными шажками, боясь расплескать молоко.

Рыбковскій поспѣшно спустилъ дѣвочку на землю и сдѣлалъ шагъ впередъ на встрѣчу новопришедшей, намѣреваясь принять изъ ея рукъ подойникъ, но дѣти оказались быстрѣе его.

— Молоко, молоко,—закричали они съ азартомъ и черезъ мгновеніе уже облѣпили мать со всѣхъ сторонъ, теребя ее за подолъ юбки и еще болѣе замедляя и путая ея шаги.

— Мама, дай молока,—кричали они на разные лады.

— Постойте, — говорила она почти съ отчаяніемъ, — дайте поставить на столъ. Я расплескаю молоко!

— Не надо, Семенъ Петровичъ,—сказала она Рыбковскому, который протянулъ руку къ подойнику.—Пусть ужъ лучше я сама! У васъ они, навѣрное, все выльютъ.

Наконецъ ей удалось достигнуть стола и, не имѣя времени выбирать мѣсто, она поставила подойникъ прямо на двѣ низкія горки журналовъ, сдвинутыя вмѣстѣ, и принялась кормить ребенка тутъ же на глазахъ у всѣхъ присутствующихъ, устроивъ себѣ занавѣску изъ ветхой шали, наброшенной на плечи.

— Зачѣмъ ты поставила молоко на журналы,—съ упрекомъ сказалъ Шиховъ. - И безъ тебя журналы черезчуръ треплются. Изъ рукъ вопъ!

— Маленькій шибко кричалъ,—сказала жена извиняясь.—Я сейчасъ приму.—И прижимая къ груди ребенка, она встала со скамьи и хотѣла свободной рукой привести въ порядокъ вещи на столѣ.

Но Рыбковскій облегчилъ ей задачу. Отставивъ подойникъ въ сторону, онъ собралъ въ охапку всѣ книги, лежавшія на столѣ и сбросилъ ихъ въ уголъ. Два разрозненныя листка при этомъ вылетѣли изъ одного разбухшаго и растрепаннаго тома и отлетѣли въ сторону, наглядно подтверждая слова Шихова.

Но Шихову было не до нихъ.

— Спиноза, Спиноза,—кричалъ онъ.—Вы захватили мою этику.

Онъ подбѣжалъ къ кучѣ и сталъ доставать оттуда свою кни-

жонку, которая какъ овсянка съ воробьями попала въ общую груду, со своими дебелыми и легкомысленными сосѣдями. Вытащивъ ее оттуда и не зная, куда дѣвать, чтобы предохранить отъ духа разрушенія, которымъ были проникнуты всѣ его гости, онъ усѣлся у окна, продолжая держать ее въ рукахъ, и кончилъ тѣмъ, что опять сталъ внимательно вглядываться въ мелкія строки и обдумывать смыслъ заключавшихся въ нихъ истинъ.

Быть можетъ, онъ хотѣлъ наверстать время, потраченное на легкомысленное чтеніе журнала.

Поведеніе его не обратило на себя ничьего вниманія. Люди жившіе въ Пропадинскѣ привыкли не стѣсняться другъ съ другомъ и онъ былъ одинъ изъ наименѣе церемонныхъ.

Шиховъ посвятилъ себя изученію философіи и отдавалъ ей каждую свободную минуту съ немалымъ ущербомъ для своего разстроеннаго хозяйства. Къ сожалѣнію, въ Пропадинскѣ совсѣмъ не было подходящихъ книгъ и пособій, но онъ не особенно страдалъ отъ этого недостатка и вчитывался въ немногія имѣвшіяся у него книги, находя въ нихъ все новый и новый смыслъ. Онъ не обращалъ большаго вниманія даже на качество этихъ книгъ и съ одинаковымъ интересомъ переходилъ отъ этики Спинозы къ очерку матеріализма какого-то Лефебра. Умозрѣнію онъ также посвящалъ не мало времени, но въ своихъ философскихъ построеніяхъ отличался замѣчательнымъ непостоянствомъ и то и дѣло переходилъ отъ крайняго идеализма къ такому же крайнему сенсуализму. Амплитуда его колебаній заключала въ себѣ все разстояніи отъ Ѳалеса Іонійскаго до Авенаріуса и Риля и если онъ не побывалъ еще послѣдователемъ Нитцше, то только потому, что не читалъ его.

Вокругъ стола происходила настоящая осада.

— Молока!—кричала отчаяннымъ голосомъ младшая дѣвочка.

— Моло-ока!

Мишенька, какъ мужчина, рѣшилъ прибѣгнуть къ болѣе энергическимъ мѣрамъ. Онъ пододвинулъ къ столу большой деревянный стулъ, стоявшій у стѣны, и взобравшись на него съ великою опасностью, теперь влѣзалъ на столъ, намѣреваясь погрузить въ подойникъ свою запачканную мордочку.

— Я пойду за чашками,—сказала Марія Николаевна, но старшая дѣвочка рѣшительно отклонила ея предложеніе.

— Сиди! Сиди!—кричала она, усаживая ее на скамью съ матерью.—Я принесу! Я!—И она въ припрыжку выбѣжала изъ комнаты.

Младшая дѣвочка вдругъ забыла о молокѣ.

— Любка, Любка!—крикнула она, выбѣгая вслѣдъ за сестрой.—Постой! Я принесу! Я лучше! Аа!—послышался ея плачъ изъ-за притворенной двери.

— Онѣ разобьютъ чашки,—сказала Шихова съ безпокойствомъ.

Марія Николаевна встала и послѣдовала за дѣтьми. Мишенька уже добирался до подойника. Рыбковскій снялъ его со стола и въ видѣ утѣшенія хотѣлъ подбросить его вверхъ, но мальчикъ сталъ такъ неистово брыкаться, что онъ былъ принужденъ спустить его на полъ. Мишенька немедленно повалился на спину и сталъ кататься по полу въ конвульсіяхъ гнѣвныхъ рыданій.

Шиховъ наконецъ оторвался отъ книги.

— Перестань, Мишка!—сказалъ онъ не поднимаясь съ мѣста.

Марія Николаевна вернулась вмѣстѣ съ дѣвочками. Всѣ трое несли по одной чашкѣ. Миръ очевидно былъ водворенъ на началахъ равномѣрнаго распредѣленія.

— Отчего же только три чашки?—сказала хозяйка.—Развѣ вы и они—она мотнула головой въ сторону другихъ гостей,—не выпьете молока?

— Мы не маленькіе!—возразила Марія Николаевна,—лучше будемъ пить чай!

— Чай! Чай!—поддержали другіе.

Чай былъ въ Пропадинскѣ главнымъ общественнымъ занятіемъ, можно сказать центральнымъ узломъ всей общественной жизни. Когда три человѣка сходились, они не могли пробыть вмѣстѣ десяти минутъ, чтобы не подвѣсить чайника надъ огнемъ.

Шиховъ сдѣлалъ видъ, что хочетъ отложить книгу въ сторону, но его дѣятельность, какъ это бывало слишкомъ часто, оказалась излишнею. Беккеръ, который успѣлъ при помощи Бронскаго вынести мокрое бѣлье на дворъ, возвратился съ охапкой щепокъ. Продолжительная возня съ водой повидимому возбудила въ немъ жажду и онъ немедленно принялся растапливать жерлообразный каминъ.

Ребенокъ наконецъ заснулъ. Сара Борисовна скрылась за занавѣсями и черезъ минуту вернулась безъ ребенка, но съ большимъ мѣднымъ поддонникомъ въ рукахъ, замѣнявшимъ блюдо и загроможденнымъ грудой крупныхъ звеньевъ вареной рыбы.

— Не хочетъ ли кто нибудь закусить передъ чаемъ?—предложила она, вытащивъ столъ на середину комнаты при содѣйствіи Рыбковскаго и отправляясь за ложками и солью.

Гости презрительно поморщились. Рыба составляла главную пищу въ Пропадинскѣ и они успѣли возненавидѣть ее до глубины души. Ихъ нельзя было въ этомъ отношеніи подкупить ни нельмой, ни осетриной. Изъ рыбныхъ блюдъ они относились терпимо только къ мерзлой сырой строганинѣ, но теперь было лѣто и о строганинѣ нечего было думать

Однако Шиховъ поднялся съ гораздо большой быстротой, чѣмъ раньше и подсѣлъ къ столу. Онъ былъ необычайно прожорливъ,

ибо философія, повидимому, предполагала усиленный обмѣнъ веществъ. За-то онъ былъ совершенно неприхотливъ относительно качества пищи и никогда не разбиралъ, что̀ стоитъ передъ нимъ на столѣ. Про него разсказывали, что однажды, усѣвшись обѣдать въ отсутствіи жены, которая ушла въ гости, онъ перемѣшалъ котлы и по ошибкѣ уничтожилъ полный котелокъ сырой рыбы, вычищенной къ ужину, и замѣтилъ недоразумѣніе только по странному виду костей, оставшихся отъ трапезы.

Беккеръ тоже сѣлъ къ столу, глядя на рыбу меланхолическимъ взглядомъ. Онъ былъ голоденъ, но ихтофогія надоѣла ему до смерти.

Хозяйка и Марія Николаевна кормили дѣтей, заботливо выбирая кости и складывая мякоть на бѣлую желѣзную тарелку.

— Чудаки,—резонировалъ Шиховъ съ полнымъ ртомъ,—не хотятъ ѣсть нельмы! Да знаете ли вы, что эта нельма въ Петербургѣ стоила бы по рублю за фунтъ? Такимъ обѣдомъ не побрезговали бы вельможи.

— Настоящій философъ,—недоброжелательно возразилъ Ратиновичъ.—Развѣ я тюлень, чтобы питаться рыбой?

Кранцъ снова явился. Онъ рѣшился въ этотъ день истощить все богатство своихъ сундуковъ. На немъ была надѣта коричневая шерстяная блуза, широко вышитая по вороту и груди и подпоясанная толстымъ шелковымъ жгутомъ съ длинными пышными кистями. Черный снурокъ по прежнему простирался по его груди, оканчиваясь въ маленькомъ кармашкѣ, скромно пріютившемся слѣва отъ вышивки.

— Тѣ же и Кранцъ,—сказалъ Ратиновичъ.—Александръ Никитичъ, который часъ?

Часы Кранца служили предметомъ вѣчныхъ насмѣшекъ его товарищей. Они были испорчены уже около года, и Беккеръ, занимавшійся немного починкой часовъ, рѣшительно отказался исправить ихъ. Тѣмъ не менѣе Кранцъ въ рѣдкія минуты, когда на него нападалъ духъ франтовства, считалъ необходимымъ засовывать ихъ въ карманъ, какъ разрядившійся башмачникъ, по злобному выраженію Ратиновича.

Шиховъ, окончивъ обѣдъ, опять принялся за этику. У камина возился Бронскій также, какъ на недавнемъ гуляньи. Хозяйка убирала со стола, а Марья Николаевна помогала, но каждый разъ, какъ она снимала со стола тарелку или отодвигала стулъ, подъ рукой неизмѣнно оказывался Кранцъ, который тарелку уносилъ на кухню, а стулъ ставилъ къ стѣнѣ.

Рыбковскій и Ратиновичъ опять затѣяли споръ. Теперь дѣло шло о цѣнахъ на хлѣбъ, которыя въ то время служили точильнымъ камнемъ для столькихъ острыхъ умовъ и хорошо привѣшенныхъ

языковъ. Противники, по обыкновенію, не сходились ни въ чемъ и вслушивались въ чужія слова только для того, чтобы сдѣлать одно изъ нихъ отправной точкой для крылатаго возраженія.

— Народъ покупаетъ хлѣбъ,—кричалъ Рыбковскій,—низкія цѣны убыточны только для крупныхъ производителей.

— Чѣмъ онъ покупаетъ? Трудомъ, — возражалъ Ратиновичъ,—значитъ, онъ принадлежитъ къ пролетаріату.

— Пролетаріату дешевый хлѣбъ еще нужнѣе,—говорилъ Рыбковскій.

— Это статистическое воззрѣніе,—возражалъ Ратиновичъ,—низкія цѣны тормозятъ естественный ходъ движенія...

— Пусть тормозятъ,—кричалъ Рыбковскій. — Легче будетъ перенести эпоху кризиса. Народное хозяйство не подготовлено... Пусть ему дадутъ время.

— Низкія цѣны отсталость,—выходилъ изъ себя Ратиновичъ минуту спустя.—Для страны не можетъ быть выгодно, если ея продукты плохо оцѣниваются рынкомъ.

— Что такое страна?—спрашивалъ Рыбковскій.

— Съ экономической точки зрѣнія страна, это совокупность хозяйствъ.

— Нѣтъ, страна. это совокупность производителей и потребителей...

— При дешевомъ хлѣбѣ смертность меньше,—возражалъ Рыбковскій еще минуту спустя,—жизнь болѣе обезпечена.

— Но въ менѣе культурныхъ странахъ смертность вообще выше,—возражалъ противникъ.

— Зато и рождаемость выше!

— Рождаемость нищихъ,—возражалъ Ратиновичъ.

Когда чаепитіе окончилось, настала пора расходиться по домамъ. Вмѣстѣ съ послѣднимъ глоткомъ желтоватой воды, какъ будто изсякла струя общественности, соединявшая этихъ людей. Охота спорить пропала у самыхъ задорныхъ и каждый внезапно почувствовалъ, что окружающія лица ему смертельно надоѣли и что нужно вернуться къ своимъ домашнимъ пенатамъ. Въ этомъ фантастическомъ углу было слишкомъ тѣсно для того, чтобы центробѣжная сила по временамъ не давала себя чувствовать, явственно перевѣшивая центростремительную.

Беккеръ тоже ушелъ вслѣдъ за другими. Собственно говоря, его дежурство должно было окончиться только утромъ, но Бронскій, не участвовавшій въ стиркѣ бѣлья, чувствовалъ нѣкоторое угрызеніе совѣсти и предложилъ замѣнить его на эту ночь. Вдвоемъ они составляли настоящую женскую „прислугу“ и весьма дѣйствительно помогали Сарѣ Борисовнѣ нести бремя ухода за ея хозяйствомъ и дѣтьми. Беккеръ спеціализировался въ стиркѣ бѣлья

и мытьѣ половъ. Бронскій, напротивъ, съ особеннымъ стараніемъ укладывалъ дѣтей въ постель, просыпался ночью на ихъ крикъ, удовлетворялъ ихъ просьбы и вообще замѣнялъ няньку, а въ случаѣ надобности и сидѣлку, хотя, замѣчательный фактъ, днемъ онъ избѣгалъ возиться съ дѣтьми и даже дѣти не любили ластиться къ нему.

Рыбковскій куда-то исчезъ. Въ періоды человѣконенавистническаго настроенія онъ избѣгалъ четырехъ стѣнъ жилища, которое ему приходилось дѣлить съ другимъ человѣческимъ существомъ, и предпочиталъ проводить ихъ подъ открытымъ небомъ въ лѣсу или на берегу рѣки.

Марья Николаевна ушла вмѣстѣ съ Кранцемъ. Она была въ Пропадинскѣ еще недавно и не успѣла себѣ разстроить нервовъ настолько, чтобы чувствовать хроническую потребность уединенія, но изъ всего человѣческаго общества на долю ей остался одинъ Александръ Никитичъ.

Они прошли вдоль болотной набережной, направляясь на другой конецъ города, гдѣ находился пріютъ Марьи Николаевны.

Кранцъ никогда особенно не страдалъ отъ унынія, но внезапное распаденіе чайнаго общества произвело впечатлѣніе и на него и онъ находился въ довольно минорномъ настроеніи.

— Нѣтъ, теперь какая скука,—заговорилъ онъ вдругъ,—вотъ зимою правда!.. А теперь ничего!..

— Я не говорю, что теперь скучно,—съ раздраженіемъ сказала дѣвушка, чувствуя, что міръ начинаетъ передъ нею окрашиваться однообразной сѣрой краской.

— Какъ же,—подтвердилъ Кранцъ.—Теперь ничего. А вотъ зимою!.. Темнота, холодъ, на улицу выйти нельзя... Собаки воютъ, свѣчей нѣтъ. Ахъ, Марья Николаевна, вы еще не испытали этого!..

Дѣвушка молчала. Прежнее усталое выраженіе проступило на ея лицѣ, какъ будто въ сгущенномъ видѣ.

Наступило непродолжительное молчаніе.

— Я все думаю,—заговорилъ Кранцъ нерѣшительнымъ тономъ,—какъ это вы будете жить зимой? Одна, въ избѣ мало ли работы? Дрова натаскать, печь вытопить, льдины вычистить, прибрать... Случиться угорѣть, такъ и вытащить некому будетъ.

— Какъ-нибудь справлюсь,—сказала Марья Николаевна,—живутъ же другіе.

— То мужчины,—сказалъ Кранцъ,—да и имъ трудно.

— Марья Николаевна,—продолжалъ онъ еще нерѣшительнѣе,—если бы вы захотѣли... У меня квартира такая удобная... Вы могли бы прожить безъ всякой заботы!..

— То-есть какъ это прожить,—съ удивленіемъ спросила дѣвушка,—а вы какъ?

Она думала, что Кранцъ предлагаетъ ей мѣняться квартирами.

— Я готовъ быть вашимъ рабомъ, вашей тѣнью,—заговорилъ пылко Кранцъ.—Позвольте мнѣ служить вамъ, Марья Николаена! Сердце у меня изболѣло! Я буду ходить по вашимъ слѣдамъ, Марья Николаевна! Буду беречь васъ, какъ зѣницу ока, вѣтру не дамъ на васъ повѣять, пушинкѣ не дамъ упасть!..

Марья Николаевна повернула къ нему смущенное и все-таки нѣсколько удивленное лицо. Она была такъ молода и провела столько времени подъ спудомъ, что это было первое объясненіе въ любви, которое ей довелось услышать.

— Это невозможно,—тихо сказала она,—благодарю васъ, Александръ Никитичъ, но это невозможно!..

— О, вы меня не поняли,—поспѣшно заговорилъ Кранцъ,—мнѣ ничего не нужно. Я хочу только служить вамъ! Позвольте мнѣ хоть немного облегчить вамъ бремя этой суровой обстановки и я буду считать себя счастливымъ...

Но дѣвушка уже успѣла оправиться.

— Полноте, Александръ Никитичъ,—сказала она,—вы преувеличиваете! Мы всѣ здѣсь добрые товарищи и живемъ такъ близко другъ къ другу... Если понадобится помощь, стоитъ только перейти черезъ улицу. А на одной квартирѣ вышли бы взаимныя стѣсненія.

Кранцъ сконфуженно молчалъ. Онъ и самъ видѣлъ теперь полную неосуществимость совмѣстной жизни на предложенныхъ имъ основаніяхъ, а сдѣлать болѣе смѣлый шагъ у него не хватало духу. Впрочемъ, теперь онъ былъ болѣе, чѣмъ увѣренъ, что всякая попытка съ его стороны въ этомъ направленіи была бы безполезна. Они стояли уже у самой избы, гдѣ жила его спутница и онъ вдругъ вспомнилъ, что обѣщалъ навѣстить одного паціента именно въ этотъ вечеръ.

— Прощайте, Марья Николаевна,—сказалъ онъ все-таки не безъ сожалѣнія.—Мнѣ нужно идти!

Дѣвушка, оставшись одна, повернулась было, чтобы войти въ избу, но передумала и снова сошла внизъ съ крыльца. На дворѣ все еще стояла такая чудная погода, что она не могла рѣшиться войти подъ кровлю. Она посмотрѣла по сторонамъ и пошла по дорогѣ мимо Курьи, направляясь къ озеру, лежавшему позади города. Не считая рѣчного прибрежья, это была единственная полоса земли въ Нижнепропадинскѣ, по которой можно было пройти не замочивъ ногъ.

Солнце свернуло къ сѣверу и медленно катилось надъ ближнимъ лѣсомъ, какъ будто высматривая, съ какого мѣста ему будетъ удобнѣе начать новое восхожденіе. Наступавшій вечеръ сказывался только нѣкоторой свѣжестью да, пожалуй, удлиненіемъ

тѣней. Правда, немногіе жители, остававшіеся въ городѣ, попрятались по домамъ, но говорушки по прежнему щебетали въ кустахъ и не думали умолкнуть ни на минуту. Птицы, вообще, не признавали этого вечера и занимались своими обычными дѣлами. Хохлачки-бекасы дрались на полянкѣ передъ новой церковью съ не меньшимъ ожесточеніемъ, чѣмъ два часа тому назадъ. Куропатки перелетали съ одного берега Курьи на другой. Небольшая сѣрая утка съ цѣлымъ выводкомъ утятъ дерзко плавала у самыхъ мостковъ, не обращая вниманія на косматую черную собаку, которая медленно пробиралась по краю воды, быть можетъ, съ затаеннымъ намѣреніемъ совершить нападеніе на счастливую утиную семью. Стадо гусей протянулось такъ низко надъ городомъ, что можно было подумать, будто они хотятъ сѣсть на крыши.

— Гуляете, Марья Николаевна?

Рыбковскій выросъ такъ внезапно около молодой дѣвушки, что она даже вздрогнула.

— Теперь такая погода,—сказала она,—что сидѣть дома просто грѣшно.

Она бросила бѣглый взглядъ на своего новаго спутника. Рыбковскій, очевидно, бродилъ по болоту, такъ какъ сапоги его были испачканы глиной.

— Вы одна?—сказалъ Рыбковскій полуутвердительно.

— Кранцъ былъ,—сказала дѣвушка.

Рыбковскій посмотрѣлъ на нее пристальнѣе.

— Онъ предлагалъ мнѣ жить вмѣстѣ,—сказала вдругъ дѣвушка,—но я отказалась.

Въ Пропадинскѣ не было и не могло быть тайнъ даже самыхъ крошечныхъ. Туземцы по цвѣту и густотѣ дыма, выходящаго изъ сосѣдней трубы, узнавали характеръ ѣды, варившейся у чужого огня; пришельцы по выраженію глазъ товарища съ точностью опредѣляли предметъ его размышленій. Впрочемъ, никто и не думалъ скрываться. Вся жизнь проходила на распашку, на глазахъ у всѣхъ, какъ будто въ общей тюремной камерѣ.

Дорога перешла въ тропинку, извивавшуюся среди цѣлаго строя огромныхъ кочекъ, и такую узкую, что имъ нельзя было идти рядомъ. Рыбковскій пропустилъ дѣвушку впередъ, а самъ слѣдовалъ сзади. Лицо его было мрачно. Онъ думалъ про себя, что рѣшительная минута настала и что ему нужно пустить въ ходъ все свое краснорѣчіе, если онъ не хочетъ, чтобы другіе предупредили его. Но онъ рѣшительно не зналъ, какъ приступить къ дѣлу.

Наконецъ, они подошли къ озеру и остановились на зеленой лужайкѣ, прорѣзавшейся по берегу между двумя густыми щетками тальничной поросли.

— Марья Николаевна,—началъ онъ, наконецъ,—вотъ я тоже собираюсь вамъ сказать... Я думаю объ этомъ каждый день и каждую ночь съ тѣхъ поръ, какъ вы пріѣхали... Хотите услышать?

Онъ такъ и не могъ придумать никакого предисловія и рѣшился сразу схватить быка за рога.

— Не надо, не говорите,—сказала молодая дѣвушка почти со страхомъ.

— Поймите же, поймите, наконецъ,—воскликнулъ онъ съ мучительнымъ выраженіемъ въ глазахъ,—я, вѣдь, былъ еще моложе васъ, когда жизнь вдругъ втолкнула меня въ западню. Что можетъ понимать шестнадцатилѣтній мальчикъ? Умъ его опутанъ прописями. Жизнь представляется ему въ родѣ ложно-классической трагедіи, гдѣ парадируютъ герои и раздаются возвышенныя рѣчи, и онъ мечтаетъ только о томъ, чтобы не отстать отъ своихъ образцовъ... Потомъ я сталъ старше, но было уже поздно. Мнѣ приходилось не жить, а отбиваться отъ стаи напастей, которыя набрасывались на меня, какъ настоящія фуріи. Какъ бросить вокругъ себя широкій взглядъ, когда приходится думать о томъ, чтобы не умереть съ голоду? Въ этой безжизненной пустынѣ единственная возможная мечта вызывается желаніемъ получить хоть смутную вѣсть изъ полузабытаго далека, которое зовется свѣтомъ.

Рыбковскій торопился говорить и перескакивалъ съ предмета на предметъ и отъ одного образа къ другому.

Марья Николаевна не отвѣчала, но и не останавливала его больше. Она стояла, потупивъ голову и безмолвно внимая потоку этого книжнаго и безпорядочнаго краснорѣчія.

— Знаете, иногда, не на яву и не во снѣ, мнѣ грезилось что-то смутное, но сладкое, вѣявшее тепломъ и дышавшее очарованіемъ, которому я не могъ найти имени, но оно улетало, какъ неуловимый призракъ, и мнѣ становилось холоднѣе прежняго. Въ долгія зимнія ночи, когда я изнывалъ въ одиночествѣ и тщетно искалъ вблизи живую душу, предъ которой я могъ бы обнажить свои наболѣвшія раны, я пробовалъ иногда создать себѣ неясный, но плѣнительный образъ друга и мечталъ о словѣ утѣшенія изъ его привѣтливыхъ устъ, но въ эти послѣдніе дни я, наконецъ, увидѣлъ передъ собою воплощеніе моей мечты...

Марья Николаевна сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ, какъ будто желая уйти отъ этого потока страстныхъ словъ и, наконецъ, усѣлась на лежащій древесный стволъ, обрубленный въ видѣ скамьи для пользованія гуляющихъ. Рыбковскій послѣдовалъ за ней и усѣлся рядомъ, нисколько не смущаясь. Онъ закусилъ удила; кажется, и землетрясеніе не могло бы остановить его.

— Марья Николаевна,—продолжалъ онъ стремительно,—пожалѣйте меня! Пожалѣйте насъ обоихъ! Неужели мы такіе па-

сынки жизни, чтобы намъ ни разу не видѣть ни одного свѣтлаго луча? Если судьба подставляетъ намъ золотой кубокъ, зачѣмъ отворачиваться? Развѣ мы не заслужили себѣ радости за эти долгіе тоскливые годы?..

Марья Николаевна не отвѣчала, но молчаніе ея только подстрекало Рыбковскаго. Онъ все время пристально и тревожно слѣдилъ за выраженіемъ ея лица и вдругъ ему показалось, что онъ уловилъ тамъ какой-то новый лучъ. Температура его экстаза сразу повысилась на сто градусовъ.

— Хотите соединить наши жизни въ одно,—заговорилъ онъ еще стремительнѣе прежняго,—идти весь вѣкъ рука объ руку, давать другъ другъ опору въ самыя тяжелыя минуты?..

Онъ опять взглянулъ ей въ лицо и прочелъ тамъ тотъ же неуловимый отвѣтъ.

— Милая, дорогая,—заговорилъ онъ задыхаясь,—будь моимъ другомъ! Будь моей женой!

Онъ обвилъ рукою станъ дѣвушки и привлекъ ее къ себѣ. Марья Николаевна совершенно лишилась силы сопротивленія; голова ея кружилась, она чувствовала потребность опереться на что-нибудь, а у скамьи не было ни стѣнки, ни ручекъ. Она кончила тѣмъ, что прилегла къ плечу Рыбковскаго.

— Я такъ устала,—сказала она, какъ будто жалуясь,—я думала отдохнуть здѣсь...

— Радость моя! Подруга моя,—твердилъ Рыбковскій, уже на половину не сознавая своихъ словъ.

Прошла минута или двѣ. Потомъ Марья Николаевна быстрымъ движеніемъ вырвалась изъ рукъ Рыбковскаго и вскочила со скамьи.

Рыбковскій тоже вскочилъ и простеръ къ ней руки.

— Этого не можетъ быть, Семенъ Петровичъ,—сказала она мягко, но рѣшительно.—Сядьте, прошу васъ!

Рыбковскій вздрогнулъ и рванулся впередъ, но тутъ же остановился и усѣлся на прежнее мѣсто на скамьѣ.

— Я тоже сяду,—сказала дѣвушка,—но вы должны обѣщать, что больше не тронете меня!..

Рыбковскій кивнулъ головою.

— Была минута забвенія, но она прошла,—продолжала дѣвушка.—Надо покориться судьбѣ, Семенъ Петровичъ!

— Почему?—спросилъ Рыбковскій отчаяннымъ голосомъ.

— Вамъ уѣзжать, а мнѣ оставаться,—сказала Марья Николаевна,—или вы хотѣли бы остаться въ этой глуши, вдали отъ свѣта и жизни еще столько лишнихъ лѣтъ?

— Хочу, останусь,—упрямо и страстно сказалъ Рыбковскій.—Ты—мой свѣтъ, ты—моя жизнь!

— А я не хочу,—сказала дѣвушка.—Я не могла бы смотрѣть вамъ въ глаза. На вашихъ ногахъ мнѣ бы чудились цѣпи...

— Ты уже сковала ихъ,—сказалъ Рыбковскій,—а я не хочу расковывать.

— Неправда!—возразила дѣвушка почти рѣзко.—Это теперь такъ. Потомъ ты измучилъ бы меня... Каждый часъ нашей жизни былъ бы отравой...

Въ пылу увлеченія она вдругъ тоже перешла на ты.

Рыбковскій хотѣлъ возразить, но она опять остановила его.

— Полно, Семенъ Петровичъ! Будемъ благоразумны. Посмотрите на Шиховыхъ,—худая это дорога. Цѣлая стая птенцовъ, маленькихъ, голодныхъ... Чѣмъ ихъ кормить, чему ихъ учить?.. Лучше убить себя, чѣмъ надѣлать столько грѣха...

— Съ ума сойду,—сказалъ Рыбковскій глухо.—Жестокія ваши рѣчи, Марья Николаевна.

Марья Николаевна не отвѣчала, но лицо ея вдругъ искривилось дѣтской гримасой и губы безпомощно затряслись.

— Что я надѣлалъ?—съ ужасомъ сказалъ Рыбковскій.

И соскользнувъ со скамьи, онъ упалъ къ ея ногамъ и скрылъ свое лицо въ складкахъ ея платья.

— Марья Николаевна! Не плачте,—сказалъ онъ умоляющимъ тономъ.—Я не стою этихъ слезъ.

Дѣвушка сдѣлала надъ собою усиліе и подбородокъ ея пересталъ трястись.

— Мнѣ тяжелѣе вашего, Семенъ Петровичъ! —прошептала она.—Милый мой,—продолжала она, кладя обѣ руки ему на голову,—подумай только, мнѣ еще здѣсь годы коротать. А тебѣ что? Уѣдешь и забудешь все, какъ будто вѣкъ не было...

— Никогда,—пылко возразилъ Рыбковскій.—Пусть меня забудетъ послѣдній взглядъ счастья, если я когда нибудь забуду эту минуту...

— Забудешь,—увѣренно повторила дѣвушка.—Жизнь подхватитъ тебя и понесетъ, какъ на крыльяхъ... Волна новыхъ впечатлѣній хлынетъ тебѣ въ душу и затопитъ все прежнее...

Рыбковскій не отнималъ лица отъ ея платья.

— И лучше забыть!—она провела рукой по его головѣ.—Подумай только! Тебѣ предстоитъ всю свою жизнь построить сначала, какъ будто ты снова родился на свѣтъ, воскресъ изъ мертвыхъ... Цѣлый міръ передъ тобою. Ты еще можешь быть счастливымъ... *Тамъ* много людей... Есть чуткія сердца... Тебѣ не придется оставаться одинокимъ...

Въ голосѣ ея слышались материнскіе звуки. Она утѣшала его, какъ утѣшаютъ ребенка.

Рыбковскій поднялся съ земли и стоялъ передъ нею, упорно избѣгая глядѣть ей въ лицо. Помимо разочарованія неудовлетворенной страсти, онъ чувствовалъ себя виновнымъ и пристыженнымъ, какъ провинившійся школьникъ.

— Что же мнѣ дѣлать? — спросилъ онъ, наконецъ, какъ бы призывая Марью Николаевну распорядиться его судьбой.

— Уѣзжайте въ Среднерѣцкъ,—сказала дѣвушка,—что вамъ тутъ съ нами? Все-таки тамъ иная обстановка. Хоть лица у людей иныя. Можетъ быть, по дорогѣ гдѣ-нибудь поживете... А тамъ и время подойдетъ...

Среднерѣцкъ былъ другой пунктъ средоточія пропадинской жизни, расположенный въ пятистахъ верстахъ вверхъ по теченію рѣки Пропады. Для пришельцевъ оба эти города по отношенію другъ къ другу играли роль предохранительныхъ клапановъ. Тотъ, кому слишкомъ надоѣло жить въ одномъ изъ нихъ, перебирался въ другой, разсчитывая покинуть часть одолѣвавшей его скуки. Впрочемъ, они были такъ схожи между собой, что послѣ двухъ-трехъ переѣздовъ ощущеніе ихъ индивидуальности исчезало и перемѣна мѣстожительства переставала приносить облегченіе.

— Я уѣду,—покорно сказалъ Рыбковскій и остановился. По лицу его было видно, что онъ хочетъ сказать еще что-то.

— Марья Николаевна,—выговорилъ онъ, наконецъ,—хотѣли наши дороги сойтись, да не сумѣли. Въ этомъ лѣсу разошлись въ разныя стороны... Попрощайся же со мной теперь, пока люди не видятъ!.. Все равно разъѣдемся, не увидимся больше!.. — голосъ его дрогнулъ.

Дѣвушка подошла и положила ему руки на плечи.

— Прощай,—сказала она,—будь мнѣ, какъ братъ, а я тебѣ, какъ сестра... Не поминай лихомъ!

Она обняла его за шею и, пригнувъ къ себѣ, поцѣловала его въ губы. Потомъ оттолкнула его руки и пошла назадъ по дорогѣ, направляясь къ городу.

Рыбковскій смотрѣлъ ей въ слѣдъ, пока она не скрылась между кустами, потомъ подошелъ къ скамьѣ, упалъ на колѣни и приникъ головой. Потомъ поднявшись на ноги, онъ повернулся и направился по тропинкѣ огибавшей озеро и уходившей въ корявый лѣсъ, заполнившій все пространство между озеромъ и рѣкой.

Рыбковскій вернулся домой передъ разсвѣтомъ. Прошатавшись въ лѣсу нѣсколько часовъ, онъ рѣшился предпринять поѣздку въ челнокѣ на ближайшую рыбачью заимку, но для этого ему нужно было сдѣлать нѣсколько приготовленій. Онъ разсчитывалъ застать Беккера въ постели и избавиться отъ его разспросовъ, но къ его разочарованію Беккеръ еще не спалъ. Онъ сидѣлъ у единственнаго стола избы и чинилъ штаны.

— Что съ тобой?—невольно спросилъ онъ, увидѣвъ осунувшееся и какъ будто постарѣвшее лицо Рыбковскаго.

Рыбковскій прошелъ впередъ и усѣлся на кровати.

— Она говоритъ, чтобъ я уѣхалъ,—пояснилъ онъ безъ обиняковъ.

Беккеръ опустилъ иглу.

— Чтожь? Правда! Тебѣ уѣхать слѣдуетъ!—подтвердилъ онъ.

Рыбковскій не отвѣчалъ. Онъ облокотился на столъ, опустилъ голову на руки и какъ будто думалъ о чемъ-то.

Беккеръ окончательно отбросилъ штаны и прошелся по комнатѣ.

— Перестань нюнить!—сказалъ онъ сердито.—Что ты за баба? Да и баба лучше тебя...

Отвѣта не было.

— Откуда вы только беретесь,—продолжалъ онъ съ негодованіемъ,—кажется, чтобы достигнуть гиперборейскихъ предѣловъ, нужно имѣть душу довольно мозолистую, а у васъ кисель какой-то, студень, чортъ знаетъ что.

Рыбковскій не повертывался и, кажется, даже не слушалъ.

— Или вы помѣшались!.. Или повѣтріе напало?..—продолжалъ возглашать Беккеръ также сердито.—О чемъ думали, къ чему стремились, все вы забыли... Думаете только о собственной особѣ...

Рыбковскій не отвѣчалъ, но плечи его внезапно начали вздрагивать. Упреки Беккера имѣли, впрочемъ, больше основанія, чѣмъ его собственные недавніе упреки, вызвавшіе слезы Марьи Николаевны.

Беккеръ тотчасъ же смягчился. Онъ подсѣлъ къ нему и положилъ руку на его плечо.

— Ну полно, Сенька,—заговорилъ онъ совсѣмъ другимъ тономъ,—на что это похоже? Развѣ тебѣ больше думать не о чемъ? Вѣдь, передъ тобою, можно сказать, дверь готова открыться. Тебѣ придется начинать новую жизнь. Думай лучше объ ней, а не о здѣшнихъ дрязгахъ и мелочныхъ волненіяхъ.

Рыбковскій поднялъ голову, оторвавшись отъ стола. Не только мысли, но и слова Беккера совпадали съ тѣмъ, что недавно онъ слышалъ изъ другихъ устъ.

— Обойдется,—сказалъ онъ,—это я такъ! — Но выговоривъ эти слова, онъ крѣпко стиснулъ зубы, какъ будто удерживая готовый сорваться вопль.

— Вспомни,—продолжалъ Беккеръ,—какіе мы были, когда сюда пріѣхали. Вѣдь, мы люди были, а не эдакія себялюбивыя тряпки. Мы жили не въ себѣ, а внѣ себя, интересами людей, а не первобытныхъ инстинктовъ...

Рыбковскій слушалъ молча, но уже не отвертывалъ лица.

— А теперь погляди-ка! Старую краску какъ дождемъ смыло... Въ пять-шесть лѣтъ все испарилось... Только эгоизмъ остался, да и эгоизмъ какой-то дешевенькій и ни на что не способный... „На жизненномъ пиру намъ прибора не достало!“—продолжалъ Беккеръ, вспоминая отрывки какого-то автора.—Развѣ это новость? И развѣ хорошо на старости лѣтъ тѣсниться къ столу вмѣстѣ

съ лакеями и поднимать крикъ: „Дайте и мнѣ кусокъ пирога! Я еще не закусывалъ!“

Голосъ его опять обострился. Это былъ ригористъ, сохранившій безъ измѣненія всѣ мечты своей юности, и, сталкиваясь съ распущенной разочарованностью другихъ старожиловъ, онъ обливалъ ее потоками желчныхъ сарказмовъ.

— Встряхнуться надо!—продолжалъ онъ мягче.—Можно ли вывезти съ собою такую душевную слякоть? Стряхни съ себя пыль десятилѣтней неопрятности! Уйди отсюда и думай, что вся эта жизнь была кошмаромъ. Очнись отъ него и попытайся воспрянуть духомъ!

— Это легче сказать, чѣмъ сдѣлать,—отозвался Рыбковскій.

— Ну, такъ говори хоть! Обманывай самого себя! Что толку ныть? И безъ тебя много нытиковъ. Цѣлыя поколѣнія залѣзли въ глухой уголъ... Что вамъ нужно? Жить вы хотите, вы еще не жили? Ну, такъ не будьте кислятиной, чортъ васъ возьми! Боритесь съ жизнью, завоюйте свою долю! Къ чорту ваши іереміады! Идите въ толпу, туда, гдѣ людей больше! Тѣснитесь, работайте, пробивайтесь впередъ!

Онъ весь выпрямился, бросая свои энергическія фразы, какъ бы вызовъ orbi et urbi, и подчеркивая ихъ характерными жестами десницы. Этотъ неисправимый идеалистъ какъ-будто заматорѣлъ въ своей упрямой бодрости. Проходившіе годы не измѣняли его судьбы, но не могли ничего измѣнить и въ его настроеніи. Люди пріѣзжали на его глазахъ, раскисали, падали духомъ, потомъ уѣзжали, а онъ оставался все такимъ же непоколебимымъ.

Рыбковскому стало легче. Онъ чувствовалъ себя такъ, какъ будто побывалъ подъ холоднымъ душемъ.

— Ладно!—сказалъ онъ.—Можетъ, и твоя правда!

Онъ выдвинулъ изъ подъ кровати высокій ящикъ, обитый кожей, и сталъ рыться въ немъ, собирая вещи, необходимыя для предполагаемой поѣздки.

— Обѣдать меня не жди,—сказалъ онъ,—я уѣду на Столбухино.

Беккеръ кивнулъ головой въ знакъ одобренія и опять взялся за штаны. Онъ вырѣзалъ ножницами огромную дыру и теперь собирался вставить заплату другого цвѣта, величиною почти въ квадратный футъ.

Черезъ нѣсколько дней на рѣчномъ берегу у Нижнепропадинска можно было замѣтить необычайное оживленіе.

Толпа народа, по крайней мѣрѣ, человѣкъ въ двадцать, если считать женщинъ и мальчишекъ, стояла на берегу. Длинноногій писарь, похожій на огородное пугало, то и дѣло взбѣгалъ вверхъ по косогору, скрывался между городскими избами и вскорѣ возвращался обратно.

Очередная почта въ Среднерѣцкъ готовилась къ отходу. Неуклю-

жій карбасъ уже былъ спущенъ на воду, и четверо гребцовъ усаживались на скамейкахъ, примащиваясь половчѣе къ весламъ. Рыбковскій тоже уѣзжалъ. Онъ сидѣлъ на кормѣ съ кормиломъ въ рукахъ. Старый придурковатый Кека, которому собственно надлежало держать корму, важно сидѣлъ среди карбаса на кучѣ узловъ, наслаждаясь бездѣйствіемъ и стараясь придавать своему лицу соотвѣтственную степень важности.

Колонія пришельцевъ тоже была на берегу въ полномъ составѣ. Даже Шиховъ со своими чадами былъ налицо. Только Сара Борисовна съ груднымъ младенцемъ осталась дома.

Марья Николаевна стояла впереди всей группы. Лицо ея казалось блѣднѣе обыкновеннаго. Кранцъ попробовалъ было подойти къ ней, но она встрѣтила его такъ сухо, что онъ мгновенно ретировался. Церемоніалъ прощанія уже кончился, но публика еще стояла на пескѣ и смотрѣла на карбасъ, который медленно волокся по мели.

— Толкай, толкай,—кричали гребцы.—На рѣку!

Рыбковскій вмѣстѣ съ другими толкался, изо всѣхъ силъ упираясь весломъ въ вязкую тину. Наконецъ, карбасъ очутился на вольной водѣ.

— Отчаливай!—закричали передніе гребцы.—Пошелъ! Пошелъ!..

— Прощайте, господа,—кричалъ Рыбковскій,—не поминайте лихомъ!..

Карбасъ отчалилъ.

— Ухъ, ухъ!—кричали гребцы, подгоняя другъ друга.—*Поца, Подь! подь!*

Всѣ крики, которыми *каюръ* *) погоняетъ собачью упряжку, раздавались надъ водой. Между правою и лѣвою гребью на носу и на кормѣ началось отчаянное состязаніе въ силѣ гребки. Карбасъ быстро уплывалъ вдоль песчанаго берега.

— Прощайте, господа!—еще разъ крикнулъ Рыбковскій издали.—Беккеръ, прощай!.. Марья Николаевна!..

Публика на берегу дружно откликнулась, потомъ поплелась наверхъ. Черезъ двѣ минуты у воды уже никого не было. Только Ратиновичъ остался и, прикрывъ рукою въ видѣ щитка свои бѣлесоватые очки, смотрѣлъ вслѣдъ исчезавшему карбасу, мелькавшему, какъ чайка, въ дальнемъ блескѣ рѣчныхъ волнъ. Быть можетъ, онъ думалъ о томъ, что, за удаленіемъ главнаго соперника, онъ можетъ выступить болѣе дѣятельнымъ претендентомъ на драгоцѣнный призъ, и ничто не можетъ помѣшать его удачѣ.

Н. А. Танъ.

*) Ямщикъ собачьей нарты.

ИБСЕНЪ И ЭПИЛОГЪ ЕГО ДРАМЪ.

(По поводу последней драмы: „Wenn wir, todten, erwachen“).

Перевод съ немецкаго С. Гольдштейна.

«Wenn die Könige bauen
«Haben die Kärrner zu thun».
Schiller. «Xennien».

I.

Когда цари мысли воздвигаютъ зданіе, тогда находится работа и для обыкновенныхъ каменьщиковъ, которые захотятъ внести свою лепту въ ихъ великія творенія, и только благодаря этой работѣ, творенія геніевъ достигаютъ вполнѣ своего назначенія. Въ сущности говоря, великіе памятники человѣческаго духа стоятъ готовыми только въ умахъ ихъ творцовъ. То, что сообщаютъ творцы міру, есть не болѣе, какъ контуръ, нарисованный размашистыми, но твердыми штрихами; набросокъ, позволяющій лишь предчувствовать гармонію и то мощное впечатлѣніе, которое произведетъ твореніе въ его готовомъ видѣ такимъ, какимъ оно живетъ въ воображеніи творца. Но достроить это зданіе долженъ каждый самъ, и пусть никто не надѣется найти доступъ къ этимъ сокровищницамъ духа, пока онъ не вынесъ на своихъ собственныхъ плечахъ медленной и тяжелой работы каменьщика, не возсоздалъ того, что какъ бы сразу произвелъ на свѣтъ вдохновенный геній.

Такого рода царственную постройку представляютъ собой ибсеновскія драмы, къ которымъ поэтъ присоединилъ, какъ заключительное звено, свою послѣднюю драму: «Когда мы, мертвые, воскреснемъ». Она завершаетъ это зданіе, совершенствуетъ и укрѣпляетъ его.

Очень важно для пониманія Ибсена вообще, а въ частности его послѣдней драмы, желаніе самого поэта, чтобы драмы его принимались за нѣчто цѣльное, къ которымъ онъ написалъ заключительное слово, назвавъ свою послѣднюю драму эпилогомъ. Даже при самомъ поверхностномъ чтеніи нельзя не замѣтить внутренней связи этихъ драмъ, отвѣчавшихъ духу времени — такъ называемыхъ «Leitdramen». Всѣ онѣ связаны одной общей идеей, въ каждомъ новомъ произведеніи разсматриваются съ новой точки зрѣнія идеи прежнихъ драмъ, при

чемъ Ибсенъ то относится къ этимъ идеямъ критически, то показываетъ ихъ новое торжество.

Это и составляетъ отличительный характеръ драматическаго творчества Ибсена. И если мы признаемъ отдѣльныя драмы лишь другъ друга дополняющими частями философіи въ грубомъ смыслѣ этого слова, которая изъ столькихъ раненыхъ сердецъ и разбитыхъ жизней взываетъ къ живой дѣйствительности,—тогда раскроется передъ нами не только ихъ глубокій смыслъ, но и чудная, чарующая красота этихъ твореній. Я долженъ сдѣлать еще нѣсколько замѣчаній по поводу этого отличительнаго характера ибсеновскихъ драмъ, чтобы яснѣй представить ту точку зрѣнія, при помощи которой только и можно, по моему мнѣнію, постичь ихъ смыслъ. Ибсенъ, конечно, не первый философъ среди поэтовъ. Хотѣли же приписать богатство философскихъ мыслей въ драмахъ Шекспира вліянію философа Бэкона! Всѣ творенія Гёте также проникнуты глубокимъ и истинно-философскимъ взглядомъ на жизнь; не забывайте также, когда вы слышите о философіи въ поэзіи, о возвышенной, идеальной философіи Шиллера. Однако, произведенія этихъ поэтовъ не представляютъ собой единаго цѣлаго. Конечно, ихъ тоже связываютъ особенности поэтическаго духа, который сказывается во всемъ: въ формѣ и содержаніи, въ особомъ родѣ мышленія и чувствованія. Но художественныя произведенія не должны быть лишь выраженіемъ какой-нибудь отвлеченной идеи; они не должны быть исключительно предметомъ размышленія. Они должны доставлять и наслажденіе. Само это наслажденіе, дѣйствіе прекраснаго и возвышеннаго, должно ужъ вліять облагораживающимъ образомъ на читателя. Цѣль поэта не поученія: онъ дѣйствуетъ примѣрами, которые захватываютъ сердце и умъ читателя и непосредственно и безсознательно вызываютъ на подражаніе. Но если въ драматическихъ произведеніяхъ и до Ибсена проводились различныя идеи, то никогда до него не было такого серьезнаго отношенія къ поставленной проблеммѣ, такого великаго, всю жизнь поэта заполнившаго единства цѣли; — никогда философъ такъ явно не выступалъ изъ-за поэта, какъ это мы видимъ у Ибсена.

Но изъ словъ: философъ выступаетъ изъ-за поэта не слѣдуетъ заключить, что достоинства поэта стушевываются передъ заслугами философа. Трудно рѣшить, кому изъ нихъ принадлежитъ пальма первенства. Вѣдь въ томъ-то и особенность Ибсена, что онъ поэтъ и въ то же время философъ: въ могучихъ образахъ, взятыхъ имъ изъ окружающей насъ живой дѣйствительности, онъ раскрываетъ передъ нами глубокое знаніе всѣхъ изгибовъ человѣческой души. Какъ поэтъ, онъ всецѣло овладѣваетъ нами; какъ философъ, онъ не только будитъ наше сознаніе и увлекаетъ насъ за собой «въ высоту», но стремится еще къ большему: онъ желаетъ совершенно пересоздать людей, поставить передъ ними опредѣленную цѣль и указать дорогу къ ней, открыть смыслъ и цѣну жизни.

Такимъ образомъ, мы вступаемъ въ міръ ибсеновскихъ драмъ, не какъ въ поэзію, которая блѣднѣетъ отъ прикосновенія къ ней прозы жизни, а какъ въ царство, гдѣ кипятъ страсти, приходятъ въ столкновеніе и взаимно уничтожаются всѣ силы дѣйствительной жизни, гдѣ счастье и горести людей являются передъ нами во всей своей наготѣ. Но изъ этого хаоса исходитъ одинъ общій духъ, который надъ всѣмъ властвуетъ и одинъ въ состояніи внести смыслъ въ эту сутолоку порывовъ и надеждъ, несчастья и разочарованій. Ибсеновскія драмы производятъ на насъ въ особенности глубокое и могучее впечатлѣніе благодаря своей дивной недостижимой формѣ—тому, что принято называть *символистикой* Ибсена. Много спорили о ея достоинствахъ и значеніи, но послѣ того, что я сказалъ до сихъ поръ, вы не ждете отъ меня, я думаю, чтобы я присоединился къ этому спору. Можетъ ли философъ-поэтъ иначе увлекать людей, какъ обращаясь къ нимъ въ символахъ? Символы эти говорятъ сами за себя своимъ убѣдительнымъ и могучимъ языкомъ и безъ того, чтобы имъ приписывали особенный смыслъ. Эти символы не искусственно втиснуты,—они составляютъ необходимый элементъ всѣхъ событій и поступковъ, разыгрывающихся передъ нами. Ни одинъ изъ героевъ не говоритъ и не поступаетъ иначе, какъ долженъ говорить и поступать по своему характеру и положенію. Никакія мистическія силы не управляютъ событіями, никакой таинственный фатумъ не царитъ надъ людьми,—все совершаютъ сами люди, сами создаютъ свое счастье и муки, жизнь и смерть, и судьба каждаго во всей своей полнотѣ развертывается передъ нами въ силу внутренней ея необходимости. Нужно всецѣло предоставить себя непосредственному впечатлѣнію драмы, чтобы почувствовать всю ея силу, не понявъ еще ея идеи, какъ хотѣлъ и Гёте, чтобъ именно такъ читались его произведенія. Если даже въ поднятіи на башню архитектора Зольнесса не видѣть ничего другаго, какъ самый этотъ фактъ, который онъ предпринимаетъ съ поразительной энергіей, но съ слабыми силами; если даже въ Rattenmamsel видѣть только старую вѣдьму, которая такъ завлекаетъ впечатлительнаго и любопытнаго мальчика, что онъ идетъ за ней въ воду и погибаетъ («Маленькій Эйольфъ»); если въ Иренѣ («Wenn wir, todten, erwachen») видѣть только жалкую больную, духъ которой омраченъ великимъ горемъ,—развѣ это уменьшаетъ смыслъ и достоинства драмъ? Нисколько! Нужно только отдаться вполнѣ всей силѣ ихъ трагизма. Если въ лицахъ и поступкахъ героевъ раскрывается болѣе глубокій смыслъ, — тѣмъ лучше для произведенія и для насъ. Нельзя, поэтому, спорить о символистикѣ у Ибсена. Она не придатокъ, не украшеніе, не мистическая завѣса, какъ, напримѣръ, у Гауптмана въ «Потонувшемъ колоколѣ», она—сама жизнь. Ибсенъ не смотритъ на жизнь обыденнымъ взоромъ простого наблюдателя, который теряетъ ее изъ виду каждое мгновеніе, но проникновеннымъ окомъ всевѣдущаго духа. И потому драмы Ибсена должны освѣтить больше, чѣмъ тотъ уголокъ жизни, который они раскрываютъ передъ нами.

II.

Что же составляетъ единство, основную идею, связующую въ одно цѣлое всѣ Ибсеновскія драмы? Въ нихъ, въ сущности говоря, двѣ основныя идеи: какова истинная цѣль жизни и гдѣ вѣрная дорога къ ней. Въ чемъ заключается счастье и цѣнность жизни? Когда мы можемъ сказать, что мы дѣйствительно прожили жизнь? Эти вопросы неотдѣлимы отъ пониманія того, какъ достойно прожить жизнь. Здѣсь нельзя отдѣлить цѣли отъ путей къ ея достиженію, какъ обыкновенно различаютъ цѣль и средства: вѣрно понятая цѣль сама направитъ на единственно возможную дорогу.

Рѣшеніе, даваемое Ибсеномъ всѣмъ этимъ вопросамъ, не противорѣчитъ его болѣе раннимъ взглядамъ, не найдено имъ лишь позже, какъ думаютъ многіе; оно и не вынуждено «гнѣвомъ необходимости», какъ полагаетъ Эмиль Рейхъ въ своей прекрасной критикѣ Ибсена. Мнѣ кажется, съ самаго начала творчества одна идея направляла мысль поэта, въ послѣднихъ его драмахъ выразившись лишь глубже и всестороннѣе. Истина предстала передъ Ибсеномъ не послѣ долгаго и неутомимаго исканія, какъ передъ Кантомъ: нѣтъ. Онъ — одинъ изъ тѣхъ счастливыхъ избранниковъ, которымъ, какъ и Шопенгауэру, яркій лучъ истины сразу, съ самаго начала творчества, освѣтилъ путь и далъ возможность указать дорогу и блуждающимъ въ потьмахъ. Но мысль поэта не застыла въ разъ найденныхъ рамкахъ, она все время продолжала развиваться. Не разъ приходилось ему сызнова защищать прежде завоеванное сокровище отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враждебныхъ силъ. Ему предстояла упорная борьба съ вѣчно зарождающимися сомнѣніями, парализующими волю, съ ложью въ жизни, которая всевозможными способами ослѣпляетъ людей, вселяя въ ихъ сердца ложный миръ, чтобы именно тогда оставить ихъ, безпомощныхъ и разбитыхъ, на произволъ безжалостной истинѣ, когда они больше всего нуждаются въ ея защитѣ и покровительствѣ. И въ этой борьбѣ поэтъ никогда не былъ побѣжденъ. Побѣдоносно шествуя впередъ, онъ выяснялъ и защищалъ свое широкое пониманіе дѣйствительной жизни. Его собственный эпиграфъ къ собранію его стихотвореній служитъ прекрасной характеристикой всего его творчества:

«Leben—ein Krieg mit den Wichten
In unserem Herzen und Hirn:
Dichten—sich selber richten
Mit unbefangener Stirn *).

Рѣшеніе, вытекающее изъ этого строгаго суда, отвѣтъ на тѣ основные вопросы, о которыхъ мы раньше говорили —могутъ быть най-

*) Жить значить бороться со зломъ въ нашемъ сердцѣ и помыслахъ; творить— судить самого себя съ откровенной, безпристрастной совѣстью.

дены во всей своей полнотѣ лишь по изученіи всего Ибсена. Конечно, въ ограниченныхъ рамкахъ нашей статьи нельзя изобразить богатый и разнообразный міръ каждаго изъ ибсеновскихъ героевъ въ отдѣльности. Но все же для пониманія вышеохарактеризованнаго единства драмъ Ибсена, въ особенности его эпилога, нужно, хотя бы въ бѣглыхъ чертахъ, познакомиться съ внутреннимъ міромъ его героевъ.

Есть лишь одинъ идеалъ, къ которому иногда безсознательно стремится все человѣчество. Жизнь, окруженная «красотой и свѣтомъ»—вотъ тайное, неудовлетворенное желаніе большинства; къ ней стремятся и всѣ ибсеновскіе герои, каждый сообразно его натурѣ, но всѣ одинаково страстно. И наряду съ этимъ стремленіемъ, какъ бы сливаясь съ нимъ во едино, идетъ другое—влеченіе къ освобожденію своего внутренняго «я», къ развитію и проявленію своей самостоятельности.

Какіе же пути ведутъ къ этой цѣли? Или, быть можетъ, она совсѣмъ недостижима? Есть двѣ проторенныя дороги,' по которымъ направляется большинство, хотя обѣ онѣ ложны и никогда не приводятъ на желанную высоту. Будетъ ли избрана та или другая, зависитъ отъ силы воли, которой обладаетъ ищущій. Сильный направится по прямой дорогѣ, слабый изберетъ окольные пути для достиженія своей цѣли. Это пути не знающаго пощады себялюбія и мелкаго эгоизма. Возвышенная идея свободной личности, этого «высшаго счастья дѣтей земли», доведена ими до насильственнаго проявленія своего «я». Но тотъ, кто поддается впечатлѣніямъ минуты и въ ослѣпленіи видитъ свободу своего «я» въ томъ, что не признаетъ никакихъ нравственныхъ требованій, предпочитая, какъ Перъ Гинтъ, руководствоваться быстро мѣняющимися личными настроеніями,—теряетъ власть надъ собой. И лишь тотъ, кто остается всегда «вѣренъ самому себѣ», можетъ при всевозможныхъ обстоятельствахъ сохранить свою индивидуальность. «Оставаться вѣрнымъ самому себѣ» значитъ не входить ни въ какіе компромиссы съ своей совѣстью, не бояться честно и открыто заглянуть въ свою душу. Но это еще не цѣль жизни: каждый культурный человѣкъ долженъ еще *признавать свои обязанности передъ обществомъ*. Этого-то чувства не признаютъ черствые эгоисты, видящіе въ обязанностяхъ лишь тяжелыя оковы.

Поэтому, они и борются неустанно противъ ихъ власти надъ собой и еще ожесточеннѣй противъ чувства отвѣтственности передъ совѣстью. На время имъ дѣйствительно удается заглушить предостерегающій голосъ совѣсти, но тѣмъ сильнѣе прорывается у нихъ впослѣдствіи чувство раскаянія. Укоровъ совѣсти не избѣгнутъ не только слабыя натуры, какъ Skule, Iulian, Peer Gynt, архитекторъ Solness, которыя никогда не добьются ни душевнаго спокойствія, ни завѣтной мечты о свободѣ: сознаніе того, что каждый шагъ ихъ къ желанной свободѣ купленъ жестокой несправедливостью,—вноситъ раздѣленность въ ихъ духовный міръ. Еще ярче сознаніе это обнаруживается у сильныхъ

натуръ, которыя, какъ Morgit и Hjördis, Hedda Gabler или Hilda Wangel, особенно Rebekka West, неуклонно преслѣдуютъ разъ намѣченную цѣль. Въ нихъ велика и человѣчна лишь сильная, непреклонная воля, изъ-за недостатка которой должны были погибнуть слабыя натуры. Но и съ такой сильной волей они никогда не достигаютъ того, къ чему стремятся—свободы и счастья. И когда имъ кажется, что они уже приблизились къ желанной цѣли, какъ въ Ребеккѣ; когда жестокая судьба осуществляетъ ихъ завѣтныя мечты, какъ у Риты, тогда несчастные, измученные тяжелой борьбой, они видятъ вдругъ свою великую, подавляющую вину. Только теперь сознаютъ они, что нѣтъ и не можетъ быть свободы и счастья, достигнутыхъ путемъ преступленія. И лишь тогда, когда великое нравственное обновленіе заглушаетъ ихъ эгоистическія стремленія, когда въ нихъ, наконецъ, прорывается наружу то, чего они не признавали въ своей мнимой силѣ—чувство отвѣтственности, только тогда, они въ состояніи превозмочь парализующее ихъ дѣятельность чувство виновности и избѣгнуть, если не физическаго, то хотя бы нравственнаго паденія.

Итакъ, если безграничный эгоизмъ, не признающій обязанностей и жертвъ, но самъ пользующійся жертвами другихъ, не приводитъ къ желанной цѣли, то, можетъ быть, удастся достигнуть ее при помощи такъ грубо и сознательно попираемой имъ любви. Любовь требуетъ совершеннаго самоотреченія, не знаетъ, какъ и эгоизмъ, границъ, и жертвуетъ всѣмъ дорогимъ и близкимъ. Но и этимъ путемъ нельзя достигнуть счастья, какъ ясно видно изъ возвышенной жизни Бранда. Какъ ни полно любовью его сердце, онъ подавляетъ ее вездѣ, гдѣ она вступаетъ въ конфликтъ съ чувствомъ долга. Огромная ошибка его состояла въ томъ, что онъ принялъ формы соціальной жизни за ея содержаніе. Его богъ не вѣдаетъ любви и милосердія. Твердому и неумолимому Бранду казалось слабостью молиться Богу. Но ужасная судьба послѣ многихъ безплодныхъ жертвъ съ его стороны заставляетъ бѣжать его изъ общества въ холодный мертвящій міръ льда и глетчеровъ. И лишь здѣсь Брандъ понялъ, какъ жестоко онъ ошибался. Въ молитвахъ и слезахъ кается онъ, сильный, но побѣжденный, въ своей тяжкой винѣ. И теперь видитъ, что одно лишь повиновеніе чувству долга оказывается сухимъ и мертвымъ и никогда не приведетъ къ свободѣ и свѣту. Для спасенія человѣчества нужна не только беззавѣтно преданная долгу мужественная воля: «рожденные и въ плоти и крови люди» нуждаются еще въ милосердіи. Итакъ, только при соединеніи любви съ чувствомъ долга можно избѣгнуть того ложнаго пути, на который увлекаетъ безсердечный эгоизмъ. И лишь озаренныя свѣтомъ любви, обязанности эти не покажутся тяжелыми оковами, стѣсняющими свободу личности, но, напротивъ, ею самой избранной и желанной сферою дѣятельности. И только одна эта любовь въ состояніи вызвать въ людяхъ чувство отвѣтственности, поддерживать ихъ въ жизни, со-

грѣвая и побуждая къ исполненію ихъ обязанностей; и только она одна скорѣй всего дастъ то, что дѣлаетъ жизнь такой прекрасной—«тихое, радостное чувство невинности».

Вотъ тѣ нравственныя начала, которыя Ибсенъ считаетъ необходимыми для совмѣстной общественной жизни людей, основанной на всеобщемъ счастьи и опирающейся на свободу и правду. Правдивое отношеніе къ самому себѣ и къ другимъ, свобода отъ власти лжи и себялюбія, прежде всего отъ чувства виновности—должны проникнуть въ сердца людей и опредѣлить весь складъ ихъ жизни: ихъ семейныя отношенія и ихъ общественныя обязанности. Этотъ выводъ, почерпнутый Ибсеномъ изъ судьбы любой личности, выхваченной имъ изъ живой современной дѣйствительности, и составляетъ тему его «Leitdramen». Въ нихъ Ибсенъ показываетъ, что ожидаетъ не только отдѣльную личность и ея семью, но и цѣлое общество, если въ преступныхъ людяхъ не произойдетъ того внутренняго перерожденія, которое приводитъ ихъ, какъ, напр., консула Берника, къ примиренію съ самимъ собой. Безпощадная критика современнаго общества и его основъ—брака, семьи и соціальныхъ отношеній—раскрываетъ передъ нами бездну лжи, слабости, преступленій и лицемѣрія. Въ обществѣ, гдѣ цѣлая половина его—женщины—лишены человѣческихъ правъ и достоинства и никогда не живетъ для себя, но служитъ дополненіемъ и украшеніемъ другой его половины—мужчинъ; въ обществѣ, гдѣ домашній очагъ—«кукольный домикъ», гдѣ жена не воспитываетъ дѣтей сообща съ мужемъ, а «представляетъ для него, какъ дѣти для нея «куклу»; въ обществѣ, гдѣ эгоизмъ, преслѣдуя свои низкія цѣли, драпируется въ громкія фразы объ общемъ благѣ и возвышенной морали, гдѣ всякого, кто дѣйствительно искренно и безъ боязни защищаетъ общіе интересы и справедливость, преслѣдуютъ и травятъ, какъ врага,—въ такомъ обществѣ свобода и правда не могутъ быть «опорами». Такое общество должно отказаться отъ надежды на лучшее будущее, и судьбы молодыхъ поколѣній являются передъ нами въ темномъ свѣтѣ, какъ, напр., въ «Привидѣніяхъ» и въ «Геддѣ Габблеръ».

Такое общество не можетъ пріобрѣсти свободу и правду и извнѣ. Гдѣ не знаютъ имъ цѣны, гдѣ они стали лишь пустыми звуками, «идеальнымъ требованіемъ» безъ всякой реальной основы, потому что общество утратило сознаніе, что только человѣкъ съ сильной и испытанной волей дѣлаетъ ихъ цѣлью своей жизни,—въ такомъ обществѣ идеи эти, внесенныя извнѣ, становятся смѣшной каррикатурой, вызывая только сумятицу и несчастіе. Эта такъ часто непризнаваемая мысль проводится въ «Дикой уткѣ». Спасеніе люди должны искать только *въ самихъ себѣ*, разсчитывая лишь на свои собственныя силы и заранѣе отказываясь отъ «невозможнаго»—отъ совмѣщенія узкаго личнаго эгоизма съ общечеловѣческими интересами. Стремленіе къ развитію самостоятельной личности и къ всеобщему счастью возможно лишь при

*

общественныхъ формахъ жизни, съ которыми люди связаны столь крѣпкими узами своего существованія и развитія. Если сознаніе всего этого не заставляетъ тѣхъ, кто всю свою жизнь руководствовался лишь интересами своего *я*, броситься съ головокружительной высоты въ бездну, (Сольнессъ, Рубекъ—«Wenn wir todten erwachen») и если только внутреннее перерожденіе спасаетъ отъ такого конца, то нужно создать людей, «въ которыхъ нравственность была бы естественной потребностью». Эту мысль ясно понялъ докторъ Штокманъ, когда онъ изъ толпы людей, высмѣивавшихъ и преслѣдовавшихъ его, набираетъ мальчишекъ съ улицы и желаетъ воспитать ихъ честными и свободными людьми, чтобы въ ихъ лицѣ создать благородныхъ мстителей обществу.

Драмы «Маленькій Эйольфъ» и «Архитекторъ Сольнесъ», разсматривающія вопросъ объ обязанностяхъ передъ обществомъ, не какъ тему для философскихъ размышленій, а какъ живую, сознательную, захватывающую всю жизнь и ея задачи силу, приводятъ героевъ къ единственному исходу, который можетъ возвратить имъ свободу и душевное спокойствіе и поднять ихъ повергнутую въ прахъ личность, къ сознанію и искупленію своей вины. Въ этомъ рѣшеніи вопроса, подтвержденномъ столь различными фактами, найдена, кажется, наконецъ, единственно возможная дорога къ свободѣ и жизнерадостности—«дорога невинности».

Но вѣчно бодрствующій, критическій духъ поэта снова угрожаетъ такъ трудно добытому рѣшенію. Открывается еще одна дорога, которая обѣщаетъ ввести на «высоту» самодовольнаго и разсчитывающаго лишь на свои собственныя силы человѣка. И Ибсенъ еще разъ доказываетъ, что такой взглядъ на жизнь, составившій роковую ошибку Бранда, въ концѣ концовъ, запутаетъ человѣка въ его собственной винѣ и этимъ неминуемо лишитъ его навсегда счастья и жизнерадостности. Эта именно мысль и служитъ темой для новѣйшей драмы Ибсена.

III.

Есть еще одинъ путь, который, быть можетъ, приведетъ на желанную высоту—жизнь во имя идеала. Не однимъ только служеніемъ искусству въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, подобно скульптору Рубеку, можно достигнуть этой высоты, но и вообще всякой творческой дѣятельностью. И это оправдалось на примѣрѣ самого Ибсена, если бы даже онъ не написалъ цѣлаго ряда драмъ, объединенныхъ одной общей идеей. Уже въ «Архитекторѣ Сольнессѣ» и въ «Маленькомъ Эйольфѣ», даже въ еще болѣе раннихъ произведеніяхъ, мы встрѣчаемъ намеки на тотъ идеалъ, который впослѣдствіи нашелъ свое полное выраженіе въ «Iohn Gabriel Borkmann» и, разсматриваемый съ новой точки зрѣнія, достигъ своего апогея въ «Wenn wir todten erwachen».

Герой этой новой драмы, скульпторъ Рубекъ, передъ именемъ ко-

тораго всѣ преклоняются. Въ драмѣ онъ является передъ нами уже въ полномъ блескѣ славы. Твореніе его и въ своемъ теперешнемъ видѣ возбуждаетъ въ людяхъ восторгъ отблескомъ той красоты, которая въ немъ сохранилась. Но никто не знаетъ и не понимаетъ, чѣмъ оно должно было быть въ дѣйствительности. Когда у Рубека впервые зародилась идея его произведенія, онъ былъ молодъ и исполненъ идеальныхъ стремленій. Все прекрасное, что онъ чувствовалъ въ себѣ, весь избытокъ силъ и идеализма, который его воодушевлялъ,—сдѣлались идеей его великаго творенія, цѣлью его жизни. Онъ назвалъ его «Днемъ воскресенія» и изобразилъ въ образѣ чистой, идеальнѣйшей женщины, воспрянувшей изъ мрака смерти. Какъ бы ниспосланнымъ свыше чудомъ, онъ находитъ эту идеальную женщину въ Иренѣ. Но всецѣло отдавшись творчеству, онъ смотритъ на Ирену лишь глазами художника, видитъ въ каждой ея чертѣ только то, что нужно для его работы, и старается заглушить въ себѣ великое чувство, составляющее все счастье людей—любовь. А Ирена, воодушевленная его идеаломъ и работой, съ восторгомъ отдается ему и обѣщаетъ исполнить все, что онъ отъ нея требуетъ: слѣдовать за нимъ на край свѣта и рабски служить ему. Она исполняетъ свою клятву, какъ только ее можетъ исполнить горячо любящая женщина. Она служитъ Рубеку своей тѣлесной красотою и всей своей молодой и страстной душою. Все существо Ирены поглотила любовь къ тому, кому она такъ благородно и самоотверженно содѣйствовала въ работѣ. Но онъ, ослѣпленный своимъ идеаломъ, не понимаетъ того, что происходитъ въ глубинѣ ея души, да и въ немъ самомъ.

Въ Рубекѣ пробудилась сильная и страстная любовь, но всѣми силами души онъ старается подавить ее. Онъ не хочетъ приблизиться къ Иренѣ иначе, какъ къ великому и священному созданію своей творческой фантазіи. И потому они всегда оставались чуждыми другъ другу. Рубекъ боялся, что при другихъ отношеніяхъ его мысли сдѣлаются нечистыми, и онъ не сможетъ довести до конца своей работы—цѣли всей его жизни. Его борьба увѣнчалась успѣхомъ. Самообладаніе довело его до того, что все время, въ которое онъ такъ беззаботно принесъ живую человѣческую душу въ жертву статуѣ изъ камня, казалось ему самымъ прекраснымъ эпизодомъ его жизни. Заглушивъ въ себѣ жгучее чувство любви, Рубекъ покончилъ съ Иреной, какъ только довелъ свою работу до конца; теперь она была ему больше не нужна. Это страшное открытіе заставляетъ Ирену бѣжать отъ него. Она, которая такъ «расточительно любила», не допуская и мысли о томъ, что ея искреннимъ чувствомъ и добровольной жертвой могутъ злоупотребить; она, которая отдала своему возлюбленному свою душу, надѣясь получить взамѣнъ его,—она стоитъ теперь «съ разбитымъ сердцемъ и пустой душой». Отъ безмѣрнаго горя она сходитъ съ ума.

Но и Рубекъ не наслаждается плодами своей побѣды. Съ тѣхъ поръ,

какъ Ирена покинула его, онъ потерялъ всякую охоту къ творчеству. Вмѣстѣ съ ней исчезло и возвышенное идеальное чувство изъ его души. Да это и не могло быть иначе. Вѣдь онъ сознательно умертвилъ въ себѣ и въ Иренѣ счастье всей жизни—чистую любовь, которая стала въ нихъ пробуждаться. Что же можетъ онъ найти въ жизни болѣе возвышенное? Теперь жизнь представляется ему въ мрачныхъ краскахъ, и онъ видитъ въ людяхъ лишь одну животную сторону. Тѣнь падаетъ и на свѣтлый, идеальный образъ женщины, которая была для него прежде символомъ всего прекраснаго. Онъ дѣлаетъ выраженіе неземной радости на лицѣ статуи менѣе сіяющимъ и отодвигаетъ всю фигуру на задній планъ съ самаго виднаго мѣста, на которомъ она до сихъ поръ величественно возвышалась. Теперь она только вмѣщается въ рамки картины, какую представляетъ ему жизнь съ той минуты, какъ въ душѣ его идеалъ потерялъ свой блескъ и угасъ на вѣки. Вмѣстѣ съ идеаломъ исчезла и вѣра въ свое призваніе. Онъ уже не любитъ свое созданіе, онъ чувствуетъ, какъ оно, въ сущности, испорчено и осквернено гибельнымъ противорѣчіемъ, проникшимъ въ его душу. И потому всеобщія похвалы дѣйствуютъ на него, какъ насмѣшка. Все призваніе художника начинаетъ казаться ему пустымъ и ничтожнымъ—«стараться для массы, для черни» кажется ему дѣломъ, не стоющимъ труда. Онъ ощущаетъ жестокое страданіе, когда сравниваетъ то, что онъ въ видѣ идеала носилъ въ своей душѣ, съ тѣмъ, что теперь выставилъ въ свѣтъ. Неясное, не вполнѣ сознательное чувство, что своимъ шедевромъ онъ самъ обличилъ себя во лжи, самъ предалъ свой идеалъ, заставляетъ его считать призваніе художника мелкимъ, годнымъ лишь какъ средство копить деньги и, конечно, не стоющимъ того, чтобы до конца жизни мучиться въ холодномъ подвалѣ надъ сырыми глыбами глины.

Чувствуя пустоту и одиночество, Рубекъ женится, какъ-будто за недостаткомъ чего-то другого, на живой, маленькой Маѣ. Между ними нѣтъ, въ сущности, ничего общаго, да онъ и не надѣялся найти въ ней «ничего такого,—говоритъ онъ ей впослѣдствіи,—чего ищутъ въ спутницѣ жизни». Тѣмъ не менѣе, онъ увлекаетъ ее за собой тѣми же обѣщаніями, какія давалъ когда-то Иренѣ,—«показать ей все прекраснѣйшее въ мірѣ». Но и Мая, съ любовью послѣдовавшая за нимъ, должна была довольствоваться лишь тѣмъ, что онъ давалъ ей. И служить ему она не сумѣла потому что ничего не понимала въ искусствѣ, да и не чувствовала потребности всѣмъ существомъ своимъ заполнить его душу, какъ все еще требовалъ Рубекъ.

Такъ живутъ они другъ подлѣ друга въ большомъ господскомъ домѣ, который не представляетъ ни для одного изъ нихъ родного уютнаго гнѣзда. Оба чувствуютъ это: онъ видитъ пустоту и безцѣльность жизни; она неудовлетворена въ справедливыхъ требованіяхъ, которыя предъявляетъ къ жизни. Обоихъ угнетаетъ мертвая тишина, которую они ощущаютъ повсюду; даже въ городѣ, среди множества

людей, они какъ будто «слышать» эту тишину. «Подобно двумъ пассажирамъ, случайно встрѣтившимся ночью на глухой и безлюдной станціи, гдѣ поѣздъ останавливается, хотя никто не входитъ и не выходитъ, и не имѣющимъ о чемъ говорить другъ съ другомъ»,— Рубекъ и Мая идутъ вмѣстѣ по дорогѣ жизни, но говорить имъ другъ съ другомъ не о чемъ.

И вотъ однажды Рубекъ снова встрѣчаетъ Ирену, безъ души, безъ жизни, какой ее сдѣлало великое горе. Ирена пришла въ себя отъ страшнаго, доходившаго до бѣшенства безумія, и ею овладѣло теперь тихое помѣшательство,—ей все кажется, что она умерла. Но такъ же неотступно, какъ слѣдуетъ за ней темная фигура дьякониссы, присматривающей за ней, преслѣдуетъ Ирену и безпросвѣтное, безотрадное прошлое. Рубекъ тотчасъ узнаетъ ее. Ея жалкій, измученный видъ не возбуждаетъ въ немъ и тѣни раскаянія и сознанія своей вины. И даже тогда, когда онъ узнаетъ ея душевное состояніе и изъ ея упрековъ видитъ, какъ велика его вина передъ ней, онъ защищаетъ себя «призваніемъ художника», хотя оно уже давно перестало удовлетворять его, и заглушаетъ голосъ пробуждающейся совѣсти словами: «я былъ прежде всего и больше всего художникомъ».

И теперь, послѣ стольких жестокихъ испытаній онъ все еще думаетъ, что тогда между ними должно было оставаться извѣстное отчужденіе,—онъ все еще вѣритъ, что любовь была бы могилой для его творенія. Онъ цѣнитъ художественное произведеніе выше человѣческой жизни, хотя и понялъ, что Ирена была для него не только моделью, но и его вдохновительницей. Онъ до сихъ поръ не видитъ, что именно она была тѣмъ человѣкомъ, который не только показалъ ему «все прекрасное въ мірѣ», но и принесъ ему все это въ даръ. А онъ пренебрегъ ея даромъ ради славы и корыстнаго удовлетворенія своего «я», и потому оба они должны были «потерять свою душу». Какъ и всѣ художники, Рубекъ эгоистъ. Какъ Габріэль Боркманъ оправдываетъ свою преступную жизнь, посвященную жаждѣ славы и власти своимъ призваніемъ быть властелиномъ въ парствѣ золота и «той необходимостью, которая сдѣлала его избранникомъ»; и, какъ раньше его, Фалкъ, съ нескрываемымъ и беззастѣнчивымъ эгоизмомъ, въ избыткѣ поэтическаго чувства, видитъ въ своемъ призваніи право овладѣть всѣми сокровищами души Сванхилденъ, а ей предоставляетъ право «тихо отцвѣсти въ тиши, подобно цвѣтку», послѣ того, какъ она вдохновила его къ творчеству,—такъ и Рубекъ твердо убѣжденъ, что призваніе его оправдываетъ всѣ жертвы.

Ему нѣтъ дѣла до того, какъ живется Маѣ при той жизни, какую онъ ей устроилъ взамѣнъ обѣщанныхъ благъ. Теперь же, когда въ воскресшей любви къ Иренѣ, онъ вновь надѣется вернуть потерянное счастье, онъ ни на минуту не задумывается сказать Маѣ, что ихъ ничто больше не связываетъ. Но у него не хватаетъ мужества вы-

сказать ей это откровенно; воля его ослабѣла, да и онъ самъ еще не рѣшился на окончательный разрывъ. Онъ изливаетъ свое дурное настроеніе въ горькихъ жалобахъ и упрекахъ, безсердечность и несправедливость которыхъ ясно доказываетъ ему Мая. Маѣ придало мужество сознаніе, что Рубекъ взялъ ее къ себѣ за неимѣніемъ ничего лучшаго, что онъ увлекъ ее только для того, чтобы «поиграть» съ ней. Но Мая не ради этого пошла за нимъ: она жаждетъ той жизни, какую Рубекъ обѣщалъ ей. Какъ бы въ видѣ контраста, вдругъ предъ ея прозрѣвшимъ взоромъ является то, что она такъ тщетно искала въ Рубекѣ: сильная воля, энергія и жизнерадостность въ лицѣ заинтересовавшаго ее помѣщика Ульфгейма. Ей кажется, что она теперь впервые узнала настоящую жизнь. Ульфгеймъ герой въ ея вкусѣ: онъ никогда не болѣетъ, всегда готовъ идти навстрѣчу всевозможнымъ опасностямъ, самъ ищетъ ихъ и не отступаетъ, пока не побѣдитъ соперника. Все въ немъ страннымъ образомъ привлекаетъ ее, манитъ раздѣлить съ этимъ человѣкомъ его богатую приключеніями жизнь. И когда Мая видитъ, что Рубекъ хочетъ избавиться отъ нея, не имѣя, однако достаточно силъ открыто сознаться ей въ этомъ, она освобождаетъ его, чтобы освободить и себя.

Но Рубекъ все еще не рѣшился, онъ боится окончательнаго разрыва съ Маей и предлагаетъ ей поселиться втроемъ, съ Иреной, въ новой виллѣ, гдѣ мѣста будетъ достаточно для всѣхъ трехъ. Мая гордо отказывается: «соединись съ тѣмъ, кто тебѣ можетъ пригодиться»,—говоритъ ему Мая, «а я ужъ найду себѣ мѣстечко въ жизни». И эта маленькая Мая, къ которой Рубекъ, въ сущности, относится съ такимъ презрѣніемъ, посмотрѣвъ теперь, такъ сказать, прямо въ глаза жизни, не только освобождаетъ себя, но и указываетъ жаждущему новой жизни Рубеку на Ирену, какъ на единственнаго человѣка, который въ состояніи возвратить ему потерянное счастье.

Рубекъ и самъ надѣется, что съ Иреной онъ снова полюбитъ свою работу и овладѣетъ тѣми сокровищами, ключемъ къ которымъ обладаетъ она одна. Но то, что онъ называетъ своимъ пробужденіемъ, возрожденіемъ къ новой жизни, есть ничто иное, какъ вновь проснувшаяся въ немъ жажда художественнаго творчества. Онъ не думаетъ ни о своей винѣ, ни объ ея искупленіи,—онъ занятъ исключительно мыслью о тѣхъ сокровищахъ, которыми онъ не можетъ овладѣть безъ помощи Ирены. Ирена прекрасно сознаетъ, что Рубекъ ее и теперь не понимаетъ, но что онъ снова не можетъ обойтись безъ нея, и потому она только проснулась, но не прозрѣла, и глубокій, тяжелый сонъ все еще смыкаетъ ея очи. Лишь на одно мгновеніе полубезумные, но справедливые упреки Ирены, въ которыхъ она изливаетъ все свое великое горе, возбуждаютъ раскаяніе Рубека, — первый лучъ надежды для него и Ирены.

Но раскаяніе его непродолжительно. Рубекъ полагаетъ, что онъ

давно уже искупилъ свою вину, что въ своемъ твореніи онъ изобразилъ себя въ видѣ подавленнаго виной человѣка, не способнаго возродиться вмѣстѣ со всѣмъ человѣчествомъ къ новой жизни, потому что онъ не можетъ освободиться отъ чувства раскаянія и сознанія напрасно прожитой жизни. Онъ думаетъ, что раскаяніемъ самобичеваніемъ (единственнымъ мѣриломъ всѣхъ его поступковъ и мыслей) онъ свелъ счеты съ жизнью, не обладая мужествомъ и силой воли искупить свои проступки. Даже теперь, когда Ирена раскрываетъ передъ нимъ всю глубину его вины передъ ней, страдальчески говоритъ о своей загубленной жизни, о дѣтяхъ, которыхъ она могла бы имѣть, о всѣхъ тѣхъ радостяхъ, которыхъ она не испытала, потому что онъ лишь игралъ ея жизнью,—Рубекъ не чувствуетъ и тѣни раскаянія. Онъ находитъ, что Ирена «принимаетъ все слишкомъ близко къ сердцу». Рубеку хотѣлось бы, чтобы все ихъ печальное прошлое покрылось мракомъ забвенія, какъ и домикъ на Tannitzer See, въ которомъ они провели счастливѣйшее время ихъ жизни и который онъ велѣлъ уничтожить, чтобы на его мѣстѣ воздвигнуть большую и роскошную виллу, гдѣ онъ все-таки не могъ свить тихаго и счастливаго гнѣзда.

Какъ мало измѣнился Рубекъ, если онъ можетъ предложить Иренѣ поселиться съ нимъ въ той же виллѣ, гдѣ живетъ съ Маей, для того, чтобы Ирена «открыла всѣ двери, которыя захлопнулись въ его внутреннемъ мірѣ»,—словомъ, онъ снова требуетъ, чтобы Ирена пожертвовала собой для него! Какимъ ничтожнымъ кажется Рубекъ, всѣмъ обѣщавшій «все прекраснѣйшее въ мірѣ», и самъ стоящій теперь передъ своей полубезумной жертвой, согбенно прося и умоляя: «помоги мнѣ еще разъ прожить жизнь!» Но Ирена потеряла ключи къ тайникамъ его души, и они могли только продолжать другъ съ другомъ старую гибельную игру для обоихъ. Съ этимъ угнетеннымъ состояніемъ двухъ загубленныхъ жизней диссонансомъ звучитъ торжественный гимнъ жизни Маи, твердо рѣшившейся воспользоваться всѣми благами жизни. Она дѣйствительно проснулась и указала путь къ новой жизни не мертвому мужчинѣ, а пробудившейся, но еще не прозрѣвшей женщинѣ—Иренѣ.

И снова слабому и безхарактерному Рубеку указываетъ дорогу одна изъ женщинъ, которымъ онъ обѣщалъ показать величіе всего земнаго. Ирена требуетъ, чтобы Рубекъ провелъ съ ней эту лѣтнюю ночь въ горахъ. Она чувствуетъ потребность хоть разъ пожить для себя, а не для его забавы и величія, потому что она никогда не любила искусство ради искусства. Рубекъ съ восторгомъ принимаетъ ея предложеніе; имъ обоимъ кажется, что они освободились, наконецъ, отъ тяготѣвшаго надъ ними проклятія.

Но Иреной сейчасъ же овладѣваетъ сомнѣніе, дѣйствительно ли произошло въ Рубекѣ пробужденіе къ новой жизни, или съ его стороны это новая попытка поиграть съ ней? Все ихъ темное прошлое всплываетъ передъ ними и смотритъ на нихъ пристальнымъ окаменѣлымъ взоромъ черной дьяконисcы. Ея внезапное появленіе заставляетъ

Рубека съ ужасомъ вспомнить о томъ, о чемъ онъ охотно забылъ бы— о загубленной душѣ Ирены, о ея разбитой жизни. Рубекъ понялъ теперь, что онъ «прошутилъ» свою жизнь, но ему кажется, что не все еще потеряно, и что если онъ возвратитъ миръ душѣ безумной Иренѣ, то этимъ онъ искупитъ старую вину. Но онъ жестоко ошибается, надѣясь, что оба они могутъ еще наслаждаться жизнью; онъ ошибается, думая, что внезапно проснувшаяся въ немъ страсть къ Иренѣ будетъ для него воскресеніемъ къ новой жизни. Жизнь кипитъ въ немъ, но онъ впадаетъ въ прежнее заблужденіе, полагая, что не красота должна служить украшеніемъ жизни, а жизнь должна быть принесена въ жертву идеалу красоты.

Въ Рубекѣ не произошелъ еще тотъ духовный переворотъ, который, со смертью его стараго «я», одинъ могъ дать ему силы на новую жизнь.

«Такъ выпьемъ же мы, оба мертвые, хоть разъ до дна полную чашу жизни, прежде чѣмъ возвратимся въ наши могилы», — вырвался изъ груди несчастнаго Рубека громкій призывъ къ свободѣ и жизни, принесенной въ жертву безжизненному культу красоты.

Эти слова возбуждаютъ надежду въ истерзанной душѣ Ирены. Радостно и восторженно, какъ въ дни молодости, Ирена соглашается слѣдовать за нимъ, готовая служить ему всегда и вездѣ, какъ своему господину и повелителю. Но искра жизни загорѣлась лишь на мгновеніе въ мертвой душѣ Рубека, и онъ опять падаетъ духомъ.

Какъ у Габріэля Боркмана чувство возрожденія къ новой жизни и потребность искупить свои прежніе поступки немедленно пропадаетъ, при первомъ же вступленіи въ эту новую жизнь, и его влечетъ на старую дорогу и онъ приноситъ въ жертву ту женщину, которой онъ уже разъ предпочелъ господство въ царствѣ золота; — такъ и Рубекомъ вновь овладѣло старое одностороннее исканіе красоты. Безобразный туманъ, окружающій гору, на которую Ирена предлагаетъ ему взобраться, останавливаетъ его, возмущая его эстетическое чувство. Между тѣмъ, ни этотъ безобразный туманъ, ни даже «сказочное» безобразіе Ульфгейма, не могутъ остановить сильную и бодрую духомъ Маю, разъ ее дѣйствительно ждетъ счастье тамъ, на горѣ. И когда на вершинѣ горы Рубека застигаетъ гроза, ему и въ голову не приходитъ, какъ это сдѣлала Мая и ея спутникъ, возвратиться въ долину, или укрыться въ хижинѣ, чтобы сохранить себѣ и Иренѣ то, что онъ такъ свято и восторженно только что обѣщалъ ей — жизнь. Въ ихъ воображеніи опять воскресаетъ все ихъ прошлое—черная дьяконисса появляется на вершинѣ горы.

Природа, наконецъ, какъ бы сжалилась надъ несчастными, измученными мертвыми душами, хотя и никогда не жившими, а лишь воскресшими на мгновеніе, чтобы увидѣть, какъ они безцѣльно «прошутили» жизнь. Дикій порывъ вѣтра сорвалъ лавину, въ холодныхъ объятіяхъ которой Рубекъ и Ирена находятъ если не искомое счастье, то, по крайней мѣрѣ, успокоеніе.

Итакъ, Рубекъ также поступилъ съ Иреной, какъ Габріэль Боркманъ съ женщиной, которую онъ такъ страстно любилъ: оба воспользовались для своихъ цѣлей молодой, человѣческой душой безъ угрызеній совѣсти, безъ колебаній и сомнѣній въ справедливости своихъ поступковъ. Но несмотря на одинаковую судьбу и образъ дѣйствія обоихъ героевъ, драма «Когда мы, мертвые, воскреснемъ» не простое повтореніе вышеназванный драмы. Эгоизмъ Боркмана ничѣмъ не прикрашенъ и явно бросается въ глаза. Всѣ его поступки, несомнѣнно, вытекаютъ изъ эгоистическихъ побужденій, властолюбія и жажды славы и потому требуютъ возмездія. Напрасно онъ обманываетъ себя мечтой создать такимъ путемъ благоденствіе многихъ тысячъ людей, какъ думалъ и консулъ Берникъ, и какъ хотѣлъ выполнить это архитекторъ Сольнессъ постройкой жилищъ для счастливыхъ семей, хотя онъ не былъ въ состояніи свить счастливое гнѣздо даже своимъ близкимъ. Въ совершенно иномъ свѣтѣ представляется намъ все это, если дѣло касается идеальныхъ стремленій художника. Не оправдывается ли въ данномъ случаѣ всякая жертва? Не достойно ли прославленія и подражанія такое безграничное увлеченіе искусствомъ со стороны художника? Никогда! Это обманчивый призракъ, который скрываетъ лишь другой родъ себялюбія, тѣмъ болѣе опасный, что оно даетъ право художнику считать себя и свое призваніе полезнымъ для человѣчества. Искусство, да и вообще духовное творчество, должно быть только средствомъ, хотя бы самымъ благороднымъ и могущественнымъ, но все же *средствомъ*, а не *цѣлью* жизни. Никто не имѣетъ права приносить чужую жизнь въ жертву искусству, потому что, въ концѣ концовъ, остается неизвѣстнымъ, не послужила ли она для цѣлей личнаго тщеславія и выгодъ.

Такой серьезный взглядъ на творчество Ибсенъ высказалъ уже въ одной изъ своихъ болѣе раннихъ драмъ — въ «Комедіи любви», гдѣ указалъ и единственный выходъ, который можетъ спасти отъ гибели, ожидавшей и Рубека. И этимъ Ибсенъ еще разъ блестяще доказалъ, что только одинъ идеалъ съ самаго начала творчества воодушевлялъ его. Выходъ этотъ нашелъ поэтъ Фалкъ и потому въ немъ могло произойти то возрожденіе, которое Рубекъ никогда не ощущалъ въ себѣ. Ѣдкія, но цѣлебныя рѣчи благородной и сильной Сванхилденъ уясняютъ Фалку его слабости и ничтожество, которыя состоятъ въ томъ, что онъ пожертвовалъ жизнью другихъ ради своего счастья, и теперь только постигаетъ онъ правду:

«Papierne Dichtung schliest man in den Schrein,
«Lebend'ge nur wirkt auf das Leben ein.
«Nur sie darf mit dem Himmel sich vermählen» *)

---

*) Бумажныя стихотворенія запираютъ въ шкафѣ. Только живое воздѣйствуетъ на жизнь, только оно достойно сочетаться съ небомъ.

Болѣе всѣхъ подвержены соблазну воспользоваться жизнью другихъ для своихъ личныхъ цѣлей люди, посвятившіе свою жизнь творческой дѣятельности. Художникъ, поэтъ, ученый—они всѣ впадаютъ въ грубую ошибку, когда смотрятъ на свое творчество, какъ на дѣло всей ихъ жизни, вмѣсто того, чтобы заставить себя служить цѣлямъ жизни.

И, такимъ образомъ, драма «Когда мы, мертвые, воскреснемъ» является истиннымъ эпилогомъ, въ которомъ, какъ въ фокусѣ, концентрируются всѣ прежнія мысли поэта, — о чувствѣ виновности, столь гибельномъ для счастья, и о счастливой невинности, объ узкомъ эгоизмѣ и о живой любви къ людямъ.

Но это эпилогъ и въ болѣе узкомъ смыслѣ этого слова. Авторъ, такъ долго и безбоязненно судившій людей, судитъ и самого себя, сомнѣваясь въ значеніи своей творческой работы. Съ юношескимъ пыломъ онъ сохранилъ до старости возвышенный идеализмъ и горячія надежды на лучшее будущее и выразилъ ихъ снова въ своей послѣдней драмѣ. И хотя всѣ ибсеновскія драмы разыгрываются въ буржуазной средѣ, но не отъ нея ждетъ онъ лучшаго будущаго, не ей создать другихъ людей,—онъ провидитъ новое общество, основами котораго будутъ *свобода* и *справедливость.*

Въ чемъ заключается смыслъ жизни,—таковъ великій вопросъ, поставленный Ибсеномъ. Когда мы, въ самомъ дѣлѣ, прожили жизнь достойно? И вотъ отвѣтъ Ибсена.

Жизнь дана намъ не для того, чтобы изъ тщеславнаго себялюбія прожигать и расточать ее, какъ поступилъ Габріель Боркманъ; не для того, чтобы изъ-за сильно развитаго чувства долга принести ее въ жертву обществу, какъ сдѣлалъ Брандъ; она дана намъ и не для того, чтобы посвятить ее безцѣльному самоанализу, какъ Альфредъ Альмерсъ, или чтобы прошутить ее, наслаждаясь ея внѣшней гармоніей, какъ Рубекъ. Жизнь дана намъ, чтобы, сохраняя чистую и спокойную совѣсть, наслаждаться любовью. Хотя самоотверженная любовь, такъ трогательно изображенная Ибсеномъ во многихъ женскихъ образахъ, и предохраняетъ отъ насилія и угрызеній совѣсти, но она не знаетъ еще ни удовлетворенія, ни счастья. Лишь одинъ путь можетъ привести на «желанную высоту»—счастливая любовь, облагораживающая людей и придающая имъ мужество совершать подвиги.

И если теперешніе мертвые боятся воскреснуть, опасаясь увидѣть, что они никогда не жили, то людямъ будущаго не придется бояться смерти, ибо смерть никогда не сможетъ уничтожить все то новое, честное и возвышенное, что они произвели на свѣтъ.

Д-ръ Максъ Адлеръ.

БЕЗДОМНЫЕ.

Повѣсть Стефана Жеромскаго.

Переводъ съ польскаго М. Троповско".

(*Продолженіе* *).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Глава III.

Бредни.

Возвращеніе доктора Антонія Чернища съ лѣтнихъ каникулъ въ городъ было для врачебнаго міра какъ бы открытіемъ сезона. Докторъ Чернишъ былъ поистинѣ выдающимся человѣкомъ. Какъ врачъ, онъ былъ однимъ изъ первыхъ не только въ Варшавѣ. Имя его пользовалось популярностью въ публикѣ, часто встрѣчалось въ спеціальныхъ изданіяхъ и не было чуждо и за границей научному міру. Даже, надо признаться, тамъ оно цѣнилось больше, чѣмъ въ родномъ краю.

Д-ръ Чернишъ происходилъ изъ бѣднаго класса. Собственными силами онъ учился и добился имени и положенія въ обществѣ. Сравнительно довольно поздно, лѣтъ сорока съ небольшимъ, будучи уже человѣкомъ состоятельнымъ, онъ женился на женщинѣ рѣдкой красоты. Г-жа Чернишъ была «единственной надеждой» раззорившейся полуаристократической семьи. Замужъ она вышла, по всей вѣроятности, скорѣе по разсчету, чѣмъ по любви. Въ свое время это была энергичная поборница эмансипаціи; съ теченіемъ времени дѣти, семейныя обязанности и обстоятельства отвлекли ее отъ болѣе дѣятельной жизни, но все же не подавили въ ней прежнихъ стремленій и убѣжденій. Ко всякому хорошему дѣлу она всегда относилась отзывчиво, хотя и не съ прежнимъ энтузіазмомъ, но еще съ извѣстной долей увлеченія. Въ салонѣ Чернишей собирался цвѣтъ интеллигенціи, и все, что было въ Варшавѣ выдающагося, всегда встрѣчало тамъ радушный пріемъ. Пріемные дни ихъ, среды, распредѣлены были такимъ образомъ, что

---

*) См. «Міръ Божій», № 5, май.

въ одну среду собирался народъ различныхъ профессій, въ слѣдующую же—одни врачи. Если кто-либо изъ гостей, не принадлежащихъ къ медицинскому міру, случалось, забредетъ въ несоотвѣтственный день, то его принимала у себя хозяйка. Кружокъ врачей собирался не для пустой болтовни; первоначально состоя всего изъ нѣсколькихъ лицъ, ближайшихъ друзей хозяина, онъ постепенно все расширялся, буквально завлекая людей. Была ли у кого-либо законченная работа, онъ приносилъ ее туда прочитать; случай ли какой необыкновенный выпадалъ у кого въ практикѣ, онъ спѣшилъ довести здѣсь его до свѣдѣнія коллегъ; возвращался ли кто изъ путешествія, предпринятаго съ научной цѣлью, онъ являлся туда, чтобъ подѣлиться всѣмъ, что видѣлъ и находилъ достойнымъ примѣненія и въ мѣстномъ строѣ жизни, въ области медицины. Засѣданія эти не носили характера натянутости, но не было въ нихъ и халатности. Съ ними считались и, что еще важнѣе, любили ихъ. Хозяинъ, человѣкъ скромный и умный, чрезвычайно тактичный и деликатный, любезная и очаровательная хозяйка, прекрасныя залы съ изящной обстановкой, съ произведеніями искусства, и больше всего та атмосфера мысли, утонченности и культуры, которая царила въ нихъ—невольно привлекали всѣхъ.

Юдымъ зналъ Черниша, еще будучи студентомъ, и вотъ, сдѣлавъ ему въ первыхъ числахъ сентября визитъ, получилъ приглашеніе войти въ кружокъ.

Первая «докторская» среда была назначена въ половинѣ слѣдующаго мѣсяца, и Юдымъ собрался придти... со статьей. Онъ долго раздумывалъ, колебался и волновался, но, наконецъ, рѣшилъ принести ее на собраніе. Вещь эта была имъ написана давно, еще въ Парижѣ. Онъ только написалъ теперь вступленіе и вставилъ нѣсколько данныхъ изъ мѣстной статистики. Д-ръ Чернишъ убѣдительно просилъ его прочитать эту работу (хотя самъ и не былъ знакомъ съ ней) и даже ставилъ ему это въ обязанность.

— Ну, какъ же, коллега,—говорилъ онъ,—вы спрашиваете, стоитъ ли вамъ высказать намъ тѣ мысли, которыя вы привезли изъ Парижа, проработавъ тамъ почти два года. Такъ что-жъ, въ такомъ случаѣ, намъ читать, когда мы сходимся? Неужели то, что всѣмъ намъ давно ужъ извѣстно, о чемъ ужъ было переговорено тысячу разъ?..

Аргументы эти тѣмъ убѣдительнѣе дѣйствовали на Юдыма, что за границей ему уже приходилось читать въ собраніяхъ кое-что изъ своихъ трудовъ. Была тутъ извѣстная доля честолюбія тоже... Удерживала его немного только какая-то тревога особаго свойства. Въ назначенный день онъ еще разъ хорошенько просмотрѣлъ свою рукопись, надѣлъ черный костюмъ и въ сумерки двинулся изъ своей квартиры. Но когда онъ подошелъ къ воротамъ дома, гдѣ жили Черниши, у него вдругъ что-то сильно сдавило горло и онъ чуть было не не рѣшилъ удрать. Была минута, когда онъ совсѣмъ струсилъ... Несмотря, однако,

на это, онъ, наконецъ, нажалъ пуговку звонка, надъ которой видна была надпись «Д-ръ Чернишъ». Въ ту же минуту въ дверяхъ послышалось щелканіе задвижки, рядъ какихъ-то тупыхъ звуковъ, напоминавшихъ лепетъ или язвительный смѣхъ и болѣзненно отозвавшихся у него въ мозгу...

Онъ поднялся по широкой мраморной лѣстницѣ, застланной цвѣтнымъ ковромъ, и вошелъ въ ярко освѣщенную переднюю, гдѣ его встрѣтилъ самъ хозяинъ. Изъ комнатъ доносился оживленный гулъ мужскихъ голосовъ.

Смущенный, спотыкаясь о ковры, задѣвая за мебель, онъ прошелъ между гостями; Чернишъ подвелъ его къ козеткѣ, съ которой подымалась имъ навстрѣчу прелестная женщина. Ей было лѣтъ тридцать. Она была одѣта безъ претензіи на изящество, но ея скромное платье такъ мило облегало ея красивую фигуру, что Юдымъ потерялъ передъ ней всякое самообладаніе, къ нему вернулась врожденная сапожничья застѣнчивость, и онъ пустилъ въ ходъ свои сапожничьи поклоны и манеры. Г-жа Чернишъ замѣтила его смущеніе и тотчасъ не только поняла его со всей чуткостью благородной натуры, но и сама почувствовала себя смущенной и несчастной. А Юдымъ въ эту минуту думалъ о томъ, что онъ совсѣмъ не владѣетъ теперь ни собою, ни своими мыслями, а ему еще придется читать, высказываться передъ этими чужими, спокойными, увѣренными въ себѣ людьми, которые всегда умѣютъ чувствовать себя такъ свободно, развязно, всегда способны поговорить и пошутить.

Докторша заговорила съ нимъ о Парижѣ и старалась побороть его застѣнчивость, чтобы оживить его. Ей это отчасти удалось.

Юдымъ почувствовалъ къ ней отчаянную симпатію. Онъ заговорилъ... Между тѣмъ, кто-то другой подсѣлъ къ ней съ лѣвой стороны, потомъ ее отозвали куда-то въ другой конецъ залы.

Юдымъ остался одинъ и началъ оглядываться вокругъ. Многихъ изъ присутствующихъ докторовъ онъ зналъ только съ виду, встрѣчался съ ними на улицѣ, въ больницахъ; знакомыхъ было всего человѣка два-три. Сидя неподвижно въ своемъ креслѣ, съ одеревенѣлыми ногами, которыя, какъ колоды, стояли на мягкомъ коврѣ, онъ томился мукой ожиданія. У двери ежеминутно раздавался звонокъ, и появлялась новая личность. Когда, наконецъ, зала и смежные кабинеты были уже полны гостей, д-ръ Чернишъ своимъ мягкимъ, тихимъ голосомъ объявилъ собранію, что коллега, д-ръ Юдымъ, недавно вернувшійся изъ Парижа, прочтетъ свою работу, подъ заглавіемъ «Нѣсколько словъ по вопросу о гигіенѣ»... Юдымъ съ какимъ-то испугомъ выслушалъ эти слова, но когда глаза всѣхъ присутствующихъ обратились на него, онъ немного оправился, поднялся съ своего мѣста, подошелъ къ маленькому столику и вынулъ изъ бокового кармана сюртука свою рукопись. Голоса постепенно, какъ бы неохотно, становились все тише и

и тише, и среди шопота неясно проносилось... Юдымъ... Юдымъ... какъ аккордъ, замирающій вдали.

Д-ръ Томашъ началъ читать. Вступленіе, трактовавшее о современномъ состояніи гигіены, было составлено грубо, топорно, изъ многочисленныхъ ученыхъ фразъ, сентенцій, въ которыхъ одно и то же существительное повторялось по нѣскольку разъ, изъ тяжелыхъ, всѣмъ давно извѣстныхъ мыслей. Докладчикъ чувствовалъ и смутно видѣлъ холодные, рѣзкіе взгляды, въ которыхъ уже начинала проглядывать насмѣшка. Но это хорошо на него подѣйствовало. Онъ сталъ читать о новыхъ начинаніяхъ въ области дизинфекціи, о новыхъ улучшеніяхъ и средствахъ, примѣняемыхъ въ заграничныхъ больницахъ, какъ, напр., о хинозолѣ, о всевозможныхъ примѣненіяхъ сулемы, обо всемъ, словомъ, что только вычиталъ въ иностранныхъ книжкахъ и журналахъ. Слушатели понемногу заинтересовались. Любопытство ихъ возросло еще больше, когда онъ сталъ описывать новыя средства для дезинфецированія частныхъ квартиръ, какъ неполимеризованный формальдегидъ и другія. Этимъ предметомъ была заполнена первая часть чтенія.

Въ началѣ слѣдующей Юдымъ поставилъ вопросъ, что̀ предпринимаетъ наука, такъ сильно интересующаяся состояніемъ здоровья людей, для улучшенія гигіеническихъ условій жизни массы. Чтобы разносторонне разобрать этотъ вопросъ, онъ разсказалъ о явленіяхъ, съ которыми ему приходилось встрѣчаться въ Парижѣ и въ другихъ городахъ. Онъ говорилъ объ образѣ жизни такъ называемой запасной арміи промышленности, о кочующихъ бандахъ, пропитанныхъ абсентомъ, о тѣхъ, что проводятъ время въ весельи и кутежахъ въ ресторанѣ *du Vieux Chêne*, на улицѣ *Mouffetard*, или въ ресторанѣ *de la Guillotine* и т. д. Онъ долго говорилъ объ этомъ, и его слушали съ нѣкоторымъ интересомъ. Наконецъ, онъ перешелъ къ описанію ночлежнаго пріюта Château-Rouge.

— Я часто ходилъ туда,—говорилъ онъ,—и даже, долженъ признаться провелъ въ этомъ вертепѣ однажды цѣлыя сутки. Никогда не изгладится у меня изъ памяти этотъ сонъ зимней ночи. Входятъ туда съ маленькой улички *Galande*, расположенной вблизи собора Богоматери, въ одномъ изъ самыхъ старинныхъ кварталовъ Парижа. Неподалеку процвѣтаетъ знаменитый кабакъ *Père-Lunettes*. Посѣтители этого бывшаго дворца «прекрасной Габріэли» (д'Эстре) бываютъ двоякаго рода одни, случайные «гости», другіе — бѣдняки, которые являются сюда постоянно, такъ какъ здѣсь они находятъ дешевый абсентъ и ночлегъ. Такъ называемая *закуска* стоитъ въ *Château-Rouge* 15 сантимовъ, и за это посѣтитель имѣетъ право сидѣть за столомъ, оперевъ руки и голову на край его, хотя бы до двухъ часовъ ночи. Въ морозные и дождливые вечера гости, изъ которыхъ, понятное дѣло, ни у одного нѣтъ собственнаго угла, буквально лежатъ одинъ на другомъ. Во второмъ часу ночи ихъ выпроваживаютъ вонъ, и они рас-

ходятся на всѣ четыре стороны: одни идутъ спать подъ мосты, на укрѣпленія, въ Булонскій лѣсъ, въ Венсень... другіе, у которыхъ еще найдется въ карманѣ нѣсколько грошей, ищутъ какого-нибудь *marchand de sommeil*. Большинство ночуетъ въ Château, откуда одни отправляются на центральный базаръ, чтобы поѣсть за два су немного «рисоваго супа», а затѣмъ заработать за день нѣсколько копѣекъ, помогая носильщикамъ. Другіе, собиратели окурковъ отъ папиросъ и сигаръ, уже въ шесть часовъ утра поджидаютъ на площади Моберъ, у памятника Э. Доле, проходящихъ мимо на фабрики рабочихъ, которымъ продаютъ собранный табакъ въ пачкахъ по 10 сантимовъ. Въ Château-Rouge можетъ помѣститься нѣсколько сотъ человѣкъ; зимою ихъ собирается тамъ до пятисотъ. Въ первой комнатѣ съ буфетомъ, въ которой дымится жестяная печка, собираются преимущественно женщины и дѣти. Въ другой—бывшей спальнѣ прекрасной любовницы Генриха IV, лежатъ прямо на полу одни мужчины. За право спать до двухъ часовъ ночи хозяинъ беретъ съ нихъ по 10 сантимовъ съ каждаго. Въ третьей комнатѣ, украшенной фресками, называемой сенатомъ, народъ спитъ на столахъ и на землѣ. Тамъ собиратели окурковъ выдуваютъ изъ гильзъ свой товаръ и укладываютъ его въ пачки, тамъ сутенеры терпѣливо поджидаютъ своихъ *marmittes*, ночныхъ работницъ, у которыхъ они на содержаніи. Тамъ спятъ усталые уличные аккробаты, нерѣдко татуированные, мелкіе ремесленники, люди, занятія которыхъ состоятъ въ купаніи собакъ въ рѣкѣ, въ отпираніи дверецъ каретъ у вокзаловъ, въ вылавливаніи дохлыхъ кошекъ и во многомъ, многомъ другомъ, что не поддается описанію. Налѣво отъ сената есть еще комната, называемая «Залою мертвыхъ», гдѣ въ повалку спятъ пьяные, больные и тѣ изъ посѣтителей, которые пользуются расположеніемъ хозяина. Есть тамъ еще такъ называемый «Залъ съ фресками», изображающими дѣянія разбойника *Gamahu*, убійцы *m-me Bannerich*. Обыкновенно какой-нибудь оборванецъ объясняетъ приходящимъ посѣтителямъ значеніе всей этой таинственной мазни или напѣваетъ имъ на парижскомъ жаргонѣ разныя пѣсенки, въ которыхъ сказывается вся бездна нищеты человѣческаго рода. Вотъ, напримѣръ, одна изъ нихъ, начинающаяся словами:

C'est de la prison que j't'écris,
Mon pauv' Polyte,
Hier je n'sais pas c'qui m'a pris,
A la visite;
C'est des maladi's qui s'voient pas,
Quand ça s'déclare,
N'empêch' qu' aujourd'hui j'suis dans l'tas
A Saint-Lasare!.. *).

---

*) Я пишу тебѣ изъ тюрьмы, мой бѣдный Политъ, Вчера, не знаю, что со мною было во время посѣщенія. Это одна изъ тѣхъ болѣзней, которыя не замѣтны при началѣ. Несмотря на это, я сегодня вмѣстѣ со всѣми въ Сенъ-Лазарѣ.

— Когда я въ первый разъ пришелъ въ Château-Rouge, я былъ въ цилиндрѣ, и хозяинъ, принявъ меня за англичанина, осматривающаго достопримѣчательности города, любезно повелъ меня по своему заведенію, освѣщая лампой дорогу. Была уже поздняя ночь. Наши голоса и свѣтъ лампы будили спящихъ. Откуда-то изъ-подъ стѣны поднялась уличная дѣвушка, въ лохмотьяхъ, съ распухшимъ и разгорѣвшимся отъ какого-то внутренняго огня лицомъ, и нѣсколько минутъ смотрѣла на меня широко раскрытыми глазами. И такъ ужасенъ, такъ невыразимо дикъ былъ этотъ взглядъ, что, если можно выразиться словами поэта, «и до сихъ поръ онъ душу жжетъ мою...»

Это лирическое отступленіе удивило слушателей. Его приняли за литературный оборотъ и простили автору этотъ неудачный припѣвъ на струнахъ сентиментальности. Между тѣмъ, Юдымъ, дѣйствительно, почувствовалъ въ себѣ «огонь, что душу жжетъ...» Онъ яркими красками рисовалъ кварталъ «города Іоанны д'Аркъ», расположенный вблизи больницы Сальпертріеръ, въ которомъ гнѣздятся нѣсколько сотъ рабочихъ семействъ. Каждая семья имѣетъ тамъ свой уголъ, но черезъ тонкія стѣны всѣ слышатъ все, что дѣлается у сосѣдей, знаютъ всѣ ихъ дрязги и ссоры; дѣти цѣлыми толпами копошатся на лѣстницѣ, на дворѣ и въ уличныхъ канавахъ, заражая другъ друга болѣзнями и испорченностью. Женщины живутъ въ развратѣ, мужчины пьютъ и распутствуютъ. Но даже и этой тѣни семейнаго очага нѣтъ у обитателей «Золотого города», «города Крумировъ», «Женщины въ штанахъ», за сѣверо-западными укрѣпленіями. Въ одномъ мѣстѣ—тамъ рядъ лачугъ, окруженныхъ мусорными кучами, по которымъ прежде бывало лазила владѣтельница этихъ лачугъ, эксъ-мусорщица, неизвѣстно почему одѣтая по-мужски, собирая плату за квартиры; въ другомъ—настоящіе хлѣвы, построенные на свободной землѣ, гдѣ дѣти спятъ на кучахъ грязныхъ лохмотьевъ, гдѣ Houssonville встрѣтилъ старуху, рвавшую мясныя жилы съ какой-то обглоданной старой кости и ѣвшую ихъ съ коркой чернаго хлѣба, гдѣ видѣлъ двухъ стариковъ, «живущихъ въ будкѣ на колесахъ», въ которой эти «люди» переѣзжали изъ одного города въ другой.

— Однако, скорбѣть по этому поводу намъ нечего. И у насъ есть свой собственный «Парижъ» за Повонзковской заставой, и у насъ имѣется еврейскій кварталъ, который будетъ, пожалуй, ничуть не похуже самого «города Крумирова». Стоитъ хоть разъ въ жизни прогуляться по улицамъ, идущимъ въ сторону еврейскаго кладбища. Вы можете тамъ увидѣть такія мастерскія, заведенія и квартиры, какихъ философы наши и во снѣ не видали. Вы тамъ встрѣтите цѣлыя семьи, которыя спятъ подъ низкими потолками въ своихъ крохотныхъ, тѣсныхъ лавченкахъ, гдѣ уже нѣтъ ни воздуха, ни свѣта. И въ той же конурѣ, гдѣ гнѣздится нѣсколько семействъ, лежатъ кучи съѣстныхъ припасовъ, тутъ же улаживаются всяческія торговыя, промышленныя,

семейныя, мошенническія и любовныя дѣла, жарится ѣда на вонючемъ жиру, тутъ же кашляютъ и харкаютъ чахоточныя, рождаются дѣти и стонутъ и пляшутъ всевозможные неизлѣчимые, влачащіе цѣпи жизни. Эти отвратительныя трущобы вздыхаютъ, когда проходишь мимо. И единственное средство противъ всего этого—антисемитизмъ.

— А наши деревни? Развѣ не сплошь и рядомъ мы встрѣчаемъ тамъ такія явленія, какъ помѣщеніе двухъ семействъ съ кучей ребятъ въ какомъ-то хлѣву, въ которомъ тутъже, отгороженная досками, стоитъ клѣть съ кучей гніющаго картофеля и запасами капусты, бураковъ и т. д.? Холостые работники (батраки), такіе, что живутъ на хозяйскихъ харчахъ, получаютъ мясо только на Пасху и на Рождество, а такъ имъ достается на обѣдъ жирная похлебка, въ которую кладется гомеопатическая доза тухлой солонины или такъ называемаго сала, ибо если бы вложить его больше, то совсѣмъ-бы этой похлебки въ ротъ нельзя было взять отъ слишкомъ сильнаго запаха и вкуса сала. Отдѣльнаго помѣщенія для этихъ работниковъ нѣтъ: спятъ они въ конюшняхъ и хлѣвахъ подъ яслями, дѣвушки же работницы спятъ всѣ въ одной какой-нибудь избѣ, подчасъ вмѣстѣ съ мужчинами. У женатыхъ батраковъ весною въ одной и той же избѣ, среди грязи, покрывающей стѣны, возятся и вскармливаются вмѣстѣ дѣти и поросята.

Присутствующіе молча выслушивали все это, и неизвѣстно было, какъ понимать ихъ молчаніе. А Юдымъ все больше и больше увлекался и входилъ уже въ ту фазу, о которой мечталъ; онъ испытывалъ такое ощущеніе, какъ будто-бы внутри его зацѣпили желѣзнымъ крюкомъ за главнѣйшее звено его души и вознесли его на высоту холоднаго мужества. Онъ сталъ доказывать, что хотя подобныя явленія дикости и невѣжественности массы и являются результатомъ весьма многихъ причинъ, но, во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, одна изъ нихъ заключается—въ равнодушіи врачей.

— Мы умѣемъ,—говорилъ онъ,—тщательно уничтожать микробы въ спальнѣ богача и спокойно въ то же время проходимъ мимо такого факта, какъ воспитываніе дѣтей вмѣстѣ съ поросятами. Кто, скажите, изъ медиковъ нашего столѣтія задумывался надъ гигіеническими условіями пріюта Château Rouge? Кто изъ насъ тутъ, въ Варшавѣ, интересовался тѣмъ, какъ живутъ еврейскія семейства на Парясовѣ?

— Что это такое?—послышался чей-то шепотъ въ глубинѣ залы.

— *C'est de la* чепуха на постномъ маслѣ... — отвѣтилъ какой-то блондинъ съ лицомъ Аполлона, вытирая свои очки въ роговой оправѣ. Юдымъ слышалъ этотъ насмѣшливый тонъ, видѣлъ ироническія улыбки, но вдохновеніе ужъ увлекло его.

— Не наша ли обязанность,—горячо продолжалъ онъ, — распространять гигіену тамъ, гдѣ не только нѣтъ ея, но гдѣ господствуютъ такія ужасныя условія? Кому-жъ и позаботиться объ этомъ, если не намъ? Вся наша жизнь складывается изъ жертвъ. Нашу раннюю

*

молодость мы проводимъ въ мертвецкой, всю остальную жизнь—въ больницѣ. Нашъ трудъ—это постоянная борьба со смертью. Чей трудъ можетъ сравниться съ трудомъ врача? Трудъ ли земледѣльца, рабочаго или «занятія» чиновника, купца, ремесленника и даже солдата? Тутъ каждая мысль, каждый шагъ, каждый поступокъ долженъ побѣждать слѣпыя, страшныя силы природы. Отовсюду, отъ каждаго больного грозитъ намъ зараза и смерть. Въ холерное время, когда всѣ теряютъ головы, наскоро заканчиваютъ свои дѣла и бѣгутъ, куда глаза глядятъ, врачъ одинъ смѣло идетъ навстрѣчу грозящей бѣдѣ. Тогда только всѣ ясно видятъ, что мы такое. Тогда всѣ слушаютъ насъ, ищутъ нашихъ совѣтовъ, повинуются каждому нашему слову, покоряются всѣмъ нашимъ приказаніямъ. Но эпидемія проходитъ и хищное племя опять возвращается къ своимъ аферамъ и устраивается такъ, какъ удобнѣе сильнѣйшимъ. Наша роль кончена. Мы смѣшиваемся съ толпой и подчиняемся общему теченію. Вмѣсто того, что бы стать во главѣ, вмѣсто того, что-бы, по законамъ непогрѣшимой науки, воздвигать стѣну, ограждающую жизнь отъ смерти, мы предпочитаемъ совершенствовать удобства и облегчать жизнь богача, чтобы дѣлить съ нимъ крохи роскоши. Современный врачъ—это врачъ богачей.

— Прошу слова,—сказалъ высокій, худой старичокъ, съ бѣлыми, какъ снѣгъ, бакенбардами.

— Прошу слова!—рѣзко, небрежнымъ тономъ произнесъ блондинъ въ очкахъ, слегка подымаясь съ своего кресла въ сторону хозяина.

Въ сдержанномъ шопотѣ гостей чувствовалось сильное неудовольствіе.

— Современная медицина,—продолжалъ Юдымъ,—принимаетъ за фактъ самую болѣзнь и ограничивается только ея лѣченіемъ, ничуть не стараясь искоренять причины, вызвавшія ее. Я все говорю о лѣченіи бѣдныхъ.

Кто-то разсмѣялся вполголоса. Шопотъ все усиливался и становился даже невѣжливымъ.

— Я не говорю тутъ объ обыкновенныхъ злоупотребленіяхъ, о практикѣ всевожныхъ желѣзнодорожныхъ, фабричныхъ и т. под. врачей, я говорю о состояніи гигіены. Человѣкъ работаетъ на фабрикѣ и по цѣлымъ днямъ полощетъ тамъ желѣзныя полосы въ сѣрной кислотѣ, въ водѣ и въ гашеной извести, онъ заболѣваетъ воспаленіемъ легкихъ и отправляется въ госпиталь, тамъ его кое-какъ подлѣчатъ—и этотъ человѣкъ снова возвращается къ своему прежнему занятію. Работникъ на сахароваренномъ заводѣ, занятый выдѣлываніемъ суперфосфата посредствомъ обливанія костяного угля сѣрной кислотой, цѣлый день находится въ сараѣ, гдѣ воздухъ пропитанъ парами сѣрной кислоты, гдѣ газы, получающіеся послѣ сожженія пикринового калія, неизбѣжно вызываютъ воспаленіе легкихъ,—и что же! Онъ заболѣетъ и, выписавшись изъ больницы, идетъ обратно въ свой сарай. Въ ледникахъ, на пивоваренныхъ заводахъ... *pleuritis purulenta*.

— Но это дѣло какого-либо попечительства для выходящихъ изъ больницы, а ничуть не врача...—замѣтилъ хозяинъ.

— Долгъ врача—вылѣчить больного. Если онъ станетъ подыскивать подходящія мѣста для своихъ паціентовъ, то изъ него выйдетъ, пожалуй, хорошій филантропъ, но, навѣрное, плохой врачъ...—сказалъ кто-то другой.

— У васъ сейчасъ «попечительство», сейчасъ «филонтропія»,—защищался Юдымъ.—Я вовсе не думаю требовать, чтобы врачъ искалъ мѣста для своихъ выздоровѣвшихъ паціентовъ. Но положеніе врача предписываетъ ему обязанность и даже даетъ ему право, во имя его науки, запретить больному возвращаться къ источнику труда, гибельному для его здоровья.

— Нечего сказать! Замѣчательная идиллія! Развѣ это возможно, коллега!..—послышалось со всѣхъ сторонъ.

— Но, многоуважаемые товарищи, вотъ именно вашими протестами вы и подтверждаете то, что я называю пренебрежительнымъ со стороны врачей отношеніемъ и полнымъ невниманіемъ къ причинамъ болѣзней, когда дѣло касается бѣдныхъ. Мы, врачи, имѣемъ всѣ данныя для уничтоженія подваловъ, для улучшенія гигіеническихъ условій на фабрикахъ, въ грязныхъ, сырыхъ квартирахъ, для очищенія всякихъ краковскихъ Казимержовъ, люблинскихъ еврейскихъ кварталовъ. Это вполнѣ въ нашей власти. Если бы мы только хотѣли пользоваться присущими намъ правами, намъ покорился бы не только темный людъ, но и сильные міра сего....

Сказавъ это, Юдымъ сложилъ свою рукопись и сѣлъ. Онъ не кончилъ статьи: тамъ была еще третья часть, отдѣленная въ рукописи отъ предыдущей тремя звѣздочками, содержавшая различные лирическіе проэкты, но для прочтенія ея Юдымъ не имѣлъ силы, буквально духу у него не хватало. Выраженія лицъ гостей, смущеніе хозяевъ, наконецъ, вся атмосфера, которая воцарилась въ собраніи, ясно показывали, что лекторъ оскандалился окончательно. Лекція его не была ни достаточно сильна, чтобы возбудить и возмутить слушателей, ни достаточно нова, что бы чѣмъ-либо поразить. Всѣ смотрѣли на Юдыма спокойно, безъ всякой злобы, и въ этихъ взглядахъ какъ-будто было написано: ишь ты, хоть и въ львиную кожу забрался, а кричишь-то какъ бы и по ослиному...

Когда наступила полная тишина, старичекъ съ бакенбардами, д-ръ Калецкій, поднялся съ своего мѣста и свободнымъ, живымъ тономъ заговорилъ:

— Коллега Юдымъ представилъ намъ прекрасное произведеніе, весьма лестно и краснорѣчиво свидѣтельствующее о его альтруистическихъ склонностяхъ, живомъ воображеніи и—занятіяхъ въ Парижѣ. Въ настоящее время, къ сожалѣнію, сильно проникнутое утилитаризмомъ, такъ пріятно встрѣтить врача съ такой чуткой натурой, съ та-

кимъ горячимъ и чувствительнымъ сердцемъ. Посему я осмѣлюсь, отъ имени всѣхъ присутствующихъ, выразить коллегѣ Юдыму нашу искреннюю признательность за его трудъ...

Послѣ этого вступленія, которое показалось Юдыму ѣдкимъ издѣвательствомъ надъ нимъ, д-ръ Калецкій принялся за критику только что прослушаннаго доклада.

— Предметъ, затронутый коллегой Юдымомъ,—говорилъ онъ,—собственно складывается изъ нѣсколькихъ вопросовъ и обнимаетъ собою небо и землю. Однако, изъ всего того, что мы слышали, можно, по моему, выдѣлить три главныхъ вопроса: *primo*—вопросъ чисто научный, вопросъ о гигіеническихъ условіяхъ жизни бѣдныхъ классовъ, *secundo*—общественный вопросъ, *tertio*—вопросъ о предупредительныхъ средствахъ. Каждый изъ этихъ пунктовъ—это гора, окруженная дремучимъ лѣсомъ, заваленная обломками скалъ, прорѣзанная оврагами, въ которыхъ еще вѣдьмы ночуютъ. Итакъ—начнемъ съ перваго пункта. Я не стану повторять того, что намъ сейчасъ передалъ коллега. Все это факты, добросовѣстно изслѣдованные и живо изображенные, факты, прибавлю я, крайне печальные. Что касается условій жизни французовъ, то, понятно, я принужденъ буду вопросъ въ этомъ отношеніи оставить въ сторонѣ, такъ какъ я имъ не занимался спеціально. Тѣмъ не менѣе, мнѣ извѣстно навѣрное, что цѣли милосердія поглощаютъ въ Парижѣ десять милліоновъ, повторяю, десять милліоновъ франковъ ежегодно. Сумма, кажется, не маленькая. Извѣстно также, что тамъ существуютъ цѣлыя шайки нищенствующихъ мошенниковъ, цѣлые синдикаты, содержащіе бабъ, которыя представляютъ на улицахъ сцену родовъ, разсылающіе по всему городу мнимыхъ эпилептиковъ, сумасшедшихъ, всякаго рода калѣкъ и т. п. Вообще, когда разбираешь подобные вопросы, не слѣдуетъ забывать премудраго изреченія Герберта Спенсера: «произнося слова—бѣдный человѣкъ, мы вовсе не думаемъ—не хорошій человѣкъ». Я не хочу этимъ сказать, что я съ пренебреженіемъ отношусь къ такому явленію, какъ «городъ женщины въ штанахъ».

— Перейдемъ теперь къ условіямъ нашей жизни. Коллега скорбитъ надъ долей батраковъ, евреевъ и т. д. Дѣйствительно, и тутъ, и тамъ дѣла обстоятъ не блестяще, но я долженъ сказать и даже подчеркиваю это, хотя бы даже коллега Юдымъ разсердился на меня, что это не дѣло врача. *Amicus Plato, sed magis amica veritas*—ничего не подѣлаешь. Это одно и то же, какъ если бы врачъ, призванный къ двумъ сапожникамъ, которые изрѣзали другъ друга ножами, вмѣсто того, чтобы осмотрѣть ихъ и перевязать имъ раны, вдругъ началъ читать имъ лекцію о вредѣ драки. Чѣмъ тутъ могутъ помочь врачи? Все, что можно тутъ дѣлать—это просвѣщать, просвѣщать темный деревенскій людъ и вліять на работодателей—и только. Но все это дѣлается, дѣлается несомнѣнно, какъ подтверждаютъ коллеги, работающіе въ

провинціи, дѣлается даже гораздо больше, чѣмъ можно было бы судить издали, съ высоты тѣхъ или иныхъ парадоксовъ. Какъ повсюду, такъ и тутъ лучшую часть выбираетъ себѣ и, по крайней мѣрѣ, должна выбирать, филантропія, эта сестра милосердія человѣчества. Если мы ознакомимся съ положеніемъ вещей, то увидимъ поразительный подъемъ уровня милосердія, пожертвованій, увидимъ настоящій энтузіазмъ въ стремленіи высшихъ классовъ помочь этимъ нижнимъ слоямъ, которые такими рѣзкими штрихами рисуетъ намъ д-ръ Юдымъ. Сколько пожертвованій собрано для бѣдныхъ въ этомъ году, сколько осушено слезъ безъ всякихъ фразъ, въ тайнѣ даже отъ защитниковъ «народа». Я не стану называть, не стану указывать пальцемъ на тѣхъ изъ присутствующихъ коллегъ, которые спѣшатъ на каждый призывъ больного бѣдняка, которые приносятъ въ жертву свое время, здоровье и жизнь, не думая о томъ, что исполняютъ какую-то миссію. Они просто дѣлаютъ, что нужно, что имъ подсказываетъ сердце, совѣсть... нѣтъ! правильнѣе выражаясь—прямо привычка, старая, вкоренившаяся привычка...

— Браво! браво!—послышались громкіе возгласы отовсюду.

— А теперь кинемъ еще взглядъ... Дѣйствительно ли все ужъ у насъ такъ плохо? Вотъ устраиваются гигіеническія выставки, открывается общество попечительства о бѣдныхъ, устраиваются ночлежные пріюты, устраиваются народныя бани, народныя гулянья, наконецъ—гигіеническое общество, не говоря уже о благотворительныхъ дѣлахъ, совершаемыхъ втихомолку. Господа, намъ нечего краснѣть отъ упрека коллеги д-ра Юдыма, будто бы современный врачъ—врачъ богачей. Во всѣхъ вышеуказанныхъ случаяхъ сословіе врачей не только давало иниціативу, но можетъ съ гордостью сказать о себѣ: *magna pars fui* *). Коллега Юдымъ еще молодъ. Видно, однако, онъ ужъ много выстрадалъ, если сердце могло ему продиктовать всѣ эти полныя горечи слова. Теперь онъ еще, можетъ быть, не признается въ упорствѣ, въ предвзятомъ предубѣжденіи противъ варшавскихъ врачей, но когда волосы его убѣлятся сѣдиной, тогда онъ, навѣрно, подтвердитъ справедливость моихъ словъ, что сегодня онъ произнесъ невѣрный и оскорбительный судъ. Мы ему все это теперь же искренно и отъ всей души прощаемъ...

Юдымъ вдругъ ни съ того, ни съ сего почувствовалъ что-то въ родѣ раскаянія. Онъ и предположить никакъ не могъ, чтобы его пришлось прощать отъ всей души за то, что онъ говорилъ о вопросахъ, касающихся гигіены. Но прежде, чѣмъ онъ успѣлъ оріентироваться въ этомъ лабиринтѣ новыхъ и такихъ необыкновенныхъ ощущеній, поднялся съ своего мѣста д-ръ Пловичъ, тотъ самый, который одновременно съ д-ромъ Калецкимъ просилъ слова, и рѣзкимъ, громкимъ голосомъ произнесъ слѣдующее:

---

*) Мнѣ принадлежитъ бо́льшая часть.

— Почтенный коллега Калецкій сформулировалъ все, что можно было бы сказать о предметахъ, затронутыхъ лекторомъ. Но, по моему, коллега Калецкій въ одномъ мѣстѣ употребилъ слишкомъ блѣдную краску, отражая упреки д-ра Юдыма. Я говорю о томъ пунктѣ, гдѣ авторъ статьи навязываетъ современному врачу обязанность улучшать общественныя отношенія. Эта нелѣпая претензія обращается въ формальное нападеніе, когда строгій критикъ утверждаетъ, что доктора работаютъ для усовершенствованія жизни богачей, чтобы вмѣстѣ съ ними дѣлить крохи роскоши. Многое я тутъ обойду полнымъ молчаніемъ. Я не стану распространяться о томъ, что основой жизни, непреоборимой сущностью всѣхъ человѣческихъ дѣяній является стремленіе каждаго человѣка къ культурѣ, къ высшимъ удобствамъ, къ жизни въ хорошей квартирѣ, даже, horribile dictu! стремленіе къ обогащенію. Не знаю, почему бы врачу быть исключеннымъ отъ участія въ раздѣлѣ этихъ, бренныхъ впрочемъ, сокровищъ міра сего. Развѣ потому, что, какъ самъ признаетъ нашъ строгій зоилъ, намъ приходится работать тяжелѣе всѣхъ другихъ и въ самыхъ мерзкихъ условіяхъ. Но, какъ я замѣтилъ, я не стану распространяться объ этомъ, такъ какъ, откровенно говоря, говорить тутъ не о чемъ. Когда докторъ Юдымъ повѣситъ у себя на двери табличку съ пріемными часами, когда ему придется кормить и одѣвать не только свое студенческое тѣло, но и любимую женщину и ребенка, тогда, Богъ дастъ, мы, можетъ быть, услышимъ отъ него менѣе суровыя рѣчи на тему о недостаткахъ сословія врачей...

— Я хочу тутъ сказать о другомъ, а именно, обратить вниманіе коллеги Юдыма на то обстоятельство, что его альтруистическія мысли и наклонности не имѣютъ твердаго основанія. Врачи вовсе не обладаютъ той властью, какую имъ приписываетъ коллега. При самомъ искреннемъ, самомъ сильномъ, съ ихъ стороны, желаніи принудить трактирщика изъ Chateau-Rouge къ примѣненію такъ называемыхъ требованій гигіены, имъ это ни въ коемъ случаѣ не удастся. Свѣтъ— это хитрый промышленникъ, который вовсе и не думаетъ тратить собранныя деньги на то, чтобы бѣдный работникъ могъ лучше и удобнѣе проводить свою жизнь. Чтобы убѣдиться въ томъ, что это именно такъ, а не иначе, нужно спуститься съ неба на землю. Проповѣди, хотя бы и самыя прекрасныя, тутъ ничего не помогутъ.

Этимъ докторъ Пловичъ кончилъ и сѣлъ на свое мѣсто. Въ комнатѣ воцарилось какое-то неловкое, непріятное молчаніе.

— Я хотѣлъ бы прибавить пару словъ...—слабымъ голосъ произнесъ Томашъ, медленно подымаясь съ своего стула.

— Пожалуйста...—прошепталъ кто-то.

— Вотъ... вотъ... я не думалъ, что мои выводы, то есть... мои взгляды на положеніе вещей вызовутъ такія неожиданныя сужденія. Я ничуть не думалъ оскорблять сословія врачей, наоборотъ даже, желалъ возвысить его съ помощью того, какъ я понималъ его роль въ чело-

вѣческомъ обществѣ. Мнѣ даже кажется довольно страннымъ, что многоуважаемые коллеги именно въ этомъ увидѣли оскорбленіе. Вѣдь я же не требовалъ отъ врачей ни филантропіи, сохрани Боже! ни того, чтобы они не могли быть богатыми. Неужели я говорилъ это? Я говорилъ и повторяю, что современный врачъ—это слуга, врачъ-слуга богатыхъ. Богатъ ли онъ самъ, это совершенно второстепенное дѣло. Но такъ какъ мысль моя оказалась не понятой, то я разовью ее другимъ путемъ. Современный врачъ не хочетъ даже понять или, вѣрнѣе, старается не понимать той истины, что, приводя къ нулю свое высокое назначеніе, онъ дѣйствуетъ за одно съ хитрымъ, какъ выражается д-ръ Пловичъ, промышленникомъ-свѣтомъ. Не должно служить *мамонѣ*. Можно имѣть ее,—мнѣ отъ этого ни тепло, ни холодно. А теперь, что касается квартиръ, пріютовъ и этихъ пресловутыхъ бань... Я думаю, что почтенный колега Калецкій имѣетъ плохое представленіе о значеніи этихъ учрежденій. Устройство народныхъ бань посторонними людьми, филантропами, я считаю затѣей неудачной...

— Вотъ славно!—воскликнулъ кто-то.

— ...Въ виду того, что это отвлекаетъ наше вниманіе отъ тѣхъ, на комъ лежитъ обязанность устраивать бани для своихъ работниковъ. Если директоръ каменноугольныхъ копей выходитъ изъ подземелья, то къ его услугамъ имѣется ванна, устроенная на счетъ владѣльца копей. Что бы мы подумали, если бы для такого директора жертвовалъ ванну коллега д-ръ Пловичъ изъ собственныхъ, кровавымъ трудомъ заработанныхъ и все же ничтожныхъ, средствъ? Между тѣмъ, когда дѣло касается какого-то человѣчка, стоящаго на общественной лѣстницѣ ниже штейгера, мы не имѣемъ ничего противъ того, чтобы докторъ Пловичъ жертвовалъ ему для омовенія грязнаго сѣдалища души. Вотъ въ чемъ вопросъ. Мы жалуемся, мы ломаемъ руки надъ грязью городовъ, надъ нечистоплотностью массы, мы, врачи, а когда является возможность однимъ ударомъ устранить всю эту нечистоплотность...

— Интересно, гдѣ же является эта возможность?

— ...Требовать открытія бани тѣми, въ интересахъ которыхъ покрылись люди грязью и пóтомъ,—а мы сейчасъ въ городъ, къ филантропу. То же самое...

— Но кто долженъ требовать, кто? Какой органъ, какимъ образомъ?

— Мы, врачи! Мы, соль земли, мы, разумъ, мы, облегчители всѣхъ страданій...

— Какимъ образомъ, какимъ чудомъ?

— Мы должны сговорится между собой, устроить совѣщанія, издать постановленіе и начать борьбу съ глупостью человѣчества, которое не видитъ, что такое Крохмальная улица или краковскій Казимержъ...

— Шутите вы, что ли?

— Нисколько! Если ко мнѣ являются за совѣтомъ, то должны его слушаться. Иначе я не лѣчу, вовсе не лѣчу! Если я не истребляю источниковъ смерти...

Говоря все это, Юдымъ чувствовалъ, какъ постепенно и быстро въ немъ исчезаетъ увѣренность въ себѣ. Категорическіе и рѣзкіе протесты вырвали у него изъ головы самые сильные аргументы. Онъ хотѣлъ было еще заговорить о многомъ, но, какъ и прежде, лишился смѣлости. Въ эту самую минуту, когда онъ стоялъ, не зная, что ему собственно говорить дальше, въ залѣ водворилась полнѣйшая тишина. Въ противоположномъ углу нѣсколько человѣкъ, собравшихся вокругъ столика, громко заговорили между собой о чемъ-то. Хозяинъ поднялся съ своего мѣста и сдѣлалъ глазами знакъ женѣ, что пора просить къ ужину. Многіе изъ гостей уже подымались...

Юдымъ сѣлъ на свое мѣсто: онъ былъ весь въ поту, и голова у него какъ-будто была набита сухимъ пескомъ. Онъ видѣлъ, что гости группами проходятъ въ столовую... онъ не зналъ, уйти ему или остаться. Въ то время, какъ онъ рѣшалъ этотъ вопросъ, онъ вдругъ услышалъ надъ собою голосъ доктора Чернина:

— Будьте любезны, коллега... Пожалуйста...

Онъ всталъ и вмѣстѣ съ другими прошелъ въ столовую. За ужиномъ, который былъ для него настоящей пыткой, онъ сидѣлъ рядомъ съ хозяйкой, которая любезно задавала ему какіе-то вопросы, заставляя его произносить какія-то безсмысленныя фразы о литературѣ, о живописи, даже о какомъ-то англійскомъ биллѣ... Порой на него нападало дикое бѣшенство; его буквально такъ и подмывало встать и ударить эту красавицу кулакомъ по лицу. Какъ нарочно, въ головѣ у него не только вставали, но и ясно и всесторонне обрисовывались всѣ его разсужденія, глубокія положенія, обдуманныя въ уединеніи. Никто не обращалъ на него вниманія, и въ промежуткахъ между вопросами докторши онъ могъ, сколько угодно, упражнять свой *esprit d'escaliers*. Лишь отъ времени до времени на немъ останавливался чей-нибудь мимолетный взглядъ, въ которомъ онъ видѣлъ безпощадную насмѣшку, задернутую покровомъ необходимаго приличія.

Ужинъ кончился поздно. Нѣкоторые гости вернулись въ залу, нѣкоторые съ сигарами во рту проходили въ кабинетъ хозяина. Нѣсколько человѣкъ на англійскій манеръ улизнули; въ числѣ послѣднихъ былъ и Юдымъ. Въ воротахъ дома, давно уже запертыхъ, нѣсколько изъ участниковъ собранія «выстукивали» дворника, недовольно ворчавшаго въ своей каморкѣ. Они всѣ молчали и, выйдя за ворота, простились съ Юдымомъ поклономъ и быстрымъ «до свиданія». Съ нимъ вмѣстѣ пошелъ одинъ только какой-то старый эскулапъ, котораго Юдымъ замѣтилъ на собраніи; это былъ низкій, полный, расплывшійся господинъ, съ еврейскими чертами лица и манерами.

— Вамъ куда, коллега?—спросилъ его Юдымъ.

— Мнѣ? Въ сторону Крохмальной... А вамъ?

— На Долгую.

— Ну, такъ намъ, значитъ, въ одну сторону.

— Необязательно...

— Нѣтъ. Почему же? Я могу свернуть. Притомъ, признаюсь вамъ, коллега, мнѣ пріятнѣе будетъ идти вмѣстѣ. Въ эту пору... прямо страшно идти пѣшкомъ одному. Особенно въ нашихъ окрестностяхъ, Боже сохрани!

— А, если такъ...

Юдымъ шелъ быстро. Толстякъ едва поспѣвалъ за нимъ, сопя и пуская дымъ изъ сигары, окурокъ которой тлѣлъ почти въ самыхъ его усахъ.

Они ужъ были довольно далеко отъ дома Чернишей, когда д-ръ Хмельницкій произнесъ:

— Я вамъ, коллега, сегодня искренно сочувствовалъ...

Юдымъ зналъ, какого рода было это сочувствіе: онъ случайно видѣлъ, какъ этотъ толстякъ чаще всѣхъ другихъ надувалъ губы и дѣлалъ презрительныя гримасы.

— Почему-жъ это вы могли мнѣ сочувствовать, позвольте спросить!..

— Какъ почему? Развѣ вы сегодняшній вечеръ могли пресытиться похвалами? У насъ, къ сожалѣнію, всегда такъ. Если кто-нибудь головой выше толпы, сейчасъ его...

— Почтенный коллега, я вовсе не мечталъ быть выше какой бы то ни было толпы.

— Знаю, понимаю! Я говорю не о желаніи, но о фактѣ...

— Я жалѣю теперь, что читалъ мою чепуху...

— Но почему?

— А потому, что эта моя выходка вызвала, между прочимъ, такія вотъ насмѣшки съ вашей стороны.

— Вы ошибаетесь, коллега! Честное слово... Я преклоняюсь передъ смѣлыми людьми. А что значитъ быть осмѣиваемымъ, быть замученнымъ вѣчнымъ издѣвательствомъ надъ тобою, такъ это ужъ мнѣ лучше всѣхъ знать.

— Какъ такъ?

— Коллега, съ перваго класса, въ гимназіи, въ университетѣ, всю мою жизнь я былъ посмѣшищемъ для другихъ. Отчего? Самъ не знаю. Очевидно, прежде всего, оттого, что я имѣю удовольствіе быть евреемъ, а во-вторыхъ, оттого, что моя фамилія Хмельницкій. Предки мои, замѣчу мимоходомъ, вовсе не ростовщики и не мошенники, происходили изъ мѣстечка Хмельника, почему ихъ и назвали Хмельницкими. Если бы они знали, сколько изъ-за одной этой фамиліи придется выстрадать ихъ потомку, совсѣмъ не глупому доктору, они выбрали бы себѣ и мнѣ другую, не такую казацкую фамилію. Вѣдь они же могли зваться Сташовскими, Стопницкими, Олесницкими, Курозвенскими, Пинчовскими, Бускими. И для нихъ, и для меня это было бы вполнѣ безразлично. Повѣрите ли, даже профессора насмѣхались надо мною. Помню, въ Дерптѣ спрашиваетъ меня однажды нашъ покойный прозекторъ при всей аудиторіи:

— Г. Хмельницкій, скажите, вѣрите ли вы въ безсмертіе души? Вопросъ, хоть и въ шутливомъ тонѣ, былъ поставленъ категорически.

— Да, господинъ профессоръ, вѣрю,—отвѣтилъ я.

— Гдѣ же она находится, душа-то ваша?

— Какъ гдѣ? Она находится въ тѣлѣ человѣка.

— Во всемъ тѣлѣ или въ какой-нибудь части тѣла сидитъ ваша душа, г. Хмельницкій?

— Она сидитъ во всѣмъ тѣлѣ, господинъ профессоръ.

— А если у человѣка отрѣзываютъ ногу, что тогда дѣлается съ душой? Отрѣзывается кусочекъ души тоже?

Я минутку подумалъ и говорю:

— Нѣтъ. Душа тогда, вѣроятно, подымается немножечко выше.

— Сей діалогъ широко и далеко разнесъ мою славу. Еслибъ теперь я открылъ вѣрнѣйшее средство лѣченія чахотки, то все-таки всѣ бы знали, что это тотъ «черкесъ» Хмельницкій, у котораго безсмертная душа, способная, по мѣрѣ надобности, подыматься выше.

— Скажите, коллега, есть ли на свѣтѣ хоть одинъ человѣкъ, который не тащилъ бы на себѣ такого мѣшка насмѣшекъ? Мы сами подбрасываемъ каждому изъ прохожихъ какую-нибудь частичку. Точно такъ же поступаютъ и съ нами наши ближніе. Не даромъ...

— Нѣтъ, нѣтъ! То, о чемъ вы говорите, коллега, и спеціально мое бремя—двѣ вещи совершенно разныя. Это не мѣшокъ, который можно скинуть, это горбъ. Я всю жизнь ношу на себѣ эту тяжесть, между тѣмъ какъ вамъ ее пришлось почувствовать только сегодняшній вечеръ.

— Но, помилуйте, это совсѣмъ другое.

— Да, другое, потому что, простите, коллега, это было заслужено, немного заслужено, а у меня это насмѣшки, которыя терпишь безъ всякой вины.

— Такъ я сегодня заслужилъ...

— Ну, нѣтъ! Я въ этомъ мало понимаю... Но, коллега, какъ можно... Какъ можно такъ рѣзко выступить противъ общепризнанныхъ взглядовъ и даже, скажу по правдѣ, противъ... дѣйствительности. Медицина — это медицина, это — спеціальность. Я учился, тратилъ деньги, вложилъ массу труда, у меня есть дипломъ — ну, я и лѣчу. Почему это медицина должна быть связана съ филантропіей, а инженерство—нѣтъ, юриспруденція—нѣтъ, философія—нѣтъ!

— Слышать ничего не хочу о филантропіи!

— Ну, такъ эти общественныя обязанности. Почему не должны имѣть общественныхъ обязанностей мясникъ, столяръ, поэтъ, почему только докторъ?..

— Знаете что, лучше не будемъ объ этомъ говорить!

— Мы можемъ не говорить, если вамъ, коллега, не желательно говорить объ этомъ со мной. Но мнѣ васъ жаль, коллега.

— Э, я еще держусь на ногахъ...

— Вы тамъ упоминали, между прочимъ, объ этихъ бѣдныхъ еврейчикахъ съ Парисова... Ахъ, Боже мой! Это было коротенькое замѣчаніе, но въ немъ чувствовалось что-то такое... Въ настоящее время у насъ рѣдко кто говоритъ о евреяхъ, какъ о людяхъ. Если кто и говоритъ о нихъ, такъ только какъ о какихъ-то «паразитахъ», которые расползлись среди «людей» и ѣдятъ ихъ. Когда я читаю нынѣшнія періодическія изданія, полныя ненависти къ евреямъ, явно призывающія къ устраненію, къ уничтоженію ихъ, къ истребленію ихъ... и это въ настоящее время, и это во имя ученія Іисуса Христа...

— Послушайте, коллега...

— Послушайте, коллега, мнѣ каждый воскресный выходъ этихъ изданій... этихъ антисемитскихъ изданій стоитъ здоровья!

— Къ чему же волноваться изъ-за всякихъ пустяковъ?

— Пустяковъ!

— Ну, разумѣется. Эти изданія издаются подлецами, жалкими негодяями, которые, сѣя ненависть между людьми, уничтожая солидарность, наживаются на этомъ. Изъ этого ядовитаго посѣва они строятъ себѣ дома. Но сами-то вы много ли сдѣлали для подъема еврейской массы?

— Много ли мы сдѣлали! Да мы жизнь свою отдаемъ на это. Мы работаемъ дни и ночи.

— Такъ почему же вы говорите, что я не правъ, призывая медиковъ къ исполненію ихъ назначенія?

— Но то дѣлаемъ для евреевъ мы, евреи. Тутъ играетъ роль любовь.

— То-то, то-то. Любовь! Немного же вы сдѣлали, кичась своей «любовью». Я хотѣлъ доказать врачамъ, что они должны дѣлать подъ давленіемъ ничуть не любви, а только указаній холоднаго разума.

Они были уже на Долгой, передъ воротами того дома, гдѣ жилъ Юдымъ. Только услышавъ звонокъ, д-ръ Хмельницкій вдругъ спохватился, что, заболтавшись, забрелъ вонъ какъ далеко. Мимо проѣзжалъ извозчикъ, онъ остановилъ его и, взбираясь на подножку, еще толковалъ:

— Вы ошибаетесь, коллега! Медицина—спеціальность.

Онъ вдругъ опять слѣзъ, споткнулся о канаву и, схвативъ Юдыма за отворотъ пальто, тихо сказалъ ему:

— Медицина—это занятіе, какъ всякое другое. Не забывайте этого, коллега...

— Хорошо, хорошо. Я не имѣю возможности забыть это, не имѣю даже средства. Но если мнѣ суждено будетъ прожить на этомъ свѣтѣ еще лѣтъ пятьдесятъ, я увижу все то, о чемъ я сегодня говорилъ, какъ осуществленные факты. Медицина будетъ указывать пути жизни человѣческимъ массамъ, возвыситъ ихъ и возродитъ міръ.

— Бредни...

— Да то же самое, вѣроятно, говорили въ прошломъ столѣтіи тѣ «медики», которые съ аттрибутами своей «спеціальности» объѣзжали барскія усадьбы, покорно разспрашивая, нѣтъ ли больныхъ, когда кто-либо пытался убѣдить ихъ, что врачи будутъ занимать то важное положеніе, какое они уже и теперь занимаютъ. Вы жалуетесь, коллега, на тѣ насмѣшки, которымъ вы подвергаетесь. Подумайте, что̀ ожидало бы васъ, васъ врача-еврея, сто лѣтъ тому назадъ?..

Докторъ Хмельницкій вскочилъ на дрожки и, желая заглушить упоминаніе о его еврействѣ, крикнулъ извозчику:

— Крохмальная!..

Глава IV.

Тоска.

Пятаго октября докторъ Юдымъ пошелъ погулять въ Уяздовскія Аллеи. Погода была прекрасная. Солнце разливало вокругъ нѣжную теплоту, но дискъ его, хотя и яркій еще, уходилъ уже далеко, за тридевять земель, въ тридесятое царство. Деревья Аллей, видъ которыхъ вызывалъ такъ много воспоминаній, уже покрылись чернѣющей ржавчиной. Вдали, изъ-за окруженныхъ еще листвою верхушекъ уныло торчали обнаженныя вѣтки. Сверху все уже приняло мертвенный, красновато-рыжій оттѣнокъ, и все ниже и ниже впитывалось въ темную зелень свѣтло-желтое увяданіе. Тутъ на живой еще листъ смерть уже наложила свой яркій отпечатокъ, обведя его какъ бы траурной каймой, тамъ она уже подточила его въ конецъ, оставивъ лишь кое-гдѣ зеленыя полоски. Небесная лазурь, разстилавшаяся надъ этой узкой полосою пространства, поблекла и заволоклась сѣтью легкихъ облачковъ, которыя колеблющеюся вереницей плыли въ безконечную даль.

Докторъ прошелъ въ ворота и медленно спускался въ глубь парка. Огромные листья кленовъ слетали съ деревьевъ и, словно золотыя птицы, тамъ и сямъ мелькали передъ глазами. Листья грецкихъ орѣховъ и уксусныхъ деревьевъ лежали на зеленой травѣ, какъ пятна разлитой и застывшей крови. Въ глубинѣ пустого парка, въ тѣни королевскихъ тополей, не доступной для солнца, распростерлась и опочила прохладная тьма. Вдалекѣ освѣщенныя верхушки желтыхъ каштановъ пылали яркимъ заревомъ, словно языки горящаго пламени. Въ холодномъ воздухѣ былъ разлитъ пріятный, острый запахъ увядшихъ листьевъ.

Избѣгая людныхъ мѣстъ, Юдымъ шелъ по аллеѣ въ конецъ парка. Тамъ росли высочайшіе, чуть не до небесъ достигавшіе тополи, шелестѣвшіе еще неувядшими листьями; тихо шумѣли серебристыя, длинноволосыя вербы, глядясь въ мертвыя воды каналовъ, и ели, какъ угрюмые монахи въ черныхъ рясахъ, одиноко мечтали въ отдаленіи. Смерть уже повѣяла на эти деревья своимъ дыханіемъ и на стражѣ поставила около нихъ пугливую тишину.

Порой изъ отдаленной глубины доносился быстро смолкающій шепотъ, вызывая невольно тихій вздохъ изъ груди.

Когда послышался какъ-то говоръ и дѣтскій смѣхъ, онъ такъ странно и рѣзко прозвучалъ среди этого строгаго шепота, напоминающаго о смерти.

На гладкія, какъ сонныя озера между зарослями кустовъ, лужайки падали полосы почти бѣлаго свѣта и яркими чертами прорѣзывали холодную мураву. Около самой дороги, устланной листьями, притаились бассейны неподвижной, нѣмой и слѣпой воды, въ которой невѣрными, обманчивыми очертаніями отражались клочья небосклона, переливаясь едва уловимымъ, серебристымъ свѣтомъ. Черные стволы и вѣтви склонившихся ольхъ виднѣлись въ водѣ. Стоило птицѣ присѣсть на нихъ отдохнуть—и цѣлыя кучи листьевъ слетали съ нихъ. Холодное дуновеніе осени уносило эти скорченные трупы и навсегда осаждало ихъ на тихой поверхности воды. Зеленыя вôды на болѣе открытыхъ мѣстахъ баюкали въ лонѣ своемъ вѣтви каштановъ съ листьями, до того пожелтѣвшими, что казалось, будто жидкая желтая краска стекаетъ съ нихъ и тонетъ въ измѣнчивой глубинѣ. Свѣсившіеся листья, прозрачные и нѣжные, бросали на средину канала подвижные отблески, которые, сливаясь съ цвѣтомъ вóды, придавали ей видъ ярко блестящей бронзы. Въ одномъ мѣстѣ солнце, найдя свободную дорогу среди разрѣженной листвы, яркимъ потокомъ хлынуло въ глубь воды и сверкало, какъ расплавленное золото, ослѣпительное для глазъ. Между деревьями то и дѣло мелькали блестящіе кузова экипажей, мчавшихся на резиновыхъ шинахъ. Глухой стукъ ихъ, нарушавшій тишину, гармонировалъ съ холоднымъ спокойствіемъ природы: это былъ символъ богатства, чего-то столь же равнодушнаго, какъ она сама. Въ головѣ одна за другой вставали мысли, которыя молчатъ до времени, хотя и существуютъ, не шевелясь, словно звуки въ натянутыхъ струнахъ.

Докторъ Томашъ, среди обыденныхъ житейскихъ заботъ, не останавливался надъ ними и не оформливалъ ихъ, но онѣ сами изо дня въ день, какъ миріады невидимыхъ микробовъ, проникали въ мозгъ и ассимилировались съ мышленіемъ. Теперь онѣ складывались въ строгіе силлогизмы и переходили отъ явленія къ явленію, проникая въ глубь ихъ сущности. Это были мысли выскочки-проходимца, котораго случай привелъ къ дверямъ дворца культуры. Въ нихъ таилась, главнымъ образомъ, скрытая подъ маской любви къ бѣднымъ, хищная индивидуальная зависть къ чужому богатству. Испоконъ вѣковъ она адскимъ пламенемъ горѣла въ душахъ его предковъ, была самымъ сильнымъ, хотя и самымъ затаеннымъ ихъ чувствомъ. Въ душѣ послѣдняго потомка она ужъ не горѣла жаждой смертельной, слѣпой мести, она превратилась въ глубокую, безмѣрную скорбь. Нѣкогда, въ пору дѣтства и первой молодости, изъ того же источника била могучая энергія человѣка изъ народа, которому приходится мчаться во весь опоръ по тому

самому пути, по которому всѣ другіе «благорожденные» идутъ такъ ровно спокойно и легко. Впослѣдствіи изъ этой зависти возникли цѣлыя вереницы оригинальныхъ иллюзій, плановъ, гипотезъ, смѣлыхъ мечтаній, которыя часто превращаются въ сильныя страсти, способныя сломить даже силу денегъ. Теперь, во время прогулки, въ первый разъ все это какъ бы обвѣялъ осенній холодъ. Юдымъ не могъ бы ясно опредѣлить словами, что въ немъ происходило; но ему казалось, будто онъ переживаетъ процессъ агоніи этихъ именно прежнихъ грезъ своихъ; такъ стрѣла, брошенная туго натянутой тетивой и мчащаяся въ пространствѣ, вдругъ на извѣстной высотѣ умѣряетъ быстроту полета и вскорѣ, хотя и невѣдомо когда, собственная тяжесть ея повернетъ ее остріемъ внизъ и потянетъ къ землѣ. Куда бы ни рванулась душа молодого доктора, всюду она сталкивалась съ какой-то предательской силой, какъ пловецъ, отважно разсѣкающій руками водную гладь, когда, стараясь побороть только ея слабое сопротивленіе, онъ вдругъ неожиданно ударяется грудью о какой-то невидимый столбъ. Юдымъ въ первый разъ въ жизни почувствовалъ, что столбъ сильнѣе человѣческой груди. И въ первый разъ онъ задумался надъ тѣмъ, что плавать можно только въ извѣстныхъ изслѣдованныхъ водахъ. Тихій шелестъ листьевъ будилъ въ его душѣ пониманіе, что и онъ на свѣтѣ не будетъ ничѣмъ особеннымъ, что и онъ будетъ лишь однимъ изъ многихъ, самой обыкновенной единицей въ ряду другихъ. Онъ какъ бы безсознательно сводилъ счеты съ самимъ собою, собиралъ въ одно все, что передумалъ и перечувствовалъ до этихъ поръ, чтобы всему подвести точный итогъ. И изъ этого разсчета оказывалось, что и то, что уже завоевано въ жизни, составляетъ значительную добычу. Но въ то же время взоры еще не отрывались отъ прежнихъ горизонтовъ и, далекіе, необъятные, они раскрывались передъ глазами... Чего хочетъ, что могъ бы сдѣлать, за что жизнь свою готовъ отдать современный человѣкъ,—все это видѣлъ докторъ Юдымъ въ глубинѣ своей души и чувствовалъ, что къ этой работѣ ему не приложить своей руки.

Все, чѣмъ его душа питалась также, какъ тѣло хлѣбомъ, не могло стать дѣломъ, должно было оставаться тѣмъ, чѣмъ было—мечтою. Всю страсть и жажду самоотверженной дѣятельности на широкомъ поприщѣ, всю алчность желаній, претворенныхъ уже въ общественныя стремленія и теперь медленно погружающихся въ дремоту, въ вынужденное безсиліе,—отравила тоска, какъ жгучія капли яда. Напоенное ею сердце обнимало весь міръ, людей и предметы, какъ бы въ минуту прощанія.

Тоска, тоска...

Она расковывала мечты отъ цѣпей мысли и проникала душу насквозь, какъ ночь проникаетъ воду. Она пребывала съ человѣкомъ одинъ на одинъ, какъ бѣглая, но несомнѣнная тѣнь его тѣла. Въ какую бы сторону, на что бы ни обратилъ онъ свой взоръ, она вилась по земли неуловимая, но всюду сопутствующая.

Докторъ Юдымъ шелъ по пустынной аллеѣ, свѣсивъ голову и засунувъ руки въ карманы пальто. Иногда онъ подталкивалъ ногой только что вышелушившійся каштанъ, блестѣвшій среди сухихъ листьевъ, а не то насвистывалъ сквозь зубы какую-то пѣсенку, когда-то гдѣ-то слышанную и Богъ вѣсть отчего пришедшую на память. Онъ былъ уже у конца аллеи и хотѣлъ было перейти на другую сторону шоссе, чтобы направиться къ дворцу, а оттуда къ выходу. Мчавшіяся одна за другою кареты заставили его остановиться. За первой промелькнула другая, третья... Юдымъ стиснулъ зубы и, прищуривъ глаза, провожалъ экипажи взглядомъ. Къ мелодіи его пѣсенки неотвязно присоединилось одно слово:

— Коляски, коляски, коляски...

Онъ долженъ былъ еще постоять на мѣстѣ, такъ какъ издали быстрой рысью мчался четвертый, блестящій экипажъ.

Докторъ оперся на низкій барьеръ и усталымъ взоромъ глядѣлъ навстрѣчу приближавшимся лицамъ. Вдругъ онъ испыталъ такое впечатлѣніе, какъ будто на него со всѣхъ сторонъ повѣяло свѣтлой весною и ароматомъ розъ. Въ коляскѣ сидѣли три дѣвушки, съ которыми онъ въ свое время втрѣтился въ Парижѣ и ѣздилъ въ Версаль. Одна изъ нихъ, панна Наталія, повернула голову и узнала доктора. Когда онъ нерѣшительнымъ движеніемъ протянулъ руку къ шляпѣ, она кивнула ему въ отвѣтъ головой и что-то сказала своимъ спутницамъ. Панна Іоанна и Ванда, сидѣвшія на передней скамейкѣ, повернули головы. Докторъ успѣлъ замѣтить только лицо и улыбку первой, лошади быстро умчали коляску и скрылись за деревьями. Одно мгновеніе улыбка эта продолжала еще мелькать передъ его глазами, какъ отблескъ свѣта, потомъ мало-по-малу улетучилась совсѣмъ.

Солнечные лучи угасали на водѣ и замирали въ глубинѣ листвы, какъ бы уходя отъ рѣзкаго холода, который сталъ подыматься отъ воды и земли. Сонно, покорно, какъ бы по повелѣнію этихъ невидимыхъ мертвыхъ волнъ, плыли желтые листья и качались на воздухѣ. Казалось, они выбираютъ себѣ могилу, спускаясь по темнымъ ступенямъ. Юдымъ, опустивъ глаза, шелъ своей дорогой, погруженный въ мечты.

Глава V.

Практика.

Предсказаніе доктора Пловича насчетъ дальнѣйшей судьбы Юдыма сбылось настолько по крайней мѣрѣ, что онъ дѣйствительно вывѣсилъ дощечку съ обозначеніемъ пріемныхъ часовъ не только на дверяхъ своей квартиры, но и у входа въ ворота дома, въ которомъ поселился. Вывѣски эти гласили, что докторъ принимаетъ отъ пяти до семи часовъ пополудни. Утро онъ ежедневно проводилъ въ больницѣ,

въ хирургическомъ отдѣленіи, гдѣ исполнялъ должность ассистента. Обѣдалъ онъ, какъ во времена студенчества, въ городѣ, а начиная съ пяти часовъ, согласно указаніямъ, вырѣзаннымъ металлическими буквами на дощечкѣ, садился въ своемъ «кабинетѣ» и ждалъ тамъ ровно до семи. Онъ не позволялъ себѣ ни малѣйшаго уклоненія, никогда не приходилъ позже пяти и не выходилъ изъ дому раньше семи часовъ. Еще нанимая квартиру, онъ твердо рѣшилъ какъ можно точнѣе держаться этого росписанія, и потому выполнялъ его съ неумолимою аккуратностью, не поддаваясь никакимъ искушеніямъ и соблазнамъ: онъ хотѣлъ такимъ путемъ выработать въ себѣ твердость характера, а, главнымъ образомъ, терпѣніе. Правда, въ продолженіе сентября, октября, ноября, декабря, января и февраля къ нему и носу не показалъ ни одинъ паціентъ, ни одинъ «хромой песъ, несущій въ зубахъ рубль», однако же это вовсе еще не давало основанія снимать вывѣски и еще менѣе допускать какія-либо нарушенія и уклоненія въ дѣлѣ воспитанія воли. Всѣмъ давно и хорошо извѣстно, что начало практики—ну, и т. д. Въ виду этого, докторъ Томашъ вооружился непоколебимымъ терпѣніемъ и ждалъ.

Квартира его состояла какъ бы изъ трехъ комнатъ. Самая большая изъ нихъ (именно «кабинетъ») отдѣлялась передней отъ другой, гораздо меньшей, служившей «пріемной». Какъ передняя, такъ и пріемная были перегорожены на двѣ половины: первая—на переднюю и псевдо-кухню, вторая—на собственно пріемную и, если можно ее такъ назвать, спальню. Всѣ эти аппартаменты расположены были внизу, на улицу, благодаря чему они, правда, наслаждались шумомъ Долгой, а также сыростью, но зато лишены были дневного свѣта. Что касается обстановки, то Юдымъ, въ этомъ отношеніи, исходилъ изъ такого раціональнаго взгляда: «къ чему,—думалъ онъ,—стану я меблировать квартиру—*cui bono*? *). Развѣ паціентъ мой что-нибудь отъ этого выиграетъ? Или, можетъ быть, съ помощью дивановъ и картинъ я пріобрѣту паціентовъ? Ничуть!»

Какъ онъ рѣшилъ, такъ и поступилъ, и въ сущности ничего почти и не сдѣлалъ въ своей квартирѣ. Въ «кабинетѣ» у него стоялъ столикъ, покрытый сѣрой бумагой, на немъ—чернильница, ручка и бумага для писанія рецептовъ. Подлѣ столика стояли въ ожиданіи четыре деревянныхъ стула; у стѣны томилась старая кушетка, обитая какой-то узорчатой матеріей.

Въ «пріемной» свободно могли разсѣсться, по меньшей мѣрѣ, человѣкъ пять паціентовъ. Былъ тамъ диванъ, два кресла, пара стульевъ, былъ журналъ «Иллюстрированная Недѣля» и нѣсколько номеровъ еженедѣльной газеты «Голосъ» въ розовой обложкѣ, какая-то картина импрессіонистская висѣла въ рамкѣ на стѣнѣ. Вся эта мебель, за

---

*) Ради чего.

исключеніемъ, разумѣется, «Недѣли» и «Голоса», и картины, была куплена за наличныя деньги въ одномъ изъ извѣстныхъ складовъ настоящей «графской» мебели на улицѣ Багно. Полы были на-ново выкрашены масляной краской, на стѣнѣ въ передней было повѣшено зеркало (все это было сдѣлано ради удобства и сообразно потребностямъ паціентовъ). Правда, зеркало это обладало какими-то особенными свойствами и въ состояніи было самаго хладнокровнаго паціента, узрѣвшаго въ немъ свою физіономію, свести съ ума. Носъ выглядѣлъ тамъ всегда какимъ-то раздутымъ, какъ прикладъ двустволки, глаза, одинъ на лбу, другой—возлѣ правой ноздри, ротъ растягивался буквально до ушей и удивительно напоминалъ ротъ носорога. Обязанности хозяйки, служанки, а также привратницы, которая при первомъ звукѣ звонка должна была открывать паціентамъ двери, приняла на себя нѣкая пани Валентова, супруга странствующаго бондаря. Она жила въ этомъ самомъ домѣ, внизу, въ подвалѣ, какъ разъ подъ «кабинетомъ» доктора Юдыма, что значительно облегчало ему сообщеніе съ нею, позволяя, въ случаѣ надобности, стучать прямо каблукомъ въ полъ. Пани Валентова была старая, толстая баба, вѣчно страдающая какой-нибудь подвальной «ломотой», несомнѣнно имѣющая сильное, хотя и тайное, поползновеніе къ «бутылочкѣ» — словомъ, «баба-яга», что называется.

Иногда, вмѣсто «мамы», исполняла ея должность дочка, довольно красивая дѣвченка лѣтъ пятнадцати, поджидавшая только соотвѣтственнаго возраста, чтобы выйти изъ подвальной темницы на улицу.

Эти дамы такъ самовластно хозяйничали въ квартирѣ доктора, что и рѣчи быть не могло о какомъ бы то ни было ограниченіи ихъ правъ и еще менѣе о какой-нибудь перемѣнѣ въ образѣ дѣйствій. Отказать имъ совсѣмъ не было никакой возможности: обѣ въ одинъ голосъ подымали страшный ревъ, призывая въ свидѣтели голодъ, холодъ, нужду, болѣзни, «ломоту». Судиться съ ними за пропажу различныхъ вещей было неудобно: онѣ начинали божиться и клясться столькими и такими святынями, что развѣ только человѣкъ, лишенный всякой деликатности, могъ бы заподозрить ихъ въ клятвопреступленіи. Куда дѣвались свѣчи, керосинъ, уголь, сахаръ, хлѣбъ, чай, масло, предметы мужского гардероба—это оставалось для доктора непроницаемой тайной. Почти каждый купленный предметъ существовалъ въ области дѣйствительности лишь настолько, насколько онъ фигурировалъ въ счетѣ; внѣ этого онъ пребывалъ лишь въ воображеніи Юдыма, возбуждаемомъ нѣкоторыми внѣшними чувствами. Купленныхъ свѣчъ не было никогда, буквально никогда. Если докторъ иногда возвращался домой ночью, ему приходилось ощупью бродить по комнатѣ и тщетно искать спичекъ, подсвѣчникъ или лампу... Между тѣмъ, свѣчи въ квартирѣ дѣйствительно были и горѣли; объ этомъ явно свидѣтельствовали многочисленныя капли застывшаго стеарина, покрывавшія не только подсвѣчникъ, полъ,

диванъ, стулья, простыни на кровати, но даже, по какому-то странному стеченію обстоятельствъ, оказывавшіяся и на брюкахъ, и сюртукѣ, висѣвшихъ у него въ шкафу подъ ключомъ. Лампа была вѣчно пуста внутри, но зато снаружи обязательно вся облита керосиномъ, запахъ котораго слышно было на нѣсколько шаговъ, что, во всякомъ случаѣ, доказывало, что его наливала щедрая рука. Сахару и булокъ докторъ никогда не находилъ въ шкафу, хоть бы онъ умиралъ съ голоду, но зато не убранныя крошки валялись повсюду, особенно въ постели. На одномъ изъ валиковъ дивана, купленнаго за большія деньги, вскорѣ появились какія-то особенныя жирныя пятна, другой же украсился слѣдами ваксы и весь былъ выпачканъ грязью. Воображеніе доктора живо рисовало ему на одномъ изъ нихъ напомаженную голову панны Зоськи, а на другомъ упершіяся въ него «копыта» этой самой Зоськи (ему представлялись именно «копыта»—не ноги). Столикъ, о которомъ продавецъ «честью» увѣрялъ, что онъ недавно отполированъ, въ скоромъ времени покрылся какими-то кружками, краснорѣчиво говорившими о томъ, что докторскій самоваръ даетъ превосходный кипятокъ. Первое время докторъ пытался установить съ прислугой вполнѣ дружелюбныя, братскія отношенія. Не прошло и мѣсяца, какъ ему ужъ пришлось бороться, а въ ноябрѣ онъ ужъ былъ окончательно побѣжденъ и взятъ въ плѣнъ. Съ тѣхъ поръ, если ему даже случалось застать Зоську, разлегшуюся на диванѣ съ своими грязными «копытами», если Валентова даже въ его присутствіи хлѣбала чай съ ромомъ за столомъ, обильно заставленнымъ его собственными съѣстными припасами, онъ примѣнялъ единственно возможный, хотя и мало дѣйствительный итальянскій методъ: *guarda e passa* *). Дѣлать было нечего... Онъ запирался у себя въ «кабинетѣ», а всю остальную квартиру отдавалъ *in deriptionem* **)...

Въ пріемныя часы Юдымъ не позволялъ себѣ даже читать книжки; онъ сидѣлъ за своимъ столикомъ и ждалъ. Такъ прошли сентябрь, октябрь... Потомъ онъ уже сталъ позволять себѣ почитывать газеты, иной разъ сидя, иной разъ и лежа. Въ концѣ декабря того же года онъ уже всегда откладывалъ чтеніе газетъ на пріемные часы, а послѣ новаго года у него въ кабинетѣ спеціально на эти самые часы были приготовлены обширныя произведенія Золя, Іокая, Дюма, Ляма. Въ передней въ это время постоянно сидѣла Валентова съ ногами, обернутыми какимъ-то толстымъ войлокомъ. Сначала, желая показать, что она бодрствуетъ, баба только и дѣлала, что покашливала, охала и вздыхала, потомъ мало-по-малу она затихала, а нѣсколько минутъ спустя уже слышался ея могучій храпъ. Но не всегда, однако, вторая часть программы заканчивалась благополучно, случалось, въ передней

---

*) Замѣть и проходи.

**) На грабежъ.

вдругъ раздавался шумъ и стукъ—это Валентова, среди сладкой дремоты, летѣла на полъ со стула. Каждый такой случай обходился Юдыму въ нѣсколько копѣекъ: баба клялась и божилась, что это съ нею приключилось отъ слабости, отъ голоду, и волей-неволей приходилось давать ей на ромъ. Нѣсколько разъ молодого эскулапа звали къ жильцамъ дома въ внезапныхъ случаяхъ заболѣваній, носившихъ преимущественно понедѣльничный характеръ. Однажды осенью пришелъ къ нему какой-то старикъ переплетчикъ изъ сосѣдняго дома, позвонилъ, разбудилъ Валентову и надѣлалъ суматохи. Юдымъ разспросилъ его, выслушалъ, выстукалъ, положилъ на кушетку, жалъ, мялъ, осматривалъ со всѣхъ сторонъ и, наконецъ, отпустилъ, не взявъ съ него, разумѣется, ничего. Послѣ этого происшествія наступило полное затишье, продолжавшееся мѣсяца два слишкомъ. Но вотъ, въ одинъ прекрасный день, въ мартѣ мѣсяцѣ, въ пріемный часъ кто-то тихо позвонилъ. Валентова отперла дверь и впустила маленькую, худенькую даму, всю въ черномъ, съ поблекшимъ, сухимъ лицомъ.

Гостья спросила доктора Юдыма и, узнавъ, что онъ у себя, прошла въ кабинетъ.

«Паціентка, ей-Богу, паціентка»!—подумалъ докторъ и при одной мысли о первомъ рублѣ, заработанномъ въ собственной квартирѣ, что-то теплое проникло въ его душу.

Послѣ первыхъ взаимныхъ поклоновъ, дама сѣла и обвела взглядомъ обстановку комнаты.

— Вы больны, сударыня?—спросилъ докторъ.

— О, да, господинъ докторъ... Уже нѣсколько лѣтъ...

— Что же у васъ такое болитъ?

— Ахъ, если бы одна болѣзнь! У меня цѣлая масса болѣзней, которыя другого человѣка, менѣе выносливаго, давно бы уже вогнали въ гробъ...

— Но главная, основная...

— Право, сама не знаю, господинъ докторъ. Я думаю, печень.

— А, печень... Такъ вотъ...

— Не знаю, душитъ меня всегда, по ночамъ не сплю, кашель, боли...

— Такъ бываютъ боли? Вотъ въ этомъ мѣстѣ?

— Ахъ, что за боли! Этого словами выразить нельзя!

— Боли... такія раздирающія, какъ будто разрывается что-то, не такъ ли?

— Да, и такъ бываетъ. Иногда я просыпаюсь утромъ, то есть встаю утромъ, послѣ безсонной ночи, и чувствую себя такой упавшей...

— Скажите, пожалуйста, а какъ у васъ аппетитъ?

— Да кто же станетъ обращать на все это вниманіе, господинъ докторъ, кто можетъ сравнить свои страданія съ тѣмъ, что выноситъ несчастное человѣчество...

— Что такое?—подумалъ Юдымъ.

— Вы, навѣрное, слыхали, господинъ докторъ,—начала дама, поправляясь на стулѣ и прижимая къ груди свой ридикюльчикъ,—слыхали о нашемъ обществѣ, цѣль котораго исправлять дѣвушекъ, вы понимаете, дурного поведенія...

Тутъ дама потупила глаза и стала смотрѣть въ уголъ.

— Нѣтъ, я ровно ничего не слыхалъ—сказалъ Юдымъ.

— Такъ вотъ... цѣль нашего общества, во-первыхъ...

И поѣхала! Прошло полчаса, три четверти, часъ... Дама безъ умолку говорила о цѣляхъ общества. Въ началѣ второго часа она заговорила о средствахъ, то есть собственно о недостаткѣ средствъ.

Когда прошло уже приблизительно часа полтора съ начала этой рѣчи, тогда только, наконецъ, послѣдовала просьба пожертвовать что-нибудь въ пользу общества, которое и т. д.

Докторъ, не колеблясь, вынулъ бумажный рубль, положилъ на столъ и расправилъ его пальцами. Дама немедленно приняла подаяніе, что-то записала у себя въ книжечкѣ и, повторяя какія-то цитаты изъ библіи, разсыпаясь въ благодарностяхъ, кланяясь и улыбаясь, порхнула за дверь.

Какъ только просительница вышла, Валентова вдругъ страшно раскашлялась, и доктору, который, стоя у себя въ кабинетѣ, что-то посвистывалъ сквозь зубы, показалось, что баба, которая, сама собою разумѣется, подсматривала черезъ замочную скважину, лопнетъ со смѣху, прямо захлебывается, прыскаетъ...

Таковы-то были дѣла Юдыма въ началѣ его карьеры. Остатки капитала, оставленнаго теткой, истощились, кредитъ у лавочниковъ подорвался, а будущее было туманно и неопредѣленно. Послѣ той неудачной лекціи о пауперизмѣ у доктора Чернища, положеніе Юдыма въ обществѣ врачей было какъ-то ни то, ни се. Онъ не могъ пожаловаться (не имѣлъ и права) на то, чтобы его стали избѣгать или сознательно сторониться, но какъ-ни какъ, а около было какъ-то холодно и пусто. Коллеги, и старые, и молодые, привѣтствовали его такъ же любезно, какъ и прежде, были между ними даже и такіе, что, пожалуй, и ниже снимали теперь передъ нимъ шляпу, но все же въ въ воздухѣ чувствовался всеобщій совѣтъ: забирай-ка ты, философъ, свои пожитки и уходи куда-нибудь: здѣсь, братъ, ничего ты не высидишь...

Докторъ и самъ превосходно понималъ, что его положеніе въ обществѣ похоже на то, какъ, если какое-нибудь посторонее тѣло забирается въ живой организмъ и только задерживаетъ правильное кровообращеніе. Еслибъ онъ сошелся съ видными людьми, сталъ пользоваться ихъ совѣтами и указаніями, сталъ навѣщать ихъ, въ качествѣ гостя или товарища, то онъ, несомнѣнно, вскорѣ тоже занялъ бы свое мѣсто въ этой машинѣ, получилъ бы практику и зажилъ бы, какъ живутъ всѣ люди. Онъ очень хорошо понималъ все это, зналъ, что могло

бы быть, что слѣдовало бы сдѣлать, но его убѣжденія и упорное желаніе держаться того, что являлось ихъ результатомъ, удерживали его и не позволяли измѣнять разъ принятому образу дѣйствій.

Онъ рѣшилъ твердо идти только по тому пути, который онъ самъ избралъ для себя, ну, и шелъ по нему, да только, разумѣется, въ не совсѣмъ цѣлыхъ сапогахъ.

Въ это самое время (около конца марта) прибѣжала къ нему однажды раннимъ утромъ жена Виктора и принесла извѣстія о братѣ. Слезливымъ голосомъ она почти цѣлый часъ разсказывала ему все, какъ было и, передавъ всѣ мельчайшія подробности, оставила его и отправилась на свою фабрику.

Послѣ ея ухода докторъ долго сидѣлъ у себя въ квартирѣ, погрузившись въ невеселыя думы. Все складывалось удивительно скверно какъ-то на выворотъ; препятствія громоздились одно на другое, какъ льдины на рѣкѣ, задерживая ходъ жизни. Онъ раздумывалъ о томъ, что теперь онъ долженъ помогать невѣсткѣ, содержать ее и всю семью, въ отсутствіе Виктора, такъ какъ возложить эту обязанность исключительно на эту бѣдную женщину—невозможно. А финансы, между тѣмъ, были въ крайнѣ плачевномъ состояніи. Съ душою, полной горечи, отправился Юдымъ въ свою больницу. Онъ ушелъ оттуда раньше обыкновеннаго: какое-то внутреннее безсиліе мѣшало ему работать. Съ чувствомъ отвращенія побрелъ онъ оттуда на Теплую. Дома была только тетка, надъ чѣмъ-то возившаяся у окна, и дѣти, шалившія въ другой комнатѣ. У тетки глаза были красны отъ слезъ, губы сжаты, носъ еще больше заострился. Она встрѣтила его недовольнымъ, чуть-ли не полнымъ ненависти, взглядомъ. Она всегда недружелюбно относилась къ нему, какъ къ воспитаннику и наслѣднику сестры, которую она когда-то ужасно прокляла... Теперь вражда, видно, еще усилилась и достигла крайности.

Юдымъ не обращалъ на старуху вниманія. Онъ сѣлъ въ углу и усталыми глазами обводилъ комнаты, не убранныя еще до сихъ поръ. При видѣ полуодичавшихъ дѣтей, ему пришла въ голову мысль взяться теперь, когда все равно нечего было дѣлать, за ихъ образованіе. Онъ проэкзаменовалъ племянника: мальчишка читалъ кое-какъ, хоть и съ трудомъ, а больше ни въ зубъ. Искусству этому выучила его тетка, и теперь она съ презрительнымъ видомъ наблюдала за занятіями Юдыма. Карольця едва только различала буквы.

Уже почти стемнѣло, когда докторъ ушелъ отъ нихъ. Высоко поднявъ воротникъ, опустивъ голову, полный чувства какой-то внутренней тоски и апатіи, шелъ онъ впередъ и машинально, не замѣчая ни людей, ни улицъ, подвигался по направленію къ кондитерской, куда онъ иногда заходилъ почитать газету. На углу, быстро заворачивая въ большую людную улицу, онъ вдругъ столкнулся съ докторомъ Хмельницкимъ.

— О, что это вы, коллега, такъ быстро маршируете?—воскликнулъ толстякъ.—Чуть было меня не ударили.

— Я? Какое тамъ—иду...

— Вижу, вижу—къ больному.

— Какъ разъ!—громко расхохотался Юдымъ.

— Такъ не къ больному?—спросила гордость мѣстечка Хмельника съ оттѣнкомъ ироніи.

— Нѣтъ у меня совсѣмъ больныхъ!—произнесъ Юдымъ и протянулъ ему руку на прощаніе.

— Сейчасъ, погодите минутку! Если вамъ не къ спѣху къ дохлымъ, такъ отчего бы намъ не покалякать немного.

— Да что-то холодно. Зайдемте, если хотите, выпить чашку кофе; тамъ вы поговорите, а я послушаю.

— Ладно! у меня какъ разъ свободная минутка, газетку иду почитать свѣжую.

Вскорѣ они вошли въ кондитерскую и присѣли за мраморный столикъ. Д-ръ Хмельницкій выгружалъ вполголоса всевозможные «анекдоты», прехладнокровнѣйшимъ образомъ вставляя въ ту же серію анекдоты, въ не совсѣмъ благовидномъ свѣтѣ рисовавшіе его единоплеменниковъ. Юдымъ смѣялся, но смѣялись только его губы, глаза въ этомъ смѣхѣ не принимали никакого участія, и болѣе проницательный разсказчикъ могъ бы принять это за дерзкую насмѣшку. Разсказывая какую-то, почему-то особенно забавную, исторію, онъ вдругъ воскликнулъ:

— Ахъ, да, не поѣхали ли бы вы въ провинцію?

— Чего?—воскликнулъ Юдымъ.

— Да ничего, ничего! Мнѣ тутъ поручили подыскать ассистента для одного моего коллеги, д-ра Венглиховскаго, директора лѣчебнаго заведенія въ Цисахъ. Если вы не хотите, надо будетъ кого-нибудь другого спросить. Вотъ совсѣмъ было забылъ...

— Я въ провинцію не поѣду.

— Да это не простая какая-нибудь провинція, какіе-нибудь тамъ Курозвенки (хотя, правда, это оттуда недалеко), или Лаговъ какой-то. Боже упаси!

— Не поѣду я ни въ Курозвенки, ни даже въ Лаговъ.

— Ахъ, Боже ты мой! Да развѣ я васъ за шиворотъ потащу въ Лаговъ? Говорю только, *relata refero*. Сейчасъ обидѣлся! Да, понятно, вы не можете туда ѣхать. Какъ же это? Быть въ Парижѣ у Lucas Championer'а и послѣ этого ѣхать въ какіе-то Цисы. Вѣдь это *nonzens*.

— Я смѣю полагать, что это не только *nonzens*, но къ тому же, еще и *nonsens*.

— Безъ сомнѣнія. Однако, изъ этого не слѣдуетъ, чтобы намъ нельзя было потолковать о подысканіи ассистента для этого милѣйшаго Венглиха.

— Позвольте, что такое Венглихъ?

— Венглиховскій—это мой товарищъ по Дерптскому университету. Мы съ нимъ жили вмѣстѣ. Славный докторъ... могъ бы изъ него выйти, да вотъ бѣда, что этому человѣку какъ-то слишкомъ легко все давалось. Читать не любитъ—вотъ оно что. Ну-съ, а со времени извѣстнаго переворота въ варшавской медицинѣ—кто не читаетъ, кто не умѣетъ прослыть ученымъ, тому приходится закабалиться въ какіе-нибудь Цисы. Вы знаете Цисы, коллега?

— Нѣтъ, не знаю. Что-то слыхалъ, кажется... Это въ Кѣлецкой губерніи гдѣ-то, кажется...

— Ай-ай-ай, «кажется»... Какъ это можно такую вещь... «Чужое знать хорошо, а свое нужно»!

— Позвольте узнать, вы сію сентенцію изволили употребить въ смыслѣ нравоученія или просто какъ мѣстную пословицу?

— Браво, великолѣпно! Но вернемтесь къ Венглиху...

— Ну васъ съ этимъ Венглихомъ...

— Да вы послушайте! Вы, молодые, лучше знаете другъ друга, вамъ легче указать какого-нибудь подходящаго человѣка. А мѣсто совсѣмъ недурное. Жалованья даютъ шестьсотъ рублей...

— Фью—Фью...

— Прекрасную квартиру и полное содержаніе.

— А что нужно дѣлать?

— Да самыя обыкновенныя вещи. Сущіе пустяки. Лѣтомъ туда съѣзжаются больные, такъ вотъ, совмѣстно съ другими докторами, надобно ими позаняться. Ванны, понимаете, души—ну, и все такое. Глупость, въ сущности, а въ окрестности практика, говорю вамъ, чертовская. Можетъ, кого-нибудь изъ знакомыхъ вашихъ и соблазнятъ эти Цисы.

Юдымъ задумался. Онъ велѣлъ подать себѣ еще одну чашку кофе, выпилъ ее однимъ глоткомъ и, поставивъ на мѣсто, обратился къ Хмельницкому со словами:

— Ну, хорошо, я могу ѣхать на это мѣсто.

— Ага? Я вамъ сказалъ? Безподобная мысль!

— А гдѣ же можно увидѣть этого доктора Венглиховскаго?

— Онъ какъ разъ теперь въ Варшавѣ и завтра будетъ у васъ.

— Можетъ быть, лучше мнѣ самому къ нему сходить?

— Почему же? Онъ къ вамъ придетъ. Въ которомъ часу васъ можно застать?

— Отъ пяти до семи.

— Тамъ, у васъ, на Долгой?

— Да.

— Ладно!

Докторъ Хмельницкій записалъ что-то у себя въ книжкѣ, заглядывая въ нее лѣвымъ глазомъ, точно въ лупу и, положивъ газету на

сосѣдній столикъ, за которымъ въ эту минуту какая-то «прекрасная Иза» скалила зубы на сидѣвшаго съ ней ловеласа, всталъ и протянулъ Юдыму правую руку.

— Такъ, значитъ, до завтра! Превосходная мысль...

— Посмотримъ...—пробормоталъ Юдымъ, опуская голову.

По уходѣ доктора, онъ погрузился въ размышленія.

— Да, да,..—думалъ онъ.—Нужно куда-нибудь отправиться, ничего не подѣлаешь. Невѣстка такъ не проживетъ, да и самъ я едва ли долго протянулъ бы при подобной практикѣ. Поѣду, такъ и быть. Можетъ быть, это не на всегда, на годъ, на два. Можетъ быть, когда я вернусь, будетъ, чертъ возьми, какъ-нибудь иначе...

Вернувшись домой, онъ всю ночь и весь слѣдующій день только и думалъ, что о своемъ отъѣздѣ. Всей душой жалѣлъ онъ Варшаву. Ему еще тѣмъ непріятнѣе было покидать ее, что онъ отъ роду былъ горожаниномъ, въ деревнѣ никогда не живалъ и зналъ ее только по лѣтнимъ экскурсіямъ, по романамъ, по устнымъ разсказамъ, по картинкамъ. О томъ, какъ живется зимою среди этихъ пустыхъ, огромныхъ полей, по которымъ пляшетъ вьюга, онъ не имѣлъ ни малѣйшаго представленія. Теперь все это проходило у него передъ глазами и наводило гнетущее уныніе.

Ровно въ пять часовъ онъ усѣлся въ своемъ креслѣ въ кабинетѣ и спокойно сталъ выжидать предстоящіе катаклизмы. Еще не прошло и получаса, какъ звонокъ, сильно дернутый чьей-то рукой, затрясся, какъ будто отъ испуга, и далъ знать старухѣ, чтобъ она какъ можно скорѣй открыла дверь. Въ переднюю вошелъ и спросилъ Юдыма господинъ низкаго роста, въ поношенныхъ бобрахъ. Когда докторъ выбѣжалъ ему навстрѣчу, онъ услышалъ ожидаемую фамилію:

— Венглиховскій.

Это былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти слишкомъ, низкаго, почти маленькаго роста, худой и сухощавый. Онъ принадлежалъ къ породѣ тѣхъ крѣпкихъ, здоровыхъ, живыхъ старичковъ, которые, разъ посѣдѣвъ, уже не измѣняются въ теченіе пятнадцати, двадцати лѣтъ. У него было пріятное лицо, съ правильными чертами съ румянцемъ цвѣта печенаго хлѣба. Короткая, отъ природы вьющаяся борода, бѣлехонькая, какъ лунь, и такіе же усы красиво обрамляли его и пріятно гармонировали съ цвѣтомъ лица, придавая ему какую-то особенную прелесть. При видѣ этого лица, въ голову невольно закрадывалась мысль, какой же это милый, благообразный старичокъ! На вискахъ совершенно бѣлые, какъ борода, волосы серебрились вокругъ лысины. Но больше всего поражали глаза. Они именно поражали. Черные, какъ сливы, блестящіе, они такъ и мѣняли ежеминутно свое выраженіе, высказывая умъ, или, вѣрнѣе сказать, тонкую смѣтливость. Д-ръ Венглиховскій былъ одѣтъ въ скромный, черный костюмъ, который удивительно хорошо сидѣлъ на немъ. Простой, стоячій воротничокъ, черный,

не модный галстухъ гармонически согласовались со всей его фигурой, обнаруживая въ то же время заботливость о себѣ, далекую отъ претензіи на изящество, аккуратность и опрятность, вошедшія въ неотъемлемую привычку, почти въ законъ.

Войдя въ кабинетъ, д-ръ Венглиховскій окинулъ испытующимъ взглядомъ (ничуть не украдкой и не мимолетно) всю обстановку комнаты, сѣлъ на поданномъ ему стулѣ поодаль отъ столика, смахнулъ какую-то пылинку съ отворота сюртука, прищурился и вперилъ прямо въ Юдыма свои умные глаза. А тотъ испытывалъ какое-то очень непріятное чувство принужденности или, вѣрнѣе, подчиненности въ присутствіи этого человѣка, котораго онъ видѣлъ первый разъ въ жизни и съ которымъ воленъ былъ хоть сейчасъ разойтись. Внутреннее сознаніе говорило ему, что надъ этимъ старичкомъ нельзя властвовать никакой силой: ни силой денегъ, ни силой науки. Какъ разъ въ эту минуту, какъ будто именно для того, чтобы разрушить это впечатлѣніе, лицо д-ра Венглиховскаго озарилось любезной улыбкой.

— Мой университетскій товарищъ, докторъ Хмельницкій, говорилъ мнѣ, что вы, коллега, согласились бы уѣхать изъ Варшавы въ качествѣ ассистента,—заговорилъ онъ тихимъ, мягкимъ голосомъ.

— Да, я говорилъ коллегѣ Хмельницкому,—отвѣтилъ Юдымъ, невольно и какъ-то незамѣтно для самого себя поддерживая тотъ же тонъ,—хотя это зависитъ отъ многихъ обстоятельствъ.

— Зависитъ отъ многихъ обстоятельствъ... Милѣйшій коллега... Вы знаете Цисы?

— Нѣтъ, не имѣю понятія до такой степени, что вчера я даже не могъ опредѣлить, гдѣ, въ какой губерніи, въ какой мѣстности находятся эти Цисы.

Директоръ помолчалъ ровно столько времени, сколько понадобилось бы для того, чтобы подумать: удивляюсь, что ты этимъ еще хвастаешься.

— Почему вы хотите уѣхать изъ Варшавы, милѣйшій коллега?—произнесъ онъ вслухъ.

— По совершенно простой причинѣ: мнѣ здѣсь нечѣмъ жить.

— Нечѣмъ жить... — какъ эхо, повторилъ докторъ Венглиховскій такимъ тономъ, какъ будто ему не только эта причина показалась вполнѣ уважительной, но еще, кромѣ того, какъ будто положеніе молодого доктора, не имѣющаго практики, онъ находилъ вполнѣ естественнымъ и законнымъ.

— Впрочемъ, — съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ продолжалъ Юдымъ,—есть у меня и другія причины. Я не хочу ихъ скрывать отъ васъ. Осенью прошлаго года я тутъ читалъ въ одномъ мѣстѣ статью мою, въ ней я выразилъ мои твердыя и непоколебимыя убѣжденія, но большинству врачей она не понравилась. Я не имѣю, посему, надежды на то, чтобы я могъ когда-либо добиться тутъ возможности какой-нибудь болѣе широкой дѣятельности.

Между тѣмъ, какъ Томашъ говорилъ все это, докторъ Венглиховскій не спускалъ съ него глазъ. Глаза эти не только прямо смотрѣли въ лицо говорившаго, но, казалось, вытягивали изъ него всю правду; такъ магнитъ притягиваетъ неподвижно лежащія на мѣстѣ желѣзныя опилки. Такъ смотрѣлъ онъ на него довольно долго строго-испытующимъ взглядомъ и, наконецъ, произнесъ:

— Я знаю это. Мнѣ эту исторію передавали со всѣми подробностями. Я зналъ ее еще прежде, чѣмъ пріѣхалъ сюда. Вы были въ Парижѣ?

— Да.

— Годъ слишкомъ?

— Да.

— Ну, и вы говорите по-французски?

— Говорю.

— И говорите свободно, хорошо, по-парижски?

— Ну, что бы такъ совсѣмъ по-парижски, этого я не скажу. Но я говорю совершенно свободно.

— Совершенно свободно... Такъ... Скажите, вамъ не случалось ли за границей бывать на какихъ-нибудь водахъ? Не знакомы ли вы съ тамошнимъ устройствомъ, напримѣръ, гидропатическихъ заведеній, ваннъ?..

— Какъ же, случалось. Я ихъ видалъ и въ Парижѣ, но особенно въ Швейцаріи, въ Альбисъ, въ Баденѣ, на Ригги и въ другихъ мѣстахъ. Я ѣздилъ туда съ однимъ знакомымъ, горнымъ инженеромъ, который слонялся по такимъ заведеніямъ. Вытащилъ я его изъ какого-то Кнейпповскаго заведенія въ Цюрихѣ и возилъ съ мѣста на мѣсто. Однако, мнѣ это скоро надоѣло, и я оставилъ его на произволъ судьбы въ превосходномъ Ригги Кальтбадъ.

— Кальтбадъ... Превосходно... такъ... А скажите, пожалуйста, не можете ли вы мнѣ очертить, каковъ вашъ характеръ, любите ли вы общество, танцы, веселье?

Юдыму пришлось мысленно повторить себѣ этотъ вопросъ, чтобы сначала самому себѣ отдать отчетъ въ томъ, каковъ у него собственно характеръ въ этомъ отношеніи.

— Мнѣ кажется...—сказалъ онъ смѣясь,—что я, пожалуй, и люблю общество, да только не умѣю быть пріятнымъ и занимательнымъ собесѣдникомъ, такъ какъ я происхожу...

— Милѣйшій коллега, мнѣ извѣстно ваше происхожденіе и потому я и пришелъ сюда...—рѣзко перебилъ его директоръ и посмотрѣлъ ему прямо въ лицо: и въ этомъ взглядѣ, и въ тонѣ его голоса сказывалась сама правда.—Да, такъ о чемъ же мы говорили! Вы знакомы съ условіями предлагаемаго вамъ мѣста?

— Нѣтъ, не знакомъ.

— Такъ вотъ они: квартира, освѣщеніе, отопленіе, полное содержаніе, прислуга, лошади и т. д. Жалованья шестьсотъ рублей въ годъ.

Кромѣ того, вы можете зимою пользоваться кабинетомъ и инструментами для частной практики, а лѣтомъ вы можете устроить амбулаторію въ спеціально для этого предназначенномъ зданіи за предѣлами парка. Есть тамъ еще и небольшая больница, тоже за паркомъ, въ имѣніи г-жи Невадзкой. Не знаю, извѣстно ли вамъ, что есть лѣчебное заведеніе Цисы и имѣніе, носящее то же названіе, принадлежащее г-жѣ Невадзкой?

— Невадзкой?—спросилъ Юдымъ, почти ошеломленный такимъ наплывомъ свѣдѣній.

— Да. Славная старуха, добрая, милѣйшій коллега, благотворительная такая... Матрона.

— Не знаете ли, не путешествовала ли эта госпожа въ позапрошломъ году, не была ли она во Франціи?

— Была, была, какъ же! Съ внучками своими.

— Съ двумя внучками и съ учительницей?

— Да, да, съ панной Подборской. Но откуда вы все это знаете?

— Да я съ ними встрѣтился... Въ Версаль ѣздилъ съ ними...

У старика глаза такъ и заблистали.

— Вотъ видите ли, милѣйшій коллега, да это прелестно складывается. Наша помѣщица будетъ очень рада, когда узнаетъ въ новомъ ассистентѣ стараго знакомаго. А что касается положенія Цисъ съ медицинской точки зрѣнія, такъ вотъ оно каково.

Тутъ д-ръ Венглиховскій принялся разсказывать Юдыму всю исторію этого учрежденія: первые годы его существованія, расцвѣтъ, потомъ почти полный упадокъ, близкое разрушеніе всего предпріятія, потомъ смѣна правленій одного за другимъ и, наконецъ, его собственное участіе въ этомъ дѣлѣ. Уходя, онъ вынулъ изъ бокового кармана сюртука годичный отчетъ, напечатанный на красивой зеленевой бумагѣ, съ видами, картой и таблицей, и подалъ его Юдыму.

— Вотъ и все, что я вамъ могу пока сказать. Подумайте обо всемъ этомъ, милѣйшій коллега, поразсудите. Такъ когда я могу получить отъ васъ окончательный отвѣтъ?

— Я вамъ дамъ его, дамъ... завтра.

— Завтра, въ это же время?

— Да, но ужъ я самъ приду къ вамъ, почтенный коллега.

— Пожалуйста, пожалуйста... Я квартирую у Хмельницкаго. Такъ, значитъ, въ это время?

— Да, да...

— Прощайте, милѣйшій коллега, и принесите мнѣ завтра ваше согласіе. Я этого отъ души желаю.

Докторъ Венглиховскій любезно улыбнулся, съ минуту подержалъ въ рукѣ своей руку Юдыма и быстро вышелъ.

Было уже темно. Юдымъ не велѣлъ своей бабѣ приносить огня и въ задумчивости сталъ бродить изъ угла въ уголъ по кабинету. Онъ

уже окончательно рѣшилъ, что поѣдетъ. Передъ нимъ раскрывалась какъ бы новая страница его жизни. Порою въ голову закрадывалась досадливая мысль: филистеръ собирается дѣлать карьеру, филистеръ, филистеръ... но эта горькая нотка быстро исчезала среди того тихаго наслажденія, которое, какъ тоска, томило грудь. Въ полумракѣ, наполнявшемъ комнату, ему чудились дѣвичьи улыбки, прелестныя, полузабытыя черты. Воображеніе силилось схватить ихъ, но они упорно ускользали, показывались на мгновеніе и, словно межъ какими-то темными деревьями, уходили въ туманную даль. Вотъ одно лицо въ рамкѣ густыхъ, черныхъ волосъ, такое бѣлое, бѣлое, что, кажется, свѣтъ такъ и льется изъ него.

А вотъ другое—тонкое, нѣжное: въ немъ таится нѣмая, но глубокая, безумная страсть, что манитъ, что наполняетъ душу ароматомъ, нѣгой и тоской.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

* * *

Кровавый пурпуръ гаснущаго дня,
Волокна тучъ въ лазури блѣдно-синей,
Надъ рѣчкой—дымъ рыбачьяго огня
И садъ въ цвѣту, и цвѣтъ бѣлѣй, чѣмъ иней...

Какъ хороши, какъ кротки небеса!
Ужъ дышитъ лугъ вечернею прохладой.
Цвѣты—въ слезахъ: холодная роса
На нихъ легла за жаркій день наградой.

Чуть шелестятъ вершины темныхъ липъ...
Ихъ шелестъ тихъ,—въ немъ чудится мечтанье.
Чу! стукъ колесъ, калитки тихій скрипъ
И чья-то пѣснь, вся—ласка, вся—желанье.

И пѣснь растетъ, и въ сумеркахъ нѣмыхъ,
Дрожа, звучитъ и нѣгой, и любовью...
А ночь плыветъ на крыльяхъ голубыхъ,
Закатъ горитъ, весь обагренный кровью.

Стою, молчу,—молчу, едва дыша...
Молчитъ и садъ, и тонетъ въ вешнемъ цвѣтѣ...
О, пусть хоть здѣсь увѣруетъ душа,
Что счастье есть и можетъ быть на свѣтѣ.

П. Тулубъ.

БОРЬБА СЪ БЕЗРАБОТИЦЕЙ ВЪ ШВЕЙЦАРІИ.

(*Окончаніе* *).

VI.

Если институтъ продовольственныхъ станцій видитъ свою главную задачу въ томъ, чтобъ *поддерживать* безработнаго во время исканія заработка, то институтъ справочныхъ или посредническихъ бюро прямо имѣетъ цѣлью, по мѣрѣ возможности, помочь безработнымъ *найти* соотвѣтственную профессіи каждаго работу.

Если предпринимателямъ и капиталистамъ чрезвычайно важно знать настроеніе рынка въ каждый данный моментъ, то очевидно, что это обстоятельство имѣетъ еще гораздо бо́льшее значеніе для рабочаго. Съ лишеніемъ возможности продать свой товаръ предприниматель въ крайнемъ случаѣ терпитъ бо́льшій или меньшій убытокъ, рабочій же въ этомъ случаѣ теряетъ свой единственный доходъ, теряетъ возможность существовать. Конечно, при современныхъ условіяхъ производства нѣтъ и не можетъ быть такого учрежденія, которое имѣло бы возможность доставлять заработокъ безработнымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда въ той или иной отрасли производства предложеніе рабочихъ рукъ превышаетъ спросъ на нихъ. Часто однако и при наличности достаточнаго спроса на рабочія руки многіе рабочіе остаются подолгу безъ работы главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что имъ неизвѣстно, гдѣ и въ какой мѣрѣ этотъ спросъ существуетъ. Хожденіе рабочихъ по мастерскимъ и фабрикамъ съ цѣлью справиться, не найдется ли работы (способъ, практикуемый до сихъ поръ въ ме́ньшихъ городахъ Швейцаріи), связанъ съ большими неудобствами и непріятностями для ищущаго работы: съ одной стороны, на хожденіе теряется много времени даромъ, а съ другой—ищущему работы нерѣдко, вмѣсто отвѣта, приходится выслушивать всякія грубости и оскорбленія. Что касается исканія работы путемъ объявленій въ органахъ повседневной или спеціальной печати, то этотъ путь ужъ потому для безработныхъ не можетъ имѣть большого значенія, что онъ связанъ съ непосильными для рабочаго расходами.

---

*). См. «Міръ Божій», № 5, май.

Въ виду этихъ обстоятельствъ означенный выше институтъ справочныхъ или посредническихъ бюро въ послѣднее время получаетъ все большее и большее значеніе *).

До средины 80-хъ годовъ устройство подобныхъ бюро находилось въ Швейцаріи въ рукахъ частныхъ лицъ или же въ рукахъ корпорацій рабочихъ какъ и предпринимателей. Почти во всѣхъ городахъ Швейцаріи существовало и теперь ещё существуетъ большее или меньшее количество посредническихъ бюро, эксплоатируемыхъ частными лицами. Устроенныя съ промышленною цѣлью, они стараются выгадать съ своихъ клеінтовъ возможно больше вознагражденія за доставленное мѣсто; часто обращающимся къ этимъ бюро безработнымъ приходится тотчасъ внести опредѣленную сумму, не обращая вниманія на то, увѣнчается ли ихъ обращеніе къ бюро успѣхомъ или нѣтъ. Что же касается бюро, устраиваемыхъ рабочими обществами или обществами предпринимателей, то они пользуются въ Швейцаріи весьма незначительнымъ успѣхомъ. За исключеніемъ бюро, устроенныхъ союзомъ наборщиковъ, затѣмъ союзомъ рабочихъ на пивоваренныхъ заводахъ и наконецъ союзомъ стекольщиковъ, всѣ остальныя бюро рабочихъ корпорацій, числомъ около 200, почти ничѣмъ не проявляютъ своего существованія **). Еще меньшее значеніе имѣютъ бюро, поддерживаемыя нѣкоторыми корпораціями предпринимателей. Это обстоятельство можетъ показаться на первый взглядъ очень страннымъ, если вспомнить, съ какой настойчивостью, напримѣръ, англійскіе или германскіе промысловые союзы добиваются признанія устраиваемыхъ ими бюро со стороны работодателей, и какъ, съ другой стороны, послѣдніе при всякой возможности всѣми силами борятся противъ подобныхъ притязаній рабочихъ. Дѣло въ томъ, что хорошо организованные и сильные промысловые союзы (trade unions), имѣя въ своихъ рукахъ интересующія насъ здѣсь справочныя бюро, въ состояніи оказывать весьма сильное давленіе на предпринимателя, отказываясь въ случаѣ строптивости послѣдняго рекомендовать ему нужное количество рабочихъ. Но чтобы быть въ состояніи это сдѣлать, необходимо прежде всего имѣть вліяніе на всѣхъ рабочихъ данной отрасли промышленности всей страны или, по крайней мѣрѣ сравнительно большого участка. Но такихъ вліятельныхъ рабочихъ союзовъ въ Швейцаріи почти совсѣмъ не существуетъ, притомъ борьба между рабочими и предпринимателями, за рѣдкими исключеніями, никогда не принимала того остраго характера, которымъ отличается эта борьба въ другихъ западноевропейскихъ странахъ и преимущественно въ Англіи и Германіи.

Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ объясняется, между прочимъ,

*) Сравн. *D-r F. Freiherr v. Reitzenstein.* «Der Arbeitsnachweis; seine Entwicklung und Gestaltung im In-und Auslande» 1897.

**) *Dionys Zinner.* «Oeffentliche Arbeitsnachweise in der Schweiz» «Deutsche Worte.» 1894. XI. Стр. 609.

и то, что въ то время, какъ, напр., въ Германіи большинство рабочихъ высказывается противъ устройства коммунальныхъ справочныхъ бюро, боясь этимъ усилить вліяніе предпринимателей въ экономическомъ и соціально-политическомъ отношеніи, въ Швейцаріи иниціаторами учрежденія подобныхъ коммунальныхъ бюро явились какъ разъ рабочія общества. Являясь полноправными гражданами, пользуясь всѣми политическими правами въ государствѣ, какъ и въ коммунѣ, наравнѣ со всѣми другими гражданами, швейцарскіе рабочіе знаютъ, что они имѣютъ полнѣйшую возможность контролировать дѣятельность всякаго общиннаго учрежденія и уничтожить въ корнѣ всякое поползновеніе эксплоатировать эти учрежденія въ пользу эгоистическихъ интересовъ тѣхъ или или иныхъ группъ населенія.

Предъ частнымъ бюро коммунальное имѣетъ то преимущество, что имъ въ состояніи пользоваться и самые неимущіе слои населенія, которые собственно больше всего и нуждаются въ этихъ учрежденіяхъ. Не преслѣдуя цѣлей наживы, коммунальное бюро можетъ функціонировать или совершенно безплатно, или же взимая въ крайнемъ случаѣ со своихъ кліентовъ небольшую плату, служащую исключительно для покрытія части необходимыхъ расходовъ по веденію дѣла. Кромѣ того, при хорошей организаціи коммунальнаго бюро и при довѣріи къ нему всѣхъ слоевъ населенія въ этомъ бюро можетъ сосредоточиться весь спросъ на рабочія руки точно такъ же, какъ и все предложеніе послѣднихъ. Въ частныхъ же бюро уже въ силу того, что въ каждомъ большомъ городѣ такихъ бюро существуетъ нѣсколько, такая концентрація спроса и предложенія произойти не можетъ. Что касается бюро, устраиваемыхъ корпораціями рабочихъ или предпринимателей, то очевидно, что, въ виду противоположности интересовъ этихъ слоевъ населенія, трудно разсчитывать на то, чтобъ одна сторона питала полное довѣріе къ учрежденіямъ, вызваннымъ къ жизни представителями другого лагеря. Соразмѣрно съ этимъ ищущій работы только въ крайнемъ случаѣ обратится къ справочному бюро, находящемуся подъ вѣдѣніемъ предпринимателей, точно такъ же какъ и предприниматель всегда будетъ избѣгать обращаться къ бюро, устроеннымъ рабочей корпораціей. Такимъ образомъ подобныя бюро только въ рѣдкихъ случаяхъ въ состояніи выполнить свою задачу, въ большинствѣ же случаевъ, и въ особенности тамъ, гдѣ не существуетъ сильныхъ трэдюніоновъ, съ которыми предприниматели вынуждены были бы считаться, нахожденіе мѣста, какъ и наниманіе рабочихъ рукъ, совершается помимо ихъ.

VII.

Бюро, устроенное въ 1887 году въ г. Ст.-Галленѣ, является первымъ коммунальнымъ бюро въ мірѣ *). Въ Цюрихѣ хотя уже съ 1885 г.

*) Сравн. *Dr. F. Freiherr v. Reitzenstein*. «Der Arbeitsnachweis». 1897. Стр. 39; Prof. *G. Adler*. «Arbeitsnachweis. Handwörterbuch der Staatswissenschaften» I Supplementband. Стр. 141.

существовало бюро, получавшее субсидію отъ кантона и города, но такъ какъ веденіе дѣла и вообще вся организація находились въ рукахъ мѣстнаго благотворительнаго общества, то его и нельзя считать оффиціальнымъ учрежденіемъ *).

За Ст.-Галленомъ послѣдовалъ въ августѣ 1888 года Бернъ, въ 1890 году Базель, въ 1891—Шафгаузенъ, въ 1892—Биль (въ Бернскомъ кантонѣ), въ 1896 году Винтертуръ и наконецъ въ февралѣ этого года Цюрихъ. Такимъ образомъ въ настоящее время имѣется шесть коммунальныхъ справочныхъ бюро и одно государственное (въ Базелѣ). Кромѣ того, имѣется еще съ 1894 года справочное отдѣленіе при полицейскомъ управленіи города Цуга, а въ Невшателѣ община въ томъ же году вмѣнила въ обязанность секретаря промысловаго суда служить посредникомъ между ищущими и предлагающими работы.

Выше мы уже указали на то обстоятельство, что въ Швейцаріи иниціаторами учрежденія оффиціальныхъ справочныхъ бюро явились сами рабочіе. Въ Ст.-Галленѣ городское управленіе приступило къ выработкѣ проекта учрежденія коммунальнаго бюро лишь послѣ того, какъ соотвѣтственное предложеніе было внесено въ городской совѣтъ однимъ изъ рабочихъ делегатовъ. То же самое повторилось и въ нѣкоторыхъ другихъ швейцарскихъ городахъ. Въ Бернѣ же поводомъ къ учрежденію интересующаго насъ здѣсь бюро послужила петиція мѣстныхъ рабочихъ обществъ отъ 13-го февраля 1887 года. Приводимъ изъ этой во многихъ отношеніяхъ интересной петиціи слѣдующее мѣсто, характеризующее, между прочимъ, отношеніе швейцарскихъ рабочихъ къ вопросу, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь. «Всѣмъ извѣстно,— говорится въ этой петиціи (подписанной предсѣдателями мѣстной рабочей партіи, секціи союза Грютли—это національный рабочій союзъ, имѣющій свои секціи во всѣхъ городахъ и болѣе или менѣе значительныхъ селеніяхъ Швейцаріи—и всѣхъ существовавшихъ въ то время промысловыхъ союзовъ), что изъ года въ годъ, въ особенности въ зимнее время приходится констатировать существованіе въ Бернѣ значительнаго числа гражданъ, мужчинъ какъ и женщинъ, лишенныхъ работы и заработка. Въ послѣднее время это явленіе выступило съ особенной силой, такъ что общество и власти уже неоднократно имѣли случай имъ позаняться. Многіе попытки были уже сдѣланы со стороны государства и коммуны, какъ и со стороны самихъ рабочихъ, доставлять, по возможности, безработнымъ какія-нибудь занятія. Мѣстному «обществу для заботы объ общественномъ здравіи и соціальнаго прогресса» удалось также опредѣлить въ общемъ размѣръ существующей безработицы. Всѣ эти стремленія не могли однако при-

---

*) Сравн. «Volkswirthschafts-Lexikon der Schweiz». Томъ VI. Стр. 44; Dr. *Karl Petermann*. Die öffentlichen Arbeitsnachweis-Bureaux in der Schweiz». 1897. Стр. 8; «Bericht der Spezialkommission für Errichtung eines Arbeitslosenbüreau der Stadt Bern» 1888. Стр. 9.

*

вести къ вполнѣ удовлетворительнымъ результатамъ главнымъ образомъ въ виду своей разрозненности и случайности. Въ особенности имъ совершенно не удалось привести къ упорядоченію дѣла посредничества между ищущими и предлагающими заработокъ, каковое обстоятельство въ данномъ случаѣ играетъ однако далеко не маловажную роль. Съ этой точки зрѣнія мы считаемъ своей обязанностью указать на необходимость вызвать къ жизни постоянное учрежденіе оффиціальнаго характера, единственная задача котораго заключалась бы въ томъ—доставлять властямъ и обществу вполнѣ достовѣрныя данныя касательно размѣра и характера безработицы и служить посредникомъ между безработными и нанимателями».

Въ этихъ словахъ, взятыхъ изъ петиціи бернскихъ рабочихъ, выражается полное довѣріе послѣднихъ къ учрежденіямъ оффиціальнаго характера. И дѣйствительно, устроенныя въ упомянутыхъ выше городахъ оффиціальныя бюро вполнѣ оправдали это довѣріе, ведя возложенное на нихъ дѣло съ абсолютнымъ безпристрастіемъ. Впрочемъ, и сама организація этихъ бюро гарантируетъ такого рода веденіе дѣла.

Всѣ оффиціальныя бюро находятся подъ управленіемъ комитета, состоящаго изъ 7, 9 или 11 членовъ, избираемыхъ на 3—4 года. Въ Базелѣ всѣ члены комитета избираются правительствомъ, причемъ въ составъ комитета должно непремѣнно войти трое рабочихъ и столько же предпринимателей. Въ Бернѣ, гдѣ комитетъ состоитъ изъ 9 человѣкъ, члены его избираются городскимъ управленіемъ, рабочими обществами и корпораціями работодателей по равному количеству. Въ Билѣ рабочій союзъ и секція Грютли избираютъ 4 члена, такое же количество членовъ общество работодателей, двухъ членовъ «общеполезное общество» и одного городское правленіе. Въ остальныхъ городахъ составъ комитетовъ, приблизительно, такой-же: всюду рабочіе и работодатели имѣютъ одинаковое количество представителей, избираемыхъ (за исключеніемъ Базеля) самими заинтересованными сторонами. Комитеты заботятся о правильномъ и цѣлесообразномъ веденіи дѣла, контролируютъ дѣйствія завѣдующаго бюро и составляютъ ежегодно отчеты по управленію. Завѣдующій бюро избирается въ Базелѣ правительствомъ, въ Бернѣ, Билѣ и Шафгаузелѣ городскимъ управленіемъ, въ остальныхъ городахъ комитетами. Бюро распадаются на два отдѣленія: мужское и женское; послѣднее отдѣленіе завѣдуется помощницей завѣдующаго даннымъ бюро. За свое посредничество всѣ бюро, за исключеніемъ цюрихскаго, взимаютъ опредѣленную таксу. Въ Бернѣ соотвѣтственный тарифъ содержитъ семь различныхъ таксъ домашняя прислуга платитъ при внесеніи въ списокъ 30 сант. и при полученіи мѣста 70 сант., если мѣсячная плата превышаетъ 20 франковъ, въ противномъ случаѣ только по 30 сант.; ремесленные ученики и дѣвушки, служащія въ магазинахъ, платятъ при записи 30 и при полученіи мѣста 50 сант.; приказчики платятъ при записи 80 сант.

и при полученіи мѣста 1 франкъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ такая же такса взимается и съ работодателя, обращающагося въ бюро съ предложеніемъ работы. Иначе дѣло обстоитъ съ другими профессіями. Здѣсь работодатели платятъ 50 сант. при записи и столько же при доставленіи имъ искомаго; рабочіе же, а именно поденщики, рабочіе при земляныхъ работахъ и т. п., платятъ только при полученіи мѣста 30 сант., а мастеровые платятъ въ этомъ случаѣ 60 сант. Въ другихъ городахъ тарифы менѣе сложны. Такъ, въ Биллѣ и Базелѣ только три категоріи, при чемъ въ послѣднемъ городѣ работодателямъ выдаются также абонементные билеты на 20 разъ, стоимостью въ 5 франковъ или на цѣлый годъ безъ ограниченія числа обращеній въ бюро стоимостью въ 10 франковъ. Еще проще дѣло ведется въ Ст.-Галленѣ, гдѣ рабочіе и работодатели платятъ по 50 сант. за всякое увѣнчавшееся успѣхомъ посредничество. Въ Шафгаузенѣ рабочіе освобождены отъ уплаты таксы, работодатели же платятъ 60 сантимовъ.

Весьма важнымъ пунктомъ въ уставахъ оффиціальныхъ бюро является то, что во время стачки въ какой-либо отрасли промышленности справочныя бюро обязаны отказывать въ своемъ содѣйствіи какъ рабочимъ, такъ и работодателямъ данной отрасли. Въ статутахъ базельскаго и бернскаго бюро соотвѣтственнаго параграфа нѣтъ, но зато эти бюро обязаны на случай стачки заботиться объ умиротвореніи спорящихся сторонъ.

Посмотримъ, каковъ результатъ дѣятельности этихъ оффиціальныхъ бюро (кромѣ Цюрихскаго). Съ 1885 года по 1895 годъ за содѣйствіемъ къ бюро обращалось 136.074 человѣка*). Самое большее число приходится на базельское бюро, именно 48.420, самое меньшее, 3.119, бильское. Во всѣхъ бюро предложеніе рабочихъ рукъ превышаетъ спросъ на нихъ; изъ всего числа лицъ, обращавшихся къ бюро, рабочихъ было 75.828 человѣкъ, что составляетъ 55,7%, а работодателей 60.246 или 44,3%. Предложеніе женскаго труда и спросъ на него значительно превышаетъ соотвѣтственныя отношенія въ рубрикѣ мужского труда. Такъ изъ всего числа предлагавшихъ свой трудъ работницъ было 46.821=61,7%, а работниковъ 29.007=38,3%; среди работодателей работницъ искало 41.243=68,5%, а работниковъ 19.004=31,5%. Однако изъ всего числа обращеній къ бюро, послѣднія только въ 65.309 случаяхъ (что составляетъ нѣсколько меньше половины всѣхъ случаевъ) имѣли возможность удовлетворить своихъ кліентовъ, при чемъ можно констатировать, что во всѣхъ бюро процентъ оставшихся безъ удовлетворенія рабочихъ несравненно больше соотвѣтственнаго процента работодателей. Такъ, въ базельскомъ бюро остались неудовлетворенными

*) Мы черпаемъ эти данныя отчасти изъ упомянутой книги: Dr. *K. Petermann* «Die öffentlichen Arbeitsnachweisbureaux in der Schweiz». 1897; отчасти же мы пользуемся также оффиціальными отчетами самихъ бюро.

за отчетный періодъ мужскихъ рабочихъ 32,3%, а работодателей, ищущихъ мужскаго труда, всего 8,7%; въ Шафгаузенѣ—неудовлетворенныхъ работниковъ 47,6%, неудовлетворенныхъ работодателей 52,4%; въ Билѣ неудовлетворенныхъ работниковъ 71%, работодателей 53%, и т. д.

Присматриваясь ближе къ этимъ даннымъ, мы приходимъ къ слѣдующимъ результатамъ: на имѣющееся количество оффиціальныхъ бюро цифры, выражающія спросъ и предложеніе, слѣдуетъ считать довольно значительными, въ особенности, если принять во вниманіе, что въ тѣхъ городахъ, гдѣ существуютъ оффиціальныя бюро, продолжаютъ существовать какъ и частныя бюро, такъ и бюро рабочихъ обществъ и предпринимателей. Такимъ образомъ оффиціальныя бюро несомнѣнно пріобрѣли свое право гражданства, и остается только желать, чтобъ ихъ число увеличилось. Съ другой стороны, несомнѣнно и то, что и существующія бюро могли бы имѣть болѣе значительное количество кліентовъ, если бы взимаемая нѣкоторыми изъ нихъ такса была бы сравнительно не такъ высоки (большинство бюро рабочихъ корпорацій совершенно не взимаютъ никакихъ таксъ); въ послѣднемъ случаѣ увеличилась бы также возможность удовлетворенія ищущихъ работы, такъ какъ уменьшеніе или совершенное устраненіе таксы, безъ сомнѣнія, повліяло бы также на увеличеніе числа кліентовъ изъ среды предпринимателей. Еще въ большей степени могла бы увеличиться полезная дѣятельность этихъ бюро, если бы они вошли между собою въ соглашеніе относительно сообщенія другъ другу періодическихъ обзоровъ о взаимномъ отношеніи проявившагося у нихъ спроса и предложенія,—на такой маленькой территоріи, какъ Швейцарія, передвиженіе рабочихъ изъ одного мѣста въ другое въ общемъ не встрѣчаетъ никакихъ моральныхъ или матеріальныхъ препятствій. Въ томъ же направленіи вліяла бы несомнѣнно и централизація интересующаго насъ дѣла, за которую общественное мнѣніе въ Швейцаріи въ послѣднее время высказывается все съ большею настойчивостью.

VIII.

Однако, какъ бы ни удалось расширить и улучшить дѣятельность охарактеризованныхъ бюро, послѣднія никогда, очевидно, не будутъ въ состояніи доставлять работу всѣмъ, безъ исключенія, ищущимъ таковую. Вѣдь задача бюро заключается въ томъ, чтобы служить посредникомъ между ищущимъ работы и тѣмъ, кто подобную работу въ состояніи предложить; но что остается дѣлать бюро, когда предложенія соотвѣтственныхъ мѣстъ со стороны работодателей не является,—тутъ дѣятельность бюро и прекращается. Справочныя бюро могутъ повліять на уменьшеніе размѣра безработицы только по стольку, поскольку эта безработица зависитъ отъ того обстоятельства, что ищущій работу и предлагающій

таковую не всегда знаютъ другъ о другѣ. Но безработица въ громадномъ числѣ случаевъ зависитъ, какъ мы видѣли, отъ причинъ, ничего общаго съ упомянутымъ обстоятельствомъ не имѣющихъ, отъ причинъ, уничтоженіе которыхъ возможно только съ измѣненіемъ существующихъ экономическихъ отношеній. Въ виду этого безработица при существованіи этихъ отношеній всегда будетъ охватывать то тутъ то тамъ большее или меньшее количество рабочихъ и ставить ихъ такимъ образомъ лицомъ къ лицу съ крайней нуждой. Соображенія послѣдняго рода повели въ Швейцаріи въ началѣ текущаго десятилѣтія къ попыткамъ создать совершенно новый оффиціальный институтъ имѣющій цѣлью охраненіе всѣхъ, безъ исключенія безработныхъ отъ тѣхъ крайнихъ матеріальныхъ и нравственныхъ страданій, съ которыми связано у рабочаго лишеніе заработка. Этотъ новый институтъ извѣстенъ подъ названіемъ страхованія рабочихъ отъ безработицы *).

Характерной особенностью страхованія рабочихъ отъ безработицы является то обстоятельство, что этотъ институтъ даетъ безработнымъ *право* на полученіе извѣстной суммы, болѣе или менѣе достаточной для удовлетворенія первыхъ потребностей. Установленіе этого права съ одной стороны гарантируетъ то, что всѣ безъ исключенія застрахованные рабочіе получатъ на случай безработицы необходимую поддержку и будутъ такимъ образомъ избавлены отъ крайней нужды, съ другой же—оно снимаетъ съ поддержки, получаемой безработнымъ, печать благотворительности, доставляющую подчасъ многимъ, нуждающимся въ поддержкѣ, сильныя нравственныя мученія.

Иниціаторами этого новаго общественнаго дѣла являются опять-таки швейцарскіе рабочіе, которые и въ этомъ отношеніи расходятся съ большинствомъ своихъ сотоварищей въ Германіи, впослѣдствіи высказавшихся противъ передачи страхованія въ руки оффиціальныхъ учрежденій.

Мысль о страхованіи рабочихъ отъ безработицы была, насколько намъ извѣстно, впервые высказана на конгрессѣ швейцарской рабочей партіи въ Ольтенѣ въ 1891 году. На этомъ конгрессѣ было, между прочимъ, рѣшено взять на себя иниціативу введенія въ швейцарскую конституцію параграфа, гарантирующаго каждому гражданину «права на трудъ» **). Текстъ этого параграфа, который былъ впослѣдствіи

*) Сравн. *Prof. Georg Schanz.* «Zur Frage der Arbeitslosenversicherung». 1895; того же автора: «Neue Beiträge zur Frage der Arbeitslosenversicherung». 1897; *Dr. E. Hofmann.* «Die Arbeitslosenversicherung in der Schweiz». «Archiv f. soc. Gesetzgebung u. Statistik». 1895; *Prof. Georg Adler.* «Arbeitslosigkeit. Handwörterbuch der Staatswissenschaften». Прибавочные томы I и II.

**) Сравн. *Dr. O. Wullschleger.* «Das Recht auf Arbeit in der Schweiz». «Schweizerische Blätter f. Wirthschafts- und Sozialpolitik». 1893. Стр. 3 и д.; *Dr. R. Singer.* «Das Recht auf Arbeit in geschishtlicher Darstellung». 1895. Стр. 71; *Dr. C. Mutafoff.* «Zur Geschichte der Rechte auf Arbeit mit besonderer Rücksicht auf Charles Fourier». 1897 г. Стр. 131.

предложенъ на общешвейцарское народное голосованіе, гласитъ слѣдующимъ образомъ: «Право на достаточно оплаченную работу гарантируется каждому швейцарскому гражданину. Союзная законодательная власть обязана позаботиться объ осуществленіи этого принципа, войдя для этой цѣли въ соглашеніе съ кантональными и коммунальными властями. Въ особенности должны быть изданы постановленія, имѣющія цѣлью: а) увеличеніе возможности нахожденія заработка, главнымъ образомъ, путемъ уменьшенія рабочаго дня въ возможно большомъ количествѣ отраслей производства; б) защиту рабочихъ и служащихъ отъ произвольнаго и незаслуженнаго отказа отъ мѣста; в) *доставленіе надежной и достаточной поддержки тѣмъ, которые безъ собственной вины лишились части или всего заработка, путемъ введенія оффиціальнаго страхованія рабочихъ отъ послѣдствій безработицы или же путемъ доставленія субсидій частнымъ страховымъ институтамъ рабочихъ*; г) охраненіе коалиціонной свободы и въ особенности права на учрежденіе рабочихъ союзовъ для защиты интересовъ рабочихъ и на безпрепятственное вступленіе каждаго рабочаго въ подобные союзы; д) установленіе оффиціальнаго представительства рабочихъ и введеніе демократической организаціи труда на фабрикахъ и другихъ промышленныхъ заведеніяхъ».

Хотя по приведенному тексту предложеннаго для введенія въ швейцарскую конституцію параграфа и можно было бы думать, что уже въ прежнее время существовали въ Швейцаріи страховыя учрежденія, устроенныя самими рабочими, но при болѣе близкомъ знакомствѣ съ положеніемъ дѣла становится несомнѣннымъ, что страховыхъ институтовъ въ истинномъ смыслѣ этого слова тогда не было. Нѣкоторые рабочіе союзы Швейцаріи правда поддерживали своихъ безработныхъ членовъ, но съ одной стороны эта поддержка была въ большинствѣ случаевъ довольно незначительна, а съ другой—во всемъ этомъ дѣлѣ не было никакой системы, весьма большую роль игралъ нерѣдко случай.

Первый частный страховой институтъ, имѣющій въ нѣкоторомъ смыслѣ право на подобное названіе, былъ учрежденъ въ Бернѣ въ 1892 году мѣстнымъ обществомъ поденщиковъ *). Этотъ классъ рабочихъ, больше всего страдающихъ отъ періодически возвращающейся безработицы въ зимнее время, рѣшилъ въ означенномъ выше году по иниціативѣ секретаря союза городскихъ рабочихъ обществъ, доктора медицины Васильева, внести въ статуты своего общества постановленія слѣдующаго характера: союзъ поденщиковъ имѣетъ (также) цѣлью бороться противъ безработицы и ея послѣдствій; для достиженія этой цѣли онъ учреждаетъ, между прочимъ, сберегательную кассу и кассу для безработныхъ; средства кассы для безработныхъ составляются изъ ежемѣсячныхъ членскихъ взносовъ въ размѣрѣ часового заработка

*) *Prof. E. Röthlisberger* «Die Bernische Arbeitslosenversicherung». 1894. Стр. 11.

каждаго члена; союзъ будетъ стремиться найти для своихъ безработныхъ членовъ работы, отъ которой никто изъ безработныхъ не имѣетъ права отказываться безъ особенно уважительныхъ причинъ; въ случаѣ если такой работы найти не удастся, касса союза выплачиваетъ безработному, состоявшему членомъ союза, по крайней мѣрѣ, въ теченіе шести мѣсяцевъ, начиная съ восьмого безработнаго дня, ежедневно опредѣленную сумму, высота которой устанавливается общимъ собраніемъ всѣхъ членовъ соразмѣрно состоянію кассы; холостые члены союза получаютъ въ такихъ случаяхъ только 3/4 установленной суммы; безработица, являющаяся послѣдствіемъ болѣзни, увѣчья или дурной погоды не даетъ права на поддержку со стороны кассы; произвольное оставленіе работы точно такъ же какъ и лишеніе заработка вслѣдствіе пьянства влечетъ за собою потерю права на полученіе поддержки изъ кассы въ теченіе трехъ недѣль *).

Несмотря, однако, на то, что союзъ поденщиковъ насчитывалъ больше шестисотъ членовъ, средства его кассы были слишкомъ незначительны, чтобы съ успѣхомъ бороться съ безработицей, разразившейся зимой 1892 года въ Бернѣ съ небывалой до того силой; союзъ видѣлъ себя вслѣдствіе этого вынужденнымъ обратиться къ посторонней помощи. По иниціативѣ того же Васильева образовалась коммиссія для помощи безработнымъ, которая, между прочимъ, и рѣшила обратиться къ городскому управленію съ просьбой, выдать тѣмъ рабочимъ обществамъ города Берна, которыя подобно союзу поденщиковъ введутъ у себя страхованіе своихъ членовъ отъ безработицы, ежегодную субсидію въ размѣрѣ 5.000 франковъ, при чемъ городскому управленію предоставлялось право контроля и надзора за этими учрежденіями **).

Это обращеніе коммиссіи къ городскому правленію сразу поставило дѣло помощи безработнымъ на совершенно иную почву и повело въ концѣ концовъ къ устройству коммунальной кассы для страхованія рабочихъ отъ безработицы ***).

Къ этому результату привели слѣдующія обстоятельства: въ засѣданіи городского совѣта городское правленіе, отнесясь сочувственно къ упомянутой просьбѣ коммиссіи для помощи безработнымъ, предложило вотировать выдачу пособія страховой кассѣ союза поденщиковъ въ размѣрѣ 3.000 франковъ въ годъ; противъ этого предложенія поднялись въ совѣтѣ голоса, указывавшіе, съ одной стороны, на то, что этой субсидіей городъ окажетъ поддержку только тѣмъ безработнымъ, которые состоятъ членами названнаго союза, въ то время, какъ всѣ остальные безработные этой поддержки будутъ лишены, а съ другой стороны, городъ этимъ, по ихъ мнѣнію, заставляетъ всѣхъ поденныхъ

*) «Verhandlungen des Stadtrathes von Bern». 1892. IV. Стр. 61.

**) Тамъ же. Стр. 60.

***) *S. Scherz.* «Versicherungskassa gegen Arbeitslosigkeit in Bern». «Zeitschrift f. schweizerische Statistik». 1894. Стр. 305.

рабочихъ поступать въ члены союза, преслѣдующаго, помимо страхованія еще и другія цѣли, съ которыми не всѣ рабочіе могутъ оказаться согласными *). Эти и подобныя возраженія заставили городской совѣтъ передать предложеніе правленія на разсмотрѣніе спеціально для этой цѣли назначенной коммиссіи, которая 30-го декабря того же года и предложила городскому совѣту выработанный ею проектъ коммунальнаго страхованія рабочихъ отъ послѣдствій безработицы. Проектъ этотъ обсуждался затѣмъ въ засѣданіи городского совѣта отъ 13-го января 1893 года; онъ подвергся сравнительно незначительнымъ измѣненіямъ и въ томъ же засѣданіи получилъ силу закона съ дѣйствіемъ отъ 1-го апрѣля того же 1893 года; на 1892 же годъ городской совѣтъ рѣшилъ, согласно предложенію правленія, выдать кассѣ союза поденщиковъ субсидію въ означенномъ выше размѣрѣ **).

Такова въ общихъ чертахъ исторія возникновенія перваго коммунальнаго института страхованія рабочихъ отъ безработицы.

IX.

Присматриваясь ближе къ уставу этого учрежденія, мы однако приходимъ къ заключенію, что о дѣйствительномъ «страхованіи» здѣсь можетъ быть рѣчь только по стольку, по скольку касса предоставляетъ каждому рабочему возможность путемъ внесенія извѣстной преміи пріобрѣтать для себя право на полученіе поддержки въ случаѣ безработицы. Всѣ остальные принципы страхованія, какъ, напр., опредѣленіе степени вѣроятности наступленія того случая, противъ котораго производится страховка, приведеніе въ соотвѣтствіе этой степени съ размѣромъ взимаемой преміи и т. п., въ этой кассѣ совершенно отсутствуютъ ***); кромѣ этого, очевидно, что касса на средства, получаемыя изъ премій, существовать не можетъ, вслѣдствіе чего она не только получаетъ, какъ мы увидимъ, отъ города, опредѣленную сумму, но вынуждена еще обращаться къ частной благотворительности.

Важнѣйшіе параграфы бернской страховой кассы гласятъ: средства кассы составляются изъ членскихъ взносовъ въ размѣрѣ 40 сантимовъ (теперь 50 сантимовъ) въ мѣсяцъ, изъ взносовъ работодателей, субсидій со стороны властей и *добровольныхъ пожертвованій*; членомъ кассы *можетъ* быть всякій постоянный житель города Берна швейцарской національности; касса находится подъ управленіемъ особой коммиссіи, состоящей изъ семи (нынѣ 9) членовъ, изъ которыхъ двое (трое) избираются платящими взносы работодателями, двое (трое) союзомъ мѣст-

*) «Verhandlungen des Stadtrathes von Bern». 1892 г. IV. Стр. 123 и д.

**) «Verhandlungen des Stadtrathes von Bern». 1893. I. Стр. 7 и д.

***) Сравн. *Dr. G. Schärtlin.* Abtheilungsschef im eidgen. Versicherungsamt. «Die Versicherung gegen Arbeitslosigkeit». «Schweizerische Blätter f. Wirthschafts-und Sozialpolitik». 1893. Стр. 41 и д.

ныхъ рабочихъ обществъ, а остальные городскимъ правленіемъ; касса состоитъ при коммунальномъ справочномъ бюро (нынѣ оба эти учрежденія соединены вмѣстѣ и управляются одной и той же коммиссіей; веденіе дѣла возложено на особаго завѣдующаго); при возникновеніи безработицы коммиссія прежде всего старается отыскать безработнымъ подходящую работу; при отсутствіи таковой касса выплачиваетъ безработнымъ ежедневную субсидію въ размѣрѣ не свыше 1 франка для холостыхъ и 1½ франка для женатыхъ; эта выплата производится однако только начиная съ восьмого дня наступившей у даннаго лица безработицы; поддержки лишаются тѣ, которые сдѣлались безработными вслѣдствіе собственной лѣни, безпорядочности или вслѣдствіе неуживчивости, непослушанія (!) и т. п.; точно также не выдается субсидія тѣмъ, которые лишились заработка вслѣдствіе стачки; взносъ со стороны города опредѣляется въ размѣрѣ 5.000 франковъ въ годъ (нынѣ 12.000); касса функціонируетъ только три мѣсяца въ году: съ декабря по февраль.

Изъ вышесказаннаго видно на первый взглядъ, что бернская страховая касса построена на совершенно шаткихъ основаніяхъ. Ставя вступленіе въ число членовъ кассы въ зависимость отъ доброй воли каждаго, она, съ одной стороны, съ самаго начала уничтожила всякую возможность опредѣлить хотя бы приблизительно границы своей дѣятельности, съ другой же—она сдѣлала возможнымъ то, что членами кассы сдѣлаются только тѣ рабочіе, которые могутъ заранѣе почти съ увѣренностью предвидѣть необходимость обращаться въ будущемъ къ посторонней помощи, каковое обстоятельство неминуемо должно привести каждый разъ къ несоразмѣрно быстрому истощенію средствъ кассы. Далѣе совершенно неизвѣстно, почему размѣръ преміи опредѣленъ въ 40 или 50 сантимовъ: опредѣленнаго математическаго основанія для этого не имѣется; неизвѣстно также, на какомъ основаніи касса ожидаетъ получать взносы отъ работодателей, и т. д. Словомъ, почти всѣ опредѣленія статутовъ носятъ совершенно произвольный характеръ. Этимъ, конечно, нисколько не отрицается полезная дѣятельность бернскаго учрежденія; мы хотѣли указать только на то, что какъ касса для *страхованія* рабочихъ отъ безработицы она оставляетъ еще весьма многаго желать.

Бернская касса въ теченіе времени отъ 1893 до 1899 года поддержала 1.679 безработныхъ членовъ, что составляетъ 61% всего числа полноправныхъ членовъ кассы; выплачено субсидій на сумму въ 65.808 фр.; членскихъ взносовъ за это время поступило всего 10.570 фр. или же всего 16% капитала, израсходованнаго на однѣ субсидіи.

Указанные выше недостатки кассы въ особенности проявились зимой 1898—1899 года, когда безработица достигла въ Бернѣ чрезвычайныхъ размѣровъ. Средства кассы быстро истощились, и она оказалась не въ состояніи исполнить свои обязательства по отношенію

къ своимъ членамъ. Это обстоятельство вызвало въ бернскомъ населеніи движеніе въ пользу реорганизаціи кассы страхованія. Городской совѣтъ съ своей стороны поручилъ коммиссіи, завѣдующей кассой и справочнымъ бюро, выработать новый проектъ устава этихъ учрежденій, который теперь уже представленъ совѣту на разсмотрѣніе. Новый проектъ однако, мѣняя нѣкоторыя частности, оставляетъ въ сущности все по старому.

Между тѣмъ въ мартѣ прошлаго года въ кантональномъ парламентѣ, упомянутый выше секретарь бернскихъ рабочихъ обществъ, докторъ Васильевъ, внесъ отъ имени соціалъ-демократической фракціи парламента предложеніе дать общинамъ право ввести обязательное страхованіе отъ безработицы. Это предложеніе принято въ принципѣ парламентомъ, который и поручилъ правительству выработать соотвѣтственный проектъ закона.

X.

Вторая попытка учрежденія коммунальной кассы для страхованія рабочихъ отъ безработицы была сдѣлана въ г. Ст.-Галленѣ.

Ст.-Галленская касса была устроена несравненно раціональнѣе Бернской и имѣла предъ послѣдней большія преимущества. Мы говоримъ въ прошедшемъ времени потому, что касса, просуществовавъ два года, прекратила свою дѣятельность по причинамъ, о которыхъ будетъ рѣчь ниже.

Мы не будемъ излагать въ подробности исторію возникновенія этой кассы *). Скажемъ только, что и здѣсь иниціаторомъ явился мѣстный союзъ каменщиковъ и чернорабочихъ, который вскорѣ послѣ учрежденія Бернской кассы сталъ агитировать въ пользу учрежденія подобной кассы въ Ст.-Галленѣ. Вопросомъ этимъ заинтересовались и другія мѣстныя рабочія общества; многія изъ нихъ сдѣлали этотъ вопросъ предметомъ обсужденія на своихъ собраніяхъ, и тутъ мало-по-малу выяснилось, что большинство рабочихъ того мнѣнія, что касса только тогда въ состояніи будетъ выполнить свое назначеніе, если она будетъ основана на принципѣ *обязательности* вступленія въ число членовъ всѣхъ тѣхъ рабочихъ, на матеріальномъ положеніи которыхъ безработица отражается наиболѣе пагубнымъ образомъ. На эту точку зрѣнія сталъ вскорѣ послѣ того и союзъ мѣстныхъ рабочихъ обществъ, который и выработалъ проектъ статутовъ кассы страхованія отъ безработицы. Проектъ этотъ былъ одобренъ на общемъ собраніи членовъ союза въ сентябрѣ 1893 года, гдѣ и рѣшено было передать этотъ проектъ

*) Сравн. *Ferd. Stolz.* «Die Versicherung gegen die Folgen der Arbeitslosigkeit im Kt. St.-Gallen». «Schweiz. Blätter f. Wirthschafts und Sozialpolitik». 1894. II. Стр. 12 и д.; *Dr. E. Hofmann.* «Die Arbeitslosenversicherung in St.-Gallen». 1898. Первая глава.

властямъ съ просьбой вызвать къ жизни соотвѣтственное оффиціальное учрежденіе.

Однако введеніе принципа обязательности вступленія въ число членовъ *коммунальной* кассы какихъ-либо слоевъ населенія не могло состояться безъ изданія спеціальнаго *кантональнаго* закона, предписывающаго обществамъ, которыя пожелали бы учредить у себя кассу страхованія отъ безработицы, принять выражающій этотъ принципъ рѣшеніе. Благодаря стараніямъ демократической фракціи кантональнаго парламента, соотвѣтственный законъ былъ изданъ послѣднимъ уже въ маѣ слѣдующаго 1894 года.

Путь былъ такимъ образомъ открытъ, и больше всего заинтересованныя въ этомъ дѣлѣ общины, Ст.-Галленъ, Таблатъ и Штраубенцель (послѣднія двѣ являются собственно предмѣстьями Ст.-Галлена, но, въ виду ихъ населенности, они образуютъ собою самостоятельныя административныя единицы), тотчасъ-же приступили къ обсужденію предложеннаго союзу рабочихъ обществъ проекта съ тѣмъ, чтобы устроить для всѣхъ трехъ общинъ одну кассу. Къ сожалѣнію, обсужденія эти не привели ни къ чему, такъ какъ община Таблатъ, убоявшись увеличенія бюджета, отказалась принимать участіе въ этомъ дѣлѣ; община Штраубенцель хотя и отнеслась къ проекту болѣе сочувственно, но въ то-же время она признала невозможнымъ идти рука объ руку съ общиной Ст.-Галленъ безъ участія общины Таблатъ. Такимъ образомъ общинѣ Ст.-Галленъ ничего иного не оставалось дѣлать, какъ самой устроить интересующую насъ кассу, чѣмъ, однако, послѣдняя съ самаго начала была поставлена на довольно шаткое основаніе, ибо можно было предвидѣть, что болѣе обезпеченные слои рабочаго населенія перемѣстятся въ предмѣстья, чтобъ избѣжать этимъ необходимости платить преміи, а въ кассѣ останутся главнымъ образомъ тѣ слои рабочаго населенія, которые больше всего подвергаются риску лишиться заработка. Это опасеніе отчасти и оправдалось.

По статутамъ кассы въ число членовъ обязательно должны вступить всѣ, безъ исключенія, живущіе въ Ст.-Галленѣ работники *), заработная плата которыхъ не превышаетъ среднимъ числомъ 5 франковъ въ день; лица, застрахованныя въ какомъ-либо частномъ учрежденіи, выплачивающемъ имъ въ случаѣ безработицы сумму, по меньшей мѣрѣ равную той, которая выплачивается коммунальной кассой, освобождаются, по ихъ желанію, отъ обязательнаго вступленія въ число членовъ послѣдней; члены кассы обязаны вносить еженедѣльно страховую премію въ размѣрѣ, соотвѣтствующемъ ихъ среднему заработку, а именно: при заработной платѣ ниже 3 франковъ въ день 15 сантимовъ въ недѣлю, до 4 франковъ—20 сантимовъ и при заработкѣ до

*) Работницы, несмотря на ихъ требованіе быть принятыми въ число членовъ кассы, не были въ нее включены. Сравн. «Schweizerische Blätter für Wirthschafts-und Sozialpolitik». 1894. II. 140.

5 франковъ—30 сантимовъ; безработица, продолжающаяся подъ-рядъ не больше пяти дней, не даетъ права на полученіе поддержки изъ кассы; при болѣе длинной безработицѣ члены, платившіе регулярно въ теченіе шести мѣсяцевъ свои еженедѣльные взносы, получаютъ отъ кассы: платившіе 15 сантимовъ въ недѣлю, 1 фр. 80 сант. въ день—вносившіе 20 сант.—2 фр. 10 сант. и третьи съ преміей въ 30 сант. 2 фр. 40 сант., причемъ эта выплата производится maximum въ теченіе шестидесяти дней въ году; средства кассы составляются изъ членскихъ взносовъ, взносовъ изъ общинной кассы по 2 франка въ годъ на каждаго члена кассы, *частныхъ пожертвованій* и субсидіи кантона.

Основаніемъ для установленныхъ тарифовъ послужили слѣдующіе разсчеты и соображенія: въ виду прежнихъ народныхъ переписей, съ одной стороны, и проявлявшейся въ прежніе годы безработицы—съ другой, можно было думать, что въ Ст.-Галленѣ окажется въ общемъ около 3.000 человѣкъ, подлежащихъ обязательному страхованію, изъ числа которыхъ 10% лишатся заработка на болѣе или менѣе продолжительно время. Изъ этого числа рабочихъ 20% получаетъ заработную плату не свыше 3 франковъ, 60% до 4 фр. и 20% до 5 франковъ. Членскихъ взносовъ получается въ виду этого отъ первыхъ 4.680 франковъ въ годъ, отъ вторыхъ 18.720 франк. и отъ третьихъ 6.360 фр., всего 32.760 фр.; прибавляя сюда взносъ города въ размѣрѣ 9.000 фр., получается общаго дохода (безъ частныхъ пожертвованій и кантональной субсидіи) 38.760 франковъ. Для опредѣленія расходовъ предполагалось, что всѣмъ безработнымъ придется выплачивать соотвѣтственныя суммы въ теченіе всего максимальнаго количества дней; такимъ образомъ безработнымъ перваго класса пришлось бы выплатить въ общемъ (60 безработнымъ въ теченіе 60 дней по 1 фр. 80 сант.) 6.480 франковъ, безработнымъ второго класса (180 безработнымъ въ теченіе 60 дней по 2 фр. 10 сант.) 22.680 франковъ и, наконецъ, безработнымъ третьяго класса (60 чел. въ теченіе такого же количества дней по 2 фр. 40 сант.) 8.640 франковъ—всего 37.800 франковъ. Изъ этого видно, что предполагаемые доходы вполнѣ покрывали предполагаемые расходы, и можно было ожидать, что существованіе кассы въ общемъ обезпечено.

Дѣйствительность однако этихъ ожиданій не оправдала. Ст.-Галленская касса была учреждена для пробы на два года, срокомъ отъ 1-го іюля 1895 года по 30-ое іюня 1897 года. Но уже отчетъ за первый годъ былъ настолько неблагопріятенъ, что община рѣшила по истеченіи означеннаго выше срока закрыть кассу совершенно. Во-первыхъ, оказалось гораздо больше человѣкъ, подлежащихъ, страхованію нежели предполагалось, вмѣсто 3.000 человѣкъ, въ первый годъ записалось 4.220, и хотя пришлось вычеркнуть изъ этого числа по случаю смерти, отъѣзда и другихъ подобныхъ причинъ 1.185 человѣкъ, все же осталось больше, чѣмъ принято было въ разсчетъ; далѣе, число безработ-

ныхъ (430 человѣкъ) составляло больше предполагаемыхъ 10°/o всего числа застрахованныхъ; это однако не могло бы имѣть особеннаго значенія, если бы члены кассы вносили свои преміи аккуратно, а эта аккуратность въ громадномъ большинствѣ случаевъ и отсутствовала, большое количество членовъ, не взирая на неоднократныя напоминанія, вовсе ничего не платило. Сюда присоединилось еще то обстоятельство, что заработная плата большинства застрахованныхъ оказалась на самомъ дѣлѣ гораздо ниже, чѣмъ предполагалось, вслѣдствіе чего доходы кассы изъ членскихъ взносовъ въ самомъ лучшемъ случаѣ не могли бы соотвѣтствовать суммамъ, предположеннымъ при разсчетѣ; съ платой не свыше 3 франковъ оказалось не 20°/o всѣхъ членовъ, а цѣлыхъ 68,62°/o, въ то время какъ съ платой не свыше 4 фр., вмѣсто предполагаемыхъ 60°/o, было всего 27,93°/o, а съ платой не свыше 5 франковъ, вмѣсто 20°/o, даже только 3,45°/o; съ другой стороны администрація не держалась, да при видѣ нужды не могла держаться, буквы закона и выдавала полагавшуюся по уставу субсидію и тѣмъ лицамъ, которыя, вслѣдствіе своей неаккуратности, должны были лишиться ея, допуская при этомъ различныя толкованія соотвѣтственныхъ параграфовъ устава въ смыслѣ, благопріятномъ для безработныхъ. Всѣ эти обстоятельства неизбѣжно привели къ тому, что доходы оказались далеко позади необходимыхъ расходовъ; дефицита хотя и не оказалось въ виду субсидій кантона и взноса коммуны, тѣмъ не менѣе, стало очевиднымъ, что при подобныхъ обстоятельствахъ финансовое равновѣсіе кассы рано или поздно будетъ нарушено самымъ чувствительнымъ образомъ.

Это далеко неблагопріятное положеніе кассы въ первомъ отчетномъ году и породило ей весьма много противниковъ не только среди посторонней публики, но и среди самихъ застрахованныхъ. Какъ ни страннымъ кажется послѣднее утвержденіе, оно становится, тѣмъ не менѣе, понятнымъ, если принять во вниманіе, что около половины всѣхъ безработныхъ (205 изъ 430) принадлежало къ классу поденщиковъ и что такъ называемые квалифицированные рабочіе не имѣли ни одного безработнаго, который обратился бы къ кассѣ за субсидіей; далѣе, среди неаккуратныхъ плательщиковъ кассы подавляющее большинство принадлежало опять-таки къ упомянутому классу поденщиковъ; такимъ образомъ меньше всего нуждающіеся въ кассѣ не только поддерживали кассу на свои средства, но еще обязаны были платить несравненно больше, нежели тѣ, интересамъ которыхъ касса больше всего служила. Конечно, эти соображенія не говорятъ въ пользу противниковъ кассы изъ рабочей среды, которые изъ-за эгоистическихъ разсчетовъ не поддержали учрежденія, приносящаго несомнѣнно столько пользы ихъ менѣе хорошо поставленнымъ собратьямъ, однако не слѣдуетъ упускать изъ виду и слѣдующихъ обстоятельствъ, нѣсколько смягчающихъ вину этихъ рабочихъ: во-первыхъ, заработную плату въ

4 и даже 5 фр. нельзя считать достаточной для удовлетворенія насущныхъ потребностей цивилизованнаго человѣка, такъ что всякій вычетъ изъ этого дохода является весьма чувствительнымъ сокращеніемъ бюджетныхъ средствъ рабочаго; во-вторыхъ, тотъ фактъ, что только рабочіе обязаны были дѣлать взносы въ кассу, въ то время какъ о работодателяхъ въ статутахъ не было и рѣчи, означаетъ не что иное, какъ обложеніе особымъ налогомъ однихъ рабочихъ въ пользу другихъ, между тѣмъ какъ всѣмъ извѣстно, что безработица является результатомъ общественныхъ условій, въ виду чего и все общество за нее и отвѣтственно; но если же помимо привлеченія къ отвѣтственности всего общества, выражающагося въ данномъ случаѣ въ томъ, что отъ государства и коммуны требуется предоставленіе безработнымъ въ видѣ субсидіи изъ общественныхъ средствъ извѣстной суммы, считаютъ еще возможнымъ обложить особымъ налогомъ самихъ рабочихъ, то совершенно не видно, почему не дѣлать того же и по отношенію къ работодателямъ, которые при господствѣ хорошихъ коньюнктуръ пользуются рабочей силой для своихъ личныхъ выгодъ?

Какъ бы тамъ ни было, отчетъ за первый годъ дѣятельности Ст. Галленской кассы показалъ, что при устройствѣ кассы было сдѣлано много ошибокъ и упущеній. При болѣе благосклонномъ отношеніи къ кассѣ со стороны большинства членовъ общины неудачу можно было бы приписать новизнѣ дѣла и постараться внести въ него нужныя поправки; — община порѣшила однако иначе, и касса въ іюнѣ 1897 года перестала существовать.

Второй отчетный годъ принесъ еще больше разочарованій: еще меньшее количество членовъ платило свои взносы, еще больше расходовъ приходилось имѣть, нежели въ прошедшемъ году; все это однако ужъ не имѣло никакого значенія и не говоритъ ни за, ни противъ кассы, ибо всѣ смотрѣли въ этомъ году на кассу, какъ на учрежденіе, доживающее свои послѣдніе дни и о которомъ незачѣмъ больше и заботиться. Тѣмъ не менѣе, вопросъ о страхованіи рабочихъ отъ безработицы не снятъ съ очереди въ Ст.-Галленѣ. Нынѣ контональный департаментъ народнаго хозяйства занятъ выработкой новаго проекта на болѣе солидныхъ и болѣе соотвѣтственныхъ основаніяхъ.

XI.

Кромѣ Берна и Ст.-Галлена вопросъ о страхованіи рабочихъ отъ безработицы занималъ также властей Базеля и Цюриха.

Въ послѣднемъ городѣ однако городской совѣтъ забросилъ выработанный городскимъ правленіемъ проектъ кассы страхованія, вслѣдствіе чего мы обойдемъ его здѣсь молчаніемъ.

Въ Базелѣ же власти работали надъ проектомъ цѣлыхъ пять лѣтъ, имъ въ достаточной степени занималось уже и правительство,

и кантональный парламентъ, и печать, и различныя политическія партіи въ частныхъ и публичныхъ засѣданіяхъ и собраніяхъ, наконецъ онъ въ декабрѣ прошлаго года былъ окончательно принятъ парламентомъ. Къ сожалѣнію, тотчасъ же по опубликованіи рѣшенія парламента, началось сильное движеніе противъ него среди слоевъ мелкихъ ремесленниковъ и лавочниковъ. По требованію предусмотрѣннаго закономъ числа гражданъ принятый парламентомъ законъ долженъ былъ быть переданъ на народное голосованіе, въ которомъ онъ въ февралѣ текущаго года и потерпѣлъ крушеніе.

Несмотря на это обстоятельство, мы считаемъ не лишнимъ познакомить читателя съ главными особенностями этого закона, ибо, несмотря на множество недостатковъ послѣдняго, этимъ закономъ впервые былъ бы созданъ институтъ, который, по характеру своему болѣе всего подходилъ бы къ имѣющимся уже въ настоящее время въ нѣкоторыхъ странахъ институтамъ такъ называемаго соціальнаго страхованія,—страхованія рабочихъ на случай болѣзни, увѣчья или старости.

Упомянутый проектъ выработанъ въ 1894 году по предложенію правительства Георгомъ Адлеромъ, бывшимъ тогда профессоромъ по политической экономіи при базельскомъ университетѣ. Въ окончательной своей формѣ онъ содержалъ нѣкоторыя измѣненія и поправки, внесенныя коммиссіей кантональнаго парламента согласно желаніямъ различныхъ слоевъ населенія.

Касса, устроенная на основаніи этого проекта, имѣла бы безъ сомнѣнія гораздо больше устойчивости и значенія, нежели кассы въ Бернѣ и Ст.-Галленѣ. Многія изъ указанныхъ выше упущеній Ст.-Галленской кассы здѣсь не имѣютъ мѣста, съ другой стороны касса въ несравненно большей степени имѣетъ право на названіе «страховой» кассы, нежели первыя двѣ.

Не вдаваясь въ подробное разсмотрѣніе базельскаго проекта, отмѣтимъ, что во многихъ отношеніяхъ онъ отличается отъ статутовъ кассъ въ Бернѣ и Ст.-Галленѣ. Чрезвычайно важнымъ намъ кажется то положеніе, по которому членскія преміи вносятся не самими членами, а работодателями; этимъ съ самаго начала гарантируется правильное поступленіе этихъ премій въ кассу, каковое обстоятельство имѣетъ большое значеніе не только для послѣдней, но и для самихъ членовъ, право которыхъ на полученіе субсидій во время безработицы не можетъ быть потеряно вслѣдствіе неаккуратности взноса премій. Другое преимущество предъ другими кассами состоитъ въ томъ, что и работодатели обязаны дѣлать взносы, хотя эти взносы и слѣдуетъ считать далеко не соотвѣтственными взносамъ рабочихъ. Это положеніе мотивируется въ проектѣ слѣдующими весьма характерными словами: «Привлеченіе работодателей слѣдуетъ считать вполнѣ справедливымъ потому, что послѣдніе отъ дѣятельности рабочаго въ тѣ дни, когда работа возможна, получаютъ безспорно большія выгоды; поэтому они должны

также принадлежать къ тѣмъ, которые приходятъ на помощь рабочему въ дни его нужды» *). Скажемъ между прочимъ, что и оффиціальный цюрихскій проектъ содержитъ ту же мотивировку почти тѣми же словами **). Раздѣленіе рабочихъ, подлежащихъ страхованію, на группы, соразмѣрно съ различными степенями риска, представляется намъ очень подходящей мыслью: конечно, мысль эта здѣсь, такъ сказать, только намѣчена, но для болѣе полнаго ея проведенія необходимо было бы заранѣе имѣть хорошую статистику безработицы, изъ которой проявленіе безработицы въ различныхъ промыслахъ видно было бы съ достаточною ясностью. Далѣе намъ кажется вполнѣ справедливымъ то обстоятельство, что при опредѣленіи выдачи субсидіи приняты во вниманіе личные моменты, какъ напр. женатъ ли или холостъ безработный, есть ли у него дѣти и т. п., моменты, вліяющіе въ весьма высокой степени на характеръ и интенсивность нужды въ каждомъ данномъ случаѣ. Что касается самаго размѣра выдаваемой субсидіи, то онъ, конечно, оставляетъ многаго желать, однако нельзя упустить изъ виду, съ одной стороны, желаніе по возможности уменьшить размѣры премій и взносовъ, съ другой стороны, вообще новизну дѣла; въ статутахъ, впрочемъ, есть параграфъ, согласно которому въ кассѣ учреждается резервный фондъ, назначеніе котораго,—дать современемъ возможность повысить размѣръ субсидій безработнымъ.

Этимъ мы кончаемъ обзоръ средствъ борьбы противъ безработицы въ Швейцаріи. Намъ остается только указать на то, что нынѣ Союзное правительство занято разсмотрѣніемъ вопроса относительно того, какимъ образомъ союзъ могъ бы принимать дѣятельное участіе въ этой чрезвычайно важной для общественной жизни борьбѣ. Будемъ надѣяться, что оно придетъ къ благопріятнымъ для интересующаго насъ дѣла результатамъ.

Проф. Н. Райхесбергъ.

Бернъ.

---

*) Ratschlag und Gesetzesentwurf и т. д. стр. Anhang. Стр. 48.

**) «Weisung der Stadtrathes an den Grossen Stadtrath betreff. Arbeitslosen versicherung», v. 13. X. 1897 Стр. 3.

ВОСКРЕСШІЕ БОГИ.

ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ.

РОМАНЪ.

(*Продолженіе* *).

X.

Прошло два дня, и случилось то, что предвидѣлъ Марко: Леонардо такъ забылъ о деньгахъ, какъ будто никогда не думалъ о нихъ. Уже на слѣдующій день попросилъ онъ три флорина, для покупки допотопной окаменѣлости, съ такимъ беззаботнымъ видомъ, что Марко не имѣлъ духу огорчить его отказомъ и далъ ему эти три флорина изъ собственныхъ денегъ, отложенныхъ для матери.

Казначей, несмотря на просьбы Леонардо, все еще не заплатилъ жалованія. Въ это время самъ герцогъ нуждался въ деньгахъ для громадныхъ приготовленій къ войнѣ съ Франціей.

Леонардо занималъ у всѣхъ, у кого можно было занять, даже у собственныхъ учениковъ.

И памятника Сфорца Моро не давалъ ему окончить. Глиняное изваяніе, форма съ желѣзнымъ остовомъ, запруда для жидкаго металла, горнъ, плавильныя печи—все было готово. Но когда художникъ представилъ счетъ за бронзу, Моро испугался, даже разгнѣвался и отказалъ ему въ свиданіи.

Въ двадцатыхъ числахъ ноября 1498 года, доведенный нуждою до послѣдней крайности, написалъ онъ письмо герцогу. Въ бумагахъ Леонардо остался черновой набросокъ этого письма,—отрывочнаго, безсвязнаго, похожаго на лепетъ человѣка, одолѣваемаго стыдомъ, не умѣющаго просить.

„Синьоръ, зная, что умъ Вашего Высочества поглощенъ болѣе важными дѣлами, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, боясь, чтобы молчаніе мое не было причиною гнѣва Всемилостивѣйшаго Покровителя мо-

*) См. «Міръ Божій», № 5, май.

*

его,—дерзаю напомнить о моихъ маленькихъ нуждахъ и объ искусствахъ, осужденныхъ на безмолвіе...

„...Въ теченіе двухъ лѣтъ не получаю жалованья...

„...Другія лица, находящіяся на службѣ Вашей Свѣтлости, имѣя посторонніе доходы, могутъ ждать, но я, съ моимъ искусствомъ, которое, впрочемъ, желалъ бы покинуть для болѣе выгоднаго...

„...Жизнь моя—къ услугамъ Вашего Высочества, и я нахожусь въ постоянной готовности повиноваться...

„...О памятникѣ ничего не говорю, ибо знаю времена...

„...Мнѣ прискорбно, что вслѣдствіе необходимости зарабатывать себѣ пропитаніе, я вынужденъ прерывать работу и заниматься пустяками. Я долженъ былъ кормить 6 человѣкъ въ продолженіи 56 мѣсяцевъ, а у меня было только 50 дукатовъ...

„...Недоумѣваю, на что бы я могъ употребить мои силы...

„...Думать о славѣ или о хлѣбѣ насущномъ?..“

XI.

Однажды въ ноябрѣ, вечеромъ, послѣ дня, проведеннаго въ хлопотахъ у щедраго вельможи Гаспаре Висконти, у мѣнялы Арнольдо, у палача, который требовалъ денегъ за два трупа беременныхъ женщинъ, грозя доносомъ святѣйшей инквизиціи въ случаѣ неуплаты, Леонардо усталый вернулся домой и сначала прошелъ въ кухню, чтобы высушить платье, потомъ, взявъ ключъ у Астро, направился въ рабочую комнату; но подойдя къ ней, услышалъ за дверями разговоръ.

„Двери заперты,—подумалъ онъ.—Что это значитъ? Ужъ не воры ли?“

Онъ прислушался, узналъ голоса учениковъ Джіованни, Чезаре и догадался, что они разсматриваютъ тайныя бумаги его, которыхъ онъ никому никогда не показывалъ; хотѣлъ отпереть дверь, но вдругъ представилось ему, какими глазами, застигнутые врасплохъ, они посмотрятъ на него, и ему сдѣлалось стыдно за нихъ; крадучись на цыпочкахъ, краснѣя и озираясь, какъ виноватый, отошелъ онъ отъ двери и, пройдя мастерскую, съ другого конца ея, притворнымъ громкимъ голосомъ, такъ, чтобы они не могли не услышать, крикнулъ:

— Астро! Астро! Дай свѣчу! Куда вы всѣ запропастились? Андрэа, Марко, Джіованни, Чезаре!

Голоса въ рабочей комнатѣ затихли. Что-то зазвенѣло, какъ будто упавшее стекло разбилось. Стукнула рама. Онъ все еще прислушивался, не рѣшаясь войти. Въ душѣ его была не злоба, не горе, а только скука и отвращеніе.

Онъ не ошибся. Забравшись въ комнату черезъ окно со двора, Джіованни и Чезаре рылись въ ящикахъ рабочаго стола его, разсматривали тайныя бумаги, рисунки, дневники его.

Бельтраффіо съ блѣднымъ лицомъ держалъ зеркало. Чезаре, наклонившись, читалъ по отраженію въ зеркалѣ обратное письмо Леонардо:

— „Laude del Sole“ — „Хвала Солнцу“.

— „Я не могу не упрекнуть Эпикура, утверждавшаго, будто бы величина солнца въ дѣйствительности такова, какой она кажется; я удивляюсь Сократу, который, унижая столь великое свѣтило, говорилъ, будто бы оно—лишь раскаленный камень. И я хотѣлъ бы имѣть слова достаточно сильныя для порицанія тѣхъ, кто обоготвореніе человѣка предпочитаетъ обоготворенію Солнца“...

— Можно пропустить?—спросилъ Чезаре.

— Нѣтъ, прошу тебя,—молвилъ Джіованни,—читай все до конца...

— „Поклоняющіеся богамъ въ образахъ человѣческихъ, — продолжалъ Чезаре,—весьма заблуждаются, ибо человѣкъ, даже еслибы онъ былъ величиною съ шаръ земной, казался бы менѣе самой ничтожной планеты,—едва замѣтной точки во вселенной. Къ тому же всѣ люди подвержены тлѣнію“...

— Странно!—удивился Чезаре.—Какъ же такъ? Солнцу поклоняется, а Того, кто смертью смерть попралъ, точно не бывало...

Онъ перевернулъ страницу.

— А вотъ еще,—слушай.

— „Во всѣхъ концахъ Европы будутъ плакать о смерти человѣка, умершаго въ Азіи“.

— Понимаешь?

— Нѣтъ,—прошепталъ Джіованни.

— Страстная Пятница,—объяснилъ Чезаре.

— „О, математики,—читалъ онъ далѣе,—пролейте же свѣтъ на это безуміе. Духъ не можетъ быть безъ тѣла, и тамъ, гдѣ нѣтъ плоти, крови, нервовъ, костей, языка и мускуловъ,—не можетъ быть ни голоса, ни движенія“.—Тутъ нельзя разобрать, зачеркнуто. А вотъ конецъ:—„что же касается до всѣхъ другихъ опредѣленій духа,—я предоставляю ихъ святымъ отцамъ, учителямъ народа, знающимъ по наитію свыше тайны природы“.

— Гмъ, не поздоровилось бы мессэру Леонардо, если бы эти размышленія попали въ руки святыхъ отцовъ инквизиторовъ... А вотъ опять пророчество:

— „Ничего не дѣлая, презирая бѣдность и работу, люди будутъ жить въ роскоши, въ зданіяхъ, подобныхъ дворцамъ, увѣряя, что это—лучшій способъ быть угоднымъ Богу, пріобрѣтая сокровища видимыя цѣною невидимыхъ“.

— Индульгенціи!—разгадалъ Чезаре.—А вѣдь на Савонаролу похоже! Папѣ камень въ огородъ...

— „Умершіе за тысячу лѣтъ будутъ кормить живыхъ".

— Вотъ ужъ этого не понимаю. Что-то мудрено... А, впрочемъ,—да, да, конечно! „Умершіе за тысячу лѣтъ"—мученики и святые, именемъ которыхъ монахи собираютъ деньги. Отличная загадка!

— „Говорить будутъ съ тѣми, кто, имѣя уши, не слышитъ, зажигать лампады передъ тѣми, кто имѣетъ очи, не видитъ".—Иконы.

— „Женщины станутъ признаваться мужчинамъ во всѣхъ своихъ похотяхъ, въ тайныхъ, постыдныхъ дѣлахъ".—Исповѣдь. Какъ тебѣ нравится Джіованни? А? Удивительный человѣкъ! Ну, подумай только, для кого измышляетъ онъ эти загадки? И вѣдь злобы настоящей въ нихъ нѣтъ. Такъ только—забава, игра въ кощунство...

Перевернувъ еще нѣсколько листковъ, онъ прочелъ:

— „Многіе, торгуя мнимыми чудесами, обманываютъ безсмысленную чернь, и тѣхъ, кто разоблачаетъ обманы ихъ,—казнятъ". Это, должно быть, объ огненномъ поединкѣ брата Джироламо и о наукѣ, которая разрушаетъ вѣру въ чудеса.

Онъ отложилъ тетрадь и взглянулъ на Джіованни.

— Ну, будетъ, что ли? Какихъ еще доказательствъ? Кажется,—ясно?

Белотраффіо покачалъ головою.

— Нѣтъ, Чезаре, это все не то... О, если бы найти такое мѣсто, гдѣ онъ говоритъ прямо...

— Прямо? Ну, нѣтъ, братъ, этого жди! Такая ужъ природа. Все—на двое, все лукавитъ да виляетъ, какъ женщина. Недаромъ любитъ загадки. Поди-ка, слови его! Да онъ и самъ себя не знаетъ. Самъ для себя—величайшая загадка.

„Чезаре правъ—думалъ Джіованни. — Лучше явное кощунство, чѣмъ эти насмѣшки, эта улыбка Ѳомы Невѣрнаго, влагающаго пальцы въ язвы Господа..."

Чезаре указалъ ему на рисунокъ оранжевымъ карандашемъ на синей бумагѣ,—маленькій, затерянный среди машинъ и вычисленій, изображавшій Дѣву Марію съ Младенцемъ въ пустынѣ. Сидя на камнѣ, чертила Она пальцемъ на пескѣ треугольники, круги и другія фигуры. Матерь Господа учила Сына геометріи,—источнику всякой премудрости.

Долго разсматривалъ Джіованни этотъ странный рисунокъ. Ему захотѣлось прочесть надпись подъ нимъ. Онъ приблизилъ зеркало. Чезаре взглянулъ на отраженіе и едва успѣлъ разобрать три первыя слова: „Необходимость—вѣчная учительница",—какъ изъ мастерской послышался голосъ Леонардо:

— Астро! Астро! Дай свѣчу! Куда вы всѣ запропастились? Андрэа, Марко, Джіованни, Чезаре!

Джіованни вздрогнулъ, поблѣднѣлъ и выронилъ зеркало. Оно разбилось.

— Дурная примѣта,—усмѣхнулся Чезаре.

Какъ пойманные воры, заторопились они, сунули бумаги въ ящикъ, подобрали осколки зеркала, открыли окно, вскочили на подоконникъ и слѣзли на дворъ, цѣпляясь за водосточную трубу и толстыя вѣтви, обвивавшихъ стѣну дома, виноградныхъ лозъ. Чезаре сорвался, упалъ и едва не вывихнулъ ногу.

XII.

Въ этотъ вечеръ Леонардо не находилъ обычной отрады въ математикѣ. То поспѣшно вставалъ и ходилъ онъ по комнатѣ, то садился, начиналъ рисунокъ и тотчасъ же бросалъ его. Въ душѣ его была неясная тревога, какъ будто онъ долженъ былъ что-то рѣшить и не могъ. Мысль упорно возвращалась къ одному.

Онъ думалъ о томъ, какъ Джіованни Бельтраффіо бѣжалъ къ Савонаролѣ, потомъ опять вернулся и на время какъ будто успокоился въ работѣ, всецѣло предавшись искусству. Но, послѣ злополучнаго огненнаго поединка и особенно съ того дня, какъ въ Миланъ пришла вѣсть о гибели пророка,—сдѣлался еще болѣе жалкимъ, потеряннымъ.

Леонардо видѣлъ, какъ онъ страдаетъ, хочетъ и не можетъ уйти отъ него, угадывалъ борьбу, происходившую въ сердцѣ ученика, слишкомъ глубокомъ, чтобы не чувствовать, слишкомъ слабомъ, чтобы побѣдить свои собственныя противорѣчія. Иногда казалось учителю, что надо оттолкнуть его отъ себя, прогнать, чтобы спасти,—но сдѣлать это не хватало духу.

— Если бы я зналъ, чѣмъ помочь ему,—думалъ художникъ.

Онъ усмѣхнулся горькой усмѣшкою.

— Сглазилъ я, испортилъ его! Должно быть, правду люди говорятъ,—дурной глазъ у меня...

Поднявшись по крутымъ ступенямъ темной лѣстницы, постучался онъ въ дверь, и, когда ему не отвѣтили, пріотворилъ ее.

Въ тѣсной кельѣ былъ сумракъ. Слышалось, какъ дождь стучитъ по крышѣ, и шумитъ осенній вѣтеръ. Лампада мерцала въ углу передъ Мадонною. Черное Распятіе висѣло на бѣлой стѣнѣ. Бельтраффіо лежалъ на кровати ничкомъ, одѣтый,—неловко свернувшись, какъ больныя дѣти, поджавъ колѣни, спрятавъ лицо въ подушку.

— Джіованни, ты спишь?—молвилъ учитель.

Бельтраффіо вскочилъ, слабо вскрикнулъ и посмотрѣлъ на

Леонардо безумными, широко-открытыми глазами, выставивъ руки впередъ, съ выраженіемъ того безконечнаго ужаса, который былъ въ глазахъ Майи.

— Что съ тобою Джіованни? Это я...

Бельтраффіо какъ будто очнулся и медленно провелъ рукою по глазамъ:

— Ахъ, это вы, мессэръ Леонардо... А мнѣ показалось... Я видѣлъ страшный сонъ...

— Такъ это *вы*,—посмотрѣлъ онъ на него изподлобья медленно, словно все еще не довѣряя.

Учитель присѣлъ на край постели и положилъ ему на лобъ свою руку:

— У тебя жаръ. Ты совсѣмъ боленъ. Зачѣмъ ты не сказалъ мнѣ?..

Джіованни отвернулся было, но вдругъ опять посмотрѣлъ на Леонардо,—углы губъ его опустились, дрогнули, и, сложивъ руки съ мольбою, онъ прошепталъ:

— Учитель, прогоните меня!.. А то я самъ не уйду, а мнѣ у васъ оставаться нельзя, потому что я... да, да... я передъ вами подлый человѣкъ... измѣнникъ...

Леонардо обнялъ и привлекъ его къ себѣ.

— Что ты, мальчикъ мой? Господь съ тобою! Развѣ я не вижу, какъ ты мучаешься? Если ты думаешь, что въ чемъ-нибудь виноватъ передо мною,—я прощаю тебѣ все,—можетъ быть, и ты когда-нибудь простишь меня...

Джіованни тихо поднялъ на него большіе, удивленные глаза и вдругъ, съ неудержимымъ порывомъ, прижался къ нему, спряталъ лицо свое на груди его, въ мягкой, какъ шелкъ, бородѣ.

— Если я когда-нибудь,—лепеталъ онъ сквозь рыданія, которыя потрясали все его тѣло,—если я уйду отъ васъ, учитель,— не думайте, что я васъ не люблю! Я и самъ не знаю, что со мною... Такія у меня страшныя мысли, точно я съ ума схожу... Богъ меня покинулъ... О, только не думайте,—нѣтъ, я люблю васъ больше всего на свѣтѣ, больше чѣмъ отца моего фра Бенедетто. Никто не можетъ васъ такъ любить, какъ я...

Леонардо, съ тихою улыбкою, гладилъ его по головѣ, по щекамъ, мокрымъ отъ слезъ, и утѣшалъ, какъ ребенка:

— Ну, полно, полно, перестань. Развѣ я не знаю, что ты меня любишь, мальчикъ мой, бѣдный, глупенькій...

— А вѣдь это опять должно быть, Чезаре наговорилъ тебѣ?— прибавилъ онъ.—И зачѣмъ ты слушаешь его? Онъ умный и тоже бѣдный,—любитъ меня, хотя думаетъ, что ненавидитъ. Но онъ не понимаетъ многаго...

Джіованни вдругъ затихъ, пересталъ плакать, заглянулъ въ

глаза учителя страннымъ, испытующимъ взоромъ и покачалъ головою:

— Нѣтъ, — произнесъ онъ медленно, какъ бы съ трудомъ выговаривая слова, — нѣтъ, не Чезаре. Я самъ... и не я, а *Онъ*...

— Кто онъ? — спросилъ учитель.

Джіованни крѣпче прижался къ нему. Глаза его опять расширились отъ ужаса.

— Не надо, — проговорилъ онъ чуть слышно, — прошу васъ... не надо о *Немъ*...

Леонардо почувствовалъ, какъ онъ дрожитъ въ его объятіяхъ.

— Послушай, дитя мое, — произнесъ онъ тѣмъ строгимъ, ласковымъ и немного притворнымъ голосомъ, которымъ врачи говорятъ съ больными, — я вижу, у тебя есть что-то на сердцѣ. Ты долженъ сказать мнѣ все. Я хочу знать все, Джіованни, слышишь? Тогда и тебѣ будетъ легче.

И, подумавъ, прибавилъ:

— Скажи мнѣ, о комъ ты сейчасъ говорилъ?...

Джіованни боязливо оглянулся, приблизилъ губы свои къ самому уху Леонардо и прошепталъ задыхающимся шопотомъ:

— О вашемъ двойникѣ...

— О моемъ двойникѣ? Что это значитъ? Ты видѣлъ во снѣ?

— Нѣтъ, на яву...

Леонардо посмотрѣлъ на него пристально, и на одно мгновеніе показалось ему, что Джіованни бредитъ.

— Вѣдь вы, мессэръ Леонардо, ко мнѣ сюда не заходили третьяго дня, во вторникъ, ночью?

— Не заходилъ. Но развѣ ты самъ не помнишь?

— Нѣтъ, я-то помню... Ну, такъ вотъ, видите, учитель, — теперь значитъ, уже навѣрное, это — былъ *Онъ*.

— Да откуда ты взялъ, что у меня — двойникъ. Какъ это случилось?

Леонардо чувствовалъ, что самому Джіованни хочется разсказать, и надѣялся, что признаніе облегчитъ его.

— Какъ случилось? А вотъ какъ. Пришелъ Онъ ко мнѣ такъ же, какъ вы сегодня, въ этотъ самый часъ, и тоже сѣлъ на край постели, какъ вы теперь сидите, и все говорилъ, и дѣлалъ, какъ вы, и лицо у него, какъ ваше лицо, только въ зеркалѣ. Онъ не лѣвша. И сейчасъ же я подумалъ, что, можетъ быть, это — не вы, и Онъ зналъ, что я это думаю, но виду не подалъ, — притворился, будто мы оба ничего не знаемъ. Только уходя, обернулся ко мнѣ и говоритъ: „а ты, Джіованни, никогда не видѣлъ моего двойника? Если увидишь, не бойся.“ Тутъ я все понялъ.

— И ты до сихъ поръ вѣришь, Джіованни?

— Какъ же не вѣрить, когда я видѣлъ Его; вотъ какъ васъ теперь вижу?.. И Онъ говорилъ со мною...

— О чемъ?

Джіованни закрылъ лицо руками.

— Лучше скажи,—произнесъ Леонардо,—а то будешь думать и мучиться.

— Нехорошее,—молвилъ Бельтраффіо и, съ безнадежною мольбою, взглянулъ на учителя, — ужасное говорилъ Онъ. Будто бы все въ мірѣ—одна механика, будто бы все—какъ этотъ страшный паукъ, съ вертящимися лапами, который Онъ... то-есть нѣтъ, не Онъ, а вы—изобрѣли...

— Какой паукъ?.. Ахъ, да, да, помню. Ты видѣлъ у меня рисунокъ военной машины?..

— И еще говорилъ Онъ,—продолжалъ Джіованни,—будто бы то самое, что люди называютъ Богомъ, есть вѣчная сила, которою движется страшный Паукъ, со своими желѣзными окровавленными лапами, и что Ему все равно — правда или неправда, добро или зло, жизнь или смерть. И нельзя Его умолить, потому что Онъ—какъ математика,—дважды два, не можетъ быть пять...

— Ну, хорошо, хорошо. Не мучь себя. Довольно! Я ужъ знаю...

— Нѣтъ, мессэръ Леонардо, погодите, вы еще не знаете всего. Вы только послушайте, учитель. Онъ говорилъ, что и Христосъ напрасно пришелъ,—умеръ и не воскресъ, смертью смерть не побѣдилъ,—истлѣлъ въ гробу. И когда онъ это сказалъ,—я заплакалъ. Онъ меня пожалѣлъ, и сталъ утѣшать: не плачь, говоритъ, мальчикъ мой бѣдный,—нѣтъ Христа, но есть любовь; великая любовь—дочь великаго познанія; кто знаетъ все, тотъ любитъ все. Видите,—вашими,—все вашими словами! Прежде, говоритъ, была любовь отъ слабости, чуда и незнанія, а теперь—отъ силы, истины и познанія, ибо Змій не солгалъ: вкусите отъ Древа Познанія, и будете, какъ боги. И послѣ этихъ словъ его я понялъ, что Онъ—отъ дьявола, и проклялъ Его, и Онъ ушелъ, но сказалъ, что вернется...

Леонардо слушалъ, съ такимъ любопытствомъ, какъ будто это былъ уже не бредъ больного. Онъ чувствовалъ, какъ взоръ Джіованни, теперь почти спокойный, обличительный, проникаетъ въ самую тайную глубину сердца его.

— И всего страшнѣе, — прошепталъ ученикъ, медленнымъ движеніемъ отстраняясь отъ учителя и глядя на него въ упоръ остановившимся, пронзительнымъ взоромъ,—всего отвратительнѣе было то, что Онъ улыбался, когда все это мнѣ говорилъ, улыбался, ну да, да... совсѣмъ, какъ вы теперь... какъ вы!..

Лицо Джіованни вдругъ побѣлѣло, перекосилось, и, оттолкнувъ Леонардо, онъ закричалъ дикимъ, сумасшедшимъ крикомъ:

— Ты... ты... опять!.. Притворился... Именемъ Бога... сгинь, сгинь, пропади, окаянный!..

Учитель всталъ и молвилъ, посмотрѣвъ на него властнымъ взоромъ:

— Богъ съ тобою, Джіованни! Я вижу, что, въ самомъ дѣлѣ, лучше тебѣ уйти отъ меня. Помнишь, сказано въ писаніи: боящійся въ любви не совершенъ. Если бы ты любилъ меня совершенною любовью, ты не боялся бы,—ты понялъ бы, что все это—бредъ и безуміе, что я не такой, какъ думаютъ люди, что нѣтъ у меня двойника, что я, можетъ быть, вѣрую во Христа моего и Спасителя болѣе тѣхъ, кто называетъ меня слугою Антихриста. Прости, Джіованни! Господь да сохранитъ тебя... Не бойся,—двойникъ Леонардо къ тебѣ уже никогда не вернется...

Голосъ его дрогнулъ отъ безконечной, безгнѣвной печали. Онъ всталъ, чтобы уйти.

„Такъ ли это? Правду ли я ему говорю?"—подумалъ онъ и въ то же мгновеніе почувствовалъ, что, если ложь необходима, чтобы спасти его,—онъ готовъ солгать.

Бельтраффіо упалъ на колѣни, цѣлуя руки учителя.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не буду!.. Я знаю, что это безуміе... Я вѣрю вамъ, — вотъ увидите, я прогоню отъ себя эти страшныя мысли,—только простите, простите, учитель, не покидайте меня!..

Леонардо взглянулъ на него, съ неизъяснимою жалостью, и, наклонившись, поцѣловалъ въ голову.

— Ну, смотри же, помни Джіованни,—ты мнѣ обѣщалъ. А теперь,—прибавилъ онъ уже обычнымъ спокойнымъ голосомъ,—пойдемъ скорѣе внизъ. Здѣсь холодно. Я больше не пущу тебя сюда, пока ты совсѣмъ не поправишься. Кстати, есть у меня спѣшная работа: ты мнѣ поможешь.

XIII.

Онъ повелъ его въ спальню, рядомъ съ мастерскою, раздулъ огонь въ очагѣ и, когда пламя затрещало, озаряя комнату уютнымъ свѣтомъ, сказалъ, что ему нужно приготовить доску для картины.

Леонардо надѣялся, что работа успокоитъ больного.

Такъ и случилось. Мало-по-малу Джіованни увлекся. Съ видомъ сосредоточеннымъ, какъ будто это было самое любопытное и важное дѣло, помогалъ онъ учителю пропитывать доску ядовитымъ растворомъ для предохраненія отъ червоточины,—водкою, съ двусѣрнистымъ мышьякомъ и сулемою. Потомъ стали они наводить первый слой поволоки, задѣлывая пазы и щели алебастромъ, кипарисовымъ лакомъ, мастикою, ровняя шероховатости плоскимъ

желѣзнымъ скребкомъ. Дѣло, какъ всегда, спорилось, кипѣло, казалось игрою въ рукахъ Леонардо. Въ то же время давалъ онъ совѣты, училъ, какъ вязать кисти, начиная отъ самыхъ толстыхъ, жесткихъ, изъ свиной щетины въ свинцовой оправѣ, кончая самыми тонкими и мягкими, изъ бѣличьихъ волосъ, вставленныхъ въ гусиное перо, или, какъ, для того, чтобы протрава скорѣе сохла, слѣдуетъ прибавлять къ ней венеціанской яри, съ красной желѣзистой охрой.

По комнатѣ распространился пріятный, напоминавшій о работѣ, летуче-свѣжій запахъ скипидара и мастики. Джіованни изо всей силы втиралъ въ доску замшевою тряпочкою горячее льняное масло. Ему сдѣлалось жарко. Ознобъ совсѣмъ прошелъ.

На минуту остановившись, чтобы перевести духъ, съ раскраснѣвшимся лицомъ, оглянулся онъ на учителя.

— Ну, ну, скорѣе, не зѣвай, — торопилъ его Леонардо, — простынетъ, такъ не впитается.

И, выгнувъ спину, разставивъ ноги, плотно сжавъ губы, Джіованни, съ новымъ усердіемъ, продолжалъ работу.

— Что, какъ ты себя чувствуешь?—спросилъ Леонардо.

— Хорошо,—отвѣтилъ Джіованни, съ веселой улыбкой.

Собрались и другіе ученики въ этотъ теплый, свѣтлый уголъ громаднаго, кирпичнаго покрытаго бархатисто-черною сажею, ломбардскаго очага, откуда пріятно было слушать вой вѣтра и шумъ дождя. Пришелъ озябшій, но, какъ всегда, безпечный Андрэа Салаино, одноглазый циклопъ кузнецъ Зороастро да Перетола, Джьякопо и Марко д'Оджіоне. Лишь Чезаре да Сэсто, по обыкновенію, не было въ ихъ дружескомъ кружкѣ.

Отложивъ доску, чтобы дать ей просохнуть, Леонардо показалъ имъ лучшій способъ добыванія чистаго масла для красокъ. Принесли большое глиняное блюдо, гдѣ отстоявшееся тѣсто орѣховъ, моченыхъ въ шести перемѣнахъ воды, выдѣлило бѣлый сокъ, съ густымъ, всплывшимъ на поверхности, слоемъ янтарнаго жира. Взявъ хлопчатой бумаги и скрутивъ изъ нея длинныя косицы, на подобіе лампадныхъ свѣтиленъ, однимъ концомъ опустилъ онъ ихъ въ блюдо, другимъ—въ жестяную воронку, вставленную въ горлышко стекляннаго сосуда. Впитываясь въ хлопчатую бумагу, масло стекало въ сосудъ золотисто-прозрачными каплями.

— Смотрите, смотрите,—восхищался Марко,—какое чистое! А у меня—всегда муть, сколько ни процѣживаю...

— Должно быть, ты верхней кожицы съ орѣховъ не снимаешь,—замѣтилъ Леонардо,—она потомъ на полотнѣ выступаетъ, и краски отъ нея чернѣютъ.

— Слышите?—торжествовалъ Марко.—Величайшее произведеніе искусства отъ этакой дряни,—отъ орѣховой шелухи погиб-

путь можетъ! А вы еще смѣетесь, когда я говорю, что правила должно соблюдать съ математическою точностью...

Ученики, внимательно слѣдившіе за приготовленіемъ масла, въ то же время болтали и шалили. Несмотря на поздній часъ, спать никому не хотѣлось, и, не слушая ворчанія Марко, дрожавшаго надъ каждымъ полѣномъ, то и дѣло подбрасывали они дровъ. Какъ иногда бываетъ въ такихъ неурочныхъ собраніяхъ—всѣми овладѣла безотчетная веселость.

— Давайте, братцы, разсказывать сказки!—предложилъ Салаино и первый представилъ въ лицахъ новеллу о священникѣ, который въ Страстную Субботу ходилъ по домамъ и, зайдя въ мастерскую живописца, окропилъ святой водою картины. „Зачѣмъ ты это сдѣлалъ?—спросилъ его художникъ.—Затѣмъ, что желаю тебѣ добра, ибо сказано: сторицею воздастся вамъ свыше за доброе дѣло". Живописецъ промолчалъ. Но когда патеръ ушелъ, подстерегъ его, вылилъ ему на голову изъ окна чанъ холодной воды и крикнулъ: „вотъ тебѣ сторицею свыше за добро, которое ты мнѣ сдѣлалъ, испортивъ мои картины".

Посыпались новеллы за новеллами, выдумки за выдумками,—одна нелѣпѣе другой. Всѣ утѣшались несказанно, но болѣе всѣхъ Леонардо.

Джіованни любилъ наблюдать, какъ онъ смѣется. Въ это время глаза его съуживались, дѣлались какъ щелки, лицо принимало выраженіе дѣтски-простодушное, и, мотая головою, вытирая слезы, проступавшія на глазахъ, заливался онъ страннымъ для его большого роста и могущественнаго тѣлосложенія, тонкимъ смѣхомъ, въ которомъ звучали тѣ же визгливыя женскія ноты, какъ и въ гнѣвныхъ крикахъ его.

Около полуночи они почувствовали голодъ. Нельзя было лечь, не закусивъ, тѣмъ болѣе, что и поужинали впроголодь, ибо Марко держалъ ихъ въ черномъ тѣлѣ.

Астро принесъ все, что было въ кладовой: скудные остатки окорока, сыра, десятка четыре маслинъ и краюху черстваго пшеничнаго хлѣба. Вина не было.

— Наклонялъ ли ты бочку, какъ слѣдуетъ?—спрашивали товарищи.

— Да ужъ наклонялъ, небось,—во всѣ стороны поворачивалъ. Ни капли.

— Ахъ, Марко, Марко, что же ты съ нами дѣлаешь! Какъ же быть безъ вина?

— Ну, вотъ, наладили—Марко да Марко. Я-то чѣмъ виноватъ, коли денегъ нѣтъ?..

— Деньги есть, и вино будетъ! — крикнулъ Джьякопо, подбросивъ на ладони золотую монету.

— Откуда у тебя, чертенокъ? Опять укралъ? Погоди, выдеру я тебя за уши,—погрозилъ ему пальцемъ Леонардо.

— Да нѣтъ же, мастеръ, не укралъ, ей Богу. Чтобъ мнѣ на этомъ мѣстѣ провалиться, отсохни языкъ мой, если я въ кости не выигралъ!

— Ну, смотри, коли воровскимъ виномъ насъ угостишь...

Сбѣгавъ въ сосѣдній погребокъ Зеленаго Орла, еще не запертый, такъ какъ всю ночь гуляли въ немъ швейцарскіе наемники, Джьякопо вернулся съ двумя оловянными кружками.

Отъ вина сдѣлалось еще веселѣе. Мальчикъ разливалъ его, подобно Ганимеду, высоко держа сосудъ, такъ что красное пѣнилось розовою, бѣлое—золотистою пѣною, и въ восхищеніи при мысли, что онъ угощаетъ на свои собственныя деньги, шалилъ, дурачился, прыгалъ и неестественно хриплымъ голосомъ, въ подражаніе пьянымъ гулякамъ, напѣвалъ то удалую пѣсеньку монаха-разстриги:

Къ чорту рясу, куколь, чотки!
Хи-хи-хи, да ха-ха-ха,
Ой, вы дѣвушки красотки,
Долго-ль съ вами до грѣха.

то важный гимнъ изъ латинской шутовской „Обѣдни Вакху", сочиненной школярами-бродягами:

Тѣ, кто воду пьютъ съ виномъ,
Вымокнутъ,—и вѣрьте,
Въ пасти ада надъ огнемъ
Высушатъ ихъ черти.

Никогда, казалось Джіованни, не ѣдалъ и не пивалъ онъ такъ вкусно, какъ за этою нищенскою трапезою Леонардо, съ окаменѣлымъ сыромъ, черствымъ хлѣбомъ и подозрительнымъ, быть можетъ, воровскимъ виномъ Джьякопо.

Пили за здоровье учителя, за славу его мастерской, за избавленіе отъ бѣдности и другъ за друга.

Въ заключеніе Леонардо, оглянувъ учениковъ, сказалъ съ улыбкою:

— Я слышалъ, друзья мои, что св. Францискъ Ассизскій называлъ уныніе худшимъ изъ пороковъ и утверждалъ, что, если кто желаетъ угодить Богу, тотъ долженъ быть всегда веселымъ. Выпьемте же за мудрость Франциска,—за вѣчное веселіе въ Богѣ.

Всѣ немного удивились. Но Джіованни понялъ, что хотѣлъ сказать учитель.

— Эхъ, мастеръ,—укоризненно покачалъ головою Астро,—веселіе, говорите вы,—да какое же можетъ быть веселіе, пока мы по землѣ козявками ползаемъ, какъ черви могильные? Пусть другіе пьютъ за что угодно, а я—за крылья человѣческія, за лета-

тельную машину! Какъ взовьются крылатые люди подъ облака,—тутъ только и начнется веселіе. И чтобы чортъ побралъ всякую тяжесть, законы механики, которые мѣшаютъ намъ...

— Ну, нѣтъ, братъ, безъ механики далеко не улетишь,—остановилъ его учитель, смѣясь.

Когда всѣ разошлись, Леонардо не отпустилъ Джіованни наверхъ; помогъ ему устроить постель у себя въ спальнѣ, поближе къ потухающимъ ласковымъ углямъ камина, и, отыскавъ небольшой рисунокъ, сдѣланный цвѣтными карандашами, подалъ его ученику.

Лицо юноши, изображенное на рисункѣ, казалось Джіованни такимъ знакомымъ, что онъ сначала принялъ его за портретъ. Было сходство и съ братомъ Джироламо Савонаролою,—только должно быть въ ранніе годы его юности, и съ шестнадцатилѣтнимъ сыномъ богатаго миланскаго ростовщика, ненавидимаго всѣми, стараго жида Барукко,—болѣзненнымъ, мечтательнымъ отрокомъ, погруженнымъ въ тайную мудрость Кабаллы, воспитанникомъ раввинновъ, по словамъ ихъ, будущимъ свѣтиломъ Синагоги.

Но когда Бельтраффіо внимательнѣе вглядѣлся въ этого еврейскаго мальчика, съ густыми, рыжеватыми волосами, низкимъ лбомъ, толстыми губами,—онъ узналъ Христа, не такъ, какъ узнаютъ Его на иконахъ, а какъ будто самъ видѣлъ, забылъ и теперь вдругъ вспомнилъ Его.

Въ головѣ, склоненной, какъ цвѣтокъ на слишкомъ слабомъ стеблѣ, въ младенчески-невинномъ взорѣ опущенныхъ глазъ было предчувствіе той послѣдней минуты на горѣ Елеонской, когда Онъ, ужасаясь и тоскуя, сказалъ ученикамъ своимъ: „душа моя скорбитъ смертельно“,—и отошелъ на верженіе камня, палъ на лицо Свое и говорилъ: „Авва Отче! все возможно Тебѣ. Пронеси чашу сію мимо Меня. Впрочемъ, не Моя воля, но Твоя да будетъ“. И еще второй и третій разъ говорилъ: „Отче Мой, если не можетъ чаша сія миновать Меня, чтобы Мнѣ не пить ея, да будетъ воля Твоя“. И находясь въ бореніи, прилежнѣе молился, и былъ потъ Его, подобенъ каплямъ крови, падающимъ на землю.

„О чемъ Онъ молился?—подумалъ Джіованни.—Какъ же просилъ, чтобы не было того, что не могло не быть, что было Его собственной волею,—для чего Онъ въ міръ пришелъ? Неужели и Онъ изнемогалъ, какъ я, и Онъ до кроваваго пота боролся съ тѣми же страшными двоящимися мыслями?“

— Ну, что?—спросилъ Леонардо, вернувшись въ комнату, изъ которой вышелъ не надолго.—Да ты, кажется, опять?..

— Нѣтъ, нѣтъ, учитель! О, если бы вы знали, какъ мнѣ хорошо и спокойно... Теперь все прошло...

— И слава Богу, Джіованни. Я вѣдь говорилъ, что пройдетъ. Смотри же, чтобы больше никогда не возвращалось...

— Не вернется, не бойтесь! Теперь я вижу,—онъ указалъ на рисунокъ,—я вижу, что вы такъ Его любите, какъ никто изъ людей...

— И если вашъ двойникъ,—прибавилъ онъ,—опять придетъ ко мнѣ, я знаю, чѣмъ прогнать его: я только напомню ему объ этомъ рисункѣ.

XIV.

Джіованни слышалъ отъ Чезаре, что Леонардо оканчивалъ ликъ Господенъ въ Тайной Вечери, и ему хотѣлось увидѣть его. Много разъ просилъ онъ объ этомъ учителя. Тотъ все обѣщалъ, но откладывалъ.

Наконецъ, однажды утромъ, повелъ его въ трапезу Маріи-делле-Граціе, и на мѣстѣ, столь ему знакомомъ, которое оставалось пустымъ въ теченіе шестнадцати лѣтъ, между Іоанномъ и Іаковомъ Зеведеевымъ, въ четвероугольникѣ открытаго окна, на тихой дали вечерѣющаго неба и холмовъ Сіона,—увидѣлъ Джіованни ликъ Господа.

Спустя нѣсколько дней, вечеромъ, глухими пустырями, по берегу Кантаранскаго канала, возвращался онъ домой отъ алхимика Галеотто Сакробоско. Учитель послалъ его къ нему за рѣдкою книгою, сочиненіемъ по математикѣ.

Послѣ вѣтра и оттепели, сдѣлалось тихо и морозно. Лужи въ грязныхъ колеяхъ дороги подернулись иглами хрупкаго льда. Низкія тучи какъ будто цѣплялись за голыя, лиловыя верхушки лиственницъ, съ растрепанными галочьими гнѣздами. Быстро темнѣло. Только по самому краю неба тянулась длинная, мѣдно-желтая полоса унылаго заката. Вода въ незамерзшемъ каналѣ, тихая, тяжкая и черная, какъ чугунъ, казалась бездонно-глубокою.

Джіованни, хотя самому себѣ не признавался въ этихъ мысляхъ и гналъ ихъ прочь съ послѣднимъ усиліемъ разума, думалъ о двухъ Леонардовыхъ изображеніяхъ лика Господня. Стоило ему закрыть глаза, чтобы оба они вмѣстѣ встали передъ нимъ, какъ живые, одинъ—родной, полный человѣческою немощью, ликъ Того, Кто на горѣ Елеонской скорбѣлъ до кроваваго пота и молился дѣтскою молитвою о чудѣ; другой—нечеловѣчески-спокойный, мудрый, чуждый и страшный.

И Джіованни думалъ о томъ, что, можетъ быть, въ своемъ неразрѣшимомъ противорѣчіи,—оба они истинны.

Мысли его путались, какъ въ бреду. Голова горѣла. Онъ сѣлъ на камень надъ водою узкаго, чернаго канала, въ изнеможеніи склонился и опустилъ голову на руки.

— Что ты здѣсь дѣлаешь? Точно тѣнь влюбленнаго на бе-

регу Ахерона,—молвилъ насмѣшливый голосъ. Онъ почувствовалъ руку на плечѣ своемъ, вздрогнулъ, обернулся и увидѣлъ Чезаре.

Въ зимнихъ сумеркахъ, пыльно-сѣрыхъ, какъ паутина, подъ голыми, лилово-черными лиственницами съ растрепанными галочьими гнѣздами,—длинный, тощій, съ длиннымъ, блѣдно-сѣрымъ больнымъ лицомъ, закутанный въ сѣрый плащъ, самъ Чезаре казался похожимъ на зловѣщій призракъ.

Джіованни всталъ, и они молча продолжали путь. Только сухіе листья шуршали подъ ногами.

— Знаетъ онъ,—спросилъ, наконецъ, Чезаре,—что мы намедни рылись въ его бумагахъ?

— Знаетъ,—отвѣтилъ Джіовани.

— И, конечно, не сердится. Я такъ и думалъ. Всепрощеніе!—разсмѣялся Чезаре злобнымъ и насильственнымъ смѣхомъ.

Они опять замолчали. Воронъ, хрипло каркнувъ, перелетѣлъ черезъ каналъ.

— Чезаре,—произнесъ Джіованни тихо,—видѣлъ ты ликъ Господенъ въ Тайной Вечерѣ?

— Видѣлъ.

— Ну, что?.. Какъ?

Чезаре быстро обернулся къ нему.

— А тебѣ какъ?—спросилъ онъ.

— Я не знаю... Мнѣ, видишь ли, кажется...

— Говори прямо. Не нравится, что ли?

— Нѣтъ. Но я не знаю. Мнѣ приходитъ на умъ, что можетъ быть это—не Христосъ...

— Не Христосъ? А кто же?

Джіованни не отвѣтилъ, только замедлилъ шагъ и опустилъ голову.

— Послушай,—продолжалъ онъ въ глубокомъ раздуміи,—видѣлъ ли ты другой рисунокъ, тоже для головы Христа, цвѣтными карандашами, гдѣ Онъ изображенъ почти ребенкомъ?..

— Знаю,—еврейскимъ мальчикомъ, рыжимъ, съ толстыми губами, съ низкимъ лбомъ,—лицо какъ у этого жиденка, сына стараго Барукко. Ну, такъ что же? Тебѣ Тотъ больше нравится?

— Нѣтъ... А только я думаю,—какъ Они непохожи другъ на друга, эти два Христа!

— Непохожи?—удивился Чезаре.—Помилуй, да это одно лицо! Въ Тайной Вечерѣ Онъ старше лѣтъ на пятнадцать...

— А впрочемъ,—прибавилъ онъ,—можетъ быть, ты и правъ. Но если это даже—два Христа,—все-таки Они похожи другъ на друга, какъ двойники...

— Двойники!—повторилъ Джіованни, вздрогнувъ, и остановился.—Какъ ты это сказалъ, Чезаре,—*двойники*?

— Ну, да. Чего же ты такъ испугался? Развѣ ты самъ этого не замѣтилъ?

Они опять пошли, молча.

— Чезаре!—воскликнулъ вдругъ Бельтраффіо, съ неудержимымъ порывомъ,—какъ же ты не видишь? Неужели Тотъ, всемогущій всезнающій, Кого изобразилъ, учитель въ Тайной Вечерѣ,—неужели могъ Онъ тосковать на горѣ Елеонской, на верженіи камня, до кроваваго пота, и молиться нашею, человѣческою молитвою, какъ молятся дѣти—о чудѣ: „пусть не будетъ того, для чего Я въ міръ пришелъ,—чего, Я знаю, не можетъ не быть. Авва Отче, пронеси чашу сію мимо Меня". Но вѣдь въ этой молитвѣ—все, все,—слышишь, Чезаре?—и нѣтъ безъ нея Христа, и я не отдамъ ее ни за какую мудрость. Кто не молился этою молитвою, тотъ не былъ, человѣкомъ, тотъ не страдалъ, не умиралъ, какъ мы!

— Такъ вотъ ты о чемъ,—медленно произнесъ Чезаре.—А вѣдь и въ самомъ дѣлѣ. Да, да,—я понимаю тебя. О, конечно,—тотъ Христосъ, въ Тайной Вечерѣ,—*такъ* молиться не могъ...

Было темно. Джіованни съ трудомъ различалъ лицо своего спутника. Ему казалось, что оно странно измѣнилось.

Вдругъ Чезаре остановился поднялъ руку и произнесъ глухимъ, торжественнымъ голосомъ:

— Ты хочешь знать, кого изобразилъ онъ,—ежели не Того, Кто молился на горѣ Елеонской,—не твоего Христа? Слушай: „Въ началѣ было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Богъ. Оно было въ началѣ у Бога. Все черезъ Него начало быть, и безъ Него ничто не начало быть, что начало быть. И Слово стало плотію". Слышишь,—разумъ Бога,—Слово стало плотію. Среди учениковъ Своихъ, которые, слыша изъ устъ Его: „одинъ изъ васъ предастъ Меня", — скорбятъ, негодуютъ, ужасаются,—Онъ спокоенъ, Онъ всѣмъ равно близокъ и чуждъ,—Іоанну, возлежащему на груди Его, Іудѣ, предающему Его,—потому что нѣтъ для Него болѣе зла и добра, жизни и смерти, любви и ненависти, а есть только воля Отца,—вѣчная необходимость: „не Моя, но Твоя да будетъ воля",—вѣдь это сказалъ и Твой, и Тотъ, Кто молился на горѣ Елеонской, на верженіи камня о невозможномъ чудѣ. Вотъ почему, говорю я: Они двойники. „Чувства принадлежатъ землѣ; разумъ—внѣ чувствъ, когда созерцаетъ",—ты помнишь?—это слова Леонардо. Въ лицахъ и движеніяхъ апостоловъ, величайшихъ людей, изобразилъ онъ всѣ чувства земныя; но Тотъ, Кто сказалъ: „я побѣдилъ міръ. Я и Отецъ—одно",—Разумъ созерцающій—внѣ чувствъ. Помнишь и эти другія слова Леонардо о законахъ механики: „о, дивная справедливость Твоя, Первый Двигатель"! Христосъ его есть Первый Двигатель, который, будучи началомъ и средоточіемъ всякаго движенія,—самъ неподвиженъ;

Христосъ его есть вѣчная необходимость, сама себя въ человѣкѣ познавшая и возлюбившая, какъ божественную справедливость, какъ волю Отца: „Отче праведный! и міръ Тебя не позналъ, а Я позналъ Тебя. И Я открылъ имъ имя Твое и открою, да любовь, которою Ты возлюбилъ Меня, въ нихъ будетъ“. Слышишь: любовь—отъ познанія. „Великая любовь есть дочь великаго познанія“. Леонардо, одинъ изъ людей, понялъ это слово Господа и воплотилъ его во Христѣ своемъ, который „любитъ все, потому что знаетъ все“.

Чезаре умолкъ,—и долго шли они въ бездыханной тишинѣ сгущавшихся морозныхъ сумерокъ.

— Помнишь, Чезаре?—произнесъ, наконецъ, Джіованни,—три года назадъ, шли мы съ тобой точно такъ же, какъ теперь, предмѣстьемъ Верчельскихъ Воротъ и спорили о Тайной Вечерѣ. Ты тогда смѣялся надъ учителемъ, говорилъ, что никогда не кончить ему лика Господня, а я возражалъ тебѣ. Теперь ты за него—противъ меня. Знаешь ли,—я бы ни за что не повѣрилъ, что ты, именно ты, можешь такъ говорить о немъ...

Джіованни хотѣлъ заглянуть въ лицо спутнику, но Чезаре поспѣшно отвернулся.

— Я радъ,—заключилъ Бельтраффіо,—что ты любишь его, да, любишь, Чезаре, можетъ быть, сильнѣе, чѣмъ я,—хочешь ненавидѣть, а любишь!..

Товарищъ медленно обернулъ къ нему лицо свое, блѣдное, искаженное.

— А ты что думалъ? Конечно, люблю! Мнѣ ли не любить его? Хочу ненавидѣть, а долженъ любить,—ибо того, что̀ онъ сдѣлалъ въ Тайной Вечерѣ, никто, быть можетъ, онъ и самъ не понимаетъ, какъ я,—я, злѣйшій врагъ его!..

И опять засмѣялся онъ своимъ насильственнымъ смѣхомъ:

— А, вѣдь вотъ подумаешь,—не странно ли сердце человѣческое устроено? Если ужъ на то пошло,—я, пожалуй, скажу тебѣ правду, Джіованни: я все-таки не люблю его, еще болѣе не люблю его, чѣмъ тогда...

— За что?

— А хотя бы за то, что я желаю быть самимъ собою,—слышишь?—послѣднимъ изъ послѣднихъ, но все же не ухомъ, не глазомъ, не пальцемъ отъ ноги его! Ученики Леонардо—цыплята въ орлиномъ гнѣздѣ!.. Правила науки, ложечки для измѣренія красокъ, таблички для носовъ,—пусть этимъ утѣшается Марко!.. Посмотрѣлъ бы я, какъ самъ Леонардо, со всѣми своими, правилами, создалъ бы ликъ Господенъ. О, конечно, онъ учитъ насъ, цыплятъ своихъ, летать по орлиному—отъ добраго сердца, ибо жалѣетъ насъ, такъ же, какъ слѣпыхъ щенятъ дворовой суки и

*

хромую клячу, и преступника, котораго провожаетъ на смертную казнь, чтобы наблюдать за содроганіями мускуловъ въ лицѣ его, и стрекозку осеннюю съ крылышками окоченѣлыми. Избытокъ благости своей, какъ солнце, на все изливаетъ... Только, видишь ли, другъ,—у каждаго свой вкусъ: одному пріятно быть замершею стрекозкою, или червякомъ, котораго учитель, подобно св. Франциску, съ дороги поднявъ, на зеленый листъ кладетъ, чтобы прохожіе ногой не раздавили. Ну, а другому... знаешь, Джіованни, лучше бы ужъ онъ меня по просту, не мудрствуя, раздавилъ!..

— Чезаре,—произнесъ Джіованни,—если это такъ, зачѣмъ же ты не уходишь отъ него?..

— А ты зачѣмъ не уходишь? Крылья опалилъ, какъ мотылекъ на свѣчѣ, а все вьешься,—лѣзешь въ огонь. Ну, такъ вотъ, можетъ быть, и я въ томъ же огнѣ хочу сгорѣть... А впрочемъ, кто знаетъ? Есть у меня и надежда...

— Какая надежда?

— О, самая пустая,—пожалуй, безумная. А все-таки, нѣтъ, нѣтъ, да и подумаешь: чтó если придетъ другой, на него непохожій и равный ему,—не Перуджино, не Борголноне, не Боттичелли, ни даже великій Мантенья, —я знаю цѣну учителю,—никто изъ нихъ ему не страшенъ, — но еще невѣдомый? Мнѣ бы только взглянуть на славу другого, только бы напомнить мессэру Леонардо, что и такія насѣкомыя, изъ милости не раздавленныя, какъ я, могутъ его предпочесть другому и уязвить,—ибо, несмотря на овечью шкуру, несмотря на жалость и всепрощеніе, — гордыня-то въ немъ все-таки дьявольская!..

Онъ не кончилъ, оборвалъ, и Джіованни почувствовалъ, что Чезаре схватилъ его за руку дрожащею рукою.

— Я знаю,—произнесъ онъ уже другимъ, почти робкимъ и молящимъ голосомъ,—я знаю,—никогда бы тебѣ самому это въ голову не пришло. Кто сказалъ тебѣ, что я люблю его?...

— Онъ самъ,—отвѣтилъ Бельтраффіо.

— Самъ? Вотъ что!—произнесъ Чезаре, въ невыразимомъ смущеніи.—Такъ, значитъ, онъ думаетъ...

Голосъ его пресѣкся.

Они посмотрѣли другъ другу въ глаза и вдругъ оба поняли, что имъ болѣе не о чемъ говорить, что каждый слишкомъ погруженъ въ свои собственныя мысли и муки.

Молча, не простившись, разстались они на ближайшемъ перекресткѣ.

Джіованни продолжалъ свой путь невѣрнымъ шагомъ, опустивъ голову, ничего не видя, не помня, куда идетъ, глухими пустырями, между голыхъ лиственницъ, по берегу прямого, длиннаго канала, съ тихою, тяжкою, чугунно-черною водою, гдѣ ни

одна звѣзда не отражалась,—повторяя съ безумнымъ остановившимся взоромъ:

— Двойники... Двойники...

XV.

Въ началѣ марта 1499 года Леонардо неожиданно получилъ изъ герцогскаго казначейства задержанное за два года жалованье.

Въ это время ходили слухи, будто бы Моро, пораженный извѣстіемъ о заключеніи противъ него тройственнаго союза Венеціи, папы и короля, намѣревался, при первомъ появленіи французскаго войска въ Ломбардіи, бѣжать въ Германію къ императору. Желая упрочить за собою вѣрность подданныхъ во время своего отсутствія, герцогъ облегчалъ налоги и подати, расплачивался съ должниками, осыпалъ приближенныхъ подарками.

Немного времени спустя, удостоился Леонардо новаго знака герцогской милости:

„Лудовикъ Марія Сфортія, герцогъ Медіолана домина Леонардуса Квинтія флорентинца, художника знаменитѣйшаго, шестнадцатью пертикъ земли съ виноградникомъ, пріобрѣтеннымъ у монастыря св. Виктора, именуемымъ Подгороднымъ, что у Верчельскихъ Воротъ, — жалуетъ",—сказано было въ дарственной записи.

Художникъ пошелъ благодарить герцога. Свиданіе назначено было вечеромъ. Но ждать пришлось до позней ночи, такъ какъ Моро заваленъ былъ дѣлами. Весь день провелъ онъ въ скучныхъ разговорахъ съ казначеями и секретарями, въ провѣркѣ счетовъ за военные припасы, ядра, пушки, порохъ, въ распутываніи старыхъ, въ изобрѣтеніи новыхъ узловъ той безконечной сѣти обмановъ и предательствъ, которая нравилась ему, когда онъ былъ въ ней хозяиномъ, какъ паукъ въ паутинѣ, и въ которой теперь онъ чувствовалъ себя, какъ пойманная муха.

Окончивъ дѣла, герцогъ пошелъ въ галлерею Браманте, надъ однимъ изъ рвовъ Миланскаго Замка.

Ночь была тихая. Порою лишь слышались звуки трубы, протяжный окликъ часовыхъ, желѣзный скрежетъ ржавой цѣпи подъемнаго моста.

Пажъ Ричьярдетто принесъ два факела, вставилъ ихъ въ чугунные подсвѣчники, вбитые въ стѣну, и подалъ герцогу золотое блюдце съ мелко-нарѣзаннымъ хлѣбомъ. Изъ-за угла, во рву, по черному зеркалу водъ, привлекаемые свѣтомъ факеловъ, выплыли бѣлые лебеди. Облокотившись на перила, онъ бросалъ кусочки хлѣба въ воду и любовался, какъ они ловили ихъ, беззвучно разсѣкая грудью водное стекло.

Маркиза Изабелла д'Эсте, сестра покойной Беатриче, прислала ему въ подарокъ этихъ лебедей изъ Мантуи, съ тихихъ плоскобережныхъ заводей Минчіо, обильныхъ камышами и плакучими ивами,—давнишняго пріюта лебединыхъ стай.

Онъ всегда любилъ ихъ. Но въ послѣднее время еще больше пристрастился къ нимъ и каждый вечеръ кормилъ ихъ изъ собственныхъ рукъ, что было для него единственнымъ отдыхомъ отъ мучительныхъ думъ о дѣлахъ, о войнѣ, о политикѣ, о своихъ и чужихъ предательствахъ. Лебеди напоминали ему дѣтство, когда онъ также кормилъ ихъ бывало на сонныхъ, поросшихъ зеленою ряскою, прудахъ Виджевано.

Но здѣсь, во рву Миланскаго Замка, межъ грозными бойницами, башнями, пороховыми складами, пирамидами ядеръ и жерлами пушекъ,—тихіе, чистые, бѣлые, въ голубовато-серебряномъ лунномъ туманѣ, казались они еще прекраснѣе. Гладь воды, отразившая небо подъ ними, была почти невидимой, и, качаясь, скользили они, какъ видѣнія, со всѣхъ сторонъ окруженные звѣздами, полные тайны, между двумя небесами,—небомъ вверху и небомъ внизу,—одинаково чуждые и близкіе обоимъ.

За спиною герцога маленькая дверца скрипнула, и высунулась голова камерьере Пустерла. Почтительно согнувшись, подошелъ онъ къ Моро и подалъ ему бумагу.

— Что это?—спросилъ герцогъ.

— Отъ главнаго казначея, мессэра Ворноціо Ботто, — счетъ за военные припасы, порохъ и ядра. Очень извиняются, что принуждены безпокоить... Но обозъ въ Мортару выѣзжаетъ на разсвѣтѣ...

Моро схватилъ бумагу, скомкалъ и швырнулъ ее прочь:

— Сколько разъ говорилъ я тебѣ, чтобы ни съ какими дѣлами не лѣзть ко мнѣ послѣ ужина! О, Господи, кажется, скоро и ночью въ постелѣ не дадутъ покоя!..

Камерьере, не разгибая спины, пятясь къ двери задомъ, произнесъ шепотомъ такъ, чтобы герцогъ могъ не разслышать, если не захочетъ:

— Мессэръ Леонардо.

— Ахъ, да, Леонардо. Зачѣмъ ты давно не напомнилъ? Проси.

И снова обернувшись къ лебедямъ, онъ подумалъ:

— Леонардо не помѣшаетъ.

На желтомъ, обрюзгшемъ лицѣ его, съ тонкими, хитрыми и хищными губами, выступила добрая улыбка.

Когда въ галлерею вошелъ художникъ, Моро, продолжая кидать кусочки хлѣба, перевелъ на него ту самую улыбку, съ которою смотрѣлъ на лебедей.

Леонардо хотѣлъ преклонить колѣно но герцогъ удержалъ его и поцѣловалъ въ голову.

— Здравствуй. Давно мы съ тобой не видались. Какъ поживаешь, другъ?

— Я долженъ благодарить вашу свѣтлость...

— Э, полно! Такихъ ли даровъ ты достоенъ? Вотъ ужо, дай срокъ—я сумѣю наградить тебя по заслугамъ.

Вступивъ въ бесѣду съ художникомъ, онъ разспрашивалъ его о послѣднихъ работахъ, изобрѣтеніяхъ и замыслахъ, нарочно такихъ, которые казались герцогу самыми невозможными, сказочными,—о подводномъ колоколѣ, лыжахъ для хожденія по морю, какъ пó суху, о человѣческихъ крыльяхъ. Когда же Леонардо наводилъ рѣчь на дѣла,—укрѣпленія Замка, каналъ Мартезану, отливку памятника, — онъ тотчасъ уклонялся отъ разговора съ брезгливымъ скучающимъ видомъ.

Вдругъ, о чемъ-то задумавшись, какъ это послѣднее время съ нимъ часто бывало,—умолкъ и понурилъ голову, съ такимъ отчужденнымъ, сосредоточеннымъ выраженіемъ, точно забылъ о собесѣдникѣ.

Леонардо сталъ прощаться.

— Ну, съ Богомъ, съ Богомъ! — кивнулъ ему головою герцогъ разсѣянно; но когда художникъ былъ уже въ дверяхъ,— окликнулъ его, подошелъ къ нему, положилъ ему обѣ руки на плечи и заглянулъ въ глаза печальнымъ долгимъ взоромъ.

— Прощай,—молвилъ онъ, и голосъ его дрогнулъ,—прощай, мой Леонардо! Кто знаетъ,—свидимся-ли мы еще наединѣ?

— Ваше высочество покидаетъ насъ?

Моро тяжело вздохнулъ и ничего не отвѣтилъ.

— Такъ-то, другъ,—продолжалъ онъ, помолчавъ.—Вотъ вѣдь шестнадцать лѣтъ прожили вмѣстѣ, и ничего я отъ тебя, кромѣ хорошаго, ну, да и ты отъ меня, кажется, дурного не видалъ. Пусть люди говорятъ, чтó угодно,—а въ будущихъ вѣкахъ, кто назоветъ Леонардо, тотъ и герцога Моро помянетъ добромъ!

Художникъ, не любившій чувствительныхъ изліяній, проговорилъ единственныя слова, которыя хранилъ въ своей памяти для тѣхъ случаевъ, когда требовалось отъ него придворное краснорѣчіе:

— Синьоръ, я бы хотѣлъ имѣть больше, чѣмъ одну жизнь, чтобы отдать ихъ всѣ на служеніе вашей свѣтлости.

— Вѣрю,—произнесъ Моро.—Когда-нибудь и ты вспомнишь обо мнѣ и пожалѣешь...

Онъ не кончилъ, всхлипнулъ, крѣпко обнялъ и поцѣловалъ его въ уста.

— Ну, дай тебѣ Богъ, дай тебѣ Богъ...

Когда Леонардо удалился, Моро долго еще сидѣлъ въ галлереѣ Браманте, любуясь лебедями, и въ душѣ его было чувство, котораго не съумѣлъ бы онъ выразить словами. Ему казалось, что, въ темной, можетъ быть, преступной жизни его, Леонардо былъ подобенъ этимъ бѣлымъ лебедямъ, въ черной водѣ, во рву Миланской Крѣпости, межъ грозными бойницами, башнями, пороховыми складами, пирамидами ядеръ и жерлами пушекъ,—такой же безполезный и прекрасный, такой же чистый и дѣвственный.

Въ безмолвіи ночи слышалось только паденіе медленныхъ капель смолы съ догорающихъ факеловъ. Въ ихъ розовомъ свѣтѣ, сливавшемся со свѣтомъ голубой луны, плавно качаясь, дремали, полные тайны, окруженные звѣздами, какъ видѣнія, между двумя небесами,—небомъ вверху и небомъ внизу,—одинаково чуждые и близкіе обоимъ,—лебеди со своими двойниками въ темномъ зеркалѣ водъ.

XVI.

Отъ герцога, несмотря на поздній часъ ночи, Леонардо пошелъ въ монастырь Санъ-Франческо, гдѣ находился больной ученикъ его Джіованни Бельтраффіо. Четыре мѣсяца назадъ, вскорѣ послѣ разговора съ Чезаре о двухъ изображеніяхъ лика Господня, заболѣлъ онъ горячкою.

То было въ двадцатыхъ числахъ декабря 1498 года. Однажды навѣстивъ учителя своего фра Бенедетто, Джіованни засталъ у него гостя изъ Флоренціи, доминиканскаго монаха фра Паголо. По просьбѣ Бенедетто и Джіованни, онъ разсказалъ имъ о смерти Савонаролы.

Казнь была назначена 23 мая 1498 года, въ девять часовъ утра, на площади Синьоріи, передъ Палаццо Веккіо, тамъ же, гдѣ происходили „сожженіе суетъ“ и „огненный поединокъ“.

Въ концѣ длинныхъ мостковъ былъ разложенъ костеръ, и надъ нимъ стояла висѣлица,—толстое бревно, вбитое въ землю, съ поперечною перекладиною, съ тремя петлями и желѣзными цѣпями. Вопреки усиліямъ плотниковъ, долго возившихся съ поперечной перекладиною, то укорачивавшихъ, то удлиннявшихъ ее, висѣлица имѣла видъ Креста.

Такая же несмѣтная толпа, какъ въ день поединка, кишѣла на площади, въ окнахъ, лоджіяхъ и на крышахъ домовъ.

Изъ дверей Палаццо вышли осужденные,—Джироламо Савонарола, Доминико Буонвичини и Сильвестро Маруффи.

Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ поársкамъ, остановились они передъ трибуною епископа Вазонскаго, посланника папы Александра VI. Епископъ всталъ, взялъ брата Джироламо за руку и

проговорилъ слова отлученія нетвердымъ голосомъ, не подымая глазъ на Савонаролу, который смотрѣлъ ему прямо въ лицо. Послѣднія слова онъ произнесъ невѣрно:

— Separo te ab Ecclesia militante atque triumphante. Отлучаю тебя отъ церкви воинствующей и торжествующей.

— Militante, non triumphante,—hoc enim tum non est. Отъ воинствующей, — не торжествующей, сіе не во власти твоей,— поправилъ его Савонарола.

Съ отлученныхъ сорвали одежды, оставивъ ихъ полунагими, въ исподнихъ рубахахъ,—и они продолжали путь, еще дважды останавливаясь передъ трибуною апостолическихъ комиссаровъ, которые прочли рѣшеніе церковнаго суда, и передъ трибуною Восьми Мужей флорентинской республики, объявившихъ смертный приговоръ отъ лица народа.

Во время этого послѣдняго пути, фра Сильвестро едва не упалъ, оступившись. Доминико и Савонарола тоже споткнулись. Впослѣдствіи оказалось, что уличные шалуны, солдаты бывшаго Священнаго Воинства маленькихъ инквизиторовъ, забравшись подъ мостки, просунули колья между досками, чтобы ранить шедшихъ на смертную казнь.

Фра Сильвестро Маруффи, юродивый, первый долженъ былъ взойти на висѣлицу. Сохраняя безсмысленный видъ, какъ будто не сознавая, что съ нимъ происходитъ, взобрался онъ по ступенямъ. Но когда палачъ накинулъ ему петлю на шею, уцѣпился за лѣстницу, поднялъ глаза къ небу и воскликнулъ:

— Въ руки Твои, Господи, предаю духъ мой!

Потомъ самъ, безъ помощи палача, разумнымъ, безстрашнымъ движеніемъ соскочилъ съ лѣстницы.

Фра Доминико, ожидая очереди, переминался съ ноги на ногу, въ радостномъ нетерпѣніи, и, когда ему подали знакъ, устремился къ висѣлицѣ, съ такою улыбкою, какъ будто шелъ прямо въ рай.

Трупъ Сильвестро висѣлъ на одномъ концѣ перекладины, на другомъ—Доминико. Среднее мѣсто ожидало Савонаролу.

Взойдя по лѣстницѣ, остановился онъ, опустилъ глаза и взглянулъ на толпу.

Наступила тишина, точно такая же, какъ бывало въ соборѣ Маріи-дэль-Фіоре передъ проповѣдью. Но, когда продѣлъ онъ голову въ петлю, кто-то крикнулъ:

— Сдѣлай чудо! Сдѣлай чудо, пророкъ!

Никто не понялъ, была-ли это насмѣшка, или крикъ безумной вѣры.

Палачъ столкнулъ его съ лѣстницы.

Старичокъ ремесленникъ, съ кроткимъ, набожнымъ лицомъ, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ сторожившій у костра,—только

что братъ Джироламо повисъ, поспѣшно перекрестился и сунулъ горящій факелъ въ дрова, съ тѣми самыми словами, съ которыми нѣкогда Савонарола зажегъ костеръ „суетъ и анаѳемъ“:

— Во имя Отца, и Сына, и Духа Святаго!

Пламя вспыхнуло. Но вѣтеръ отклонилъ его въ сторону. Толпа всколыхнулась. Давя другъ друга, люди побѣжали, объятые ужасомъ. Послышались крики:

— Чудо! Чудо! Чудо! Не горятъ!

Вѣтеръ стихъ. Пламя вновь поднялось и охватило трупы. Веревка, которою связаны были руки брата Джироламо, истлѣла,— онѣ развязались, упали, какъ будто зашевелились въ огнѣ, и многимъ почудилось, что онъ въ послѣдній разъ благословилъ народъ.

Когда костеръ потухъ, и остались только обугленныя кости да клочья мяса на желѣзныхъ цѣпяхъ, ученики Савонаролы протѣснились къ висѣлицѣ, желая собрать останки мучениковъ. Стражи отогнали ихъ, свалили пепелъ на телѣгу и отвезли на Понте-Веккіо, чтобы бросить въ рѣку. Но по дорогѣ „плаксы“ успѣли похитить щепотки пепла и частицы будто бы не сгорѣвшаго сердца Савонаролы.

Окончивъ разсказъ, Фра Паголо показалъ своимъ слушателямъ ладонку съ пепломъ. Фра Бенедетто долго цѣловалъ ее и обливалъ слезами.

Оба монаха пошли ко всенощной. Джіованни остался одинъ.

Вернувшись, они нашли его лежащимъ въ безпамятствѣ на полу передъ Распятіемъ. Въ окоченѣлыхъ пальцахъ сжималъ онъ ладонку.

Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, Джіованни былъ между жизнью и смертью. Фра Бенедетто ни на минуту не отходилъ отъ него.

Часто, въ безмолвіи ночей, сидя у изголовья больного и прислушиваясь къ бреду его—онъ ужасался.

Джіованни бредилъ Савонаролою, Леонардо да Винчи и Божьей Матерью, Которая, чертя пальцемъ на пескѣ пустыни геометрическія фигуры, учитъ Младенца Христа законамъ вѣчной необходимости.

„О чемъ Ты молишься?—повторялъ больной съ невыразимою тоскою.—Или не знаешь, что нѣтъ чуда, что не можетъ чаша сія пройти мимо Тебя такъ же, какъ не можетъ не быть прямая кратчайшимъ разстояніемъ между двумя точками?“

Его мучило также другое видѣніе,—два лика Господня, противоположные и подобные, какъ двойники: одинъ, полный человѣческимъ страданіемъ и немощью,—ликъ Того, Кто на верженіи камня молился о чудѣ, другой—ликъ страшнаго, чуждаго, всемогущаго и всезнающаго, Слова, ставшаго плотью,—Перваго Двигателя. Они обращены были другъ къ другу, какъ въ поединкѣ

два вѣчныхъ противника. И между тѣмъ, какъ Джіованни вглядывался въ нихъ,—ликъ смиреннаго, скорбнаго темнѣлъ, искажался, превращаясь въ демона, котораго нѣкогда Леонардо изобразилъ въ каррикатурѣ на Савонаролу, и, обличая Двойника своего, называлъ его Антихристомъ . . . .
. . . .

Фра Бенедетто спасъ жизнь Бельтраффіо. Въ началѣ іюня 1490 года, когда онъ поправился настолько, что могъ ходить,—несмотря на всѣ мольбы и увѣщанія монаха, вернулся Джіованни въ мастерскую Леонардо.

Въ концѣ іюля того же года войско французскаго короля Людовика XII, подъ начальствомъ синьоровъ Обиньи, Луи Люксамбура и Джьянъ-Джьякопо Тривульція, переваливъ черезъ Альпы, вступило въ Ломбардію.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Тихія Волны.

1499—1500.

Волны звуковъ и свѣта управляются тѣмъ же закономъ механики, какъ волны воды: уголъ паденія равенъ углу отраженія.

Изъ Механики *Леонардо да Винчи.*

Il duca perso lo stato e la roba e libertà, e nessuna sua opera si fini per lui.

Герцогъ потерялъ государство, имущество, свободу, и всѣ дѣла его кончились ничѣмъ.

Леонардо да Винчи.

I.

Обитая желѣзомъ маленькая дверь въ сѣверо-западной башнѣ Рокетты, въ толстой кирпичной стѣнѣ съ неоконченными фресками Леонардо да Винчи, изображавшими бога Меркурія, вела по каменнымъ ступенямъ въ сводчатый узкій и длинный подвалъ, уставленный дубовыми сундуками,—казнохранилище герцога Моро. Ночью, перваго сентября 1499 года, придворный казначей Амброджіо да Феррари и управитель герцогскихъ доходовъ Боргонціо Ботто съ помощниками вынимали изъ этого подвала деньги, жемчугъ, который, какъ зерно, черпали ковшами, и другія драгоцѣнности, складывали въ кожанные мѣшки и запечатывали; слуги выносили ихъ въ садъ и навьючивали на муловъ. Двѣсти сорокъ мѣшковъ были наполнены; тридцать муловъ навьючены,—а заплывшіе огарки все еще озаряли въ глубинѣ сундуковъ груды червонцевъ.

Моро сидѣлъ у входа въ казнохранилище за письменнымъ поставцемъ, заваленнымъ счетными книгами, и, не обращая вниманія на работу казначеевъ, безсмысленнымъ взоромъ смотрѣлъ на пламя свѣчи.

Съ того дня, какъ получилъ онъ вѣсть о бѣгствѣ главнаго полководца своего, синьора Галеаццо Сансеверино, и о приближеніи французовъ къ Милану, погрузился онъ въ это странное оцѣпенѣніе, подобное столбняку.

Когда всѣ драгоцѣнности были вынесены изъ подваловъ, казначей спросилъ его, желаетъ ли онъ взять съ собою или оставить золотую и серебряную посуду. Моро посмотрѣлъ на него, нахмурившись, какъ бы напрягая мысль, чтобы понять, о чемъ онъ говоритъ; но тотчасъ отвернулся, махнулъ рукою и снова устремилъ неподвижный взоръ на пламя свѣчи. Когда мессэръ Амброджіо повторилъ вопросъ, герцогъ уже не разслышалъ его вовсе. Казначеи ушли, такъ и не добившись отвѣта. Моро остался одинъ.

Старый камерьере Маріоло Пустерло доложилъ о приходѣ новаго начальника крѣпости, Бернардино да Корте. Моро провелъ рукою по лицу, всталъ и проговорилъ:

— Да, да, конечно, прими.

Питая недовѣріе къ потомкамъ знатныхъ родовъ, любилъ онъ создавать людей изъ ничего, первыхъ дѣлать послѣдними, послѣднихъ—первыми. Среди вельможъ его были дѣти истопниковъ, огородниковъ, поваровъ, погонщиковъ муловъ. Бернардино, сынъ придворнаго лакея, впослѣдствіи кухоннаго счетовода, въ молодости самъ носилъ лакейскую ливрею. Моро возвысилъ его до первыхъ должностей государственныхъ и теперь оказывалъ ему величайшее довѣріе, поручая защиту Миланскаго Замка, послѣдней твердыни своего могущества въ Ломбардіи.

Герцогъ милостиво принялъ новаго префекта, усадилъ, развернулъ передъ нимъ планы Замка и началъ объяснять военные знаки для переговоровъ крѣпостного отряда съ жителями города: необходимость скорой помощи обозначали днемъ кривой садовый ножъ, ночью—три зажженыхъ факела, показанные съ главной башни Замка; измѣну солдатъ—бѣлая простыня, вывѣшенная на башнѣ Боны Савойской; недостатокъ пороха—стулъ, спущенный на веревкѣ изъ бойницы; недостатокъ вина—женская юбка; хлѣба—мужскіе штаны изъ черной фустаньи; врача—глиняный ночной горшокъ.

Моро самъ изобрѣлъ эти знаки и простодушно утѣшался ими, какъ будто въ нихъ заключалась теперь вся надежда его на спасеніе.

— Помни, Бернардино, — заключилъ онъ объясненіе, — все предусмотрѣно, всего у тебя вдоволь,—денегъ, пороха, съѣстныхъ

припасовъ, огнестрѣльныхъ орудій,—тремъ тысячамъ наемниковъ заплачено впередъ, въ рукахъ твоихъ крѣпость, которая могла бы выдержать осаду въ теченіе трехъ лѣтъ, но я прошу только о трехъ мѣсяцахъ, и, если не вернусь къ тебѣ на выручку,—дѣлай, что знаешь. Ну, теперь, кажется, все. Прощай. Господь да сохранитъ тебя, сынъ мой!

Онъ обнялъ его на прощаніе.

Когда префектъ ушелъ, Моро велѣлъ пажу постлать походную постель, помолился, легъ, но не могъ уснуть. Онъ опять зажегъ свѣчу, вынулъ изъ дорожной сумки пачку бумагъ и отыскалъ стихотвореніе соперника Беллинчіони, нѣкоего Антоніо Камелли да Пистойя, измѣнившаго герцогу, своему благодѣтелю, и бѣжавшаго къ французамъ. Въ стихотвореніи изображалась война Моро съ Франціей подъ видомъ борьбы крылатой Змѣи Сфорца съ древнимъ Гальскимъ Пѣтухомъ:

Борьбу я вижу Пѣтуха и Змѣя:
Вцѣпилися другъ въ друга, вьются клубомъ;
Ужъ выщербилъ Пѣтухъ Дракону глазъ,
Змѣй хочетъ взвиться и не можетъ.
Когтями ротъ ему зажалъ Пѣтухъ,
И корчится Змѣя отъ боли.
Издохнетъ Гадъ, и воцарится Галлъ;
И тѣмъ, кто мнилъ себя превыше неба,
Побрезгаютъ не только люди,—звѣри
И падалью питающійся воронъ.—

Всегда онъ трусомъ былъ, но лишь въ раздорахъ нашихъ
Казалось мужественнымъ сердце труса.—
За то, что ты враговъ въ отечество призвалъ,
Похитилъ власть, племянника ограбивъ,
О, Моро, Богъ тебя бѣдою поразилъ,
Для коей нѣтъ врача иного, кромѣ смерти;
И если своего ты счастья не забылъ,
Теперь ты знаешь, Лодовико,
Какъ тѣхъ страданіе велико,
Кто говоритъ: я счастливъ былъ!

Грустное и въ то же время почти сладостное чувство незаслуженной обиды было въ сердцѣ Моро. Онъ вспомнилъ недавніе раболѣпные гимны того же самаго Антоніо Камелли да Пистойя:

Кто видитъ славу Моро, каменѣетъ
Въ священномъ ужасѣ, какъ отъ лица Медузы.—
Владыка мира и войны,
Одной ногой ты попираешь небо,
Другою—землю...
Тебѣ, о герцогъ нашъ, поднять довольно палецъ,
Чтобъ повернуть весь міръ;
Ты первый, послѣ Бога, правишь
Рулемъ вселенной, колесомъ Фортуны.

Было за полночь. Пламя догорѣвшей свѣчи трепетало, потухая, когда герцогъ все еще ходилъ взадъ и впередъ по сумрачной Башнѣ Сокровищницы. Онъ думалъ о своихъ страданіяхъ, о несправедливости слѣпого рока, о неблагодарности людей.

„Что я имъ сдѣлалъ? За что они возненавидѣли меня? Злодѣй, убійца, — говорятъ они, — но вѣдь тогда и Ромулъ, умертвившій брата, и Цезарь, и Александръ, всѣ герои древности — только убійцы и злодѣи! Я хотѣлъ имъ дать новый вѣкъ золотой, какого народы не видѣли со времени Августа, Траяна и Антонина. Еще бы немного, — и подъ моею державою въ объединенной Италіи расцвѣли бы древніе лавры Аполлона, оливы Паллады, наступило бы царство вѣчнаго мира, царство божественныхъ музъ. Первый изъ государей, я искалъ величья не въ кровавыхъ подвигахъ, а въ плодахъ золотого мира, — въ просвѣщеніи. Браманте, Пачіоли, Карадоссо, Леонардо и сколько другихъ! Въ отдаленнѣйшемъ потомствѣ, когда суетный шумъ оружія умолкнетъ, имена ихъ будутъ звучать вмѣстѣ съ именемъ Сфорца. И то ли бы еще я сдѣлалъ, на такую ли высогу вознесъ бы, новый Периклъ, мои новыя Аѳины, если бы не это дикое полчище сѣверныхъ варваровъ... За что, за что же, Господи?“

Опустивъ голову на грудь, онъ повторилъ стихи поэта:

Теперь ты знаешь, Лодовико,
Какъ тѣхъ страданіе велико,
Кто говоритъ: я счастливъ былъ.

Пламя въ послѣдній разъ вспыхнуло, озарило своды башни, бога Меркурія надъ дверью казнохранилища — и потухло. Герцогъ вздрогнулъ, ибо угасаніе догорѣвшей свѣчи было дурною примѣтою. Въ темнотѣ, ощупью, чтобы не будить Ричьярдетто, подошелъ онъ къ постели, раздѣлся, легъ и на этотъ разъ тотчасъ уснулъ.

Ему приснилось, будто бы стоитъ онъ на колѣняхъ передъ мадонною Беатриче, которая, только что узнавъ о любовномъ свиданіи мужа съ Лукреціей, ругаетъ и бьетъ его по щекамъ. Ему больно, но не обидно; онъ радъ, что она опять жива и здорова. Покорно подставляя лицо свое подъ удары, ловитъ онъ ея маленькія смуглыя ручки, чтобы припасть къ нимъ губами, и плачетъ отъ любви, отъ жалости къ ней. Но вдругъ передъ нимъ — уже не Беатриче, а богъ Меркурій, тотъ самый, что изображенъ на фрескѣ Леонардо надъ желѣзною дверью, подобный грозному ангелу. Богъ схватилъ его за волосы и кричитъ: „Глупый! глупый! на что ты надѣешься? Думаешь, помогутъ тебѣ твои хитрости, спасутъ отъ кары Господней, убійца!“

Когда Моро проснулся, свѣтъ утра брезжилъ въ окнахъ. Рыцари, вельможи, ратные люди, нѣмецкіе наемники, кото-

рые должны были сопровождать его въ Германію—всего около трехъ тысячъ всадниковъ—ожидали выхода герцога на главной аллеѣ парка и на большой дорогѣ къ сѣверу,—къ Альпамъ.

Моро сѣлъ на коня и поѣхалъ въ монастырь дэлле-Граціе послѣдній разъ помолиться надъ гробомъ жены.

Съ первыми лучами солнца печальный поѣздъ тронулся въ путь черезъ Комо, Белладжіо, Борміо, Лорцо, Больцано, Бриксенъ—въ Тироль, къ Инспруку.

II.

Вслѣдствіе осенней непогоды, испортившей дороги, путешествіе затянулось болѣе чѣмъ на двѣ недѣли.

Восемнадцатаго сентября, поздно вечеромъ, на одномъ изъ послѣднихъ переходовъ герцогъ, больной и усталый, рѣшилъ переночевать на высотѣ въ пещерѣ, служившей пріютомъ пастуховъ. Не трудно было найти болѣе спокойное и удобное убѣжище, но онъ выбралъ нарочно это дикое мѣсто для свиданія съ отправленнымъ къ нему посломъ императора Максимиліана.

Костеръ озарялъ сталактиты въ нависшихъ сводахъ пещеры. На походномъ вертелѣ жарились фазаны для ужина. Герцогъ сидѣлъ на походномъ ременчатомъ стулѣ, закутанный, съ грѣлкой въ ногахъ. Рядомъ, ясная и тихая, какъ всегда, съ домашнимъ хозяйственнымъ видомъ, мадонна Лукреція приготовляла полосканіе отъ зубной боли, собственнаго изобрѣтенія, изъ вина, перца, гвоздики и другихъ крѣпкихъ пряностей. У герцога болѣли зубы.

— Такъ-то, мессэръ Одоардо,—говорилъ онъ послу императора, не безъ тайнаго самодовольства утѣшаясь величіемъ собственныхъ бѣдствій,—вы можете передать государю, гдѣ и какъ встрѣтили вы законнаго герцога Ломбардіи.

Онъ былъ въ одномъ изъ тѣхъ припадковъ внезапной болтливости, которые теперь иногда овладѣвали имъ послѣ долгаго молчанія и оцѣпенѣнія.

— Лисицы имѣютъ норы, вороны—гнѣзда, я же не имѣю мѣста на землѣ, гдѣ бы преклонить голову!

— Коріо,—обратился онъ къ придворному лѣтописцу,—когда будешь составлять хронику, упомяни и объ этомъ ночлегѣ въ пастушьемъ вертепѣ, — послѣднемъ убѣжищѣ потомка великихъ Сфорца, троянскаго героя Англа, Энеева спутника.

— Синьоръ, ваши несчастія достойны пера новаго Тацита,—замѣтилъ Одоардо.

Лукреція подала герцогу зубное полосканіе. Онъ взглянулъ на нее и залюбовался. Блѣдная, свѣжая, въ розовомъ отблескѣ пламени, съ черными гладкими начесами волосъ на ушахъ, съ

бриллiантомъ на тонкой нити ферроньеры по серединѣ лба, смотрѣла она на него съ улыбкой материнской нѣжности, немного исподлобья, своими внимательными, строгими и важными, какъ у дѣтей, невинными глазами.

„О милая! Вотъ кто не предастъ, не измѣнитъ, — подумалъ герцогъ и, окончивъ полосканіе, молвилъ:

— Коріо, запиши,—въ горнилѣ великихъ страданій познается истинная дружба, какъ золото въ огнѣ.

Карликъ-шутъ Янакки подошелъ къ Моро:

— Куманекъ, а, куманекъ,—заговорилъ онъ, усаживаясь въ ногахъ его и дружески хлопая герцога по колѣну,—чего ты носъ повѣсилъ, какъ мышь на крупу надулся? Брось, право, брось. Отъ всякаго горя, кромѣ смерти, есть лѣкарство. И то сказать: лучше быть живымъ осломъ, чѣмъ мертвымъ государемъ.— Кихики кихика!—закричалъ онъ вдругъ пѣтухомъ, указывая на кучу сбруи, лежавшей на полу.—Сѣдла, куманекъ, посмотри-ка, ослиныя сѣдла!

— Чему же ты обрадовался?—спросилъ герцогъ.

— Старая басенка, Моро! Не мѣшало бы и тебѣ напомнить. Хочешь разскажу?

— Разскажи, пожалуй.

Карликъ привскочилъ, такъ что всѣ бубенчики на немъ зазвенѣли и помахалъ шутовскою палкою, на концѣ которой висѣлъ пузырь, наполненный сухимъ горохомъ.

— Жилъ да былъ,—началъ онъ,—у короля неаполитанскаго Альфонсо живописецъ Джіотто. Однажды приказалъ ему государь изобразить свое королевство на стѣнѣ дворца. Джіотто написалъ осла, который, имѣя на спинѣ сѣдло съ государственнымъ гербомъ, золотой короною и скиптромъ, обнюхиваетъ другое, новое сѣдло, лежащее у ногъ его, съ такимъ же точно гербомъ. —Что это значитъ?—спросилъ Альфонсо.—Вашъ народъ, государь,— отвѣтилъ художникъ,—который, что ни день, то желаетъ себѣ новаго правителя.—Вотъ тебѣ и вся моя сказочка, куманекъ. Хоть я и дуракъ, а слово мое вѣрно: французское сѣдло, что нынче миланцы обнюхиваютъ, скоро имъ спину натретъ,—дай только ослику вволю натѣшиться—и старое опять покажется новымъ, новое—старымъ.

— Stulti aliquando sapientes. Глупые иногда мудры,—съ грустной усмѣшкой молвилъ герцогъ.—Коріо, запиши...

Но на этотъ разъ не суждено ему было произнести достопамятнаго изрѣченія: у входа въ пещеру послышалось фырканье лошади, топотъ копытъ и заглушенные голоса. Вбѣжалъ камерьере Маріоло Пустерло съ испуганнымъ лицомъ и что-то прошепталъ на ухо главному секретарю, Бартоломео Калько.

— Что случилось?—спросилъ Моро.

Всѣ притихли и потупили глаза.

— Ваше высочество,—молвилъ секретарь, но голосъ его дрогнулъ, и, не кончивъ, онъ отвернулся.

— Синьоре,—произнесъ Луиджи Марліани, подходя къ Моро,—Господь да сохранитъ вашу свѣтлость. Будьте готовы ко всему. Недобрыя вѣсти...

— Говорите, говорите скорѣе!—воскликнулъ Моро и вдругъ поблѣднѣлъ.

У входа въ пещеру среди солдатъ и придворныхъ увидѣлъ онъ человѣка въ кожаныхъ высокихъ сапогахъ, забрызганнаго грязью. Всѣ разступились, молча. Герцогъ оттолкнулъ отъ себя мессэра Луиджи, бросился къ вѣстнику, вырвалъ у него изъ рукъ письмо, распечаталъ, пробѣжалъ, вскрикнулъ и повалился навзничь. Пустерло и Марліани едва успѣли его поддержать.

Боргонціо Ботто извѣщалъ Моро о томъ, что семнадцатаго сентября, въ день св. Сатира, измѣнникъ Бернардино да Корте сдалъ Миланскій Замокъ маршалу французскаго короля, Джіанъ-Джіакопо Тривульціо.

Герцогъ любилъ и умѣлъ падать въ обморокъ. Онъ иногда пользовался этимъ средствомъ, какъ дипломатическою хитростью. Но на этотъ разъ обморокъ былъ непритворный.

Долго не могли привести его въ чувство. Наконецъ, онъ открылъ глаза, вдохнулъ, приподнялся, набожно перекрестился и проговорилъ:

— Отъ Іуды до нашихъ дней не было бо́льшаго предателя, чѣмъ Бернардино да Корте.

И болѣе въ этотъ день не произнесъ ни слова.

Нѣсколько дней спустя, въ городѣ Инспрукѣ, гдѣ императоръ Максимиліанъ милостиво принялъ Моро,—въ поздній часъ ночи, наединѣ съ главнымъ секретаремъ Бартоломео Калько, расхаживая по одному изъ покоевъ во дворцѣ Кесаря, герцогъ сочинялъ, а мессэръ Бартоломео записывалъ довѣрительныя грамоты двумъ посламъ, которыхъ тайно отправлялъ онъ въ Константинополь къ турецкому султану.

Лицо стараго секретаря ничего не выражало кромѣ вниманія. Перо послушно бѣгало по бумагѣ, едва поспѣвая за быстрою рѣчью герцога Моро.

— „Пребывая,—диктовалъ Моро,—постоянно твердыми и неизмѣнными въ добрыхъ намѣреніяхъ и расположеніи къ вашему величеству, а нынѣ особливо, для возвращенія нашего государства, на великодушную помощь повелителя Оттоманской Имперіи уповая, рѣшили мы послать трехъ гонцовъ тремя различными путями, дабы, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ нихъ исполнилъ наши порученія“.

Далѣе герцогъ жаловался султану на папу Александра VI.

— „Папа, будучи по природѣ своей коварнымъ и злымъ"...

Безстрастное перо секретаря остановилось. Онъ поднялъ брови, сморщилъ кожу на лбу и переспросилъ, думая, что ослышался:

— Папа?

— Ну, да, да. Пиши скорѣе.

Секретарь еще ближе наклонилъ голову къ бумагѣ, и снова перо заскрипѣло:

„Папа, будучи, какъ извѣстно вашему величеству, по природѣ своей коварнымъ и злымъ, побудилъ французскаго короля къ походу на Ломбардію".

Описывались побѣды французовъ:

— „Получивъ объ этомъ извѣстіе, мы объяты были страхомъ,— признавался Моро,—и почли за благо удалиться къ императору Максиміліану въ ожиданіи помощи вашего величества. Всѣ предали и обманули насъ, но болѣе всѣхъ Бернардино..."

При этомъ имени голосъ его задрожалъ.

— „Бернардино да Корте—змѣй, отогрѣтый у сердца нашего, рабъ, осыпанный милостями и щедротами нашими, который продалъ насъ, какъ Іуда"... Впрочемъ, нѣтъ, погоди, объ Іудѣ не надо,—спохватился Моро, вспомнивъ, что пишетъ невѣрному турку.

Изобразивъ свои бѣдствія, умолялъ онъ султана напасть на Венецію съ моря и суши, обѣщая вѣрную побѣду и уничтоженіе исконнаго врага Оттоманской Имперіи, республики Санъ-Марко.

— „И да будетъ вамъ извѣстно,—заключалъ онъ посланіе,— что въ сей войнѣ, какъ во всякомъ иномъ предпріятіи, все, что мы имѣемъ, принадлежитъ вашему величеству, которое едва ли найдетъ въ Европѣ болѣе сильнаго и вѣрнаго союзника".

Онъ подошелъ къ столу, что-то хотѣлъ прибавить, но махнулъ рукою и опустился въ кресло.

Бартоломео посыпалъ изъ песочницы послѣднюю не высохшую страницу. Вдругъ поднялъ онъ глаза и посмотрѣлъ на государя. Герцогъ, закрывъ лицо руками, плакалъ. Спина, плечи, пухлый двойной подбородокъ, синеватыя бритыя щеки, гладкая прическа „цàццера" безпомощно вздрагивали отъ рыданій.

— За что, за что? Гдѣ же правда Твоя, Господи?

Обративъ къ секретарю сморщенное лицо, напоминавшее въ это мгновеніе лицо слезливой старой женщины, онъ пролепеталъ:

— Бартоломео, я тебѣ вѣрю,—ну, скажи, по совѣсти, правъ ли я или неправъ?..

— Ваша свѣтлость разумѣетъ турецкое посольство?

Моро кивнулъ головою. Старый политикъ задумчиво поднялъ брови, выпятилъ губы и сморщилъ кожу на лбу.

— Конечно, съ одной стороны, съ волками жить, по волчьи

выть, ну, а съ другой... осмѣлюсь доложить вашему высочеству,— если бы подождать?..

— Ни за что!—воскликнулъ Моро.—Довольно я ждалъ! Я покажу имъ, что миланскаго герцога они изъ игры, какъ ненужную пѣшку, не вышвырнутъ, потому что,—видишь ли, другъ мой,—когда правый обиженъ какъ я, кто дерзнетъ судить его, ежели обратится онъ за помощью не только къ великому Турку, но къ самому дьяволу?

— Ваше высочество, — вкрадчиво молвилъ секретарь, — не должно ли, однако, опасаться, что нашествіе турокъ на Европу можетъ имѣть послѣдствія неожиданныя... напримѣръ, для церкви христіанской?..

— О, Бартоломео, неужели ты думаешь, что я этого не предвидѣлъ? Лучше согласился бы я тысячу разъ умереть, чѣмъ причинить какой-либо вредъ святой нашей матери Церкви. Сохрани меня Боже!

— Ты еще не знаешь всѣхъ моихъ замысловъ,—прибавилъ онъ съ прежнею хитрою и хищною усмѣшкою.—Погоди, ужо такую кашу заваримъ, такими сѣтями враговъ оплетемъ, что свѣту Божьяго не взвидятъ. Одно скажу тебѣ: великій Турокъ—только орудіе въ рукахъ моихъ. Придетъ пора,—и мы уничтожимъ его; нечестивую секту Магомета истребимъ, Гробъ Господенъ отъ ига невѣрныхъ освободимъ!..

Ничего не отвѣтивъ, Бартоломео уныло потупилъ глаза.

— Плохъ, — подумалъ онъ, — совсѣмъ плохъ! Замечтался. Какая ужъ тутъ политика!

Долго въ эту ночь, съ горячею вѣрою и надеждой на помощь великаго Турка, молился герцогъ передъ своей любимой иконой работы Леонардо да Винчи, гдѣ Матерь Господа изображена была подъ видомъ прекрасной наложницы Моро, графини Цециліи Бергамини.

III.

Дней за десять до сдачи Миланскаго Замка, маршалъ Тривульціо при радостныхъ кликахъ народа: Франція! Франція! и звонѣ кококоловъ въѣхалъ въ Миланъ, какъ въ завоеванный городъ.

Въѣздъ короля назначенъ былъ на шестое октября. Граждане готовили торжественную встрѣчу.

Для праздничнаго шествія торговые синдики извлекли изъ соборной ризницы двухъ ангеловъ, которые пятьдесятъ лѣтъ назадъ еще во времена Амброзіанской Республики изображали геніевъ народной свободы. Ветхія пружины, приводившія въ движеніе позолоченныя крылья, ослабѣли. Синдики отдали ихъ починить бывшему герцогскому механику Леонардо да Винчи.

*

Въ это время Леонардо занятъ былъ изобрѣтеніемъ новой летательной машины. Однажды, раннимъ, еще темнымъ утромъ, сидѣлъ онъ за чертежами и математическими выкладками. Легкій камышевый остовъ крыльевъ, обтянутый тафтою, подобною перепонкѣ, напоминалъ не летучую мышь, какъ прежняя машина, а исполинскую ласточку. Одно изъ крыльевъ было готово и, тонкое, острое, необычайно-прекрасное, вздымалось отъ полу до потолка, а внизу, въ тѣни его, Астро копошился, поправляя сломанныя пружины у двухъ деревянныхъ ангеловъ Миланской Коммуны.

На этотъ разъ Леонардо рѣшилъ какъ можно ближе слѣдовать строенію тѣлъ пернатыхъ, въ которомъ сама природа даетъ человѣку образецъ летательной машины. Онъ все еще надѣялся разложить чудо полета на законы механики. Повидимому, все, что можно было знать,—онъ зналъ и, однако, чувствовалъ, что есть въ полетѣ тайна, ни на какіе законы механики неразложимая. Опять, какъ въ прежнихъ попыткахъ, подходилъ онъ къ тому, что отдѣляетъ созданіе природы отъ дѣла рукъ человѣческихъ, строеніе живаго тѣла отъ мертвой машины, и ему казалось, что онъ стремится къ невозможному, неразумному.

— Ну, слава Богу, кончено!—воскликнулъ Астро, заводя пружины.

Ангелы замахали тяжелыми крыльями. Въ комнатѣ пронеслось дуновеніе,—и тонкое, легкое крыло исполинской ласточки зашевелилось, зашелестѣло, какъ живое. Кузнецъ взглянулъ на него съ невыразимою нѣжностью.

— Времени-то сколько даромъ на этихъ болвановъ ушло!—проворчалъ онъ, указывая на ангеловъ.—Ну, да ужъ теперь, воля ваша, мастеръ, а я не выйду отсюда, пока не кончу крыльевъ.—Пожалуйте чертежъ хвоста.

— Не готовъ еще, Астро. Погоди, надо обдумать.

— Какъ же, мессэре? Вы третьяго дня обѣщали...

— Что дѣлать, другъ. Ты знаешь, хвостъ нашей птицы—вмѣсто руля. Тутъ, ежели самая малая ошибка,—все пропало.

— Ну, ну, хорошо,—вамъ лучше знать. Я подожду, а пока второе крыло...

— Астро,—молвилъ учитель,—ты бы подождалъ. А то я боюсь, какъ бы чего-нибудь опять измѣнить не пришлось...

Кузнецъ не отвѣтилъ. Бережно поднялъ онъ и сталъ поворачивать камышевый остовъ, затянутый переплетомъ бичевокъ изъ воловьихъ жилъ. Потомъ, вдругъ обернувшись къ Леонардо, произнесъ глухимъ, дрогнувшимъ голосомъ:

— Мастеръ, а, мастеръ, вы на меня не сердитесь, но ежели опять вы съ вашими вычисленіями до того дойдете, что и на этой машинѣ нельзя будетъ летѣть,—я все-таки полечу, на зло ва-

шей механикѣ полечу,—да, да, не могу я дольше терпѣть, силъ моихъ нѣтъ,—потому что я знаю, если и на этотъ разъ...

Онъ не кончилъ и отвернулся. Леонардо внимательно посмотрѣлъ на его широкоскулое, тупое и упрямое лицо, въ которомъ была неподвижность единой, безумной и всепоглощающей мысли.

— Мессэре,—заключилъ Астро,—скажите лучше прямо, полетимъ мы или не полетимъ?

Такой страхъ и такая надежда были въ словахъ его, что Леонардо не имѣлъ духу сказать ему правду.

— Конечно,—отвѣтилъ онъ, потупившись,—знать нельзя, пока не сдѣлаемъ опыта, но думаю, Астро, что полетимъ...

— Ну, и довольно, довольно!—съ восторгомъ замахалъ руками кузнецъ.—Слышать больше ничего не хочу! Если ужъ и вы говорите, что полетимъ,—значитъ, полетимъ!

Онъ, видимо, хотѣлъ удержаться, но не могъ и разсмѣялся счастливымъ, дѣтскимъ смѣхомъ.

— Чего ты?—удивился Леонардо.

— Простите, мессэре. Я все мѣшаю вамъ. Ну, да ужъ въ послѣдній разъ. Больше не буду... Вѣрите ли, какъ вспомню о миланцахъ, о французахъ, о герцогѣ Моро, о королѣ, такъ вотъ меня разбираетъ,—и смѣшно, и жалко ихъ. Копошатся, бѣдненькіе, дерутся и вѣдь тоже поди, думаютъ,— великія дѣла творятъ,—черви ползучіе, козявки безкрылыя! И никто-то изъ нихъ не вѣдаетъ, какое чудо готовится. Вы только представьте себѣ, мастеръ, какъ выпучатъ они глаза, рты разинутъ, когда увидятъ крылатыхъ, летящихъ по воздуху. Вѣдь это уже не деревянные ангелы, что крыльями машутъ на потѣху черни! Увидятъ и не повѣрятъ. Боги, — подумаютъ. Ну, то-есть, меня-то, пожалуй, за бога не примутъ, скорѣе за чорта, а вотъ вы съ крыльями воистину будете, какъ богъ. Или, можетъ быть, скажутъ—антихристъ. И ужаснутся, падутъ и поклонятся вамъ. И сдѣлаете вы съ ними, что̀ хотите. Я такъ полагаю, учитель, что тогда уже не будетъ ни войнъ, ни законовъ, ни господъ, ни рабовъ,—все перемѣнится, наступитъ новое, такое, о чемъ мы теперь и подумать не смѣемъ. И соединятся народы, и, паря на крыльяхъ, подобно ангельскимъ хорамъ, воспоютъ единую осанну... О, мессэре Леонардо! Господи, Господи!—Да неужели вправду?..

Онъ говорилъ, точно въ бреду.

„Бѣдный!—подумалъ Леонардо.—Какъ вѣритъ! Чего добраго, въ самомъ дѣлѣ съ ума сойдетъ. И что мнѣ съ нимъ дѣлать? Какъ ему правду сказать“?

Въ это мгновеніе въ желѣзную скобу наружной двери дома раздался громкій стукъ, потомъ голоса, шаги и, наконецъ, такой же стукъ въ запертыя двери мастерской.

— Кого еще нелегкая несетъ? Нѣтъ на нихъ погибели!— злобно проворчалъ кузнецъ.—Кто тамъ? Мастера видѣть нельзя. Уѣхалъ изъ Милана.

— Это я, Астро! Я—Лука Пачіоли. Ради Бога отопри скорѣе!

Кузнецъ отперъ и впустилъ монаха.

— Что съ вами, фра Лука?—спросилъ художникъ, вглядываясь въ испуганное лицо Пачіоли.

— Не со мной, мессэръ Леонардо,—впрочемъ, да, и со мной, но объ этомъ послѣ, а теперь... О, мессэръ Леонардо!.. Вашъ Колоссъ... гасконскіе арбалетчики,—я только что изъ Кастелло, собственными глазами видѣлъ,—французы вашего Коня разрушаютъ... Бѣжимъ, бѣжимъ скорѣе!

— Зачѣмъ?—спокойно возразилъ Леонардо, хотя лицо его слегка поблѣднѣло.—Что мы можемъ сдѣлать?

— Какъ что? Помилуйте! Не будете же вы тутъ сидѣть, сложа руки, пока величайшее созданіе ваше погибаетъ. У меня есть лазейка къ сиру де-ла-Тремуйлю. Надо хлопотать...

— Все равно не успѣемъ,—проговорилъ художникъ.

— Успѣемъ, успѣемъ! Мы напрямикъ огородами, черезъ плетень. Только скорѣе!

Увлекаемый монахомъ, Леонардо вышелъ изъ дома, и они пустились почти бѣгомъ къ Миланскому Замку.

По дорогѣ фра Лука разсказалъ ему о своемъ себственномъ горѣ: наканунѣ ночью ландскнехты разграбили погребъ каноника Санъ-Симпличіано, гдѣ жилъ Пачіоли,—перепились, начали буйствовать и, между прочимъ, найдя въ одной изъ келій хрустальныя изображенія геометрическихъ тѣлъ, приняли ихъ за дьявольскія выдумки черной магіи, за „кристаллы гаданія“, и разбили въ дребезги.

— Ну, что имъ сдѣлали,—сѣтовалъ Пачіоли,—что имъ сдѣлали мои невинные хрусталики?

Вступивъ на площадь передъ Замкомъ, увидѣли они у главныхъ Южныхъ Воротъ, на подъемномъ мосту Баттипонте, у башни Торре-дель-Филарете молодого французскаго щоголя, окруженнаго свитою.

— Мэтръ Жиль!—воскликнулъ фра Лука и объяснилъ Леонардо, что этотъ мэтръ Жиль—птичникъ, такъ называемый „свистунъ рябчиковъ“, учившій пѣнію, говору и прочимъ хитростямъ чижей, сорокъ, попугаевъ, дроздовъ его христіаннѣйшаго величества,—лицо при дворѣ немаловажное. Ходили слухи, что во Франціи подъ дудку мэтра Жиля пляшутъ не одни сороки. Пачіоли давно уже собирался преподнести ему свои сочиненія, „Божественную Пропорцію“ и „Сумму Ариѳметики“ въ роскошныхъ переплетахъ.

— Пожалуйста, не безпокойтесь обо мнѣ, фра Лука,—сказалъ Леонардо.—Ступайте къ мэтру Жилю, я и одинъ сумѣю сдѣлать все, что нужно.

— Нѣтъ, къ нему я потомъ,—проговорилъ Пачіоли въ смущеніи.—Или вотъ что, знаете? Я мигомъ слетаю къ мэтру Жилю,—только разспрошу, куда онъ ѣдетъ,—и тотчасъ къ вамъ. А вы пока прямо къ сиру де-ла-Тремуйлю...

Подобравъ полы коричневой ряски, юркій монахъ засеменилъ босыми ножками въ дробно стукающихъ цокколяхъ и побѣжалъ вприпрыжку за „свистуномъ королевскихъ рябчиковъ“.

Черезъ подъемныя ворота Баттипонте вступилъ Леонардо на Марсово Поле,—внутренній дворъ Миланскаго Замка.

IV.

Утро было туманное. Огни костровъ догорали. Площадь и окрестныя зданія, загроможденныя пушками, ядрами, лагернымъ скарбомъ, кулями овса, ворохами соломы, кучами навоза, превращены были въ одну огромную казарму, конюшню и кабакъ. Вокругъ походныхъ лавокъ и кухонныхъ вертеловъ, бочекъ, полныхъ и пустыхъ, опрокинутыхъ, служившихъ игорными столами, слышались крики, хохотъ, клятвы, разноязычная брань, богохульства и пьяныя пѣсни. Порою все затихало, когда проходили начальники; трещалъ барабанъ, играли мѣдныя трубы рейнскихъ и швабскихъ ландскнехтовъ, заливались пастушьими унылыми звуками альпійскіе рога наемниковъ изъ вольныхъ кантоновъ Ури и Унтервальдена.

Пробравшись на середину площади, художникъ увидѣлъ своего Колосса почти нетронутымъ.

Великій герцогъ, завоеватель Ломбардіи, Франческо-Аттендоло Сфорца, съ лысой головой, похожей на голову римскаго императора, съ выраженіемъ львиной мощи и лисьей хитрости, попрежнему сидѣлъ на конѣ, который взвился на дыбы, попирая копытами павшаго воина.

Швабскіе аркебузники, граубюндскіе стрѣлки, пикардійскіе пращники, гасконскіе арбалетчики толпились вокругъ изваянія и кричали, плохо разумѣя другъ друга, дополняя слова тѣлодвиженіями, по которымъ Леонардо понялъ, что рѣчь идетъ о предстоявшемъ состязаніи двухъ стрѣлковъ, нѣмца и француза. Они должны были стрѣлять по очереди на разстояніи пятидесяти шаговъ, выпивъ четыре кружки крѣпкаго вина. Мишенью служила родинка на щекѣ Колосса.

Отмѣрили шаги и бросили жребій, кому стрѣлять первому. Маркитанка нацѣдила вина. Нѣмецъ выпилъ, не переводя духу,

одну за другою, четыре условленныхъ кружки, отошелъ, прицѣлился, выстрѣлилъ и промахнулся. Стрѣла оцарапала щеку, отбила край лѣваго уха, но родинки не задѣла.

Французъ приложилъ къ плечу арбалетъ, когда въ толпѣ произошло движеніе. Солдаты разступились, пропуская поѣздъ пышныхъ герольдовъ, сопровождавшихъ рыцаря. Онъ проѣхалъ, не обративъ вниманія на потѣху стрѣлковъ.

— Кто это?—спросилъ Леонардо стоявшаго рядомъ пращника.

— Сиръ де-ла-Тремуйль.

„Еще не поздно!—подумалъ художникъ. — Бѣжать за нимъ, просить...“

Но онъ стоялъ, не двигаясь, чувствуя такую неспособность къ дѣйствію, такое непреодолимое оцѣпенѣніе, разслабленіе воли, что, казалось, если бы въ эту минуту дѣло шло о спасеніи жизни его,—не пошевельнулъ бы онъ пальцемъ. Страхъ, стыдъ, отвращеніе овладѣвали имъ при одной мысли о томъ, какъ надо протискиваться сквозь толпу лакеевъ, конюховъ и бѣжать за вельможей, подобно Лукѣ Пачіоли.

Гасконецъ выстрѣлилъ. Стрѣла свистнула и вонзилась въ родинку.

— Bigorre! Bigorre! Montjoie Saint-Denis! — махая беретами, кричали солдаты.—Франція побѣдила!

Стрѣлки окружили Колосса и продолжали состязаніе.

Леонардо хотѣлъ уйти, но, прикованный къ мѣсту, точно въ страшномъ и нелѣпомъ снѣ, покорно смотрѣлъ, какъ разрушается созданіе шестнадцати лучшихъ лѣтъ его жизни,—быть можетъ величайшее произведеніе ваянія со временъ Праксителя и Фидія.

Подъ градомъ пуль, стрѣлъ и камней глина осыпалась мелкимъ пескомъ, крупными глыбами и разлеталась пылью, обнажая скрѣпы,—точно кости желѣзнаго остова.

Солнце вышло изъ-за тучъ. Въ радостно брызнувшемъ блескѣ казалась еще болѣе жалкою развалина Колосса,—съ обезглавленнымъ туловищемъ героя на безногомъ конѣ, съ обломкомъ царственнаго скиптра въ уцѣлѣвшей рукѣ и надписью внизу на подножіи: *Ecce Deus*! —*Се Богъ!*

Въ это время по площади проходилъ главный полководецъ французскаго короля, старый маршалъ Джьянъ-Джьякопо Тривульціо. Взглянувъ на Колосса, остановился онъ въ недоумѣніи, еще разъ взглянулъ, заслонивъ глаза рукою отъ солнца, потомъ обернулся къ сопровождавшимъ его и спросилъ:

— Что это?

— Монсиньёръ,—молвилъ подобострастно одинъ изъ лейтенантовъ,—капитанъ Жоржъ Кокебурнъ разрѣшилъ арбалетчикамъ собственной властью...

— Памятникъ Сфорца,—воскликнулъ маршалъ,— произведеніе Леонардо да Винчи—мишень гасконскихъ стрѣлковъ!..

Онъ быстро подошелъ къ толпѣ солдатъ, которые такъ увлеклись стрѣльбою, что ничего не видѣли, схватилъ за шиворотъ пикардійскаго пращника, повалилъ его на землю и разразился неистовой бранью.

Лицо стараго маршала побагровѣло, жилы вздулись на шеѣ.

— Монсиньёръ! — лепеталъ солдатъ, стоя на колѣняхъ и дрожа всѣмъ тѣломъ.—Монсиньёръ, мы не знали... Капитанъ Кокебурнъ...

— Погодите, собачьи дѣти!—кричалъ Тривульціо, — покажу я вамъ капитана Кокебурна... За ноги всѣхъ перевѣшаю!...

Сверкнула шпага. Онъ замахнулся и ударилъ бы,—но въ то же мгновеніе Леонардо лѣвою рукою схватилъ его за руку, немного повыше кисти, съ такою силою, что мѣдный нарукавникъ— „браччіола“ —сплющился.

Тщетно стараясь высвободить руку, маршалъ взглянулъ на Леонардо съ изумленіемъ.

— Кто это?—спросилъ онъ.

— Леонардо да Винчи,—отвѣтилъ тотъ спокойно.

— Какъ ты смѣешь, — началъ было старикъ въ бѣшенствѣ, но, встрѣтивъ ясный, кроткій взоръ художника—умолкъ.

— Такъ ты — Леонардо, — произнесъ онъ, вглядываясь въ лицо его. — Руку-то, руку отпусти. Браччіолу согнулъ... Вотъ такъ сила! Ну, братъ, смѣлый же ты человѣкъ.

— Монсиньоре, умоляю васъ, не гнѣвайтесь, простите ихъ,— молвилъ художникъ почтительно.

Маршалъ еще внимательнѣе посмотрѣлъ ему въ лицо, усмѣхнулся и покачалъ головою:

— Чудакъ! Они лучшее твое произведеніе уничтожили,—и ты же за нихъ просишь?

— Ваша свѣтлость, если вы ихъ всѣхъ перевѣшаете, какая польза мнѣ и моему произведенію? Они не знаютъ, что дѣлаютъ.

Старикъ задумался. Вдругъ лицо его прояснилось. Въ умныхъ, маленькихъ глазахъ засвѣтилось доброе чувство.

— Послушай, мессэръ Леонардо,—одного я въ толкъ не возьму. Какъ же ты стоялъ тутъ и смотрѣлъ? Зачѣмъ не далъ знать, не пожаловался мнѣ или сиру де-ла-Тремуйлю? Кстати онъ, должно быть, только что здѣсь проѣзжалъ?..

Леонардо потупилъ глаза и проговорилъ, запинаясь, краснѣя, какъ виноватый:

— Я не успѣлъ... Сира де-ла-Тремуйля въ лицо я не знаю...

— Жаль,—заключилъ старикъ, оглядываясь на развалину.— Сотню лучшихъ людей моихъ отдалъ бы я за твоего Колосса...

Возвращаясь домой и проходя черезъ мостъ съ изящной лоджіей Браманте, гдѣ произошло послѣднее свиданіе Моро съ Леонардо, художникъ увидѣлъ французскихъ пажей и конюховъ, забавлявшихся охотою на ручныхъ лебедей, любимцевъ Миланскаго герцога. Шалуны стрѣляли изъ луковъ. Въ тѣсномъ рву, отовсюду закрытомъ высокими стѣнами, птицы метались въ ужасѣ. Среди бѣлаго пуха и перьевъ на черной водѣ плавали, качаясь, окровавленныя тѣла. Только что раненый лебедь, съ пронзительно жалобнымъ крикомъ выгнувъ длинную шею, трепеталъ слабѣющими крыльями, какъ будто пытаясь взлетѣть передъ смертью.

Леонардо отвернулся и поскорѣе прошелъ мимо. Ему казалось, что самъ онъ похожъ на этого лебедя.

V.

Въ воскресеніе шестого октября король Франціи Людовикъ XII въѣхалъ въ Миланъ черезъ Тичинскія ворота. Въ сопровождавшемъ его поѣздѣ былъ Цезарь Борджіа, герцогъ Валентино, сынъ папы. Во время шествія отъ Соборной площади къ замку ангелы Миланской Коммуны исправно махали крыльями.

Съ того дня, какъ разрушенъ былъ Колоссъ, Леонардо болѣе не возвращался къ работѣ надъ летательной машиной. Астро одинъ кончалъ приборъ. Художникъ не имѣлъ духу сказать ему, что и эти крылья не годятся. Видимо, избѣгая учителя, кузнецъ также не заговаривалъ о предстоявшемъ полетѣ, только иногда украдкой взглядывалъ на него съ безмолвнымъ укоромъ своимъ единственнымъ глазомъ, въ которомъ горѣлъ унылый, безумный огонь.

Однажды утромъ, въ двадцатыхъ числахъ октября, Пачіоли прибѣжалъ къ Леонардо съ извѣстіемъ, что король требуетъ его во дворецъ. Художникъ пошелъ неохотно. Встревоженный исчезновеніемъ крыльевъ, боялся онъ, чтобы Астро, забравъ себѣ въ голову летѣть, во что бы то ни стало, не надѣлалъ бѣды.

Когда Леонардо вошелъ въ столь ему памятныя залы Рокетты, Людовикъ XII принималъ старшинъ и синдиковъ Милана.

Художникъ взглянулъ на своего будущаго повелителя, короля Франціи.

Ничего царственнаго не было въ его наружности: хилое, слабое тѣло, узкія плечи, вдавленная грудь, лицо съ некрасивыми морщинами, страдальческое, но не облагороженное страданіемъ,— плоское, будничное, съ выраженіемъ мѣщанской добродѣтели.

На верхней ступени трона стоялъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати, въ простомъ черномъ платьѣ безъ украшеній, кромѣ нѣсколькихъ жемчужинъ на отворотахъ берета и золотой цѣпи изъ

раковинъ, ордена св. Архангела Михаила,—съ длинными бѣлокурыми волосами, маленькою, слегка раздвоенною темно-русою бородкою, ровною блѣдностью въ лицѣ и черно-синими, привѣтливо-умными глазами.

— Скажите, фра Лука,—шепнулъ художникъ на ухо спутнику,—кто этотъ молодой вельможа?

— Сынъ папы,—отвѣчалъ монахъ,—Цезарь Борджіа, герцогъ Валентино.

Леонардо слышалъ о злодѣйствахъ Цезаря. Хотя явныхъ уликъ не было, никто не сомнѣвался, что онъ убилъ брата Джіованни Борджіа, наскучивъ быть младшимъ, желая сбросить кардинальскій пурпуръ и наслѣдовать званіе военачальника,—„гонфалоньера“ римской церкви. Ходили слухи еще болѣе невѣроятные,—будто бы причиной Каинова злодѣнія было соперничество братьевъ не только изъ-за милостей отца, но также изъ-за кровосмѣсительной похоти къ родной сестрѣ мадоннѣ Лукреціи.

„Не можетъ быть“,—думалъ Леонардо, вглядываясь въ спокойное лицо его, въ безмятежно-ясные, невинные глаза.

Должно быть почувствовавъ на себѣ пристальный взоръ Леонардо, Цезарь оглянулся, потомъ, наклонившись къ стоявшему рядомъ, благообразному старику, въ длинной темной одеждѣ, вѣроятно секретарю своему, что-то шепнулъ ему, указывая на Леонардо, и, когда старикъ отвѣтилъ, посмотрѣлъ на художника пристально. Едва уловимая тонкая усмѣшка скользнула по губамъ Валентино. И въ то же мгновеніе Леонардо почувствовалъ:

„Да, можетъ быть,—все можетъ быть,—и даже еще худшее, чѣмъ о немъ говорятъ“.

Старшина синдиковъ, окончивъ унылое чтеніе, подошелъ къ трону, сталъ на колѣни и поднесъ королю прошеніе. Людовикъ нечаянно уронилъ пергаментный свитокъ. Старшина засуетился, желая поднять. Но Цезарь, предупредивъ его, быстрымъ и ловкимъ движеніемъ поднялъ свитокъ и подалъ королю съ поклономъ.

— Хамъ!—злобно прошепталъ кто-то за спиной Леонардо, въ толпѣ французскихъ вельможъ.—Обрадовался, выскочилъ!

— Ваша правда, мессэре,—подхватилъ другой.—Сынъ папы отлично исполняетъ должность лакея. Если бы вы только видѣли, какъ утромъ, когда король одѣвается, онъ ему прислуживаетъ, рубашку грѣетъ. Я чай, и конюшню чистить не побрезгалъ бы!

Художникъ замѣтилъ подобострастное движеніе Цезаря, но оно показалось ему скорѣе страшнымъ, чѣмъ гнуснымъ,—какъ предательская ласковость хищнаго звѣря.

Въ это время Пачіоли хлопоталъ, волновался, подталкивалъ спутника подъ локоть, но видя, что Леонардо, со своею обычною застѣнчивостью, чего добраго, цѣлый день простоитъ въ толпѣ,

не найдя случая привлечь вниманіе короля,—принялъ рѣшительныя мѣры, схватилъ его за руку и, весь изогнувшись, съ быстрымъ непрерывнымъ свистомъ и шипѣніемъ превосходныхъ степеней: stupendissimo, prestantissimo, invicissimo,—представилъ королю художника.

Людовикъ заговорилъ о Тайной Вечерѣ. Хвалилъ изображенія апостоловъ, но болѣе всего восхищался перспективою потолка.

Фра Лука ожидалъ съ минуты на минуту, что его величество пригласитъ Леонардо къ себѣ на службу; но вошелъ пажъ и подалъ королю письмо, только что полученное изъ Франціи.

Король узналъ почеркъ жены, возлюбленной своей бретонки Анны. То было извѣстіе о разрѣшеніи королевы отъ бремени.

Вельможи начали поздравлять его. Толпа оттѣснила Леонардо и Пачіоли. Король взглянулъ было на нихъ, вспомнилъ, хотѣлъ что-то сказать, но тотчасъ снова забылъ, любезно пригласилъ дамъ поскорѣе выпить за здоровье новорожденной и вышелъ въ другую залу.

Пачіоли, ухвативъ за руку спутника, потащилъ его за собою.

— Скорѣе! Скорѣе!

— Нѣтъ, фра Лука,—спокойно возразилъ Леонардо.—Благодарю васъ за хлопоты. Но я напоминать о себѣ не буду. Его величеству теперь не до меня.

Онъ вышелъ изъ дворца.

На подъемномъ мосту Баттипонте въ южныхъ воротахъ Кастелло догналъ его секретарь Цезаря Борджіа, мессэръ Агапито. Онъ предложилъ ему отъ имени герцога мѣсто „главнаго строителя“,—ingeniere ducale,—ту самую должность, которую исполнялъ Леонардо у Моро.

Художникъ обѣщалъ дать отвѣтъ черезъ нѣсколько дней.

Подходя къ дому, еще издали на улицѣ замѣтилъ онъ толпу народа и ускорилъ шагъ. Джіованни, Марко, Салаино, Чезаре несли, должно быть, за неимѣніемъ носилокъ, на громадномъ, измятомъ, продранномъ и сломанномъ крылѣ новой летательной машины, подобномъ крылу исполинской ласточки, своего товарища, кузнеца Астро да Перетола, въ разорванной, окровавленной одеждѣ, съ мертвенно-блѣднымъ лицомъ.

Случилось то, чего боялся учитель. Кузнецъ рѣшилъ испытать крылья, полетѣлъ, сдѣлалъ два-три взмаха, но тотчасъ упалъ и убился бы до смерти, если бы одно крыло машины не зацѣпилось за вѣтви рядомъ стоявшаго дерева.

Леонардо помогъ внести носилки въ домъ и бережно уложилъ больного въ постель. Когда онъ наклонился къ нему, чтобы осмотрѣть раны, Астро пришелъ въ себя и прошепталъ, взглянувъ на Леонардо съ безконечной мольбою:

— Простите, учитель!

VI.

— Въ первыхъ числахъ ноября, послѣ великолѣпныхъ торжествъ въ честь новорожденной, Людовикъ XII, принявъ отъ миланцевъ присягу и назначивъ намѣстникомъ Ломбардіи маршала Тривульціо, уѣхалъ во Францію.

Въ Соборѣ отслужили благодарственную обѣдню Духу Святому. Въ городѣ было возстановлено спокойствіе,—но только наружное: народъ ненавидѣлъ Тривульціо за его жестокость и коварство. Приверженцы Моро бунтовали чернь, распространяли подметныя письма. Тѣ, кто еще такъ недавно провожалъ его въ изгнаніе насмѣшками и бранью, теперь вспоминали о немъ, какъ о лучшемъ изъ государей.

Въ послѣднихъ числахъ января толпа у Тичинскихъ Воротъ разгромила прилавки французскихъ сборщиковъ пошлинъ. Въ тотъ же день на виллѣ Лардираго около Павіи французскій солдатъ посягнулъ на честь молодой ломбардской поселянки. Защищаясь, ударила она обидчика метлою по лицу. Солдатъ пригрозилъ ей топоромъ. На крикъ прибѣжалъ отецъ ея съ палкою. Французъ убилъ старика. Собралась толпа и умертвила солдата. Французы напали на ломбардцевъ, перебили множество народа и опустошили мѣстечко. Въ Миланѣ это извѣстіе было тѣмъ же, что искра, упавшая въ порохъ. Народъ запрудилъ площади, улицы, рынки съ яростными воплями:

— Долой короля! Долой намѣстника! Бейте, бейте французовъ! Да здравствуетъ Моро!

У Тривульціо было слишкомъ мало людей, чтобы защищаться противъ населенія трехсоттысячнаго города. Поставивъ пушки на башню, временно служившую колокольнею Собора, направилъ онъ жерла на толпу, велѣлъ по первому знаку стрѣлять и, желая сдѣлать послѣднюю попытку примиренія, вышелъ къ народу. Чернь едва не убила его, загнала въ Ратушу, и здѣсь бы онъ погибъ, если бы на помощь не подоспѣлъ изъ крѣпости отрядъ швейцарскихъ наемниковъ съ капитаномъ синьоромъ Курсенжемъ во главѣ.

Начались поджоги, убійства, грабежи, пытки, казни французовъ, попадавшихъ въ руки бунтовщикамъ, и гражданъ, подозрѣваемыхъ въ сочувствіи французамъ.

Въ ночь на первое февраля Тривульціо тайно ушелъ изъ крѣпости, оставивъ ее подъ защитою капитана д'Эспи и Кодебекара. Въ ту же ночь возвратившійся изъ Германіи Моро радостно принятъ былъ жителями города Комо. Граждане Милана ждали его, какъ избавителя.

Леонардо въ послѣдніе дни мятежа, опасаясь пушечной пальбы,

которая разрушила нѣсколько сосѣднихъ домовъ, переселился въ свой погребъ, искусно провелъ въ него печныя трубы, устроилъ очаги и нѣсколько жилыхъ покоевъ. Какъ въ маленькую крѣпость, перенесли сюда все, что было цѣннаго въ домѣ,—картины, рисунки, рукописи, книги, научные приборы.

Въ это время окончательно рѣшилъ онъ поступить на службу къ Цезарю Борджіа. Но прежде, чѣмъ отправиться въ Романью, куда, по условіямъ заключеннаго съ мессэромъ Агапито договора, Леонардо долженъ былъ прибыть не позже лѣтнихъ мѣсяцевъ 1500 года, намѣревался онъ заѣхать къ старому другу своему Джироламо Мельци, чтобы переждать опасное время войны и бунта на его уединенной виллѣ Вапріо близъ Милана.

Утромъ 2 февраля, въ день Срѣтенія Господня, прибѣжалъ къ художнику фра Лука Пачіоли и объявилъ, что въ Замкѣ—наводненіе: миланецъ Луиджи да Порто, бывшій на службѣ у французовъ, бѣжалъ къ бунтовщикамъ и открылъ ночью шлюзы каналовъ, наполнявшихъ крѣпостные рвы. Вода разлилась, затопила мельницу въ паркѣ у стѣны Рокетты, проникла въ подвалы, гдѣ хранился порохъ, масло, хлѣбъ, вино и прочіе припасы; такъ что, если бы французамъ не удалось съ большимъ трудомъ спасти отъ воды нѣкоторую часть ихъ,—голодъ принудилъ бы ихъ къ сдачѣ крѣпости, на что и разсчитывалъ мессэръ Луиджи. Во время наводненія сосѣдніе съ крѣпостью каналы въ низменномъ предмѣстьи Верчельскихъ воротъ вышли изъ береговъ и затопили болотистую мѣстность, гдѣ находился монастырь дэлле-Граціе. Фра Лука сообщилъ художнику свои опасенія, какъ бы вода не повредила Тайной Вечери, и предложилъ пойти осмотрѣть, цѣла-ли картина.

Съ притворнымъ равнодушіемъ возразилъ Леонардо, что ему теперь некогда, и что за Тайную Вечерю онъ не боится,—картина, будто бы, на такой высотѣ, что сырость не можетъ причинить ей вреда. Но только что Пачіоли ушелъ, Леонардо побѣжалъ въ монастырь.

Войдя въ трапезную, увидѣлъ онъ на кирпичномъ полу грязныя лужи,—слѣды наводненія. Пахло сыростью. Одинъ изъ монаховъ сказалъ, что вода поднялась на четверть локтя.

Леонардо подошелъ къ стѣнѣ, гдѣ была Тайная Вечеря.

Краски оставались, повидимому, ясными.

Прозрачныя, нѣжныя, не водяныя, какъ въ обычной стѣнописи, а масляныя, онѣ были его собственнымъ изобрѣтеніемъ. Онъ приготовилъ и стѣну особеннымъ способомъ: загрунтовавъ ее слоемъ глины съ можжевельнымъ лакомъ и олифою, на первый нижній грунтъ навелъ второй—изъ мастики, смолы и гипса. Опытные мастера предсказывали непрочность масляныхъ красокъ

на сырой стѣнѣ, сложенной въ болотистой низменности. Но Леонардо, со свойственнымъ ему пристрастіемъ къ новымъ опытамъ, къ невѣдомымъ путямъ въ искусствѣ, упорствовалъ, не обращая вниманія на совѣты и предостереженія. Отъ стѣнописи водяными красками отвращало его и то, что работа на только что наведенной влажной извести требуетъ быстроты и рѣшимости, тѣхъ именно свойствъ, которыя были ему чужды. „Малаго достигаетъ художникъ не сомнѣвающійся", утверждалъ онъ. Эти необходимыя для него сомнѣнія, колебанія, поправки, исканія ощупью, безконечная медлительность работы—возможны были только въ живописи масляными красками.

Наклонившись къ стѣнѣ, онъ разсматривалъ въ увеличительное стекло поверхность картины. Вдругъ, въ лѣвомъ нижнемъ углу, подъ скатертью стола, за которымъ сидѣли апостолы, у ногъ Варѳоломея, — увидѣлъ онъ маленькую трещину и рядомъ, на чуть поблекшихъ краскахъ, бархатисто-бѣлый, какъ иней, налетъ выступающей плѣсени.

Онъ поблѣднѣлъ. Но, тотчасъ же овладѣвъ собою, еще внимательнѣе продолжалъ осмотръ.

Первый глиняный грунтъ покоробился, вслѣдствіе сырости, и отсталъ отъ стѣны, приподымая верхній слой гипса съ тонкою корою красокъ, образуя въ ней неуловимыя для глаза трещинки, сквозь которыя просачивалось выпотѣніе селитренной сырости изъ ветхихъ ноздреватыхъ кирпичей.

Участь Тайной Вечери была рѣшена. Если самому художнику не суждено было видѣть увяданія красокъ, которыя могли сохраниться лѣтъ сорокъ, даже пятьдесятъ,—то все же не было сомнѣнія въ страшной истинѣ: величайшее изъ его произведеній погибло.

Передъ тѣмъ, чтобы выйти изъ трапезной, взглянулъ онъ въ послѣдній разъ на ликъ Христа и,—словно теперь только увидѣвъ его впервые,—вдругъ понялъ, какъ это произведеніе ему дорого.

Съ гибелью Тайной Вечери и Колосса, порывались послѣднія нити, которыя связывали его съ живыми людьми, если не съ ближними, по крайней мѣрѣ съ дальними друзьями въ будущихъ вѣкахъ. Теперь одиночество его становилось еще безнадежнѣе.

Глиняная пыль Колосса развѣется вѣтромъ; на стѣнѣ, гдѣ былъ ликъ Господенъ,—тусклую чешую облупившихся красокъ покроетъ плѣсень, и все, чѣмъ онъ жилъ,—исчезнетъ, какъ тѣнь.

Онъ вернулся домой, сошелъ въ подземелье и, проходя черезъ комнату, гдѣ лежалъ Астро, остановился на минуту. Бельтраффіо дѣлалъ больному примочки изъ холодной воды.

— Опять жаръ?—спросилъ учитель.

— Да, бредитъ.

Леонардо наклонился, чтобы осмотрѣть перевязку и прислушался къ быстрому безсвязному лепету.

— Выше, выше. Прямо къ солнцу. Не загорѣлись бы крылья. Маленькій? Откуда? Какъ твое имя? Механика? Никогда я не слыхивалъ, чтобы чорта звали Механикой. Чего зубы скалишь?.. Ну же, брось. Пошутилъ и довольно. Тащитъ, тащитъ... Не могу, погоди,—дай вздохнуть... Охъ, смерть моя!..

На лицѣ больного выразилась тоска. Крикъ ужаса вырвался изъ груди его. Ему казалось, что онъ падаетъ въ бездну.

Потомъ опять забормоталъ онъ поспѣшно:

— Нѣтъ, нѣтъ, не смѣйтесь надъ нимъ. Моя вина. Онъ говорилъ, что крылья не готовы. Кончено... Осрамилъ, осрамилъ я учителя... Слышите? Что это? Знаю, о немъ же, о маленькомъ, о самомъ тяжеломъ изъ дьяволовъ,—о Механикѣ!

— „И повелъ Его дьяволъ во Іерусалимъ,—продолжалъ онъ на распѣвъ, какъ читаютъ въ церкви,—и поставилъ на крылѣ храма и сказалъ Ему: если ты Сынъ Божій, бросься отсюда внизъ. Ибо написано: ангеламъ своимъ заповѣдаетъ о Тебѣ сохранить Тебя; и на рукахъ понесутъ Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею“. А вотъ и забылъ, что отвѣтилъ Онъ бѣсу Механики? Не помнишь, Джіованни?

Онъ посмотрѣлъ на Бельтраффіо почти сознательнымъ взоромъ.

Тотъ молчалъ, думая, что онъ все еще бредитъ.

— Не помнишь?—настаивалъ больной.

Чтобы успокоить его, Джіованни привелъ стихъ двѣнадцатый главы четвертой Евангелія отъ Луки:

— „Іисусъ Христосъ сказалъ ему въ отвѣтъ: сказано, не искушай Господа Бога Твоего!“

— „Не искушай Господа Бога Твоего!“—повторилъ Астро съ невыразимымъ чувствомъ,—но тотчасъ же опятъ началъ бредить:

— Синее, синее, ни облачка. Солнца нѣтъ и не будетъ, и вверху, и внизу только синее небо. И крыльевъ не надо. О, если бы учитель зналъ, какъ хорошо, какъ мягко падать въ небо.

Леонардо смотрѣлъ и думалъ:

„Изъ-за меня, и онъ изъ-за меня погибаетъ! Соблазнилъ единаго отъ малыхъ сихъ, сглазилъ я и его, какъ Джіованни!..“

Онъ положилъ руку на горячій лобъ Астро. Больной мало-помалу затихъ и задремалъ.

Леонардо вошелъ въ свою подземную келью, зажегъ свѣчу и погрузился въ вычисленія.

Для избѣжанія новыхъ ошибокъ въ устройствѣ крыльевъ, изучалъ онъ механику вѣтра, теченій воздуха, по механикѣ волнъ, теченій воды.

„Если ты бросишь два камня одинаковой величины въ спокойную воду на нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другого,—писалъ онъ въ дневникѣ,—то на поверхности образуются два расходящихся круга. Спрашивается: когда одинъ кругъ, постепенно расширяясь, встрѣтится съ другимъ, соотвѣтственнымъ, войдетъ ли онъ въ него и разрѣжетъ, или удары волнъ отразятся въ точкахъ соприкосновенія подъ равными углами?"

Простота, съ которою природа рѣшала эту задачу механики, такъ плѣняла его, что сбоку на поляхъ онъ приписалъ:

„Questo e bellissimo, questo e sottile! Вотъ прекраснѣйшій вопросъ и тонкій!"

„Отвѣчаю на основаніи опыта,—продолжалъ онъ.—Круги пересѣкутся, не сливаясь, не смѣшиваясь, сохраняя постоянными средоточіями оба мѣста, гдѣ камни упали".

Сдѣлавъ вычисленіе, онъ убѣдился, что математика законами внутренней необходимости разума оправдывала естественную необходимость механики.

Часы за часами пролетали неслышно. Наступилъ вечеръ.

Поужинавъ и отдохнувъ въ бесѣдѣ съ учениками, Леонардо снова принялся за работу.

По знакомой остротѣ и ясности мыслей онъ предчувствовалъ, что приближается къ великому открытію.

„Посмотри, какъ вѣтеръ въ полѣ гонитъ волны ржи, какъ онѣ струятся одна за другою, а стебли, склоняясь, остаются неподвижными. Такъ волны бѣгутъ по недвижной водѣ. Эту рябь отъ брошеннаго камня или вѣтра должно назвать скорѣе дрожью воды, чѣмъ движеніемъ,—въ чемъ можешь убѣдиться, бросивъ соломенку на расходящіеся круги волнъ, и наблюдая, какъ она колеблется, не двигаясь".

Опытъ съ соломенкой напомнилъ ему другой, подобный же, который онъ уже дѣлалъ, изучая законы движенія звуковъ. Перевернувъ нѣсколько страницъ, Леонардо прочелъ въ дневникѣ:

„Удару въ колоколъ отвѣчаетъ слабой дрожью и гуломъ другой, сосѣдній колоколъ; струна, звучащая на лютнѣ, заставляетъ звучать на сосѣдней лютнѣ струну того же звука, и если положишь на нее соломенку, увидишь, какъ она дрожитъ".

Съ невыразимымъ волненіемъ чуялъ онъ связь между этими двумя, столь разными явленіями,—цѣлый неоткрытый міръ познанія—между трепетными соломенками,—одной на ряби волнъ, другой на отвѣтно звенящей струнѣ.

И вдругъ внезапная, какъ молнія, ослѣпляющая, мысль сверкнула въ умѣ его:

„Одинъ законъ механики и здѣсь, и тамъ! Какъ волны по водѣ отъ брошеннаго камня, такъ волны звуковъ расходятся въ

воздухѣ, пересѣкаясь, не смѣшиваясь, храня средоточіемъ мѣсто рожденія каждаго звука. А свѣтъ? Какъ эхо есть отраженіе звука, такъ отраженіе свѣта въ зеркалѣ есть эхо свѣта. Единый законъ механики во всѣхъ явленіяхъ силы. Единая воля и справедливость Твоя, Первый Двигатель, — уголъ паденія равенъ углу отраженія!"

Лицо его было блѣдно. Глаза горѣли. Онъ чувствовалъ, что снова, и на этотъ разъ такъ страшно-близко, какъ еще никогда, заглядываетъ въ бездну, въ которую никто изъ живыхъ до него не заглядывалъ. Онъ зналъ, что это открытіе, если будетъ оправдано опытомъ,— есть величайшее въ механикѣ со временъ Архимеда.

Два мѣсяца назадъ, получивъ отъ мессэра Гвидо Берарди письмо съ только что пришедшимъ въ Европу извѣстіемъ о путешествіи Васко да Гама, который, переплывъ черезъ два океана, обогнувъ южный мысъ Африки, открылъ новый путь въ Индію,— Леонардо завидовалъ. И вотъ теперь онъ имѣлъ право сказать, что сдѣлалъ бо́льшее открытіе, чѣмъ Колумбъ и Васко да Гама, что увидѣлъ болѣе таинственныя дали новаго неба и новой земли.

За стѣной раздался стонъ больного. Художникъ прислушался и сразу вспомнилъ свои неудачи—безсмысленное разрушеніе Колосса, безсмысленную гибель Тайной Вечери, глупое и страшное паденіе Астро.

„Неужели, — думалъ онъ, — и это открытіе погибнетъ такъ же безслѣдно, такъ же безславно, какъ все, что я дѣлаю? Неужели никто никогда не услышитъ голоса моего, и вѣчно буду я одинъ, какъ теперь,—во мракѣ, подъ землею, точно заживо погребенный,—съ мечтою о крыльяхъ?"

Но эти мысли не заглушили въ немъ радости.

— Пусть—одинъ. Пусть во мракѣ, въ молчаніи, въ забвеніи. Пусть никто никогда не узнаетъ. Я знаю!

Такое чувство силы и побѣды наполнило душу его, какъ будто тѣ крылья, которыхъ онъ жаждалъ всю жизнь, были уже созданы и подымали его въ высь.

Ему стало тѣсно въ подземельи, захотѣлось неба и простора. Выйдя изъ дому, направился онъ къ Соборной Площади.

VIII.

Ночь была ясная, лунная. Надъ крышами домовъ вспыхивали дымно-багровыя зарева пожаровъ. Чѣмъ ближе къ серединѣ города, къ площади Бролетто, тѣмъ гуще становилась толпа. То въ голубомъ сіяніи луны, то въ красномъ свѣтѣ факеловъ выступали искаженныя яростью лица, мелькали бѣлыя, съ алыми крестами, знамена Миланской Комуны, шесты съ подвѣшенными

фонарями, аркебузы, мушкеты, пищали, булавы, палицы, копья, рогатины, косы, вилы, дреколья. Какъ муравьи, копошились люди, помогая воламъ тащить огромную старинную бомбарду изъ боченочныхъ досокъ, соединенныхъ желѣзными обручами. Гудѣлъ набатъ. Грохотали пушки. Французскіе наемники засѣвшіе въ крѣпости, обстрѣливали улицы Милана. Осажденные хвастали, что, прежде чѣмъ сдадутся, въ городѣ не останется камня на камнѣ. И съ гуломъ колоколовъ, съ пушечнымъ грохотомъ сливался безконечный вопль народа:

— Бейте, бейте французовъ! Долой короля! Да здравствуетъ Моро!

Все, что видѣлъ Леонардо, похоже было на страшный и нелѣпый сонъ.

У Восточныхъ Воротъ, въ Бролетто, на Рыбной площади вѣшали попавшаго въ плѣнъ пикардійскаго барабанщика, мальчика лѣтъ шестнадцати. Онъ стоялъ на лѣстницѣ, прислоненной къ стѣнѣ. Веселый балагуръ, златошвей Маскарелло исполнялъ должность палача. Накинувъ ему на шею веревку и слегка ударивъ по головѣ пальцами, произнесъ онъ, съ шутовской торжественностью:

— Рабъ Божій, французскій пѣхотинецъ Перескочи-Кустъ, прозвищемъ На-брюхѣ-шелкъ-а-въ-брюхѣ-щелкъ, въ рыцари пеньковаго ожерелья посвящается. Во имя Отца и Сына, и Духа Святого!

— Аминь!—отвѣтила толпа.

Барабанщикъ, должно быть, плохо понимая, что съ нимъ происходитъ, быстро и часто моргалъ глазами, какъ дѣти, готовые заплакать, — ежился и, крутя тонкою шеей, поправлялъ петлю. Странная улыбка не сходила съ губъ его. Вдругъ въ послѣднее мгновеніе, какъ будто очнувшись отъ столбняка, повернулъ онъ къ толпѣ свое удивленное, сразу побѣлѣвшее, хорошенькое личико, попытался что-то сказать, о чемъ-то попросить. Но толпа заревѣла. Мальчикъ слабо и покорно махнулъ рукою, вынулъ изъ-за пазухи серебряный крестикъ, подарокъ сестры или матери, на голубой тесемкѣ, и, торопливо поцѣловавъ его, перекрестился. Маскарелло столкнулъ его съ лѣстницы и весело крикнулъ:

— А ну-ка, рыцарь пеньковаго ожерелья, покажи, какъ пляшутъ французскую гальярду!

При общемъ смѣхѣ, тѣло мальчика повисло на крюкѣ подсвѣчника для факеловъ, задергалось въ предсмертной судорогѣ,— точно въ самомъ дѣлѣ заплясало.

Пройдя нѣсколько шаговъ, Леонардо увидѣлъ старуху, одѣтую въ лохмотья, которая, стоя на улицѣ передъ ветхимъ домиш-

комъ, только что развалившимся отъ пушечныхъ ядеръ, среди нагроможденной кухонной посуды, домашней рухляди, пуховиковъ и подушекъ, протягивала голыя, костлявыя руки и вопила:

— Ой, ой, ой! Помогите, помогите!

— Что съ тобой, тетка? — спросилъ башмачникъ Корболо. — О чемъ ты плачешь?

— Мальчика, мальчика задавило! Въ постелькѣ лежалъ... Полъ провалился... Можетъ быть, живъ еще... Ой, ой, ой! Помогите!..

Чугунное ядро, разрывая воздухъ съ визгомъ и свистомъ, шлепнулась въ покосившуюся кровлю домика. Балки треснули. Пыль взвилась столбомъ. Кровля рухнула, и женщина умолкла.

Леонардо подошелъ къ Ратушѣ. Противъ Лоджіи Озіевъ, у Мѣняльнаго ряда, школяръ, должно быть, студентъ Павійскаго университета, стоя на скамьѣ, служившей ему каѳедрой, ораторствовалъ о величіи народа, о равенствѣ бѣдныхъ и богатыхъ, о низверженіи тиранновъ. Толпа слушала недовѣрчиво.

— Граждане! — выкрикивалъ школяръ, размахивая ножомъ, который въ обычное время служилъ ему для мирныхъ надобностей—чинки гусиныхъ перьевъ, разрѣзыванія бѣлой колбасы изъ мозговъ— „червеллаты“ —изображенія пронзенныхъ стрѣлами сердецъ съ именами трактирныхъ нимфъ на корѣ вязовъ въ подгородныхъ рощахъ,—и который теперь называлъ онъ „кинжаломъ Немезиды“. — Граждане, умремъ за свободу! Омочимъ кинжалъ Немезиды въ крови тиранновъ! Да здравствуетъ республика!

— Что онъ такое вретъ? — послышались голоса въ толпѣ.— Знаемъ мы, какая у васъ на умѣ свобода, предатели, шпіоны французскіе! Къ чорту республику! Да здравствуетъ герцогъ! Бейте измѣнника!

Когда ораторъ сталъ пояснять свою мысль классическими примѣрами и ссылками на Цицерона, Тацита, Ливія,—его стащили со скамьи, повалили и начали бить, приговаривая:

— Вотъ тебѣ за свободу, вотъ тебѣ за республику! Такъ, такъ, братцы, въ шею ему! Шалишь, братъ, дудки, — не обманешь. Будешь помнить, какъ народъ бунтовать противъ законнаго герцога!

Выйдя на площадь Аренго, Леонардо увидѣлъ лѣсъ бѣлыхъ стрѣльчатыхъ иглъ и башенъ Собора, подобныхъ сталактитамъ, въ двойномъ освѣщеніи, голубомъ—отъ луны, красномъ—отъ зарева пожаровъ.

Передъ дворцомъ архіепископа изъ толпы, похожей на груду наваленныхъ тѣлъ, слышались вопли.

— Что это? — спросилъ художникъ старика-ремесленника съ испуганнымъ, добрымъ и грустнымъ лицомъ.

— Кто ихъ разберетъ? Сами, поди, не знаютъ. Шпіонъ, говорятъ, подкупленный французами, рыночный викарій, мессэръ Джьякопо Кротто. Отравленными припасами, будто бы, народъ морилъ. А можетъ быть, и не онъ. Кто первый подъ руку попался, того и бьютъ. Страшное дѣло. О, Господи Іисусе Христе, помилуй насъ, грѣшныхъ!

Изъ груды тѣлъ выскочилъ Горгольо, выдувальщикъ стекла, махая, какъ трофеемъ, длиннымъ шестомъ съ воткнутой на концѣ окровавленной головой.

Уличный мальчишка Фарфаниккіо бѣжалъ за нимъ, подпрыгивая, и визжалъ, указывая на голову:

— Собакѣ собачья смерть! Смерть измѣнникамъ!

Старикъ перекрестился набожно и проговорилъ слова молитвы:

— A furore populi libera nos, Domine! Отъ ярости народа избави насъ, Боже!

Со стороны замка послышались трубные звуки, бой барабановъ, трескъ аркебузной пальбы и крики солдатъ, шедшихъ на приступъ. Въ то же мгновеніе съ бастіоновъ крѣпости грянулъ выстрѣлъ, такой, что земля задрожала, и казалось, весь городъ рушится. Это былъ выстрѣлъ знаменитой гигантской бомбарды,—мѣднаго чудовища, называвшагося у французовъ „Margot la Folle“, у нѣмцевъ „die Tolle Grete“, „Бѣшеная Маргарита“.

Ядро ударилось за Борго Ново въ горѣвшій домъ. Огненный столбъ взвился къ ночному небу. Площадь озарилась краснымъ свѣтомъ, и тихое сіяніе луны померкло.

Люди, какъ черныя тѣни, сновали, бѣгали, метались, обуянные ужасомъ.

Леонардо смотрѣлъ на эти человѣческіе призраки.

Каждый разъ, какъ вспоминалъ онъ о своемъ открытіи, въ блескѣ огня, въ крикахъ толпы, въ гулѣ набата, въ грохотѣ пушекъ—чудились ему тихія волны звуковъ и свѣта, которыя, плавно колеблясь, какъ рябь по водѣ отъ упавшаго камня, расходились въ воздухѣ, пересѣкаясь, не сливаясь, храня средоточіемъ мѣсто своего рожденія. И великая радость наполняла душу его при мысли о томъ, что люди ничѣмъ никогда не могутъ нарушить этой безцѣльной игры, этой гармоніи безконечныхъ невидимыхъ волнъ и царящаго надо всѣмъ, какъ единая воля Творца, закона механики, закона справедливости,—уголъ паденія равенъ углу отраженія.

Слова, которыя нѣкогда записалъ онъ въ дневникѣ своемъ и потомъ столько разъ повторялъ,—опять звучали въ душѣ его:

„O mirabile giustizia di te. primo Motore!“ О, дивная справедливость Твоя, Первый Двигатель! Никакую силу не лишаешь Ты порядка и качества неминуемыхъ дѣйствій. О, божественная необходимость, Ты принуждаешь всѣ послѣдствія вытекать кратчайшимъ путемъ изъ причины“.

Среди толпы обезумѣвшаго народа,—въ сердцѣ художника былъ вѣчный покой созерцанія, подобный тихому свѣту луны надъ заревомъ пожаровъ.

Утромъ, 4 февраля 1500 года Моро въѣхалъ въ Миланъ черезъ ворота Порта Нова.

Наканунѣ этого дня Леонардо отправился на виллу Мельци—Вапріо.

IX.

Джироламо Мельци некогда служилъ при дворѣ Сфорца. Когда, лѣтъ десять назадъ, скончалась молодая жена его, онъ покинулъ дворъ, поселился въ своей уединенной виллѣ, у подножія Альпъ, въ пяти часахъ ѣзды къ сѣверо-востоку отъ Милана, и зажилъ здѣсь философомъ, вдали отъ треволненій свѣта, собственными руками обрабатывая садъ и предаваясь изученію сокровенныхъ знаній и музыки, которой былъ страстнымъ любителемъ. Разсказывали, будто бы мессэръ Джироламо занимается черною магіей, для того, чтобы вызывать изъ міра загробнаго тѣнь покойной жены.

Алхимикъ Галеотто Сакробоско и фра Лука Пачіоли нерѣдко гостили у него, проводя цѣлыя ночи въ спорахъ о тайнахъ Платоновыхъ идей и о законахъ пиѳагорійскихъ чиселъ, управляющихъ музыкою сферъ. Но наибольшую радость доставляли хозяину посѣщенія Леонардо.

Работая надъ сооруженіемъ канала Мартезаны, художникъ часто бывалъ въ этихъ краяхъ и полюбилъ прекрасную виллу.

Вапріо находилось на лѣвомъ крутомъ берегу рѣки Адды. Каналъ проложенъ былъ между рѣкою и садомъ виллы. Здѣсь быстрое теченіе Адды преграждалось порогами. Слышенъ былъ непрерывный шумъ воды, напоминавшій гулъ морского прибоя. Въ обрывистыхъ берегахъ изъ вывѣтреннаго желтаго песчаника, Адда стремила холодныя, зеленыя волны,—бурная, вольная, непокорившаяся власти человѣка; а рядомъ, зеркально-гладкій, тихій каналъ, съ такою же зеленою горною водою, какъ въ Аддѣ, но успокоенною, укрощенною, дремотно-тяжелою, безмолвно скользилъ въ прямыхъ берегахъ. Эта противоположность казалась художнику полною вѣщаго смысла. Онъ сравнивалъ и не могъ рѣшить, чтó прекраснѣе—созданіе разума и воли человѣческой, его собственное созданіе,—каналъ Мартезана, или гордая, дикая сестра его, грозно бушующая Адда. Сердцу его были одинаково близки и понятны оба теченія.

Съ верхней площадки сада открывался видъ на зеленую равнину Ломбардіи между Бергамо, Тревильо, Кремоной и Брешіей.

Лѣтомъ съ необозримыхъ поемныхъ луговъ пахло сѣномъ. На тучныхъ нивахъ буйная рожь и пшеница заслоняли соединеныя лозами, плодовыя деревья до самыхъ верхушекъ, такъ что колосья цѣловались съ грушами, яблоками, вишнями, сливами, и вся равнина казалась однимъ огромнымъ садомъ.

Къ сѣверу чернѣли горы Комо; надъ ними возвышались полукругомъ первые отроги Альпъ, и еще выше, въ облакахъ, сіяли золотисто розовые снѣжныя вершины.

Между веселою равниною Ломбардіи, гдѣ каждый уголокъ земли былъ воздѣланъ рукой человѣка, и дикими, пустынными громадами Альпъ, Леонардо чувствовалъ такую же противоположность, полную гармоніи, какъ между тихою Мартезанею и грозно-бушующей Аддою.

Вмѣстѣ съ нимъ на виллѣ гостилъ фра Лука Пачіоли и алхимикъ Сакробоско, домъ котораго у Верчельскихъ воротъ разрушенъ былъ французами. Леонардо держался въ сторонѣ отъ нихъ, предпочитая уединеніе. Но зато съ маленькимъ сыномъ хозяина, Франческо, онъ скоро сошелся.

Робкій, стыдливый, какъ дѣвочка, мальчикъ долго дичился его. Но однажды, зайдя къ нему въ комнату по порученію отца, увидѣлъ онъ разноцвѣтныя стекла, съ помощью которыхъ изучалъ художникъ законы дополнительныхъ цвѣтовъ. Леонардо предложилъ ему посмотрѣть сквозь нихъ. Забава понравилась мальчику. Знакомые предметы принимали сказочный видъ,—то угрюмый, то радостный, то враждебный, то ласковый,—смотря по тому, глядѣлъ ли онъ въ желтое, голубое, красное, лиловое или зеленое стекло.

Понравилось ему и другое изобрѣтеніе Леонардо—камера-обскура. Когда на листѣ бѣлой бумаги явилась живая картина, гдѣ можно было отчетливо видѣть, какъ вертятся колеса мельницы, стая галокъ кружится надъ церковью, сѣрый осликъ дровосѣка Пеппо, навьюченный хворостомъ, перебираетъ ногами по грязной дорогѣ, и верхушки тополей склоняются подъ вѣтромъ,—Франческо не выдержалъ,—захлопалъ въ ладоши отъ восторга.

Но болѣе всего плѣнялъ его „дождемѣръ", состоявшій изъ мѣднаго кольца съ дѣленіями, изъ палочки, подобной коромыслу вѣсовъ, и двухъ подвѣшанныхъ къ ней шариковъ, одного обернутаго воскомъ, другого—хлопчатой бумагой. Когда воздухъ насыщался влагою, хлопокъ впитывалъ ее, обернутый имъ шарикъ тяжелѣлъ и, опускаясь, наклонялъ коромысло вѣсовъ на нѣсколько дѣленій круга, по которымъ можно было съ точностью измѣрить степень влажности, между тѣмъ какъ восковой—оставался для нея непроницаемымъ, по прежнему легкимъ. Такимъ образомъ, движенія коромысла предвѣщали погоду за день или за два. Мальчикъ

чикъ устроилъ свой собственный дождемѣръ и торжествовалъ, когда, къ удивленію домашнихъ, исполнялись его предсказанія.

Въ сельской школѣ стараго аббата сосѣдней каноники, дома Лоренцо учился онъ лѣниво: латинскую грамматику зубрилъ съ отвращеніемъ; при видѣ замазаннаго чернилами, зеленаго корешка ариѳметики лицо его вытягивалось. Не такова была наука Леонардо. Она казалась ребенку любопытною, какъ сказка. Приборы механики, оптики, акустики, гидравлики манили его къ себѣ, словно живыя волшебныя игрушки. Съ утра до вечера не уставалъ онъ слушать разсказы Леонардо. Со взрослыми художникъ былъ скрытенъ, ибо зналъ, что всякое неосторожное слово можетъ навлечь на него подозрѣнія или насмѣшку. Съ Франческо говорилъ онъ обо всемъ довѣрчиво и просто. Не только училъ,— но и самъ учился у него. И вспоминая слово Господне: „истинно, истинно говорю вамъ, ежели не обратитесь и не станете какъ дѣти, не можете войти въ царствіе небесное“,—Леонардо прибавлялъ: „не можете войти и въ царствіе познанія“.

Въ то время писалъ онъ „Книгу о Звѣздахъ“.

Въ мартовскія ночи, когда первое дыханіе весны уже вѣяло въ еще холодномъ воздухѣ, стоя на крышѣ виллы, вмѣстѣ съ Франческо, наблюдалъ онъ теченіе звѣздъ, срисовывалъ пятна луны, чтобы впослѣдствіи, сравнивъ ихъ, узнать, не мѣняютъ ли они своихъ очертаній. Однажды мальчикъ спросилъ его, правда ли то, что говоритъ о звѣздахъ Пачіоли,—будто бы, какъ алмазы, вставлены онѣ Богомъ въ хрустальныя сферы небесъ, которыя, вращаясь, увлекаютъ ихъ въ своемъ движеніи и производятъ музыку. Учитель объяснилъ, что, по закону тренія, сферы, вращаясь въ продолженіе столькихъ тысячъ лѣтъ съ неимовѣрной быстротою,—разрушились бы, хрустальные края ихъ истерлись бы, музыка прекратилась бы, и „неугомонныя плясуньи“ остановились бы въ своемъ движеніи.

Проколовъ иголкою листъ бумаги, онъ далъ ему посмотрѣть сквозь отверстіе. Франческо увидѣлъ звѣзды, лишенными лучей, похожими на свѣтлыя круглыя, безконечно-маленькія точки или шарики.

— Эти точки,—сказалъ Леонардо,—огромные, многіе изъ нихъ въ сотни, въ тысячи разъ бóльшіе міры, чѣмъ нашъ, который, впрочемъ, отнюдь не грубѣе, не презрѣннѣе, чѣмъ всѣ небесныя тѣла. Законы механики, царящей на землѣ, открываемые разумомъ человѣческимъ, управляютъ мірами и солнцами.

Такъ возстановлялъ онъ „благородство нашего міра—la nobelta del nostro mondo“.

— Такою же нетлѣнною звѣздою, говорилъ учитель,—такою же свѣтлою пылинкою кажется земля обитателямъ другихъ планетъ, какъ намъ—эти міры.

Многаго изъ словъ его не могъ понять Франческо. Но когда, закинувъ голову, посмотрѣлъ онъ въ звѣздное небо,—ему сдѣлалось страшно.

— Что же тамъ, за звѣздами?—спросилъ онъ.

— Другіе міры, Франческо, другія звѣзды, которыхъ мы невидимъ.

— А за ними?

— Еще другіе.

— Ну, а въ концѣ, въ самомъ концѣ?

— Нѣтъ конца.

— Нѣтъ конца?—повторилъ мальчикъ, и Леонардо почувствовалъ, что въ рукѣ его рука Франческо дрогнула,—при свѣтѣ недвижнаго пламени лампады, горѣвшей на маленькомъ столикѣ среди астрономическихъ приборовъ,—онъ увидѣлъ, что лицо ребенка покрылось внезапною блѣдностью.

— А гдѣ же,—медленно, съ возрастающимъ недоумѣніемъ, произнесъ онъ,—гдѣ же рай, мессэръ Леонардо,—ангелы, угодники, Мадонна и Богъ Отецъ, сидящій на престолѣ, и Сынъ, и Духъ Святой?

Учитель хотѣлъ было возразить, что Богъ—вездѣ, во всѣхъ песчинкахъ земли, такъ же какъ въ солнцахъ и вселенныхъ, но промолчалъ, жалѣя дѣтскую вѣру.

X.

Когда деревья стали распускаться, Леонардо и Франческо, проводя цѣлые дни въ саду виллы или въ сосѣднихъ рощахъ, наблюдали воскресающую жизнь растеній. Порою художникъ срисовывалъ какое-нибудь дерево или цвѣтокъ, стараясь уловить какъ въ портретѣ,—живое сходство, то особенное, единственное лицо его, которое уже никогда нигдѣ не повторится.

Онъ объяснялъ Франческо, какъ по числу круговъ въ стволѣ разрубленнаго дерева узнавать, сколько ему лѣтъ, и по толщинѣ каждаго изъ этихъ круговъ степень влажности соотвѣтственнаго года,—также и то, въ какомъ направленіи росли вѣтви, ибо круги, обращенные къ сѣверу—толще, а сердцевина ствола всегда находится къ южной сторонѣ дерева, нагрѣваемой солнцемъ, ближе, чѣмъ къ сѣверной.

Разсказывалъ ему, какъ вешній сокъ, собираясь между внутренней зеленой кожицей ствола,—„рубашечкою“—„camiscia“, и наружною корою, уплотняетъ, распираетъ, морщитъ ее, образуя въ прошлогоднихъ трещинахъ новыя, болѣе глубокія, и такимъ образомъ увеличиваетъ объемъ растенія. Ежели срѣзать сукъ или содрать кору, врачующая сила жизни стягиваетъ къ больному

мѣсту большее обиліе питательной влаги, чѣмъ во всѣ другія мѣста, такъ что впослѣдствіи на залѣченной язвѣ кора утолщается. И столь могущественно это стремленіе соковъ, что, достигнувъ пораненія, не могутъ они остановиться съ разбѣгу, подымаются выше больнаго мѣста и проступаютъ наружу разными почкованіями,—узловатыми наростами, „на подобіе пузырей кипящей воды".

Сдержанно, какъ будто холодно и сухо, заботясь только о научной ясности, говорилъ Леонардо о природѣ. Нѣжную подробность весенней жизни растенія опредѣлялъ онъ съ безстрастною точностью, словно рѣчь шла о мертвой машинѣ: „уголъ вѣтви и ствола тѣмъ острѣе, чѣмъ вѣтвь моложе и тоньше". Къ отвлеченной математикѣ сводилъ таинственные законы кристаллически-правильнаго, конусообразнаго расположенія хвойныхъ иглъ на пихтахъ, соснахъ и еляхъ.

А между тѣмъ подъ этимъ холодомъ и безстрастіемъ Франческо угадывалъ любовь его ко всему живому,—и къ жалобно сморщенному, какъ личико новорожденнаго, листику, который природа помѣстила подъ шестымъ верхнимъ листомъ нарочно такъ, чтобы первому было свѣтло, чтобы ничѣмъ не задерживалась капля дождя, стекающая къ нему по стеблю,—и къ древнимъ могучимъ вѣтвямъ, которыя тянутся изъ тѣни къ солнцу, какъ молящія руки, и къ силѣ растительныхъ соковъ, которые устремляются на помощь къ раненому мѣсту, какъ живая кипящая кровь.

Порою въ чащѣ лѣса останавливался онъ и долго съ улыбкой глядѣлъ, какъ изъ-подъ увядшихъ прошлогоднихъ листьевъ пробивается зеленая былинка, какъ въ чашечку нераспустившагося подснѣжника съ трудомъ пролѣзаетъ пчела, слабая отъ зимней спячки. Кругомъ было такъ тихо, что Франческо слышалъ удары собственнаго сердца. Робко подымалъ онъ глаза на учителя. Солнце сквозь полупрозрачныя вѣтви озаряло бѣлокурые волосы, длинную бороду и густыя нависшія брови Леонардо, окружая голову его сіяніемъ. Лицо было спокойно и прекрасно. Въ эти минуты походилъ онъ на древняго Пана, который прислушивается, какъ трава растетъ, какъ подземные родники лепечутъ и таинственныя силы жизни пробуждаются.

Все было для него живымъ. Вселенная—однимъ великимъ тѣломъ, какъ тѣло человѣка—малою вселенною.

Въ каплѣ росы видѣлъ онъ подобіе водной сферы, объемлющей землю. На шлюзахъ, въ мѣстечкѣ Треццо близъ Ваприо, гдѣ начинался каналъ Мартезана, изучалъ онъ водопады, водовороты рѣки, которые сравнивалъ съ волнами женскихъ кудрей.

— Замѣть,—говорилъ онъ,—какъ волосы слѣдуютъ по двумъ теченіямъ,—одному прямому, главному, по которому влечетъ ихъ

собственная тяжесть, другому—возвратному, которое завиваетъ ихъ въ кольца кудрей. Такъ и въ движеніи воды одна часть устремляется внизъ, а другая образуетъ водовороты, извивы струй, подобные локонамъ.

Художника привлекали эти загадочныя сходства, созвучія въ явленіяхъ природы, какъ бы изъ разныхъ міровъ перекликающіеся голоса.

Изслѣдуя происхожденіе радуги, замѣтилъ онъ, что тѣ же переливы красокъ встрѣчаются и въ перьяхъ птицъ, и въ стоячей водѣ около гнилыхъ корней, и въ драгоцѣнныхъ камняхъ, и въ жирѣ на поверхности воды, и въ старыхъ мутныхъ стеклахъ. Въ узорахъ инея на деревьяхъ, на замерзшихъ окнахъ находилъ онъ сходство съ живыми листьями, съ цвѣтами и травами,—какъ будто уже въ мірѣ ледяныхъ кристалловъ природѣ снятся вѣщіе сны о растительной жизни.

И порою онъ чувствовалъ, что подходитъ къ великому новому міру познанія, который, можетъ быть, откроется только грядущимъ вѣкамъ. Такъ, о силѣ магнита и янтаря, натертаго сукномъ, писалъ онъ въ дневникѣ: „я не вижу способа, которымъ бы умъ человѣческій могъ объяснить это явленіе. Полагаю, что сила магнита есть одна изъ многихъ неизвѣстныхъ людямъ силъ. Міръ полонъ безчисленными возможностями, никогда еще не совершавшимися“.

Однажды пріѣхалъ къ нимъ въ гости поэтъ, жившій близъ Вапріо, въ Бергамо,—Джьюдотто Престинари. За ужиномъ, обидѣвшись на Леонардо, который недостаточно хвалилъ стихи его,—затѣялъ онъ споръ о преимуществахъ поэзіи передъ живописью. Художникъ молчалъ. Но, наконецъ, ожесточеніе стихотворца разсмѣшило его. Онъ сталъ возражать ему, полушутя:

— Живопись,—сказалъ между прочимъ, Леонардо,—выше поэзіи уже потому, что изображаетъ дѣла Бога, а не человѣческіе вымыслы, которыми довольствуются поэты, по крайней мѣрѣ—нашихъ дней. Они не изображаютъ, а только описываютъ, заимствуя у другихъ все, что имѣютъ,—торгуя чужими товарами. Они только сочиняютъ,—собираютъ старый хламъ различныхъ наукъ. Ихъ можно-бы сравнить съ продавцами краденныхъ вещей...

Фра Лука, Мельци и Галеотто стали возражать. Леонардо мало-по-малу увлекся и заговорилъ, уже безъ шутки:

— Глазъ даетъ человѣку болѣе совершенное знаніе природы, чѣмъ ухо. Видѣнное достовѣрнѣе слышаннаго. Вотъ почему живопись,—нѣмая поэзія, ближе къ точной наукѣ, чѣмъ поэзія,—слѣпая живопись. Словесное описаніе есть только рядъ отдѣльныхъ образовъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ; въ картинѣ же всѣ образы, всѣ краски являются вмѣстѣ, сливаясь въ одно, подобно

звукамъ въ созвучіи, что дѣлаетъ въ ней, какъ и въ музыкѣ, возможной бо́льшую степень гармоніи, чѣмъ въ поэзіи. А тамъ, гдѣ нѣтъ высшей гармоніи, нѣтъ и высшей прелести. Спросите любовника, что ему пріятнѣе,—портретъ возлюбленной или описаніе, сдѣланное хотя бы величайшимъ изъ поэтовъ.

Всѣ невольно улыбнулись этому доказательству.

— Вотъ какой случай былъ со мною,—продолжалъ Леонардо.—Одному флорентинскому юношѣ такъ понравилось женское лицо въ моей картинѣ, что онъ купилъ ее и хотѣлъ уничтожить тѣ признаки, по которымъ видно было, что картина священная, дабы цѣловать безъ страха любимый образъ. Но совѣсть преодолѣла желанія любви. Онъ удалилъ картину изъ дома, такъ какъ иначе не было ему покоя. Ну-ка, стихотворцы, попробуйте, описывая прелесть женщины, возбудить въ человѣкѣ такую силу страсти. Да, мессэры,—скажу не о себѣ,—я знаю, сколь многаго не достаетъ мнѣ,—но о такомъ художникѣ, который достигъ совершенства: воистину по силѣ созерцанія онъ уже—не человѣкъ. Захочетъ быть зрителемъ небесной прелести, или образовъ чудовищныхъ, смѣшныхъ, плачевныхъ, ужасныхъ,—надо всѣмъ онъ владыка, какъ Богъ!

Фра Лука пенялъ учителю за то, что онъ не собираетъ и не печатаетъ сочиненій своихъ. Монахъ предлагалъ найти издателя. Но Леонардо упорно отказывался.

Онъ остался вѣренъ себѣ до конца. Ни одна строка его не была напечатана при жизни. А между тѣмъ онъ писалъ свои замѣтки такъ, какъ будто велъ бесѣду съ читателемъ. Въ началѣ одного изъ дневниковъ извинялся онъ въ безпорядкѣ своихъ записокъ, въ частыхъ повтореніяхъ: „не брани меня за это, читатель, потому что предметы безчисленны, и память моя не можетъ вмѣстить ихъ всѣ сразу такъ, чтобы знать о чемъ было и о чемъ не было говорено въ прежнихъ замѣткахъ, тѣмъ болѣе, что я пишу съ большими перерывами, въ разные годы жизни“.

Однажды, желая представить развитіе человѣческаго духа, нарисовалъ онъ рядъ четырехгранниковъ: первый, падая, валитъ второй, второй—третій, третій—четвертый, и такъ безъ конца. Внизу надпись: „одинъ толкаетъ другого“. И еще прибавлено: „эти четырехгранники обозначаютъ жизнь и познанія человѣческія“.

На другомъ рисункѣ изобразилъ плугъ, взрывающій землю, съ надписью: „*Hostinato rigore*“—„*Упрямая суровость*“.

Онъ вѣрилъ, что очередь и до него дойдетъ въ ряду падающихъ четырехгранниковъ, что когда-нибудь люди откликнутся и на его призывъ.

Онъ подобенъ былъ человѣку, слишкомъ рано въ темнотѣ проснувшемуся, когда всѣ еще спятъ. Одинокій среди ближнихъ,

писалъ онъ свои дневники сокровенными письменами для дальняго брата, для читателя грядущихъ вѣковъ, и для него въ предутренней мглѣ, пустынный пахарь, вышелъ въ поле пролагать таинственныя борозды плугомъ, „съ упрямою суровостью".

XI.

Въ послѣднихъ числахъ марта на виллу Мельци стали приходить все болѣе тревожныя вѣсти. Войско Людовика XII, подъ начальствомъ сира де-ла-Тремуйля, перевалило черезъ Альпы. Моро, подозрѣвая измѣну солдатъ, уклонялся отъ битвы и, томимый суевѣрными предчувствіями, сдѣлался „трусливѣе женщины".

Слухи о войнѣ и политикѣ доходили, какъ слабый, заглушенный гулъ, на виллу Ваприо.

Не думая ни о французскомъ королѣ, ни о герцогѣ, Леонардо съ Франческо блуждали по окрестнымъ холмамъ, долинамъ и рощамъ. Иногда уходили они вверхъ по теченію рѣки въ лѣсистыя горы. Здѣсь нанималъ онъ рабочихъ и дѣлалъ раскопки, отыскивая допотопныя раковины, окаменѣлыя морскія животныя и водоросли.

Однажды, возвращаясь съ прогулки, сѣли они отдохнуть подъ старою липою, на крутомъ берегу Адды, надъ обрывомъ. Безконечная равнина, съ рядами придорожныхъ тополей и вязовъ, разстилалась у ногъ ихъ. Въ сіяніи вечерняго солнца виднѣлись привѣтные бѣлые домики Бергамо. Снѣжныя громады Альпъ, казалось, рѣяли въ воздухѣ. Все было ясно. Только вдали, почти на самомъ краю неба, между Тревильо, Кастель-Роццоне и Бриньяно, клубилось дымное облачко.

— Что это?—спросилъ Франческо.

— Не знаю,—молвилъ Леонардо.—Можетъ быть, сраженіе... Вонъ, видишь, огоньки. Какъ будто пушечные выстрѣлы. Не стычка ли французовъ съ нашими?

Въ послѣдніе дни такія случайныя перестрѣлки все чаще виднѣлись то здѣсь, то тамъ на равнинѣ Ломбардіи.

Нѣсколько мгновеній глядѣли они молча на облачко. Потомъ, забывъ о немъ, стали разсматривать добычу послѣднихъ раскопокъ. Учитель взялъ въ руки большую кость, острую, какъ игла, еще покрытую землею,—должно быть, изъ плавника допотопной рыбы.

— Сколько народовъ,—произнесъ онъ задумчиво, какъ будто про себя, и лицо его озарилось тихою улыбкою,—сколько царей уничтожило время съ тѣхъ поръ, какъ эта рыба, съ дивнымъ строеніемъ тѣла, уснула въ глубокихъ извилинахъ пещеры, гдѣ мы нашли ее сегодня! Сколько тысячелѣтій пронеслось надъ міромъ, какіе перевороты совершились въ немъ, пока лежала она

въ тайникѣ, отовсюду закрытомъ, подпирая тяжелыя глыбы земли голыми костями остова, разрушеннаго терпѣливымъ временемъ!

Онъ обвелъ рукою разстилавшуюся передъ ними равнину.

— Все, что ты видишь здѣсь, Франческо, было нѣкогда дномъ океана, покрывавшаго большую часть Европы, Африки и Азіи. Морскія животныя, которыхъ мы находили въ здѣшнихъ горахъ, свидѣтельствуютъ о тѣхъ временахъ, когда вершины Аппенинъ были островами великаго моря, и надъ равнинами Италіи, гдѣ нынѣ рѣютъ птицы, плавали рыбы.

Они взглянули опять на далекій дымокъ съ искрами пушечныхъ выстрѣловъ. Теперь показался онъ имъ такимъ маленькимъ въ безконечной дали, такимъ безмятежнымъ и розовымъ въ лампадномъ сіяніи вечерняго солнца, что трудно было повѣрить, что тамъ—сраженіе, и люди убиваютъ другъ друга.

Стая птицъ пролетѣла по небу. Слѣдя за ними взоромъ, Франческо старался вообразить себѣ рыбъ, нѣкогда плававшихъ здѣсь, въ волнахъ великаго моря, такого же глубокаго, пустыннаго и чуждаго людямъ, какъ небо.

Они молчали. Но въ это мгновеніе оба чувствовали одно и то же: „не все ли равно, кто кого побѣдитъ—французы ломбардцевъ или ломбардцы французовъ, король или герцогъ, свои или чужіе? Отечество, политика, слава, война, паденіе царствъ, возмущеніе народовъ,—все, что людямъ кажется великимъ и грознымъ, не похоже ли на это маленькое, въ вечернемъ свѣтѣ тающее облачко порохового дыма—среди вѣчной ясности природы?“

XII.

На виллѣ Вапріо окончилъ Леонардо картину, которую началъ много лѣтъ назадъ, еще во Флоренціи.

Матерь Божія, среди скалъ, въ пещерѣ, обнимая правою рукою младенца Іоанна Крестителя, осѣняетъ лѣвою—Сына, какъ будто желая соединить обоихъ,—человѣка и Бога, — въ одной любви. Іоаннъ, сложивъ благоговѣйно ручки, преклонилъ колѣно передъ Іисусомъ, который благословляетъ его двуперстнымъ знаменіемъ. По тому, какъ Спаситель-младенецъ, голый на голой землѣ, сидитъ, подогнувъ одну пухлую съ ямочками ножку подъ другую, опираясь на толстую ручку, съ растопыренными пальчиками, видно, что онъ еще не умѣетъ ходить, — только ползаетъ. Но въ лицѣ его—уже совершенная мудрость, которая есть въ то же время и дѣтская простота. Колѣнопреклоненный ангелъ, одной рукой поддерживая Господа, другой указывая на Предтечу, обращаетъ къ зрителю полное скорбнымъ предчувствіемъ, лицо свое съ нѣжной и странной улыбкой. Вдали, между скалами, влажное солнце сіяетъ

сквозь дымку дождя надъ туманно-голубыми, тонкими и острыми горами, вида необычайнаго, неземного, похожими на сталактиты. Эти скалы, какъ будто изглоданныя, источенныя соленою волною, напоминаютъ высохшее дно океана. И въ пещерѣ—глубокая тѣнь, какъ подъ водою. Глазъ едва различаетъ подземный родникъ, круглые лапчатые листья водяныхъ растеній, слабыя чашечки блѣдныхъ ирисовъ. Кажется, слышно, какъ медленныя капли сырости падаютъ сверху, съ нависшаго свода черныхъ слоистыхъ скалъ доломита, прососавшись между корнями ползучихъ травъ, хвощей и плауновъ. Только лицо Мадонны, полудѣтское, полудѣвичье, свѣтится во мракѣ, какъ тонкій алебастръ съ огнемъ внутри. Царица Небесная является людямъ впервые въ сокровенномъ сумракѣ, въ подземной пещерѣ,—быть можетъ, убѣжищѣ древняго Пана и нимфъ, у самаго сердца природы,—какъ тайна всѣхъ тайнъ,—Матерь Богочеловѣка въ нѣдрахъ Матери-Земли.

Это было созданіемъ великаго художника и великаго ученаго вмѣстѣ. Сліяніе тѣни и свѣта, законы растительной жизни, строеніе человѣческаго тѣла, строеніе земли, механика складокъ, механика женскихъ кудрей, которыя вьются, какъ струи водоворотовъ, такъ что уголъ паденія равенъ углу отраженія,—все, что ученый изслѣдовалъ съ „упрямою суровостью“,—пыталъ и мѣрилъ съ безстрастною точностью, разсѣкалъ, какъ безжизненный трупъ,—художникъ вновь соединилъ въ божественное цѣлое, превратилъ въ живую прелесть, въ нѣмую музыку, въ таинственный гимнъ Пречистой Дѣвѣ, Матери Сущаго. Съ равною любовью и знаніемъ изобразилъ онъ тонкія жилки въ лепесткахъ ириса, и ямочку въ пухломъ локоткѣ младенца, и тысячелѣтнюю морщину въ доломитовомъ утесѣ, и трепетъ глубокой воды въ подземномъ источникѣ, и трепетъ глубокой печали въ улыбкѣ ангела.

Онъ зналъ все и все любилъ, потому что великая любовь есть дочь великаго познанія.

XIII.

Алхимикъ Галеотто Сакробоско задумалъ сдѣлать опытъ съ „тростью Меркурія“. Такъ назывались палки изъ миртоваго, миндальнаго, тамариноваго или какого-нибудь иного „астрологическаго“ дерева, имѣющаго будто бы сродство съ металлами. Палки эти служили для указанія въ горахъ мѣдныхъ, золотыхъ и серебряныхъ жилъ.

Съ этою цѣлью отправился онъ съ мессэромъ Джироламо на восточный берегъ озера Лекко, гдѣ было много знаменитыхъ пріисковъ. Леонардо сопровождалъ ихъ, хотя не вѣрилъ въ трость Меркурія и смѣялся надъ нею такъ же, какъ надъ прочими бреднями алхимиковъ.

Недалеко отъ селенія Манделло, у подножія горы Кампіоне, былъ желѣзный рудникъ. Окрестные жители разсказывали, что нѣсколько лѣтъ назадъ обвалъ похоронилъ въ немъ множество рабочихъ, что въ самой глубинѣ его сѣрные пары вырываются изъ щели, и будто бы камень, брошенный въ нее, летитъ съ безконечнымъ, постепенно замирающимъ гуломъ, не достигая дна, ибо у пропасти нѣтъ вовсе дна.

Эти разсказы возбудили любопытство художника. Онъ рѣшилъ, пока товарищи будутъ заняты опытами съ тростью Меркурія, изслѣдовать покинутый рудникъ. Но поселяне, полагая, что въ немъ обитаетъ нечистая сила, отказывались проводить его. Наконецъ, одинъ старый рудокопъ согласился.

Крутой, темный, на подобіе колодца, подземный ходъ, съ полуразвалившимися, скользкими ступенями, спускаясь по направленію къ озеру, велъ въ шахты. Проводникъ съ фонаремъ шелъ впереди; за нимъ — Леонардо, неся на рукахъ Франческо. Мальчикъ, несмотря на просьбы отца и отговорки учителя, умолилъ взять его съ собою.

Подземный ходъ становился все уже и круче. Насчитали болѣе двухъ сотъ ступеней, а спускъ продолжался, и казалось—конца ему не будетъ. Снизу вѣяло душною сыростью. Леонардо ударялъ заступомъ въ стѣны, прислушиваясь къ звуку, разсматривая камни, слои почвы, яркія слюдяныя блестки въ жилахъ гранита.

— Страшно?—спросилъ онъ съ ласковой улыбкой, чувствуя, какъ Франческо прижимается къ нему.

— Нѣтъ, ничего,—съ вами я не боюсь.

Помолчавъ, онъ прибавилъ тихо:

— Правда ли, мессэръ Леонардо,—отецъ говоритъ,—будто бы вы скоро уѣдете?

— Да, Франческо.

— Куда?

— Въ Романью, на службу къ Цезарю, герцогу Валентино...

— Въ Романью? Это далеко?

— Въ нѣсколькихъ дняхъ пути отсюда.

— Въ нѣсколькихъ дняхъ! — повторилъ Франческо.—Значитъ, мы больше никогда не увидимся?

— Нѣтъ, отчего же? Я пріѣду къ вамъ опять, какъ только можно будетъ.

Мальчикъ задумался. Потомъ вдругъ обѣими руками съ порывистою нѣжностью обнялъ шею Леонардо, прижался къ нему еще крѣпче и прошепталъ:

— О, мессэръ Леонардо, возьмите, возьмите меня съ собою!

— Что ты, мальчикъ? Развѣ тебѣ можно? Тамъ война...

— Пусть война! Я же говорю, что съ вами ничего не боюсь...

Вотъ вѣдь, какъ страшно здѣсь, а если и еще страшнѣе,—я не боюсь. Я буду вашимъ слугою, платье буду чистить, комнаты мести, лошадямъ кормъ задавать, еще,—вы знаете,—я раковины умѣю находить и растенія углемъ печатать на бумагѣ. Вѣдь вы же сами намедни сказали, что я хорошо печатаю. Я все, все, какъ большой, буду дѣлать, что вы мнѣ прикажете... О, только возьмите меня, мессэръ Леонардо, не покидайте!

— А какъ же мессэръ Джироламо? Или, ты думаешь, онъ тебя отпуститъ со мною?..

— Отпуститъ, отпуститъ! Я упрошу его. Онъ добрый. Не откажетъ, если буду плакать... Ну, а не отпуститъ, такъ я потихоньку уйду... Только скажите, что можно... Да?

— Нѣтъ, Франческо,—я вѣдь знаю, ты только такъ говоришь, а самъ не уйдешь отъ отца. Онъ старый, бѣдный, и ты его жалѣешь...

— Жалѣю, конечно, я жалѣю... но вѣдь и васъ. О мессэръ Леонардо, вы не знаете,—думаете,—я маленькій. А я все знаю. Тетка Бона говоритъ, что вы колдунъ, и школьный учитель домъ-Лоренцо тоже говоритъ, будто бы вы злой, и съ вами я душу могу погубить. Разъ, когда онъ не хорошо говорилъ о васъ, я ему такое отвѣтилъ, что онъ меня чуть не высѣкъ. И всѣ они боятся васъ. А я не боюсь, потому что вы лучше всѣхъ, и я хочу всегда быть съ вами!

Леонардо молча гладилъ его по головѣ, и почему-то вспоминалось ему, какъ нѣсколько лѣтъ назадъ такъ же несъ онъ въ объятіяхъ своихъ того маленькаго мальчика, который изображалъ Золотой Вѣкъ на праздникѣ Моро.

Вдругъ ясные глаза Франческо померкли, углы губъ опустились, и онъ прошепталъ:

— Ну, что же? И пусть, пусть! Я вѣдь знаю, почему вы не хотите взять меня съ собою. Вы не любите... А я...

Онъ зарыдалъ неудержимо.

— Перестань, мальчикъ. Какъ тебѣ не стыдно? Лучше послушай, что я тебѣ скажу. Когда ты выростешь, я возьму тебя въ ученики, и мы славно заживемъ вмѣстѣ и уже никогда не разстанемся.

Франческо поднялъ на него глаза, съ еще блестѣвшими на длинныхъ рѣсницахъ слезами, и посмотрѣлъ пытливымъ, долгимъ, взоромъ.

— Правда, возьмете? Можетъ быть, вы только такъ говорите, чтобы утѣшить меня, а потомъ забудете?

— Нѣтъ, я обѣщаю тебѣ, Франческо.

— Обѣщаете? А черезъ сколько лѣтъ?

— Ну, черезъ восемь-девять, когда тебѣ будетъ пятнадцать...

— Девять,—пересчиталъ онъ по пальцамъ.—И мы ужъ больше никогда не разстанемся?

— Никогда, до самой смерти.

— Ну, хорошо,—если навѣрное, только ужъ навѣрное—черезъ девять лѣтъ?

— Да, будь спокоенъ.

Франческо улыбнулся ему счастливою улыбкою, ласкаясь особенной, имъ изобрѣтенною ласкою, которая состояла въ томъ, чтобы тереться, какъ это дѣлаютъ кошки, о лицо его щекою.

— А знаете, мессэръ Леонардо, какъ это удивительно! Мнѣ снилось разъ, будто я спускаюсь въ темнотѣ по длиннымъ, длиннымъ лѣстницамъ, вотъ такъ же точно, какъ теперь, и будто это всегда было и будетъ, и нѣтъ имъ конца. И кто-то несетъ меня на рукахъ. Лица я не вижу. Но знаю, что это матушка. Вѣдь я ея не помню. Она умерла, когда я былъ очень маленькій. И вотъ теперь—этотъ сонъ наяву. Только—вы, а не матушка. Но съ вами мнѣ такъ же хорошо, какъ съ нею. И не страшно...

Леонардо взглянулъ на него съ невыразимою нѣжностью.

Въ темнотѣ глаза ребенка сіяли таинственнымъ свѣтомъ. Онъ протянулъ къ нему свои алыя, полураскрытыя губы довѣрчиво, точно, въ самомъ дѣлѣ, къ матери. Учитель поцѣловалъ ихъ,—и ему казалось, что въ этомъ поцѣлуѣ Франческо отдаетъ ему душу свою.

Чувствуя, какъ у сердца его бьется сердце ребенка,—твердымъ шагомъ, съ неутомимою пытливостью, за тусклымъ фонаремъ, по страшной лѣстницѣ желѣзнаго рудника, Леонардо спускался все ниже и ниже въ подземный мракъ.

XIV.

Возвратившись домой, обитатели Вапріо были встревожены вѣстью о томъ, что французскія войска приближаются.

Разгнѣванный король въ отмщеніе за измѣну и бунтъ отдавалъ Миланъ на разграбленіе наемникамъ. Кто могъ—спасался въ горы. По дорогамъ тянулись возы, нагруженные скарбомъ, съ плачущими дѣтьми и женщинами. Ночью изъ оконъ виллы виднѣлись на равнинѣ „красные пѣтухи“—зарева пожаровъ. Со дня на день ожидали сраженія подъ стѣнами Новары, которое должно было рѣшить участь Ломбардіи.

Однажды фра Лука Пачіоли, вернувшись на виллу изъ города, сообщилъ о послѣднихъ страшныхъ событіяхъ.

10 апрѣля назначена была битва. Утромъ, когда герцогъ, выйдя изъ Новары, уже въ виду непріятеля строилъ войска, главная сила его, швейцарскіе наемники, подкупленные маршаломъ

Тривульціо, отказались идти въ сраженіе. Герцогъ со слезами умолялъ ихъ не губить его и клялся отдать имъ, въ случаѣ побѣды, часть своихъ владѣній. Они остались непреклонными. Моро переодѣлся монахомъ и хотѣлъ бѣжать. Но одинъ швейцарецъ изъ Люцерна, по имени Шаттенхальбъ, указалъ на него французамъ. Герцога схватили и отвели къ маршалу, который заплатилъ швейцарцамъ тридцать тысячъ дукатовъ,—„тридцать сребренниковъ Іуды-предателя".

Людовикъ XII поручилъ сиру де-ла-Тремуйлю доставить плѣнника во Францію. Того, кто, по выраженію придворныхъ поэтовъ,—„первый послѣ Бога правилъ колесомъ Фортуны, кормиломъ вселенной", повезли на телѣгѣ, въ рѣшетчатой клѣткѣ, какъ пойманнаго звѣря. Разсказывали, будто бы герцогъ просилъ у тюремщиковъ, какъ особой милости, позволенія взять съ собою во Францію „Божественную Комедію" Данте, — „per studiare", „чтобы изучать ее".

Пребываніе на виллѣ съ каждымъ днемъ становилось опаснѣе. Французы опустошали Ломеллину, ландскнехты—Сепріо, венеціанцы—область Мартезаны. Разбойничьи шайки бродили по окрестностямъ Вапріо. Мессэръ Джироламо съ Франческо и теткою Боною собирался въ Кіавенну.

Леонардо проводилъ послѣднюю ночь на виллѣ Мельци. По обыкновенію, отмѣчалъ онъ въ дневникѣ все, что слышалъ и видѣлъ любопытнаго въ теченіе дня.

„Когда хвостъ у птицы маленькій,—писалъ онъ въ ту ночь,—а крылья широкія,—она сильно взмахиваетъ ими, повертываясь такъ, чтобы вѣтеръ дулъ ей прямо подъ крылья и подымалъ ее вверхъ, какъ я наблюдалъ это въ полетѣ молодого ястреба надъ каноникой Вапріо, слѣва отъ дороги въ Бергамо, утромъ 14 апрѣля 1500 года".

И рядомъ на той же страницѣ:

„Моро потерялъ государство, имущество, свободу, и всѣ дѣла его кончились ничѣмъ".

Болѣе ни слова,—какъ будто гибель человѣка, съ которымъ провелъ онъ шестнадцать лѣтъ, низверженіе великаго дома Сфорца для него были менѣе важны и любопытны, чѣмъ пустынный полетъ хищной птицы.

Д. Мережковскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ВЪ ЗНОЙНЫЙ ПОЛДЕНЬ

Зноенъ полдень. Жарко дышется.
Садъ дремотный не колышется
Въ томной тишинѣ.
Прудъ съ далекими заливами
Отражаетъ берегъ съ ивами
Въ синей глубинѣ.

Сквозь кусты жасмина бѣлые
Слышу я шаги несмѣлые,
Слышу голосъ твой...
Онъ, какъ музыка, доносится,
И навстрѣчу сердце просится,
Полное тобой.

Знаю я: мое томленіе—
Лишь привычное волненіе,
Тѣнь былыхъ страстей;
Но невольное мечтаніе
Въ сердцѣ будитъ обаяніе
Красоты твоей.

И умолкли размышленія,
И растаяли сомнѣнія
Въ знойномъ блескѣ дня:
Нѣгой, въ воздухѣ разлитою,
Словно влагой ядовитою,
Отуманенъ я.

Знойный полдень разгорается...
Милый голосъ удаляется...
Стихъ послѣдній звукъ.
Садъ дремотный не колышется.
Сердце бьется; трудно дышется...
Отъ жары... иль мукъ?..

В. Войновъ.

АЛЬПІЙСКІЕ ЛЕДНИКИ.

(*Окончаніе* *).

Горные жители Альпъ давно знали, что ледники движутся и переносятъ валуны и каменные обломки. Въ настоящее время движеніе ледниковъ является изученнымъ достаточно тщательно. Первымъ научно удостовѣреннымъ фактомъ, подтверждающимъ движеніе ледниковъ, мы обязаны швейцарскому натуралисту Хюги. Въ 1827 году онъ приказалъ построить себѣ хижину на нижнемъ Аарскомъ ледникѣ. Въ 1830 году она очутилась уже на 100 метровъ, въ 1836 на 714, а 1849 году на 1.428 метровъ ниже своего первоначальнаго положенія. Скорость ея движенія равнялась слѣдовательно въ среднемъ 110 метрамъ въ годъ. Эта скорость была, какъ видно, не равномѣрна. Въ началѣ ледникъ двигался со средней скоростью всего 33 метровъ въ годъ, затѣмъ 103 и, наконецъ, 178 метровъ въ годъ, или около 2 сантиметровъ въ часъ. Различные случаи позволили опредѣлить скорость движенія другихъ ледниковъ. Такъ въ 1832 году въ нижнихъ частяхъ Ледяного Моря были найдены обломки лѣстницы, оставленной въ 1788 году Соссюромъ у подошвы Черной Иглы въ 4.350 метрахъ выше этого мѣста. Она двигалась со средней скоростью 114 метровъ въ годъ. Въ 1846 году на ледникѣ Талефра найденный ранецъ одного туриста, потерянный 10 лѣтъ тому назадъ его проводникомъ въ верхнихъ частяхъ ледника, указалъ на скорость движенія ледника въ 131 метръ въ годъ или 1,5 сантиметра въ часъ. Указаніями относительно средней скорости движенія ледника де-Боссонъ, спускающагося съ Монблана, мы обязаны несчастной случайности, первой катастрофѣ, имѣвшей мѣсто на Монбланѣ. Въ 1820 году дѣлалъ восхожденіе на Монбланъ русскій докторъ Гамель съ двумя молодыми англичанами въ сопровожденіи значительнаго числа гидовъ и носильщиковъ. Весь караванъ состоялъ изъ 15 или 16 человѣкъ. Когда они были недалеко отъ вершины, на нихъ упала лавина и нѣкоторыхъ только засыпала, такъ что они могли выбраться изъ снѣга, но три гида были увлечены

---

*). См. «Міръ Божій», № 5, май.

ею въ трещину и погребены въ ней, но не навѣки. Черезъ 41 годъ послѣ катастрофы, въ 1861 году, въ трещинѣ у нижняго конца ледника показались обрывки одежды, куски мяса, прекрасно сохранившіеся во льду, въ числѣ ихъ рука и три четверти черепа съ остатками волосъ, остатки двухъ другихъ рукъ, также обрывки веревки, фонарь, компасъ, обломокъ палки и такъ далѣе. Еще остававшіеся въ живыхъ товарищи погибшихъ легко могли опредѣлить, кому они принадлежали. «Кто бы могъ подумать,—сказалъ одинъ изъ нихъ,—что я еще разъ могъ бы пожать руку моего бѣднаго товарища». Сдѣланныя вычисленія показали, что эти остатки двигались со средней скоростью около 50 сантиметровъ въ сутки. Одинъ изъ наиболѣе медленныхъ ледниковъ въ Австрійскихъ Альпахъ выбросилъ около 1860 года хорошо сохранившійся трупъ въ костюмѣ такого стариннаго покроя, который уже много лѣтъ тому назадъ вышелъ изъ употребленія среди горныхъ жителей.

Агассису, Форбсу, Тиндалю и другимъ ученымъ мы обязаны несравненно болѣе точными данными относительно движенія ледниковъ. Изслѣдованія производились при помощи геодезическихъ инструментовъ и вѣхъ, которыя ставились въ различныхъ мѣстахъ ледника. Такимъ образомъ можно было наблюдать движеніе ледниковъ изо дня въ день. Эти изслѣдованія показали, что скорость движенія ледниковъ бываетъ весьма различна, отъ нѣсколькихъ миллиметровъ до 300 метровъ въ въ годъ, въ среднемъ же колеблется между 40 и 100 метрами въ годъ, то-есть 10—30 и даже 40 сантиметрами въ сутки. Такимъ образомъ, частица льда, чтобы пройти изъ верхнихъ частей ледника до его основанія, требуетъ весьма значительнаго времени. Вычислено, что частица льда на мѣстѣ сліянія двухъ главныхъ вѣтвей Нижнеаарскаго ледника доходитъ до конца послѣдняго черезъ 130 лѣтъ, проходя въ теченіе этого времени разстояніе всего въ 8.300 метровъ (то-есть около 8¹/₄ версты). Если бы по тому же самому руслу текла водная рѣка съ одинаковымъ количествомъ воды, то она двигалась бы въ 8 или даже 10 милліоновъ разъ быстрѣе. Такъ медленно двигаются ледники, что и неудивительно, такъ какъ ледъ только въ незначительной степени обладаетъ свойствами воды.

Еще однимъ изъ первыхъ изслѣдователей ледниковъ, епископомъ Рандю, было указано, что между ледникомъ и рѣкою существуетъ самое полное сходство. Послѣдующія наблюденія показали, что дѣйствительно это сходство весьма велико, хотя и не доходитъ до тождественности. Эти ледяныя рѣки дѣйствительно суть рѣки, хотя и нѣсколько особенныя.

Ранѣе предполагали, что ледникъ просто скользитъ по своему ложу подъ вліяніемъ силы тяжести всей своей массой. Но какъ показываютъ наблюденія, хотя скольженіе ледниковъ дѣйствительно имѣетъ мѣсто, оно совершается несравненно медленнѣе, чѣмъ общее теченіе ледника, по той причинѣ, что ледникъ примерзаетъ къ своему ложу и можетъ

передвигаться по нему, вслѣдствіе огромнаго возникающаго отсюда тренія, лишь съ большимъ трудомъ. Этимъ примерзаніемъ ледника къ своему ложу объясняется, почему висячіе ледники держатся на такихъ большихъ покатостяхъ, и почему ихъ движеніе, между тѣмъ, часто значительно медленнѣе, чѣмъ виженіе ледниковъ большихъ по размѣрамъ, но съ меньшимъ уклономъ. Ледникъ не столько скользитъ по своему ложу, сколько течетъ по нему, и въ теченіи ледника существуетъ большое сходство съ теченіемъ рѣки.

Кому приходилось переплывать быстротекущія рѣки, тотъ знаетъ, что посрединѣ рѣки теченіе гораздо быстрѣе, чѣмъ по краямъ. Это объясняется треніемъ воды о берега, которое здѣсь замедляетъ быстроту ея теченія. То же самое наблюдается и во всѣхъ ледникахъ. Если поперекъ ледника вбить прямой рядъ вѣхъ, то черезъ нѣкоторое время окажется, что онъ изогнулся и образовалъ выпуклость по теченію ледника, иными словами, что середина ледника передвинулась впередъ болѣе его краевъ. Всего медленнѣе теченіе ледника у береговъ его, гдѣ оно задерживается треніемъ о скалы; затѣмъ оно быстро возрастаетъ и на срединѣ ледника на значительномъ протяженіи остается почти одинаковымъ. Оно бываетъ здѣсь въ 3—4 раза быстрѣе, чѣмъ у береговъ.

Всякому приходилось, вѣроятно, наблюдать также, что въ случаѣ, если рѣка образуетъ многочисленные извивы, то теченіе ея ускоряется тамъ, гдѣ она вдается въ материкъ, и замедляется тамъ, гдѣ материкъ вдается мысами въ рѣку; здѣсь, вслѣдствіе замедленія теченія, образуются обыкновенно отмели. Изслѣдованія показали, что точно также и въ ледникѣ линія его наибыстрѣйшаго теченія не совпадаетъ съ его серединой, но является болѣе извилистою, чѣмъ самая долина, по которой движется ледникъ, уклоняясь къ выпуклой сторонѣ каждаго изгиба ледника.

Точно также какъ въ рѣкѣ, быстрота теченія ледника на поверхности больше, чѣмъ въ глубинѣ, гдѣ скорость движенія уменьшается вслѣдствіе тренія его о дно. Тиндаль спустился съ опасностью для жизни въ пропасть, которая находилась между скалами и неплотно прилежащимъ къ нимъ ледникомъ Такюля выше Ледяного Моря, и воткнулъ въ вертикальную ледяную стѣну три вѣхи, одну наверху, другую по срединѣ и третью на самой глубинѣ. Черезъ два дня оказалось, что верхняя вѣха въ теченіе сутокъ перемѣстилась на 14 сантиметровъ, средняя прошла всего 10,5 сант., а нижняя только 6.

Наконецъ, точно также какъ въ рѣкѣ, скорость движенія ледника вообще тѣмъ больше, чѣмъ круче наклонъ его русла. Это правило имѣетъ, однако, значеніе лишь для ледниковъ приблизительно одинаковой массивности.

Таково сходство ледниковъ съ рѣками. Въ движеніи ледника есть, однако, одно явленіе, которое не находитъ себѣ соотвѣтствія въ те-

кущей водѣ и обусловливается различіемъ между свойствами воды и глетчернаго льда. Вода есть тѣло несжимаемое. Напротивъ, глетчерный ледъ всегда содержитъ въ себѣ воздухъ, и когда этотъ воздухъ дѣйствіемъ тяжести изъ него вытѣсняется, объемъ его уменьшается. Вслѣдствіе этого глетчерный ледъ всею своею массой осѣдаетъ книзу, и это движеніе маскируетъ его настоящее теченіе. Понятно, чѣмъ ледникъ тяжелѣе, иными словами массивнѣе, тѣмъ сильнѣе его осѣданіе. Вслѣдствіе этого скорость движенія ледника зависитъ отъ его массивности и при прочихъ одинаковыхъ условіяхъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ ледникъ массивнѣе, такъ что небольшіе, хотя бы и очень крутые, ледники ползутъ, однако, медленнѣе, чѣмъ большіе ледники съ гораздо меньшимъ уклономъ русла. Равнымъ образомъ, въ каждомъ отдѣльномъ ледникѣ наиболѣе быстрое теченіе наблюдается тамъ, гдѣ ледники всего толще.

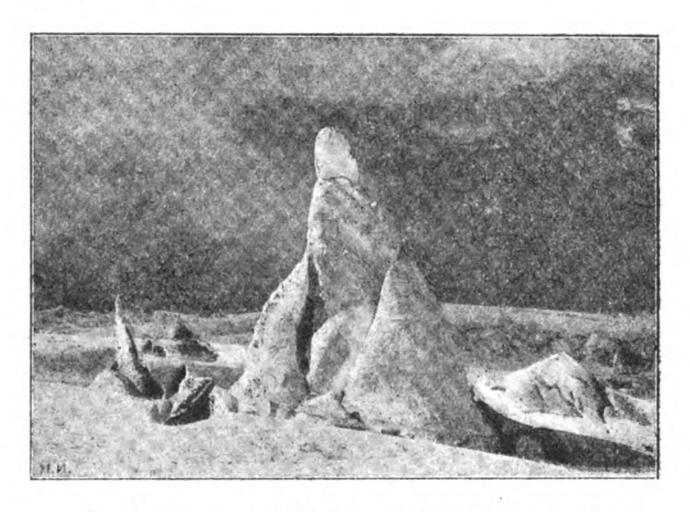

Рис. 9. Ледникъ де-Бостонъ. Ледяныя пирамиды.

Это давленіе выше лежащихъ массъ производитъ во льду явленія смерзанія, которыя и лишаютъ ледники ихъ полнаго сходства съ рѣками. Ледниковый ледъ не есть тѣло совершенно плотное, какъ вода. Въ немъ существуютъ прожилки и небольшія полости, наполненныя воздухомъ. При смерзаніи этотъ воздухъ вытѣсняется, а ледъ становится все плотнѣе, его зерна тѣснѣе сближаются другъ съ другомъ и его объемъ уменьшается. Само собою понятно, что сближеніе зеренъ или частицъ льда должно происходить по направленію давленія, то-есть сверху внизъ, отъ начала ледника къ его нижнему концу. Предположимъ, что нижній конецъ ледника остается неподвижнымъ. Онъ и на самомъ дѣлѣ остается въ теченіе долгаго времени на одномъ и томъ же мѣстѣ, но это зависитъ отъ того, что постоянно притекающій ледъ съ такой же быстротой таетъ. Но предположимъ, что въ ледникѣ не происходитъ поверхностнаго таянія, потому, напр., что

температура окружающаго воздуха не поднимается выше нуля, и тѣмъ не менѣе его нижній конецъ остается на томъ же мѣстѣ, положимъ, задержанный какой-нибудь могущественной преградой. Тогда въ вышележащихъ частяхъ ледника, тѣмъ не менѣе, наблюдалось бы теченіе вслѣдствіе смерзанія и сближенія зеренъ льда по направленію давленія. Нѣкоторые изслѣдователи видѣли даже въ процессахъ смерзанія единственную причину движенія ледниковъ. Чѣмъ сильнѣе давленіе, тѣмъ сильнѣе и смерзаніе.

При продавливаніи льда черезъ узкую долину онъ подвергается давленію не только по направленію сверху внизъ, но также и съ боковъ. Вслѣдствіе этого его середина обыкновенно нѣсколько вздувается; это поднятіе середины сравнительно съ боками, какъ увидимъ далѣе, еще болѣе увеличивается вслѣдствіе другихъ причинъ.

Движеніе льда, вслѣдствіе смерзанія, очевидно, должно стоять въ зависимости отъ температуры. Чѣмъ ближе къ точкѣ таянія, тѣмъ ледъ пластичнѣе и тѣмъ съ большею силою происходятъ процессы смерзанія, ведущіе къ движенію, въ сущности осѣданію, всей массы ледника отъ вершины къ основанію. Когда ледъ охлажденъ на много градусовъ ниже точки таянія, онъ при давленіи теряетъ способность вылѣпляться въ любыя формы, а просто раздробляется въ бѣлый порошокъ; онъ перестаетъ быть пластичнымъ, такъ какъ теряетъ способность смерзанія. Вслѣдствіе этого и движеніе ледника, обусловленное смерзаніемъ, должно тѣмъ болѣе замедляться, чѣмъ болѣе понижается температура. Дѣйствительно мы видимъ, что зимою движеніе ледника значительно замедляется. Скорость Ледяного Моря у Монтанвера равна лѣтомъ 75 сантиметрамъ въ день, между тѣмъ какъ зимою она падаетъ до 40 сантиметровъ.

Должно замѣтить, впрочемъ, что изслѣдованія поступательнаго движенія ледниковъ, сдѣланныя до сихъ поръ, еще очень немногочисленны, и самая теорія ихъ движенія требуетъ большей детальной разработки.

Всѣ эти разнообразныя причины вліяютъ на скорость движенія ледниковъ въ различныхъ мѣстахъ, такъ что въ однихъ ледникахъ, напримѣръ, скорость движенія возрастаетъ отъ начала къ основанію, въ другихъ наоборотъ.

Такимъ образомъ, движеніе льда вообще является возможнымъ въ силу того, что ледъ приближается по своимъ свойствамъ къ тѣламъ пластическимъ. Есть, однако, весьма важная особенность, отличающая его, положимъ, отъ смолы или мягкаго воска. Давленіемъ можно придать льду любую форму; изъ него можно получить шары, кубы, вазы, статуэтки. Прямые ледяные бруски могутъ быть согнуты въ кольца и даже завязаны въ узлы. Но ледъ, который можно такимъ образомъ лѣпить, нѣтъ возможности растянуть безъ того, чтобы онъ не разорвался. Необходимое условіе при измѣненіи формы льда состоитъ въ томъ, чтобы частицы льда оставались въ тѣсномъ соприкосновеніи, такъ, чтобы

при нарушеніи прежней связи немедленно могла возстановиться новая. Если же ледъ подвергается сильному растяженію, то онъ не вытягивается, какъ воскъ или смола, но разрывается.

Вслѣдствіе этого и въ ледникахъ возникаютъ разрывы, трещины, вездѣ, гдѣ ледъ подвергается растяженію. Если, напримѣръ, русло ледяного потока дѣлается болѣе крутымъ, то ледъ перегибается и въ перегибѣ ломается. Такимъ образомъ, въ ледникѣ возникаютъ поперечныя трещины, особенно изобильныя въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ русло ледника становится особенно крутымъ. Тогда ледъ, ломаясь при основаніи крутизны, спускается черезъ порогъ раздробленной массой ледопада. Перейдя порогъ, эти массы вновь смерзаются другъ съ другомъ и нарушенная связь возстановляется. Чѣмъ круче склонъ, тѣмъ больше образуется и трещинъ, и тѣмъ онѣ шире.

Если дно ледниковаго ложа поднимается въ видѣ продольнаго вала, то ледъ перегибается по обѣ стороны и растрескивается вдоль. Такимъ образомъ возникаетъ вторая форма трещинъ—трещины продольныя. Само собой понятно, что продольныя трещины могутъ существовать одновременно съ поперечными.

Иногда неровности дна имѣютъ такую форму, что ледъ раскалывается на ледяныя четырехстороннія призмы, которымъ по сходству съ мѣстнымъ сыромъ, легко раскалывающимся на кубическіе кусочки, даютъ названіе сераковъ.

У нижняго конца ледника, когда ледянная рѣка, выходя изъ узкаго ущелья въ нижнюю долину, широко разливается, подъ напоромъ спускающихся сверху массъ льда она раздается въ ширь, и вслѣдствіе этого по всему откосу появляются лучеобразныя трещины, имѣющія часто видъ развернутаго вѣера. Это такъ называемыя радіальныя трещины.

Всѣ эти трещины болѣе или менѣе случайны и не составляютъ необходимой принадлежности каждаго ледника. Напротивъ, на каждомъ ледникѣ существуютъ косыя краевыя трещины. Какъ мы уже знаемъ, середина ледника движется быстрѣе, чѣмъ его края, движеніе которыхъ замедляется треніемъ о берега. Такимъ образомъ, середина ледника какъ бы оттягиваетъ его края, стремясь оторвать ихъ отъ береговъ. Сила тяги направлена сверху внизъ подъ угломъ въ 45 градусовъ къ оси ледника. Эта сила настолько велика, что ледъ разрывается и образуетъ трещины, идущія, само собою понятно, въ направленіи перпендикулярномъ къ направленію тяги, то-есть приблизительно подъ угломъ въ 45 градусовъ отъ краевъ къ серединѣ вверхъ по теченію. При взглядѣ на эти краевыя трещины легко можетъ показаться, что ледникъ движется у краевъ быстрѣе, чѣмъ по срединѣ, и большинство первыхъ изслѣдователей дѣйствительно дѣлало эту ошибку. Но какъ разсужденіе, такъ и болѣе точное наблюденіе убѣждаетъ насъ въ противномъ. Вслѣдствіе движенія ледника эти трещины, однако, скоро из-

мѣняютъ свое первоначальное направленіе. По срединѣ ледникъ движется скорѣе, и вслѣдствіе этого трещины своими внутренними концами все болѣе и болѣе направляются внизъ. Сначала онѣ становятся поперечными, затѣмъ принимаютъ косое направленіе по теченію ледника. Такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ на ледникѣ возникаютъ новыя краевыя трещины, направленныя косо противъ теченія, и слѣдовательно перекрещивающіяся съ тѣми, которыя возникли ранѣе и уже успѣли измѣнить свое направленіе, то края ледника покрываются обыкновенно цѣлой сѣтью трещинъ, и если къ этимъ трещинамъ присоединяются еще продольныя и поперечныя, то ледникъ становится часто въ этихъ мѣстахъ совершенно непроходимымъ.

Чѣмъ значительнѣе разница въ быстротѣ движенія краевъ ледника и его середины, тѣмъ болѣе появляется краевыхъ трещинъ. Поэтому, онѣ особенно изобилуютъ на выпуклой сторонѣ заворота ледниковаго потока, гдѣ линія наибыстрѣйшаго движенія смѣщается, какъ мы знаемъ, въ сторону выпуклости, а треніе о скалы еще болѣе увеличивается.

Такъ какъ ледникъ движется очень медленно, то и трещины образуются весьма постепенно. При взглядѣ на эти раздробленныя ледяныя массы, словно изломанныя исполинскою рукою, невольно возникаетъ мысль о странномъ и внезапномъ проявленіи силы, о бурномъ переворотѣ въ природѣ. У путешественника, вступающаго на раздробленный ледникъ, невольно родится опасеніе, что каждую минуту можетъ произойти такая же катастрофа, грозящая ему неминуемой гибелью. На самомъ дѣлѣ, однако, это не такъ. Эти страшныя трещины суть результатъ медленно дѣйствующихъ силъ. Идя по леднику, нерѣдко можно слышать, какъ въ глубинѣ его раздается страшный трескъ и стонъ, глухіе раскаты, производимые разрывомъ льда. Они сопровождаются характернымъ звукомъ: какъ будто бы исполинскимъ алмазомъ рѣзали стеклянную толщу. Невольный страхъ овладѣваетъ путешественникомъ, которому кажется, что вотъ—вотъ ледяной покровъ подъ нимъ разверзнется и поглотить его въ своей страшной пасти. Когда, однако, все стихнетъ, то образовавшуюся вновь трещину бываетъ трудно найти, и въ нее едва можно просунуть остріе ножа—такъ узка она при своемъ возникновеніи. Лишь постепенно, крайне медленно, края ея расходятся и она превращается въ одну изъ тѣхъ безднъ, которыя невольно пугаютъ взоръ. Голубоватыя стѣны, исчерченныя поперечными полосами, исчезаютъ въ темной глубинѣ, изъ которой слышится журчаніе текущей воды и вѣетъ холодомъ могилы.

Эти трещины заваливаются зимою снѣгомъ, иногда заносясь только сверху, и въ такомъ случаѣ представляютъ большую опасность для восхожденій. Оставаясь послѣ въ трещинахъ ледника и смерзаясь съ нимъ въ одну общую массу, снѣгъ образуетъ въ немъ бѣловатыя прожилки, тянущіяся въ толщѣ льда въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ. Внутреннія трещины и прожилки между частицами льда за-

полняются водой, образующейся отъ таянія льда при смерзаніи, и тотчасъ же вновь замерзающей. Такимъ образомъ во льду образуются новыя прожилки, особенно прозрачнаго голубого льда.

Если вслѣдствіе растяженія во льду образуются трещины, то вслѣдствіе давленія ледъ принимаетъ пластинчатую структуру, тѣмъ болѣе ясную, чѣмъ сильнѣе было давленіе. Такое явленіе часто можно замѣтить и на другихъ тѣлахъ. Такъ, напримѣръ, даже такое твердое тѣло, какъ сталь, становится въ старыхъ рельсахъ, долго подвергавшихся давленію проходившихъ по нимъ поѣздовъ, пластинчатымъ, и въ своихъ поверхностныхъ слояхъ легко расщепляется на тонкія пластинки. Вслѣдствіе давленія принимаетъ пластинчатое строеніе и ледъ, и это строеніе тѣмъ замѣтнѣе, чѣмъ сильнѣе было давленіе. Такой ледъ, особенно вывѣтрившійся, легко раскалывается на тонкіе листы по какому-нибудь одному направленію. Такъ какъ направленіе давленія идетъ перпендикулярно къ направленію растяженія, вслѣдствіе котораго во льду образуются трещины, то ледъ колется всегда въ перпендикулярномъ направленіи къ направленію трещинъ. Эти два явленія, трещины и пластинчатое строеніе, такъ сказать, дополняютъ другъ друга, Точно также, какъ и въ трещинахъ, можно различить краевое, поперечное и продольное пластинчатое строеніе льда. Поперечное строеніе возникаетъ вслѣдствіе давленія на ледъ напирающихъ сверху массъ и съ особенною ясностію обнаруживается при основаніи ледопадовъ. Продольное возникаетъ вслѣдствіе давленія съ боковъ, особенно когда ледъ протѣсняется черезъ узкое ущелье. Краевое — вслѣдствіе того, что середина ледника движется скорѣе его краевъ, отъ чего ледъ растягивается по направленію отъ краевъ къ серединѣ и сверху внизъ и, наоборотъ, сжимается въ направленіи перпендикулярномъ. Въ здоровомъ льдѣ пластинчатость обнаруживается голубыми полосами, протянутыми въ общей бѣловатой массѣ ледника; эти голубыя жилы соотвѣтствуютъ частямъ льда, изъ которыхъ воздушные пузырьки болѣе или менѣе изгнаны. Возникающія такимъ образомъ жилы съ особенною ясностію обнаруживаются на нижнемъ концѣ ледника, гдѣ его поверхность обтаиваетъ и становится особенно чистой, какъ увидимъ далѣе.

По мѣрѣ своего движенія впередъ ледникъ увлекаетъ всѣ обломки скалъ и груды мелкаго щебня, падающаго на него съ окружающихъ скалъ.

Мы привыкли считать горы символомъ крѣпости, но тотъ, кто видѣлъ ихъ вблизи, знаетъ, что это совершенно невѣрно. Эти гранитные гиганты вблизи оказываются всѣ покрытыми трещинами и разваливающимися на отдѣльныя глыбы. Вслѣдствіе этого они принимаютъ самыя причудливыя очертанія башенъ, колоннъ, обелисковъ и такъ далѣе. Солнце нагрѣваетъ горы неравномѣрно, и точно также неравномѣрно онѣ охлаждаются. Вслѣдствіе этого съ горами происходитъ то же самое, что случается при быстромъ нагрѣваніи и охлажденіи съ

ламповыми стеклами или чайными стаканами: онѣ трескаются. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ горы представляютъ ровныя гладкія поверхности, какъ, напримѣръ, по бокамъ Симплонскаго прохода, часто можно видѣть прорѣзывающія ихъ трещины во всѣхъ стадіяхъ ихъ образованія, начиная отъ самыхъ узкихъ и до превращающихся въ ущелья. Горы словно разрублены исполинскимъ мечомъ. Края трещины мало-по-малу вывѣтриваются и становятся неровными, вслѣдствіе чего самыя трещины расширяются. Въ эти трещины заливается вода, которая при замерзаніи расширяется, распираетъ каменную массу и ломаетъ ее на отдѣльныя глыбы. Этотъ процессъ продолжается до тѣхъ поръ, пока вся гора не разсыпится на груду каменныхъ обломковъ и щебня, постепенно заростающаго травой. Огромные камни, оторванные отъ горы скатываются внизъ и здѣсь нагромождаются, представляя картину

Рис. 10. Ледяное море. Нижній конецъ ледника.

полнаго хаоса и разрушенія, какую мы можемъ, напримѣръ, видѣть на Планъ де-л'Эгиль, у подножія пиковъ цѣпи Монблана.

Эти обломки, начиная съ огромныхъ каменныхъ глыбъ и кончая пескомъ и пылью, падаютъ также и на поверхность ледника и увлекаются имъ въ своемъ теченіи. Иногда вся поверхность ледника бываетъ покрыта пескомъ, пылью и мелкими камешками и становится грязной. Но понятно, что эти обломки падаютъ, главнымъ образомъ на края ледника и образуютъ, такимъ образомъ, двѣ продольныя гряды съ его боковъ. Это—такъ называемыя краевыя морены, достигающія въ различныхъ ледникахъ различной массивности. Всѣ эти обломки увлекаются ледникомъ въ своемъ теченіи и складываются имъ при своемъ концѣ. Такимъ образомъ возникаетъ конечная морена. Значительная часть ихъ проваливается въ трещины ледника и движется по его дну, образуя основную или подонную морену. У конца ледника

боковыя морены обыкновенно исчезаютъ, проваливаясь въ трещины. Если два ледника сливаются вмѣстѣ, то и ихъ боковыя морены соединяются въ одну. Такимъ образомъ возникаетъ изъ двухъ боковыхъ моренъ одна серединная. Если возникшій такимъ образомъ ледяной потокъ принимаетъ новые притоки, то и количество серединныхъ моренъ увеличивается, такъ что по числу ихъ можно судить, изъ слiянiя сколькихъ меньшихъ ледниковъ возникъ одинъ большой. Серединныхъ моренъ всегда на одну меньше числа ледниковъ, слившихся другъ съ другомъ. Въ видѣ длинныхъ параллельныхъ полосъ тянутся онѣ вдоль ледника, слѣдя за всѣми его извивами. Серединныя и боковыя морены, кажется, нигдѣ не выражены такъ ясно, какъ на Большомъ Алечѣ, берущемъ свое начало въ фирновомъ бассейнѣ между Юнгфрау и Мёнхомъ, принимающемъ далѣе по дорогѣ многочисленные притоки, изъ которыхъ самый большой Среднiй Алечъ, и прокладывающемъ себѣ путь дальше среди живописныхъ горъ.

По мѣрѣ того, какъ ледникъ сползаетъ книзу горы въ мѣста все болѣе и болѣе теплыя, онъ таетъ. Его нижнiй конецъ останавливается на томъ мѣстѣ, гдѣ льда таетъ ровно столько, сколько его прибываетъ. Это зависитъ отъ массивности ледника и скорости его движенiя. Въ то время какъ одни ледники едва спускаются своими нижними концами ниже снѣговой линiи, другiе складываютъ свои конечныя морены среди хвойныхъ и лиственныхъ лѣсовъ, обработанныхъ полей и плодовыхъ садовъ.

Въ ледникахъ центральныхъ Альпъ въ августѣ ледъ стаиваетъ среднимъ числомъ на 3—4 сантиметра въ день, а въ годъ на 3—3,5 метра. При благопрiятной погодѣ таянiе идетъ еще быстрѣе. Вслѣдствiе этого, во-первыхъ, значительно измѣняется самая поверхность ледника. Бока его таютъ обыкновенно сильнѣе, чѣмъ середина, такъ какъ здѣсь ледъ находится подъ дѣйствiемъ теплоты, отражаемой отъ скалъ. Вслѣдствiе этого обыкновенная выпуклость ледника, возникающая отъ большей скорости движенiя по срединѣ и давленiя съ боковъ, значительно увеличивается, и особенно въ нижнихъ своихъ частяхъ ледникъ представляетъ форму горба.

Таящая вода то разливается въ видѣ лужъ или небольшихъ озеръ, то пролагаетъ себѣ путь среди льда и снѣга въ видѣ ручьевъ. Ручьи размываютъ только что образовавшiяся трещины и низвергаются водопадами въ трещины болѣе глубокiя. Въ такихъ случаяхъ они размываютъ часто свое отверстiе въ видѣ большихъ воронокъ, извѣстныхъ подъ названiемъ ледниковыхъ мельницъ. Трещины ледника образуются болѣе или менѣе на опредѣленныхъ мѣстахъ. Такъ какъ ледникъ движется, то изъ послѣдовательнаго растрескиванiя его на одномъ и томъ же мѣстѣ возникаетъ цѣлый рядъ трещинъ. Когда ручей пересѣкаетъ такое мѣсто образованiя трещинъ, то онъ послѣдовательно образуетъ ледниковую мельницу въ каждой новой трещинѣ, преграждающей его путь,

между тѣмъ какъ предшествовавшая трещина становится безводной. Такимъ образомъ возникаетъ часто цѣлый рядъ пустыхъ ледяныхъ мельницъ или мѣшковъ, слѣдующихъ другъ за другомъ. Всѣ они движутся вмѣстѣ съ ледникомъ и рано или поздно достигаютъ его нижняго конца.

Таянію ледника обязаны своимъ происхожденіемъ также волны на его поверхности, придающія ему еще большее сходство съ воднымъ потокомъ или моремъ. Переходя черезъ пороги ледопадомъ, ледъ растрескивается въ видѣ мелкихъ узкихъ гребней перпендикулярныхъ къ оси его движенія, раздѣленныхъ глубокими трещинами. Предположимъ, что ледникъ движется съ юга на сѣверъ, какое направленіе имѣетъ, напримѣръ, Ледяное Море въ Шамуни. Въ такомъ случаѣ грани реберъ, обращенныя къ югу и, слѣдовательно, находящіяся подъ болѣе сильнымъ дѣйствіемъ солнечныхъ лучей, будутъ таять скорѣе. Вслѣдствіе этого, когда ледникъ пройдетъ черезъ ледопадъ, и его трещины снова закроются, на поверхности его останется рядъ волнъ съ гребнями болѣе отлогими съ солнечной стороны и болѣе крутыми съ противоположной. Къ нижнему концу ледника эта волнистость, вслѣдствіе сильнаго таянія, постепенно сглаживается. Но если поверхность ледника сильно загрязняется мелкими гальками и пескомъ, сыпящимся на него съ окружающихъ горъ, то вся эта грязь скопляется въ углубленіяхъ между ледяными ребрами, и когда послѣднія обтаютъ, остается на поверхности ледника въ видѣ параллельныхъ бурыхъ или красныхъ грязевыхъ полосъ, которыя, соотвѣтственно болѣе быстрому движенію ледника по срединѣ, изгибаются выпуклостью впередъ. Если ледникъ образовался изъ слiянія нѣсколькихъ ледниковъ, то грязевыя полосы, равно какъ и волнистость, замѣчаются, понятно, только въ той его части, отдѣленной срединными моренами отъ другихъ частей, которая соотвѣтствуетъ его притоку, прошедшему черезъ ледопадъ, какъ мы видимъ это, напримѣръ, на Алечскомъ ледникѣ.

Посмотримъ теперь, какое вліяніе оказываютъ на таяніе ледника находящіяся на его поверхности различной величины каменныя глыбы и мелкія гальки.

Если поверхность ледника покрыта мелкими темными гальками, то послѣднія сильнѣе поглощаютъ теплоту, нагрѣваются сильнѣе, чѣмъ окружающій ледъ, и отдаютъ ему свою теплоту. Ледъ подъ ними таетъ, и онѣ медленно опускаются въ узкія углубленія, образовавшіяся подъ ними отъ дѣйствія ихъ же теплоты. Такимъ образомъ возникаютъ ледниковые колодцы или стаканы, на днѣ которыхъ всегда можно найти одинъ или нѣсколько маленькихъ камушковъ, мертвое насѣкомое и т. д. Величина ихъ никогда не бываетъ значительна. Когда такихъ остатковъ много, они придаютъ поверхности ледника видъ рѣшета.

Совершенно иной результатъ получается, если такія гальки и мелкіе

обломки вмѣстѣ съ пескомъ скопляются въ видѣ большихъ кучъ. Тогда солнце не въ состояніи прогрѣть ихъ насквозь, и они предохраняютъ всей своей массой находящійся подъ ними ледъ отъ таянія. По мѣрѣ того, какъ окружающій ледъ таетъ, такія кучи какъ будто выростаютъ на немъ все выше и выше, пока не становятся настолько велики, что мелкіе камни сползаютъ по ихъ бокамъ, и куча обнажается, а затѣмъ быстро стаиваетъ. Морены, находящіяся на ледникѣ, всей своей массой представляютъ такія же кучи и, предохраняя отъ таянія находящійся подъ ними ледъ, значительно возвышаются надъ поверхностью ледника, достигая иногда 20 или 25 метровъ. При взглядѣ на нихъ невольно приходишь въ удивленіе, какимъ образомъ могла быть нагромождена такая масса камня, но ближайшее разслѣдованіе доказываетъ, что слой камня и песку сравнительно весьма не великъ,

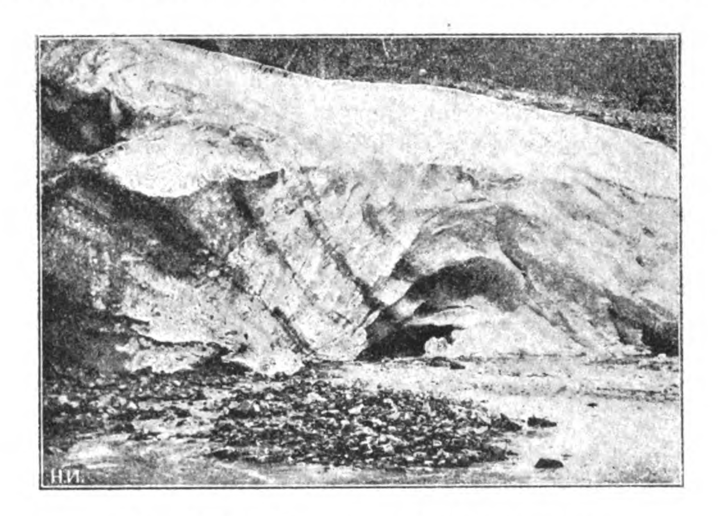

Рис. 11. Ронскій ледникъ. Ледниковая арка.

главная же масса морены состоитъ изъ находящагося подъ нею прозрачнаго льда, защищеннаго отъ таянія.

Любопытное зрѣлище представляютъ такъ называемые ледниковые столы. Если на поверхности ледника находятся большіе камни и каменныя плиты, то они точно также защищаютъ находящійся подъ ними ледъ отъ таянія, какъ и ледниковыя кучи. По мѣрѣ того какъ окружающій ледъ таетъ, они какъ бы выростаютъ на его поверхности словно исполинскіе каменные грибы на ледяныхъ ножкахъ въ 2, 3, а иногда даже до 14 метровъ. Эти ледниковые столы бываютъ иногда громадной величины и сидятъ на поверхности ледниковъ какъ бы гнѣздами. Они никогда не бываютъ расположены совершенно горизонтально, но бываютъ наклонены всѣ въ одну сторону, именно въ сторону наибольшаго освѣщенія, то-есть къ югу, что зависитъ отъ того, что съ этой стороны поддерживающая ихъ ледяная ножка таетъ

сильнѣе и крышка накреняется. Нерѣдко эти ножки, въ свою очередь, бываютъ изрыты ледниковыми стаканами. Мало-по-малу ледяной пьедесталъ обтаиваетъ такъ сильно, и наклонъ каменной крышки становится настолько значителенъ, что она сползаетъ съ своего ледянаго подножія. Тогда подъ нею начинается образованіе новой ледяной ножки, а прежняя быстро стаиваетъ.

Особенно красивыя формы принимаетъ вслѣдствіе таянія ледъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ раздробленъ на сераки. Вслѣдствіе неравномѣрнаго обтаиванія этихъ ледяныхъ столбовъ и призмъ, они принимаютъ самыя причудливыя формы статуй, колоннъ, животныхъ, ледяныхъ бабъ и такъ далѣе. Нѣкоторыя изъ нихъ оказываются особенно устойчивыми противъ дѣйствія солнца и возвышаются надъ поверхно-

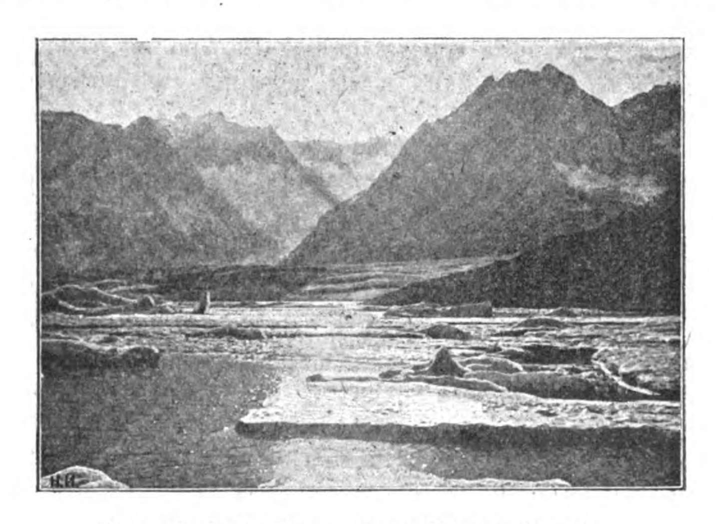

Рис. 12. Озеро Мейриленвее. Плавающій ледъ.

стью ледника въ видѣ огромныхъ снѣжныхъ пирамидъ, величиною съ небольшую колокольню.

Вслѣдствіе постепеннаго таянія ледника, морены, провалившіяся въ его трещины, нерѣдко ниже вновь выходятъ на его поверхность. Самый нижній конецъ ледника, вслѣдствіе сильнаго таянія, обыкновенно очищается отъ покрывающихъ его камней и грязи, вслѣдствіе сильнаго давленія трещины здѣсь замыкаются, и ледъ становится особенно чистымъ и прозрачнымъ.

Образующаяся отъ таянія вода течетъ по поверхности ледника въ видѣ ручьевъ, низвергаясь шумными водопадами въ его многочисленныя трещины и мельницы. Она скопляется такимъ образомъ подъ ледникомъ и здѣсь прокладываетъ себѣ русло въ видѣ подледниковаго потока по подледниковой галлереѣ, которая нерѣдко имѣетъ весьма значительную длину. Въ Марсельскомъ ледникѣ въ нее удавалось проникать болѣе чѣмъ на 200 метровъ. На верхнемъ Гриндельвальдскомъ

глетчерѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ провалился въ трещину одинъ изъ мѣстныхъ жителей. На глубинѣ 120 метровъ съ поломанной рукой, но въ сознаніи онъ достигъ дна. Онъ направился вверхъ по нижней галлереѣ и у подножія Веттергорна благополучно выбрался на дневную поверхность.

Надъ мѣстомъ выхода потока изъ нижняго конца ледника обыкновенно возвышается обширная, ледяная арка, или, какъ ее называютъ иначе, ледниковыя ворота. Дивное зрѣлище представляетъ ледникъ въ этомъ мѣстѣ. Его нижній конецъ, вслѣдствіе усиленнаго таянія, словно обрѣзанъ и блещетъ прозрачностью своего голубого льда. Съ шумомъ и ревомъ, доходящимъ до оглушительнаго грохота, вырывается изъ ледниковыхъ воротъ бурный потокъ, вода котораго несетъ съ собою массу песка и ила и потому имѣетъ обыкновенно молочнобѣлый, желтый или даже темный цвѣтъ. Клубясь и пѣнясь, словно кипя, несется онъ далѣе мимо скалъ, пролагая свой путь среди обломковъ конечной морены.

Ледники холодныхъ странъ спускаются обыкновенно прямо въ море, образуя плавающіе льды или ледяныя горы, Айсберги. Нѣкоторое понятіе объ этой мало кому доступной картинѣ можетъ дать небольшое озеро Мейриленэее, мимо котораго проходитъ Алечскій ледникъ и сбрасываетъ въ него обломки своего льда. Вся поверхность озера покрыта этими плавающими льдинами, то образующими небольшія ледяныя поля, то плавающими отдѣльно въ самыхъ причудливыхъ формахъ.

Мы достигли до нижняго конца ледника и ознакомились съ главнѣйшими явленіями, которыя онъ представляетъ. Остается сказать нѣсколько словъ о тѣхъ слѣдахъ, которые ледники оставляютъ въ мѣстахъ, гдѣ проходятъ. Трудно проникнуть подъ ледникъ и посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Но ледники не остаются постоянными. Вслѣдствіе различныхъ причинъ одни ихъ нихъ увеличиваются и даже образуются вновь, другіе, наоборотъ, уменьшаются и отступаютъ въ горы, оставляя пустымъ свое прежнее ложе. Поверхность послѣдняго всегда сохраняетъ ясные слѣды прохожденія ледника, и эти слѣды не стерлись мѣстами за десятки тысячъ вѣковъ, такъ что по нимъ мы можемъ съ достовѣрностью сказать, что здѣсь вотъ проходилъ когда то ледникъ.

Во-первыхъ, это обломки скалъ, которые ледникъ переноситъ въ видѣ моренъ, въ которыхъ огромныя каменныя глыбы, камни, щебень и песокъ перемѣшаны обыкновенно безо всякаго порядка. Если ледникъ отступаетъ въ горы, онъ оставляетъ за собою цѣлый рядъ конечныхъ и боковыхъ моренъ, которыя затѣмъ постепенно зарастаютъ кустарниками, травой и лѣсомъ. Точно такія же остатки боковыхъ и серединныхъ моренъ и валуны остаются по бокамъ ледника на покатостяхъ горъ, въ горныхъ долинахъ или на островахъ среди убывающаго ледника. Далѣе, какъ мы видѣли, ледникъ съ огромнымъ напоромъ скользитъ по своему ложу, увлекая всѣ вмерзшія въ его нижнюю

поверхность каменные обломки. Онъ проходитъ по своему ложу, какъ гигантскій стругъ, дробитъ и стираетъ породы, превращаетъ ихъ въ песокъ и грязь. Отъ того то вода, вытекающаго изъ ледника потока и бываетъ такой мутной. Ледникъ оставляетъ продольные борозды на скалахъ, по которымъ проходитъ, и отполировываетъ ихъ. По бокамъ верхняго Гриндельвальдскаго ледника скалы отполированы мѣстами дѣйствіемъ камней, проваливающихся въ трещины у его краевъ, съ такимъ совершенствомъ, что трудно ходить. Ледникъ сглаживаетъ, словно слизываетъ, всѣ встрѣчающіяся на его пути неровности, придавая имъ закругленную форму такъ называемыхъ бараньихъ лбовъ. Почти всюду по бокамъ ледника и часто по срединѣ его можно найти эти характерные бараньи лбы. Одну изъ любимыхъ экскурсій въ Шамуни составляетъ огромный бараній лобъ въ верхней части Ледяного

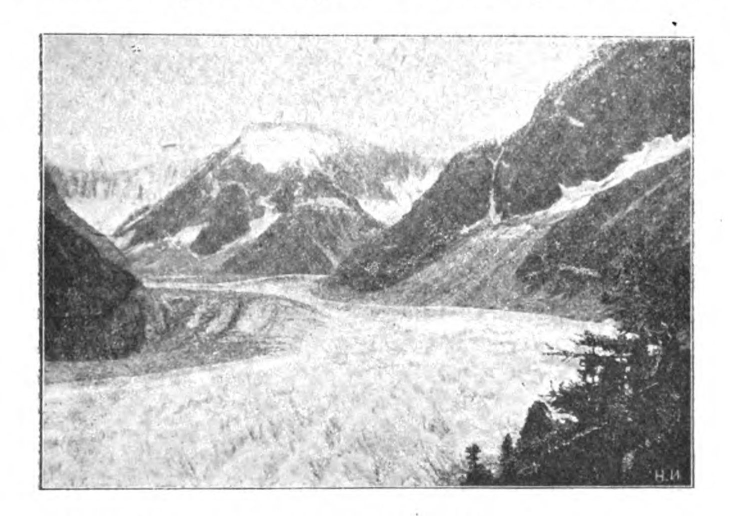

Рис. 13. Ледяное море. Боковыя морены. Бараньи лбы.

Моря, со всѣхъ сторонъ окруженный моренами, словно оазисъ, торчащій изъ снѣговой поверхности ледника Талефра. Когда-то онъ, очевидно, составлялъ его дно, но съ тѣхъ поръ этотъ ледникъ значительно уменьшился въ своихъ размѣрахъ. Теперь это мѣсто носитъ названіе сада—Жарденъ. Къ концу лѣта здѣсь снѣгъ стаиваетъ, бьетъ ледниковый источникъ, вокругъ котораго расцвѣтаютъ прелестные альпійскіе цвѣты. Часто эти бараньи лбы, въ свою очередь, покрыты небольшими вторичными закругленными возвышеніями и тогда получаютъ названіе курчавыхъ скалъ. Эти особенности ихъ поверхности ясно выступаютъ, когда мелкія углубленія заполнены снѣгомъ.

Эти измѣненія, которыя производитъ въ своемъ ложѣ ледникъ, настолько характерны, что придаютъ мѣстности совершенно особый отпечатокъ. Остатки моренъ и валуны, параллельные борозды на скалахъ и курчавыя скалы, бараньи лбы позволяютъ съ увѣренностью

*

сказать, что здѣсь нѣкогда проходилъ ледникъ, какъ можно видѣть это, напримѣръ, съ особенною ясностью на излюбленныхъ швейцарскими туристами перевалахъ черезъ Гемми или Гримзель.

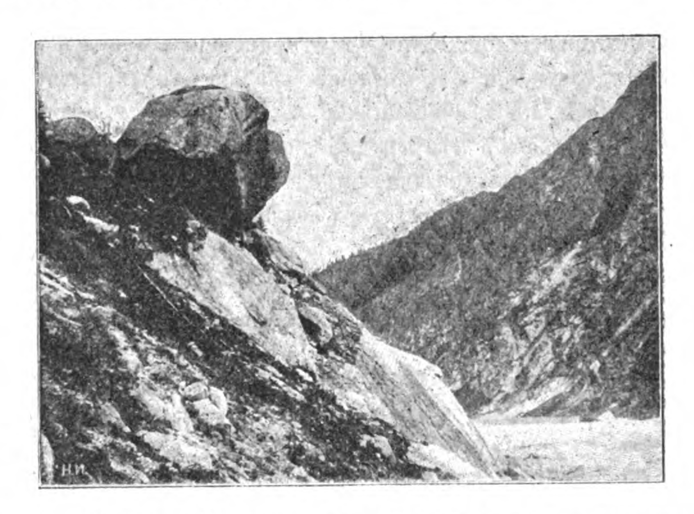

Рис. 14. Близь Монтаньера. Валуны и полированныя скалы.

Значительная часть Европы сохранила слѣды прохожденія по ней массивныхъ доисторическихъ ледниковъ, отъ которыхъ наши ледники остались лишь въ качествѣ слабаго воспоминанія, слѣды такъ называемой ледниковой эпохи, одѣвавшей снѣговымъ покровомъ большую часть нашего материка.

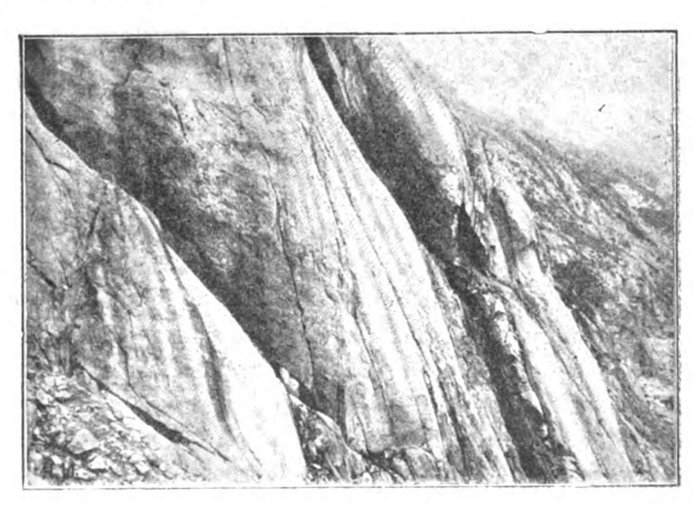

Рис. 15. Ледяное море. Полированныя скалы.

Если ледникъ проходитъ по почвѣ болѣе мягкой, онъ выпахиваетъ ее глубокими рытвинами, которыя затѣмъ, по отступленіи ледника, наполняются водой и превращаются въ озера. Значительная часть швейцарскихъ озеръ носитъ признаки ледниковаго происхожденія.

Берущіе свое начало изъ ледниковъ ручьи бурными потоками мчатся между скалъ, падаютъ каскадами съ горъ, часто съ высоты десятковъ саженъ, привлекая глазъ путешественника своей граціозной прелестью, текутъ далѣе, пролагая себѣ путь по горнымъ ущельямъ и долинамъ, и сливаются въ рѣки, пока не достигнутъ моря и не отдадутъ ему ту воду, которую изъ него взяло солнце, истративъ по дорогѣ ту энергію, которую солнце этой водѣ дало.

Но мы уже вышли изъ предѣловъ назначенной темы.

Исторія ледниковъ есть первая страница въ исторіи тѣхъ превращеній, которымъ подвергается сила солнца на землѣ по пути къ ея разсѣянію въ міровомъ пространствѣ. Ледники сползаютъ съ горъ потому, что солнце грѣетъ землю. Но отдача теплоты солнцемъ связана съ ея тратой. Солнце не можетъ дать теплоты землѣ, само не

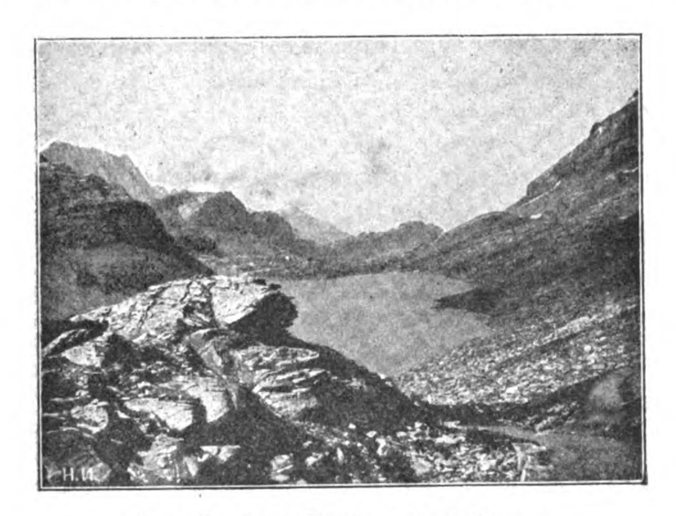

Рис. 16. Озеро Даубенъ, близь Гемми.

теряя эту теплоту. Солнце постоянно остываетъ, то-есть разсѣиваетъ свою силу въ видѣ тепла въ міровомъ пространствѣ. Но прежде чѣмъ разсѣяться окончательно, эта сила или теплота солнца встрѣчаетъ на своемъ пути вращающіяся вокругъ него планеты и въ нихъ подвергается самымъ разнообразнымъ превращеніямъ. Она не проходитъ сквозь землю прямо, но на время задерживается и должна идти, такъ сказать, обходнымъ путемъ. Капля воды въ морѣ ловитъ эту солнечную теплоту, несетъ ее на вершины горъ, медленно движетъ въ голубой массѣ ледниковъ, катитъ въ волнахъ потока, щедрою рукою раздавая ее по пути своемъ. Но рано или поздно эта сила превратится въ ту же силу, изъ которой она возникла—въ тепло и разсѣется въ міровомъ пространствѣ. Въ этомъ состоитъ другой великій законъ современной физики—всякая сила рано или поздно должна превратиться въ тепло и разсѣяться въ міровомъ пространствѣ. Мы можемъ превращать

силы въ любомъ направленіи, можемъ превратить тепло въ движеніе и движеніе въ тепло. Но въ то время, какъ движеніе можетъ быть превращено въ тепло цѣликомъ, въ движеніе можно превратить лишь сравнительно незначительную часть тепла, остальная же часть тепла разсѣивается тѣмъ скорѣе. Въ нашихъ паровыхъ машинахъ изъ тепла, которое даетъ горѣніе угля, превращается въ механическую энергію только какихъ-нибудь 3 процента. Если этотъ эмпирическій законъ вѣренъ, если въ природѣ не существуетъ до сихъ поръ намъ неизвѣстныхъ силъ, въ которыя тепло могло бы быть превращено цѣликомъ, то должно наступить время, когда вся вселенная остынетъ, или вѣрнѣе, говоря, когда всѣ ея силы превратятся въ тепло, равномѣрно распредѣленное по всему міровому пространству, и всякое превращеніе силъ окончится, вселенная умретъ. Исторія капель воды есть только обходный путь остыванія солнца—смерти вселенной. Мы могли поставить эпиграфомъ къ исторіи капли воды слова гетевскаго духа земли:

Въ бурѣ дѣяній, въ волнахъ бытія
Я поднимаюсь,
Я опускаюсь,

но не можемъ ее закончить дальнѣйшими словами того же духа:

Смерть и рожденье—
Вѣчное море,
Жизнь и движенье
Въ *вѣчномъ* просторѣ.

Поскольку мы до сихъ поръ знаемъ это море вселенной, это есть море постепенно успокаивающееся, жизнь, шагомъ за шагомъ побѣждаемая смертью.

Нашъ умъ отказывается этому вѣрить; онъ не хочетъ допустить, чтобы настало когда-либо царство вѣчной смерти, и отвергнуть его чаянія для насъ пока также невозможно, какъ и утвердить ихъ. Ежедневныя открытія говорятъ намъ, что то, что мы видимъ въ природѣ, только весьма незначительная часть того, что въ ней есть. Область нашего знанія расширяется съ каждымъ днемъ. То, что мы знали до сихъ поръ о природѣ, было, быть можетъ, преимущественно тою ея стороною, которую мы на своемъ человѣческомъ языкѣ называемъ смертью, и по мѣрѣ прогресса дальнѣйшихъ успѣховъ науки все болѣе и болѣе станетъ раскрываться передъ нами та сторона, которую мы считаемъ жизнью, чтобы убѣдить насъ, что и смерть есть, въ сущности та же безконечная жизнь въ ея то опускающихся, то поднимающихся волнахъ.

Николай Иванцовъ.

МИЛОСЕРДІЕ.

Романъ Уилльяма Д. Гоуэллса.

Переводъ съ англійскаго **С. А. Гулишамбаровой.**

(*Продолженіе* *).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

VIII.

Письмо, которое отецъ Этіеннъ отправилъ по порученію Нортвика изъ Римуски, было адресовано къ издателю «Бостонскихъ Извѣстій» и появилось въ этой газетѣ старательно - разукрашенное сенсаціонными заголовками. Молодой журналистъ въ роли свѣжеиспеченнаго издателя этой газеты изощрялся дать вѣскія доказательства своего вліянія на преуспѣяніе «Извѣстій» и старался всѣми способами раздуть интересъ своихъ сообщеній въ глазахъ читателей. Однако надежды его не сбылись. Газета продавалась вяло и ей не принесло никакой существенной выгоды признаніе того факта, что Нортвикъ избралъ именно ее за лучшій путь для объясненія своего съ обществомъ. «Обозрѣніе», перепечатавъ съ комментаріями упомянутое письмо ловко укололо своего достопочтеннаго собрата признаніемъ его первостепенной важности какъ органа американскихъ растратчиковъ въ Канадѣ; другія газеты, подвергнувъ самый документъ нѣкоторому сомнѣнію, какъ ловкій фокусъ, дружно отнеслись къ нему, какъ къ предмету не имѣющему никакого значенія и утратившему интересъ минуты. Въ самомъ дѣлѣ, со времени исчезновенія Нортвика было еще нѣсколько исторій съ расхищеніями чужихъ денегъ. По депешамъ союзной прессы ихъ по прежнему приходилось въ среднемъ по одному на день и многія изъ нихъ превосходили казусъ Нортвика по числу потерпѣвшихъ жертвъ и по сенсаціонной яркости обстоятельствъ, сопровождавшихъ эти расхищенія. Люди вообще съ трудомъ могли припомнить высоко-трагическое значеніе его дѣла, вслѣдствіе слуха о его

---

*) См. «Міръ Божій», № 5, май.

смерти во время желѣзнодорожной катастрофы. А тѣхъ, кто въ точности помнилъ всю эту исторію, глубоко возмущало добровольное стремленіе виновнаго такъ долго укрываться подъ сѣнью сомнѣнія насчетъ его судьбы, оставляя въ заблужденіи не только общество, но и своихъ дѣтей.

Съ тѣхъ поръ, какъ стало несомнѣннымъ фактомъ, благодаря появленію въ печати письма Нортвика, что послѣдній и не думалъ умирать, въ мысляхъ Гилари относительно него произошелъ огромный переворотъ. У него, какъ говорится, отлегло на душѣ; онъ болѣе не испытывалъ угнетающаго чувства отвѣтственности въ его смерти, которую, казалось, навлекъ на Нортвика своими словами, что лучше всего для него былъ бы желѣзнодорожный несчастный случай. Теперь, зная, что человѣкъ этотъ здравъ и невредимъ, Гилари со спокойной совѣстью могъ высказать свое мнѣніе.

— Онъ сдѣлалъ огромную ошибку тѣмъ, что не оставилъ этого свѣта, какъ думали многіе изъ насъ; сознаюсь, самъ я былъ весьма склоненъ думать то же. Но онъ долженъ былъ, по крайней мѣрѣ, изъ состраданія оставаться умершимъ для несчастныхъ женщинъ, которыхъ онъ покрылъ позоромъ, пока будетъ въ состояніи вернуть деньги обманутымъ имъ людямъ. Человѣкъ этотъ, повидимому, не прочь поломаться и въ другихъ отношеніяхъ. Изъ его письма можно подумать, что онъ въ нѣкоторомъ родѣ мученикъ принципа и вынужденъ былъ удалиться въ Канаду благодаря бездушію своихъ кредиторовъ, которымъ онъ намѣревается посвятить свою жизнь для спасенія ихъ отъ убытковъ, если не будетъ въ состояніи сдѣлать это въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ или лѣтъ. Быть можетъ, онъ бахвалится безсознательно, но что онъ бахвалъ— не подлежитъ никакому сомнѣнію. Хоть бы эта его претензія, что онъ бы, пожалуй, вернулся назадъ и предсталъ на судъ, не будь онъ глубоко убѣжденъ, что произойдетъ больше зла, чѣмъ добра, если у него отнимутъ всякую надежду вернуть растраченныя имъ деньги!

IX.

Письмо Нортвика не составляло предмета разговора въ Гатборо за обѣдами, но въ лавкахъ, въ магазинахъ, въ гостиныхъ письмо это обсуждалось и комментировалось на всѣ лады усерднѣйшимъ образомъ; оно сдѣлалось частью принятыхъ формъ привѣтствія, оно приняло характеръ модной шутки.

Мистеръ Герришъ принялъ очень близко къ сердцу двойное надувательство, которое, по его словамъ, Нортвикъ совершилъ относительно почтенныхъ обитателей Гатборо, допустивъ распространиться слуху о своей смерти. Мистеръ Герришъ категорически объявилъ миссисъ Мунгеръ, отправившейся рано утромъ изъ Южнаго Гатборо въ деревню за собираніемъ общественныхъ толковъ по этому предмету, что Нор-

тникъ—человѣкъ самъ себя поставившій внѣ общественнаго довѣрія, и что онъ, Герришъ, считаетъ не стоющими выѣденнаго яйца его увѣренія въ раскаяніи относительно прошлаго и его добрыя намѣренія относительно будущаго.

— Говорятъ,—и я не сомнѣваюсь въ истинѣ этихъ словъ, — что адъ вымощенъ добрыми намѣреніями... коли вы меня извините, миссисъ Мунгеръ. Вотъ, когда мистеръ Нортвикъ принесетъ плоды, достойные покаянія... когда онъ начнетъ уплачивать кредиторамъ ихъ деньги, тогда я повѣрю, что онъ огорченъ тѣмъ, что надѣлалъ, а до тѣхъ поръ—слуга покорный!

— Что правда, то правда, — отвѣчала миссисъ Мунгеръ.—Хотѣлось бы мнѣ знать, что скажетъ на все это мистеръ Путнэй? Неужели онъ можетъ считать себя вполнѣ чистымъ въ этомъ дѣлѣ, являясь такимъ манеромъ послѣ всего, что онъ постоянно говорилъ про мистера Нортвика, адвокатомъ его семьи?

Мистеръ Герришъ выразилъ свое равнодушіе, положивъ на полку свертокъ кисеи и присовокупивъ:

— Мнѣ нѣтъ никакого дѣла до того, что думаетъ мистеръ Путнэй о чемъ бы то ни было.

Въ иныхъ домахъ миссисъ Мунгеръ слышала мнѣніе (она не считала нужнымъ опровергать его), что «дѣвицамъ» Нортвика было досконально извѣстно, что отецъ ихъ живъ и что онѣ, по всей вѣроятности, были съ нимъ въ перепискѣ черезъ Путнэя. Такое предположеніе выставляло личность этого адвоката въ очень непривлекательномъ свѣтѣ и впечатлѣнія этого не могъ вполнѣ поколебать мистеръ Уилмингтонъ, сказавъ напрямикъ слѣдующія слова:

— Что-жъ въ этомъ удивительнаго? Вѣдь онъ ихъ адвокатъ. Онъ не обязанъ оставить это дѣло. Онъ обязанъ постоять за него.

А за спущенными сторами, которыя привлекли вниманіе миссисъ Мунгеръ, сидѣла Аделина Нортвикъ и плакала надъ газетой, подсунутой Элбриджемъ Ньютономъ подъ дверь, утромъ. Газета вся смялась отъ нервно сжимавшей ее и дрожавшей руки и была смочена слезами Аделины. Но она продолжала читать письмо своего отца, помѣщенное въ ней, и старалась отыскать въ немъ что-нибудь утѣшительное.

— Должно быть, онъ сошелъ съ ума, несомнѣнно онъ сошелъ съ ума, — простонала она, обращаясь скорѣе къ самой себѣ, чѣмъ къ Сюзэттѣ, которая сидѣла тутъ же рядомъ, окаменѣлая и безмолвная.— Не могъ онъ быть такимъ жестокимъ, будь онъ въ здравомъ разумѣ! Немыслимо это съ его стороны! Онъ былъ всегда такъ добръ къ намъ, онъ такъ заботился о насъ! Онъ долженъ былъ знать, что мы давно потеряли всякую надежду, считая его умершимъ, а онъ оставлялъ насъ тосковать по немъ все это время. Онъ словно вернулся къ жизни, чтобы, прежде всего, сказать, что все, въ чемъ его обвиняютъ,—правда, а все, что говорили и чему вѣрили мы — ложь. Какъ могъ онъ это сдѣлать,

какъ только могъ сдѣлать это онъ! Мы терпѣливо выносили мысль, что онъ умеръ; да, мы выносили эту мысль и не жаловались. Но этого новаго горя намъ не снести, не хватитъ на это нашихъ силъ... Охъ, Сюзэтта, что же можемъ мы сказать теперь? Что можемъ сказать мы послѣ того, какъ онъ самъ сознался, что взялъ эти деньги и еще и теперь у него въ рукахъ часть ихъ? Но я убѣждена, что онъ не бралъ ихъ! Онъ сошелъ съ ума! Охъ, несчастный, несчастный отецъ! Развѣ по твоему онъ не сошелъ съ ума? И гдѣ же онъ? Почему не напишетъ онъ намъ, не скажетъ намъ, какъ мы должны вести себя? Неужели онъ думаетъ, что мы бы сказали кому-нибудь, гдѣ онъ? Это-то и доказываетъ, что онъ внѣ себя. Я всегда думала, что если какъ-нибудь онъ вернется къ жизни, то докажетъ, что на него взвели напраслину. А теперь!.. Охъ, тутъ ужъ дѣло касается не просто его товарищества или того, что говорили люди: тутъ нашъ родной отецъ, которому мы вѣрили такъ слѣпо, измѣнилъ своему слову относительно насъ. Вотъ, что меня убиваетъ.

День проходилъ. Онѣ отослали миссисъ Ньютонъ, когда она пришла помочь имъ готовить обѣдъ. Онѣ затворили на замокъ двери своего дома и замкнулись отъ всего свѣта, какъ тѣ, кого посѣтила смерть. Аделина продолжала свой монологъ, прерываемый лишь короткими отвѣтами, которые она съ трудомъ могла вырвать у Сюзэтты. Наконецъ, потокъ ея словъ изсякъ, словно сердце ея истомилось отъ безплодныхъ повтореній своихъ тоскливыхъ жалобъ.

Затѣмъ неожиданно заговорила Сюзэтта. Слова вырвались у нея какъ будто сами собою, безъ всякой связи къ тому, что сказала передъ тѣмъ Аделина.

— Мы должны отдать это!

— Отдать что?—пробормотала Аделина.

— Домъ... и ферму... и эту лачугу... Все! Здѣсь нѣтъ ничего нашего.

— Ничего нашего?

— Ну, да. Письмо это показываетъ, что все здѣсь принадлежитъ имъ... людямъ, чьи деньги онъ взялъ. Надо послать за мистеромъ Путнэемъ и поручить ему передать все это въ ихъ руки. Онъ знаетъ, какъ это сдѣлать.

Аделина съ ужасомъ смотрѣла на сестру.

— Но мистеръ Путнэй сказалъ, что все это наше и никто не можетъ отнять этого у васъ!—пролепетала она едва слышно.

— Такъ оно было *прежде*. А теперь все это ихъ; оставить это у себя значило бы—украсть. Какъ можемъ мы знать, имѣлъ ли отецъ какое-нибудь право дарить намъ домъ, когда онъ это сдѣлалъ?

— Сюзэтта!

— Мысли эти преслѣдуютъ меня неотвязно и лучше будетъ если я ихъ выскажу. Иначе я сойду съ ума. Когда-то я бы скорѣе умерла,

чѣмъ отдала домъ, потому что онъ оставилъ его намъ, а теперь мнѣ кажется, я не буду въ состояніи жить, пока не отдамъ его, потому что онъ намъ его оставилъ. Нѣтъ, я никогда ему не прощу, если только онъ *мой* отецъ. Я не могу никогда болѣе говорить съ нимъ или видѣть его, никогда! Онъ для меня умеръ именно *теперь*!

Слова эти, казалось, вызвали скрытое противорѣчіе духа, свойственное такимъ натурамъ, къ какимъ принадлежала Аделина.

— Послушай, я, право, не вижу ничего особенно дурного въ письмѣ отца,—начала она.—Оно доказываетъ именно то, что я всегда говорила: умъ его разстроился вслѣдствіе непріятностей по дѣламъ и онъ уѣхалъ, потому что не могъ съ ними справиться. А теперь онъ такъ терзался мыслями объ этомъ, что ему стало казаться, будто они правы, а онъ виноватъ во взводимыхъ на него небылицахъ. Вотъ, какъ я смотрю на всю эту исторію.

— Аделина,—приказала Сюзэтта какимъ-то пронзительнымъ окрикомъ,—замолчи! Ты знаешь хорошо, что сама не вѣришь словамъ своимъ!

Аделина колебалась между своимъ страхомъ передъ сестрой и своимъ желаніемъ упорно схватиться за теорію, которая была ей нужна для собственнаго утѣшенія.

— Я говорила это съ самаго начала и всегда буду повторять это,—отважилась она, наконецъ,—и я имѣю право это дѣлать.

— Говори, что тебѣ угодно,—я не скажу ни слова. Но имѣніе это не принадлежитъ намъ, пока отецъ не вернется и не докажетъ своихъ правъ на него.

— Вернется!—пролепетала Аделина.—А они возьмутъ да засадятъ его въ тюрьму!

— Не засадятъ, если онъ невиновенъ, а если онъ...

— Сюзэтта! Не смѣй говорить!

— Но это нисколько не относится къ настоящему дѣлу. Мы должны отдать то, что не принадлежитъ намъ. Ты пойдешь къ мистеру Путнэю, или не пойти ли мнѣ? Я не боюсь, что меня увидятъ, если тебѣ непріятно идти къ нему. Я могу высоко держать голову свою передъ цѣлымъ свѣтомъ, разъ я знаю, что мы должны сдѣлать и мы это сдѣлаемъ. Но если бы мы оставили этотъ домъ за собою послѣ этого письма, я бы не посмѣла смотрѣть даже *тебѣ* въ лицо.

Затѣмъ, такъ какъ Аделина молчала, Сюзэтта продолжала:

— Впрочемъ, намъ не надобно идти, ни тебѣ, ни мнѣ! Я могу послать Элбриджа.

Она сдѣлала видъ, что собирается выйти изъ комнаты.

— Постой! Я не могу позволить тебѣ... еще. Я не думала объ этомъ,—сказала Аделина.

— Не думала!

Сюзэтта вернулась назадъ и остановилась у качалки, на которой она сидѣла.

— Нѣтъ!—вскричала Аделина, трепеща отъ бѣшеннаго взгляда сестры, но въ душѣ собравъ всѣ свои силы для отпора.—Такъ какъ *ты* передумала объ этомъ, то ожидаешь, что я сдѣлаю въ одну минуту то, что ты сказала. Имѣніе принадлежало нашей матери, а когда она умерла, перешло ко мнѣ, я управляю имъ отъ имени насъ обѣихъ. Вотъ, что говоритъ мистеръ Путнэй. Предположивъ даже, что отецъ воспользовался ихъ деньгами,—чему я не вѣрю,—я не вижу, почему должна я отдать имъ имѣніе моей матери.

Она на мгновеніе остановилась. Затѣмъ сказала:

— И я не отдамъ его.

— Половина этого имѣнія моя что ли?

— Не знаю. Да, мнѣ кажется, твоя.

— Я совершеннолѣтняя и отдамъ свою половину. Я сейчасъ пошлю за мистеромъ Путнэемъ.

Она вышла изъ комнаты и вернулась въ шляпѣ и перчаткахъ, съ жакеткой, переброшенной черезъ руку. Никогда не была она такъ хороша и такъ страшно возбуждена.

— Выслушай меня, Аделина, — сказала она. — Я ухожу, чтобы послать Элбриджа за мистеромъ Путнэемъ; а когда онъ придетъ, я не желаю имѣть передъ нимъ никакихъ передрягъ съ тобою. Ты можешь дѣлать со своей половиною, что тебѣ заблагоразсудится, я же отдамъ свою товариществу. Ну, а теперь, если ты не дашь мнѣ слова добровольно согласиться на то, что я хочу сдѣлать со своей собственностью, то я никогда больше не вернусь въ этотъ домъ, никогда больше мы съ тобою не увидимся и станемъ другъ другу чужими. Обѣщаешься или нѣтъ?

— Охъ, обѣщаюсь, обѣщаюсь, — безпомощно отвѣчала Аделина; слезы закапали изъ ея глазъ.—Можешь взять свою половину имѣнія, принадлежавшаго матери, и отдать людямъ, которые стараются запятнать доброе имя отца! Но я никогда не скажу, что это сдѣлано по моему желанію.

— Разъ ты не станешь говорить ничего противъ, мнѣ рѣшительно все равно, что бы ты не говорила.

Сюзэтта надѣла на себя жакетку и остановилась, чтобы застегнуть ее у своего нѣжнаго горла.

— *Я* сдѣлаю это и сдѣлаю это ради матери и ради отца. Они мнѣ такъ же дороги, какъ и тебѣ.

Вечеромъ пришелъ Путнэй. Сюзэтта попросила его указать, какимъ порядкомъ надобно было ввести кредиторовъ ея отца во владѣніе принадлежавшею ей половиною имѣнія.

— Сестра моя расходится со мною по этому вопросу, — закончила Сюзэтта свою рѣчь,—она думаетъ, что они не имѣютъ права на имѣніе и мы должны оставить его за собою. Но она согласилась, чтобы я отдала имъ свою половину.

Путнэй подошелъ къ двери и выплюнулъ изо рта табакъ, который разсѣянно жевалъ, пока она говорила.

— Вы знаете,—объяснилъ онъ,—что кредиторы не имѣютъ никакого права, по закону, на это имѣніе?

— Не знаю. Мнѣ нѣтъ дѣла до закона.

— Обстоятельства вовсе не измѣняются оттого, что отецъ вашъ живъ и права ваши не могутъ пострадать отъ признаній, сдѣланныхъ въ напечатанномъ имъ письмѣ.

— Понимаю,—отвѣчала молодая дѣвушка.

— Хорошо,—сказалъ Путнэй,—мнѣ хотѣлось только удостовѣрить, что права ваши остаются по этому дѣлу во всей своей силѣ. Разумѣется, ваше желаніе можетъ быть исполнено. Всякій воленъ отдать другому свое добро.

Онъ помолчалъ одну минуту, словно раздумывая, нѣтъ ли еще чего сказать, а Аделина спросила:

— Какъ вы думаете, если бы мы отдали имъ все имѣніе, позволятъ они отцу возвратиться сюда?

Путнэй невольно улыбнулся ея наивности.

— Кредиторамъ до всего этого нѣтъ никакого дѣла, миссъ Нортвикъ. Отца вашего привлекли къ отвѣтственности и обвинили за неявку въ судъ. Приговоръ сохраняетъ свою силу, какъ бы долго онъ не оставался въ отсутствіи. Не можетъ быть и рѣчи о пощадѣ, пока онъ не возвратится, чтобы предстать на судъ.

— Но если бы онъ возвратился, — настаивала Аделина, — а мы отдали бы свой домъ, сдѣлаетъ ли это ихъ болѣе сговорчивыми по отношенію къ нему?

— Корпораціи чуждо чувство состраданія, миссъ Нортвикъ. Я бы не положился на нее. Товарищество не можетъ предъявить никакихъ законныхъ притязаній на это имущество. Если вы не признаете за нимъ нравственнаго права, то лучше было бы для васъ оставить свое добро при себѣ.

— А вы признаете за нимъ нравственное право?

Путнэй глубоко вздохнулъ.

— Ну, это вопросъ щекотливый.

Онъ присѣлъ, оправляя рукою брюки на своихъ маленькихъ худыхъ ногахъ.

— У меня свои особые взгляды на корпораціи вообще. Я не считаю фабричное товарищество полезнымъ общественнымъ учрежденіемъ въ точномъ смыслѣ этихъ словъ. Оно не имѣетъ даже оздоровляющаго значенія. Оно учреждается не для гигіеническихъ цѣлей, а для наживы денегъ. А наживаетъ оно деньги за счетъ трудового люда, который работаетъ для него, и за счетъ покупателей его продуктовъ. Въ сущности такое учрежденіе ничѣмъ не отличается отъ всякаго другого дѣла, въ которомъ не трудъ создаетъ, а капиталъ вымогаетъ деньги... оно не лучше и не хуже, напр., ростовщичества.

Пустившись въ этомъ направленіи Путнэй сдѣлалъ надъ собою усиліе, чтобы отказаться отъ не относящейся къ дѣлу экскурсіи въ область политико-экономическихъ умозрѣній.

— Но насколько я понимаю, вопросъ не въ нравственномъ правѣ Понкуассэтскаго товарищества, а въ томъ, есть ли у васъ нравственное обязательство. И вотъ тутъ-то я не могу дать вамъ никакого совѣта. Вамъ бы слѣдовало обратиться съ этимъ вопросомъ къ пастору. Я скажу только одно: будь это имущество моимъ, я бы не выпустилъ его изъ своихъ рукъ, а товарищество послалъ бы ко всѣмъ чертямъ, потому что мнѣ было бы наплевать, чтобы съ нимъ ни случилось.

Путнэй опустилъ руку въ карманъ за табакомъ; затѣмъ опомнился и вынулъ ее.

— Вотъ, послушай, Сюзэтта!—сказала Аделина.

Сюзэтта слушала, храня упорное молчаніе, пока Путнэй говорилъ съ ея сестрой. Она обратилась къ нему съ слѣдующимъ отвѣтомъ:

— Мнѣ не надобно никакихъ совѣтовъ относительно этого. Я хотѣла узнать, могу ли я отдать свою часть имущества товариществу и возьметесь ли вы сдѣлать это тотчасъ же отъ моего имени.

— Ахъ, безъ сомнѣнія, — отвѣчалъ Путнэй. — Завтра утромъ я съѣзжу въ Бостонъ и переговорю съ повѣреннымъ товарищества.

— Съ повѣреннымъ? Я думала, вы повидаетесь съ мистеромъ Гилари.

— Онъ отошлетъ меня къ ихъ стряпчему, такъ мнѣ кажется. Но, если вы желаете, я могу сперва побывать у него.

— Да, я очень хочу, чтобы вы его повидали,—сказала молодая дѣвушка.—Я мало понимаю въ дѣлахъ товарищества и меня они нисколько не интересуютъ. Я хочу предложить имущество мистеру Гилари. Ничего ему не говорите кромѣ того, что я хочу отдать свою часть и сестра моя согласилась на это. Не говорите ни слова больше, что бы онъ у васъ ни спрашивалъ. Исполните вы то, о чемъ я васъ прошу?

— Я исполню въ точности то, что вы говорите, — отвѣчалъ Путнэй.—Но я думаю, вы понимаете, что для раздѣла надобно продать все, и домъ, и землю?

Сюзэтта удивленно посмотрѣла на него. Аделина простонала:

— Продать все—и домъ, и землю?

— Ну, да. Какъ же иначе сможете вы опредѣлить точную стоимость имущества?

— Я оставлю себѣ домъ съ угодьями, а Сюзетта пусть возьметъ себѣ ферму.

Путнэй покачалъ отрицательно головою.

— Не думаю, чтобы возможно было уладить это. Быть можетъ...

— Ну въ такомъ случаѣ,—сказала Аделина,—я ни за что на свѣтѣ не позволю продать все. Я...

Она поймала устремленный на нее взглядъ Сюзетты и запнулась. Затѣмъ жалобно продолжала:

— Я не знала, что намъ придется сдѣлать, когда дала обѣщаніе. Но я сдержу свое обѣщаніе; да, я сдержу его. Намъ не надобно подписывать вечеромъ бумагъ, не правда ли, мистеръ Путнэй? Я подпишу ихъ утромъ?

— О, да, это все равно,—отвѣчалъ Путнэй.—Мнѣ еще понадобится немного времени для составленія документовъ.

— Но вы можете послать письмо мистеру Гилари теперь же? — спросила Сюзэтта.

— О да, если вы желаете.

— Пожалуйста.

— Въ этомъ нѣтъ надобности.

— Я хочу этого.

Такъ какъ дѣло это должно было скоро стать достояніемъ всѣхъ и каждаго, Путнэй счелъ себя въ правѣ расказать о немъ своей женѣ по приходѣ домой.

— Если эта бѣдная старая дѣвушка согласилась по своей охотѣ, то скрѣпя сердце. Конечно, молодая имѣетъ право дѣйствовать по внушенію своей совѣсти, но разъ это дѣло совѣсти то, какъ ты думаешь объ этомъ, Эллэнъ? Имѣю ли я право заставлять другого слѣдовать внушеніямъ моей совѣсти?

— Трудно отвѣтить на этотъ вопросъ, Ральфъ. Не знаю, права ли она. Зачѣмъ ей отдавать свое имущество, разъ оно принадлежало ей гораздо ранѣе, чѣмъ начались мошенническія операціи ея отца? Положимъ, онъ былъ бы не роднымъ ея отцомъ и дѣло стояло бы точь въ точь, какъ стоитъ теперь?

— Ахъ, есть нѣчто весьма своеобразное въ обязанностяхъ кровнаго родства!

— Кровнаго родства? А по мнѣ дѣло совѣсти миссъ Сю Нортвикъ есть дѣло ея гордости,—возразила миссисъ Путнэй.—Я не вѣрю, чтобы она принимала близко къ сердцу вопросъ правды или неправды въ данномъ случаѣ. Ей хочется просто-на-просто выставить себя въ хорошемъ свѣтѣ передъ добрыми людьми. Ради этого она готова на всякія жертвы. У нея черствая душа!

— Это именно скажутъ всѣ добрыя люди, я не сомнѣваюсь въ этомъ,—согласился Путнэй.

X.

На слѣдующее утро Аделина подошла къ постели сестры и разбудила Сюзэтту.

— Я всю ночь не спала... Не понимаю, какъ *ты* могла заснуть... и мнѣ хочется, чтобы ты приказала Путнэю не посылать пока еще этого письма къ мистеру Гилари. Я хочу хорошенько обдумать это сперва.

— Ты хочешь нарушить свое обѣщаніе?—спросила Сюзэтта. При первыхъ же словахъ сестры она совсѣмъ проснулась.

Аделина расплакалась.

— Я хочу подумать. Мнѣ кажется такимъ ужаснымъ дѣломъ эта продажа дома. Да и зачѣмъ тебѣ спѣшить отправкою письма къ мистеру Гилари объ этомъ. Развѣ не будетъ у насъ достаточно времени, когда у мистера Путнэя будутъ готовы дукументы? По моему, ужасно глупо посылать письмо раньше времени. Я видѣла, что и мистеръ Путнэй не счелъ это дѣльнымъ.

— Ты намѣрена нарушить свое обѣщаніе?—повторила Сюзэтта.

— Нѣтъ, я не имѣю намѣренія нарушать свое обѣщаніе. Но мнѣ страшно хотѣлось бы сдѣлать то, что̀ справедливо; и я хочу сдѣлать то, что *по моему* справедливо. Я совсѣмъ больна. Пусть Элбриджъ зайдетъ къ доктору по дорогѣ къ Путнэю.

Аделина судорожно разрыдалась.

— Охъ, Сюзэтта! Умоляю, дай мнѣ чуточку побольше времени! Неужели ты не сдѣлаешь этого? И какъ только я смогу взглянуть на это дѣло, какъ ты...

Онѣ услыхали, какъ кто-то отпиралъ дверь съ чернаго хода. То былъ Элбриджъ, пришедшій развести огонь въ кухонной печи; онъ всегда это дѣлалъ къ тому времени, какъ жена его приходила готовить утренній завтракъ. Сюзэтта приподнялась съ подушки и опустила лицо Аделины къ себѣ на шею, чтобы заглушить звуки ея рыданій.

— Тш! Не надо, чтобы онъ услышалъ тебя! Ни за что на свѣтѣ не хочу я, чтобы люди узнали, что мы не можемъ сговориться! Если хочешь, можешь думать объ этомъ въ теченіе цѣлаго дня. А я скажу Путнэю, чтобы онъ подождалъ съ письмомъ, пока ты придешь къ тому же рѣшенію, что̀ и я. Только теперь успокойся, прошу тебя!

— Хорошо, хорошо! я успокоюсь, — прошептала въ отвѣтъ Аделина.—И я вовсе не хочу ссориться съ тобою, Сю! Я знаю, что въ концѣ концовъ мы придемъ къ одинаковому рѣшенію. Только не торопи меня! И пусть Элбриджъ сходитъ за докторомъ. Боюсь, что я слягу въ постель.

Она кое какъ дотащилась до своей постели, а немного погодя къ ней вошла Сюзетта, совсѣмъ одѣтая.

— Мнѣ кажется, теперь я усну немного,—сказала Аделина.—Только не забудь задержать письмо мистера Путнэя.

Сюзэтта вышла на легкій лѣтній утренній воздухъ и стала прохаживаться взадъ и впередъ по аллеѣ между коттэджемъ и большимъ пустымъ домомъ. Она тоже не спала всю ночь. Она задремала первымъ сномъ, когда Аделина разбудила ее. Но Сюзэтта была молода и вѣяніе свѣжаго, юго-западнаго вѣтра было успокоительною ванною для ея лихорадочно возбужденныхъ нервовъ. Она почувствовала себя бодрѣе и крѣпче на воздухѣ и старалась обдумать то, что ей слѣдовало сдѣлать. Рѣшеніе принятое ею наканунѣ по прежнему казалось ей вполнѣ вѣрнымъ и справедливымъ, но исполненіе его представля-

юсь весьма затруднительнымъ. Она стала спрашивать себя, имѣла ли она право добиваться насильно согласія Аделины? Она испытывала тревожное недоумѣніе передъ свѣтскимъ кодексомъ понятій, въ которомъ добро и зло зачастую такъ перепутаны, что когда является необходимость отъ мысли перейти къ дѣйствію, то ваше рѣшеніе теряетъ свою ясность и ваша воля становится безсильною. До этой минуты «кривда» представлялась ей всегда безусловно обособленной отъ «правды». Впервые она почувствовала, что и великая правда можетъ заключать въ себѣ небольшое зло и она стала втупикъ пораженная этимъ сознаніемъ. Но она рѣшилась выдержать борьбу со своими сомнѣніями всецѣло сама въ себѣ прежде, чѣмъ снова говорить съ Аделиной.

Въ этотъ день Маттъ Гилари пріѣхалъ съ фермы навѣстить Уэда, котораго засталъ, какъ и прежде, въ его рабочемъ кабинетѣ, въ церкви. Уэдъ заговорилъ съ нимъ о письмѣ Нортвика.

— Это прискорбное дѣло, унизительное, отъ него всю душу воротитъ. Это стремленіе несчастнаго провести свою совѣсть представляетъ потрясающее зрѣлище. Я не въ состояніи произнести надъ нимъ очень жестокій приговоръ. Но если люди и могутъ имѣть къ нему снисхожденіе, онъ губитъ себя, стараясь найти себѣ оправданіе. Что ты скажешь объ этомъ?—спросилъ Уэдъ.

— Правда твоя, — разсѣянно согласился Маттъ. — Но мнѣ бы хотѣлось поговорить съ тобою кое о чемъ другомъ. Мнѣ кажется, письмо это дѣлаетъ тотъ вопросъ безотлагательнымъ въ настоящее время. Ты знаешь, когда я спросилъ тебя въ тотъ разъ насчетъ Джека Уилмингтона...

Уэдъ покачалъ головою.

— Съ этой стороны нѣтъ ни малѣйшей надежды. Я навѣрно знаю, что здѣсь нечего ждать. Если бы у него было хоть какое-нибудь чувство къ этой дѣвушкѣ, онъ бы уже давно высказалъ его!

— Я вполнѣ съ тобою согласенъ,—сказалъ Маттъ,—я вовсе не о томъ. Но если мы думаемъ, что съ его стороны было бы честно и хорошо выступить въ такое время, почему же не сдѣлать этого какому-нибудь другому человѣку, который горячо любитъ ее?

Онъ продолжалъ стремительно дрожащимъ голосомъ:

— Уэдъ, позволь мнѣ предложить тебѣ еще одинъ вопросъ? Ты видался съ нею гораздо чаще, чѣмъ *я*, и я не зналъ... Возможно ли... Быть можетъ, мнѣ слѣдовало спросить, не... не любишь ли *ты* ее?

— Миссъ Нортвикъ? Что это тебѣ пришло въ голову? Никогда и не думалъ о ней! Зачѣмъ ты спрашиваешь меня объ этомъ?

— Потому что *я* люблю ее!—вскричалъ Маттъ.—Она мнѣ дороже жизни. Она мнѣ такъ дорога, что когда я думаю о моей любви къ ней, я не въ состояніи вынести мысли, что любовь эта можетъ причинить зло какой-нибудь живой душѣ или стать тѣнью между нею и тѣмъ, кому она можетъ отдать предпочтеніе. Я пріѣхалъ сюда, рѣшив-

шись остаться въ сторонѣ, если бы по твоему мнѣнію Джэкъ Уилминтонгъ имѣлъ еще нѣкоторое право быть выслушаннымъ ею. Если бы у него были какія-нибудь надежды, если бы онъ еще любилъ ее, или она любила его, съ моей стороны было бы безуміемъ не держаться вдали. И я думалъ... я думалъ, если ты, старый другъ... Но теперь все хорошо... все отлично...

Маттъ сжалъ до боли руку, которую ему протянулъ Уэдъ, сперва ошеломленный его признаніемъ. Множество мыслей промелькнуло въ умѣ Уэда, но онъ заставилъ ихъ смолкнуть, когда онѣ были готовы вылетѣть изъ его устъ. Напрасно было бы сообщать Матту свои впечатлѣнія насчетъ холоднаго, надменнаго характера этой дѣвушки; вѣдь Маттъ не могъ замѣтить его проявленій въ эти тревожные, печальные дни, когда онъ чаще всего видался съ нею. Признаніе Матта было неожиданностью; Уэда ужасала мысль о дальнѣйшихъ осложненіяхъ, которыя оно повлечетъ за собою. Но онъ не могъ говорить съ нимъ ни о своихъ сомнѣніяхъ, ни о своихъ впечатлѣніяхъ. Не могъ онъ также сказать Матту, что страсть его поставитъ его отца въ неловкое и непріятное положеніе, какъ не могъ сказать ему, что не считаетъ Сю Нортвикъ достойною этой страсти. Уэдъ былъ поставленъ въ такое безвыходное положеніе, въ какое часто становятся люди, выслушивающіе признанія близкихъ друзей. Но онъ возвратилъ Матту горячее пожатіе его руки и даже произнесъ нѣсколько безсвязныхъ фразъ, которыя обыкновенно служатъ для другого предлогомъ къ дальнѣйшимъ изліяніямъ.

— Конечно,—сказалъ Маттъ,—я смѣшонъ и я знаю это. У меня нѣтъ никакихъ основаній для надежды, кромѣ того факта, что ничто не стоитъ на моей дорогѣ къ единственному непреодолимому препятствію: къ факту ея полнаго равнодушія ко мнѣ. Но именно теперь мнѣ это кажется сущимъ пустякомъ.

Онъ засмѣялся съ нервнымъ торжествомъ и продолжалъ говорить, расхаживая взадъ и впередъ по комнатѣ Уэда.

— Не знаю, есть-ли у меня хоть тѣнь надежды, и въ настоящее время я не въ состояніи разрѣшить этотъ вопросъ. Знаешь, Уэдъ,—продолжалъ онъ съ простосердечною мягкостью, которая показалась Уэду трогательною,—знаешь, мнѣ двадцать восемь лѣтъ и не думаю, что-бы когда-нибудь прежде я любилъ. Разумѣется, у меня были маленькія увлеченія, лѣтнія ухаживанія; у кого ихъ не бывало? Но никогда ничего серьезнаго, ничего похожаго на *это*. И я знаю, мои родные были бы рады увидѣть меня женатымъ. Я увѣренъ, отецъ мой думаетъ, что хорошая, разумная жена вернетъ меня въ лоно торговой цивилизаціи.

Онъ засмѣялся отъ комизма эти мысли, затѣмъ серьезно прибавилъ:

— Бѣдный отецъ! Вся эта исторія была для него ужасною пыткою!

Уэда поражало, что Маттъ такъ полно отдѣлялъ мысль о Сюзэттѣ

отъ мысли объ ея отцѣ, онъ вывелъ изъ этого, что Маттъ думалъ очень много о молодой дѣвушкѣ, однако спросилъ:

— Не правда ли, какъ все это нежданно-негаданно, Маттъ?

Свой вопросъ Уэдъ сопровождалъ сочувственной, но дипломатической улыбкой.

— Только не для меня! — вскричалъ Маттъ. Онъ прибавилъ не очень послѣдовательно:—Мнѣ кажется, это приключилось со мною съ той самой минуты, какъ я увидалъ ее здѣсь въ тотъ день, когда я пріѣхалъ съ Луизой насчетъ того случая на желѣзной дорогѣ. Съ той минуты я постоянно думалъ о ней. Нѣтъ, здѣсь нѣтъ ничего неожиданнаго, хотя, по моему мнѣнію, такія вещи обыкновенно совершаются ужасно быстро,—закончилъ Маттъ философскимъ разсужденіемъ.

Уэдъ оставилъ опасную почву, на которой самъ очутился.

— А твои родные,—спросилъ онъ, — знаютъ о твоей... о твоемъ чувствѣ?

— Никто изъ нихъ и не подозрѣваетъ даже! — отвѣчалъ Маттъ, сіяя отъ удовольствія.—Это будетъ для нихъ все равно, что громовой ударъ! Если только это когда-нибудь дойдетъ до ихъ свѣдѣнія,—прибавилъ онъ уныло.

У Уэда было свое собственное мнѣніе, что положеніе дѣла, которое занимало мысли его друга, вовсе не представляло основаній для унынія. Но онъ не могъ предложить Матту раздѣлить свою увѣренность. Маттъ продолжалъ смотрѣть печально и вдругъ сказалъ:

— Мнѣ кажется, отецъ подумаетъ, что *это* произведетъ путаницу въ его отношеніяхъ къ исторіи Нортвика. Я также думалъ объ этомъ. Это ставитъ меня въ очень трудное положеніе. Надобно принять въ соображеніе и моего отца. Знаешь-ли, Уэдъ, я думаю, мало найдется такихъ людей, какъ мой отецъ?

— Ни одного такого не найти, Маттъ!

— Я не считаю его совершенствомъ; я думаю даже, что онъ способенъ ошибаться во многомъ. Но поступаетъ онъ справедливо, насколько можетъ поступать справедливо человѣкъ съ такимъ вспыльчивымъ характеромъ. Я его знаю и не думаю, чтобы чья-нибудь сыновняя любовь была сильнѣе моей любви къ нему. Вотъ потому-то я и хочу принять въ разсчетъ его положеніе.

— Ахъ, я понимаю тебя, дорогой товарищъ!

— Но вопросъ въ томъ, насколько могу я принимать въ разсчетъ его положеніе? Иногда,—молвилъ Маттъ, (онъ покраснѣлъ и засмѣялся),—иногда мнѣ кажется, я совсѣмъ не въ состояніи принять въ разсчетъ его положеніе; это случается всякій разъ, какъ у меня мелькнетъ надежда, что она согласится выслушать меня, не сочтетъ меня за грубое животное, которое осмѣливается говорить съ нею о такихъ вещахъ въ такія минуты. Затѣмъ, въ другое время я начинаю думать, что обязанъ ради него совсѣмъ отказаться отъ нея. Но

*

это случается въ такіе дни, когда я чувствую, что она никогда не дастъ мнѣ возможности *отказаться* отъ нея. Такая жертва легка.

— Понимаю,—сказалъ Уэдъ, улыбнувшись насмѣшливому замѣчанію Матта на свой собственный счетъ.

Маттъ продолжалъ говорить; иногда онъ подходилъ къ окну и смотрѣлъ на улицу, иногда останавливался и глядѣлъ своему другу въ глаза черезъ столъ.

— Въ нѣкоторомъ смыслѣ можно считать трусостью не сказать ей теперь же... оставить ее выстрадать въ одиночествѣ все это до конца. Но мнѣ кажется, я обязанъ поступить такимъ образомъ ради отца. Никакого существеннаго вреда не произойдетъ для нея, если я подожду со своимъ признаніемъ. Она такъ сильно нуждается въ дружеской рукѣ, что заговори я теперь, быть можетъ, она согласится, но это было бы недобросовѣстно съ моей стороны—слишкомъ неравны наши шансы. И вдругъ когда-нибудь она станетъ думать, что отдалась изъ-за безвыходности своего положенія... Нѣтъ, это никуда не годится! Отецъ мой можетъ сдѣлать для нея больше, если я не свяжу ему руки своимъ чувствомъ къ ней, а Луиза можетъ быть ея другомъ... Какъ ты думаешь, Уэдъ? Я старался разрѣшить этотъ вопросъ и вотъ къ какому заключенію я пришелъ. Не отличается-ли оно нѣкоторымъ излишкомъ хладнокровія? Я знаю, въ книжкахъ люди любятъ совсѣмъ по другому. Мнѣ кажется, я долженъ бы пойти и броситься къ ея ногамъ, махнувъ рукою на всѣ житейскія приличія, условія вѣжливости, обязательства, но, такъ или иначе, я не могу заставить себя сдѣлать это. Обо всемъ этомъ я передумалъ добросовѣстнѣйшимъ образомъ и, мнѣ кажется, я долженъ ждать.

— Я думаю то же, Маттъ. Я считаю твое рѣшеніе достойнымъ мужчины и притомъ истинно любящаго мужчины. Оно дѣлаетъ честь и твоему сердцу, и твоему уму.

Въ эту минуту Уэдъ пожалъ его руку безъ внутренней оговорки.

— Ты дѣйствительно такъ думаешь, Кариль? Меня это ужасно радуетъ! Я боялся, что это могло показаться холодно разсчетливымъ и эгоистичнымъ...

— Ты, Маттъ, эгоистъ?!

— О, я знаю! Но не значитъ ли это черезчуръ высоко ставить мой сыновній долгъ и слишкомъ мало придавать значенія моей любви? Если я ее люблю, не имѣетъ ли она на меня правъ больше всѣхъ другихъ, больше отца, матери, брата, сестры, больше всего міра!

— Да, если ты увѣренъ, что и она тебя любитъ.

Маттъ засмѣялся.

— Ахъ, правда! А у меня изъ головы вонъ это маленькое условіе! Быть можетъ, это измѣняетъ все положеніе дѣла. Ну, мнѣ теперь надо уйти. Я прямо съ фермы, чтобы повидать тебя...

— Я догадался объ этомъ по твоему крестьянскому облаченію,—мол-

вилъ Уэдъ, съ улыбкой глядя на грубою фермерскую одежду Матта.— Притомъ же,—продолжалъ Уэдъ, словно его послѣдующее замѣчаніе относилось непосредственно къ платью Матта,—и для нея, и для себя ты долженъ повременить признаніемъ, если только ты не увѣренъ въ себѣ такъ, что ничто не въ состояніи измѣнить твоихъ чувствъ.

— Я въ себѣ вполнѣ увѣренъ и никогда не измѣнюсь,—молвилъ Маттъ съ оттѣнкомъ неудовольствія при этомъ намекѣ.—Не будь здѣсь ничего другого, я бы ни минуты не ждалъ.

Онъ успокоился и снова улыбнулся, прибавивъ:

— Но я рѣшилъ теперь подождать. И я очень обязанъ тебѣ, старый товарищъ, за то, что ты переговорилъ со мною объ этомъ и помогъ мнѣ увидѣть все это въ настоящемъ свѣтѣ.

— О, мой дорогой Маттъ!—сказалъ Уэдъ тономъ мольбы.

— Да, это такъ. Ахъ, кстати! Я прихватилъ одного юношу, которому, мнѣ кажется, ты можешь быть полезенъ, Уэдъ. Ты, можетъ быть, помнишь статью о захватѣ чужихъ капиталовъ въ «Бостонскомъ Обозрѣніи»?

— Очень хорошо помню. Онъ, кажется, высказалъ на этотъ счетъ очень гуманные взгляды... черезчуръ гуманные, быть можетъ?

— Пожалуй, съ одной точки зрѣнія, онъ немного пересолилъ. Ну вотъ онъ-то и есть авторъ этой статьи—юноша, которому нѣтъ еще двадцати пяти лѣтъ, но уже прошедшій тяжелую школу жизни. Очень даровитая личность, а здоровья и средствъ нѣтъ; ему приходилось перебиваться изъ-за куска хлѣба газетною работою, вмѣсто того, чтобы заниматься литературою. Онъ былъ репортеромъ въ то время, когда написалъ ту статью. Но главный редакторъ умѣетъ отличать дарованіе. Онъ любилъ Максуэлла—такъ зовутъ этого малаго—и давалъ ему разныя общественныя темы для статей. Но онъ не съумѣлъ съ ними справиться. Дѣло въ томъ, что этотъ юноша слишкомъ ушелъ въ литературу, совсѣмъ боленъ, ему надобны отдыхъ, покой и дружеская поддержка. Хотѣлось бы мнѣ познакомить тебя съ нимъ. Я отвезъ его къ себѣ въ деревню. Онъ представляетъ для тебя интересный типъ... типъ художника, котораго тяжелыя житейскія условія сдѣлали циникомъ... условія газетнаго труда и экономическія условія.

Уэдъ сказалъ, что будетъ радъ познакомиться съ Максуэлломъ и еще болѣе радъ, если ему удастся оказать этому юношѣ какую-нибудь полезную услугу. Но умъ его былъ все еще занятъ любовными признаніями Матта. Когда друзья еще разъ обмѣнялись крѣпкимъ пожатіемъ рукъ, Уэдъ сказалъ:

— Мнѣ кажется, Маттъ, ты рѣшилъ этотъ вопросъ такъ разумно, справедливо и безкорыстно.

— Тутъ невольное безкорыстіе, если вообще есть тутъ какое нибудь безкорыстіе,—возразилъ Маттъ.

Онъ не уходилъ. Уэдъ остановился съ непокрытой головой у вы-

ходной двери своего рабочаго кабинета. После небольшой паузы Маттъ сказалъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ:

— Уэдъ! не думаешь ли ты, что будетъ грубо... неделикатно... если я пойду къ ней въ такое время?

— Ну, я не могу вообразить даже, чтобы *ты* могъ сдѣлать что-нибудь неделикатное, Маттъ.

— Не льсти мнѣ, Кариль! Ты знаешь, что я хочу сказать. Луиза послала ей кое-что со мною. Не возьмешься ли ты передать ей эту посылку или...

— Я, право, не вижу причины, почему бы тебѣ самому не передать ей посылку миссъ Гилари.

— Хорошо, я сдѣлаю это самъ,—сказалъ Маттъ.—Но тебѣ не слѣдуетъ бояться за меня.

XI.

Маттъ пошелъ по тропинкѣ, которая заворачивала отъ церкви Уэда къ дому Нортвика. Но, продолжая идти, онъ все время думалъ, что ему не слѣдуетъ пытаться увидѣть Сюзэтту. Это было бы чудовищно въ такое время; это было бы просто неприлично; это значило бы воспользоваться ея безпомощностью, захвативъ ее врасплохъ предложеніемъ помощи и участія, противъ которыхъ должны возмущаться всѣ инстинкты ея души. Только при одномъ условіи приходъ его могъ быть оправданъ, а это было невозможно. Онъ не имѣлъ права видѣть ее, пока не придетъ сказать ей, что любитъ ее, и попроситъ ее позволить ему взять на себя ея бремя, раздѣлить ея стыдъ и горе изъ любви къ ней. Въ иныя минуты ему казалось, какъ будто онъ имѣлъ право и могъ это сдѣлать и онъ почти бѣгомъ шелъ впередъ; но тотчасъ же обуздывалъ себя и останавливался въ раздумьѣ, не повернуть ли ему назадъ. Подвигаясь такимъ нерѣшительнымъ шагомъ, онъ, наконецъ, очутился въ аллеѣ Нортвикскаго помѣстья и прошелъ къ маленькому домику у главныхъ воротъ. На порогѣ коттэджа сидѣла, склонившись, фигура, видъ которой вызвалъ бурныя біенія его сердца; онъ задыхался и шелъ спотыкаясь, пока не разглядѣлъ, что эта безсильно поникшая фигура была Аделина. Онъ готовъ былъ расхохотаться надъ ироніей обратнаго приращенія впечатлѣній, но его удержало отъ смѣха лицо старой дѣвушки, обращенное къ нему при приближеніи его шаговъ,—оно освѣтилось такимъ искреннимъ удовольствіемъ, когда она узнала его.

— Охъ, мистеръ Гилари!—воскликнула она, не будучи въ состояніи выговорить ни слова больше, губы ея судорожно подергивались, подбородокъ дрожалъ.

Онъ молча взялъ ея руку и ему показалось естественнымъ сдѣлать ту благоговѣйно-нѣжную вещь, которая уже давно вышла изъ нашихъ

обычаевъ: онъ наклонился и поцѣловалъ холодные, костлявые пальцы ея руки.

Она отняла свою руку, чтобы отыскать свой носовой платокъ и утереть слезы.

— Вы, вѣроятно, пришли повидать Сюзэтту, но она ушла въ деревню переговорить съ мистеромъ Путнэемъ; онъ нашъ адвокатъ.

— Я знаю,—отвѣчалъ Маттъ.

— Я думаю, мнѣ незачѣмъ говорить съ вами объ этомъ... письмѣ. кажется... я увѣрена, Сюзэтта также, въ концѣ концовъ, пріидетъ къ тому же... умъ его не въ порядкѣ. Онъ обвиняетъ самого себя во всѣхъ этихъ вещахъ, потому что онѣ такъ сильно разстроили его. Какъ поживаютъ вашъ отецъ, ваша матушка? Ваша сестра?

Онъ видѣлъ, что она внезапно перешла къ этимъ вопросамъ, чтобы не говорить о томъ, что ей больше всего хотѣлось сказать ему.

— Они всѣ здоровы. Отецъ еще въ гостяхъ, а мама и Луиза на фермѣ у меня. Онѣ посылаютъ вамъ свой дружескій привѣтъ и сильно безпокоятся, нѣтъ ли чего...

— Спасибо. Не хотите ли присѣсть здѣсь? Въ комнатахъ ужасно душно.

Она подвинулась, чтобы дать ему мѣсто возлѣ себя. Но онъ сѣлъ ступенькою ниже.

— Надѣюсь, миссъ Сюзэтта здорова?

— Ну, не очень здорова, благодарю васъ. Собственно говоря, ничего особеннаго нѣтъ. Но ни она, ни я, мы не могли заснуть въ прошлую ночь: мы были ужасно встревожены. Не знаю, должна-ли я вамъ говорить объ этомъ,—начала она.—Я не думаю, что вамъ интересно знать объ этомъ, но мнѣ бы хотѣлось поговорить съ кѣмъ-нибудь.

— Миссъ Нортвикъ,—сказалъ Маттъ,—если я въ состояніи сдѣлать что-нибудь для васъ или даже, если вы думаете, что я могъ бы это сдѣлать, *умоляю* васъ, скажите мнѣ. Я буду невыразимо счастливъ служить вамъ.

— Охъ, не знаю, можно-ли что-нибудь сдѣлать въ данномъ случаѣ,— начала она послѣ новаго потока слезъ, выражавшихъ ея благодарность,— но у меня съ Сюзеттой былъ длинный разговоръ объ этомъ и намъ хотѣлось бы повидаться съ вашимъ отцомъ по этому дѣлу. Вы понимаете, по мнѣнію Сюзетты мы не имѣемъ права оставлять за собою домъ, если отецъ въ самомъ дѣлѣ сдѣлалъ то, что онъ говоритъ. Мы не вѣрили, чтобы онъ это сдѣлалъ; но если онъ это сдѣлалъ, то его отыщутъ и заставятъ отдать деньги, которыя, по его словамъ, онъ взялъ. Сюзетта думаетъ, что мы должны отдать деньги, которыя у насъ въ банкѣ,—тысячу пятьсотъ или двѣ тысячи долларовъ—и она хотѣла, чтобы я позволила ей отдать свою половину здѣшняго имѣнія. Сначала я согласилась. Но узнала отъ мистера Путнэя, что надобно сперва продать и домъ землю, чтобы произвести раздѣлъ. Мнѣ казалось, что

я не могу этого допустить. Вотъ насчетъ чего мы... поспорили. Да, мы поспорили. Но теперь все уладилось, или уладится, когда товарищество согласится прекратить процессъ противъ отца, если онъ вернетъ взятыя имъ деньги, а мы отдадимъ это имѣніе. Мистеръ Путнэй, повидимому, думаетъ, что товарищество не прекратитъ дѣла. Но я не понимаю, почему такая богатая корпорація не могла бы сдѣлать все, чего только ей захочется, со своими деньгами.

Ея наивное желаніе подкупить и обойти правосудіе не возмутило Матта, но онъ безпомощно улыбнулся, зная безполезность этого желанія.

— Боюсь, что мистеръ Путнэй правъ.

Онъ помолчалъ, затѣмъ, видя отчаяніе, отразившееся на ея лицѣ, поспѣшилъ прибавить:

— Но я повидаюсь съ отцомъ, миссъ Нортвикъ; я теперь же отправлюсь къ нему. Если только можно что-нибудь сдѣлать частнымъ образомъ для спасенія вашего отца, я убѣжденъ, онъ постарается это сдѣлать ради васъ. Только не обольщайте себя надеждами,—сказалъ онъ вставая, и протянувъ ей руку.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не буду,—отвѣчала она съ признательностью, отъ которой у него защемило сердце.—Ахъ, развѣ вы не подождете, чтобы повидаться съ Сюзеттой?

Маттъ покраснѣлъ.

— Нѣтъ; не теперь. Но, можетъ быть, я вернусь. И... и... я скоро пріѣду опять. До свиданья.

— Мистеръ Гилари!—крикнула она ему въ догонку. Онъ быстрыми шагами вернулся къ ней.—Если... если отцу вашему покажется, что ничего нельзя сдѣлать, мнѣ бы не хотѣлось, чтобы онъ говорилъ объ этомъ.

— О, разумѣется, онъ не станетъ никому говорить.

— И, мистеръ Гилари не покажетъ виду Сюзэттѣ, что я съ вами говорила. Я сама скажу ей.

— Ну, конечно.

По дорогѣ въ Бостонъ устройство этого дѣла казалось все менѣе и менѣе невозможнымъ для Матта. Но, въ сущности, онъ совсѣмъ не былъ знакомъ съ путаницей судебной процедуры. Когда онъ предложилъ эту комбинацію своему отцу, тотъ сомнительно покачалъ головой.

— Не думаю, чтобы это было удобоисполнимо. Этого человѣка отдали подъ судъ по всѣмъ правиламъ закона и пока онъ не явится самъ для судебнаго разбирательства, заочное рѣшеніе суда остается въ полной силѣ. Вотъ какъ я смотрю на это дѣло. Но я поговорю съ нашимъ адвокатомъ. Кто придумалъ этотъ планъ?

— Я, право, не знаю. Миссъ Нортвикъ сказала мнѣ объ этомъ; но мнѣ кажется, миссъ Сюзэтта...

— Такъ и есть,—сказалъ Гилари.—Ей, должно быть, стоило жизни отказаться отъ вѣры въ этого жалкаго мошенника.

— Но послѣ того, какъ она это сдѣлала, ей ничего не стоило отказаться отъ имѣнія, и, какъ я понялъ миссъ Нортвикъ, первымъ побужденіемъ ея сестры было это. Она хотѣла отдать половину свою безъ всякихъ условій, но миссъ Нортвикъ не соглашалась и вотъ онѣ сговорились отдать имѣніе на условіяхъ, которыя мнѣ передала миссъ Нортвикъ.

— Ну,—сказалъ Гилари,—по моему, миссъ Нортвикъ выказала наиболѣе здраваго смысла. Но, разумѣется, Сю благородная дѣвушка. Этому малому—Джэку Уилмингтону—слѣдовало бы теперь выступить на сцену и показать себя мужчиной. Всякій мужчина можетъ гордиться любовью такой дѣвушки... а говорятъ, что она его любила. Но онъ, повидимому, предпочелъ волочиться за женою своего дяди. Онъ не стоитъ ея и, вѣроятно, всегда это зналъ.

Маттъ воспользовался минутой задумчивости своего отца и занялся разсматриваніемъ картины, висѣвшей надъ каминомъ. Картина была не новая; но его смущало сознаніе, что онъ поступилъ не вполнѣ искренно съ отцомъ своимъ. Вотъ почему онъ отвернулся, продолжая разсматривать картину.

— Если эти несчастныя женщины отдадутъ свой домъ, что станется съ ними? Вѣдь имъ не на что будетъ существовать.

— Я думаю,—замѣтилъ Маттъ,—это соображеніе не будетъ имѣть ни малѣйшаго значенія для Сюзэтты Нортвикъ.

— Ты правъ. Если тутъ есть что-нибудь наслѣдственное, то отецъ такой дѣвушки долженъ имѣть въ себѣ кое-что хорошее. Ну разумѣется, мы не допустимъ, чтобы онѣ пострадали отъ своего великодушія.

— Ты думаешь, товарищество приметъ во вниманіе тотъ фактъ, что оно не имѣетъ никакихъ законныхъ правъ на ихъ имущество и признаетъ это относительно ихъ?

— Товарищество!—загремѣлъ Гилари.—Товарищество не имѣетъ ни нравственнаго, ни законнаго права на это имущество. Но мы поступимъ такъ, какъ будто бы у насъ было и то, и другое право. Если бы имущество это было намъ предложено безъ всякихъ условій, мы бы должны были признать, что намъ подали милостыню, а вовсе не вернули захваченное у насъ. Но каждый изъ насъ будетъ выставлять свое право, которое не существуетъ, и мы возьмемъ это имущество, какъ часть слѣдуемаго намъ вознагражденія за понесенные убытки. А я буду настолько труслив, чтобы не сказать совѣту директоровъ, что я думаю о нашемъ малодушіи.

— Кажется, людямъ очень трудно дѣйствовать великодушно или хотя бы просто по человѣчеству въ качествѣ корпоративнаго учрежденія,—сказалъ Маттъ.—Но, по моему, въ подобномъ поступкѣ будетъ только неясно выраженная и отрицательная справедливость. Товарищество имѣетъ право взять это имущество, если дочь Нортвика имѣ-

етъ право предложить его, а я думаю право ея сдѣлать это не подлежитъ никакому сомнѣнію.

— Ты такъ думаешь, Маттъ? Хорошо, хорошо,—молвилъ Гилари, охотно цѣпляясь за эту поддержку;—можетъ быть, ты правъ. Ты долженъ послать Луизу и маму повидать ее.

— Хорошо, только не сейчасъ. Она горда и страшно щекотлива; быть можетъ, при настоящемъ положеніи дѣла, это посѣщеніе покажется ей назойливымъ.

— Назойливымъ? Вздоръ! Она будетъ рада повидаться съ ними! Пошли ихъ къ ней тотчасъ же!

Маттъ простился съ отцомъ и отправился къ себѣ на ферму, взявъ съ него обѣщаніе никому не передавать ихъ разговора, пока онъ не узнаетъ рѣшенія сестеръ отъ Путнэя. Затѣмъ будетъ достаточно времени открыть мѣстонахожденіе Нортвика, чего до сихъ поръ никто не зналъ, не знали даже его родныя дѣти.

Похвальный отзывъ отца его о Сюзэттѣ являлся какъ бы безсознательнымъ одобреніемъ любви Матта къ молодой дѣвушкѣ. Но въ то же время онъ создавалъ нѣчто въ родѣ положенія въ комической пьесѣ, а Маттъ былъ такъ же далекъ отъ комическаго, какъ и отъ романтическаго элемента въ своихъ чувствахъ. Когда онъ подумалъ отправиться къ ней тотчасъ же, ему стало противно сдѣлать это,—точно онъ былъ герой романа, предлагающій руку и сердце героинѣ въ самый злополучный моментъ ея судьбы! Но онъ зналъ, что въ данномъ случаѣ сходство было чисто внѣшнее, а въ душѣ онъ былъ простымъ и скромнымъ влюбленнымъ, желавшимъ, по мѣрѣ своихъ силъ и способностей, стать ея другомъ и помощникомъ. Ему хотѣлось бы сдѣлать свое предложеніе въ такой формѣ, которая оставляла бы за нею свободу воспользоваться хотя немного его пламеннымъ желаніемъ утѣшить и поддержать ее въ ея испытаніи. Но онъ видѣлъ, что въ данную минуту онъ не могъ ничего для нея сдѣлать... Онъ не вернулся въ Гатборо, какъ ему хотѣлось, и отправился къ себѣ на ферму и старался терпѣливо переносить свой искусъ.

XII.

Сюзэтта вернулась изъ конторы Путнэя съ такимъ унылымъ видомъ, что у Аделины не хватило духу разсказать ей о посѣщеніи Матта и о порученіи, которое онъ взялъ на себя отъ ея имени. Адвокатъ сказалъ только, что, по его мнѣнію нельзя было ничего сдѣлать. Онъ былъ радъ, что онѣ порѣшили не передавать своего имущества товариществу, не попытавшись извлечь изъ этой передачи какую-нибудь выгоду для своего отца; это было ихъ правомъ и ихъ обязанностью. Онъ обѣщался сдѣлать все, что возможно, но предупредилъ Сюзэтту, что, по всей вѣроятности, попытка его останется безуспѣшной.

— А затѣмъ, что слѣдуетъ намъ сдѣлать по его мнѣнію,—спросила Аделина.

— Онъ ничего не сказалъ,—отвѣчала Сюзэтта.

— Мнѣ кажется,—продолжала Аделина послѣ небольшой паузы,—тебѣ, во всякомъ случаѣ, хотѣлось бы отдать это имѣніе. Ну что-жъ, Сюзэтта, ты можешь это сдѣлать.

Такъ какъ лицо ея сестры не выразило радости, которую Аделина ожидала увидѣть, то она прибавила:

— Я обо всемъ этомъ много передумала и смотрю на это теперь такъ же, какъ ты. Только,—проговорила она дрогнувшимъ голосомъ,—сперва я хочу непремѣнно сдѣлать все, что могу, для бѣднаго отца.

— Хорошо,—согласилась Сюзэтта уныло,—мистеръ Путней сказалъ, что это нашъ долгъ.

— Сю,—молвила Аделина послѣ другой небольшой паузы,—не знаю, какъ ты отнесешься къ тому, что я сдѣлала... Мистеръ Гилари былъ здѣсь...

— Мистеръ Гилари!

— Да. Онъ пріѣхалъ сюда съ фермы...

— Ахъ, я думала, ты говоришь объ его отцѣ.

Краска слегка оживила щеки молодой дѣвушки.

— Луиза и миссисъ Гилари посылаютъ намъ дружескій привѣтъ и всѣ онѣ желаютъ сдѣлать, что только въ ихъ силахъ. И... и я разсказала мистеру Гилари, что̀ мы намѣрены сдѣлать, и... онъ сказалъ, что поговоритъ объ этомъ со своимъ отцомъ, и... Охъ, Сюзэтта, боюсь, я сдѣлала больше, чѣмъ слѣдовало.

Сюзэтта помолчала, а затѣмъ сказала:

— Нѣтъ, я не вижу въ этомъ ничего дурнаго.

— Онъ сказалъ,—продолжала Аделина съ радостнымъ облегченіемъ,—что отецъ его не скажетъ другимъ ни слова объ этомъ, пока мы не будемъ готовы. И я увѣрена, онъ сдѣлаетъ для насъ все, что возможно. Не правда ли, ты то же думаешь?

— По моему, нѣтъ никакой бѣды, что онъ поговоритъ объ этомъ со своимъ отцомъ,—отвѣчала Сю.—Надѣюсь, Аделина,—прибавила она съ суровостью, которая такъ пугала Аделину,—ты не просила его объ этомъ, какъ объ особомъ одолженіи?

— Нѣтъ, нѣтъ! Право же, Сю, я не просила! Это вышло само собою. Онъ самъ предложилъ сдѣлать это.

— Хорошо,—сказала Сю.

Она вдругъ какъ-то ослабѣла и опустилась на спинку кресла, гдѣ сидѣла.

— Не знаю,—замѣтила Аделина, бросивъ встревоженный взглядъ на осунувшееся лицо молодой дѣвушки,—но мнѣ кажется, не мѣшало бы намъ обѣимъ обратиться къ доктору.

— Ахъ, что докторъ!—вскричала Сюзэтта.—Развѣ докторъ въ состояніи помочь нашему горю?

Она подняла свои руки къ лицу, опустила его на нихъ и разрыдалась. То были первыя слезы, пролитыя ею съ того времени, какъ надъ ними разразилось это новое, болѣе позорное горе.

Компанейскій адвокатъ представилъ предложенія Путнэя (какъ и ожидалъ послѣдній) на разсмотрѣніе государственнаго стряпчаго, который далъ приблизительно такой отвѣтъ. Когда друзья Нортвика снесутся съ нимъ и докажутъ его готовность отдать взятыя деньги и возвратить всевозможными способами растраченные имъ капиталы, тогда будетъ время поговорить о «прекращеніи судебнаго преслѣдованія». Но, вслѣдствіе своего укрывательства, Нортвикъ осужденъ за неявкою въ судъ. Онъ долженъ вернуться, отдаться въ руки правосудія; его дѣло будетъ пересмотрѣно и, быть можетъ, ему будетъ оказано снисхожденіе.

Другого отвѣта, по словамъ государственнаго стряпчаго, не могло быть. Вотъ все, что Путнэй можетъ передать дочерямъ растратчика.

Сюзэтта выслушала отвѣтъ этотъ въ молчаніи, словно она закалила свое терпѣніе, чтобы перенести это. Аделина переходила отъ надежды къ страху, но, повидимому, рѣшилась мужественно встрѣтить худшее, если это худшее должно придти.

— Хорошо,—сказала она,—въ такомъ случаѣ мы должны отдать этотъ домъ. Вы можете приготовить нужныя бумаги, мистеръ Путнэй.

— Я сдѣлаю все, что вы прикажете, миссъ Нортвикъ.

— Да. И я не хочу, чтобы вы думали, что я не желаю этого. Теперь я дѣйствую самостоятельно. Если бы сестра моя была противъ этого, я бы все-таки пожелала сдѣлать это.

Маттъ Гилари узналъ отъ своего отца о результатѣ переговоровъ съ государственнымъ стряпчимъ. На слѣдующій же день онъ пріѣхалъ въ Гатборо повидаться съ Путнэемъ отъ имени своего отца и выразить ему желаніе своихъ родныхъ сдѣлать все, что, по мнѣнію мистера Путнэя, возможно сдѣлать для его кліентокъ. Маттъ исполнилъ возложенное на него порученіе очень неискусно, путаясь въ разглагольствованіяхъ и повтореніяхъ, но, въ концѣ концовъ, кое-какъ дошелъ до самой сути дѣла.

Путнэй далъ ему высказаться съ саркастическимъ терпѣніемъ, перекладывая свою табачную жвачку во рту отъ одной худой щеки къ другой и пристально устремивъ свои огненные голубые глаза на доброе лицо Матта.

— Посмотримъ, сэръ, — сказалъ адвокатъ, — что же, по *вашему* мнѣнію, можетъ быть сдѣлано для двухъ женщинъ, воспитанныхъ какъ заправскія барышни, которыя добровольно захотѣли пустить себя по-міру?

— Неужели дѣла ихъ такъ плохи?—спросилъ Маттъ.

— Да вы можете сами судить. Мои настоящія инструкціи состоятъ

въ томъ, чтобы передать Понкуассэтскому товариществу все ихъ имущество...

— Но я думалъ... я думалъ, что у нихъ есть кое-какія сбереженія... какая-то...

— Въ банкѣ было немного денегъ, которыя Нортвикъ, передъ тѣмъ, какъ уѣхать, положилъ на ихъ имя; но мнѣ приказано ими уплатить эту сумму также вашему товариществу. Я полагаю, оно приметъ эти деньги?

— Это не мое товарищество,—возразилъ Маттъ.—У меня нѣтъ съ нимъ ничего общаго... да и ни съ какимъ другимъ подобнымъ учрежденіемъ. Но я не сомнѣваюсь, что компаніоны примутъ эти деньги.

— Они не могутъ поступить иначе,—сказалъ адвокатъ и глаза его сверкнули юморомъ при мысли о «безвыходности» положенія компаніоновъ въ данномъ случаѣ,—а такой исходъ дѣла оставитъ моихъ кліентовъ безъ всякихъ средствъ къ жизни, пока Нортвикъ вернется домой съ тѣмъ состояніемъ, которое разсчитываетъ нажить себѣ. А въ этотъ промежутокъ времени онѣ имѣютъ шансы умереть съ голоду, либо жить насчетъ христіанской благотворительности. И я не думаю,—прибавилъ Путнэй, засмѣявшись,—чтобы онѣ имѣли малѣйшее представленіе о той или другой перспективѣ.

Маттъ стоялъ смущенный, потрясенный до глубины души передъ картиною, которую вызвали эти грубыя слова въ его представленіи. Онъ ясно понималъ, что, во всякомъ случаѣ, никакое несчастіе не сравнится съ нищетою, и что та бѣдная дѣвушка избрала нѣчто болѣе тяжелое, чѣмъ позоръ своего отца.

— Разумѣется,—сказалъ онъ,—не слѣдуетъ допустить, чтобы онѣ терпѣли нужду. Мы разсчитываемъ на ваше содѣйствіе, чтобы ничего подобнаго не могло случиться. Придумайте какую-нибудь комбинацію, чтобы онѣ не узнали, что у нихъ ничего не остается.

— Постойте,—отвѣчалъ Путнэй, положивъ ногу на спинку кресла для бо̀льшаго удобства бесѣды,—это было бы возможно, будь я адвокатомъ въ романѣ. Но, помилуйте, что̀ могу я сдѣлать съ двумя такими женщинами, которыя слѣдятъ за каждымъ моимъ шагомъ и хотятъ знать все, что я думаю предпринять, въ малѣйшихъ подробностяхъ? Вы, я полагаю, знакомы съ миссъ Сюзэттой?

— Ну, да,—отвѣчалъ Маттъ, понявъ его намекъ.

— А какъ вы полагаете, такая дѣвушка, какъ она, рѣшившись голодать, не разгадаетъ вашихъ хитросплетеній, если бы вы вздумали увѣрять ее, что нашли гдѣ-то подъ шкафомъ кучу денегъ, принадлежащихъ ей?

— Товарищество должно что-нибудь сдѣлать!—свирѣпо вскричалъ Маттъ.—У него нѣтъ никакого права на это имущество, ни малѣйшаго права!

— Вотъ теперь вы горячитесь,—Путнэй заложилъ порядочный кусокъ табачной массы въ ротъ и дѣятельно принялся работать челюстями.

— Не смѣетъ оно взять его.. не возьметъ оно его! —крикнулъ Маттъ.

Путнэй презрительно расхохотался.

XIII.

Маттъ отправился къ себѣ на ферму утомительными окольными вѣтвями желѣзнаго пути, проведеннаго черезъ деревенскіе поселки. Онъ разсказалъ своей матери о новомъ направленіи, которое приняли огорченія дочерей Нортвика. Онъ спросилъ, не можетъ ли она поѣхать къ нимъ и придумать, какъ пособить горю.

Луиза хотѣла тотчасъ же отправиться къ нимъ. Она плакала, восторгаясь благородствомъ Сюзэтты. Она знала, что все это было дѣломъ Сюзэтты.

— Конечно, это благородно,—сказала миссисъ Гилари.—Но я почти желала бы, чтобы она не дѣлала этого.

— Почему, мама?

— Это ужасно запутываетъ дѣло. Онѣ могли бы отлично жить, какъ жили; а товарищество не нуждается въ этомъ. А теперь куда дѣнутся онѣ? Что съ ними станется?

Луиза не подумала объ этомъ и нашла это ужаснымъ.

— Полагаю,—сказалъ Маттъ, — что товарищество позволитъ имъ на время остаться тамъ, гдѣ онѣ живутъ; такимъ образомъ онѣ не очутятся въ дѣйствительности на улицѣ. Но онѣ намѣрены отдать и тѣ деньги, которыя отецъ ихъ оставилъ имъ для жизни, пока ему посчастливится привести въ исполненіе безумные планы для поправленія своихъ дѣлъ, какъ онъ говоритъ въ своемъ письмѣ. Тогда онѣ останутся безъ всякихъ средствъ къ существованію.

— Я знала, что Сюзэтта сдѣлаетъ это!—вскричала Луиза.—До этого письма она постоянно говорила, что отецъ ея никогда не дѣлалъ того, въ чемъ его обвиняли газеты. Но письмо это лишило ее всякой точки опоры, а такая дѣвушка не въ состояніи успокоиться, пока не отдастъ всего... всего!

— Что-нибудь необходимо сдѣлать, —сказала миссисъ Гилари.— Есть ли у нихъ... есть ли у Сюзэтты... какіе-нибудь планы?

— Никакихъ, кромѣ отдачи тѣхъ немногихъ денегъ, которыя у нихъ въ банкѣ,—отвѣчалъ Маттъ уныло.

— Ну онѣ повели все это дѣло безобразнѣйшимъ образомъ,—критически замѣтила миссисъ Гилари какимъ-то высокомѣрно-учительскимъ тономъ.

— Ну, мама, начать съ того, что дѣло это было вовсе не изъ особенно благопріятныхъ,—молвилъ Маттъ, а Луиза улыбнулась.

— Полагаю, твой бѣдный отецъ совершенно измучился съ этимъ дѣломъ,—продолжала миссисъ Гилари.

— Ему было непріятно, но я не замѣтилъ, чтобы отъ этого пострадалъ его аппетитъ. По моему, въ данномъ случаѣ главное вниманіе должно быть обращено вовсе не на его, хотя бы и чрезмѣрное, безпокойство.

— Нѣтъ, Маттъ, разумѣется, нѣтъ. Я просто хочу это обдумать. Не знаю, что бы мы могли предложить. Но надобно непремѣнно что-нибудь придумать. Да, намъ слѣдуетъ поѣхать повидать ихъ. У нихъ, кажется, никого нѣтъ. Ужасно странно, что у нихъ нѣтъ родныхъ, къ кому бы они могли поѣхать!

Миссисъ Гилари, говоря это, повидимому, думала о личныхъ своихъ затрудненіяхъ въ данномъ случаѣ.

— Ну что-жъ, мы должны постараться сдѣлать, что можемъ,—сказала она, смягчаясь, послѣ минутной паузы.

Они потолковали, какъ говорится, переливая изъ пустаго въ порожнее, объ этомъ вопросѣ и миссисъ Гилари объявила, наконецъ:

— Я поѣду туда завтра утромъ. А оттуда, кажется, отправлюсь въ Бостонъ и попытаюсь увезти отца вашего къ морю.

— Ахъ!—вздохнула Луиза.

— Ну, да. Мнѣ непріятно, что онъ остается такъ долго въ городѣ.

— Бѣдный папа! У него очень изнуренный видъ? А, Маттъ? Отчего ты не заставилъ его пріѣхать сюда?

— Я уже просилъ его объ этомъ,—отвѣчалъ Маттъ.

— Ну, да, я знаю, онъ терпѣть не можетъ деревни,—согласилась Луиза.

Она поднялась съ своего мѣста и подошла къ стекляной двери, которая стояла открытой въ галлерею; кустъ душистыхъ розъ наполнялъ своимъ благоуханіемъ тяжелый, горячій воздухъ.

— Всѣ мы должны что-нибудь придумать, чтобы помочь Сюзэттѣ.

Мать посмотрѣла ей въ слѣдъ, послѣ того, какъ она исчезла за дверью, и одно мгновеніе прислушивалась къ ея голосу; она говорила съ кѣмъ-то, бывшимъ по ту сторону двери. Оба голоса удалились и только смѣхъ Луизы доносился издалека.

— У нея легкомысленный характеръ,—вздохнула миссисъ Гилари.

— Правда твоя, — согласился Маттъ, думая, что ему было бы пріятнѣе въ данную минуту быть самому легкомысленнымъ.—Но я не вижу въ этомъ ничего дурного. Какая польза произошла бы, прими она это дѣло болѣе къ сердцу?

— Ахъ, я совсѣмъ не имѣю въ виду Нортвиковъ,—возразила миссисъ Гилари.—Но она такъ относится рѣшительно ко всему на свѣтѣ. Я знаю, она славная дѣвочка, но боюсь, она не можетъ глубоко чувствовать. Маттъ, не понутру мнѣ этотъ твой protégé!

— Максуэллъ?—спросилъ Маттъ, на фермѣ котораго гостилъ теперь бывшій репортеръ «Обозрѣнія». Молодые люди сильно подружились

послѣ появленія статьи Максуэлла о дѣлѣ Нортвика, и Маттъ предложилъ Максуэллу провести у него лѣто на фермѣ.

— Ну, да. Онъ черезчуръ серьезенъ.

— На тебя трудно угодить, мамочка, — замѣтилъ Маттъ. — Тебѣ не нравится легкомысліе Луизы и не нравится серьезность Максуэлла. Мнѣ кажется, въ немъ это пройдетъ. Онъ боленъ, бѣдняга. Онъ не будетъ такимъ букою, когда поздоровѣетъ.

— Ахъ, очень можетъ быть ты правъ.

Миссисъ Гилари помолчала, затѣмъ прибавила рѣзко:

— Надѣюсь, на нѣкоторое время симпатіи Луизы сосредоточатся на Сю Нортвикъ.

— Мнѣ казалось, что симпатіи ея уже принадлежали Сю,—отвѣчалъ Маттъ.—Я убѣжденъ, Луизѣ страстно хотѣлось быть ея другомъ съ самаго начала ея горестей. Я не предполагалъ, что она такъ сильно къ ней привязана... Такъ постоянна...

— Она—романтическая голова, но она свѣтская дѣвушка до мозга костей. Она любитъ свѣтъ и его утѣхи. Ни одна дѣвушка не предана до такой степени свѣтскимъ удовольствіямъ и развлеченіямъ. Я не считаю ее вѣтреной; но воображеніе ея полно фантазій. Она любитъ жить мечтая; ей нравятся несбыточныя грёзы. Вотъ, напр., въ настоящую минуту всѣ ея мысли увлечены представленіемъ идилліи деревенской жизни, потому что стоитъ іюньская погода и она нянчится съ этимъ больнымъ молодымъ репортеромъ. Но она вся принадлежитъ окружающей ее средѣ и, какъ только уѣдетъ отсюда, станетъ совсѣмъ другою. Въ ней масса странныхъ противорѣчій! — вздохнула миссисъ Гилари.—Будь она только всецѣло свѣтская дѣвушка, дѣло было бы гораздо легче; но какъ только замѣшается ея влеченіе къ непосредственной простотѣ нравовъ, просто голова кружится отъ недоумѣнія, что тутъ дѣлать...

Она подождала минуту, словно предоставляя Матту спросить, что хотѣлось ей сказать этими словами. Но такъ какъ онъ молчалъ, она продолжала:

— Вотъ ужъ у нея не такая простая натура... какъ у Сю Нортвикъ, напримѣръ.

Теперь пробудился Маттъ.

— А *она* простая натура?—спросилъ онъ съ равнодушнымъ видомъ.

— Вполнѣ простая,—отвѣчала его мать.—Она всегда руководится въ своихъ поступкахъ гордостью. Гордость объясняетъ все, что она дѣлаетъ.

— Я знаю, она горда,—согласился Маттъ, находя нѣкоторое облегченіе въ открытомъ признаніи этой черты характера Сю, относительно которой онъ никогда себя не обманывалъ.

Затѣмъ онъ прибавилъ:

— Я могу вообразить ее высокомѣрной, даже надменной по време-

намъ; несомнѣнно она упряма и настойчива. Но я не понимаю, почему не допустить, что въ ея настоящемъ поступкѣ ею руководитъ чувство болѣе благородное, чѣмъ гордость.

— Она очень хорошо поступила,—сказала миссисъ Гилари.—Гораздо лучше, чѣмъ можно было ожидать отъ дочери ея отца.

Матта начинала раздражать эта узкая «правда», но онъ постарался замѣтить спокойно:

— Право, мама, долженъ же быть предѣлъ, гдѣ кончается осужденіе невиннаго! Мнѣ будетъ очень грустно, если ты отправишься къ миссъ Нортвикъ, думая, что мы этимъ оказываемъ ей такъ сказать милостивое снисхожденіе. Мнѣ кажется, что она ставитъ насъ косвеннымъ образомъ въ обязательство относительно себя, которое намъ трудно будетъ исполнить съ деликатностью.

— Что у тебя за странныя мысли, Маттъ?

— Я просто стараюсь быть справедливымъ. Товарищество не имѣетъ никакого права на имущество, которое она хочетъ отдать ему.

— Но вѣдь мы не товарищество.

— Отецъ предсѣдатель его.

— Ну, и что-жъ? Онъ далъ мистеру Нортвику возможность выпутаться изъ бѣды, а мистеръ Нортвикъ употребилъ это довѣріе во зло и удралъ. А если она не отвѣтственна за своего отца, отчего у тебя является мысль объ отвѣтственности за своего отца? Но мнѣ кажется, ты бы могъ, Маттъ, положиться на меня. Я съумѣю сдѣлать что должно и какъ должно... даже то, что требуетъ деликатности, по отношенію къ миссъ Нортвикъ.

— О, разумѣется! Я вовсе не то хотѣлъ сказать.

— Ты изволилъ сказать, мой другъ, нѣчто подобное.

— Въ такомъ случаѣ прости меня, мама. Конечно, я думалъ не объ ней только. Но она горда и я надѣюсь, ты дашь ей понять, что мы всѣ прекрасно понимаемъ, что она дѣлаетъ.

— Боюсь,—сказала миссисъ Гилари, вздохнувъ въ заключеніе,—что, если бы я могла быть съ нею вполнѣ откровенна, я бы сказала ей, что она глупая, упрямая дѣвочка и мнѣ хотѣлось бы, чтобы она не дѣлала этого.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЛѢСНАЯ СКАЗКА.

Дубъ и береза—рядомъ въ лѣсу зеленѣли,—
Дружно шептались, тайны храня отъ другихъ.
Въ зависти черной хмурились сосны и ели;
Въ злобѣ осины сплетни пускали про нихъ.

Робко и рѣдко
Дубъ къ ней касался вѣтвями,
Хоть ни покоя въ страсти не зналъ онъ, ни сна.
Вздрогнувъ, сосѣдка
Строго качала кудрями,—
И отъ объятій все уклонялась она...

* * *

Вдругъ налетѣла буря, какъ смерти угроза,
Съ громомъ и блескомъ въ лѣсъ направляя свой путь.
Падали съ трескомъ ели кругомъ... И береза,
Вскрикнувъ, упала—къ другу на вѣрную грудь.

Дни пролетѣли;
Онъ осушилъ ея слезы,
Лаской любовной раны ея исцѣлилъ;
Свадьбу имъ спѣли
Радостнымъ хоромъ стрекозы
И соловей имъ гимномъ союзъ освятилъ...

* * *

И перестали хмуриться сосны и ели,
И присмирѣли листья коварныхъ осинъ.
Слившись кудрями, дубъ и береза шумѣли
Съ юности вешней и до осеннихъ сѣдинъ.

Если-жъ мятежный
Вихрь налеталъ, и съ испугу
Дико метался трепетный лѣсъ и стоналъ,—
Крѣпко и нѣжно
Къ сердцу прижавши подругу,
Дубъ противъ бури гнѣвно вѣтвями махалъ...

* * *

Снѣгомъ покрыты, словно парчею нарядной,
Спали деревья... И, какъ разбойникъ и воръ,
Хищно подкрался къ нимъ человѣкъ безпощадный.
Въ тѣло березы звонко вонзилъ онъ топоръ.

Съ крикомъ жестокимъ
Вырвалъ онъ жадной рукою
Трупъ изъ объятій, весь изрубилъ и увезъ...
И одинокимъ
Дубъ пробудился весною,
И оросилась грудь его каплями слезъ...

А. Колтоновскій.

СЕСИЛЬ РОДСЪ.

(БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

Въ 1871 году, какой-то блѣдный и худой юноша, лѣтъ 18-ти, высадился на берегъ въ Дурбанѣ. Никто его не зналъ, но онъ возбуждалъ во всѣхъ пассажирахъ состраданіе своимъ болѣзненнымъ видомъ. Врачи, опредѣлившіе у него чахотку, объявили, что ему необходима перемѣна климата, и родные отправили его въ Наталь, гдѣ у него былъ братъ фермеръ, въ надеждѣ, что климатъ южной Африки сдѣлаетъ чудо и поправитъ его.

Этотъ несчастный юноша, слабый и больной, былъ тотъ самый Сесиль Родсъ, который теперь извѣстенъ подъ именемъ «капскаго Наполеона» и имя котораго неразрывно связано съ южно-африканскою войной. Сынъ англійскаго пастора, обремененнаго семействомъ, Сесиль Родсъ не имѣлъ никакого состоянія, когда пріѣхалъ въ южную Африку, оказавшейся для него обѣтованною страной. Климатъ южной Африки—вернулъ ему здоровье, а скрытыя въ ея нѣдрахъ богатства—превратили бывшаго бѣдняка въ милліонера.

Пробывъ нѣсколько мѣсяцевъ въ южной Африкѣ и подкрѣпивъ нѣсколько свое здоровье, Сесиль Родсъ вернулся въ Англію, чтобы продолжать свои занятія въ Оксфордскомъ университетѣ, но это оказалось невозможнымъ. Кашель и упадокъ силъ у него возобновились и онъ долженъ былъ снова уѣхать въ южную Африку, и на этотъ разъ уже на болѣе долгое время.

Конечно, Сесиль Родсъ не мечталъ еще ни о какихъ милліонахъ тогда. Онъ скромно занялся плантаторскими работами на фермѣ своего брата. Вскорѣ, однако, въ Наталѣ распространились странные слухи, что гдѣ то, по близости Оранжевой рѣки, негры находятъ алмазы и въ особенности ихъ много въ той мѣстности, гдѣ въ настоящее время находится Кимберлей. Юный Сесиль сильно заинтересовался этими слухами и, разспросивъ подробно обо всемъ, рѣшилъ попытать счастье. Но у него не было ни денегъ, ни здоровья, чтобы самому затѣять какое-нибудь дѣло, и онъ это отлично сознавалъ. Склонить брата къ совмѣстной дѣятельности въ этомъ направленіи оказалось, впрочемъ,

не трудно, и братъ Сесиля, продавъ свою ферму въ Наталѣ, отправился вмѣстѣ съ нимъ въ мѣста, гдѣ находили, по разсказамъ, алмазы. На деньги, вырученныя отъ продажи фермы, братья купили себѣ участокъ и принялись его разрабатывать. Однако, братъ Сесиля, отличавшійся особенною любовью къ приключеніямъ, отправился въ экскурсію на сѣверъ и былъ убитъ во время нападенія кафровъ; двадцатилѣтній Сесиль сдѣлался послѣ этого единоличнымъ владѣльцемъ купленнаго вмѣстѣ съ братомъ участка въ алмазныхъ копяхъ.

Сесиль Родсъ.

Въ тѣ времена разработка этихъ копей была очень не сложна и производилась самымъ первобытнымъ способомъ. Около дюжины негровъ въ глубинѣ открытаго колодца отламывали куски алмазосодержащей каменной породы и наполняли ею корзины, которыя потомъ поднимались вверхъ по канату. Владѣлецъ участка наверху принималъ нагруженную корзину и, вываливъ ея содержимое на длинный столъ, принимался отыскивать алмазы въ этой кучѣ земли и каменныхъ обломковъ. Ремесло тяжелое, но, тѣмъ не менѣе, оно доставляло все-таки средства къ жизни.

Не легко жилось Сесилю первое время. Ни о какихъ удобствахъ,

ни о какомъ комфортѣ нечего было и думать. Ему пришлось отказывать себѣ во всемъ, но, тѣмъ не менѣе, здоровье его поправлялось.

Извѣстіе объ открытіи алмазовъ, конечно, привлекло въ эту мѣстность массу разныхъ искателей приключеній и диггеровъ. Около двадцати тысячъ человѣкъ собралось тутъ, на пространствѣ не болѣе пяти километровъ въ діаметрѣ, въ этой области, представлявшей настоящую безводную пустыню, лишенную всякой растительности. Ни одна капля дождя не выпадаетъ въ этой мѣстности, по крайней мѣрѣ, въ теченіе шести мѣсяцевъ и, конечно, еслибъ не алмазы, то никто бы не рѣшился селиться въ ней. Но надежда на возможность быстро разбогатѣть заставляла людей забывать всѣ лишенія, которыя выпадали на ихъ долю, — и спросъ на участки все возрасталъ. Мало-по-малу, однако, оказалось далѣе невозможнымъ разрабатывать эти участки прежнимъ примитивнымъ способомъ, такъ какъ, по мѣрѣ углубленія копей, скалы начали грозить опасностью обвалиться; и тогда диггеры рѣшили сообща предпринять нѣкоторыя предохранительныя мѣры. Однако, работы для этой цѣли потребовали такихъ большихъ издержекъ, что многіе владѣльцы участковъ испугались и продали ихъ тѣмъ, которыхъ будущее менѣе пугало. Родсъ, конечно, принадлежалъ къ числу этихъ послѣднихъ; онъ былъ убѣжденъ, что при помощи капиталовъ можно организовать болѣе правильную и цѣлесообразную разработку копей. Имѣя это въ виду, Родсъ скупилъ столько участковъ, насколько у него хватило денегъ, и основалъ свою первую акціонерную компанію «De Beers Mining C°», обнаруживъ при этомъ необыкновенныя финансовыя способности. Онъ такъ повелъ дѣло, несмотря на свою молодость, что созданная имъ компанія вскорѣ сдѣлалась главною владѣтельницею копей.

По примѣру Родса, образовалось еще нѣсколько промышленныхъ компаній, такъ что копи оказались во владѣніи семи компаній и трехъ частныхъ лицъ; замѣна эта не замедлила отразиться на эксплуатаціи копей, ежегодное производство которыхъ сильно возрасло. Это вызвало конечно, тотчасъ же паденіе цѣнъ на алмазы, и Родсъ сообразилъ немедленно, что необходимо принять противъ этого мѣры, т.-е. войти въ соглашеніе съ остальными промышленными компаніями и ограничить добычу алмазовъ такимъ образомъ, чтобы они всегда оставались въ цѣнѣ.

Черезъ три года Сесиль Родсъ достигъ своей цѣли: всѣ компаніи слились въ одну, которая получила названіе «De Beers Consolidates C°», и вскорѣ сдѣлалась однимъ изъ самыхъ могущественныхъ финансовыхъ обществъ въ южной Африкѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Родсъ сразу обратилъ на себя вниманіе и пріобрѣлъ репутацію финансиста. Онъ занялъ такое положеніе, что смѣло уже могъ разсчитывать играть выдающуюся политическую роль.

Родсъ вернулся назадъ въ Англію. Онъ былъ теперь богатъ и здо-

ровъ; чахотки какъ не бывало. Первое употребленіе, которое онъ сдѣлалъ изъ своего богатства, было очень характерно. Прежде всего, оно дало ему возможность докончить свое образованіе, что онъ считалъ безусловно необходимымъ и поэтому ежегодно, въ теченіе пяти лѣтъ, онъ уѣзжалъ на пароходѣ въ Англію и тратилъ на жизнь и ученіе въ Оксфордѣ то, что пріобрѣталъ въ алмазныхъ копяхъ въ Кимберлеѣ.

Въ молодые годы Сесиль Родсъ отличался крайне молчаливымъ, не сообщительнымъ нравомъ. Онъ не пользовался особенною любовью въ университетѣ, но внушалъ къ себѣ уваженіе. Однако, и тогда уже онъ считался неисправимымъ мечтателемъ. Многіе изъ его прежнихъ товарищей вспоминаютъ, что всякій разъ, уѣзжая изъ Англіи на свою вторую родину, южную Африку, и возвращаясь оттуда назадъ въ Оксфордъ, онъ говорилъ о томъ, какъ важно было бы утвердить господство англо-саксонской расы на всѣхъ, еще не занятыхъ территоріяхъ южной Африки. Тогда имперіализмъ только еще зарождался, но двадцатипятилѣтній Сесиль Родсъ сдѣлалъ его своимъ символомъ вѣры и своимъ друзьямъ, которыхъ у него было не много, онъ излагалъ свой методъ и свою программу. Англо-саксонская раса, говорилъ онъ, владѣетъ территоріями въ трехъ континентахъ. Это самая богатая, самая могущественная и самая счастливая изъ всѣхъ расъ на свѣтѣ. Вездѣ, гдѣ она господствуетъ, царитъ свобода и только въ предѣлахъ ея владѣній человѣкъ чувствуетъ себя человѣкомъ.

Такъ думалъ и говорилъ Сесиль Родсъ. Воззрѣнія его въ этомъ отношеніи не измѣнились и теперь. И теперь, какъ тогда, онъ считаетъ англо-саксонскую расу избранною расой, которая, слѣдовательно, должна господствовать во вселенной. Но прежде всего взоры Сесиля Родса обращались къ южной Африкѣ, гдѣ еще оставалось много свободныхъ территорій. Надъ всѣми этими территоріями долженъ былъ развиваться англо-саксонскій флагъ.

Занятія въ Оксфордскомъ университетѣ не мѣшали Сесилю Родсу преслѣдовать свой планъ и добиваться намѣченной цѣли. Онъ подготовлялся въ южной Африкѣ, въ промежуткѣ между своими финансовыми операціями и дѣлами, къ тѣмъ экзаменамъ, которые онъ долженъ былъ сдавать въ Англіи. Въ тотъ годъ, когда онъ получилъ степень «Bachelor of Arts» Оксфордскаго университета, онъ основалъ свою первую финансовую компанію, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ уже засѣдалъ въ капскомъ парламентѣ, въ качествѣ депутата отъ Грикваляндъ-Уэста—территоріи, гдѣ находились алмазныя копи.

Южная Африка переживала тогда критическіе моменты своей исторіи. Англія проявляла большую нерѣшительность и, утвердившись въ Капѣ, съ 1806 г., а въ Наталѣ съ 1842 г., она, повидимому, не желала распространять далѣе во внутрь страны свои владѣнія. Борьба съ воинственными туземными племенами не прельщала ее, съ нея было достаточно трудной задачи охранять границы своихъ колоній. При-

томъ же земли, простирающіяся къ западу отъ Драконовыхъ горъ, считались безплодными и непригодными къ культурѣ, не привлекали ее. Послѣ того, какъ Англія заняла Оранжевую территорію, эта послѣдняя сдѣлалась для нея источникомъ разныхъ затрудненій, не вознаграждая за это ничѣмъ. Англіи приходилось вмѣшиваться въ распри между туземными племенами, между колонистами и туземцами и чувствовать, что тамъ существуетъ постоянная затаенная вражда, которая можетъ сдѣлаться опасной при случаѣ. Въ 1852 г. Англія формально признала независимость колонистовъ, эмигрировавшихъ изъ Капа и основавшихъ общину по ту сторону Вааля, т.-е. трансваальскую республику, а черезъ два года такого же признанія добились колонисты, утвердившіеся между Оранжевой рѣкой и Ваалемъ. Англія мало-по-малу теряла интересъ къ этимъ странамъ, какъ вдругъ вѣсть объ открытіи алмазовъ въ 1870 г. заставила ее встрепенуться и сразу измѣнить свой взглядъ на территоріи, которыя представлялись ей лишенными всякаго значенія. Алмазныя розсыпи находились внѣ англійской территоріи, и какъ Оранжевая республика, такъ и Трансвааль заявляли на нихъ свои права. Но англійское правительство нашло какого-то туземнаго князька и выдвинуло его на сцену, какъ владѣльца спорной территоріи. Англія поддержала его права, взявъ его подъ свое покровительство, а затѣмъ перекупила эти права у него, уплативъ Оранжевой республикѣ ничтожную сумму. Въ 1877 г. она сдѣлала еще одинъ шагъ впередъ, и англійскій флагъ взвился надъ Преторіей, столицей Трансвааля. Но спустя четыре года, послѣ возстанія буровъ, Англія перемѣнила формальное присоединеніе въ простой протекторатъ, а въ 1884 г. лондонская конвенція отмѣнила и его. Англія не рѣшилась идти далѣе. Правда, у нея были причины колебаться, такъ какъ ея капская колонія была населена голландцами, которые не скрывали своихъ симпатій къ трансваальскимъ бурамъ.

Таково было положеніе вещей въ южной Африкѣ, когда Сесиль Родсъ вступилъ въ капскій парламентъ. Тамъ онъ сдѣлался ярымъ защитникомъ и проповѣдникомъ «политики распространенія» (politic of expansion). Онъ мечталъ объ объединенной, сильной и могущественной южно-африканской федераціи подъ покровомъ британскаго флага». Въ тотъ день, когда бѣлое населеніе южной Африки, разбросанное на громадномъ пространствѣ, соединитъ какая-нибудь могущественная связь, тогда народится южно-африканская политическая жизнь!» — говорилъ Сесиль Родсъ. Разумѣется, онъ не обманывалъ себя насчетъ трудностей проблемы, которую онъ мечталъ разрѣшить.

— Посмотрите на карту южной Африки,—сказалъ онъ спустя нѣсколько мѣсяцевъ одному изъ политическихъ дѣятелей, котораго хотѣлъ привлечь на свою сторону,—и вы увидите, что южно-африканскій вопросъ, повидимому, сотканъ изъ всевозможныхъ аномалій. Тутъ все перемѣшано: колоніи, подобныя Наталю, республики, какъ Трансвааль

и Оранжевая, обширныя территоріи, населенныя туземцами, и такая колонія, какъ Капъ, имѣющая самоуправленіе,—все это существуетъ рядомъ и задача объединить всѣ эти разнородные элементы представляется на первый взглядъ неразрѣшимой. Но, мнѣ кажется, я нашелъ къ ней ключъ... Чтобы господствовать въ южной Африкѣ, надо владѣть внутренними территоріями: Бечуаноляндомъ и Матабелеляндомъ.

Многимъ этотъ планъ Родса показался черезчуръ смѣлымъ, но Родсъ съ величайшимъ жаромъ доказывалъ, что это единственное средство основать могущественную южно-африканскую федерацію. Главнымъ препятствіемъ къ этой федераціи служило недовѣріе голландскихъ республикъ, но когда эти республики будутъ окружены со всѣхъ сторонъ англійскими колоніями, то они волей-неволей прекратятъ свое сопротивленіе.

Что касается территорій, оккупаціи которыхъ такъ добивается Сесиль Родсъ, то на ихъ счетъ существовали лишь весьма скудныя свѣдѣнія, доставленныя кое-какими путешественниками да миссіонерами. Однако, по разсказамъ этихъ путешественниковъ, эти территоріи представляли богатую, плодородную страну съ довольно сноснымъ климатомъ и удобную для европейской колонизаціи. Нѣкоторые изъ путешественниковъ увѣряли даже, что тамъ находится золото и они видѣли заброшенные рудники.

Родсъ, подкрѣпляемый этими разсказами, настаивалъ на томъ, чтобы капская колонія по собственной иниціативѣ заняла эти территоріи, не прибѣгая къ вмѣшательству метрополіи, не внушавшей ему довѣрія, вслѣдствіе своихъ постоянныхъ колебаній.

Въ 1884 г. въ капскомъ парламентѣ произошли очень горячія пренія по поводу этого вопроса. Благодаря настойчивости Родса, ему удалось достигнуть цѣли, и британскій протекторатъ былъ объявленъ надъ Бечуаналяндомъ. Во главѣ экспедиціи въ эту страну былъ поставленъ сэръ Чарльзъ Уорренъ, по указанію Сесиля Родса, который познакомился съ нимъ еще въ то время, когда былъ слушателемъ Оксфордскаго университета. Это было въ 1877 году. Тогда еще не было желѣзной дороги изъ Капштадта въ Кимберлей и почтовое сообщеніе совершалось первобытнымъ способомъ, при посредствѣ огромныхъ фургоновъ, запряженныхъ быками. Сесиль Родсъ ѣхалъ въ такомъ фургонѣ вмѣстѣ съ какимъ-то другимъ англичаниномъ и, кромѣ нихъ, другихъ пассажировъ не было. Однако, несмотря на то, что они ѣхали уже въ теченіе четырехъ дней, сидя на одной скамейкѣ и вечеромъ пили чай за однимъ и тѣмъ же столомъ, оба англичанина другъ съ другомъ не разговаривали, находя это неприличнымъ, такъ какъ они не были другъ другу представлены. Родсъ, впрочемъ, не скучалъ, такъ какъ онъ не терялъ времени и, сидя въ фургонѣ, усердно готовился къ экзамену, который ему предстояло сдавать въ этомъ году въ Оксфордѣ.

Спутникъ Родса былъ очень заинтригованъ тѣмъ, что тотъ все время читалъ одну и ту же книгу и что-то бормоталъ себѣ подъ носъ. Наконецъ, любопытство взяло верхъ надъ всѣми соображеніями о приличіяхъ—молодой англичанинъ не выдержалъ и спросилъ Родса, что онъ учитъ.

— Тридцать семь параграфовъ постановленій англиканской церкви,— послѣдовалъ отвѣтъ.

Англичанинъ чуть не подскочилъ отъ удивленія. Встрѣтить въ глуши африканскихъ пустынь человѣка, изучающаго законы церкви— это, во всякомъ случаѣ, представляло нѣчто выходящее изъ ряда вонъ и поэтому англичанинъ очень заинтересовался своимъ спутникомъ.

— Вы не клерджименъ?—спросилъ онъ его.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ тотъ.—Я рудокопъ. Но я теперь подготовляюсь къ экзамену въ Оксфордѣ.

Еще большее изумленіе англичанина. Однако, въ концѣ концовъ, разговоръ наладился и мало-по-малу рѣчь коснулась Кимберлея и того, что тамъ уже сдѣлано и что еще предстоитъ сдѣлать.

— Молодой человѣкъ,—сказалъ, наконецъ, англичанинъ, все болѣе и болѣе заинтересованный своимъ спутникомъ,—меня зовутъ Чарльзъ Уорренъ; я—правительственный комиссаръ по разграниченію территоріи оранжеваго государства. Чѣмъ могу служить вамъ?

— Меня зовутъ Сесиль Родсъ,—послѣдовалъ отвѣтъ.

Послѣ этого взаимнаго представленія завязался разговоръ, во время котораго Родсъ увлекся и изложилъ своему собесѣднику свои взгляды на будущность южной Африки и свои грандіозныя мечты.

Чарльзъ Уорренъ съ интересомъ слушалъ его. Молодой энтузіастъ, Сесиль Родсъ обладалъ удивительною способностью дѣйствовать на своихъ собесѣдниковъ. Можетъ быть, эта способность зависѣла отъ силы убѣжденія, которая жила въ немъ, но, во всякомъ случаѣ, сознательно или безсознательно, онъ, несомнѣнно, всегда умѣлъ подчинить своему вліянію окружающихъ. Какъ бы тамъ ни было, но Чарльзъ Уорренъ также увлекся его планами и съ этой минуты сталъ его приверженцемъ.

Сдѣлавшись членомъ парламента, Сесиль Родсъ быстро пріобрѣлъ сторонниковъ среди депутатовъ, раздѣлявшихъ его образъ мыслей. Сэръ Геркулесъ Робинзонъ, бывшій тогда губернаторомъ Капской колоніи и британскимъ верховнымъ коммиссаромъ, волей-неволей покорялся Родсу, который положительно его гипнотизировалъ своими убѣжденными рѣчами и заставлялъ соглашаться съ нимъ, хотя Робинзонъ постоянно боялся, что его молодой другъ завлечетъ его слишкомъ далеко. Между ними безпрестанно происходили горячіе споры, и вотъ однажды, въ пылу такого спора, Родсъ потащилъ сэра Геркулеса къ огромной картѣ южной Африки, висѣвшей на стѣнѣ, и, ткнувъ въ нее пальцемъ, сказалъ:

— Двѣсти лѣтъ тому назадъ, почтенные люди, поселившіеся здѣсь, довольствовались устройствомъ блокгауза на Столовой горѣ. Ну, а теперь гдѣ мы находимся? Вѣдь мы зашли далеко отъ рѣки Вааль, ну, а вы въ теченіе короткаго періода вашего пребыванія здѣсь, что вы сдѣлали? Вы вѣдь довели наши границы до 22 градуса широты!

— Увы! — возразилъ на это сэръ Геркулесъ, тяжко вздыхая.— А развѣ это было легко! Но скажите же, наконецъ, гдѣ вы хотите остановиться?

— Я остановлюсь только тамъ, гдѣ найду европейскія владѣнія,— отвѣчалъ Родсъ къ величайшему изумленію губернатора, показавъ ему на картѣ южныя границы озера Танганайки.—Другія державы вѣдь стараются разрисовать карту южной Африки своими національными цвѣтами. Попытаемся же и мы это сдѣлать.

Сэръ Геркулесъ въ изнеможеніи опустился на диванъ, словно и въ самомъ дѣлѣ Родсъ заставилъ его проскакать вдоль всей Африки, до границъ Танганайки.

— Я думалъ, что вы удовольствуетесь границей Замбезе!—пробормоталъ онъ въ отчаяніи, и наконецъ, сознавая, что Родсъ все-таки заставитъ его дѣйствовать по своему и что ему придется покориться его энергичной волѣ, прибавилъ, что онъ предоставитъ его, Родса, собственнымъ силамъ и ни за что не послѣдуетъ за нимъ такъ далеко.

Родсъ не сталъ настаивать, но и не подумалъ отказаться отъ своихъ плановъ, тѣмъ болѣе, что дѣйствительно нѣкоторыя европейскія державы ужъ начали предъявлять свои притязанія на южноафриканскую территорію. Прошелъ слухъ что Германія отправляетъ къ Лобенгулѣ, королю матабеловъ и маглоновъ, уполномоченнаго, чтобы добиться отъ него привилегіи на эксплуатацію рудниковъ на всемъ пространствѣ его обширной территоріи. Поговаривали даже, что его хотятъ заставить подписать политическій договоръ. Родсъ находилъ поэтому, что терять время нельзя, и предложилъ сэру Геркулесу, который боялся дѣйствовать рѣшительно, слѣдующій компромиссъ: заставить Лобенгулу подписать обязательство не уступать никому ни одной частицы своей территоріи безъ согласія на то британскихъ властей. Такимъ образомъ была бы устранена, по крайней мѣрѣ, временно, опасность соперничества другихъ державъ и въ то же время Англія была бы избавлена отъ затрудненій, сопряженныхъ съ учрежденіемъ протектората. Но въ глубинѣ души Родсъ, конечно, думалъ, что первый шагъ непремѣнно повлечетъ за собою другіе.

Какъ всегда, ему удалось склонить сэра Геркулеса въ пользу своихъ взглядовъ. Къ Лобенгулѣ былъ немедленно отправленъ уполномоченный и выгодный для Англіи договоръ былъ подписанъ. Едва это было сдѣлано, какъ въ крааль Лобенгулы явился трансваальскій агентъ съ такимъ же предложеніямъ, но онъ пришелъ слишкомъ поздно—Родсъ предупредилъ всѣхъ!

Не успѣлъ Лобенгула подписать требуемое обязательство, какъ Родсъ отправилъ къ нему эмиссаровъ, чтобы добиться отъ него исключительнаго права эксплуатаціи рудныхъ богатствъ, и, конечно, достигъ своей цѣли,—сдѣлка, которую онъ заключилъ съ негритянскимъ царькомъ, не была невыгодной для синдиката, учрежденнаго Родсомъ съ цѣлью разработки копей во владѣніяхъ Лобенгулы. Родсъ долженъ былъ уплачивать ему ежегодно сто фунтовъ стерлинговъ, затѣмъ снабдить его тысячею ружей Мартини-Генри съ приложеніемъ ста тысячъ патроновъ, и доставить ему канонерку для навигацій по Замбезе.

Однако эта важная конвенція, на которую такъ сильно разсчитывалъ Родсъ, чуть-чуть не погибла на пути, въ Капштадтъ. Одинъ изъ его посланныхъ, мистеръ Руддъ, преданный Родсу человѣкъ, зная, съ какимъ нетерпѣніемъ Родсъ ожидаетъ его возвращенія, поскакалъ верхомъ въ Капштадтъ, отдѣлившись отъ маленькаго каравана, съ которымъ онъ вмѣстѣ совершилъ это путешествіе. Но караванъ двигался медленно, а Рудда разбирало нетерпѣніе и отъ этого чуть все не погибло. Руддъ заблудился и въ теченіи пяти дней блуждалъ по необозримой пустынной равнинѣ, испытывая страшныя мученія голода и жажды. Наконецъ онъ совершенно изнемогъ и думалъ, что пришелъ его послѣдній часъ. Неожиданное спасеніе явилось къ нему въ образѣ какого-то кафра, который случайно проходилъ по этому мѣсту и, увидавъ умирающаго путника, сжалился надъ нимъ, напоилъ его водой и далъ ему поѣсть. При помощи сострадательнаго кафра Руддъ поднялся на ноги и затѣмъ продолжалъ свою дорогу въ Капштадтъ, который онъ больше не разсчитывалъ увидѣть никогда.

У Родса уже были въ рукахъ необходимые капиталы для того, чтобы немедленно приступить къ эксплуатаціи полученной концессіи. Когда онъ основывалъ свою компанію «De Beers consolidated», то потребовалъ, чтобы въ уставъ этого общества былъ внесенъ параграфъ, дозволявшій употреблять часть прибыли на пріобрѣтеніе и эксплуатацію сѣверныхъ территорій. Въ теченіе цѣлой ночи онъ обсуждалъ этотъ вопросъ со своими компаньонами, Бейтомъ и Барнато, которыхъ онъ долженъ былъ склонить въ пользу своей идеи.

Бейтъ, впрочемъ, скоро уступилъ, сознавая, что Родсъ въ концѣ концовъ таки настоитъ на своемъ. Но Барнато, вовсе не желавшій превращать промышленную компанію въ колонизаціонное предпріятіе, спорилъ до четырехъ часовъ утра. Въ концѣ концовъ и Барнато долженъ былъ покориться, сказавъ Родсу, «что у всякаго свой конекъ, и его конекъ—это сѣверныя территоріи».

— Нечего дѣлать, приходится вамъ дать деньги для ихъ завоеванія,—прибавилъ онъ со вздохомъ.

Такимъ образомъ статуты компаніи были составлены такъ, какъ этого желалъ Родсъ. Никогда еще ни одна промышленная компанія не пользовалась такими правами, какъ это дѣтище Родса. Онъ до-

бился для нея хартіи отъ англійскаго правительства, предоставляющей ей самыя широкія полномочія, разслѣдовать и пріобрѣтать земли въ Африкѣ, содержать постоянное войско и предпринимать даже военныя операціи, въ случаѣ, если это признается необходимымъ. Такъ народилась знаменитая «Chartered Company», которую Родсъ съумѣлъ облечь въ глазахъ публики необыкновеннымъ престижемъ, постаравшись привлечь въ административный совѣтъ представителей высшей англійской знати, перовъ Англіи и родственниковъ королевы. Всѣ эти лица знали, конечно, что компанія преслѣдуетъ «имперіалистскую цѣль».

«Chartered Company» являлась настоящимъ государствомъ въ государствѣ и лишь de jury была подчинена въ весьма слабой степени контролю колоніальнаго министерства. Сесиль Родсъ былъ только представителемъ административнаго совѣта въ южной Африкѣ, но въ дѣйствительности онъ былъ душою этого предпріятія и совѣтъ дѣлалъ только то, что онъ хотѣлъ.

Основной капиталъ «Chartered Company» былъ опредѣленъ въ одинъ милліонъ фунтовъ стерлинговъ, раздѣленный на акціи по одному фунту. Такая низкая цѣна акцій была назначена для того, чтобы ихъ могли пріобрѣтать небогатые люди и чтобы это предпріятіе носило національный характеръ. Въ то же время и рискъ этого предпріятія уменьшался, распредѣляясь подобнымъ образомъ. Не смотря на весь свой оптимизмъ, Родсъ все-таки сознавалъ, что предпріятіе это не имѣетъ вполнѣ надежнаго характера съ финансовой точки зрѣнія, и не подумалъ скрывать этого отъ акціонеровъ. Но онъ надѣялся, что ему удастся превратить это дѣло въ хорошее дѣло и въ финансовомъ отношеніи. Планъ его былъ слѣдующій: огромная часть территорій «Chartered Company» вполнѣ пригодна для европейской колонизаціи и Родсъ разсчитывалъ, что компанія, произведя необходимыя работы въ этомъ направленіи, привлечетъ туда колонистовъ, и когда ихъ окажется достаточно, то они сами уже будутъ заботиться о своихъ интересахъ и компанія предоставитъ имъ земли въ полное владѣніе, причемъ они только должны будутъ вернуть сдѣланныя затраты и расходы по администраціи съ причитающимися процентами. Родсъ, впрочемъ, заранѣе заявилъ, что «Chartered Company» не должна разсчитывать на барыши отъ полученія налоговъ, которые она имѣла право взимать, такъ какъ весь приходъ, полученный отсюда, предназначался на разныя полезныя учрежденія и улучшенія въ странѣ. Откуда же, слѣдовательно, акціонеры могли надѣяться получить свой дивидендъ? На этотъ вопросъ Родсъ отвѣчалъ, что доходы должна доставить исключительно только разработка минеральныхъ богатствъ страны. Если найдено будетъ въ достаточномъ количествѣ золото, то, разумѣется, компанія должна будетъ разбогатѣть.

Заручившись правами, Родсъ немедленно началъ приводить въ исполненіе свои планы. Прежде всего онъ позаботился о соединеніи Ким-

берлея съ Капштадтомъ желѣзною дорогой и телеграфомъ. Затѣмъ онъ продолжилъ далѣе желѣзную дорогу до Мэфкинга и Иренбурга. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ позаботился о томъ, чтобы обезпечить оккупацію страны машоновъ и съ этою цѣлью вступилъ въ соглашеніе съ извѣстнымъ охотникомъ Зелусомъ, который прожилъ больше двадцати лѣтъ въ этой области. Зелусъ обязался снарядить экспедицію изъ 200 европейцевъ и 150 туземныхъ рабочихъ и провести ихъ въ Моунтъ Гэмпденъ, въ центрѣ Машоноланда. Двѣсти европейцевъ, участвовавшихъ въ экспедиціи, это были будущіе колонисты, которымъ компанія обѣщала выдать концессію на владѣніе землей и эксплуатацію рудниковъ.

Маленькій отрядъ отправился внутрь территоріи. Всѣ люди были вооружены и даже взяли съ собою четыре пушки Максима; кромѣ того ихъ сопровождалъ обозъ изъ 65 фургоновъ съ разными припасами и палатками. Разумѣется, были приняты всѣ предосторожности, чтобы обезпечить себя отъ какихъ бы то ни было непріятныхъ сюрпризовъ. Отрядъ отправился въ концѣ іюня, а 12-го сентября онъ уже былъ у своей цѣли и занялъ Машоналяндъ, не выпустивъ ни одного выстрѣла.

Родсъ не удовлетворился этимъ успѣхомъ и тотчасъ же сдѣлалъ другую попытку—распространить сферу дѣятельности своей компаніи за предѣлы Замбезе. Онъ вытянулъ у вождя племени баротцевъ, Леваники, такую же концессію, какъ и отъ Лобенгулы, и перекупилъ права у другой компаніи, которая уже раньше тутъ утвердилась.

Такимъ образомъ, Родсу удалось привести въ исполненіе первую часть своего плана. Онъ распространилъ владѣнія Англіи далеко за предѣлы 22-й параллели, гдѣ они находились за пять лѣтъ передъ тѣмъ, и пріобрѣлъ для нея, не причинивъ ей ни малѣйшихъ расходовъ, огромную территорію, въ четыре раза большую, нежели территорія самой Великобританіи.

Оккупація сѣверныхъ территорій составляла первый шагъ къ реализаціи его мечты о созданіи южно-африканской федераціи, такъ какъ ему удалось такимъ образомъ изолировать голландскія республики и окружить ихъ британскими владѣніями. Выполнивъ эту первую часть, Родсъ тотчасъ же приступилъ къ выполненію второй части своей политической программы.

До этого времени Родсъ не игралъ никакой особенно выдающейся политической роли въ колоніи. Правда, онъ былъ членомъ капскаго парламента и разъ даже занималъ должность министра финансовъ, но и то всего лишь въ теченіе шести недѣль, такъ какъ министерство вышло въ отставку. Однако Родсъ понималъ, что для достиженія его плановъ ему нужно политическое вліяніе и власть и онъ сблизился съ «Africander Bond» (союзъ африкандеровъ), который былъ основанъ въ 1880 году для защиты интересовъ голландскихъ колонистовъ, несмотря на свою численность, почти не имѣвшихъ своихъ представителей въ капскомъ парламентѣ, гдѣ доминировалъ англійскій элементъ, го-

раздо менѣе многочисленный. Незнаніе англійскаго языка, разбросанность на пространствѣ обширной территоріи и полупастушескій, полуземледѣльческій образъ жизни препятствовали колонистамъ принимать болѣе дѣятельное участіе въ политической жизни. Притомъ между ними не было никакой сплоченности и только когда былъ основанъ союзъ и во главѣ его сталъ Гофмейеръ—человѣкъ, обладающій большими способностями, то обстоятельства измѣнились въ пользу африкандеровъ. Онъ научилъ ихъ сознавать общность своихъ интересовъ и пользоваться политическими правами, которые даетъ имъ законъ.

Родсъ сначала находился не совсѣмъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Гофмейеромъ, который не сочувствовалъ его проектамъ распространенія, но придя къ заключенію, что для обезпеченія развитія южной Африки ему необходима помощь голландскаго населенія, составляющаго преобладающій элементъ среди всего бѣлаго населенія южной Африки, Родсъ тотчасъ же постарался сблизиться съ союзомъ африкандеровъ. Въ мысляхъ Родса англійскій элементъ долженъ былъ играть роль фермента, который ускоритъ развитіе отставшихъ африкандеровъ. Что же касается враждебности обѣихъ расъ, то Родсъ въ нее не вѣрилъ и находилъ, что она вызывается только разницею въ воспитаніи и легко исчезнетъ со временемъ.

Какъ всегда, Родсу удалось не только сблизиться съ союзомъ африкандеровъ, но и привлечь на свою сторону Гофмейера, своего прежняго оппонента. Родсъ убѣдилъ его и склонилъ въ пользу своей идеи, результатомъ чего было избраніе Родса министромъ-президентомъ колоніи. Соглашеніе съ африкандерами было важно для Родса и безъ сомнѣнія это была очень искусная штука, такъ какъ теперь онъ опирался на массу голландскаго населенія и могъ, наконецъ, осуществить свою мечту о южно-африканской федераціи. Онъ надѣялся при помощи союза побѣдить недовѣріе республикъ, въ особенности Трансвааля, къ своей идеѣ. Родсъ сдѣлался очень популяренъ среди африкандеровъ и получилъ даже прозвище «англичанина съ африканскимъ сердцемъ». И въ самомъ дѣлѣ Родсъ полюбилъ южную Африку, какъ свою вторую родину, она доставила ему все—здоровье, богатство и онъ надѣялся, что она доставитъ ему также и славу. Ему нравились обширныя тихія равнины южной Африки и нѣсколько грубая, наивная простота пастушескаго народа, населившаго ее и внесшаго въ нее цивилизацію. Родсъ совершенно искренно говорилъ, что вовсе не добивается мѣста въ англійскомъ парламентѣ и никогда не намѣренъ покидать южной Африки. Онъ, такъ же какъ и «союзъ африкандеровъ, находилъ, что «южная Африка должна управляться южно-африканскимъ народомъ», а вовсе не англійскими министрами, не имѣющими никакого понятія ни о нуждахъ, ни о желаніяхъ населенія. Признавая необходимость общей связи съ имперіей ради внѣшней безопасности, онъ въ то же время находилъ, что въ томъ, что касается ея внутреннихъ дѣлъ, «южная Африка должна пользоваться самою абсолютною независимостью».

Въ 1891 г. союзъ африкандеровъ устроилъ въ честь Родса свой годичный конгрессъ въ Кимберлеѣ и Родсъ, предсѣдательствовавшій на этомъ конгрессѣ, изложилъ въ своей рѣчи свою африканскую политику, вызвавъ восторженные аплодисменты всей аудиторіи, окончательно побѣжденной его краснорѣчіемъ. Онъ говорилъ объ объединеніи южной Африки, основанномъ на соглашеніи англичанъ и голландцевъ. Для достиженія этого объединенія вовсе не нужно, чтобы исчезли обѣ республики и самое главное—надо стремиться къ тому, чтобы всѣ общіе интересы улаживались бы сообща. Какія выгоды, напримѣръ, могъ бы доставить южной Африкѣ таможенный союзъ, который обезпечилъ бы свободное обращеніе южно-африканскимъ продуктамъ на пространствѣ отъ Капа до Замбезе! Какъ важно было бы достигнуть соглашенія относительно дальнѣйшаго развитія желѣзныхъ дорогъ и т. д.! Родсъ развернулъ передъ своими слушателями блестящую картину будущности объединенной южной Африки и всѣ были ослѣплены и очарованы ею. Это было важною побѣдой и престижъ Родса все возрасталъ. Въ теченіе шести лѣтъ онъ былъ настоящимъ диктаторомъ въ южной Африкѣ, руководителемъ общественнаго мнѣнія въ капской колоніи и всей южно-африканской политики. Достигнувъ такого положенія, Родсъ началъ борьбу противъ политики изоляціи, которой придерживалась трансваальская республика, составлявшая единственное препятствіе къ осуществленію его грандіознаго проекта южно-африканской федераціи, но тутъ ему пришлось столкнуться съ наиболѣе опаснымъ изъ всѣхъ своихъ противниковъ, съ президентомъ Крюгеромъ.

Крюгеру было 70 лѣтъ, но, несмотря на такой почтенный возрастъ, онъ могъ противупоставить Сесилю Родсу такую же твердость воли, какою тотъ самъ обладалъ. Въ данномъ случаѣ нашла коса на камень. Крюгеру были извѣстны планы и затѣи Родса и онъ видѣлъ въ нихъ угрозу Трансваалю. Нѣсколько разъ ужъ ему удавалось перейти дорогу и помѣшать его планамъ и между ними завязался настоящій поединокъ, но Родсъ, несмотря на свою способность дѣйствовать на людей, не могъ ничего сдѣлать съ упрямымъ старикомъ, который продолжалъ упорно стоять на своемъ, такъ что Родсъ убѣдился, что ему не удастся добиться отъ него никакихъ уступокъ и войти съ нимъ въ соглашеніе. Тогда Родсъ, со свойственною ему страстностью, рѣшилъ добиться ухода Крюгера. Конечно, достигнуть этого было трудно, такъ какъ Крюгеръ былъ очень популярнымъ человѣкомъ въ Трансваалѣ, но открытіе золотыхъ рудниковъ причинило трансваальскому правительству разныя неожиданныя затрудненія, и Родсъ рѣшилъ воспользоваться имъ для осуществленія своихъ намѣреній.

Открытіе золота въ самомъ дѣлѣ послужило для буровъ источникомъ несчастья. Страна ихъ сразу наполнилась иностранцами, явившимися сюда съ разныхъ сторонъ ради золота, которое внушало кореннымъ жителямъ африканскаго Фельдта одно лишь глубокое пре-

зрѣніе. Фабрики расли, какъ грибы, и шумъ машинъ нарушалъ спокойствіе и тишину африканскихъ равнинъ. Многіе владѣльцы фермъ, которые не могли примириться съ этимъ появленіемъ безпокойныхъ элементовъ, нарушившихъ обычный строй жизни, продавали за баснословно дешевую цѣну свою землю пришельцамъ, а сами, нагрузивъ громадные фургоны, запряженные быками, всѣмъ своимъ домашнимъ скарбомъ, перекочевывали вмѣстѣ со своими семьями далѣе на сѣверъ, отыскивая такія территоріи, гдѣ бы они могли продолжать безъ помѣхи свою прежнюю патріархальную жизнь. Но весь народъ вѣдь не могъ переселиться и отдать свою землю пришельцамъ и тутъ-то и начались всевозможныя затрудненія, прежде всего возникшія вслѣдствіе того, что законы пастушеской страны, которая жила всегда изолированною жизнью, оказались непригодными для новыхъ условій, когда въ странѣ появилось въ большомъ количествѣ промышленное, пришлое населеніе.

Родсъ, слѣдившій за всѣмъ, что происходило въ Трансваалѣ, очень хорошо зналъ про недовольство уитлендеровъ трансваальскими законами и былъ убѣжденъ, что рано или поздно въ Іоганнесбургѣ вспыхнетъ революція и тогда Англія представится удобный случай вмѣшаться и, подъ предлогомъ защиты интересовъ своихъ подданныхъ, навязать бурамъ свою волю. Но Родса безпокоили заигрыванія Германіи съ президентомъ Крюгеромъ, и онъ рѣшилъ попытаться ускорить событія, пока Трансвааль не успѣлъ еще завязать серьезныхъ сношеній съ Германіей.

Родсъ занялся организаціей революціи въ Іоганнесбургѣ, которая дала бы предлогъ «Chartered Company» вмѣшаться. Въ успѣхѣ своего дѣла Родсъ не сомнѣвался и совершенно серьезно обсуждалъ, вмѣстѣ со своими сообщниками, вопросъ о томъ, какія мѣры должны быть приняты послѣ революціи. Родсъ объявилъ, что онъ добивается только таможеннаго союза въ южной Африкѣ, а уничтоженіе независимости Трансвааля ему вовсе не нужно. Послѣ окончательной побѣды надъ Трансваалемъ можно будетъ устроить плебисцитъ для рѣшенія вопроса о будущей формѣ правленія. По его мнѣнію, тутъ возможно только двоякое рѣшеніе: либо плебисцитъ рѣшитъ политическое соединеніе Трансвааля съ остальною южною Африкой, которое превратитъ Трансвааль въ такую же автономную колонію, какъ Капъ, либо Трансвааль сохранитъ свою теперешнюю форму правленія, но долженъ будетъ вступить въ федеральный союзъ, конечно, находящійся подъ покровительствомъ Англіи, въ виду того, что она занимаетъ главное мѣсто среди федеральныхъ государствъ Африки.

Все было подготовлено и оставалось только назначить день для возстанія. Главный администраторъ «Chartered Company» докторъ Джемсонъ, отправился для этой цѣли въ Іоганнесбургъ. Джемсонъ познакомился съ Родсомъ въ Кимберлеѣ и, сблизившись съ нимъ, сдѣлался его преданнѣйшимъ другомъ и сторонникомъ. Джемсонъ положительно не имѣлъ своей воли и во всемъ покорялся Родсу. Въ южной Африкѣ,

гдѣ Джемсонъ занимался практикой, онъ былъ очень популяренъ и извѣстенъ подъ прозвищемъ «доктора Джима». Въ войнѣ съ матабелами, въ 1892 г., онъ стяжалъ репутацію героя и Родсъ вполнѣ полагался на него; но именно торопливость Джемсона и была причиной полнѣйшей неудачи плановъ Родса.

Возстаніе было назначено на 28-е декабря. Джемсонъ долженъ былъ дожидаться извѣстій изъ Іоганнесбурга и для того, чтобы снять съ него отвѣтственность въ глазахъ англійскаго правительства, и по отношенію къ «Chartered Company», ему дано было письмо, заранѣе подписанное вождями революціоннаго движенія и безъ обозначенія числа. Въ этомъ письмѣ указывалось на критическое положеніе Іоганнесбурга, на возможность бунта и выражалась просьба о помощи «въ видахъ обезпеченія порядка въ городѣ и защиты нѣсколькихъ тысячъ безоружныхъ гражданъ, женщинъ и дѣтей, которые такимъ образомъ могутъ оказаться во власти вооруженныхъ буровъ». Джемсонъ долженъ былъ выставить число на этомъ письмѣ въ моментъ своего отправленія въ походъ.

Но въ самомъ Іоганнесбургѣ возникли разногласія. Многіе изъ капиталистовъ охотно согласились на вмѣшательство Родса, но огромное большинство все-таки возставало противъ призыва на помощь войскъ англійской компаніи, говоря, что это совершенно извращаетъ характеръ движенія, которое превращается такимъ образомъ въ комбинированное нападеніе на трансваальское правительство при помощи иностранныхъ войскъ. Въ самый послѣдній моментъ образовался между двумя партіями окончательный расколъ, такъ какъ распространился слухъ, что Джемсонъ подниметъ англійскій флагъ тотчасъ по прибытіи въ Іоганнесбургъ. Конечно, уитлендеры, подданные другихъ государствъ, вовсе не желали этого и, чтобы разрѣшить этотъ споръ, отправили въ Капштадтъ къ Родсу делегата. Родсъ отвѣчалъ, что онъ вовсе не стремится къ этому и предоставляетъ обстоятельствамъ разрѣшить щекотливый вопросъ о флагѣ. Но делегатъ привезъ Родсу совершенно неожиданное для него извѣстіе, что въ Іоганнесбургѣ вовсе не готовы къ возстанію, что тамъ нѣтъ ни достаточно оружія, ни военныхъ припасовъ. Джемсону была немедленно отправлена телеграмма, чтобы онъ ждалъ новыхъ приказаній, но пылкій «Джимъ» не захотѣлъ ждать. Храбрость іоганнесбургскихъ капиталистовъ ему не внушала довѣрія и онъ полагалъ, что эти разговоры о неподготовленности представляютъ не болѣе, какъ предлогъ, и вызваны трусостью этихъ іоганнесбургскихъ гражданъ. Главное же, онъ узналъ о появленіи на границѣ трансваальскихъ шпіоновъ и не хотѣлъ дать время трансваальскому правительству преградить ему дорогу. Поэтому на телеграмму Родса онъ отвѣчалъ телеграммой: «я отправляюсь сегодня вечеромъ».

Но президентъ Крюгеръ былъ уже предувѣдомленъ обо всемъ и къ величайшему и въ высшей степени непріятному изумленію Джемсона, онъ наткнулся на отрядъ буровъ въ Кругерсдорпѣ, который преградилъ ему дорогу. Опрометчивый Джимъ до такой степени былъ

увѣренъ въ побѣдѣ, что даже не захватилъ съ собою бѣлаго флага, и когда дѣло приняло критическій оборотъ, то ему пришлось навязать на шомполъ ружья свою собственную бѣлую рубашку. Эти крестьяне, къ которымъ онъ относился до сихъ поръ такъ пренебрежительно, побѣдили его и послѣ нѣсколькихъ часовъ упорной битвы Джимъ сдался и былъ отведенъ, въ качествѣ плѣннаго въ Преторію, куда онъ разсчитывалъ войти побѣдителемъ!

Родсъ, получивъ депешу Джемсона, тотчасъ же хотѣлъ ему телеграфировать, но Джемсонъ, опасаясь получить новое приказаніе остановиться, перерѣзалъ телеграфную проволоку.

Когда въ Капштадтѣ сдѣлалось извѣстно нападеніе Джемсона, то произошло сильное смятеніе. Сэръ Геркулесъ Робинзонъ не имѣлъ ни малѣйшаго подозрѣнія о томъ, что готовится въ Іоганнесбургѣ, и ужасно встревожился. Онъ тотчасъ же опубликовалъ приказъ Джемсону немедленно вернуться и строго-на-строго наказалъ англійскимъ подданнымъ не поддерживать такого «акта, представляющаго вооруженное вторженіе въ предѣлы территоріи дружественнаго государства».

Родсъ разсчитывалъ до послѣдней минуты на то, что не все пропало, что появленіе Джемсона въ Іоганнесбургѣ (онъ не зналъ о его пораженіи) вызоветъ тамъ возстаніе и тогда волей-неволей англійскому верховному коммиссару придется быть посредникомъ между бурами и англичанами и Англія вынуждена будетъ вмѣшаться. Но вещи приняли оборотъ, на который онъ совершенно не разсчитывалъ.

Онъ подалъ въ отставку, вмѣстѣ съ министерствомъ, а вызванный въ Преторію сэръ Геркулесъ увидѣлъ, что ему больше ничего не остается, какъ просить Крюгера о помилованіи заговорщиковъ. Всю ночь продолжалось засѣданіе фолькснаада, большинство котораго настаивало на смертной казни заговорщиковъ, но покойный Жуберъ и самъ Крюгеръ въ концѣ концовъ одержали побѣду надъ своими суровыми товарищами и смертная казнь была отмѣнена.

Такъ кончилась затѣя Родса, послужившая прологомъ къ нынѣшней войнѣ. Старинная расовая ненависть, заглохшая было за послѣдніе годы, проснулась съ новою силой и союзъ Родса съ африкандерами рушился.

Получивъ отставку, Родсъ отправился въ Англію, гдѣ пробылъ всего шесть дней, чтобы повидаться съ членами административнаго совѣта «Chartered» и Чэмберленомъ. Вернувшись назадъ въ Африку, онъ на время удалился со сцены политической жизни и занялся устройствомъ территоріи, принадлежащей «Chartered Company» и названной въ честь его «Родезіей». Тамъ уже существовали два европейскихъ городка: Сольсбери и Булувайо и провинція развивалась къ удовольствію Родса. Но послѣ набѣга Джемсона и тамъ возникли безпорядки; матабелы возстали. Родсу, отправившемуся на помощь къ полковнику Коррингтону, находившемуся съ маленькимъ отрядомъ въ Булувайо, пришлось прокладывать себѣ путь среди воинственныхъ шаекъ матабеловъ, съ которыми у него произошло нѣсколько кровопролитныхъ схватокъ.

Въ Булувайо Родсъ получилъ извѣстіе, что племя Идуна держитъ большой совѣтъ и что присутствіе его на этомъ совѣтѣ необходимо. Онъ отправился тотчасъ же въ сопровожденіи переводчика, корреспондента «Cape Timès» и еще одного человѣка. Спутники его захватили съ собою револьверы, но у Родса былъ въ рукахъ только хлыстикъ.

Сойдя съ лошадей у подножія холма, всѣ четверо стали взбираться по узкой тропинкѣ, гдѣ очень удобно было бы устроить засаду, на вершину холма. Тотчасъ же, предупрежденные о прибытіи бѣлыхъ, вожди идуновъ вышли къ нимъ. Все это были старики съ важной и величественной осанкой. Они поклонились Родсу и усѣлись полукругомъ, а сзади нихъ помѣстились вооруженные воины. Это странное совѣщаніе, которое каждую минуту могло разрѣшиться какою-нибудь кровавою катастрофой, продолжалось не менѣе пяти часовъ. Вожди начали излагать свои жалобы и вдругъ Родсъ прервалъ ихъ и властнымъ тономъ сказалъ:

— Я бы простилъ вамъ то, что вы намъ объявили войну, но зачѣмъ вы убивали нашихъ женщинъ и дѣтей? За такіе поступки вы не заслуживаете никакого прощенія!

Послѣдовало грозное молчаніе. Но спустя нѣсколько времени, снова начались прежніе разговоры. Родсъ, выведенный изъ себя, что вожди повторяютъ все однѣ и тѣ же жалобы, воскликнулъ:

— Вѣдь это все въ прошедшемъ! Ну, а въ настоящемъ, что у насъ теперь: миръ или война?

Опять молчаніе. Наконецъ, одинъ изъ вождей поднялся и, сломавъ палочку, которую держалъ въ рукахъ, бросилъ ее на землю со словами:

— Вотъ мое ружье! Я бросаю его къ твоимъ ногамъ!

За нимъ послѣдовали другіе. Миръ былъ заключенъ, благодаря лишь присутствію духа и храбрости Родса.

Послѣ возстановленія спокойствія въ этой области Родсъ долженъ былъ опять отправиться въ Англію, куда онъ былъ вызванъ въ парламентскую коммиссію, назначенную для разслѣдованія дѣла о набѣгѣ Джемсона. Несмотря на то, что африкандеры очень досадовали на него за то, что чуть было, по его винѣ, не произошла серьезная схватка между обѣими бѣлыми расами южной Африки, но тѣмъ не менѣе они воздержались отъ какихъ бы то ни было враждебныхъ демонстрацій, по его адресу, понимая, какъ много южная Африка была ему обязана, тѣмъ болѣе, что Родсъ, своимъ личнымъ мужествомъ, энтузіазмомъ и преданностью идеѣ, съумѣлъ внушить къ себѣ уваженіе даже среди своихъ враговъ.

Родсъ велъ себя съ большимъ достоинствомъ во время допроса коммиссіи. Онъ взялъ на себя всю отвѣтственность и не впуталъ ни одного человѣка, выгородивъ совершенно Чэмберлена изъ этого дѣла. Но въ то же время онъ не захотѣлъ прибѣгнуть ни къ какимъ уловкамъ, чтобы выгородить себя и взвалить всю вину на Джемсона, которому, все равно, пришлось отсиживать въ тюрьмѣ, и не воспользо-

вался, къ великому огорченію своего адвоката, ни одною лазейкой, которую тотъ предоставилъ ему.

Парламентская коммиссія выразила порицаніе Родсу, и онъ былъ отставленъ отъ должности директора «Chartered Company», но, вернувшись въ свою милую Африку, объявилъ, что вовсе не отказывается отъ своей любимой мечты и успокоиться только тогда, когда южно-африканская федерація увидитъ свѣтъ. Что касается высказаннаго ему порицанія, то оно мало трогало его. Онъ находилъ, что поступалъ правильно, но предпріятіе было плохо подготовлено—вотъ и все! Въ это время онъ лелѣялъ въ душѣ новый проектъ—трансафриканской желѣзвой дороги, которая связывала бы Капъ съ Каиромъ. Но къ его величайшему сожалѣнію нельзя было провести непрерывный путь по англійскимъ владѣніямъ, приходилось пересѣкать иностранныя территоріи: государство Конго и нѣмецкую восточную Африку. Родсъ рѣшилъ отправиться въ Берлинъ для переговоровъ съ германскимъ императоромъ, который принялъ его очень любезно, хотя и осудилъ рѣзко три года тому назадъ поступокъ англичанъ въ Трансваалѣ. Однако, Родсъ не добился ничего, кромѣ любезностей и вернулся въ южную Африку, гдѣ событія развивались очень быстро, приведя къ кровопролитной и жестокой войнѣ, которая является пятномъ на англійской цивилизаціи и глубоко огорчаетъ всѣхъ истинныхъ друзей Англіи.

Какую роль игралъ Родсъ въ послѣднихъ событіяхъ, закончившихся войной—выяснить пока трудно. Его, какъ и Чэмберлена, считаютъ главными ея виновниками, но вѣрнѣе, что въ данномъ случаѣ отвѣтственность слѣдуетъ нести скорѣе Чэмберлену, нежели Родсу, который въ послѣднее время больше былъ занятъ своими телеграфами и желѣзнодорожными проектами, нежели активною политикой. Но, разумѣется, война эта была желательной съ точки зрѣнія Родса, такъ какъ онъ не сомнѣвался въ быстрой побѣдѣ англичанъ и полагалъ, что это скорѣе подвинетъ реализацію его мечты.

Когда началась война, Родсъ былъ въ Капштадтѣ, но какъ только было получено извѣстіе, что буры вступили въ Наталь и Кимберлей подвергается опасности, то Родсъ поспѣшилъ туда и заперся въ своемъ «алмазномъ городѣ». Осада продолжалась около четырехъ мѣсяцевъ и теперь извѣстно, что у Родса все время происходили большія пререканія съ военными властями, что онъ возмущался ихъ бездѣятельностью и, не взирая ни на какія приказанія военнаго начальства, дѣйствовалъ по своему, распоряжался по своему, отливалъ пушки, организовалъ защиту города и устроилъ общественную кухню для раздачи супа жителямъ.

Этотъ человѣкъ, возбуждающій къ себѣ самыя противоположныя чувства, ненависть и поклоненіе, поражаетъ каждаго, кто видитъ его въ первый разъ, своимъ скромнымъ видомъ. Онъ до такой степени мало заботится о своемъ костюмѣ и своей наружности, что никто не призналъ бы въ немъ человѣка, ворочающаго милліонами и держащаго

въ своихъ рукахъ судьбы цѣлой страны. Къ роскоши, къ удобствамъ онъ совершенно равнодушенъ и у него никогда не бываетъ ни копѣйки въ карманѣ. Все его громадное состояніе постоянно находится въ оборотѣ, въ движеніи, также какъ и онъ самъ, то понижаясь, то повышаясь, быстро и огромными скачками, словно взволнованное море. Однажды съ нимъ былъ такой случай, въ его собственной столицѣ въ Кимберлеѣ. Тамъ открылась какая-то выставка. Сесиль Родсъ явился на нее въ своемъ обычномъ костюмѣ, и оказалось, что онъ забылъ взять съ собою деньги. Онъ пошарилъ въ карманахъ, но сторожъ у входа, не знавшій его въ лицо, не согласился повѣрить ему въ долгъ одинъ шиллингъ, замѣтивъ: «Еслибъ еще вы были лучше одѣты!...»

Характерною чертою Родса является его потребность движенія. Онъ не можетъ пробыть долго на одномъ мѣстѣ. Его кипучая натура требуетъ постоянной дѣятельности, постоянной перемѣны. Онъ совершаетъ иногда удивительно быстрыя путешествія; отправляется въ Лондонъ на три дня, ѣдетъ въ Каиръ, въ Мальту, потомъ опять возвращается въ Булувайо, въ Бейру и т. д. Въ прошломъ году въ теченіе нѣсколькихъ дней онъ проѣхалъ Англію, отправился повидаться съ бельгійскимъ королемъ въ Брюссель, затѣмъ съ германскимъ императоромъ въ Берлинѣ и хедивомъ въ Каиръ. Однажды ему пришло въ голову, что надо бы повидать султана, и онъ немедленно отправился для этого въ Константинополь. Эта быстрота передвиженія и рѣшительность часто приводитъ втупикъ даже пріятелей и сторонниковъ Родса, съ удивленіемъ узнающихъ, что онъ уже находится на пути въ Европу или другое мѣсто, когда они думали, что онъ сидитъ въ Капштадтѣ.

Сесиль Родсъ не любитъ свѣтскаго общества и, вѣрнѣе, боится его. Въ Лондонѣ, гдѣ онъ, конечно, былъ бы львомъ сезона, его такъ и не удавалось заманить никуда. Замѣчательно, что онъ также боится женщинъ и избѣгаетъ ихъ, и никто не знаетъ за нимъ ни одного любовнаго приключенія, хотя онъ и возбуждаетъ въ женщинахъ большой интересъ къ своей личности. Единственная женщина, къ которой онъ горячо привязанъ, это его старуха сестра, завѣдующая его домомъ и заботящаяся о его удобствахъ съ величайшимъ самоотверженіемъ. Онъ самъ совершенно не въ состояніи думать о себѣ и еслибъ не сестра, то ему пришлось бы, пожалуй, терпѣть лишенія, несмотря на свои милліоны.

Сесиль Родсъ совершенно не замѣчаетъ своей домашней обстановки и единственную его роскошь составляетъ его великолѣпный паркъ въ Гротшнурѣ вблизи Капштадта, гдѣ онъ воспитываетъ львовъ. Но у него есть еще одна страсть: розы и онъ самъ ухаживаетъ за ними въ промежутки между своими поѣздками. Розъ у него множество и самые разнообразные сорта.

Въ обращеніи Родсъ рѣзокъ, не признаетъ никакой условной вѣжливости, всегда рѣжетъ правду въ глаза и никогда не отвѣчаетъ на письма, находя, что всѣ дѣла можно отлично обдѣлывать при помощи

телеграммъ. Деньги для денегъ, онъ презираетъ и тратитъ свое громадное состояніе совершенно не считая; не задумываясь бросаетъ сотни тысячъ для осуществленія какого-нибудь своего плана, но также не задумываясь отдаетъ ихъ для другихъ. Когда англійскій капитанъ Мэгиръ былъ взятъ въ плѣнъ матабелами, то Родсъ заплатилъ изъ своего кармана 250.000 фр. за его освобожденіе. Первую экспедицію Джемсона противъ матабеловъ онъ снарядилъ на свой счетъ и она обошлась ему въ шесть милліоновъ. Онъ потратилъ также громадныя суммы на организацію знаменитаго набѣга. Желѣзныя дороги, телеграфъ и т. п. учрежденія—все это обходится ему не дешево, но онъ не останавливается ни передъ какими издержками. Онъ постоянно затѣваетъ новыя предпріятія. Теперь онъ собирается выстроить великолѣпный мавзолей въ честь убитыхъ на войнѣ и отправилъ своего архитектора въ Каиръ, Аѳины и Римъ, чтобы онъ тамъ поискалъ вдохновенія. Конечно, все это дѣлаетъ ему рекламу, но и обходится ему не дешево. Себя онъ тоже не жалѣетъ и не задумываясь идетъ на встрѣчу опасностямъ. Не разъ случалось, что онъ отправлялся одинъ, безоружный, въ лагерь взбунтовавшихся туземцевъ и диктовалъ имъ свои условія мира. Онъ не поколебался отправиться въ Кимберлей, когда городъ подвергся опасности, зная, что если попадетъ въ руки бурамъ, то ему придется плохо.

Сесиль Родсъ не стремится къ почестямъ, на которыя онъ совершенно не обращаетъ вниманія. За нимъ никто не знаетъ ни пороковъ, ни страстей, для удовлетворенія которыхъ ему нужно богатство. Что же служитъ двигателемъ его поступковъ? Этотъ вопросъ несомнѣнно долженъ явиться у каждаго, кто познакомится съ подробностями его жизненной карьеры. Жажда дѣятельности, которую онъ ни чѣмъ не можетъ заглушить, заставляетъ его расходовать свою энергію, свой умъ на достиженіе какой-нибудь цѣли, не заботясь о послѣдствіяхъ. Въ прежнія времена изъ такихъ людей выходили конквистадоры, завоеватели и т. п. Но теперь условія измѣнились и Сесиль Родсъ поневолѣ превращается главнымъ образомъ въ политика и финансиста. Его называютъ между прочимъ «Капскимъ Наполеономъ» и «Колоссомъ Родосскимъ». Послѣднее названіе въ особенности подходитъ къ нему, такъ какъ онъ представляетъ гигантскую фигуру въ прямомъ смыслѣ этого слова. Изъ него можно сдѣлать и героя, и бандита, смотря по тому, съ какой точки зрѣнія мы взглянемъ на него. Во всякомъ случаѣ въ немъ заключается обаяніе силы, хотя эта сила и носитъ зачастую характеръ грубой стихійной силы природы.

Исполнится ли его мечта и какъ сложится судьба южной Африки, будетъ ли эта Африка англійской или африканской, какъ объ этомъ мечтаетъ Родсъ—это, конечно, покажетъ будущее, но несомнѣнно, что Сесиль Родсъ еще скажетъ въ этомъ дѣлѣ свое слово.

Э. Пименова.

УЛИЧНАЯ ТОРГОВКА.

Изъ «Лондонскихъ идиллій».

Томаса Эши.

Кто на порогѣ вѣчности
Давно уже стоитъ —
Тотъ нашей безсердечности
Людской не избѣжитъ.

Обузою ненужною
Влачитъ онъ жалкій вѣкъ;
Старухою недужною
Была бѣдняжка Мегъ.

Съ грошевыми товарами
Бродя въ теченьѣ дня,
Она глазами старыми
Привѣтствуетъ меня.

Знакомство постепенное
Я съ нею завязалъ,
И слышу неизмѣнное:
— Не купите-ль пеналъ? —

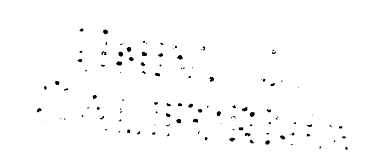
Пусть долгими кручинами
Бѣдняжку извело —
Лицо ея съ морщинами
Спокойно и свѣтло.

Но не старухой жалкою, —
Въ былыя времена
Тутъ въ паркѣ со скакалкою
Рѣзвилася она.

Позднѣе здѣсь дѣвицею
Гуляла чинно ты,
И въ сердцѣ вереницею
Роилися мечты...

Витали надъ головкою
Мечты о счастьѣ, Мегъ,
И уличной торговкою
Ты здѣсь кончаешь вѣкъ.

О. Чюмина.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

«Еврейскіе силуэты», разсказы русскихъ и польскихъ писателей.—Евреи въ русской и польской беллетристикѣ.—Различное отношеніе къ еврею въ обѣихъ литературахъ.—Сентиментализмъ польской и реализмъ русской литературы. — Лучшіе разсказы настоящаго сборника.—«Повѣсти и разсказы» г. Тимковскаго.—Его повѣсть изъ гимназической жизни «Сергѣй Шумовъ». — Сравненіе «Бурсы» Помяловскаго съ современной гимназіей.—«Полное собраніе сочиненій Бѣлинскаго», изданіе С. А. Венгерова, т. I.—Библіографическая полнота изданія.—«Дмитрій Калининъ», драма Бѣлинскаго.—«Литературныя мечтанія».

Глубоко-человѣчная идея вдохновила издателей сборника «Еврейскіе силуэты»—придти на помощь голодающимъ нашего юга изданіемъ разсказовъ лучшихъ польскихъ и русскихъ беллетристовъ изъ быта евреевъ. «Еврейскіе силуэты» это масса еврейскаго народа, ничего общаго не имѣющая съ евреемъ-эксплуататоромъ, купцомъ, банкиромъ, фабрикантомъ. Однако, именно ей приходится расплачиваться яко бы за дѣла послѣднихъ и выносить на себѣ правильно или неправильно понятыя послѣдствія ихъ дѣятельности. И теперь, жизнь, горе и радости именно этой массы, чудесно возсозданныя въ образахъ лучшими нашими писателями, принесутъ хоть каплю помощи въ минуту жестокой нужды ея темнымъ и не менѣе ея обездоленнымъ противникамъ. Есть въ этомъ что-то трогательное и возвышенное, нѣкій символъ взаимнаго сочувствія, состраданія и пониманія.

Правда, символъ лишь посредствующій, такъ какъ сами «силуэты» служатъ лишь объектомъ, а не непосредственнымъ дѣйствующимъ въ дѣлѣ помощи лицомъ. Вся заслуга должна быть отнесена на долю тѣхъ великодушныхъ сердецъ, которыя въ своей любви нашли мѣсто и для самыхъ несчастныхъ дѣтей міра сего. Писатели, польскіе и русскіе, съумѣли сдѣлать для нихъ своего рода чудо,—заставили самихъ гонителей полюбить и почувствовать свое родство съ тѣми, на которыхъ обрушивалось и обрушивается столько громовъ. Ничего подобнаго вы не встрѣтите ни въ одной западно-европейской литературѣ. Тамъ антисемитизмъ вызываетъ страстную партійную борьбу въ политикѣ и прессѣ, но мы не видимъ борьбы съ нимъ путемъ беллетристики, мирнымъ путемъ, который, быть можетъ, дастъ въ концѣ концовъ самые обильные результаты, ибо ничто не дѣйствуетъ такъ сильно, убѣдительно-сильно на сердца людей, какъ чудные образы искусства. Самая строго-логическая рѣчь, самая патетическая тирада или учено-статистическая статья не производитъ такого увлекательнаго впечатлѣнія, какъ «Самсонъ Сильный» г-жи Ожешко или «Іомъ Кипуръ» нашего Короленко.

Объясняется такое отношеніе къ еврейскому вопросу у насъ и на Западѣ, конечно, разницей въ положеніяхъ этого вопроса здѣсь и тамъ. Польскимъ и русскимъ писателямъ приходится видѣть, имѣть дѣло и вдумываться въ жизнь массы еврейства, сосредоточенной на сравнительно небольшомъ пространствѣ, рѣзко обособленной и въ бытовомъ, и въ правовомъ отношеніяхъ. Тогда какъ на Западѣ все это приняло совершенно иныя формы, не дающія того непо-

средственнаго воспріятія впечатлѣнія, какое художникъ получаетъ у насъ. Тамъ и противники, и защитники еврейства должны создавать себѣ отвлеченныя понятія о самомъ объектѣ спора, надъ которымъ и оперируютъ чисто разсудочно. Французъ-антисемитъ, въ сущности, не видитъ своего столь ненавистнаго врага въ дѣйствительности. Для него это нѣчто отвлеченное, олицетворенное въ образѣ какого-либо Дрейфуса, какъ въ недавнее время. Онъ долженъ самъ себя разжигать, создавать обстановку для своей ненависти. Тутъ въ игрѣ и честь арміи, и слава родины, и достоинство республики, и многое другое припутано. Въ обыденной жизни онъ, если сталкивается съ евреемъ, мирно уживается рядомъ съ нимъ и въ той же арміи, и въ печати, и въ палатѣ, едва ли даже замѣчая, что тотъ или иной изъ его товарищей—еврей по вѣрѣ и присхожденію. Компактной массы еврейства онъ не знаетъ, такъ какъ ея тамъ и нѣтъ. Она давно растворилась и слилась съ французской націей. То же самое и въ Германіи, гдѣ старинное «гетто» давно уже отошло въ область преданій. Словомъ, на Западѣ антисемитизмъ—только политическій терминъ, объединяющій массу понятій, ничего общаго не имѣющихъ съ евреями.

Иначе обстояло и обстоитъ дѣло въ Польшѣ и у насъ, гдѣ нѣтъ западно-европейскаго антисемитизма, но есть еврейская масса, почти пять милліоновъ народа, въ которомъ банкиръ, фабрикантъ, купецъ, вообще эксплуататоръ составляютъ единицы, много—десятки и сотни, тонущія въ милліонной массѣ рабочаго, трудящагося населенія. Оно составляетъ цѣлые округа, города или особые кварталы въ большихъ центрахъ, совершенно обособленные, живущіе своею жизнью, съ особымъ бытомъ, нравами, понятіями и привычками. Польская литература, имѣющая возможность ближе наблюдать еврейскую массу, опередила русскую въ изображеніи еврейскихъ типовъ. Мицкевичъ, если не первый, то наиболѣе ярко отмѣтилъ въ литературѣ типъ еврея въ своемъ знаменитомъ Янкелѣ, патріотѣ и музыкантѣ, такъ великолѣпно воспѣтомъ имъ въ «Панѣ Тадеушѣ». Та идеализація, которой отличается фигура Янкеля, стала очень характерной чертой въ изображеніи еврея въ польской литературѣ, явившись какъ законное противодѣйствіе презрительному отношенію къ нему въ дѣйствительности. Съ теченіемъ времени, однако, она начала уступать болѣе реалистическому изображенію. Идеализація еще сильна у Корженевскаго, даже у Крашевскаго. Болѣе всего она замѣтна изъ современныхъ писателей у г-жи Ожешковой, напр., въ «Мейерѣ Іозефовичѣ» и даже въ лучшемъ ея произведеніи изъ быта евреевъ, въ «Самсонѣ Сильномъ». Идеализація чувствуется и до сихъ поръ въ произведеніяхъ Конопницкой, Шиманскаго, Юнощи, вошедшихъ и въ настоящій сборникъ, что рѣзко отличаетъ ихъ отъ произведеній русскихъ писателей, въ которыхъ преобладаютъ реалистическія черты. Въ то же время эта идеализація дѣлаетъ польскія изображенія болѣе глубокими, человѣчными и близкими намъ. Въ отношеніи польскихъ писателей чувствуется большая симпатія къ своимъ героямъ-евреямъ, что-то мягкое и доброжелательное. Быть можетъ, въ этомъ безсознательно сказывается общность настроенія обѣихъ народностей, что въ свое время Мицкевичъ ясно выразилъ въ «Книгахъ странничества польскаго народа».

Подобнаго настроенія, обусловившаго до извѣстной степени сочувствіе и взаимное, болѣе глубокое пониманіе, нѣтъ въ нашей литературѣ, что и проявляется въ гораздо большей объективности изображенія и правдивости. Какъ ни хорошъ «Самсонъ Сильный» или «Гедали», разсказъ, помѣщенный въ настоящемъ сборникѣ, но нельзя не видѣть въ нихъ искусственной приподнятости. Самсонъ слишкомъ красивъ, утонченно-изященъ и возвышенъ и потому недостаточно правдивъ. Разница въ изображеніи, отмѣченная нами, съ особенной рѣзкостью сказывается при сопоставленіи польскихъ и русскихъ разсказовъ, вошедшихъ въ разбираемый сборникъ.

Предъ нами пять польскихъ авторовъ и шесть русскихъ, подобранныхъ очень умѣло, такъ, чтобы они оттѣняли и дополняли другъ друга. Ожешко и Короленко открываютъ сборникъ, какъ авторы, у которыхъ дѣйствительно есть что-то общее и въ обработкѣ сюжетовъ, и даже въ слогѣ, мягкомъ, закругленномъ, доведенномъ до необыкновенной полноты изящества, красоты и звучности. «Гедали», разсказъ г-жи Ожешковой, прекрасно переведенный г. Сементковскимъ, открываетъ рядъ типовъ изъ еврейской массы, сразу вводя насъ въ эту особую замкнутую атмосферу. Гедали торговецъ-ходебщикъ, своего рода офеня, исполняющій ту же роль среди польскаго населенія, какъ наши владимірцы прежде. Какъ и большинство евреевъ его среды, онъ до жалости нищъ и бѣденъ, кровавымъ трудомъ добывая нужные ему *три* рубля, чтобы прожить недѣлю со своимъ огромнымъ семействомъ. Но при всей его нищетѣ и забитости, въ немъ живетъ восторженная, не увядающая вѣра въ торжество высшей правды. Столкнувшись при исключительныхъ обстоятельствахъ съ семействомъ зажиточнаго польскаго крестьянина, когда его застигли ночью на полѣ, гдѣ онъ мимоходомъ ѣлъ горохъ, Гедали своимъ умомъ и особенностью взглядовъ, излагаемыхъ въ остроумныхъ притчахъ, располагаетъ къ себѣ этихъ простыхъ, добродушныхъ людей. Онъ внушаетъ имъ нескрываемое уваженіе мужествомъ, съ какимъ онъ, больной и слабый, несетъ свою ношу жизни и не теряетъ вѣры въ лучшія времена, хотя и не надѣется самъ дожить до тѣхъ дней, о которыхъ съ такимъ краснорѣчіемъ говоритъ имъ: «На свѣтѣ столько же несчастія, сколько песку въ морѣ... Но не всегда будетъ такъ на землѣ. Наступитъ время, когда всѣмъ будетъ хорошо», и приводитъ одну изъ притчъ, повѣствующихъ объ ангелахъ, видѣнныхъ Іаковомъ во снѣ, которые по лѣстницѣ поднимаются въ небо и опускаются внизъ. По его объясненію, это великіе, мудрые мужи, которые путемъ мучительныхъ усилій завоевываютъ истину и приносятъ ее людямъ съ неба. Въ этомъ снѣ Іакова скрыто великое обѣщаніе. «Эти ангелы когда-нибудь сдѣлаютъ то, что на свѣтѣ не будетъ ни голода, ни вражды, ни несчастныхъ, стонущихъ и взывающихъ въ сердцѣ своемъ, что имъ жить не въ моготу!» Въ простыхъ душахъ его слушателей, такихъ же труженикахъ, какъ и онъ, эти возвышенныя слова вызываютъ отголосокъ мистическихъ настроеній. Особенно въ душѣ младшаго сына, котораго старый крестьянинъ, какъ это нерѣдко теперь случается въ польской деревнѣ, учитъ въ гимназіи,—въ немъ еще жива непосредственность сына земли, но просвѣтленная высшимъ свѣтомъ образованія. Онъ внезапно подходитъ и цѣлуетъ стараго торгаша. «Что произошло въ душѣ юноши?—спрашиваетъ авторъ.—Заговорило ли въ немъ состраданіе къ бѣдняку, такъ глубоко вѣрившему въ пришествіе спасителей міра? Или то было поклоненіе людямъ-ангеламъ? Или, можетъ быть, въ немъ зародилась надежда, что онъ самъ когда-нибудь совершитъ великій подвигъ?» Окружающіе, между тѣмъ, заинтересовываются товаромъ еврея-ходебщика, и въ немъ моментально совершается перемѣна. «Мистикъ, мечтающій о земномъ раѣ, безсознательный поэтъ, сохраняющій въ памяти множество преданій, изнуренный, чахоточный, съ апатичной покорностью расхаживающій по деревнямъ, голодный, оборванный,—исчезъ. Его смѣнилъ проворный, услужливый деревенскій торгашъ, хитрый, болтливый».

Знаменитое сказаніе г. Короленко о Менахемѣ слишкомъ извѣстно читателямъ, чтобы останавливаться на немъ. Издателямъ пришла счастливая мысль включить его въ свой сборникъ, гдѣ оно прекрасно иллюстрируетъ черту еврейскаго народа—служеніе высшей правдѣ, которое никогда не покидало его въ тысячелѣтнихъ странствованіяхъ по землѣ при всякихъ условіяхъ жизни. Бѣдный и жалкій торгашъ Гедали, горстью гороха съ чужого поля мимоходомъ утоляющій голодъ, и Менахемъ, призывающій народъ бороться за святыню, объединяются общей имъ вѣрой въ торжество именно святыни надъ насиліемъ, какъ бы

оно ни казалось властнымъ и гордымъ. Чудная легенда объ «Ангелѣ *Невѣдѣнія*», который предпочитаетъ стать ангеломъ *Скорби*, чтобы напоминать людямъ о высшей правдѣ, это—та же надежда Гедали на мудрыхъ, что принесутъ съ неба людямъ правду.

Два прекрасныхъ разсказа «Мендель Гданскій» Конопницкой и «Сруль изъ Любартова» Шимапскаго раскрываютъ другую отличительную черту еврейства—страстную, неистребимую любовь къ родинѣ. Сотни лѣтъ, изъ рода въ родъ живя въ своей чертѣ осѣдлости, они сживаются съ насиженнымъ вѣками мѣстомъ, которое никакая сила не можетъ заставить ихъ покинуть, даже голодъ. И тѣмъ больнѣе чувствуютъ они, что все же это не ихъ родина, когда ихъ, хорошихъ работниковъ, много потрудившихся для своихъ же сосѣдей, хотя и не евреевъ, эти сосѣди называютъ чужими и преслѣдуютъ, какъ пришельцевъ. Возмутительная травля евреевъ, проявившаяся мѣстами въ разгромахъ мирнаго еврейскаго населенія въ глухихъ городахъ Польши, вызвала прекрасный разсказъ Конопницкой, въ которомъ Мендель Гданскій даетъ отповѣдь своимъ гонителямъ. «Откуда я взялся? Я на чьей землѣ выросъ? Панъ сосѣдъ давно меня знаетъ? Его милость уже двадцать семь годовъ меня знаетъ! Развѣ я зашелъ сюда, какъ въ корчму? Съѣлъ, выпилъ и денегъ не заплатилъ? Нѣтъ, я сюда не зашелъ, какъ въ корчму! Я въ этомъ городѣ корни пустилъ, какъ береза въ лѣсу! Съѣлъ я тутъ кусокъ хлѣба,—правда; и воды выпилъ,—и то правда. Но за этотъ хлѣбъ и за воду я заплатилъ. Чѣмъ заплатилъ? — онъ вытянулъ впередъ худыя, жилистыя руки, высохшія на работѣ.—Я вотъ этими десятью пальцами заплатилъ... Да, эти руки хлѣба и воды даромъ въ ротъ не носили! Эти руки всѣ покривились отъ ножа и щипцовъ, отъ молотка и винта. Я этими руками заплатилъ за каждый кусокъ хлѣба, за каждый ковшъ воды, что я здѣсь выпилъ. Да еще глаза приложилъ, что ужъ больше хорошо смотрѣть не могутъ, и спину, что все гнется, какъ ее ни выпрямляй, и ноги, что не хотятъ больше носить меня!» И сердце бѣднаго Менделя разрывается отъ безъисходнаго горя, когда послѣ погрома онъ отвѣчаетъ на вопросъ, чего онъ такъ страшно горюетъ, хотя лично и не особенно потерпѣлъ: «Панъ говоритъ, что у меня никто не умеръ? Во мнѣ умерло то, съ чѣмъ я родился, съ чѣмъ прожилъ на свѣтѣ шестьдесятъ семь лѣтъ, съ чѣмъ думалъ и умереть... Во мнѣ умерла *любовь* къ этому городу!»

Нужны были такіе погромы, чтобы заставить евреевъ эмигрировать, какъ они это дѣлаютъ въ послѣднія 10—15 лѣтъ, выселяясь въ Америку, Аргентину, Лондонъ, гдѣ возникли цѣлые города и кварталы, населенные ими. Туда уходитъ самая лучшая, трудолюбивая часть еврейства, которая нигдѣ и никогда не была эксплуататоромъ, и на новыхъ мѣстахъ она живетъ въ такихъ же ужасающихъ условіяхъ нужды и не человѣческаго труда, какъ описывается въ разсказахъ Юноши «Портной» и Свентоховскаго «Хава Рубинъ». Эти оба разсказа написаны вполнѣ реально, безъ всякаго сентиментализма и идеализаціи, какъ и русскіе разсказы г.г. Мельшина («Кобылка въ пути»), Станюковича («Исайка»), Потапенко («Ицекъ Шмуль, бриллiантщикъ»), Гарина («Ицка и Давыдка») и Яблоновскаго («Нухимъ»). Во всѣхъ этихъ очеркахъ нѣтъ ни прикрасъ, ни преувеличеній, ничего, кромѣ суровой, жестокой правды, правды о жизни борцовъ за самое жалкое существованіе, гдѣ каждый кусокъ хлѣба дается кровавымъ трудомъ. Когда передъ читателемъ проходятъ, какъ живые, эти мученики труда, онъ можетъ сказать имъ то же, что Свентоховскій по адресу своей Хавы Рубинъ: «Бѣдные, я прощаю вамъ, что вы хотѣли трудиться съ нами и нашимъ хлѣбомъ кормить своихъ дѣтей». И если отъ горькой ироніи этихъ словъ защемитъ его сердце,—задача составителей настоящаго сборника будетъ достигнута вполнѣ.

Повѣсти и разсказы г. Тимковскаго, печатавшіеся въ свое время въ различныхъ журналахъ, мало обращали на себя чье-либо вниманіе, и изъ всѣхъ его произведеній, вошедшихъ въ настоящій сборникъ, мы помнимъ только «Приватъ-доцента», появившагося въ «Русской Мысли» года два тому назадъ. Ни темы, затрагиваемыя авторомъ, ни ихъ обработка далеко не таковы, чтобы выдѣлить г. Тимковскаго изъ ряда многочисленныхъ третьестепенныхъ беллетристовъ, снабжающихъ періодическую прессу своими произведеніями. Написаны они обыкновенно не безъ литературнаго дарованія, гладко и оживленно, мѣстами даже художественно, но въ общемъ сѣровато, безцвѣтно, не захватывая читателя ни блескомъ формы, ни глубиною содержанія. Словомъ, о большинствѣ ихъ въ лучшемъ случаѣ сказать нечего.

Есть, однако, среди этихъ большею частью эпизодическихъ разсказовъ одна вещь, положительно достойная общаго вниманія. Это повѣсть изъ гимназической жизни, «Сергѣй Шумовъ», которая отлично иллюстрируетъ современный вопросъ о средней школѣ. Написана она неровно, растянуто и даже сбивчиво, вообще, неумѣло, но главное, ея содержаніе — сцены изъ жизни гимназіи и гимназистовъ написаны такъ правдиво, такъ просто и безъискусственно, что производятъ захватывающее впечатлѣніе живой дѣйствительности. Видимо, что это не сочинено, не выдумано, а списано, что называется, съ натуры. Авторъ, къ сожалѣнію, не художникъ, и его герои не типы, но положеніе, описываемое имъ, типично. Онъ не даетъ картины, такой, напр., какъ знаменитая бурса Помяловскаго, но рядъ типичныхъ и живыхъ очерковъ, настолько обыденныхъ, что каждому, сколько-нибудь знающему наши гимназіи, остается только вспомнить знакомыхъ ему лицъ, чтобы живо представить себѣ описываемую гимназію. То, о чемъ разсказывается въ жизни «Сергѣя Шумова», встрѣчается на каждомъ шагу, въ любой столичной или провинціальной гимназіи, съ незначительными, чисто мѣстными варіаціями.

О жизни нашихъ учебныхъ заведеній за послѣднюю четверть вѣка въ художественной литературѣ нѣтъ почти ничего. Это былъ тотъ уголокъ, куда свѣтъ гласности не проникалъ, и лишь изрѣдка доносились оттуда глухія извѣстія, что не все тамъ ладно, когда въ отчетахъ судебной хроники мы читали о какомъ-нибудь изъ ряду вонъ выдающемся событіи. Да и то извѣстія такого рода сообщались кратко, въ видѣ голаго факта съ окончательнымъ финаломъ, что герой печальной исторіи приговоренъ къ тому-то. И никакихъ поясненій, ничего, что пролило бы свѣтъ на грустное сообщеніе. А между тѣмъ, въ этой средѣ, именуемой среднеучебными заведеніями, сложилась своя, совсѣмъ особая жизнь, свой оригинальный мірокъ мерзости и запустѣнія, о которомъ мы только теперь такъ много слышимъ, читая разнообразныя сужденія о необходимости реформы. Къ сожалѣнію, никакія разсужденія не могутъ такъ освѣтить этой жизни, какъ художественное ея воспроизведеніе. Создался огромный пробѣлъ въ художественной литературѣ, по причинамъ очень понятнымъ, избѣгавшей касаться этой среды. Вотъ почему попытка г. Тимковскаго, хотя и неудовлетворительная во многихъ отношеніяхъ, не должна, по нашему мнѣнію, пройти незамѣченной.

Герой повѣсти, Сергѣй Шумовъ, принадлежитъ къ числу обыденныхъ явленій нашей жизни. Въ семьѣ его, средней руки, жизнь сложилась неудачно. Мать разошлась съ отцомъ, человѣкомъ нестойкимъ, неуравновѣшеннымъ, махнувшимъ на все рукой. Мальчикъ, или, лучше сказать — юноша, какимъ мы его застаемъ въ повѣсти, всецѣло предоставленъ самому себѣ. Его развитіе идетъ внѣ вліяній разумно сложившейся, сознательной семейной жизни, а въ гимназіи, куда онъ помѣщенъ пансіонеромъ, онъ не только не встрѣчаетъ поддержки и разумнаго руководительства, но скорѣе одно пренебреженіе къ самымъ естественнымъ потребностямъ ума и сердца, какія вполнѣ правильны въ неглу-

номъ юношѣ его возраста. Это тотъ критическій моментъ, когда въ человѣкѣ просыпаются мысль и чувства, когда впервые загорается желаніе сознательно отнестись къ окружающимъ, разобраться въ вопросахъ, что такое долгъ, что добро и зло, гдѣ искать выхода изъ возникающихъ недоумѣній, сомнѣній и неудачныхъ попытокъ самому рѣшить ихъ. «Хаосъ безпокойныхъ мыслей давитъ мнѣ голову,—пишетъ онъ въ своемъ дневникѣ,—но онѣ спираются тамъ, какъ густая жидкость въ узкомъ горлышкѣ. Какъ бы мнѣ хотѣлось высказать ихъ кому-нибудь!. Но я не могу, не умѣю: мнѣ трудно управлять своими мыслями... О, если бы кто-нибудь любящій и сильный взялъ меня и повелъ за собой... Куда? хоть на край свѣта!.. О, если бы для меня зажглась путеводная звѣзда!».

Этого «любящаго и сильнаго», къ кому такъ страстно взываетъ юная душа, замѣняетъ «начальство», и вотъ какъ оно относится къ своимъ питомцамъ. Директоръ, по отзыву гимназистовъ, не злой человѣкъ, но пустой и вздорный крикунъ, котораго они прозвали «локомотивъ». Онъ признаетъ только спасительность страха, да и того не можетъ внушить своему стаду, которое на его громы и молніи отвѣчаетъ такой характеристикой въ своей «Гимназіадѣ»:

Все стоитъ въ оцѣпененьи...
Грозенъ, золъ и горделивъ,
Къ молодому поколѣнью
Катитъ самъ «Локомотивъ».
Горе намъ! Какъ онъ ужасенъ:
Точно сфинксъ непостижимъ,
Точно ракъ вареный красенъ,
Какъ судьба неумолимъ.

Разоблачивъ случайно литературное «общество», устроенное гимназистами старшихъ классовъ, онъ видитъ въ чтеніи литературныхъ произведеній вообще чуть не политическое сообщество и во всякомъ случаѣ преступленіе, достойное строгой мзды. Только врожденное добродушіе мѣшаетъ примѣненію уничтожающей кары, и преступники отдѣлываются однимъ страхомъ. Читатели, знакомые съ бытомъ нашихъ гимназій, могутъ припомнить по собственнымъ наблюденіямъ, что далеко не всѣ директора такъ снисходительны.

Далѣе идутъ инспекторъ, надзиратели, учителя и классные наставники. Всѣ эти руководители описаны такъ живо, что несомнѣнно предъ нами портреты, списанные съ натуры. Вообще, такой пріемъ нехудожественный и не заслуживаетъ поощренія. Истинный художникъ беретъ только типическое, отбрасывая все личное, какъ случайное и несущественное. Но въ такой замкнутой средѣ, какъ наши гимназіи, учительскій персоналъ отличается крайнимъ однообразіемъ, словно всѣ его члены вышли изъ-подъ одной штампы,—такъ они похожи другъ на друга по пріемамъ, взглядамъ и даже по наружности. Ихъ можно раздѣлить на двѣ категоріи. Одна—это глубоко равнодушные ко всему люди, отбывающіе повинность учительства безъ увлеченія, безъ знаній, безъ пониманія того, что творятъ. Таковъ, напр., учитель исторіи, по прозвищу «Расплюевъ», «пожилой господинъ съ сонными глазами и апатичной физіономіей. При одномъ взглядѣ на него всѣмъ дѣлалось скучно, челюсти учениковъ начинала сводить зѣвота. Зѣваетъ и Расплюевъ: онъ знаетъ, что всѣмъ надоѣлъ, и чувствуетъ, что и ему также всѣ опостылѣли. Онъ сотни разъ выслушивалъ страницу о меровингахъ изъ исторіи Иловайскаго, за предѣлы котораго не считаетъ нужнымъ выходить. Онъ усиленно борется съ дремотой, изрѣдка понукая ученика: «Нно?.. Что у васъ тамъ дальше? Разскажите еще что-нибудь». Или другой типъ того же рода, учитель математики, не умѣющій рѣшать задачъ, что сплошь и рядомъ случается съ нашими математиками. «Макаръ»—добродушный и болтливый старикъ, онъ самъ нуждается въ снисхожденіи, а потому и самъ снисхо-

дителенъ къ ученикамъ... Онъ подходитъ къ доскѣ и самъ начинаетъ рѣшать задачу: пишетъ, стираетъ, потомъ хмурится,—опять пишетъ, стираетъ, сокращаетъ... Его бросаетъ въ потъ... Дѣлитъ, приводитъ къ одному знаменателю, наконецъ, сокращаетъ въ послѣдній разъ и получается: радіусъ равенъ двумъ діаметрамъ. Классъ оглашается взрывомъ хохота. «Макаръ» машетъ рукой и уходитъ».

Таковы равнодушные, и они еще лучшіе. Они ничему не научатъ, это правда, и большинство «зрѣлыхъ» кончаетъ гимназію съ самыми странными понятіями по исторіи и математикѣ. Но они никого не уничтожаютъ, какъ другая категорія—ретивыхъ и рьяныхъ наставниковъ, выводимыхъ авторомъ. По преимуществу это классики. Это или фанатики своего дѣла, или обозленные на весь міръ несчастливцы, которые вымещаютъ удары судьбы на беззащитныхъ жертвахъ педагогіи. «Въ 7-мъ классѣ урокъ латинскаго языка. На каѳедрѣ сидитъ человѣкъ лѣтъ 30-ти, въ новомъ съ иголочки вицъ-мундирѣ, длинный костлявый, съ маленькой головкой, которою онъ безпрестанно, кстати и не кстати киваетъ, съ голубыми наивными глазами и маленькой черной бородкой. Это—Криничъ; ученики за глаза зовутъ его «чехомъ», хотя онъ—хорватъ. «Рыбинъ!..—вызываетъ онъ.—Вотъ... переводитэ»...—Онъ нарочно вызываетъ по понедѣльникамъ пансіонеровъ, такъ какъ запримѣтилъ, что послѣ праздниковъ они обыкновенно не знаютъ уроковъ. Рыбинъ запинается на каждомъ словѣ, наконецъ, объявляетъ, что у него болитъ голова. Криничъ презрительно качаетъ головой. Болѣзнямъ гимназистовъ онъ не вѣритъ и не допускаетъ мысли, чтобы какая нибудь зубная боль могла быть помѣхой при чтеніи авторовъ. О немъ разсказываютъ въ шутку, что самъ онъ лѣчится отъ всѣхъ болѣзней латинскими авторами... Переводъ продолжается. Криничъ то радостно улыбается, то чуть не плачетъ и бьетъ себя въ грудь...» Онъ плохо владѣетъ языкомъ, коверкаетъ слова и переводитъ тѣмъ классическимъ слогомъ, который давно уже воцарился въ нашихъ гимназіяхъ подъ именемъ «классическаго русскаго». Не менѣе ретивъ и «грекъ», только онъ свирѣпѣе. «Блѣдный, нервный, злой, онъ вызываетъ учениковъ громовымъ голосомъ, не отводитъ глазъ отъ своихъ ногтей, придирается и сбиваетъ учениковъ, потомъ говоритъ: «очень хорошо-съ»—и ставитъ двойку, причемъ глаза его свѣтятся злорадствомъ. Онъ терпѣть не можетъ бойкихъ и снисходитъ только къ безцвѣтнымъ, льстивымъ зубриламъ.—Вы не перейдете въ 8-ой классъ, предсказываю вамъ,—говоритъ онъ Шумову блѣднѣя, отъ злости, и вызываетъ одного за другимъ, слушаетъ, не поднимая глазъ, и ставитъ съ злой усмѣшкой двойки... Раздается звонокъ, и учитель уходитъ съ удовлетвореннымъ видомъ: въ этотъ разъ онъ поставилъ двѣ единицы и пять двоекъ... «Баши-бузукъ!»—кричатъ ему въ догонку ученики...»

А въ младшихъ классахъ дѣло идетъ еще хуже: тамъ происходитъ «избіеніе младенцевъ», полное забиваніе ихъ «колами» и «двойками», безъ всякаго снисхожденія къ ихъ возрасту и силамъ. Въ старшихъ еще замѣтно нѣкоторое вниманіе, пугаетъ отвѣтственный экзаменъ зрѣлости, за успѣшность котораго отвѣчаетъ учительскій персоналъ. Въ младшихъ одно сплошное издѣвательство надъ дѣтской натурой. Вотъ сценка, какую многимъ и многимъ приходилось, конечно, наблюдать въ натурѣ.

«— Шумовъ, хотите видѣть представленіе?—спросилъ Чуриловъ, толкнувъ его въ плечо.

«Шумовъ поднялъ глаза отъ книги и увидалъ передъ собой слѣдующую сцену: Фокинъ (Глиста) валялся въ ногахъ у Павловича и Христомъ Богомъ умолялъ его уничтожить единицу; Павловичъ, задравъ высоко ногу на ногу, посмѣивается въ бороду и съ видимымъ удовольствіемъ наблюдаетъ, какъ около его ногъ ползаетъ нѣчто жалкое... Павловичъ былъ грозой для своихъ уче-

никовъ. Онъ училъ во 2-мъ нормальномъ латыни и буквально заколачивалъ мелюзгу колами. Онъ вмѣстѣ съ «баши-бузукомъ» и еще двумя тремя учителями принадлежалъ къ числу «гонителей-учителей», которыя ставятъ пятерки, скрѣпя сердце, а единицы и двойки съ радостнымъ чувствомъ удовлетворенія...

«— Простите ему колъ,—сказалъ, не выдержавъ, Рыбинъ,—посмотрите въ чемъ душа держится. Его плевкомъ перешибешь.

«Дѣйствительно, Фокинъ, и безъ того чахлый, исхудалъ за послѣднее время жестоко; глаза его украсились синевой и припухли, ротъ былъ вѣчно полуоткрытъ съ жалкимъ, испуганнымъ выраженіемъ, и вся его тщедушная фигурка представляла нѣчто грустное.

«— Вѣдь онъ уже второй мѣсяцъ сидитъ безъ отпуска,—вступился Шумовъ, у котораго сердце переворачивалось при видѣ Фокина.

«Павловичъ хихикалъ, а Фокинъ, ловя его руки всхлипывая, твердилъ:— Анатолій Станиславовичъ! Миленькій, простите, я больше не буду».

Ну чѣмъ не сцена изъ бурсы Помяловскаго, только физическія мученія здѣсь замѣнены нравственными терзаніями, издѣвательствомъ, запугиваніемъ и «колами», заступающими мѣсто розги.

И результаты такого воспитанія получаются соотвѣтственные. Ученики или совершенно превращаются въ зубрильныя машины, или опускаются до полнѣйшаго равнодушія, которое, какъ выражается директоръ, «коломъ не прошибешь», или становятся болѣзненными, нервными, кончая «неврозомъ», какъ герой повѣсти Шумовъ. «Вы смотрите на насъ, какъ на капризныхъ дѣтей,— оправдывается Шумовъ.—Въ восемнадцать лѣтъ человѣкъ, мнѣ кажется, давно, пересталъ быть ребенкомъ, а вы намъ запрещаете разсуждать, отличать хорошее отъ дурного. Между тѣмъ, родители, начальство, учителя требуютъ отъ насъ, чтобы мы умѣли находить разницу между добромъ и зломъ, а когда не умѣемъ, бранятъ насъ, стыдятъ, наказываютъ. Учитель словесности требуетъ, чтобы мы отличали хорошій слогъ отъ сквернаго, а когда сами учителя коверкаютъ языкъ, мы не должны замѣчать этого! Преподаватели бранятъ насъ, когда мы тупѣемъ отъ зубрежки, требуютъ серьезнаго отношенія къ дѣлу, а если мы вздумаемъ что-нибудь сдѣлать своимъ умомъ, всѣ кричатъ намъ: «цыцъ, не смѣйте!»

Лучше всего выясняется отношеніе воспитателей къ своему дѣлу на совѣтѣ, когда заходитъ вопросъ о поведеніи уже больного Шумова. Кое-кто изъ учителей замѣчаетъ лѣниво, что это ученикъ способный, но видимо разстроенный теперь и заслуживающій снисхожденія, но директоръ безапелляціонно рѣшаетъ: «Намъ нужна не живость изложенія, а добропорядочное поведеніе.. Горячаго увлеченія намъ не надобно, да, не нужно... Намъ некогда изслѣдовать причины ученической лѣни... Я не потерплю распущенности! Для лѣнтяевъ нужна палка, да, палка... Мы будемъ оцѣнивать поведеніе и успѣхи воспитанниковъ, а не вдаваться въ дебри... да, въ дебри. Для этого у насъ нѣтъ времени, да мы и устарѣли немножко», и въ концѣ концовъ несомнѣнно способнаго и дѣльнаго юношу рѣшаютъ исключить, не желая считаться съ такимъ простымъ фактомъ, какъ его несомнѣнно ненормальное состояніе, хотя и очень обычное въ критическій возрастъ 17—18-ти лѣтъ. Исковеркавъ человѣка, доведя его почти до сумасшествія, почтенная коллегія, именуемая педагогическимъ совѣтомъ, равнодушно выбрасываетъ его, нежелая ни на одну минуту остановиться надъ вопросомъ о своей отвѣтственности. И сколько такихъ уродцевъ, больныхъ душой и тѣломъ, выкидываютъ эти педагогическіе совѣты,— это слишкомъ хорошо извѣстно всякому наблюдателю нашей текущей жизни.

«Гимназія для избранныхъ», говорятъ защитники классической системы. Но кто же эти «избранники», какъ ихъ называютъ фанатики классицизма? Тѣ ли, кто выдержитъ весь искусъ долбни и полнаго пренебреженія къ его человѣ-

ческой личности и отольется въ концѣ концовъ въ предписанную, узаконенную форму? Или это особые счастливцы, для которыхъ классицизмъ является чѣмъ-то врежденнымъ, которые уже на свѣтъ являются съ тенденціей къ латинской и греческой грамматикѣ? Говорить объ особомъ классицизмѣ, не о томъ, какой мы видимъ въ результатѣ 30-лѣтняго существованія у насъ гимназіи, мы не можемъ по очень простой причинѣ: мы другого не знаемъ и не видимъ. Мы видѣли и видимъ классицизмъ Криничей и баши-бузуковъ, «Макаровъ» и «Расплюевыхъ», подогрѣваемый горячностью «локомотива» съ его правиломъ: «намъ не нужно живости, увлеченія, горячности, а—добропорядочное поведеніе», и, какъ единственный къ тому стимулъ—«палка, да, палка».

Теперешняя гимназія это та же бурса времени Помяловскаго, гдѣ нѣтъ ни воспитанія, ни образованія, а есть лишь мучительная подгонка дѣтей къ данному шаблону, и что въ него не укладывается — подлежитъ истребленію. А не укладывается въ него все лучшее, дѣйствительно цѣнное и дорогое въ человѣкѣ,—его личность. Только отказавшись отъ себя, дозволивъ втиснуть себя въ адскую форму, въ которой «ни стать, ни сѣсть», можно выдержать искусъ и получить аттестатъ зрѣлости, т.-е. аттестатъ грубаго незнанія и полнаго невѣдѣнія самыхъ важныхъ и необходимыхъ въ жизни вещей. Сколько юношей бьются въ настоящее время за этотъ печальный аттестатъ, и только въ будущемъ, когда жизнь безжалостно откажется признать права этого аттестата, они поймутъ его ничтожество и безцѣльность. Многіе, впрочемъ, до конца жизни этого не поймутъ. Это—избранные, и благо имъ! Но лучшіе поймутъ, и если результатомъ этого пониманія явится столь желанная реформа, то наступающій вѣкъ ознаменуется дѣломъ дѣйствительно важнымъ, пожалуй, самымъ важнымъ, такъ какъ это вопросъ о жизни будущихъ поколѣній.

Появленіе перваго тома полнаго собранія сочиненій Бѣлинскаго въ изданіи г. Венгерова есть своего рода литературное событіе. Ничего подобнаго до сихъ поръ не появлялось, и если почтенный историкъ русской литературы доведетъ до конца свое предпріятіе, то это будетъ лучшимъ памятникомъ знаменосцу русскаго просвѣщенія, какимъ является Бѣлинскій въ высшемъ значеніи этого слова.

Различныхъ изданій Бѣлинскаго появилось нѣсколько. Тутъ были и избранныя статьи, и систематически подобранныя мѣста изъ его сочиненій, и отдѣльныя цѣлыя статьи, но полное собраніе было до сихъ поръ одно, именно основное 12-томное, изданное еще въ 1859 — 1861 г.г. К. Т. Солдатенковымъ. «А между тѣмъ,—говоритъ г. Венгеровъ,—и это изданіе ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названо ни полнымъ, ни тщательно редактированнымъ. Въ немъ очень много пропусковъ, а помѣщенное часто урѣзано. Редакторъ этого изданія, покойный Н. Х. Кетчеръ не только не бралъ всѣхъ статей Бѣлинскаго (онъ совсѣмъ не включилъ больше 400 небольшихъ отзывовъ), но и въ томъ, что бралъ, выбрасывалъ цѣлыя страницы и тирады. Въ особенности онъ былъ безжалостенъ къ цитатамъ, которыя ему, очевидно, казались лишнимъ балластомъ, хотя на самомъ дѣлѣ ничто такъ не содѣйствуетъ усвоенію мыслей критика, какъ удачно подобранныя выдержки. Не мало статей осталось ему и совершенно неизвѣстныхъ. Наконецъ, крупнѣйшимъ недочетомъ перваго собранія сочиненій Бѣлинскаго является то, что въ немъ совершенно нѣтъ одной изъ драгоцѣннѣйшихъ частей духовнаго наслѣдства Бѣлинскаго — его писемъ. Не стѣсняемый внѣшними соображеніями, Бѣлинскій въ письмахъ весь отдавался своему порыву и достигалъ силы изумительной. Въ письмахъ къ друзьямъ и въ знаменитомъ письмѣ къ Гоголю Бѣлинскій поднимался до вершинъ воодушевленія и негодующаго краснорѣчія».

Если хотя часть справедливо отмѣчаемыхъ г. Венгеровымъ недостатковъ

перваго изданія будетъ устранена, то и тогда новое изданіе получитъ огромное значеніе. Можно думать, однако, что и всѣ они будутъ устранены, какъ можно судить по первому тому. представляющему даже излишнюю библіографическую полноту. Говоря излишнюю, мы имѣемъ въ виду не осужденіе, а скорѣе, опасеніе, что г. Венгеровъ, такъ широко поставивъ свою задачу, не успѣетъ докончить свое изданіе. Въ самомъ дѣлѣ, первый томъ захватываетъ только самый ранній періодъ дѣятельности Бѣлинскаго, и тѣмъ не менѣе потребовалъ двухъ лѣтъ для своего изданія. Кромѣ того, такая полнота, какъ увидимъ дальше, сильно удорожаетъ все изданіе, требуя массу дополненій, неимѣющихъ прямого отношенія къ литературному наслѣдству самого Бѣлинскаго, какъ, напр., рядъ статей Надеждина, приложенныхъ къ первому тому. Точно также масса примѣчаній къ единственной пока статьѣ Бѣлинскаго, вошедшей въ этотъ томъ, «Литературныя мечтанія». Статья занимаетъ около $5^1/_2$ листовъ крупнаго шрифта, тогда какъ примѣчанія, мелко напечатанныя, занимаютъ почти $3^1/_2$. Если и дальше г. Венгеровъ будетъ столь же подробно пояснять разныя мѣста въ твореніяхъ Бѣлинскаго, то его изданіе не уложится въ предполагаемые двѣнадцать томовъ. Тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя примѣчанія, какъ о Надеждинѣ, напр., разрослись почти въ самостоятельныя статьи. Правда, сами по себѣ эти примѣчанія очень интересны, въ особенности къ вопросу о вліяніи Надеждина на Бѣлинскаго, которое авторъ очень ограничиваетъ, опровергая высказанный нѣкоторыми взглядъ на Надеждина, какъ на учителя Бѣлинскаго. «Намъ,—говоритъ г. Венгеровъ, — послѣ изученія литературной дѣятельности Надеждина, соотношеніе его и Бѣлинскаго представляется въ такомъ видѣ: *лучшее* въ «Литературныхъ Мечтаніяхъ», то, что сообщаетъ имъ непреходящій интересъ, ничего общаго съ Надеждинымъ не имѣетъ. Въ ряду *благотворныхъ* вліяній Бѣлинскій обязанъ Надеждину кое-какими эстетическими положеніями. которыя, однако, 1) высказаны Надеждинымъ только мимоходомъ, и 2) ни мало не составляютъ духовной собственности Надеждина. Они представляютъ только часть шедшаго къ намъ въ концѣ 20-ыхъ и началъ 30-ыхъ годовъ цѣлымъ рядомъ путей широкаго потока вліяній нѣмецкой философіи и въ частности шеллингизма».

Открывается первый томъ очень интересными выписками изъ ученическихъ тетрадокъ Бѣлинскаго, куда онъ вписывалъ понравившіяся ему стихотворенія. Изъ Пушкина юный Бѣлинскій бралъ немного, всего два-три стихотворенія («Стансы», «Пророкъ»). Большая часть стиховъ принадлежитъ мало извѣстнымъ стихотворцамъ романтическаго толка, преобладавшимъ въ тогдашней журналистикѣ. Эти тетрадки говорятъ отчасти о ранней любви будущаго критика въ литературѣ. Что онъ много читалъ еще ученикомъ, извѣстно изъ показаній его учителя Попова, отчасти Лажечникова, и, видимо, все, особенно нравившееся, заносилось для памяти и повторенія. Ученикъ Бѣлинскій былъ въ этомъ отношеніи много счастливѣе учениковъ конца XIX вѣка, которыхъ за такое упражненіе и пристрастіе къ стихамъ не похвалили бы ихъ классные наставники, ревностно отбирающіе у своихъ воспитанниковъ журналы и разные критическіе труды, въ родѣ Добролюбова или,—Боже сохрани,—Писарева! Исторія Сергѣя Шумова, о которомъ мы говорили выше, невольно приходитъ на память, такъ какъ одно изъ обвиненій противъ него, особенно важныхъ въ глазахъ «локомотива», заключалось въ пристрастіи къ литературѣ.

Въ ученическіе годы попытки къ самостоятельной работѣ у Бѣлинскаго еще слабы, и только въ университетѣ онъ пишетъ драму «Дмитрій Калининъ, которой онъ придавалъ большое значеніе, какъ средству добиться самостоятельности и освободиться отъ казеннаго содержанія въ университетѣ. Надо замѣтить, что вначалѣ Бѣлинскій былъ въ восторгѣ отъ казеннаго содержанія. Все ему казалось великолѣпнымъ и даже «лукулловскимъ». «Увидя столы, накры-

тые снѣговыми скатертями, на которыхъ поставлены миски, блюда, графинъ съ квасомъ, приборы въ величайшемъ порядкѣ, можно думать, что это приготовленъ обѣдъ для гостей какого-нибудь богача по случаю праздника, бала или чего-либо подобнаго». Скоро, однако, порядки «казеннаго кошта» такъ допекли Бѣлинскаго, что онъ спалъ и видѣлъ, какъ-бы добиться возможности жить на свободѣ. Мелочность стѣсненій, придирки за опозданія и ночь, проведенную внѣ дома, дѣлали жизнь невыносимой. Результатомъ этихъ стремленій на волю явилась драма «Дмитрій Калининъ». Послѣдствія, однако, были для автора самыя неожиданныя: вмѣсто извѣстности и обезпеченнаго положенія, автора встрѣтили суровыя распеканія начальства, а затѣмъ и исключеніе изъ университета, на что драма оказала несомнѣнное вліяніе. Какъ художественное произведеніе, драма болѣе чѣмъ посредственна, что лучше всего и суровѣе высказалъ впослѣдствіи самъ Бѣлинскій, когда въ одной рецензіи благодаритъ судьбу, которая «помѣшала намъ пріобрѣсть жалкую эфемерную извѣстность мнимыми произведеніями искусства и занять мѣсто въ забавномъ ряду литературныхъ рыцарей печальнаго образа». Но она интересна для характеристики настроенія молодого Бѣлинскаго, представляя «протестъ противъ крѣпостного права», за что, между прочимъ, цензурный комитетъ, состоявшій тогда изъ профессоровъ университета, призналъ драму «произведеніемъ безнравственнымъ, позорящимъ университетъ». По собственной характеристикѣ автора въ письмѣ къ родителямъ, въ которомъ онъ жалуется на несправедливость такого отзыва цензурнаго комитета, онъ въ своей драмѣ «со всѣмъ жаромъ сердца, пламенѣющаго къ истинѣ, со всѣмъ негодованіемъ души, ненавидящій несправедливость, въ картинѣ, довольно живой и вѣрной, представилъ тиранство людей, присвоившихъ себѣ гибельное и несправедливое право мучить себѣ подобныхъ». По вѣрному замѣчанію г. Венгерова, узелъ драмы не въ «тиранствѣ», а въ протестѣ вообще противъ несправедливости и злого рока. Видно, что на автора сильнѣйшее вліяніе оказало чтеніе шиллеровскихъ драмъ, «Разбойниковъ» въ особенности. Это—вопль юношескаго сердца, взволнованнаго не столько на опытѣ извѣданной неправдой, не тѣмъ, что видѣлъ и слышалъ юноша—Бѣлинскій,—который и видѣлъ-то крѣпостное право немного,—сколько несправедливостью по существу. Во всякомъ случаѣ, по времени появленія, драма Бѣлинскаго является первымъ художественнымъ, яркимъ и сильнымъ протестомъ противъ крѣпостного права, что и дѣлаетъ ее достойнымъ вниманія произведеніемъ въ исторіи русской литературы. Написана она языкомъ въ духѣ того времени. «Тысячи ядовитыхъ змѣй», «адскія проклятія», «адское самонаслажденіе», «жажда крови, убійствъ и разрушенія», «тысячи кинжаловъ, въ одну секунду вонзающихся въ сердце», «огненный тартаръ души, въ милліонъ разъ болѣе ужасный», «толпа фурій, потрясающихъ своими факелами»,—словомъ, это языкъ, который такъ высмѣянъ потомъ Бѣлинскимъ въ произведеніяхъ Кукольника и Марлинскаго.

После исключенія изъ университета, между прочимъ, за свое «безнравственное» произведеніе, Бѣлинскій остался безъ всякихъ средствъ. Въ числѣ разныхъ литературныхъ попытокъ онъ задумалъ перевести романъ Поль де-Кока «Магдалина», что въ годовщину 50-лѣтія его смерти злорадно было подчеркнуто г. Медвѣдевымъ въ «Моск. Вѣд.». Но самъ по себѣ романъ этотъ одно изъ невиннѣйшихъ произведеній, какъ показываютъ особенно яркія мѣста, приводимыя г. Венгеровымъ. Переводы и явились первыми работами Бѣлинскаго въ текущей печати. Познакомившись съ Надеждинымъ, редакторомъ «Телескопа», Бѣлинскій сталъ подвизаться въ его журналѣ въ качествѣ постояннаго переводчика. Здѣсь г. Венгеровъ дѣлаетъ интересное замѣчаніе, которое очень нелишне подчеркнуть. «Констатированіе значительнаго количества переводовъ Бѣлинскаго имѣетъ интересъ не только узко библіографическій. Оно совершенно разрушаетъ чрезвычайно-прочно установившееся мнѣніе, что Бѣ-

линскому были чужды иностранные языки. Какъ оно всегда бываетъ, эту славу пустили лучшіе друзья—Тургеневъ, Кавелинъ. На самомъ дѣлѣ Бѣлинскій плоховато зналъ нѣмецкій языкъ, но вполнѣ удовлетворительно французскій. Въ дальнѣйшихъ комментаріяхъ мы еще не разъ будемъ имѣть случай указывать, что послѣдніе годы жизни Бѣлинскій очень много читалъ по французски. Но и по отношенію къ первымъ годамъ дѣятельности не мѣсто говорить, что онъ былъ чуждъ иностранной литературѣ. Цѣлый годъ человѣкъ жилъ переводами съ французскаго въ первостатейномъ журналѣ и вдругъ чуждъ! Въ «Литературныхъ мечтаніяхъ» часто встрѣчаются французскія выраженія и цитаты. Прежде, признаться, они насъ коробили. Непріятно было сознаніе, что такой человѣкъ, какъ Бѣлинскій, не только щеголяетъ знаніемъ французскаго языка, но еще щеголяетъ въ павлиньихъ перьяхъ, такъ какъ его закадычные друзья увѣряютъ, что онъ былъ «чуждъ» иностраннымъ языкамъ. Но многочисленность переводовъ вполнѣ разъясняетъ, почему Бѣлинскій такъ много французитъ въ первомъ крупномъ литературномъ произведеніи. Онъ, можно сказать всецѣло жилъ въ атмосферѣ французскаго языка, переводя листа 2—3 въ мѣсяцъ и еще больше, конечно, читая для того, чтобы выбрать для перевода ту или иную статью».

Въ первомъ томѣ эти переводы приводятся цѣликомъ, занимая около десяти листовъ текста, роскошь, какъ намъ кажется, совершенно лишняя. Что указать и даже подробно отмѣтить всѣ переводы Бѣлинскаго было нужно, это вполнѣ понятно. Но зачѣмъ почтенному комментатору Бѣлинскаго понадобилось приводить цѣликомъ эти переводы, рѣшительно не понимаемъ. Тѣмъ болѣе, что всѣ они, безъ исключенія, ничего не прибавляютъ къ характеристикѣ Бѣлинскаго. Какъ работы назаказъ, они характерны для журнала, въ которомъ печатались, но не для переводчика, игравшаго пассивную роль. По большей части, это историческія вещи, разсужденія, путешествія Александра Дюма, и т. п., словомъ, легкій для чтенія и занимательный для читателей матеріалъ, какой всегда помѣщался въ общедоступныхъ журналахъ. Переводъ прекрасный, языкъ правиленъ, легокъ и изященъ. Вотъ и все, что можно сказать про нихъ. Стоило ли заполнять третью часть перваго тома такимъ, ни для кого теперь неинтереснымъ и ненужнымъ матеріаломъ?

«Литературныя мечтанія» единственная пока изъ важныхъ работъ знаменитаго критика, вошедшая въ первый томъ. Напечатана она не только цѣликомъ, съ массою примѣчаній и поясненій, но и въ томъ видѣ, какъ она появлялась въ «Молвѣ», въ 1834 г., съ 38 по 52 №. Эта статья и была дебютомъ настоящаго Бѣлинскаго, который открылъ ею свое славное поприще. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что самостоятельнаго во взглядахъ Бѣлинскаго въ этой статьѣ еще почти нѣтъ ничего, кромѣ блестящей увлекательной формы изложенія. Какъ показываетъ почтенный комментаторъ въ своихъ безчисленныхъ примѣчаніяхъ, въ статьѣ сказался рядъ вліяній, «часто вплоть до отдѣльныхъ фразъ и выраженій, заимствованныхъ у Полевого, Станкевича, шеллингистовъ и др.». Но вся статья проникнута и одухотворена однимъ великимъ чувствомъ стремленія къ прекрасному и высокому, что отличаетъ всю послѣдующую дѣятельность Бѣлинскаго: въ каждой мысли, въ каждомъ мнѣніи бьется *великое сердце* Бѣлинскаго. «Да, — говоритъ г. Венгеровъ, — именно въ томъ и велико значеніе Бѣлинскаго, что у него было великое сердце... Никакое преклоненіе предъ Бѣлинскимъ не должно затушевывать того факта, что мысли, которыя онъ высказывалъ съ такимъ огромнымъ талантомъ и силою, были мыслями цѣлаго круга людей, его вдохновлявшихъ. И этотъ фактъ не только потому не нужно затушевывать, что онъ есть правда, а еще и потому, что въ немъ рѣшительно нѣтъ ничего такого, что умаляло бы значеніе Бѣлинскаго. Вѣдь самые-то настоящіе великіе люди тѣ, которые не сами по себѣ, а отра-

жаютъ великія эпохи. Второстепенно было бы значеніе Бѣлинскаго, если бы онъ отражалъ одного Полевого, одного Станкевича, одного Боткина, одного Бакунина, одного Грановскаго, одного Герцена. Но если онъ одновременно, и притомъ по отношенію къ большинству изъ нихъ съ безконечно большею силою и блескомъ, отражалъ и Полевого, и Станкевича, и Боткина, и Бакунина, и Грановскаго, и Герцена, то это уже значитъ, что онъ является центральнымъ пунктомъ знаменитѣйшей эпохи, выразителемъ самаго замѣчательнаго момента русской культуры, давшей ту плеяду великихъ писателей, которая поставила Россію на одинъ уровень съ великими литературными державами человѣчества. Главная заслуга великаго критика не въ томъ, что онъ лично додумался до всѣхъ идей, имъ высказанныхъ, а въ томъ, что онъ провелъ ихъ сквозь горнило сожигавшаго его внутренняго пламени и сообщилъ имъ отпечатокъ своей идеально-прекрасной личности. Не преходящее вліяніе статей Бѣлинскаго зиждется на томъ, что въ нихъ слышно біеніе сердца, безспорно самаго благороднаго, когда-либо бившагося въ русской груди, что въ нихъ сказалась никѣмъ другимъ не достигнутая высота настроенія, сила и глубина чувства».

«Литературныя мечтанія» еще не даютъ полнаго представленія объ этой силѣ и глубинѣ, но въ нихъ уже чувствуется горячность «неистоваго Виссаріона», которая такъ увлекаетъ въ его дальнѣйшихъ статьяхъ. Слогъ «мечтаній» еще носитъ сильный отпечатокъ конца 20-хъ годовъ, своей повышенностью и отсутствіемъ присущей Бѣлинскому простоты. Это пока еще «проба пера», по которой можно уже предвидѣть, какое перо должно со временемъ выработаться изъ такого новичка. Попадаются отдѣльныя мѣста, поразительныя по мѣткости опредѣленія и законченности характеристикъ, напр., отзывъ о Марлинскомъ. Не нужно забывать, что Марлинскій былъ кумиромъ, предъ нимъ преклонялись, сравнивали съ Пушкинымъ, и нужна была именно «неистовость» Бѣлинскаго и его тонкое врожденное пониманіе красоты, чтобы такъ смѣло обрушиться на общаго любимца.

Съ большимъ интересомъ будемъ ждать появленія дальнѣйшихъ томовъ настоящаго прекраснаго изданія, которое заполнитъ одинъ изъ существеннѣйшихъ пробѣловъ въ историко-критической литературѣ. Чѣмъ скорѣе будетъ идти изданіе, тѣмъ важнѣе будетъ услуга, оказываемая г. Венгеровымъ исторіи нашей литературы. Поэтому, не можемъ не повторить нашего пожеланія — не отвлекаться въ сторону побочными экскурсіями, какъ бы онѣ ни были соблазнительны, и не растягивать изданія излишней библіографической полнотой, которая всегда увлекаетъ нашихъ библіографовъ въ истинныя дебри, откуда подчасъ они не силахъ выбраться. А. Б.

ГУМАНИСТЪ-АКАДЕМИКЪ.

Памяти Леонида Николаевича Майкова.

(Род. 28-го марта 1839 г., умеръ 7-го апрѣля 1900 г.).

Недавняя кончина Леонида Николаевича Майкова, вице-президента Академіи Наукъ и одного изъ наиболѣе авторитетныхъ современныхъ изслѣдователей русской литературы, оставила по себѣ замѣтное пустое мѣсто въ ряду немногочисленныхъ у насъ людей, истинно образованныхъ, съ отпечаткомъ внутренней «порядочности», въ лучшемъ смыслѣ слова, посвящающихъ свои силы научному труду, безкорыстному, т.-е. по дѣйствительному душевному влеченію къ даннаго рода занятіямъ.

Л. Н. Майковъ не былъ профессоромъ и даже по защитѣ магистерской диссертаціи, не готовился къ занятію каѳедры въ университетѣ. Онъ зачислился на службу, чтобы имѣть заработокъ, но тяготился служебными обязанностями, его влекло къ книгамъ, къ умственному труду въ области гуманитарныхъ наукъ, къ жизни чисто интеллектуальной. Онъ выдержалъ искусъ и достигъ возможнаго совмѣщенія научныхъ занятій съ обязанностями другого рода. Позже, поступивъ сперва помощникомъ редактора, затѣмъ редакторомъ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія», онъ сумѣлъ создать изъ этого изданія центральный органъ для научныхъ работъ въ особенности по вопросамъ историческаго и историко литературнаго характера, такъ что русскій полу-оффиціальный журналъ пріобрѣлъ авторитетное значеніе дѣйствительнаго научнаго изданія даже у иностранныхъ ученыхъ. Переходъ на службу вице-директоромъ Публичной библіотеки далъ возможность Л. Н. Майкову удѣлять больше времени самостоятельнымъ работамъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, его любовь къ книгѣ нашла себѣ двоякаго рода удовлетвореніе: онъ могъ пользоваться богатымъ собраніемъ книжнаго матеріала въ библіотекѣ, могъ также выказать дѣятельную заботу объ увеличеніи этого книгохранилища, слѣдя за пополненіемъ различныхъ его отдѣловъ, на общее пользованіе. Л. Н. Майковъ дорожилъ библіотекой, какъ наиболѣе близкимъ его сердцу учрежденіемъ, и не безъ колебаній разстался съ ней, не прерывая вполнѣ связей даже тогда, когда былъ призванъ занять должность вице-призидента Академіи Наукъ. Главнымъ же своимъ академическимъ трудомъ Л. Н. Майковъ, по собственному признанію, считалъ «порученное ему критическое изданіе сочиненій Пушкина». Эти строки были имъ написаны въ 1893 году. Тяжелое болѣзненное состояніе заставило біографа и издателя сочиненій Константина Батюшкова временно прервать свои труды по изготовленію критическаго изданія произведеній геніальнаго преемника Батюшкова: въ юбилейный годъ Пушкина вышелъ только первый томъ его стихотвореній въ академическомъ изданіи и отдѣльный сборникъ статей: «Пушкинъ, біографическіе матеріалы и историко-литературные очерки Л. Майкова», въ изданіи Л. Ф. Пантелѣева. Въ этотъ 1899 годъ невольно, при чествованіи Пушкина, у всѣхъ на устахъ было и имя его академическаго издателя, и будущаго біографа; но судьба распорядилась иначе, и юбилейный годъ Пушкина оказался послѣднимъ въ жизни Л. Н. Майкова, оставившаго по себѣ лишь незначительную часть матеріаловъ для продолженія изданія; съ нимъ вмѣстѣ похоронено не мало ожиданій и драгоцѣнныхъ замѣтокъ, которыя не были записаны на фишахъ покойнымъ, обладавшимъ богатѣйшей памятью. Кое что могло быть передано изустно ближайшимъ сотрудникамъ по изданію, но во всякомъ случаѣ—преемнику Л. Н. Майкова въ занятіяхъ Пушкинымъ предстоитъ весьма нелегкая задача провѣрочной работы, раньше чѣмъ приняться за самостоятельный трудъ по продолженію изданія и составленію не написанной біографіи поэта.

Сожалѣнія о недовершенныхъ трудахъ не должны препятствовать благодарной оцѣнкѣ выполненнаго, а это «выполненное» Л. Н. Майковымъ за безъ мала 40 лѣтъ научно-литературной дѣятельности, настолько значительно, что вполнѣ обезпечиваетъ ему почетное имя въ русской наукѣ. Его заслуги по разработкѣ того или другого вопроса изъ исторіи русской литературы подлежатъ спеціальной оцѣнкѣ. Онъ не былъ иниціаторомъ новой школы научныхъ изслѣдованій, не стоялъ во главѣ особаго направленія, которое могло бы быть выражено характернымъ эпитетомъ, не создалъ своего метода, за которымъ бы осталась печать высокой оригинальности; но онъ работалъ и мыслилъ вполнѣ самостоятельно, старался встать въ наивозможно независимое отношеніе къ различнымъ высказываемымъ теоріямъ и рекомендуемымъ научнымъ пріемамъ; болѣе же всего онъ проявилъ свою индивидуальность въ характеристикахъ, біографіяхъ, въ выясненіи личныхъ отношеній писателей къ окружающей ихъ

средѣ, на основаніи писемъ, замѣтокъ, часто лишь едва уловимыхъ намековъ, изъ которыхъ онъ умѣлъ извлекать значительные выводы по вѣчному вопросу о взаимоотношеніи жизни и творчества. Второстепеннымъ писателямъ онъ удѣлялъ справедливое вниманіе, наряду съ наиболѣе крупными художниками слова. Онъ умѣлъ заинтересоваться даже такими дѣятелями, которые, не выдаваясь личными дарованіями, оказали существенныя заслуги отечественной литературѣ, и Л. Н. Майковъ зналъ съ какой стороны надлежало выяснить эти заслуги. Такъ, одно время онъ усиленно занялся Третьяковскимъ и даже помышлялъ о томъ, чтобы избрать его предметомъ докторской диссертаціи. Впослѣдствіи, отвлеченный другими работами, онъ оставилъ эту мысль, однако Третьяковскаго не вполнѣ забылъ и напечаталъ статью объ немъ. Обрабатывая эту статью къ печати, онъ, между прочимъ, писалъ намъ (въ 1888 г.): «я совершенно вошелъ во вкусъ этой работы и очень тому радъ: безъ увлеченія ничего нельзя писать, ни даже производить самыхъ сухихъ ученыхъ розысканій. Написано у меня не слишкомъ много, но то, что написано—обработано, кажется, тщательно. Не знаю, впрочемъ, удовлетворитъ ли оно кого нибудь. По самому свойству предмета статья не можетъ имѣть популярнаго интереса, но я за нимъ и не гонюсь, не хочу соблазняться успѣхомъ біографіи Батюшкова. Буду доволенъ если въ новой моей работѣ найдутъ нѣчто новое и дѣльное, нѣчто такое, чего не было сказано другими. Словомъ, вы видите, что я нѣсколько доволенъ собою», съ шутливой ироніей писалъ далѣе Леонидъ Николаевичъ, вообще отличавшійся замѣчательной скромностью въ оцѣнкѣ своихъ трудовъ. Вышеприведенными словами онъ прекрасно намѣтилъ тѣ требованія, которыя предъявлялъ къ своимъ работамъ, и тѣ задачи, которыя себѣ намѣчалъ: давать нѣчто новое и цѣльное, тщательно обработанное, нѣчто такое, чего не было сказано другими.

Таковъ характеръ большинства его работъ и въ этомъ ихъ главное значеніе. Мы не будемъ здѣсь подвергать ихъ подробному анализу; ограничимся краткой характеристикой личности и общаго направленія его научно-литературной дѣятельности и духовный.

Объясняя свое нѣсколько исключительное пристрастіе къ гуманитарнымъ занятіямъ и любовь къ книгѣ, Л. Н. Майковъ шутливо говаривалъ про себя, ссылаясь на теорію Тэна, противъ которой онъ также имѣлъ весьма вѣскія возраженія, отстаивая значеніе личности: «Вотъ уже по праву могу сказать, что меня создала среда и обстановка: я родился въ литературной семьѣ, отдаленный потомокъ Нила Сирскаго; братъ Аполлонъ уже былъ признанъ выдающимся поэтомъ, едва я себя сталъ помнить; другой братъ (Валерьянъ)—критикъ; съ дѣтства я окруженъ литераторами, а всѣ ближайшіе мои товарищи по университету пошли по ученой дорогѣ».

Большой фамильный портретъ работы отца Леонида Николаевича, извѣстнаго въ свое время художника Н. А. Майкова, изображаетъ «малютку Леонида», Веньямина семьи, въ бархатной рубашечкѣ, за огромнымъ фоліантомъ, который онъ перелистываетъ. Одною рукою мальчикъ указываетъ на перевернутую страницу книги, но смотритъ въ сторону, лицо en face; бѣлокурая, курчавая головка и не по-дѣтски задумчивый, испытующій взглядъ—такъ изобразилъ художникъ своего меньшого сына, словно предугадавъ въ немъ будущаго «книгочія», который смотритъ и на жизнь, не отрываясь отъ книги. И впослѣдствіи, когда, работая подъ выясненіемъ какой-нибудь подробности біографіи писателя, которымъ онъ въ данное время занимался, Леонидъ Николаевичъ задумывался въ опредѣленіи ея настоящаго значенія,—онъ повторялъ, не безъ оттѣнка грусти: «вѣдь я—книжникъ, а они—люди жизни».

На вопросъ, заданный ему какъ-то, по книгѣ вопросовъ въ извѣстной англійской игрѣ собственныхъ характеристикъ, кѣмъ онъ желалъ бы быть, если не

тѣмъ, кто онъ есть.—Л. Н. Майковъ вполнѣ серьезно написалъ: «хорошимъ писателемъ». Тутъ же, на другой вопросъ—о любимыхъ занятіяхъ, онъ помѣтилъ: «Наблюдать людей и трудиться по доброй волѣ».

Эти два пожеланія весьма типичны для опредѣленія основныхъ чертъ характера и міросозерцанія Леонида Николаевича. Подобно гуманистамъ въ эпоху возрожденія, онъ славу *писателя* ставилъ выше всѣхъ другихъ призваній человѣка; литературной дѣятельности отдавалъ рѣшительное преимущество и, по натурѣ склонный къ созерцательной жизни, цѣнилъ обезпеченный досугъ только для того, чтобы имѣть возможность трудиться по доброй волѣ. Это удавалось ему рѣдко, въ силу внѣшнихъ обстоятельствъ и крайнѣ добросовѣстнаго отношенія къ тѣмъ обязанностямъ, которыя онъ на себя принималъ добровольно или по необходимости. Неоднократно жалуясь на суету внѣшнихъ обязанностей, Л. Н. Майковъ, между прочимъ, писалъ намъ (въ 1888 г.): «Свободныхъ минутъ у меня мало... а знаете ли, къ какому я пришелъ заключенію? Нѣтъ ничего хуже, какъ пропустить моментъ захватывающаго интереса къ какому-нибудь задуманному труду. А именно это случилось со мною теперь»... случалось, прибавимъ, не разъ и, несомнѣнно, ограничило въ значительной мѣрѣ число исполненныхъ Л. Н. Майковымъ работъ. Но качества отдѣлки во многомъ искупаютъ количественные недочеты. Гуманистъ по рожденію,—въ смыслѣ принадлежности семьѣ, гдѣ литературные интересы занимали первое мѣсто,—получившій гуманитарное образованіе, преданный съ особой страстностью «книгѣ», но любившій также «наблюдать людей»,—Л. Н. Майковъ вынесъ изъ домашней школы еще одну черту, проявившуюся въ эпитетѣ, данномъ имъ слову—писатель: не просто «писатель», а именно *хорошій* писатель, съ нѣсколько предрѣшеннымъ опредѣленіемъ того значенія, которое придавалось слову «хорошій».

Дѣло въ томъ, что культъ классическихъ формъ игралъ большую роль въ семьѣ Майковыхъ, и у Леонида Николаевича эти требованія «классичности», т. е. образцовой законченности, отдѣлки, соотвѣтствія съ нѣкоторыми предопредѣленными нормами совершенства какъ въ языкѣ, такъ и въ стилѣ, и въ уравновѣшенной гармоніи формы съ содержаніемъ, которыя онъ непредставлялъ себѣ раздѣльно (см. н.),—все это было въ соотвѣтствіи со вкусами такъ называемыхъ классическихъ періодовъ литературы, съ тѣмъ направленіемъ къ академичности, котораго XVII вѣкъ во Франціи является наиболѣе яркимъ показателемъ. Л. Н. Майковъ былъ, такъ сказать, академикомъ по призванію, задолго до своего выбора въ академію наукъ, академикомъ во французскомъ смыслѣ слова, по которому это званіе по преимуществу характеризуетъ образцовыхъ, примѣрныхъ писателей, на основаніи твердо установленнаго, единаго критерія разумнаго вкуса и раціональной красоты. И такимъ образомъ въ лицѣ Л. Н. Майкова сошлись два стремленія, показатели двухъ различныхъ эпохъ—гуманизма и академичности, общаго интереса къ занятіямъ въ области гуманитарныхъ наукъ и стремленія регулировать языкъ и литературу согласно требованіямъ «хорошаго вкуса» и опредѣленныхъ правилъ. Какъ гуманиста—его интересовали самыя различныя отрасли историко-филологическихъ наукъ, и въ немъ, прежде всего, пробудился эрудитъ и начетчикъ. Свои первые работы Л. Н. Майковъ посвятилъ вопросамъ этнографіи, исторіи культуры *), археологіи, статистикѣ, народной словесности, памятникамъ древней письменности и т. п. Работѣ надъ литературой, въ тѣсномъ смыслѣ слова, онъ предпослалъ рядъ изслѣдованій по стариннымъ эпохамъ, въ области такъ называемаго «безличнаго» творчества, изслѣдованій надъ памятниками, имѣющими лишь историческое значеніе документовъ. Впрочемъ, онъ любовно относился и къ подобнаго рода произведеніямъ, особенно цѣня, даже съ чисто

*) Ср. «О древней культурѣ западныхъ финновъ по даннымъ ихъ языка». Составилъ (по сочиненію Авг. Алквиста) Л. Майковъ. 1877 г.

художественной стороны, народныя былины, лѣтописи и нѣкоторые старинные памятники повѣтствовательной литературы.

Первая болѣе крупная научная работа Л. Н. Майкова—его магистерская диссертація—была посвящена анализу русскаго былиннаго эпоса *). Трезвость взглядовъ и стремленіе къ точности въ выводахъ сразу сказались въ усвоенной авторомъ точкѣ зрѣнія: онъ уклонился отъ туманностей миѳологической теоріи и выступилъ поборникомъ историческаго взгляда на происхожденіе былинъ. Конечно, въ объясненіяхъ оказались пробѣлы, но нѣкоторые несомнѣнные результаты имъ были достигнуты, и хотя вопросъ былъ слишкомъ сложенъ, чтобы сразу рѣшить его, съ усвоенной авторомъ точкой зрѣнія продолжали и продолжаютъ считаться; даже именно за послѣднее время къ ней съ большимъ довѣріемъ обращаются. Быть можетъ, юный въ ту пору авторъ не взялъ вопроса въ достаточно широкой постановкѣ и это сознаніе удержало его отъ дальнѣйшихъ изысканій въ той же области. Онъ добровольно уступилъ мѣсто другимъ работникамъ, ожидая отъ нихъ большихъ результатовъ, при широкой разработкѣ эпоса на почвѣ историко-сравнительнаго изученія. Съ особымъ интересомъ слѣдилъ онъ за изслѣдованіями А. Н. Веселовскаго въ этой области, и вѣрилъ въ то, что его труды принесутъ не мало «откровеній», благодаря обширной начитанности г. Веселовскаго въ иностранныхъ литературахъ. Л. Н. Майковъ призналъ серьезное значеніе теоріи литературныхъ заимствованій и международный характеръ большинства эпическихъ преданій, которыя можно изучить только при помощи историко-сравнительнаго метода.

Послѣ ряда монографій о писателяхъ XVII и XVIII столѣтій (Симеонъ Полоцкій, Ломоносовъ, Василій Ив. Майковъ, Третьяковскій и друг.; часть этихъ статей вошла въ первый томъ «Очерковъ» Л. Н. Майкова, изд. 1889 г.), онъ, наконецъ, рѣшился подойти къ изученію болѣе близкой намъ эпохи и въ 1887 г. представилъ свой капитальный трудъ о Константинѣ Н. Батюшковѣ—«Его жизни и сочиненіяхъ», съ подробными примѣчаніями къ полному собранію его произведеній. Трудъ этотъ, въ которомъ справедливо признаютъ не простую біографію поэта, а широкую картину литературнаго развитія первой четверти нынѣшняго вѣка, служитъ показателемъ новаго направленія въ работахъ Л. Н. Майкова; но должно напомнить, что занятія новой литературой не вполнѣ отвлекали его отъ старины: въ 1890 и 1891 годахъ онъ издалъ отдѣльными выпусками—«Матерьялы и изслѣдованія по старинной русской литературѣ», при чемъ въ обработкѣ издаваемыхъ текстовъ выказывалъ такую тщательность отдѣлки, которая даже сухой и спеціальной монографіи придавала какой-то отпечатокъ подкупающей читателя гармонической стройности изложенія. При возможномъ несогласіи въ выводахъ,—столь неустойчивыхъ при всякой попыткѣ опредѣлить генеологію версій и редакцій анонимнаго сказанія, невольно любуешься шлифовкой мастера въ той оправѣ, которую онъ придалъ сюжету. Но главное вниманіе Л. Н. Майкова, послѣ изданія К. Батюшкова, все же было направлено на изученіе литературы XIX столѣтія: въ 1889 г. вышелъ его этюдъ о Крыловѣ. («Первые шаги Ив. А. Крылова на литературномъ поприщѣ»), затѣмъ стали появляться статьи, почти исключительно имѣвшія отношенія къ Пушкину и его времени.

Съ 1889 года все рельефнѣе выступаетъ у Леон. Ник. интересъ и къ тѣмъ литературнымъ вопросамъ, отъ которыхъ научно-филологическія разысканія его сперва отвлекли. Онъ принялся перечитывать произведенія своего брата Валерьяна, талантливаго, такъ рано скончавшагося критика. Леонидъ Николаевичъ едва могъ помнить его, ибо ему не было и десяти лѣтъ, когда Валерьянъ Николаевичъ утонулъ (въ іюлѣ 1847 г.). Принявшись чрезъ со-

---

*) «Былины Владимірова цикла». 1863 г.

рокъ съ лишнимъ лѣтъ за пересмотръ оставшихся статей послѣ смерти брата, Леонидъ Николаевичъ писалъ намъ: «занимаюсь я однимъ литературно-издательскимъ дѣломъ—печатаніемъ критическихъ статей моего покойнаго брата Валерьяна (изъ сороковыхъ годовъ); дѣло очень интересное и во многихъ отношеніяхъ и не безполезное для меня самого. Но объ этомъ было бы долго писать, чтобы объясниться вполнѣ ясно». Дѣйствительно, при такой работѣ подвергались пересмотру личные взгляды, мнѣнія и даже убѣжденія по цѣлому ряду вопросовъ, связанныхъ съ литературой, но имѣющихъ и болѣе общее значеніе. Позволимъ себѣ еще небольшую выписку изъ этого же письма, помѣченнаго 27-го марта 1889 г.: «озираясь на цѣлый годъ вашего отсутствія изъ Петербурга, я долженъ сказать, что замѣчаю въ себѣ и въ своихъ мысляхъ нѣкоторую перемѣну за это время; чувствую, что кое къ чему становлюсь равнодушнѣе, впрочемъ, кажется, не въ худомъ, а развѣ въ нѣсколько гордомъ смыслѣ; главное же—чувствую, что мысль моя становится самостоятельнѣе, или, по крайней мѣрѣ, независимѣе отъ чужихъ мнѣній и сужденій».

Человѣкъ прямой и цѣльный въ своихъ воззрѣніяхъ, Леонидъ Николаевичъ иногда высказывался довольно рѣзко и категорически о вещахъ и людяхъ, впрочемъ всегда готовый провѣрить выраженныя сужденія, чуткій къ голосу совѣсти и правды, охотно самъ сознававшійся въ поспѣшности того или другого высказаннаго имъ заключенія; онъ первый шелъ навстрѣчу тому мнѣнію, которое раньше оспаривалъ, если, обдумавши, признавалъ за нимъ нѣкоторыя основанія. Эта готовность подвергать провѣркѣ свои мнѣнія и внимательно относиться ко всякой ихъ критикѣ, терпимость къ чужимъ взглядамъ, если они представлялись вполнѣ искренними, была драгоцѣннымъ качествомъ въ Леон. Ник., свидѣтельствующимъ объ его чрезвычайной совѣстливости и любви къ правдѣ. Черта эта была въ немъ порою даже трогательна и вселяла полную увѣренность, что съ такимъ человѣкомъ всегда можно договориться. Въ послѣдніе годы его жизни болѣзненное состояніе, рѣзко наступившее за три года до смерти въ формѣ, осложненной разстройствомъ нервовъ, обусловило отчасти и то, что въ немъ порою проявлялась раздражительность и большая рѣзкость даже въ сужденіяхъ по вопросамъ спеціально-литературной критики и теоріи словесности, къ которой онъ издавна высказывалъ интересъ.

Мы выше указали, что въ его эстетическихъ воззрѣніяхъ сказывалось стремленіе къ нѣкоторой предрѣшенности оцѣнокъ по заранѣе установленному критерію—стремленіе, присущее въ особенности такъ называемой «академической» точкѣ зрѣнія. Прошлою осенью намъ пришлось съ нимъ бесѣдовать именно по вопросу о возможности фиксированія того, что принято называть «хорошимъ вкусомъ», установленія разъ навсегда принятыхъ формъ и выраженій, о смѣшеніи или даже отождествленіи формы и содержанія. За разговоромъ возникла переписка, причемъ Леонидъ Николаевичъ выставилъ положенія довольно категорически, и я напомнилъ ему, что онъ невольно возвращается къ класической доктринѣ французскихъ академиковъ XVII вѣка, опуская значеніе такъ называемыхъ переходныхъ эпохъ и тѣхъ выводовъ, къ которымъ именно привели за послѣднее время занятія этими подготовительными и переходными періодами, выводы, касающіеся отвлеченныхъ нормъ и критеріевъ ихъ установленія, ошибочно принимаемыхъ за аксіомы въ старину. Леонидъ Николаевичъ живо отозвался на наши возраженія, поспѣшилъ напомнить, что и онъ придаетъ весьма важное значеніе переходнымъ періодамъ, и въ заключеніи предоставилъ намъ печатно изложить свои возраженія, цитируя фразы изъ его его письма. Съ благодушной улыбкой сказалъ онъ по полученію очерка: «и вы правы, и я правъ, а все-таки я переборщилъ, а вы и уличили».

За послѣдніе годы Леонидъ Николаевичъ слѣдилъ съ интересомъ и за текущей литературой, не особенно, впрочемъ, восхищаясь ею. Онъ признавалъ

нѣсколько яркихъ талантовъ и между писателями средняго поколѣнія, но не далѣе какъ прошлой осенью сталъ перечитывать Тургенева и лаконически замѣтилъ: «захотѣлось освѣжиться у настоящаго художника слова. Страницами — Тургеневъ мой любимый писатель».

Личныя симпатичныя черты характера Леонида Ник., его гуманность и порою скрытая надъ внѣшними наслоеніями, но несомнѣнная доброта сердца, желаніе проявить наивозможную безпартійность въ сношеніяхъ съ людьми и безпристрастіе въ оцѣнкахъ, нашли себѣ особое примѣненіе, когда онъ былъ призванъ къ дѣятельности предсѣдателя и руководителя коммиссией при академіи наукъ для вспомоществованія нуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ. Благодарные отзывы объ его дѣятельности въ этомъ направленіи уже появились въ печати почти непосредственно за кончиной Л. Н. Майкова. «Для него не было никакихъ трафаретныхъ литературныхъ дѣятелей,—писалъ сотрудникъ «Сѣвернаго Курьера»,—ни либераловъ, ни консерваторовъ, ни радикаловъ, ни ретроградовъ: для него существовали только слѣды, оставленные въ литературѣ или наукѣ, и только по этимъ своимъ слѣдамъ писатель или его семья находили въ Майковѣ поддержку и опору». Это замѣчаніе вполнѣ справедливо и, свидѣтельствуя о личныхъ качествахъ «искренняго и вѣрнаго друга пишущей братіи», какъ выразился г. Я., подписавшій вышеупомянутую статью, оно оттѣняетъ то значеніе, которое Леонидъ Ник. придавалъ образованности въ самомъ широкомъ смыслѣ слова,—той образованности, къ которой онъ и самъ неуклонно стремился всю свою жизнь. «Одна наука не ведетъ къ добру,—соглашался и Л. Н. Майковъ, бесѣдуя по вопросу о взаимоотношеніи научной дѣятельности и личнаго міросозерцанія ученаго, параллельно спорамъ объ оцѣнкѣ того или другого писателя, какъ человѣка, и взаимоотношенія жизни и творчества,—но образованность нужна для всѣхъ. Безъ нея нѣтъ настоящей духовной жизни. И одинъ талантъ не выручаетъ. Посмотрите, до чего разносторонне было образованіе Пушкина и какая въ немъ была неумолчная пытливость мысли и жажда знанія. Если бы онъ не былъ геніемъ, то и какъ простой начетчикъ онъ привлекаетъ къ себѣ вниманіе съ точки зрѣнія исторіи русской образованности».

Посвятивъ себя всецѣло интересамъ духовной жизни, начетчикъ и другъ «книги», Леонидъ Ник. Майковъ, подобно гуманистамъ, высоко ставилъ *достоинство* человѣка и старался вникать во всѣ изгибы его внутренней жизни. Такимъ образомъ, нѣсколько исключительная приверженность къ книжной мудрости счастливо восполнялась въ немъ склонностью «наблюдать людей», такъ же какъ стремленіе къ академической законченности формы не заслоняло способности цѣнить многое по существу, независимо отъ формы, и быть во многихъ случаяхъ чуждымъ «трафаретной» предвзятости. Онъ былъ строгъ къ неряшливости въ работахъ, цѣнилъ качества выраженія наряду съ содержаніемъ, требовалъ, когда это отъ него зависило, законченной отдѣлки формы; но, отнюдь не считая себя непогрѣшимымъ судьей, старался согласовать свой вкусъ со вкусомъ просвѣщенной публики, ибо, какъ выразился И. А. Крыловъ въ письмѣ къ Соймонову, впервые изданному тѣмъ же Л. Н. Майковымъ: «въ томъ не можетъ никакой академикъ отпереться, чтобы онъ не былъ сей просвѣщенной публики членомъ».

Дорожа въ особенности, какъ мы видѣли, самостоятельностью и личной независимостью въ сужденіяхъ, онъ цѣнилъ эти свойства и въ другихъ и готовъ былъ оказать поддержку въ этомъ смыслѣ, когда представлялся случай. Обладая весьма несомнѣнными и крупными заслугами передъ русской исторической наукой въ разработкѣ памятниковъ отечественной литературы, Л. Н. Майковъ оставилъ по себѣ память добраго, просвѣщеннаго человѣка, искренняго друга и поборника образованности, которой онъ желалъ самое широкое распространеніе въ нашемъ обществѣ. Отзывчивый ко всѣмъ интересамъ умственной жизни, онъ былъ и

*

неустаннымъ труженикомъ, тѣмъ строже наблюдавшимъ за собой, что онъ шелъ самостоятельнымъ путемъ, съ вѣрой лишь въ то дѣло, которое облюбовалъ, и разсчитывая лишь на собственныя силы. Онъ охотно протягивалъ руку тому, кто стремился къ той же цѣли. Это былъ человѣкъ, на котораго не только можно было вполнѣ полагаться, въ случаѣ согласія съ вами, но и при разногласіи разсчитывать, что онъ прислушается къ голосу правды, дорожа искренностью другихъ, ибо самъ въ высокой мѣрѣ обладалъ этимъ свойствомъ,— человѣкъ прямой, совѣстливый и чистый сердцемъ, въ комъ теплилась свѣтлая вѣра въ знаніе, въ разумъ и въ человѣка, духовный міръ котораго онъ съ любовью изучалъ, хотя преимущественно, но не исключительно по книгамъ. Такіе люди рѣдки и оставляютъ по себѣ благодарную память.

Ѳ. Батюшковъ.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Къ вопросу о реорганизаціи земскаго представительства. «Русскія Вѣд.» сообщаютъ о проектахъ реорганизаціи земскаго представительства, обсуждавшихся на послѣднихъ земскихъ собраніяхъ Ярославской и Новгородской губ. Ярославская губернская управа представила подробный докладъ объ увеличеніи числа гласныхъ отъ владѣльцевъ-недворянъ и отъ крестьянскихъ обществъ. Изъ собранныхъ управой данныхъ оказывается, что въ среднемъ выводѣ по всей губерніи одинъ гласный отъ дворянъ приходится на 3.225 десятинъ земли и на 7.052 р. цѣнности другого имущества, земскій сборъ съ которыхъ составляетъ 664 р.; одинъ гласный отъ избирателей-недворянъ представляетъ уже 11.230 дес., 457.045 р. стоимости другихъ имуществъ и годовой платежъ въ 8.066 р.; наконецъ, на каждаго гласнаго отъ крестьянъ приходится 24.562 десятины, другого имущества на 24.562 р. и платежей 5.563 р. По отдѣльнымъ уѣздамъ неравномѣрность еще значительнѣе. Напр., въ Ярославскомъ уѣздѣ каждый гласный отъ перваго избирательнаго собранія (дворянъ) представляетъ сумму платежей всего въ 360 р., тогда какъ на гласнаго отъ второго собранія приходится 14.802 р.; по Мышкинскому уѣзду на гласнаго отъ дворянъ приходится 2.256 десят., обложенныхъ сборомъ въ 551 р., а на каждаго гласнаго отъ сельскихъ обществъ—44.737 десят. и 12.176 р. земскаго сбора; въ Мологскомъ уѣздѣ на одного гласнаго приходится по первому избирательному собранію 176 тысячъ цѣнности имущества, по второму избирательному собранію—271 тысяча, а у крестьянъ—785 тысячъ. Гласныхъ отъ крестьянъ по Ярославской губерніи назначено по росписанію 71 человѣкъ, а волостей въ губерніи—166, т.-е. бо̀льшая часть ихъ (именно 95) остается безъ представительства; а такъ какъ при этомъ частное землевладѣніе распредѣлено неравномѣрно и есть волости, гдѣ его нѣтъ совсѣмъ, то довольно значительныя мѣстности оказываются лишенными представителей. Такъ, въ Рыбинскомъ уѣздѣ десять волостей совершенно не представлены въ земскомъ собраніи.

Насколько при распредѣленіи числа гласныхъ отъ сословныхъ группъ мало принята во вниманіе численность каждой, видно изъ того, что во многихъ уѣздахъ Ярославской губерніи дворянство оказывается почти не въ состояніи выставить всего положеннаго числа гласныхъ. Такъ, напр., ростовская уѣздная управа, обсуждая недостаточность теперешняго состава земскаго собранія, указы-

ваетъ, что невозможно увеличить число гласныхъ отъ перваго избирательнаго собранія, такъ какъ «дворянъ въ уѣздѣ болѣе этого числа (теперь назначено 14 гласныхъ) нѣтъ». Въ Мологскомъ уѣздѣ назначено отъ перваго собранія 13 гласныхъ по росписанію, но такого числа никогда не избирается; на собраніе является такъ мало дворянъ, что выборы не производятся, прибывшіе признаются гласными, назначается вторичное собраніе, опять тѣ же результаты, и, въ концѣ концовъ, оказывается не больше 8—9 гласныхъ отъ дворянъ.

Подобныя же отношенія по сословнымъ группамъ между числомъ гласныхъ и размѣромъ представляемаго каждымъ имущества наблюдаются и въ Новгородской губерніи. Не входя въ подробности, приведемъ лишь цифры по губерніи: каждый гласный отъ дворянъ представляетъ по земской оцѣнкѣ доходность въ 2.752 р., гласный отъ недворянъ—въ 18.735 р., а гласный отъ крестьянъ—въ 43.453 р.

Ярославская управа, указывая на необходимость увеличенія числа гласныхъ отъ крестьянъ и отъ недворянъ, намѣчаетъ также возможность соединенія въ одну группу избирателей землевладѣльцевъ, безъ различія сословій. Въ докладѣ новгородской управы вопросъ рѣшается въ томъ же направленіи—упраздненія сословныхъ выборовъ, но ставится опредѣленнѣе и шире: управа проектируетъ раздѣленіе избирателей на четыре группы: 1) частные землевладѣльцы; 2) владѣльцы городскихъ имуществъ; 3) владѣльцы торгово-промышленныхъ предпріятій и 4) крестьянскія общества. Въ этомъ смыслѣ состоялось и постановленіе новгородскаго губернскаго земскаго собранія. Такимъ образомъ, ярославскій проектъ только допускаетъ мысль о частичномъ нарушеніи сословнаго характера земской избирательной системы, а новгородскій настаиваетъ прямо на его уничтоженіи. Въ общемъ постановка, какую даетъ дѣлу новгородское земство, близка къ тому порядку выборовъ, какой существовалъ по земскому положенію 1864 года: и тамъ были установлены группы избирателей, независимо отъ сословій,—землевладѣльцы, горожане и крестьяне, но выдѣленіе изъ состава землевладѣльцевъ въ особую группу торгово-промышленнаго класса, имѣющаго свои частные и притомъ отличные отъ землевладѣльческихъ интересы, составляетъ существенное улучшеніе, при условіи, конечно, равномѣрнаго распредѣленія представительства по группамъ.

«Русскія Вѣд.» замѣчаютъ по этому поводу: «мы остановились только на двухъ губерніяхъ, въ которыхъ интересующій насъ вопросъ недавно подвергался разработкѣ и обсужденію, но совершенно аналогичную постановку вопроса дѣлали земства и въ другихъ губерніяхъ. Согласно съ очень опредѣленными указаніями опыта, согласно съ многочисленными статистическими данными, земскія ходатайства совершенно правильно выдвинули два основныхъ пожеланія относительно преобразованія въ земской избирательной системѣ: уничтоженіе сословности и справедливое распредѣленіе представительства соразмѣрно дѣйствительному отношенію между разными слоями населенія и ихъ участію въ несеніи земскихъ тягостей. Не надо при этомъ забывать, что такія пожеланія идутъ отъ земскихъ собраній, образованныхъ на основаніи существующей выборной системы, т. е. являющихся по своему составу и de jure, и de facto по преимуществу дворянскими.

Изъ жизни нашихъ ученыхъ обществъ. «С.-Петер. Вѣд.» сообщаютъ, что Министръ Земледѣлія извѣстилъ президента Императорскаго вольнаго экономическаго Общества о томъ, что «по Всеподданнѣйшему докладу Министрами Земледѣлія и внутреннихъ дѣлъ, въ виду предуказанной Его Императорскимъ Величествомъ необходимости пересмотра устава Императорскаго вольнаго экономическаго Общества, Государю Императору благоугодно было Высочайше соизволить на безотлагательное приведеніе въ исполненіе нижеслѣдующихъ мѣръ: пріостановить доступъ въ засѣданія какъ общихъ собраній, такъ и всѣхъ от-

дѣленій и особыхъ коммиссій Императорскаго вольнаго экономическаго Общества постороннихъ посѣтителей. Предложить совѣту Общества заблаговременно, до разсылки членамъ Общества приглашеній въ засѣданія, сообщать Министру Земледѣлія и Государственныхъ имуществъ программы засѣданій и темы докладовъ въ общихъ собраніяхъ и въ собраніяхъ отдѣленій, не допуская чтенія и обсужденія такихъ докладовъ, которые будутъ признаны Министромъ неудобными. Открытіе въ Обществѣ особыхъ комитетовъ или спеціальныхъ коммиссій, а равно устройство съѣздовъ и командированіе какихъ-либо лицъ со спеціальными отъ Общества порученіями, разсылку всякаго рода программъ для собиранія какихъ-либо свѣдѣній и т. п. допускать не иначе, какъ съ предварительнаго разрѣшенія Министра Земледѣлія и Государственныхъ имуществъ. Образовать при Императорскомъ вольномъ экономическомъ Обществѣ особую временную коммиссію для пересмотра дѣйствующаго устава Общества и выработки проекта новаго устава. Предсѣдательство въ означенной въ предыдущемъ пунктѣ временной уставной коммиссіи возложить на старѣйшаго изъ пребывающихъ въ С.-Петербургѣ члена В. И. Вишнякова. Въ составъ временной уставной коммиссіи включить: президента и вице-президента Общества, предсѣдателей трехъ отдѣленій Общества, трехъ членовъ совѣта отъ общаго собранія, 8 членовъ по приглашенію Министра Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ изъ числа членовъ Общества. Предоставить предсѣдателю временной уставной коммиссіи приглашать къ участію въ ея трудахъ, съ правомъ совѣщательнаго голоса, всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя могутъ своими познаніями и опытностью оказать содѣйствіе коммиссіи къ выполненію возложенной на нее задачи, а равно назначить по своему выбору секретаря оной для веденія дѣлопроизводства. Поручить коммиссіи приступить къ пересмотру дѣйствующаго устава Общества и къ составленію проекта новаго устава съ такимъ разсчетомъ, чтобы эта работа могла быть закончена не позднѣе 1-го августа текущаго года. По выработкѣ коммиссіей проекта новаго устава, таковой вносится предсѣдателемъ временной коммиссіи въ Министерство Земледѣлія съ подробной къ нему мотивировкой. Выработанный коммиссіей проектъ новаго устава подлежитъ разсмотрѣнію въ Министерствѣ Земледѣлія по соглашенію съ Министерствомъ Внутреннихъ дѣлъ, и вносится Министромъ Земледѣлія на утвержденіе въ установленномъ порядкѣ съ такимъ разсчетомъ, чтобы введеніе его въ дѣйствіе могло послѣдовать до начала осеннихъ занятій Общества».

По словамъ московской газеты «Курьеръ», письмо Министра Земледѣлія, излагающее упомянутое Высочайшее повелѣніе, было доложено общему собранію, а также доложено было и постановленіе совѣта пріостановить, впредь до установленія нормальнаго порядка, всякую дѣятельность Общества въ тѣхъ частяхъ, въ которыхъ она подлежитъ, по временнымъ правиламъ, предварительному разрѣшенію Министерства, т.-е. образованіе новыхъ коммиссій, устройство съѣздовъ, разсылку программъ и чтеніе докладовъ.

Россійское Общество защиты женщинъ. Недавно основанное Общество защиты женщины, состоящее подъ покровительствомъ принцессы Евгеніи Максиміліановны Ольденбургской, намѣтило слѣдующую программу для своей дѣятельности:

Соотвѣтственно съ основными задачами Общества, заботы его направляются ближайшимъ образомъ на: 1) мѣры предупредительнаго характера съ цѣлью предохраненія дѣвушекъ и женщинъ отъ вовлеченія въ развратъ; 2) мѣры нравственнаго воздѣйствія на падшихъ женщинъ съ цѣлью возвращенія ихъ къ честной жизни и 3) мѣры объединенія дѣла защиты женщинъ.

Каждая изъ этихъ отраслей дѣятельности Общества распадается на отдѣльные виды.

I. Мѣры предупредительнаго характера выразятся: 1) въ заботахъ по обнаруженію и разслѣдованію положенія дѣвушекъ и женщинъ, которымъ можетъ угрожать опасность вовлеченія въ развратную жизнь, въ связи съ непосредственными мѣрами предупредительнаго воздѣйствія на нихъ; 2) въ предоставленіи имъ немедленно временнаго пріюта; 3) въ заботахъ по устройству ихъ дальнѣйшей судьбы путемъ предоставленія или пріисканія имъ постоянныхъ занятій и др. II. Мѣры воздѣйствія на падшихъ женщинъ: 1) въ розысканіи ихъ, обслѣдованіи ихъ положенія и мѣрахъ нравственнаго на нихъ вліянія и увѣщанія съ цѣлью вызвать въ нихъ стремленіе вернуться къ честной жизни; 2) въ предоставленіи имъ немедленно временнаго пріюта; 3) въ устройствѣ ихъ дальнѣйшей судьбы. III. Мѣры объединенія дѣла защиты женщинъ выразятся въ: 1) заботахъ объ устройствѣ въ разныхъ мѣстахъ отдѣленій Общества и содѣйствіи къ возникновенію самостоятельныхъ организацій (по примѣру московскаго общества улучшенія участи женщинъ); 2) въ постоянныхъ сношеніяхъ съ русскими и иностранными обществами защиты женщинъ съ цѣлью сосредоточенія данныхъ объ ихъ дѣятельности, установленія взаимодѣйствія между ними и пр.; 3) въ устройствѣ съѣздовъ дѣятелей по защитѣ женщинъ въ цѣляхъ уясненія наиболѣе раціональныхъ способовъ осуществленія относящихся къ этому дѣлу задачъ.

Исходя изъ признанія плодотворности начала раздѣленія труда, особенно въ такомъ сложномъ дѣлѣ комитетъ нашелъ необходимымъ образованіе особыхъ группъ или отдѣловъ для ближайшаго завѣдыванія тою или другою изъ намѣченныхъ отраслей. Отдѣламъ этимъ признано желательнымъ предоставить, при сохраненіи единства въ дѣятельности Общества, возможно широкую самостоятельность, какъ главное условіе жизнеспособности отдѣловъ, которое поможетъ имъ привлечь къ своей работѣ людей съ иниціативой, энергичныхъ и преданныхъ дѣлу.

Въ настоящее время уже организуются отдѣлы, имѣющіе своею задачею слѣдующія отрасли: 1) обнаруженіе и разслѣдованіе положенія дѣвушекъ и женщинъ, которымъ надлежитъ оказать защиту; 2) устройство предупредительныхъ пріютовъ и общежитій; 3) устройство временныхъ пріютовъ для проститутокъ, обнаружившихъ стремленіе вернуться къ честной жизни; 4) заботы о дальнѣйшей судьбѣ выходящихъ изъ пріютовъ обѣихъ категорій. Въ ближайшемъ будущемъ предположено образовать: отдѣлъ юридической помощи женщинамъ, сдѣлавшимися жертвами преступнаго вовлеченія въ развратъ, а также отдѣлъ литературный, на которомъ будутъ лежать заботы по устройству публичныхъ лекцій, изданію брошюръ и статей по вопросамъ, входящимъ въ задачи Общества.

Уже изъ этого краткаго перечня видно, что новое Общество широко понимаетъ свои задачи и не думаетъ ограничиваться довольно неблагодарнымъ и безплоднымъ дѣломъ «спасенія погибшихъ». Остается только пожелать, чтобы оно поскорѣе открыло свою дѣятельность, привлекло къ себѣ побольше живыхъ, общественныхъ элементовъ, и чтобы все намѣченное въ программѣ не осталось въ области благихъ намѣреній. Конечно, наивно было бы думать, что такого рода общества могутъ уничтожить проституцію, но, во всякомъ случаѣ, они могутъ смягчить много вопіющихъ злоупотребленій и предупредить много насилій надъ личностью падшихъ женщинъ. Въ Россіи, гдѣ огромное большинство падшихъ женщинъ даже безграмотны и въ силу этого уже совершенно беззащитны, гдѣ онѣ всецѣло находятся во власти своихъ «хозяевъ» и полиціи, такія общества, несомнѣнно, могутъ имѣть большое значеніе. Вотъ, напр., что сообщаютъ по этому поводу казанскія газеты: вѣсть объ открытіи въ Казани Общества защиты несчастныхъ женщинъ и его симпатичной дѣятельности путемъ особаго и обязательно сообщеннаго жертвамъ общественнаго темперамента

циркуляра мѣстнаго полицеймейстера проникла въ притоны разврата и зародила надежду на освобожденіе отъ ига позора у многихъ дѣвушекъ, волей роковыхъ обстоятельствъ очутившихся въ притонахъ. Циркуляръ о дѣятельности Общества, несмотря на принимаемыя мѣры со стороны хозяевъ веселыхъ домовъ, старающихся всячески уронить въ глазахъ дѣвушекъ Общество защиты несчастныхъ женщинъ, вызвали среди обитательницъ притоновъ броженіе и желаніе вырваться изъ рукъ эксплуататоровъ и вступить, при помощи общества, на путь честной, трудовой жизни. Въ результатѣ, за нѣсколько дней было уже нѣсколько случаевъ бѣгства дѣвушекъ изъ непристойныхъ домовъ. 27 апрѣля изъ такого дома, попросившись гулять, ушли двѣ дѣвушки, всю ночь подъ дождемъ искавшія Общество и, наконецъ, утромъ явившіяся въ 3-ю полицейскую часть, гдѣ имъ и былъ указанъ адресъ предсѣдателя, который пріютилъ несчастныхъ дѣвушекъ подъ крыло Общества. Въ слѣдующую ночь тоже тайкомъ ушла изъ веселаго дома еще одна дѣвушка, желающая зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба честнымъ трудомъ».

Новому Обществу придется также обратить вниманіе на «торговлю бѣлыми рабынями», которая, какъ выяснилось на прошлогоднемъ конгрессѣ въ Лондонѣ, посвященномъ этому вопросу, въ такихъ широкихъ размѣрахъ практикуется въ нашемъ отечествѣ. Недавно еще въ газетахъ появилось слѣдующее извѣстіе: торговцы «живымъ товаромъ» не упустили случая воспользоваться парижской выставкою, какъ средствомъ привлеченія неопытныхъ дѣвушекъ въ свои сѣти. По словамъ «Польскаго Курьера», въ Варшавѣ и провинціи появилось въ послѣднее время много агентовъ, которые уговариваютъ молодыхъ дѣвушекъ ѣхать съ ними на Парижскую выставку, обѣщая мѣста буфетчицъ, кассиршъ и т. п. съ хорошимъ вознагражденіемъ.

Если дѣвушки отговариваются незнаніемъ французскаго языка, то агенты объясняютъ, что знать его совсѣмъ и не надо; достаточно быть полькою и притомъ хорошенькой, чтобъ получить выгодное мѣсто. Агенты охотно даютъ дѣвушкамъ задатки, совѣтуя поскорѣе употребить деньги на покупку разныхъ вещей. Цѣль всѣхъ этихъ манипуляцій слишкомъ ясна, чтобъ требовать комментаріевъ. Къ сожалѣнію, этого не понимаютъ дѣвушки, на которыхъ обѣщанія и задатки агентовъ дѣйствуютъ ошеломляющимъ образомъ, и онѣ охотно поддаются уговорамъ ловкихъ агентовъ, не предугадывая послѣдствій, какія ждутъ ихъ съ переѣздомъ русской границы.

Убійство корреспондента. Въ Тираспольѣ слушалось недавно дѣло объ убійствѣ В. Сосновскаго, корреспондировавшаго изъ своего мѣста жительства, села Катаржино, въ разныя газеты, причемъ на судѣ не вполнѣ выяснилось, было ли это дѣйствительно предумышленное убійство, или же первоначально имѣлось въ виду обычное въ разныхъ глухихъ углахъ «битіе корреспондента», и убійство произошло потому, что дѣйствующія лица въ пьяномъ видѣ проявили излишнее усердіе. Какъ сообщаетъ «Одесскій Лист.», дѣло происходило такъ: Владиміръ Сосновскій, человѣкъ около 50 л., со среднимъ образованіемъ, состоявшій въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ нотаріусомъ кишеневскаго окружного суда, но, вслѣдствіе пристрастія къ вину, оставившій эту должность весной 1899 г., поселился въ с. Катаржино, населенномъ преимущественно болгарами, у своего родственника Л. Мерца. Отъ природы скромный, мягкій и добрый, но любившій выпить, притомъ пьянѣвшій очень скоро, Сосновскій, какъ не обладавшій никакими средствами, сталъ заниматься уроками, писаніемъ крестьянамъ прошеній и отчасти литературой. 28 іюля 1899 г. Сосновскій помѣстилъ въ «Нов. Телеграфѣ» статью, въ которой весьма нелестно отозвался о мѣстномъ обществѣ—болгарахъ и ихъ старшинѣ Иванѣ Райчевѣ. Онъ, между прочимъ, написалъ: «переселенцы-болгары, строго всегда избѣгавшіе браковъ съ

жителями окружающихъ ихъ великоросовъ и малоросовъ, сохранили въ полной чистотѣ не только типическія черты своей наружности, но и всѣ психическія свойства своего національнаго характера, а именно: хитрость, наклонность къ смутамъ и интригамъ и всегдашнюю готовность утопить ближняго въ ложкѣ воды. Нынѣшній волостной старшина Райчевъ, человѣкъ слабый и безхарактерный, ходитъ на помочахъ у своего неразлучнаго alter ego Каленика». Статья эта произвела въ селѣ сильное впечатлѣніе и вызвала негодованіе среди болгаръ противъ Сосновскаго. Насколько сильно было это негодованіе, видно изъ второй статьи Сосновскаго, помѣщенной въ томъ же «Нов. Телеграфѣ» отъ 7 сентября 1899 г., гдѣ онъ, между прочимъ, писалъ: «корреспонденція моя произвела огромную сенсацію среди населенія «маленькой Болгаріи», причемъ лучшіе люди отнеслись ко мнѣ съ полнымъ сочувствіемъ, но старшина Р., руководимый К. П., сталъ пропагандировать среди населенія о моей зловредности и даже пытался собрать мірской сходъ съ цѣлью выселить меня изъ с. Катаржино. Когда это намѣреніе имъ не удалось привести въ исполненіе, то на меня стали устраивать засады, и я, только благодаря счастливой случайности, избѣгнулъ опасности быть избитымъ, а можетъ быть и совсѣмъ убитымъ».

27-го августа, около 6 часовъ вечера, Сосновскій пришелъ въ мѣстную винную лавку, гдѣ, выпивъ на 7 коп. водки, сталъ собираться домой. Въ это время, однако, къ лавкѣ подошелъ мѣстный поселянинъ Григорій Кирилловъ, который, уговоривъ Сосновскаго остаться, потребовалъ водки и вмѣстѣ съ нимъ и подошедшими поселяниномъ Иваномъ Шагліемъ и крестьяниномъ Сав. Карпущенко, стали таковую выпивать. За Кирилловымъ потребовалъ водки Шаглій. Сосновскій опьянѣлъ. Около 8 ч. вечера начали расходиться. Первый ушелъ Шаглій, за нимъ Карпущенко и, наконецъ, пьяный Сосновскій вмѣстѣ съ Кирилловымъ, который взялся его провожать. Въ тотъ же вечеръ, черезъ часъ послѣ ухода Сосновскаго, къ сидѣльцу винной лавки Даракову прибѣжалъ блѣдный, перепуганный и страшный Шаглій и дрожащимъ голосомъ сказалъ: «Мы уже справились, намъ Райчевъ далъ рубль» и вслѣдъ за нимъ съ окровавленной палкой въ рукѣ, толщиною въ человѣческую руку, вбѣжалъ Кирилловъ и, обращаясь къ Шаглію, сказалъ: «Хорошъ товарищъ, взялъ у Райчева рубль, стукнулъ разъ да и убѣжалъ, а вотъ теперь посмотри, какъ я его отдѣлалъ». Дараковъ перепугался и обоихъ вытолкнулъ за двери. На слѣдующее же утро въ глухомъ переулкѣ былъ найденъ изуродованный трупъ Сосновскаго. Привлеченные къ слѣдствію, въ качествѣ обвиняемыхъ, Кирилловъ и Шаглій, не признавая себя виновными въ предумышленномъ убійствѣ Сосновскаго, объяснили, что послѣ общей выпивки они оставили Сосновскаго возлѣ «монополіи» и не знаютъ, что съ нимъ затѣмъ случилось. Вслѣдъ затѣмъ, однако, они измѣнили свое показаніе, объяснивъ, что они дѣйствительно убили Сосновскаго по просьбѣ и подговору катаржинскаго волостного старшины Ивана Райчева. 27 го августа, когда они находились возлѣ лавки винной монополіи, туда подошелъ Райчевъ и, не замѣченный Сосновскимъ, вызвалъ каждаго изъ нихъ въ отдѣльности къ себѣ и наединѣ сказалъ: «Я убитый человѣкъ, онъ, т.-е. Сосновскій, убилъ меня, осрамилъ на весь свѣтъ, такъ что мнѣ стыдно на улицѣ показаться; дайте ему такъ, чтобы я его не видѣлъ», причемъ передалъ каждому изъ нихъ по полтиннику на угощеніе. Вслѣдствіе сего, они, угостивъ Сосновскаго водкой, взялись проводить его домой и дорогой, въ глухомъ переулкѣ, нанесли ему нѣсколько ударовъ: Шаглій кулакомъ, а Кирилловъ камнемъ, отъ которыхъ Сосновскій и умеръ. Независимо отъ сего, слѣдствіемъ было установлено, что Райчевъ, возмущенный корреспонденціями Сосновскаго, 27-го августа, днемъ, нѣсколько разъ видѣлся съ Кирилловымъ, велъ съ нимъ наединѣ какіе-то переговоры, а затѣмъ вечеромъ того же дня былъ возлѣ лавки монополіи и опять наединѣ бесѣдовалъ поочереди съ Шагліемъ и

Кирилловымъ, а вечеромъ, часовъ около десяти, уже послѣ убійства Сосновскаго, уѣхалъ изъ деревни въ степь къ косарямъ и весь день 28 августа, вопреки своему обыкновенію, не былъ на службѣ въ волости, а разъѣзжалъ. Привлеченный въ виду этихъ данныхъ къ слѣдствію, въ качествѣ обвиняемаго въ подстрекательствѣ къ убійству В. Сосновскаго, Иванъ Райчевъ, не признавая себя виновнымъ, объяснилъ, что, хотя статьи Сосновскаго и оскорбили все катаржинское общество, но онъ лично простилъ его и никакой злобы къ нему не питалъ; что 27 августа, вечеромъ, возвращаясь изъ волостного правленія домой, онъ остановился возлѣ лавки винной монополіи и послалъ десятскаго Грекова купить для дома полкварты водки, что тотъ и исполнилъ. Въ это время онъ ни съ кѣмъ не разговаривалъ и, получивъ водку, отправился домой, а ночью поѣхалъ въ степь къ косарямъ. Объясненіе это, однако, находится въ противорѣчіи со всѣми обстоятельствами дѣла.

Корреспондентъ «Сына Отеч.» сообщаетъ слѣдующія подробности о судѣ: Двое подсудимыхъ—Кирилловъ и Шаглій, признали себя виновными. При этомъ Кирилловъ объяснилъ, что волостной старшина Райчевъ поилъ его водкой и уговорилъ, когда онъ напился, избить Сосновскаго: „Онъ обмерзилъ меня въ вѣстникахъ, дайте ему хорошенько", говорилъ онъ. Шаглій объяснилъ, что Райчевъ предложилъ ему найти молодцовъ для избіенія Сосновскаго, а Кирилловъ поднесъ ему купленной Райчевымъ водки, Райчевъ просилъ „дать" Сосновскому; онъ, Шаглій, только „пхнулъ" Сосновскаго и убѣжалъ. Потомъ Кирилловъ ему сказалъ: „ты, товарищъ, его только толкнулъ, а я его прикончилъ". Райчевъ не призналъ себя виновнымъ, сказавъ, что не имѣлъ основанія быть недовольнымъ Сосновскимъ. „Для меня было счастьемъ, что онъ писалъ обо мнѣ въ газетѣ", сказалъ онъ. Цѣлый рядъ свидѣтелей, однако, опровергнулъ эти слова. Это „счастье" волновало Райчева, онъ былъ удрученъ, какъ показалъ свидѣтель Нейманъ, и говорилъ: „вотъ пошли непріятности — и служебныя и такія: пріѣхалъ человѣкъ и сталъ описывать въ газетахъ". Волостной писарь показалъ, что Райчевъ совѣтовался съ нимъ, просить-ли земскаго начальника относительно высылки Сосновскаго изъ Катаржина.

Третій свидѣтель показалъ, что при встрѣчѣ съ Сосновскимъ, Райчевъ сказалъ ему:

— Чего вы на меня нападаете? чего пишете въ газетѣ?

— Я не на васъ нападаю,—отвѣтилъ Сосновскій,—а на ваши дѣла.

— Вы лучше перестаньте, а то я васъ выселю.

— Вы не имѣете права. Я дворянинъ. А если и вышлете, то я изъ другого села буду писать, вы меня этимъ не заставите молчать.

Тогда начались угрозы иного характера. Служащій родственника Сосновскаго, Мерца, сообщилъ ему, что на базарѣ Райчевъ ему сказалъ: „черезъ три дня Катаржино очистится отъ корреспондента". Одинъ изъ свидѣтелей слышалъ въ цирюльнѣ разговоръ на болгарскомъ языкѣ между Кирилловымъ и другимъ лицомъ:

— Сосновскаго надо убить.

— За что?

— Онъ не хорошій человѣкъ. Онъ въ газетахъ пишетъ. Такой человѣкъ намъ не нуженъ.

— Да,- согласился второй.

Свидѣтель Чабалды, катаржинскій священникъ, далъ лестную характеристику покойному Сосновскому, сказавъ, что онъ писалъ въ „Недѣлю" и въ „Новор. Тел.". Онъ относился къ газетной работѣ серьезно, полагая, что принесетъ ею населенію пользу. Онъ не преувеличивалъ въ своихъ сообщеніяхъ и одно только было не точно въ его сообщеніи: Сосновскій назвалъ катаржинскихъ болгаръ недальновидными. Не было никакого другого мотива для

убійства, кромѣ мести. А мстить могъ ему одинъ Райчевъ, который былъ недоволенъ Сосновскимъ.

Свидѣтель Майковъ показалъ, что Райчевъ, какъ старшина, вытребовалъ его этапнымъ порядкомъ изъ Дагестанской области за жалобу, посланную губернатору, относительно несвоевременной высылки паспорта. Это характеризуетъ мстительность Райчева.

Товарищъ прокурора доказывалъ, что въ данномъ случаѣ былъ умышленный подговоръ Райчевымъ Кириллова и Шаглія на убійство. Подговорить бить — умный Райчевъ не могъ, ибо онъ понималъ, что послѣ этого Сосновскій станетъ еще больше писать противъ него. Отъ Сосновскаго надо было навсегда отдѣлаться, тѣмъ болѣе, что онъ грозилъ писать и изъ другихъ мѣстъ. Защитникъ Райчева, прис. пов. Петровскій, отмѣтилъ, что Сосновскій огульно оскорбилъ въ корреспонденціи цѣлую націю и имъ могъ быть недоволенъ всякій принадлежащій къ этой послѣдней. Защитникъ Шаглія, прис. пов. Пергаментъ, находилъ, что Сосновскаго шли бить, какъ обыкновенно бьютъ корреспондента, когда хотятъ отъ него отдѣлаться, и убійство было случайное. Кирилловъ, не имѣвшій защитника, сказалъ, что старшина поилъ его и, напоивъ, далъ полтинникъ и подговорилъ на преступленіе.

— Я самъ себя не чувствовалъ тогда. Будь я трезвъ, я бы и 50 тысячъ не взялъ. Я Сосновскаго не зналъ, злобы къ нему не имѣлъ и никогда никого до этого несчастія не обидѣлъ.

На разрѣшеніе присяжныхъ было поставлено 4 вопроса о виновности и на всѣ вопросы присяжные отвѣтили утвердительно, даровавъ снисхожденіе двумъ подсудимымъ, Шаглію и Кириллову.

Въ 11 час. ночи, 21-го апрѣля, объявлена была резолюція, коей приговорены, по лишеніи всѣхъ правъ, въ каторжныя работы: Райчевъ на 12 лѣтъ, Кирилловъ и Шаглій на 10 лѣтъ.

Рабочіе на нефтяныхъ заводахъ и промыслахъ. «Рус. Вѣд.» заимствуютъ изъ журнала «Нефтяное дѣло» слѣдующія интересныя выдержки изъ доклада Р. Е. Старцева въ коммиссіи по разработкѣ вопроса объ обезпеченіи пострадавшихъ рабочихъ. Предметомъ доклада служитъ бытъ рабочихъ и служащихъ на нефтяныхъ промыслахъ и заводахъ, изображаемый г. Старцевымъ по даннымъ, собраннымъ при помощи переписи и опроса самихъ рабочихъ. Перепись производилась по особымъ карточкамъ, въ которыя заносились: должность, возрастъ, подданство, національность, заработная плата, грамотность, продолжительность службы на промыслахъ и семейное положеніе опрошенныхъ рабочихъ, съ обозначеніемъ возраста членовъ ихъ семей. Всего было занесено на карточки 18.875 рабочихъ и служащихъ на промыслахъ и въ мастерскихъ балахано-субунчинской площади, т.-е. почти 85% рабочаго населенія на нефтяныхъ промыслахъ и заводахъ. Какъ видно изъ приведенныхъ выше вопросовъ, по которымъ собирались данныя, перепись коснулась наиболѣе существенныхъ сторонъ жизни промысловаго рабочаго и доставила такимъ образомъ весьма любопытный матеріалъ, о значеніи котораго можно судить по приводимымъ ниже выдержкамъ.

Самое важное значеніе для характеристики быта рабочаго населенія имѣетъ заработная плата, о которой мы находимъ въ докладѣ слѣдующія данныя. Въ общемъ средній годовой заработокъ рабочаго на нефтяныхъ промыслахъ равняется 268-ми рублямъ. Эта цифра нѣсколько превышаетъ средній заработокъ рабочихъ въ фабрично-заводскихъ производствахъ; но для того, чтобы судить о дѣйствительномъ вознагражденіи труда, необходимо принять во вниманіе и продолжительность работы, т.-е. число рабочихъ дней въ году и рабочихъ часовъ въ сутки. Если принять въ разсчетъ эти условія, то окажется, что на

промыслахъ рабочій часъ цѣнится въ 4,6 коп., а въ Московской губерніи—въ 5,07 коп. Такимъ образомъ, промысловый рабочій вознаграждается хуже московскаго; но для того, чтобы судить о томъ, какъ низко оплачивается трудъ того и другого нужно имѣть въ виду, что въ Англіи стоимость рабочаго часа составляетъ 19,45 коп., а въ Соединенныхъ Штатахъ—25,60 коп. При этомъ большинство продуктовъ на промыслахъ дороже, чѣмъ въ Москвѣ, и въ Москвѣ дороже, чѣмъ въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ. Такъ, напримѣръ, фунтъ муки стоитъ: на промыслахъ—4 коп., въ Москвѣ—6 коп., въ Англіи—3,3 к., въ Соединенныхъ Штатахъ—4,2 к. Соотвѣтственныя цифры для говядины таковы: 14 к., 12 к., 17 к., 9,2 к.; для картофеля—5 к., 0,7 к., 1,7 к., 1,29 к.; для коров. масла—50 к., 35 к., 40 к., 37 к.; для сахара—20 к, 20 к., 9 к., 11 к.; для мыла простого — 14 к., 10 к., 6 к, 9 к. По этому поводу г. Старцевъ замѣчаетъ: «Уже изъ этой таблицы можно видѣть, насколько у насъ дороже предметы потребленія по сравненію не только съ Московской губерніей, но даже съ Англіей и Америкой, про дороговизну жизни въ которыхъ такъ часто и много приходится всегда слышать. Помимо этого, необходимо имѣть въ виду, что всѣ продукты фабрично заводской промышленности (одежда, обувь, посуда, мебель и пр.) и за границей, и въ Москвѣ значительно дешевле, чѣмъ у насъ, не говоря уже о лучшемъ качествѣ и большей прочности. Добавьте затѣмъ къ приведенной таблицѣ баснословныя цѣны на баранину, на овощи, на сыръ, и станетъ очевиднымъ, что нашъ (промысловый) рабочій не можетъ питаться бараниной. платя за фунтъ ея по 30 к., не можетъ пользоваться часто и любимымъ рисомъ, фунтъ котораго обходится въ 15 к.». Изслѣдованіе возрастнаго состава рабочаго населенія на нефтяныхъ промыслахъ и заводахъ привело къ тому выводу, что наибольшее число рабочихъ, именно 52,2%, въ возрастѣ отъ 20-ти до 30-ти лѣтъ; въ возрастѣ же до 40 л. насчитывается 18,8%, а выше — всего только 5,1%. «Куда же, спрашивается,—замѣчаетъ докладчикъ,—дѣваются промысловые рабочіе по достиженіи ими сорока лѣтъ? Категорически отвѣтить на этотъ вопросъ не берусь, но во всякомъ случаѣ достовѣрно одно: покидаютъ они промысла не для того, чтобы отдыхать на родинѣ, вкушая отъ плодовъ своего промысловаго труда на сдѣланныя сбереженія». Изъ свѣдѣній «о заработной платѣ ясно видно, что ни о какихъ сбереженіяхъ у промысловаго рабочаго не можетъ быть и рѣчи. Зная же условія жизни и труда на нашихъ промыслахъ, съ извѣстной вѣроятностью можно такъ отвѣтить на поставленный выше вопросъ: съ каждымъ годомъ организмъ промысловаго рабочаго изнашивается все сильнѣе, и къ сорока годамъ онъ превращается въ большинствѣ случаевъ въ инвалида, неспособнаго, отъ преждевременной старости и болѣзней, къ производительному труду. Уходитъ онъ на родину не по доброй волѣ и гонитъ его туда не поэтическая тоска по ней, а тяжелая, глубоко прозаическая необходимость».

Отмѣтимъ, наконецъ, данныя, сообщаемыя докладчикомъ по вопросу о вліяніи грамотности на продуктивность труда, о степени которой въ данномъ случаѣ заключаютъ по высотѣ заработка. Общій выводъ изъ приведенныхъ данныхъ сводится къ тому, что «какую бы категорію рабочихъ мы ни взяли — будь то простыя чернорабочіе, или же машинисты, мастеровые и помощники буровыхъ мастеровъ, безразлично, всюду замѣчаемъ, за рѣдкими исключеніями, одно и то же: грамотные получаютъ больше неграмотныхъ».

Открытіе женскихъ сельскохозяйственныхъ курсовъ въ Москвѣ. 4 го мая въ Москвѣ открылись первые женскіе сельскохозяйственные курсы. Помѣщеніе для курсовъ и общежитіе курсистокъ находятся въ Петровско-Разумовскомъ. Подъ помѣщеніе курсовъ отведены два просторныхъ дачныхъ дома. Въ

общежитіи помѣщается 36 курсистокъ. Всѣхъ курсистокъ 48, принятыхъ изъ 108 кандидатокъ. Большинство получило среднее образованіе. Возрастъ курсистокъ колеблется отъ 17 до 54 лѣтъ. Средства курсовъ составляются изъ 3.000 р., отпускаемыхъ министерствомъ земледѣлія, и 1.000 руб., отпускаемыхъ обществомъ для содѣйствія женскому сельскохозяйственному образованію. Живущія въ общежитіи платятъ за полное содержаніе по 25 руб. въ мѣсяцъ и за слушаніе курсовъ единовременно 25 руб. Желая придти на помощь курсамъ, нѣкоторые преподаватели и завѣдующая общежитіемъ отказались отъ положеннаго имъ вознагражденія. Практическія занятія курсистокъ будутъ происходить на полѣ, въ лѣсу и въ саду сельскохозяйственнаго института, на Бутырскомъ хуторѣ и въ питомникѣ Шнейдера. При общежитіи устраивается метеорологическая станція второго разряда. На открытіи курсовъ пр. Стебутъ, который въ теченіе многихъ лѣтъ дѣятельно пропагандировалъ идею женскаго сельскохозяйственнаго образованія и можетъ быть названъ настоящимъ иниціаторомъ этихъ курсовъ, обратился къ присутствующимъ съ рѣчью, познакомившей собравшихся съ исторіей учрежденія курсовъ, въ которой не мало эпизодовъ, свидѣтельствующихъ о трудности провести въ жизнь новое необходимое дѣло и о всепобѣдимости энергіи и твердаго убѣжденія въ необходимости дѣла. Подѣлился И. А. Стебутъ съ тѣми тревогами, которыя переживаетъ онъ и преподавательскій персоналъ курсовъ на первыхъ порахъ существованія курсовъ, выразилъ надежду, что и курсистки, и преподаватели сдѣлаютъ все, чтобы вѣра въ новое дѣло оправдалась. Изъ привѣтственныхъ телеграммъ, полученныхъ въ день открытія, отмѣтимъ слѣдующія двѣ: отъ студентовъ Московскаго сельскохозяйственнаго института: «Привѣтствуемъ открытіе первыхъ въ Россіи женскихъ сельскохозяйственныхъ курсовъ. Отъ души желаемъ, чтобы они положили начало прочному женскому сельскохозяйственному образованію. Вѣримъ, что эта первая попытка не останется единственной и русская женщина, наконецъ, получитъ возможность пополнить пробѣлъ, который до сихъ поръ имѣется въ ея образованіи. Вѣримъ, что русская деревня въ ихъ лицѣ получитъ хорошихъ работницъ и въ области сельскаго хозяйства. Группа студентовъ Московскаго сельскохозяйственнаго института». Отъ студентовъ-агрономовъ Рижскаго политехникума: Студенты-агрономы Рижскаго политехникума, привѣтствуя открытіе женскихъ сельскохозяйственныхъ курсовъ, шлютъ добрыя пожеланія своимъ коллегамъ на вновь завоеванномъ пути-на которомъ онѣ, безъ сомнѣнія, достигнутъ почетнаго положенія, подобно женщинѣ, поборовшей предразсудокъ на открывшейся ей ранѣе аренѣ дѣятельности. Группа 25 оканчивающихъ студентовъ».

Окраинныя юридическія консультаціи въ Петербургѣ. «Сѣв. Кур.» сообщаетъ интересныя свѣдѣнія о дѣятельности юридическихъ консультацій на окраинахъ Петербурга, организованныхъ помощниками присяжныхъ повѣренныхъ. Въ настоящее время ихъ открыто въ Петербургѣ двѣ: одна на Шлиссельбургскомъ трактѣ, другая на Васильевскомъ островѣ, при чемъ эта послѣдняя начала функціонировать только съ 1 апрѣля текущаго года.

Несомнѣнно, что обѣимъ этимъ консультаціямъ предстоитъ блестящая будущность, въ особенности, если принимать во вниманіе не заработокъ консультантовъ, а ту пользу, которую они могутъ принести населенію. Окраины Петербурга заселены главнымъ образомъ фабрично-заводскими рабочими и ремесленниками мелкихъ ремесленныхъ заведеній. Случаи увѣчья на работѣ—достаточно частые, къ сожалѣнію, на нашихъ фабрикахъ и заводахъ,—разсчеты съ хозяевами, не порванныя еще въ конецъ отношенія съ деревней, которыя иногда очень больно даютъ себя чувствовать—все это заставляетъ идти рабочаго и ремесленника къ адвокату. И вотъ онъ встрѣчаетъ вблизи камеры ми-

рового судьи громадную вывѣску «повѣреннаго по судебнымъ дѣламъ» или по простотѣ душевной ввѣряетъ свое дѣло подпольному ходатаю въ трактирѣ. Результаты хожденій по дѣлу такихъ адвокатовъ слишкомъ извѣстны, чтобы распространяться о нихъ здѣсь и мы горячо радовались, когда изъ отчета завѣдующаго консультаціей на Шлиссельбургскомъ трактѣ узнали, что за четыре съ половиной мѣсяца консультація вырвала изъ рукъ подпольныхъ адвокатовъ 360 кліентовъ, всѣхъ же совѣтовъ (съ повторными посѣтителями) было дано 473. Изъ отчета видно, что изъ судебныхъ дѣлъ были «почти исключительно — дѣла увѣчныхъ, земельныя, разсчетныя и мелкія уголовныя»; среди административныхъ—«паспортныя, податныя, по воинской повинности, приписка къ обществу крестьянъ и къ семьѣ (усыновленіе). Такого именно характера дѣлъ и слѣдовало ожидать въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ открыта консультація, услугами которой, очевидно, воспользовалось, главнымъ образомъ, фабрично-заводское населеніе. Нельзя при этомъ не отмѣтить, что въ своемъ стремленіи облегчить возможно большій доступъ для публики въ консультацію, участники ея и пріемные часы назначили въ будніе дни отъ 4—9 часовъ вечера, а по воскресеньямъ отъ 1—3 часовъ дня, такъ какъ въ эти часы большинство рабочихъ свободны отъ занятій.

Другой видъ юридической помощи малоимущему населенію, организованный также помощниками присяжныхъ повѣренныхъ г. С.-Петербурга, заключается въ даровыхъ защитахъ на выѣздныхъ сессіяхъ уголовныхъ отдѣленій с.-петербургскаго окружного суда. Если «окраинныя» консультаціи есть дѣло нѣсколькихъ добровольцевъ изъ среды с.-петербургскихъ помощниковъ, то защита на выѣздныхъ сессіяхъ есть дѣло всѣхъ помощниковъ С.-Петербурга. Каждый поступающій въ число помощниковъ обязывается, когда дойдетъ до него очередь, ѣхать въ тотъ или иной уѣздный городъ С.-Петербургской губерніи и защищать по назначенію коммиссіи. Ѣдущій получаетъ изъ средствъ помощниковъ прогоны и содержаніе, отъ которыхъ не вправѣ отказываться, равно какъ и получать какой-либо гонораръ съ защищаемаго имъ кліента. Въ 1899 году помощники присяжныхъ повѣренныхъ участвовали въ 197 уголовныхъ защитахъ, при чемъ цифра эта является неточною, въ виду того, что далеко не всѣ командированные на защиты доставили коммиссіи отчеты. Изъ юридическаго календаря видно, что въ большинствѣ уѣздныхъ городовъ С.-Петербургской губерніи не только нѣтъ представителей присяжной адвокатуры, но нѣтъ даже и частныхъ повѣренныхъ. Поэтому подсудимымъ прямо-таки не къ кому обратиться за защитой и они принуждены защищаться сами. Такимъ образомъ, здѣсь дѣятельность помощниковъ является лишь отчасти конкурирующей съ подпольной адвокатурой, въ большинствѣ же случаевъ она заполняетъ пустое мѣсто. Между тѣмъ роль защитника при нашемъ состязательномъ уголовномъ процессѣ настолько важна и существенна, настолько содѣйствуетъ всестороннему разъясненію дѣла, что развѣ одни адепты «Моск. Вѣд.» могутъ усомниться въ той громадной пользѣ, которую приноситъ петербургская адвокатура дѣлу правосудія, безвозмездно участвуя въ качествѣ защитниковъ на выѣздныхъ сессіяхъ суда.

Картина кустарнаго производства въ селѣ Черкизовѣ, Московскаго уѣзда.

(Личныя наблюденія).

Въ іюнѣ 1899 года мнѣ удалось собрать небольшой матеріалъ о положеніи кустарнаго производства въ подмосковномъ селѣ Черкизовѣ, но и этотъ мате-

ріалъ я собралъ съ большимъ трудомъ: нѣкоторые изъ крупныхъ кустарей-предпринимателей крайне неохотно давали свѣдѣнія и лгали немилосерднымъ образомъ, когда рѣчь заходила о заработной платѣ живущихъ у нихъ рабочихъ, о пищѣ, которою пользуются эти рабочіе, о жилыхъ помѣщеніяхъ, предназначенныхъ для послѣднихъ; выручали работники или нѣкоторые изъ черкизовскихъ обывателей, хорошо знающіе бытъ кустарей. Собирая въ селѣ Черкизовѣ матеріалъ о положеніи кустарной промышленности, которая въ этомъ селѣ имѣетъ форму домашняго производства, я главнымъ образомъ интересовался картиной ткацкаго кустарнаго производства и положеніемъ мотальщицъ (женщинъ, взрослыхъ дѣвушекъ и дѣвушекъ-подростковъ) бумаги и шелка, и потому интересовался ткачами и мотальщицами, что большій контингентъ кустарей, занятыхъ въ кустарномъ производствѣ села Черкизова, — или ткачи, или мотальщицы.

Въ селѣ Черкизовѣ, которое уже слилось съ Москвой въ одное цѣлое, обратившись въ одно изъ ея предмѣстій, насчитывается по всеобщей россійской переписи 15.000 человѣкъ, причемъ лицъ, занятыхъ въ кустарной промышленности, насчитываютъ болѣе 3.000; болѣе всего (2.000 человѣкъ) занято въ области кустарнаго ткачества, мотанія бумаги и шелка (преимущественно женскій элементъ), чулочнаго производства и приготовленія узенькихъ, такъ называемыхъ «мужицкихъ» поясковъ и шнурковъ.

Маленькая, тѣсная, грязная избушка въ три окна по фасаду; въ избушкѣ— двѣ крохотныхъ, прокоптѣлыхъ, грязныхъ комнатки и третья — кухня. Въ одной изъ комнатъ, что побольше, работаютъ три ткача, вырабатывая сирпянку, которая идетъ на обивку мебели (подъ дорогую матерію), стѣнъ (подъ обои) и, наконецъ, для подкладки подъ борта мужского пальто, сюртука, вообще мужского платья. Ткачи работаютъ на кустаря-предпринимателя, который снимаетъ для нихъ вышеупомянутую комнатку и платитъ за нее три рубля въ мѣсяцъ: въ ней два окна въ длину и одно въ ширину; орудія производства— три ткацкихъ станка—и основа даются хозяиномъ. Комнатка, въ которой работаютъ ткачи, до того мизерна, что въ ней повернуться трудно: три ткацкихъ станка, поставленные по длинѣ комнаты, занимаютъ почти все ея пространство и присѣсть кустарю, чтобы отдохнуть,—нѣтъ мѣста. Все время приходится стоять на ногахъ и быть въ страшно напряженномъ состояніи: весь отдыхъ состоитъ въ томъ, что кустарь слегка откидывается задомъ на станокъ. Когда я вошелъ въ комнатку, вмѣстимостью въ 60 куб. аршинъ, она произвела на меня гнетущее впечатлѣніе: пыль, отдѣлявшаяся при работѣ, носилась густой тучей и ложилась хлопьями на станки, полъ и работающихъ, забираясь въ носъ, ротъ и уши. Сначала, при входѣ въ комнатку, разобрать и разсмотрѣть что-нибудь трудно: видишь лишь густое облако пыли—и только. Я напрягаю зрѣніе, приглядываюсь внимательнѣе: въ облакѣ пыли смутно вырисовываются ткацкіе станки и склонившіяся надъ станками фигуры кустарей. Въ комнаткѣ душно, скверно, съ непривычки кружится голова: вентиляціи, конечно, нѣтъ никакой, окна плотно затворены.

— Почему вы окна не открываете?—спрашиваю я.

— Хуже тогда...—говоритъ одинъ кустарь—пыль одолѣетъ!. работать нельзя будетъ... Откроешь окошко, ну сейчасъ вѣтерокъ подуетъ, и столько этой самой пыли въ глотку наберется, что и не прокашляешься.

Кустари-ткачи вооружены синими большими очками, предохраняющими глаза отъ пыли, плохо видятъ и жалуются на сильную рѣзь въ глазахъ.

Измученныя, усталыя фигуры кустарей съ впалой чахоточной грудью, худыя, безжизненныя, блѣдныя лица съ зеленоватымъ отливомъ, сухой подозрительный кашель вызывали въ душѣ жуткое болѣзненное ощущеніе. Согнувшись надъ

ткацкимъ станкомъ, глотая пыль, въ изобиліи носившуюся въ воздухѣ, покашливая, кустари работали какъ заведенная машина.

— Сколько вамъ платитъ хозяинъ?—спрашиваю.

— И не сосчитаешь,—горько усмѣхнулся одинъ,—то есть столько зарабатываемъ, что и выговорить трудно: цѣ-ѣлыхъ *два рубля въ недѣлю на брата!..* И это еще хорошо, а то полтора не хочешь ли, коли немножко отдохнуть вздумаешь... Къ примѣру, ежели я какъ слѣдуетъ приналягу на работу,—встану рано утречкомъ, часа въ четыре, да проработаю до восьми, а то и до девяти, какъ солнышко садиться станетъ, ну тогда цѣлковыхъ два въ недѣлю выработаю. Вотъ оно какое, наше производство-то!.. живи, какъ хочешь!.. Не доспишь, не доѣшь, одѣться иной разъ бываетъ не во што, — вотъ какое наше житье-то!.. такъ... горе одно...

— Что жъ вы на фабрику не поступаете?.. тамъ все-таки лучше...

— Ку-у-у-ды намъ!.. Не годимся!.. На фабрикѣ *живая работа* требуется... Мы несподручны.

— Еще вотъ что замѣтьте,—проговорилъ другой ткачъ,—пищу мы сами себѣ готовимъ, потому кухарку нанимать не на што; бѣлье тоже сами моемъ... Смотришь—часъ, другой и проваландаешься, а это о-о-охъ какъ по карману бьетъ!.. Недѣлю-то работаешь, работаешь, измучишься, какъ собака какая, а и двухъ-то рублей не получишь...

— Што говорить! — поддакнулъ третій: бьемся, какъ рыба, а сами не знаемъ изъ-за чего...

Эти кустари-ткачи работаютъ сдѣльно: они получаютъ съ куска въ 60 аршинъ—60 копѣекъ, т.-е. копѣйку съ аршина; надо замѣтить, что ткачъ на ручномъ станкѣ, при самыхъ выгодныхъ условіяхъ, при максимальномъ рабочемъ днѣ (съ 5 часовъ утра до 9 часовъ вечера), можетъ выработать 30—40 аршинъ сирпянки, т.-е. 30—40 копѣекъ въ день. Самъ-же хозяинъ, довольно крупный кустарь, имѣющій въ селѣ Черкизовѣ до 20 станковъ (у себя дома 8 станковъ, а остальные въ наемныхъ квартирахъ), поставляетъ сирпянку въ Москву, въ торговые ряды и конторы, получая за аршинъ 6—7 к. *) Прибавьте къ этому, что кустарь-капиталистъ эксплоатируетъ своихъ рабочихъ по всѣмъ правиламъ: всякій, плохо выработанный аршинъ сирпянки онъ не кладетъ въ счетъ, и такимъ образомъ количество труда, затраченное на этотъ аршинъ, пропадаетъ даромъ. Мало того: за всякій забракованный аршинъ сирпянки хозяинъ штрафуетъ рабочаго.

— Ежели сирпянка вышла рѣдкой—говорили ткачи,—сейчасъ и штрафъ... Ужъ привыкать, конечно, такъ работать, чтобы сирпянка какъ слѣдуетъ выходила, чтобы рѣдины-то этой небыло...

Въ другомъ домѣ, куда я зашелъ, въ одной комнатѣ работаютъ 6 ткачей на своихъ конечно харчахъ; нанимается это помѣщеніе кустаремъ-предпринимателемъ за 15 рублей въ мѣсяцъ; вмѣстимость комнаты — незначительна: 157,5 куб. аршина. Грязь, пыль, душный, спертый воздухъ, отсутствіе вентиляціи и недостаточное количество свѣта характеризуютъ это убѣжище домашней промышленности. Въ этомъ жалкомъ жилищѣ стоятъ шесть ткацкихъ станковъ, на которыхъ вырабатываются широкія съ вышивкой полосы къ занавѣскамъ и полотенцамъ, широкіе шерстяные платки и скатерти.

— Сколько работаете часовъ въ день?—спрашиваю.

— А Богъ знаетъ, — получаю въ отвѣтъ. — Съ солнышкомъ встаемъ, съ солнышкомъ и кончаемъ...

---

*) Подъ борты мужского платья употребляется такъ называемая «мужская сорочка»: та же сирпянка, намазанная какимъ-то клейкимъ веществомъ, что дѣлаетъ сирпянку плотнѣе. Цѣна сорочки» дороже—10—11 копѣекъ аршинъ.

Питаются эти шесть ткачей, конечно, скудно: квасъ, лукъ, черный хлѣбъ и такъ называемый «кирпичный» чай — обыкновенная пища кустаря, пища, отягощающая желудокъ и нисколько не возстановляющая истраченныя силы.

— Ужъ о мясѣ и не спрашивайте, — замѣтилъ мнѣ одинъ изъ ткачей на мои разспросы о пищѣ, — мясо — пища господская!.. Забыли мы, что такое и мясо на свѣтѣ есть.

Дѣйствительно, на 8—9 рублей въ мѣсяцъ трудно и, кажется, невозможно сводить концы съ концами: надо удивляться только способности человѣческаго организма приспособляться къ самымъ тяжелымъ условіямъ. А приспособляться между тѣмъ приходится: и радъ бы кустарь выработать больше, но какъ ни старается постоянно оказывается на положеніи рыбы, бьющейся объ ледъ. Эти 6 кустарей-ткачей, о которыхъ я говорю, за 16—17 часовъ утомительной напряженной работы зарабатываютъ въ день 30—35 копѣекъ. Напримѣръ, ткачъ, вырабатывающій шерстяные платки, при самомъ усердномъ стараніи можетъ приготовить въ день, работая съ 4-хъ часовъ утра до 9 вечера, 7—8 платковъ, получая съ каждаго выработаннаго платка 4 копѣйки; другой работающій скатерти, за 17 часовъ выработаетъ 7 скатертей, получая съ каждой по 5 к.; остальные 4 ткача заняты выработкой широкихъ съ вышивкой полосъ къ занавѣскамъ и полотенцамъ; эти ткачи въ день могутъ еработать 10 и въ крайнемъ лишь случаѣ 12 аршинъ, получая за каждый выработанный аршинъ — 3 копѣйки.

Приведу еще одну картинку, которая собственно будетъ повтореніемъ двухъ первыхъ. Представьте себѣ старый деревянный двухъ-этажный, покосившійся на бокъ домъ, окруженный дырявымъ, на половину развалившимся заборомъ, сквозь щели котораго виденъ грязный, зловонный, до невѣроятности загаженный дворъ. Черезъ калитку въ заборѣ вы вступаете въ это ужасное царство всевозможныхъ микробовъ, подходите къ ветхому крылечку и по грязной, полусгнившей лѣстницѣ поднимаетесь во второй этажъ. Лѣстница, ведущая на верхъ, упирается въ какую-то дверь — и васъ обдаетъ ѣдкая струя чего-то, специфически-кухоннаго, вонючаго, тошнотворнаго. За кухней — комната, откуда доносятся ритмическіе звуки ручныхъ ткацкихъ станковъ. Идете туда.

— Можно посмотрѣть? — спрашиваете.

— Мо-о ожно... Отчего нельзя. — Голосъ, который вамъ отвѣчаетъ, вялъ, безжизненъ, и каждый звукъ этого голоса пропитанъ апатіей.

Въ комнатѣ два ручныхъ ткацкихъ станка, а въ заднемъ углу пріютилась машина для мотанія бумаги; мотаетъ бумагу сестра одного изъ ткачей; она же и стряпаетъ для этихъ ткачей. Одинъ изъ ткачей, братъ мотальщицы, вырабатываетъ сирпянку, другой ткачъ работаетъ скатерти. Положеніе ихъ аналогично съ ткачами, о которыхъ я говорилъ выше: тотъ же семнадцатичасовой рабочій день, тѣ же адскія условія — грязь, вонь, пыль, духота — и та же мизерная плата, обрекающая человѣка на хроническое недоѣданіе.

Ткачъ, вырабатывающій сирпянку, года три тому назадъ работалъ сарпинку *), былъ самостоятельнымъ кустаремъ, работалъ на свой страхъ и рискъ, *самъ* покупалъ сырой матеріалъ и самъ отыскивалъ рынокъ. А теперь? Теперь у этого ткача осталась одна лишь собственность — ручной станокъ, а экономическая самостоятельность его исчезла.

— Да што говорить, — разсказывалъ мнѣ этотъ кустарь-ткачъ, — вонъ года три тому назадъ мы сами отъ себя работали сарпинку — да зарѣзались: пороху не хватило! побились. побились, да и бросили!.. потому, машина-то, вѣдь, въ

*) Такъ называемая «саратовская» сарпинка. Въ Черкизовѣ вырабатывали (теперь не вырабатываютъ), конечно, самые низшіе сорта съ крайне однообразными рисунками.

день аршинъ полтораста, а то и больше этой самой сарпинки отхватитъ, а нашъ братъ на ручномъ-то станкѣ измается, коли пятнадцать нагонитъ... Поворачивайся, какъ хочешь!.. А пойдешь продавать — насилу покупателя найдешь, да и тому за безцѣнокъ спустишь: къ примѣру, запросишь гривенникъ за аршинъ — не даютъ: «дорого — говорятъ — мы, говорятъ, за эту цѣну въ магазинѣ какой угодно рисунокъ выберемъ». А отдашь дешевле—себѣ убытокъ, потому себѣ аршинъ 8 копѣекъ стоитъ... Такъ... надсада одна, а не работа!

Приведенные мною картинки—не исключеніе: онѣ иллюстрируютъ положеніе всѣхъ кустарей, занятыхъ въ области ручного ткацкаго производства въ селѣ Черкизовѣ. Вездѣ одно и то же: низкая заработная плата, низводящая уровень насущныхъ человѣческихъ потребностей до minimum'а, самаго крайняго, продолжительный шестнадцати-семнадцатичасовой рабочій день и та отвратительная атмосфера «авгіевыхъ конюшенъ», которая въ конецъ расшатываетъ организмъ работника.

Что же касается экономическаго положенія женщинъ, взрослыхъ дѣвушекъ и дѣвушекъ-подростковъ въ Черкизовѣ, занятыхъ мотаніемъ бумаги и шелка, выработкой чулковъ, шнурковъ и узкихъ «мужицкихъ» поясковъ съ пословицами, то это положеніе еще хуже: оно напоминаетъ положеніе паріевъ, волею судебъ сброшенныхъ на послѣднія ступени общественной лѣстницы, обреченныхъ на хроническое недоѣданіе и медленное вырожденіе. Здѣсь, въ области женскаго и дѣтскаго труда, формы эксплоатаціи поражаютъ грубостью и примитивностью: заработная плата необыкновенно низка и сведена почти къ нулю; человѣкъ оцѣнивается крайне дешево, эксплоатируется хищническимъ способомъ и, если окажется негоднымъ, выбрасывается безъ сожалѣнія на улицу. Отсутствіе надзора фабричной инспекціи даетъ возможность употреблять при работѣ трудъ малолѣтнихъ: работаютъ 6—7-лѣтніе мальчики и дѣвочки и работаютъ наравнѣ со взрослыми.

Вотъ факты. Въ домѣ одного средняго предпринимателя Алексѣя Сергѣева, имѣющаго въ селѣ Черкизовѣ сапожное заведеніе, работаетъ 10 дѣвушекъ-мотальщицъ. Дѣвушки мотаютъ шелкъ, получая плату съ фунта (60 катушекъ) смотаннаго шелка: взрослыя получаютъ съ фунта 10 копѣекъ, а пріучающіяся къ работѣ—5 копѣеекъ; *работа начинается въ 5 часовъ утра и кончается въ 8 вечера*. Привыкшая къ работѣ мотальщица успѣваетъ за это время смотать фунтъ шелку, если, конечно, станетъ работать усердно; больше же фунта мудрено смотать и возможно лишь при одномъ условіи: если вмѣсто 15 часовъ проработать 20. Хозяинъ, у котораго работаютъ эти дѣвушки, пользуясь хозяйской пищей, крайне скудной и недоброкачественной, доставляетъ смотанный шелкъ въ одну изъ московскихъ конторъ, получая за фунтъ смотаннаго шелка 70 копѣекъ: слѣдовательно, за одно свое посредничество онъ беретъ съ каждаго фунта minimum 45 копѣекъ (кладя на продовольствіе каждой работницы 15 копѣекъ въ день) прибавочной стоимости.

Въ другомъ домѣ селѣ Черкизова, гдѣ тоже мотаютъ шелкъ, работаетъ 25 дѣвушекъ, работаетъ, конечно, при тѣхъ же условіяхъ, получая за 60 катушекъ смотаннаго шелка 10 копѣекъ и пользуясь хозяйскими харчами. Кромѣ такихъ работницъ, есть работницы, которыя берутъ мотать шелкъ на домъ.

— Больше 6 рублей никакъ не заработаешь,—говорили онѣ мнѣ, — хоть ты лопни!.. День-деньской сидишь, сидишь, мотаешь, мотаешь, а все 6 рублей.. рѣдко кто больше заработаетъ.

Положеніе мотальщицъ простой бумаги еще хуже. Иллюстраціей можетъ служить слѣдующій фактъ: въ одномъ маленькомъ невзрачномъ домикѣ живутъ двѣ мотальщицы; у нихъ въ комнаткѣ (тѣсной, грязной и темной) снимаетъ уголъ восьмидесятилѣтняя старуха, живущая съ своимъ маленькимъ внукомъ. Старуха платитъ за уголъ 1 р. 50 к. въ мѣсяцъ и существуетъ то же мота-

ніемъ бумаги на одного крупнаго кустаря — своего родного племянника. Всѣ три мотальщицы живутъ въ самыхъ отвратительныхъ и невозможныхъ условіяхъ: работая 17 часовъ въ сутки, сматывая въ это время 24 катушки, мотальщицы вырабатываютъ ни больше, ни меньше, какъ 10 копѣекъ. Скупщики, на которыхъ работаютъ мотальщицы, платятъ имъ, этимъ мотальщицамъ, сдѣльно: 10 копѣекъ съ 24 катушекъ. Мотальщицы бумаги работаютъ *на своихъ* харчахъ, снимаютъ квартиры, углы тоже на свой счетъ; квартиры въ Черкизовѣ, какъ въ селѣ промышленномъ и подмосковномъ, дороги, и за полтора рубля въ мѣсяцъ мотальщица можетъ снять не комнату, а жалкую, грязную конуру.

— Плохо, чай, живется, бабушка?—спрашиваю я старуху.

— Охъ, и не говори! — вздыхаетъ она,—какое ужъ наше житье!.. Три-то рубля въ мѣсяцъ получишь, не знаешь, что съ ними и дѣлать, какъ обернуться.. Половину вотъ за фатеру отдашь, а на остальное живи, какъ хочешь!.. У меня вонъ еще внукъ есть: тоже пить, ѣсть проситъ... Совсѣмъ плохо живется!..

— Тебѣ, можетъ, племянникъ помогаетъ? Вѣдь, онъ человѣкъ, говоришь, богатый.

— Не до насъ ему, батюшка... Слава Богу еще, что хоть работу даетъ мнѣ, старухѣ, а то бы совсѣмъ помирать пришлось!.. Обѣщалъ вонъ внуку рубаху сшить, племянникъ-то,—повѣствовала старуха,—да забылъ знать... Ну да Богъ съ нимъ—ему не до насъ!..

Женщины же и дѣвушки, занятыя изготовленіемъ шнурковъ и поясковъ, обрѣтаются въ положеніи, аналогичномъ съ положеніемъ мотальщицъ простой бумаги, т. е. работаютъ по 16—17 часовъ въ сутки, живутъ среди навоза и грязи, въ атмосферѣ, насыщенной всевозможными бактеріями, въ атмосферѣ вони и духоты, получаютъ за свой каторжный трудъ *2—3 рубля въ мѣсяцъ* (больше, при всемъ стараніи выработать не могутъ) и на эти два-три рубля ухитряются какъ-то прожить мѣсяцъ и не умереть съ голода.

Въ заключеніе еще одна картинка. На главной улицѣ Черкизова ютится низенькая, грязная, съ четырьмя окнами по фасаду хибарка. Входите въ нее: атмосфера ужасная, не поддающаяся описанію: въ комнатѣ душно, разитъ вонью, пахнетъ масломъ, а грохотъ отъ машинъ, мотающихъ бумагу и вырабатывающихъ шнурки и пояски, заглушаетъ голосъ. Комнатка, въ которой работаютъ 6 женщинъ и седьмая хозяйка, вся заставлена машинами, въ углахъ лежитъ хламъ, и повернуться въ комнатѣ—нѣтъ возможности: комната 9 аршинъ въ длину, 5 въ ширину и 3 въ высоту; одинъ уголъ занятъ русскою печью. И въ этой конурѣ задыхаются семь работницъ.

— Великъ-ли заработокъ?—кричу женщинѣ, которая вырабатываетъ шнурки.

— А какъ когда, батюшка, — отвѣчаетъ,—разъ на разъ не приходитъ: сдѣльно мы работаемъ... Когда 2 рубля въ мѣсяцъ выработаешь, когда полтора, когда четыре... Съ фунта получаемъ... Больше посидишь, больше и сработаешь...

Страдаетъ, мучается, вырождаясь отъ непосильной работы и дурныхъ условій, не одно взрослое женское населеніе, а и молодежь, и дѣти, трудъ которыхъ, благодаря отсутствію надзора фабричной инспекціи, эксплоатируется безжалостно.

П. Бѣловъ.

Изъ русскихъ журналовъ.

«**Вѣстникъ Европы**», **май**. Въ своихъ воспоминаніяхъ Н. А. Крыловъ разсказываетъ о томъ тревожномъ настроеніи, которое вызвали слухи объ освобожденіи въ средѣ крестьянъ и помѣщиковъ. Авторъ былъ помѣщикомъ Алатырскаго уѣзда, Симбирской губ., и былъ избранъ въ кандидаты къ двумъ членамъ отъ уѣзда въ губернскій комитетъ по улучшенію быта крѣпостныхъ

*

крестьянъ. На выборахъ въ Алатырѣ крѣпостники имѣли значительный перевѣсъ и торжественно провозглашали, что «дворяне должны стоять за дворянскіе интересы и отнюдь не поступаться въ губернскомъ комитетѣ ни своими правами, ни тѣмъ паче своею собственностью». Помѣщики вообще пришли въ смятеніе, писали проекты, одинъ другого страннѣе, и представляли своимъ избраннымъ членамъ. Такъ, въ одномъ обширномъ проектѣ все дѣло сводилось къ требованію, чтобы и послѣ воли крестьяне непремѣнно снимали шапки передъ господами. Другой помѣщикъ требовалъ, чтобы правительство, раньше чѣмъ отбирать дворовыхъ, подготовило для помѣщиковъ слугъ — для кухни, стола, сада и т. п. На первомъ засѣданіи губернскаго комитета въ Симбирскѣ опять крѣпостники подняли голосъ, одинъ изъ членовъ Шидковскій, прочитавъ въ какомъ-то толстомъ журналѣ осмѣяніе крѣпостного права и злоупотребленій помѣщичьей власти, предложилъ обратиться къ правительству съ представленіемъ объ обузданіи печати. Другой на весь обширный залъ дворянскаго собранія сиплымъ голосомъ кричалъ: «Убить меня можно, но убѣдить — никогда!» Когда заходила рѣчь о правахъ крестьянъ, онъ кричалъ: «Измѣнникомъ никогда не былъ и не буду!» Впрочемъ, большинство членовъ изъявляло готовность исполнить волю царя, но такъ, чтобы потомъ обходить ее. Губернскій комитетъ рѣшилъ собрать статистическія свѣдѣнія о помѣщичьихъ имѣніяхъ, были заготовлены бланки съ вопросами и разосланы помѣщикамъ. «Большинство помѣщиковъ до такой степени были непривычны къ письменной работѣ, что, несмотря на простоту и ясность формъ, все-таки прибѣгали къ помощи писарей или чиновниковъ для заполненія графъ». Свое фрондерство помѣщики выражали на бланкахъ въ наивной формѣ какого-нибудь озорства или шутовства, напр., одинъ писалъ: «есть прудъ, въ немъ 777 карасей, 313 лягушекъ и 917 пискарей»; другіе старались запугать правительство бунтами, пожарами, разбоями, грабежами и т. п. «Много бланковъ у помѣщиковъ и особенно у помѣщицъ оставалось незаполненными. При повѣркахъ на мѣстахъ, эти добродушные люди таинственно спрашивали, какъ выгоднѣе показывать, увеличивая или уменьшая существующее на дѣлѣ. Имъ также таинственно приходилось внушать, что самое выгодное—писать, не увеличивая и не уменьшая, а только одну правду». Когда прислана была программа для работъ комитета, опять поднялось горячее обсужденіе этой программы. Раздавались и такіе голоса: «Нѣтъ, уплати мнѣ за крестьянъ и прикрѣпи ихъ къ моей землѣ, чтобы были возлѣ меня рабочія руки для найма!» Но особенно симбирскіе помѣщики хлопотали о сохраненіи за собой права охотиться по всѣмъ землямъ, чтобы охота была привилегіей дворянъ и никто, кромѣ нихъ, не смѣлъ бы держать ружей и борзыхъ собакъ, и старались провести въ «Положеніе» о волѣ такую мотивировку: «охота есть старая дворянская затѣя и лучшая подготовка людей и командировъ для партизанской войны».

Г. *Евг. Марковъ* въ описаніи путешествія по Швеціи указываетъ на мѣстную организацію борьбы съ пьянствомъ, на такъ называемую «Гётеборгскую систему». «Система» эта состоитъ въ образованіи акціонерныхъ обществъ, которыя получаютъ отъ правительства монополію на торговлю спиртными напитками и на извѣстныхъ условіяхъ могутъ выкупать права этой торговли, раньше пріобрѣтенныя различными лицами и корпораціями. Сосредоточивъ такимъ образомъ въ своихъ рукахъ все дѣло, общество значительно сокращаетъ число винныхъ лавокъ, поручаетъ продажу извѣстнымъ ему благонадежнымъ лицамъ, съ строгимъ соблюденіемъ извѣстныхъ правилъ: такъ, хмельнымъ людямъ и дѣтямъ вина не продаютъ вовсе; безъ закуски спиртные напитки не отпускаются; въ праздники и подъ праздники питейные дома запираются. Изъ полученнаго чистаго дохода общество удерживаетъ въ свою пользу только 5%, а всю остальную выручку передаетъ государству и муниципалитетамъ на дѣла

общественной благотворительности. Такимъ образомъ получаютъ огромныя суммы, на которыя устраиваются пріюты, богадѣльни, школы, лѣчебницы, читальни, пенсіонныя кассы для рабочихъ и прислуги, ясли, народные театры и т. п. Стокгольмское общество уплатило казнѣ и городу за 14 лѣтъ 17 милліоновъ кронъ (крона = приблизительно, 50 коп.). Результаты дѣятельности обществъ по уменьшенію пьянства видны изъ слѣдующихъ цифръ: въ Гётеборгѣ потреблялось водки по 27 литровъ на душу въ годъ; за 16 лѣтъ дѣятельности общества число это уменьшилось до $14^3/_4$ литра на человѣка.

Проф. *Алексѣй Веселовскій* въ біографіи Байрона разсказываетъ, между прочимъ, эпизодъ его женитьбы. Со своей будущей женой Аннабеллой Мильбанкъ Байронъ познакомился, прочитавъ сборникъ ея стихотвореній; впечатлѣніе было очень благопріятное: нѣкоторыя строфы онъ называетъ «очень хорошими», другія—даже «отличными». «Я убѣждаюсь въ томъ, что эта дѣвушка—совершенно необычное явленіе; кто бы могъ ожидать столько силы и разнообразія въ стихотвореніяхъ при такой безмятежной внѣшности!.. Я не имѣю желанія ближе познакомиться съ нею; она слишкомъ хорошій человѣкъ для такого *падшаго духа*, какъ я; я бы лучше къ ней относился, еслибъ она не была такимъ совершенствомъ». При личномъ знакомствѣ оказалось, что миссъ Мильбанкъ была не только даровитой, но и ученой: она хорошо знала математику и древніе языки, особенно греческій; притомъ «въ ея взглядахъ и сужденіяхъ чувствовалась искренняя религіозность, ея отношенія къ людямъ и жизни были проникнуты нравственною требовательностью и идеей долга». Знакомство, вопреки заявленію Байрона, повело къ сближенію, хотя «ни искры любви не было ни съ той, ни съ другой стороны», записываетъ Байронъ въ дневникѣ. Ее, повидимому, влекло къ Байрону желаніе спасти и исправить его. Въ первое время послѣ брака они производятъ впечатлѣніе довольныхъ и счастливыхъ. Но тѣни надвигались уже. Байронъ признался потомъ, что во время брачнаго обряда имъ внезапно овладѣло воспоминаніе о разбитой навсегда любви къ Мери Геворть. Когда онъ возращался изъ церкви вмѣстѣ съ молодой женой, онъ не могъ найти въ себѣ того настроенія, котораго она была въ правѣ ожидать. Послѣ разрыва жена его по этому поводу разсказывала, что не успѣли ихъ обвѣнчать, какъ Байронъ рѣзко высказалъ къ ней непріязненное чувство, которое потомъ дошло до открытой злобы. Дѣйствительно, союзъ ихъ былъ основанъ на слишкомъ недостаточномъ знакомствѣ: они знали другъ друга только по письмамъ. Извѣстно, что между супругами происходили сильные споры по вопросамъ религіи, къ которой, повидимому, хотѣла вернуть Байрона его жена. Кромѣ того, она обнаруживала большой вкусъ къ домосѣдству, къ провинціальной жизни въ родственной средѣ, а между тѣмъ Байронъ погибалъ отъ скуки и однообразія въ домѣ своего тестя: «нужно было играть въ карты съ древними партнерами, выслушивать отъ отца жены допотопныя сужденія о политикѣ и вредѣ либерализма, отъ тещи—религіозно-нравственныя сентенціи». Разладъ въ отношеніяхъ къ женѣ сталъ принимать рѣзкія формы нетерпимости, выражался въ нервныхъ припадкахъ, гнѣвныхъ рѣчахъ. Зная прежнія увлеченія Байрона, жена его приписала перемѣну въ отношеніяхъ къ ней какой-нибудь новой связи. Только послѣ смерти леди Байронъ названо было имя этой женщины—это его сводная сестра Августа. Сплетня эта была пущена въ ходъ писательницей Бичеръ-Стоу и вызвала страстную полемику. Теперь можно считать доказанною, съ одной стороны, чудовищную нелѣпость этой клеветы, съ другой—обоюдную отвѣтственность и леди Байронъ, и Бичеръ-Стоу въ измышленіи этой клеветы.

Во «Внутреннемъ Обозрѣніи» сообщаются новыя свѣдѣнія о томъ, что вмѣсто ежегоднаго увеличенія земскихъ смѣтъ на 5%, какъ предполагалось, теперь думаютъ предоставить земствамъ увеличивать сборы только на $2^1/_2$%

противъ предшествующаго года. Для отдѣльныхъ губерній и уѣздовъ, по соглашенію министра финансовъ и внутр. дѣлъ эта норма можетъ быть повышаема до 5%, но можетъ быть и понижаема до 1%. Итакъ, земство можетъ *свободно* увеличивать свои расходы только въ предѣлахъ *одного процента*: само собой разумѣется, что если и 5-типроцентное повышеніе земскихъ смѣтъ грозило серьезными стѣсненіями земскому хозяйству, то тѣмъ болѣе это можно сказать про новый проектъ градаціи, еще болѣе урѣзывающій земскую дѣятельность.

«Русская Мысль», апрѣль. Проф. *Д. Корсаковъ* продолжаетъ біографію К. Д. Кавелина по перепискѣ съ баронессою Раденъ за 1862—1864 годы. Въ одномъ изъ писемъ онъ перебираетъ, что испыталъ «тяжелаго, горькаго и оскорбительнаго» съ 1855 года на поприщѣ своей публичной дѣятельности, что именно и создало для него «нравственную» невозможность служить, и особенно обращаетъ вниманіе на способы удаленія его отъ преподаванія Наслѣднику Николаю Александровичу. (Извѣстно, что это удаленіе было сдѣлано по распоряженію имп. Александра II, раздраженнаго «запиской» Кавелина по крестьянскому дѣлу, гдѣ проводился взглядъ объ освобожденіи крестьянъ съ землей и о выкупѣ ими надѣла въ собственность. Извлеченіе изъ этой «записки» было напечатано въ «Современникѣ» въ 1858 г.) «Ничто не приводитъ меня въ такое глубокое негодованіе, какъ несправедливость. По какимъ-то сплетнямъ вообразили, что я опасный человѣкъ, какой-то сорви-голова, и не пропускали ни одного случая унижать, оскорблять и отталкивать меня, точно какъ будто я чего-нибудь искалъ, интриговалъ, втирался. Теперь знаютъ, что ошиблись, и ждутъ, чтобъ я, какъ проворовавшійся чиновникъ, попросилъ милостиво прощенія. Этого никогда, никогда не будетъ! Я вынесу все, но никогда ротъ мой не откроется, чтобы опозорить себя какой бы то ни было просьбой у правительства; въ жизнь мою не сдѣлаю ни одного шагу, который бы походилъ издалека на попытку примиренія».—«Будемъ ждать съ терпѣніемъ и кротостью», отвѣчаетъ на это баронесса Раденъ; «мнѣ пріятно думать, что недалеко то время, когда перестанутъ ужасаться пустыхъ призраковъ. Что составляетъ для меня загадку—это нерасположеніе къ вамъ Государя,—того человѣка, который могъ бы такъ хорошо понять васъ и который исполнилъ буквально все, что вы думали. Какое странное стеченіе обстоятельствъ возстановило Государя противъ васъ, по милости того самаго человѣка (разумѣется Я. И. Ростовцевъ), послѣдніе годы котораго были посвящены выполненію идей того, кого онъ оклеветалъ».

Продолжая свой очеркъ («Опытъ оздоровленія деревни»), г. Ганзенъ разсказываетъ, какъ трудно было въ первое время приручить дѣтей къ яслямъ, многіе кричали, бились, другіе убѣгали домой; кончалось, однако, тѣмъ, что дѣти освоивались, привязывались къ нянямъ и надзирательницамъ, не хотѣли возвращаться домой и иногда даже въ праздники прибѣгали въ ясли. Напр., одинъ татарченокъ 5 лѣтъ говоритъ другому: «Я теперь счастливѣе всѣхъ на свѣтѣ».—Почему?—спрашиваетъ другой. «Потому что живу здѣсь (въ ясляхъ)». Впрочемъ, дѣти постарше скучали въ ясляхъ, отчасти потому, что надзирательницы были заняты маленькими и не могли удѣлять времени для старшихъ, отчасти потому, что привыкли къ улицѣ и свободѣ. Крестьяне же, съ своей стороны, тоже долго не могли понять истинной цѣли и значенія яслей. Они подозрѣвали тутъ чуть ли не ловушку со стороны начальства, которое съ нихъ стребуетъ плату за такую помощь или, еще хуже, отберетъ дѣтей, а родителей сошлетъ въ Сибирь. Но потомъ недовѣріе быстро разсѣялось, яслями пользовались охотно, жалѣли, что онѣ скоро должны закрыться и выражали благодарность надзирательницамъ. Сознавая всю трудность обязанностей надзирательницъ и нянь, крестьяне нерѣдко обнаруживали большую деликатность и совѣстливость въ

пользованіи ихъ трудами, не приносили дѣтей въ тѣ дни, когда сами оставались дома, и наканунѣ праздниковъ, брали ихъ раньше, какъ только сами возвращались съ поля. «Мы видимъ, какъ вы здѣсь маетесь, надо же вамъ отдыхъ дать», говорили при этомъ бабы.

Г. М. Протопоповъ характеризуетъ «беллетристовъ новѣйшей формаціи»— Горькаго, Тана и Вересаева. Уже изъ эпиграфа: «сей возрастъ жалости не знаетъ» и изъ 3—4 первыхъ страницъ становится ясно, что личные счеты поколѣній не позволятъ г. Протопопову сказать безпристрастнаго, правдиваго слова объ упомянутыхъ писателяхъ. «Работаешь тоже, трудишься, пользу, думаешь, приносишь, и вдругъ приходятъ люди «умѣлые, съ бодрыми лицами, съ полными жита кошницами», и весь твой лелѣянный трудъ на твоихъ же глазахъ на смарку пускаютъ! Обидно до послѣдней степени... Мы не были неблагодарными. Намъ, въ пору нашей молодости, не приходило въ голову поучать стариковъ уму-разуму»... Естественно, что, приступая съ такими чувствами къ характеристикѣ, легко поддаться преувеличеніямъ, перетолкованіямъ. Предубѣжденный авторъ видитъ въ молодомъ поколѣніи антиподовъ своего поколѣнія— семидесятниковъ и, увлекаясь полемикой, заходитъ иногда слишкомъ далеко и въ ту, и въ другую сторону. По крайней мѣрѣ едва ли люди его поколѣнія согласятся съ тою проповѣдью кротости и смиренія, которую онъ выставляетъ въ противовѣсъ безстрашіи и дерзости своихъ противниковъ, едва ли подпишутся подъ его лозунгомъ: не такъ живи, какъ хочется, а такъ живи, какъ Богъ велитъ. Съ другой стороны, кажется, не нужно доказывать, что формула: «увижу ли, друзья, народъ *закабаленный?*», приписываемая имъ новымъ людямъ, является грубой пародіей и умышленнымъ искаженіемъ. Такъ же тенденціозно, съ предвзятой точки зрѣнія онъ толкуетъ стихотвореніе Тана, представляющее боевой призывъ къ борьбѣ съ судьбой и предразсудками, какъ проповѣдь дикой, первобытной морали, сродной какимъ-нибудь чукчамъ. Изображеніе Горькаго страдаетъ тою же схематичностью и произвольностью. Мораль Горькаго выражается въ двухъ противоположныхъ тезисахъ, которые развиваются одновременно и параллельно, сталкиваются, борются между собою», именно—въ проповѣди безусловнаго смиренія и проповѣди безусловной и неограниченной дерзости. И всюду чудится г. Протопопову затаенное стремленіе «унизить насъ, нашу мораль», въ аргументахъ, съ виду оборонительныхъ, онъ провидитъ «наступательный характеръ». Вересаева авторъ характеризуетъ какъ «*уклончивый* талантъ». «Г. Вересаева очень озабочиваютъ судьбы и пути нашего народничества и нашего марксизма, но онъ и не марксистъ и не народникъ... Онъ говоритъ народникамъ: *вы правы*, а марксистамъ: *не могу съ вами не согласиться*. Это отнюдь въ г. Вересаевѣ не хамелеонство, это именно чрезмѣрное джентльменство, избытокъ любезности и учтивости».

Выдержки изъ воспоминаній *сестры Ницше* (печатавшихся въ «Zukunft») раскрываютъ то тяжелое сознаніе одиночества, которое испытывалъ Ницше въ послѣдніе годы передъ болѣзнью. «Съ каждымъ годомъ мнѣ все становится тяжелѣе»,—пишетъ онъ сестрѣ въ 1887 г.,—никогда не былъ я такимъ угнетеннымъ и безнадежнымъ, какъ въ настоящее время Что же случилось? Ничего, кромѣ того, что было неизбѣжно: обнаружилось мое отчужденіе отъ всѣхъ людей, относившихся ко мнѣ до сихъ поръ съ довѣріемъ и дружбой». Еще мрачнѣе письмо 1888 г.: «Я теряю надъ собой всякую власть, я дѣлаюсь жертвой самыхъ мрачныхъ рѣшеній»... Вѣчное чувство одиночества, недостатокъ въ любви, всеобщая неблагодарность и даже презрѣніе ко мнѣ... Отчего нѣтъ у меня дружбы, сочувствія, любви, отчего я не вижу сердечнаго уваженія. Мое здоровье сравнительно хорошо,—ничего не болитъ, кромѣ бѣдной души». Или еще: «Цѣлыхъ десять лѣтъ ни влажный вѣтеръ, ни капля дождя, ни роса любви не достигали меня». Въ такомъ состояніи единственное удовлетвореніе находилъ

онъ въ сосредоточенной умственной работѣ. Еще раньше переутомленіе отъ усиленныхъ занятій привело къ мучительнымъ головнымъ болямъ. Но въ часы жестокихъ страданій онъ не только не прекращалъ работы, а находилъ, что лучше работаетъ. «Посреди страданій я обладалъ ясными діалектическими способностями и спокойно обдумывалъ вопросы, для которыхъ въ здоровомъ состояніи я недостаточно кропотливъ, утонченъ и хладнокровенъ... Болѣзни я обязанъ всей моей философіей... Только сильное страданіе, долгое, тягучее, когда мы сгораемъ какъ на медленномъ огнѣ, заставляетъ насъ, философовъ, спуститься въ нашу глубочайшую глубину и отбросить отъ себя все наше довѣріе, все добродушное въ насъ, заволакивающее, мягкое, терпимое, въ чемъ мы видѣли до сихъ поръ нашу человѣчность». Наконецъ, въ 1888 г. чрезмѣрное умственное напряженіе, которое потребовалось для того, чтобы написать въ восемь мѣсяцевъ цѣлыхъ шесть произведеній,—привело къ катастрофѣ. (Сестра, впрочемъ, видитъ главную причину его психической болѣзни въ употребленіи снотворныхъ средствъ, и особенно хлоралъ-гидрата), И въ письмахъ и въ послѣднихъ произведеніяхъ все рѣзче звучитъ нота самовозвеличенія, переходящая въ концѣ концовъ въ болѣзненный бредъ, опредѣляемый психіатрами «маніей величія».

Въ очеркѣ г-жи Мировичъ о женскомъ движеніи въ современной Англіи приводится, между прочимъ, сообщеніе, сдѣланное на митингѣ Общества политическихъ правъ женщины въ 1898 г. генеральнымъ агентомъ Южной Австраліи: «Въ продоженіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ женщины пользуются у насъ политическими правами наравнѣ со своими братьями, мужьями, сыновьями... Вся страна относится съ полнымъ сочувствіемъ къ этой реформѣ, и никто не желаетъ возвращенія къ старой системѣ. Оппозиція,—ибо ни одна реформа безъ нея не обходится,—оппозиція совершенно исчезла... Великая реформа, удвоившая количество избирателей, совершилась мирно и тихо... Вліяніе женщины въ политикѣ отразилось на вопросахъ нравственнаго и матеріальнаго благосостоянія всего народа. Теперь болѣе значенія придается вопросамъ семейнаго и наслѣдственнаго права, фабричнаго законодательства и т. п. Никакого не совершилось внезапнаго переворота, но во всей политической атмосферѣ мы могли прослѣдить благотворное вліяніе женщинъ. Онѣ возвысили всю политическую сферу, ни на іоту не утративъ присущей имъ нравственной чистоты».

«Русское Богатство», **апрѣль.** Г-жа *Т. Богдановичъ* въ очеркѣ «Американскіе милліардеры» (начало помѣщено въ мартовской книжкѣ) сообщаетъ исторію возникновенія крупнѣйшихъ богатствъ и даетъ характеристику общественнаго положенія и внутренняго быта денежной аристократіи въ Америкѣ. Колоссальныя состоянія, управляющія промышленною жизнью Соединенныхъ Штатовъ, сосредоточиваются въ рукахъ 400 фамилій. Прежде, для пріобрѣтенія чудовищнаго богатства нужно было (если исключить счастливыя случайности) обладать талантливостью, изобрѣтательностью, неустанной энергіей, изворотливостью и т. п.—теперь все созидается синдикатами. Обычный пріемъ борьбы состоитъ въ томъ, что синдикатъ, соединяя въ своихъ рукахъ громадные капиталы, понижаетъ цѣну товара настолько, что подрываетъ всѣхъ конкурирующихъ промышленниковъ; когда тѣ разоряются и ликвидируютъ дѣла, тогда, освободившись отъ соперниковъ, синдикатъ вдругъ значительно поднимаетъ цѣну, чтобы наверстать убытки, и въ результатѣ борьбы за нимъ остается монополія извѣстной отрасли производства. Такъ, успѣхъ одного промышленнаго предпріятія погребаетъ подъ собою сотни и тысячи болѣе мелкихъ фирмъ. Оперируя огромными капиталами, синдикатъ держитъ въ своихъ рукахъ широкій промышленный районъ, на службѣ у него состоятъ десятки тысячъ человѣкъ, такъ что директоръ товарищества является дѣйствительно крупною общественною силою. Это особенно обнаруживается на выборахъ. Синдикаты (или trust'ы) поддерживаютъ кандидатуру Макъ-Кинлея, такъ какъ онъ, въ ихъ интересахъ,

проводятъ повышеніе таможенныхъ пошлинъ, устраняющихъ совершенно конкуренцію иностранныхъ фабрикантовъ. Любопытны цифры, приведенныя въ «Сѣв. Курьерѣ», тѣхъ пожертвованій, которыя внесли trust'ы въ избирательный агитаціонный фондъ нынѣшняго года для подкупа голосовъ въ пользу Макъ-Кинлея: 15 наиболѣе крупныхъ синдикатовъ внесли 13 милл. руб., но избирательный комитетъ находитъ нужнымъ довести избирательный фондъ до 60 милл. руб. Въ частной жизни классъ американскихъ набобовъ ограждаетъ себя цѣлой стѣной отъ прочихъ смертныхъ, подражая обычаямъ царственныхъ особъ. Они ѣздятъ только въ спеціально заказанныхъ поѣздахъ и въ собственныхъ яхтахъ; когда останавливаются въ гостинницѣ, то откупаютъ ее цѣликомъ въ свое пользованіе, живутъ въ собственныхъ отеляхъ и дворцахъ, даже имѣютъ привилегированную улицу — 5-ю авеню въ Нью-Іоркѣ, въ которую допускаютъ селиться по строгому выбору только себѣ равныхъ. Въ этой средѣ создается особаго рода тщеславіе—перещеголять другъ друга въ изобрѣтательности тратить свои милліоны, возбудить зависть какой-нибудь замысловатой выдумкой. Такъ, Вандербильтъ скупаетъ всѣ остатки мальмэзонскаго дворца Жозефины, перевозитъ ихъ въ Нью-Іоркъ и строитъ себѣ точную копію этого дворца, затрачивая на постройку болѣе 10 милл. фр. Другіе строятъ роскошные мавзолеи, третьи воспитываютъ рѣдкія породы собакъ, разводятъ великолѣпные цвѣтники, оранжереи; была одно время мода на благотворительность: наперерывъ одинъ передъ другимъ богачи жертвовали громадныя суммы на университеты, библіотеки, больницы, наконецъ, слава достигается и какими-нибудь экстравагантными выходками, напр., въ родѣ слѣдующей: разъ во время званаго обѣда на столъ былъ поставленъ грандіозный паштетъ, оркестръ заигралъ тушъ, корочка паштета вдругъ лопнула, и оттуда выскочила, сопровождаемая стаей ласточекъ, извѣстная натурщица. Между старшимъ и младшимъ поколѣніемъ милліардеровъ существуетъ глубокое различіе; между тѣмъ какъ отцы, пріобрѣтавшіе богатства, отличаются и недюжиннымъ умомъ и энергіей, ихъ наслѣдники являются типичными представителями вырожденія. Деморализующее вліяніе роскоши, исключительности положенія выражается у этихъ юношей въ полной неспособности и презрѣніи къ труду, въ умственной и нравственной дряблости. Въ поискахъ за сильными ощущеніями они растрачиваютъ и отцовскіе милліоны, и свои силы; въ концѣ концовъ женятся на какой-нибудь кафе-шантанной пѣвицѣ, наѣздницѣ или натурщицѣ. Между тѣмъ, сестры этихъ юношей стремятся найти себѣ титулованныхъ мужей и переселиться въ Европу. За послѣдніе четыре года 152 наслѣдницы американскихъ милліоновъ переплыли океанъ и промѣняли свои милліоны на болѣе или менѣе громкіе титулы. Своеобразной чертой этихъ богатыхъ фамилій является—бездѣтность. Такъ, изъ 45 дворцовъ, взятыхъ на удачу, на 5-й авеню, только въ 4-хъ находимъ дѣтей. Значитъ, этой группѣ четырехсотъ угрожаетъ въ ближайшемъ будущемъ вымираніе и вырожденіе, но убыль быстро пополняется, ибо синдикаты продолжаютъ создавать все новыхъ и новыхъ милліардеровъ.

Въ основу своей статьи («Типы капиталистической и аграрной эволюціи») г-нъ *В. Черновъ* положилъ книжку Герца («Die agrarischen Fragen»), выходящую теперь въ двухъ русскихъ переводахъ. Авторъ ея — представитель критическаго направленія въ марксизмѣ; въ противоположность Каутскому («Die Agrarfrage») съ его склонностью къ систематизированію и широкимъ обобщеніямъ, онъ стоитъ на почвѣ строгаго и детальнаго изученія дѣйствительности, сообщаетъ много фактовъ и цифръ. Онъ находитъ невозможнымъ уложить въ одну общую схему аграрный вопросъ, также какъ не признаетъ единой, всеобщей формы капитализма: въ каждой странѣ развитіе принимаетъ своеобразныя очертанія и не поддается той универсальной распланировкѣ, на которую обрекаютъ его ортодоксальные марксисты. Что касается метода, Герцъ, не отре-

каясь отъ экономическаго матеріализма, вноситъ въ объясненіе явленій психологическіе факторы, аргументируя слѣдующимъ образомъ: принципъ «матеріализма» требуетъ, чтобы принимались въ расчетъ всѣ факторы, и если каждый «идеологическій» факторъ можно объяснить матеріалистически, то этимъ онъ еще не выбрасывается изъ міра; «по своему происхожденію, это могутъ быть «вторичные» факторы, но дѣйствуютъ они съ тою же силою и точно такимъ же образомъ, какъ и «первичные». Извѣстно, что приверженцы *догматическаго* марксизма считаютъ экономическій строй различныхъ европейскихъ государствъ лишь ступенями одного и того же процесса, при чемъ въ Англіи, какъ наиболѣе передовой странѣ, по словамъ Маркса, отсталые народы могутъ видѣть картину ихъ собственнаго будущаго развитія. Сторонники *критическаго* направленія противопоставляютъ этому воззрѣнію слѣдующее: разница заключается не въ ступеняхъ или моментахъ одного и того же пути, но въ своеобразномъ *типѣ* экономическаго развитія каждой страны, на всемъ протяженіи ея исторіи, при чемъ, чѣмъ дальше, тѣмъ все рѣзче выступаютъ отличающія ее особенности. Далѣе характеризуются различныя національныя формы капитализма. Въ Англіи, благодаря различнымъ благопріятнымъ условіямъ, промышленное развитіе шло постепенно, ровно, классовая борьба улаживалась на почвѣ взаимныхъ уступокъ, рабочее движеніе не задавалось радикальными планами и приняло чисто профессіональный характеръ. Кромѣ того, антагонизмъ между буржуазіей (виги) и поземельной аристократіей (тори) много помогъ улучшенію положенія рабочаго класса: во взаимной борьбѣ, желая подорвать противниковъ, тори оказывали покровительство фабричнымъ рабочимъ, а виги—земледѣльцамъ. Во Франціи экономическое развитіе шло скачками: эпохи промышленнаго расцвѣта смѣнялись суровыми кризисами. Торговая борьба съ Англіей заставила развиться во Франціи такія отрасли производства, которыми не занималась Англія: именно такъ называемую «художественную» индустрію, въ противоположность крупному, массовому производству Англіи (каменноугольному, желѣзодѣлательному и др.). Сообразно съ этимъ и французскій рабочій, собственно «мастеръ», носитъ гораздо болѣе «индивидуалистическій, слѣдовательно, мелкобуржуазный оттѣнокъ, чѣмъ пролетарій другихъ странъ». Этимъ объясняется соединеніе въ соціальныхъ программахъ французскаго рабочаго крайняго радикализма съ крайнимъ индивидуализмомъ, затѣмъ неспособность къ широкой организаціи, духъ сектантства, раздробленіе на мелкіе кружки. Затѣмъ французскій рабочій не могъ воспользоваться балансированіемъ двухъ общественныхъ классовъ какъ въ Англіи, ибо революція 1789 г. разрушила земельную аристократію, сливъ такимъ образомъ всѣ имущіе классы въ одну буржуазную массу. Типъ промышленнаго развитія Германіи ближе къ англійскому, но, выступивъ позднѣе на міровой рынокъ, германскій капитализмъ съ большими усиліями долженъ былъ пробивать себѣ дорогу: тяжкая борьба, конечно, отражалась на положеніи рабочаго и должна была настраивать его на радикализмъ. Для подавленія либерально-буржуазной оппозиціи Бисмаркъ вводитъ общее избирательное право и рабочіе проникаютъ въ парламентъ; съ этого времени они слѣдуютъ принципу — бороться законными средствами. Въ Австріи капиталистическій типъ характеризуется «застоемъ во всѣхъ областяхъ, недостаткомъ духа предпріимчивости, политической испорченностью». Много помѣшало развитію соединеніе крупнаго землевладѣнія съ индустріей, такъ какъ это соединеніе устранило элементы борьбы. Не образовалось въ Австріи и широкой рабочей организаціи, и нѣтъ надежды «на основаніе индустріальной демократіи» при помощи сильныхъ профессіональныхъ союзовъ, какъ это представляетъ Бернштейнъ: въ Австріи съ давнихъ поръ центръ тяжести лежитъ на завоеваніи государственной машины». Въ Россіи развитъ преимущественно особый видъ капитализма—эксплуатація мелкихъ производи-

телей, работающихъ примитивными способами ручного труда. Чѣмъ позднѣе выступила Россія на путь промышленнаго развитія, тѣмъ быстрѣе пришлось ей пережить разныя стадіи капиталистическаго процесса и тѣмъ съ большими бѣдствіями и страданіями сопряжено было это развитіе. Съ другой стороны, неокрѣпшей буржуазіи трудно было держаться передъ натискомъ иностранныхъ товаровъ и капиталовъ, и она требовала покровительства, даже опеки правительства.

Въ «Литературѣ и жизни» *Н. К. Михайловскій* намѣчаетъ въ общихъ чертахъ нѣкоторые «моменты» въ развитіи таланта Чехова, по поводу новаго сборника его разсказовъ, изданнаго Марксомъ. Эти разсказы относятся къ самымъ раннимъ произведеніямъ писателя, на нихъ лежитъ несомнѣнная печать того, что можно назвать «первой манерой» Чехова. Это рядъ мелкихъ, забавныхъ эпизодовъ, въ которыхъ звучитъ веселый, беззаботный смѣхъ юнаго автора. Во всѣхъ этихъ разсказахъ одна общая тема: «безпробудная пошлость жизни, всѣхъ и все покрывающая плѣсенью». Временами, очень рѣдко, на автора находитъ болѣе глубокое настроеніе», онъ уже не смѣется и въ такихъ случаяхъ (напр., «Мужъ») достигаетъ «высокой степени истинно-художественнаго творчества». Мало-по малу смѣхъ Чехова затихалъ, и изъ-подъ его пера стали выходить картины, одна другой мрачнѣе. Какъ же онъ отнесется къ этому новому, непривычному матеріалу. «Дѣло въ томъ, что г. Чеховъ началъ свою литературную дѣятельность въ необыкновенно трудное для начинающаго писателя время. Разумѣю не внѣшнія, а внутреннія затрудненія, ту надломленность недавнихъ идеаловъ и вѣрованій, которая овладѣла обществомъ безъ замѣны ихъ какими бы то ни было иными идеалами и вѣрованіями». У Чехова «не было общей руководящей, расцѣнивающей явленія жизни, точки зрѣнія», и онъ вполнѣ объективно, «съ безразличнымъ отношеніемъ къ мраку и свѣту», описывалъ свои наблюденія. Но какъ настоящій, крупный талантъ, онъ не могъ устоять долго на этомъ спокойномъ безразличіи. Отказавшись отъ идеаловъ отцовъ и дѣдовъ, неизвѣстно, выработалъ ли Чеховъ свои собственные идеалы, но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что онъ затосковалъ по нихъ, «или по крайней мѣрѣ превосходно изобразилъ эту тоску», и въ позднѣйшихъ его произведеніяхъ дѣйствительность не только не вызываетъ въ немъ безразличнаго отношенія, но, наоборотъ, вызываетъ очень сложныя и очень опредѣленныя чувства. Такъ, въ «Палатѣ № 6» докторъ, «всю жизнь проповѣдывавшій теорію безразличія и реабилитаціи дѣйствительности, попадаетъ въ больницу для умалишенныхъ и терпитъ побои отъ больничнаго слуги: онъ не выдерживаетъ этого тяжкаго и поздняго откровенія и умираетъ. «Палата № 6» и «Черный монахъ» знаменуютъ собой моментъ нѣкотораго перелома въ г. Чеховѣ, какъ писателя,—перелома въ его отношеніяхъ къ дѣйствительности». Онъ остался чуждъ новѣйшимъ моднымъ теченіямъ и эстетическимъ тенденціямъ въ исканіи идеаловъ и марксистской вѣрѣ въ самопроизвольное наступленіе лучшаго будущаго. «Онъ остался самъ по себѣ. Но онъ далеко еще не сказалъ своего окончательнаго слова, далеко не вполнѣ выяснился ни въ смыслѣ силы таланта, все еще развертывающагося, ни въ смыслѣ отношеній къ дѣйствительности». Несомнѣнно только, что онъ далеко ушелъ и отъ прежняго веселаго смѣха, и отъ спокойнаго индифферентизма...

Г-нъ Дижура доказываетъ («Русская ссылка»), что ссылка въ Сибирь, и какъ карательная мѣра, и какъ колонизаціонное средство, за 300-лѣтній періодъ примѣненія, доказала свою полную непригодность. Съ 1754 года (съ этого времени имѣемъ достовѣрныя свѣдѣнія) по 1899 г. Сибирь приняла 1.450.000 ссыльныхъ, а между тѣмъ цифра сибирскаго населенія остается почти неподвижной. Это происходитъ, съ одной стороны, отъ массовыхъ побѣговъ: % бѣглыхъ по большей части равняется 50, доходя иногда до 90,5. Съ другой

стороны, это происходитъ и отъ недостатка женщинъ; число ихъ равняется $^1/_{11}$—$^1/_7$ мужского населенія. Затѣмъ, плохія гигіеническія условія, тяжелый каторжный трудъ, болѣзни—все это чрезвычайно повышаетъ смертность среди ссыльныхъ. Такъ, ничтожны *количественно* результаты заселенія съ помощью ссыльныхъ. *Качественно* ссылка даетъ, само собой разумѣется, самые низменные элементы которые, по свидѣтельству многихъ авторовъ, дѣйствуютъ деморализующимъ образомъ и на коренное сибирское населеніе. Изъ ссыльныхъ, бѣглыхъ и бродягъ образовался бездомный пролетаріатъ, дающій огромную массу преступленій. Сибирскій пролетаріатъ пополняется, впрочемъ, и другимъ путемъ—крестьянами-переселенцами, благодаря нашей переселенческой политикѣ. Циркуляромъ 20 января 1897 г. предписывается ограничить переселеніе «только сильными численностью работниковъ и зажиточными крестьянскими семьями». Но въ переселеніи больше всего нуждается именно бѣдное, а не зажиточное крестьянство, и лишенные правительственнаго пособія деревенскіе бѣдняки переселяются на свой страхъ и, конечно, быстро попадаютъ въ составъ сибирскаго пролетаріата. Проведеніе великаго сибирскаго пути произвело сильное экономическое оживленіе въ странѣ, притянуло капиталы и усилило переселенческое движеніе. Въ виду этого реформа ссылки становится особенно необходимой. Высочайшее повелѣніе 6 мая намѣчаетъ слѣдующіе пункты реформы: 1) замѣну ссылки, назначаемой по суду, другими соотвѣтственными наказаніями, 2) отмѣну или ограниченіе административной ссылки по приговорамъ крестьянскихъ и мѣщанскихъ обществъ, 3) упорядоченіе участи ссыльныхъ, находящихся въ Сибири.

Въ хроникѣ внутренней жизни находимъ любопытный фактъ о массовомъ бѣгствѣ учителей изъ народныхъ школъ въ казенную винную лавку. Окладъ сидѣльца въ винной лавкѣ равняется 240—300 р., доходя до 900 р., помощникъ сидѣльца получаетъ 180—240 р., а между тѣмъ жалованье учителя составляетъ въ среднемъ 200 р. или немного больше, а помощника учителя—150 р., спускаясь иногда до 84 р. Въ 1896 г. въ четырехъ восточныхъ губерніяхъ состояло 46 сидѣльцевъ изъ бывшихъ учителей, а въ девяти южныхъ—498. То же продолжается и теперь: со введеніемъ у насъ въ іюлѣ (1899 г.), пишутъ изъ Курска, винной монополіи, многіе учителя получаютъ должности «по монополіи, главнымъ образомъ сидѣльцевъ винныхъ лавокъ». При этомъ въ земскихъ губерніяхъ, гдѣ школа поставлена лучше, менѣе замѣтно подобное бѣгство.

«Историческій Вѣстникъ» май. Г. *Н. Л. Шильдеръ.* («Импер. Николай и гр. Аракчеевъ») сообщаетъ очень яркій фактъ для характеристики Аракчеева. Въ 1827 г. Дибичъ обратился къ Аракчееву съ слѣдующимъ письмомъ: «До свѣдѣнія государя императора дошло, что здѣсь въ С.-Петербургѣ появились печатныя книги, въ коихъ содержатся письма и записки, будто бы писанныя покойнымъ государемъ императоромъ къ вашему сіятельству. Его величество полагаетъ, что таковыя письма и записки напечатаны безъ вѣдома вашего сіятельства кѣмъ-либо недоброжелательствующимъ вамъ, будучи увѣренъ въ собственномъ вашемъ убѣжденіи, сколь неприлично бы было напечатать то, что покойный государь императоръ, по особенной къ вамъ довѣренности, могъ писать къ вамъ партикулярно и по секрету. А потому его величество желаетъ знать: не извѣстно ли вашему сіятельству, изъ какого источника могли быть почерпнуты сіи напечатанныя письма и записки, и кѣмъ выданы въ печать?» Аракчеевъ отвѣчалъ письмомъ на имя имп. Николая: «Къ удивленію моему, Ваше Императорское Величество, узналъ я изъ отношенія ко мнѣ начальника главнаго штаба Вашего Величества (Дибича), что появились въ С.-Петербургѣ печатныя книги, въ коихъ содержатся письма и записки, писанныя покойнымъ государемъ императоромъ ко мнѣ. Если бы оное

свѣдѣніе дошло когда-либо до меня постороннимъ образомъ, то я бы никогда не повѣрилъ оному быть возможнымъ по той причинѣ, что, доживъ до 60-ти лѣтъ, стыдно бы мнѣ старику было не знать, что милостивыя покойнаго государя императора ко мнѣ писанныя письма должны быть для меня одного драгоцѣнны, а объявлять ихъ въ печатныхъ книгахъ въ публику не только неприлично, но вредно и непозволительно. Почему я всеподданнѣйше прошу Вашего Императорскаго Величества, всемилостивѣйшаго государя моего, приказать разыскать, кто позволилъ оныя печатать, и кто оныя письма для употребленія выдалъ, тогда и откроются тѣ люди, кои сіе обидное для меня дѣло выдумали». Къ этому оффиціальному письму было приложено другое, предназначенное лично для государя, гдѣ онъ утверждаетъ то же, только усиливая выраженія: «я осмѣливаюсь писать сіе особое мое письмо къ Вашему Императорскому Величеству, въ коемъ открываю мою душу... я теперь говѣю и готовлюсь пріобщиться св. тайнъ... и т. п. Между тѣмъ разслѣдованіе обнаружило, что Аракчеевъ самъ распорядился напечатать письма и записки къ нему императора Александра подъ заглавіемъ: «Собственноручные рескрипты покойнаго государя императора, отца и благодѣтеля Александра I къ его подданному графу Аракчееву». Мало того: въ руки государя попалъ экземпляръ съ собственноручною надписью Аракчеева,—единственный изъ двадцати напечатанныхъ,—подаренный имъ своему бывшему ближайшему сотруднику и другу. (Клейнмихелю). Тогда имп. Николай поручилъ Чернышеву отобрать отъ Аракчеева оставшіеся экземпляры переписки и уличить его въ «безстыдной лжи». «Онъ все отдалъ, онъ былъ настолько же труслива, настолько же подлъ, насколько прежде былъ высокомѣренъ».

За границей.

Законъ Гейнце, Гётевскій союзъ (Goethe Bund) и другія событія германской общественной жизни. Пресловутый законъ Гейнце, возбудившій такую ожесточенную борьбу во всей Германіи, вызвалъ къ жизни Гётевскій союзъ—общество, имѣвшее цѣлью объединить всѣхъ интеллигентныхъ нѣмцевъ, безъ различія партій, для борьбы съ ханжествомъ и лицемѣріемъ клерикаловъ, пытавшихся, посредствомъ закона Гейнце противъ безнравственности, наложить руку на литературу и искусство. Союзъ этотъ образовался сначала въ Мюнхенѣ, а затѣмъ такой же точно союзъ возникъ и въ Берлинѣ и оба объявили своимъ девизомъ содѣйствіе развитію умственной жизни нѣмецкаго народа. Разумѣется, прежде всего надо было одержать побѣду надъ клерикалами въ вопросѣ о законѣ Гейнце, что было не легко. Тотчасъ послѣ пасхальныхъ вакацій должны были возобновиться пренія насчетъ этого закона и Гётевскій союзъ рѣшилъ воспользоваться временною пріостановкою для организаціи самой обширной и энергичной пропаганды въ странѣ противъ этого закона. На митингѣ, устроенномъ въ Мюнхенѣ Гётевскимъ союзомъ, присутствовало 5.000 человѣкъ и въ числѣ ораторовъ находился Зудерманъ, которому была устроена самая восторженная овація послѣ его рѣчи, вызвавшей бурные апплодисменты.

Агитація пошла очень успѣшно. Послѣ Мюнхена и Берлина Гётевскій союзъ устроенъ былъ въ Дрезденѣ и еще въ нѣкоторыхъ другихъ большихъ городахъ. Полемика въ печати, многолюдные митинги, краснорѣчивыя воззванія и рѣчи,—все это сдѣлало свое дѣло. Нѣкоторые изъ опытныхъ политическихъ дѣятелей предсказывали, что законъ Гейнце «свалится въ парламентскую корзину» — какъ они выражались, такъ какъ теперь даже клерикаламъ борьба

сдѣлалась не подъ силу, потому что уже вся интеллигентная Германія была поднята на ноги. Предсказаніе это сбылось и найденъ былъ компромиссъ въ видѣ предложенія депутата Гомпета исключить театръ, литературу и художественныя произведенія изъ вѣдѣнія закона, оставивъ въ силѣ параграфы, касающіеся безнравственности на улицахъ и въ публичныхъ мѣстахъ. Оппозиція пошла на уступки и въ концѣ концовъ «Законъ Гомпета» былъ вотированъ и замѣнилъ знаменитый и надѣлавшій столько шума законъ Гейнце, который окончательно сошелъ со сцены.

Это была дѣйствительно побѣда, которую одержала германская интеллигенція. Въ тотъ день, когда въ рейхстагѣ рѣшалась судьба закона Гейнце, въ громадномъ помѣщеніи берлинскаго цирка состоялось многолюдное собраніе Гётевскаго союза. Но характеръ этого собранія сразу измѣнился, какъ только разнеслась вѣсть о провалѣ закона Гейнце и митингъ протеста превратился въ митингъ торжества. «Мы не разсчитывали, призывая васъ въ послѣдній разъ присоединить свои голоса къ нашему протесту, что вмѣсто этого мы всѣ вмѣстѣ будемъ праздновать побѣду!» сказалъ Зудерманъ, обращаясь къ собранію. Послѣ него говорили рѣчи Теодоръ Моммзенъ и профессоръ Лимтъ. Послѣдній указалъ на огромное значеніе движенія противъ закона Гейнце, такъ какъ въ этомъ движеніи народъ принималъ участіе рядомъ съ интеллигенціей, художниками, профессорами и писателями. Такое единодушіе въ борьбѣ даетъ намъ право бодро смотрѣть въ будущее, сказалъ Лимтъ. Вы видѣли, какая непроходимая пропасть раздѣляетъ мракобѣсовъ всѣхъ вѣроисповѣданій съ людьми, свободными духомъ, умственными дѣятелями, писателями и художниками. Поэтому вы и не должны складывать рукъ и должны помнить, что борьба можетъ снова возобновиться и мы должны заботиться о томъ, чтобы нашъ «порохъ былъ всегда сухой» а когда пробьетъ часъ опасности, то Гётевскій союзъ долженъ быть готовъ встрѣтить ее во всеоружіи!»

Собраніе изъ 6.000 человѣкъ вотировало резолюцію, выражающую благодарность членамъ рейхстага, боровшимся противъ закона Гейнце и затѣмъ устроена была восторженная манифестація въ честь ораторовъ. «Гётевскій союзъ будетъ продолжать стоять на стражѣ культуры и цивилизаціи!» сказали они, и собраніе покрыло ихъ рѣчи оглушительными апплодисментами.

Такъ состоялись торжественные похороны закона Гейнце, продержавшаго въ такомъ сильномъ возбужденіи все интеллигентное общество въ теченіе столькихъ мѣсяцевъ. Если онъ теперь и воскреснетъ, то во всякомъ случаѣ въ другой формѣ; но можно заранѣе сказать, что Гётевскій союзъ будетъ держать свой «порохъ сухимъ».

Одновременно съ собраніями Гетевскаго союза, происходившими въ разныхъ городахъ, въ Гейдельбергѣ состоялся конгрессъ общества народнаго образованія. Это въ высшей степени симпатичное общество существуетъ уже около тридцати лѣтъ и въ числѣ его членовъ находятся люди самыхъ разнообразныхъ политическихъ взглядовъ, но сходящіеся однако во взглядахъ на необходимость народнаго образованія. Представителемъ этаго общества нѣкогда былъ Шульце-Деличъ, а теперь депутатъ Риккертъ. Общество возникло изъ сліянія образовательныхъ союзовъ 1848 года и теперь оно въ сущности представляетъ центральный органъ, объединяющій 1.700 ферейновъ, вдохновляющій ихъ новыми идеями, снабжающій книгами и устраивающій публичныя собранія и лекціи для распространенія своихъ идей. Для обсужденія вопросовъ, касающихся народнаго образованія, обществомъ организуются общія совѣщанія. Общество устроило 72 ферейна рабочихъ, 42 ферейна чиновниковъ, 136 библіотечныхъ ферейновъ, 128 ферейновъ съ цѣлью самообразованія; кромѣ того, подъ его покровительствомъ находятся 86 сообществъ, 223 промышленныхъ и 60 ремесленныхъ союзовъ, 107 учительскихъ союзовъ, 83 торговыхъ, 12 союзовъ

молодежи и т. д. Одинъ этотъ перечень указываетъ на обширную дѣятельность общества. Оно имѣетъ два собственныхъ органа «Bildungsverein» и «Volksbibliothek», отличающіеся большою содержательностью и печатающіе всѣ свѣдѣнія, относящіяся къ дѣятельности общества. Въ ежемѣсячныхъ собраніяхъ общества обсуждаются всѣ вопросы, касающіеся народнаго образованія, и дѣлаются сообщенія о народныхъ изданіяхъ, курсахъ и обо всемъ, что сдѣлано въ области народнаго образованія въ другихъ странахъ и что заслуживаетъ подражанія. Въ періодъ времени съ 1892 по 1899 годъ общество основало 760 народныхъ библіотекъ и снабдило книгами 343 уже существующія библіотеки; оно также ежегодно устраиваетъ до 150 публичныхъ лекцій, что можно было видѣть изъ отчетовъ, прочитанныхъ на годичномъ его собраніи.

Конгрессъ общества, происходившій въ этомъ году, изобиловалъ интересными докладами. Особенное вниманіе возбудилъ докладъ профессора Рейна изъ Іены о высшихъ курсахъ для народа или такъ называемомъ, университетскомъ движеніи, которое только теперь начинаетъ распространяться въ Германіи. Профессоръ Рейнъ указывалъ на то, что въ извѣстныхъ кружкахъ придерживаются еще того взгляда, что расширеніе умственнаго кругозора и образованіе рабочихъ вредитъ ихъ же собственнымъ интересамъ. «Это ложный взглядъ,—сказалъ профессоръ,—и въ дѣйствительности онъ прикрываетъ только желаніе изъ эгоистическихъ цѣлей задержать народное образованіе и даже вызвать въ этомъ отношеніи движеніе назадъ». Другіе ораторы указывали также на культурную работу общества и на достигнутые имъ результаты. Въ настоящее время, общество насчитываетъ уже 3.500 членовъ и все болѣе распространяетъ свою дѣятельность. На собраніи рѣшено еще увеличить число изданій общества и позаботиться о ихъ распространеніи въ народѣ.

Къ числу симпатичныхъ учрежденій, существующихъ въ Берлинѣ съ прошлаго года, принадлежитъ также вечерній пріютъ для работницъ, открытый въ ноябрѣ. Пріютъ устроенъ по образцу клубовъ, и вѣрнѣе было бы назвать его клубомъ. Пріютъ находится подъ наблюденіемъ надзирательницы, которая присматриваетъ также за хозяйствомъ и кухней. Кромѣ нея, каждый вечеръ въ пріютъ является дежурная дама изъ комитета, обязанность которой заключается въ томъ, чтобы войти въ наиболѣе тѣсныя сношенія съ работницами, посѣщающими пріютъ, пріобрѣсти ихъ довѣріе и помогать имъ словомъ и дѣломъ въ нужныхъ случаяхъ. Члены пріюта уплачиваютъ 30 пфенниговъ въ мѣсяцъ и за это они получаютъ право пользоваться свободнымъ помѣщеніемъ пріюта, библіотекой, всѣми журналами и газетами, получаемыми пріютомъ, играми и швейною машинкой. Кромѣ того, каждая посѣтительница пріюта получаетъ ужинъ, состоящій изъ супа или кофе, который подается въ столовой за общимъ длиннымъ столомъ. Для игръ же и чтенія отведены другія комнаты; при пріютѣ находится также хорошенькій садикъ, что очень важно для работницъ, вынужденныхъ дышать въ теченіе цѣлаго дня вреднымъ воздухомъ мастерскихъ; онѣ получаютъ такимъ образомъ возможность провести часъ-другой на свѣжемъ воздухѣ.

Но учредительницы этого пріюта или клуба позаботились не только о физическомъ благосостояніи и отдыхѣ работницъ: онѣ устроили для нихъ также разныя развлеченія. Программа утверждена на всѣ дни недѣли. По понедѣльникамъ бываютъ музыкальные вечера. Обыкновенно, которая-нибудь изъ дамъ, членовъ комитета, знающая музыку, приходитъ въ этотъ день въ пріютъ, чтобы поиграть для работницъ на роялѣ и аккомпанировать пѣнію. Очень часто устраивается хоръ подъ аккомпаниментъ рояля, а тѣ изъ работницъ, которыя не поютъ, представляютъ публику, иногда съ большимъ энтузіазмомъ выражающую свое одобреніе исполнительницамъ. Вторникъ посвящается бесѣдѣ на самыя разнообразныя темы. По средамъ занимаются шитьемъ и опытная въ

этомъ дѣлѣ мастерица обучаетъ работницъ этому ремеслу. Удовольствіе этихъ послѣднихъ всегда бываетъ очень велико, когда имъ самимъ удается сшить себѣ платье. По четвергамъ помѣщеніе пріюта предоставляется въ распоряженіе евангелическаго ферейна работницъ; въ пятницу устраиваются гимнастическія упражненія, въ которыхъ принимаютъ особенно дѣятельное участіе работницы, ведущія, по роду своихъ занятій, сидячій образъ жизни. Суббота предназначается для чтенія лекцій, а въ воскресенье пріютъ закрытъ. Съ марта мѣсяца въ пріютѣ устроенъ ресторанъ для работницъ, гдѣ порція стоитъ 20 пфенниговъ, а по абонементу—одну марку въ недѣлю. Комитетъ строго слѣдитъ за тѣмъ, чтобы провизія была всегда свѣжая. Въ настоящее время очень много работницъ изъ разныхъ фабрикъ приходятъ обѣдать въ пріютъ, и въ столовой пріюта царитъ большое оживленіе въ обѣденное время. Общество, учредившее этотъ пріютъ, возлагаетъ большія надежды на его развитіе и предполагаетъ современемъ устроить филіальныя отдѣленія и организовать лѣтнія развлеченія и поѣздки.

Въ Берлинѣ существуютъ въ настоящее время два женскихъ клуба, которымъ также пророчатъ блестящую будущность. Одинъ, такъ называемый «Deutschen Frauen Klub» (Schagova Str. 10—11) существуетъ уже около года, другой возникъ только въ этомъ году и поэтому называется: «Berliner FrauenKlub von 1900 г.». Оба клуба преслѣдуютъ одну и ту же цѣль—служить нейтральнымъ мѣстомъ собранія для женщинъ, куда онѣ могли бы приходить для отдохновенія и бесѣдъ. Они заботятся также о доставленіи своимъ членамъ умственныхъ занятій и развлеченій. Разница между обоими клубами заключается лишь въ членскомъ взносѣ. Въ первомъ взносъ назначенъ 20 марокъ, а въ болѣе молодомъ учрежденіи—всего 6 марокъ, такъ что этотъ клубъ доступнѣе для небогатыхъ женщинъ. Несмотря на такую низкую плату, клубъ этотъ по своемъ устройству нисколько не отсталъ отъ своего старшаго собрата. Читальня снабжена такою же массою газетъ и журналовъ, какъ и въ первомъ клубѣ; въ залѣ находится прекрасный рояль, двѣ столовыхъ, гдѣ члены могутъ получить хорошій обѣдъ за недорогую плату. Счастливою мыслью было украшеніе стѣнъ клуба новыми картинами, которыя мѣняются черезъ каждыя четыре недѣли и такимъ образомъ въ клубѣ существуетъ нѣчто вродѣ постоянной небольшой выставки художественныхъ произведеній. Комитетъ въ составъ котораго вошли многія выдающіяся дѣятельницы въ области женскаго движенія, въ настоящее время занятъ проектомъ устройства клуба для работницъ при «Берлинскомъ женскомъ клубѣ 1900 г.». За образецъ взятъ только что описанный нами пріютъ для работницъ, существующій съ прошлаго года.

Театръ мистерій въ Обераммергау. Маленькая, пріютившаяся въ горной долинѣ баварская деревушка Обераммергау снова напомнила о своемъ существованіи европейской публикѣ, такъ какъ въ этомъ году, въ маѣ, происходило въ этой деревушкѣ представленіе мистеріи «Страстей Господнихъ». Черезъ каждыя десять лѣтъ, начиная съ 1631 года, въ нарочно выстроенномъ для этого театрѣ, изображается на сценѣ въ лицахъ исторія Христа, Его страданія и смерть. Представленія продолжаются до конца сентября, начинаясь обыкновенно въ день Вознесенія, и хотя въ театрѣ, открытомъ со всѣхъ сторонъ и только имѣющемъ крышу для защиты отъ дождя и солнца, свободно помѣщаются 4.000 человѣкъ, тѣмъ не менѣе онъ часто не можетъ вмѣстить всѣхъ желающихъ посмотрѣть мистеріи, съѣзжающихся въ это время въ Обераммергау со всѣхъ концовъ Европы. Маленькій тихій уголокъ совершенно преобразуется вслѣдствіе такого переселенія народовъ. Гостинницы переполняются пріѣзжими, но, кромѣ того, въ каждомъ домѣ отдаются комнаты для пріѣзжающихъ, постели для ночлега, съ полнымъ пансіономъ и безъ него. Однимъ словомъ, жители маленькой деревушки, число которыхъ не превышаетъ въ

обычное время 1.500 человѣкъ, извлекаютъ такія огромныя выгоды изъ этого наплыва пріѣзжихъ, что, затѣмъ, въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ они могутъ жить совершенно спокойно, въ ожиданіи своего слѣдующаго бенефиса. Однако слѣдуетъ прибавить, что несмотря на этотъ наплывъ иностранцевъ, происходящій черезъ каждыя десять лѣтъ, несмотря на барыши, которые извлекаетъ изъ этого населеніе деревни, оно какъ-то ухитрилось сохранить въ чистотѣ свои патріархальные нравы, отличается необыкновенною простотой и радушіемъ и не обнаруживаетъ особеннаго стремленія и алчности къ наживѣ. Къ представленію мистерій населеніе относится съ необычайною серьезностью и гордится ихъ успѣхомъ, не дѣлая изъ этого промышленнаго предпріятія. Каждая семья чрезвычайно гордится, если на долю кого-нибудь изъ ея членовъ выпадаетъ честь участвовать въ представленіи; поэтому когда наступаетъ срокъ и начинаются приготовленія къ этому великому празднеству, вся деревня приходитъ въ сильнѣйшее волненіе. Выборъ лицъ для исполненія главныхъ ролей облекается величайшею торжественностью. Послѣ богослуженія члены общиннаго совѣта и комитетъ, спеціально избранный для этой цѣли, получивъ благословеніе пастора, удаляются для совѣщанія въ ратушу, гдѣ и происходитъ выборъ актеровъ для священной драмы, посредствомъ закрытой подачи голосовъ. Обыкновенно при этомъ не бываетъ никакихъ преній, ни споровъ, но въ этомъ году произошли большіе дебаты во время выбора лица для главной роли Христа. Эту роль исполнялъ постоянно, начиная съ 1870 года, нѣкто Метръ. Это былъ первоклассный исполнитель, возбуждавшій всеобщіе восторги и въ особенности англичане восхищались имъ. Онъ и теперь хотѣлъ взяться за эту роль, но ему не рѣшились дать ее, такъ какъ въ сценѣ распятія, актеръ, исполняющій роль Христа, долженъ висѣть на крестѣ въ теченіе 18—19 минутъ, лишь слегка опираясь ногами на маленькую перекладину и придерживаемый поясомъ, который прикрѣпляется къ кресту, причемъ распростертыя руки опираются въ кистевыхъ суставахъ на желѣзную скобку. Висѣть въ такомъ положеніи въ теченіе 18 — 19 минутъ составляетъ все-таки порядочную пытку, вынести которую можетъ только вполнѣ здоровый человѣкъ, а Метръ уже состарѣлся и поэтому явилось опасеніе, что онъ не выдержитъ ее. Пришлось выбирать другого исполнителя, а Метръ взялъ на себя чтеніе пролога, что онъ исполнилъ съ величайшимъ искусствомъ.

Посѣтитель, въ первый разъ попадающій на это представленіе, невольно долженъ чувствовать себя перенесеннымъ въ средніе вѣка, въ тѣ времена, когда подобныя представленія являлись одною изъ характерныхъ чертъ умственнаго строя общества. Теперь это не болѣе, какъ пережитокъ, напоминающій о томъ отдаленномъ времени, когда еще пылали костры, на которыхъ сжигались еретики. До 1850 года о мистеріяхъ въ Обераммергау мало кому было извѣстно и только когда одинъ извѣстный писатель-драматургъ, случайно попавшій на эти представленія, посвятилъ восторженную статью описанію ихъ, въ европейской образованной публикѣ и среди туристовъ проснулся интересъ къ этому остатку средневѣковой старины и съ тѣхъ поръ черезъ каждыя десятъ лѣтъ Обераммергау становится центромъ, привлекающимъ къ себѣ самую разнообразную публику. Это не замедлило повліять если не на характеръ и исполненіе мистеріи, то во всякомъ случаѣ на обстановку. Прежде обстановка была совершенно лишена какихъ-либо претензій; открытая сцена, даже безъ какой бы то ни было покрышки для защиты отъ дождя, простыя скамьи для зрителей и самые скромные костюмы. Мало-по-малу все это измѣнилось и теперь представленіе обставлено очень роскошно; въ самомъ театрѣ произведены большія усовершенствованія и крыша, защищающая зрителей отъ дождя и солнца, позволяетъ имъ не открывать зонтиковъ, какъ это приходилось дѣлать раньше. На огромную популярность, которую пріобрѣли

въ послѣднее время эти представленія, указываютъ, между прочимъ, слѣдующія цифры: въ 1820 г. чистый доходъ съ представленія равнялся 250 маркамъ; въ 1890 г.—488.521 маркѣ, причемъ израсходовано было на постановку пьесы 206.195 марокъ. Сообразно съ этимъ увеличился и гонораръ, получаемый актерами. Въ 1870 г. они получали по 100 марокъ, затѣмъ исполнителю роли Христа стали платить 400 марокъ, а въ 1890 г. онъ получилъ 2.000. Прибыль дѣлится между гражданами общины (домовладѣльцами) и другими семьями. Въ случаѣ, если бы произошелъ дефицитъ, община покрыла бы его изъ своихъ средствъ.

Эта священная драма, вѣроятно, относится къ XIV-му вѣку; такъ и вѣетъ отъ нея сѣдою стариной, но она подверглась новой литературной обработкѣ въ 1850 году. Пасторъ Дейтенбергеръ сократилъ и исправилъ ея текстъ. Музыка къ тексту была написана въ 1875 году. Развитіе драмы происходитъ въ 17 актахъ. Представленіе продолжается непрерывно, начиная съ восьми часовъ утра, вплоть до половины двѣнадцатаго, причемъ разъигрываются первые семь актовъ, а остальные—послѣ обѣда, съ часа до $5^1/_2$ часовъ, безъ всякаго антракта.

Самое замѣчательное въ постановкѣ этой мистеріи то, что крестьяне, жители деревни, никогда ни къ кому не обращались ни за помощью, ни за совѣтомъ. Никогда община не приглашала къ себѣ ни одного знатока театральнаго дѣла, ни одного драматурга, режиссера, актера и т. д. Все до мельчайшихъ подробностей обстановки, костюмовъ, декорацій и т. п.—все сдѣлано на мѣстѣ, и это обстоятельство невольно поражаетъ пріѣзжихъ зрителей, такъ какъ всѣ компетентныя въ этомъ отношеніи лица согласны между собой, что трудно лучше и реальнѣе поставить какую-нибудь пьесу, чѣмъ это сдѣлали крестьяне Обераммергау, свято исполняющіе обѣтъ, данный ихъ предками во время страшной эпидеміи чумы, опустошавшей Европу.

Общество помощи рыбакамъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, во Франціи образовалось общество, подъ названіемъ «Oeuvres de Mer», поставившее себѣ цѣлью заботу и облегченіе участи рыбаковъ, отправляющихся на промыселъ къ берегамъ Исландіи и Ньюфаундленда. Ежегодно, когда наступаетъ благопріятный сезонъ, рыбачьи барки отправляются къ сѣверу, увозя съ собою цѣлыя партіи людей, которые всю жизнь проводятъ въ занятіи этимъ тяжелымъ и опаснымъ промысломъ. Не говоря уже объ опасностяхъ, которымъ они подвергаютъ постоянно свою жизнь, люди эти терпятъ большія лишенія и, въ случаѣ болѣзни, большею частью не получаютъ ни откуда никакой помощи. Французское общество «Oeuvres de Mer» прежде всего позаботилось о томъ, чтобы съ этой стороны рыбаки были обезпечены. Съ этою цѣлью устроены особые суда-госпитали, снабженные всѣмъ необходимымъ и спеціально приспособленные для того труднаго плаванія, которое имъ предстоитъ совершить съ гуманитарною цѣлью. Придя на мѣсто рыбной ловли, гдѣ обыкновенно находится уже цѣлая флотилія рыбачьихъ лодокъ, такое судно-госпиталь обходитъ всѣ рыбачьи суда и каждому судну передаетъ привезенныя для него письма, книги и газеты, а врачъ, находящійся на суднѣ, въ это время посѣщаетъ больныхъ рыбаковъ и раздаетъ имъ лекарства. Если гдѣ-нибудь окажется трудно больной, то его немедленно берутъ на судно-госпиталь. На этомъ суднѣ находится также священникъ для исполненія требъ. Трогательно видѣть радость рыбаковъ, когда приходитъ судно, которое привозитъ имъ вѣсти съ родины, письма отъ близкихъ и т. п. Члены «Oeuvres de Mer» справляются о нуждахъ рыбаковъ и стараются удовлетворить ихъ по мѣрѣ силъ, а какъ велики эти нужды—объ этомъ можно судить по тому, что рыбачьи суда обыкновенно въ теченіе многихъ мѣсяцевъ не видятъ твердой земли, такъ какъ они занимаются своимъ

промысломъ, по крайней мѣрѣ, на разстояніи 400 километровъ отъ материка, а въ Исландіи они крейсируютъ вдоль крайне опасныхъ и неприступныхъ береговъ острова.

Общество, кромѣ плавучихъ госпиталей, учредило еще на твердой землѣ, въ Ньюфаундлендѣ, пріютъ для моряковъ, называемый «Maison de famille». Этотъ пріютъ устроенъ въ Сенъ-Пьерѣ и служитъ убѣжищемъ для моряковъ, которымъ иногда приходится зимовать въ этихъ мѣстахъ. Тамъ, въ этомъ убѣжищѣ, рыбаки находятъ и помощь, и развлеченіе. Тамъ находится пріемный покой и врачъ, часовня и при ней священникъ, но, кромѣ того, тутъ же и библіотека, и зала для различныхъ игръ. Входъ въ это учрежденіе свободенъ для каждаго. Никто не спрашиваетъ рыбака, зачѣмъ онъ пришелъ сюда, и онъ можетъ дѣлать то, что ему угодно. Нѣкоторые приходятъ, чтобы почитать газеты, другіе—чтобы написать письма или поиграть съ товарищами въ какую-нибудь игру. Иногда тамъ сходятся нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ для какихъ-либо переговоровъ и совѣщаній. Оторванные отъ семьи и осужденные на всевозможныя лишенія и опасности, моряки, которымъ приходится зимовать въ этихъ мѣстахъ, находятъ въ убѣжищѣ нѣчто, похожее на домашній очагъ и, во всякомъ случаѣ, могутъ въ немъ отдохнуть отъ суровой обстановки, которая ихъ окружаетъ на суднѣ и въ морѣ.

Общество располагало въ началѣ двумя хорошими судами, которыя, тотчасъ же по открытіи навигаціи, отправлялись къ рыбнымъ промысламъ, но въ прошломъ году осенью одно изъ этихъ судовъ разбилось у береговъ Исландіи, такъ что въ этомъ году общество, не имѣя возможности построить изъ своихъ средствъ новое судно, прибѣгло къ воззванію ко всѣмъ сочувствующимъ этому дѣлу и, вѣроятно, это не будетъ «гласомъ вопіющаго въ пустынѣ».

Въ Англіи такія общества помощи морякамъ существуютъ давно и находятся въ цвѣтущемъ состояніи. Они очень многочисленны, обладаютъ большими средствами и приносятъ огромную пользу. Эти общества, какъ и во Франціи, обязаны своимъ существованіемъ частной иниціативѣ и средства ихъ образуются путемъ добровольныхъ пожертвованій.

Уступка требованіямъ времени въ Австріи. Австрія гораздо медленнѣе другихъ европейскихъ странъ подвигается впередъ въ области высшаго женскаго образованія и лишь съ большими затрудненіями и колебаніями рѣшается мало-по-малу открывать женщинамъ двери въ храмъ науки, куда онѣ уже давно добиваются попасть. Первая уступка въ этомъ отношеніи была сдѣлана въ 1896 г., когда, наконецъ, женщинамъ было дано право держать экзаменъ на аттестатъ зрѣлости. Однако австрійскимъ женщинамъ очень трудно было воспользоваться этимъ правомъ, такъ какъ имъ негдѣ было получить нужное для этого образованіе. Въ Австріи не было раньше женскихъ гимназій, а только такъ называемыя «Töchterschulen», курсъ которыхъ былъ гораздо ниже курса среднихъ учебныхъ заведеній. Такимъ образомъ, разрѣшеніе женщинамъ держать экзаменъ на аттестатъ зрѣлости не имѣло большого значенія при подобныхъ условіяхъ. Но возникшее въ Вѣнѣ женское общество энергично взялось за это дѣло и, поборовъ всѣ препятствія, которыхъ было не мало, открыло первую женскую гимназію съ курсомъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Примѣръ этотъ подѣйствовалъ благотворнымъ образомъ на правительство, которое учредило въ другихъ городахъ подобныя же гимназіи, такъ что теперь состоялся уже первый выпускъ, и такъ какъ вмѣстѣ съ этимъ невольно возникъ вопросъ, что же будутъ дѣлать эти дѣвушки, имѣющія аттестатъ зрѣлости, то правительство сдѣлало еще одну уступку—разрѣшило женщинамъ поступать въ университетъ, но только на одинъ философскій факультетъ.

Такимъ образомъ, университетскія двери полуоткрылись для женщинъ и онѣ, конечно, воспользовались этимъ. Получивъ право слушать лекціи на

одномъ только факультетѣ, онѣ, разумѣется, не ограничились этимъ факультетомъ и стали посѣщать лекціи другихъ профессоровъ, тѣмъ болѣе, что большинство этихъ профессоровъ весьма любезно дозволяло имъ это, въ особенности профессора медицинскаго факультета, гдѣ уже въ числѣ слушательницъ находились женщины-врачи, получившія дипломы въ заграничныхъ университетахъ и желавшія усовершенствовать свои познанія.

Итакъ, твердыня вѣнскаго университета постепенно начала уступать напору женскаго движенія и, вѣроятно, недалеко время, когда всѣ преграды рушатся. Что въ этомъ направленіи уже сдѣланъ большой шагъ впередъ, доказываетъ, между прочимъ, торжество, происходившее недавно въ актовой залѣ вѣнскаго университета. Графиня Габріелла Вартенслебенъ, сдавшая блестящимъ образомъ экзаменъ въ испытательной коммиссіи профессоровъ, признана была достойной получить ученую степень доктора философіи. Это былъ первый подобный случай въ Австріи, такъ какъ до сихъ поръ только одна женщина, да и то лишь въ видѣ исключенія, получила степень доктора медицины.

По случаю торжественнаго признанія графини Вартенслебенъ докторомъ философіи ректоръ вѣнскаго университета, профессоръ богословія Нейманнъ, сказалъ рѣчь, въ которой высказался очень сочувственно относительно высшаго женскаго образованія и въ особенности относительно женщинъ-врачей, которыя до сихъ поръ не пользуются никакими правами въ Австріи.

Но женщины съ особенною настойчивостью добиваются доступа на юридическій факультетъ, который для нихъ закрытъ, и вслѣдствіе этой настойчивости университетское начальство рѣшило, наконецъ, снять запретъ и допустить къ слушанію лекцій, но не оффиціальнымъ, а лишь частнымъ образомъ, такъ какъ женщины не могутъ записываться на этотъ факультетъ. Однако въ этомъ году сдѣланъ еще одинъ важный шагъ впередъ въ этомъ отношеніи. Юридическій факультетъ, вслѣдствіе доклада профессора Бернацика о юридическомъ образованіи женщинъ, постановилъ обратиться къ министру просвѣщенія съ ходатайствомъ о допущеніи женщинъ на юридическій факультетъ и предоставленіи имъ права сдавать государственный экзаменъ. Проф. Бернацикъ въ своемъ докладѣ особенно подчеркиваетъ то, что опытъ вѣнскаго университета, допустившаго въ свои аудиторіи женщинъ, не только нельзя назвать неудачнымъ, но онъ еще разъ доказалъ, до какой степени неосновательны всѣ доводы, которые обыкновенно приводятся противъ высшаго образованія женщинъ и которые говорятъ о неспособности ихъ къ ученымъ занятіямъ, неудобствахъ совмѣстнаго ученія и т. п. Въ заключеніе проф. Бернацикъ указалъ на ту пользу, которую должны будутъ принести юридически образованныя женщины въ должности фабричныхъ и ремесленныхъ инспектрисъ.

Оомъ Поль. Спеціальный корреспондентъ «Daily News» пишетъ по поводу старика Крюгера, президента трансваальской республики, что англичане не въ состояніи составить себѣ даже приблизительнаго представленія о томъ, какимъ почтеніемъ и любовью пользуется Крюгеръ у всѣхъ своихъ соотечественниковъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ. Они относятся къ нему совершенно такъ же, какъ нѣкогда древніе евреи относились къ своимъ пророкамъ и каждое слово стараго президента повторяется ими съ благоговѣніемъ. «Попробуйте заговорить съ любымъ изъ буровъ, старымъ или молодымъ, о Крюгерѣ,—пишетъ корреспондентъ— и онъ тотчасъ же выложитъ вамъ весь свой запасъ разсказовъ и анекдотовъ о немъ. Буры очень любятъ говоритъ о немъ. Каждый изъ нихъ непремѣнно разскажетъ вамъ о томъ, какъ «Оомъ Поль» въ молодости охотился на львовъ, какъ онъ не разъ подвергалъ опасности свою жизнь при этомъ. Однажды съ нимъ былъ такой случай: лошадь его споткнулась на берегу потока и онъ свалился на глинистую землю у самой воды. Не успѣлъ онъ под-

няться и оправиться, какъ увидалъ передъ собою львицу. Не задумываясь ни на минуту и не подозрѣвая, что дуло его ружья наполнилось землей во время его паденія, Оомъ Поль прицѣлился и выстрѣлилъ. Ружье разорвалось, причемъ Крюгеру раздробило большой палецъ, но къ его счастью львица, испуганная взрывомъ, удалилась, не сдѣлавъ попытки произвести на него нападеніе. Ошеломленный Крюгеръ, придя нѣсколько въ себя, перевязалъ кое-какъ свою израненную руку краснымъ бумажнымъ носовымъ платкомъ, но тутъ увидалъ, что его постигло новое горе: испуганная лошадь его ускакала и ее нигдѣ не было видно. До ближайшей фермы оставалось по крайней мѣрѣ три дня пути и въ пустынномъ Фельдтѣ не откуда было ждать помощи. Крюгеръ однако не упалъ духомъ; онъ началъ произносить псалмы и отправился въ путь. На слѣдующія сутки онъ замѣтилъ, что его раздробленный палецъ почернѣлъ и опасаясь, что гангрена распространится дальше, онъ рѣшилъ самъ себѣ сдѣлать ампутацію. Онъ снялъ сапогъ, и, употребивъ каблукъ сапога какъ опорную точку, отрѣзалъ палецъ своимъ охотничьимъ ножомъ, а затѣмъ, обмывъ его водой потока и вымывъ свой красный бумажный платокъ, снова перевязалъ руку и отправился дальше. На фермѣ, куда онъ пришелъ на третій день, хозяйка сдѣлала ему перевязку, Въ тѣ времена у буровъ женщины всегда несли на себѣ всѣ медицинскія обязанности, такъ какъ правильной медицинской помощи не существовало.

Другой разсказъ, также очень распространенный среди трансваальскихъ буровъ, повѣствуетъ о томъ, какъ молодой Крюгеръ поступилъ со своимъ соперникомъ. Оба ухаживали за одною и тою же красавицею Фельдта, но соперникъ Крюгера былъ что называется франтъ, всегда былъ одѣтъ съ иголочки и сѣдло у него было разукрашено, между тѣмъ какъ Крюгеръ выглядѣлъ мѣшковатымъ парнемъ и носилъ одежду домашняго производства. Однако, несмотря на это, проницательная красавица отдала предпочтеніе Крюгеру, но, опасаясь все-таки, что дѣло можетъ дойти между двумя ея обожателями до серьезнаго столкновенія, она взяла слово съ Крюгера, что онъ не тронетъ пальцемъ франта, постоянно подтрунивавшаго надъ нимъ и осыпавшаго его насмѣшками. Крюгеръ терпѣлъ сколько могъ, между тѣмъ какъ франтъ, пользуясь своею безнаказанностью, позволялъ себѣ съ нимъ самыя невозможныя выходки. Наконецъ онъ не вытерпѣлъ и когда однажды франтъ, сидя верхомъ на разукрашенной лошади, позволилъ себѣ какую-то особенно злую выходку по его адресу, Крюгеръ ударилъ кулакомъ лошадь по головѣ. Лошадь отпрянула въ сторону и свалилась раньше, чѣмъ всадникъ успѣлъ соскочить на землю. Это паденіе было роковымъ для соперника: онъ сломалъ себѣ ногу. «О Поль! Поль!—вскрикнула красавица, на глазахъ которой все это произошло.—Вѣдь вы же обѣщали мнѣ не трогать его, что бы онъ не говорилъ!»—«Да вѣдь я и не трогалъ его—отвѣчалъ Крюгеръ.—«Но развѣ я давалъ обѣщаніе не трогать его лошадь?»

Сдѣлавшись президентомъ, Крюгеръ или Оомъ Поль, какъ его стали называть, остался такимъ же грубоватымъ и презирающимъ всякую условную вѣжливость, упорнымъ въ своихъ взглядахъ и недовѣрчивымъ, какимъ онъ былъ въ молодости. Однажды къ нему явился одинъ нѣмецъ спекуляторъ, желавшій добится какой-то концессіи и увѣренный, что ему удастся уломать упрямаго старика при помощи своего дипломатическаго краснорѣчія. Нѣмецъ взялъ съ собою переводчика, такъ какъ не умѣлъ говорить по-голландски. Крюгеръ принялъ его, сидя на верандѣ съ неизмѣнною трубкою въ зубахъ.

— Оомъ Поль Крюгеръ, президентъ трансваальской республики, вѣдь вамъ извѣстенъ Іоганенсбургъ, не такъ ли?..—началъ нѣмецъ свою подготовленную рѣчь.

Старикъ посмотрѣлъ изподлобья на самодовольную фигуру расфранченнаго нѣмца, отъ котораго такъ и разило духами, и спросилъ переводчика: «Что онъ такое говоритъ?»

— Онъ говоритъ: знаете ли вы Іоганенсбургъ?—объяснилъ переводчикъ.

— Знаю ли я Іоганнесбургъ?—зарычалъ Крюгеръ.—Да—я знаю его. Я зналъ его еще тогда, когда его мать бѣгала въ короткой юбочкѣ,—прибавилъ онъ, указывая на ошеломленнаго нѣмца.—Я тамъ стрѣлялъ слоновъ еще въ то время, когда онъ сосалъ рожокъ. Если этотъ молодой идіотъ намѣренъ отнимать у меня время подобными глупыми вопросами, то пусть убирается, откуда пришелъ, а то онъ не увидитъ больше Іоганнесбурга!

Бѣдный нѣмецъ, не понимая, чѣмъ онъ такъ разсердилъ грознаго старика, позабылъ отъ страха про концессію и, подобравъ свою шляпу и цвѣтныя перчатки, поторопился уйти съ крыльца, откуда вслѣдъ ему еще долго раздавался сердитый голосъ расходившагося Крюгера.

Крюгеръ, какъ и всѣ буры, вѣрные традиціямъ своихъ предковъ, ненавидитъ карты и вообще всякую игру. Карты онъ считаетъ дьявольскимъ изобрѣтеніемъ и уже, конечно, въ его домѣ никакая игра не допускается. Но онъ также возмущается, когда видитъ, что играютъ другіе и не одинъ молодой буръ не рискнетъ взять карты въ руки въ его присутствіи. Когда онъ ѣздилъ въ Англію нѣсколько лѣтъ тому назадъ, то на пароходѣ увидѣлъ одного молодого бура, играющаго въ карты и такъ отчиталъ его, что бѣдный юноша не зналъ, куда ему спрятаться отъ сердитаго президента, который, со сверкающими глазами изъ подъ нависшихъ сѣдыхъ бровей, упрекалъ его въ содѣянномъ грѣхѣ съ такимъ краснорѣчіемъ, которому позавидовалъ бы пророкъ Іеремія.

Въ Лондонѣ Оомъ Поль оставался такимъ же бирюкомъ и весьма скептически относился ко всѣмъ развлеченіямъ современной столицы, не находя въ нихъ никакой прелести. Одинъ изъ его пріятелей англичанинъ повелъ его съ собою въ балетъ, который Крюгеръ видѣлъ въ первый разъ въ жизни. Англичанина забавляла мысль, какъ будетъ шокированъ старый буръ, когда увидитъ балетныхъ танцовщицъ въ ихъ нарядѣ. Но, къ его удивленію, Оомъ Поль, не сказалъ ни слова и молча, но съ большимъ интересомъ слѣдилъ за представленіемъ. Тогда англичанинъ подмигнулъ ему и спросилъ, указывая на танцовщицъ:

— А что, вѣдь недурны, не правда ли?

— Да, краски свѣжи, я не сомнѣваюсь,—сказалъ Оомъ Поль,—но знаете ли, я предпочту старые башмаки той, которую я оставилъ въ Африкѣ, всѣмъ вашимъ женщинамъ въ Англіи, на сценѣ и внѣ ея... Она была достаточно хороша для меня, когда была молода, хороша и теперь!

Этотъ разсказъ рисуетъ Оомъ Поля съ точки зрѣнія семейныхъ добродѣтей, но вотъ другой анекдотъ, иллюстрирующій его отношеніе къ литературѣ:

Однажды онъ принималъ участіе въ одной охотничьей экспедиціи, въ которой находились англичане, голландцы, нѣмцы и буры. Вечеромъ, вокругъ бивуачнаго костра, зашелъ разговоръ о литературѣ и завязался горячій споръ между нѣмцами и англичанами насчетъ того, кто выше: Шекспиръ или Гете. Оомъ Поль не принималъ никакого участія въ разговорѣ, а сидѣлъ молча и потягивалъ трубочкой.

— Ну а вы, какъ думаете, Оомъ Поль? обратился къ нему одинъ изъ спорившихъ.—Кто выше: Шекспиръ или Гете?

— Не читалъ ни того, ни другого!—послѣдовалъ откровенный отвѣтъ.

— Богъ мой!—воскликнулъ пораженный нѣмецъ.—Вотъ человѣкъ, котораго буры называютъ великимъ, а онъ никогда не читалъ Гете!

— Никогда не читали Шекспира!—вскричалъ въ негодованіи англичанинъ,—такъ что же вы, въ такомъ случаѣ, читаете, чортъ васъ возьми?

— Только это, отвѣчалъ Оомъ Поль, вытаскивая истрепанную Библію изъ своего кармана.—Я читаю ее каждое утро и вечеръ, ежедневно, въ тече-

ніе сорока лѣтъ и все-таки еще не постигъ всѣхъ ея красотъ. Когда я изучу Библію, то пожалуй займусь тогда Гете и Шекспиромъ. Но скажите мнѣ, найду ли я у котораго-нибудь изъ нихъ такую мудрость, какая заключается въ книгѣ пророковъ? Могъ ли кто-нибудь изъ нихъ написать что-нибудь такое, что можетъ сравниться съ псалмами Давида, этого поэта древнихъ евреевъ? Есть ли у Шекспира или Гете что-нибудь подобное пѣснямъ Соломона? Я нахожу въ Библіи все, что мнѣ нужно. Хочу ли прочитать что-нибудь объ охотѣ— я нахожу это въ Библіи. Хочу ли я прочитать о любви—и это есть въ Библіи. Развѣ есть другая какая-нибудь книга на свѣтѣ, въ которой любовь описывалась бы такъ просто и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ прекрасно, какъ въ Библіи. Хочу ли я прочитать о войнѣ и честолюбіи— и для этого мнѣ не надо искать другой книги. Если я ищу въ книгѣ примѣровъ терпѣнія, то могу ли я найти что-нибудь лучше книги Іова въ этомъ отношеніи? Если меня соблазняетъ женщина, то развѣ я могу найти что-нибудь поучительнѣе разсказа о Самсонѣ, который потерялъ зрѣніе и силу изъ-за Далилы? Скажите мнѣ вы, буквоѣды, могу ли я прочесть въ какой-нибудь книгѣ лучшее описаніе дружбы, чѣмъ то, которое я нахожу въ Библіи, въ разсказѣ о любви Давида къ его другу Іонаѳану? Можетъ ли какая-нибудь другая книга лучше научить сыновнимъ обязанностямъ, нежели Библія? Какая другая книга можетъ лучше руководить человѣкомъ въ исполненіи обязанностей къ родинѣ? Сожгите девять десятыхъ всѣхъ книгъ, какія существуютъ на свѣтѣ, но раздайте каждому мальчику и дѣвочкѣ по Библіи и вы увидите что будущее поколѣніе мужчинъ и женщинъ будетъ храбрѣе и лучше, милосерднѣе и мужественнѣе, будетъ болѣе разсудительнымъ и болѣе преданнымъ и самоотверженнымъ, нежели мужчины и женщины нашего времени.

На эту горячую рѣчь Оомъ Поля никто ничего не возразилъ, но какъ нѣмецъ, такъ и англичанинъ постарались перемѣнить разговоръ, между тѣмъ какъ Оомъ Поль развернулъ свою Библію и началъ читать разсказъ про Вооза и Руѳь, который онъ зналъ давно наизусть.

Въ другой разъ, когда онъ находился вмѣстѣ съ нѣсколькими богатыми спекуляторами, нахлынувшими въ Трансвааль, въ пустынной мѣстности Фельдта, случилось такъ, что пропали корзины съ съѣстными припасами и путникамъ пришлось голодать. Одинъ изъ нихъ, желая посмѣяться надъ Крюгеромъ, сказалъ ему: «Вотъ, Оомъ Поль, если бы теперь Господь послалъ мнѣ ворона, какъ пророку Ильѣ, чтобы онъ принесъ мнѣ пищу! Я бы повѣрилъ тогда въ чудо!» Крюгеръ пристально посмотрѣлъ ему въ глаза и сказалъ: «Илья былъ пророкъ, у него была миссія въ жизни. Ну, а вы... вы только глупецъ, обладающій большимъ аппетитомъ, и ничего больше! Если Господь пошлетъ ворона, то не для того, чтобы онъ напиталъ васъ, а чтобы воронъ этотъ самъ напитался вами!»

Къ характеристикѣ стараго президента буровъ корреспондентъ англійской газеты прибавляетъ слѣдующій разсказъ: «Крюгеръ, не смотря на свою наружную грубоватость, обладаетъ добрымъ и сострадательнымъ сердцемъ. Однажды, когда онъ еще былъ молодымъ человѣкомъ, онъ увидѣлъ, возвращаясь на свою ферму, что по дорогѣ плетется какая-то старая женщина съ узломъ за спиной. Не долго думая, молодой Крюгеръ соскочилъ съ лошади, поднялъ изумленную старуху и посадилъ ее въ сѣдло, затѣмъ, взявъ лошадь подъ уздцы, повелъ ее на ферму. Когда онъ уже находился вблизи дома, на порогѣ котораго стояла его жена, то старуха сказала ему: «Да благословитъ васъ Господь за то, что вы сдѣлали для меня, старухи; немногіе бы такъ поступили! Еслибъ я была молода и красива, тогда другое дѣло!»

— Еслибъ вы были молоды и красивы, тогда я бы оставилъ васъ тамъ.

гдѣ вы находились,—возразилъ Крюгеръ,—и ужъ, конечно, я бы не рискнулъ поднять васъ на руки и посадить въ сѣдло.

— Не рискнули бы? Почему?—спросила удивленная старуха.—Что же, развѣ вы боялись бы, что я васъ съѣмъ?

— Нѣтъ, не вы, а вотъ та, которая стоитъ въ дверяхъ!—сказалъ онъ смѣясь и указывая на жену.

Тетка Крюгеръ и въ молодости, и въ старости умѣетъ держать въ рукахъ своего мужа, и это знаютъ всѣ.

Неудачный кандидатъ. Бѣднаго адмирала Девея, героя Манилы, котораго американцы встрѣчали годъ тому назадъ самыми бурными оваціями, не зная, какъ ему выразить свой восторгъ и поклоненіе, постигла теперь весьма прискорбная для него неудача, прискорбная потому, что она превратила недавняго народнаго героя въ посмѣшище толпы. Дѣло въ томъ что теперь приближаются президентскіе выборы и бѣдному герою вдругъ пришло въ голову выступить кандидатомъ. Правда, годъ тому назадъ, нѣсколькимъ политиканамъ вздумалось было воспользоваться увлеченіемъ и поклоненіемъ народа и выставить побѣдителя Манилы кандидатомъ на постъ президента, послѣ того, какъ онъ вернулся изъ Филиппинъ. Когда ему сказали о томъ, что его, вмѣстѣ съ генераломъ Уилеромъ, поставятъ въ списокъ, то онъ съ нѣкоторымъ юморомъ воскликнулъ: «Мы, вдвоемъ, составимъ славный салатъ. Уилеръ получилъ хоть какое-нибудь политическое воспитаніе (онъ былъ кандидатомъ), ну а я столько же понимаю въ политикѣ, сколько мой старый Бобъ» (собака адмирала).

И вотъ послѣ такого откровеннаго и простодушнаго заявленія адмиралъ вдругъ заявляетъ о своемъ желаніи выступить кандидатомъ, «если народъ его пожелаетъ». Вначалѣ, когда въ газетѣ «World» появилось первое извѣстіе объ этомъ, то никто этому не повѣрилъ и всѣ подумали, что это шутка. Но вотъ адмиралъ за своею подписью напечаталъ заявленіе, въ которомъ предлагалъ себя народу. Съ удивительнымъ простодушіемъ и наивностью онъ прибавляетъ: «Когда я вернулся на родину, въ сентябрѣ прошлаго года, то наотрѣзъ объявилъ, что ничто не заставитъ меня рѣшиться выступить кандидатомъ на президентскій постъ, но съ тѣхъ поръ я передумалъ, тѣмъ болѣе, что очень многіе изъ моихъ соотечественниковъ увѣряли меня, что я буду хорошимъ кандидатомъ на эту высокую должность... Это самый почетный постъ, на какой только можетъ возвести нація; какой же изъ гражданъ откажется отъ него! Впрочемъ, поразмысливъ хорошенько объ этомъ предметѣ, я пришелъ къ заключенію, что обязанности президента не такъ ужъ трудны, такъ какъ онѣ заключаются главнымъ образомъ въ томъ, чтобы исполнять постановленія конгресса. Еслибъ меня избрали на этотъ высокій постъ, я бы сталъ исполнять ихъ такъ же аккуратно и добросовѣстно, какъ я исполнялъ всегда приказанія своего начальства...»

Американцы были положительно ошеломлены такимъ неожиданнымъ и притомъ наивнымъ заявленіемъ своего недавняго кумира, котораго они чествовали съ такимъ безпримѣрнымъ единодушіемъ и необузданными восторгами, когда онъ вернулся въ Америку, что бѣдный Девей даже готовъ былъ просить у нихъ пощады. Но несмотря на свое увлеченіе военными подвигами и славой, американцы совершенно свободны отъ цезаризма и ужъ ни въ какомъ случаѣ не могли бы, подобно римскому плебсу, броситься подъ колесницу побѣдоноснаго воина. Иное дѣло война, иное—политика! Американцы чествовали Девея, какъ воина; съ этой стороны онъ былъ для нихъ національнымъ героемъ, но какъ только онъ выступилъ передъ американскимъ народомъ въ роли политика, то отношеніе къ нему тотчасъ же перемѣнилось. Отъ политика прежде всего требуется программа или, какъ выражаются американцы: «platform». Если герой-

воинъ, котораго они только что вѣнчали лаврами, превращается въ кандидата, то къ американскимъ гражданамъ возвращается все ихъ хладнокровіе и они уже начинаютъ судить о немъ, какъ о политическомъ дѣятелѣ и заявляютъ ему: «Да, это очень хорошо, что вы потопили старыя испанскія суда въ Манилѣ, но теперь не въ этомъ дѣло. Вы намъ скажите-ка, что вы думаете о монетномъ вопросѣ, о «trusts», о таможенномъ тарифѣ, о колоніальной политикѣ, о каналѣ Никарагуа? Какіе ваши политическіе взгляды? Къ какой вы принадлежите партіи? и т. д. и т. д.».

Бѣдный адмиралъ ни очемъ этомъ ни думалъ никогда. Онъ хотѣлъ только исполнять велѣнія конгресса и больше ничего, а тутъ его, спрашиваютъ о политическихъ взглядахъ! Онъ и самъ не зналъ хорошенько, какіе у него политическіе взгляды. И то, что случилось затѣмъ, должно было заставить его поразмыслить о непостоянствѣ американской демократіи.

Когда его письмо появилось въ газетахъ, то многіе воскликнули: «Да онъ съ ума сошелъ!» Болѣе снисходительные замѣтили при этомъ: «Какъ жаль, что онъ сдѣлалъ такую ошибку. Конечно, это не отнимаетъ отъ него его военныхъ лавровъ, но...» — «Онъ пошутилъ, — сказалъ одинъ изъ его доброжелателей, — по крайней мѣрѣ, я бы очень желалъ, чтобы это такъ было!»

Но, къ сожалѣнію, адмиралъ не шутилъ. Когда къ нему пристали съ «платформой», то онъ объявилъ, что выставитъ американское знамя. Дѣло начало принимать трагикомическій оборотъ. Девей, словно не понимая своего положенія, лѣзъ дальше въ лужу и та самая толпа, которая чествовала его такъ недавно, забросала его теперь насмѣшками. Появилось множество каррикатуръ, для которыхъ пищею служила кандидатура адмирала. И замѣчательно, что не нашлось ни одной газеты, во всѣхъ Соединенныхъ Штатахъ, которая бы высказалась въ пользу кандидатуры Девея. Даже такъ называемая «Желтая пресса», и та не сочла возможнымъ поддерживать эту странную кандидатуру. Въ особенности повредило адмиралу въ глазахъ американцевъ подозрѣніе, что онъ дѣйствуетъ по наущенію своей молодой жены (онъ женился нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, на одной молодой вдовѣ изъ Вашингтона), которой хочется пожить въ Бѣломъ домѣ. Этотъ поздній бракъ (адмиралу около 60 л.) вообще не встрѣтилъ сочувствія у американцевъ. Молодую жену Девея считаютъ честолюбивой и то, что адмиралъ сдѣлалъ такой промахъ, — всецѣло ставится ей въ вину. Поэтому ей достается не мало отъ американскихъ каррикатуристовъ.

Конечно, въ концѣ концовъ адмиралъ и самъ понялъ свою ошибку, но раньше онъ все-таки не мало пострадалъ отъ насмѣшекъ. Недавно на открытіи миссіонерскаго конгресса въ Нью-Іоркѣ, Гаррисонъ, предсѣдатель конгресса и бывшій президентъ Соединенныхъ Штатовъ, обратился къ президенту Макъ-Кинлею съ рѣчью, въ которой благодарилъ его за то, что онъ рѣшился оставить «легкія и простыя обязанности, сопряженныя съ его высокимъ постомъ» и почтилъ конгрессъ своимъ присутствіемъ. Всѣ поняли, что это было сказано по адресу адмирала, который тутъ находился, и всю залу охватилъ припадокъ неудержимой веселости, отъ которой бѣдный адмиралъ долженъ былъ чувствовать себя очень неловко.

Какъ бы тамъ ни было, но эпизодъ съ Девеемъ оживилъ избирательную кампанію, которая иначе рисковала быть очень монотонной, такъ какъ борьба должна происходить только между двумя прежними соперниками, О'Брайномъ и Макъ-Кинлеемъ и единственною новинкою въ платформѣ избирателей является трансваальскій вопросъ, т.-е., вѣрнѣе, вопросъ той роли, которую должны играть Соединенные Штаты въ англобурскомъ конфликтѣ, въ видѣ обращенной къ нимъ просьбы о вмѣшательствѣ.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«The Forum».—«Nineteenth Century».—«Nuova Antologia».—«Revue de Revues.

Въ майской книжкѣ журнала «Forum» напечатана статья Вильяма Лонгфелло о Джонѣ Рёскинѣ. Авторъ разбираетъ значеніе и вліяніе Рёскина на его современниковъ и говоритъ, что не часто приходится видѣть генія, который бы управлялъ міромъ, не обращая никакого вниманія на стремленія и чувства своихъ ближнихъ и не дѣлая никакихъ уступокъ толпѣ. Джонъ Рёскинъ былъ именно такимъ гигантомъ. Еслибъ онъ родился въ XIII вѣкѣ, то, по всей вѣроятности, съ радостью произнесъ бы обѣтъ нищеты и отреченія и началъ бы проповѣдывать съ такимъ же пыломъ, съ какимъ проповѣдывалъ Савонаролла свое ученіе. Рёскинъ, также какъ и Савонаролла, неспособенъ былъ ни на какіе компромиссы и когда въ позднѣйшіе годы своей жизни онъ увлекся соціальными реформами, то въ его затѣяхъ можно было видѣть отраженіе соціальныхъ условій Флоренцій въ XIV вѣкѣ. Конечно, Рёскинъ не могъ вполнѣ стряхнуть съ себя оксфордское воспитаніе, проникнутое духомъ XIX вѣка, но тѣмъ не менѣе всѣ его симпатіи были въ прошломъ. Онъ презиралъ политику, ненавидѣлъ инженерное искусство, желѣзныя дороги и телеграфы, большіе города съ ихъ скученностью, лихорадочною жизнью, шумомъ и суетней и любилъ больше всего спокойное уединеніе горъ и озеръ, возставая такимъ образомъ противъ всего того, что составляетъ необходимую принадлежность современной жизни.

По мнѣнію автора, въ высшей степени сложная натура Рёскина мѣшаетъ его современникамъ сдѣлать правильную оцѣнку его дѣятельности. Его обвиняли, между прочимъ, въ узости воззрѣній, но это несправедливо. Величайшее разнообразіе его способностей, также какъ и постоянная борьба между разнородными душевными стремленіями, нарушали его духовную гармонію, что и дѣлаетъ задачу критиковъ Рёскина особенно трудной. Въ своемъ письмѣ къ Роситти, которое было недавно опубликовано, Рёскинъ говоритъ о себѣ: «Я очень снисходителенъ къ себѣ, очень гордъ, очень упрямъ и очень злопамятенъ, но, съ другой стороны, я очень правдивъ, насколько возможно быть правдивымъ въ этомъ мірѣ, я горячо стремлюсь къ тому, чтобы сдѣлать людей счастливыми и чувствую благоговѣйное почтеніе ко всякой истинной нравственной и умственной силѣ». Рёскинъ такимъ образомъ самъ сознавалъ въ себѣ отсутствіе душевной гармоніи и борьбу противоположныхъ стремленій. «Очень вѣроятно,—говоритъ авторъ статьи,—что никакая доктрина не останется существовать въ мірѣ какъ результатъ ученія Рёскина. Изъ его системы законовъ и принциповъ кое-что останется въ памяти, но многое будетъ забыто. Кое-что окажется плодотворнымъ, но многое все-таки пройдетъ безслѣдно, такъ какъ многое изъ его ученія было ошибочнымъ и натянутымъ. Но во всякомъ случаѣ въ мірѣ останутся не только разсказы о немъ, но и впечатлѣніе о немъ, какъ о великомъ человѣкѣ, какъ о великой силѣ, которая была всецѣло принесена на службу идеѣ и на благо ближнимъ. Трудно найти въ исторіи современной эпохи что-нибудь болѣе трогательное, нежели жизнь Рёскина—жизнь человѣка, стремившагося всегда къ тому, что онъ считалъ вѣчною правдой и вѣчною красотой и старавшагося заставить людей обратить свои взоры къ высшему идеалу и отвлечь ихъ отъ той мелочной борьбы интересовъ, въ которой они погрязли. Трогательно слѣдить за его усиліями, заставлявшими его постепенно переходить изъ интеллигентнаго круга въ другія сферы, гдѣ онъ старался пробудить стремленіе къ красотѣ и идеалу, спускаясь такимъ образомъ въ низшіе слои и стремясь отыскать такой рычагъ, который бы по-

могъ ему поднять нравственный уровень людей, вѣчно странствующихъ впотьмахъ. Мы видимъ, что, тронутый грустнымъ положеніемъ низшихъ классовъ общества, Рёскинъ отказывался отъ своей роли духовнаго учителя и превращался въ соціальнаго реформатора, расходующаго свое состояніе и свои силы на улучшеніе внѣшнихъ условій жизни низшихъ классовъ, разсчитывая на то, что, съ улучшеніемъ ихъ положенія, въ душѣ ихъ проснется стремленіе къ идеалу и глаза раскроются для пониманія прекраснаго».

Въ томъ же нумерѣ журнала сообщаются небезъинтересныя свѣдѣнія о публичныхъ лекціяхъ для рабочихъ, устроенныхъ въ нью-іоркскихъ школахъ. Въ январѣ 1888 года былъ вотированъ законъ, уполномочивающій департаментъ просвѣщенія (Board of Education) учредить свободные курсы для рабочихъ въ нью-іоркскихъ школахъ, при чемъ ассигновано было 15.000 долларовъ на это дѣло. Устройство лекцій поручено было коммиссіи вечернихъ школъ, но вначалѣ этотъ опытъ не увѣнчался особеннымъ успѣхомъ. Съ января по апрѣль состоялось 186 лекцій по физіологіи, гигіенѣ, физикѣ, исторіи и политической наукѣ, устроенныхъ въ семи наиболѣе людныхъ кварталахъ города. На этихъ лекціяхъ перебывало 22.149 человѣкъ. На слѣдующій годъ статистика не показала никакого прироста въ этомъ отношеніи, и даже скорѣе убыль, такъ что коммиссія постановила изслѣдовать это, чтобы рѣшить вопросъ, въ чемъ заключалась ошибка. Новый организаторъ курсовъ прежде всего позаботился о томъ, чтобы распространить свѣдѣнія о нихъ среди рабочаго населенія. Съ этою цѣлью оно напечатало 10.000 карманныхъ бюллютеней, сообщающихъ вкратцѣ имена лекторовъ и содержаніе лекцій. Эти бюллетени были розданы въ началѣ сезона въ каждомъ изъ центровъ, гдѣ устраивались лекціи, что, конечно, способствовало ихъ популяризаціи. Впрочемъ, больше всего успѣху лекцій помогло то, что были введены опыты, а также туманныя и стереоскопическія картины, что значительно увеличивало интересъ самихъ лекцій; число слушателей сразу возрасло на 50.000, сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ. Въ послѣднемъ отчетѣ коммиссіи число лекцій показано 1.066, а слушателей 426.375.

Въ настоящее время коммиссія имѣетъ въ своемъ распоряженіи 500 лекторовъ и соотвѣтствующій этому остальной штатъ различныхъ помощниковъ. Если принять во вниманіе, что слушатели почти исключительно принадлежатъ къ рабочимъ классамъ и что они являются на лекціи послѣ тяжелой фабричной работы и т. п., то нельзя не удивляться той жаждѣ знаній, которая живетъ въ душѣ этихъ рабочихъ и которая не могла быть заглушена однообразіемъ и монотонностью ихъ труда.

По словамъ автора статьи, огромнымъ успѣхомъ пользовались лекціи о великихъ американцахъ, Вашингтонѣ, Джефферсовѣ, Линкольнѣ и др. Эти лекціи привлекали всегда массу публики, также какъ и лекціи по естественной исторіи, сопровождаемыя демонстраціями микроскопическихъ препаратовъ. Лекціи по всеобщей исторіи и въ особенности по исторіи Америки также пользовались успѣхомъ. Въ настоящее время установлена уже опредѣленная программа для всѣхъ этихъ курсовъ, такъ какъ они явно развиваются и пріобрѣтаютъ популярность среди рабочаго населенія Нью-Іорка и его окрестностей. Въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ Соединенныхъ Штатовъ организуются такія же точно лекціи для рабочихъ, причемъ нью-іоркская схема принята вездѣ за образецъ.

Въ «Nineteenth Century» напечатана статья о женскихъ клубахъ въ Америкѣ. По словамъ автора статьи, Соединенные Штаты въ этомъ отношеніи далеко оставили позади всѣ прочія націи. Женскіе клубы въ Америкѣ не представляютъ только мѣсто отдохновенія, какъ въ Англіи, гдѣ собираются для

пріятнаго времяпрепровожденія и лишь болѣе или менѣе случайно возникаютъ пренія по какому-нибудь общественному вопросу или организуется лекція, и гдѣ члены оградили себя всевозможными общественными и соціальными перегородками, но преслѣдуютъ воспитательныя, научныя, общественныя, торговыя и всякія др. цѣли. Увы вѣковыхъ традицій не существуютъ въ Америкѣ и поэтому дѣятельность женщинъ не стѣснена никакими преградами. Очень большое число американскихъ женскихъ клубовъ обнаруживаетъ спеціальный интересъ къ муниципальнымъ дѣламъ и принимаетъ большое участіе въ реформахъ муниципальнаго законодательства. Девизомъ такихъ клубовъ служатъ гражданскія обязанности и гражданскіе интересы. Конечно, члены такихъ клубовъ должны изучать экономическіе вопросы и во многихъ мѣстахъ, благодаря именно дѣятельности этихъ клубовъ были произведены реформы фабричныхъ законовъ, назначены женщины-инспектора на фабрики, гдѣ работаютъ женщины и дѣти. Эти клубы много содѣйствовали также улучшенію городскихъ санитарныхъ условій, устройству площадей и парковъ и т. п. Вообще цѣль ихъ по возможности, улучшить и облегчить условія промышленной жизни. Такъ какъ промышленная дѣятельность составляетъ наиболѣе характерную черту американской жизни, то весьма естественно, что число клубовъ, посвященныхъ исключительно промышленнымъ вопросамъ, должно быть очень велико. Но не мало существуетъ также женскихъ клубовъ, носящихъ чисто литературный или научный характеръ. Назовемъ наудачу клубъ Эмерсона, Шекспира, Гольмса, Лоуэлля, музыкальный клубъ Бетховена, клубъ «литературныхъ изслѣдователей» (Literary Explorers), «Fin de siècle» клубъ двадцатаго столѣтія, клубъ дилеттантовъ и мн. др. Огромное большинство членовъ этихъ клубовъ состоитъ изъ трудящихся женщинъ, а нѣкоторые исключительно состоятъ изъ работницъ. Всѣ крупныя фабрики или иныя промышленныя учрежденія, гдѣ употребляется женскій трудъ, непремѣнно имѣютъ свои женскіе клубы, которые составляютъ какъ бы неотъемлемую принадлежность промышленной жизни этихъ учрежденій.

Но наилучшимъ показателемъ громаднаго развитія, которое получили женскіе клубы въ Америкѣ, служитъ, конечно, «федерація женскихъ клубовъ Соединенныхъ Штатовъ», объединившая 150.000 женщинъ и имѣющая почетныхъ членовъ рѣшительно во всѣхъ странахъ міра. Эта федерація имѣетъ отдѣленія въ тридцати штатахъ и включаетъ 1.200 разныхъ клубовъ, разсѣянныхъ по разнымъ уголкамъ американской территоріи. Дѣятельность федераціи оказалась плодотворной въ самыхъ различныхъ направленіяхъ. Благодаря ей, не только введены различныя улучшенія въ городахъ, школахъ, но возникли также разныя учрежденія, носящія общественный характеръ, художественныя галлереи, читальни и библіотеки, гимнастическія заведенія, народные концерты, школьные союзы и т. п.

Примѣромъ клуба, открытымъ для всѣхъ, можетъ служить «Women's Educational and Industrial Union» въ Бостонѣ, въ которомъ практическая и воспитательная дѣятельность соединяется съ соціально-экономической, такъ что клубъ этотъ можно смѣло считать центромъ соціальной жизни Бостона. Онъ основанъ былъ въ 1877 г. и теперь уже помѣщается въ собственномъ домѣ. Въ первомъ этажѣ находятся женская банкирская контора и ресторанъ, въ которомъ можно получать кушанья, изготовленныя ученицами классовъ домоводства и кулинарнаго искусства, устроенныхъ при клубѣ. Во второмъ этажѣ находятся пріемныя комнаты, залы, библіотеки и читальня. Классы, гимнастическій залъ и комнаты для пріѣзжающихъ помѣщаются въ верхнемъ этажѣ.

Другіе клубы, какъ, напримѣръ, «Women's Century Club» въ Дантонѣ (Orio) принимаютъ въ число членовъ лишь служащихъ въ какомъ-нибудь крупномъ

промышленномъ предпріятіи, также какъ и профессіональные клубы, объединяющія женщинъ, занимающихся однимъ и тѣмъ же профессіональнымъ трудомъ.

Въ настоящее время существуетъ нѣсколько политическихъ женскихъ клубовъ, устроенныхъ со спеціальною цѣлью расширенія и полученія избирательныхъ правъ, такъ какъ еще во многихъ штатахъ союза женщины не пользуются правомъ голоса на политическихъ выборахъ.

Г-жа Паоло Ломброзо въ «Nuova Antologia» изучаетъ психологію дѣтей бѣднѣйшихъ классовъ итальянскаго населенія. Справедливо отмѣчая тотъ фактъ, что психологи и педагоги, интересующіеся психологіей ребенка, изучали ее преимущественно въ интеллигентныхъ классахъ, въ зажиточномъ кругу, г-жа Ломброзо говоритъ, что свѣдѣнія о духовной жизни дѣтей заброшенныхъ и несчастныхъ, растущихъ въ нищетѣ, на улицѣ, большею частью очень скудны. Между тѣмъ именно среди этихъ дѣтей можно собрать драгоцѣнный матеріалъ для психологіи ребенка, такъ какъ тутъ можно наблюдать природные инстинкты и душевныя движенія въ первобытномъ неизмѣненномъ видѣ, тогда какъ у дѣтей другихъ классовъ эти инстинкты и движенія подчинены уже извѣстной дисциплинѣ, съ раннихъ лѣтъ прививаемой ребенку воспитаніемъ. Г-жа Ломброзо посѣщала въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ пріютъ носящій названіе «Школа и семья», куда дѣти приходили для игръ и занятій. Это были дѣти изъ самыхъ бѣднѣйшихъ классовъ населенія и онъ-то послужилъ г-жѣ Ломброзо богатымъ матеріаломъ для ея психологическихъ наблюденій.

Присматриваясь къ этимъ дѣтямъ и занимаясь ими въ теченіе цѣлыхъ двухъ лѣтъ, г-жа Ломброзо пришла къ заключенію, что у этихъ бѣдняжекъ всего громче и сильнѣе говоритъ инстинктъ самосохраненія. Они инстинктивно сознаютъ свою безпомощность и вѣчное голоданіе отражается какъ въ зеркалѣ во всѣхъ ихъ наивныхъ отвѣтахъ, на предложенные имъ вопросы: «Кого они любятъ больше всего? Что имъ доставляетъ удовольствіе? и т. д.». Всѣ эти малютки говорятъ. «Я люблю маму, бабушку и т. д.» и на дальнѣйшій вопросъ: «Почему они любятъ ихъ?» непремѣнно отвѣчаютъ: «Она даетъ мнѣ супъ или хлѣбъ». Однимъ словомъ, всѣ ихъ мысли вращаются около ѣды, такъ какъ желудки ихъ вѣчно пусты и настоятельно напоминаютъ о своемъ существованіи. Всякое удовольствіе, о которомъ они мечтаютъ или которое они получили, непремѣнно бываетъ сопряжено у нихъ съ ѣдой. Но, помимо этого общаго всѣмъ этимъ дѣтямъ стремленія сытно поѣсть, г-жѣ Ломброзо удалось подмѣтить у этихъ дѣтей очень тонкія и возвышенныя душевныя движенія. Она говоритъ, что природная гордость, чувство независимости, великодушіе, встрѣчаются у нихъ гораздо чаще, чѣмъ это думаютъ. «Дѣтямъ, которые окружены довольствомъ и у которыхъ стараются воспитывать разныя возвышенныя душевныя качества, не трудно быть независимыми, великодушными, и поражать иногда своими смѣлыми и даже дерзкими отвѣтами,—говоритъ Паола Ломброзо,—но если у дѣтей, которыя уже съ самыхъ младенческихъ лѣтъ сознаютъ, что каждый можетъ ихъ обидѣть, что имъ нужно заискивать у людей, все-таки проявляется независимость, непокорность и смѣлость, то это во всякомъ случаѣ указываетъ на несовсѣмъ обыкновенную силу характера». Паола Ломброзо приводитъ нѣсколько примѣровъ, подобнаго врожденнаго чувства гордости и независимости, которыя ей приходилось наблюдать у дѣтей, живущихъ среди самой ужасной нищеты и вѣчно голодныхъ. Другое качество, которое составляетъ почти неотъемлемую принадлежность всѣхъ этихъ дѣтей—это находчивость и практичность и стремленіе быть полезнымъ, стремленіе работать, въ такомъ возрастѣ, въ которомъ у дѣтей зажиточныхъ классовъ не проявляется никакихъ другихъ стремленій, кромѣ стремленій къ играмъ, и не замѣтно никакой самостоятельности.

Всѣ эти высокія качества дѣтской души, которыя встрѣчаются у дѣтей среди самой нищенской обстановки, слишкомъ часто глохнутъ и погибаютъ подъ вліяніемъ борьбы за существованіе, принимающей съ теченіемъ времени черезчуръ острый характеръ, подъ давленіемъ тяжелыхъ соціальныхъ условій. Конечно, первѣйшею обязанностью каждаго цивилизованнаго общества должна быть забота о томъ, чтобы эти ненормальныя соціальныя условія не давили слишкомъ сильно на юныя души и не уничтожили бы имѣющійся въ нихъ запасъ энергіи.

«Revue des Revues» описываетъ ужасы голодовки въ Индіи, сопровождая свои описанія фотографическими снимками съ жертвъ голода. Въ Индіи это бѣдствіе становится періодическимъ. Вслѣдствіе густоты населенія невозможно сдѣлать достаточно большіе запасы риса и зерноваго хлѣба на случай неурожая, и поэтому, несмотря на очень плодородныя провинціи, гдѣ жатва собирается четыре раза въ годъ, почти все истребляется безъ остатка. Въ центральныхъ провинціяхъ Индіи голодъ наступаетъ всегда послѣ засухи. Индусы бросаютъ свои хижины и отправляются по направленію къ Гималаямъ или въ другія провинціи, не страдающія отъ засухи, и тамъ нанимаются въ батраки вмѣстѣ съ женой и дѣтьми, ради пропитанія. Авторъ статьи въ «Revue des Revues» описываетъ свою случайную встрѣчу съ такого рода голодными переселенцами. Я никогда не забуду этой встрѣчи,—говоритъ онъ.—Я только что посѣтилъ одинъ изъ волшебныхъ дворцовъ, изъ разноцвѣтнаго мрамора, прекрасныхъ какъ мечта и утопающихъ въ зелени и цвѣтахъ. Преисполненный восхищенія, я возвращался домой и вдругъ на дорогѣ мнѣ повстрѣчался караванъ какихъ-то невѣроятныхъ существъ, полускелетовъ, поражающихъ своею страшною худобой, съ потухшими взорами и съ застывшимъ выраженіемъ ужаса близкой смерти на лицѣ. Это было въ Каунпорѣ, въ 1897 г. А еще утромъ должностныя и почетныя лица города увѣряли меня, что голода нѣтъ въ странѣ и что голодъ «выдумали журналисты»! Однако, я не повѣрилъ имъ, такъ какъ сразу догадался, что я видѣлъ переселеніе голодающихъ. Я рѣшилъ самъ отправиться въ «лагерь голодающихъ», — такъ называютъ поселки, гдѣ живутъ переселенцы изъ провинцій, пораженныхъ голоднымъ бѣдствіемъ. Въ этихъ лагеряхъ раздаются пособія отъ правительства, организующаго также различныя общественныя работы, чтобы дать заработокъ голоднымъ пришельцамъ.

Авторъ рисуетъ страшныя картины голода, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ въ 1897 г. Тогда погибло отъ него 10 милліоновъ людей—цифра оффиціальная. Въ этомъ году голодное бѣдствіе въ Индіи носитъ еще болѣе жестокій характеръ, такъ какъ даже цвѣтущія и плодородныя гималайскія и прибрежныя провинція также не пощажены бѣдствіемъ. Страшно подумать о томъ числѣ жертвъ, которое поглотитъ это бѣдствіе, сопряженное еще, кромѣ того, съ эпидеміями чумы и холеры. Бороться съ такимъ бѣдствіемъ не подъ силу индійскому правительству, а голосъ его, взывающій о помощи, заглушается грохотомъ орудій въ южной Африкѣ.

Потребительныя общества въ Бельгіи.

> Настоящая цѣль кооперацій вполнѣ мирнаго свойства и сама по себѣ вовсе не требуетъ ни борьбы, ни реформъ. Бельгійскія кооперацiи возникли для рабочихъ, но не противъ капиталистовъ...
>
> *Н. Водовозовъ.*

I.

Кооперативное движенiе въ формѣ потребительныхъ обществъ началось въ Бельгіи почти одновременно съ профессіональнымъ. Гентъ, городъ съ наиболѣе развитымъ и обширнымъ фабричнымъ производствомъ, явился піонеромъ въ дѣлѣ организаціи массъ. Въ серединѣ пятидесятыхъ годовъ рабочіе Гента, чуть ли не первые во всей странѣ, начали соединяться въ профессіональные союзы для улучшенія своего тяжелаго матеріальнаго положенія. Это дѣло нашло сочувствіе и поддержку почти исключительно среди пролетаріата. Лишь одинъ прославившійся впослѣдствіи организаторъ Э. Муазонъ вышелъ изъ буржуазной среды. Ближайшимъ поводомъ къ серьезному началу организаціи рабочихъ въ Гентѣ послужило слѣдующее обстоятельство. Въ 1856 г. бельгійское правительство намѣревалось заключить съ Англіей коммерческій договоръ въ духѣ свободной торговли. Гентскіе фабриканты выразили страшное неудовольствіе и протестъ, высказывая опасеніе, что ихъ разоритъ англійская конкуренція. Они возбудили своихъ рабочихъ противъ приверженцевъ свободной торговли, угрожая рабочимъ пониженіемъ заработной платы, если высокія пошлины будутъ сокращены. Рабочіе были принуждены содѣйствовать фабрикантамъ въ этомъ направленіи. Это послужило хорошимъ урокомъ дальновидности. Предвидя, что заработная плата, въ концѣ концовъ, все-таки будетъ понижена, они образовали организацію по типу трэдъ-юніоновъ. Результатомъ этого явились два союза ткачей и бумагопрядильщиковъ, ставшихъ подъ руководство Муазона *).

Профессіональная организація вскорѣ породила кооперативную. Но первая кооперативная попытка оказалась неудачной. Хотя дѣятельность коопераціи ограничивалась печеніемъ хлѣба и продажей его членамъ, но недостатки организаціи погубили дѣло. Однако, кооперативная традиція жила среди рабочихъ. Прошло немного лѣтъ и въ 1873 г. тридцать ткачей, прядильщиковъ и ремесленниковъ учредили булочную подъ названіемъ «Vrije Bakkers» («Свободные булочники»). Это были честные и интеллигентные рабочіе, которыхъ препятствія не могли устрашить. Каждый изъ нихъ сталъ накапливать по 50 сн. въ двѣ недѣли, пока не образовались паи по 5 фр. Изъ соединенія паевъ составился капиталъ въ 150 фр., и съ этой ничтожной суммой начало функціонировать смѣлое предпріятіе. По окончаніи трудового дня кооператоры собирались въ залѣ при булочной для разсмотрѣнія торговыхъ счетовъ товарищества.

Въ первый семестръ булочная не принесла почти никакой прибыли, но уже во второй—получилось по 6 сн. съ хлѣба. Съ перваго дня основанія булочной кооператоры рѣшили не продавать въ кредитъ и обязали другихъ членовъ уплачивать за хлѣбъ за недѣлю впередъ. Послѣднее было очень трудно, такъ какъ мелкій кредитъ—эти цѣпи рабочаго люда—былъ распространенъ въ Гентѣ, и потребители находились въ плѣну у мелкихъ торговцевъ. Отступленіемъ отъ практиковавшагося прежде въ Бельгіи кредита, отъ распредѣленія прибыли

*) E. Anseele. «Sacrifie pour le peuple» Bruxelles 1887 и E. Vandervelde. «Enquête sur les associations professionelles», p. 155—157. V. I p. 202.

равными частями (а не пропорціонально закупкамъ) новое потребительное общество приблизилось къ рочдэльскому типу кооперацій. Есть основаніе думать, что гентскіе рабочіе знали о потребительномъ обществѣ въ Рочдэлѣ, основанномъ въ 1844 г.

Прошли годы, и гентское потребительное общество выросло. Въ то же время профессіональный союзъ ткачей одолжилъ своимъ 2 тыс. франковъ на пекарню, давъ названіе потребительному товариществу «Vooruit» («Впередъ»). Число членовъ товарищества такъ быстро возросло, что оно было въ силахъ къ концу года уплатить вышеупомянутый долгъ. Въ то же время росло и старое потребительное общество. Но это продолжалось не долго. «Vooruit» оказалось болѣе счастливымъ; ему принадлежало будущее. Двое смѣлыхъ товарищей предложили комитету «Vooruit'а» нанять старую бумагопрядильную фабрику въ центрѣ города и устроить тамъ технически-усовершенствованную пекарню съ механическими мѣшалками и паровыми печами,—на подобіе большой коопераціи въ Гаагѣ. Кромѣ того, они посовѣтовали открыть кафе и залъ для собраній. Предложеніе было принято правленіемъ и одобрено общимъ собраніемъ. Въ апрѣлѣ 1883 г. было открыто новое, теперь центральное, помѣщеніе. Прибыль стала быстро рости, благодаря образцовой администраціи и методическому производству. Дѣло пошло на ладъ, и кооператоры въ 1884 г. открыли на мѣстѣ стараго помѣщенія—новое, съ образцовой пекарней, огромными залами (для собраній, для театральныхъ представленій, для различныхъ обществъ), библіотекой, бюро, магазинами и т. д. «Vooruit» предсталъ передъ рабочей массой въ необычайномъ блескѣ и показалъ, что сдѣлалъ очень много не для одного только улучшенія быта рабочихъ, но и для ихъ организаціи и воспитанія. Съ 1884 г. число членовъ быстро росло, и десятки рабочихъ еженедѣльно вступали въ товарищество. Твореніе гентскихъ рабочихъ вскорѣ дало знать о себѣ внѣ предѣловъ города. Примѣръ находилъ многочисленныя подражанія, и безъ преувеличенія можно сказать, что «Vooruit» произвелъ переворотъ въ мышленіи рабочихъ и занялъ страницу въ исторіи Бельгіи *).

Въ 1886 г. стала издаваться въ Гентѣ ежедневная газета на фламандскомъ языкѣ также подъ названіемъ «Vooruit», которой кооперація сдала часть своего зданія подъ помѣщеніе типографіи. На слѣдующій (1887) годъ два члена правленія коопераціи предложили открыть торговлю мануфактурнымъ товаромъ и готовымъ платьемъ, что и было осуществлено. Продажей занимались только по вечерамъ послѣ работы, во время раздачи дивиденда, чтобы не увеличивать расходовъ. Дивиденты же выдавались не деньгами, а записками на полученіе хлѣба. Было рѣшено отпускать мануфактурные товары въ обмѣнъ на упомянутыя записки. Торговля приняла большіе размѣры, такъ что вскорѣ пришлось завести другія матеріи и вести торговлю цѣлый день.

Въ 1885 г. «Vooruit» открылъ первую аптеку для пользованія общества взаимопомощи. Успѣхъ превзошелъ ожиданія, такъ что въ слѣдующемъ году пришлось открыть вторую аптеку въ другой части города. Въ томъ же году товарищество купило зданіе съ прилегающимъ большимъ садомъ, гдѣ въ 1887 г. были открыты кафе, залъ для собраній, сапожная мастерская, торговля домашней утварью и т. п. Далѣе потребовалось открыть еще одну аптеку.

Успѣхъ «Vooruit'а воодушевилъ бельгійскихъ рабочихъ, и потребительныя общества стали рости какъ грибы. За Гентомъ послѣдовали: Антверпенъ, Брюссель, Жолимонъ, Льежъ, Лувенъ, Вервье, Брюгге. Но и гентскіе клерикалы не дремали. Чтобы уничтожить «Vooruit», они основали въ 1887 г. пекарню «Народная польза», въ настоящее время считающуюся политически-нейтральной.

---

*) См. E. Anseele. «Histoire» du Vooruit» de Gand. Въ «Almanach de la coopération Française». 1893. p. 49.

Эта богатая пекарня имѣла сначала 150 тыс. фр. капитала. Давленіе фабрикантовъ на рабочихъ было необычайно; они принудили многихъ рабочихъ покинуть «Впередъ» и вступить въ «Народную пользу». Пекарня, принявшая названіе потребительнаго товарищества, была, на самомъ дѣлѣ, акціонерной компаніей. Ея основатели и хозяева были капиталисты. Члены не имѣютъ права вмѣшиваться въ администрацію и контроль. Несмотря на это, успѣхъ учрежденія былъ великъ, приливъ членовъ—необычаенъ. Въ общество вступали не только пролетаріи, но и буржуа. Впрочемъ, несмотря на давленіе фабрикантовъ и на выгоды, предоставленныя пекарней «Народная польза» покупателямъ, число членовъ общества «Впередъ» уменьшилось на первыхъ порахъ немного: въ началѣ 1887 г.—время основанія конкурента—«Впередъ» насчитывало 2.400 членовъ, два мѣсяца спустя—2.200.

Изъ преимуществъ католическаго потребительнаго общества мы отмѣтимъ слѣдующія: 1) «Народная польза» продавала хлѣбъ дешевле «Впередъ»; 2) жетоны доставлялись на домъ, между тѣмъ какъ члены «Впередъ» должны были приходить за ними; 3) уплата дивиденда производилась деньгами, а не жетонами. Католическая конкуренція не только внесла въ общество «Впередъ» матеріальныя улучшенія, но и показала, что ихъ однихъ въ этомъ дѣлѣ недостаточно. Стало ясно, что только широкая общественная постановка можетъ поставить истинную кооперацію внѣ католической конкуренціи. Большинство сознательныхъ рабочихъ не покинуло «Vooruit'a», такъ какъ онъ доставлялъ имъ и духовное удовлетвореніе. Наоборотъ, «Народная польза» привлекая мелкую буржуазію и часть работавшихъ у католическихъ фабрикантовъ рабочихъ, потеряла моральное вліяніе, а слѣдовательно и политическую силу, для пріобрѣтенія которой была учреждена.

Обратимся теперь къ внутренней организаціи общества «Впередъ». Чтобы сдѣлаться членомъ товарищества, достаточно придти въ секретаріатъ, записаться въ книгу, уплативъ 25 сн., взамѣнъ чего выдается членская книжка съ уставомъ товарищества. Пай стоимостью въ 10 фр. можетъ быть пріобрѣтенъ членомъ путемъ вычета изъ слѣдуемыхъ ему за покупку товаровъ дивидендовъ. Членская отвѣтственность за товарищество не превышаетъ этихъ 10 фр. Дивиденды выдаются каждый семестръ. При уплатѣ вступительнаго взноса, членъ долженъ купить нѣсколько жетоновъ—монета товарищества—на право полученія на домъ хлѣба и угля. Члены товарищества участвуютъ въ страхованіи отъ болѣзни, дѣлая въ соотвѣтствующую кассу еженедѣльный взносъ въ 5 сн. По прошествіи 6 мѣсяцевъ, всякій застрахованный имѣетъ право на даровую врачебную помощь и лѣкарства, и, кромѣ того, товарищество снабжаетъ больныхъ въ теченіе 6 недѣль хлѣбомъ. Въ случаѣ смерти, семья покойнаго можетъ получать 10 фр. на похороны. Общество даетъ содержаніе роженицамъ въ теченіе недѣли и выдаетъ бѣлье для новорожденныхъ. Въ связи съ товариществомъ находится профессіональный союзъ взаимопомощи («Bond Moyson»), который служитъ дополненіемъ общества. Каждый изъ 7.500 *) его членовъ, внося въ кассу союза 32 сн. еженедѣльно, пользуется даровой врачебной помощью и лѣкарствами, $2^1/_2$ франками ежедневнаго вспомоществованія за время первыхъ 6 мѣсяцевъ болѣзни, 1 фр. 25 сн. ежедневно въ слѣдующіе 6 мѣсяцевъ. Въ случаѣ смерти члена выдается 50 фр. на похороны. Молодые люди отъ 16 до 20 л. и женщины отъ 18 до 35 л. получаютъ, кромѣ врачебной помощи и лѣкарствъ—по 1 фр. въ продолженіе первыхъ 6 мѣсяцевъ и по 50 сн. въ слѣдующіе 6 мѣсяцевъ—ежедневно Третья категорія—государственные служащіе отъ 20 до 40 л. за еженедѣльный взносъ въ въ 20 сн. получаютъ, кромѣ лѣченія—1 фр. 50 сн. въ день первые 6 мѣся-

*) Вмѣстѣ съ членами семействъ—35.000 человѣкъ.

цевъ и по 75 сн.—въ слѣдующіе 6 мѣсяцевъ. Сверхъ всего этого, кооперативная булочная снабжаетъ больныхъ хлѣбомъ во все время недомоганія.

Члены кооперацін пользуются богатой библіотекой въ 5 т. названій, которая открыта каждый день; книги выдаются и на домъ. Большинство книгъ (2.620)—на фламандскомъ языкѣ, очень много на французскомъ, немного на нѣмецкомъ и англійскомъ. Въ научномъ отдѣлѣ преобладаютъ сочиненія по политической экономіи. Читаются больше всего романы, особенно—Золя.

Каждые три мѣсяца бываетъ общее собраніе, посѣщеніе котораго обязательно для всѣхъ членовъ, и отсутствующіе платятъ штрафъ въ 25 сн. Право кандидатуры въ члены правленія имѣютъ только участвующіе минимумъ годъ въ профессіональномъ союзѣ, а за отсутствіемъ таковаго въ политическомъ клубѣ, на семестровыхъ публичныхъ собраніяхъ читаются списки членовъ правленія и служащихъ съ показаніемъ цифръ ихъ забора. Купившіе товару меньше всѣхъ подвергаются порицанію за дурной примѣръ. Товарищество рѣшаетъ крупныя закупки на публичныхъ засѣданіяхъ правленія, собирающагося еженедѣльно. Члены могутъ при этомъ вносить предложенія. Правленіе нанимаетъ и разсчитываетъ служащихъ товарищества, опредѣляетъ плату, работу и число рабочихъ часовъ каждаго. Что касается платы, то для всѣхъ рабочихъ общества установленъ минимумъ. Положеніе работницъ въ конфекціонной отрасли производства товарищества—гораздо лучше, чѣмъ у частныхъ предпринимателей. Ни въ одной мастерской страны не платятъ мастерицамъ столько, и кромѣ того, портнихи частныхъ предпринимателей Гента несутъ расходы по отопленію и освѣщенію мастерскихъ, покупаютъ на свой счетъ нитки, иголки и масло для машинъ. Не довольствуясь изложенными преимуществами, «Vooruit» учредилъ ситему наградъ для работницъ, вырабатывающихъ больше положеннаго минимума. Въ общей сложности, конфенціонныя фабрики общества «Впередъ» выплачиваютъ ежегодно своимъ рабочимъ на 8 тыс. франковъ больше того, что пришлось бы имъ по нормальному разсчету. Кромѣ того, всѣ рабочіе участвуютъ въ прибыляхъ товарищества.

Остановимся теперь спеціально на торговлѣ общества «Впередъ» и на вліяніи его на мѣстныя цѣны. Товары пріобрѣтаются отъ фабрикантовъ, предпочтительно тѣхъ, которые хорошо относятся къ рабочимъ. Оборотъ товарищества въ 1897 г. равнялся 2.174.982 фр. 15 сн., въ среднемъ по 290 фр. на члена.

Чрезвычайно интересна и краснорѣчива таблица, показывающая по годамъ количество выпекаемаго обществомъ хлѣба параллельно съ цѣнами за тѣ же годы.

Годы.	1881 (перв. сем.).	1881 (втор. сем.).	1882	1883	1884	1885
Кол. хл. штукъ.	1.057	4.000	8.300	12.500	15 т.	17.500
Цѣны за кило.	36 сн.	34 сн.	32 сн.	32 сн.	27 сн.	25 сн.

Годы.	1886	1887	1888	1889	1890	1891	1892
Кол. хл. штукъ.	20 т.	28.500	33 т.	40.500	50.000	61 т.	64.500
Цѣны за кило.	24 сн.	24 сн.	23 сн.	23 сн.	23 сн.	26 сн.	23 сн.
Годы.	1893	1894	1895	1896	1897	1898	1899
Кол. хл. штукъ.	65.000	66.800	76.700	85.000	89.000	98.000	103.000
Цѣны за кило.	23 сн.	19 сн.	18 сн.	18 сн.	21 сн.	28 сн.	21 сн.

При общей несомнѣнной тенденціи къ пониженію, цѣны повышаются (и то незначительно) лишь въ годы общаго кризиса на міровомъ рынкѣ.

29-го октября 1899 г. вся Бельгія праздновала открытіе новаго магазина

«Vooruit'a». На южномъ вокзалѣ Гента была необычайная тѣснота и давка. Изъ многочисленныхъ прибывавшихъ фландрскихъ поѣздовъ выходили сотни людей со знаменами, транспарантами и музыкальными инструментами. На площади передъ вокзаломъ состоялась импровизированная манифестація. Впереди стали 700 брюссельцевъ, со своимъ музыкальнымъ обществомъ «Harmonie du Peuple» во главѣ. Кортежъ двинулся по улицамъ Гента. Окна и двери домовъ были унизаны головами любопытныхъ. Особенно эффектна была группа бывшихъ военныхъ (900 чел.) со своимъ транспарантомъ. Делегація изъ Алоста несла транспарантъ, гласившій: «Благодѣянія матери «Vooruit» простираются и на насъ. Благодаря ей, мы печемъ лучшій хлѣбъ по дешевой цѣнѣ и обладаемъ великолѣпнымъ народнымъ дворцомъ». Далѣе чередовались стройныя группы гимнастовъ, музыкальныя общества, женскіе клубы. Манифестанты гордо маршировали, распѣвая народныя пѣсни. Самой многочисленной была гентская группа. Среди этой группы обращали на себя вниманіе толпы дѣтей въ форменныхъ костюмахъ. За дѣтьми шли гимнасты. Огромная картина, изображавшая женщину, раздающую изъ рога изобилія хлѣбъ голоднымъ рабочимъ, олицетворяла кооперацію. Другая картина изображала хозяйку, показывающую свою членскую книжку съ надписью: «Дивидендъ, выданный мнѣ «Vooruit'омъ» равенъ 283 фр. въ годъ». Изъ многочисленныхъ надписей на транспарантахъ нѣкоторыя особенно били въ глаза. «Благодаря «Vooruit'у» матеріальное положеніе населенія города Гента улучшилось». «Честь и слава «Vooruit'у», борющемуся съ бѣдностью». «Vooruit» образовался съ помощью 2.000 франковъ, собранныхъ бѣдными ткачами. Восторгайтесь его творчествомъ». Наконецъ, въ кортежѣ выдѣлялись гости изъ Лилля, въ числѣ 200, сопровождаемые музыкантами потребительнаго товарищества «L'Union de Lille».

Новое помѣщеніе мануфактурнаго магазина еще издали обращаетъ на себя вниманіе. Фасадъ почти весь занятъ двумя огромными витринами, вполнѣ пропускающими свѣтъ. Въ одной витринѣ выставлена одежда, изготовляемая въ кооперативной мастерской, въ другой—товары частнаго производства. Широкій балконъ, отдѣляющій первый этажъ отъ второго, украшенъ съ двухъ концовъ бюстами фанъ-Беверена и Муазона—руководителей рабочей партіи въ Гентѣ. Я стоялъ на этомъ балконѣ и смотрѣлъ на волновавшееся внизу море народа, заглушавшаго своимъ пѣніемъ звуки музыки. Эта 20-ти-тысячная масса прославляла орудіе прогресса—кооперацію, умиротворявшую пролетаріатъ путемъ улучшенія его убогаго быта. Кооперація—дѣйствительно могучее орудіе прогресса—пріучила рабочихъ къ терпѣнію и уничтожила безполезныя вспышки темперамента пролетарской массы.

II.

Обращаемся къ исторіи основанія и развитія общества «Домъ народа» («Maison du Peuple»), самаго большого бельгійскаго потребительнаго общества, находящагося въ Брюсселѣ.

17-го апрѣля 1881 года брюссельская рабочая газета «La Voix de l'Ouvrier» объявила своимъ абонентамъ о намѣреніи основать потребительное общество. 16-го мая въ трактирѣ «Лебедь» состоялось первое созванное для этой цѣли собраніе, гдѣ присутствовали въ числѣ 30 человѣкъ золотыхъ дѣлъ мастера, типографщики, столяры, кожевники, портные и т. под. Проектированная комитетомъ кооперативная пекарня должна была способствовать сплоченію рабочихъ въ виду непосредственныхъ матеріальныхъ выгодъ. Открытіе пекарни было рѣшено на собраніи 16 мая 1881 года. Въ концѣ пятаго мѣсяца подписки число членовъ достигло 70 ч., капиталъ коопераціи—700 фр. Былъ нанятъ подвалъ съ печью подъ пекарню. Правленіе засѣдало въ сосѣднемъ

трактирѣ. 700 фр. были затрачены на покупку: телѣжки, собаки, мѣсилки, нѣсколькихъ мѣшковъ муки и т. под. Мука стоила въ то время 32—33 фр. за 100 кило, а хлѣбъ—отъ 35 до 38 сн. за кило. Въ первую недѣлю было выпечено около 650 шт. килограммовыхъ хлѣбовъ. Много препятствій пришлось преодолѣть для привлеченія новыхъ членовъ; главными тормазами были: привычка брать у булочниковъ и оказываемый ими кредитъ. Все же число членовъ, а съ нимъ и производство мало-по-малу увеличивались. Сначала кооперація покупала муку за наличныя, но скоро мукомолы открыли ей кредитъ; кромѣ того, она пользовалась авансомъ въ нѣсколько сотъ франковъ, вносимыхъ членами каждое воскресеніе за жетоны за недѣлю впередъ. Благодаря такимъ хорошимъ условіямъ, стало возможно перемѣнить первое помѣщеніе на болѣе удобное, а спустя немного и это было покинуто для болѣе обширнаго.

Въ концѣ 1885 г. число членовъ равнялось 400-мъ, а годовое производство достигло 100 тысячъ кило. Теперь въ три дня пекутъ столько же хлѣба, сколько за весь 1885 г. Чистая прибыль за первый семестръ 1884 г. равнялась 1.355 фр. 53 сн., за первый семестръ 1895 г. она достигла 3.146 фр. 40 сн.

Въ 1884—1885 гг. хлѣбъ продавался булочниками по 38—40 сн. кило. Кооперативная пекарня продавала его по той же цѣнѣ, но зато выдавала каждый семестръ 6—7% дивидента.

Въ 1886 году кооперація рѣшила нанять большое помѣщеніе съ кафè и заломъ для собраній, для чего была нанята старая синагога за 5 тыс. фр. ежегодной аренды. Съ этого момента скромное предпріятіе не переставало расти и процвѣтать, и черезъ 12 лѣтъ товарищество выстроило свой собственный домъ. Теперь оно насчитываетъ членовъ въ 50 разъ больше, чѣмъ въ 1885 г., т.-е. около 17 тыс. человѣкъ.

«Домъ народа» владѣетъ самой большой булочной въ странѣ и успѣшно конкурируетъ со своими капиталистическими противниками. За первый семестръ 1897 г. въ двухъ пекарняхъ коопераціи было выпечено 5.224.215 кило, что позволяетъ предполагать минимумъ 10 милліоновъ кило въ годъ (около 600.000 пудовъ печенаго хлѣба!) Не смотря на вздорожаніе муки, вслѣдствіе неурожая, получено прибыли за тотъ же срокъ 120.510 фр. 33 сн. Въ томъ же 1897 г. «Домъ народа» принужденъ былъ повысить цѣну на хлѣбъ съ 22 до 25, а затѣмъ и до 27 сн. Конкуренты его, понизивъ цѣну и продавая въ убытокъ, все же не могли отвлечь покупателей отъ коопераціи.

Другія отрасли торговли, какъ-то: мелочная, матеріями, готовымъ платьемъ, мясная, углемъ, наконецъ, трактиръ — также шли въ 1897 г. очень хорошо. Старыя помѣщенія стали тѣсны. Пришлось добыть 1 милліонъ фр. для постройки собственнаго зданія. 700 тыс. фр. ссудило правительство черезъ сберегательную кассу, ссужающую потребительныя и производительныя общества. Залогомъ послужили двѣ пекарни товарищества.

Лѣтомъ 1897 г. товарищество, въ согласіи съ брюссельской рабочей федераціей, пріобрѣло въ клерикальномъ мѣстечкѣ Герфелингенѣ (около Брюсселя) большой участокъ земли и устроило тамъ образцовую ферму. Во главѣ послѣдней стало значительное число крестьянъ. Кооперація «Le Bon Beurre» съ 14 марта 1898 г. стала снабжать «Домъ народа» молокомъ и масломъ *). Прибыль съ этой отрасли распредѣляется между крестьянами пропорціонально поставляемому количеству продуктовъ. По даннымъ отчетовъ видно, что выгоднѣе всего булочная, представляющая типъ смѣшанный—потребительно-производительной коопераціи. За булочной слѣдуютъ угольные склады, представляющіе чисто потребительную

*) «La Maison du Peuple». «Bulletin special de la cooperative ouvrière». Août 1898. Ферма въ среднемъ ежедневно доставляетъ 800 литровъ молока и 80 кило масла.

организацію, такъ какъ уголь скупается оптомъ и затѣмъ распредѣляется между кооператорами. Послѣдніе увѣрены и въ точности вѣса, и въ хорошемъ качествѣ угля, поэтому угольная торговля все болѣе и болѣе расширяется и прибыль съ нея растетъ.

Другія отрасли торговли «Дома Народа» преуспѣваютъ меньше. Кооперація оказывается не въ силахъ конкурировать съ крупными капиталистическими фирмами ни мануфактурными и галантерейными товарами *), ни мясомъ, ни масломъ. Товарищество торгуетъ всѣмъ этимъ не столько для пониженія цѣнъ, сколько для доставленія членамъ и покупателямъ доброкачественныхъ продуктовъ и съ цѣлью употребить возможную прибыль на хорошее дѣло. Болѣе доходны трактиръ и бакалейныя лавки. Бельгійская рабочая партія ведетъ энергичную борьбу съ пьянствомъ. Въ большинствѣ трактировъ, кромѣ кофе, молока, лимонада и др. водъ, имѣется только легкое пиво. Такъ же обставленъ и брюссельскій трактиръ «Дома Народа». Это не мало способствуетъ посѣщенію кооперативныхъ трактировъ женщинами и дѣтьми.

Оборотъ «Дома Народа» за первый семестръ 1899 года равнялся 2.385.030 фр. 71 сн. Чистой прибыли получено всего 241.929 фр. 59 сн. Въ частности, съ масла и мелочныхъ товаровъ получено 16.873 фр. 2 сн., булочная дала 196.101 фр. 26 сн., угли—13.064 фр. 47 сн., матеріи и готовое платье—676 фр. 30 сн., трактиръ — 13.729 фр. 20 сн., мясныя лавки — 1.056 фр. 88 сн. Отдѣленіе «Maison du Peuple»'я въ Моленбекѣ дало 26 фр. 76 сн. Молоко съ фермы—401 фр. 70 сн.

Полученная за первый семестръ 1899 г. прибыль распредѣлилась такъ: 85.000 фр. на погашеніе долговъ, 22.000 фр. въ резервъ, 4.500 фр за акціи различныхъ, поддерживаемыхъ коопераций, 13.611 фр. 34 сн. на врачебно-лѣкарственную помощь, 11.663 фр. 66 сн. на пропаганду, рекламы, субсидіи нуждающимся группамъ и членамъ, наконецъ, въ дивидендъ, по 2 сн. на каждый хлѣбъ—100.106 фр. 36 сн.

На пропаганду и т. п. въ 1899 г. отпускалось меньше, такъ какъ необходимо погашать долгъ, созданный постройкой. За 1896 г., напримѣръ, кооперація истратила на пропаганду около 48.000 фр., изъ нихъ 11.000 фр. ушло на издательство.

Перейдемъ теперь къ организаціи товарищества и къ связаннымъ съ нимъ учрежденіямъ, имѣющимъ цѣлью помочь рабочему во время болѣзни и при несчастныхъ случаяхъ (Общество взаимопомощи, страхованія отъ инвалидности). По уставу коопераций цѣна паю—10 фр. Эта сумма вносится въ четыре семестра подрядъ. Подобно большинству другихъ бельгійскихъ коопераций, «Дома Народа» не допускаетъ присвоенія болѣе чѣмъ одного пая. Членъ, не дѣлавшій закупокъ у товарищества въ теченіе мѣсяца, можетъ быть исключенъ. Всякій членъ товарищества, состоящій таковымъ въ теченіе года, имѣетъ право на безплатную врачебную помощь и даровыя лѣкарства. Заболѣвшій получаетъ еще по семи хлѣбовъ въ недѣлю въ теченіе шести мѣсяцевъ.

Каждые три мѣсяца созывается общее собраніе членовъ.

Прибыль распредѣляется каждый семестръ такъ: по вычетѣ $2^1/_2$% въ пользу служебнаго персонала, 25% дѣлится на двѣ доли, причемъ доля не меньше половины ($12^1/_2$%) идетъ на пропаганду, а другая—на увеличеніе резервнаго капитала и на погашеніе. Остальная часть ($72^1/_2$%) достается членамъ, пропорціонально закупкамъ каждаго.

Дивиденды выдаются не деньгами, а бонами (жетонами) на полученіе товара.

*) Осенью 1899 г. была открыта торговля часами, такъ что теперь рабочіе могутъ покупать въ «Maison du Peuple» почти все, что имъ нужно.

Магазинъ матерій и готоваго платья выдаетъ дивидендъ около 5%.

Благотворительность «Дома Народа» выражается прежде всего въ безплатной раздачѣ хлѣба больнымъ членамъ въ теченіе двухъ лѣтъ. Тѣ же больные члены пользуются безплатной медико-фармацевтической помощью организованной съ 1 января 1897 г. На эту помощь имѣютъ право и семьи членовъ, но со взносомъ 5 сн. еженедѣльно съ человѣка. На службѣ у «Дома Народа» состоятъ 11 докторовъ, 1 акулистъ, 1 дантистъ, 14 фармацевтовъ, 5 акушерокъ. 2 массажиста и 1 массажистка *).

Съ 27-го декабря 1896 г. при «Домѣ Народа» функціонируетъ общество взаимнаго страхованія—«Assurance mutuelle». Его цѣль—поддерживать деньгами членовъ въ случаѣ болѣзни или какихъ-либо несчастій. Членами могутъ быть кооператоры не моложе 18-ти и не старше 50-ти лѣтъ. Они подвергаются двукратному медицинскому осмотру. Пробывшій членомъ минимумъ годъ получаетъ право на страховую сумму. Размѣръ суммъ пропорціоналенъ размѣру взносовъ. Ежемѣсячные взносы въ 1—2 фр. даютъ право на 2—3,50 фр. въ сутки. Въ серединѣ 1898 г. въ кассѣ общества было наличными 10.709 фр., а за первый семестръ этого года было выдано 9.033 фр. Въ настоящее время касса насчитываетъ 1.500 членовъ. При разсмотрѣніи организаціи «Дома Народа» мы видѣли, что служебный персоналъ и рабочіе получаютъ изъ прибыли 2½%. Теперь прибавимъ, что пекаря за 8 часовъ работы получаютъ минимумъ 5 фр. Вообще рабочіе получаютъ на 60% больше средней нормы заработной платы въ Брюсселѣ. Кооперація стремится уравнять заработную плату, поэтому жалованье нѣкоторыхъ высшихъ служащихъ ниже окладовъ соотвѣтственныхъ должностей въ частныхъ предпріятіяхъ. Всѣхъ освобожденныхъ изъ узъ капитализма рабочихъ и служащихъ около 300 человѣкъ, изъ нихъ многіе раньше были уволены изъ частныхъ предпріятій.

Посмотримъ теперь, у кого «Домъ Народа» покупаетъ мануфактурные товары и какъ кооперація повліяла на цѣны продуктовъ вообще.

Поставщиками, естественно, являются фабриканты, причемъ предпочитаются тѣ, у которыхъ рабочіе организованы. Кромѣ того, среди поставщиковъ мы находимъ два производительныя товарищества, снабжающія тканями и «Vooruit». Одно товарищество находится въ Ellezelles и успѣшно конкурируетъ съ капиталистами (сорокъ товарищей); другое (15 товарищей) въ St. Nicolas, держится съ трудомъ и благодаря поддержкѣ потребительныхъ обществъ. «Члены обоихъ товариществъ работаютъ пока на дому (кустарное производство) на ручныхъ станкахъ, но намѣреваются въ скоромъ времени поставить фабрики и ввести механическіе двигатели. Во главѣ каждаго товарищества стоитъ администрація, распредѣляющая работу между членами. Плата—сдѣльная, по числу уточныхъ нитей и метровъ. Въ Ellezelles цѣна тканей ниже цѣнъ, назначаемыхъ капиталистами-фабрикантами. Прибыль дѣлится между членами производительнаго товарищества (пропорціонально ихъ заработку)—это одна часть прибыли—и потребительными обществами (пропорціонально ихъ закупкамъ)—другая часть прибыли. Въ St.-Nicolas прибыль потребительнымъ обществамъ не выдается

Разсмотримъ ближе уже упомянутый фактъ пониженія цѣнъ на хлѣбъ. Бельгійскія потребительныя товарищества, и въ особенности «Домъ Народа» понизили цѣны на хлѣбъ на 30 — 40%. Что это — вліяніе именно могучихъ коопераціи, доказывается тѣмъ, что цѣны на хлѣбъ различны въ Бельгіи и сосѣдней Франціи. Даже на сѣверѣ Франціи, гдѣ есть потребительныя общества,

*) Всѣ расходы по лѣченію въ 1 семестръ 1899 года равнялись 19.206 фр. 27 сн., а хлѣба было роздано на 14.565 фр. Въ первый же семестръ 1898 г. хлѣба было роздано на 10.192 фр.

хлѣбъ стоитъ 40—60 сн. кило, а «Дома Народа» продаетъ его теперь по 23 сн. кило.

III.

Потребительное общество «Прогрессъ» находится въ одномъ изъ каменноугольныхъ бассейновъ Бельгіи, въ центрѣ. Это самое большое сельское товарищество, подобно Бирсекскому въ Швейцаріи, охватываетъ много деревень. «Прогрессъ» помѣщается въ деревнѣ Жолимонъ, а его отдѣленія—въ пяти сосѣднихъ деревняхъ. Хотя товарищество обосновалось впервые въ 1886 г. въ Жолимонѣ, однако кооперативное движеніе началось раньше въ другихъ деревняхъ центра. Такимъ образомъ отдѣленія товарищества имѣли прямыхъ предшественниковъ, съ которыми мы и ознакомимся сначала.

Нѣкто Годо открылъ въ домѣ Дюжардена мелочную лавку. Торговля сразу пошла хорошо, такъ какъ цѣны на продукты были очень низки. Женщины охотно покупали въ лавкѣ. Годо продавалъ всѣмъ, но тѣ, кто вносилъ 25 сант. въ мѣсяцъ, считались членами и пользовались преимуществами. Послѣ организаціи коммуны Фэ, другіе агитаторы, Брислее и Круазье, оказали свое содѣйствіе въ деревняхъ Ля-Гестри и Губанъ. Повсюду стали открываться потребительскія лавки одновременно съ профессіональными кассами. Однако, тогдашняя, крайне несовершенная, форма коопераціи скоро захромала. Годо, ставъ во главѣ рабочихъ, перестааъ платить поставщикамъ товаровъ и попалъ въ тюрьму. Молодые сочли долгомъ коллективно принять наслѣдіе Годо. Собравъ между собою 500 франковъ, они учредили еще настоящее потребительное общество. Одинъ свободомыслящій купецъ, Куртеу, согласился снабжать ихъ товарами въ кредить. Все пошло какъ слѣдуетъ, но затѣмъ мѣстные углепромышленники испугались успѣховъ рабочихъ. Управляющій угольными копями Маримона, Гиноттъ, сталъ вербовать въ деревняхъ центра людей для учрежденія кассъ взаимопомощи и лавокъ, отъ которыхъ теперь не осталось и слѣда. Кассы и лавки подъ руководствомъ предпринимателя не могли погубить рабочихъ учрежденій. Потребительская лавка содержалась въ Фэ рабочими съ 1-го мая 1870 г. по 1875 годъ. Торговля, не смотря на конкуренцію, шла недурно, и только 30-го марта 1875 г. рабочіе передали магазинъ своему поставщику Куртеу, предложившему продавать еще дешевле и удержать на службѣ продавца кооператоровъ.

Если центръ и не былъ первымъ въ дѣлѣ учрежденій товариществъ *), то недвижимая коллективная собственность была впервые пріобрѣтена здѣсь а именно въ деревнѣ Жолимонъ. Соединенныя секціи деревень Жолимонъ, Фэ и Ля-Лувьеръ купили въ 1872 г. домъ съ 12,78 акрами земли за 8.050 фр. Домъ долженъ былъ служить для собраній, кооперативныхъ лавокъ и мастерскихъ. Въ 1886 г. (декабрь) эта недвижимость стала краеугольнымъ камнемъ вновь основаннаго потребительнаго общества «Прогрессъ», которымъ мы теперь и займемся. До учрежденія товарищества двухъ-киловый хлѣбъ продавался 65—70 сн. Кооперація сразу понизила цѣну до 50 сн. и этимъ почти въ одинъ годъ привлекла къ себѣ 2.499 членовъ (31 дек. 1897 г.). Число членовъ равнялось въ 1894 г. — 8.177, а въ 1898 г. — 12.394, что въ среднемъ составляетъ приращеніе на 1.052 ч. въ годъ. Вспомогательная касса, удѣлившая 1894 г. больнымъ и раненымъ членамъ 34.892 хлѣба, удѣлила за 1898 г. 48.708 хлѣбовъ на сумму 21.823 фр. 60 сн. И это за 10-сантимные взносы въ недѣлю! Въ послѣднюю цифру не входитъ масса добавочныхъ субсидій. «Рабочіе! — читаемъ въ отчетѣ, — сколько нужды и горя

*) Первыя потребительныя общества возникли въ Антверпенѣ и Гентѣ въ 1854—1855 гг.

облегчила коопераціи со дня ея основанія! Сколько семействъ избавлено отъ долговъ лавочникамъ, долговъ, сковывающихъ по рукамъ и ногамъ!»

Товарищество «Прогрессъ» владѣетъ въ настоящее время недвижимымъ и движимымъ имуществомъ стоимостью болѣе 500.000 фр. Постоянный служебный персоналъ—81 челов. Число залъ съ трактирами и заломъ для собраній «Дома Народа»—5. Производство весьма значительно: имѣется пекарня (8 печей), бойня, пивной заводъ. Кромѣ того, товарищество содержитъ три аптеки, двѣ мясныя лавки и винный погребъ.

Не перечисляя другихъ потребительныхъ обществъ, болѣе мелкихъ по сравненію съ описанными, замѣтимъ въ заключеніе, что во всей Бельгіи функціонируютъ теперь минимумъ 1.500 коопераціи съ 300 тысячъ членовъ. Чтобы дать нѣкоторое представленіе объ истинномъ ростѣ кооперативнаго движенія въ Бельгіи, скажемъ, что отъ 1 ноября 1898 г. до декабря 1899 г. было учреждено 220 коопераціи. изъ нихъ одна театральная. Изъ крестьянскихъ товариществъ наиболѣе распространены кооперативныя молочныя, образовавшія союзъ. Коопераціи рабочей партіи, въ свою очередь, основали въ концѣ 1898 г. кооперативную федерацію, пока для административныхъ, а не торговыхъ цѣлей. Инициатива образованія союза принадлежитъ Vooruit'у въ Гентѣ, пытавшемуся еще въ концѣ 1886 года объединить всѣ товарищества.

Вновь учрежденная федерація окажетъ особенно большую услугу небольшимъ товариществамъ: она уменьшитъ для нихъ рискъ и дастъ имъ необходимое руководство, она дастъ основаніе (постоянный рынокъ и т. д.) для развитія производительныхъ обществъ, она облегчитъ сношенія съ крестьянскими коопераціями, изъ которыхъ однѣ только молочныя насчитываютъ 10 тыс. членовъ. Наконецъ, федерація дастъ возможность учредить кооперативный рабочій банкъ, въ которомъ чувствуется насущная потребность.

В. Тотоміанцъ.

Національный вопросъ въ Швейцаріи.

Нѣтъ государства въ Европѣ, въ которомъ не выступалъ бы вопросъ объ языкахъ въ той или иной формѣ, — вездѣ конфликты на почвѣ равноправія языковъ выростаютъ параллельно съ развитіемъ и усовершенствованіемъ каждой народности въ отдѣльности и принимаютъ подчасъ очень крупные размѣры. Конфликтъ между чехами и нѣмцами въ Австріи достигаетъ уже кульминаціоннаго пункта; распоряженіе объ языкахъ гр. Бадени не только не приводитъ къ желанному компромиссу, но, напротивъ, вызываетъ дремлющія до сихъ поръ силы, разжигаетъ страсти и приводитъ обѣ стороны къ сильной, ярой борьбѣ за свои права. Моменты этой усиленной борьбы наглядно указываютъ, что вопросъ объ языкахъ, на почвѣ современныхъ экономическихъ условій, является однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ розни и ненависти національной. Неудивительно поэтому, что многіе умы на Западѣ заинтересованы всесторонней разработкой этого явленія и вліяніемъ его на ходъ историческихъ событій.

Но въ Швейцаріи, гдѣ конституція является равнодѣйствующей всѣхъ общественныхъ силъ, гдѣ она развиваетъ высшее пониманіе общественности и воспитываетъ потребность глубокой солидарности, координируетъ стремленія и цѣли частей и цѣлаго, индивидуумовъ и общества,—тамъ этотъ вопросъ не выступаетъ такъ интенсивно. Національные и соціальные конфликты нигдѣ не приводятъ къ такому вѣрному и точному разрѣшенію, нигдѣ въ каждой отдѣльной личности не вырабатывается такая вѣра въ высшіе идеалы человѣче-

ства какъ въ странѣ Телля и Винкельрида! Страстная жажда пользы общественной, желаніе поставить страну на высоту культурнаго развитія охватываетъ и одушевляетъ всѣ слои швейцарскаго населенія безъ различія національностей, направленій, партій.

Швейцарія населена нѣмцами, французами, итальянцами и романами; несмотря на это этнографическое разнообразіе, не выплываютъ здѣсь споры на почвѣ преимущества того или другого языка. Сами условія жизни страны разрѣшили этотъ вопросъ; здѣсь не ссылаются на философскія и антропологическія системы и изслѣдованія, какъ это видимъ въ Богеміи, Познани, Венгріи,—не приводятъ никакихъ научныхъ мотивовъ и аргументовъ въ доказательство того, что употребленіе своего родного языка является естественнымъ, неоспоримымъ правомъ каждаго человѣка,—не находятъ здѣсь даже надобности издавать какіе-либо законы и постановленія въ этомъ направленіи—существующее положеніе вещей такъ необходимо, правильно и нормально, что всякое санкціонированіе этого положенія юридическимъ путемъ отодвигается на второй планъ.

Разсмотримъ подробнѣе это во всѣхъ отношеніяхъ очень интересное явленіе тѣмъ болѣе, что оно такъ странно дисгармонируетъ на фонѣ современныхъ европейскихъ отношеній.

По послѣдней всеобщей переписи живетъ въ Швейцаріи 2.083.000 нѣмцевъ, 635.000 французовъ, 155.000 итальянцевъ и 38.000 романовъ. Каждая изъ этихъ народностей живетъ въ спеціальныхъ кантонахъ; на западѣ мы видимъ смѣшанные округа: Бернъ, Фрибургъ, Валлисъ; итальянцы и романы расположены по южнымъ склонамъ Альпъ. Каждая изъ указанныхъ народностей говоритъ на своемъ родномъ языкѣ; романское населеніе, употребляющее рэтическо-романскій языкъ, имѣетъ два діалекта: падинскій и энгадинскій; несмотря на свое коренное родство, эти два діалекта весьма разнятся другъ отъ друга, такъ что говорящіе на одномъ, совершенно не понимаютъ говорящихъ на другомъ.

Эта разнородность языковъ нашла свое выраженіе въ формѣ конституціи Союза, въ которой имѣются два параграфа, касающіеся вопроса объ языкахъ. Одинъ изъ нихъ устанавливаетъ нѣмецкій, французскій и итальянскій оффиціальными языками Швейцаріи, другой заключаетъ въ себѣ постановленіе, по которому при выборахъ членовъ въ союзный судъ (*Bundesgericht*) каждая изъ трехъ народностей должна имѣть своихъ представителей. Этимъ и исчерпывается законодательство объ языкахъ. Чтобы имѣть болѣе или менѣе точное понятіе о томъ, какимъ путемъ шло развитіе отношеній между этимъ смѣшаннымъ населеніемъ, нужно обратиться къ швейцарской исторіи, особенно къ обычному праву, потому что Швейцарія совсѣмъ не имѣетъ по этому вопросу юридически установленныхъ и обоснованныхъ постановленій.

Традиція равноправности языковъ существуетъ со времени возникновенія Союза. Еще въ 1798 году правительственнымъ языкомъ первоначальныхъ тринадцати кантоновъ былъ нѣмецкій. Впослѣдствіи, когда изъ французскихъ и итальянскихъ частей Швейцаріи, представляющихъ собою крестьянскія общины или такъ-называемыя *allmend*'ы и мелкіе независимые, государственные организмы, составились кантоны, вошедшіе въ составъ прежнихъ въ качествѣ равноправныхъ членовъ,—французскій и итальянскій языки заняли тѣмъ самымъ равное мѣсто на-ряду съ нѣмецкимъ, государственнымъ языкомъ. Фактъ этотъ нашелъ свое юридическое подтвержденіе въ общей конституціи 1848 года, которая въ своихъ главныхъ, основныхъ началахъ осталась неизмѣнной и обязательной до сихъ поръ. Съ того времени всѣ правительственные документы издаются на трехъ главныхъ языкахъ, а нѣкоторые, болѣе важные, какъ, напримѣръ, немного видоизмѣненная конституція 1874 года издана на всѣхъ пяти языкахъ.

Самый интересный въ этомъ отношеніи — бернскій кантонъ, такъ какъ здѣсь сосредоточилась вся государственная жизнь Швейцаріи: Кантональный

совѣтъ (*Ständerath*), національный совѣтъ (*Nationalrath*), союзный совѣтъ (*Bundesrath*), союзный судъ (*Bundesgericht*), кантональный судъ (*Kantonsgericht*).

Союзъ издаетъ здѣсь два правительственныхъ органа: нѣмецкій—«Bundesblatt», французскій—Feuille-Fédérale, изъ которыхъ каждый публикуетъ новые проекты, законы, распоряженія, резолюціи, отчеты союзнаго совѣта, постановленія различныхъ коммиссій. Хотя спеціальнаго правительственнаго органа на италіянскомъ языкѣ въ Бернѣ не имѣется, все-таки всѣ важнѣйшія постановленія и отчеты періодически издаются и на этомъ языкѣ. Въ союзномъ судѣ (*Bundesgericht*), какъ мы уже видѣли, имѣются представители трехъ языковъ. Прошенія на итальянскомъ языкѣ немедленно переводятся на нѣмецкій и французскій, вердикты для итальянцевъ издаются на ихъ родномъ языкѣ. Вообще, итальянскій языкъ считается вполнѣ равноправнымъ съ остальными и занимаетъ третье мѣсто лишь потому, что менѣе распространенъ, чѣмъ нѣмецкій или французскій.

Во всѣхъ правительственныхъ институціяхъ каждый изъ членовъ говоритъ на своемъ родномъ языкѣ. Итальянцы иногда говорятъ по-нѣмецки или по-французски; что же касается романовъ, то тѣ все-таки охотнѣе говорятъ по-нѣмецки, потому что на этомъ языкѣ получаютъ среднее и высшее образованіе, и неособенно стремятся провести романскій языкъ въ гимназіи и университеты. Присяга членовъ производится на трехъ языкахъ. Рѣчи предсѣдателей, голосованія, отчеты коммиссій происходятъ по-французски и по-нѣмецки. Рѣчи членовъ произносятся на одномъ изъ трехъ языковъ, но немедленно ихъ переводятъ на остальные языки и стенографическіе отчеты появляются на трехъ языкахъ.

Конституція кантона Бернъ считаетъ кантональными, правительственными языками: нѣмецкій и французскій, хотя значительное большинство Бернскаго населенія—нѣмцы, французы живутъ въ округахъ, примкнувшихъ гораздо позже. Всѣ постановленія, распоряженія, декреты во французскихъ округахъ опубликовываются по французски, въ нѣмецкихъ—по-нѣмецки; точно также должна поступать и низшая провинціальная администрація по отношенію къ высшимъ городскимъ властямъ. Въ кантональномъ совѣтѣ рѣчи произносятся на обоихъ языкахъ, хотя нужно отмѣтить, что рѣчи на чистомъ литературномъ, нѣмецкомъ языкѣ лишь печатаются, а говорятся на своеобразномъ бернскомъ нарѣчіи (видоизмѣненное древне-германское), на которомъ здѣсь изъясняются почти всѣ слои общества и на которомъ издаются даже нѣкоторыя газеты, книги, календари.

Въ судопроизводствѣ мы видимъ тотъ же принципъ полнѣйшей и совершенной свободы, вытекающей раціонально изъ самаго положенія вещей въ республикѣ, нуждъ и потребностей ея населенія. Въ низшихъ судахъ, въ силу извѣстныхъ статей гражданскаго и уголовнаго права, разбирательство всякихъ дѣлъ совершается на языкѣ даннаго кантона. Кассаціонныя и апелляціонныя жалобы судящіяся стороны могутъ подавать на нѣмецкомъ или на французскомъ языкахъ; если же присовокупляется какой-либо документъ на иномъ языкѣ, то одновременно долженъ быть и его переводъ. Въ случаѣ, когда переводъ страдаетъ неясностью или неточностью по отношенію къ своему оригиналу, или кто-либо изъ судей или присяжныхъ засѣдателей оспариваетъ вѣрность перевода, тогда предсѣдатель суда вызываетъ эксперта для провѣрки и сличенія. Слѣдствіе ведется на языкѣ даннаго округа — затѣмъ, во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ употребляются два главныхъ языка кантона.

Наиболѣе смѣшаннымъ кантономъ считается Граубюнденъ, гдѣ населеніе говоритъ на четырехъ языкахъ. Больше всего здѣсь нѣмцевъ—44.000, затѣмъ идутъ романы—38.000 и, наконецъ, итальянцы—14.000. Правительственными языками считается нѣмецкій, итальянскій и ладинскій діалектъ. Страннымъ на первый взглядъ можетъ показаться фактъ, что только одно изъ нарѣчій роман-

скаго языка получило право гражданства. Объясняется это тѣмъ, что населеніе, говорящее по-энгадински, лютеранскаго вѣроисповѣданія и издавна пользуется нѣмецкимъ языкомъ, нѣмецкой литературой, слушаетъ нѣмецкія проповѣди въ церквахъ, молится по нѣмецкимъ молитвенникамъ—въ то время, какъ ладинцы всѣ, безъ исключенія, католическаго вѣроисповѣданія, и нѣмецкій языкъ для нихъ совершенно чуждъ. Впрочемъ, въ настоящее время нѣмецкій языкъ получаетъ все большее и большее распространеніе, такъ какъ онъ преподается въ низшихъ школахъ наравнѣ съ мѣстнымъ языкомъ.

Въ законодательствѣ распространенъ нѣмецкій языкъ, но всѣ законныя постановленія, подлежащія всеобщему голосованію, издаются на трехъ вышеприведенныхъ языкахъ. Въ кантональномъ совѣтѣ каждый изъ представителей можетъ свободно изъясняться на одномъ изъ языковъ. Мѣстная администрація въ романскихъ округахъ привыкла употреблять нѣмецкій языкъ въ своихъ дѣловыхъ сношеніяхъ съ высшей инстанціей. Не является это совершенно ея обязанностью—наоборотъ, бывали случаи, когда по-нѣмецки изданныя распоряженія отсылались обратно съ надписью на подлинникѣ: не понимаемъ по-нѣмецки, что оказывало свое дѣйствіе и распоряженіе немедленно переводилось на ладинскій языкъ.

Въ судопроизводствѣ въ романскихъ округахъ употребляется исключительно романскій языкъ. Отчеты, судебные протоколы, вердикты въ *Oberland*'ѣ и *Oberhalbstein*'ѣ печатаются по-романски. Впрочемъ, главнымъ и основнымъ руководствомъ какъ въ кантонѣ Граубюнденѣ, такъ и во всѣхъ остальныхъ смѣшанныхъ кантонахъ служитъ точное приспособленіе къ нуждамъ мѣстнаго населенія. Поэтому всякое распоряженіе либо издается на одномъ языкѣ, либо на нѣсколькихъ, смотря по тому, имѣетъ ли оно чисто мѣстный или болѣе общій интересъ. Въ кантональномъ судѣ (*Kantonsgericht*) распространенъ нѣмецкій языкъ; но если въ качествѣ обвиняемаго или свидѣтеля выступаетъ членъ другой національности, то допросъ ведется на родномъ языкѣ при посредствѣ переводчика.

Въ народныхъ школахъ преподаются предметы на мѣстномъ языкѣ данной общины; въ смѣшанныхъ кантонахъ часто, кромѣ мѣстнаго языка, преподаются также и другіе языки этого кантона, напримѣръ, въ романскихъ общинахъ—нѣмецкій языкъ.

Не будемъ останавливаться на обычаяхъ, господствующихъ въ другихъ смѣшанныхъ кантонахъ; ничѣмъ они не разнятся отъ вышеописанныхъ. Только въ конституціи Фрибурга существуетъ параграфъ, указывающій на то, что члены кантональнаго суда обязаны знать два языка: французскій и нѣмецкій. Параграфъ этотъ не имѣетъ однако никакого практическаго значенія, потому что, вслѣдствіе школъ и постояннаго взаимнаго соприкосновенія обѣихъ національностей, почти все населеніе знаетъ оба языка, въ особенности городскіе жители.

На Швейцаріи, импонирующей намъ своимъ, въ высшей степени сложнымъ и разнообразнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ точнымъ и опредѣленнымь устройствомъ, мы видимъ, что борьба о правахъ языка, борьба національная, можетъ совершенно не выступать, потому что само государственное устройство вполнѣ гарантируетъ права на существованіе самымъ мельчайшимъ этническимъ группамъ, и не упала она послѣ долгихъ моментовъ взаимнаго состезанія различныхъ народностей, и не погибла послѣ кропотливыхъ научныхъ теорій и изслѣдованій—ея впродолженіи всего историческаго развитія страны не существовало.

Г. Касперовичъ.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Медицина. Новыя попытки лѣченія туберкулеза. — **Зоологія.** Пауки, живущіе въ сообществѣ. — **Физіологія.** Механизмъ старости и смерти нервныхъ клѣтокъ.—**Ботаника.** О вліяніи свѣта на растенія. **Д. Н.**—**Географія и путешествія.** 1) О гулѣ при землетрясеніяхъ. 2) Первое путешествіе черезъ всю Африку съ юга на сѣверъ.—**Техника.** 1) Экономическій способъ сжиженія воздуха. 2) «Центробѣжныя» желѣзная дорога. **Н. М.**—**Астрономическія извѣстія. К. Покровскаго.**

Медицина. *Новыя попытки лѣченія туберкулеза.* Статистика смертности показала, что ни самыя страшныя эпидеміи, внушающія ужасъ однимъ своимъ появленіемъ, какъ чума или холера, ни кровопролитныя войны не производятъ такихъ опустошеній, какъ чахотка: тѣ бѣдствія преходящи, эпидемія же туберкулеза существуетъ непрерывно, не ослабѣвая, и число жертвъ ея громадно: въ Парижѣ, напр., ежегодно отъ чахотки умираетъ около 12.000 человѣкъ и въ той же, если не въ худшей, пропорціи въ другихъ большихъ городахъ.

Болѣзнь эта хорошо изучена, ея причина—дѣятельность особыхъ бациллъ—прочно установлена, но все еще не удается найти надежнаго лѣчебнаго средства противъ нея. Несмотря на всѣ усилія, противутуберкулезной сыворотки, подобно тому, какъ имѣется столь благодѣтельная противудифтеритная сыворотка, получить не удалось, а чрезвычайно важныя для пониманія явленій пріобрѣтенной невосріимчивости изслѣдованія Эммериха и Лёва (см. «Научн. Хр.» 1899 г. № 11) показали, что нельзя и надѣяться при помощи культуръ туберкулезныхъ бациллъ получить такую сыворотку, хотя и можно предполагать, что изъ культуръ другихъ какихъ-нибудь микробовъ будетъ добыто специфическое средство противъ этой болѣзни. Въ виду такого положенія вопроса всякая новая попытка, въ лѣченіи чахотки более или менѣе удачная, останавливаетъ на себѣ вниманіе. Въ № 9 CXXX т. «Comptes rendus» Парижской академіи сообщаются результаты двухъ такихъ попытокъ, а именно, изслѣдованія д-ра Думс надъ вліяніемъ весьма часто прерываемаго электрическаго тока высокаго напряженія на хроническую чахотку легкихъ и опыты Эрикура и Рише надъ лѣченіемъ туберкулеза мускульной плазмой. Первый изъ названныхъ авторовъ сразу сдѣлалъ попытку примѣнить прерывистый токъ высокаго напряженія къ лѣченію людей, такъ какъ эти токи не причиняютъ организму никакого вреда и даже почти не вызываютъ никакого ощущенія, хотя иногда и даютъ цѣлые снопы искръ. Свои изслѣдованія Думе производитъ уже болѣе четырехъ лѣтъ; объектомъ изслѣдованія послужили 17 человѣкъ больныхъ. Большинство изъ нихъ находились уже въ весьма тяжеломъ періодѣ болѣзни, но результаты, полученные имъ, оказались все же достаточно благопріятны. Способъ лѣченія состоялъ въ слѣдующемъ: отъ весьма сильнаго аппарата токъ направлялся на поверхность груди соотвѣтственно установленному или предполагаемому мѣсту туберкулезнаго поврежденія. Сеансы продолжались 5—10 мин., по большей части ежедневно, а иногда 3 раза въ недѣлю, причемъ не предпринималось никакихъ предосторожностей противъ искръ, проскакивавшихъ отъ элек-

трода къ больному, которыя, впрочемъ, не вызывали никакихъ болѣзненныхъ ощущеній. Хотя реакціи на это лѣченіе варіировали въ довольно широкихъ предѣлахъ въ зависимости отъ индивидуальныхъ особенностей и отъ степени пораженія, все же результаты получались достаточно постоянные и достаточно ясные. Различные симптомы уступаютъ лѣченію въ извѣстной послѣдовательности. Нѣкоторые изъ нихъ поддаются тотчасъ же, какъ, напр., поты и вечерняя лихорадка, другіе, какъ кашель и выдѣленіе мокроты, исчезаютъ лишь медленно. Чтобы судить о томъ, насколько существенны результаты этого метода лѣченія, весьма интересно прослѣдить измѣненія хотя бы нѣкоторыхъ симптомовъ. Самые первые сеансы не вызываютъ никакихъ измѣнаній и даже въ случаяхъ особой раздражительности дыхательныхъ путей они временно увеличиваютъ приступы кашля. На пятый или на восьмой сеансъ ночные поты начинаютъ уменьшаться и совершенно исчезаютъ послѣ 15-ти сеансовъ. Они исчезаютъ вполнѣ и окончательно; возвращеніе ихъ наблюдалось только въ 2-хъ случаяхъ и то вслѣдствіе новой простуды. Съ пятнадцатаго же сеанса и аппетитъ улучшается. Сначала онъ не бываетъ еще постояннымъ, но вскорѣ становится не только нормальнымъ, но даже повышеннымъ; это явленіе наступаетъ въ концѣ перваго или въ срединѣ второго мѣсяца лѣченія. На второй же мѣсяцъ, рѣдко позже, кашель становится менѣе упорнымъ и менѣе тяжелымъ. Часто случается видѣть, что въ это время больные спятъ всю ночь глубокимъ, спокойнымъ сномъ, и приступы кашля появляются только утромъ и вечеромъ. Мокрота также подвергается соотвѣтствующимъ измѣненіямъ; она становится менѣе обильной, менѣе гнойной, прозрачной и слизистой. Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ правильные промежутки производились бактеріологическія изслѣдованія, можно было замѣтить весьма ясное уменьшеніе количества бациллъ, иногда полное исчезновеніе ихъ. Но, въ противоположность ночнымъ потамъ и лихорадкамъ, здѣсь часто наблюдаются случаи возвращенія. Послѣ періода полнаго отсутствія бациллъ въ мокротѣ нерѣдко замѣчается ихъ появленіе и размноженіе. Вполнѣ и окончательно онѣ исчезаютъ только гораздо позже, къ концу лѣченія. Хрипы также исчезаютъ, какъ будто отъ тѣхъ измѣненій тканей, которыми они вызываются, не остается и слѣда, и онѣ замѣняются здоровой и нормальной легочной тканью. Этотъ результатъ достигается медленно, но онъ наступаетъ всегда и чаще всего бываетъ полнымъ не позже конца шестого или восьмого мѣсяца лѣченія. На основаніи перечисленныхъ измѣненій симптомовъ ясно, что значительно улучшается и общее состояніе: исхуданіе останавливается, затѣмъ постепенно вѣсъ тѣла возрастаетъ и иногда это происходитъ весьма быстро. «Я знаю,—говоритъ Думе,—съ какой осторожностью слѣдуетъ говорить о выздоровленіи отъ такой болѣзни, какъ чахотка легкихъ; только продолжительныя наблюденія въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ могутъ установить, что описанныя улучшенія стали постоянными и могутъ считаться окончательными. Но, если даже изъ этихъ 17-ти случаевъ, на основаніи которыхъ я вывожу предъидущее заключеніе, принять во вниманіе только пять первыхъ случаевъ, въ которыхъ лѣченіе окончилось болѣе 2-хъ лѣтъ тому назадъ, я могу сказать, что здѣсь выздоровленіе достигнуто полное, тѣмъ болѣе, что за это время паціенты подвергались тяжелымъ заболѣваніямъ; я могу также сказать, что пораженіе легкихъ, если они исчезали вполнѣ или значительно уменьшались, по выздоровленіи уже не возвращались, оставаясь въ томъ же видѣ, какъ и въ моментъ окончанія лѣченія».

Наблюденія Думе интересны еще и вотъ въ какомъ отношеніи. Въ послѣднее время обратилъ на себя общее вниманіе новый способъ лѣченія накожной болѣзни—волчанки—посредствомъ сильнаго электрическаго свѣта. Какъ извѣстно, волчанка представляетъ собою бактеріальную болѣзнь и вызывается развитіемъ и жизнедѣятельностью тѣхъ же туберкулезныхъ бациллъ, какъ и чахотка.

Для лѣченія ея примѣняется свѣтъ отъ вольтовой дуги, которая происходитъ отъ весьма сильнаго и чрезвычайно часто прерываемаго тока между концами углей дуговой лампы. Раскаленные до бѣла угли даютъ яркій свѣтъ, но, вѣдь, отъ сильнаго тока между ними могутъ исходить и электрическія колебанія, которыя, быть можетъ, и являются въ данномъ случаѣ дѣйствующимъ началомъ. Поэтому было бы крайне интересно изслѣдовать вліяніе сильнаго и весьма часто прерываемаго электрическаго тока, который примѣнялъ Думе, на волчанку, но, кажется, такихъ наблюденій до сихъ поръ произведено еще не было.

Второй способъ лѣченія туберкулеза—предлагаемый Рише и Эрикуромъ—основывается на химическихъ свойствахъ мясного сока. Эти изслѣдователи произвели цѣлый рядъ опытовъ надъ собаками, искусственно зараженными туберкулезомъ. Уже съ давнихъ поръ частью эмпирически, частью по традиціи, сырое мясо считается едва ли не лучшимъ питательнымъ средствомъ для возстановленія силъ. Иногда сырое мясо трудно переваривается, но когда оно переносится легко, то быстро возстановляетъ силы и вѣсъ тѣла. Соотвѣтственно этому, Рише и Эрикуръ строгими опытами, точности которыхъ клиническія наблюденія по необходимости никогда достигнуть не могутъ, показали, что изъ зараженныхъ туберкулезомъ животныхъ при кормленіи сырымъ мясомъ половина остается въ живыхъ, тогда какъ контрольныя животныя въ четыре мѣсяца погибли всѣ. Сообщаемыя авторами въ настоящее время изслѣдованія имѣли цѣлью выяснить, дѣйствуетъ ли въ данномъ случаѣ сырое мясо исключительно, какъ пищевое вещество или въ немъ заключается какое-нибудь специфическое лѣчебное начало. Было произведено два опыта. Въ первомъ изъ нихъ однихъ зараженныхъ собакъ кормили сырымъ мясомъ и онѣ остались живы и вѣсъ ихъ, который авторы берутъ, какъ показатель состоянія животнаго, постепенно увеличивался; другихъ кормили вареннымъ мясомъ и третьи служили для контроля. Состояніе животныхъ этихъ двухъ послѣднихъ группъ быстро ухудшалось. Такимъ образомъ оказывается, что достаточно сварить мясо, чтобы уничтожить его лѣчебныя свойства. Слѣдующими опытами было выяснено вліяніе самыхъ волоконъ мяса и заключающагося въ нихъ полужидкаго вещества, которое называютъ мускульной плазмой. Изъ 2-хъ килограммовъ, т. е., приблизительно, 5-ти фунтовъ сырой говядины, хорошо изрубленной, послѣ того, какъ она постояла въ водѣ (въ количествѣ одного литра, т. е. около $1^1/_2$ бутылокъ), вмѣстѣ съ этой водою былъ отжатъ сокъ, такъ что получилось 1,2 литра жидкости; оставшіяся волокна были промыты въ текучей холодной водѣ въ теченіе сутокъ. Затѣмъ зараженныхъ туберкулезомъ собакъ кормили однимъ этимъ сокомъ, другихъ—промытымъ мясомъ. Состояніе здоровья первыхъ постепенно улучшилось, какъ и при кормленіи сырымъ мясомъ, тогда какъ получавшія промытое мясо, быстро истощались. Эти опыты показываютъ, что здѣсь дѣло идетъ не просто объ усиленіи питанія, такъ какъ въ отжатомъ сокѣ находилось не болѣе 30 граммъ бѣлковыхъ веществъ, чего далеко недостаточно для питанія, тогда какъ въ промытыхъ волокнахъ ихъ было гораздо больше, а изъ вареннаго мяса бѣлковъ выдѣляется при варкѣ и того меньше, такъ какъ оказалось, что въ полученномъ сокѣ при нагрѣваніи они свертываются и, слѣдовательно, при варкѣ мяса, свернувшись внутри волоконъ, они не могутъ быть удалены. Все это сильно говоритъ въ пользу того, что въ мясномъ сокѣ дѣйствительно находится какое-то начало, которое оказываетъ благопріятное вліяніе при туберкулезѣ. Эти наблюденія тѣмъ болѣе важны, что, какъ оказалось изъ произведенныхъ съ этою цѣлью опытовъ, даже и въ то время, когда организмъ находится уже въ крайней опасности, такъ сказать, въ виду неминуемой смерти, сырое мясо можетъ спасти его.

Этотъ способъ лѣченія весьма простой, на практикѣ не представляетъ ни-

какой трудности. Сырое мясо, дѣйствительно, трудно переваривается, но сырой мясной сокъ, мускульная плазма, переносится весьма легко. Больной вполнѣ можетъ въ теченія сутокъ принять около литра этого сока. Вкусъ его не непріятенъ, прибавляя къ нему соли, чуть-чуть либиховскаго мясного экстракта и какихъ-нибудь пряностей, можно получить жидкость, весьма легко переносимую. Впрочемъ, есть два обстоятельства, которыя не позволяютъ возлагать большихъ надеждъ на это лѣченіе. Во-первыхъ, сырое мясо можетъ содержать нѣкоторыя болѣзнетворныя начала, а авторы почему-то не пробовали очищать этотъ сокъ, пропуская его черезъ пастеровскій фильтръ, между тѣмъ, неизвѣстно, сохранятся ли при этомъ его цѣлебныя свойства. Во-вторыхъ,—и это особенно важно—очевидно, указанный способъ послѣдовательно можетъ примѣняться только въ началѣ болѣзни, такъ какъ трудно предположить, чтобы тяжелый больной могъ ежедневно принимать цѣлый литръ, т. е. около $1^1/_2$ бут. этой жидкости.

Зоологія. *Пауки, живущіе въ сообществѣ.* Паукъ представляетъ собою настоящій типъ одиночнаго животнаго: онъ никогда не раздѣляетъ своей добычи съ товарищами и никогда не прибѣгаетъ къ ихъ помощи. Эта вражда обнаруживается даже и между особями различнаго пола: нерѣдко самки пожираютъ самцовъ, но все же нельзя сказать, чтобы среди пауковъ не было общественныхъ животныхъ. Такъ, напримѣръ, пауки одного вида, которые живутъ во множествѣ на стеклахъ оранжерей, вьютъ свои паутины рядомъ и на добычу зачастую бросаются сразу нѣсколько пауковъ, причемъ она достается первому прибывшему и остальные не стараются отнять ее у него. У другихъ видовъ общественность еще болѣе выражена. Такіе пауки встрѣчаются преимущественно въ жаркихъ странахъ. Въ Парагваѣ живетъ одинъ видъ, Epeira socialis, родственный нашему крестовику, особи котораго, достигающія величины съ горошину, живутъ въ сообществѣ болѣе чѣмъ по сту штукъ, устраиваютъ общими силами гнѣздо, нѣсколько напоминающее формой и размѣрами шляпу, подвѣшивая его отверстіемъ внизъ на высокомъ деревѣ или подъ крышей, такъ, чтобы оно прикрывало ихъ сверху. Въ настоящее время, когда обращено вниманіе на эту черту жизни пауковъ, примѣровъ общественности среди нихъ, вѣроятно, будетъ найдено ихъ не мало. Недавно Симонъ во французскомъ энтомологическомъ обществѣ сообщилъ наблюденія, произведенныя имъ въ Венецуэллѣ надъ общественной жизнью пауковъ, принадлежащихъ къ весьма далекимъ другъ отъ друга видамъ. Эта общественность представляетъ различныя степени: иногда она бываетъ временной, ограничиваясь періодомъ размноженія, иногда постоянной, въ нѣкоторыхъ случаяхъ всякая работа производится сообща и, повидимому, всѣми членами общества. Одному изъ такихъ видовъ Симонъ далъ названіе Epeira Bandelieri. Обыковенно они ведутъ такой же образъ жизни, какъ и родственные имъ крестовики, т. е. вьютъ каждый отдѣльную паутину, но ко времени кладки яицъ нѣсколько самокъ соединяются для постройки общими силами на какомъ-нибудь кустѣ большого кокона, въ которомъ онѣ и откладываютъ яица въ особыхъ маленькихъ коконахъ. Внутри этого большого кокона находятъ обыкновенно до 10-ти маленькихъ и пять или шесть самокъ, которыя охраняютъ ихъ. Общественность, еще болѣе полная, наблюдается у Anelosimus socialis. Нѣсколько сотъ, часто нѣсколько тысячъ особей этого вида собираются вмѣстѣ и устраиваютъ легкую прозрачную паутину. Эта паутина не имѣетъ опредѣленной формы, но достигаетъ значительныхъ размѣровъ, иногда она можетъ, напримѣръ, окутывать цѣлый кофейный кустъ. На первый взглядъ, эта громадная паутина напоминаетъ скорѣе работу гусеницъ, чѣмъ пауковъ. Если разорвать наружную стѣнку, то можно видѣть, что внутри перегородками изъ той же ткани образованы помѣщенія неправильной формы, внутри бѣгаютъ пауки, которые при встрѣчѣ ощупываютъ

другъ друга, какъ это обыкновенно дѣлаютъ муравьи, и иногда по нѣскольку бросаются на добычу, которую дѣлятъ потомъ между собой, для яицъ они также устраиваютъ отдѣльные коконы. Третій типъ сообщества Симонъ наблюдалъ у Uloborus republicanus; нѣсколько сотъ особей живутъ вмѣстѣ; свиваютъ между деревьями громадную паутину, образованную изъ центральной сѣти, достаточно мелкой, въ которой и живутъ множество индивидуумовъ того и другого пола, но преимущественно самцовъ. Эта сѣть прикрѣплена длинными нитями, расходящимися по всѣмъ направленіямъ, къ окружающимъ предметамъ. Въ петляхъ сѣти, образованной этими большими нитями, другія особи вьютъ особыя паутинки, въ которыхъ помѣщается въ каждой уже по одному пауку. Время отъ времени изъ центральной сѣти выходитъ паукъ и устраиваетъ себѣ такую особенную маленькую сѣтку. Самцы держатся преимущественно въ серединѣ; кладка яицъ производится почти всѣми самками сразу; въ это время самцы исчезаютъ, самки переходятъ въ середину, устраиваютъ на нѣсколькихъ сантиметрахъ другъ отъ друга коконы и садятся охранять ихъ, оставаясь съ этого времени въ полной неподвижности. Коконы имѣютъ чрезвычайно странный видъ; они больше всего похожи на какіе-нибудь обрывки растеній, случайно попавшіе въ паутину.

Вниманіе ученыхъ, изучавшихъ формы общественной жизни у животныхъ, до сихъ поръ преимущественно сосредоточивалось на муравьяхъ и пчелахъ, наблюденія Симона показываютъ, что и среди другихъ группъ можно найти весьма интересные примѣры общественности. («La Nature»).

Физіологія. 1) *Механизмъ старости и смерти нервныхъ клѣтокъ.* Подъ такимъ заглавіемъ помѣщена въ № 17 t. CXXX «Comptes rendus» парижской академіи статья Маринеско, содержащая важныя наблюденія для выясненія роли фагоцитоза въ не зараженномъ организмѣ. Многоклѣтный организмъ, по господствующимъ воззрѣніямъ, представляетъ собою колонію различныхъ одноклѣтныхъ организмовъ—элементовъ его тканей. На основаніи изслѣдованій Мечникова, къ сожалѣнію, слишкомъ рано попавшими въ печать, надъ взаимными отношеніями нѣкоторыхъ изъ этихъ элементовъ, можно заключить, что старость наступаетъ тогда, когда преобладающая роль въ колоніи перейдетъ къ извѣстнымъ членамъ ея—фагоцитамъ, бѣлымъ кровянымъ тѣльцамъ, которыя при нормальныхъ условіяхъ служатъ для защиты тканей отъ болѣзнетворныхъ микроорганизмомъ и для уничтоженія остатковъ ненужныхъ тканей, и что возможно приготовить кровяную сыворотку, которая уничтожала бы фагоцитовъ. Отъ этихъ наблюденій еще слишкомъ далеко до жизненнаго элексира, и, вѣроятно—самъ Мечниковъ всегда придавалъ имъ совершенно иное—чисто научное, значеніе.

Наука не знаетъ естественной смерти, т. е. неизвѣстно причинъ, которыя бы, помимо внѣшнихъ неблагопріятныхъ воздѣйствій, неизбѣжно вели организмъ къ смерти. По изслѣдованіямъ Мечникова, на первый взглядъ кажется, что причины эти лежатъ въ измѣненіи отношеній элементовъ организма, точнѣе, въ чрезмѣрномъ размноженіи (а быть можетъ, на-ряду и въ какомъ-нибудь измѣненіи) фагоцитовъ, которые пожираютъ другихъ членовъ колоніи, нарушая тѣмъ необходимую гармонію въ развитіи тканей и приводя колонію къ распаденію. Въ дѣйствительности это трудно предположить, такъ какъ мы знаемъ, что всѣ, безъ исключенія, организмы, даже и лишенные фагоцитовъ, напр. растительные и одноклѣтные, старятся и умираютъ, хотя и не понимаемъ причины этого явленія.

Маринеско поставилъ себѣ задачей изучить механизмъ тѣхъ явленій, изъ которыхъ слагается старость нервной клѣтки, какъ элемента, наиболѣе важнаго въ организмѣ, съ нарушеніемъ цѣлости котораго прекращаются и жизненные акты. По изслѣдованіямъ Мечникова, какъ мы видѣли, можно думать

что старческая атрофія есть результатъ борьбы клѣтокъ разныхъ тканей, причемъ въ концѣ концовъ верхъ одерживаетъ соединительная ткань, образующаяся изъ бѣлыхъ кровяныхъ тѣлецъ послѣ того, какъ они разрушатъ болѣе благородные элементы, не способные защищаться. Маринеско изслѣдовалъ старческія измѣненія нервной ткани на трупахъ людей отъ 60 до 110 лѣтъ и убѣдился, что старческая атрофія нервныхъ клѣтокъ состоитъ не только въ уменьшеніи объема ихъ, но также и въ томъ, что внутри ихъ происходятъ особыя, открываемыя микроскопомъ, измѣненія въ строеніи. Какъ извѣстно, въ нормальномъ состояніи въ клѣткѣ находятся образованія, способныя впитывать въ себя извѣстныя краски. У стариковъ, особенно въ весьма преклонномъ возрастѣ эти образованія уменьшаются въ объемѣ и въ числѣ, иногда они превращаются просто въ зернышки. Кромѣ того, въ плазмѣ появляется особый пигментъ, представляющій собою ничто иное, какъ продуктъ дезорганизаціи плазмы. По мѣрѣ того, какъ организмъ старится, количество этого пигмента увеличивается, а живого вещества, съ присутствіемъ котораго связана дѣятельность клѣтки, становится все меньше. Число отростковъ клѣтки уменьшается и развѣтвленія ихъ исчезаютъ, а вѣдь это одна изъ отличительныхъ особенностей строенія нервныхъ клѣтокъ. Наконецъ и объемъ клѣтки уменьшается, что и представляетъ собою настоящую атрофію, съ которой и связано только что описанное пигментное перерожденіе. Въ большомъ числѣ препаратовъ нервной ткани стариковъ ни разу не было найдено фагоцитовъ, разрушающихъ нервныя клѣтки. Такимъ образомъ, старческая атрофія не есть результатъ нападенія фагоцитовъ на нервную клѣтку. Иначе происходитъ въ извѣстныхъ патологическихъ случаяхъ: когда нервная клѣтка поражается болѣе или менѣе внезапно, то она пожирается клѣтками невровгліи, которыя всегда находятся въ нервной ткани и по строенію совершенно схожи съ фагоцитами. Эти клѣтки, при нормальномъ состояніи нервной ткани весьма немногочисленныя, энергично размножаются и проникаютъ въ нервную клѣтку, когда она не можетъ защищаться. Слѣдуетъ замѣтить, что у стариковъ невроглія сильнѣе развита, чѣмъ у людей зрѣлаго возраста Такимъ образомъ между нервной тканью и невровгліей извѣстный антагонизмъ существуетъ. У зародыша и тѣ, и другія клѣтки прогрессируютъ параллельно, но постепенно нервныя клѣтки опережаютъ невроглію и какъ бы оказываютъ угнетающее дѣйствіе на ихъ питаніе. Въ старости происходитъ обратное. Вообще можно сказать, что всегда, когда жизнедѣятельность нервныхъ клѣтокъ понижается, сосѣднія клѣтки невровгліи приходятъ въ дѣятельное состояніе, размножаются и нападаютъ на нервныя клѣтки. Такимъ образомъ антагонизмъ и борьба существуютъ, но не въ нихъ причина старости. Старость и смерть нервной клѣтки связана съ самой ея жизнью и дѣятельностью. Какъ и организмъ, часть котораго она составляетъ, нервная клѣтка появляется на свѣтъ, растетъ, старится и умираетъ. Причина ослабленія клѣтокъ въ недостаточномъ химическомъ синтезѣ ея вещества. Нормальное состояніе всякой клѣтки сохраняется до тѣхъ поръ, пока поддерживается равновѣсіе между процессами органическаго созиданія, т. е. превращенія пищи въ живое вещество, основаннаго главнымъ образомъ на химическомъ синтезѣ, и органическаго разрушенія, необходимаго для полученія живой силы. Когда это равновѣсіе нарушено, когда распаденіе живого вещества не вознаграждается болѣе процессомъ созиданія, происходитъ дезорганизація клѣтки, которая сказывается внѣшнимъ образомъ въ уменьшеніи объема и числа образованій, способныхъ впитывать красящія вещества, и отложеніемъ въ ней пигмента. Чтобы воспрепятствовать этимъ явленіямъ, слѣдовало бы усилить химическій синтезъ въ клѣткахъ. Можетъ быть, среди веществъ, способныхъ произвести эти измѣненія окажется и сыворотка молодыхъ животныхъ или сокъ очень молодыхъ органовъ; во всякомъ случаѣ, чтобы задержать появленіе старости, нужно

возбудить энергію наиболѣе важныхъ элементовъ, а не ослаблять развитіе фагоцитовъ.

Ботаника. *О вліяніи свѣта на растенія.* Едва ли не всѣ важнѣйшія функціи растеній находятся въ самой тѣсной зависимости отъ свѣта. Какъ извѣстно, только на свѣту листья достигаютъ нормальнаго развитія и вырабатываютъ столь необходимый растенію зеленый пигментъ, далѣе только при помощи свѣта зеленыя растенія могутъ разлагать углекислоту и, слѣдовательно, усваивать углеродъ, наконецъ, подъ вліяніемъ свѣта растенія испаряютъ гораздо больше воды, чѣмъ въ темнотѣ, такъ что и движеніе соковъ, связанное съ испареніемъ воды, въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ свѣта. Но значеніе свѣта для растенія не исчерпывается тѣмъ вліяніемъ, которое онъ оказываетъ на форму и окраску растеній, участіемъ его въ процессѣ усвоенія углерода и хотя бы косвеннымъ воздѣйствіемъ на движеніе соковъ: въ зависимости отъ него находится также и образованіе цвѣтовъ и плодовъ. Въ практикѣ эта зависимость давно и многими замѣчена, но все еще не установлено прочно, вліяетъ ли при этомъ свѣтъ непосредственно, что въ научномъ отношеніи, разумѣется, представляетъ наибольшій интересъ. Нѣкоторые опыты какъ будто указываютъ, что такой зависимости нѣтъ: проращивая луковицы гіацинтовъ, тюльпановъ и другихъ растеній въ совершенной темнотѣ, можно, однако, получить вполнѣ нормально развитые и окрашенные цвѣты, но слѣдуетъ замѣтить, что зачатки цвѣтовъ уже заложены въ луковицахъ и поэтому въ данномъ случаѣ происходитъ не образованіе, а лишь ростъ и развитіе зачатковъ цвѣтовъ. Главнѣйшей причиной того, что этотъ вопросъ до настоящаго времени остается не вполнѣ выясненнымъ, является то, что, какъ замѣчено выше, почти всѣ функціи растенія зависятъ отъ свѣта: его ничѣмъ нельзя замѣнить и въ темнотѣ совершенно невозможно получить нормально развитыхъ, хотя бы и не цвѣтущихъ растеній. Однако, нѣкоторыя наблюденія все же убѣждаютъ въ непосредственной зависимости образованія цвѣтовъ отъ солнечнаго свѣта. Въ «Revue Scientifique» сообщаются опыты англійскаго агронома Джона Клейтона, которые сильно говорятъ въ пользу указанной зависимости. Опыты были произведены слѣдующимъ образомъ. Половина поля, засѣяннаго бобами, была совершенно закрыта отъ солнечныхъ лучей; осенью съ этой половины было получено 29 кило сѣмянъ, тогда какъ съ освѣщенной ихъ получилось 99 кило. Этотъ опытъ, произведенный надъ громаднымъ числомъ растеній подъ открытымъ небомъ, особенно интересенъ потому, что онъ подтверждаетъ результаты опытовъ знаменитаго ботаника-физіолога Сакса, строго поставленныхъ, но произведенныхъ, разумѣется, лишь надъ немногими растеніями. Для наблюденій надъ вліяніемъ химическихъ, ультра-фіолетовыхъ лучей солнечнаго свѣта на растенія, Саксъ проращивалъ сѣмена настурціи въ ящикахъ, передняя стѣнка у которыхъ была стеклянная и двойная: между этими двумя стеклами въ одномъ опытѣ была налита простая вода, въ другомъ—растворъ хинина, который имѣетъ способность превращать невидимые ультрафіолетовые лучи въ голубые; такимъ образомъ во второмъ опытѣ растенія подвергались вліянію солнечнаго свѣта, лишеннаго ультрафіолетовыхъ лучей. Опыты продолжались цѣлое лѣто, и оказалось, что за растворомъ хинина растенія развились нормально, но цвѣтовъ почти не образовали, опытъ не удался вполнѣ чисто потому, что растворъ хинина легко портится. Въ опытахъ Клейтона затѣненныя растенія дали въ три раза меньше сѣмянъ, чѣмъ подвергавшіяся вліянію солнечныхъ лучей; слѣдуетъ замѣтить, что при поглощеніи лучей въ мутной средѣ, какъ это бываетъ, когда свѣтъ разсѣивается и ослабляется, проходя черезъ воздухъ, а такой именно свѣтъ и достигалъ затѣненныхъ растеній, наиболѣе сильно поглощаются именно ультрафіолетовые и фіолетовые лучи, наименѣе же задерживаются красные (вотъ, почему даже электрическіе фонари съ вольтовой дугой, дающіе весьма чистый

бѣлый свѣтъ, сквозь туманъ на большомъ разстояніи кажутся красными). Такимъ образомъ въ опытахъ Клейтона, какъ и у Сакса, растенія были освѣщены солнечнымъ свѣтомъ, лишеннымъ, хотя и не вполнѣ, ультра-фіолетовыхъ лучей, и результатъ получился близкій: функція воспроизведенія оказалась у большинства растеній нарушенной. Д. Н.

Примѣчаніе. Въ предъидущемъ нумерѣ оказались опечатки, измѣняющія смыслъ, а именно на стр. 72, 8 строка снизу напечатано: «бѣлому сѣмени», слѣдуетъ: «бѣлку сѣмени»; далѣе на 73, 3 строка сверху напечатано: «чисто логическаго изслѣдованія ея семи почекъ», слѣдуетъ: «гистологическаго изслѣдованія ея сѣмяпочекъ». Д. Н.

Географія и путешествія. 1) *О гулѣ при землетрясеніяхъ*. Семь лѣтъ тому назадъ, англійскій геологъ Чарльзъ Дэвисонъ опубликовалъ рядъ наблюденій надъ сопровождающимъ землетрясенія гуломъ и предложилъ объясненіе его происхожденія. Тогда же онъ указывалъ на необходимость собиранія болѣе полнаго и новаго матеріала, чтобы освѣтить многіе пункты, оставшіеся темными. Съ тѣхъ поръ этотъ ученый имѣлъ случай внимательно изучить много землетрясеній въ Англіи и использовать съ тою же цѣлью сейсмологическія наблюденія въ другихъ странахъ. Опубликованная теперь въ «Philosophical Magazine» статья того же автора даетъ результаты этихъ наблюденій надъ явленіемъ, которое до сихъ поръ рѣдко обращало вниманіе ученыхъ изслѣдователей. Шумъ, сопровождающій землетрясенія, рѣдкими изслѣдователями описывается подробно, въ большинствѣ случаевъ его сравниваютъ съ хорошо знакомымъ родомъ шума. Изъ огромнаго числа сообщеній (много тысячъ) авторъ могъ выдѣлить слѣдующіе типы: шумъ этотъ сравнивается съ шумомъ проходящаго поѣзда или нагруженной телѣги, съ громомъ, съ завываніемъ и свистомъ вѣтра, съ паденіемъ тяжелыхъ предметовъ, съ взрывами и т. п. обычными родами шума. Эти роды шума мѣняются не только во время разныхъ землетрясеній, но и въ разныхъ частяхъ сейсмической области одного и того же землетрясенія. Что интенсивность шума мѣняется, слѣдуетъ уже изъ того обстоятельства, что чаще всего этотъ шумъ сравнивается съ шумомъ проѣзжающихъ экипажей. Иногда гулъ, мало-по-малу, усиливается и затѣмъ внезапно прекращается; или же онъ начинается интенсивно и постепенно ослабѣваетъ. Обыкновенно сила сотрясенія идетъ рука объ руку съ силой шума; однако, наблюдаются и исключенія изъ этого общаго правила. Въ большинствѣ случаевъ шумъ сохраняетъ отъ начала до конца тотъ же самый характеръ и измѣняется только въ силѣ. Вблизи же эпицентра, т.-е. той точки на земной поверхности, которая, какъ находящаяся надъ центромъ землетрясенія, первая выходитъ изъ состоянія равновѣсія, наблюдаются также измѣненія характера шума, въ особенности когда шумъ очень великъ.

Въ одномъ отношеніи шумъ обнаруживаетъ во всей области сотрясенія замѣчательное единство—онъ состоитъ изъ низкихъ тоновъ, что во многихъ случаяхъ выступаетъ уже изъ обычнаго описанія. Это доказывается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что тоны шума, находясь на границѣ воспринимаемыхъ слухомъ низкихъ тоновъ, одними наблюдателями воспринимаются, другими—нѣтъ. Эта разница наблюдается даже на лицахъ, находящихся въ одной и той же комнатѣ, такъ что для объясненія разницы нельзя допустить различной степени вниманія. Что это дѣйствительно такъ, можно доказать еще и тѣмъ, что гулъ, сопровождающій какое-нибудь сотрясеніе для однихъ наблюдателей внезапно прекращается, тогда какъ другіе воспринимаютъ его и дальше. Большія различія обнаруживаются также въ томъ, какъ шумъ воспринимается и описывается. Все указываетъ, словомъ, на то, что тоны, по своей высотѣ, лежатъ на границѣ воспринимаемости, которая для разныхъ лицъ различна. Измѣненія въ періодѣ и амплитудѣ гула здѣсь, т.-е. на границѣ ихъ воспринимаемости, должны обнаруживаться большой разницей воспріятія у разныхъ индивидуумовъ.

*

Для каждаго землетрясенія можно соединить линіями тѣ мѣста, гдѣ процентное число лицъ, воспринявшихъ гулъ, одинаково и такимъ образомъ получить «изоакустическія» линіи землетрясенія. Ходъ этихъ послѣднихъ линій позволяетъ установить интересныя отношенія между ними и изосейсмическими линіями, т.-е, линіями одинаковаго сотрясенія. Упомянемъ лишь нѣкоторыя изъ нихъ. Такъ, напр., въ большинствѣ сильныхъ землетрясеній область гула, если такъ можно выразиться, окружаетъ эпицентръ, а сейсмическая область по всѣмъ направленіямъ выходитъ за ея предѣлы. При нѣкоторыхъ землетрясеніяхъ средней силы эти двѣ области совпадаютъ другъ съ другомъ, а при многихъ слабыхъ землетрясеніяхъ область гула выходитъ далеко за предѣлы области сотрясенія. Мы не остановимся на дальнѣйшихъ сопоставленіяхъ, укажемъ лишь на тотъ выводъ, что гулъ въ особенности характеристиченъ для тѣхъ округовъ, гдѣ ощущаются слабые толчки. Очень важнымъ оказалось также наблюденіе эксцентричности изоакустическихъ линій по сравненію съ изосейсмическими.

Какъ ни интересны отношенія во времени между гуломъ и сотрясеніями, однако надежныхъ указаній на этотъ счетъ имѣется очень немного. Внимательное изученіе съ этой точки зрѣнія послѣднихъ англійскихъ землетрясеній обнаружило, что обыкновенно начало шума предшествуетъ началу сотрясенія, иногда же, въ особенности при слабыхъ землетрясеніяхъ совпадаетъ съ нимъ; при слабыхъ толчкахъ maxima обоихъ явленій совпадаютъ, тогда какъ при сильныхъ maximum шума часто предшествуетъ. Конецъ гула никогда не предшествуетъ концу сотрясенія: онъ или совпадаетъ съ послѣднимъ, или же слѣдуетъ иногда за нимъ. Если отъ начала и до конца гула и сотрясеній высчитать ихъ продолжительность, то оказывается, что обыкновенно продолжительность шума больше, чѣмъ продолжительность сотрясенія.

Установивъ вышеизложенные вкратцѣ факты, авторъ дѣлаетъ нѣкоторыя заключенія о происхожденіи гула при землетрясеніяхъ. При каждомъ землетрясеніи онъ различаетъ три стадіи движенія. Начальная стадія съ движеніями малой амплитуды и короткимъ періодомъ, главная стадія съ колебаніями большей амплитуды и болѣе длиннымъ періодомъ и конечная стадія съ слабыми движеніями. Въ своемъ объясненіи гула, Дэвисонъ исходитъ изъ того положенія, что большинство не вулканическихъ землетрясеній происходитъ отъ постепеннаго, но съ промежутками во времени, роста трещинъ земной коры; непосредственной причиной нарушенія покоя является треніе, которое происходитъ отъ скольженія каменныхъ массъ, причемъ онѣ перемѣщаются другъ относительно друга; при этомъ скольженіи въ трещинѣ не обязательно должно происходить по всему очагу сотрясеніе въ одномъ и томъ же направленіи и одновременно въ каждомъ пунктѣ. Но вообще оно продолжается лишь очень короткое время и во всѣхъ мѣстахъ, расположенныхъ вблизи отъ эпицентра, продолжительность замѣтной фазы землетрясенія находится главнымъ образомъ въ зависимости отъ величины очага и скорости земныхъ волнъ. Очагъ представляетъ въ дѣйствительности наклонную къ горизонту плоскость, которая въ горизонтальномъ направленіи простирается далеко. Въ своей простѣйшей формѣ онъ состоитъ изъ центральной части, или области, гдѣ сдвигъ каменныхъ массъ выражается сильнѣе всего и окружена она другой областью, гдѣ относительный сдвигъ не великъ и вовсе исчезаетъ къ ея краямъ. Изъ всѣхъ частей очага исходятъ одновременныя колебанія разной амплитуды и продолжительности; большія и медленныя волны исходятъ главнымъ образомъ изъ центральной области, малыя и быстрыя колебанія изъ областей граничащихъ съ центромъ. Изъ этихъ-то краевыхъ областей и исходятъ, по мнѣнію Дэвисона, замѣтныя звуковыя колебанія. Явленія гула при землетрясеніяхъ по этой теоріи могутъ найти удовлетворительное объясненіе. Такъ какъ большія колебанія, которыя исходятъ изъ центра области, переходятъ непосредственно въ звуковыя колебанія краевъ очага, то между ними

попадаются и такія, которыя производятъ самые низкіе тоны, доступные для воспріятія человѣческимъ слухомъ. Далѣе выясняется, что средняя интенсивность гула должна постепенно наростать, пока ощущается сотрясеніе и когда послѣднее произошло, постепенно ослабѣваетъ. Большая амплитуда колебаній изъ центра очага сдѣлаетъ воспріимчивыми для слуха колебаніи болѣе продолжительныя, чѣмъ тѣ, которыя исходятъ отъ краевъ и высота тона шума будетъ подниматься или опускаться съ интенсивностью шума и толчка. Равнымъ образомъ понятно, что сила шума въ разныхъ землетрясеніяхъ будетъ возрастать съ силой толчка и шумъ при болѣе сильныхъ толчкахъ долженъ быть болѣе низкаго тона. Величина области гула будетъ для наблюдателей съ средними слуховыми средствами находиться въ зависимости болѣе отъ силы краевыхъ сотрясеній и отъ размѣровъ очага сотрясенія, чѣмъ отъ тѣхъ же факторовъ краевыхъ областей. Величина же области сотрясенія находится лишь отчасти въ зависимости отъ величины очага, а главнымъ образомъ отъ первоначальной интенсивности колебаній въ центральной области. Хотя въ общемъ область гула и область сотрясеній по своимъ размѣрамъ и будутъ совпадать, но при очень сильныхъ толчкахъ область гула явится лишь относительно малымъ участкамъ вокругъ эпицентра и съ другой стороны при очень легкихъ толчкахъ краевыя области будутъ очень велики въ сравненіи съ центромъ очага и область гула превзойдетъ по размѣрамъ область сотрясенія. Многіе другіе наблюдавшіеся факты, какъ, напр., несовпаденіе изоакустическихъ и изосейсмическихъ линій, отношенія во времени между толчкомъ и звукомъ, находящіяся въ большой зависимости отъ мѣста наблюденія, нашли въ данныхъ Дэвисономъ теоретическихъ представленіяхъ о происхожденіи гула при землетрясеніяхъ сравнительно простое объясненіе. («Naturwiss. Rundschau», № 17, 1900).

2) *Первое путешествіе черезъ Африку съ юга на сѣверъ.* Недавно закончено первое путешествіе черезъ африканскій континентъ съ юга на сѣверъ, отъ Капштадта до Александріи, путешествіе, потребовавшее для своего выполненія двухъ-лѣтняго періода времени, который считается сообразно съ задачей довольно короткимъ. Связанное съ множествомъ серьезныхъ препятствій и затрудненій, это путешествіе выполнено англичаниномъ Грогономъ. Выѣхавъ изъ Капштадта по желѣзной дорогѣ, Гроганъ вступилъ въ началѣ 1898 года въ Родезію. Здѣсь онъ встрѣтился съ Артуромъ Шарпомъ, шедшимъ изъ Бейры, и вмѣстѣ они направились къ устью р. Замбези въ Чиндъ, котораго достигли въ октябрѣ 1898 года. Отсюда они отправились къ рѣкѣ Шире, важному лѣвому притоку Замбези и достигли европейскаго поселенія Blantyre, расположеннаго въ гористой мѣстности и спустились далѣе къ озеру Ньясса. Это озеро они переѣхали съ юга на сѣверъ на англійскомъ пароходѣ, а далѣе направились къ озеру Танганика. Здѣсь они покидаютъ англійскую территорію и вступаютъ въ нѣмецкія владѣнія. Встрѣтивъ радушный пріемъ у нѣмецкихъ офицеровъ, они проходятъ по восточному побережью озера Танганика, гдѣ находится много нѣмецкихъ поселеній. Отсюда они направляются къ озеру Киву, расположенному въ очень интересной, вулканической области, путешествіе по которой сопряжено съ крупными затрудненіями; повсюду громадные потоки лавы и долины, покрытыя густой, тропической растительностью; склоны самого озера возвышенны и круты; многочисленныя стада слоновъ проходятъ по этимъ областямъ. Къ сѣверу отъ озера Киву возвышается много вулкановъ, изъ которыхъ одинъ дѣйствуетъ и до настоящаго времени; въ 1896 году онъ произвелъ сильное изверженіе. Поднимаясь отъ озера Киву къ озеру Альбертъ-Эдуардъ, они нашли, что названное озеро простирается гораздо дальше къ востоку, чѣмъ это обозначается на картахъ и оканчивается здѣсь болотистыми мѣстами, откуда бьетъ много интересныхъ гейзеровъ—послѣдніе слѣды вулканической дѣятельности. Въ Таро путешественники разстаются: Шарпъ направ-

ляется въ Момбасъ, чтобы сѣсть на корабль и отправиться въ Англію, а Гроганъ одинъ продолжаетъ свое путешествіе черезъ всю Африку. Посѣтивъ Унгоро—нынѣ британскую территорію—онъ спускается по долинѣ р. Нила черезъ страну динковъ. Здѣсь онъ встрѣчается съ Пикомъ, посланнымъ сирдаромъ Китченеромъ для изслѣдованія плотинъ изъ плавучихъ зарослей въ верховьяхъ Нила. Пикъ снабжаетъ Грогана провіантомъ и даетъ ему возможность достигнуть Омдурмана, откуда желѣзная дорога доставила его въ Александрію. Такимъ образомъ онъ первый совершилъ путешествіе черезъ весь африканскій континентъ. Путешествіе это можетъ до нѣкоторой степени служить прообразомъ англійскихъ стремленій въ африканской колоніальной политикѣ; постепенно двѣ богатѣйшія колоніи Африки Египетъ и Капская земля протягиваютъ другъ другу руку черезъ дикія, нетронутыя культурой, частью богатѣйшія по природѣ, частью пустынныя мѣстности тропической Африки. Какъ только удастся установить непрерывный путь изъ Капштадта въ Александрію—дѣло объединенія восточной половины африканскаго континента подъ властью Англіи быстро двинется впередъ. Все, что стоитъ на пути къ осуществленію этого конечнаго результата находится подъ постояннымъ бдительнымъ надзоромъ Англіи. Достаточно вспомнить ея энергичные протесты противъ занятія французами Фашоды, а также ея настойчивое стремленіе къ уничтоженію самостоятельности южно-африканскихъ республикъ, развитіе которыхъ стало бы именно на пути вышеупомянутаго объединенія. Въ этомъ неудачномъ для буровъ географическомъ положеніи ихъ территоріи скорѣе кроется ихъ вѣроятная трагическая судьба, чѣмъ въ стремленіяхъ Англіи къ захвату алмазныхъ копей и золотыхъ пріисковъ, въ чемъ неоднократно упрекали Англію ея недальновидные враги.

Техника. 1) *Экономическій способъ сжиженія воздуха.* Женевскій ученый Рауль Пиктэ, пріобрѣвшій всемірную извѣстность своими изслѣдованіями о низкихъ температурахъ и о сжиженіи газовъ, находится въ настоящее время въ Нью-Іоркѣ, гдѣ онъ сдѣлалъ недавно сообщеніе о новомъ способѣ сжиженія воздуха, который по своей простотѣ и дешевизнѣ превосходитъ всѣ извѣстные до настоящаго времени способы. Американскій журналъ «Scientifique american» даетъ, къ сожалѣнію, слишкомъ общій отчетъ объ этомъ сообщеніи и, въ ожиданіи болѣе подробныхъ и точныхъ данныхъ, приходится довольствоваться нижеслѣдующими свѣдѣніями.

Цѣль, которую имѣетъ въ виду Пиктэ, не ограничивается только полученіемъ жидкаго воздуха, такъ какъ по многимъ причинамъ продуктъ этотъ не нашелъ пока обширнаго примѣненія. Онъ имѣетъ въ виду, кромѣ того, полученіе элементовъ воздуха, какъ, напр., кислорода, отдѣльно и ихъ примѣненіе въ разныхъ областяхъ индустріи. Кислородъ, по выраженію Пиктэ,—хлѣбъ индустріи. Онъ поддерживаетъ горѣніе въ печахъ и, увеличивая содержаніе его въ воздухѣ, притекающемъ къ топкѣ, самый скверный уголь можно сдѣлать горючимъ и въ громадной степени увеличить получающееся тепло. Результатомъ его примѣненія является громадная экономія топлива и въ малое время можно получить очень высокія температуры, требующіяся для нѣкоторыхъ реакцій, которыя требовали прежде примѣненія электрической энергіи. Такимъ образомъ, прямымъ слѣдствіемъ употребленія кислорода была бы экономія вещества и времени, но высокая цѣна этого газа ставитъ преграду его обширному примѣненію въ техникѣ. Разъединеніе элементовъ воздуха, когда послѣдній сжиженъ, происходитъ само собою. Атмосферный воздухъ содержитъ, приблизительно, четыре части азота и одну часть кислорода, а также небольшое количество углекислаго газа. Когда масса воздуха переходитъ въ жидкое состояніе, углекислый газъ затвердѣваетъ. Затвердѣваютъ также пары воды и, если замерзшую углекислоту и воду удалить—жидкость содержитъ только азотъ и кислородъ. Первый кипитъ при температурѣ —194°,4, второй—при нѣсколько болѣе высокой температурѣ —181°,4.

Если сосудъ, заключающій жидкую смѣсь этихъ газовъ, оставить открытымъ при обыкновенной температурѣ, азотъ испаряется скорѣе и смѣсь становится богаче кислородомъ; при продолженіи испаренія улетучиваются оба газа, но въ извѣстный моментъ въ сильно уменьшившейся въ объемѣ жидкости остается лишь чистый кислородъ. На простомъ опытѣ легко убѣдиться въ этомъ, если имѣется подъ руками жидкій воздухъ. Если сосудъ съ широкимъ отверстіемъ, наполненный жидкимъ воздухомъ, оставить при обыкновенной температурѣ и надъ жидкой массой держать зажженную спичку, послѣдняя немедленно потухнетъ вслѣдствіе погруженія въ выдѣляющійся азотъ. Черезъ нѣкоторое время, когда начнется испареніе одновременно кислорода и азота—поднесенная спичка продолжаетъ горѣть, какъ въ обыкновенномъ воздухѣ; наконецъ наступаетъ моментъ, когда въ сосудѣ находится чистый кислородъ и накаленный стальной прутъ горитъ при опусканіи въ сосудъ, какъ соломинка.

Рауль Пиктэ поставилъ себѣ двойную задачу: добыть жидкій воздухъ дешевымъ способомъ, во-первыхъ; дать способъ собрать оба элемента отдѣльно, во-вторыхъ. Вторая часть задачи сравнительно проста и, какъ бы ни были остроумны приборы Пиктэ для ея выполненія, мы не остановимся на этой сторонѣ вопроса. Центральный пунктъ задачи—добыть жидкій воздухъ съ малой затратой средствъ разрѣшена Пиктэ, судя по его докладу, вполнѣ удачно.

До настоящаго времени для полученія жидкаго воздуха необходимо было примѣнять высокія давленія, доходящія при способѣ Остергренъ-Бергена до 85 атмосферъ, а при способѣ Триплера и Линде даже до 136 атмосферъ. Достигнуть такихъ высокихъ давленій невозможно безъ расхода значительной энергіи. Женевскому ученому удалось достигнуть тѣхъ же результатовъ при давленіи, которое можетъ не превосходить даже одной атмосферы.

Въ этомъ новомъ способѣ воздухъ сжижается посредствомъ первоначально добытаго небольшого количества жидкаго воздуха. На пробномъ приборѣ Пиктэ показалъ принципъ своего новаго изобрѣтенія. Шарообразный сосудъ (ампулька Дьюара) съ двойными стѣнками заключаетъ въ себѣ жидкій воздухъ; въ него погружается спирально изогнутая трубка, которая, съ одной стороны, сообщается съ нагнетательнымъ насосомъ, другой же конецъ ея оканчивается свободно надъ сосудомъ, куда долженъ поступать конечный продуктъ операціи. Если теперь накачивать воздухъ въ спиральную трубку подъ давленіемъ всего лишь одной атмосферы, онъ быстро охлаждается, вызывая испареніе жидкаго воздуха въ ампулькѣ, и переходитъ въ жидкое состояніе, вытекая въ видѣ жидкости изъ свободнаго конца спиральной трубки.

Понятно, что количество жидкаго воздуха въ ампулькѣ вслѣдствіе испаренія уменьшается, однако добытаго жидкаго воздуха не только достаточно для пополненія этой убыли, но остается еще значительный избытокъ. Этотъ удивительный кругъ и представляетъ основаніе новаго способа. Приборъ, заряженный нѣкоторымъ количествомъ жидкаго воздуха съ помощью невысокаго давленія можетъ питать не только самъ себя, но и давать обильный остатокъ продукта. Количество добываемыхъ, такимъ образомъ, газовъ, по Пиктэ, громадно и получаются они съ такой дешевизной, что сразу трудно уложить это въ рамки обыденнаго представленія. Пиктэ подсчитываетъ, что съ машиной въ 500 лошадиныхъ силъ и приборами, заряженными первоначальнымъ количествомъ необходимаго жидкаго воздуха, можно получить въ двадцать четыре часа 34.500 куб. метровъ кислорода, 69.000 куб. метровъ азота и, какъ побочный продуктъ операціи, почти одну тонну твердой угольной кислоты. Особенно интересенъ подсчетъ издержекъ производства, приведенный изобрѣтателемъ. Нужно замѣтить, что кислородъ, добытый весьма распространеннымъ способомъ т.-е. изъ бертолетовой соли, обходится около 15 франковъ (5 р. 60 к.) за одинъ кубическій метръ газа, тогда какъ 100 куб. метровъ кислорода, до-

бытые путемъ фракціонированной перегонки жидкаго воздуха по способу Пиктэ, обойдутся въ 0,35 франка т.-е. всего въ 13 коп.!

Въ настоящее время значительное практическое примѣненіе находитъ угольная кислота въ жидкомъ и твердомъ видѣ. Пиктэ полагаетъ, что одна продажа этого побочнаго продукта производства покроетъ всѣ расходы фабрикаціи. Такимъ образомъ, кислородъ и азотъ, могущіе разсчитывать на широкое распространеніе въ заводской и химической техникѣ, получаются совершенно даромъ.

Итакъ, перспективы открыты очень широкія. Подождемъ только подтвержденія на практикѣ этихъ соблазнительныхъ теоретическихъ подсчетовъ. Во всякомъ случаѣ всемірно извѣстное имя изобрѣтателя достаточно оправдываетъ наше довѣріе къ этой важной новинкѣ.

2) *«Центробѣжная» желѣзная дорога.* Оригинальную увеселительную желѣзную дорогу намѣревается построить одинъ инженеръ въ г. Толедо, штата Огіо, въ Сѣверной Америкѣ. Онъ назвалъ ее «центробѣжной желѣзной дорогой» и, какъ мы увидимъ, не безъ основанія. Вагонъ съ публикой, желающей получить сильное ощущеніе или удовольствіе чисто «американскаго» рода, скатывается по рельсамъ съ значительной высоты и по очень крутому уклону подъ вліяніемъ собственной тяжести. При этомъ вагонъ развиваетъ такую быстроту хода, что у подножія уклона пробѣгаетъ по рельсамъ, изогнутымъ въ видѣ вертикально поставленнаго круга, подъ вліяніемъ центробѣжной силы. Въ высшей точкѣ кругового рельсоваго пути, пассажиры въ вагонѣ по отношенію къ землѣ пріобрѣтаютъ положеніе внизъ головою, причемъ отъ паденія ихъ удерживаетъ та же центробѣжная сила. Послѣ преодолѣнія такого препятствія вагонъ продолжаетъ свое быстрое движеніе дальше и, наконецъ, постепенно замедляя свой ходъ, останавливается. Противъ технической выполнимости этого предпріятія едва ли можно будетъ выставить серьезныя возраженія, такъ какъ всѣ необходимыя условія теоретически вполнѣ соблюдены. Однако при этомъ невольно задаешь себѣ вопросъ: какими нервами нужно обладать, чтобы получить *удовольствіе* отъ такой ѣзды? Н. М.

Астрономическія извѣстія.

Вращеніе Венеры. Еще въ 1667 г. Д. Кассини по наблюденіямъ одного свѣтлаго пятна на дискѣ Венеры нашелъ, что планета вращается въ 23—24 часа. Но черезъ 60 лѣтъ итальянскій астрономъ Біанкини пришелъ къ совершенно другому заключенію. Онъ думалъ, что Венера вращается въ 24 дня. Кассини-Младшій пытался объяснить эти противорѣчія съ результатами своего отца тѣмъ, что Біанкини наблюдалъ Венеру впродолженіи каждаго вечера не долго, такъ что не имѣлъ возможности непосредственно замѣтить перемѣщенія, а сравнивая наблюденія различныхъ дней, принималъ уголъ поворота α вмѣсто $360° + \alpha$. По мнѣнію Кассини-Младшаго, наблюденія Біанкини должны были дать для вращенія Венеры 23 часа $2^1/_2$ минуты, тогда какъ наиболѣе вѣроятное число по наблюденіямъ Кассини-старшаго 23 часа 15 минутъ.

Въ концѣ прошлаго столѣтія Шрётеръ въ Лиліенталѣ обратилъ вниманіе на рога Венеры, когда она являлась узкимъ серпомъ. Онъ замѣтилъ на нихъ неровные зубцы, которые приписалъ высокимъ горамъ и по наблюденіямъ этой особенности нашелъ для времени вращенія планеты число: 23 часа 21 мин. 19 секундъ.

Но въ то же время Венеру наблюдаетъ знаменитый В. Гершель и не видитъ на ея дискѣ никакихъ постоянныхъ пятенъ, никакихъ неровностей, никакихъ измѣненій на концахъ роговъ. Все, что появлялось на дискѣ Венеры, было неопредѣленно, размыто, скоропреходяще.

Ни къ какимъ опредѣленнымъ результатамъ не пришли и наблюдатели Беръ и Медлеръ, тщательно изслѣдовавшіе поверхность Венеры въ 1833—

1836 годахъ. Наоборотъ, нѣсколько лѣтъ спустя Де-Вико, въ Римѣ опять усмотрѣлъ на дискѣ Венеры пятна и вывелъ, наблюдая ихъ, время вращенія 23 часа 21 минута 22 секунды — число, чрезвычайно близко согласующееся съ результатомъ Шрётера.

Въ 1877 году начинаетъ слѣдить за Венерой знаменитый итальянскій астрономъ Скіапарелли и черезъ тринадцать лѣтъ на основаніи самыхъ тщательныхъ собственныхъ наблюденій и строгаго обсужденія наблюденій другихъ извѣстныхъ астрономовъ Фогеля, Гольдена, Нистена, Трувело. Терби и др. рѣшается высказать удивительное предположеніе, что Венера обращена къ солнцу всегда одной и той же стороной, т.-е. она вращается около оси въ такое время, сколько употребляетъ для своего обращенія вокругъ солнца, т. е. въ 225 дней. Подобный результатъ Скіапарелли получилъ передъ этимъ для Меркурія, но въ послѣднемъ случаѣ онъ установилъ фактъ несомнѣнно, тогда какъ для Венеры все-таки оставалось сомнѣніе потому что вслѣдствіе густой атмосферы, окутывающей планету, все, что появляется на ея дискѣ, всегда неопредѣленно, неясно. Въ томъ же 1890 году Перротенъ въ Ниццѣ подтверждаетъ главный результатъ Скіапарелли, что время вращенія Венеры очень велико, но опредѣляетъ его все-таки другимъ числомъ именно въ 195 дней, а не въ 225.

Наконецъ, въ 1895 году Бреннеръ, директоръ частной обсерваторіи г-жи Манора на одномъ изъ Далматскихъ островоvъ вновь даетъ короткое время вращенія всего 23 часа 57 минутъ 7½ секундъ. Въ виду исключительно благопріятныхъ условій для наблюденій на обсерваторіи г-жи Манора приходилось считаться и съ этимъ результатомъ.

Такимъ образомъ еще въ самое послѣднее время, спустя болѣе, чѣмъ 200 лѣтъ, послѣ того, какъ былъ поднятъ вопросъ о времени вращенія Венеры, мы не могли дать на него никакого опредѣленнаго отвѣта. Результаты изслѣдователей расходились не въ секундахъ и не въ минутахъ—мы не могли сказать даже того, вращается ли Венера въ 23 часа, или въ 200 дней, а это, конечно, существенно важно для нашего общаго воззрѣнія на природу и жизнь планеты. Но вотъ 10-го апрѣля нынѣшняго года въ центральномъ пунктѣ всѣхъ астрономическихъ извѣстій — редакціи спеціальнаго журнала «Astronomische Nachrichten» получили отъ директора нашей Пулковской обсерваторіи Баклунда телеграмму, которая гласила: «По четыремъ спектрограммамъ г. Бѣлопольскій могъ констатировать короткое время вращенія».

Несмотря на краткость и неполноту, это извѣстіе чрезвычайно важно. Оно опредѣленно разрѣшаетъ спорный вопросъ. Интересенъ и методъ, съ которымъ получены результаты. Онъ впервые еще употребленъ въ этомъ случаѣ. О времени вращенія Венеры Бѣлопольскій судилъ не по смѣщеніямъ неясныхъ пятенъ на дискѣ планеты, а по смѣщеніямъ линій въ ея спектрѣ. Въ силу такъ называемаго принципа Допплера-Физо темныя и свѣтлыя линіи движущагося къ намъ навстрѣчу свѣтила всегда должны быть сдвинуты относительно соотвѣтствующихъ линій неподвижнаго источника къ фіолетовому краю спектра; если свѣтило удаляется отъ насъ, онѣ будутъ смѣщены нѣсколько къ красному концу. Венера вращается. Очевидно, всѣ точки на одной сторонѣ ея диска несутся къ намъ, всѣ точки на другомъ краѣ удаляются отъ насъ. Если сфотографировать спектръ какой либо точки на краю видимаго серпа Венеры, то поперечныя линіи въ немъ окажутся сдвинутыми по сравненію съ положеніемъ соотвѣтствующихъ линій земного, неподвижнаго источника.

Самая идея такого способа опредѣленія времени вращенія свѣтила, конечно, не нова. Шведскій астрономъ Дунеръ такимъ образомъ изслѣдовалъ вращеніе поверхности солнца отъ экватора въ ту и другую сторону почти до полярныхъ областей. Самъ Бѣлопольскій повторяетъ теперь ту же работу съ большой тщательностью и большой точностью, фотографируя спектры (Дунеръ наблюдалъ ихъ непосредственно глазомъ).

Фламмаріонъ еще въ 1897 году сказалъ, что можетъ быть можно будетъ опредѣлить время вращенія Венеры спектрографомъ. Но одно дѣло сказать, другое—сдѣлать. Только Бѣлопольскому мы обязаны успѣхомъ въ примѣненіи метода къ изслѣдованію вращенія Венеры, практически чрезвычайно труднаго такъ какъ и линіи въ спектрѣ Венеры не ярки, и смѣщеніе ихъ незначительно потому что линейная скорость даже экваторіальныхъ точекъ при вращеніи планеты не велика. Нужны особенная аккуратность и опытность въ наблюденіяхъ, тщательность и точность ихъ обработки.

Пока г. Бѣлопольскимъ установленъ только вообще фактъ короткаго времени вращенія, но, вѣроятно, ему удастся собрать достаточно большой матеріалъ, чтобы получить точное число часовъ и минутъ для періода. Интересно также будетъ сопоставить результаты большихъ спектрографовъ Потсдамской и Ликской обсерваторій, которыя, конечно, откликнутся на починъ Бѣлопольскаго и постараются съ своей стороны внести лепту въ разслѣдованіе интереснаго и важнаго вопроса.

Фотографическая карта неба. Въ іюльской хроникѣ прошлаго года я отмѣтилъ появленіе перваго изданія съ результатами грандіозной многолѣтней работы по составленію каталога и карты всего неба фотографическимъ путемъ. Это былъ первый томъ Потсдамскаго каталога прямоугольныхъ координатъ и приближенныхъ положеній звѣздъ. Теперь появилась вторая работа изъ той же области. Недавно Парижская обсерваторія выпустила 180 листовъ карты той зоны неба, которая пришлась на ея долю. Каждая область неба фотографировалась три раза на одной и той же пластинкѣ только лишь съ небольшимъ смѣщеніемъ оба раза, вслѣдствіе чего каждая звѣзда вышла три раза, и является въ формѣ маленькаго треугольника. Этотъ способъ выработалъ конгрессъ 1896 года для того, чтобы отличить слабое изображеніе звѣзды отъ зерна или случайнаго пятнышка на пластинкѣ. Фотографируются звѣзды до 14-й величины, такъ что число ихъ на картѣ невѣроятно велико. Въ общемъ звѣзды такъ слабы, что при первомъ взглядѣ на листъ кажется ихъ совсѣмъ немного, но подпись гласитъ, что на этомъ небольшомъ листѣ 4.000—6.000 и болѣе звѣздъ. И, дѣйствительно, если подсчитаешь, сколько этихъ треугольничковъ въ каждомъ квадратикѣ сѣтки (вмѣстѣ съ звѣздами фотографируется сѣтка, съ помощью которой опредѣляются положенія звѣздъ) и сообразишь, сколько всего квадратиковъ на листѣ, тогда поймешь, что звѣздъ, дѣйствительно, на картѣ масса. И нельзя не подивиться, съ какой рѣзкостью и отчетливостью вышли эти крошечныя точки, которыхъ издали даже не замѣтишь на бумагѣ.

Всего на 108 листахъ карты около 155.000 звѣздъ. Но это, конечно, еще очень небольшая часть всей парижской зоны. На другихъ семнадцати обсерваторіяхъ такія же массы. Общее число звѣздъ, которое попадетъ на карту, оцѣнивается въ 30—40 милліоновъ. Конечно, измѣрить положенія такого множества звѣздъ, составить каталогъ ихъ совершенно невозможно. Звѣзды останутся только на картѣ, которая представитъ надежное средство для оріентировки при отысканіи малыхъ планетъ, открытіи новыхъ звѣздъ, изслѣдованіи строенія нашей звѣздной системы и пр.

Каталогъ будетъ же составленъ на основаніи другой серіи снимковъ, съ меньшей экспозиціей, на которыхъ отпечатаются звѣзды только до 11-й величины. Общее число ихъ будетъ равно, приблизительно, 3 милліонамъ, т.-е. въ 12 разъ больше, чѣмъ въ каталогѣ Международнаго Астрономическаго Общества—самомъ полномъ изъ существующихъ каталоговъ, надъ составленіемъ котораго трудились съ 1869 года около 15 обсерваторій, который и теперь еще не совсѣмъ законченъ.

Какъ прошлогоднее потсдамское изданіе кладетъ починъ серіи работъ, имѣющихъ цѣлью каталогъ звѣздъ по фотографическимъ снимкамъ, такъ новое парижское изданіе представляетъ начало общей фотографической карты неба.

К. Покровскій.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ
ЖУРНАЛА
„МІРЪ БОЖІЙ“.
Іюнь. 1900 г.

Содержаніе:—Критика и исторія литературы.—Публицистика.—Юридическія науки. — Соціологія. — Философія и психологія. — Естествознаніе. — Народныя изданія. — Новыя книги, поступившія въ редакцію. — Новости иностранной литературы.

КРИТИКА И ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

Л. Шепелевичъ «Наши современники»—*Л. Шепелевичъ* «Фаустъ Гёте».

Л. Ю. Шепелевичъ. Наши современники. Историко-литературные очерки. Спб. 1899 г. Въ настоящей книгѣ проф. Шепелевичъ собралъ напечатанные имъ въ различныхъ журналахъ критическіе этюды. Кромѣ статей о нѣсколькихъ наиболѣе читаемыхъ французскихъ писателяхъ, каковъ Бурже, Мопассанъ, Эд. Родъ и Зола, сюда вошли характеристики Гауптмана, Сенкевича и двухъ испанскихъ писателей Хозе Эчегарая и Хуана Валеры. Изъ произведеній послѣднихъ на русскій языкъ не переведено почти ничего: одна драма Эчегарая «Помѣшанный или праведникъ»? переведена была въ «Набл.» 1893 г., тамъ же въ 1888 г. напечатанъ былъ одинъ романъ Хуана Валеры «Иллюзіи доктора Фаустино», который появился впослѣдствіи и отдѣльной книгой (Спб. 1894 г.), какъ и другой романъ того же автора «Командоръ Мендоза (М. 1881 г.). Но эти разрозненные переводы конечно не дали читателямъ никакого представленія объ испанскихъ авторахъ и даже врядъ ли были замѣчены многими. Такимъ образомъ проф. Шепелевичу несомнѣнно принадлежитъ починъ включенія ихъ въ кругозоръ русской читающей публики. Нельзя упускать изъ виду, что очень трудно говорить съ читателями о предметѣ, о которомъ надо предположить полное отсутствіе свѣдѣній. Ни самое точное изложеніе біографіи писателя, ни пересказъ его произведеній, ни описаніе производимаго ими эффекта не передадутъ вполнѣ впечатлѣній критика тому, кто не знакомъ съ критикуемымъ писателемъ, особенно, если неизвѣстны ни общественная среда, ни историческій моментъ, ни литературная традиція, на почвѣ которыхъ создался его талантъ. Г. Шепелевичъ вполнѣ сознаетъ эти трудности. Критикъ тщательно, иногда весьма подробно излагаетъ фабулы разсматриваемыхъ произведеній, но понимаетъ, конечно, что это только весьма слабо служитъ его намѣреніямъ вызвать въ читателѣ ясное представленіе о характерѣ и эстетическихъ достоинствахъ творчества разбираемыхъ писателей. Вообще, въ этихъ, какъ и въ другихъ своихъ критическихъ статьяхъ, г. Шепелевичъ болѣе старается характеризовать отдѣльныя произведенія, чѣмъ дать общую картину писательской дѣятельности того или другого автора. Намъ кажется, что это трудъ въ высшей степени неблагодарный. Въ обширной монографіи еще можно путемъ всесторонняго освѣщенія каждаго произведенія въ концѣ-концовъ дать исчерпывающій анализъ даннаго литературнаго явленія, но при краткости журнальныхъ очерковъ, гдѣ возможно только вкратцѣ пересказать какой-нибудь десятокъ романовъ, поэмъ или драмъ, неизбѣжно получается въ результатѣ, что читатель

за книгами не видитъ ихъ автора и долженъ довольствоваться нѣсколькими заключительными строками, гдѣ критикъ резюмируетъ свое мнѣніе о данномъ писателѣ, причемъ это резюме приходится брать на вѣру. Такъ, напр., статья объ Эчегараѣ оканчивается замѣчаніемъ, что «на дальнемъ сѣверѣ есть родственный Эчегараю талантъ—Ибсенъ». Но при всемъ вниманіи, съ которымъ мы читали самую статью, это заключеніе явилось для насъ неожиданнымъ.

Подробнѣе всего оцѣнена литературная дѣятельность Сенкевича: въ одномъ очеркѣ характеризуются его психологическія произведенія изъ современной жизни, другой посвященъ спеціально его историческимъ романамъ. Мы не будемъ останавливаться на общей оцѣнкѣ таланта польскаго романиста, которая кажется намъ слишкомъ абсолютной въ похвалахъ. Это, впрочемъ, лишь слабый отголосокъ того обожанія, какимъ пользуется Сенкевичъ въ среднихъ слояхъ польской читающей публики. Но какого бы высокаго мнѣнія ни быть о художественной сторонѣ произведеній Сенкевича, между которыми нѣкоторыя, особенно изъ болѣе старыхъ, дѣйствительно обнаруживаютъ недюжинное дарованіе, расовая и классовая ненависть, проявившаяся съ такою откровенною яркостью въ первомъ романѣ его исторической трилогіи «Огнемъ и мечомъ», должна броситься въ глаза всякому критику, который не раздѣляетъ соціальныхъ пристрастій романиста. Въ свое время непозволительное извращеніе Сенкевичемъ исторической истины въ изображеніи борьбы украинскаго казачества съ польскою властью въ XVII вѣкѣ было всесторонне оцѣнено научной критикой (проф. В. Б. Антоновичемъ). Съ этою оцѣнкою должна считаться всякая критика историческихъ романовъ Сенкевича. Отношеніе г. Шепелевича къ этому вопросу представляется не совсѣмъ опредѣленнымъ. Съ одной стороны, отстаивая во что бы то ни стало художественныя качества романа, онъ считаетъ нужнымъ «отдать полную справедливость его (Сенкевича) добросовѣстному изученію историческихъ свидѣтельствъ», съ другой стороны, какъ ученый, знакомый съ литературой предмета, принужденъ отмѣтить «нѣкоторую неравномѣрность въ распредѣленіи романистомъ красокъ и тоновъ». Указывая эту неравномѣрность въ фактическомъ изложеніи историческихъ событій, критикъ не скрываетъ, что и «духъ» этихъ событій воспроизведенъ неправильно. Такимъ образомъ, непонятно, въ чемъ г. Шепелевичъ видитъ «добросовѣстное» изученіе эпохи, если оно не выразилось въ безпристрастномъ изложеніи. Критикъ формулируетъ черезчуръ мягко односторонность романиста. «Соціальный характеръ казацкаго возстанія,—говоритъ онъ,—довольно слабо отмѣченъ у Сенкевича. Въ чемъ провинилась одна и другая стороны, трудно опредѣлить. Читатель выноситъ лишь убѣжденіе, что мы имѣемъ дѣло съ кровавымъ протестомъ противъ законной власти. О томъ, что одно сословіе систематически нарушало гарантіи и привилегіи другого—мы можемъ лишь догадываться». На самомъ дѣлѣ это былъ не споръ *сословій* изъ-за «гарантій и привилегій», а рѣдкая въ исторіи по упорству и сознательности съ обѣихъ сторонъ борьба двухъ экономическихъ классовъ, осложненная политическимъ и религіознымъ характеромъ, вслѣдствіе національнаго и вѣроисповѣднаго различія. Г. Шепелевичъ самъ склоненъ объяснять возстаніе казаковъ подъ предводительствомъ Хмѣльницкаго скорѣе случайными политическими причинами. Въ его изложеніи казачество было организовано королевскою властью для войнъ съ татарами и турками; когда же шляхта воспротивилась этимъ войнамъ, то «боевая сила (казаковъ), прекрасно дисциплинированная, должна была найти исходъ. И этотъ исходъ, вмѣсто войны съ невѣрными, нашелся въ войнѣ, принявшей сословный (вѣрнѣе было бы сказать, классовой) характеръ». Если бы дѣло было дѣйствительно такъ, если бы борьба казачества и крестьянства съ шляхетствомъ была обусловлена только тѣмъ, что казакамъ надо было на комъ-нибудь испробовать силу празднаго меча, который король же имъ далъ въ руки, это въ

значительной степени оправдывало бы взглядъ самого Сенкевича, который изображаетъ украинцевъ дикою, анархическою ордою, возставшею не противъ соціальнаго гнета, а противъ мирной европейской культуры и польскаго шляхетства, какъ ея представителя. Переживаніе этой слѣпой ненависти къ старому врагу, временное торжество котораго искупилось такой тяжелой исторической судьбой, составляетъ весьма любопытный культурный фактъ и съ трудомъ можетъ найти параллель: надо было бы вспомнить развѣ фанатическое ожесточеніе испанскихъ завоевателей Америки противъ красныхъ расъ. Въ литературѣ же мы не можемъ найти произведенія, которое бы ближе напоминало тенденціозное искаженіе исторіи въ романѣ Сенкевича, какъ «Двѣ силы» Всев. Крестовскаго,—романъ, пользовавшійся также значительнымъ успѣхомъ въ извѣстныхъ слояхъ русской публики. Замѣчательно, какъ фальшь въ основной идеѣ отражается на художественной сторонѣ историческихъ романовъ Сенкевича. Странно, что г. Шепелевичъ не замѣтилъ каррикатурной грандіозности его героевъ. Изъ нихъ нѣтъ ни одного, который бы не обладалъ силою, храбростью или благородствомъ въ сверхъестественной степени. Казаки, въ свою очередь, отличаются въ такой же степени пьянствомъ, вѣроломствомъ и дикостью. Эпическій юморъ Заглобы, которому, впрочемъ, подчасъ приходится также геройствовать, не искупаетъ ходульности цѣлаго. Странно, что изъ всей новѣйшей польской литературы Сенкевичъ не только привился у насъ въ переводахъ, но является почти единственнымъ писателемъ (кромѣ Эл. Ожешко), которымъ интересуется русская критика. Полезно было бы, если бы кто-нибудь показалъ, что въ польской литературѣ существуютъ гораздо болѣе живые таланты, ближе подходящіе къ тому, что называется у насъ «лучшими литературными традиціями». *Е. Дегенъ.*

Л. Шепелевичъ, профессоръ Харьковскаго университета. «Фаустъ» Гете. Опытъ характеристики. Спб. 1900 г. Брошюра проф. Шепелевича имѣетъ цѣлью дать популярное толкованіе великой драматической поэмы, разсчитывая, повидимому, на читателей, совершенно неподготовленныхъ къ самостоятельному пониманію ея. Это ясно изъ того, съ какою подробностью авторъ излагаетъ «Фауста», сцена за сценой. Нельзя отрицать основательности этого разсчета, такъ такъ несомнѣнно есть не мало лицъ, даже претендующихъ на образованность, которыя имѣютъ представленіе о замѣчательнѣйшемъ литературномъ произведеніи XVIII и XIX вѣковъ только благодаря оперѣ Гуно и считаютъ Зибеля сентиментальнымъ поклонниковъ Маргариты, а Вагнера участникомъ пьяной компаніи въ погребѣ Ауербаха (замѣтимъ тутъ же, что у пр. Шепелевича трижды встрѣчается непонятная описка «Ауербархскій погребъ»). Такое элементарное изложеніе можетъ также быть полезнымъ для той части юношества, которая приступаетъ къ самостоятельному пополненію своего школьнаго образованія. Авторъ указываетъ такимъ читателямъ значеніе каждой отдѣльной части въ общемъ развитіи драмы и толкуетъ въ простой и доступной формѣ символическія мѣста ея. Въ виду полезности поставленной авторомъ себѣ задачи, мы считаемъ своимъ долгомъ указать нѣкоторыя, по нашему мнѣнію, отрицательныя стороны работы проф. Шепелевича, иногда основанныя на фактическихъ неточностяхъ. Авторъ горячо оспариваетъ «общераспространенное представленіе о *Фаустѣ*», которое «сводится къ положенію, что первая часть этого произведенія преисполнена необыкновенныхъ поэтическихъ красотъ и заключаетъ великолѣпную трагическую идиллію (Гретхенъ); вторая же настолько отвлеченна, полна символизма и аллегоріи, что истиннаго смысла въ ней трудно добиться; при этомъ прибавляютъ, она носитъ слѣды замѣтнаго старческаго упадка поэтическаго творчества. Отсюда прямой выводъ: читать слѣдуетъ только первую часть, чтеніе же второй — необязательно и ее можно

предоставить присяжнымъ критикамъ. Такой взглядъ закрѣпляется и монографіями, даже хорошими, въ родѣ извѣстной книги Льюиса.

Охарактеризованнымъ здѣсь отношеніемъ къ *Фаусту* въ свое время возмущался страстный поклонникъ этого произведенія Юрьевъ и блестящими комментаріями (къ сожалѣнію, не законченными) старался доказать, что обѣ части имѣютъ право на одинаковый философскій и художественный интересъ. Но послѣ этого столь внимательный изслѣдователь, какъ Шаховъ, обладавшій столь несомнѣннымъ вкусомъ, опять нашелъ возможнымъ отрицать художественное равенство обѣихъ частей и констатировать «старческій упадокъ поэтическаго творчества» Гёте во второй части. Проф. Шепелевичъ думаетъ, что «такому взгляду противорѣчитъ многое, между прочимъ и хронологическія соображенія. Нѣкоторые эпизоды второй части писались Гёте до окончанія имъ первой, общій планъ былъ имъ намѣченъ еще въ ранней молодости и, наконецъ, онъ очевиденъ съ первыхъ же сценъ, именно съ пролога (въ небесахъ)». Дѣло заключается въ томъ, что именно начало драмы, посвященіе и упомянутый „прологъ въ небесахъ", написаны вовсе не первыми, какъ можно заключить изъ изложенія проф. Шепелевича, а въ 1797 г., когда основныя сцены первой части давно уже сложились, когда самъ Гёте, „покорный общему закону", былъ уже совсѣмъ не тѣмъ, какъ въ годы «бури и натиска», при созданіи первоначальныхъ сценъ своей трагедіи. Совершенно вѣрно, что *Фаустъ* можетъ служить исторіи умственнаго и духовнаго развитія автора отъ двадцати пяти до восьмидесятидвухъ-лѣтняго возраста. Поэтому было бы a priori невѣроятно, чтобы произведеніе, создававшееся почти полвѣка, сохранило цѣльность и единство. И дѣйствительно, тонкой и глубокой критикой текста еще Куно Фишеръ доказалъ совершенно ясно, что въ основаніи *Фауста* лежатъ два различные плана,—одинъ объединяющій первоначальныя сцены первой части, другой—намѣченный именно въ названномъ выше прологѣ и развитый во второй части. «Если представить себѣ, что поэма оканчивается на первой части,—говоритъ проф. Шепелевичъ,—то великій смыслъ исканій и страданій Фауста утрачивается, закладъ Господа съ злымъ духомъ явится лишь шуткой, и мы будемъ имѣть дѣло съ обломкомъ чего-то грандіознаго». Никто вѣдь и не утверждаетъ, что первая часть представляетъ нѣчто законченное, но и вторая часть не дала ей цѣльности. Если бы Гёте прожилъ еще пятьдесятъ лѣтъ, то весьма вѣроятно, онъ не разъ бы еще приложилъ руку къ своему величайшему, но вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе фрагментарному произведенію. Первая часть есть дѣйствительно «обломокъ», но и торсъ ватиканскаго Геркулеса тоже обломокъ, и отъ трилогіи Эсхила о Прометеѣ осталась только одна часть, но это не мѣшаетъ имъ быть геніальнѣйшими произведеніями въ своемъ родѣ искусства. Первая часть поэмы Гёте представляетъ нѣсколько моментовъ развитія геніальной личности, стремящейся достичь полной амплитуды своихъ душевныхъ силъ и доступной для человѣка степени наслажденія, безъ всякаго отношенія къ нравственной сторонѣ своихъ столкновеній съ людьми.

Знаменитыя слова пролога, на которыя ссылается проф. Шепелевичъ, что «хорошій человѣкъ и въ своемъ неясномъ стремленіи прекрасно сознаетъ, гдѣ правильный путь», весьма часто оказываются въ противорѣчіи съ душевнымъ состояніемъ героя. И надо было ему омыть «росой Леты» воспоминанія о многочисленныхъ жертвахъ своего геніальнаго эгоизма, чтобы получить стремленіе къ тому альтруистическому идеалу, сознаніе котораго проф. Шепелевичъ видитъ у него съ самаго начала. Далѣе, кто бы вздумалъ отрицать, что исканіе нравственнаго идеала можетъ получить высоко художестенное воплощеніе? Идея второй части *Фауста*, высказанная въ прологѣ первой части, вовсе не была осуждена по своему существу на поэтическое безплодіе, даже болѣе,—гораздо легче представить себѣ ея развитіе въ образахъ, чѣмъ вообразить

достойное завершеніе плана первой части. Но здѣсь-то именно и сказался «старческій упадокъ» творчества Гёте. И во второй части можно указать не мало прекрасныхъ поэтическихъ подробностей, нѣсколько удачныхъ сценъ и массу геніальныхъ мыслей, выраженныхъ въ незабвенной формѣ, изъ-за которыхъ слѣдуетъ рекомендовать знакомиться съ нею, но уже и среди нѣмецкихъ комментаторовъ мало кто отрицаетъ нехудожественность и натянутость общаго плана и совершенно старческую холодность воображенія, которая дѣлаетъ изъ символическихъ подробностей ребусы, иногда завѣдомо не имѣющіе разрѣшенія. Проф. Шепелевичъ иного мнѣнія относительно аллегорическихъ сценъ второй части. Онъ думаетъ, что «насъ не должно смущать это обстоятельство, и мы не должны видѣть въ этомъ оскудѣнія поэтическаго творчества. Дѣло въ томъ, что Гёте, задавшись цѣлью изобразить Фауста по всѣмъ доступнымъ человѣку ступенямъ бытія, долженъ былъ прибѣгать мѣстами къ поэтическимъ обобщеніямъ, т.-е. къ символизму, чтобы въ одной сценѣ изобразить рядъ явленій, которыя потребовали бы многихъ сценъ, многихъ картинъ, если бы не были художественно обобщены поэтомъ». Критикъ правильно замѣчаетъ, что «обобщенія лежатъ въ основѣ всякаго художественнаго творчества, но»... символизмъ символизму рознь.

Въ первой части и Мефистофель, и самъ Фаустъ, и Вагнеръ, и Гретхенъ обобщенныя, «идеализированныя» фигуры, но при этомъ они не перестаютъ быть живыми людьми, тогда какъ относительно персонажей второй части этого сказать нельзя. Самъ критикъ приводитъ собственное объясненіе Гёте, напр., Эвфоріона (изъ *разговоровъ съ Эккерманомъ*): «Эвфоріонъ не человѣческое, а только аллегорическое существо. Въ немъ олицетворяется поэзія, которая не связана ни съ временемъ, ни съ мѣстомъ, ни съ лицомъ». Въ другомъ случаѣ, впрочемъ, тотъ же символъ (который съ натяжкой только можно назвать дѣйствующимъ лицомъ) изображаетъ никого иного, какъ Байрона, который, въ свою очередь, символизируетъ высшую степень искусства новаго времени, дитя романтизма и классической красоты. Послѣдняя является въ образѣ Елены прекрасной, а символомъ романтизма становится самъ Фаустъ; онъ вмѣстѣ съ этимъ перестаетъ уже быть тѣмъ человѣкомъ, которому предстоитъ пройти всѣ ступени нравственнаго совершенствованія, и развитіе драматическаго дѣйствія такимъ образомъ совершенно прерывается.

Роль Мефистофеля въ этомъ центральномъ эпизодѣ второй части тоже совершенно теряется и сводится къ тому, чтобы давать Фаусту остроумныя реплики. Пусть кто-нибудь изъ комментаторовъ укажетъ, чѣмъ всѣ эти хитросплетенія романтизма съ классицизмомъ подвигаютъ рѣшеніе пари Мефистофеля съ Богомъ относительно души Фауста. Во всякомъ случаѣ эти сцены ужъ ни въ какомъ случаѣ не могли входить въ первоначальный планъ Гёте, такъ какъ, когда онъ его составлялъ (въ 1774 г.), то не только Байрона, но и романтизма еще на свѣтѣ не было. Мы не будемъ останавливаться на знаменитыхъ «матеряхъ», значеніе которыхъ, даже символическое, самъ Гёте не могъ объяснить. Проф. Шепелевичъ вслѣдъ за Розенкранцемъ и др. видитъ въ нихъ платоновскія «идеи», первообразы всего существующаго, но другой ученый (Готшаль) совершенно вѣрно замѣтилъ, что «отъ этого объясненія мы ничего не выигрываемъ кромѣ убѣжденія, что художественное произведеніе, которое не объясняется само собою, не можетъ быть исправлено никакими комментаріями». Въ концѣ концовъ мы думаемъ, что Гете имѣетъ достаточно великихъ заслугъ, которыхъ хватитъ еще на долголѣтнюю славу, поэтому нѣтъ надобности ставить ему въ заслугу то, что было слѣдствіемъ несовершенствъ, присущихъ всѣмъ людямъ, въ томъ числѣ и геніальнымъ. Какъ Гёте иногда вставлялъ загадочное мѣсто съ единственною цѣлью дать глубокомысленнымъ комментаторамъ «раскусить орѣхъ», такъ многіе старые нѣмецкіе

комментаторы видѣли въ этихъ темныхъ мѣстахъ особенную глубину, чтобы въ изслѣдованіи ея проявить всю свою проницательность и эрудицію. Пусть же мертвые хоронятъ своихъ мертвыхъ, а живые пусть цѣнятъ только то, что дѣйствительно живетъ художественною жизнью. Такихъ элементовъ достаточно въ гетевскомъ творчествѣ.

Въ заключеніе укажемъ еще два недосмотра, допущенныхъ проф. Шепелевичемъ въ его характеристикѣ *Фауста*, особенно нежелательныхъ въ виду того, что она разсчитана не на спеціалистовъ, а на совершенно неподготовленную публику. Комментируя сцену въ кухнѣ вѣдьмы, онъ говоритъ: Мефистофель «забавляется съ мартышками мишурной короной, въ которой слѣдуетъ видѣть указаніе на участь французской короны, въ значительной степени погубленной аристократіей». Сцена въ кухнѣ вѣдьмы написана ранней весной 1788 года, когда французская корона еще не казалась мишурной, и эта подробность, къ художественной выгодѣ, имѣетъ болѣе общее значеніе. Священная книга, переводомъ которой занятъ Фаустъ, начинающаяся словами: «Въ началѣ бѣ Слово», не есть *книга Бытія*, какъ описался проф. Шепелевичъ, а *Евангеліе отъ Іоанна*. Не умалчивая о тѣхъ качествахъ работы проф. Шепелевича, которыя казались намъ недостатками, мы думаемъ, что она представляетъ ту форму элементарнаго, краткаго, но не отрывочнаго, а законченнаго толкованія классическихъ произведеній, въ которыхъ у насъ чувствуется особенный недостатокъ для перваго ознакомленія съ иностранными литературами.

Е. Дегенъ.

ПУБЛИЦИСТИКА.

М. Марголинъ. «Основныя теченія въ исторіи еврейскаго народа».—*М. Энгельгардтъ.* «Прогрессъ, какъ эволюція жестокости».

М. М. Марголинъ. «Основныя теченія въ исторіи еврейскаго народа». Этюдъ по философіи исторіи евреевъ. Спб., 1900 г. Ц. 50 к. Задачей настоящаго очерка является, по словамъ автора, обрисовать въ общихъ чертахъ основныя теченія въ исторіи евреевъ. Но это не совсѣмъ точно. Авторъ, въ сущности, останавливается преимущественно на одномъ, по его мнѣнію, основномъ теченіи въ исторіи еврейскаго народа, именно національномъ, въ основѣ котораго лежитъ такъ называемая мессіанская идея. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: авторъ—ярый сіонистъ и, конечно, старается оттѣнить живучесть еврейскаго національнаго сознанія. Исторія палестинско-мессіанской идеи, говоритъ г. Марголинъ, такъ же почти стара, какъ исторія самого еврейскаго народа. Въ народной душѣ ожиданіе Мессіи неразрывно связано съ возвращеніемъ въ Палестину и имѣетъ вполнѣ реальный характеръ. Мессіанская идея, продолжаетъ авторъ, — центральная идея еврейства, талисманъ и палладіумъ народа во всю его жизнь. Этимъ основнымъ національнымъ теченіемъ объединяются оба періода еврейской исторіи: періодъ палестинскій и періодъ разсѣянія, или изгнанія.

Опровергая взглядъ на евреевъ, какъ на *вѣроисповѣдную группу* и какъ на *духовную націю*, авторъ настаиваетъ на томъ, что евреи—*нація*. Народъ въ изгнаніи, говоритъ г. Марголинъ, остается народомъ до тѣхъ поръ, пока въ немъ живетъ его національная воля. *Живучесть еврейскаго національнаго сознанія доказывается непрерывной эволюціей его формъ: то оно скрывается въ душѣ народа, какъ потенціальная энергія, въ мессіанскихъ вѣрованіяхъ, то прорывается въ видѣ массовыхъ движеній въ Палестину,* и, наконецъ, въ послѣднія 18 лѣтъ, *проявляется въ сознательномъ, про-*

свѣтленномъ наукой XIX вѣка, политическомъ сіонистскомъ теченіи (курсивъ автора).

Такова бо́льшая посылка автора. Меньшая посылка заключается въ слѣдующемъ. «Вся совокупность,—говоритъ г. Марголинъ,—сложныхъ взаимныхъ отношеній евреевъ и народовъ, среди которыхъ евреи живутъ въ теченіе тысячелѣтій, можетъ быть формулирована однимъ краткимъ положеніемъ: всегда и вездѣ евреи *чужіе*, пришельцы, нежеланные гости, хотя бы время поселенія ихъ въ странѣ скрывалось въ глубокой древности». Провозглашенная въ XIX столѣтіи въ западной Европѣ политическая и гражданская эмансипація евреевъ не измѣнила ихъ положенія. «По мѣрѣ того,—продолжаетъ авторъ,—какъ ассимиляціонное теченіе расширялось, и цѣлые новые слои еврейскаго народа вступали въ ряды европейскаго общества, стало наростать движеніе, направленное на этотъ разъ противъ евреевъ не какъ представителей извѣстнаго исповѣданія, а какъ членовъ особой національности или расы. Старая вражда къ евреямъ приняла новую оболочку, соотвѣтствовавшую духу времени и стала проявляться не въ сферѣ полицейской, а въ экономической и общественной жизни. И полноправный de jure еврей почувствовалъ на себѣ гнетъ этой вражды, унижавшей его нравственно и тѣснившей его, гдѣ было возможно, матеріально». Другими словами, вражда къ евреямъ, неуваженіе къ нимъ и непризнаніе ихъ со стороны другихъ народовъ создались въ силу того, что евреи жили разсѣянными посреди другихъ народовъ, не имѣли собственной территоріи, лишены были политической организаціи.

Изъ этихъ двухъ посылокъ авторъ дѣлаетъ выводъ въ духѣ «сознательнаго, просвѣтленнаго наукой XIX вѣка, сіонистскаго теченія», а именно выводъ о необходимости созданія для еврейскаго народа національнаго базиса въ Палестинѣ.

Что касается перваго положенія автора, настаивающаго на томъ, что палестино-мессіанская идея, свидѣтельствующая о живучести еврейскаго національнаго сознанія, является центральной идеей еврейства, какимъ-то «талисманомъ и палладіумомъ народа во всю его жизнь»,—то это основное утвержденіе автора, punctum saliens всего очерка, встрѣчаетъ серьезныя возраженія и врядъ ли можетъ быть установлено настолько непоколебимо, чтобы оправдать тѣ выводы, которые дѣлаетъ авторъ. Послѣднему приходится по этому поводу вступать въ полемику съ другими изслѣдователями еврейской жизни, далеко не раздѣляющими воззрѣній г. Марголина. Такъ, между прочимъ, г. Марголинъ встрѣчаетъ очень серьезнаго оппонента въ лицѣ М. И. Кулишера, доказавшаго, что палестино-мессіанскія стремленія, такъ называемая «тоска по Палестинѣ», есть ни что иное, какъ «мистическія бредни». Вообще полемика автора представляетъ самую слабую сторону его труда. Онъ незамѣтно для самого себя впадаетъ въ противорѣчія. Опровергая упомянутаго г. Кулишера, видящаго въ палестино-мессіанскихъ движеніяхъ психическую болѣзнь, авторъ на стр. 37 говоритъ: «мы знаемъ, что голодные доходятъ до бреда и галлюцинацій. Еврейскій народъ вѣковымъ голодомъ, жаждою національнаго существованія доведенъ былъ до *тяжкой психической болѣзни*, которую наши историки, не давъ себѣ труда выяснить ея внутренней причины, сурово осудили» (курсивъ нашъ).

Переходя къ новѣйшей формѣ, въ которой проявляется та же идея, а именно къ современному сіонистскому движенію, укажемъ на то, что и здѣсь нашъ авторъ встрѣчаетъ столь же серьезныя и во многихъ отношеніяхъ аналогичныя возраженія. Отмѣтимъ хотя бы г. Южакова, посвятившаго сіонизму статью въ декабрьской книжкѣ «Рус. Богатства» за 1897 годъ. Какъ относится г. Южаковъ къ сіонистскому движенію? Сіонизмъ есть марево, говоритъ онъ, которое манитъ 9 милліоновъ человѣкъ туда, гдѣ едва можетъ прокормиться милліонъ, изъ культурныхъ странъ въ дикія, изъ-подъ цивилизованныхъ правительствъ подъ власть варварской орды. Если это не бредъ разстроеннаго ума, прибавляетъ

г. Южаковъ, то что же назвать бредомъ? Сіонизмъ, продолжаетъ г. Южаковъ, есть поэтическая мечта экзальтированнаго и болѣзненно настроеннаго воображенія, новый примѣръ массоваго помѣшательства.

Итакъ, оказывается, что основное положеніе автора далеко не безспорно. Оно очень слабо обосновано, сталкивается съ очень сильными опроверженіями, а потому не можетъ быть признано безусловно истиннымъ.

Переходимъ ко второму тезису. Не разъ уже указывали на то, что сіонизмъ—движеніе реакціонное, возникшее въ отвѣтъ на реакціонное же движеніе антисемитизма. Основная фальшь сіонизма, кромѣ его реакціонный подкладки и бредовой формы, говоритъ г. Южаковъ,—націонализмъ. Какъ всякій націонализмъ, сіонизмъ есть возрожденіе еврейской исключительности въ тѣхъ еврейскихъ слояхъ, которые, воспринявъ европейскую культуру, успѣли было примкнуть къ европейскимъ обществамъ, къ ихъ мысли, быту и труду. Далѣе увѣряя насъ въ томъ, что еврейскій вопросъ можетъ быть разрѣшенъ только посредствомъ созданія «національнаго базиса въ Палестинѣ», сіонисты окутываютъ все свое движеніе мрачнымъ туманомъ безнадежнаго пессимизма. Такой безнадежный пессимизмъ проистекаетъ изъ полнаго отсутствія въ исходныхъ моментахъ сіонистскаго ученія вѣры въ силу добра, въ нравственное совершенствованіе человѣчества, въ прогрессъ народовъ. Сильный еще въ настоящее время антисемитизмъ явился для сіонистовъ такимъ пугаломъ, что они, отчаявшись когда-либо побѣдить его, трубятъ отбой и позорно бѣгутъ съ поля сраженія, стараясь увлечь за собою болѣе храбрыхъ и не унывающихъ соратниковъ. Да, сіонизмъ свидѣтельствуетъ о слабости духа, о полномъ отчаяніи. Обезумѣвъ отъ страха, сіонисты рисуютъ положеніе европейскихъ евреевъ самыми мрачными красками. Но авторъ разбираемаго очерка идетъ еще дальше. Вопреки увѣреніямъ вождей сіонизма, гг. Макса Нордау и д-ра Герцля, что въ нѣкоторыхъ государствахъ Европы, напр. въ Англіи, положеніе евреевъ не оставляетъ желать ничего лучшаго, г. Марголинъ утверждаетъ, что «нигдѣ евреи, какъ субъектъ гражданскихъ и политическихъ правъ, не ставятся наравнѣ съ коренными жителями» (стр. 42). Очевидно, авторъ обобщаетъ явленія. Процитированное мѣсто, а равно и весь слѣдующій за нимъ отрывокъ рисуютъ положеніе евреевъ восточной Европы, а отнюдь не европейскихъ евреевъ вообще. Чтобы въ этомъ убѣдиться, достаточно просмотрѣть сочиненія извѣстнаго русскаго юриста И. Г. Оршанскаго, посвященныя этому вопросу.

Итакъ, и вторая посылка автора представляется далекой отъ истины, и самый вопросъ слишкомъ сложенъ, чтобы его можно было рѣшить такъ категорически, какъ это дѣлаетъ почтенный авторъ. *Э. М—съ.*

М. А. Энгельгардъ, Прогрессъ, какъ эволюція жестокости. Популярно-научная библіотека. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1899 г. Ц. 75 к. Авторъ претендуетъ дать «бѣглый и сжатый очеркъ правильной теоріи прогресса». Бѣглымъ, разумѣя подъ этимъ поверхностное отношеніе къ предмету, его изложеніе можно назвать, но сжатымъ — ни въ какомъ случаѣ: изложеніе полно повтореній, растянуто, безпорядочно. Рѣчь идетъ о прогрессѣ моральномъ. Общепринятой идеѣ прогресса, какъ постепеннаго смягченія и облагораживанія нравовъ, авторъ противупоставляетъ идею прогресса, какъ эволюціи худшихъ свойствъ человѣческой натуры: жестокости, хищничества, коварства, лицемѣрія, постепенно вытѣсняющихъ первобытную солидарность, кротость, альтруизмъ. Въ указанномъ направленіи моральный прогрессъ, однако, идетъ лишь до XVIII вѣка, достигая кульминаціоннаго пункта въ XVI и XVII вв., а затѣмъ и авторъ не отрицаетъ начинающагося смягченія нравовъ, постепенной убыли жестокости, сказывающейся на цѣломъ рядѣ фактовъ: уничтоженіи пытокъ, свирѣпыхъ казней, порки дѣтей и проч. Однако непродолжительность этого періода внушаетъ автору опасеніе и сомнѣніе въ прочности поворота исторіи къ

первобытному «золотому вѣку», да и многочисленные факты самаго недавняго прошлаго, если не сказать современности, даютъ ему обширный матеріалъ для иллюстрацій скорѣе продолжающагося господства жестокости и лицемѣрія, чѣмъ дѣйствительной гуманности.

Авторъ полагаетъ, что въ своей переоцѣнкѣ господствующаго взгляда онъ стоитъ на почвѣ фактовъ, однихъ фактовъ. Но, вѣдь, и сторонники идеи прогресса, какъ развитія общественной солидарности, стоятъ тоже на почвѣ фактовъ. Прежде чѣмъ утверждать *исключительность* принятой характеристики, М. Энгельгардту надо было бы устранить эти противорѣчащіе его теоріи факты: онъ этого не дѣлаетъ. Когда съ XVIII вѣка, ихъ накапливается слишкомъ много, тогда онъ не находитъ иного исхода, какъ, нѣхотя, повернуть руль въ направленіи, которое онъ давалъ моральному развитію человѣчества. Но, вѣдь, факты общественной солидарности и альтруизма встрѣчались и раньше, уживаясь бокъ-о-бокъ съ жестокостями, также какъ и нынѣ рядомъ съ общимъ смягченіемъ нравовъ авторъ отмѣчаетъ черты прежнихъ человѣкоубійственныхъ наклонностей. Всѣ крупныя цивилизаціи: древнюю Мексику, Египетъ, Ассирію, Грецію, Римъ, Персію и проч. авторъ относитъ къ стадіи культурной морали, характеристичными чертами которой служатъ отсутствіе солидарности и ожесточенная война внутри племени: рабство, деспотизмъ, корыстолюбіе и культъ войны во внѣшнихъ отношеніяхъ. Но для перуанской цивилизаціи онъ дѣлаетъ исключеніе, общинная организація государства древнихъ инковъ, насколько извѣстна она по разсказамъ нѣкоторыхъ авторовъ, настолько прельстила его, что онъ позволяетъ себѣ закрыть глаза на существовавшія и тамъ «значительную степень озвѣренія, выражавшуюся въ постоянныхъ войнахъ, массовыя человѣческія жертвоприношенія на могилѣ короля, жестокія наказанія», и впадаетъ въ тонъ той самой маниловщины, которую не терпитъ въ другихъ. Онъ рисуетъ картины возможнаго развитія общей цивилизаціи въ южной Америкѣ подъ вліяніемъ перуанскаго образца, и по поводу разрушенія этой имперіи европейцами разражается тирадою: «Міръ не видалъ болѣе печальной и страшной катастрофы! Пусть бы лучше персы, завоевавъ Элладу, остановили развитіе европейской культуры, пусть бы лучше дикія орды азіатовъ-кочевниковъ разлившись до крайнихъ предѣловъ запада, замедлили ростъ нашей цивилизаціи и отсрочили на два, на три столѣтія наступленіе нашего хваленаго и хвастливаго вѣка пара, электричества и босяковъ, только бы уцѣлѣло государство инковъ!» и проч., и проч. Однако, что же служитъ для автора ручательствомъ, что и въ государствѣ инковъ, предоставленномъ самому себѣ, дальнѣйшая эволюція пошла бы именно въ духѣ общественной солидарности, а не того озвѣрѣнія, начатки котораго онъ самъ отмѣчаетъ. Его прельстила экономическая обезпеченность населенія, обусловленная остатками первобытнаго общиннаго режима. Но онъ находитъ ихъ и въ древнемъ Египтѣ, и въ древней Мексикѣ, и въ Китаѣ, что не помѣшало въ нихъ постепенной эволюціи жестокости, угнетенія, грубыхъ нравовъ. На указанномъ примѣрѣ можно видѣть, какъ неразборчивъ М. Энгельгардтъ къ фактамъ, съ которыми онъ такъ носится. Вѣдь и фактъ факту рознь. Мало того, чтобы не смѣшивать въ одну кучу всѣ цивилизаціи, племена и эпохи, противъ чего предостерегаетъ авторъ, хотя самъ въ этомъ грѣшенъ, — надо еще основывать свои выводы на фактахъ достаточно извѣстныхъ и провѣренныхъ. Отсутствіе этого условія составляетъ недостатокъ этнографическихъ работъ Летурно, а нашъ авторъ пользуется ими для своихъ обобщеній, какъ непререкаемымъ матеріаломъ. Скудныхъ свѣдѣній, доставленныхъ двумя-тремя путешественниками, о какихъ-либо племенахъ веддасовъ, айновъ и т. п. оказывается вполнѣ достаточно, чтобы обосновать на нихъ теорію существованія особаго типа первобытной морали, соотвѣтствующаго предоставленію о «людяхъ золотого вѣка».

*

Всѣ данныя, которыя находимъ мы о нихъ у Спенсера и Летурно, едва умѣщаются на страницѣ, и данныя эти такого сорта, что у Руссо въ распоряженіи были росказни путешественниковъ, не многимъ менѣе достовѣрныя о дикаряхъ и ихъ нравахъ.

Но оставивъ въ сторонѣ оцѣнку матеріаловъ, надъ которыми оперировалъ М. Энгельгардтъ, зададимся вопросомъ, что же сказалъ онъ новаго. Что XVI—XVII вѣка были эпохою такого ожесточенія нравовъ, военнаго озвѣренія и изувѣрства, которая превосходила предъидущія эпохи? Съ этимъ можно согласиться, хотя и трудно это доказать по отношенію къ ближайшимъ предшествовавшимъ вѣкамъ, но, вѣдь, несомнѣнно, что въ эту же эпоху накоплялись элементы будущаго смягченія нравовъ, котораго и авторъ не отрицаетъ съ XVIII вѣка. Что современная цивилизація, несмотря на провозглашенные ею гуманные принципы, прикрываетъ массовое истребленіе низшихъ племенъ Африки и Новаго Свѣта? Это то же фактъ общеизвѣстный, который, конечно, никогда не лишне подчеркнуть, но который и въ глазахъ самого автора не лишаетъ нашего времени преимущества передъ предшествующими вѣками въ отношеніи гуманности. Вообще, книжкѣ г. Энгельгардта для того, чтобы быть защитою хорошо поставленнаго парадокса, не достаетъ послѣдовательности, а чтобы быть научной работой не достаетъ критическаго умѣнья, глубины анализа и широты кругозора, однимъ словомъ, столь многаго, что ее можно рекомендовать, какъ бойко написанную фельетонную характеристику отрицательныхъ сторонъ современной и прошлой культуры, но не болѣе.

М. П—въ.

ЮРИДИЧЕСКІЯ НАУКИ.

Я. Абрамовъ. «Бракъ и семья».—*Н. Н. П.* «Отвѣтственность предпринимателей».—*І. А. Малиновскій.* «Ссылка въ Сибирь».

Я. В. Абрамовъ. «Бракъ и семья». Популярно-юридическая библіотека (издаваемая Ф. Павленковымъ). № 8. Спб. 1900 г. Цѣна 25 коп. Настоящій выпускъ «Популярно-юридической библіотеки» посвященъ изложенію законовъ, относящихся къ браку, взаимнымъ отношеніямъ супруговъ и отношеніямъ родителей и дѣтей. Другіе отдѣлы семейственнаго права (расторженіе браковъ и разводъ, узаконеніе дѣтей и усыновленіе, наслѣдство и опека) выдѣлены и излагаются въ другихъ выпускахъ «Популярно-юридической библіотеки». Настоящее изданіе вполнѣ отвѣчаетъ своему назначенію. Авторъ, придерживаясь текста закона, знакомитъ читателей со всѣми узаконеніями, относящимися къ браку, личнымъ и имущественнымъ отношеніямъ супруговъ, а также родителей и дѣтей, при чемъ приводитъ точныя указанія на статьи закона и рѣшенія гражданскаго кассаціоннаго департамента. Въ каждомъ отдѣлѣ авторъ, сверхъ того, указываетъ на уголовную охрану постановленій гражданскаго закона, при чемъ точно также знакомитъ читателя съ подлиннымъ текстомъ закона и разъясняющими его рѣшеніями уголовнаго кассаціоннаго департамента сената.

Съ особенной полнотой авторъ останавливается на жгучемъ бытовомъ вопросѣ о совмѣстномъ жительствѣ супруговъ. Можетъ ли быть что-либо страннѣе иска къ женѣ о совмѣстномъ сожительствѣ? спрашиваетъ авторъ. Можно ли не считать аномаліей такое явленіе, какъ принужденіе жены черезъ судъ сожительствовать съ мужемъ? Что за жизнь можетъ быть у жены съ мужемъ, когда жена доставлена къ нему при помощи исполнительнаго листа и при содѣйствіи судебнаго пристава? А между тѣмъ такія дѣла вовсе не рѣдкость въ нашихъ судахъ. Нерѣдко дѣла такого рода, продолжаетъ авторъ, доведенныя до окон-

чанія во всѣхъ инстанціяхъ, затѣмъ оканчиваются въ періодъ исполненія судебнаго рѣшенія совершенно комически. Далѣе разсказывается общеизвѣстный фактъ, какъ судебный приставъ, на обязанность котораго возлагается водворить жену къ мужу, пользуется какимъ-нибудь случаемъ, напр., отсутствіемъ мужа изъ своего дома или даже изъ данной мѣстности, въ которой онъ постоянно живетъ, и приводитъ жену въ сопровожденіи свидѣтелей въ квартиру мужа, составляетъ здѣсь протоколъ объ исполненіи судебнаго рѣшенія, который подписывается свидѣтелями, и затѣмъ вмѣстѣ съ «водворенною» женою уходитъ, иногда исполняя при ней обязанности любезнаго кавалера. Авторъ признаетъ несостоятельность подобной судебной практики и доказываетъ, что она вовсе не соотвѣтствуетъ духу нашего закона. Авторъ приводитъ любопытное рѣшеніе семипалатинскаго областного суда отъ 1898 г. По поводу одного случая обращенія къ нему мужа съ искомъ объ обязаніи жены къ совмѣстной съ нимъ жизни, судъ нашелъ, что устанавливаемая гражданскими законами обязанность супруговъ жить вмѣстѣ, равно какъ и опредѣляемыя тѣми же законами взаимныя между супругами отношенія (кромѣ чисто имущественныхъ), по существу своему принадлежатъ къ чисто нравственнымъ обязанностямъ и не могутъ подлежать принудительному, посредствомъ суда, осуществленію. Обращеніе къ суду въ случаяхъ неисполненія кѣмъ-либо изъ супруговъ обязанности любить другъ друга и жить совмѣстно является вполнѣ безцѣльнымъ, такъ какъ судъ можетъ лишь повторить извѣстныя статьи закона, предусматривающія эти обязанности супруговъ, но совершенно безсиленъ принудить отвѣтчика или отвѣтчицу къ выполненію требованій истца или истицы, ибо требованія эти возможно было бы осуществить лишь посредствомъ насильственныхъ дѣйствій надъ личностью отвѣтчика или отвѣтчицы, на каковыя дѣйствія гражданскій судъ и его исполнительные органы закономъ не уполномочены. Въ виду этихъ соображеній, семипалатинскій областной судъ призналъ искъ мужа о совмѣстной жизни съ нимъ его жены не подлежащимъ удовлетворенію. Къ сожалѣнію, авторъ не упоминаетъ о судьбѣ этого рѣшенія въ высшихъ судебныхъ инстанціяхъ и, такимъ образомъ, мы не знаемъ, можетъ ли это рѣшеніе въ будущемъ сдѣлаться руководящимъ въ дѣлахъ подобнаго рода.

Заканчивая нашъ обзоръ, отмѣтимъ, что настоящее изданіе, при его достоинствахъ и дешевизнѣ, заслуживаетъ вниманія публики. *Э. М—съ.*

Н. Н. П. Отвѣтственность предпринимателей. Уголовная и гражданская отвѣтственность предпринимателей и ихъ главныхъ агентовъ за причиненіе при работѣ смерти, тѣлесныхъ поврежденій и вреда для здоровья рабочимъ. Изданіе Н. Березина и М. Семенова. Спб. 1899 г. Цѣна 40 коп. Подъ столь громкимъ заглавіемъ выпускается въ свѣтъ тощая брошюрка анонимнаго автора въ 82 странички, изъ которыхъ 13 страницъ представляютъ перепечатку статей закона, а около 17 страницъ перепечатаны изъ книги инженера-технолога Пресса: «Защита жизни и здоровья рабочихъ», Спб. 1891 г. Еще такъ недавно появилось сочиненіе В. П. Литвинова-Фалинскаго, посвященное тому же вопросу объ отвѣтственности предпринимателей и внесшее цѣнный вкладъ въ нашу небогатую литературу *). Для кого и для чего понадобилось изданіе разбираемой брошюрки—мы рѣшительно отказываемся понять! Тѣ 52 странички, которыя посвящены изложенію вопроса объ отвѣтственности предпринимателей, лишены всякаго значенія, такъ какъ не отличаются ни научными, ни литературными достоинствами. Напр., на стр. 6-й анонимный авторъ дѣлаетъ ссылку на новѣйшихъ криминалистовъ, въ числѣ коихъ упоминаетъ, между прочимъ, Бернера, писавшаго болѣе полувѣка тому назадъ. Чуть ли не всѣ ссылки на рѣшенія уголовнаго кассаціоннаго департамента дѣ-

*) См. рецензію въ «М. Б.» за 1899 г. № 11.

лаются не по первоисточнику, не по сборнику кассаціонныхъ рѣшеній, а заимствуются изъ алфавитныхъ указателей и другихъ частныхъ изданій, гдѣ приводятся только извлеченія изъ рѣшеній въ видѣ тезисовъ. Трактуя объ одномъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ современнаго права и экономической жизни, авторъ разбираемой брошюрки не идетъ дальше разсужденій, помѣщенныхъ на первой страницѣ: «Уголовная и гражданская отвѣтственность предпринимателей въ дѣлѣ охраненія жизни и здоровья служащихъ имѣетъ большое значеніе. Гражданская отвѣтственность, кромѣ своего спеціальнаго назначенія, служитъ существеннымъ дополненіемъ къ уголовной, отражаясь на доходности предпріятія. Уголовная отвѣтственность, въ свою очередь, оказываетъ большое вліяніе на гражданскій искъ, облегчая для истца бремя доказательства». Хотя приведенныя разсужденія не блещутъ ни широтою взглядовъ, ни оригинальностью идей, но въ нихъ все-таки есть смыслъ и они понятны для каждаго читателя. Нельзя того же сказать про другія мѣста разбираемой брошюрки. Напр., на стр. 11-й слѣдующая фраза: «...предприниматели и ихъ главные агенты уже отвѣтственны при допущеніи съ ихъ стороны неосторожности, которая, по толкованію Сената, можетъ заключаться (и только) также и въ непринятіи мѣръ предосторожности»... Что значитъ: и только также? Не могли мы доискаться смысла и въ слѣдующемъ отрывкѣ, помѣщенномъ на первой страницѣ: «Несчастные случаи при машинахъ, какъ послѣдствіе покушенія на убійство, составляютъ ничтожный процентъ, и виновниками подобныхъ преступленій, обыкновенно, оказываются лица, занятыя работой тутъ же въ мастерскихъ». Что еще сказать о разбираемой брошюркѣ? Объ этомъ изданіи Н. Березина и М. Семенова не стоило бы и вовсе говорить, если бы не приходилось считаться съ заманчивымъ заглавіемъ и дешевизной книжки, которыя могутъ соблазнить довѣрчиваго читателя. *Э. М—съ.*

Проф. І. А. Малиновскій. Ссылка въ Сибирь. Публичныя лекціи, читанныя въ Томскѣ въ ноябрѣ 1899 года. Томскъ, 1900 г. Цѣна 60 коп. Въ настоящее время вопросъ о нашей ссылкѣ поставленъ ребромъ, возбуждая живой интересъ во всѣхъ слояхъ нашего общества. Публичныя лекціи профессора І. А. Малиновскаго изданы поэтому весьма кстати. Всякій интересующійся прошлымъ, настоящимъ и будущимъ русской ссылки съ большимъ интересомъ прочтетъ увлекательно составленныя и талантливо написанныя лекціи профессора томскаго университета.

Всѣхъ лекцій—двѣ. Первая посвящена исторіи ссылки, ея современному положенію, статистикѣ ссылки, теоретическимъ воззрѣніямъ на ссылку и связаннымъ съ ними надеждамъ и, наконецъ, неудачамъ ссылки. Вторая лекція разрѣшаетъ вопросъ о неудачахъ ссылки.

Интересны статистическія данныя о числѣ сосланныхъ въ Сибирь. Не сохранилось свѣдѣній о томъ, каково было число ссыльныхъ въ Сибири въ XVII и XVIII вѣкахъ. Точныя данныя о числѣ сосланныхъ въ Сибирь имѣются, начиная съ 1807 года. Съ 1807 по 1812 г. сослано въ Сибирь 10.175 человѣкъ, въ среднемъ ежегодно по 2.035 человѣкъ; въ 1817 г. сослано было уже 3.138 чел., въ 1823 г.—6.667 чел., а въ 1827 г.—11.405 чел. За 20 лѣтъ съ 1827 г. по 1846 годъ всего сослано было 159.755 чел., т. е. въ среднемъ около 8.000 чел. ежегодно. За десятилѣтіе съ 1853 г. по 1862 г. было сослано 101.238 чел., т.-е. среднимъ числомъ 10.000 чел. ежегодно. Въ слѣдующее десятилѣтіе съ 1863 по 1872 г. всего сослано 146.380 чел., т.-е. въ среднемъ ежегодно 14.000 чел.; въ десятилѣтіе 1873—1882 г. всего сослано уже 175.918 чел., т.-е. ежегодно свыше $17^1/_2$ тысячъ человѣкъ; за пятилѣтіе 1882—1888 г. сослано 106.326 чел., т.-е. свыше 20.000 ежегодно. Въ послѣднее время эта громадная цифра нѣсколько понизилась: за десятилѣтіе 1887—1897 г. черезъ Тюменскій приказъ поступило въ Сибирь ссыль-

ныхъ вмѣстѣ съ ихъ семьями всего 161.864 чел., т.-е. среднимъ числомъ ежегодно свыше 16.000 человѣкъ.

Съ точки зрѣнія теоретической, говоритъ профессоръ Малиновскій, ссылка, повидимому, является идеаломъ наказанія: это мѣра, карающая преступника; это мѣра, приносящая пользу государству, обезпечивая общественную безопасность, доставляя государству дешевыя рабочія руки, способствуя колонизаціи окраинъ; наконецъ, это—мѣра исправительная, содѣйствующая превращенію преступника въ честнаго труженика. Эти теоретическіе взгляды лежатъ въ основѣ законодательныхъ постановленій о ссылкѣ. На послѣднюю возлагались большія надежды. Оправдались ли эти надежды, спрашиваетъ профессоръ Малиновскій, и могутъ ли онѣ когда-нибудь оправдаться? Факты изъ прошлаго и настоящаго русской ссылки даютъ краснорѣчивый отвѣтъ на этотъ вопросъ.

Опыты колонизаціи Сибири посредствомъ ссыльныхъ оказываются почти совершенно неудачными. Заселеніе ссыльными Охотска, по указу 1733 года, не состоялось, ибо ссыльные разбѣжались. Не увѣнчалась успѣхомъ и попытка заселенія Камчатки въ 30-хъ и 40-хъ годахъ. Въ 1783 году сдѣлана была попытка заселить ссыльными дорогу отъ Якутска до Охотска; попытка эта окончилась тѣмъ, что ссыльные разбѣжались и образовали разбойничьи шайки. Во всей исторіи заселенія Сибири всегда обращало на себя вниманіе одно явленіе—стремленіе поселенцевъ къ побѣгамъ. Когда принудительныя мѣры и полицейскій надзоръ были прекращены и когда поселенцы предоставлены были самимъ себѣ, побѣги усилились, деревни опустѣли, а поселенцы превратились въ бродягъ. Ссылка и бродяжество, продолжаетъ авторъ, два понятія, неразрывно связанныя другъ съ другомъ: ссылка ведетъ къ бродяжеству, бродяжество ведетъ къ ссылкѣ.

Ссылка во всѣхъ ея проявленіяхъ есть зло въ сибирской жизни. Ссылка прежде всего тяжело отзывается на экономическомъ положеніи сибирскаго населенія. Для перевозки арестантовъ необходимо доставить подводы; въ нѣкоторыхъ городахъ тюрьмы содержатся на счетъ населенія; въ селахъ сельскія тюрьмы содержатся на счетъ сельскаго населенія. Довольно значительный процентъ безвѣстно отсутствующихъ и бродягъ подрываетъ экономическое благосостояніе сибирскаго населенія. Около 40000 бродягъ живетъ на счетъ населенія. Кромѣ вреда экономическаго, ссылка приноситъ и нравственный вредъ. Ссылка не исправляетъ, а наоборотъ, еще больше портитъ преступника. Эти порочные элементы не изолированы отъ остального населенія; они заражаютъ его. Ссылка создаетъ особую атмосферу, въ которой воспитывается подростающее поколѣніе: дѣти играютъ въ бродягъ, въ поджоги, бродяги выступаютъ сказочными героями; дѣти сахалинскихъ чиновниковъ, разсердившись на прислугу, угрожаютъ ей «кандальной».

Привлекательная картина ссылки, созданная теоріей, оказывается игрой воображенія, миражемъ, который разсѣивается передъ реальными явленіями жизни. Вотъ какова, по словамъ профессора Малиновскаго, дѣйствительная картина ссылки: «Передъ нами громадная армія ссыльныхъ, на первомъ планѣ—бродяги, воры, мошенники, убійцы... вотъ этапы, тюрьмы пересыльныя, баржи... болѣзни и смертность, пьянство, развратъ, воровство... то же пьянство, тотъ же развратъ, воровство... тѣ же болѣзни и смертность въ каторжныхъ тюрьмахъ... каторжныя работы,—праздность, апатія и ненависть къ работѣ... вотъ ссыльные на поселеніи: неспособность къ труду, нищета, бродяжество, преступленія... а вотъ нравственная зараза отъ ссыльныхъ переходитъ на мѣстное населеніе и препятствуетъ его развитію экономическому и культурному». Отмѣна ссылки—вотъ правильное и вѣрное разрѣшеніе вопроса о ссылкѣ. Но, по соображеніямъ практическимъ, продолжаетъ авторъ, сразу отмѣнить ссылку весьма затруднительно. Временной и переходной мѣрой можетъ служить ограниченіе

ссылки. Будущность имѣетъ одна форма наказанія—тюремное заключеніе. Отмѣна ссылки должна совпасть съ великой тюремной реформой и положить начало новой эпохѣ въ исторіи наказанія въ Россіи.

Профессоръ Малиновскій заканчиваетъ свои лекціи слѣдующими правдивыми и прочувствованными словами: «...Богатая природными богатствами Сибирь нуждается въ развитіи торговли и промышленности. Нужны Сибири не приказы и экспедиціи о ссыльныхъ, не эти учрежденія, которыхъ не знаетъ остальная Россія; Сибирь нуждается въ земскихъ учрежденіяхъ, въ судѣ присяжныхъ. Нуждается Сибирь не въ тюрьмахъ пересыльныхъ и каторжныхъ, разсадникахъ порока и преступленія, а въ разсадникахъ свѣта и знанія—въ школахъ общеобразовательныхъ и профессіональныхъ, высшихъ, среднихъ и низшихъ»...

Рекомендуя разбираемую книжку всѣмъ интересующимся вопросомъ о русской ссылкѣ, желаемъ успѣха настоящему изданію, чистая выручка съ котораго поступитъ на усиленіе фонда учрежденной при томскомъ университетѣ «Пушкинской премін» за лучшее студенческое сочиненіе. *Э. М—съ.*

СОЦІОЛОГІЯ.

Л. Морганъ. «Первобытное общество».—*В. Зомбартъ.* «Идеалы соціальной политики».

Льюисъ Генри Морганъ. Первобытное общество. Изслѣдованіе прогресса человѣчества изъ дикаго состоянія къ варварству и изъ варварства къ цивилизаціи. Переводъ П. П. Румянцева подъ редакціей проф. Д. Н. Кудрявскаго и съ предисловіемъ М. М. Ковалевскаго. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. Цѣна 3 руб. Русская читающая публика уже нѣсколько знакома съ знаменитымъ изслѣдованіемъ американскаго ученаго по книжкѣ Фр. Энгельса «Происхожденіе семьи, частной собственности и государства», въ основѣ которой лежатъ данныя, собранныя Морганомъ. Однако появленіе на русскомъ языкѣ «Ancient Society» никоимъ образомъ не можетъ быть признано лишнимъ, несмотря на то, что книгѣ скоро стукнетъ 25 лѣтъ, возрастъ очень почтенный для изслѣдованія по исторіи общества, т.-е., области, гдѣ факты и открытія накопляются съ поразительной быстротой. «Первобытное общество» Моргана до сихъ поръ не потеряло своего руководящаго значенія въ сферѣ обсуждающихся въ немъ вопросовъ и заключаетъ въ себѣ еще много матеріалу, ожидающаго разработки. Это главнымъ образомъ относится къ составленнымъ Морганомъ таблицамъ родства и свойства, всего фактическаго богатства которыхъ не съумѣлъ использовать ни самъ онъ (см. «Перв. общ.» стр. 499 рус. пер. прим.) ни позднѣйшіе этнографы и этнологи. Недавно еще нѣмецкій юристъ Колеръ жаловался на это обстоятельство, приравнивая значеніе моргановскихъ таблицъ для этнологіи значенію «Дигестъ» для науки римскаго права (ср. предисловіе Ковалевскаго). Такимъ образомъ, матеріалъ, собранный Морганомъ и напечатанный главнымъ образомъ въ его предшествующемъ «Первобытному обществу» трудѣ «Systems of consanguinity and affinity of the human family» въ «Smithsonian contributions to Knowledge» (т. XVII, 1871 г.; написано въ 1868 г.),—еще ждетъ обработки.

Но и тѣхъ положительныхъ выводовъ, которые сдѣланы Морганомъ на основаніи его матеріала, достаточно для того, чтобы признать за его книгой значеніе сдѣлавшаго эпоху труда.

Первыя работы Моргана, посвященныя тѣмъ же вопросамъ, какъ и его главный трудъ, появились задолго до того времени, когда Бахофенъ въ Германіи (1861 г.) и независимо отъ него Макъ-Леннанъ въ Англіи (1865 г.)

поставили на твердую почву изученіе исторіи семьи. Оба они оперировали преимущественно надъ археологическимъ матеріаломъ, не подозрѣвая, что надъ тѣми же вопросами одновременно съ ними работаетъ практикъ-американецъ, идущій къ своей цѣли совершенно иными путями. Морганъ вступилъ въ одно изъ ирокезскихъ племенъ (сенека), былъ имъ усыновленъ и долго прожилъ среди краснокожихъ, наблюдая ихъ обычаи. Впослѣдствіи его матеріалъ былъ пополненъ путемъ опросныхъ листовъ, которые онъ чрезъ посредство Смитсоновскаго института разсылалъ миссіонерамъ, работавшимъ въ различныхъ пунктахъ Новаго Свѣта. Этотъ матеріалъ и легъ въ основу его книги о системахъ родства и въ болѣе продуманной формѣ былъ воспроизведенъ въ «Первобытномъ обществѣ». Здѣсь онъ умѣло скомбинировалъ съ данными о семейной и родовой организаціи у грековъ, римлянъ, германцевъ, кельтовъ и проч.—и въ результатѣ получилась широкая картина эволюціи семьи, которая въ основныхъ чертахъ совпала съ выводами Макъ-Леннана. Ихъ общая концепція, утверждающая пріоритетъ материнской семьи и родства по матери со всѣми его юридическими послѣдствіями, при дальнѣйшей разработкѣ проблемы все болѣе и болѣе подтверждалась и нынѣ можетъ считаться господствующей, не смотря на возраженія, встрѣченныя ею со стороны Штарке, Вестермарка и нѣкоторыхъ другихъ этнологовъ. Что касается теоріи Бахофена, видѣвшаго на-ряду съ материнской семьей гинекократію, то она можетъ считаться отвергнутой.

Морганъ не ограничивается изслѣдованіемъ семейно-родовыхъ отношеній, хотя въ этихъ вопросахъ и лежитъ центръ тяжести его работы. Главная часть его книги распадается на три отдѣла: первый трактуетъ объ эволюціи общественной власти, второй—объ эволюціи семьи, третій—объ эволюціи частной собственности. Всего болѣе наука обязана ему въ тѣхъ частяхъ его работы, гдѣ онъ приводитъ свѣжій, добытый такъ или иначе имъ самимъ, матеріалъ. Это главы объ ирокезахъ и вообще американскихъ индѣйцахъ, о различныхъ австралійскихъ и океанійскихъ племенахъ и проч.

Тѣ, кому приходилось заниматься первобытной исторіей человѣчества, знаютъ, какъ много ошибокъ и ложныхъ точекъ зрѣнія вытекаютъ изъ работы надъ невѣрно переданными фактами. Первобытная исторія обречена во многихъ пунктахъ вертѣться въ заколдованномъ кругу показаній путешественниковъ, миссіонеровъ и имъ подобныхъ этнографовъ на часъ, которые по легковѣрію или изъ хвастовства искажаютъ факты и измышляютъ небылицы. Почти всѣ ошибки Летурно имѣютъ своимъ источникомъ слѣпое довѣріе къ показаніямъ непризнанныхъ этнографовъ. Къ счастью, теперь стали болѣе критически относиться къ этимъ показаніямъ, а Штамлеръ даже не хочетъ видѣть въ нихъ ничего, кромѣ вольныхъ или невольныхъ заблужденій. Вотъ почему, помимо ихъ общаго научнаго значенія, приходится цѣнить данныя Моргана. Вдумчивый и осторожный наблюдатель, имѣющій громадный этнографическій опытъ, Морганъ рѣдко заносилъ въ свою работу подозрительныя показанія; а что черезъ его руки проходило много этнографическаго мусору, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія.

Менѣе оригиналенъ онъ въ прочихъ частяхъ своей книги. Задавшись цѣлью прослѣдить эволюцію элементарныхъ общественныхъ отношеній, начиная отъ «дикаго состоянія» до «цивилизаціи», онъ принужденъ былъ столкнуться и съ историческими эпохами. Для того, чтобы показать переходъ, грубо говоря, материнской семьи въ патріархальную *) и выяснить всѣ вытекающія изъ этого послѣдствія, ему пришлось обратиться къ изученію исторіи Греціи, Рима, кельтовъ и германцевъ. Здѣсь его данныя менѣе устойчивы. Онъ не всегда можетъ

*) Кровнородственная; пуналуальная; синдіасмическая (парная) и патріархальная; моногамная.

обратиться къ первоисточникамъ, беретъ факты изъ вторыхъ рукъ. Часто дѣлаетъ ошибки съ точки зрѣнія современной исторической науки. Давность всего больше сказалась въ этихъ отдѣлахъ; уже Энгельсъ при первомъ изданіи своей книжки (1884) находилъ эту часть «Первобытнаго общества» устарѣлой и работалъ самостоятельно. Еще болѣе замѣтно это теперь. Но такъ какъ не здѣсь лежитъ центръ тяжести моргановой работы, то общая концепція мало пострадала. Первоначальная эволюція семьи *въ основѣ* и по нынѣ изображается по Моргану. Тѣ измѣненія, которыя претерпѣла его гипотеза, носятъ преимущественно частный характеръ, а критика по существу (главнымъ образомъ Вестермаркъ), встрѣчаетъ энергичныя возраженія (Дюркгеймъ, Куновъ и др.). Болѣе существенныя измѣненія пришлось вынести двумъ другимъ отдѣламъ книги.

Морганъ дѣлитъ исторію человѣчества на три большихъ періода: дикаго состоянія, варварства и цивилизаціи, причемъ первые два имѣютъ еще по три подраздѣленія. Каждое подраздѣленіе начинается съ какого-нибудь изобрѣтенія или открытія, облегчающаго добываніе средствъ къ жизни (огонь, лукъ и стрѣла, гончарное искусство, разведеніе домашнихъ животныхъ, разведеніе растеній при помощи искусственнаго орошенія, необожженный кирпичъ, плавленіе желѣзной руды). Эпоха цивилизаціи начинается съ изобрѣтенія звуковой азбуки и шрифта.

Словомъ, по мнѣнію Моргана, первоначальная исторія человѣчества прежде всего есть исторія матеріальныхъ изобрѣтеній, облегчающихъ борьбу за существованіе. «Безъ расширенія источниковъ своего пропитанія человѣчество не могло бы распространиться по областямъ, не доставлявшимъ того же рода пищи, которую человѣкъ находилъ въ первоначальныхъ мѣстахъ своего жительства, а въ концѣ концовъ не могъ бы распространиться и по всей поверхности земного шара. Наконецъ, безъ абсолютнаго господства надъ производствомъ пищи какъ въ отношеніи ея разнообразія, такъ и количества, человѣчество не могло бы размножаться въ многолюдныя націи. Поэтому въ высокой степени вѣроятно, что великія эпохи человѣческаго прогресса болѣе или менѣе прямо совпадаютъ съ расширеніемъ источниковъ пропитанія» (стр. 21). Другіе факты, служащіе показателемъ прогресса, Морганъ группируетъ въ шесть рубрикъ: общественное устройство, языкъ, семья, религія, домашняя жизнь и строительное искусство, собственность. Изъ нихъ наибольшее, повидимому, значеніе онъ придаетъ идеѣ собственности, которая «привела человѣчество къ тому, что оно не только преодолѣло всѣ препятствія, тормозившія цивилизацію, но и учредило политическое общество (civitas—въ противоположность основанному на личныхъ отношеніяхъ обществу—societas) на основаніи территоріи и собственности. Критическое изслѣдованіе постепеннаго развитія идеи собственности составляло бы въ нѣкоторомъ смыслѣ важнѣйшую часть исторіи умственнаго развитія человѣчества» (стр. 8). Идея собственности могущественнымъ образомъ реагируетъ на нѣкоторые этапы развитія общественной власти и семьи. «Политическое общество» возникаетъ на принципахъ собственности и территоріи (стр. 9). Одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ эволюціи семьи, появленіе моногамной семьи, обусловленъ идеей собственности, которая «стала наконецъ достаточно могущественной, чтобы повліять на органическое зданіе общества» (стр. 375). Но сама идея собственности—не самостоятельный факторъ. «Первыя идеи собственности были тѣсно связаны съ производствомъ пропитанія, что составляло первую потребность человѣка. Чѣмъ разнообразнѣе становились средства и пути для производства пропитанія, тѣмъ дѣлалось больше число объектовъ частной собственности. Поэтому развитіе частной собственности идетъ рядомъ съ прогрессомъ изобрѣтеній и открытій»... (стр. 518) *).

---

*) Мы не излагаемъ описательной части книги, ибо считаемъ ее достаточно извѣстной по Энгельсу. Ср. также «М. Б.» авг. 1895. Библ. отд.

Читателю извѣстно, что эти идеи Моргана вызвали замѣчаніе Маркса, что американскій ученый какъ бы «вновь открылъ» матеріалистическое пониманіе исторіи. Марксъ видѣлъ въ книгѣ Моргана краснорѣчивое подтвержденіе своей соціологической гипотезы, а Энгельсъ рѣшилъ взяться за ея популяризацію въ исполненіе желанія своего друга. Однако, какъ видно уже изъ приведенныхъ отрывковъ, схема Моргана далеко не совпадаетъ съ первоначальной формулировкой теоріи, ибо матеріальный моментъ у Моргана далеко не такъ всемогущъ и свободно допускаетъ рядомъ съ собою дѣйствіе другихъ моментовъ. Поэтому, попытка найти въ Морганѣ союзника можетъ быть понятна лишь какъ результатъ нѣкоторой перемѣны во взглядахъ родоначальниковъ историческаго матеріализма.

Переведена книга въ общемъ хорошо, если не говорить о мелкихъ терминологическихъ недоразумѣніяхъ. Къ ней приложено предисловіе М. М. Ковалевскаго, посвященное выясненію роли Моргана въ обработкѣ исторіи семьи и сопоставленіе его взглядовъ съ ученіемъ Макъ Леннана. *А. Дживелеговъ.*

В. Зомбартъ. Идеалы соціальной политики. Переводъ съ нѣмецкаго П. Ф. Теплова. Спб. 1900. Ц. 40 коп. Установивъ понятіе соціальной политики въ слѣдующей формулѣ: «Подъ соціальной политикой мы понимаемъ тѣ мѣропріятія экономической политики, которыя имѣютъ цѣлью или слѣдствіемъ сохраненіе, содѣйствіе развитію или уничтоженіе, подавленіе опредѣленной экономической системы или ея составныхъ частей», авторъ противополагаетъ ей политику индивидуальную—мѣропріятія, направленныя къ благу отдѣльныхъ лицъ или группъ. По отношенію къ соціалъ-политическому идеалу, наука можетъ занять двоякое положеніе: она можетъ изслѣдовать причины его возникновенія (генетическая точка зрѣнія), но можетъ также произвести критическій анализъ его цѣнности и значенія. Задача брошюры Зомбарта—освѣщеніе нѣкоторыхъ сторонъ критической точки зрѣнія. Не придавая научной критикѣ роли руководительницы по отношенію къ соціалъ-политическому идеалу, такъ какъ выборъ цѣлей обусловливается интересами, вытекающими изъ условій среды, индивидуальнымъ и классовымъ міросозерцаніемъ, независимо отъ теоремъ науки,—авторъ однако не отрицаетъ ея важнаго значенія. Задача науки—точно и ясно опредѣлить идеалъ, освободить его отъ внутреннихъ противорѣчій и непослѣдовательности, указать отношеніе идеала въ одной области, напр., соціалъ-политическаго, къ идеалу въ другой, хотя бы этическому; наконецъ, критическій анализъ содержанія идеала долженъ показать, что извѣстный идеалъ утопиченъ, вслѣдствіе противорѣчія его объективно-необходимымъ фактамъ.

Господствующее воззрѣніе, что идеалы соціальной политики должны почерпаться не изъ хозяйственной жизни, а изъ другихъ сферъ—этики и религіи, Зомбартъ считаетъ ошибочнымъ и требуетъ автономности соціалъ-политическаго идеала. Нецѣлесообразность постановки соціалъ-политическаго идеала въ зависимости отъ этическаго онъ доказываетъ тѣмъ, что сами этическія понятія создаются подъ вліяніемъ окружающей среды, главнымъ факторомъ которой является экономическій строй. Измѣненіе экономическаго строя предшествуетъ измѣненію нравственныхъ понятій, и потому ихъ господство въ сферѣ соціальной политики ведетъ къ задерживанію процесса. Однако, автономность соціалъ-политическаго идеала не абсолютна; его осуществленіе есть лишь средство къ осуществленію высшихъ цѣлей. «Путеводной звѣздой нашихъ стремленій можетъ быть только одно: разорвать оковы хозяйственныхъ нуждъ, задерживающихъ прогрессъ человѣчества, расширить границы, чтобы достигнуть свѣта, воздуха и свободы». Непосредственными цѣлями соціальной политики авторъ считаетъ сохраненіе и умноженіе современныхъ культурныхъ благъ, сохраненіе и упроченіе національнаго могущества, естественное возрастаніе населенія, расширеніе благъ культуры на все болѣе широкіе слои населенія, развитіе господства надъ

силами природы и возможно большее освобожденіе людей отъ хозяйственной дѣятельности. Отвѣтъ свой на вопросъ о наиболѣе цѣлесообразной соціальной политикѣ онъ формулируетъ слѣдующимъ образомъ: «Здоровая соціальная политика должна имѣть своей задачей возможную поддержку того соціальнаго класса, который является носителемъ экономическаго прогресса, потому что лишь такимъ образомъ можетъ быть осуществленъ ея идеалъ: высшее развитіе производительныхъ силъ, достиженіе котораго требуется въ интересахъ культурнаго прогресса».

Таково содержаніе интересной брошюры талантливаго бреславскаго профессора.

Г. Михинъ.

ФИЛОСОФІЯ И ПСИХОЛОГІЯ.

Фулье. «Свобода и необходимость».—*Шопенгауэръ.* «Полное собраніе сочиненій».—*Лэддъ.* «Очерки элементарной психологіи».

Фулье. Свобода и необходимость. Изданіе Солдатенкова. Пер. П. Николаева. М. 1900. Мы находимъ, что книга о свободѣ и необходимости появляется вполнѣ своевременно, потому что вопросъ, ею затрогиваемый, одинъ изъ тѣхъ, которые въ настоящее время вызываютъ наибольшій интересъ въ связи съ соціальной философіей, извѣстной подъ именемъ историческаго матеріализма.

Авторъ является защитникомъ свободы воли, хотя подъ нею онъ понимаетъ не то, что обыкновенно понимается. Обыкновенно принято думать, что если кто-либо признаетъ свободу воли, то долженъ признавать, что воля безпричинна, или что она не зависитъ отъ общей міровой причинности. Обыкновенно принято думать, что свобода и безпричинность тожественныя понятія; *свободѣ* обыкновенно противопоставляется *необходимость*. Между тѣмъ, уже издавна выдающіеся писатели пытались соединить свободу и необходимость. Къ числу ихъ принадлежатъ: Кантъ и нѣмецкіе идеалисты, въ настоящее время такіе писатели, какъ Вундтъ и Паульсенъ и въ большинствѣ случаевъ защитники историческаго матеріализма. Къ числу писателей, пытающихся соединить свободу и необходимось, принадлежитъ и авторъ разбираемой книги.

Проблема свободы, по мнѣнію Фулье, состоитъ въ томъ, чтобы въ самихъ законахъ нашей зависимости найти то, что практически дѣлаетъ насъ независимыми, что порождаетъ въ насъ практическое чувство нашей независимости, и такимъ образомъ найти переходъ къ свободѣ въ нѣдрахъ необходимости. Авторъ думаетъ, что обычный взглядъ, по которому отрицаніе свободы есть отрицаніе всякой нравственности, не вѣренъ. Самые извѣстные представители детерминизма, начиная съ древнѣйшихъ временъ, съ Сократа и Платона, стоиковъ и александрійцевъ, до кальвинистовъ и янсенистовъ, были самыми суровыми моралистами. Это видимое противорѣчіе, по мнѣнію автора, разрѣшается тѣмъ, что въ сферѣ нравственности, какъ и во всѣхъ другихъ сферахъ, у соперничающихъ доктринъ имѣются точки соприкосновенія, такъ что они до извѣстной степени могутъ быть согласованы.

Многіе защитники свободы думали, что ее можно признать только въ томъ случаѣ, если мы можемъ доказать, что наша воля можетъ *безразлично* выбирать то или другое дѣйствіе. Они именно ссылались на ту способность человѣка, согласно которой, будто бы, дѣйствія человѣка не опредѣляются такъ необходимо, какъ явленія физическаго міра. Это называется свободой *безразличія*. Фулье находитъ, что для защиты свободы воли въ такомъ доказательствѣ не имѣется никакой надобности. По его мнѣнію, «защитники свободы безразличія совершенно напрасно ищутъ истинной свободы въ этой физической,

чуждой морали, сферѣ». Въ дѣйствительности волевыя дѣйствiя подчинены причинности.

Фулье не согласенъ и съ другимъ доказательствомъ свободы, по которому воля вмѣшивается въ наши тѣлесныя дѣйствiя. Въ этомъ смыслѣ воля можетъ, такъ сказать, измѣнять физическую причинность, сама не подчиняясь ей. Это можно признать, если признать, что наша душа обладаетъ *направляющей* силой. Фулье не считаетъ возможнымъ признать что-либо подобное.

Отрицая оба эти аргумента, признавая такимъ образомъ подчиненность человѣческихъ дѣйствiй причинности, онъ все-таки доказываетъ, что человѣкъ свободенъ. Это кажется противорѣчiемъ, потому что если признать, что «человѣческiя дѣйствiя всецѣло подчинены причинности, то, по мнѣнiю многихъ, нельзя говорить о свободѣ. Всякая свобода въ этомъ случаѣ превращается въ иллюзiю. Свое утвержденiе Фулье основываетъ на томъ, что мы обладаемъ сознанiемъ свободы, сознанiемъ возможности измѣнить нашъ характеръ. Мы всѣ имѣемъ эту идею, хотя бы она была химерой; мы всѣ желаемъ осуществить ее; мы всѣ признаемъ одаренными себя извѣстной дѣятельной силой и по временамъ полагаемъ, что она можетъ осуществляться въ насъ. Эту иллюзiю, если только это иллюзiя, нельзя уничтожить самыми утонченными разсужденiями.

Понятiе свободы есть только *идея-сила*, дѣйствующая на самый механизмъ нашихъ дѣйствiй на основанiи закона эмпирической причинности.

Въ этомъ мiрѣ мы пришиты, такъ сказать, со всѣхъ сторонъ «гвоздями необходимости».

«И однако, не смотря на испытываемое мною давленiе, я нахожу силу для сопротивленiя въ самой идеѣ свободы. Когда я дѣйствую при этой идеѣ, при убѣжденiи, что стѣны тюрьмы могутъ раздвинуться и позволить мнѣ двигаться, онѣ дѣйствительно отодвигаются. Правда, что я дальше снова наталкиваюсь на нихъ, но онѣ снова кажутся мнѣ подвижными, отступающими передъ силою идеи. Эта идея о свободѣ отодвигаетъ передъ собою препятствiя и невозможно напередъ опытомъ опредѣлить ту границу, чрезъ которую я не буду въ состоянiи перейти при посредствѣ воздѣйствiя на нее идеи. Но вѣдь это иллюзiя— скажутъ детерминисты. Возможно. Но это такой же вопросъ, какъ и вопросъ о безконечности мiра.

«Такимъ путемъ мы приходимъ до *относительной* свободы, которая примирима съ относительною необходимостью».

Книга Фулье весьма интересна, хотя нельзя не признать, что мѣстами написана очень неясно. *Г. Челпановъ.*

Полное собранiе сочиненiй Шопенгауера. Въ переводѣ и подъ редакцiей Ю. И. Айхенвальда. Вып. I-й. М. 1900. Мы находимъ вполнѣ цѣлесообразной мысль издать полное собранiе сочиненiй Шопенгауера. До сихъ поръ на русскомъ языкѣ были только отдѣльныя разбросанныя сочиненiя, часто въ очень мало доброкачественныхъ переводахъ. Этотъ мыслитель вполнѣ заслуживаетъ того, чтобы сдѣлать его доступнымъ для русскаго читателя. Его у насъ знаютъ главнымъ образомъ, какъ творца современной пессимистической философiи. Но нужно знать, что онъ и своими метафизическими построенiями оказалъ огромное влiянiе на современную философскую мысль. Онъ въ основу объясненiя дѣйствительности клалъ т. н. мiровую волю, по отношенiю къ которой все существующее является только лишь обнаруженiемъ, объективацiей. Внутренней стороной всего существующаго является воля. Все существующее для насъ непосредственно доступно только съ своей внутренней стороны. Все, даже и матерiально существующее, имѣетъ внутреннюю сторону, которая есть не что иное, какъ психическое содержанiе, или воля. Съ точки зрѣнiя Шопенгауера., напр., падающiй камень имѣетъ волю, т. е. падаетъ, руководимый волей. Каждое физическое явленiе имѣетъ соотвѣтствующую психическую

сторону. Эта мысль, которая въ одно время представлялась такой абсурдной, въ настоящее время имѣетъ такихъ защитниковъ, какъ Паульсенъ и Вундтъ, которые, подобно Шопенгауеру, думаютъ, что основой міровой жизни является воля. Весьма замѣтнымъ оказалось вліяніе Шопенгауера также и въ психологіи. Въ психологіи весьма существеннымъ является вопросъ, что нужно считать главной стороной психической жизни, познаніе, чувство или волю. Нѣкоторые, напр., Гербартъ и его школа, думали, что представленіе, моментъ познавательный, нужно считать основой психической жизни. Шопенгауеръ былъ въ числѣ первыхъ, который высказался въ томъ смыслѣ, что основа психической жизни есть стремленіе, воля, моментъ дѣятельный. Это направленіе называется *волюнтаризмомъ* и насчитываетъ въ числѣ своихъ послѣдователей такихъ писателей, какъ Вундтъ, Паульсенъ, Гёфдингъ и др. Съ философомъ, оказавшимъ такое воздѣйствіе на современное міровоззрѣніе, стоитъ ознакомиться въ подлинникѣ. Помимо этого, его система сама по себѣ представляетъ такое законченное цѣлое, что ознакомленіе съ нею дастъ представленіе каждому о томъ, что значитъ «философская система».

Предметомъ перваго выпуска русскаго изданія является вопросъ *о законѣ достаточнаго основанія*, который онъ понимаетъ въ четверoякомъ смыслѣ, смотря по тому, къ какому классу предметовъ онъ примѣняется. Первый классъ возможныхъ предметовъ есть представленіе вещей просто. Въ этомъ классѣ предметовъ законъ достаточнаго основанія обнаруживается просто, какъ законъ *причинности*. Онъ его называетъ закономъ достаточнаго основанія *становленія* (Werdens). Второй классъ предметовъ образуется посредствомъ отвлеченныхъ понятій. Къ нимъ примѣняется законъ достаточнаго основанія *познанія*. Третій классъ предметовъ образуется формальною частью нашихъ представленій, т.-е. апріори данными формами интуиціи, пространствомъ и временемъ. Въ этой области законъ достаточнаго основанія принимаетъ форму *закона бытія*. Четвертый классъ предметовъ образуется посредствомъ нашей воли. Здѣсь законъ достаточнаго основанія проявляется въ формѣ закона дѣйствія и называется *закономъ мотиваціи*.

Переводъ сдѣланъ вполнѣ хорошо. Остается только пожелать, чтобы и дальнѣйшіе выпуски были переведены такъ же хорошо, какъ этотъ первый.

Г. Ч.

Лэддъ. Очеркъ элементарной психологіи. Спб. 1900. Американскій психологъ Лэддъ извѣстенъ тѣмъ, что въ 1887 году издалъ трактатъ по физіологической психологіи, который, по признанію другихъ американскихъ писателей, оказалъ огромное вліяніе на оживленіе интереса къ физіологической психологіи въ Америкѣ. Затѣмъ, спустя нѣкоторое время (въ 1891 г.) онъ выпустилъ сокращенное изданіе этой книги «Outlines of physiological Psychology», которое должно было служить руководствомъ для студентовъ американскихъ университетовъ. Наконецъ, сокращенное изложеніе этой психологіи является теперь на русскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ «Очеркъ элементарной психологіи». Мы вполнѣ признаемъ несомнѣнныя научныя достоинства за книжкой Лэдда, но сомнѣваемся въ практической пригодности ея для русскаго читателя. Мѣстами краткость доходитъ до того, что читатель незнакомый вообще съ психологіей, не пойметъ, въ чемъ дѣло. Можетъ быть, въ американской литературѣ, гдѣ существуютъ и другія, болѣе подробныя сочиненія того же автора, эта книжка имѣетъ большое значеніе, какъ краткое конспективное изложеніе взглядовъ автора, въ нашей же литературѣ эта книжка можетъ имѣть только очень ограниченное значеніе.

Г. Ч.

ЕСТЕСТВОЗНАНIЕ.

Ремсенъ. «Введенiе къ изученiю органической химiи».—*И. Делажъ.* «Наслѣдственность».—*А. Франкъ».* «Болѣзни растенiй».—*Р. Бергъ.* «Курсъ общей эмбрiологiи».—*А. Лейрицъ.* «Противныя животныя».

Библiотека для самообразованiя, издаваемая подъ редакцiей А. С. Бѣлкина. проф. П. Г. Виноградова и др. IV. Ремсенъ. Введенiе къ изученiю органической химiи или химiи углеродистыхъ соединенiй. Переводъ Н. С. Дрентельна съ измѣненiями и дополненiями М. И. Коновалова и съ приложенiемъ статьи проф. Н. Я. Демьянова. Изданiе второе. Москва 1900 г. Пять лѣтъ тому назадъ, когда Московской коммиссiи по организацiи домашняго чтенiя пришлось рекомендовать своимъ читателямъ руководство для первоначальнаго ознакомленiя съ органической химiей, коммиссiя остановилась на книгѣ Ремсена, которая и была ею издана въ составѣ библiотеки для самообразованiя. О первомъ изданiи ея въ свое время мы уже говорили на страницахъ нашего журнала.

Книга эта оказалась въ высокой степени полезной для людей, ищущихъ прiобрѣтенiя познанiй путемъ чтенiя и самообразованiя; читатели могли даже продѣлывать много опытовъ, добывать различныя вещества, пользуясь несложными приборами и руководствуясь тѣми подробными наставленiями, которыя имѣются въ книгѣ. Кромѣ того, книга Ремсена оказалась весьма пригодной для студентовъ при первоначальномъ ознакомленiи съ органической химiей. Конечно, для натуралиста недостаточно тѣхъ свѣдѣнiй, которыя имѣются у Ремсена, и ему придется впослѣдствiи взять одно изъ оригинальныхъ (напр., Н. А. Меншуткина, «Курсъ органической химiи») или переводныхъ (напр. Бернтсена) руководствъ, но все же, для знакомства съ основами науки, для заложенiя прочнаго фундамента, книга Ремсена является незамѣнимой.

Новое второе изданiе отличается отъ перваго лишь въ выгодную сторону. Прибавлено нѣсколько рисунковъ; сдѣланы еще нѣкоторыя добавленiя, изъ которыхъ важнѣйшимъ является статья о бѣлковыхъ веществахъ, написанная проф. Н. Я. Демьяновымъ. Наконецъ, приложенъ алфавитный указатель отсутствiе котораго затрудняло пользованiе книгой.

Такимъ образомъ, разсматриваемая книжка заслуживаетъ полнѣйшаго сочувствiя и самаго широкаго распространенiя. *Б. Федченко.*

Ивъ Делажъ. Наслѣдственность. Извлеченiе подъ редакцiей проф. К. Тимирязева (Научно-популярная библiотека «Русской Мысли»). Москва. 1900. Цѣна 50 коп. Книжка эта представляетъ нѣсколько главъ изъ обширной сводки существующихъ наблюденiй и теорiй по вопросу о наслѣдственности, пять лѣтъ тому назадъ изданной французскимъ ученымъ Ивомъ Делажемъ. Редакторъ извлеченiя, проф. К. Тимирязевъ, ограничился переводомъ тѣхъ главъ, гдѣ сообщаются авторомъ факты и наблюденiя надъ явленiями наслѣдственной передачи признаковъ: самой возможности передачи, способовъ передачи, затѣмъ отдѣломъ объ измѣнчивости; наконецъ третья глава книжки посвящена разсужденiямъ объ образованiи видовъ. Позволяемъ себѣ привести здѣсь конечный выводъ этой главы, съ которымъ, однако, редакторъ «извлеченiя» не соглашается:

«Если желаютъ оставаться на почвѣ исключительно эмпирическихъ фактовъ, надо признать, что образованiе видовъ, однихъ изъ другихъ, не доказано. Теорiя происхожденiя видовъ опирается на индукцiю вполнѣ законную, единственно разумную, единственно научную. Но факты ничего не даютъ, что могло бы убѣдить тѣхъ, кто отказывается отъ всякихъ иныхъ доказательствъ, кромѣ грубо эмпирическихъ».

Въ общемъ, нельзя не быть благодарнымъ проф. Тимирязеву за изданiе

этой книжки, которая дастъ возможность большой публикѣ и начинающимъ натуралистамъ легко ознакомиться съ основными положеніями интереснѣйшаго отдѣла біологіи, тѣмъ болѣе, что изложены факты весьма толково и довольно безпристрастно. *Б. Ф.*

А. Франкъ. Болѣзни растеній. Два выпуска. Спб. 1899 (Книжки «Хозяина» № 8 и 9). Цѣна 1 р. 20 к Переводъ подъ редакціей М. А. Энгельгардта. Пять лѣтъ тому назадъ появился на нѣмецкомъ языкѣ обстоятельный сводъ свѣдѣній по болѣзнямъ растеній, составленный профессоромъ берлинскаго сельскохозяйственнаго института Ф. Франкомъ. Передъ нами находится въ русскомъ переводѣ лишь часть этой сводки, такъ какъ издатель ограничился переводомъ общей части книги Франка—введенія и отдѣла о болѣзняхъ, происходящихъ отъ неорганическихъ причинъ. Объ этомъ нельзя не пожалѣть, такъ какъ книга теряетъ въ смыслѣ цѣльности даваемаго ею представленія о причинахъ болѣзней растеній. Какъ разъ, лишь незначительная часть болѣзней обусловливается тѣми вліяніями среды, о которыхъ идетъ рѣчь въ русскомъ переводѣ книги. Для справокъ же о болѣзняхъ, причиняемыхъ животными, придется искать другую книгу—порекомендуемъ Ѳ. Кеппена, «Вредныя насѣкомыя» 3 т. Спб. 1878—1882 или Брамсона, «Вредныя насѣкомыя», изданіе 2-е, 1896. Для ознакомленія съ болѣзнями, причиняемыми растеніями, можно рекомендовать недавно вышедшую книгу профессора С. Н. Ростовцева: «Болѣзни и повреждения растеній, вызываемыя растительными паразитами». Москва 1899.

Редакторъ русскаго перевода, говоря о предпринимаемыхъ мѣрахъ борьбы съ болѣзнями растеній, указываетъ на серію учрежденій, вѣдающихъ въ разныхъ странахъ западной Европы и Америки эту борьбу, а затѣмъ огорчается по поводу постановки или, вѣрнѣе отсутствія постановки этого дѣла у насъ въ Россіи. Мы можемъ прибавить здѣсь, что въ недалекомъ будущемъ положеніе этого дѣла въ Россіи измѣниться: мы будемъ имѣть спеціалиста по болѣзнямъ растеній и соотвѣтствующую лабораторію для изученія болѣзней и выработки мѣропріятій противъ нихъ. А тѣмъ временемъ порекомендуемъ нашимъ читателямъ обращать при случаѣ вниманіе на попадающіяся имъ поврежденія и болѣзни растеній—это можетъ многимъ доставить интересное занятіе, а въ виду неизученности болѣзней русскихъ растеній, можетъ дать и интересный научный матеріалъ. *Б. Ф.*

Р. С. Бергъ. Курсъ общей эмбріологіи, со 126 рисунками въ текстѣ. Переводъ Б. Сукачева и А. Линко подъ редакціей проф. В. М. Шимкевича. Спб. 1900. Цѣна 2 р. 30 к. Весь чистый сборъ съ изданія поступаетъ въ пользу столовой студентовъ с.-петербургскаго университета. Книга Р. С. Бэрга, профессора копенгагенскаго университета, представляетъ прекрасное, хотя и не очень подробное, введеніе въ науку, и притомъ не только въ эмбріологію, но и вообще въ зоологію, такъ какъ авторъ, по возможности, не останавливаясь на туманныхъ, хотя и заманчивыхъ теоріяхъ, не имѣющихъ подъ собой никакой почвы, даетъ сводъ имѣющихся свѣдѣній по существеннѣйшимъ основнымъ вопросамъ: оплодотворенію, развитію яйца, ученію о зародышевыхъ пластахъ и пр. Весьма интересно также небольшое прибавленіе въ концѣ книги, гдѣ указываются практическіе пріемы для производства опытовъ и наблюденій надъ развитіемъ яицъ, конъюгаціи инфузорій, оплодотворенія и пр. Множество прекрасныхъ политипажей поясняютъ текстъ. Переводъ вполнѣ удовлетворителенъ; желаемъ книгѣ вполнѣ заслуженнаго широкаго распространенія среди натуралистовъ. *Б. Ф.*

А. Лейрицъ. Противныя животныя. Переводъ съ французскаго подъ редакціей И. Я. Шевырева. Спб. 1900. Цѣна 50 коп. Вотъ образецъ не вполнѣ удачной французской популярной книжки! Съ большой развязностью авторъ сообщаетъ массу свѣдѣній, а еще больше анекдотовъ о двухъ-трехъ десяткахъ

животныхъ, называемыхъ имъ «противными», хотя въ компанію эту попали весьма разнообразныя животныя. Къ противнымъ относятся, между прочимъ, и гусеницы, про которыхъ авторъ увѣряетъ, будто ихъ единственная заслуга— это быть кормомъ для весеннихъ пѣвчихъ птицъ. Редакторъ уже сдѣлалъ автору замѣчаніе, къ которому конечно, нельзя не присоединиться: авторъ забылъ о гусеницѣ тутоваго шелкопряда, дающей намъ шелкъ.

Не будемъ однако останавливаться на этой книжкѣ. Любители интересныхъ анекдотовъ изъ жизни животныхъ найдутъ въ ней много для себя поучительнаго. Фактическихъ ошибокъ мы не замѣтили—да ихъ и не пропустилъ бы редакторъ перевода, извѣстный энтомологъ. *Б. Ф.*

НАРОДНЫЯ ИЗДАНІЯ.

«Книга взрослыхъ». Т. III.—*В. Львовъ* «Народная школа».

Третій томъ. «Книги взрослыхъ» предназначается для учениковъ, прошедшихъ уже, по меньшей мѣрѣ, двухлѣтній курсъ воскресной школы или же поступившихъ туда послѣ окончанія курса начальной школы для освѣженія и пополненія своихъ знаній. Начинается третій томъ, какъ и два предъидущіе, съ *религіозно-нравственнаго отдѣла*, въ которомъ помѣщены 9 разсказовъ изъ исторіи церкви первыхъ вѣковъ христіанства.

Отдѣлъ *географическій* знакомитъ читателей съ нѣкоторыми государствами Азіи, Африки, Европы и Америки. Начинаясь описаніемъ малокультурныхъ странъ, какъ Китай, Индія, Египетъ и Турція, отдѣлъ этотъ даетъ дальше описанія Италіи, Швейцаріи, Франціи, Голландіи, Германіи, Швеціи и Норвегіи, заканчиваясь статьями объ Англіи и Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, какъ государствахъ, стоящихъ на вершинѣ культуры нашего времени. Всѣ статьи географическаго отдѣла отличаются достоинствами, уже отмѣченными вообще для статей «Книги взрослыхъ», ясностью, простотою, занимательностью и систематичностью изложенія. Но всѣ онѣ слишкомъ кратки и потому далеко не удовлетворяютъ любознательность читателя, относящагося, какъ извѣстно, съ съ особеннымъ интересомъ къ описанію быта чужихъ странъ. Во всѣхъ же статьяхъ географическаго отдѣла третьяго тома отведено сравнительно много мѣста описанію природы каждой страны и слишкомъ мало и бѣгло сообщается какъ о бытѣ народа и его правахъ, такъ и о государственномъ строѣ страны. О послѣднемъ, даже въ статьяхъ объ Англіи и Франціи говорится по два слова, въ другихъ же, напримѣръ, о Турціи, объ Италіи,—не сказано ровно ничего. Полнѣе другихъ странъ представлены въ «Книгѣ взрослыхъ» Швеція и Норвегія, гдѣ интересна статья о народныхъ университетахъ, Англія и въ особенности Сѣверо-Американскіе Штаты, гдѣ въ статьяхъ о Колумбѣ и Линкольнѣ дается и историческій матеріалъ, а біографія Бичеръ-Стоу и сцена изъ «Хижины дяди Тома» знакомитъ читателя съ картиной рабства негровъ. Вообще же большая часть статей географическаго отдѣла III-го тома «Книги взрослыхъ» можетъ служить скорѣе канвой для разсказовъ преподавателя, чѣмъ матеріаломъ для достаточнаго ознакомленія учащихся съ предметомъ. Жаль также, что въ ряду другихъ нѣтъ описанія Японіи, какъ страны, оригинально соединяющей остатки старой азіатской и начала новой европейской культуры.

Историческій отдѣлъ III тома представляетъ продолженіе русской исторіи, обнимающее время Романовыхъ. Отдѣльные очерки этого отдѣла остаются такъ же мало связанными между собой, какъ и во II-мъ томѣ. Періодъ отъ Смутнаго времени до царствованія Петра Великаго представленъ только статьей о Никонѣ, которая носитъ болѣе біографическій характеръ, да статьей о дон-

скомъ казачествѣ и Ст. Разинѣ. Внутренняя же сторона Московскаго государства этого времени совершенно отсутствуетъ въ «Книгѣ взрослыхъ». О закрѣпощеніи крестьянъ опять-таки не разсказывается совсѣмъ, а въ томъ бѣгломъ упоминаніи этого факта, какое встрѣчается на страницахъ III тома, непосвященный читатель можетъ увидѣть даже противорѣчіе, такъ какъ въ статьѣ о казакахъ сказано: «Прежде крестьяне были вольные и по своему желанію могли переходить отъ одного помѣщика къ другому; при Алексеѣ же Михайловичѣ они лишились возможности покидать нелюбимыхъ помѣщиковъ». Въ статьѣ же «Добрые люди старой Руси» говорится: «Ульяна жила при царѣ Борисѣ Годуновѣ, когда только что было утверждено крѣпостное право». Изъ статей, относящихся къ до Петровской эпохѣ, безусловно полнѣе и лучше другихъ составлены статьи по исторіи Юго-западнаго края и Малороссіи, да еще донскомъ казачествѣ. Статья же «Добрые люди старой Руси» представляется намъ совершенно излишнею роскошью, умѣстной развѣ только въ очень подробномъ курсѣ русской исторіи, такъ какъ носитъ скорѣе біографическій, чѣмъ историческій характеръ, а мѣста занимаетъ столько же, сколько, напримѣръ, статья о дѣятельности Петра Великаго. Исторія Петра Великаго разсказана въ трехъ статьяхъ: «Дѣтство и юность Петра Великаго», «Путешествіе Петра Великаго за границу» и «Дѣятельность Петра Великаго». Статьи эти составлены живо и интересно, но о реформахъ Петра сказано опять-таки слишкомъ мало. Очеркъ царствованія Екатерины II сдѣланъ вообще удачно, но значеніе ея реформъ не можетъ быть понятно читателю безъ знакомства съ порядками, господствовавшими прежде; таково, напримѣръ, значеніе «жалованной грамоты» дворянству, усиленіе крѣпостного права, отдѣленіе суда отъ администраціи и т. п. Дальнѣйшій періодъ русской исторіи вплоть до реформъ Александра II, изображенъ лишь въ статьяхъ, описывающихъ войны и военныхъ дѣятелей этого времени. Въ самомъ дѣлѣ, и въ «Книгѣ взрослыхъ»» мы видимъ обычное для хрестоматій предпочтеніе описаніямъ войнъ. Такъ, мы встрѣчаемъ тамъ жизнеописаніе Суворова, разсказъ о войнѣ 12-го года, отдѣльныя статьи о севастопольской оборонѣ, о кавказской, и среднеазіатской и наконецъ о русско-турецкой войнахъ. Статьи эти иллюстрируются стихотвореніемъ «Бородино», двумя отрывками изъ Л. Толстого и разсказомъ Немировича-Данченко. Реформамъ Императора Александра II посвящено три статьи; изъ нихъ читатель получитъ существенныя свѣдѣнія о реформахъ крестьянской, судебной, воинской повинности, земскаго и городского самоуправленія и объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія. Слабѣе другихъ статья объ отмѣнѣ крѣпостнаго права; даже въ ней не дано характеристики крѣпостного права, какъ и во всемъ историческомъ отдѣлѣ, кромѣ того совсѣмъ не упоминается о вліяніяхъ, подготовившихъ паденіе крѣпостного права, какъ напр., вліяніе литературы и др. Итакъ, разсматривая историческій отдѣлъ III тома, мы можемъ придти къ заключенію, что онъ въ цѣломъ также не удовлетворяетъ требованіямъ, поставленнымъ самими составителями программы русской исторіи, какъ и во II-мъ томѣ.

Отдѣлъ физики знакомитъ читателя съ главными физическими явленіями и свойствами тѣлъ; по словамъ составительницъ «Книги взрослыхъ» онъ имѣетъ въ виду объяснить тѣ физическія явленія, съ которыми человѣкъ постоянно сталкивается и которыя въ несвѣдущихъ людяхъ вызываютъ недоумѣніе и создаютъ суевѣрія». Статьи изложены очень ясно и сопровождаются довольно многочисленными указаніями на доступные опыты. Наиболѣе подробно составлена статья объ электричествѣ и различныхъ примѣненіяхъ его.

Отдѣлъ химіи и технологіи даетъ сначала знакомство съ химическими свойствами тѣлъ въ статьяхъ о водѣ, воздухѣ, горѣніи, водородѣ, о простыхъ и сложныхъ тѣлахъ и т. п. Затѣмъ слѣдуетъ рядъ статей по технологіи, знакомящихъ читателя съ различными производствами: стекла, спиртныхъ напит-

ковъ и уксуса, съ приготовленіемъ мыла и свѣчей, бумаги, съ выдѣлкой кожъ и т. п. Отъ описанія машиннаго производства бумаги естественный переходъ къ подробной статьѣ о паровой машинѣ, а затѣмъ послѣ біографіи Г. Стефенсона дается отдѣльная большая статья о желѣзной дорогѣ. Отдѣлъ этотъ, вообще рѣдко встрѣчающійся въ обычныхъ хрестоматіяхъ, несомнѣнно заинтересуетъ взрослаго читателя и дастъ ему довольно много матеріала для «знакомства съ окружающимъ міромъ и условіями жизни».

Отдѣлъ гигіены знакомитъ читателя съ устройствомъ человѣческаго тѣла и съ важнѣйшими гигіеническими условіями его существованія; въ отдѣльныхъ статьяхъ разбираются вопросы о приготовленіи пищи и объ устройствѣ жилища, рекомендуются мѣры предохраненія отъ заразныхъ болѣзней и въ послѣдней статьѣ даются совѣты матерямъ объ уходѣ за дѣтьми. Конечно, большая часть рекомендуемыхъ гигіеническихъ мѣръ совершенно невыполнимы при тѣхъ матеріальныхъ условіяхъ, въ какихъ приходится жить большинству учащихся въ воскресныхъ школахъ, но это не мѣшаетъ, конечно, признать знакомство съ отдѣломъ гигіены, вообще очень полезнымъ.

Предпослѣдній отдѣлъ третьяго тома носитъ названіе «Азбука законовѣдѣнія». Въ немъ сначала выясняются общія понятія государства, закона и его примѣненія, а затѣмъ эти же понятія представляются въ болѣе конкретномъ видѣ, въ ихъ примѣненіи въ Россіи. Такъ, въ статьѣ: «Законъ въ Россіи» указано содержаніе Свода Законовъ и показанъ процессъ составленія новыхъ и отмѣны дѣйствующихъ законовъ въ Россіи. Въ статьѣ «Верховная власть и подчиненныя власти въ Россіи» объясняется значеніе верховной самодержавной власти Государя и сообщается объ учрежденіяхъ высшихъ, центральныхъ и мѣстныхъ, какъ органахъ законодательной и исполнительной власти. Отдѣльная статья трактуетъ вопросъ о мѣстномъ самоуправленіи вообще и въ частности о земскомъ и сельскомъ, о послѣднемъ особенно подробно. Въ слѣдующей затѣмъ статьѣ «Судъ» указаны общія основы судопроизводства и лишь очень кратко говорится о функціяхъ различныхъ судебныхъ установленій Россіи; напримѣръ, о Сенатѣ сказано слишкомъ мало, а о значеніи апелляціи и кассаціи, также объ институтѣ присяжныхъ повѣренныхъ, и совсѣмъ ничего. Кромѣ того, слѣдовало бы больше остановиться на различіи понятій судебной и админстративной власти. Послѣдняя статья этого отдѣла «человѣчество, какъ союзъ государствъ» даетъ понятіе о международномъ правѣ. Какъ можно видѣть изъ краткаго пересказа содержанія «Азбуки законовѣдѣнія» знакомство съ нею дастъ читателю много данныхъ для болѣе сознательнаго отношенія къ обязательнымъ для него условіямъ общественной жизни. «Азбука законовѣдѣнія» несомнѣнно самый трудный отдѣлъ изъ всей «Книги взрослыхъ», трудный не только для читателя, но и для составителей, которые въ общемъ справились со своей задачей вполнѣ успѣшно. Но какъ ни просто написаны статьи этого отдѣла, тѣмъ не менѣе онѣ по самому своему характеру въ значительной мѣрѣ абстрактны, а потому могутъ быть доступны лишь наиболѣе развитымъ ученикамъ воскресной школы. Отдѣлъ законовѣдѣнія въ такомъ видѣ представляетъ собою новшество для подобныхъ хрестоматій и новшество вполнѣ умѣстное и полезное именно въ «Книгѣ взрослыхъ».

Третій томъ «Книги взрослыхъ» заканчивается *литературно-біографическимъ* отдѣломъ, составленнымъ по такому же плану, какъ и во II-мъ томѣ. Матеріалъ этого отдѣла, какъ и слѣдовало ожидать, серьезнѣе, содержательнѣе и разнообразнѣе, чѣмъ во II-мъ томѣ. Выборъ отрывковъ изъ произведеній нашихъ лучшихъ писателей-беллетристовъ: Достоевскаго, Гоголя, Толстого, Щедрина, Григоровича, Короленко, Станюковича, Мачтета и др., сдѣланъ очень удачно; то же можно сказать и о выборѣ стихотвореній, въ особенности произведеній Некрасова, которому обыкновенно въ хрестоматіяхъ даже самыхъ

обширныхъ отводится слишкомъ мало мѣста. Намъ думается, что въ литературномъ отдѣлѣ III-го тома составительницамъ удалось достигнуть поставленной ими цѣли: «нравственно воздѣйствовать на учащихся, развить въ нихъ вкусъ ко всему поэтическому, прекрасному, высокому». Что касается отдѣла *біографическаго*, то мы видимъ въ немъ біографіи поэтовъ Никитина, Шевченка и Пушкина, художника Перова и композитора Бетховена; кромѣ того біографіи механика-самоучки Кулибина, тюремнаго филантропа Говарда, Даміана-де-Вестера—миссіонера, посвятившаго жизнь уходу за прокаженными, и Елизаветы Блекуэль—первой женщины, врача. Несмотря на все кажущееся разнообразіе профессій и поля дѣятельности лицъ, о которыхъ сообщается въ біографіяхъ перваго, втораго и третьяго томовъ «Книги взрослыхъ», въ нихъ можно отмѣтить одну общую черту, которую легко можно было бы принять за извѣстную тенденцію, если бы въ предисловіи не заявлялось такъ рѣшительно о намѣреніи оградить себя отъ всякой тенденціозности. Если оставить въ сторонѣ біографіи писателей и ученыхъ и разсматривать біографія общественныхъ дѣятелей, то мы увидимъ, что составители отдѣла какъ бы избѣгаютъ всего яркаго, героическаго, проявленій борьбы съ извѣстнымъ общественнымъ строемъ и міросозерцаніемъ, а останавливаютъ вниманіе исключительно на дѣятельности людей, стремившихся къ смягченію страданій и облегченію положенія жертвъ этихъ условій. Изъ предисловія мы узнаемъ, что составители отдѣла имѣли цѣлью «показать, что на всякомъ поприщѣ можно приносить пользу человѣчеству; рядомъ съ міровыми геніями мы видимъ самыхъ скромныхъ тружениковъ, доказывающихъ своею жизнью, что величіе нравственнаго образа не стоитъ въ связи съ размѣрами дѣятельности». Безспорно біографіи такихъ людей, какъ докторъ Гаазъ, Дам. де-Вестеръ, Фл. Найтингелъ, Дж. Говардъ и др., имѣютъ большое воспитательное значеніе, но развѣ біографіи людей, направлявшихъ свои силы, напримѣръ, на освобожденіе своей родины, какъ Вашингтонъ, Гарибальди, Жанна д'Аркъ, Вильг. Телль и множество другихъ, не имѣли бы такого же, а можетъ быть, и большаго вліянія? Между тѣмъ изъ дѣятелей подобнаго рода мы встрѣчаемъ лишь Линкольна, біографія котораго помѣщена притомъ не въ литературно-біографическомъ, а въ географическомъ отдѣлѣ III-го тома. Благодаря именно такому выбору біографій, біографическій отдѣлъ II-го и III-го т.т. производитъ нѣсколько однообразное, уныло-тусклое впечатлѣніе.

Въ концѣ второго и третьяго томовъ приложены отдѣлы церковно-славянскаго чтенія.

Подводя итоги всему сказанному о всѣхъ трехъ томахъ «Книги взрослыхъ», мы видимъ, что они содержатъ въ себѣ массу матеріала, богатаго полезными свѣдѣніями изъ многихъ отраслей наукъ, а также образцами художественнаго творчества лучшихъ нашихъ писателей. Систематичность въ распредѣленіи этого матеріала и строгая выдержанность въ изложеніи, всегда ясномъ и понятномъ для читателя соотвѣтствующаго уровня развитія—все это дѣлаетъ «Книгу взрослыхъ» весьма цѣннымъ вкладомъ въ нашу учебно-популярную литературу. Если же принять во вниманіе полное отсутствіе книгъ, составленныхъ примѣнительно къ потребностямъ преподаванія въ воскресныхъ школахъ, то тѣмъ болѣе можно привѣтствовать появленіе въ свѣтъ «Книги взрослыхъ».

«Книга даетъ матеріала значительно больше, чѣмъ требуется на три года обученія въ воскресной школѣ», но дѣло преподавателя выбрать тотъ или иной матеріалъ для чтенія и остановиться подольше на томъ отдѣлѣ, который наиболѣе соотвѣтствуетъ интересамъ и желаніямъ его учащихся. Составительницы намѣрены въ непродолжительномъ времени дать брошюру съ болѣе подробными свѣдѣніями о составленіи «Книги взрослыхъ» и пользованіи ею въ

воскресныхъ школахъ. Брошюра эта обѣщаетъ быть очень интересной и поможетъ, вѣроятно, преподающимъ успѣшнѣе вести дѣло преподаванія по «Книгѣ взрослыхъ». Въ заключеніе намъ остается сказать еще о внѣшнемъ видѣ изданія: всѣ три тома «Книги взрослыхъ» изданы прекрасно, почти безъ опечатокъ, и иллюстрированы множествомъ рисунковъ, по большей части очень хорошо исполненныхъ. Цѣна всѣхъ трехъ книгъ сравнительно съ достоинствами изданія очень не высока. *М. Б.*

Народная школа. Книга для чтенія для воскресныхъ и начальныхъ школъ. Составилъ Владиміръ Львовъ. Старшій возрастъ. Часть I. Съ 212 рис. Стр. 373. Цѣна 70 к. Москва 1899 г. Книга г. Львова вышла въ свѣтъ почти одновременно съ 1-мъ томомъ «Книги взрослыхъ» и тоже, по словамъ автора, приноровлена, какъ по содержанію статей, такъ и по ихъ изложенію, къ интересамъ взрослаго читателя. Главная цѣль ея—дать матеріалъ для объяснительнаго чтенія въ воскресныхъ школахъ. Вышедшая уже въ свѣтъ книга г. Львова есть только первая часть задуманной имъ работы. Она заключаетъ въ себѣ статьи по естествознанію, вторая же, послѣдующая часть книги, по словамъ автора, будетъ заключать въ себѣ описаніе физическихъ явленій природы и очерки по географіи Россіи. Первая часть книги «Народная школа», по своему содержанію дѣлится на два отдѣла: въ первомъ помѣщены статьи объ устройствѣ человѣческаго тѣла и рядъ очерковъ по зоологіи, во второмъ—статьи по ботаникѣ, а также статьи, описывающія добываніе и производство нѣкоторыхъ продуктовъ.

Расматривая книгу «Народная школа» въ ея цѣломъ, мы видимъ, что она даетъ очень много интересныхъ и полезныхъ свѣдѣній по естествознанію, при томъ расположенныхъ въ строго систематическомъ порядкѣ и изложенныхъ въ доступной, а мѣстами и въ художественной формѣ. Книга г. Львова несомнѣнно поможетъ читателю пріобрѣсти тотъ свѣтлый, ясный взглядъ на предметы и явленія окружающей жизни, о которомъ говорится въ эпиграфѣ. Но несмотря на всѣ достоинства книги «Народная школа», она не можетъ служить въ качествѣ книги для чтенія въ воскресной школѣ. Предметомъ книги г. Львова являются лишь нѣкоторые отдѣлы естествознанія, между тѣмъ при ограниченности своего учебнаго времени воскресная школа не можетъ ограничиться чтеніемъ статей только по естествознанію даже въ теченіе одного учебнаго года. Воскресная школа нуждается въ разнообразномъ научномъ и художественномъ матеріалѣ для чтенія. Все это не мѣшаетъ, конечно, признать книгу г. Львова очень полезной какъ для начальной дѣтской, такъ и для воскресной школы, гдѣ она можетъ служить отличнымъ пособіемъ для объяснительнаго чтенія по естествознанію. Указанія составителя облегчають пользованіе его книгой для названной цѣли. Кромѣ того, «Народная школа» можетъ быть очень полезна и для преподавателя, который будетъ имѣть подъ рукой готовый матеріалъ и для своихъ устныхъ бесѣдъ съ учениками по затрагиваемымъ въ нихъ вопросамъ.

Внѣшняя сторона книги «Народная школа» очень хороша, обиліе хорошихъ рисунковъ и цѣна не высока. *М. Б.*

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

(съ 15-го мая по 15-е іюня 1900 года).

Н. А. Соловьева-Несмѣлова. Король Вонифатій I, король Генрикъ IV и королевичъ Марко. Король Генрикусъ V. Переработка и пересказъ изъ народныхъ русскихъ сказокъ. Изд. редакціи журнала «Дѣтское чтеніе». М. 1900 г. Ц. 5 коп.

Е. Н. Тихомировой пересказано съ франц. Пумъ. Изъ исторіи маленькаго мальчика. Изд. ред. журн. «Дѣтское чтеніе». М. 1900 г. Ц. 30 к.

Разсказы Киплинга. Книжка 2-я съ англ. А. Н. Рождественской. Изд. ред. журн. «Дѣтское чтеніе». Съ рисунками. М. 1900 г. Ц. 40 коп.

По Элизе Реклю. Ручей и его исторія. Д. А. Коробчевскаго. Изд. ред. журн. «Дѣтское Чтеніе» съ рисунками. М. 1900 г. Ц. 50 коп.

М. Горькій. Разсказы. Т. I. Изд. Т-ва «Знаніе». Спб. 1900 г. Ц. 1 руб.

Е. И. Конради. Собраніе сочиненій. Т. II. Подъ ред. М. А. Антоновича. Изд. В. А. Баландиной. Спб. 1900 г. Ц. 2 р. 75 коп.

К. Д. Кавелина. Собраніе сочиненій. Т. 4-й. Этнографія и правовѣдѣніе. Съ примѣч. проф. Д. А. Корсакова. Спб. 1900 г. Ц. 4 руб.

Ежегодникъ. Сельско-хозяйственныя колоніи при Бакинской Императора Александра III мужской гимназіи. № 1. Отчетъ за 1898 и 1899 гг. Баку 1899 г. Ц. 5 руб.

Птицы Европы. Составили проф. Н. А. Холодковскій и А. А. Силантьевъ. Вып. 7-й. Изд. А. Ф. Девріена. Спб. 10-й вып. Подписная ц. 14 руб.

О. Петерсонъ и Е. Балабановой. Западно-Европейскій эпосъ и средневѣковой романъ. Въ трехъ томахъ. Т. III Германія. Спб. 1900 г. Ц. 2 руб.

В. Михельсонъ. Опытъ краткаго сборника научныхъ примѣтъ о погодѣ. М. 1900 г.

Отчетъ 1899 г. Лѣтнихъ колоній московскихъ городскихъ начальныхъ училищъ. М. 1900 г.

Всеподданѣйшій отчетъ строителя образцоваго огнестойкаго сельскаго поселка. Спб. 1899 г.

Н. Кабардинъ. О русскихъ нуждахъ. Спб. 1900 г. Ц. 2 руб.

Пожарный Букварь. Бесѣда первая. М. 1900 г. Ц. 15 коп.

Н. П. Дружининъ. Новое сельское общество. М. 1900 г. Изд. Д. И. Тихомирова. Ц. 50 коп.

Докторъ Р. Павловская. Берлинскій конгрессъ. Борьба съ чахоткой въ Германіи и Россіи. Спб. 1899 г.

Н. П. Дружининъ. Сельскій староста. Изд Д. И. Тихомирова. Ц. 10 коп.

С. М. Пропперъ. Казенная продажа питей и общественное мнѣніе. Спб. 1900 г. Изд ред. «Биржевыя Вѣдомости».

Э. дю-Буа-Реймонъ. Культурная исторія и естествознаніе. Перев. съ нѣмецк. подъ ред. С. И. Ершова. Изд. Н. В. Сипюшина. М. 1900 г. Ц. 35 коп.

Отчетъ Общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ за 1898 и 1899 гг. Спб. 1900 г.

Н. Бородинъ. Рыбоводство и рыбный промыселъ въ Западной Европѣ и Сѣверной Америкѣ. М. З. и Г. И. Департаментъ земледѣлія. Спб. 1900 г.

Отчетъ за 1899 г. Общества Приморскихъ санаторій для хронически больныхъ дѣтей. Спб. 1900 г.

А. К. Булатовичъ. Съ войсками Менелика II-го. Спб. 1900 г. Ц. 3 руб.

Сборникъ свѣдѣній по Саратовской губ. за 1899 г. Вып. I-й. Саратовъ. 1900 г.

А. С. Суворинъ. Поддѣлка «Русалки» Пушкина. Сборникъ статей и замѣтокъ. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1900 г. Ц. 1 руб.

Отчетъ за 1899 г. Полтавскаго Общества содѣйствія физическому воспитанію дѣтей. Полтава. 1900 г.

Ст. Воскр-ій. О причинѣ происхожденія мужского или женскаго потомства. Томскъ. 1900 г. Ц. 15 коп.

Отчетъ за 1898 г. Общества изученія Амурскаго края. Владивостокъ. 1899 г.

Кр-скій. Беззаботное неряшество. Наше отнощеніе къ искусству. Теорія Л. Н. Толстого. Спб. 1900 г. Ц. 25 коп.

Отчетъ за 1899 г. Херсонской общественной библіотеки и ея отдѣленія. Херсонъ. 1900 г.

Отчетъ Совѣта Общества распространенія начальнаго образованія въ Нижегородской губ. и Комитета по постройкѣ зданія народнаго театра. Н.-Новгородъ. 1900 г.

Франсуа Коппе. Жертвы любви. Романъ. Перев. съ франц. Н. Сазоновой. Изд. Д. П. Ефимова. М. 1900 г. Ц. 60 коп.

Альбертъ Лондъ. Практическое руководство проявленія. Перев. Н. Н. Цуканова. Спб. 1900 г. Ц. 1 руб.

Е. И. Орловъ. Техническій анализъ. Вып. III-й. Изд. К. И. Тихомирова. М. 1900 г. Ц. 75 коп.

Е. Свѣшниковой. Старая сказка про Кандида Простодума. М. 1900 г.

Вл. Тюринъ. Нѣсколько словъ о моихъ экспонатахъ. Спб. 1900 г.

В. Н. Дмитріевъ. О духовныхъ завѣщаніяхъ и о наслѣдованіи по закону. Спб. 1900 г. Ц. 50 коп.

Художника В. В. Верещагина. Въ Севастополѣ. Разсказъ. М. 1900 г. Ц. 40 коп.

Л. Кржнвицкій. Физическая антропологія. Перев. съ польскаго. С. Д. Романько-Романовскаго. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1900 г. Ц. 80 коп.

Отчетъ за 1899 г. Тифлисскаго Общества взаимнаго вспоможенія учительницъ и воспитательницъ. Тифлисъ. 1900 г.

И. Нуссбаума. Новыя теченія въ области криминалистики. Житоміръ. 1900 г. Ц. 30 коп.

Дм. Жолчинъ. Царственный домъ Романовыхъ. Спб. 1900 г. Ц. 1 р. 50 к.

Н. Юрьинъ. Городокъ. Сказка съ рисунками. С. Мамотина. М. 1900 г. Ц. 75 к.

Отчетъ за 1899 г. Воронежской библіотеки имени А. В. Кольцова. Воронежъ. 1900 г.

Очеркъ 25-ти-лѣтней дѣятельности Черниговскаго городского общественнаго банка. Черниговъ. 1900 г.

Владиміръ Соловьевъ. Три разговора. Спб. 1900 г. Ц. 1 р. 50 коп.

Я. Демченка. Образованіе и сочетаніе словесныхъ звуковъ. Кіевъ. 1900 г. Ц. 25 к.

В. Я. Смирновъ. Воспитательно-образовательное значеніе поэзіи Пушкина для русскаго общества. Пермь. 1899 г. Ц. 25 к.

Его же. Жизнь и поэзія Н. М. Языкова. Пермь. 1900 г. Ц. 1 р. 50 к.

Я. Демченка. О наводненіи Арало-Каспійской низменности для улучшенія климата прилегающихъ странъ. Кіевъ. 1900 г. Ц. 80 коп.

Проф. И. П. Бородина. Курсъ анатоміи растеній съ 254 рисунками. Изд. М. О. Вольфа. Спб. 1900 г. Ц. 2 р. 50 к.

Отчетъ за 1899 г. Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. Спб. 1900 г.

Матеріалы къ оцѣнкѣ земель Нижегор. губ. Н.-Новгородъ. Изд. нижегородскаго губернскаго земства. 1900 г.

Д. Котляръ. Герои южной Африки. Очерки. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1900 г. Ц. 60 к.

Проф. А. Н. Краснова. Индія и Цейлонъ. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1900 г. Ц. 40 к.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«Democracy and Empire» by Franklin Henry Giddings. Prof. in Columbia University. New-York. (Macmillan Company). (Демократія и имперія). Книга въ высшей степени интересная и очень содержательная, въ особенности главы «О психологіи общества» и «Стоимости имперіи». Единственный недостатокъ этого почтеннаго труда заключается въ имперіалисткихъ воззрѣніяхъ автора, выставившаго своимъ девизомъ «демократическій имперіализмъ», который онъ проповѣдуетъ своимъ читателямъ.

(Daily News).

«La Philosophie Sociale du XVIII siècle et la Revolution», par Alfred Espinas. Paris. (Félix Alcan). (Соціальная философія XVIII вѣка и революція). Профессоръ университета въ Бордо, авторъ этой книги, стремится изслѣдовать съ строго научной точки зрѣнія значеніе соціальнаго вопроса во Франціи въ періодъ французской революціи, также какъ и отношенія, существующія между соціализмомъ и революціей.

(Journal des Débats).

«Prisoners their own Warders», a record of the convict prison at Singapore by Mc. Nair. With chaps and illustrations Westminster. (Archibald Constable). (Надзиратели-арестанты). Эта книга, заключающая въ себѣ описанія сингапурской тюрьмы, представляетъ соціально политическій интересъ, такъ какъ сообщаетъ результаты опыта, сдѣланнаго въ Сингапурѣ, гдѣ арестанты работаютъ на свободѣ и надзиратели за ними выбираются изъ ихъ же среды. По словамъ автора, такая система назначенія арестантовъ на офиціальныя должности принесла хорошіе плоды и авторъ думаетъ, что то, что возможно въ Азіи, по всей вѣроятности возможно и въ Европѣ.

(Daily News).

«The Life of John Ruskin» by I. W. Collingwood. London. (Methuen and C°). (Жизнь Джона Рёскина). Эта новая біографія Рёскина занимаетъ по полнотѣ одно изъ первыхъ мѣстъ среди сочиненій подобнаго рода. Авторъ прекрасно обрисовываетъ различныя фазы, которыя переживалъ Рёскинъ въ интеллектуальномъ отношеніи и изучалъ ихъ значеніе и отраженіе въ его ученіи. Книга очень хорошо написана и читается съ большимъ интересомъ.

(Daily News).

«De moderne Vegetarianismus» von Ferdinand Hüppe (Hirshwald). Berlin. (Современный вегетаріанизмъ). Несмотря на то, что книга эта издана съ цѣлями полемики и преисполнена полемическаго задора, тѣмъ не менѣе, она представляетъ интересъ для всѣхъ противниковъ этого ученія, которые могутъ почерпнуть изъ нея данныя, говорящія въ защиту ихъ теорій и опровергающія пользу и значеніе искусственнаго вегетаріанства, насчитывающаго такъ много адептовъ въ настоящее время.

(Frankfurter Zeitung).

«Die Frauen in der Geschichte des deutschen Geisteslebens des XVIII und XIX Jahrhunderts» von Adalbert v. Hanstein. Leipzig. (Freund und Wittig). (Женщины въ исторіи нѣмецкой умственной жизни XVIII и XIX столѣтія). Доцентъ берлинской академіи Гумбольдта, Адальбертъ Ганштейнъ, задался цѣлью написать историческій обзоръ дѣятельности женщинъ въ Германіи. Названная книга представляетъ второй томъ его труда; первый вышелъ нѣсколько раньше и посвященъ былъ современнымъ писательницамъ. Во второмъ томѣ авторъ занимается женщинами, игравшими болѣе или менѣе видную роль въ умственномъ движеніи въ Германіи въ XVIII и XIX вѣкѣ самостоятельно и въ качествѣ сотрудницъ и помощницъ знаменитыхъ дѣятелей и писателей.

(Frankfurter Zeitung).

«Die Medizin im neunzehnten Jahrhundert» von d-r G. Korn. (Siegfried Cronbach). Berlin. (Медицина въ XIX вѣкѣ). Этотъ двухтомный трудъ входитъ въ составъ энциклопедіи, которая издается подъ заглавіемъ: «Am Ende des Jahrhunderts» (Въ концѣ столѣтія). Авторъ этого медицинскаго обзора

въ первой части знакомитъ образованнаго читателя съ главными моментами развитія медицинской науки и старается выяснить ихъ значеніе. Во второй части онъ говоритъ о соціально-политической роли современной медицины и старается освѣтить ее должнымъ образомъ. При этомъ авторъ даетъ сжатый обзоръ успѣховъ народной и общественной гигіены и въ особенности останавливается на борьбѣ съ эпидеміями. Уходу за помѣшанными и реформами, которыя введены въ области психіатріи, авторъ посвящаетъ отдѣльныя главы. Вообще трудъ этотъ можно смѣло назвать содержательнымъ и рекомендовать всѣмъ интересующимся прогрессомъ какъ индивидуальной, такъ и соціальной медицины.

(Frankfurter Zeitung).

«Das Gesetz der psychischen Erscheinungen» Eine wirksame Hypothese für das Studium des Hypnotismus, Spiritismus, der geistigen Therapeutik etc. von Thomas Jay Hudson Aus dem englischen. (Arwed Strauch). Leipzig. (Законъ психологическихъ явленій). Авторъ изслѣдуетъ психическія явленія исключительно съ научной точки зрѣнія, причемъ къ разряду этихъ явленій онъ причисляетъ также и спиритическія явленія, признавая вполнѣ ихъ реальность, но отвергая совершенно то дѣтское объясненіе этихъ явленій, которое принимается адептами спиритизма. Авторъ посвящаетъ особенно много вниманія всѣмъ этимъ явленіямъ, стараясь подыскать для нихъ научное объясненіе. Всѣ интересующіеся областью психическихъ явленій могутъ найти въ этой книгѣ очень много цѣннаго матеріала и научныхъ указаній.

(Frankfurter Zeitung).

«Somnambulismus and Spiritismus» von L. Lawenfeld. (Сомнамбулизмъ и спиритизмъ). Книга эта составляетъ первый выпускъ предпринятой авторомъ, — извѣстнымъ писателемъ и врачемъ нервныхъ болѣзней, — серіи изданій, подъ общимъ названіемъ «Grenzfragen des Nerven und Seelenlebens». Авторъ предназначаетъ свои сочиненія для образованныхъ людей всѣхъ классовъ. Прежде всего онъ ставитъ вопросъ о сомнамбулизмѣ на строгонаучную почву и знакомитъ читателя со всѣми новѣйшими изслѣдованіями въ этой области. Описывая различныя явленія гипноза, авторъ вступаетъ въ область близко примыкающую къ спиритизму и отыскиваетъ научное объясненіе различнымъ спиритическимъ явленіямъ. Что касается ясновидѣнія, то авторъ заявляетъ, что ни ему самому, ни другимъ серьезнымъ ученымъ изслѣдователямъ не пришлось наблюдать ни разу ни одного съ достовѣрностью установленнаго случая ясновидѣнія. Телепатію онъ однако, допускаетъ и пробуетъ объяснить это явленіе аналогіей съ безпроволочнымъ телеграфомъ Маркони, но самъ при этомъ сознаетъ, что сравненіе это далеко не выдерживаетъ критики. Тѣмъ не менѣе въ книгѣ заключается очень цѣнный и строго научный матеріалъ, касающійся такихъ вопросовъ, которые въ особенности сильно интересуютъ общество.

(Frankfurter Zeitung).

«Better-World Philosophy» Asocialogical Synlhesis. By I. Howard Moore. Chicago. (The Ward Wangh Company). (Философія лучшаго міра). Обыкновенно подъ словами «лучшій міръ» понимается «міръ загробный», но авторъ вовсе не имѣетъ въ виду загробную жизнь, а жизнь современную и стремится найти причины соціальныхъ золъ и средства борьбы съ ними. Онъ обсуждаетъ важнѣйшія проблемы современной жизни съ наивозможною полнотой и безпристрастіемъ. Особенно хорошо написаны главы о культурѣ расъ и индивидуальной культурѣ.

(Frankfurter Zeitung).

«On the eve of the War» a narrative of impressions during a journey in Cape Colony, the Free State, the Transvaal, Natal and Rodesia, by Evelyn Cecil. London. (John Murray). (Наканунѣ войны). Эта книга представляетъ интересъ въ томъ отношеніи, что авторъ ея—близкій родственникъ и довѣренное лицо лорда Солисбюри, посѣтившій южную Африку передъ самымъ объявленіемъ войны. Авторъ былъ принятъ президентами Крюгеромъ и Штейномъ передъ самою отправкою ультиматума. Разсказъ его о томъ, что происходило тогда въ Трансваалѣ, не лишенъ интереса, хотя авторъ и относится ко всѣмъ предшествующимъ и послѣдующимъ событіямъ почти исключительно съ англійской точки зрѣнія.

(Frankfurter Zeitung).

«L'Angleterre et l'Impérialisme» par Victor Bérard. (Англія и имперіализмъ). Книга эта носитъ вполнѣ современный характеръ, такъ какъ авторъ ея изучаетъ постепенное развитіе имперіализма въ Англіи и тѣ условія, которыя содѣйствовали его успѣху въ англійскомъ обществѣ.

(Revue internationale).

«Le caractère et la main» par Julien Lederegs. (Характеръ и рука). Авторъ вовсе не имѣетъ въ виду излагать въ своей книгѣ теорію хиромантіи и говоритъ, что ложное направленіе, принятое этою наукой, лишило ее значенія, между тѣмъ какъ принципъ, давшій ей начало, вполнѣ вѣренъ. Рука, какъ и лицо, имѣетъ свою индивидуальность, и авторъ полагаетъ, что главныя черты человѣческаго характера должны быть выражены въ рукѣ. Свое изслѣдованіе авторъ сопровождаетъ схемами и графическими изображеніями и прилагаетъ тридцать фотографій, снятыхъ съ рукъ разныхъ знаменитостей.

(Revue de Paris).

«A white Woman in Central Africa» by Helen Caddick. London. (Fisher Unwin). (Бѣлая женщина въ центральной Африкѣ). Авторъ этой книги—путешественница миссъ Каддикъ, побывала нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ южной Африкѣ, Трансваалѣ и Наталѣ и затѣмъ отправилась къ озеру Танганайка. На миссіонерскомъ пароходѣ она поднялась по Замбезе до города Катунга, а оттуда уже продолжала свое путешествіе разными способами, и главнымъ образомъ, въ особенно устроенной корзинѣ, представляющей родъ гамака, подвѣшеннаго на бамбуковой палкѣ, который несли чернокожіе. Нисколько не смущаясь тѣмъ, что она была одна среди туземцевъ, миссъ Каддикъ, въ сопровожденіи 14 черныхъ носильщиковъ, благополучно достигла озера. Она очень занимательно описываетъ свое путешествіе и разныя приключенія, по счастію для нея не носившія особенно драматическаго характера. Интересно также описаніе ирландской колоніи, основанной въ Шире по идеѣ Ливингстона и носящей имя его родины—Бланшайтъ. Въ этой колоніи все цвѣтетъ и благоухаетъ и имя каждаго изъ ея жителей непремѣнно начинается приставкой «Мас». Вокругъ колоніи находятся прекрасныя кофейныя и табачныя плантаціи, а въ самой колоніи есть очень хорошая школа и красивая церковь; вообще колонія носитъ характеръ вполнѣ цивилизованнаго мѣстожительства. Затѣмъ миссъ Каддикъ описываетъ различныя миссіонерскія станціи, которыя ей пришлось посѣтить во время ея странствованія и разсказываетъ о своихъ встрѣчахъ и сношеніяхъ съ туземцами. Простота ея разсказа производитъ на читателя очень выгодное впечатлѣніе. (Manchester Guardian).

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

— Кажется, вышло очень красиво,— говорила Люси смущеннымъ голосомъ.— И, право, я не знаю, какъ мнѣ благодарить васъ.

Она стояла въ дверяхъ комнаты м-рсъ Бергойнъ, въ новомъ платьѣ изъ бѣлаго крепа, сшитомъ по указаніямъ Элеоноры. Платье было такъ изящно и красиво, что она сама не узнавала себя въ немъ. Двѣ горничныя, одѣвавшія ее, позаботились и объ остальныхъ принадлежностяхъ ея туалета: заново-отдѣланная шляпка, бѣлыя перчатки, свѣтлый зонтикъ, розы у пояса—все это было приготовлено для нея; ей не было позволено ни во что вмѣшиваться. И результатъ получился удивительный.

— Вы довольны?—застѣнчиво спросила она м-рсъ Бергойнъ, которая стояла передъ зеркаломъ и надѣвала шляпу.

Элеонора обернулась къ ней съ поднятыми кверху руками и улыбнулась.

— Прелестно. Вы, положительно, дѣлаете честь моему искусству. Какъ себя чувствуетъ тетя Пэти?

Люси сразу обдало холодомъ. М-рсъ Бергойнъ была такъ ласкова и добра къ ней все время, пока обдумывалось и шилось это платье, что молодая дѣвушка невольно ожидала большого интереса къ нему теперь, когда оно было готово.

Она отвѣчала съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ:

—Кажется, миссъ Мэнистей не поѣдетъ съ нами. Я только что видѣла Бензонъ. Она говоритъ, что ея головная боль все еще не проходитъ.

— А!— проговорила Элеонора разсѣянно, перебирая свой ящикъ съ перчатками.—Этотъ сирокко очевидно, нехорошо дѣйствуетъ на нее.

Люси нѣкоторое время молча постояла около туалетнаго столика, брала въ руки разныя мелочи и снова клала ихъ на мѣсто. Наконецъ она сказала:

— Можно мнѣ спросить васъ объ одной вещи?

М-рсъ Бергойнъ съ удивленіемъ взглянула на нее.

— Само собой разумѣется. Въ чемъ дѣло?

— Скажите мнѣ откровенно, какъ вы думаете, слѣдуетъ ли мнѣ оставаться здѣсь или нѣтъ? Миссъ Мэнистей такъ добра—она хочетъ, чтобы я осталась здѣсь до ихъ отъѣзда и потомъ поѣхала съ ней на мѣсяцъ въ Валломброзу. Но...

— Почему же «но,»—сказала м-рсъ Бергойнъ, все еще погруженная въ розыскиваніе колецъ, перчатокъ, вѣера.— Если только мы не слишкомъ надоѣли вамъ...

Молодая дѣвушка улыбнулась.

— Я боюсь, что я слишкомъ надоѣмъ вамъ. Портеры говорили мнѣ про одинъ пансіонъ во Флоренціи, гдѣ ихъ знакомая семья пробудетъ до половины іюня. Они совѣтовали мнѣ поѣхать туда и тамъ дождаться ихъ.

Элеонора отвѣтила послѣ минутнаго молчанія:

— Тетя Пэти была бы очень огорчена этимъ. Я знаю, она разсчитываетъ, что вы поѣдете съ ней въ Валломброзу. Мнѣ нужно ѣхать домой въ началѣ іюня, а м-ръ Мэнистей, кажется собирается въ Парижъ.

— А какъ же его книга?—невольно вырвалось у Люси и она тотчасъ же пожалѣла, что сдѣлала этотъ вопросъ.

— Что вы хотите сказать?—проговорила м-рсъ Бергойнъ.

— Развѣ она не должна быть закончена въ теченіе лѣта?

— Это никому неизвѣстно, въ томъ числѣ и ея автору. Меня же она, во всякомъ случаѣ, нисколько не касается.

— Но развѣ она можетъ быть кончена безъ васъ?—сказала Люси съ удивленіемъ.

Опять она не могла скрыть той невольной жалости и сочувствія, которыя въ послѣднее время зародились въ ея душѣ по отношенію къ Элеонорѣ, хотя она никогда не рѣшалась выказывать эти чувства.

М-рсъ Бергойнъ отвѣтила холодно:

— Боюсь, что ей придется быть оконченной безъ меня; къ счастью, я и не нужна; но если бы мое присутствіе было даже необходимо, я все-таки не могла бы остаться, потому что должна провести это лѣто съ моимъ отцомъ.

Люси молчала. М-рсъ Бергойнъ зашнуровала свои ботинки, потомъ встала и проговорила небрежно:

— Бѣдная книга! Ей нужна была перемѣна, также какъ и мнѣ. Теперь м-ръ Ниль просмотритъ ее съ начала до конца.

Люси пошла проститься съ тетей Пэти. Элеонора, оставшись одна, въ задумчивости стояла у туалетнаго столика.

— Она жалѣетъ меня,—говорила она себѣ, и острая горечь наполняла ея душу.

Сегодня былъ день, въ который они, двѣ недѣли тому назадъ, собирались отпраздновать окончаніе книги. Это долженъ былъ быть праздникъ Элеоноры, празднованіе ея вліянія на двоюроднаго брата и его книгу.

А теперь? къ чему они ѣхали въ Неми? Элеонора пыталась даже разстроить эту поѣздку, но это оказалось невозможнымъ, потому что уже заранѣе были приглашены Реджи Бруклинъ и дочь посланника. Ниль также вдругъ обнаружилъ желаніе побывать въ Неми. Мэнистей, который успѣлъ уже позабыть о томъ, какое значеніе имѣлъ когда то для нихъ этотъ день, согласился на поѣздку—онъ, который такъ ненавидѣлъ всякія экскурсіи—потому что «Нилю этого хочется». Все что, говорилось о поѣздкѣ въ Неми за послѣдніе дни, только растравляло душевную рану Элеоноры. Она считала что хорошо знаетъ до какихъ предѣловъ можетъ дойти мужской эгоизмъ, и что въ этомъ отношеніи ее уже ничѣмъ не удивишь; тѣмъ не менѣе, разныя случайныя замѣчанія Мэнистея все-таки каждый разъ поражали ее.

Откуда взялась эта преграда, которая вдругъ встала между ними? Она догадывалась, что отчужденіе его, частью, объясняется тѣми тайными суевѣріями и фантазіями относительно своей работы, которыя она часто подмѣчала въ немъ. Если какой-нибудь человѣкъ, или мѣстность, или даже столъ и перо, приносили ему счастье въ работѣ, онъ крѣпко держался за нихъ. Но стоило ему убѣдиться въ противномъ—и онъ бросалъ и друга, и перо съ одинаковой легкостью.

Теперь, насколько она могла догадываться, насколько онъ вообще говорилъ объ этомъ, м-ръ Ниль особенно рѣзко критиковалъ именно тѣ части книги, на которыхъ ея вліяніе сказалось всего сильнѣе.

Губы ея задрожали. У нея было очень мало авторскаго самолюбія. По всей вѣроятности, критика м-ра Ниля была, въ общемъ, справедлива, а ея совѣты неудачны. Но когда она вспоминала дни счастливой совмѣстной работы, ту живую умственную связь, которая устанавливалась между ними, тѣ тысячи знаковъ глубокой благодарности и привязанности, которые онъ выказывалъ ей... И все это исчезло! Душевныя муки, которыя она такъ тщательно скрывала, неотступно мучила ее, какъ острая физическая боль. А онъ! Ничто не удивляло ее такъ, какъ отсутствіе самаго простого джентльментства, которое сказывалось теперь въ отношеніяхъ Мэнистея къ ней. Неужели онъ въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ дать ей понять, что она была для него только случайнымъ помощникомъ въ работѣ, да и то скорѣе неудачнымъ; и что всѣ надежды, которыя она могла возлагать на ихъ дружбу, должны быть оставлены навсегда?

Она продолжала стоять, охваченная внезапнымъ приливомъ гордости и мучительнаго страданія, сквозь которое минутами прорывалось чувство страннаго и горькаго удивленія. Каждый изъ насъ имѣетъ извѣстное опредѣленное представленіе о себѣ, о томъ типичномъ, характерномъ складѣ нашей души, который, по нашему мнѣнію, опредѣляетъ собою всю нашу жизнь. Элеонора всегда думала о себѣ, какъ о гордой женщинѣ. Безмолвная и терпѣливая во время замужества, замкнутая и спокойная послѣ него, она находила въ этой гордой покорности судьбѣ единственную защиту отъ печальной дѣйствительности. Она была горда въ своемъ одиночествѣ и несчастьи, и даже гордилась этимъ не-

счастьемъ, своей способностью къ страданію, тѣми тонкими оттѣнками горя, которое составляло скрытое содержаніе ея душевной жизни.

А теперь ей казалось, что она все время унижается и что въ будущемъ это униженіе будетъ еще глубже. Опа, которая никогда ни о чемъ не просила, видѣла, что вся ея жизнь отбрасывается въ сторону, какъ ненужный даръ. Щеки ея горѣли, но она чувствовала, что это правда. Она надоѣла ему и онъ отталкивалъ ее—ее, Элеонору Бергойнъ!

Она прислонилась къ открытому окну и закрыла глаза надъ необъятной Кампаньей, простиравшейся внизу. Новыя чувства заговорили въ ней. Всегда она подчинялась, терпѣла, молчала. Но бываютъ минуты, когда женщина должна бороться, не покоряться своей судьбѣ, а сама создавать ее.

Ревность! Неужели она должна испытать и эту послѣднюю низость души. Неужели она можетъ считать опаснымъ и оскорбительнымъ для себя тотъ фактъ, что онъ иногда проводитъ вечера, ставшіе теперь такими тоскливыми, въ разговорахъ съ этой дѣвочкой, съ этой милой, простой дѣвочкой, которую она сама посовѣтовала ему развивать, по отношенію къ которой она сыграла роль феи—крестной матери, превратившей ее въ красавицу? Одна мысль объ этомъ была безуміемъ и нелѣпостью. Она унижала ее въ ея собственныхъ глазахъ. Но неужели же она такъ и уступитъ его при первомъ притязаніи со стороны?

Страстный порывъ, охватившій ея душу, удивилъ ее самою.

Въ гостиной пробили часы. Она вздрогнула и подошла къ зеркалу поправить вуаль на шляпѣ. Что-то принесетъ ей сегодняшній день? Что-нибудь онъ навѣрное принесетъ ей. Зимніе дни, связанные съ Неми, неизгладимо запечатлѣлись въ ея памяти. Надо еще разъ напрячь всѣ свои силы, и сдѣлать это теперь же, пока еще не поздно, пока онъ не отошелъ отъ нея слишкомъ далеко.

Ея бѣдное сердце учащенно билось подъ кружевомъ платья. Что она хотѣла предпринять, на что надѣялась? Она сознавала, что такой случай, можетъ быть, больше не представится, потому что время уходитъ и моментъ ихъ разлуки приближается. Все существо ея жаждало, она сама не знала чего. Но что-то подсказывало ей, что эти дни—рѣшающіе въ ея жизни, и что теперь дѣло идетъ объ ея послѣднихъ шансахъ на счастье.

— Миссъ Мэнистей проситъ васъ зайти на минуту къ ней.

Это говорила Бензонъ, пришедшая въ гостиную.

Элеонора отправилась къ миссъ Мэнистей.

Изъ глубины темной комнаты раздался слабый голосъ тети Пэти.

— Элеонора! Что намъ теперь дѣлать?

Элеонора быстро подошла къ постели больной. Миссъ Мэнистэй передала ей телеграмму, въ которой было написано:

«Ваше письмо пришло слишкомъ поздно, чтобы разстроить мои планы. Пріѣду завтра на нѣсколько дней поговорить о дѣлахъ.

Алиса».

Элеонора выронила изъ рукъ телеграмму и обѣ дамы въ недоумѣніи смотрѣли другъ на друга.

— Вѣдь вы же писали ей, что не можете принять ее здѣсь?

— Нѣсколько разъ писала. Эдуардъ будетъ въ отчаяніи. Какъ мы помѣстимъ ее здѣсь вмѣстѣ съ миссъ Фостеръ? Послѣдніе два мѣсяца ея поведеніе было совершенно ненормально.

Тетя Пэти опустила голову на подушки въ полномъ изнеможеніи. Элеонора имѣла такой же разстроенный видъ.

— Вы уже сказали Эдуарду?—спросила она.

— Нѣтъ,—отвѣчала миссъ Мэнистей, дотрагиваясь рукой до своей больной головы, какъ бы оправдывая свой недостатокъ мужества.

— Хотите, чтобы я сказала?

— Нельзя же постоянно возлагать на васъ самыя непріятныя обязанности.

— Ничего не значитъ. Только я не скажу ему сейчасъ, чтобы не испортить прогулки.

Тетя Пэти вздохнула съ облегченіемъ.

*

— Дѣлайте какъ знаете. Это очень мило съ вашей стороны.

— Нисколько. Дорогая тетя Пэти! Лежите себѣ спокойно. Кстати, есть при ней кто-нибудь?

— Ея горничная, единственный человѣкъ, который умѣетъ съ ней справляться. Эта несчастная дама, которая поступила къ ней компаньонкой, очень скоро разсталась съ ней. Гдѣ мы ее помѣстимъ?

— Въ двухъ комнатахъ на восточной сторонѣ.—Нѣтъ ли какой-нибудь возможности все-таки остановить ея пріѣздъ?

— Телеграмма послана со станціи. Очевидно, она уже выѣхала.

— Въ такомъ случаѣ мы должны быть готовы. Не ропщите, дорогая тетя Пэти! Какъ-нибудь общими силами справимся съ нею!

Элеонора остановилась на минуту въ гостиной, раздумывая о случившемся.

Энсцентричная и своевольная сестра Мэнистея много лѣтъ уже была крестомъ жизни его и тети Пэти. Элеонора была свидѣтельницей его неудовольствія и раздраженія, когда онъ узналъ объ ея пребываніи этой зимой въ Италіи. Она знала также, какихъ усилій ему стоило, не давать ей пріѣзжать на виллу. Онъ будетъ безконечно золъ и безпомощенъ при ея появленіи! Почему-то она почувствовала вдругъ нѣкоторый подъемъ духа.

Въ это время раздался стукъ колесъ подъѣзжающаго экипажа, который долженъ былъ вести ихъ въ Неми.

Сквозь открытую въ комнату Мэнистея дверь она видѣла его самого на балконѣ, курящаго сигару въ ожиданіи дамъ. Голубое озеро сверкало въ зеленыхъ берегахъ. День былъ чудный. Конечно, пусть дурныя вѣсти подождутъ.

Въ началѣ пути, когда они ѣхали вдоль Galleria di Sotto, Мэнистей молчалъ и казался озабоченнымъ. Прибытіе экипажа застало его за чтеніемъ длиннаго письма, которое онъ и теперь еще держалъ скомканнымъ въ рукъ.

Наконецъ онъ сказалъ Элеонорѣ:

— Книга попала въ Индексъ. Это будетъ объявлено на будущей недѣлѣ.

— Книга отца Бенеке?

— Да. Онъ пишетъ мнѣ раздирающее душу письмо.

— Бѣдный, бѣдный человѣкъ! Все это продѣлки іезуитовъ. М-ръ Ниль разсказывалъ мнѣ всю исторію.

— О, конечно, это тиранія. И книга заключаетъ въ себѣ только небольшую частицу истины—небольшой дарвинистскій вѣтерокъ, освѣжающій теологическія лохмотья. Но они совершенно правы. Они не могутъ поступать иначе.

Элеонора посмотрѣла на Люси и засмѣялась.

— Опасно говорить такія вещи въ присутствіи миссъ Фостеръ.

— Миссъ Фостеръ знаетъ въ чемъ дѣло?—холодно спросилъ Мэнистей

Люси поспѣшно заявила о своемъ полномъ незнакомствѣ съ отцомъ Бенеке и его участью.

— Дѣло очень, простое—сказалъ Мэнистей.—Отецъ Бенеке—священникъ и въ то же время профессоръ. Онъ написалъ нѣсколько либеральную книгу—правда, очень умѣренно-либеральную—немножко эволюціи, немножко критики библіи, всего этого самая малость. Но главное въ книгѣ—протестъ противъ вліянія іезуитовъ на католическое университетское образованіе въ Германіи. Этого оказалось достаточнымъ, чтобы привести въ движеніе всю машину. Они помѣстили его книгу въ Индексъ и на будущей недѣлѣ заставятъ его подписать отреченіе.

— Кто «они»?—спросила Люси.

— Конгрегація Индекса, или тѣ люди, которые обратили ея вниманіе на книгу.

— Развѣ книга въ самомъ дѣлѣ нехорошая?

— Напротивъ, очень хорошая.

— И вы довольны?

— Я думаю, что папство поддерживаетъ должную дисциплину и что ему еще не скоро придетъ конецъ.

Онъ обернулся къ ней съ поддразнивающимъ смѣхомъ и вдругъ замѣтилъ изящество ея туалета. Куда дѣвалась «учительница воскресной школы»? Въ пять недѣль она преобразилась въ это

прелестное видѣніе, сидящее противъ него.

— Онъ спрашивалъ ваше мнѣніе?— спросила Люси, желая выяснить себѣ вопросъ.

— Да. Я сказалъ ему, что книга его превосходна—и его осужденіе несомнѣнно.

Люси прикусила губу.

— Кто же это сдѣлалъ?

— Іезуиты, по всей вѣроятности.

— И вы защищаете ихъ?

— Конечно! Это единственные люди въ Европѣ, которые основательно понимаютъ свое собственное дѣло.

— Какое ужасное дѣло!—быстро выговорила Люси.—Выискивать каждую искорку правды и растаптывать ее!

— Чтобы не дать ей превратиться въ опасный пожаръ. Ваше сравненіе очень удачно.

— Опасный!—Она откинула назадъ головку.—Опасный для калѣкъ и слѣпыхъ.

— Изъ которыхъ состоитъ большая половина человѣчества. Совершенно вѣрно.

Она колебалась съ минуту, потомъ не могла удержать вопроса:

— Но васъ это все не можетъ касаться?

— Меня? О, нѣтъ. Я умѣю обращаться съ огнемъ. Къ тому же, я не католикъ.

— Развѣ это хорошо? Быть свободнымъ отъ рабства и хвалить его?

— Отчего же нѣтъ, если это служитъ моей цѣли?

Дѣвушка замолчала. Мэнистей взглянулъ на Элеонору; она замѣтила лукавую усмѣшку въ его глазахъ и весело улыбнулась ему въ отвѣтъ. Это былъ прежній взглядъ товарища. Она сразу оживилась, и почувствовала прелесть, майскаго солнца, свѣжесть весенняго воздуха, скораго движенія экипажа.

Какъ быстро весна завоевывала окружающіе холмы! Когда они проѣзжали надъ большимъ віадукомъ Ариціи, густые лѣса Чиги съ лѣвой стороны были покрыты дымчатой, свѣтло-зеленой листвой, а справа, на широкой равнинѣ, простирающейся къ Ардеѣ, Ланувіуму и морю, пробуждающаяся земля покрывалась яркимъ ковромъ хлѣбныхъ полей, травы и виноградниковъ.

Они поднимались, огибая озеро, къ Неми, мрачная башня котораго возвышалась надъ рощей, когда-то защищавшей священную бѣлизну храма богини. А надъ храмомъ поднимался высокій, черный отвѣсъ кратера. «Какъ ярко должны были выдѣляться на этомъ фонѣ бѣлыя стѣны храма!» думала Люси. Воображеніе ея было задѣто исторіей жреца. Она видѣла Неми въ первый разъ, но ей казалось, что она уже была здѣсь. Робко взглянула она на Мэнистея, шедшаго около коляски. Странно! Онъ уже не возбуждалъ въ ней прежней непріязни, ей не казалось больше немыслимымъ, чтобы онъ написалъ ту книгу, которая была ей такъ дорога. Происходило ли это потому, что послѣдніе дни она видѣла его смягчившимся и печальнымъ, видѣла сравнительную безобидность его тщеславія, его доброту и покорность по отношенію къ другу? О нѣтъ! Онъ былъ мягокъ и уступчивъ съ однимъ другомъ, но зато неблагодаренъ и непріятенъ по отношенію къ другому. Исхудавшее лицо Элеоноры, ея впавшіе голубые глаза осуждали его. Но даже и тутъ молодая дѣвушка не могла рѣшительно стать противъ него. Въ концѣ концовъ, что знала она объ ихъ отношеніяхъ?

Сегодня онъ, во всякомъ случаѣ, былъ очень милымъ спутникомъ. Она убѣждалась, что характеристика, данная ему Ниломъ и показавшаяся ей такой нелѣпой, могла быть и справедливой. Онъ дѣйствительно былъ bon enfant во время ихъ прогулки по отношенію къ ней и къ Элеонорѣ. Вспомнивъ любовь Элеоноры къ вереску, онъ приносилъ ей цѣлые вороха его, сорванныя по дорогѣ; онъ добродушно посмѣивался надъ старо-дѣвическими манерами Ниля, восхищался красотою озера и весны, и былъ такимъ оживленнымъ, интереснымъ собесѣдникомъ, что заставлялъ мириться со своими слабостями и недостатками. Элеонора выглядѣла счастливѣе и моложе, чѣмъ все послѣднее время. А Люси недоумѣвала, почему длинный подъемъ къ Неми кажется ей такимъ восхитительнымъ и даже сирокко, какъ будто исчезъ изъ воздуха,

оставивъ только божественный розоватый отблескъ на далекихъ горахъ и на озерѣ.

Когда они пріѣхали въ Неми, Мэнистей, по обыкновенію обнаружилъ полную безпомощность относительно практической стороны дѣла, которая всегда устраивалась за него другими.

— Что мнѣ дѣлать со всѣмъ этимъ?— говорилъ онъ, въ отчаяньи простирая руки къ корзинамъ съ провизіей, стоявшимъ въ коляскѣ. — Дальше нельзя ѣхать. Гдѣ же мы встрѣтимся съ остальной компаніей? Когда они должны пріѣхать? Почему ихъ до сихъ поръ нѣтъ?

Онъ съ нетерпѣливымъ раздраженіемъ обращался съ этими вопросами къ Элеонорѣ. Она успокаивающе положила руку на его плечо и указала ему на толпу людей изъ маленькаго городка, которая уже собралась вокругъ экипажа.

— Сговоритесь съ двумя изъ этихъ мальчиковъ, чтобы они несли корзины. Мы назначили себѣ rendez-vous съ остальными около храма. Они придутъ по тропинкѣ изъ Гензано.

Мэнистей сразу повеселѣлъ какъ ребенокъ. Онъ вошелъ въ толпу, свободно болтая по-итальянски, и выбралъ двухъ мальчиковъ, одинъ изъ которыхъ былъ строенъ и красивъ, какъ молодой Вакхъ, и назывался благороднымъ именемъ Аристодемо. Потомъ, окруженные толпою нищихъ ребятишекъ, отъ которыхъ приходилось отдѣлываться дорогой, они начали подниматься на крутую скалу, на которой стоитъ городокъ Неми. Дорога извивалась зигзагами, и на встрѣчу имъ постоянно попадались крестьянскія женщины, поднимавшіяся туда же, неся на своихъ, повязанныхъ платочками головахъ большія корзины съ земляникой, главнымъ продуктомъ, произрастающимъ на поляхъ Неми и окрестностей.

Красивыя женщины, ярко - красныя ягоды, наполняющія своимъ ароматомъ горную тропинку, майское солнце, озаряющее молодую листву, пробужденіе жизни, разлитое во всей природѣ—все это приводило Люси въ восторгъ. Она отстала отъ своихъ спутниковъ и практиковалась въ итальянскомъ языкѣ съ мальчишками, между тѣмъ какъ Мэнистей и Элеонора шли впереди.

Но Мэнистей не забывалъ ея. На половинѣ дороги онъ обернулся, чтобы взглянуть на нее, и увидѣлъ, что она несетъ свой легкій ватерпруфъ, который тетя Пэти заставила ее взять съ собой на случай дождя. Онъ остановился и хотѣлъ взять его. Люси протестовала.

— Это я могу понести,—настаивалъ онъ.—Вѣдь это не корзинки съ провизіей.

— Вы *могли* бы нести и ихъ,— отвѣтила она, смѣясь.

— Къ чему я сталъ бы это дѣлать въ мірѣ, гдѣ произрастаютъ мальчишки и сикспенсы? Но вашъ ватерпруфъ я понесу. Дайте его мнѣ.

Въ тонѣ его слышалась повелительная нотка. Люси уступила. Онъ поспѣшилъ догнать Элеонору, со свойственной ему небрежностью волоча ватерпруфъ по землѣ. Акуратная Люси страдала при видѣ этого зрѣлища и жалѣла, что послушалась его. Но его вниманіе и забота не были ей непріятны, можетъ быть, потому, что они были такъ новы для нея.

Наконецъ, они поднялись къ озеру и мальчишки провели ихъ по узкой, каменистой тропинкѣ къ развалинамъ храма, который мѣстныя крестьяне называютъ «giardino del Lago» (садомъ озера). Развалины помѣщаются на открытой, продолговатой площадкѣ, и состоятъ изъ стѣнъ съ нишами, обращенныхъ на сѣверъ и на востокъ. Тутъ же стоитъ невысокое зданіе фермы. Кругомъ простираются земляничныя поля.

Они пробирались между земляничными грядами, тщетно высматривая друзей, которыя здѣсь должны были встрѣтиться съ ними—Реджи Бруклина, м-ра Ниля и двухъ дамъ. По росписанію поѣздовъ, они должны были бы уже быть здѣсь и ждать ихъ.

— Какъ скучно!—говорилъ Мэнистей со своей обычной раздражительностью.— Реджи могъ бы быть поакуратнѣе. Это еще что за фигура?

Это былъ хозяинъ Giardino, который пришелъ для переговоровъ съ посѣтителями.

— Да, синьоры могутъ разложить свои корзины и приготовить чай.

Онъ указалъ на скамейку подъ навѣсомъ.

Люси отправилась осматривать развалины въ то время, какъ Мэнистей и Элеонора сговаривались съ Аристодемо относительно чая. Услышавъ ихъ шаги, приближавшіеся къ ней, она обернулась къ нимъ.

— Мальчикъ сидѣлъ на этомъ деревѣ,—сказала она Мэнистею, указывая на большое оливковое дерево, простирающее свои вѣтви надъ грудою камней, составлявшихъ когда-то часть внѣшней ограды храма.

— Въ самомъ дѣлѣ?—сказалъ Мэнистей, улыбаясь.—Вамъ лучше знать. Вы очень добры къ этой бездѣлкѣ.

— Можетъ быть, вы не знаете, почему мнѣ такъ понравилось это мѣсто,—проговорила она нерѣшительно. — Оно напомнило мнѣ вашу другую книгу.

— «Письма изъ Палестины»?—спросилъ Мэнистей полу-удивленно, полунасмѣшливо.

— Васъ, вѣроятно, удивляетъ, что я читала ее. Но мы очень много читаемъ на моей родинѣ. Тамъ всѣ читаютъ—мужчины и женщины, занимающіеся самой грубой работой и высчитывающіе каждый центъ. Дядя Бенъ далъ мнѣ ее. О ней была рецензія въ «Спрингфильдскомъ республиканцѣ»—вѣроятно, вамъ прислали этотъ номеръ. Помните,—продолжала она робко,—то мѣсто, про бракъ въ Канѣ Галилейской, гдѣ вы описываете народъ, возвращающійся оттуда домой, по холмистымъ тропинкамъ—что они говорили, что они чувствовали.

— Я припоминаю что-то въ этомъ родѣ, — сказалъ Мэнистей. — Я писалъ эту главу въ Назаретѣ, весной. Я увѣренъ, что она никуда не годится.

— Зачѣмъ вы это говорите,—возразила Люси, сдвинувъ брови.—Когда я закрывала глаза, мнѣ казалось, что я иду вмѣстѣ съ ними. И тоже самое съ вашимъ пастухомъ. Я увѣрена, что это то самое дерево, а вотъ тутъ была роща, а люди сбѣгали сюда изъ деревни, расположенной на этой скалѣ,—она указала рукой на Неми.

Мэнистей былъ польщенъ, тѣмъ болѣе, что молодая дѣвушка, видимо, не имѣла никакого намѣренія льстить ему и только отдавалась удовольствію высказывать свои мысли. Онъ пошелъ рядомъ съ нею, заглядывая въ ниши, весело болтая, дѣлился съ нею тѣми мыслями и фантазіями, которыя зарождались въ немъ во время зимнихъ поѣздокъ въ Неми съ Элеонорой.

Элеонора стояла позади и смотрѣла на женщинъ, собирающихъ клубнику.

— Слѣдующій поѣздъ придетъ только черезъ часъ, — думала она устало.— Какъ это глупо со стороны Реджи!

Поднявъ глаза, она увидѣла Мэнистея и Люси, бродившихъ вдоль стѣны, онъ говорилъ что-то, она повернула къ нему свое свѣжее молодое личико, ея бѣлое платье было залито солнцемъ.

Ужасающая мысль стрѣлой пронеслась въ головѣ Элеоноры. Въ глазахъ ея потемнѣло и озеро точно заходило передъ ними.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Они напились чаю въ тѣни, отбрасываемой зданіемъ фермы, которая состояла изъ чердака и большой темной комнаты, наполненной плоскими корзинами съ земляникой, приготовленными для продажи.

Люси эта маленькая трапеза показалась восхитительной, хотя обѣимъ дамамъ пришлось довольствоваться обществомъ Мэнистея и Аристодемо. Красивый мальчикъ разговорился, подстрекаемый Мэнистеемъ и этотъ простой крестьянскій парень проявилъ себя настоящимъ артистомъ и знатокомъ. Зналъ ли онъ что-нибудь о руинахъ? Оказалось, что онъ зналъ рѣшительно все. Онъ съ полчаса говорилъ о нихъ съ удивительной тонкостью и пониманіемъ. Въ

немъ чувствовался сынъ старинной расы, отшлифованной долгими столѣтіями культурной жизни.

Онъ разсказывалъ, что тоже нашелъ однажды голову статуи, копаясь въ огородѣ отца. Мужчину или женщину?—спросила м-рсъ Бергойнъ. Женщину. И красивую? Самая красивая лэди, какую только можно себѣ представить. И хорошо сохранившуюся? Былъ у нея носъ, напримѣръ? Онъ въ негодованіи покачалъ своей молодой головой. Разумѣется у нея былъ носъ. Неужели же лэди могла подумать, что онъ сталъ бы возиться со статуей безъ носа?

Послѣ этого онъ всталъ и, улыбаясь, попросилъ Элеонору и Люси слѣдовать за нимъ. Онъ провелъ ихъ черезъ холодную нижнюю комнату, гдѣ корзинки съ земляникой чуть краснѣли въ сумракѣ, по скрипучей лѣстницѣ на чердакъ. Тамъ стоялъ старый ящикъ, а въ ящикѣ валялась цѣлая груда головокъ и другихъ обломковъ. Изящныя маленькія женскія фигуры, головы Артемиды крылатыя головы въ фригійскихъ шапкахъ, головки дѣтей съ вполнѣ сохранившимися острыми профилями, оставшіяся такими, какими они вышли изъ подъ рукъ художника двадцать два вѣка тому назадъ.

Люси со страстнымъ наслажденіемъ наклонилась надъ ящикомъ, молча, но съ сверкающими глазами перебирая одну вещицу за другой.

— Хотите имѣть что-нибудь изъ нихъ?—спросилъ Мэнистей, который тоже послѣдовалъ за ними наверхъ и стоялъ около Люси съ папиросой въ рукѣ.

— О, нѣтъ—сказала Люси сконфуженно.—Не покупайте ихъ для меня.

— Уйдемъ отсюда,—сказала Элеонора, смѣясь. — Никогда не мѣшайте мужчинѣ торговаться.

Дѣйствительно, въ эту минуту въ дверяхъ показался хозяинъ. Мэнистей отправилъ своихъ дамъ внизъ и торгъ начался.

Когда онъ, черезъ десять минутъ, присоединился къ нимъ, въ его рукѣ была маленькая корзиночка. Онъ далъ ее Люси, а другую руку протянулъ Элеонорѣ. Ей онъ преподнесъ только два обломка, но удивительнаго качества—голову Артемиды съ кибелійской короной и маску лица отъ бровей до подбородка—чистѣйшіе и прекраснѣйшіе образцы греческаго ваянія.

Элеонора вполнѣ оцѣнила ихъ и высказывала сужденія, свидѣтельствующія объ ея вкусѣ, и пониманіи. Но Мэнистей еле отвѣчалъ ей. Онъ поспѣшилъ къ Люси, и ея робкая благодарность, смѣшанная съ опасеніемъ, что онъ истратилъ на нее много, слишкомъ много денегъ, и съ раскаяніемъ въ томъ, что она сама, хотя и не желая того, вызвала его на такую трату, очевидно, было для него очень привлекательной. Онъ сказалъ ей, что купилъ всю корзиночку буквально за безцѣнокъ; они сѣли вмѣстѣ на скамейку за домомъ и начали разбирать содержимое корзиночки, причемъ онъ, по ея оживленнымъ критическимъ замѣчаніямъ убѣждался, что старый дядя кальвинистъ далъ ей удивительно хорошее образованіе.

Элеонора отошла въ сторону и стала всматриваться въ дорогу, ведущую отъ Гензано. Вскорѣ Мэнистей и Люси услышали ея восклицаніе:

— Наконецъ! Что это могло случиться съ Реджи—не понимаю.

— Идутъ?—спросилъ Мэнистей.

— Да, слава Богу. Очевидно, они опоздали на первый поѣздъ. Вотъ тамъ четверо человѣкъ спускаются съ холма—двѣ дамы и двое мужчинъ. Одинъ изъ нихъ, несомнѣнно, Реджи.

— Надо сознаться, что въ качествѣ практическаго человѣка онъ сегодня не отличился,—сказалъ Мэнистей, покуривая папироску.

— Теперь ихъ не видно, они скрылись за поворотомъ. Вѣроятно, они будутъ здѣсь черезъ десять минутъ. Эдуардъ?

— Въ чемъ дѣло?

— Намъ какъ разъ хватитъ времени, чтобы изслѣдовать этотъ оврагъ и пройти къ источнику, пока они будутъ пить чай. Тогда мы, по крайней мѣрѣ, увидимъ все, до самаго конца. Кто знаетъ, будемъ ли мы еще когда-нибудь въ Неми?

Она говорила веселымъ тономъ, но

противъ ея воли, въ немъ было что-то трогательное. Люси виновато опустила глаза и испытывала желаніе быть подальше отсюда. Но Мэнистей протестовалъ.

— Вы очень устанете, Элеонора. Это гораздо дальше, чѣмъ вы думаете, и къ тому же очень жарко.

— О нѣтъ, это совсѣмъ не такъ далеко, и солнце быстро идетъ къ закату. Вы не будете бояться?—обратилась она къ Люси. — Они сейчасъ должны быть здѣсь. Я увѣрена, что это были они.

— Пожалуйста, не думайте обо мнѣ,—сказала Люси.—Мнѣ здѣсь прекрасно. Я подогрѣю воду и приготовлю имъ все къ чаю. Аристодемо присмотритъ за мной.

Элеонора обратилась къ Мэнистею.

— Пойдемте,—сказала она.

Теперь она скорѣе приказывала, чѣмъ просила. Во всемъ существѣ ея было что-то изящно-величавое,—полутраурное платье, сѣрое съ чернымъ, темная шляпа, жестъ руки, во всемъ сказывалось ея соціальное положеніе и опытность, воспитаніе и возрастъ, и все это составляло полный контрастъ съ юной непосредственностью Люси.

Мэнистей неохотно поднялся. Когда онъ слѣдовалъ за своей кузиной по узкой тропинкѣ между грядами съ клубникой, выраженіе лица его было не изъ пріятныхъ. Если бы Элеонора оглянулась, рѣшимость ея, можетъ быть, ослабѣла бы. Но она спѣшила впередъ.

Оставшись одна, Люси занялась приготовленіемъ свѣжаго чаю, въ то время, какъ Аристодемо и другой мальчикъ, прислонясь въ тѣни около развалинъ, болтали другъ съ другомъ.

Голоса Элеоноры и Мэнистея уже не были слышны, когда они вошли въ лѣсъ за Giardino. Зато голоса изъ Гензано начали приближаться. Было безъ четверти шесть. Имъ оставалось очень немного времени, чтобы отдохнуть и напиться чаю, потому что, къ 8 часамъ миссъ Мэнистей ждала всю компанію обѣдать. Былъ ли это голосъ м-ра Бруклина? Люси не видѣла ихъ, но слышала, какъ они разговаривали на дорогѣ, ведущей отъ озера къ развалинамъ.

Какъ странно! Вотъ они уже совсѣмъ подошли къ Giardino, громко разговаривая и смѣясь, но Люси не узнавала никого изъ нихъ. Оба мужчины, изъ которыхъ одинъ, дѣйствительно, напоминалъ м-ра Бруклина по росту и по фигурѣ, были ей совершенно чужими, и она скоро должна была убѣдиться, что дамы, обѣ полныя и пожилыя, не имѣли ничего общаго ни съ м-рсъ Эліотъ, замужней сестрой Реджи, ни съ дочерью посланника.

Она съ удивленіемъ смотрѣла на нихъ. Это были англичане туристы, судя по ихъ разговорамъ, пріѣхавшіе изъ Фраскати. Они очень торопились. Дорога оказалась длиннѣе, чѣмъ они думали, и въ ихъ распоряженіи оставалось немного времени. Они небрежно осмотрѣли развалины стѣны, домъ съ корзинами земляники и замѣтили, что «здѣсь совершенно нечего смотрѣть». Потомъ они прошли мимо Люси, съ любопытствомъ поглядывая на одинокую молодую англичанку и на разставленный передъ нею чайный приборъ. Мужчины поклонились ей, приподнявъ шляпы, и затѣмъ всѣ они поспѣшили обратно внизъ и звуки ихъ голосовъ скоро замерли въ тишинѣ майскаго вечера.

Люси осталась одна, чувствуя себя нѣсколько разочарованной и покинутой. Она видѣла, что всѣ женщины, работавшія въ Giardino, уходятъ домой. Аристодемо и его спутникъ побѣжали за своими знакомыми дѣвушками и въ отдаленіи слышался ихъ нестройный говоръ и смѣхъ, сливавшійся съ напѣвомъ «Ave Maria», который пѣли группы женщинъ и дѣвушекъ, поднимавшихся по извилистой тропинкѣ къ Неми.

Вечерняя тишина, подобно мягкой, не встрѣчающей препятствій волнѣ, вливалась въ котловину Giardino. Временами съ какихъ-то невидимыхъ тропинокъ доносились голоса крестьянъ, возвращавшихся домой, и потомъ опять стихали. Лучи заходящаго солнца ярко горѣли на высокихъ окнахъ Неми. «Ave Maria,—gratiae plena». Какъ мягко звучатъ далекіе голоса! Пѣвицы, очевидно,

приближаются домой, къ маленькому, затерянному въ холмахъ, городку.

Люси посмотрѣла кругомъ себя. Ни души нигдѣ — ни въ Giardino, ни на окрестныхъ поляхъ, ни на дорогѣ изъ Гензано. Она была совершенно одна. Конечно, ея спутники были гдѣ-нибудь по близости, и мальчики навѣрное скоро вернутся, чтобы нести внизъ корзины, но теперь кругомъ не было никого.

Солнце скрылось за хребтомъ Гензано, и въ одну минуту стало холодно. Люси сразу почувствовала ознобъ и сильное утомленіе. Вѣроятно, эта котловина — лихорадочное мѣсто. Недаромъ всѣ жилыя помѣщенія расположены на горахъ, за исключеніемъ одной рыбацкой хижины на полдорогѣ къ Гензано. Она встала и начала ходить взадъ и впередъ, сожалѣя о своемъ ватерпруфѣ. Мэнистей въ разсѣянности унесъ его съ собой.

Навѣрное прошло уже больше часа съ тѣхъ поръ, какъ они ушли. Можетъ быть, дорога къ истокамъ ручья оказалась длиннѣе, чѣмъ они предполагали? Какъ, однако, быстро темнѣетъ!

Молодою дѣвушкою понемногу начали овладѣвать всевозможные страхи. Она привыкла бродить одна вокругъ Албанскаго озера и заводить знакомство съ встрѣчными крестьянами. Но вѣдь, если бы здѣсь было такъ же безопасно, какъ, напр., въ Америкѣ, то дороги не охранялись бы такими частыми патрулями солдатъ; среди туристовъ и даже среди крестьянъ ходило множество разсказовъ о приключеніяхъ съ путешественниками. Всѣ эти разсказы не производили на нее никакого впечатлѣнія, когда она, при яркомъ свѣтѣ дня, бродила по окрестностямъ виллы. Но теперь она была совсѣмъ одна, ночь приближалась и кругомъ все имѣло очень мрачный видъ.

Вѣроятно, они скоро вернутся. Почему бы ей не пойти имъ на встрѣчу? Должно быть, она просто разнервничалась отъ жары и усталости. А можетъ быть, невѣдомо для нея самой, на нее дѣйствовали новыя, неиспытанныя еще чувства, глубоко взволновавшія ея чуткую, сдержанную натуру.

Она замѣтила тропинку, по которой они пошли, и направилась по ней. Тропинка оказалась очень крутой, каменистой и темной, подъ навѣсомъ деревьевъ, растущихъ съ обѣихъ сторонъ ея. Она съ трудомъ карабкалась по ней.

Вдругъ вблизи раздался шумъ шаговъ и подковъ. Взглянувъ наверхъ, Люси увидѣла двухъ мальчиковъ, ведущихъ двухъ нагруженныхъ муловъ и спускающихся прямо ей на встрѣчу. Свернуть въ сторону не было никакой возможности и она прошла мимо нихъ какъ можно скорѣе.

Мальчики остановились и посмотрѣли на нарядную даму въ бѣломъ платьѣ, которая въ одиночествѣ взбиралась по крутой тропинкѣ. Потомъ они пошли дальше, къ ея великому облегченію, потому что у нея не было съ собой ни денегъ, ни сигаръ.

Но одинъ изъ мальчиковъ вскорѣ догналъ ее и, протягивая руку, сказалъ:

— Signorino, un soldino *).

Она продолжала быстро идти впередъ и отвѣчала, качнувъ головой:

— У меня ничего съ собой нѣтъ, ничего.

Онъ продолжалъ идти за ней и клянчилъ, причемъ голосъ его изъ просительнаго дѣлался угрожающимъ. Наконецъ, онъ отсталъ отъ нея, и шаги смолкли. Люси подумала, что онъ, убѣдившись въ безплодности своихъ приставаній, вернулся назадъ къ муламъ. Но вдругъ за ней раздался какой-то шорохъ и въ щеку ей ударился острый камень, брошенный сзади тѣмъ же мальчишкой. Она вскрикнула и быстро подняла руку къ лицу, второй камень попалъ ей въ кисть руки. Кровь потекла по рукѣ. Она, спотыкаясь, побѣжала впередъ по тропинкѣ, съ ужасомъ думая о томъ, какъ ей защитить себя, если мальчишки съ камнями пустятся ей въ догонку.

Къ счастью, тропинка поворачивала въ сторону и ея бѣлое платье скрылось изъ глазъ мальчишекъ. Она быстро шла впередъ и, наконецъ, нашла проходъ въ низкой изгороди, окружающей съ обѣихъ сторонъ тропинку и сѣла тамъ

*) Барышня, дай копѣечку.

подъ тѣнью фиговыхъ деревьевъ. Боль, одиночество, страхъ передъ грубостью мальчишекъ вызвали слезы на ея глазахъ. Зачѣмъ ея спутники оставили ее, не убѣдившись еще въ томъ, что виднѣвшіеся вдали люди были именно ихъ ожидаемые гости? Это было нехорошо съ ихъ стороны. Щека ея была только слегка оцарапана, но рука сильно болѣла. Она крѣпко обвязала ее носовымъ платкомъ, но кровь скоро просочилась чрезъ него и опять начала капать на ея красивое платье. Не зная, что дѣлать, она стала прикладывать къ ранкѣ большія фиговые листья.

Черезъ нѣсколько минутъ Мэнистей и Элеонора торопливо спустились по той же тропинкѣ. Подъемъ оказался длиннѣе и труднѣе, чѣмъ они ожидали, и затѣмъ они потеряли счетъ времени въ разговорѣ у источника Эгеріи; послѣ этого разговора они вернулись къ Люси другими людьми съ измѣнившимися отношеніями.—Что значилъ сумрачный, недовольный видъ Мэнистея и блѣдное, улыбающееся лицо Элеоноры, которая казалась тѣнью самой себя?

— Вы слышите этотъ крикъ?—сказалъ Мэнистей, останавливаясь.

Крикъ повторился и они оба узнали голосъ Люси Фостеръ, раздающійся гдѣ-то совсѣмъ близко отъ нихъ. Мэнистей побѣжалъ по направленію голоса и нашелъ Люси за изгородью, держащую передъ собою пораненную руку, чтобы кровь не падала на платье.

Мэнистей въ ужасѣ подбѣжалъ къ ней. Что случилось? Какимъ образомъ вы здѣсь? Гдѣ же остальные?

Она съ трудомъ отвѣтила на его вопросы и проговорила, стараясь улыбнуться:

— Если бы вы могли достать что-нибудь... чтобы перевязать руку.

— Зачѣмъ мы оставили ее?—негодующе заговорилъ Мэнистей, обращаясь къ подошедшей Элеонорѣ.—Это оказались вовсе не Реджи и его друзья. Какая ужасная ошибка! Посмотрите, сколько крови идетъ!

Въ его голосѣ было что-то, что возбудило великодушное безпокойство въ Люси, несмотря даже на то, что она была близка къ обмороку.

— Все это пустяки,—сказала она.—Чѣмъ же вы были виноваты? Я сама не знаю отчего, я такая здоровая, а между тѣмъ, каждая ничтожная царапина, даже уколъ, вызываютъ во мнѣ страшную слабость... Это ужасно глупо. Если только остановить кровь, у меня сразу все пройдетъ.

Элеонора остановилась посмотрѣть на рану и коснулась больной руки своими холодными, какъ ледъ, пальцами. Мэнистей напряженно слѣдилъ за ея движеніями. Онъ зналъ ея искусство въ уходѣ за больными.

— Кровь сейчасъ остановится,—сказала она.—Надо только потуже завязать ранку.

Съ помощью носового платка и своего длиннаго бѣлаго шарфа, она устроила ей удобную перевязку.

— Мое бѣдное платье!—сказала Люси полушутя, полу-огорченно.—Что скажетъ Бензонъ:

М-рсъ Бергойнъ какъ будто не слышала ея словъ.

— Намъ нужна повязка, чтобы укрѣпить руку — сказала она, и сняла свѣтлый, шелковый платокъ, который былъ накинутъ у нея на плечахъ.

— Нѣтъ, пожалуйста, не дѣлайте этого—просила Люси.—Теперь становится такъ холодно.

Тутъ только оба замѣтили, что она дрожитъ съ головы до ногъ.

— Боже мой!—воскликнулъ Мэнистей.—Вѣдь я унесъ съ собой вашъ ватерпруфъ! Онъ все время болтался у меня на рукѣ.—Нечего сказать, хорошо мы о васъ позаботились!

Элеонора въ это время подвязывала руку Люси, несмотря на ея протесты. Мэнистей ничего не говорилъ.

Когда рука была перевязана и подвязана, Люси съ усиліемъ поднялась и заявила, что теперь она отлично можетъ идти.

— Но всю дорогу внизъ къ Гензано!—проговорилъ Мэнистей. — Элеонора, какъ она сможетъ пройти такой путь?

— Надо попробовать,—сказала м-рсъ

Бергойнъ.—Ничего другого не остается. Пусть она возьметъ васъ подъ руку.

Люси взглянула на м-рсъ Бергойнъ съ нерѣшительною улыбкой.

— Благодарю васъ,—сказала она слабымъ голосомъ.—Сколько вамъ со мной теперь возни!

Она протянула ей здоровую руку, но м-рсъ Бергойнъ, не замѣчая ея, пошла впередъ. Рука была подхвачена Мэнистеемъ, который вложилъ ее въ свою.

Они медленно начали спускаться, и выйдя изъ тяжелаго сумрака тропинки на Giardino, освѣщенное смѣшаннымъ свѣтомъ заходящаго солнца и восходящей луны, увидѣли передъ собой цѣлое общество.

— Реджи!—воскликнулъ Мэнистей.— И Ниль! Боже мой, да вотъ они всѣ тутъ!

И дѣйствительно, на скамейкѣ около фермы сидѣли за чаемъ ожидаемые спутники, весело болтая другъ съ другомъ и съ Аристодемо. Въ сторонкѣ отъ нихъ стояла бѣлая лошадь съ дамскимъ сѣдломъ.

При видѣ Мэнистея, Рэджи воздѣлъ руки кверху и побѣжалъ къ нимъ встрѣчу.

— Отдаю вамъ эту благословенную страну!—кричалъ онъ издали.—Обѣщаюсь никогда ни одного слова не говорить въ защиту ея. Оказывается, что на этой чертовской линіи съ мая введено новое росписаніе поѣздовъ. Никто объ этомъ ничего не говоритъ. Всѣ старыя росписанія висятъ на своихъ мѣстахъ, и какая-то маленькая бумажонка, извѣщающая о перемѣнѣ, болтается гдѣто, гдѣ ни одинъ человѣкъ не можетъ ея увидѣть. Станція полна народу для двухъ-часового поѣзда. Оказывается, внезапная перемѣна, и до 4 ч. 25 минутъ нѣтъ поѣзда. Въ жизнь свою не видалъ такого безпорядка! И начальникъ станціи еще смѣетъ грубить! Что у васъ такое случилось?—Онъ остановился прямо передъ Мэнистеемъ и Люси.

— Сейчасъ мы все вамъ разскажемъ, мой другъ,—сказалъ Мэнистей,— а теперь помогите намъ доставить миссъ Фостеръ домой. Какъ хорошо, что вы догадались привести съ собой лошадь.

— Но... я взялъ ее для м-рсъ Бергойнъ,—сказалъ молодой человѣкъ, съ удивленіемъ оборачиваясь къ своей кузинѣ.—Мы встрѣтили по дорогѣ вашъ экипажъ и кучеръ сказалъ намъ, что вы остались въ Неми на цѣлый часъ дольше, чѣмъ сказали ему. Я и подумалъ, что Элеонора, вѣроятно, смертельно устанетъ и пошелъ къ тому человѣку, у котораго—помните—мы зимой брали лошадей...

Но Мэнистей, не слушая его, уже спѣшилъ съ Люси впередъ, а она чувствовала себя такой слабой, что перестала соображать, что творится вокругъ нея.

Рэджи въ отчаяніи смотрѣлъ на м-рсъ Бергойнъ.

— Элеонора, что вы съ собой сдѣлали? Весь сегодняшній день былъ какимъ-то кошмаромъ. Неужели вы будете въ состояніи пройти всю эту дорогу внизъ? Что случилось съ миссъ Фостеръ?

— Какіе-то мальчишки бросили въ нее камнемъ и поранили руку. Эдуардъ отправится съ нею въ Гензано, отыщетъ доктора и отвезетъ ее домой. Мы отправимся впередъ и пришлемъ имъ экипажъ. Вы просто ангелъ, Реджи, что привели съ собою лошадь.

— Но я привелъ ее для васъ, Элеонора,—сказалъ молодой человѣкъ, съ сокрушеніемъ смотря на хрупкую женщину, къ которой онъ всегда относился съ такой искренней и постоянной любовью.—Миссъ Фостеръ сильна, какъ Самсонъ. Что она тутъ натворила?

— Прошу васъ, Реджи, придержать вашъ языкъ. Когда мы отправимъ эту бѣдную дѣвочку, тогда можете болтать столько глупостей, сколько вамъ будетъ угодно.

Элеонора побѣжала къ Люси, которую теперь усаживали на лошадь. Вокругъ нея столпилось все общество. Люси говорила въ замѣшательствѣ:

— Вѣдь эта лошадь предназначалась для м-рсъ Бергойнъ. Какъ она устанетъ идти пѣшкомъ!

— Не безпокойтесь обо мнѣ,—раз-

дался около нея смѣющійся голосъ Элеоноры.—Я нисколько не устала.

— Элеонора, уведите ихъ всѣхъ отсюда, — нетерпѣливо сказалъ Мэнистей.—Нужно будетъ осторожно вести лошадь, чтобы обходить камни.

Элеонора увела всю компанію въ сторону. Они тронулись въ путь. Мэнистей шелъ рядомъ съ лошадью, которую велъ проводникъ изъ Гензано.

Люси начала приходить въ себя подъ вліяніемъ прохлады вечерняго воздуха. Земля тонула въ опаловомъ сіяніи, а надъ нею поднималось блѣдно-зеленое небо, на которомъ еще горѣли розовыя и золотыя краски заката.

Со всѣхъ сторонъ поднимались синія и пурпурныя тѣни, какъ волны заливающія равнину. Гдѣ кончалось озеро и гдѣ начинались берега? Все было залито одной синеватой дымкой—оливковыя и фиговыя деревья, красноватая земля, бѣлыя вишневыя деревья, блѣдно-розовыя цвѣты миндаля. Впереди огни Гензано горѣли на высокой скалѣ. На этой уединенной тропинкѣ все было полно безмолвіемъ и ароматомъ лѣса. Подснѣжники и стройные бѣлые крокусы всегдѣ мелькали по сторонамъ. Несмотря на слабость и физическую боль, Люси вся отдавалась созерцанію этой красоты. Въ душѣ ея была странная тишина и покорность.

— Вамъ лучше? — спрашивалъ ее Мэнистей. Въ голосѣ его слышалась непривычная мягкость, которая невольно трогала ее.

— Гораздо лучше. Кровотеченіе почти прекратилось. Я... я... сама виновата... мнѣ нужно было ждать васъ и не идти одной по этимъ тропинкамъ...

— Да, я думаю, это было бы болѣе благоразумно,—сказалъ Мэнистей.— Съ этимъ народомъ никогда нельзя ничего предвидѣть. Да и въ Англіи такая же вещь могла бы случиться съ итальянской дамой, гуляющей въ одиночествѣ по глухимъ дорогамъ — тутъ вѣдь достаточно одного негодяя-мальчишки. Но дѣло въ томъ, что мы не должны были оставлять васъ одну.

Она была слишкомъ слаба, чтобы возражать. Поводья выпали изъ ея руки, которая все еще была совсѣмъ холодная. Мэнистей тотчасъ же поднялъ ихъ и вложилъ обратно въ ея руку, причемъ замѣтилъ, что рука эта, хотя и не маленькая, была очень красива.

Когда они поднимались на крутой подъемъ къ лѣсамъ Сфорца Цезарини, онъ заставилъ ее отдохнуть на полъдорогѣ.

— Какъ вамъ, вѣроятно, было больно ѣхать по этимъ камнямъ,—сказалъ онъ, поворачивая лошадь, чтобы ей было удобнѣе сидѣть.

— Нѣтъ, ничего. Посмотрите, какая красота!

Передъ нею открылся видъ на лѣса на юго восточномъ берегу озера, надъ которыми поднялась луна. Озеро было наполовину освѣщено, наполовину въ тѣни; кудрявый лѣсъ на Монте-Кавео, мягкій какъ облако, рисовался въ безконечной синевѣ ночного неба. Они остановились невдалекѣ отъ образа мадонны, передъ которымъ горѣла лампадка. Образъ былъ окруженъ цвѣтами, начинавшими вянуть. Мэнистей обратилъ вниманіе Люси на образъ и на дорогу, которая вела къ нему.

— Видите ли эту груду камней?— сказалъ онъ.—Это кусочекъ старой дороги къ храму. Я присутствовалъ при раскопкахъ, которыя здѣсь производились, и видѣлъ, какъ крестьяне несли найденныя сокровища, въ томъ числѣ удивительно сохранившуюся голову Медузы, мимо этого образа. Было уже почти темно, они не хотѣли привлекать къ себѣ вниманія и работали вечеромъ. Но я былъ друженъ съ завѣдующимъ раскопками и онъ взялъ меня съ собою. Носильщики тяжелыхъ бронзовыхъ вещей устали. Они положили свою ношу вотъ здѣсь и сѣли отдохнуть. Мой другъ приподнялъ крышку деревяннаго ящика, напоминающаго гробъ, въ которомъ они несли свою поклажу, чтобы удостовѣриться, все ли въ порядкѣ. Вы не можете себѣ представить, какими странными глазами медуза смотрѣла на Мадонну съ Младенцемъ! «А, сударыня,— сказалъ я ей,—міръ принадлежалъ вамъ, когда васъ засыпало землею, теперь онъ

принадлежитъ имъ. Смиритесь передъ ними!» И я думалъ о томъ, что хорошо было бы помѣстить эту голову медузы тутъ же подъ лампадкой и какъ странно было бы ночью натолкнуться на голову, обвитую змѣями, съ глазами, устремленными на Христа!

Люси вздрогнула и улыбнулась.

— Хорошо, что она была не ваша.

— Почему же? Крестьяне скоро превратили бы ее въ святую, создали бы ей цѣлую легенду. Змѣи превратились бы въ орудія пытки, ставшія мученическимъ вѣнцомъ. Италія и католицизмъ умѣютъ поглощать и ассимилировать себѣ все. «Святая медуза»! Увѣряю васъ, она была бы совершено на своемъ мѣстѣ.

Онъ замолкъ и она слышала, какъ онъ сказалъ про себя:

— Изумительная, изумительная страна!

Люси невольно воскликнула:

— Но вѣдь вы не любите ее. Вы такъ неблагодарны по отношенію къ ней.

Онъ съ удивленіемъ взглянулъ на нее и засмѣялся открытымъ, задорнымъ смѣхомъ:

— Есть Италія—и Италія.

— Есть только одна Италія—Италія Аристадемо, та Италія, въ которой работаютъ крестьяне.

Она обернулась къ нему, оживившаяся, съ порозовѣвшими щеками.

— Эта Италія только что послала семь тысячъ своихъ сыновей на бойню въ далекую колонію, потому что ея голодные политики желаютъ получить славу и удержаться на своихъ мѣстахъ. Вы желаете, чтобы я любилъ *эту* Италію?

— Вы могли бы быть великодушны по отношенію къ ней—или по крайней мѣрѣ, справедливы—ради старой Италіи.

Ей было трудно говорить и онъ замѣтилъ это.

— Не будемъ спорить сегодня,—сказалъ онъ, улыбаясь.—Подождемъ, пока вы поправитесь, а потомъ я опять сдѣлаю на васъ нападеніе. Вы думаете, я не знаю о томъ, какого рода литературой вы увлекались въ послѣднее время?

— Нужно же мнѣ было выслушать и другую сторону.

— Развѣ та сторона, которую я защищалъ, такъ надоѣла вамъ?

Оба засмѣялись. Потомъ онъ сказалъ, пожимая плечами:

— Какіе всѣ вы, американцы, революціонеры! Хотѣлъ бы я знать, какъ долженъ чувствовать себя народъ безъ прошедшаго, безъ традицій?

— Да мы полны традиціями!—воскликнула Люси.

— Традиціи мятежа и своеволія—не традиція,—сказалъ онъ, вызывающе.—Подчиненіе индивидума цѣлому—вотъ, о чемъ вы не имѣете ни малѣйшаго понятія.

— Если понадобится, мы съумѣемъ и подчиниться, но это будетъ свободное, добровольное подчиненіе.

— Подождите, будутъ у васъ и священники! Да они уже и начинаютъ появляться. Безъ нихъ ни одна современная нація не можетъ держаться.

Они еще нѣкоторое время поспорили, но у Люси вскорѣ ослабѣлъ воинственный духъ. Она смотрѣла на дорогу, желая опредѣлить, далеко ли еще до Гензано. Мэнистей замѣтилъ это и ближе подошелъ къ ней.

— Что моя болтовня развлекла васъ, или утомила?—сказалъ онъ другимъ голосомъ.—Я хотѣлъ только развлечь васъ. Слышите вы этотъ звукъ?

Они остановились. Съ правой стороны въ сумракѣ виднѣлась небольшая ферма, окруженная виноградниками. Изъ нея по направленію къ нимъ выбѣжала какая-то темная фигура. За нею бѣжали другія, стараясь остановить ее. Слышался плачъ и жалобные женскіе стоны.

— Что это такое?—воскликнула Люси, всплеснувъ руками.

Мэнистей побѣжалъ къ фермѣ узнать, въ чемъ дѣло. Эти жалобные звуки отравляли вечернюю тишину. Люси казалось, что она различаетъ голосъ старой женщины, смѣшивающійся съ грубыми мужскими голосами. Неужели они мучаютъ ее? Она заявила проводнику, что хочетъ слѣзть съ лошади и также идти туда.

— Нѣтъ, нѣтъ, синьорина,—отвѣтилъ тотъ спокойно.—Синьоръ сейчасъ вернется. Такія вещи случаются часто, очень часто.

И дѣйствительно, почти въ тотъ же

моментъ Мэнистей вернулся и крики начали затихать.

— Вы испугались?—спросилъ онъ тревожно.—Совершенно напрасно. Какъ странно, что это случилось сейчасъ послѣ нашего разговора.—Онъ разсказалъ ей, что плачущая женщина была женой мелкаго фермера, несчастная истерическая старуха, потерявшая обоихъ сыновей въ Абиссинской войнѣ. Какъ только надзоръ за ней ослабѣвалъ, она выбѣгала на дорогу и бросалась въ ноги проѣзжимъ, умоляя ихъ заступиться за нее передъ правительствомъ, чтобы оно вернуло ей ея сыновей, или, по крайней мѣрѣ, хоть младшаго, Нино, ея любимца Нино. Не можетъ быть, чтобы они оба умерли. Пресвятая Дѣва не могла бы допустить этого.

— Несчастная обнимала мои колѣни, перечисляла, сколько свѣчекъ она поставила Мадоннѣ, кричала что-то насчетъ «governo». Я помогъ увести ее въ домъ.

Люси отвернула голову и они продолжали путь. Она напрягала всѣ силы, чтобы держать себя въ рукахъ, но ея нормальное самообладаніе ослабѣло и страшные крики женщины все еще стояли у нея въ ушахъ. По щекамъ ея катились слезы—она надѣялась, что они будутъ не замѣчены.

Но Мэнистей замѣтилъ ихъ, хотя и не подалъ виду. Онъ началъ говорить, но въ его обычныхъ шуткахъ и поддразниваніяхъ слышалась какая-то непривычная мягкость. Ея внезапныя слезы—слезы усталаго ребенка—и его деликатное отношеніе къ нимъ, создавали между ними новую связь, вносили что-то новое въ ихъ отношенія, что оба они сознавали и что возбуждало въ ней смутную, робкую радость.

Около воротъ Сфорца-Цезарини ихъ ждала въ коляскѣ м-съ Эліотъ, сестра Реджи Бруклина. Люси свели къ доктору, и въ девять часовъ она уже находилась на виллѣ. Миссъ Мэнистей встрѣтила ее съ ламентаціями и разспросами, на которыя усталая Люси еле могла отвѣчать.

М-рсъ Бергойнъ не вышла къ ней. Она ждала Мэнистея въ библіотекѣ, и когда онъ вошелъ въ комнату, прямо сказала ему:

— Эдуардъ, я должна сообщить вамъ непріятныя вѣсти.

Онъ тотчасъ остановился.

— Ваша сестра Алиса будетъ завтра здѣсь.

— Моя сестра Алиса? — повторилъ онъ недовѣрчиво.

— Она телеграфировала утромъ, что пріѣдетъ повидаться съ вами. Тетя Пэти совѣтовалась со мной. На телеграммѣ не было адреса.

Мэнистей, заложивъ руки въ карманы, началъ нервно ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Когда пришла телеграмма?

— Сегодня утромъ, передъ нашимъ отъѣздомъ.

— Элеонора! Почему мнѣ тогда же не сказали?

— Я хотѣла спасти прогулку,—произнесла Элеонора своимъ самымъ чарующимъ, музыкальнымъ голосомъ.—Адреса не было. Вы, все равно, не могли бы остановить ее.

— Я бы что-нибудь придумалъ,— сказалъ Мэнистей, въ раздраженіи ударивъ рукой по столу.

Элеонора не оправдывалась. Она старалась успокоить его, по обыкновенію обѣщала ему облегчить тягость ожидаемаго посѣщенія. Но онъ не слушалъ ее, и когда Элеонора кончила, проговорилъ неожиданно:

— Эта бѣдная дѣвочка! Послѣ всѣхъ сегодняшнихъ испытаній еще напустить на нее Алису! Я отдалъ бы все на свѣтѣ, чтобы помѣшать этому!

— Миссъ Фостеръ?—небрежно сказала Элеонора.—О, ей ничего не сдѣлается!

— Вотъ то-то и есть!—сказалъ Мэнистей, внезапно приходя въ бѣшенство. — Мы всѣ были къ ней возмутительнѣйшимъ образомъ несправедливы. Она—удивительно тонкая, нѣжно-чувствующая натура. Я бы ни за что не допустилъ, чтобы ее коснулись еще какія-нибудь непріятности.

Тетка позвала его, и онъ ушелъ въ страшномъ раздраженіи. Элеонора смотрѣла ему вслѣдъ со странной улыбкой на блѣдномъ лицѣ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

— Миссъ Фостеръ не выйдетъ? Какъ она себя чувствуетъ?

— Тетѣ Пэтти удалось убѣдить ее остаться въ постели только до послѣ завтрака, и то съ большимъ трудомъ. Тетя Пэтти находитъ, что она еще не совсѣмъ оправилась.

Говорившіе были Мэнистей и м-рсъ Бергойнъ. Элеонора сидѣла въ густой тѣни аллеи, тянувшейся вдоль наружной ограды сада. Сквозь суковатые стволы деревьевъ направо виднѣлась полосами ослѣпительно яркая, залитая солнцемъ Кампанья, утонувшая вдали въ горячемъ блескѣ Средиземнаго моря. На колѣняхъ у нея лежала новенькая, еще не разрѣзанная книжка французскихъ мемуаровъ.

Мэнистей, пришедшій посовѣтоваться съ ней, стоялъ рядомъ, прислонившись къ дереву.

— Элеонора!—вырвалось у него.— Мы должны защитить эту дѣвушку! Вы знаете, о чемъ я говорю. Вы мнѣ поможете?

— Чего же вы боитесь?

— Боже мой! Я самъ не знаю хорошенько. Я знаю только, что необходимо держать Алису подальше отъ миссъ Фостеръ. Онѣ не должны ни гулять вмѣстѣ, ни сидѣть близко; вообще, нельзя позволить ей докучать этой дѣвушкѣ. Я не буду имѣть минуты покоя, если Алиса пристрастится къ ней.

Элеонора съ минуту колебалась. Щеки ея чуть-чуть порозовѣли, но Мэнистей этого не замѣтилъ, такъ какъ шляпа бросала тѣнь на ея лицо.

— Что же, если это васъ, дѣйствительно, тревожитъ, миссъ Фостеръ могла бы уѣхать во Флоренцію. Она говорила мнѣ вчера, что у Портеровъ есть тамъ друзья, у которыхъ она могла бы погостить.

Мэнистей передернулъ плечами.

— Ну, это уже черезчуръ. Не думаю, чтобы *это* было необходимо. Жаль будетъ, если ей не придется побывать въ Валломброзѣ. Я надѣялся отвезти ее туда съ тетей Пэтти въ половинѣ іюня.

Элеонора такъ порывисто поднялась съ мѣста, что книга упала на землю.

— Вы ѣдете въ Валломброзу? Я думала, что вамъ необходимо быть дома въ началѣ іюня.

— И я такъ думалъ. Но тогда я думалъ, что книга выйдетъ въ концѣ этого мѣсяца. А теперь...

— А теперь, когда она не выйдетъ совсѣмъ, вы находите, что торопиться не къ чему?

Лицо Мэнистея приняло недовольное выраженіе.

— Зачѣмъ вы такъ говорите? Это не хорошо съ вашей стороны. Книга, конечно, выйдетъ. Но разъ она не выйдетъ въ іюнѣ, она можетъ выйти только въ октябрѣ. А слѣдовательно, торопиться некуда.

Послѣднія слова Элеоноры сопровождались легкимъ холоднымъ смѣхомъ. Теперь смѣхъ умолкъ, но отвѣта не было. Мэнистей сорвалъ стебелекъ и принялся сердито грызть его зубами.

Онъ присѣлъ на каменную скамью, рядомъ съ Элеонорой и, помолчавъ немного, заговорилъ уже другимъ голосомъ:

— Вернемся лучше къ миссъ Фостеръ. Ее незачѣмъ увозить отсюда, надо только хорошенько смотрѣть за ней. Вѣдь вы намъ поможете, Элеонора? Вы не откажетесь помочь?

Мимолетное облачко гнѣва на его челѣ уже разсѣялось. Онъ опять былъ такимъ, какимъ бывалъ только въ лучшія свои минуты, красивымъ, обаятельнымъ. Дрожь пробѣжала по тѣлу Элеоноры. Она невольно перенеслась мыслью ко вчерашнему дню, сравнивая лучезарную улыбку на склонившемся надъ нею лицѣ, ласковый взглядъ, полный братскаго довѣрія и просьбы о помощи, съ суровой уклончивостью и замкнутостью, о которыя разбивались всѣ ея слабыя женскія попытки возобновить прежнюю интимность, скрѣпить ослабѣвшія узы дружбы. Она вспомнила мучительную ночь, проведенную ею безъ сна... А теперь они сидятъ рядомъ и

бесѣдують, какъ добрые кузены, словно между ними никогда и не было ничего бо́льшаго. Словно имъ больше не о чемъ и говорить, кромѣ какъ объ опасности, угрожающей душевному спокойствію Люси Фостеръ. Какія думы таитъ это, повидимому, ясное чело, эти искрящіеся сѣро-голубые глаза?.. Мэнистей умѣлъ, когда ему этого хотѣлось, оставаться загадкой даже для тѣхъ, кто очень хорошо зналъ его.

Она украдкой тяжело вздохнула, чувствуя на себѣ снова неумолимый гнетъ общественныхъ законовъ, не дозволяющій порядочной женщинѣ брать иниціативу на себя и требующій, чтобы она вела игру только такъ, какъ этого хочетъ мужчина.

— Не знаю, чѣмъ собственно я могу тутъ быть полезной, — выговорила она медленно. — Вы думаете, что Алиса не поправилась?

Мэнистей покачалъ головой, бросилъ на нее острый, недовѣрчивый взглядъ, словно смѣривъ ее съ ногъ до головы, и, понизивъ голосъ, отвѣтилъ:

— Я думаю... я знаю, что вамъ можно довѣриться. Я имѣю основаніе предполагать, что въ Венеціи она покушалась на самоубійство. Ея горничная успѣла помѣшать ей и дала знать мнѣ. Я состою въ перепискѣ съ этой горничной, хотя Алиса не подозрѣваетъ этого.

— Развѣ нельзя устроить такъ, чтобы она совсѣмъ не пріѣзжала сюда? — помолчавъ, сказала Элеонора.

— Я думалъ объ этомъ; можно было бы встрѣтить ее на станціи и убѣдить вернуться обратно. Но вы не знаете, какъ она упряма. Пока она въ Римѣ, а мы здѣсь, мы не можемъ считать себя въ безопасности. Есть тысячи способовъ вторженія. Пусть ужъ лучше пріѣдетъ: узнаемъ, что ей нужно, успокоимъ ее, если это возможно, и отошлемъ обратно. За насъ я не боюсь, включая и васъ, Элеонора. Намъ она ничего не сдѣлаетъ. Придется пережить нѣсколько непріятныхъ моментовъ — и только. Но вотъ бѣда: кромѣ насъ, здѣсь еще миссъ Фостеръ.

Элеонора вопросительно посмотрѣла на него. Мэнистей нахмурился.

— Одна изъ особенностей ея болѣзненнаго состоянія та, что она иногда безумно привязывается къ дѣвушкамъ гораздо моложе себя. Это уже бывало не разъ. Изъ-за этого у нея выходитъ масса непріятностей и столкновеній въ отеляхъ. Съ пожилыми людьми, или, напримѣръ, съ вами, со мной, она молчитъ, какъ убитая, но когда ей удастся произвести хорошее впечатлѣніе на юное, неопытное существо, на какую-нибудь молоденькую дѣвушку, она начинаетъ изливаться передъ нею, ходитъ за ней по пятамъ, пишетъ ей письма, мучитъ ее, пока не добьется желаннаго сочувствія и симпатіи. Бѣдная, бѣдная Алиса.

Послѣднія слова прозвучали почти стономъ. Въ глазахъ Мэнистея свѣтилось глубокое искреннее чувство.

— Не надо забывать, — продолжалъ онъ, — что она до сихъ поръ сохранила власть очаровывать непосвященныхъ. Умъ ея — руина, но это руина зданія, нѣкогда бывшаго прекраснымъ и благороднымъ. Она и теперь еще можетъ быть обаятельной, но всѣ ея мысли такія странныя, спутанныя, отчаянныя. Она сначала очаровываетъ, потомъ пугаетъ. Начинается съ того, что дѣвушка слушаетъ и жалѣетъ разсказчицу. Тогда Алиса беретъ съ нея клятву молчать и ужъ съ этой минуты не оставляетъ ее въ покоѣ, только и говоритъ, что о врагахъ и преслѣдователяхъ, увѣряетъ, что *нѣкоторые* хотятъ ея смерти, вскрываютъ ея письма, ходятъ за ней по слѣдамъ и т. д. Дѣвушка слушаетъ, сочувствуетъ, не спитъ по ночамъ, у нея у самой разстраиваются нервы. Не далѣе, какъ въ прошломъ году, во Флоренціи вышла такая исторія, что Дальгетти — это горничная — пришлось увезти Алису прямо-таки силой. Родители дѣвушки грозили обратиться къ врачамъ, засадить Алису въ домъ умалишенныхъ.

— И отлично, отлично! — вскричала м-рсъ Бергойнъ. — Это было бы самое лучшее!

Мэнистей покачалъ головой.

— Невозможно! Не думайте, что мнѣ самому этого не приходило въ голову и моимъ повѣреннымъ также. Можетъ быть теперь болѣзнь усилилась, но если Алиса такова же, какою я видѣлъ ее въ послѣд-

ній разъ, она всегда съумѣетъ при освидѣтельствованіи отвѣтить такъ, что не будетъ никакихъ основаній отправить ее въ больницу. У нея есть странности, причуды, она эксцентрична, постоянно грустна; тѣхъ, кто имѣлъ несчастіе заинтересовать ее, она мучитъ, отравляя ихъ душу, такъ сказать, нравственнымъ ядомъ: но *доказать*, что она опасна для себя и для другихъ нѣтъ возможности— по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ не было. Всѣ испытанія ни къ чему не приводили.

Онъ помолчалъ, потомъ прибавилъ, подчеркивая:

— Я говорю не наобумъ. Это уже было испробовано.

— А покушеніе на самоубійство въ Венеціи?

— Ничего не значитъ. Письмо горничной убѣдило меня въ двухъ вещахъ: во-первыхъ, что сестра покушалась на свою жизнь, во-вторыхъ, что доказательствъ этому нѣтъ.

Элеонора наклонилась къ нему и, понизивъ голосъ, спросила:

— А ея спутникъ?

— Ахъ! Тетя Пэтти и это вамъ разсказала? О, это все продолжается. За послѣдніе мѣсяцы она два раза видѣлась съ нимъ: въ первый разъ въ Венеціи,— что, по всей вѣроятности, находится въ связи съ попыткой самоубійства; во второй, недѣли двѣ тому назадъ, въ Падуѣ. Этотъ господинъ, по всѣмъ отзывамъ, порядочный человѣкъ, хотя и не вполнѣ равнодушный къ тому обстоятельству, что у Алисы есть деньги. Вы знаете, кто онъ такой? Французъ художникъ, съ которымъ она столкнулась въ Венеціи. Онъ тоже одинокъ и склоненъ къ меланхоліи такъ что въ этомъ они похожи. Я думаю даже, что онъ искренно привязанъ къ ней. Но, послѣ послѣдней встрѣчи, въ Падуѣ, она сказала Дальгетти, что никогда не согласится сдѣлать его несчастнымъ, выйдя за него замужъ.

— Какъ вы думаете, зачѣмъ онъ сюда пріѣхалъ?

— Можетъ быть, она надѣется убѣдить меня сдѣлать что-нибудь для этого человѣка; это весьма возможно. Она не хочетъ быть его женой, но ей нравится быть его провидѣніемъ. Я готовъ обѣщать все, что угодно, лишь бы она только поскорѣе уѣхала опять въ Венецію или въ Швейцарію, гдѣ она часто проводитъ лѣто. Пока она остается подъ одной кровлей, съ м-ссъ Фостеръ я не могу быть ни минуты спокойнымъ. Она очень легко переходитъ отъ безумной привязанности къ такой же безумной ненависти.

Элеонора откинулась на спинку скамьи.

Не веселыя мысли роились въ ея головѣ. Она молчала, но взоръ ея выдавалъ, какъ горько ей было въ эту минуту—горько не столько отъ того, что сказалъ Мэнистей, сколько отъ того, чего онъ не сказалъ. Всѣ его тревоги, всѣ заботы сосредоточены на одномъ!—все остальное не важно и ни до кого другого ему нѣтъ дѣла!

Эта мысль душила ее, но она и тутъ боролась, отказывалась покориться, отказывалась вѣрить собственнымъ страхамъ. Въ душѣ ея наростала волна другого чувства. Для нея такъ естественно было любить его и помогать ему.

— Скажите мнѣ, что вы намѣрены дѣлать? Разумѣется, мы всѣ должны оберегать этого ребёнка.

Онъ придвинулъ свою голову совсѣмъ близко къ ея лицу и не сводилъ съ нея своихъ блестящихъ глазъ.

— Никогда не оставляйте ее одну съ миссъ Фостеръ. Слѣдите за ней. Если вы замѣтите, что Алиса преслѣдуетъ ее, постарайтесь помѣшать этому, если можете, и во всякомъ случаѣ, дайте мнѣ знать. Я разумѣется съ своей стороны буду отвлекать Алису. На одинъ день можно отправить миссъ Фостеръ въ Римъ, можетъ быть, даже на два. Тссъ! она идетъ.

Элеонора оглянулась. Люси только что появилась вдали въ прохладномъ сумракѣ аллеи. Она двигалась медленно, съ томной граціей, волоча по землѣ бѣлыя оборки юбокъ. Она уже не казалась дикой; ея прежняя застѣнчивость, ея здоровый, немножко деревенскій видъ исчезли или временно стушевались, уступивъ мѣсто чему-то болѣе утонченному и привлекательному. Никогда еще она не казалась такой юной. До сихъ поръ она была слишкомъ сильна, слишкомъ полагалась на себя. Приступъ нездо-

ровья, физическая слабость какъ будто сдѣлали ее опять ребенкомъ.

Обернувшись къ своему сосѣду, Элеонора замѣтила, какъ внезапно смягчилось выраженіе лица Мэнистея. Вся его поза говорила о радостномъ ожиданіи.

— Какая прелестная головка, какой дивный овалъ лица!—выговорилъ онъ вполголоса, не то про себя, не то обращаясь къ Элеонорѣ.—Знаете, кого она мнѣ напоминаетъ?

Элеонора покачала головой.

— Ту головку,—вѣрнѣе, личико,—что я подарилъ вамъ въ Неми. Вы не видите сходства!

— Я всегда говорила, что она похожа на вашъ греческій бюстъ.

— Ахъ, тогда она была еще въ архаической стадіи. Но теперь, когда она освоилась съ нами, привыкла,—вы замѣчаете? — чистота линій осталась прежняя, но все какъ-то смягчено, очеловѣчено. Это переходъ отъ мрамора къ терракоттѣ.

Ему самому понравилось это сравненіе, и онъ съ улыбкой обернулся къ ней за сочувствіемъ, потомъ вскочилъ и пошелъ на встрѣчу Люси.

— Нѣтъ, у него нѣтъ ничего затаеннаго на душѣ,— съ несказаннымъ облегченіемъ думала Элеонора. Онъ не могъ бы такъ говорить смотрѣть улыбаться обращаясь ко *мнѣ*.

Она тоже пошла на встрѣчу подходившей Люси и ласково принудила ее сѣсть на свое мѣсто, подъ предлогомъ, что ей самой нужно вернуться на виллу.

Люси съ благодарностью взяла ее за руку.

— Не знаю, что это со мной приключилось,—выговорила она улыбаясь, но грустнымъ голосомъ,—я въ жизнь свою никогда не завтракала въ постели. Въ Грейриджѣ подумали бы что я сошла съ ума.

— Развѣ въ Америкѣ привычка завтракать въ постели является несомнѣннымъ признакомъ умопомѣшательства?— освѣдомилась Элеонора.

Этого Люси не могла сказать. Она знала только, что въ Грейриджѣ, да и во всемъ Вермонтѣ никто этого не дѣлаетъ, кромѣ тяжко больныхъ.

— Я стала бы рѣшительно никуда и ни на что не годной, еслибъ меня баловали дома такъ, какъ вы балуете меня здѣсь! — вскричала Люси такъ энергично, что даже краска снова выступила у нея на щекахъ.

Элеонора послала ей воздушный поцѣлуй, улыбнулась и отошла.

Съ каждымъ шагомъ она удалялась отъ нихъ, но все время видѣла ихъ,—хотя ни разу не оглянулась назадъ—слышала пылкіе, торопливые вопросы мужчины и застѣнчивые отвѣты дѣвушки. Она ушла отъ нихъ, оставила ихъ однихъ, какъ предписывала ей гордость;—теперь все это дивное майское утро было въ ихъ распоряженіи. Согласно только что полученной телеграммѣ, Алису Мэнистей можно было ожидать только послѣ завтрака.

Тѣмъ временемъ Мэнистей разсказывалъ Люси о своей сестрѣ, спокойнымъ тономъ и настолько откровенно, насколько это казалось ему необходимымъ.

— Она очень странная — съ ней тяжело. Теперь она мало живетъ съ нами. Она больше всего любитъ быть одна. Ни чье общество не можетъ ей замѣнить ея собственнаго. Но въ былыя времена мы съ ней были большими друзьями. Мы вмѣстѣ расли въ старомъ домѣ, въ Йоркширѣ, и представляли собой довольно-таки странную парочку. Меня никогда не посылали въ школу, но отъ этого я немного потерялъ; изъ большинства своихъ учителей я извлекъ все, что только было можно. Алиса тоже была своевольная, непослушная дѣвочка, и мы цѣлыми днями бродили гдѣ придется, или читали. Оба мы были отъ природы мечтательнаго склада ума. Меня еще отвлекали отъ праздныхъ грезъ охота и рыбная ловля; но Алиса, послѣ смерти матери, вся ушла въ свои фантазіи и съ каждымъ днемъ становилась менѣе похожей на другихъ. Въ паркѣ у насъ былъ павильончикъ—вѣрнѣе, заброшенная тепличка; мы туда уносили свои книги и жили тамъ иногда по цѣлымъ недѣлямъ. Это было вскорѣ послѣ моего пріѣзда, передъ отъѣздомъ заграницу.

Алисѣ было тогда шестнадцать лѣтъ. Я какъ теперь вижу ее сидящей на порогѣ нашей теплички. Она цѣлыми часами сидѣла тамъ, не шевелясь, заложивъ одну руку за голову и глядя все въ одну сторону, словно лунатикъ. Однажды я спросилъ ее: «Алиса о чемъ ты думаешь?».—«О себѣ».—Я засмѣялся и началъ дразнить ее, но она совершенно спокойно отвѣтила: «Я знаю, что это не хорошо, но не могу удержаться».

Люся широко раскрыла глаза отъ удивленія.

— Вамъ слѣдовало дать ей какую-нибудь работу, заставить ее чѣмъ-нибудь заняться, учиться, наконецъ! Развѣ нельзя было отдать ее въ школу, найти для нея общество, друзей?..

— О, конечно, мнѣ слѣдовало сдѣлать и то, и другое, и третье, но я никогда не былъ примѣрнымъ братомъ, вообще, примѣрнымъ въ какомъ бы то ни было отношеніи! Я росъ на волѣ, предоставленный самому себѣ, и полагалъ, что и для Алисы это будетъ самое лучшее. Вы не одобряете такихъ взглядовъ?

Онъ устремилъ на нее пытливый властный взоръ. Люси невольно отодвинулась и засмѣялась.

— Я не рѣшилась бы критиковать ихъ. Я слишкомъ мало знаю. Но мнѣ все-таки жаль вашей сестры.

— О чемъ *вы* думали, когда вамъ было шестнадцать лѣтъ?

Она застѣнчиво подняла на него свой кроткій взоръ и сказала просто:

— У меня тогда еще была моя мама.

— А! Боюсь, что, въ такомъ случаѣ, вы не имѣете права судить насъ. У насъ съ Алисой не было матери — никого не было; мы были предоставлены самимъ себѣ. Само собой всѣ наши родственники и друзья не одобряли нашего образа жизни, но мы ихъ мнѣнію никогда не придавали большого значенія. Я вообще не дорожу одобреніемъ. Мнѣ нужно только одно: быть счастливымъ. Мнѣ и въ голову не приходитъ судить другихъ. Съ какой стати они судятъ меня?

— Однако... — Люси засмѣялась, вспомнивъ его книгу и его политическую эскападу.—Вѣдь вы же *всегда* судите другихъ!

— Я воюю съ ними—да! Это иное дѣло. Но я ни на кого не смотрю сверху внизъ, съ видомъ превосходства. Я никогда не сужу; я только люблю—и ненавижу.

Люси не могла оторвать глазъ отъ этого смуглаго выразительнаго лица, съ такими смѣлыми контурами, съ такою мягкостью линій въ отдѣльныхъ чертахъ; очарованіе все расло.

— Мнѣ кажется, что вы больше ненавидите, чѣмъ любите.

Онъ подумалъ.

— Очень возможно. Этотъ міръ не изъ привлекательныхъ. Но я начинаю ненавидѣть не вдругъ; ненависть моя растетъ медленно и постепенно. Если, напримѣръ, кто-нибудь оскорбитъ меня, я вначалѣ почти не чувствую этого — мнѣ какъ будто все равно. Но мало-помалу чувство обиды растетъ въ моей душѣ, начинаетъ тяготить меня—жжетъ, какъ огнемъ, и въ концѣ концовъ заслоняетъ все остальное Сейчасъ, напримѣръ, я ненавижу людей, которыхъ возненавидѣлъ въ прошломъ году въ Англіи, гораздо сильнѣе, чѣмъ тогда!

Крѣпко сжатыя губы Люси, ея сверкающіе глаза выражали протестъ, котораго дѣвушка не въ состояніи была подавить.

— За что вы ихъ ненавидите? Я слышала...

— Ну?—торопилъ онъ, наклоняясь къ ней.

Люси вздрогнула, но продолжала:

— Что вы—это было очень грустно—что вы утратили вліяніе.

— Я верну его.

— Своей книгой?

— Это только одно средство изъ многихъ. Дѣло такъ могуче само по себѣ, что почти безразлично, какимъ оружіемъ защищать его.

— Что вы подразумѣваете подъ «дѣломъ»?

— Все реакціонное, безумное, всякое суевѣріе,—пояснялъ онъ, злорадно подчеркивая каждое слово.—Все, чего не можетъ постичь мудрость нашихъ мудрецовъ—все, что ваши предки пу-

ритане предавали анаѳемѣ—постъ, монашество, индульгенціи — все, что сытая, благоденствующая протестантская Англія и Америка ненавидятъ и презираютъ, хотя этимъ-то и держится міръ, въ которомъ протестантская Англія и Америка жирѣютъ и благоденствуютъ.

Люси не возражала, но лицо ея говорило краснорѣчивѣе словъ.

— Вы считаете меня сумасшедшимъ?

Дѣвушка подняла на него большіе изумленные глаза, горящіе внутреннимъ огнемъ.

— Вы говорите такъ, какъ будто вы католикъ, а вы не католикъ—вы даже не вѣрующій,—выговорила она и вдругъ остановилась, испугавшись собственной смѣлости.

— Вы совершенно правы. Я не только не вѣрю; но и не въ состояніи понять, какъ можно вѣрить, какъ ухитряются иногда вѣрить образованные люди.

Лицо дѣвушки выразило недоумѣніе и негодованіе,

— Такъ зачѣмъ же, зачѣмъ?

— Очень просто. Затѣмъ, что міръ не можетъ существовать безъ нравственности, а католицизмъ, англиканизмъ, вообще, авторитетныя религіи суть великія блюстительницы ея. Онѣ представляютъ собою связующее начало,—силу, создающую солидарность и преемственность. А ваши правовѣрные протестанты—начало разлагающее, сила, приводящая къ гибели. Что мнѣ за дѣло до его личныхъ убѣжденій? Что ему до моихъ? А между, тѣмъ ради этихъ убѣжденій онъ готовъ все уничтожить, не оставить камня на камнѣ! Разумѣется, вы можете сказать, вы имѣете полное право сказать. Онъ отвернулся отъ Люси и почти забылъ о ней, обращаясь съ воодушевленіемъ и задоромъ къ воображаемому противнику:

— Причемъ тутъ нравственность? Откуда вы знаете, что нынѣшнія понятія о нравственности правильны, что они такъ и останутся неизмѣнными? Ну, что жъ, на этой почвѣ я отказываюсь съ вами спорить. Черное можетъ быть на самомъ дѣлѣ бѣлымъ, и бѣлое—чернымъ, но я не согласенъ признать это. Я не позволю себя дурачить. Я опираюсь на нравственность. А если вы признаете нравственность, вы должны признать и единственную силу, способную ее и охранять и поддерживать—католицизмъ, въ большей, или меньшей степени—и догматы, и обряды, и суевѣрія и все то неисповѣдимое и безумное, что связываетъ между собою людей и даетъ имъ силы жить.

Люси молчала, слишкомъ взволнованная, чтобы говорить; губы ея дрожали; она вся полна была негодованіемъ и страстнымъ протестомъ. Въ умѣ ея мелькали смутныя мысли о домѣ, о знакомыхъ фермерахъ-методистахъ; вспоминались гимны, слышанные на митингахъ, полные глубокой вѣры и раскаянія—единственное выраженіе чувствъ сдержанной и замкнутой расы; вспоминался глубоко вѣрующій старикъ дядя, его благоговѣйныя молитвы. Внезапно она закрыла лицо руками, чтобы скрыть смѣхъ, котораго она не могла сдержать.

— Васъ это забавляетъ?—спросилъ Мэнистей, тяжело дыша.

— Нѣтъ, о нѣтъ! Я просто вспомнила старыхъ друзей—дядю. То, что вы говорили о католицизмѣ, показалось мнѣ, такимъ страннымъ, смѣшнымъ!

— Въ самомъ дѣлѣ? Берегитесь. Вы сами въ продолженіе трехъ минутъ были католичкой. Я видѣлъ, я слѣдилъ за вами.

— Когда это было?

— Въ соборѣ св. Петра.

Его улыбающіеся властные глаза смотрѣли на нее въ упоръ торжествующимъ взглядомъ.

— Простите! Но я видѣлъ, какъ вы были потрясены. Вѣковая традиція оказалась сильнѣе васъ: вы вмѣстѣ съ нами грѣшными опустились на колѣни.

Люси молчала. Въ глубинѣ души она ощущала какой-то странный трепетъ. Она поспѣшила перевести раговоръ.

— Надѣюсь, вы окончите вашу книгу, ради м-рсъ Бергойнъ.

Мэнистей измѣнился въ лицѣ.

— Вы думаете, что м-рсъ Бергойнъ такъ дорожитъ ею?

— Она столько трудилась надъ ней!—вскричала Люси. Что-то въ тонѣ ея собесѣдника вызвало въ ней негодованіе, хотя она сама не могла бы сказать, что именно. Въ душѣ ея роились какія-то случайныя и великодушныя опасенія по поводу состоянія м-рсъ Бергойнъ. Вначалѣ она сердилась на Мэнистея за его, какъ ей казалось, небрежность и неблагодарность; теперь она была недовольна и сама собой.

— Она слишкомъ много трудилась,—серьезно сказалъ Мэнистей.—Хорошо, что она избавлена отъ этого труда. Вы обратили вниманіе, миссъ Фостеръ, на то, какая замѣчательная женщина моя кузина?

Онъ устремилъ на нее пытливый взглядъ.

— Я не перестаю удивляться ей,—горячо воскликнула Люси.

— Такъ и слѣдуетъ, такъ и слѣдуетъ,—медленно выговорилъ Мэнистей; потомъ неожиданно вскочилъ съ мѣста и уже совсѣмъ другимъ тономъ сказалъ:

— Моя кузина Элеонора милѣйшая женщина и чрезвычайно талантливая, но всю эту зиму мы съ ней напрасно заставляли другъ друга тратить время и силы!

Люси съ удивленіемъ воззрилась на него.

— Сказать вамъ, почему? Потому, что мы были слишкомъ добры другъ къ другу.

Онъ помолчалъ, сурово вглядываясь въ лицо своей сосѣдки, словно изучая его.

— Элеонора слишкомъ сочувственно отнеслась къ моей книгѣ, а нужно было другое: нужна была рѣзкая критика. Я измучилъ ее, а толку не вышло. Самое лучшее для насъ обоихъ было разомъ все прекратить—я такъ и сдѣлалъ. Все это съ начала до конца была ошибка. Еслибъ только Элеонора могла понять, что виноватъ я самъ и сознаю, что это моя вина—и не считала бы меня несправедливымъ и недобрымъ. Миссъ Фостеръ...

Люси подняла глаза. Во взглядѣ, устремленномъ на нее, было почти приказаніе; въ этомъ взглядѣ сосредоточилась вся сила воли властнаго и сильнаго человѣка, сидѣвшаго возлѣ нея.

— Если Элеонора заговоритъ съ вами...

— Она никогда не говоритъ объ этомъ!

— Но можетъ заговорить. Такъ вотъ, если она заговоритъ, увѣрьте ее въ моей благодарности, въ моемъ искреннемъ преклоненіи передъ нею. Скажите ей, что я знаю, что не достоинъ ея помощи. Она вполнѣ способна вдохновить человѣка. Другой бы на моемъ мѣстѣ добился успѣха. Моя книга не удалась только потому, что я—я. Со стороны можетъ показаться, что я упалъ духомъ и отрекаюсь отъ того, за что раньше горячо стоялъ. Это мнѣ чрезвычайно непріятно. Но мужчина долженъ сознаваться въ своихъ ошибкахъ и бичевать свои заблужденія. Элеонора была слишкомъ добра чтобы взять это на себя, и я обратился къ Нилю. Вы понимаете?

Люси встала, волнуемая самыми противоположными чувствами. Она и одобряла, и порицала его, поддавалась силѣ его убѣжденія и сочувствовала м-рсъ Бергойнъ.

— Я поняла очень немного,—сказала она, поднимая на него свои кроткіе прелестные глаза.—Знаю только, что мнѣ еще никогда не случалось такъ полюбить кого-нибудь, за такое короткое время, какъ я успѣла полюбить м-рсъ Бергойнъ.

— Ахъ! любите ее!—сказалъ Мэнистей уже другимъ голосомъ и съ другимъ выраженіемъ лица.—Любите ее! Она такъ въ этомъ нуждается!

Они вмѣстѣ пошли къ дому. Альфредо съ балкона дѣлалъ имъ знаки, показывая на пальцахъ, что уже двѣнадцать часовъ и завтракъ готовъ.

По дорогѣ Мэнистей говорилъ:

— А теперь извольте быть послушной. Не обращайте на мою сестру никакого вниманія. Она не изъ числа счастливыхъ, но вамъ о ней нечего сокрушаться. Все равно, вы не поймете ее, и не старайтесь, прошу васъ. Самое лучшее—предоставить ее самой себѣ. Такъ я могу на васъ положиться?

— Не лучше ли вамъ отправить

меня въ Римъ?—смущенно разсмѣялась Люси.

— Я и самъ думалъ объ этомъ,— коротко отвѣтилъ Мэнистей.

Около пяти часовъ прiѣхала Алиса Мэнистей, въ сопровожденiи пожилой горничной. Люси, прежде чѣмъ ускользнуть въ садъ, успѣла разсмотрѣть худую высокую женщину съ выразительнымъ суровымъ лицомъ и черными глазами съ какимъ-то непрiятнымъ тревожнымъ блескомъ. Войдя въ гостиную, она обвела властнымъ взглядомъ всю комнату и остановила его на братѣ, но въ этомъ взглядѣ не было радости. Люси видѣла, какъ она холодно и небрежно поцѣловала Мэнистея, поклонилась, когда тетя Пэтти дрожащимъ голосомъ назвала ея имя, и затѣмъ исчезла. М-рсъ Бергойнъ съ утра уѣхала въ Римъ.

Но за обѣдомъ всѣ сошлись, и Люси могла хоть отчасти удовлетворить свое любопытство, вполнѣ естественное при такихъ обстоятельствахъ. Алиса Мэнистей была одѣта въ черный атласъ и кружева и держалаеь, какъ знатная дама. Ея изсиня-черные волосы, какъ у брата, но уже съ серебрившеюся въ нихъ сѣдиной, поражали своимъ обилiемъ и обвивали голову тяжелымъ жгутомъ, еще рѣзче оттѣняя огненные глаза, безпокойно сверкавшiе изъ-подъ густыхъ рѣсницъ. Рядомъ съ ней Элеонора Бергойнъ какъ-то стушевывалась, казалась совсѣмъ маленькой и слабой, хотя и она была скорѣе высокаго роста. Томная грацiя движенiй, изящная хрупкость, составлявшiя очарованiе Элеоноры, казались блѣдными и безцвѣтными передъ трагической красотой Алисы Мэнистей.

Обѣдъ былъ не изъ прiятныхъ. Мэнистей былъ, очевидно, не въ духѣ и чѣмъ-то раздосадованъ; миссъ Мэнистей имѣла видъ испуганной мыши; Алиса Мэнистей ни съ кѣмъ не разговаривала и ничего не ѣла, кромѣ яицъ въ смятку, должно быть спецiально для нея и поданныхъ. Элеонора болтала безъ умолку, разсказывая о своей поѣздкѣ въ Римъ и одна несла все бремя разговора, изрѣдка обращаясь за помощью къ Люси.

Съ первой же минуты для Мэнистея, къ большому его неудовольствiю, было ясно, что сестра его обратила вниманiе на миссъ Фостеръ. Немногiя слова, сказанныя ею за столомъ, были обращены къ Люси, сидѣвшей напротивъ; ея блуждающiй взглядъ не разъ, въ теченiе обѣда, останавливался на свѣжемъ личикѣ молодой дѣвушки и ея спокойномъ ясномъ челѣ.

Послѣ обѣда Мэнистей прошелъ въ гостиную вслѣдъ за дамами и попросилъ у тетки позволенiя выкурить сигаретку въ ихъ обществѣ.

Люси дивилась, не понимая, что могло произойти передъ обѣдомъ между нимъ и его сестрой. А, очевидно, что-то произошло. Онъ былъ вѣжливъ съ ней, но Люси казалось, что они уже и теперь въ натянутыхъ отношенiяхъ.

Люси сидѣла въ нишѣ на диванчикѣ и вышивала. Не подымая глазъ, она почувствовала приближенiе Алисы Мэнистей. Та подошла, присѣла рядомъ, посмотрѣла ея вышиванiе, предложила ей нѣсколько вопросовъ низкимъ бархатнымъ голосомъ. Потомъ ея странные блестящiе глаза остановились на лицѣ дѣвушки и такъ и приковались къ нему.

Но Мэнистей мгновенно очутился возлѣ нихъ съ сигареткой въ рукѣ. Ему удалось отвлечь вниманiе сестры, а Элеонора, сидѣвшая за роялемъ, тѣмъ временемъ подозвала Люси.

— Будьте добры — переворачивайте мнѣ листы. Я не могу играть безъ нотъ.

Весь этотъ вечеръ Люси удивлялась, какъ ослабѣла вдругъ музыкальная память м-рсъ Бергойнъ. Она, способная часами играть наизусть, теперь не отрывала глазъ отъ печатной страницы и ни за что не хотѣла, чтобы кто-нибудь переворачивалъ ей страницы, кромѣ Люси и одной только Люси.

Между тѣмъ, Мэнистей сидѣлъ возлѣ сестры, курилъ, закладывалъ то правую ногу на лѣвую, то лѣвую на правую и дѣлалъ попытки завязать разговоръ, но Элеонора всѣми силами старалась не смотрѣть на него, чувствуя что, ежели она взглянетъ—и музыка, и декорумъ погибнутъ въ припадкѣ неудержимаго нервнаго смѣха.

Алиса почти не отвѣчала брату. Она сидѣла неподвижно, слегка наклонивъ голову на бокъ, въ позѣ Менады на сторожѣ; глаза ея пристально смотрѣли въ одну точку, длинныя тонкія руки съ силой сжимали ручки кресла.

«О чемъ она думаетъ? — мысленно задала себѣ вопросъ Люси и вздрогнула.—О себѣ?

Когда пришло время расходиться, Мэнистей роздалъ дамамъ по свѣчѣ и, желая спокойной ночи Люси, шепнулъ ей:

— Вы говорили, что желали бы посмотрѣть Латеранскій музей—завтра тетя предоставляетъ Бенсонъ въ ваше распоряженіе.

Онъ не спрашивалъ, желаетъ ли она ѣхать завтра, удобно ли это ей; тонъ его звучалъ приказаніемъ.

Когда къ нему подошла Элеонора, онъ слегка пожалъ плечами, такъ что только она это видѣла, и прошелъ съ ней въ слабоосвѣщенную переднюю, гдѣ стояли свѣчи.

— Она требуетъ невозможнаго,—прошепталъ онъ въ отчаяніи.—Я не могу этого сдѣлать, какъ не могу полетѣть на луну!

— Эдуаръ,—позвала его сестра въ открытую дверь гостиной,—я бы желала еще немного побесѣдовать съ тобой, прежде чѣмъ идти спать.

На слѣдующій день Люси, въ сопровожденіи Бенсонъ, отправилась въ Латеранскій музей и, вооружившись каталогами, взятыми у Мэнистея, долго бродила между памятниками искусства и подписями изъ временъ христіанскаго Рима. Возвращаясь домой черезъ залитую свѣтомъ Кампанью, усѣянную яркими маками, журавлиннымъ горохомъ и ноготками, она чувствовала необъяснимую усталость.

М-рсъ Бергойнъ ждала ее, перегнувшись черезъ перила балкона и вглядываясь вдаль. Люси бросилась къ ней бѣгомъ, сама дивясь, отчего она такъ обрадовалась возвращенію домой.

Элеонора была блѣдна и замѣтно утомлена, но, тѣмъ не менѣе, ласково поздоровалась съ дѣвушкой.

— Не разсказывайте ничего. Приберегите всю вашу болтовню къ обѣду. Это намъ пригодится. Вы не можете себѣ представить, какой это былъ трудный день.

Лицо Люси выразило сочувствіе и вопросъ, который ей не хотѣлось выразить словами.

— У нихъ весь день шла борьба,— устало выговорила Элеонора. — Она хочетъ, чтобъ м-ръ Мэнистей сдѣлалъ съ ея имуществомъ то, чего онъ, какъ опекунъ ея, *не можетъ* сдѣлать. Ей приходятъ самыя сумасбродныя идеи— она-таки и есть сумасшедшая. А когда ей противорѣчатъ, она становится прямо страшна.

За обѣдомъ Люси, искренно огорченная за своихъ друзей, поставленныхъ передъ неразрѣшимой дилеммой, дѣлала все, что могла, чтобы атмосфера прояснилась. Но ея веселыя дѣвичьи рѣчи какъ бы витали надъ бездной тревогъ и унынія, поминутно угрожавшей поглотить ихъ.

Единственной ея собесѣдницей была Алиса Мэнистей. Она много говорила о Римѣ, исключительно для Люси и съ Люси, выказавъ большія познанія и тонкій вкусъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, рѣзкость и экстравагантность сужденій.

Послѣ обѣда Люси сдѣлалась предметомъ опять-таки исключительнаго и довольно стѣснительнаго вниманія гостьи, которая то и дѣло обращалась къ ней съ разными предложеніями. Но Мэнистей каждый разъ вмѣшивался, сначала очень ловко, потомъ грубо. Въ послѣдній разъ Алиса до того разсердилась, что вскочила съ мѣста, пошла къ боковому столу, гдѣ стояли свѣчи, исчезла и больше не возвращалась. Мэнистей, тетя Пэтти и м-рсъ Бергойнъ усѣлись втроемъ въ уголкѣ и вполголоса тревожно обсуждали происшедшее днемъ. Люси рѣшила, что она здѣсь лишняя, и пошла спать.

Проспавъ нѣсколько часовъ, Люси проснулась отъ сознанія, что возлѣ нея кто-то ходитъ. Съ наступленіемъ жаровъ ее перевели изъ прежней ея комнатки въ другую, на восточной сторонѣ виллы, въ одномъ изъ небольшихъ флигелей, примыкавшихъ къ фасаду. Она заперла дверь на задвижку, но окно, выходив-

впечатлѣніемъ новаго оскорбленія, свое «христіанское вѣроученіе» (1840), въ которомъ подвелъ итогъ догматической наукѣ. Въ огнѣ гегелевской діалектики испарилась у него вся догматика. «Достаточно было сдѣлано фальшивыхъ попытокъ посредничества,—объявлялъ теперь Штраусъ,—и только раздѣленіе противоположностей можетъ подвинуть насъ дальше». Это былъ pendant къ абеляровскому язвительному «Sic et non», съ тою только разницей, что здѣсь вся сила была сосредоточена на «нѣтъ», и каждая глава безпощадно приводила къ одному и тому же отрицательному выводу.

Тотъ же самый конфликтъ, который такъ насильственно вторгся въ жизнь Штрауса, тяжело отзывался тогда въ сердцахъ многихъ молодыхъ священниковъ—и многихъ изъ нихъ выбилъ изъ спокойной жизненной колеи. «Я не могу оставаться на духовной службѣ,—пишетъ другъ Штрауса Мерклинъ,—такъ какъ мой образъ мыслей этому противорѣчитъ; такимъ образомъ жизнь моя двоится, и я этого не могу перенести». Но еще чаще церковь не хотѣла сама терпѣть у себя такихъ людей, которые пытались брать на себя посредничество, и имъ приходилось приниматься за другія профессіи. Однако же, самъ Штраусъ,—хотя еще въ 1835 г. достаточно ясно видѣлъ трудность и открыто признавалъ ее,—никогда не переставалъ вѣрить въ возможность совмѣстить свои взгляды съ званіемъ пастора. Еще въ 1860 г. писалъ онъ своему другу Раппу: «Первая обязанность пастора проповѣдовать общинѣ *ея* вѣру. Если эта вѣра совпадаетъ съ его собственной вѣрой, тѣмъ лучше; въ противномъ же случаѣ пасторъ долженъ скорѣе сдѣлать насиліе надъ собой, чѣмъ надъ общиной. Онъ не долженъ прятать ничего изъ ея вѣры. Ни объ одномъ фальшивомъ бриліантѣ изъ ея сокровища онъ не долженъ прямо говорить: это стекло, хотя бы оно было и такъ. Онъ не долженъ этого дѣлать уже потому, что такимъ образомъ онъ лишаетъ себя возможности вліять на членовъ общины. Свое личное убѣжденіе онъ можетъ проводить лишь однимъ способомъ, именно—путемъ усиленнаго или ослабленнаго вниманія, которое онъ обращаетъ на ту или другую частность, одно выдвигая на первое мѣсто, другое отодвигая на задній планъ. Такимъ образомъ, онъ можетъ постепенно подготовить въ массѣ то настроеніе, которое хочетъ. Свѣтъ мысли, атмосфера гуманности, теплота нравственнаго порыва — почувствуются и въ томъ догматическомъ содержаніи, которое онъ будетъ проповѣдовать, сдѣлаютъ ошибки догматизма безвредными и дадутъ вѣсъ и вліяніе всему тому, что есть въ немъ истиннаго и хорошаго». Вотъ какъ мало было радикализма въ настроеніи Штрауса, какъ онъ былъ сильно проникнутъ гегелевскимъ уваженіемъ ко всему субстанціальному и существующему, и какъ несправедливо поступали, слѣдовательно, представители тогдашней духовной власти, подвергая опалѣ и выбрасывая изъ своего лона подобнаго рода людей. Но въ то время, какъ самъ Штраусъ по своему складу былъ скорѣе консервативною натурою, чѣмъ радикальнымъ революціонеромъ—не даромъ Трейчке назвалъ его «швабомъ-филистеромъ», напирая при этомъ столько же на его швабское происхожденіе, какъ на его филистерство—въ то время, какъ вызванная Штраусомъ работа тюбингенской школы теологовъ была въ высшей степени плодотворна и имѣла далеко не одно только отрицательное вліяніе, а, напротивъ, легла въ основу нашей теперешней научной теологіи,—въ то же самое время другіе сторонники того же направленія дѣйствовали гораздо шумнѣе и отрицали гораздо безповоротнѣе. Галлевскій еже-

годникъ становился все радикальнѣе, Бруно Бауеръ старался во что бы то ни стало превзойти и перещеголять Штрауса и производилъ одно время въ Берлинѣ у Гиппеля большой фуроръ въ качествѣ «Герострата» новозавѣтной критики и вождя «свободныхъ». Въ вопросахъ политики все рѣзче и смѣлѣе поднималъ свой голосъ Руге; «Сущность христіанства» Фейербаха казалась ему самымъ правильнымъ комментаріемъ къ гегелевской философіи религіи. Нѣтъ ничего удивительнаго, что, при положеніи печати того времени, Руге долженъ былъ, избѣгая цензуры и полиціи, перенести издательство «Ежегодника» изъ Пруссіи, а самъ оставить Германію и пойти въ изгнаніе въ Парижъ. Такимъ образомъ, хотя бы при помощи насилія, сдѣлали-таки нѣмецкій либерализмъ космополитическимъ и не-нѣмецкимъ.

Людвигъ Фейербахъ.

Людвигъ Фейербахъ былъ радикальнѣе Штрауса уже потому, что онъ былъ философомъ, а не теологомъ, какъ Штраусъ. Его книга «Сущность христіанства» появилась въ свѣтъ въ 1841 г., и хотя ни по шуму, произведенному ею, ни по степени распространенности она не сравнялась съ книгой Штрауса, но фактически ея вліяніе шло гораздо дальше вопросовъ, разработанныхъ Штраусомъ. Общество въ промежуткѣ уже научилось быть осторожнымъ, потому и буря, поднятая книгой, была не такъ сильна; къ тому же, книга носила философскій характеръ, была доступна только посвященнымъ и, уже поэтому, ея дѣйствіе не могло быть широко. Но все-таки вплоть до настоящаго времени книга Фейербаха оказываетъ вліяніе на общество, въ особенности въ послѣдніе годы ея вліяніе усилилось. Фейербахъ, такъ же, какъ Штраусъ, началъ съ изученія теологіи, затѣмъ принялся за Гегеля, и тутъ натолкнулся на антропологію; какъ онъ самъ это формулируетъ: «моей первою мыслью былъ Богъ, второю—разумъ, третьею и послѣднею—человѣкъ». Онъ также исходитъ изъ противоположности между вѣрой и знаніемъ, — противоположности, которую гегелевская философія, по его мнѣнію, вовсе не разоблачала и не разрѣшила. Вотъ почему на этой философіи могли одинаково основываться какъ ортодоксія, такъ и гетеродоксія. И это зависитъ отъ того, что Гегель не вникнулъ въ истинную сущность вѣры. Въ этомъ отношеніи Шлейермахеръ пошелъ дальше, подчеркнувъ въ вѣрѣ господствующій элементъ чувства. Но и онъ, будучи связанъ традиціей, не рѣшился вывести всѣ необходимыя заключенія изъ своей точки зрѣнія. Фейербахъ думалъ, что позналъ эту основу вѣры, и вмѣстѣ съ тѣмъ открылъ тайну, что она въ сущности сводится къ антропологіи. Онъ искалъ сущности вѣры въ людяхъ и нашелъ ее въ ихъ стремленіи къ счастью. Такимъ образомъ, Фейербахъ явился родоначальникомъ такъ-называемой эвдемонистической теологіи, которую сорокъ лѣтъ спустя воскресилъ, только въ болѣе сдержанномъ видѣ, Ричль. Итакъ, по Фейербаху, сущность Божества—человѣчна. Оно есть лишь проекція лучшаго въ насъ самихъ,—зеркало человѣка, идеалъ народовъ, средоточіе нашихъ высшихъ чувствованій и мыслей. Люди создаютъ себѣ представленіе о Божествѣ по своему собственному образу. Къ этой мысли сводится иллюзіонизмъ философіи религіи Фейербаха.

Все, что сказано о вѣрѣ вообще, относится также и къ той или другой отдѣльной вѣроисповѣдной формѣ. Основные догматы соотвѣтствуютъ при этомъ исполненнымъ желаніямъ сердца; сущность ихъ

совпадаетъ съ сущностью настроенія даннаго народа. Въ этомъ заключается и источникъ различія между христіанствомъ и язычествомъ: «жизнерадостность олимпійскихъ боговъ не устояла передъ болѣе глубокими запросами сердца. Въ христіанствѣ человѣческая фантазія спустилась изъ дворца боговъ въ лачуги бѣдныхъ, гдѣ царствуютъ только необходимыя потребности, и подчинилась требованіямъ сердца». Но если лежащая въ основѣ христіанства мысль о тожествѣ божественнаго и человѣческаго составляетъ тайную *сущность* самой вѣры, то *проявленіе* этой вѣры во внѣшности не идетъ такъ глубоко. Божество познается человѣческимъ сознаніемъ, какъ нѣчто чуждое и даже противоположное человѣческой природѣ. Въ первомъ случаѣ Богъ есть *любовь*, которая отожествляетъ человѣка съ Богомъ, Бога съ человѣкомъ, во второмъ случаѣ—*вѣра*, которая «отдѣляетъ Бога отъ человѣка, и потому человѣка отъ человѣка, ибо Богъ есть не что иное, какъ мистическое родовое понятіе человѣчества».

Какъ философъ, Фейербахъ не останавливается, конечно, только на отрицаніи и критикѣ, но извлекаетъ нѣчто положительное изъ понятія человѣка. При этомъ онъ совершенно послѣдовательно, какъ, впрочемъ, уже и самъ Штраусъ, въ основу разсужденій кладетъ понятіе человѣчества, ибо человѣчество, а не отдѣльная личность придаетъ Божеству черты своего образа. Такимъ образомъ, Фейербахъ получаетъ возможность создать этику, основнымъ принципомъ которой, рядомъ съ эгоистическимъ стремленіемъ къ счастью, является еще *туизмъ* (или же, какъ еще неудачнѣе теперь говорятъ: альтруизмъ). Фейербахъ ограничиваетъ личное «я хочу»—стремиться къ своему собственному счастью—альтруистическимъ принципомъ: «ты долженъ» считаться съ стремленіемъ къ счастью другихъ, или, выражаясь современнымъ языкомъ, онъ личности противопоставляетъ общество, требованію личнаго счастья—интересъ всего рода; личное счастье противополагается обязанностямъ. Тутъ лежитъ зародышъ, но, правда, лишь одинъ зародышъ, истинной соціальной этики.

Фейербаху, первому нѣмецкому позитивисту, человѣкъ представлялся не въ видѣ безтѣлесной и безкровной абстракціи гегелевскаго панлогизма, не какъ простой сосудъ или передаточный пунктъ идей; онъ бралъ человѣка, какъ полную, богатую содержаніемъ личность, какъ чувствующую всѣми сторонами своего существа особь, во всей ея жизненности и тѣлесности. Въ этомъ фейербаховскій антропологизмъ соприкасается съ реализмомъ молодой Германіи, которая тоже хотѣла возстановить права чувственности, плоти, реальности и дѣйствительности и защитить ихъ отъ требованій аскетизма. Со свойственнымъ ему радикализмомъ, Фейербахъ, еще задолго до Штрауса, сдѣлалъ шагъ отъ гегельянства къ матеріализму. Сдѣлалъ онъ его, конечно, на свой собственный ладъ. Матеріализмъ представлялся ему только «фундаментомъ человѣческаго существа и знанія»; главнымъ же предметомъ его вниманія остались для него, какъ и прежде, «созданія человѣческой мысли и фантазіи, считающіяся въ сознаніи и преданіи людей за истинныя существа». Подобный матеріализмъ вовсе не вытекалъ изъ гегелевской философіи, но былъ реакціей противъ нея и противъ ея презрительнаго отношенія къ природѣ. И такимъ же путемъ Фейербахъ дошелъ до своихъ соціологическихъ воззрѣній, которыя сдѣлали его однимъ изъ родоначальниковъ нѣмецкой соціалъ-демократіи. Его плохо понятое выраженіе «человѣкъ есть то, что онъ есть» имѣло скорѣе соціологическій, чѣмъ матеріалистическій смыслъ; въ немъ предвосхищено было

*

позднѣйшее ученіе о значеніи среды и соціальной нуждѣ, какъ о почвѣ, на которой развивается преступность и развратъ.

Сочетая свободный религіозный духъ съ политическимъ радикализмомъ, Фейербахъ по своему положенію въ умственной жизни сороковыхъ годовъ болѣе, чѣмъ Штраусъ, напоминаетъ энциклопедистовъ передъ началомъ французской революціи.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Фридрихъ-Вильгельмъ IV и сороковые годы.

Первые годы Фридриха-Вильгельма IV.

Фридрихъ-Вильгельмъ IV—романтикъ на тронѣ цезарей.

Я надѣюсь въ этой главѣ основательно разрушить подозрѣніе въ преувеличеніи и византизмѣ, которое могу навлечь на себя, ставя этого прусскаго короля во главѣ и въ центрѣ умственныхъ теченій сороковыхъ годовъ. Это такъ было въ дѣйствительности: эти годы являются временемъ Фридриха-Вильгельма IV, онъ въ нихъ играетъ первую роль, держитъ въ рукахъ судьбы историческаго движенія; вокругъ него—или противъ него—группируются всѣ основные факты нѣмецкой умственной жизни того времени.

Когда умеръ король вюртембергскій, Вильгельмъ I, процарствовавши 49 лѣтъ, Штраусъ началъ его характеристику слѣдующими словами: «Если въ комнатѣ, переполненной людьми, откроютъ двери, все время бывшія на запорѣ, то всѣ присутствующіе, раньше чѣмъ обратятъ вниманіе на то, кто вышелъ или кто вошелъ,—прежде всего почувствуютъ облегченіе отъ ворвавшейся въ дверь струи свѣжаго вѣтра». Еще короче и сильнѣе выразился Наполеонъ I, сказавъ, что послѣ его смерти всѣ воскликнутъ: уфъ! Точно также и вся Пруссія послѣ сорокалѣтняго царствованія Фридриха-Вильгельма I почувствовала, какъ облегченіе, простой фактъ самой смѣны престола. И если мы, напр., представимъ себя въ положеніи Фрица Рейтера, арестованнаго вопреки всякимъ законамъ, перевозимаго изъ одной крѣпости въ другую, то поймемъ, что это «уфъ» было у многихъ выраженіемъ дѣйствительнаго облегченія. Но, кромѣ этого общаго чувства, относившагося больше къ прошедшему, ощущалось въ населеніи также и другое, спеціально вызванное личностью наслѣдника, 44-хъ-лѣтняго Фридриха-Вильгельма IV. Врядъ ли какой наслѣдникъ встрѣчался обществомъ съ бо̀льшими надеждами,—съ надеждами, превосходившими всякія границы, и врядъ ли кому-нибудь удавалось съ самаго начала своими дѣйствіями возбудить такія ожиданія, какъ Фридриху Вильгельму IV. Я долженъ отказаться отъ подробной, исчерпывающей характеристики этой сложной натуры, такъ какъ рѣчь идетъ здѣсь объ умственной, а не о политической жизни нѣмецкаго народа. Мастерскую характеристику Фридриха-Вильгельма IV далъ намъ Трейчке въ послѣднемъ томѣ своей исторіи нѣмецкаго народа, въ которомъ центральной фигурой является Фридрихъ-Вильгельмъ IV, говоритъ и дѣйствуетъ на каждой страницѣ, характеризуя самъ себя во весь ростъ. Но самое необходимое я долженъ сказать. Въ противоположность скупому на слова, простому своему предшественнику, Фридрихъ-Вильгельмъ IV является передъ нами ораторомъ, который говоритъ охотно и много, хорошо и свободно, блеститъ остроуміемъ и фантазіей, поражаетъ своимъ

художественнымъ и эстетическимъ чутьемъ. Съ своимъ церковнымъ направленіемъ мысли и мистическимъ настроеніемъ души онъ представляется намъ не столько человѣкомъ дѣла и хорошихъ поступковъ, сколько благочестивымъ мечтателемъ. Какого рода вліяніемъ онъ пользовался еще въ качествѣ кронпринца,—это мы въ настоящее время знаемъ лучше, чѣмъ знали современники. Онъ ненавидѣлъ гегелевскую философію за ея пантеизмъ и раціонализмъ, Генгстенбергъ былъ къ нему близокъ; до неясности расплывчатый, до непріятнаго многосторонній, повсюду одинаково поверхностный Бунзенъ былъ его другомъ; люди партіи, въ родѣ трехъ братьевъ Герлаховъ, съумѣли добиться его поддержки для своихъ церковно-политическихъ цѣлей, покаянныя проповѣди Госснера вселили въ легко возбуждающагося короля безпокойство и страхъ. Находясь подъ такимъ вліяніемъ, Фридрихъ-Вильгельмъ IV, еще пока былъ кронпринцемъ, старался повсюду, въ церкви и въ университетахъ, дать перевѣсъ строго ортодоксальному направленію и не допускать до вліятельныхъ должностей невѣрующихъ гегельянцевъ и послѣдователей Шлейермахера. Еще во время галлевскаго спора въ 1830 г., когда, по доносу Людвига фонъ-Герлаха, поднялась буря противъ раціоналистовъ-теологовъ Резеніуса и Вегшейдера, онъ, не смущаясь низкимъ поведеніемъ доносчика и не прерывая съ нимъ дружбы, сталъ на его сторону и остался очень недоволенъ именнымъ указомъ, который осуждалъ движеніе недостаточно рѣшительно. Точно также онъ дважды помѣшалъ министру Альтенштейну пригласить знаменитаго тюбингенскаго богослова Бауера въ какой-нибудь прусскій университетъ: въ первый разъ это было еще до появленія «Жизни Іисуса Христа» Штрауса, во второй разъ послѣ выхода ея въ свѣтъ, подъ совершенно несправедливымъ тогда (1836 г.) предлогомъ, что Бауеръ «въ послѣднее время совершенно примкнулъ къ взглядамъ такого господина, какъ д-ръ Штраусъ». Назначить гегельянца Ватке удалось, только воспользовавшись отъѣздомъ наслѣднаго принца на воды. Точно также и въ области политики, какъ намъ теперь извѣстно, кронпринцъ особенно сочувствовалъ «реставраціи государственныхъ наукъ» Галлера; мы знаемъ, до какой степени рабски онъ подчинялся идеямъ этой реакціонной книги и допустилъ себя убѣдить въ ихъ справедливости. Основываясь на ней, онъ и въ конституціонномъ вопросѣ еще въ началѣ двадцатыхъ годовъ, вопреки согласію отца, отказался удовлетворить желанія народа и возсталъ противъ учрежденія общаго земскаго собранія. И все это потому, что Фридрихъ-Вильгельмъ IV былъ романтикомъ. Но онъ былъ имъ въ такую пору, когда нѣмецкій народъ, подъ вліяніемъ молодой Германіи, уже порвалъ съ романтизмомъ, когда либерализмъ уже былъ готовъ съ шумомъ и трескомъ опрокинуть всѣ поставленныя ему преграды; онъ оставался защитникомъ церковности и мистикомъ, какъ разъ тогда, когда въ области религіи лучшіе элементы стали стремиться къ простому и практическому христіанству. И онъ, подобно Юліану, съ его неоплатоническимъ язычествомъ, явился слишкомъ поздно съ своимъ романтическимъ христіанствомъ и съ своей теоріей власти «Божіею милостью». Онъ уже устарѣлъ, его уже опередили, когда онъ вступилъ на прусскій престолъ съ претензіей быть мессіей новаго времени. Но какъ же все это могло укрыться въ первый моментъ отъ вниманія народа, отъ глазъ многихъ дальнозоркихъ наблюдателей? Въ одномъ пунктѣ его романтизмъ, дѣйствительно, соприкасался съ либерализмомъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ: въ его отвращеніи къ бюрократіи и канцелярщинѣ, къ зеленому

сукну; выраженіе «государственный мошенникъ» сочинено имъ или, по крайней мѣрѣ, онъ часто и охотно употреблялъ его. Это производило на первый разъ впечатлѣніе чего-то свободомыслящаго. Но свобода, какъ ее понималъ Фридрихъ-Вильгельмъ, значительно отличалась отъ той свободы, за которую боролись либералы и журналисты молодой Германіи. По его мнѣнію, въ прусскомъ государствѣ все еще слишкомъ пахло духомъ Фридриха II, а Фридриха II онъ ненавидѣлъ, какъ просвѣтителя, какъ вольтерьянца; и бюрократизмъ полицейскаго и правоваго государства былъ ему ненавистенъ, главнымъ образомъ, потому, что этотъ бюрократизмъ *ему* лично былъ неудобенъ, *его* стѣснялъ и связывалъ опредѣленными формами и законами. Причина такого пренебрежительнаго отношенія къ механизму и техникѣ государственнаго устройства зависѣла отъ того, что король находился подъ вліяніемъ галлеровской теоріи государства и собственнаго романтическаго склада мысли: благодаря тому и другому, онъ возъимѣлъ о своемъ королевскомъ достоинствѣ самое преувеличенное, даже прямо мистическое представленіе. Онъ не только держался теоріи «Божіей милости» въ буквальномъ смыслѣ слова, но претендовалъ на особое божественное внушеніе ему лично: «Вы всѣ желаете мнѣ добра,—сказалъ онъ однажды своему другу Бунзену,—и вы годитесь для роли исполнителей; но есть вещи, которыя только и можетъ знать король; даже я самъ, пока былъ наслѣднымъ принцемъ, ихъ не зналъ и только теперь извѣдалъ ихъ, сдѣлавшись королемъ».

Все это были плохія предзнаменованія для всего того, на что народъ надѣялся и чего требовалъ. Фридрихъ-Вильгельмъ III обѣщалъ конституцію, но не далъ ничего; теперь вступаетъ на престолъ человѣкъ, который въ конституціи видѣлъ бездушный кусокъ бумаги, являющійся лишнею помѣхою въ отношеніяхъ между королемъ и народомъ, нарушающій взаимное довѣріе и, къ тому же, напоминающій о революціи, которую онъ ненавидѣлъ не только какъ государственное преступленіе, но просто—какъ величайшій грѣхъ. Онъ хотѣлъ отеческаго, а не конституціоннаго режима. Но если бы онъ съ самаго начала, по крайней мѣрѣ, твердо и ясно сказалъ «нѣтъ», друзья и враги знали бы, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло, и враги всякихъ конституціонныхъ стремленій сомкнулись бы вокругъ него и могли бы на него положиться. Вмѣсто того, онъ погрѣшилъ недостаткомъ рѣшительности, вѣчнымъ мѣшканьемъ и вѣчными колебаніями, безпринципнымъ лавированіемъ, полною неспособностью перейти отъ проектовъ къ дѣлу. Онъ былъ слишкомъ богатъ идеями, черезчуръ остроуменъ, чтобы быть послѣдовательнымъ; это—человѣкъ фантазіи, симпатій и антипатій, а не человѣкъ воли. Семь долгихъ лѣтъ онъ все медлилъ и этимъ раздражалъ противъ себя гораздо болѣе, чѣмъ могъ бы раздражить рѣшительнымъ отказомъ. Когда, наконецъ, въ 1847 г. онъ созвалъ соединенный ландтагъ, опять-таки ничего тутъ не было цѣльнаго, опредѣленнаго: періодическій, закономъ установленный созывъ собранія удалось лишь съ трудомъ вырвать у него, но тогда было уже слишкомъ поздно.

Прибавимъ, что этотъ остроумный дилеттантъ не обладалъ способностью понимать людей; въ роли регента онъ оказался очень несчастливъ и въ томъ отношеніи, что рѣдко умѣлъ назначить подходящаго человѣка на подходящее мѣсто. Уже много лѣтъ въ Пруссіи привыкли видѣть во главѣ министерства народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ замѣчательныхъ людей съ высокимъ образованіемъ, съ свобод-

нымъ, тонкимъ умомъ, какъ Гумбольдтъ и Альтенштейнъ, а въ лицѣ ихъ помощниковъ выдающихся совѣтниковъ, въ родѣ Николовіуса, Сюверна и Шульце. Теперь преемникомъ Альтенштейна въ министерствѣ духовныхъ дѣлъ явился Эйхгорнъ, человѣкъ, лишенный сколько-нибудь глубокаго пониманія вопросовъ образованія и ихъ важности,—съ неясной головой и потому слишкомъ доступный ортодоксальнымъ и піэтическимъ вліяніямъ; совѣтникомъ къ нему назначенъ былъ Эйлерсъ, совершенный дилеттантъ, фантастъ, совсѣмъ не дѣловой человѣкъ, готовый сдѣлаться послушнымъ орудіемъ реакціонныхъ стремленій короля.

Оппозиція и реакція.

Послѣ этого вполнѣ понятно тотчасъ наступившее и затѣмъ быстро разросшееся возбужденіе и недовольство народа новымъ курсомъ. Колебанія и скачки въ характерѣ короля отразились и въ безпорядочномъ ходѣ государственнаго судна; народъ потерялъ увѣренность въ прочности положенія. Такой личный характеръ правленія толкалъ даже лойяльныхъ людей въ ряды оппозиціи.

Сначала оппозиція была очень умѣренная; представителемъ ея я назову оберъ-президента восточной Пруссіи, фонъ-Шёна, который пытался въ своемъ сочиненіи «Откуда и куда?» доказать крайнюю необходимость введенія народнаго представительства. Также и въ своеобразной книгѣ Беттины, появившейся въ 1843 году, подъ названіемъ «Эта книга принадлежитъ королю», при всемъ романтическомъ почтеніи и личномъ довѣріи автора къ королю, ясно замѣтны слѣды свободнаго и оппозиціоннаго духа въ религіозныхъ и политическихъ вопросахъ, объясняющагося отношеніями автора къ молодой Германіи. Эта женщина обладала удивительной способностью тонко понимать самые современные и, казалось бы, самые чуждые ей вопросы, смѣло и сердечно защищать ихъ. Гораздо рѣзче, но все же еще вполнѣ умѣренно и лойяльно звучалъ отвѣтъ Іоанна Якоби на поставленные имъ «четыре вопроса»,—изъ той же восточной Пруссіи, откуда исходилъ и призывъ Шёна. Свободомыслящій Якоби требовалъ въ своемъ сочиненіи для народа, сдѣлавшагося совершеннолѣтнимъ, участія въ дѣлахъ государства, дѣйствительнаго представительства и публичности засѣданій. Его обвинили за это въ государственной измѣнѣ, и это было одной изъ многихъ безтактностей правительства, тѣмъ болѣе, что процессъ окончился въ концѣ концовъ его оправданіемъ. Король, къ сожалѣнію, ничего не съумѣлъ позаимствовать изъ «Четырехъ вопросовъ», кромѣ развѣ того, что съ этихъ поръ онъ сталъ слѣпо ненавидѣть всѣхъ евреевъ — крещеныхъ и некрещеныхъ — и такимъ образомъ оказался въ противорѣчіи съ либеральною программою также и по этому пункту—еврейской эмансипаціи. У него, такимъ образомъ, антисемитизмъ явился послѣдствіемъ личнаго раздраженія, — разумѣется, съ специфической христіанско-романтической окраской.

Въ началѣ Фридрихъ-Вильгельмъ IV хотѣлъ даровать свободу печати, но очень скоро, озлобленный совершенно непонятной для него и совершенно несправедливой, по его мнѣнію, оппозиціей и возбужденный насмѣшками и нападками на его личность, которыя онъ навлекъ на себя, между прочимъ, необдуманной аудіенціей, данной имъ поэту Гервегу,—онъ пришелъ къ заключенію, что больше не можетъ терпѣть свободнаго слова, и вновь предоставилъ цензурѣ заниматься ея неблагодарнымъ дѣломъ. Благодаря этому опять появился въ литературѣ,

давно уже воспитанной политически и привыкшей къ борьбѣ съ цензурою, старый способъ — говорить между строкъ, намеками. Самымъ остроумнымъ и полнымъ достоинства образцомъ употребленія такого пріема явилась книга Штрауса «Юліанъ Отступникъ, романтикъ на тронѣ цезарей». Искусство морочить цензуру достигло виртуозности: по отношенію къ ней всякій пріемъ считался дозволеннымъ, какъ военная хитрость и какъ средство самообороны. Такъ росла оппозиція, становясь все страшнѣе и озлобленнѣе и, какъ мы увидимъ, принимая уже соціалистическую окраску. Положеніе сдѣлалось еще грознѣе и опаснѣе, вслѣдствіе того, что въ нападкахъ приняли дѣятельное участіе, раздували и подзадоривали ихъ—эмигранты, ожесточенные и озлобленные изгнаніемъ.

Фридрихъ-Вильгельмъ IV и искусство.

Еще и въ другой области,—въ области искусства сильно сказался романтизмъ прусскаго короля. Но здѣсь необходимо вернуться немного назадъ. Въ началѣ столѣтія нѣмецкіе художники, бывавшіе въ Римѣ, находились подъ вліяніемъ Карстенса. Домъ Вильгельма фонъ-Гумбольдта, тогдашняго прусскаго посланника въ Римѣ, былъ средоточіемъ этого классицизма; тамъ завязывались необходимыя связи, тамъ постоянно бывали Анжелика Кауфманъ и Готтлибъ Тикъ и въ особенности Раухъ. Старый язычникъ Гете поддерживалъ изъ Веймара это направленіе въ искусствѣ, выдвинутое ново-гуманистическимъ теченіемъ германской мысли. Но мы уже знаемъ, что на рубежѣ этого столѣтія классицизмъ, если и не былъ еще побѣжденъ окончательно молодою романтикою (этимъ онъ былъ обязанъ Гете), то все-таки долженъ былъ потѣсниться и дать романтизму мѣсто рядомъ съ собою. Какъ Брентано и Арнимъ собирали нѣмецкія пѣсни, Гёрресъ—нѣмецкія народныя книги, такъ братья Буассере съ 1804 года занялись собираніемъ картинъ старыхъ нѣмецкихъ художниковъ и громко заговорили объ ихъ важномъ значеніи и красотѣ. На самого Гете памятники нѣмецкаго искусства произвели впечатлѣніе, подобное тому, какое онъ получилъ сорокъ лѣтъ передъ тѣмъ при созерцаніи Страссбургскаго собора; и на сей разъ, правда, впечатлѣніе не было продолжительно, и въ своемъ журналѣ «Kunst und Alterthum» Гете остался вѣренъ классицизму. Ареной борьбы и полемъ сраженія, на которомъ побѣда осталась за романтизмомъ, суждено было все-таки остаться Риму, но не Риму классическихъ развалинъ, не древнему Риму Гумбольдта, а папскому Риму съ его громадными коллекціями картинъ изъ временъ, предшествовавшихъ еще Рафаэлю и Микель Анджело. Въ небольшомъ монастырѣ Санъ-Изидоро пріютилась подъ руководствомъ Овербека враждебная языческому классицизму романтическая школа художниковъ «назареевъ», проникнутая специфически христіанскимъ или, скорѣе, католическимъ настроеніемъ. Приверженцы этой школы возвратились къ наивнымъ, сухопарымъ фигурамъ умбрскихъ художниковъ XIV вѣка или къ Фіезоле, и подъ вліяніемъ этихъ прерафаэлитовъ стали рисовать своихъ мадоннъ и святыхъ. Они предпочитали оживлять свой ландшафтъ библейскими, а не миѳологическими фигурами; мѣсто героической неподвижности заняли у нихъ романтическія настроенія,—очарованіе волшебной сказки или чувство домашняго благополучія. Всѣ они хотѣли рисовать для Германіи и никогда не чувствовали себя «больше нѣмцами», чѣмъ въ Римѣ; и въ самомъ дѣлѣ, то, что

писали Людвигъ Рихтеръ или Морицъ Швиндъ, носило специфически нѣмецкій характеръ. Правда, во фрескахъ, писанныхъ въ домѣ Бартольди и въ виллѣ Массими, приверженцы школы обнаружили также и свое умѣнье стремиться и достигать грандіозныхъ и монументальныхъ эффектовъ, но тутъ же они обнаружили и свою ограниченность въ этомъ отношеніи. Самымъ крупнымъ среди нихъ былъ Корнеліусъ, личность болѣе мощная, чѣмъ Овербекъ или Фейтъ, Шнорръ фонъ-Карольсфельдъ или Рихтеръ; благодаря этой своей силѣ онъ скоро переросъ ихъ всѣхъ и отдѣлился отъ нихъ.

Въ 1818 г. баварскій наслѣдный принцъ Людвигъ во время своего продолжительнаго пребыванія въ Римѣ тоже вступилъ въ этотъ кружокъ и, увлекшись ихъ направленіемъ, пригласилъ Корнеліуса, какъ самаго выдающагося среди нихъ, какъ «главаря кучки», переѣхать на постоянное жительство въ Мюнхенъ. Такимъ образомъ, благодаря государю-меценату, вступившему въ 1825 г. на баварскій королевскій престолъ, и также благодаря этой горсти людей, собравшейся тамъ около Корнеліуса и работавшей вмѣстѣ съ нимъ подъ его руководствомъ,—людей, какъ Шнорръ фонъ-Карольсфельдъ, Морицъ Швиндъ, Роттманъ, Генелли и проч.,—Мюнхенъ сдѣлался тѣмъ городомъ искусства, какимъ мы его теперь знаемъ и любимъ. Это былъ, правда, до нѣкоторой степени искусственный продуктъ, выросшій на почвѣ, не вполнѣ благопріятной подобнаго рода стремленіямъ.

Этимъ путемъ Баварія превзошла Пруссію и обогнала ее. Но вотъ теперь на престолъ вмѣсто бережливаго, лишеннаго всякой способности воодушевляться искусствомъ, короля Фридриха-Вильгельма III, имѣвшаго однако своего Шинкеля и Рауха, вступаетъ Фридрихъ Вильгельмъ IV. Въ качествѣ любителя роскоши и искусства, онъ торопился поскорѣе наверстать потерянное и перещеголять Мюнхенъ. Но и тутъ онъ опять явился слишкомъ поздно. Въ этотъ именно моментъ въ Мюнхенѣ романтическое и вмѣстѣ съ тѣмъ строго идеалистическое направленіе въ живописи, представителемъ котораго являлся Корнеліусъ, начало выходить изъ моды и готово было уступить мѣсто болѣе реалистической школѣ художниковъ-историковъ, въ родѣ Пилоти. Еще раньше изъ Франціи и Бельгіи стало проникать еще болѣе реалистическое вліяніе, особенно пришедшееся по душѣ молодежи, которая уже начала группироваться въ новую школу—въ Дюссельдорфѣ. И какъ разъ въ этотъ моментъ король призываетъ старѣющагося Корнеліуса въ сѣверную столицу. Въ ея холодной атмосферѣ, полной скептицизма и сухой разсудочности, этотъ поклонникъ безтѣлеснаго и безцвѣтнаго, цѣломудренно-аскетическаго и монументально-идеалистическаго искусства, лишенный какъ разъ той необходимой дозы творчества, т.-е. того самаго существеннаго элемента, безъ котораго нельзя быть совершеннымъ художникомъ,—чувствовалъ себя очень неуютно съ самаго начала и пришелся совсѣмъ не ко двору. И Гейне, и молодая Германія съ ея эмансипаціею плоти, и Фейербахъ съ признаніемъ чувства и чувственности,—все это дѣйствовало уничтожающимъ образомъ на то направленіе въ живописи, представителемъ котораго являлся Корнеліусъ. Художники начали недовѣрчиво относиться къ его совѣтамъ. Онъ говорилъ имъ: «стремиться больше къ красотѣ, чѣмъ къ характерности»; а публика какъ разъ отдавала свои восторги тѣмъ художникамъ, которые подчеркивали все характеристическое и индивидуальное. Такимъ образомъ, проектированное Campo Santo такъ и не осуществилось. Картины, которые Корнеліусъ набросалъ для этой цѣли, оказались

безцвѣтными, бѣдными мыслью; они встрѣтили мало пониманія и одобренія. Въ противоположность этому направленію, Раухъ сохранилъ въ памятникѣ Фридриха Великаго, совершенно противорѣчившемъ романтическому пониманію, свое самостоятельное классическое направленіе, навѣянное Торвальдсеномъ, а въ вопросѣ о костюмѣ онъ даже прямо склонился къ современному реалистическому пониманію. Прямымъ ударомъ романтизму было то реалистическое изображеніе Фридриха Великаго и его времени, которое далъ Адольфъ Менцель. Въ душѣ короля, который, какъ внукъ той эпохи, не могъ совершенно освободиться отъ сильнаго впечатлѣнія, произведеннаго Менцелемъ, это изображеніе вызвало очень противорѣчивыя и двойственныя чувства.

Зато королю удалось совершить въ искусствѣ другое важное дѣло— возстановить и закончить постройку Кельнскаго собора. И тутъ, правда, сказалась шаткость его взглядовъ и настроеній. Гете видѣлъ въ Страсбургскомъ соборѣ только памятникъ искусства. Даже романтика Уланда, правда, самаго трезваго изъ романтиковъ, при созерцаніи этого зданія охватывало одно только эстетическое чувство, хотя онъ взвѣшивалъ при этомъ цѣлесообразность темно-голубыхъ стеколъ въ окнахъ для религіознаго назначенія собора. Напротивъ, Вильгельмъ IV усмотрѣлъ въ реставраціи Кельнскаго собора одинъ изъ способовъ возстановленія и укрѣпленія средневѣковаго благочестія и величія католической церкви. Мы, люди современности, держимся одного мнѣнія съ Гете и Уландомъ. Мы испытываемъ эстетическое наслажденіе, видя въ соборѣ образцовое произведеніе архитектурнаго стиля, замѣчательнаго по своей своеобразной красотѣ, а вовсе не потому, чтобы въ этомъ стилѣ было что-либо специфически-нѣмецкое. Мы понимаемъ ту связь, которую имѣетъ этотъ памятникъ съ средневѣковой религіей, и намъ теперь было бы не легко понять то недовѣріе и насмѣшки, съ которыми отнеслись къ этому предпріятію тогдашніе либералы. Но не надо забывать, что, къ несчастью того времени, самыя возвышенныя затѣи получали въ рукахъ монарха партійный отпечатокъ устарѣлаго романтизма или рѣзкой религіозной исключительности и тенденціозности. Вотъ почему эти предпріятія не вызывали въ обществѣ ни благодарности, ни удовольствія. И потому, если въ тѣ дни сходились въ своемъ отвращеніи и недовѣріи къ постройкѣ Кельнскаго собора такіе люди, какъ старый раціоналистъ Бретшнейдеръ, богословъ-критикъ Штраусъ и остроумный врагъ романтизма Гейне, то въ этомъ надо видѣть чрезвычайно характерный симптомъ общественнаго настроенія, а не простое проявленіе несправедливой и безумной «чисто личной ненависти», какъ хотѣлъ бы убѣдить насъ Трейчке. Слова Штрауса, что тутъ нездоровое пустосвятство и художественная забава кончаютъ то, что было когда-то начато въ духѣ серьезной набожности, попадали въ концѣ-концовъ довольно близко къ цѣли. И развѣ въ дѣйствительности католическая церковь не воспользовалась реставраціей Кельнскаго памятника, начатаго протестантскимъ княземъ въ интересахъ собственнаго укрѣпленія? Развѣ она не поняла и не утилизировала этотъ фактъ какъ побѣду ея власти и величія? Такимъ образомъ, нельзя винить либераловъ въ томъ, что радость народа по поводу окончанія постройки оказалась далеко не полной.

Король и наука. Шеллингъ.

Но если даже допустить, что король въ этомъ своемъ столкновеніи съ противниками былъ правъ,—конечно, не въ томъ, что онъ задумы-

валъ, а въ томъ, что было дѣйствительнó осуществлено,—то въ другой области, въ области науки ему совершенно не удался планъ, который былъ особенно близокъ его сердцу. Мы знаемъ, какъ онъ ненавидѣлъ гегелевскую философію, представителямъ которой министерство Альтенштейна особенно покровительствовало и которыхъ онó предпочитало при назначеніи на профессорскія каѳедры. Философія Гегеля была, дѣйствительно, въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ прусской государственной философіей. Раздѣленіе школы на два лагеря, на правый и лѣвый, все болѣе радикальное направленіе лѣвыхъ гегеліанцевъ, могли, казалось, оправдывать отвращеніе наслѣднаго принца къ гегелевской философіи. А потому нѣтъ ничего удивительнаго, что въ качествѣ короля онъ сдѣлалъ изъ своего настроенія практическіе выводы.

Всѣ партіи были довольны, когда король призвалъ въ Берлинъ братьевъ Гриммъ; но при этомъ въ ихъ лицѣ онъ видѣлъ и приглашалъ въ университетъ не представителей гёттингенской кучки «семерыхъ» протестантовъ *). Чтобы вытѣснить Гегеля, однако же, необходимо было имѣть и философа. Какъ разъ въ это время въ Берлинскомъ университетѣ молодой философъ Адольфъ Тренделенбургъ побѣдоносно доказалъ въ своихъ «Логическихъ изслѣдованіяхъ» несостоятельность діалектическаго метода Гегеля. Но Тренделенбургъ былъ слишкомъ незначительная величина въ научномъ отношеніи, чтобы можно было противопоставить его Гегелю; авторитетъ его былъ очень не великъ и его собственная философія. примыкающая къ аристотелевскимъ разсужденіямъ о категоріи движенія, какъ о соединяющей тѣлесное съ умственнымъ,—являлась черезчуръ уже искусственнымъ продуктомъ кабинетной учености. Его методическія разсужденія и опроверженія должны были казаться королю черезчуръ уже педантическими и не обѣщающими притомъ немедленнаго успѣха. Поэтому онъ старался найти болѣе энергичнаго противника Гегелю, и нашелъ его въ лицѣ Шеллинга.

Гегелевская философія исходила отъ Шеллинга, одно время друзья юности вмѣстѣ философствовали, какъ будто бы оба они составляли единое цѣлое. Но Гегель порвалъ съ Шеллингомъ, и послѣднему пришлось сначала молча, а потомъ и съ нескрываемымъ чувствомъ зависти наблюдать, какъ его опережаетъ гораздо менѣе геніальный, но болѣе ученый и методическій, болѣе основательный и систематичный другъ. Въ своихъ лекціяхъ, читанныхъ въ Мюнхенскомъ университетѣ (основанномъ въ 1826 году королемъ Людвигомъ), блестящимъ украшеніемъ котораго онъ былъ, Шеллингъ полемизировалъ съ аффектированнымъ пренебреженіемъ противъ Гегеля и называлъ его систему печальнымъ эпизодомъ въ исторіи новой философіи; все, что въ ней было истиннаго и хорошаго, онъ признавалъ за украденное Гегелемъ у него самого, Шеллинга.

Въ обратившемъ на себя общее вниманіе предисловіи къ книгѣ французскаго эклектика Кузена, бредившаго одновременно Шеллингомъ и Гегелемъ, Шеллингъ въ 1833 г. открыто высказался противъ «новаго вольфіанства», которое «ставитъ на мѣсто жизненнаго и реаль-

*) Разумѣются семеро профессоровъ Гёттингенскаго университета, протестовавшіе въ 1837 г. противъ произвольнаго измѣненія конституціи и за это уволенные изъ университета: Гервинусъ, Дальманъ, Як. и Вильг. Гриммы, Эвальдъ, Альбрехтъ и В. Веберъ. *Ред.*

наго логическое понятіе»; онъ называлъ его «изобрѣтеніемъ, по справедливости вызывающимъ восхищеніе въ слабыхъ головахъ». Вся эта исторія сдѣлалась своего рода cause celèbre: Гейне придалъ ей особенную извѣстность своими насмѣшками надъ недостойнымъ поведеніемъ Шеллинга.

Въ своемъ сочиненіи о романтической школѣ этотъ злой насмѣшникъ писалъ: «Господинъ Шеллингъ былъ въ началѣ этого столѣтія великимъ человѣкомъ. Но въ это время на философской аренѣ явился Гегель. Г. Шеллингъ, не писавшій почти ничего въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, былъ отодвинутъ на второй планъ, почти забытъ и сохранилъ только литературно-историческое значеніе. Гегелевская философія была господствующей, Гегель сдѣлался сувереномъ въ царствѣ умовъ, и бѣдный Шеллингъ, низложенный и медіатизированный философъ мрачно бродитъ въ Мюнхенѣ среди другихъ медіатизированныхъ господъ. Разъ я его какъ-то видѣлъ и чуть было не пролилъ слезы, глядя на его плачевный видъ. Но то, что онъ говорилъ, было всего плачевнѣе. Это была завистливая брань противъ Гегеля, который его вытѣснилъ. Какъ сапожникъ обвиняетъ другого сапожника въ томъ, что тотъ укралъ его кожу и сшилъ изъ нея сапоги, такъ и г. Шеллингъ говорилъ о Гегелѣ въ нашемъ случайномъ разговорѣ. Бѣдняга только и твердилъ одно, что «Гегель «заимствовалъ его идеи», «идеи, которыя онъ заимствовалъ, принадлежатъ мнѣ», и опять «мои идеи». Гегель дѣйствительно воспользовался для своей философіи многими идеями Шеллинга, но г. Шеллингъ никогда не зналъ бы, что дѣлать со своими идеями. Онъ всегда только философствовалъ, но ни въ коемъ случаѣ не могъ создать философіи». Когда Гейне и по существу обвиняетъ Шеллинга въ томъ, что онъ «предалъ философію католической церкви», то такъ формулированное обвиненіе не совсѣмъ вѣрно. Однако же, если вспомнить вообще романтическій характеръ шеллинговской философіи, а въ особенности ту новѣйшую и послѣднюю фазу ея, которую онъ выработалъ и читалъ въ Мюнхенѣ, то окажется, что обвиненіе имѣло нѣкоторое основаніе. Конечно, никто не зналъ ничего опредѣленнаго, такъ какъ Шеллингъ только съ каѳедры проповѣдовалъ свое новое ученіе. Это должна была быть философія христіанскаго откровенія; Шеллингъ противополагалъ ее гегелевской, какъ *положительное* продолженіе или дополненіе къ своей прежней *отрицательной* философіи. Именно поэтому набожный король-романтикъ и увидалъ въ немъ теперь человѣка, который уничтожитъ искру гегелевскаго пантеизма, примиритъ совсѣмъ новымъ, до сихъ поръ еще не практиковавшимся способомъ вѣру и науку и будетъ въ состояніи внести порядокъ въ современную смуту. По этимъ соображеніямъ Шеллингъ былъ въ 1841 г. призванъ изъ Мюнхена въ Берлинъ, и именно поэтому его приглашеніе надѣлало много шуму и возбудило очень большія надежды. Его рѣчь, произнесенная 15-го ноября 1841 года, казалось, дѣйствительно оправдала эти надежды, она была исполнена самоувѣренностью и обѣщала осуществить то, что «считалось до сихъ поръ невозможнымъ». Но продолженіе не соотвѣтствовало крайне напряженнымъ ожиданіямъ; число слушателей стало падать и въ 1846 г. онъ совершенно пріостановилъ чтеніе лекцій. Для этого онъ, правда, имѣлъ прекрасный поводъ. Въ 1843 г. его старый противникъ, послѣдній стоикъ раціонализма, церковный совѣтникъ Паулусъ въ Гейдельбергѣ, на основаніи списанныхъ спеціально для этой цѣли студенческихъ записокъ опубликовалъ «для общаго обсужденія открыв-

шуюся, наконецъ, позитивную философію откровенія и исторію происхожденія, дословный текстъ, критическій разборъ и поправки открытій Шеллинга по философіи вообще, миѳологіи и откровенію догматическаго христіанства, изложенныхъ имъ въ Берлинѣ въ зимнемъ семестрѣ 1841—1842 года».

Это былъ публичный скандалъ, Шеллингу была нанесена явная, наглая несправедливость, и все-таки «старый злодѣй» былъ оправданъ; публика, какъ справедливо замѣчаетъ Куно Фишеръ, и на этотъ разъ «изъ-за картинныхъ интересовъ забыла вопросъ справедливости»—и въ большинствѣ своемъ стала на сторону Паулуса. Этимъ инцидентомъ философъ, не понимавшій своего времени и не понятый имъ, и воспользовался, чтобы навсегда замолкнуть. И опять это разочарованіе въ философскомъ Каліостро, какъ его назвалъ Фейербахъ, пало всею тяжестью на короля, который его, «какъ выразителя націи», пригласилъ въ Берлинъ. И дѣйствительно, новая философія откровенія Шеллинга, если разсмотрѣть ее со стороны ея содержанія, являлась тяжелымъ разочарованіемъ. Прежняя философія, вѣщалъ онъ тутъ,—не исключая и его собственной, умѣла только ставить вопросы, но не давала отвѣты относительно сущности вещей, она имѣла о нихъ только понятіе, знала ихъ возможность, но не ихъ реальность и потому она была отрицательна. Всѣ эти мыслимыя умомъ возможности становятся реальностями только благодаря одному существу, которое одновременно абсолютно и обще, именно Богу: такимъ образомъ Богъ есть конечный пунктъ отрицательной, исходный пунктъ положительной философіи. Послѣдняя, слѣдовательно, исходитъ изъ реальнаго начала: въ этомъ всеобщемъ единомъ существѣ все существующее имѣетъ свое бытіе. Если уже въ этомъ понятіи отдѣльнаго существа, которое вмѣстѣ съ тѣмъ должно быть общимъ, заключается внутреннее противорѣчіе, то въ объясненіи дальнѣйшихъ вопросовъ—тройственной природы Божества, сотворенія міра изъ Бога, какъ свободнаго акта воли,—Шеллингъ окончательно запутывается, сплетая самымъ неяснымъ образомъ спекулятивныя построенія своей прежней философіи съ обломками церковной схоластики. Нѣсколько болѣе цѣннымъ является его изображеніе религій, при помощи которыхъ Божество само должно развиться черезъ миѳологію до откровенія. Въ христіанствѣ это послѣднее находитъ свое завершеніе; само же христіанство находитъ это завершеніе въ окончательномъ объединеніи вѣры и знанія, въ истинно-философской религіи, которая, какъ ее изображаетъ Шеллингъ, не была ни церковно-ортодоксальной, ни истинно-философской, а потому никого не удовлетворяла. Но всего хуже было то, что Шеллингъ, призванный раздавить искру гегелевскаго пантеизма, высокомѣрно отклонилъ разборъ критическихъ и философско-религіозныхъ произведеній Штрауса, Бауера и Фейербаха. Плохо было также и то, что онъ при этомъ обременилъ науку о религіи всевозможными спекулятивными построеніями и произвольностями, отъ которыхъ она довольно долго страдала. Весь процессъ развитія, въ концѣ концовъ, представлялся у Шеллинга гностически, какъ переходъ человѣческой исторіи въ сверхміровую теогонію: такимъ образомъ открывался просторъ для всякихъ «внѣміровыхъ» элементовъ, и этимъ опять на мѣсто науки становились поэзія и миѳологія.

При всемъ томъ, мы въ настоящее время можемъ спокойно признать то, что было значительнаго въ этомъ позднѣйшемъ періодѣ шеллинговскаго философствованія. Онъ относится къ нашей теперешней

наукѣ религіи точно такъ же, какъ его натурфилософія—къ точному изслѣдованію природы нашихъ дней. Но современники, естественно, не могли усмотрѣть въ его взглядахъ ничего иного, кромѣ отголосковъ средневѣковыхъ или даже открыто-католическихъ тенденцій, отданныхъ въ услуженіе королю-романтику. Этимъ объясняется та страстность, съ какой велся споръ, а также и то глубокое паденіе, которое переживала вообще философія послѣ разложенія и распаденія гегелевской школы, и послѣ того, какъ Шеллингъ скомпрометировалъ ее въ глазахъ всего свѣта. То, что Уландъ сказалъ о церкви своего времени: высшимъ пунктомъ торжественной проповѣди было: «склонись, молчи!» тоже можно было, повидимому, отнести теперь къ философіи. Такимъ образомъ позитивная философія Шеллинга, появившись впервые въ 1843 г. въ «предварительномъ изданіи» Паулуса въ Гейдельбергѣ, вызвала однѣ насмѣшки и издѣвательства. Когда же она затѣмъ появилась на свѣтъ въ 1858 г. среди посмертныхъ произведеній философа, то времена уже совершенно измѣнились и никто больше не интересовался ею. «Позитивная» философія Шеллинга оказала на умственную жизнь нѣмецкаго народа одно только отрицательное вліяніе: когда пронеслась буря 1848 г. то философія, именно вслѣдствіе этого фіаско, не имѣла болѣе никакого вліянія на умы народа и интеллигентнаго общества. А безъ міросозерцанія, хотя и можно сдѣлать революцію, но нельзя создать новаго общественнаго порядка. И въ концѣ концовъ, въ этомъ отсутствіи всякаго міровоззрѣнія виноватъ былъ, опять-таки, романтизмъ вмѣстѣ съ королемъ-романтикомъ, потому что они хотѣли навязать эпохѣ міросозерцаніе, которое она давно уже переросла. Эта навязчивость и вызвала страстное отрицаніе и протестъ, вмѣсто того, чтобы облегчить путь для положительной постройки и для спокойнаго творчества.

Какое цѣнное и важное значеніе даже для политика имѣетъ законченное міросозерцаніе, мы могли уже здѣсь видѣть на примѣрѣ, Сталя, который въ одинъ годъ съ Шеллингомъ и какъ его ученикъ — хотя послѣдній и отрицалъ это, — былъ призванъ въ Берлинъ и сдѣлался тамъ вождемъ консервативной прусской партіи. По этой-то причинѣ мы поговоримъ лучше о немъ и объ оказанномъ имъ вліяніи при обозрѣніи слѣдующаго періода, хотя его «Философія права» и «Церковное право протестантовъ» появились въ свѣтъ еще до его приглашенія въ Берлинъ. Въ то время никто еще не предполагалъ, что приглашеніе Сталя, о которомъ Шеллингъ такъ презрительно отзывался и на которое никто не обратилъ вниманія, окажется гораздо важнѣе приглашенія Шеллинга и что въ данномъ случаѣ выборъ короля окажется удачнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, что представляли бы собой прусскіе консерваторы безъ Сталя? Славы, будто шеллинговскія идеи проникли къ нимъ черезъ Сталя, лишилъ себя напередъ самъ Шеллингъ, отозвавшись, что Сталь «никогда не слушалъ философію откровенія и совершенно не знаетъ моихъ послѣднихъ мыслей». Тѣмъ рельефнѣе выдается при дворѣ Фридриха-Вильгельма IV, среди всѣхъ этихъ романтиковъ въ искусствѣ и въ наукѣ, Александръ фонъ-Гумбольдтъ, истинный царь науки, злой насмѣшникъ, не свободный отъ тщеславія и отъ цинической лести,—такъ какъ онъ «въ одно и то же время носилъ на спинѣ золотой ключъ придворнаго, а въ сердцѣ идеи 1789 года»; въ послѣднемъ не можетъ быть никакихъ сомнѣній, благодаря болтливости Людмилы Ассингъ. Написавшій во время Фридриха-Вильгельма IV свой «Космосъ», считавшійся другомъ и приближеннымъ короля, Гумбольдтъ несомнѣнно, придавалъ королю и его двору особый отпечатокъ науч-

ности. Правда, если онъ ставилъ своей задачей, — какъ выразился однажды,—«внести духовный принципъ, оплодотворяющій, созидающій и облагораживающій въ темную, стоячую испоконъ вѣковъ тину берлинской жизни, отвлечь интересы отъ пошлой и низкой фривольности къ чему-нибудь болѣе высокому и болѣе серьезному», то это ему удалось въ очень малой мѣрѣ. Но уже одно то, что такой серьезный и крупный представитель точной опытной науки стоялъ,—какъ раньше Гете,—надъ всѣми большими и малыми придворными дилеттантами, импонируя имъ, оказывая самое разнообразное вліяніе и, въ качествѣ «коронованнаго монарха науки», внушая почтеніе всему міру—и это что-нибудь да значило. Такой фактъ показывалъ, что король умѣетъ отличать и понимать истинно-великое; но только онъ не могъ съ увѣренностью отличить истинную величину отъ мнимой и поэтому, въ большинствѣ случаевъ, довольствовался послѣдней.

Оппозиціонная поэзія.

Наконецъ, и въ Германіи наступила революція, хорошо подготовленная въ теченіе сороковыхъ годовъ постоянно усилившеюся рѣзкостью оппозиціи. Движеніе было направлено не только противъ Фридриха-Вильгельма IV, но вообще являлось выраженіемъ раздраженія и недовольства нѣмецкими порядками. Что для реформы этихъ порядковъ ничего не было сдѣлано и приходилось ожидать улучшенія только отъ революціи, въ этомъ виноватъ былъ главнымъ образомъ прусскій король и то настроеніе его, изъ котораго вытекали всѣ его чувства, слова и поступки. Слова, съ которыми къ нему обратился Гервегъ:

Слишкомъ труслив, чтобъ смѣло взглянуть въ глаза новому времени,
Слишкомъ жаденъ къ славѣ, чтобъ презирать его,
Слишкомъ высокорожденъ, чтобы его понять,

попадали прямо въ цѣль.

Молодая Германія все еще была на первомъ планѣ; гейневскіе «Атта-Тролль» и «Германія, зимняя сказка» только что появились въ эти самые годы.

Но и въ груди молодой Германіи «жили двѣ души»; такимъ образомъ и изъ ея молодыхъ вождей, иные, какъ Гуцковъ и Лаубе, остепенились и успокоились, уклонились отъ непосредственнаго участія въ политикѣ и, сохранивъ свои свободолюбивыя тенденціи (вспомнимъ Уріеля Акосту), попытались, по мѣрѣ возможности, создать нѣчто прочное, и именно повліять на сцену въ реалистическомъ духѣ и поднять ее. И дѣйствительно, Гуцковъ обогатилъ нѣмецкій театръ своими произведеніями «Zopf und Schwert» и «Das Urbild des Tartuffe», а Лаубе своими «Karlsschüler». Больше радикализма сохранило лѣвое крыло гегелевской школы, поскольку оно могло высказываться въ гегелевскомъ «Ежегодникѣ». Но послѣ того, какъ изданіе этого журнала въ Пруссіи было запрещено и подъ названіемъ «Deutsche Jahrbücher» перенесено въ Дрезденъ, его языкъ становился все страстнѣе и рѣзче, пока наконецъ онъ и здѣсь не былъ запрещенъ, послѣ чего Руге изъ Парижа вмѣстѣ съ Юліусомъ Фребелемъ изъ Цюриха прониклись настроеніемъ эмигрантовъ и организовали настоящую революціонную пропаганду путемъ книжной торговли. Это было вообще время критики. Въ особенности Берлинъ тогда сдѣлался городомъ критики, какимъ и остался по сію пору. Болѣе всѣхъ отличались въ этомъ отношеніи «свободные, собравшіеся у Гиппеля», сплотившіеся вокругъ только что удаленнаго

отъ академической должности Бруно Бауера; къ ихъ числу принадлежали самые радикальные изъ радикаловъ, какъ братья Бауеръ или Каспаръ Шмидтъ (Максъ Штирнеръ). Здѣсь критиковали безпощадно, разрушали до конца, ничего не щадили, и тонъ кружка соотвѣтствовалъ рѣзкости ихъ идей.

Едва ли менѣе рѣзки, но притомъ менѣе уязвимы по формѣ были «Пѣсни живого человѣка» (1841), принадлежавшія перу молодого шваба, Георга Гервега, жившаго тогда въ Швейцаріи. Трескучія фразы, которыми орудовалъ, и надо сознаться, мастерски орудовалъ—трескотня есть тоже искусство—этотъ поэтъ, богатый реторикой, но лишенный поэзіи и нравственнаго паѳоса, какимъ отличался его землякъ Уландъ, — эти фразы въ то взбудораженное время производили дѣйствіе агитаціонныхъ рѣчей. Революціонный призывъ:

Кресты изъ земли вырывайте,
Въ мечи ихъ обращайте:
Богъ небесный все проститъ,

воспламенялъ, какъ будто революція стояла за дверью, и переходилъ изъ устъ въ уста. Пѣснь къ прусскому королю, заканчивавшаяся словами:

И кто, какъ я, въ враждѣ былъ съ Богомъ,
Обязанъ также спорить съ королемъ,

произвела на самого короля такое впечатлѣніе, что онъ далъ Гервегу аудіенцію, которая, правда, для обоихъ окончилась очень печально. Избалованнаго и тщеславнаго поэта она сдѣлала еще болѣе враждебнымъ и дерзкимъ, а оскорбленнаго короля болѣе чувствительнымъ къ обидѣ и болѣе раздражительнымъ. Шиллеръ гораздо лучше обставилъ свою сцену съ маркизомъ Позою. Во всякомъ случаѣ, высылка этого героя фразы изъ Пруссіи была, все-таки, болѣе понятна, чѣмъ послѣдовавшая три года спустя высылка двухъ баденскихъ депутатовъ Иццтейна и Гекера.

Противъ тріумфальнаго шествія, которое совершилъ черезъ всю Германію незрѣлый поэтъ, сверхъ мѣры оцѣненный современниками, а теперь сверхъ мѣры забытый, — гораздо болѣе даровитый Фрейлигратъ протестовалъ «Письмомъ» въ январѣ 1843 г. Конечно, на самодовольнаго двадцатипятилѣтняго юношу не могло подѣйствовать совершенно заслуженное имъ внушеніе:

Поэтъ, смой съ себя пятно,
Загладь глупую швабскую выходку!

Пробужденіе національнаго чувства.

Напротивъ, въ сороковые годы снова оживилось движеніе, совершенно противоположное интернаціональной дѣятельности эмигрантовъ и настроенію заговорщиковъ,—движеніе, имѣвшее своимъ послѣдствіемъ пробужденіе національнаго чувства. Конечно, въ кругахъ передовыхъ либераловъ все еще господствовало доходившее изъ-за границы довольно космополитически-интернаціональное настроеніе. Такъ изъ Парижа, Гейне въ своей «Зимней сказкѣ» издѣвался надъ Германіей и Арнольдъ Руге въ «Deutsch-Französische Jahrbücher» разносилъ Германію съ грубостью истаго нѣмца; изъ Англіи вторилъ Фрейлигратъ, но рѣзче всѣхъ кричалъ Георгъ Гервегъ въ Цюрихѣ, разразившійся по поводу новаго польскаго возстанія въ 1846 г. восклицаніемъ:

Мятежникамъ побѣда
И всяческій позоръ нѣмецкимъ знаменамъ!

Но это уже звучало анахронизмомъ и не подходило къ настроенію сороковыхъ годовъ. Неосторожная угроза войной, употребленная противъ Германіи Тьеромъ въ 1840 г., вслѣдствіе пораженія французской дипломатіи въ египетскомъ вопросѣ и въ интересахъ достиженія его любимаго плана, укрѣпленія Парижа, сразу воспламенила нѣмцевъ и вызвала неожиданный, давно не виданный въ Германіи подъемъ національнаго чувства. Это настроеніе нашло свое популярное выраженіе въ извѣстной пѣснѣ: «Они его не получатъ, свободный, нѣмецкій Рейнъ». Но и въ средѣ средняго либерализма появилось это національное настроеніе, вытѣснивъ чужестранныя манеры и часто безтактно выражавшіяся со времени Гамбахскаго праздника симпатіи къ французамъ. Самъ Гервегъ не могъ въ тотъ моментъ удержаться отъ этой внезапной перемѣны и воскликнулъ.

Хотя бы ради одного вина—
Рейнъ долженъ оставаться нѣмецкимъ!

Рѣчь, произнесенная въ 1842 г. Фридрихомъ - Вильгельмомъ на торжествѣ достройки Кельнскаго собора, — дала было даже на одинъ моментъ основаніе надѣяться, что король разрѣшитъ нѣмецкій вопросъ,— но стоявшій тутъ же возлѣ иронически холодный Меттернихъ съумѣлъ сдѣлать безвредными эти непредусмотрѣнныя отступленія своего царственнаго друга отъ затверженной роли. Передавали, что Людвигъ баварскій, лучшее время котораго уже проходило, несмотря на свои тяжелые стихи и на свое еще болѣе тяжелое употребленіе причастій, охотно воодушевлялся «тевтонской» будущностью. Когда, наконецъ, въ 1846 г. Христіанъ VIII король датскій въ своемъ «открытомъ письмѣ» объявилъ неприкосновеннымъ все свое государство въ цѣломъ составѣ, нарушивъ тѣмъ писанныя права и условія стараго союза между Шлезвигомъ и Голштейномъ,—тогда изъ края до края Германіи торжественно и задорно прозвучала составленная въ 1844 году пѣсня «Шлезвигъ-Голштейнъ, моремъ обвитые». Общественное мнѣніе стало на сторону возбужденныхъ шлезвигъ-голштинцевъ и требовало охраны національныхъ правъ и національнаго достоинства; на этотъ разъ даже Гейбель, стоявшій далеко отъ всякой политики, нашелъ подходящія къ настроенію слова. Даже сеймъ не могъ на этотъ разъ уклониться отъ давленія общественнаго мнѣнія и долженъ былъ по существу выступить противъ короля и явиться охранителемъ правъ мужской линіи и голштейнскаго національнаго представительства, тогда какъ еще въ 1823 г. тотъ же сеймъ постыдно обманулъ ожиданія шлезвигъ-голштинцевъ, разсчитывавшихъ «найти въ нѣмецкомъ государствѣ убѣжище для подавленной справедливости», отклонивъ ихъ жалобы за «некомпетентностью». Нѣмецкому народу, правда, и послѣднее постановленіе сейма, въ той формѣ, въ какой оно было сдѣлано, показалось все еще черезчуръ кроткимъ и вѣжливымъ, и поэтому поднялось сильное волненіе въ нѣмецкихъ университетахъ, настроеніе которыхъ шло гораздо дальше. На этотъ разъ вождями движенія явились не студенты, какъ это было тридцать лѣтъ тому назадъ, но профессора, сильно поднявшіеся въ общемъ мнѣніи, благодаря мужественному поступку «семерыхъ геттингенцевъ». Когда семь нѣмецкихъ профессоровъ, — семь первоклассныхъ ученыхъ,—отважились воспротивиться нарушенію конституціи вступившимъ на престолъ королемъ Эрнстомъ-Августомъ ганноверскимъ и заявили, что они не желаютъ «играть легкомысленно съ присягою» и предпочитаютъ быть уволенными отъ должности и высланными, чѣмъ подчиниться, — вся Германія громко привѣтствовала

этотъ поступокъ; его моральное значеніе далеко превосходило ближайшій фактическій поводъ. Это значило, что есть, наконецъ, предѣлъ произволу въ свободномъ и смѣломъ убѣжденіи университетскихъ преподавателей. Вотъ почему и народъ не остался глухъ и нѣмъ, и открыто сталъ на сторону семерыхъ—посредствомъ адресовъ и денежной подписки.

Благодаря инциденту съ семью геттингенцами, профессора впервые хорошо сознали благопріятную сторону своего независимаго положенія и въ дальнѣйшемъ они не пропускали ни одного повода для громкаго заявленія своихъ мыслей передъ лицомъ всего народа, преимущественно для поддержанія въ немъ національнаго чувства. Такъ, первые два съѣзда германистовъ во Франкфуртѣ и Любекѣ, состоявшіеся въ присутствіи такихъ лицъ, какъ Арндтъ, Уландъ, братья Гриммъ, Дальманъ и др., способствовали усиленію націоналистическаго настроенія и патріотическаго образа мыслей. Надежды и пожеланія, которыя здѣсь громко высказывались, выходили далеко за предѣлы спеціальной исторической науки. Какъ адвокаты на своихъ съѣздахъ добивались единаго для всей Германіи права и, ссылаясь на древне-германскія учрежденія, требовали суда присяжныхъ, такъ и германисты пользовались своей наукой въ интересахъ національныхъ и свободолюбивыхъ требованій. То, чего достигла тогда наука германистовъ, которую мы прослѣдили выше въ ея зачаткахъ, считалось не простымъ тріумфомъ строгой науки, съ ея историческимъ и сравнительнымъ методомъ; общество прекрасно помнило происхожденіе этихъ изслѣдованій изъ духа романтизма и связь ихъ со всей нѣмецкой народностью; такимъ образомъ, въ нихъ привѣтствовали обогащеніе и прославленіе нѣмецкихъ нравовъ, языка и быта. Германистика была тогда *нѣмецкой* наукой по преимуществу.

Вмѣстѣ съ германистами засѣдали обыкновенно на съѣздахъ и историки; ихъ наука, ихъ изслѣдованія также служили, заодно съ германистикой, на пользу національной жизни. Восемнадцатый вѣкъ, которому справедливо ставятъ въ упрекъ отсутствіе историческаго пониманія, все-таки очень интересовался историческими вопросами и выдвинулъ цѣлый рядъ выдающихся историковъ. Рядомъ съ Юмомъ и Гиббономъ въ Англіи, Вольтеромъ и Монтескье—во Франціи, стоятъ въ Германіи Шлецеръ и Спитлеръ, а въ области отечественной исторіи—Юстусъ Мезеръ, обработывавшій нѣмецкую исторію въ истинно гердеровскомъ духѣ. Благодаря художественному изложенію и тонкой характеристикѣ, уже Шиллеръ съумѣлъ сдѣлать чтеніе историческихъ произведеній удовольствіемъ для всѣхъ образованныхъ людей и, такимъ образомъ, «поднять писаніе исторіи изъ области ученаго ремесла для болѣе свободной, болѣе свѣтлой будущности».

Точно также Іоганнъ Мюллеръ, несравненно болѣе значительный, какъ историкъ, своей классической формой, съ чисто тацитовскими подчеркиваніями, рѣшительно пошелъ навстрѣчу неогуманистическому направленію того времени. Но особенный толчокъ историческимъ изслѣдованіямъ далъ романтизмъ; благодаря ему, эти изслѣдованія начали вестись въ національныхъ интересахъ и духѣ; благодаря ему же была возстановлена и даже преувеличена добрая слава среднихъ вѣковъ, которые восемнадцатое столѣтіе объявило варварскими и совершенно дискредитировало. Наиболѣе полнымъ выраженіемъ этого настроенія была исторія Гогенштауфеновъ Фридриха Раумера; обиліе драмъ изъ штауфенской эпохи, заимствовавшихъ свой сюжетъ изъ этой исторіи, всего нагляднѣе показываетъ, насколько соотвѣтствовала работа Раумера настроенію этой

романтической эпохи. Безспорно, гораздо выше въ научномъ отношеніи стояло, хотя оно и явилось результатомъ тѣхъ же настроеній, основанное барономъ Штейномъ «Общество для изученія древней нѣмецкой исторіи», плодомъ дѣятельности котораго явились издаваемые съ 1826 г. подъ редакціей Перца «Monumenta Germaniae historica»—критическое собраніе средневѣковыхъ источниковъ, впервые давшее возможность научно разработать средніе вѣка. Знаменательнымъ является тотъ фактъ, что при самомъ зарожденіи этого чисто-патріотическаго и чисто-научнаго предпріятія оно попало подъ подозрѣніе у нѣмецкихъ правительствъ, и Меттернихъ заподозрилъ его въ «революціонномъ» духѣ.

Романтическому направленію принадлежитъ, наконецъ, и Леопольдъ Ранке, котораго нѣмецкіе историки нашего столѣтія почитаютъ какъ своего главу. Онъ обладалъ тѣмъ объективнымъ направленіемъ ума, въ которомъ, по Шопенгауеру, состоитъ геніальность, и соотвѣтственнымъ обиліемъ идей; такимъ образомъ, онъ соединялъ «самое тонкое пониманіе въ оцѣнкѣ и пользованіи источниками, съ умомъ, направленнымъ исключительно на объективное наблюденіе—вплоть до полнаго поглощенія своего собственнаго «я», съ умѣньемъ находить связь между отдѣльными явленіями м цѣлымъ, съ природной силой изображенія и живостью формы». Уже въ своемъ первомъ сочиненіи «Исторія романскихъ и германскихъ народовъ съ 1494 г. по 1535 г.», а затѣмъ въ дальнѣйшихъ работахъ, Ранке все рѣшительнѣе ставилъ задачей исторіи «только сказать, какъ все было въ дѣйствительности». Съ эстетическимъ наслажденіемъ, не переходя въ роль судьи, онъ просто наблюдалъ за историческими явленіями, какъ они сами развертывали передъ нимъ свое своеобразное содержаніе. Только иногда онъ указывалъ «перстъ Божій надъ человѣкомъ». Подъ вліяніемъ ученія романтиковъ о безсознательномъ творчествѣ народной души въ историческихъ явленіяхъ, также не безъ вліянія и историко-философскихъ взглядовъ Гегеля, онъ все болѣе и болѣе стремился проникнуть въ самые глубокіе тайники событій, открыть, куда въ каждую эпоху человѣческій родъ идетъ, и познать послѣдніе источники возникновенія, роста и умиранія народа. Зибель, у котораго мы заимствуемъ эту характеристику, обращаетъ также вниманіе на тѣ измѣненія, которыя мало-по-малу претерпѣли взгляды Ранке на вопросъ о томъ, какъ «привлекательность индивидуальнаго явленія отступаетъ на задній планъ передъ ходомъ всемірно-историческаго развитія»; какъ «значеніе личности подчиняется движенію общихъ идей». Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе становились у Ранке главною задачею господствующія мысли, руководящія идеи, наиболѣе крупныя тенденціи, причемъ, конечно, по справедливому замѣчанію Вундта, относительно способа, какимъ приходятъ въ движеніе эти дѣйствующія силы, у Ранке до конца существовала неясность. Но если мы оставимъ въ сторонѣ болѣе поздніе произведенія Ранке, въ особенности его всемірную исторію, въ которой, вслѣдствіе этой перемѣны во взглядахъ, блѣдность и неясность сильно повредили искусству, то намъ, не историкамъ, пожалуй, болѣе чѣмъ историкамъ, это аристократическое безстрастіе и практичность съ самаго начала кажутся не лишенными преднамѣренности и тенденціозности. Даже и помимо его «историко-политическаго журнала» 1832—1836 г., въ немъ чувствуется съ самаго начала нѣкоторое партійное, консервативное сочувствіе къ существующему и могущественному; все радикальное ему противно, онъ роялистъ съ ногъ до головы, а эстетическая точка зрѣнія на событія ослабляетъ серьезный смыслъ міровой

*

борьбы и дѣлаетъ изъ нея игру, хотя бы очень красивую и возвышенную, но все-таки игру—идей или божескихъ мыслей съ человѣческою судьбой.

Поэтому вліяніе, оказанное Ранке на широкій кругъ образованной публики, было, да и теперь остается, гораздо меньше, чѣмъ это привыкли представлять себѣ историки, смѣшивая роль несравненнаго учителя и всѣми уважаемаго главу школы съ ролью дѣятельнаго писателя. Переписка Штрауса съ его мнѣніями о «дьявольски-благородной манерѣ этого лирическаго историка» является очень часто подходящимъ выраженіемъ того непріятнаго чувства, которое охватываетъ насъ, профановъ. Впрочемъ, и самъ Трейчке пишетъ: «Мы знакомимся у Ранке очень мало съ жизнью народной массы; мы всегда вращаемся среди знатныхъ людей; звѣрскихъ страстей людей онъ не въ состояніи изобразить. И однако же, это существуетъ и составляетъ въ жизни людей довольно важный элементъ». Вліяніе Ранке было, такимъ образомъ, велико только на романтически—настроенные умы и только въ этомъ направленіи распространялось за предѣлы школы и цеха. При дворѣ Фридриха-Вильгельма IV онъ былъ гораздо больше на мѣстѣ, чѣмъ Александръ фонъ-Гумбольдтъ, и баронъ фонъ-Мантейфель, будучи намѣстникомъ въ Эльзасъ-Лотарингіи, получалъ указанія для своей системы управленія, анахроничной и вполнѣ романтической, не отъ честнаго Баумгартена въ Страссбургѣ, а отъ своего берлинскаго друга Ранке.

Вотъ почему могло случиться, хотя для насъ теперь это совершенно непонятно, что Шлоссера сопоставили съ Ранке, и противопоставили субъективность одного объективности другого, какъ равноцѣнныя величины. Разумѣется, какъ историкъ, Шлоссеръ не идетъ въ сравненіе съ Ранке; онъ вѣдь былъ преисполненъ «не анти-историческимъ» духомъ XVIII столѣтія, не имѣвшаго ни глазъ, ни пониманія, ни терпимости для всего своеобразнаго и индивидуальнаго въ каждой данной эпохѣ. Шлоссеръ мѣрилъ вещи своимъ собственнымъ, слѣдовательно, имъ субъективнымъ аршиномъ. Этотъ аршинъ былъ не эстетическій, какъ у Ранке, но нравственный. И тутъ сказывается вліяніе на Шлоссера XVIII столѣтія, пропитаннаго моралью, но вмѣстѣ съ тѣмъ и кое-что изъ категорическаго императива Канта, который безпощадно примѣнялся здѣсь къ политикѣ и ея носителямъ. Такимъ путемъ Шлоссеръ сдѣлался строгимъ, безпощаднымъ судьей всѣхъ временъ, историческимъ цензоромъ Катономъ. Какъ ни часто бывали несправедливы его судейскіе приговоры, мѣрившіе такимъ одностороннимъ масштабомъ, какъ ни утомительно дѣйствуетъ въ большомъ количествѣ его бранчивый тонъ и его манера писать, пренебрегающая всякимъ искусствомъ изложенія, вліяніе онъ все-таки имѣлъ. Въ этомъ способѣ мышленія, энергично отвергавшемъ всякій мистицизмъ, либеральное бюргерство видѣло сильный протестъ противъ романтики. Когда же онъ ко всему этому, еще сдѣлалъ само XVIII столѣтіе предметомъ подробнаго изложенія и при этомъ безпощадно осуждалъ владычество любовницъ, расточительность нѣмецкихъ князей, угнетеніе и эксплуатацію ихъ земель,—онъ могъ быть вполнѣ увѣренъ въ одобреніи всѣхъ либеральныхъ филистеровъ. Его историческое изложеніе импонировало здравому смыслу именно потому, что у него не было никакихъ высшихъ точекъ зрѣнія и для него оставалась скрытой болѣе глубокая связь вещей. Но въ этомъ инстинктивномъ предпочтеніи Шлоссера передъ Ранке было и кое-что вполнѣ основательное. Въ немъ само XVIII сто-

лѣтіе еще разъ предостерегало XIX вѣкъ отъ погруженія въ романтическій историзмъ, самымъ великимъ представителемъ котораго былъ Ранке.

Если заглянемъ въ послѣдніе три тома шлоссеровской «Всемірной исторіи для нѣмецкаго народа», появившіеся въ VI изданіи въ 1870 г. *) и составляющіе дополненіе и продолженіе, написанное Оскаромъ Іегеромъ: «опытъ изложенія новѣйшей исторіи», то увидимъ, что на мѣсто эстетическаго взгляда Ранке и морализирующей тенденціи Шлоссера, здѣсь обнаруживается третье теченіе—политически-національное. И оно также ведетъ свое происхожденіе отъ періода до революціи 1848 года. Послѣ Нибура, о которомъ рѣчь была уже въ другомъ мѣстѣ, самымъ выдающимся представителемъ этого направленія былъ Дальманъ, соединявшій съ учеными историческими изслѣдованіями публицистическую дѣятельность и отдавшій свой научный трудъ на службу практической политикѣ. Его цѣлью было при этомъ «содѣйствовать развитію сознательнаго политическаго сужденія и укрѣпить рѣшимость бороться за насущныя задачи времени». Дальманъ былъ либераломъ, главою семи геттингенцевъ; его либерализмъ коренился въ его историческихъ взглядахъ и былъ враждебенъ—всякому анти-историческому радикализму. Наконецъ, къ сороковымъ годамъ относятся и первыя работы Зибеля, впервые выступившаго (въ своемъ произведеніи о первомъ крестовомъ походѣ) противъ романтически-преувеличеннаго восхваленія среднихъ вѣковъ. Еще энергичнѣе онъ выступилъ противъ ультрамонтанской тенденціи въ статьѣ о священной ризѣ въ Трирѣ. Эти взгляды ставили и Зибеля на почву либерализма. Но, какъ и у Дальмана, это былъ умѣренный либерализмъ, отстоявшій, какъ небо отъ земли, отъ демократическаго одушевленія и космополитическихъ спекуляцій, носившій къ тому же еще специфически національную прусскую окраску. Подобно Дальману,— и въ противоположность «объективности» своего учителя, Ранке, — и Зибель заявилъ принципіально, что «въ современныхъ теченіяхъ можно разобраться и обосновать ихъ, только принимая во вниманіе пройденныя ступени; только находясь въ живомъ общеніи съ текущей злобою дня, историкъ можетъ пріобрѣсти ту нравственную теплоту, при помощи которой возможно художественное возсозданіе прошедшаго». Уже одно то, что оба читали лекціи о политикѣ, показываетъ, какъ важно было для нихъ, по выраженію Зибеля, «чтобы всякое изслѣдованіе было проникнуто участливымъ отношеніемъ къ общественнымъ дѣламъ, и чтобы въ каждой спеціальности обращалось вниманіе на значеніе ея для современныхъ интересовъ народа».

Зибель отличался отъ Ранке также и тѣмъ, что онъ вполнѣ реалистически и номиналистически разсматривалъ «идеи, не какъ демоническія силы, лежащія внѣ людей и толкающія ихъ противъ ихъ воли, а какъ достояніе самихъ дѣйствующихъ въ исторіи людей, создающихъ себѣ умственный образъ, сообразно съ нимъ поступающихъ и отвѣтственныхъ за него».

На югѣ Гервинусъ, первоначально—ученикъ Шлоссера и также одинъ изъ семи геттингенцевъ,—явился представителемъ подобнаго же рода тенденцій. Въ своей «Исторіи нѣмецкой поэтической литературы» онъ пытался доказать связь поэзіи съ политическою жизнью и со всѣмъ національнымъ развитіемъ нѣмецкаго народа; такимъ образомъ онъ хо-

---

*) По-русски переведены въ послѣднемъ томѣ втораго изданія «Всемірной исторіи». *Ред.*

тѣлъ привлечь народъ съ эстетически-литературной почвы на политическую. Участіе Гервинуса въ нѣмецко-католическомъ движеніи характеризуетъ его, впрочемъ, болѣе радикаломъ, чѣмъ былъ Зибель, при всемъ враждебномъ отношеніи послѣдняго къ ультрамонтанству. Его позднѣйшее раздраженіе, противъ Пруссіи, вызванное событіями 1866 г. и 1870 г., не свидѣтельствуетъ о ясности и широтѣ политическаго пониманія этого историка XIX столѣтія.

Либеральныя требованія.

Перемѣна въ политическихъ возрѣніяхъ Гервинуса находится безспорно въ связи съ тѣмъ, что южно-германцы гораздо раньше и больше, чѣмъ прирейнскій житель Зибель, приняли участіе «въ естественной выработкѣ нашихъ общественныхъ условій», причемъ имъ гораздо яснѣе, чѣмъ пруссакамъ, видны было жалкіе порядки мелкихъ княжествъ и безсиліе нѣмецкаго союза, далеко не впервые обнаружившееся въ датскомъ вопросѣ.

Практически именно юго-западные либеральные депутаты изъ Бадена, Гессена, Нассау и Вюртемберга возбудили вопросъ о реформѣ союзнаго устройства; они на съѣздѣ въ Геппенгеймѣ требовали созыва нѣмецкаго парламента; они же черезъ Карла Мати указывали на таможенный союзъ, какъ на такое учрежденіе, изъ котораго можетъ и должно развиться, подъ руководствомъ Пруссіи, политическое единство Германіи. Конечно, Мати только перефразировалъ здѣсь то, что Листъ такъ заманчиво проповѣдовалъ нѣмецкимъ промышленникамъ: «только изъ единства матеріальныхъ интересовъ вытекаетъ единство духовныхъ и только изъ этихъ двухъ возникаетъ національная сила. Какое значеніе имѣютъ всѣ наши стремленія безъ національности и безъ гарантіи за продолжительность ея существованія». На такое разрѣшеніе нѣмецкаго вопроса имѣли мужество надѣяться еще со времени вѣнскаго конгресса отдѣльные, болѣе рѣшительные патріоты. Особенно горячо и умно вступился за него въ началѣ тридцатыхъ годовъ швабъ Павелъ Пфицеръ въ его «Перепискѣ двухъ нѣмцевъ». Съ ясностью, не оставляющей желать ничего большаго, онъ заявилъ, что только при помощи Пруссіи можно достигнуть крѣпкаго единства. Отъ мысли о «прусской гегемоніи» въ Германіи—его не заставляетъ отказаться даже то соображеніе, что «сама Пруссія недавно, благодаря своей бездушной и антинаціональной политикѣ, значительно увеличила тѣ трудности, съ которыми ей приходится бороться,—къ большому удовольствію тѣхъ, весь патріотизмъ которыхъ сводится къ ненависти противъ пруссаковъ». Онъ вѣритъ въ силу и способность развитія этого «юнаго государства, которое не упускаетъ изъ виду ничего, что можетъ сдѣлать его средоточіемъ нѣмецкой умственной жизни, и въ этомъ видитъ свою славу. Но, чтобы достигнуть этой цѣли, должна быть ясно сознана потребность крѣпкаго единенія; сознаніе національной связи должно становиться все живѣе, патріотическій образъ мыслей—сильнѣе, но въ особенности же думающая, образованная, не занятая исключительно борьбой съ физическими потребностями часть націи должна всегда помнить о своемъ единствѣ и приносить въ жертву свое мелкое самолюбіе единой великой цѣли. И прежде всего сами наши писатели, которымъ мы обязаны за спасеніе нашего духовнаго единства,—не должны оставаться на полупути, а обязаны завершить дѣло, вселяя націи вѣру въ ея силы, пониманіе ея обязанностей, сознаніе ея правъ». Такъ ясно и такъ рано уже раз-

вилъ этотъ политическій умъ програму нѣмецкаго единенія на ближайшія десятилѣтія.

Съ тѣхъ поръ интеллигенція и писатели начали вносить въ широкіе круги народа подобныя мысли и требованія; въ особенности занялась этимъ созданная въ 1847 г., подъ редакціей Гервинуса, «Нѣмецкая Газета», поставившая себѣ задачей «говорить съ юга преимущественно о прусскихъ интересахъ».

«Никогда еще ни одна нѣмецкая газета не выступала болѣе импонирующимъ образомъ передъ націей»,—говоритъ Г. Фрейтагъ о «Нѣмецкой Газетѣ». Среди гордой толпы сотрудниковъ, выдающихся либераловъ изъ всѣхъ частей Германіи, находились рядомъ съ Карломъ Мати, историки Гервинусъ, Дальманъ, Гейссеръ, Вайцъ, Дройзенъ и др. Это была настоящая профессорская газета и, какъ таковая, она положила основаніе профессорской политикѣ профессорскаго парламента 1848 года. Но тотъ фактъ, что эта газета, ратовавшая за прусскую гегемонію, въ самой Пруссіи нашла меньше всего поддержки, показываетъ только, что юго-западъ своей тридцатилѣтней парламентской дѣятельностью въ политическомъ образованіи и въ національно-нѣмецкомъ образѣ мыслей въ тотъ моментъ превосходилъ Пруссію. Съ другой стороны, правда, здѣсь въ этихъ крошечныхъ государствахъ не поняли самаго важнаго, самаго очевиднаго,—именно того, что для достиженія и проведенія политической цѣли прежде всего необходима сила. Уже Павелъ Пфицеръ, однако же, это понималъ, когда говорилъ: «для совершенія великаго и хорошаго дѣла не достаточно одной воли, но нужна также и сила. И гдѣ, кромѣ, Пруссіи имѣется сила, способная оживить Германію?» Профессора, напротивъ, черезчуръ положились на одну добрую волю и смѣшали силу идей, въ которыя они вѣрили, и силу слова, которымъ они владѣли, съ дѣйствительною силою, которая одна только способна превратить идеи въ дѣйствительность и которая должна стоять позади слова, если только слову не суждено сдѣлаться фразой.

Предложеніе Бассерманна, сдѣланное въ баденской камерѣ 5 февраля 1848 г., объ учрежденіи нѣмецкаго парламента, было самымъ яркимъ выраженіемъ національныхъ стремленій, охватившихъ эти круги; предложеніе Мати объ устраненіи цензуры, сдѣланное тамъ же, соотвѣтствовало ихъ свободолюбивымъ тенденціямъ. Эти тенденціи явились здѣсь какъ разъ во время; когда разразилась революція, представители этихъ мнѣній показали ей путь во Франкфуртъ, въ церковь святаго Павла *).

---

*) Авторъ намекаетъ на составъ и настроеніе франкфуртскаго парламента, пытавшагося декретировать объединеніе Германіи послѣ революціи 1848 года. Слѣдующую за этимъ главу о революціи мы опускаемъ, основываясь отчасти и на словахъ самого автора: «я долженъ ограничиться краткими замѣчаніями объ этомъ Sturm und Drangperiode нѣмецкаго народа. Въ такіе времена духовная жизнь сосредоточивается на двухъ-трехъ простыхъ мысляхъ и требованіяхъ; они высказываются со стихійной силой и влекутъ за собой разнообразныя дѣла, о которыхъ повѣствуетъ уже политическая исторія, а не культурная». *Ред.*

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Реакція пятидесятыхъ годовъ.

Реакціонная политика.

И опять наступила самая глухая, самая злая реакція, часто грубая и всегда мелочная, въ особенности когда дѣло шло о мести и о преслѣдованіи личныхъ враговъ, т.-е. о всѣхъ тѣхъ, которые принимали участіе въ революціи, будь это радикалы или умѣренные. Дѣло не ограничилось наказаніями по приговорамъ военныхъ судовъ; гораздо хуже были состоявшіеся послѣ возстановленія порядка политическіе процессы и осужденія, дисциплинарныя взысканія и насилія, мелкія униженія и безцеремонное удаленіе чиновниковъ, священниковъ и учителей отъ должности; наказанія коснулись даже тѣхъ, которые только грезили о свободѣ и единствѣ и пытались осуществить свои идеалы, не прибѣгая къ насилію. А за этими актами мести само собою шло преслѣдованіе всѣхъ тѣхъ, которые продолжали высказывать съ амвона или каѳедры свободомыслящія сужденія не только по политическимъ, но и по научнымъ и религіознымъ вопросамъ. Этимъ преслѣдованіямъ подверглись какъ разъ самые лучшіе и самые выдающіеся люди; многіе изъ нихъ при этомъ на время или навсегда надломили свою энергію и выбиты были изъ жизненной колеи. Я напомню только скандальный процессъ Вальдека въ Пруссіи, въ которомъ самъ прокуроръ назвалъ главный пунктъ обвиненія мошеннической продѣлкой, придуманной спеціально, «чтобы погубить человѣка»; или не менѣе скандальное осужденіе Виггерса въ Мекленбургѣ, отрѣшеніе отъ должности профессоровъ Рейшера въ Тюбингенѣ и Момзена въ Лейпцигѣ, нѣсколько позже—запрещеніе читать лекціи въ Гейдельбергѣ Куно Фишеру и Молешотту. Для продажнаго сервилизма и трусливаго доноса, для фальсификаторовъ и полицейскихъ шпіоновъ—это былъ настоящій праздникъ. Какъ всегда, при этомъ не мало было людей, искавшихъ въ эмиграціи средства уклониться отъ подобныхъ преслѣдованій; не мало наплодилось опять и нищеты, и озлобленія среди нѣмецкихъ изгнанниковъ въ Америкѣ. Англіи и Швейцаріи; не мало, наконецъ, и крупныхъ силъ было навсегда потеряно для старой родины.

Реакціонные наслѣдники либеральныхъ мартовскихъ министровъ постарались также, по мѣрѣ возможности, устранить побольше демократическихъ пріобрѣтеній изъ времени революціи, или, по рельефному выраженію Фридриха-Вильгельма IV, «удалить изъ нѣмецкихъ конституцій демократическую грязь позорнаго года». Имперская конституція 1849 г. была—тамъ, гдѣ ее приняли,—молчаливо или формально устранена; «основныя права» рѣшеніемъ сейма объявлены недѣйствительными; въ отдѣльныхъ государствахъ конституціи исправлены въ реакціонномъ духѣ; народныя права безцеремонно игнорировались или нарушались, даже вопреки прямому смыслу законовъ,—при помощи циркуляровъ и полицейскихъ мѣръ. Безспорно, во многомъ нужно было возстановить порядокъ, преобразовать хаосъ и анархію, выпрямить то, что шло вкривь и вкось. Но къ чему все это, собственно, шло, ясно можно было видѣть въ Кургессенѣ, гдѣ министръ Гассенфлюгъ вмѣстѣ съ военнымъ министромъ фонъ-Ганау насильно измѣнилъ конституцію по своему личному усмотрѣнію.

Этотъ человѣкъ, «позоръ и проклятіе гессенцевъ», уже разъ, въ тридцатыхъ годахъ, въ теченіе цѣлыхъ пяти лѣтъ боролся въ качествѣ министра съ либеральнымъ духомъ и пытался смирить ландтагъ чиновниковъ и гражданъ. При Фридрихѣ-Вильгельмѣ IV онъ перешелъ на государственную службу въ Пруссію и здѣсь также служилъ реакціи; въ 1850 г. онъ вернулся, въ качествѣ министра, обратно въ Гессенъ, отягченный едва ли, конечно, правильнымъ, скорѣе шантажнымъ обвиненіемъ въ поддѣлкѣ. Онъ возвратился съ тѣмъ, чтобы вернуть Кургессенъ изъ русла прусской союзной политики въ возстановленный Австріей сеймъ, уничтожить конституцію и возстановить старое господство курфюршескаго произвола. Съ безпримѣрною дерзостью, съ нахальнымъ издѣвательствомъ этотъ упрямый фанатикъ перешагнулъ черезъ сопротивленіе, которое подавляющее большинство чиновниковъ противопоставило нарушенію законовъ, и насмѣялся надъ отказомъ народа платить подати, надъ постановленіями ландтага и рѣшеніями суда. Его помощникомъ въ церковной области былъ Вильмаръ, возстановившій, подъ предлогомъ свободы церкви, ортодоксально-піэтическую тираннію, съ ея невѣроятно мелочной придирчивостью, и съумѣвшій, благодаря этому, привлечь на свою сторону большинство кургессенскихъ священниковъ. Вильмара обыкновенно знаютъ только какъ автора одного изъ лучшихъ изложеній нѣмецкой исторіи литературы. Но, какъ Зибель его вѣрно охарактеризовалъ: «У него огонь религіозной страсти, доходившій, какъ и у Гассенпфлюга, до фанатическаго пыла, пожралъ и омрачилъ его проницательность и фантазію. Онъ былъ убѣжденъ въ томъ, что боролся физически съ однимъ изъ демоновъ, и объявилъ однажды на собраніи пасторовъ, что только тотъ заслуживаетъ названія христіанина, кто хоть разъ боролся съ сатаною, не въ переносномъ смыслѣ, но тѣлесно, грудь съ грудью, зубъ за зубъ. При такихъ взглядахъ, немудрено, что для искорененія зла онъ хотѣлъ надѣлить святыхъ всевозможнымъ оружіемъ»; и такъ какъ, по его мнѣнію, демократы и невѣрующіе одно и тоже, то стремившійся къ власти министръ и властолюбивый іерархъ отлично могли подать другъ другу руку. Историческимъ возмездіемъ и ироніей судьбы было то, что Гассенпфлюгъ палъ, споткнувшись на Вильмарѣ. Курфюрсту этотъ высокомѣрный моралистъ Вильмаръ, выступившій противъ него, въ одинъ изъ рѣшительныхъ моментовъ, въ роли ветхозавѣтнаго пророка и заставившій его покориться, былъ противенъ. Вотъ почему онъ отказался подтвердить назначеніе Вильмара въ суперъ-интенденты, за которое особенно стоялъ Гассенпфлюгъ; въ результатѣ, пали оба. Гассенпфлюгъ вернулся къ частной жизни, Вильмаръ же, въ качествѣ профессора теологіи въ Марбургѣ, явился такимъ же страстнымъ представителемъ своего конфессіональнаго и католическаго направленія на каѳедрѣ, какимъ былъ въ политикѣ, когда ему пришлось осуществлять это направленіе въ кургессенской церкви.

Подобно Гассенпфлюгу въ Кургессенѣ, прусская камарилья, сплотившаяся вокругъ короля и заставлявшая его все болѣе и болѣе править по своей волѣ (во главѣ ея все еще стояли братья фонъ-Герлахъ), думала объ уничтоженіи конституціи,—либеральной по формѣ, но абсолютной по содержанію,—которую даровалъ король во время революціонныхъ бурь. Однако же, несмотря на софизмы, которыми услужливые совѣтники хотѣли доказать королю, что онъ свободенъ отъ данной имъ клятвы, король считалъ себя связаннымъ ею и изъ чисто религіозной мнительности не рѣшался на крайній поступокъ. Конечно, изъ этого

еще не слѣдовало, что онъ привыкнетъ управлять, какъ конституціонный монархъ; притомъ же, можно было пересмотрѣть конституцію и исправить въ реакціонномъ духѣ; а въ отдѣльныхъ случаяхъ можно было толковать ея постановленія въ реакціонномъ смыслѣ. Къ тому и къ другому прибѣгалъ король. Повсюду правительство подтягивало возжи: полицейская власть и произволъ были усилены, въ Берлинѣ самоуправствовалъ президентъ полиціи фонъ-Гинкельдей, съ почти безграничной властью и съ такой же безцеремонностью, такъ что даже «Крестовая Газета» и ея присные стали находить его неудобнымъ; онъ погибъ на дуэли, отъ руки одного изъ самыхъ большихъ аристократовъ, нѣкоего фонъ-Рохова. Помилованіе этого благороднаго повѣсы принадлежало къ общимъ симптомамъ реакціи, не заботившейся о соблюденіи законовъ. Судамъ приходилось заниматься преслѣдованіемъ неблагонадежныхъ или неудобныхъ людей, причемъ, конечно, они не могли удержать своей репутаціи безпристрастія. Но всего важнѣе было то, что ограничена была самостоятельность общинъ и усилено вліяніе восточно-эльбскаго дворянства, которому снова были возвращены всякія привилегіи, даже вотчинная полиція. Абсолютистскія, феодальныя и клерикальныя тенденціи дѣйствовали въ одномъ направленіи, и бюрократія, волей или неволей, поступала на службу ко всѣмъ тремъ.

Реакціонное школьное управленіе.

И опять-таки было вполнѣ естественно, что реакціонный духъ, наиболѣе наглядно и во всей своей духовной наготѣ — реакція всегда безъидейна, — сказался въ вѣдомствѣ, подчиненномъ министру народнаго просвѣщенія. На этотъ разъ, притомъ, при министерствѣ Раумера реакція не ограничилась кругомъ личныхъ вопросовъ, а поставила себѣ также и организаторскія задачи. Особенное вниманіе обратили на школы, такъ какъ учителя часто примыкали къ радикальнымъ партіямъ, и реакція въ самомъ школьномъ образованіи видѣла главный источникъ и причину революціи. Чтобы воспрепятствовать тому и другому, не нашли лучшаго средства, какъ отдать школу и подчинить ее еще больше, чѣмъ прежде, духовенству обоихъ исповѣданій. Правила Штиля прямо мѣтили на пониженіе уровня учительскаго и школьнаго образованія. Фридрихъ-Вильгельмъ IV открыто говорилъ, что директора семинарій несутъ главную вину въ событіяхъ 1848 г.; поэтому, нѣкоторое время серьезно поговаривали объ упраздненіи учительскихъ семинарій и о передачѣ подготовки учителей, для большей «простоты», — прямо въ руки сельскихъ священниковъ. Такъ далеко, однако, министръ не хотѣлъ идти и потому Фердинандъ Штиль, докладчикъ по школьнымъ вопросамъ, получилъ предложеніе, не порывая съ прошлымъ, добиться желанныхъ результатовъ путемъ частичныхъ измѣненій. Это дало поводъ къ появленію въ 1854 г. «трехъ регулятивовъ», заслужившихъ печальную извѣстность. Эти «регулятивы» въ педагогическомъ отношеніи гораздо лучше своей репутаціи, но и въ этомъ отношеніи приходилось пожалѣть о томъ, что они отклоняли совершенно справедливыя требованія народныхъ учителей относительно улучшенія и расширенія образованія. Совсѣмъ реакціонный характеръ имѣютъ другія стороны «регулятивовъ»: способъ, какимъ оттѣняется въ нихъ преподаваніе религіи и становится центральнымъ пунктомъ обученія, принимая притомъ, благодаря переполненію балластомъ, дающимъ исключительно работу памяти, чисто внѣшній и механическій характеръ;

этотъ островъ; но въ продолженіе 480 лѣтъ они развились въ совершенно особенную разновидность, или, если хотите, въ «хорошій видъ», рѣзко опредѣляемый своеобразной окраской, формой, напоминающей крысу, небольшой величиной, ночнымъ образомъ жизни и чрезвычайною дикостью. Но самое главное то, что этотъ новый видъ, который я называю lepus Huxleyi, совсѣмъ не скрещивается съ европейскимъ кроликомъ, отъ котораго онъ произошелъ, и поэтому, не даетъ, съ нимъ помѣси.

Съ другой стороны, намъ извѣстны многочисленные примѣры плодоносныхъ настоящихъ помѣсей, т.-е. такихъ помѣсей, которыя происходятъ отъ скрещиванія двухъ совершенно различныхъ видовъ и несмотря на это размножаются, скрещиваясь какъ между собой, такъ и съ своими родоначальными видами. Ботаникамъ такіе «виды-помѣси» (species hybridae) давно и въ большомъ количествѣ извѣстны; такъ, напр., изъ родовъ чертополоха (cirsium), ракитника (cytisus), ежевики (rubus) и т. д. Также среди животныхъ онѣ совсѣмъ не рѣдки, быть можетъ, даже весьма часты. Извѣстны плодоносныя помѣси, происшедшія отъ скрещиванія двухъ различныхъ видовъ одного рода,—изъ нѣсколькихъ родовъ ласточекъ (zygaena, saturnia), изъ семейства карповыхъ рыбъ, зябликовъ, куръ, собакъ, кошекъ и т. д. Къ наиболѣе интереснымъ принадлежитъ *зайцекроликъ* (lepus Darwinii), помѣсь нашего зайца и кролика, котораго во Франціи уже съ 1850 года разводятъ во многихъ поколѣніяхъ для гастрономическихъ цѣлей. У меня самого есть, благодаря щедрости профессора Конрада, производившаго въ своемъ имѣніи эти опыты, такія помѣси, которыя произошли отъ чистой случки, т. е. оба родителя которыхъ сами помѣси зайца-отца и кролика-матери. Полученная такимъ образомъ полукровная помѣсь, названная мной въ честь Дарвина, въ чистой случкѣ размножается въ ряду многихъ поколѣній такъ же хорошо, какъ и каждый «настоящій видъ». Хотя она въ общемъ подобна своей кроличихѣ-матери, однако въ образованіи ушей и заднихъ ногъ она обладаетъ опредѣленными свойствами своего зайца-отца. Мясо обладаетъ превосходнымъ вкусомъ, больше въ родѣ заячьяго, хотя окраска ближе подходитъ къ кроличьей. Но заяцъ (lepus timidus) и кроликъ (lepus caniculus) столь различные виды рода lepus, что ни одинъ систематикъ не станетъ разсматривать ихъ, какъ разновидности одного вида. Кромѣ того, эти виды ведутъ столь различный образъ жизни и въ дикомъ состояніи питаютъ другъ къ другу столь великое отвращеніе, что въ свободномъ состояніи они не смѣшиваются. Если же однако вмѣстѣ воспитывать новорожденныхъ дѣтенышей обоихъ видовъ, то это отвращеніе не развивается; они смѣшиваются между собой и образуется lepus Darwinii.

Другой отличный примѣръ скрещиванія различныхъ видовъ (причемъ оба вида принадлежатъ даже къ различнымъ родамъ!) доставляютъ намъ плодоносныя помѣси овецъ и козъ, съ давнихъ поръ воспитываемыхъ въ Чили ради индустріальныхъ цѣлей. Насколько плодовитость различныхъ видовъ является несущественнымъ обстоятельствомъ при половомъ смѣшеніи, показываетъ тотъ фактъ, что козелъ и овца при своемъ скрещиваніи даютъ плодовитыя помѣси, между тѣмъ какъ баранъ и коза вообще рѣдко спариваются, и притомъ безъ послѣдствій. Такимъ образомъ, явленія гибридизма, которымъ ошибочно придавали чрезмѣрно большое значеніе, не имѣютъ на самомъ дѣлѣ ровно никакого значенія для понятія о видѣ. Образованіе помѣсей такъ же мало, какъ и всякое другое явленіе, даетъ намъ возможность рѣзко и

опредѣленно отличать культивированныя расы отъ дикихъ видовъ. А это обстоятельство представляетъ громадное значеніе для теоріи естественнаго подбора.

СЕДЬМАЯ ЛЕКЦІЯ.

Теорія естественнаго подбора.

(Дарвинизмъ).

Дарвинизмъ (теорія естественнаго подбора) и ламаркизмъ (теорія измѣняемости видовъ).—Искусственный подборъ: отборка различныхъ организмовъ для развода.—Дѣйствующія причины преобразованія: измѣненія въ зависимости отъ питанія и наслѣдственность, зависящая отъ размноженія.—Механическая природа обѣихъ этихъ физіологическихъ функцій.—Естественный подборъ: отборка при помощи борьбы за существованіе.—Теорія народонаселенія Мальтуса.—Несоразмѣрность числа возможныхъ и дѣйствительныхъ индивидовъ каждаго организованнаго вида. — Всеобщая борьба за существованіе.—Борьба за существованіе, какъ причина, обусловливающая преобразованіе и размноженіе.—Принципъ подбора у Канта и Уоллеса.—Подборъ въ человѣческой жизни.—Медицинскій и клерикальный подборъ.

Если въ настоящее время общее ученіе о развитіи, разсмотрѣнное нами въ предыдущихъ лекціяхъ, нерѣдко смѣшивается съ дарвинизмомъ, то это, собственно говоря, не вполнѣ вѣрно. Какъ мы видѣли изъ историческаго обзора въ послѣднихъ лекціяхъ, уже въ началѣ этого столѣтія важнѣйшая часть органической теоріи развитія, именно ученіе о происхожденіи или теорія измѣняемости видовъ, вполнѣ ясно была высказана и проведена въ науку главнымъ образомъ Ламаркомъ. Поэтому, эту часть теоріи развитія, доказывающую общее происхожденіе всѣхъ животныхъ и растительныхъ видовъ отъ простѣйшихъ общихъ основныхъ формъ, можно съ полнымъ правомъ назвать въ честь великаго основателя ея *ламаркизмомъ*, если только мы желаемъ связать съ именемъ отдѣльнаго выдающагося естествоиспытателя заслугу первоначальнаго проведенія этого основного ученія. Соотвѣтственно этому, мы въ правѣ назвать *дарвинизмомъ* ту часть теоріи развитія, которая показываетъ намъ, какимъ путемъ и почему различные организованные виды произошли отъ ихъ простѣйшихъ основныхъ формъ.

Эта теорія естественнаго подбора или дарвинизмъ въ сущности опирается, какъ это уже было указано въ послѣдней лекціи, на сравненіе искусственнаго, производимаго человѣкомъ подбора домашнихъ животныхъ и садовыхъ растеній съ тѣми процессами, которые свободно совершаются въ природѣ внѣ искусственной культуры и ведутъ къ образованію новыхъ видовъ и новыхъ родовъ. Для пониманія этихъ послѣднихъ процессовъ необходимо, такимъ образомъ, обратиться сперва къ искусственному подбору, какъ сдѣлалъ это самъ Дарвинъ. Мы должны изслѣдовать, какихъ послѣдствій достигаетъ человѣкъ путемъ искусственнаго подбора, и какія средства онъ примѣняетъ для достиженія ихъ; и затѣмъ должны спросить себя: «нѣтъ ли въ природѣ подобныхъ силъ, подобныхъ дѣйствующихъ причинъ, какъ тѣ, которыми пользуется человѣкъ?»

Что же касается искусственнаго подбора, то мы исходимъ изъ того упомянутаго уже факта, что при этомъ получаются индивиды, различающіеся гораздо болѣе, чѣмъ при естественномъ подборѣ. Въ самомъ

дѣлѣ, расы или породы часто въ несравненно большей степени различаются между собой и въ гораздо болѣе важныхъ свойствахъ, чѣмъ такъ называемые «хорошіе виды» или species, а иногда даже больше, чѣмъ такъ называемые «хорошіе роды» въ естественномъ состояніи.

Если сравнить, напр., различные сорты яблони, воспитанные садоводами изъ одной и той же первоначальной формы, или различныя породы лошади, выведенныя коннозаводчиками изъ одной и той же первоначальной формы, то станетъ вполнѣ яснымъ, что различія большинства формъ чрезвычайно велики, гораздо больше, чѣмъ такъ называемыя «видовыя отличія», примѣняемыя зоологами и ботаниками при сравненіи дикихъ видовъ ради распознаванія различныхъ «хорошихъ видовъ».

Но какимъ образомъ вызываетъ человѣкъ это поразительное различіе или расхожденіе нѣсколькихъ формъ, происходящихъ, какъ доказано, отъ одной и той же первоначальной формы? Обратимся за отвѣтомъ на этотъ вопросъ къ садоводу и прослѣдимъ, какъ онъ поступаетъ, желая воспитать какое-нибудь растеніе, отличающееся особенно чудной окраской. Онъ прежде всего отберетъ, т. е. произведетъ подборъ, изъ большого числа растеній отъ одного и того же сѣмянника. Онъ отыщетъ тѣ растенія, цвѣтки которыхъ въ наибольшей степени обладаютъ желаемой окраской. Это облегчается тѣмъ, что окраска цвѣтка весьма измѣнчива. Напр., растенія, окрашенныя обыкновенно въ бѣлый цвѣтъ, очень нерѣдко обнаруживаютъ отклоненія къ синему или красному цвѣту. Если теперь онъ желаетъ получить отъ такого обыкновенно бѣло цвѣтущаго растенія красный цвѣтокъ, то онъ весьма тщательно отберетъ изъ разнообразныхъ потомковъ одной и той же формы тѣхъ индивидовъ, цвѣтки которыхъ больше всего приближаются къ красному цвѣту; сѣмена отъ нихъ онъ снова посѣетъ, чтобы получить новые индивиды одного и того же вида. Сѣмена же другихъ растеній, съ бѣлой или менѣе отчетливой красной окраской, онъ выбрасываетъ и не культивируетъ. Затѣмъ онъ разведетъ только растенія, окрашенныя въ наиболѣе яркій красный цвѣтъ, и сѣмена, полученныя отъ этихъ отборныхъ растеній, снова посѣетъ. Цвѣты второй генераціи въ общемъ будутъ окрашены въ болѣе яркій красный цвѣтъ. Среди этихъ послѣднихъ онъ снова тщательно отберетъ тѣ, красный цвѣтъ которыхъ выраженъ наиболѣе сильно. Если такой подборъ будетъ производиться на протяженіи шести или десяти поколѣній, если съ постоянной тщательностью будутъ отбираться цвѣты, окрашенные въ наиболѣе интенсивный красный цвѣтъ, то садоводъ получитъ, наконецъ, желанное растеніе съ ярко красными цвѣтками.

Такъ же точно поступаетъ сельскій хозяинъ, желающій получить особенную породу животныхъ, напр., породу овцы, дающей особенно тонкую шерсть. Простой, примѣняемый къ усовершенствованію шерсти пріемъ состоитъ въ томъ, что хозяинъ чрезвычайно тщательно и долго разыскиваетъ во всемъ стадѣ индивидовъ съ наиболѣе тонкою шерстью. Только эти отобранные индивиды остаются для приплода, и въ потомствѣ ихъ снова отбираютъ тѣхъ, которые отличаются наиболѣе тонкою шерстью и т. д. Если такой тщательный отборъ будетъ производиться въ ряду поколѣній, то отобранныя для приплода овцы пріобрѣтутъ, наконецъ, весьма тонкую шерсть, которая поразительно будетъ отличаться, притомъ сообразно съ желаніемъ и выгодой овцевода, отъ шерсти первоначальнаго родоначальника.

Тѣ различія отдѣльныхъ индивидовъ, на основаніи которыхъ про-

*

изводится искусственный подборъ, весьма малы. Всякій непривычный въ этомъ дѣлѣ не въ состояніи замѣтить необыкновенно тонкія различія, которыя опытный глазъ видитъ при первомъ взглядѣ. Дѣло разводителя породъ весьма нелегкое; оно требуетъ чрезвычайно острого взгляда, громаднаго терпѣнія, чрезвычайно тщательнаго ухода за оставленными для приплода животными. Въ каждомъ отдѣльномъ поколѣніи различія индивидовъ, быть-можетъ, ускользнутъ отъ взора обыкновеннаго человѣка; но благодаря накопленію этихъ тонкихъ отличій въ цѣломъ рядѣ поколѣній, отклоненіе отъ первоначальной формы будетъ весьма значительно. Оно дѣлается столь рѣзкимъ, что наконецъ искусственно полученная форма можетъ отличаться отъ первоначальной основной формы въ гораздо высшей степени, чѣмъ такъ называемые хорошіе виды въ естественномъ состояніи. Искусство разведенія теперь такъ высоко стоитъ, что человѣкъ часто по желанію можетъ вызвать опредѣленную особенность культурныхъ растительныхъ и животныхъ видовъ. Очень опытному разводителю можно даже давать порученія, напр., можно сказать ему: я желаю имѣть извѣстный видъ гвоздики или голубиную породу, съ такой-то окраской и такими-то примѣтами. Въ Англіи, гдѣ разведеніе такъ совершенно, садоводы и сельскіе хозяева нерѣдко бываютъ въ состояніи въ теченіе опредѣленнаго промежутка времени черезъ нѣсколько поколѣній достигнуть желаннаго результата. Одинъ изъ наиболѣе искусныхъ англійскихъ разводителей могъ даже сказать, «что ему нужно три года, чтобы вызвать заказанное ему перо, и шесть лѣтъ, чтобы получить желанную форму головы или клюва». При разведеніи въ Саксоніи овецъ изъ породы мериносовъ по три раза клали животныхъ на столы и самымъ тщательнымъ образомъ сравнивали и изучали ихъ. Каждый разъ отбирались только лучшія овцы съ самой тонкой шерстью, такъ что, наконецъ, изъ громаднаго множества ихъ оставляли только нѣкоторыхъ немногихъ, но отборныхъ и безукоризненныхъ животныхъ. Только эти послѣднія употреблялись для развода. Такимъ образомъ, оказывается, очень не сложны тѣ причины, посредствомъ которыхъ искусственный подборъ вызываетъ, наконецъ, огромныя измѣненія; и великія дѣйствія этихъ причинъ получаются только суммированіемъ отдѣльныхъ самихъ по себѣ весьма незначительныхъ дѣйствій, увеличивающихся благодаря продолжительному повторенію подбора.

Переходя теперь къ сравненію искусственнаго подбора съ естественнымъ, мы постараемся уяснить, какими естественными свойствами и силами организма пользуется разводитель или культиваторъ. Различныя имѣющія здѣсь значеніе силы вполнѣ можно свести къ двумъ основнымъ физіологическимъ свойствамъ организма; послѣднія общи всѣмъ животнымъ и растеніямъ и тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ двумя функціями—*размноженіемъ* и *питаніемъ*. Эти оба основныя свойства суть *наслѣдственность*, или способность къ *наслѣдственной передачѣ*, и *измѣняемость*, или способность къ *приспособленію*. Разводитель исходитъ изъ того факта, что всѣ индивиды одного и того же вида различны, хотя и въ весьма слабой степени, —фактъ, имѣющій одинаковое значеніе для организмовъ какъ въ дикомъ, такъ и въ культурномъ состояніи. Если вы оглянетесь въ лѣсу, состоящемъ изъ одного только вида, напр., бука, то навѣрное, во всемъ лѣсу не найдете двухъ деревьевъ одного вида, абсолютно сходныхъ между собой, совершенно одинаковыхъ по формѣ развѣтвленія, числу вѣтвей и листьевъ, цвѣткамъ и плодамъ. Повсюду существуютъ индивидуальныя

отличія такъ же, какъ и у человѣка. Не существуетъ двухъ человѣкъ, абсолютно идентичныхъ, вполнѣ сходныхъ ростомъ, окладомъ лица, числомъ волосъ, темпераментомъ, характеромъ и т. д. То же самое относится и къ отдѣльнымъ существамъ всѣхъ разнообразныхъ животныхъ и растительныхъ видовъ. У большинства организмовъ отличія, впрочемъ, мало замѣтны для непривычнаго глаза. Весьма важно при этомъ упражненіе въ распознаваніи этихъ нерѣдко тонкихъ отличій. Пастухъ овечьяго стада, напр., знаетъ каждаго отдѣльнаго индивида своего стада только благодаря всестороннему наблюденію; между тѣмъ какъ посторонній человѣкъ не въ состояніи различить отдѣльныхъ индивидовъ въ одномъ и томъ же стадѣ.

Фактъ *индивидуальнаго отличія* представляетъ чрезвычайно важное положеніе, на которомъ всецѣло основана способность человѣка къ искусственному разведенію. Если бы не было повсюду много индивидуальныхъ отличій, то нельзя было бы воспитать такую массу породъ или расъ отъ одной основной формы. Это явленіе вполнѣ общераспространенно. Мы его необходимо должны предположить и тамъ, гдѣ мы съ нашими грубыми органами чувствъ не въ состояніи замѣтить различіе. У высшихъ растеній, у явнобрачныхъ или цвѣтковыхъ растеній, гдѣ отдѣльные индивиды обнаруживаютъ столь многочисленныя отличія въ числѣ вѣтвей и листьевъ въ образованіи ствола и развѣтвленій его, почти всегда мы легко находимъ эти различія. Совсѣмъ не то у низшихъ растеній, мховъ, водорослей, грибовъ и у большинства животныхъ, именно у низшихъ животныхъ. Распознаваніе различныхъ индивидовъ, принадлежащихъ къ одному виду, по большей части здѣсь крайне затруднительно или даже совсѣмъ невозможно. Однако, нѣтъ никакого основанія приписывать индивидуальныя отличія только тѣмъ организмамъ, у которыхъ мы умѣемъ распознавать ихъ. Мы обязаны признать индивидуальность ихъ тѣмъ болѣе, что есть возможность свести измѣняемость индивидовъ къ механическимъ отношеніямъ *питанія*. Разнороднымъ питаніемъ можно вызвать поразительныя индивидуальныя различія, не замѣчаемыя при неизмѣнныхъ условіяхъ питанія. Но многія сложныя условія питанія никогда не бываютъ абсолютно одинаковыми у двухъ индивидовъ одного вида.

Точно такъ же, какъ измѣняемость или способность къ приспособленію стоятъ въ тѣсной причинной связи съ общими условіями питанія животныхъ и растеній, и второе основное явленіе жизни, къ которому мы сейчасъ перейдемъ, именно *способность къ наслѣдственной передачѣ* или *наслѣдственность* находятся въ непосредственной связи съ явленіями *размноженія*. Сельскій хозяинъ или садоводъ, воспользовавшись измѣняемостью при искусственномъ разведеніи образцовыхъ индивидовъ, стремится укрѣпить и развить измѣнившіяся формы путемъ наслѣдственности. Онъ исходитъ изъ того общаго факта, что дѣти подобны своимъ родителямъ, «яблоко падаетъ недалеко отъ яблони». Это явленіе наслѣдственности научно весьма мало изучено; причина этого отчасти лежитъ въ томъ, что оно ежедневно происходитъ предъ нами. Каждый находитъ совершенно естественнымъ, что каждый видъ производитъ себѣ подобнаго, что лошадь никогда не производитъ гуся, а гусь лягушки. Поэтому, привыкли разсматривать эти ежедневные процессы наслѣдственности, какъ явленія самоочевидныя. Но это явленіе не такъ очевидно и просто, какъ это кажется съ перваго взгляда; именно, весьма нерѣдко при разсмотрѣніи наслѣдственности упускаютъ изъ виду то обстоятельство, что различные потомки одной и той же пары

родителей на самомъ дѣлѣ никогда не бываютъ вполнѣ сходны другъ съ другомъ и также никогда не бываютъ абсолютно подобны родителямъ, но всегда немного отличаются отъ нихъ. Поэтому, нельзя формулировать сущность наслѣдственности такъ: равное производитъ равное,— надо выразиться гораздо болѣе условно: — подобное производитъ подобное. Садоводъ и сельскій хозяинъ пользуются фактомъ наслѣдственности въ болѣе широкихъ размѣрахъ, и именно, въ виду того соображенія, что организмы передаютъ по наслѣдству не только всѣ тѣ свойства, которыя они получили отъ родителей, но также и тѣ, которыя они сами пріобрѣли. Это чрезвычайно важный пунктъ, отъ котораго весьма многое зависитъ. Организмъ въ состояніи передать своему потомству не только тѣ свойства, ту наружную форму, окраску, величину, которыя онъ самъ получилъ по наслѣдству; онъ можетъ передать въ наслѣдство также измѣненія этихъ свойствъ, пріобрѣтенныя имъ въ теченіе его жизни вслѣдствіе вліянія внѣшнихъ обстоятельствъ, климата, питанія и т. д., а также упражненія и воспитанія.

Этими двумя основными свойствами животныхъ и растеній пользуются для полученія новыхъ формъ. Столь необычайно простъ теоретическій принципъ разведенія и столь трудны и невѣроятно сложны въ деталяхъ практическія приложенія этого простого принципа. Мыслящій, цѣлесообразно работающій разводитель долженъ овладѣть этимъ искусствомъ—въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ правильно оцѣнивать общее взаимодѣйствіе этихъ двухъ основныхъ свойствъ—наслѣдственности и измѣняемости.

Изслѣдуя теперь сущность этихъ двухъ важныхъ жизненныхъ свойствъ, мы находимъ, что они подобно всѣмъ физіологическимъ функціямъ, могутъ быть сведены къ физическимъ и химическимъ причинамъ, къ свойствамъ и явленіямъ движенія матеріальныхъ частицъ, составляющихъ тѣло животныхъ и растеній. Имѣя въ виду впослѣдствіи подробнѣе разсмотрѣть эти двѣ функціи, ограничимся здѣсь общимъ замѣчаніемъ, что *наслѣдственность* въ сущности обусловливается матеріальной непрерывностью, отчасти матеріальнымъ равенствомъ производящаго и производимаго организма, родителей и дѣтей. При всякомъ актѣ зарожденія нѣкоторое количество плазмы или бѣлковой матеріи переходитъ отъ родителей къ дѣтямъ, и вмѣстѣ съ этой протоплазмой въ то же время переходитъ *особое индивидуальное движеніе молекулъ*. Эти молекулярныя движенія плазмы, вызывающія жизненныя явленія, истинную причину которыхъ они составляютъ, у всѣхъ живыхъ индивидовъ болѣе или менѣе различны; они безконечно разнохарактерны.

Съ другой стороны *приспособленіе* или измѣняемость является единственно только слѣдствіемъ тѣхъ матеріальныхъ дѣйствій, которымъ подвержена матерія организма со стороны окружающей матеріи, жизненныхъ условій въ болѣе широкомъ смыслѣ этого слова. Внѣшнія дѣйствія послѣднихъ передаются при посредствѣ молекулярныхъ процессовъ питанія въ отдѣльныхъ частяхъ тѣла. Въ каждомъ актѣ приспособленія индивидуальныя свойственныя каждой части тѣла молекулярныя движенія протоплазмы во всемъ индивидѣ или въ отдѣльной части его задерживаются или измѣняются механическими, физическими или химическими дѣйствіями другихъ тѣлъ. Такимъ образомъ, прирожденныя унаслѣдованныя жизненныя движенія плазмы, молекулярныя явленія движенія мельчайшихъ бѣлковыхъ частицъ тѣла благодаря этому болѣе или менѣе видоизмѣняются. Поэтому, явленіе при-

способленія или измѣняемости покоится на матеріальномъ воздѣйствіи на организмъ его среды или условій его существованія, между тѣмъ какъ наслѣдственность основана на нѣкоторой идентичности производящаго и производимаго организма. Это и есть истинныя простыя механическія основанія искусственнаго процесса разведенія.

Въ виду этихъ фактовъ Дарвинъ поставилъ себѣ такой вопросъ: совершается ли въ природѣ подобный этому процессъ и нѣтъ ли въ природѣ силъ, которыя могли бы замѣнить дѣятельность человѣка въ искусственномъ разведеніи? Существуетъ ли какое-либо естественное отношеніе среди дикихъ животныхъ и растеній, которое вело бы къ размноженію и оказывало бы отбирающее дѣйствіе, подобное тому, которое производитъ человѣческая воля въ искусственномъ подборѣ. Къ открытію этого отношенія все дѣло сводится, и Дарвинъ столь удачно нашелъ его, что теперь мы считаемъ его теорію естественнаго подбора достаточно совершенною для того, чтобы механическимъ образомъ объяснить ею происхожденіе дикихъ животныхъ и растительныхъ видовъ. Это отношеніе, ведущее въ свободной природѣ къ подбору и превращенію, Дарвинъ опредѣлилъ выраженіемъ: «борьба за существованіе» (struggle for life).

Вскорѣ «борьба за существованіе» сдѣлалась, такъ сказать, центральнымъ словомъ. Тѣмъ не менѣе, быть можетъ, въ нѣкоторыхъ отношеніихъ это названіе не вполнѣ удачно выбрано и было бы болѣе опредѣленно—сказать: «соперничество за необходимыя потребности существованія» (Mitbewerbung um die notwendigen Existenz-Bedürfnisse). А именно, подъ выраженіемъ «борьба за существованіе» были поняты другія, въ строгомъ смыслѣ собственно не принадлежащія сюда отношенія. Къ идеѣ «struggle for life» Дарвинъ пришелъ, какъ видно изъ приведеннаго въ послѣдней лекціи письма, благодаря изученію книги Мальтуса «объ условіяхъ и слѣдствіяхъ увеличенія народонаселенія». Въ этомъ важномъ произведеніи авторъ утверждаетъ, что народонаселеніе въ общемъ возрастаетъ въ геометрической прогрессіи, въ то время, какъ количество питательныхъ веществъ возрастаетъ только въ ариѳметической прогрессіи. Изъ этой несоразмѣрности возникаетъ масса зла въ человѣческомъ обществѣ, ведущая къ борьбѣ, къ соперничеству людей за необходимыя, но для всѣхъ не достаточныя средства существованія.

Дарвиновская теорія борьбы за существованіе представляетъ въ нѣкоторой мѣрѣ общее примѣненіе теоріи народонаселенія Мальтуса ко всей совокупности органической природы. Она исходитъ изъ того соображенія, что число *возможныхъ* организованныхъ индивидовъ, способныхъ развиться изъ образовавшихся зародышей, гораздо больше числа *дѣйствительныхъ индивидовъ*, фактически въ одно время населяющихъ земную поверхность. Число возможныхъ или *потенціальныхъ индивидовъ* опредѣляется числомъ яицъ и не раздѣленныхъ еще на полы зародышей, производимыхъ организмами. Число этихъ зародышей, изъ которыхъ при благопріятныхъ условіяхъ могъ бы возникнуть индивидъ, безконечно больше, числа дѣйствительныхъ или *актуальныхъ индивидовъ*, т. е. тѣхъ которые дѣйствительно произошли изъ этихъ зародышей, достигли полной зрѣлости и размножаются. Огромное число всѣхъ зародышей гибнетъ въ раннемъ періодѣ своей жизни и остаются только отдѣльные отборные организмы, способные развиваться, благополучно проведшіе первый періодъ своей юности и достигшіе, наконецъ, размноженія. Этотъ важный фактъ просто обнару-

живается сравненіемъ числа яицъ отдѣльныхъ видовъ съ числомъ индивидовъ, получившихъ отъ нихъ существованіе. Эти числовыя отношенія показываютъ поразительныя несогласія. Существуютъ, напр., такіе куриные виды, которые кладутъ многочисленныя яица, и которые тѣмъ не менѣе являются весьма рѣдкими птицами; однако буревѣстникъ (procellaria glacialis), самая распространенная птица, кладетъ только одно единственное яицо. Таково же отношеніе и у другихъ животныхъ. Существуетъ много весьма рѣдкихъ безпозвоночныхъ животныхъ, которыя кладутъ огромную массу яицъ; и наоборотъ, другія принадлежатъ къ числу наиболѣе распространенныхъ животныхъ, хотя и производятъ весьма мало яицъ. Подумайте, напр., о томъ соотношеніи, которое представляетъ намъ человѣческій солитеръ. Каждый солитеръ въ короткое время производитъ милліоны яицъ, между тѣмъ какъ человѣкъ, скрывающій въ себѣ солитера, образуетъ самъ гораздо меньше яицъ, и несмотря на это, число солитеровъ къ счастью гораздо меньше числа людей. Среди растеній есть много прелестныхъ орхидей, которыя производятъ тысячи сѣмянъ и, однако, весьма рѣдки, и напротивъ, нѣкоторыя сложноцвѣтныя, подобныя астрѣ, даютъ немного сѣмянъ и тѣмъ не менѣе крайне распространенны. Этотъ важный фактъ можно было бы пояснить еще огромнымъ множествомъ другихъ примѣровъ. Очевидно, число имѣющихся зародышей не обусловливаетъ числа позднѣе вступающихъ въ жизнь и сохраняющихся въ ней индивидовъ. Число послѣднихъ обусловливается другими условіями, особенно же взаимными отношеніями, въ какихъ находится организмъ съ окружающимъ органическимъ и неорганическимъ міромъ. Каждый организмъ съ самаго начала своего существованія борется съ совокупностью враждебныхъ вліяній, онъ борется съ животными, которыя живутъ на счетъ этого организма, и которымъ онъ служитъ естественной пищей, съ хищными и паразитическими животными; онъ борется съ неорганическимъ вліяніемъ различнаго рода, съ температурой, погодой и другими обстоятельствами; но еще борется (и это гораздо важнѣе!) главнымъ образомъ съ себѣ подобными однородными организмами. Каждый индивидъ каждаго животнаго и растительнаго вида находится въ сильнѣйшемъ состязаніи съ другими индивидами того же вида, населяющими одно и то же мѣсто. Средства къ поддержанію жизни нигдѣ въ экономіи природы не разсѣяны въ изобиліи, напротивъ, они вообще весьма ограничены и далеко не достаточны для той массы индивидовъ, которые могли бы развиться изъ зародышей. Поэтому, большинство животныхъ и растительныхъ видовъ съ громаднымъ трудомъ достигаетъ необходимыхъ средствъ къ жизни. Отсюда неизбѣжно возникаетъ между ними конкуренція въ достиженіи этихъ необходимыхъ условій существованія.

Это великое *состязаніе* за жизненныя условія происходитъ вездѣ и во всякое время, у человѣка и у животныхъ такъ же, какъ и у растеній, хотя взаимныя отношенія послѣднихъ не столь ясны и очевидны. Если небольшая пашня чрезмѣрно густо засѣяна пшеницей, то, можетъ статься, изъ многочисленныхъ (быть можетъ, нѣсколько тысячъ) молодыхъ ростковъ пшеницы, взошедшихъ на небольшомъ участкѣ, останется въ живыхъ только весьма малая доля ихъ. Здѣсь состязаніе происходитъ изъ-за почвы, необходимой растенію для укрѣпленія корней; состязаніе за воздухъ, солнечный свѣтъ и влажность. Также находимъ мы у каждаго животнаго вида, что всѣ индивиды одного и того же вида борются между собой за обладаніе необходимыми усло-

віями жизни въ широкомъ смыслѣ этого слова. *Всѣмъ* они одинаково необходимы; но только *немногимъ* они дѣйствительно достанутся. «Много званыхъ, но мало избранныхъ!» Фактъ этого великаго состязанія или *конкуренціи* всеобщій. Достаточно вамъ только обратить взоръ на человѣческое общество; повсюду, во всѣхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности господствуетъ онъ. И здѣсь также состязаніе въ сущности опредѣляется свободной конкуренціей различныхъ рабочихъ одного и того же класса. И здѣсь, какъ и вездѣ, это состязаніе клонится къ выгодѣ дѣла и выгодѣ работы, которая является предметомъ конкуренціи. Чѣмъ больше и распространеннѣе состязаніе, тѣмъ быстрѣе накопляются улучшенія и открытія въ этой области, тѣмъ больше совершенствуются рабочіе.

Положеніе различныхъ индивидовъ въ этой борьбѣ за существованіе, очевидно, весьма неравное. Исходя изъ фактическаго неравенства индивидовъ, мы необходимо должны принять, что не всѣ индивиды одного и того же вида обладаютъ одинаковыми шансами въ благопріятномъ исходѣ борьбы. Само собой понятно, въ этомъ состязаніи они не одинаково поставлены вслѣдствіе различія въ силахъ и способностяхъ, не говоря уже о томъ, что условія существованія въ каждой точкѣ земной поверхности различны и различно дѣйствуютъ. Очевидно, здѣсь господствуетъ безконечно сложный ходъ взаимодѣйствій, который, въ связи съ первоначальнымъ неравенствомъ индивидовъ, возвышаетъ однихъ индивидовъ и губитъ другихъ на аренѣ безпрерывнаго состязанія за достиженіе необходимыхъ условій существованія. Лучше организованные индивиды будутъ одерживать побѣду надъ остальными, и въ то время, какъ послѣдніе въ болѣе или менѣе короткое время погибнутъ, не оставивъ потомства, первые переживутъ ихъ и, наконецъ, размножатся. Такимъ образомъ, достигнувъ въ борьбѣ за существованіе размноженія, благодаря незначительнымъ или весьма значительнымъ благопріятнымъ обстоятельствамъ, эти индивиды въ слѣдующихъ, происшедшихъ отъ нихъ поколѣніяхъ будутъ уже обнаруживать различія въ сравненіи съ прежними поколѣніями. Индивиды второго поколѣнія, если не всѣ, то нѣкоторая часть ихъ, пріобрѣтутъ эти выгодныя для нихъ индивидуальныя отличія, благодаря которымъ родители ихъ одержали верхъ надъ своими соперниками.

Теперь—и это весьма важный законъ наслѣдственности!—если такая передача какой-либо благопріятной особенности будетъ происходить на протяженіи нѣсколькихъ генерацій, то эта особенность будетъ сохраняться не просто въ первоначальномъ видѣ, а все время будетъ накопляться и усиливаться; наконецъ, въ дальнѣйшихъ поколѣніяхъ она достигнетъ такой силы, что эти поколѣнія уже существенно будутъ отличаться отъ первоначальной основной формы. Возьмемъ для примѣра нѣсколько растеній одного вида, произрастающихъ на весьма сухой почвѣ; они должны бороться сперва непосредственно изъ-за недостатка воды и затѣмъ должны еще вступить въ состязаніе за обладаніе водой. Такъ какъ волоски листьевъ весьма полезны для поглощенія изъ воздуха влажности, и такъ какъ листья не одинаково снабжены волосками, то на этомъ неблагопріятномъ участкѣ почвы индивиды съ густо расположенными волосками будутъ имѣть преимущество. Они одни только удержатся, другія же съ голыми листьями погибнутъ; растенія съ волосками будутъ размножаться и потомки ихъ будутъ болѣе отличаться волосками, чѣмъ индивиды первой генераціи. Если этотъ процессъ въ связи съ другими измѣненіями въ ростѣ пройдетъ черезъ

нѣсколько генерацій, населяющихъ одинъ и тотъ же участокъ, то возникаетъ, наконецъ, такое накопленіе вновь пріобрѣтенныхъ свойствъ, что растеніе превращается въ совершенно новый видъ.

При этомъ слѣдуетъ обратить вниманіе, что, вслѣдствіе *взаимныхъ отношеній* всѣхъ частей организма, обыкновенно одна часть не можетъ измѣниться, не сопровождаясь при этомъ одновременнымъ измѣненіемъ другихъ частей. Если, такимъ образомъ, въ послѣднемъ примѣрѣ, число волосковъ на поверхности листьевъ значительно возрастаетъ то нѣкоторое количество питательныхъ веществъ удаляется изъ другихъ частей; количество же матеріала, употребляемаго для образованія органовъ цвѣтенія и сѣмянъ, уменьшается, и тогда уменьшеніе величины цвѣтка или сѣмени явится непосредственнымъ или посредственнымъ результатомъ борьбы за существованіе, сперва вызвавшей только измѣненіе листьевъ. Такимъ образомъ, борьба за существованіе дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ отбирающимъ и преобразующимъ образомъ. Борьба различныхъ индивидовъ за необходимыя условія существованія, или въ болѣе широкомъ смыслѣ, взаимодѣйствіе организмовъ со всей окружающей ихъ средой, такъ же обусловливаютъ измѣненіе формъ, какъ въ культурномъ состояніи искуственный подборъ, производимый человѣкомъ.

Быть можетъ, на первый взглядъ вамъ покажется это обстоятельство незначительнымъ и ничтожнымъ, и вы откажетесь придать ему то значеніе, которое дѣйствительно ему принадлежитъ. Въ виду этого я позволю себѣ привести въ одной изъ слѣдующихъ лекцій дальнѣйшіе примѣры громаднаго преобразующаго дѣйствія естественнаго подбора. Теперь же только ограничусь вторичнымъ сопоставленіемъ обоихъ процессовъ искусственнаго и естественнаго разведенія и указаніемъ сходства и различія между ними.

Какъ естественное, такъ и искусственное разведеніе суть простыя механическія жизненныя отношенія, опирающіяся на взаимосодѣйствіе двухъ общихъ жизнедѣятельностей или физіологическихъ функцій, именно *приспособленія* и *наслѣдственности*; обѣ эти функціи, въ свою очередь, сводятся къ физическимъ и химическимъ свойствамъ органической матеріи. Различіе между обѣими формами разведенія заключается въ томъ, что искусственное разведеніе опредѣляется волей человѣка, *цѣлесообразно* совершающаго подборъ, въ то время какъ естественное разведеніе направляется борьбой за существованіе (общимъ взаимнымъ отношеніемъ организмовъ), дѣйствующей *нецѣлесообразно*, но достигающей, впрочемъ, того же самаго результата, а именно отбора или подбора особенныхъ индивидовъ для приплода. Измѣненія, вызываемыя дѣйствіемъ искусственнаго подбора клонятся къ выгодѣ *разводящаго человѣка*, а при естественномъ подборѣ, напротивъ, къ выгодѣ *разводящагося организма*, какъ это свойственно самой природѣ вещей.

Въ этомъ заключается существенное различіе и сходство двоякаго рода разведенія. Но, кромѣ того, надо еще указать на дальнѣйшее различіе въ промежуткѣ времени, необходимомъ для этого двоякаго разведенія. Человѣкъ въ состояніи вызвать искусственнымъ подборомъ въ сравнительно короткое время весьма значительныя измѣненія, между тѣмъ, какъ въ естественномъ подборѣ подобный результатъ достигается въ гораздо болѣе продолжительное время. Это обусловливается тѣмъ, что человѣкъ можетъ производить подборъ гораздо тщательнѣе. Располагая большимъ числомъ индивидовъ, человѣкъ можетъ съ большимъ стараніемъ выбрать отдѣльныхъ, устранить остальныхъ, и только

избранныхъ употребить для размноженія, между тѣмъ какъ въ естественномъ подборѣ этого не бываетъ. Здѣсь рядомъ съ отборными, впервые достигшими размноженія индивидами, размножаются и отдѣльные или многіе изъ оставшихся менѣе выдѣляющихся индивидовъ. Далѣе, человѣкъ въ состояніи предотвращать скрещиваніе между первоначальной и новой формой, что въ естественномъ спариваніи часто неизбѣжно. Но если такое скрещиваніе, т.-е. половое соединеніе новой формы съ первоначальной основной формой произойдетъ, то образовавшееся такимъ образомъ потомство легко возвращается къ этой основной. При естественномъ спариваніи такое скрещиваніе можетъ быть навѣрное избѣгнуто только тогда, когда новая форма путемъ *переселенія* отдѣлилась отъ старой и изолировалась.

Поэтому, естественное разведеніе гораздо медленнѣе; оно требуетъ гораздо болѣе продолжительнаго времени, чѣмъ искусственное разведеніе. Но существеннымъ вслѣдствіемъ этого различія является то, что продуктъ искусственнаго подбора легче исчезаетъ и вновь образовавшаяся форма приближается опять къ первоначальной, между тѣмъ какъ въ естественномъ подборѣ этого не бываетъ. Новые виды или species, возникающіе при посредствѣ естественнаго подбора, сохраняются гораздо постояннѣе, гораздо менѣе склонны къ переходу въ основную форму, чѣмъ при искусственномъ подборѣ, и соотвѣтственно этому остаются постоянными гораздо болѣе продолжительное время, чѣмъ искусственныя породы, разводимыя человѣкомъ. Но это — второстепенное различіе, объясняемое различными условіями естественнаго и искусственнаго подбора и имѣющее отношеніе въ сущности только къ продолжительности времени. Сущность и способъ измѣненія формъ совершенно одинаковъ въ искусственномъ и естественномъ подборѣ.

Ограниченные и невѣжественные противники Дарвина неутомимо утверждаютъ, что его теорія подбора неосновательное предположеніе, или, въ крайнемъ случаѣ, гипотеза, не подлежащая доказательству. Что это утвержденіе совершенно не обосновано, вы сами можете заключить изъ изложенныхъ только что главнѣйшихъ положеній ученія о подборѣ. Въ качествѣ дѣйствующихъ причинъ въ превращеніи органическихъ формъ Дарвинъ совсѣмъ не принималъ какихъ-либо неизвѣстныхъ силъ или гипотетическихъ отношеній, но единственно только общеизвѣстныя жизнедѣятельности всѣхъ организмовъ, которыя мы называемъ *наслѣдственностью* и *приспособленіемъ*. Всякій физіологически образованный натуралистъ знаетъ, что эти двѣ функціи непосредственно связаны съ дѣятельностью размноженія и питанія, и подобно другимъ жизненнымъ явленіямъ суть механическіе процессы природы, т.-е. основаны на молекулярныхъ движеніяхъ органической матеріи. Взаимодѣйствіе же этихъ обѣихъ функцій въ сторону постояннаго медленнаго преобразованія органическихъ формъ, ведущаго къ происхожденію новыхъ видовъ, необходимымъ образомъ обусловливается *борьбой за существованіе*. Но это отношеніе въ такой же степени не гипотетическое и такъ же не требуетъ доказательствъ, какъ и это взаимодѣйствіе наслѣдственности и приспособленія. Напротивъ, борьба за существованіе есть математическая необходимость, возникающая изъ несоразмѣрности ограниченнаго числа мѣстъ въ экономіи природы и избыточнаго числа органическихъ зародышей. Кромѣ того, происхожденію новыхъ видовъ въ значительной мѣрѣ содѣйствуютъ и благопріятствуютъ *переселенія* животныхъ и растеній, совершающіяся вездѣ и во всякое время. Слѣдовательно, происхожденіе новыхъ видовъ

путемъ *естественнаго подбора* или, что то же самое, путемъ взаимодѣйствія наслѣдственности и приспособленія въ борьбѣ за существованіе, есть *математическая необходимость природы*, не нуждающаяся ни въ какомъ дальнѣйшемъ доказательствѣ. А кто при настоящемъ состояніи нашего знанія все еще требуетъ *доказательства* теоріи естественнаго подбора, тотъ доказываетъ только или недостаточное пониманіе ея, или недостаточное довѣріе къ эмпирическимъ научнымъ положеніямъ антропологіи, зоологіи и ботаники.

Какъ и почти всякая великая, пролагающая путь идея, дарвиновская теорія естественнаго подбора уже въ прежнее время имѣла своихъ предвѣстниковъ, и именно въ лицѣ того же великаго кенигсбергскаго философа Иммануила Канта, у котораго за цѣлое столѣтіе до Дарвина мы находимъ первые зачатки этой теоріи. Какъ показалъ впервые Фрицъ Шульце въ упомянутомъ уже произведеніи «Кантъ и Дарвинъ» (1875 г.), Кантъ уже около 1750 года (поэтому болѣе, чѣмъ за сто лѣтъ до появленія главнѣйшаго произведенія Дарвина) возвысился въ своей «Физической географіи» до различныхъ изреченій, въ которыхъ ясно проводится мысль исторіи развитія органическихъ видовъ и содержится указаніе на важность *подбора, приспособленія и наслѣдственности*, такъ, напр., въ слѣдующемъ отрывкѣ: «Различіемъ пищи, воздуха и воспитанія можно объяснить, отчего нѣкоторыя куры совершенно бѣлыя, и если среди многихъ цыплятъ, происшедшихъ отъ однихъ и тѣхъ же родителей, *только подыскать* тѣхъ, которыя бѣлы, и соединить ихъ вмѣстѣ, то, наконецъ, можно получить довольно устойчивую бѣлую породу». Затѣмъ, въ своемъ сочиненіи «О различныхъ расахъ человѣка» (1775 г.) онъ говоритъ: «на возможности путемъ *тщательнаго уединенія* выродившагося поколѣнія отъ смѣшиванія съ другими поколѣніями достигнуть, наконецъ, продолжительнаго *отпрыска семейства*, основана мысль—воспитать благородный отпрыскъ человѣка, въ которомъ умъ, дарованія и честность были бы *унаслѣдованы*». Насколько при этомъ важенъ былъ для Канта принципъ «борьбы за существованіе», видно, между прочимъ изъ слѣдующаго мѣста «Прагматической антропологіи»: «Природа вложила въ человѣческій родъ зерно *измѣнчивости* и въ этомъ заключается средство содѣйствовать совершенствованію человѣка при помощи увеличивающейся культуры. Внутренняя или внѣшняя *война* является пружиной, движущей человѣка изъ грубаго естественнаго состоянія въ гражданскій бытъ, подобно той машинѣ, въ которой противоположно направленныя силы, вслѣдствіе тренія причиняютъ ущербъ ей, но, благодаря толчкамъ или давленію другихъ рычаговъ, поддерживаютъ ходъ ея».

За этими древнѣйшими слѣдами теоріи естественнаго подбора, первыя толкованія ея мы находимъ въ сочиненіи доктора В. С. Уильса, появившемся въ 1818 году (а прочтенномъ имъ въ Королевскомъ обществѣ въ 1813 г.) подъ заглавіемъ: «Извѣстіе о женщинѣ бѣлой расы съ кожей, подобной кожѣ негра». Авторъ проводитъ мысль, что негры и мулаты отличаются отъ бѣлой расы невоспріимчивостью къ нѣкоторымъ тропическимъ болѣзнямъ. По этому поводу онъ замѣчаетъ, что всѣ животныя стремятся измѣниться до извѣстнаго предѣла, что сельскіе хозяева, пользуясь этимъ свойствомъ и подборомъ въ разведеніи породъ, облагораживаютъ своихъ домашнихъ животныхъ, и затѣмъ, продолжаетъ: «но то, что въ послѣднемъ случаѣ достигается искусствомъ, кажется, съ одинаковой силой, хотя и медленнѣе, совершаетъ природа при образованіи человѣческихъ расъ, созданныхъ ею для на-

селяемыхъ ими странъ. Среди случайныхъ особенностей человѣка, встрѣчающихся у немногихъ разсѣянныхъ обитателей средней части Африки, однѣ лучше другихъ будутъ противостоять мѣстнымъ болѣзнямъ. Вслѣдствіе этого, эта раса будетъ возрастать, въ то время, какъ остальныя будутъ убывать, и это будетъ происходить не только потому, что онѣ неспособны переносить болѣзни, но и потому еще, что онѣ не въ состояніи конкурировать со своими болѣе сильными сосѣдями. Допустимъ теперь неоспоримость того, что цвѣтъ этой болѣе сильной расы темный. Но такъ какъ склонность къ образованію разновидности не исчезаетъ, то съ теченіемъ времени появится еще болѣе темная раса, и такъ какъ наиболѣе темная раса лучше всего приспособлена къ этому климату, то она, наконецъ, сдѣлается, если не единственной, то господствующей расой на своей родинѣ».

Хотя въ этомъ отрывкѣ Уильса ясно проведенъ признанный имъ принципъ естественнаго подбора, однако онъ въ весьма ограниченныхъ предѣлахъ примѣненъ только къ происхожденію человѣческихъ расъ и не распространенъ на происхожденіе животныхъ и растительныхъ видовъ. Высокая заслуга Дарвина въ самостоятельной обработкѣ теоріи естественнаго подбора и въ приведеніи ея къ полному заслуженному величію, нисколько не умаляется этими ранними, не обратившими на себя вниманія замѣчаніями Канта и Уильса, точно такъ же, какъ и отрывочными замѣчаніями Патрика Метью, разсѣянными въ появившейся въ 1831 году книгѣ: «О корабластроительномъ лѣсѣ и культурѣ дерева». Такъ же и знаменитый путешественникъ Альфредъ Уоллесъ, независимо отъ Дарвина, разработавшій теорію естественнаго подбора и одновременно съ нимъ въ 1858 году опубликовавшій первыя сообщенія о ней, стоитъ далеко ниже своего болѣе великаго и старшаго соотечественника, какъ въ отношеніи глубины пониманія, такъ и въ смыслѣ широты примѣненія ея. Дарвинъ своимъ чрезвычайно обширнымъ и геніальнымъ развитіемъ всего ученія, пріобрѣлъ неоспоримое право связать эту теорію со своимъ именемъ.

Если естественный подборъ, какъ мы утверждаемъ, важнѣйшая изъ дѣйствующихъ причинъ, вызывающихъ поразительное разнообразіе органической жизни на землѣ, то мы должны объяснить ею въ значительной мѣрѣ, такъ же интересныя явленія *человѣческой жизни*. Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ есть только высше-развитое позвоночное животное, и всѣ стороны человѣческой жизни находятъ себѣ параллели, или правильнѣе, болѣе низкія ступени своего развитія въ царствѣ животныхъ. Исторія народовъ, или такъ называемая *«всемірная исторія»*, главнымъ образомъ должна быть объяснена *«естественнымъ подборомъ»*, долженъ существовать физико-химическій процессъ, вытекающій изъ взаимодѣйствія приспособленія и наслѣдственности въ борьбѣ человѣка за существованіе. И это дѣйствительно такъ. Не только естественный, но также и искусственный подборъ неоднократно проявлялъ свое дѣйствіе во всемірной исторіи.

Отличный примѣръ *искусственнаго подбора людей* въ громадныхъ размѣрахъ доставляютъ намъ древніе спартанцы, у которыхъ на основаніи особеннаго закона, новорожденные дѣти подвергались тщательному осмотру и отбору. Всѣ слабыя, болѣзненныя, съ какими-либо тѣлесными недостатками умерщвлялись. Только вполнѣ здоровыя и крѣпко сложенныя дѣти могли быть оставлены живыми, и только они одни достигали затѣмъ половой зрѣлости и размноженія. Благодаря этому, спартанская раса не только постоянно сохраняла рѣдкую физическую

силу и дарованія, но съ каждымъ поколѣніемъ достигала все высшаго совершенства тѣлеснаго сложенія. Безъ сомнѣнія, спартанская нація главнымъ образомъ этому искусственному подбору обязана высокой степенью своей силы, мужества и геройской доблести.

Также нѣкоторыя племена краснокожихъ индѣйцевъ Сѣверной Америки, погибшіе въ настоящее время, несмотря на свою упорную оборону въ борьбѣ за существованіе съ болѣе могущественными пришельцами бѣлой расы, обязаны своей тѣлесной мощью и храбростью на войнѣ подобному же тщательному подбору новорожденныхъ дѣтей. И здѣсь всѣ слабыя, обладающія какимъ-либо недостаткомъ, дѣти немедленно умерщвлялись, и только болѣе сильные индивиды оставались въ живыхъ и продолжали свою расу. Что этотъ искусственный подборъ въ ряду многихъ поколѣній сообщаетъ расѣ значительную силу, не подлежитъ никакому сомнѣнію и доказывается множествомъ извѣстныхъ намъ фактовъ.

Полную противоположность искусственному подбору дикихъ краснокожихъ и древнихъ спартанцевъ составляетъ индивидуальный подборъ, производимый въ послѣднее время въ современныхъ культурныхъ государствахъ усовершенствованной врачебной наукой. Очень мало еще владѣя средствомъ дѣйствительно исцѣлять внутреннія болѣзни, она обладаетъ и чаще, чѣмъ прежде, примѣняетъ искусство растягивать на многіе годы изнурительныя хроническія болѣзни. Такіе разрушительные бичи, какъ чахотка, золотушныя болѣзни, сифилисъ, далѣе различныя формы душевныхъ болѣзней, особенно наслѣдственны переходятъ отъ болѣзненныхъ родителей на часть или даже на все потомство. Чѣмъ дольше больные родители тянутъ свое хилое существованіе, благодаря врачебному искусству, тѣмъ болѣе многочисленное потомство будетъ получать отъ нихъ въ наслѣдство неизлѣчимые недуги, и тѣмъ больше индивидовъ слѣдующихъ поколѣній будутъ заражаться, благодаря искусственному *медицинскому подбору*, разрушительными болѣзнями, унаслѣдованными отъ ихъ родителей.

Гораздо болѣе опасенъ и разрушителенъ — *клерикальный подборъ*, совершаемый всякой могущественной и своеобразно организованной іерархіей. Во всѣхъ государствахъ, гдѣ такое централизованное духовенство въ теченіе ряда столѣтій оказывало свое пагубное вліяніе на воспитаніе юношества, семейную жизнь и, поэтому, на важнѣйшія основы всей народной жизни, печальныя послѣдствія ясно обнаруживались въ упадкѣ образованія и порчѣ нравовъ. Вспомните только Испанію, «самую христіанскую» страну Европы. Римско-католическая церковь, высшій расцвѣтъ могущества которой въ средневѣковье совпадало съ глубокимъ упадкомъ научнаго изслѣдованія и общей нравственности, представляетъ прекрасную иллюстрацію этого.

Въ противовѣсъ гибельному вліянію многихъ процессовъ искусственнаго подбора, къ счастью, всюду господствуетъ цѣлительное и непреодолимое вліяніе болѣе сильнаго *естественнаго подбора*. Послѣдній вездѣ, какъ въ человѣческой жизни, такъ и въ жизни растеній и животныхъ, является важнѣйшимъ преобразующимъ принципомъ и сильнѣйшимъ рычагомъ совершенствованія и прогресса. Борьба за существованіе или «конкуренція» сопровождается тѣмъ, что всякій лучшій болѣе совершенный индивидъ побѣждаетъ болѣе слабаго и менѣе совершеннаго. Но въ человѣческой жизни эта борьба за существованіе гораздо болѣе близка къ борьбѣ умомъ, чѣмъ къ борьбѣ смертоноснымъ оружіемъ. Органъ, прежде всего совершенствуемый облагоражи-

вающимъ дѣйствіемъ естественнаго подбора, есть *мозгъ*. Человѣкъ съ болѣе совершеннымъ умомъ, въ концѣ концовъ, остается побѣдителемъ и передаетъ въ наслѣдство своему потомству свойства мозга, приведшіе его къ побѣдѣ. Поэтому, мы съ полнымъ правомъ можемъ надѣяться, что, вопреки всѣмъ противоположнымъ теченіямъ, прогрессъ человѣческаго рода подъ благословеннымъ вліяніемъ естественнаго подбора направленъ въ сторону свободнаго развитія а поэтому и наивозможно высшаго совершенства, все ближе и ближе къ истинѣ.

ВОСЬМАЯ ЛЕКЦІЯ.

Наслѣдственность и размноженіе.

Всеобщность наслѣдственности. — Замѣчательныя проявленія ея. — Человѣкъ съ четырьмя, шестью и семью пальцами на рукахъ и на ногахъ.—Человѣкъ-дикобразъ. — Наслѣдственность болѣзней, именно душевныхъ болѣзней. — Наслѣдственная порочность.—Наслѣдственная монархія.—Наслѣдственное дворянство.—Наслѣдственные таланты и душевныя свойства. — Первичное зарожденіе и размноженіе. — Безполое или моногенное размноженіе.—Размноженіе при помощи дѣленія.—Монеры и амебы.—Размноженіе почкованіемъ, образованіе при помощи почкованія зародыша и клѣтокъ.—Половое или амфигенное размноженіе.—Образованіе обоеполыхъ организмовъ или гермафродитизмъ.—Половое раздѣленіе или гонохоризмъ.—Дѣвственное размноженіе или партеногенезисъ.—Матеріальный переходъ свойствъ обоихъ родителей на дѣтей при половомъ зарожденіи.

Въ прошлой лекціи вы познакомились съ естественнымъ подборомъ, какъ созидающей силой, которой обязано все разнообразіе формъ растительныхъ и животныхъ видовъ. Подъ этимъ выраженіемъ мы понимали общее взаимодѣйствіе, существующее между *наслѣдственностью* и *измѣняемостью* организмовъ въ ихъ борьбѣ за существованіе, тѣми двумя физіологическими свойствами, которыя присущи всѣмъ растеніямъ и животнымъ и которыя сводятся къ другимъ жизнедѣятельностямъ, функціямъ размноженія и питанія. Всѣ различныя формы организмовъ обыкновенно разсматриваются, какъ продукты цѣлесообразной творческой силы. Согласно же съ этой теоріей подбора, мы разсматриваемъ ихъ, какъ необходимые продукты нецѣлесообразной дѣятельности естественнаго подбора, возникшіе благодаря безсознательному взаимодѣйствію этихъ двухъ свойствъ—измѣняемости и наслѣдственности. Чрезвычайная важность этихъ жизненныхъ свойствъ организмовъ побуждаетъ насъ нѣсколько ближе разсмотрѣть ихъ, и мы теперь займемся ближайшимъ разсмотрѣніемъ наслѣдственности.

Строго говоря, мы должны различать наслѣдственность и наслѣдственную передачу. *Наслѣдственная передача* есть наслѣдственная сила, *способность* организмовъ передавать своему потомству, при посредствѣ размноженія, свои свойства. *Наслѣдственность* же означаетъ дѣйствительное примѣненіе этой способности, *фактически* совершающуюся передачу.

Наслѣдственность и наслѣдственная передача столь распространенныя всѣмъ извѣстныя явленія, что большинство людей вообще оставляетъ ихъ безъ вниманія, и весьма немногіе склонны къ размышленію о смыслѣ и значеніи этихъ жизненныхъ явленій. Вообще считаютъ вполнѣ естественнымъ и само собою понятнымъ, что всякій организмъ производитъ себѣ подобнаго и что дѣти въ общемъ и въ частностяхъ подобны своимъ родителямъ. Обыкновенно принято разсуждать о наслѣдственности въ тѣхъ только случаяхъ, когда дѣло касается выдающейся

особенности, которая, не будучи унаслѣдована, впервые появляется у человѣческаго индивида и передается имъ его потомству. Въ особенно рѣзкой формѣ проявляется наслѣдственность въ передачѣ опредѣленныхъ болѣзней и въ необычайно уродливомъ отклоненіи отъ обыкновеннаго образованія тѣла.

Среди этихъ случаевъ наслѣдственной передачи уродливостей особенно поучительно ненормальное увеличеніе или уменьшеніе пятерного числа пальцевъ человѣческой руки и ноги. Нерѣдко встрѣчаются человѣческія семейства, у которыхъ въ ряду многихъ поколѣній наблюдаются шесть пальцевъ на рукѣ или на ногѣ. Болѣе рѣдки примѣры семи или четырехъ пальцевъ руки или ноги.

Необычайное образованіе всегда исходитъ отъ одного единственнаго индивида, родившагося по неизвѣстнымъ причинамъ съ излишкомъ, сравнительно съ обыкновеннымъ числомъ пальцевъ, и передавшаго этотъ излишекъ, благодаря наслѣдственности, части своихъ потомковъ. Въ одномъ и томъ же семействѣ шестерное число пальцевъ можетъ пройти три, четыре и болѣе поколѣній. Въ одномъ испанскомъ семействѣ не менѣе сорока индивидовъ отличались этимъ избыточнымъ числомъ пальцевъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ наслѣдственная передача шестого пальца не можетъ твердо установиться, такъ какъ шестипалые люди вновь смѣшиваются съ пятипалыми. Но если бы шестипалое семейство размножалось, избѣгая такого смѣшиванія, если бы шестипалые мужчины всегда женились только на шестипалыхъ женщинахъ, то, благодаря фиксированію этой особенности, могъ бы возникнуть особый шестипалый человѣческій видъ. Но такъ какъ шестипалые мужчины всегда женятся на пятипалыхъ женщинахъ и обратно, то ихъ потомство по большей части обнаруживаетъ смѣшанное числовое отношеніе и, наконецъ, черезъ нѣсколько генерацій снова приходитъ къ нормальному пятерному числу. Такъ, напр., изъ восьми дѣтей шестипалаго отца и пятипалой матери двое имѣли по шести пальцевъ на рукахъ и ногахъ, четверо смѣшанныя числовыя отношенія и двое—обыкновенное пятерное число пальцевъ на рукѣ и ногѣ. Въ одномъ испанскомъ семействѣ всѣ дѣти, за исключеніемъ самаго младшаго, имѣли по шести пальцевъ на рукахъ и ногахъ; и только самое младшее имѣло по пять пальцевъ на рукѣ и ногѣ; шестипалый отецъ этого семейства не хотѣлъ, поэтому, признать его своимъ.

Весьма замѣчательная далѣе сила наслѣдственности въ образованіи и окраскѣ человѣческой кожи и волосъ. Всѣмъ извѣстно, какъ точно во многихъ человѣческихъ семействахъ передаются по наслѣдству въ ряду многихъ поколѣній особенности кожной системы, напр., чрезмѣрно мягкая или хрупкая кожа, поразительное обиліе волосъ, особенная форма и величина глазъ и т. д. Такъ же точно мѣстные выросты и пятна кожи, такъ называемыя родинки, веснушки и другія пигментныя образованія, встрѣчающіяся на опредѣленныхъ мѣстахъ, весьма нерѣдко столь точно передаются на протяженіи нѣсколькихъ поколѣній, что потомки получаютъ ихъ на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, на которыхъ они находились у ихъ родителей. Эдуардъ Ламбертъ, родившійся въ 1717 году, отличался необыкновеннымъ и чудовищнымъ образованіемъ кожи. Все тѣло было покрыто роговидной корой, которая продолжалась въ формѣ шипообразныхъ и чешуйчатыхъ отростковъ (до одного фута длиной). Это чудовищное образованіе верхней кожи или эпидермиса Ламбертъ передалъ по наслѣдству своимъ сыновьямъ и внукамъ, но не внучкамъ. Такимъ образомъ, эта передача осталась только въ мужской линіи, какъ это нерѣдко бываетъ. Также весьма нерѣдко наслѣдуется чрезмѣрное

жировое развитіе на нѣкоторыхъ мѣстахъ тѣла въ женской линіи. Насколько точно передаются по наслѣдству характерныя черты лица, едва ли стоитъ упоминать; онѣ остаются то въ мужской линіи, то въ женской, то смѣшиваются въ обѣихъ линіяхъ.

Далѣе весьма поучительны и общеизвѣстны явленія наслѣдственности патологическаго характера, особенно нѣкоторыя формы человѣческихъ болѣзней. Такъ, предрасположеніе къ болѣзнямъ дыхательныхъ органовъ, железъ и нервной системы легко передается по наслѣдству. Весьма часто внезапно появляется въ до того времени здоровомъ семействѣ неизвѣстное ему заболѣваніе; оно пріобрѣтается благодаря внѣшнимъ причинамъ, благодаря извѣстнымъ вреднымъ болѣзнетворнымъ условіямъ жизни. Эта болѣзнь разселяется отъ застигнутаго ею индивида на его потомство; и послѣднее все или часть его подвергается тому же недугу. Въ болѣзняхъ легкихъ этотъ печальный фактъ наслѣдственности общеизвѣстенъ, такъ же какъ и въ болѣзняхъ печени, сифилисѣ, душевныхъ болѣзняхъ. Эти послѣднія представляютъ особенный интересъ. Подобно тому, какъ нѣкоторыя черты въ характерѣ человѣка, гордость, честолюбіе, легкомысліе и т. д., путемъ наслѣдственности переходятъ на потомство, такъ же точно переходятъ и особенныя ненормальныя проявленія душевной дѣятельности, различныя мономаніи, меланхолія, слабоуміе, вообще такъ называемыя душевныя болѣзни.

Признаніе этого важнаго значенія наслѣдственности обнаруживается во множествѣ человѣческихъ учрежденій, какъ, напр., въ кастовомъ раздѣленіи многихъ народовъ на воиновъ, священнослужителей, рабочихъ и т. д. Очевидно, учрежденіе такихъ кастъ первоначально было основано на представленіи о высокой важности наслѣдственнаго превосходства, свойственнаго извѣстной семьѣ и дающаго основаніе предполагать, что оно и впредь будетъ переходить отъ родителей къ дѣтямъ. Учрежденіе наслѣдственнаго дворянства и наслѣдственной монархіи также покоится на представленіи о наслѣдственной передачѣ особыхъ добродѣтелей. Но только, къ сожалѣнію, накопляются и передаются по наслѣдству не только добродѣтели, но и пороки; и если вы обратитесь къ всемірной исторіи и сравните различныхъ индивидовъ отдѣльныхъ династій, то вы найдете огромное число доказательствъ наслѣдственности не столько добродѣтелей, сколько противоположныхъ качествъ. Вспомните, напр., только римскихъ императоровъ, Юліевъ, Клавдіевъ, Бурбоновъ во Франціи, Испаніи, Италіи! Дѣйствительно, едва ли гдѣ-нибудь можно найти такое обиліе яркихъ примѣровъ наслѣдственной передачи тонкихъ тѣлесныхъ и душевныхъ особенностей, какъ въ исторіи царствующихъ домовъ въ наслѣдственной монархіи. Особенно относится это къ упомянутымъ ранѣе въ высокой степени наслѣдственнымъ душевнымъ болѣзнямъ. Уже знаменитый психіатръ Эскироль показалъ, что число душевныхъ болѣзней въ царствующихъ домахъ относится къ числу ихъ въ обыкновенномъ населеніи, какъ 60 къ 1, т.-е., что душевныя болѣзни въ первенствующихъ семействахъ царственныхъ домовъ встрѣчаются въ шестьдесятъ разъ чаще, чѣмъ въ обыкновенномъ человѣчествѣ. Если бы въ такой же степени точная статистика была сдѣлана и для наслѣдственнаго дворянства, то было бы ясно видно, что и послѣднее представляетъ гораздо высшій контингентъ душевныхъ болѣзней, чѣмъ не дворянское человѣчество. Это явленіе едва ли будетъ удивлять насъ, если мы вспомнимъ, какой ущербъ

причиняетъ себѣ большинство такихъ привилегированныхъ кастъ посредствомъ неестественнаго, одностороняяго воспитанія и искусственнаго отдѣленія отъ остальнаго человѣчества. Нѣкоторыя темныя стороны человѣческой природы, благодаря этому, особенно развиваются, такъ сказать, искусственно воспитываются, и съ возрастающею силой и односторонностью распространяются по законамъ наслѣдственности на цѣлый рядъ поколѣній.

Изъ исторіи народовъ намъ достаточно извѣстно, какъ въ рядахъ однѣхъ династій наслѣдственно передается и сохраняется во многихъ поколѣніяхъ благородная любовь къ наукѣ и искусствамъ, въ другихъ— чувство долга добродѣтельной верховной власти, какъ перваго служителя государства, какъ, напротивъ, въ другихъ династіяхъ въ теченіе тысячелѣтій наслѣдуется особенная склонность къ чувственнымъ наслажденіямъ жизнью или къ военнымъ походамъ или грубымъ насиліямъ. Такъ же точно въ нѣкоторыхъ семействахъ въ ряду многихъ поколѣній наслѣдственно передаются дарованія въ области отдѣльной душевной дѣятельности, напр., поэзіи, музыки, живописи, ваянія, математики, естествознанія, философіи и т. д. Въ семействѣ Баха было не менѣе двадцати двухъ выдающихся музыкальныхъ талантовъ. Разумѣется, наслѣдственная передача такихъ душевныхъ способностей, какъ и всякихъ склонностей, покоится только на матеріальномъ процессѣ зарожденія. И здѣсь также этотъ жизненный процессъ, это проявленіе силы непосредственно связано съ различными отношеніями смѣшенія матеріи. Эта смѣсь и молекулярное движеніе матеріи—вотъ, что передается при размноженіи.

Прежде чѣмъ изслѣдовать различные, частью весьма интересные законы наслѣдственности, постараемся понять собственную природу этого процесса. Обыкновенно принято разсматривать явленіе наслѣдственности, какъ нѣчто весьма загадочное, какъ особый чудесный процессъ, не поддающійся обоснованію естественной наукой и непостижимый въ своихъ причинахъ и своей сущности. Еще въ 1876 году физіологъ (!) Гензенъ въ Килѣ считалъ наслѣдственность «таинственнымъ» явленіемъ, которое только «разрушительно внѣдряется» въ науку и которое лучше всего совершенно исключить изъ исторіи развитія. Еще и теперь его объясняютъ вообще сверхъестественнымъ дѣйствіемъ. Но уже при настоящемъ состояніи физіологіи можно съ полной достовѣрностью показать, что всѣ явленія наслѣдственности безусловно естественные процессы, что они вызываются механическими причинами и основаны на матеріальныхъ явленіяхъ движенія въ тѣлѣ организмовъ, совершающихся въ общемъ процессѣ размноженія. Всѣ явленія и законы наслѣдственности могутъ быть сведены къ матеріальнымъ процессамъ *размноженія.*

Каждый отдѣльный организмъ, каждый живой индивидъ своимъ существованіемъ обязанъ или акту воспроизведенія безъ участія родителей, *первичному зарожденію* (generatio spontanea, archigonia), или акту материнскаго зарожденія, *размноженію* (generatio parentalis, tocogonia). Къ первичному зарожденію или архигоніи, при посредствѣ которой могли произойти только организмы простѣйшаго вида, *монеры*, мы перейдемъ въ одной изъ слѣдующихъ лекцій. Теперь же мы займемся только размноженіемъ или токогоніей, ближайшее разсмотрѣніе которой представляетъ величайшую важность для пониманія наслѣдственности. Большинство изъ васъ, по всей вѣроятности, знаетъ только тѣ явленія размноженія, которыя обыкновенно наблюдаются у высшихъ

животныхъ и растеній, т.-е. процессы половаго размноженія или амфигоніи. Гораздо менѣе извѣстны процессы безполаго размноженія или моногоніи. Однако, послѣднее гораздо болѣе перваго способно освѣтить природу наслѣдственности, связанной съ размноженіемъ.

На этомъ основаніи я попытаюсь, прежде всего, разобрать только явленія безполаго или моногеннаго размноженія (моногоніи). Это послѣднее является въ разнообразныхъ формахъ, въ видѣ дѣленія, почкованія, образованія зародышей или споръ. Наиболѣе будетъ поучительно разсмотрѣть сперва размноженіе простѣйшихъ извѣстныхъ намъ организмовъ, къ которымъ намъ впослѣдствіи придется возвратиться въ вопросѣ о первичномъ зарожденіи. Наипростѣйшія изъ извѣстныхъ намъ и въ то же время самые простые организмы изъ мыслимо допустимыхъ суть водяные обитатели, *монеры*, весьма небольшое живое тѣло, строго говоря, совсѣмъ не заслуживающее названія *организма*. Названіе «организмъ» для живыхъ существъ основано на томъ представленіи, что всякое живое тѣло составлено изъ органовъ, изъ разнородныхъ частей, которыя въ качествѣ орудій, подобно различнымъ частямъ искусственной машины, цѣпляютъ другъ друга и, приходя въ совмѣстное дѣйствіе, вызываютъ дѣятельность цѣлаго. Однако, въ *монерахъ* уже тридцать лѣтъ тому назадъ мы увидѣли маленькіе организмы индивиды, въ дѣйствительности состоящіе не изъ органовъ, а изъ совершенно безструктурной, однородной матеріи, изъ гомогенной плазмы. Все тѣло этихъ монеръ въ теченіе ихъ жизни не что иное, какъ движущійся слизистый комокъ, лишенный постоянной формы, небольшой живой кусочекъ бѣлковаго углеродистаго соединенія. Мы принимаемъ, что эта однородная масса обладаетъ весьма тонкой и сложной молекулярной структурой; но ни анатомически, ни микроскопически она не обнаруживается. Болѣепростые, несовершенные организмы не мыслимы.

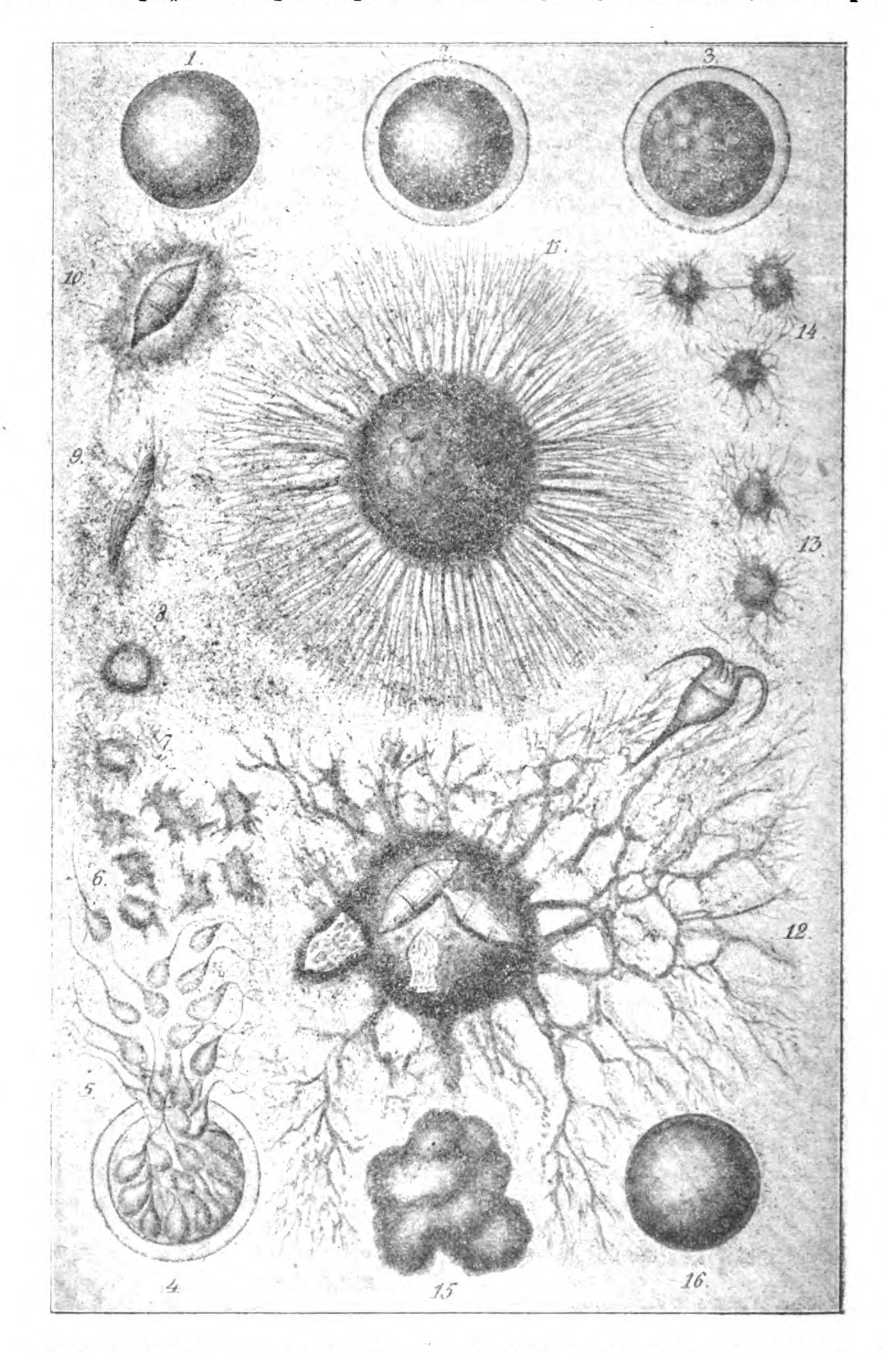
Первыя полныя наблюденія надъ естественной исторіей монеры (protogenes primordialis) произвелъ я въ Ниццѣ (1864). Другіе весьма замѣчательныя монеры я наблюдалъ позже (1866) на Канарскомъ островѣ Ланцаротѣ и въ Гибралтарскомъ проливѣ. Полная исторія жизни одной изъ этихъ канарскихъ монеръ, оранжево красной *protomyxa aurantica* изображена на таблицѣ и описана въ объясненіи ея *). Также въ Сѣверномъ морѣ, на норвежскихъ берегахъ близь Бергена я нашелъ нѣсколько своеобразныхъ монеръ. Интересную монеру южныхъ водъ описалъ Ценковскій подъ именемъ vampyrella, другую Сорокинъ подъ именемъ gloidium, третью Линди, какъ biomyxa, четвертую Мережковскій, какъ haeckelina и т. д. Въ послѣднее время такія безъядерные монеры были наблюдаемы множествомъ другихъ естествоиспытателей (Груберъ, Тринчези, Маджи, Бютчли и др.). Этому многостороннему подтвержденію моего часто возбуждавшаго сомнѣніе открытія я придаю громадную важность, такъ какъ существованіе безъядерныхъ пластидъ представляетъ чрезвычайно высокое значеніе для многихъ основныхъ вопросовъ ученія о развитіи. Тѣло этихъ монеръ на самомъ дѣлѣ дѣлѣ состоитъ исключительно изъ безструктурной *плазмы* или *протоплазмы*, т.-е. изъ того *бѣлковаго углеродистаго соединенія*, которое въ безконечно многообразныхъ видахъ является существеннымъ, никогда не отсутствующимъ носителемъ жизненныхъ явленій во всѣхъ организ-

---

*) Это объясненіе приложено на особомъ листкѣ.

*

махъ. Болѣе подробное описаніе и изображеніе этихъ монеръ я далъ въ моей монографіи монеръ. Вѣроятно, и бактеріи суть настоящія монеры.

Таб. II. Исторія жизни простѣйшаго организма, монеры (protomyxa aurantica). Эта таблица представляетъ копію рисунковъ, помѣщенныхъ въ моей «Монографіи монеръ» (Biologische Studien, I. Heft. 1870) и изображающихъ исторію развитія protomyxa aurantica. Тамъ дано и подробное описаніе этой замѣчательной монеры

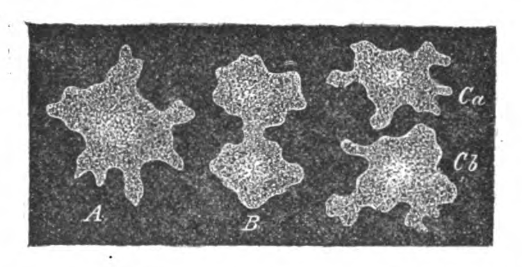
(ст. 11—30). Этотъ простѣйшій организмъ былъ открытъ мною въ январѣ 1867 года во время моего пребыванія на Канарскомъ островѣ Ланцеротѣ; а именно, я нашелъ его приставшимъ и облѣпившимъ бѣлую известковую раковину маленькаго головоногаго (стр. 485) spirula peronii, который въ томъ мѣстѣ въ массѣ плавалъ на поверхности моря, выбрасывавшаго его на берегъ. Protomyxa aurantica отличается отъ остальныхъ монеръ красивой красно-оранжевой окраской всего ея простого тѣла, состоящаго изъ одной только безъядерной плазмы. Вполнѣ развитая монера представлена въ сильно увеличенномъ видѣ на фиг. 11 и 12. Если монера голодна (фиг. 11), то кругомъ на поверхности шарообразнаго слизистаго тѣльца образуются древовидно развѣтвленныя подвижныя слизистыя нити (ложноножки или псевдоподіи). Но когда монера ѣстъ (фиг. 12), то эти слизистыя нити многократно соединяются между собой, образуютъ различнаго рода сѣти и, обвивая служащія для питанія инородныя тѣла, втягиваютъ ихъ внутрь тѣла монеры. Такъ, на фиг. 12 (кверху направо) трехрогая жгутиковая инфузорія (peridinium) поимана вытянутыми слизистыми нитями и втянута въ средину плазматическаго тѣла, содержащаго уже въ себѣ нѣсколько наполовину переваренныхъ инфузорій съ кремневой раковинкой (tintinnoidae) и діатомовыхъ водорослей (isthmien). Если теперь protomyxa вполнѣ насытилась и выросла, она втягиваетъ въ себя свои слизистыя нити (фиг. 15) и съеживается въ шарикъ (фиг. 16 и фиг. 1). Въ этомъ состояніи покоя она выдѣляетъ на поверхности безструктурную студенистую оболочку (фиг. 2) и по истеченіи нѣкотораго времени распадается на значительное число маленькихъ плазматическихъ шариковъ (фиг. 3). Эти споры вскорѣ начинаютъ приходить въ движеніе, принимаютъ грушевидную форму (фиг. 4), пробиваютъ общую оболочку, и при помощи жгутиковъ свободно плаваютъ въ морѣ, подобно жгутиковымъ инфузоріямъ (фиг. 11). Встрѣчая теперь какую-нибудь раковинку (spirula, напр.) или другой подходящій предметъ, онѣ осѣдаютъ на него, вытягиваютъ свои жгутики и, постоянно мѣняя форму ихъ, ползаютъ, какъ протоамебы (фиг. 6, 7, 8). Подобно этимъ послѣднимъ онѣ принимаютъ пищу и достигаютъ размѣровъ взрослаго индивида (фиг. 11, 12) или путемъ простого роста или при помощи взаимнаго сліянія (фиг. 11, 12).

Въ спокойномъ состояніи большинство монеръ принимаетъ видъ маленькаго слизистаго шарика, для невооруженнаго глаза невидимаго или едва видимаго, достигающаго крайнихъ предѣловъ величины булавочной головки. Когда монера движется, то на поверхности маленькаго слизистаго шарика образуются безформенные нитевидные отростки или весьма тонкія лучеобразные нити, такъ называемыя ложноножки или псевдоподіи. Эти ложноножки суть простыя непосредственныя продолженія безструктурной бѣлковой массы, изъ которой состоитъ все тѣло. Мы не въ состояніи замѣтить въ ней разнородныя части и можемъ привести непосредственныя доказательства абсолютной простоты полужидкой бѣлковой массы, благодаря тому обстоятельству, что мы можемъ прослѣдить подъ микроскопомъ принятіе монерой пищи. Если маленькія тѣльца, годныя для питанія ея, напр., маленькія частички разрушенныхъ органическихъ тѣлъ или микроскопическія растенія и наливочныя животныя случайно придутъ въ прикосновеніе съ монерой, то они пристаютъ къ липкой поверхности полужидкаго слизистаго комка, производятъ здѣсь раздраженіе, вызывающее болѣе сильный притокъ сюда слизистой массы и, наконецъ, вполнѣ обволакиваются ею и, толкаемыя отдѣльными частицами тѣла монеры, втягиваются внутрь и здѣсь перевариваются посредствомъ простой диффузіонной вытяжки (эндосмоза).

Насколько просто питаніе, настолько не сложно и *размноженіе* этихъ первичныхъ существъ, которыхъ собственно нельзя назвать ни животными, ни растеніями. Всѣ монеры размножаются исключительно безполымъ путемъ, моногоніей; въ простѣйшемъ случаѣ путемъ того вида расщепленія, которое мы кладемъ въ основу разнообразныхъ формъ размноженія, именно путемъ дѣленія. Если такой комочекъ, напр., протамеба или протогенесъ, достигъ извѣстной величины, благодаря при-

соединенію посторонней бѣлковой матеріи, то онъ распадается на два кусочка; происходитъ отшнуровываніе, которое кольцеобразно обходитъ и, наконецъ, приводитъ къ раздѣленію на двѣ половины (ср. фиг. 1). Каждая половинка тотчасъ округляется и является въ видѣ самостоятельнаго индивида, начинающаго сызнова повтореніе простыхъ жизненныхъ явленій, питанія и размноженія. Въ то время какъ отдѣлившаяся половина путемъ роста постепенно возстановляется, регенерація приводитъ эту часть къ равному значенію цѣлаго. У другихъ монеръ (vampyrella и gloidium) тѣло распадается при размноженіи не на двѣ, а на четыре одинаковыхъ части, а у другихъ (protomonas protomyxa, myxastrum) сразу на большое число маленькихъ слизистыхъ шариковъ, изъ которыхъ каждый путемъ простого роста вскорѣ снова становится подобнымъ родительскому тѣлу (таб. 2). Отсюда ясно, что процессъ *размноженія не что иное, какъ ростъ организма сверхъ своей индивидуальной мѣры.*

Простой способъ размноженія монеръ путемъ дѣленія представляетъ собственно наиболѣе общій и самый распространенный изъ всѣхъ раз-

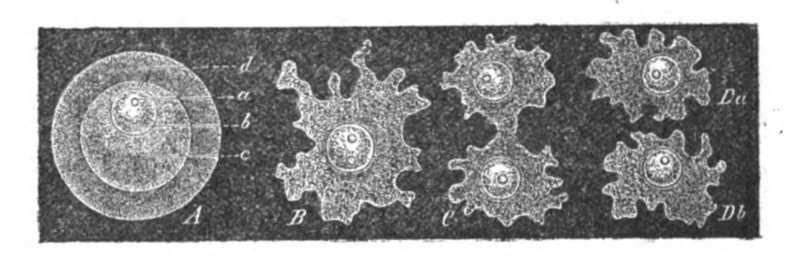
Фиг. 1. Размноженіе простѣйшаго организма, монеры, путемъ дѣленія. *A.* Цѣлая монера, протамеба. *B.* Она же путемъ отшнуровыванія раздѣлилась на двѣ половины. *C.* Каждая изъ обѣихъ половинъ отдѣляется и образуетъ самостоятельный индивидъ.

личныхъ видовъ размноженія; при помощи того же простого процесса дѣленія, размножаются также клѣтки, тѣ простые органическіе индивиды, которые въ весьма большомъ числѣ составляютъ тѣло всевозможныхъ организмовъ, не исключая и человѣческое тѣло. Если не считать организмовъ низшаго порядка, которые не приняли еще типичной формы клѣтки (монеры) или въ теченіе своей жизни представляютъ простую клѣтку (какъ большинство протистовъ), то тѣло всякаго органическаго индивида составлено изъ большого числа клѣтокъ. Каждая органическая клѣтка до нѣкоторой степени самостоятельный, такъ называемый «элементарный организмъ» или «индивидъ перваго порядка». Каждый высшій организмъ представляетъ въ своемъ родѣ общество или государство такихъ многообразныхъ, благодаря раздѣленію труда, различно развитыхъ элементарныхъ индивидовъ. Первоначально всякая органическая клѣтка представляетъ, подобно монерѣ, простой слизистый комокъ, отличающійся отъ нея только тѣмъ, что однородная бѣлковая масса обособилась въ немъ въ двѣ различныя составныя части, внутреннее болѣе твердое бѣлковое зернышко, *клѣточное ядро* (nucleus), и внѣшнее болѣе мягкое бѣлковое тѣло, *клѣточное тѣло* (protoplasma). Кромѣ того, во многихъ клѣткахъ позже образуется еще третья часто, однако, отсутствующая составная часть, внѣшній покровъ, облекающій клѣтку, или *клѣточная оболочка.* Всѣ прочія состав-

ныя части клѣтокъ представляютъ второстепенное значеніе и здѣсь насъ не интересуютъ.

Первоначально также всякій межклѣточный организмъ есть простая клѣтка; онъ обращается въ многоклѣточный благодаря тому, что эта клѣтка размножается при помощи дѣленія, и вновь возникшіе клѣтки—индивиды остаются вмѣстѣ и благодаря раздѣленію труда образуютъ общину или клѣточное государство. Формы и жизненные явленія всѣхъ многоклѣточныхъ организмовъ единственно только дѣйствіе или выраженіе совокупности формъ и жизненныхъ явленій всѣхъ отдѣльныхъ составляющихъ ихъ клѣтокъ. Яйцо, изъ котораго развивается большинство животныхъ и растеній, простая клѣтка.

Одноклѣточные организмы, т. е. тѣ, которые сохраняютъ въ теченіе всей жизни форму одной единственной клѣтки, напр., *амебы* (фиг. 2), обыкновенно размножаются простѣйшимъ образомъ, путемъ дѣленія. Этотъ процессъ отличается отъ вышеописаннаго дѣленія монеръ только тѣмъ, что сперва образуется изъ болѣе твердаго клѣточнаго ядра (nucleus) два ядра. Оба молодыя ядра удаляются другъ отъ

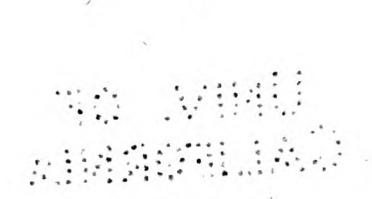

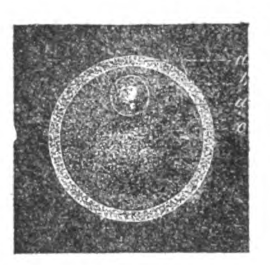
Фиг. 2. Размноженіе дѣленіемъ одноклѣточнаго организма, amoeba sphaerococcus. *A.* Капсулированная амеба, простая шарообразная клѣтка, состоящая изъ комка протоплазмы (c), которая заключаетъ ядро (b) и ядрышко (a) и окружена оболочкой или капсулой. *B.* Свободная амеба вылѣзшая и оставившая свою оболочку. *C.* Она же начинаетъ дѣлиться, ея ядро распалось на два ядра, и клѣточное тѣло между ними отшнуровывается. *D.* Дѣленіе окончено, клѣточное тѣло вполнѣ распалось на двѣ части. (D a и D b).

друга и дѣйствуютъ на окружающую болѣе легкую бѣлковую массу (протоплазму), какъ двѣ различныхъ срединныхъ точки притяженія. Благодаря этому и все тѣло распадается на двѣ половины и, такимъ образомъ, возникаютъ двѣ новыхъ клѣтки, подобныхъ материнской клѣткѣ. Если клѣтка была окружена оболочкой, то она или не подвергается дѣленію, какъ при дробленіи (фиг. 3, 4), или пассивно слѣдуетъ за активнымъ отшнуровываніемъ протоплазмы, или каждой молодой клѣткой выдѣляется новая оболочка.

Совершенно такъ, какъ самостоятельные одноклѣточные организмы, напр., амебы, размножаются и не самостоятельныя клѣтки, соединенныя въ общину или государство и составляющія тѣло высшихъ организмовъ. Такъ же точно, путемъ простаго дѣленія, увеличивается и та клѣтка, съ которой большинство животныхъ и растеній начинаетъ свое индивидуальное существованіе, именно яйцо. Если изъ одного яйца развивается животное, напр., млекопитающее (фиг. 3, 4), то этотъ процессъ начинается съ того, что яйцеклѣтка путемъ продолжительнаго дѣленія образуетъ кучу клѣтокъ (фиг. 4). Внѣшняя оболочка шарообразнаго яйца остается нераздѣленной. Послѣ оплодо-

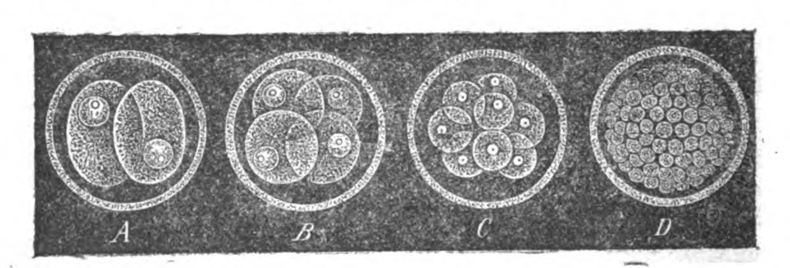
творенія сперва клѣточное ядро путемъ дѣленія распадается на два ядра, затѣмъ слѣдуетъ (фиг. 4 *A*) клѣточное тѣло (желтокъ яйца). Подобнымъ образомъ, путемъ продолжительнаго дѣленія распадаются двѣ клѣтки на четыре (фиг. 43); эти на восемь (фиг. 4 *C*), шестнадцать, тридцать двѣ и т. д., и, наконецъ, возникаетъ шарообразное скопленіе многочисленныхъ маленькихъ клѣтокъ, (фиг. 4 *D*). Послѣдніе путемъ дальнѣйшаго размноженія и неравномѣрнаго развитія (раздѣле-

Фиг. 3. Яйцо млекопитающаго (простая клѣтка), *a* ядрышко или nucleolus (такъ называемое зародышевое пятнышко яйца); b ядро или nucleus (такъ называемый зародышевый пузырекъ яйца); *C* клѣточное тѣло или протоплазма (такъ называемый желтокъ яица); клѣточная оболочка или membrana (желточная оболочка) яйца, у млекопитающаго вслѣдствіе своей прозрачности она названа membrana pellucida.

ніе труда) постепенно образуютъ сложный многоклѣточный организмъ. Каждый изъ насъ въ началѣ своего индивидуальнаго развитія прошелъ изображенный на фиг. 4 процессъ. Представленное на фиг. 3 яйцо млекопитающаго и изображенное на фиг. 4 развитіе его относится такъ же къ человѣку, какъ и къ обезьянѣ, собакѣ, лошади или ко всякому другому плацентарному млекопитающему.

Фиг. 4. Начало развитія яйца млекопитающаго, такъ называемое «дробленіе» (размноженіе яйцевой клѣтки повторнымъ дѣленіемъ), фиг. 4 *A*. Яйцо раздѣлено первой бороздой на двѣ клѣтки. Фиг. 4 *B*. Диски путемъ дѣленія на двое распадаются на 4 клѣтки. Фиг. 4 *C*. Эти послѣднія распадаются на 8 клѣтокъ. Фиг. 4 *D*. Благодаря частому дѣленію возникаетъ шаробразная куча многочисленныхъ клѣтокъ (morula).

Если вы взглянете только на эту правильную форму размноженія, дѣленія, то вы не найдете ничего удивительнаго въ томъ, что продукты дѣленія первоначальнаго организма обладаютъ такими же свойствами, какъ и материнскій индивидъ. Они вѣдь половинки материнскаго организма и, такъ какъ матерія, вещество плазмы, въ обѣихъ половинахъ одно и то же, такъ какъ оба молодые индивиды получили совершенно одинаковаго свойства матерію, то естественно, и жизненныя явленія, физіологическія свойства одни и тѣ же въ обоихъ дѣ-

стр.

корреспондента. — Рабочіе на нефтяныхъ заводахъ и промыслахъ. — Открытіе женскихъ сельскохозяйственныхъ курсовъ въ Москвѣ. — Окраинныя юридическія консультаціи въ Петербургѣ. 20

18. КАРТИНА КУСТАРНАГО ПРОИЗВОДСТВА ВЪ СЕЛѢ ЧЕРКИЗОВѢ, МОСКОВСКАГО УѢЗДА. (Личныя наблюденія). П. Бѣлова 30

19. Изъ русскихъ журналовъ. «Вѣстникъ Европы». — «Русская Мысль».—«Русское Богатство».—«Историческій Вѣстникъ». . 35

20. За границей. Законъ Гейнце, Гётевскій союзъ (Goethe Bund) и другія событія германской общественной жизни. — Театръ мистерій въ Обераммергау.—Общество помощи рыбакамъ.— Уступка требованіямъ времени въ Австріи. — Оомъ Поль.— Неудачный кандидатъ. 45

21. Изъ иностранныхъ журналовъ. «The Forum».—«Nineteenth Century».—«Nuova Antologia».—«Revue des Revues». 58

22. ПОТРЕБИТЕЛЬНЫЯ ОБЩЕСТВА ВЪ БЕЛЬГІИ. В. Тотоміанца. 63

23. НАЦІОНАЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ ВЪ ШВЕЙЦАРІИ. Г. Касперовичъ. 72

24. НАУЧНАЯ ХРОНИКА. Медицина. Новыя попытки лѣченія туберкулеза. — Зоологія. Пауки, живущіе въ сообществѣ. — Физіологія. Механизмъ старости и смерти нервныхъ клѣтокъ.— Ботаника. О вліяніи свѣта на растенія. Д. Н. — Географія и путешествія. 1) О гулѣ при землетрясеніяхъ. 2) Первое путешествіе черезъ всю Африку съ юга на сѣверъ. — Техника. 1) Экономическій способъ сжиженія воздуха. 2) «Центробѣжная» желѣзная дорога. Н. М. — Астрономическія извѣстія. К. Покровскаго. 76

25. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Критика и исторія литературы.—Публицистика. — Юридическія науки. — Соціологія. — Философія и психологія. — Естествознаніе. — Народныя изданія. — Новыя книги, поступившія въ редакцію. 91

26. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. 120

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

27. ЭЛЕОНОРА. Романъ миссисъ Гёмфри Уордъ. Перев. съ англ. 71

28. УМСТВЕННЫЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЯ ТЕЧЕНІЯ ДЕВЯТНАДЦАТАГО СТОЛѢТІЯ. Теобальда Циглера. Перев. съ нѣм. подъ редакціей П. Милюкова. 105

29. ТРАНСФОРМИЗМЪ И ДАРВИНИЗМЪ Эрнста Геккеля. Переводъ съ девятаго нѣмецкаго изданія В. Вихерскаго 95

„МІРЪ БОЖІЙ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

(25 листовъ)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

для

САМООБРАЗОВАНІЯ.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ и редакціи: Лиговка, д. 25—8, кв. 5 и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Въ Москвѣ: въ отдѣленіяхъ конторы—въ конторѣ *Печковской,* Петровскія линіи и книжномъ магазинѣ Карбасникова, Кузнецкій мостъ, д. Коха.

1) *Рукописи,* присылаемыя въ редакцію, должны быть *четко переписаны* снабжены подписью автора и его адресомъ, а также и указаніемъ размѣра платы, какую авторъ желаетъ получить за свою статью. Въ противномъ случаѣ размѣръ платы назначается самой редакціей.

2) Непринятыя мелкія рукописи и стихотворенія не возвращаются, и по поводу ихъ редакція ни въ какія объясненія не вступаетъ.

3) Принятыя статьи, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются, непринятыя же сохраняются въ теченіе полугода и возвращаются по почтѣ только по уплатѣ почтоваго расхода деньгами или марками.

4) *Лица,* адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, для полученія отвѣта, прилагаютъ семикопѣечную марку.

5) Жалобы на неполученіе какого-либо № журнала присылаются въ редакцію *не позже двухъ-недѣльнаго срока* съ обозначеніемъ № адреса.

6) ***Иногороднихъ просятъ обращаться исключительно въ контору редакціи.*** Только въ такомъ случаѣ редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала.

7) При переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородные доплачивается 80 копѣекъ; изъ иногородныхъ въ городскіе 40 копѣекъ; при перемѣнѣ адреса за адресъ того-же разряда 14 копѣекъ.

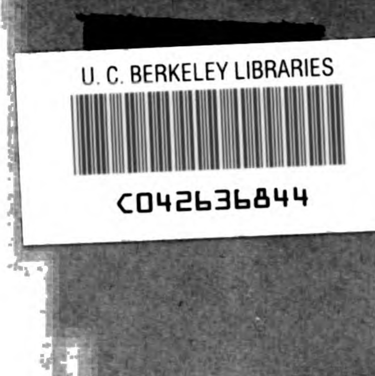
8) Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ 40 коп. съ каждаго годового экземпляра.

Контора редакціи открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 11 ч. утра до 4 ч. пополудни. Личныя объясненія *съ редакторомъ по вторникамъ*, отъ 2 до 4 час., *кромѣ праздничныхъ дней.*

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ съ доставкой и пересылкой въ Россіи 8 руб., безъ доставки 7 руб., за границу 10 руб. Адресъ: С.-Петербургъ, Лиговка, 25.

Издательница А. Давыдова. Редактоъ Викторъ Острогорскій.

U. C. BERKELEY LIBRARIES
C042636844

